Дмитрий
Галковский

Бесконечный тупик

Дмитрий Галковский

Бесконечный тупик

Предисловие к первому изданию

«Бесконечный тупик» я закончил в 1988 году. В начале 90-х отрывки из этого произведения публиковались в более чем двадцати периодических изданиях, в том числе в «Новом мире», «Смене», «Континенте», «Нашем современнике», «Литературной газете», «Независимой газете», «Москве» и т. д. Одновременно в советской прессе против меня поднялась кампания травли. «Бесконечный тупик» категорически отказались печатать десятки издательств. Характерно, что сначала все они обращались ко мне с предложением сотрудничества, а потом всё шло по одной и той же схеме — несколько месяцев проволочек и окончательный вердикт: «Не это нужно нашему народу, потому что это нашему народу не нужно». Кампания травли шла «крещендо» и после последовательного обвинения в графомании, невежестве, антисемитизме, русофобии, хамстве и плагиате дошла, наконец, до степеней неслыханных, вплоть до обвинений в… порнографии!!! Кажется, никто из писателей не подвергался столь последовательному и «разнонаправленному» остракизму даже в годы застоя, особенно если учесть, что эмигрантские средства массовой информации действовали в моём случае в полном единодушии с внутрисоветскими. Постепенно я понял, что публикация фрагментов из моей книги делалась советскими редакторами большей частью специально, чтобы посмеяться. Тогда я отказался вообще от какого-либо сотрудничества с советской прессой и решил издавать все свои произведения методом «самиздата». Надо сказать, что «Бесконечный тупик» и начал в своё время публиковаться как самиздатское произведение. Его полный текст с конца 80-х годов ходил по рукам в машинописном виде и ксерокопиях. Я сам сделал около сорока экземпляров, как минимум столько же — сделали читатели. Кроме «столиц» копии моей книги встречались в Ростове-на-Дону, Новосибирске, Воронеже и других городах России. За рубежом, насколько я знаю, ксерокопии «Бесконечного тупика» есть в Париже и Токио. Но всё это, конечно, как по качеству, так и по количеству экземпляров не является полноценной публикацией. Типографским способом «Бесконечный тупик» публикуется впервые. И для меня лично, как автора, выход книги в свет осуществляется только сейчас.

Моя книга на самом деле называется «Примечания к „Беско-

нечному тупику“» и состоит из 949 «примечаний» к небольшому первоначальному тексту. Ввиду того, что «основной текст» не имеет самостоятельного значения, он вынесен мною за рамки настоящего издания. (Интересующиеся читатели могут его прочесть в 81-м номере журнала «Континент» за 1995 г.)

Каждое из 949 «примечаний» книги представляет собой достаточно законченное размышление по тому или иному поводу. Размер «примечаний» колеблется от афоризма до небольшой статьи. Вместе с тем «Бесконечный тупик» является всё же не сборником, а цельным произведением с определённым сюжетом и смысловой последовательностью. Это философский роман, посвящённый истории русской культуры XIX–XX вв., а также судьбе «русской личности» — слабой и несчастной, но всё же СУЩЕСТВУЮЩЕЙ.

Структура «Бесконечного тупика» достаточно сложна. Большинство «примечаний» являются комментариями к другим «примечаниям», то есть представляют собой «примечания к примечаниям», «примечания к примечаниям примечаний» и т. д. Для удобства читателей публикуется соответствующий указатель, помещённый в конце книги, а также схема, напечатанная в виде вкладки.

Предисловие ко второму изданию

В этом издании исправлены замеченные опечатки, а также добавлен именной указатель. Также наконец напечатана вкладка-схема.

Первое издание — 500 нумерованных экземпляров — вышло в свет в марте 1997 года и было распродано к декабрю. Советская интеллигенция, увидев, что её план «литературного умертвия» не удался, решила меня облагодетельствовать присуждением какой-то издевательской («Антибукеровской») премии. План был по-советски прост: заткнуть рот денежной подачкой и тем самым, с одной стороны, дискредитировать автора в глазах его читателей, представить обычным членом сообщества советских пропагандистов, а с другой стороны — избавиться от несмываемого позора девятилетней травли беззащитного человека. Премию советским благополучно вернули назад, по поводу чего было сделано соответствующее заявление (в «Независимой газете» от 14 января и «Русской мысли» от 21 января 1998 г.).

Первое издание было акцией заведомо некоммерческой. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить Александра Паникина и Андрея Хлуса, пожертвовавших на «Бесконечный тупик» по 3000 долларов. Если бы не помощь этих людей, я не издал бы свою книгу до сих пор. Хотел бы также помянуть добрым словом Александра Рудницкого и Максима Листовского, которые ещё раньше, в начале 90-х выделили на издание по 1200 долларов. Этой суммы было недостаточно даже для символического тиража, но на полученные деньги я смог сделать оригинал-макет, да и просто некоторое время «жить».

Выражаю также большую признательность всем, купившим «Бесконечный тупик» по «коммерческой цене» в 100 долларов. Вот имена этих людей: Сергей Обогуев, Дмитрий Попов (купил 4 экз.), Дроздов, Владимир Фролов, Александр Бовин, Александр Нечипуренко, Анатолий Иголкин, Сергей Мирошников. Эти люди сделали существенный вклад в финансирование проекта и тем самым помогли не только мне, но и вам, читателям второго издания.

И конечно благодарю от всего сердца милую Валю Листовскую, бескорыстно проделавшую огромный труд по корректуре «Бесконечного тупика».

Если уж зашла речь, выражаю также чувство глубочайшего презрения советским литераторам, всем этим золотусским, баткинам, морицам, наврозовым, немзерам и тутти кванти, которые в своём социальном самодовольстве не только не шевельнули пальцем, чтобы помочь своему коллеге, но сделали довольно много, чтобы «Бесконечный тупик» никогда не попал в руки читателей, а я оказался на социальном дне и погиб. Эти люди травили молодого писателя только за то, что он, будучи чужд по своему происхождению и воспитанию касте советских литераторов, осмелился писать не от имени и по поручению той или иной литературной группировки, а «от себя». Делали они это не по принуждению коммунистического режима, а совершенно добровольно и бескорыстно, так сказать, «по зову сердца». Ну, что ж, «по труду и честь».

Предисловие к третьему изданию

В этом издании впервые под одной обложкой собраны все три части «Бесконечного тупика».

Второе издание моей книги вышло в свет благодаря помощи американского филолога Евы Адлер. Будучи небогатым человеком, она по собственной инициативе дала на издание 10 000 долларов, потратив деньги своего пенсионного фонда. Несколько месяцев назад Ева умерла от рака. В конце (см. Приложение № 3) я публикую два отрывка из её писем.

В 2000 году я снова стал печататься в российской прессе. В Псковской областной типографии, благодаря расположению местного губернатора, мне удалось издать несколько книг. В других местах меня печатать отказались. Поскольку в конце 2004 года псковский губернатор покинул свой пост, я решил основать собственное издательство. Ничего хорошего в этом нет, я писатель, а не издатель, издательское дело мне не нравится. Но это единственная возможность пробиться к читателю в предложенных мне условиях.

В ближайшее время я планирую издать ещё несколько книг. Если у кого-то есть желание и возможность помочь работе издательства, прошу писать по адресу samisdat@aha.ru.

Предисловие к четвёртому изданию

«Бесконечный тупик» был издан в 1997 году тиражом в 500 экз. Через год книга была переиздана тиражом 2000 экз. В 2007 году вышло третье издание — в 5000 экз. Сейчас, в 2020 году книга издается четвертым изданием. Её тираж 2000 экз.

Во втором издании была впервые опубликована схема примечаний и именной указатель. В третьем издании в виде приложения были опубликованы «первая и вторая части», то есть статья о Розанове, с которой начался «Тупик», и «основной текст», к которому затем было написано 949 примечаний.

Одновременно по техническим причинам из текста третьего издания выпало опубликованное ранее послесловие «Прошло девять лет».

Сейчас это послесловие публикуется вновь, и кроме того публикуется новое послесловие — «…и еще 23 года». В остальном текст идентичен изданию 2007 года.

Первое и второе издание было опубликовано на личные средства и пожертвования читателей методом «самиздата». Третье издание издано официально, но, опять же, моим частным издательством. Настоящие издание публикуется таким же образом при участии издательства книжного магазина «Циолковский». Все работы этого издательства оплачены мною. Таким образом, «Бесконечный тупик», оконченный в 1988 году, за последующее тридцать лет не смог найти своего издателя ни в России, ни за рубежом. Со временем это начнут оправдывать разными причинами, всё это будет ложью. Истинная причина указана в «…и еще 23 года» на стр. 1079 второго тома.

Бесконечный тупик

посвящаю Отцу

1

Следующее →

1. Примечание к с. 2 «Бесконечного тупика»

Пишущий о Розанове постоянно находится перед соблазном двух крайностей: крайности «отстранения» и крайности «растворения». (к цитате)

Что ж, начало в высшей степени классическое. Это классическая «гегелевская триада». Есть некий сакральный текст — Розанов. Имеются и определённые толкования этого текста. Толкования эти — неправильные. Часть их — еретически уклоняется в опасное мудрствование и непозволительные новшества. Другая часть — начётнически подходит к животворному источнику и догматически подменяет дух учения его буквой. Нам же необходимо отказаться от этих пагубных соблазнов и дать каноническое решение «розановского вопроса».

Итак, начало «Бесконечного тупика», повторяю, классическое. Зато продолжение — экстравагантное. В процессе изложения выясняется, что автор постоянно рвёт «паутину розановщины», но всё же не вырывается из неё, а, чувствуя пустоту «отстранения», сразу же испуганно зарывается в обрывки розановских мыслей, их лоскутки, и в них как-то теряется, запутывается, «растворяется». Изложение превращается в ряд последовательно сменяющихся «отстранений» и «растворений». Отличие от предыдущих исследователей Розанова тут только в том, что я иду на эти отстранения и растворения почти сознательно, с заведомым ожиданием неизбежных срывов и просчётов. Ведь иначе нельзя, выхода нет. Мы, как сказал сам Розанов, не можем вырваться из-под власти национального рока. Национальность — это и есть «бесконечный тупик». Мучительность Розанова в его абсолютной национальности, а следовательно — в безмерности. Либо его опыт для вас объективен и тогда возможен формальный, но бессодержательный анализ, либо он субъективен и тогда платой за содержание будет самовыворачивание. Последнее уводит от Розанова, Розанов подменяется вами. Но я хочу говорить о Розанове, а не о себе, в нём, в его идеальной актуализации национального опыта разгадка и моего «я». Тогда маятник качается снова в сторону «отстранения» — попытки выскочить за край национального мира. Но человек при этом выскакивает

и за пределы своего «я». И почувствовав это — снова хватается за ускользающую реальность «Уединённого». Это качание реальности (субъективация — обезличивание) мучительно. Розанов — такой близкий, родной — ускользает. «Обознатушки-перепрятушки».

2

← Предыдущее, следующее →

2. Примечание к с. 3 «Бесконечного тупика»

«Розанов всю жизнь шарил в мягкой пустоте, стараясь нащупать, где же стены русской культуры» (О. Мандельштам). (к цитате)

Тут Мандельштам совершенно прав. Он точно уловил слабинку. У каждой нации должна быть рациональная сказка, охватывающая плотным кольцом все стороны быта и изгибающая их по направлению к центральному мифу. Именно у евреев, при первобытной наивности центральной мифологемы, есть очень прочная, крепкая сказка — талмудическая ограда. У русских никакой ограды не было. Отсюда ущербная беззащитность русской культуры.

Розанов никогда никого не спасал, никого не учил и не воспитывал. Но именно ему, как-то походя, незаметно, удалось построить ограду. Ему единственному. Славянофилы разлетелись в слезливом прекраснодушии, Леонтьев прочертил носком сапога верно, но слишком крикливо и оригинально, слишком сердито и неоконченно. Не закруглённо. Что не удалось Леонтьеву, декадентствующему славянофилу, то не далось и славянофильствующим декадентам вроде Мережковского. А Розанов дал Домострой XX века (3). Правда, ему было неинтересно его развивать — чувствовал ненужность. Тогда. А вот я подниму. Мне нужно было высветлить реальность новой сказкой, новой актуализацией русского мифа. И я искал для этого наиболее здоровую основу. И нашёл её в Розанове. В нем гармонизируется и наполняется смыслом наше бытие.

Это не совсем ясно, но постепенно слова нальются соком смысла.

3

← Предыдущее, следующее →

3. Примечание к № 2
Розанов дал Домострой XX века. (к цитате)

Он писал:

«В собственной душе я хожу как в саду Божьем. И рассматриваю, что в ней растёт, с какой-то отчуждённостью. Самой душе своей — я чужой. Кто же я? Мне только ясно, что много „я“ в „я“ и опять в „я“. И самое внутреннее смотрит на остальное с задумчивостью и без участия».

Судьба Розанова — это пример и опыт максимального осуществления русской личности и способ её существования в мире: распускания, но не погашения в окружающем ничто. Он распустил свой логос, и тот повис в реальности гигантской паутиной национального мифа. Дешифровать его, разъять извне нельзя, но можно воспроизвести изнутри, повторить расово идентичный опыт.

Эта книга, имеющая трёхпорядковую структуру, и является такой попыткой, а следовательно, и попыткой создания вывернутого, специально приспособленного для восприятия другими внутреннего мира. Мир этот принадлежит некоему конкретному человеку, со всеми его слабостями и комплексами, и одновременно — безмерному вневременному логосу. Далее в тексте своё личностное начало я буду именовать «Одиноковым».

Опыт свободного ассоциативного мышления по отношению к творчеству Розанова вторичен и поэтому обладает рядом особенностей: сжатостью во времени, большей пространственной плавностью и мягкостью, а главное, гораздо большей рациональностью. Рациональность эта заключается прежде всего во вторичном упорядочении ассоциаций и создании максимально плотной смысловой переплетённости, порождающей антропоморфность фантазий (то есть явный мифологизм). Текст превращается в личность или, точнее, в целую группу личностей, находящихся в драматическом взаимодействии. Иными словами, в отличие от Розанова миф Одинокова гораздо более порождён, то есть более приемлем и адаптирован к восприятию.

Конкретно рационализация свободного мышления достигает-

ся трояким образом. Во-первых, фиксацией темы (II частью «Бесконечного тупика» и собственно произведениями Розанова). Во-вторых, фиксацией схемы ассоциаций (см. схему в конце книги). И в-третьих, фиксацией ассоциативных полей (см. тематические и именные указатели).

4

← Предыдущее, следующее →

4. Примечание к с. 6 «Бесконечного тупика»
мысль, изречённая по-русски, — иррациональна (к цитате)

Может показаться, что особенности русского мышления — кругообразность, спохватываемость (судорожное и внезапное оправдание), оборачиваемость, сбываемость, заглушечность и т. д. — есть просто следствие неразвитости вербального бытия, и таким образом все эти свойства вполне выразимы в терминах формальной логики — как названия логических ошибок. Но по сути это будет неверно, так как речь идёт совсем о другом — не о формальной, а о содержательной (субъективной) логике. Функционирование формальной логики определяется правилами и аксиомами, механизм же содержательной логики определяется субъективными задачами психики данного индивидуума. Действительно, при помощи ряда логических операций можно формализовать технологию национального мышления, но что определяет саму эту форму, например, интенсивность и субъективную потребность в постоянном и немотивированном оправдании? Что определяет тональность и изгиб именно этих, а не иных форм оправдания?

5

← Предыдущее, следующее →

5. Примечание к с. 8 «Бесконечного тупика»
язык, где смещены сами понятия добра и зла (к цитате)

То есть «зло» это добро, а «добро» — зло. Что изменилось? Понять ничего нельзя. Вл. Соловьёв написал «Оправдание добра». Но выше и глубже добра ничего нет, и, следовательно, оправдывать, защищать его нечем. Взять теократическую утопию Соловьёва, изложенную в том же «Оправдании», да и поменять там добро и зло местами. То есть заполнить пустые формы теократии противоположным смыслом. И ничего не изменится. Сам текст останется совершенно тем же, но прочитываться будет «по-новоязовски». Следовательно, добро и зло это конвенция. Изменена конвенция, названо зло добром, а добро — злом, и всё, и конец. Ничего не докажешь.

6

← Предыдущее, следующее →

6. Примечание к с. 9 «Бесконечного тупика»

«Пятаков писал: „Хорошо, что органы НКВД разоблачили эту банду“... Правильно, подсудимый Пятаков, хорошо» (А.Я. Вышинский). (к цитате)

Это злорадная переворачиваемость русского языка и русской истории. Русский язык — оборотень (9). Его оборачиваемость — это оборачиваемость ловушки для глухарей. На крышку накрошен вкусный пряник, но стоит только сесть на краешек, как крышка с пугающей лёгкостью переворачивается и светлый простор превращается в тёмную коробку, в невесомость несомости на кухню и довольное хихиканье, слышимое сквозь последний мрак.

В вологодской ссылке философ-марксист Богданов, будучи психиатром по профессии, все выспрашивал у Бердяева о его здоровье, самочувствии и т. д. Богданову казалось, что склонность к идеалистической философии есть симптом психического расстройства. Англичанину или французу такая наивность, может быть, и сошла бы с рук. Но Россия — это страна, где всё сбывается, всё договаривается до конца и получает нелепо элементарное завершение. Впоследствии Богданов сошёл с ума и попал в психиатрическую больницу. Но этим его история не кончается. Поскольку Россия — это страна, где всё сбывается, причём сбывается с переворачивающейся злорадностью, постольку Богданову удалось осуществить и шизофренический бред своего больного воображения. Он стал в советское время директором Института переливания крови, стратегической целью которого было дело оживления всего человечества (и для начала, как первый этап, — умерших вождей). Для этого в институте ставились садистские опыты по прямому переливанию детской крови. По имеющимся сведениям, сам Богданов и умер от сеанса таких переливаний.

Вдумаемся в идеальное злорадство и идеальную лёгкость этой судьбы. Вдумаемся и вообще в судьбу русских фантазий, где «Сон» упорно превращается в «Нос».

«Философия и шпионаж, философия и вредительство, филосо-

фия и убийство — как гений и злодейство — две вещи несовместные! (21) *Я не знаю других примеров — это первый в истории пример того, как шпион и убийца орудует философией как толчёным стеклом, чтобы запорошить своей жертве глаза перед тем, как размозжить ей голову разбойничьим кистенём!»*

Сказано это о другом большевике, о Николае Бухарине. Но не нужно недооценивать возможностей нашего языка. Фраза о «гении и злодействе» произнесена все тем же тов. Вышинским, в обвинительной речи на последнем московском процессе.

Зачем же это нужно было договаривать, какой неслыханный замысел предопределяет эту хрестоматийную разжёванность исторических событий, когда подлец перед смертью должен ещё отчётливо крикнуть в зрительный зал: «Я — подлец», — так, чтобы и дураку всё ясно было?

Набоков сказал, что всем сознательным действиям советской власти присущ оттенок басенной морали. В самом деле, до какой элементарной назидательности должна была дойти отечественная история, чтобы на том же процессе тот же Вышинский зачитал приговор не только своим товарищам по партии, но и самому себе:

«Как видно из акта, находящегося в томе 6 на листе дела 17, при аресте Розенгольца у него был обнаружен в заднем кармане брюк зашитый в материю маленький кусочек сухого хлеба, завёрнутый в отрывок газеты, и в этом кусочке хлеба листок с рукописной записью, который оказался при осмотре записью молитвы. Я хочу просить суд разрешить мне огласить некоторые места этого текста так называемой молитвы и просить Розенгольца дать по этому поводу свои объяснения. Вот этот текст: „Да воскреснет Бог и расточатся врази Его и да бежит от лица Его всё ненавидящее Его, яко исчезает дым да исчезнет, яко тает воск от лица огня, тако да погибнут бесы от лица любящих Бога“…»

Русская история любит договаривать. До конца. Носители идеи отрицания идей сами себя отрекли (и отреклись перед смертью). Сами старательно себя разоблачили и убили. И на последнем процессе, заканчивающим ПРОЦЕСС, прочли сами себе отходную. Невероятно! Само собой, «естественным подбором» этого получиться не могло.

Набоков писал о «художественной совести» природы, которая,

«не довольствуясь тем, что из сложенной бабочки каллимы делает удивительное подобие сухого листа с жилками и стебельком, кроме того, на этом „осеннем“ крыле прибавляет сверхштатное воспроизведение тех дырочек, которые проедают именно

в таких листьях жучьи личинки».

И далее Набоков заметил:

«„Естественный подбор“ в грубом смысле Дарвина не может служить объяснением постоянно встречающегося математически невероятного совпадения хотя бы только трёх факторов подражания в одном существе — формы, окраски и поведения (т.е. костюма, грима и мимики); с другой же стороны, и „борьба за существование“ ни при чём, так как подчас защитная уловка доведена до такой точки художественной изощрённости, которая находится далеко за пределами того, что способен оценить мозг гипотетического врага — птицы, что ли, или ящерицы: обманывать, значит, некого, кроме разве начинающего натуралиста».

По крайней мере некоторым звеньям природы присущ эстетизм. Русской истории эстетизм присущ в высшей степени. Даже в период краха, распада. Это эстетизм и артистизм, что Вышинский сказал, точнее, проговорился тогда (для кого, он сам не знал).

Такой же эстетизм характерен и для индивидуальной, частной судьбы русского человека, этой, по выражению Розанова, «ерунды с художеством».

Мой отец тоже был типичной «ерундой с художеством». Даже в постепенном пьяном распаде его личности был какой-то артистизм.

Однажды, мне было тогда лет девять, на улице сказали: «Одиноков, иди, там за домом твой отец пьяный на санках катается». Было яркое мартовское воскресенье. За домом растаял каток. Когда я прибежал туда, то увидел следующую картину: отец сидел на коленях на санках и, отталкиваясь лыжными палками, катался по растаявшему катку. При этом он пел арии на итальянском языке. Голос у него тогда хотя и был уже испорчен, но всё равно было и достаточно громко, и ясна основная мысль. Вдоль ограждения стояла толпа зевак. Почему-то моё первое впечатление было, что ему ноги трамваем отрезало и он, как юродивый, ковыляет на инвалидной тележке. Схема движений была удивительно схожа. Я бросился его спасать — папочка! папочка! Воды было на катке по щиколотку, я моментально промок, а отец истерически хохотал, пел песни, вода волнами расходилась от санок. Ему было хорошо. Наконец, увидав меня, он стал кричать, чтобы я «моментально вышел из воды» — тема заботы (потом я месяц болел).

Тогдашнее мартовское пение отца — это тоже завязка тяжеловесной и нудно-нравоучительной русской басни (22).

7

← Предыдущее, следующее →

7. Примечание к с. 11 «Бесконечного тупика»

Из Руси молчаливой возникла великая русская литература. (к цитате)

В русской культуре есть дар молчания, но нет дара умолчания. Русский человек не может вовремя остановиться (10) и начинает выговариваться. Этот процесс выговаривания блестяще изображён в «Записках из подполья». М. Бахтин так говорит об их герое (рассматривая, впрочем, его не как расовый, а как литературный тип):

«„Человек из подполья“ ведёт такой же безысходный диалог с самим собой, какой он ведёт и с другим. Он не может до конца слиться с самим собою в единый монологический голос, всецело оставив чужой голос вне себя, каков бы он ни был, без лазейки, ибо … его голос должен также нести функцию замещения другого. Договориться с собой он не может, но и кончить говорить с собою тоже не может. Стиль его слова о себе органически чужд точке, чужд завершению, как в отдельных моментах, так и в целом. Это стиль внутренне бесконечной речи, которая может быть, правда, механически оборвана, но не может быть органически закончена».

Не в силах оборвать свою речь, русский, раз начав говорить, говорит до конца — это поток слов, доходящий в конце концов до истощающего саморазрушения. Если с этой точки зрения посмотреть на «Бесконечный тупик» (основной текст), то его можно представить как своеобразную филологическую катастрофу. В начале изложение ведётся сухо и отстранённо, но постепенно оно начинает прерываться всё более учащающимися вставками, имеющими чисто субъективное значение и поэтому совершенно стилистически не оправданными. В результате происходит разрушение ткани повествования и даже некоторая деструкция основной идеи.

Всё это является конкретным проявлением чувства вины. Чувство вины, направленное на себя, то есть не просто оправдывание, а самооправдывание, — это и есть причина «внутренне бесконечной речи», проговаривающейся речи, того, что можно

назвать «редукцией» — передачей разрушительной энергии оправдания самому себе, самозамыкание на оправдании и, может быть, погашение личности, по крайней мере для чужого сознания (вид идеологической мимикрии).

Отсюда понятен несчастный характер русского «я». Оправдываясь, русский всегда хватается за наиболее слабые и болезненные части своего мира и говорит не что думает, а то, что о нём думают (якобы) другие, чтобы эти «другие» о нём так не думали. Это кривое самосознание приводит к потере ориентации в объективном мире, так что русский как мотылёк летит на горящую свечу и Порфирию Петровичу остаётся только смеяться в лицо своей жертве:

«Видали бабочку перед свечкой? Ну, так вот он всё будет, всё будет около меня, как около свечки, кружиться; свобода не мила станет, станет задумываться, запутываться, сам себя кругом запутает, как в сетях, затревожит себя насмерть! … И всё будет, всё будет около меня же круги давать, все суживая да суживая радиус, и — хлоп! Прямо мне в рот и влетит, я его и проглочу-с, а это уж очень приятно-с, хе-хе-хе! Вы не верите?»

Русского человека всегда засасывала вращающаяся воронка своего «я», пустота своего самооправдания. Вот и князя Мышкина перед роковым балом Аглая специально «инструктировала», чтобы он не срезался, и шутливо заметила:

«Разбейте по крайней мере китайскую вазу в гостиной! Она дорого стоит: пожалуйста, разбейте; она дарёная, мамаша с ума сойдёт и при всех заплачет, — так она ей дорога. Сделайте какой-нибудь жест, как вы всегда делаете, ударьте и разбейте. Сядьте нарочно подле».

Бедный князь так и схватился за голову — «свеча зажжена!»:

«— Вы сделали так, что я теперь непременно „заговорю“ и даже … может быть… и вазу разобью. Давеча я ничего не боялся, а теперь всего боюсь. Я непременно срежусь.

— Так молчите. Сидите и молчите.

— Нельзя будет; я уверен, что я от страха заговорю и от страха разобью вазу. Может быть, я упаду на гладком полу … мне это будет сниться всю ночь сегодня; зачем вы заговорили!»

Итак, дело сделано. Мышкин попал в замкнутое пространство выговаривания. И пространство это прогибалось вокруг вазы. Напрасно он садился от неё как можно дальше. Начав говорить (а молчание было прорвано искрой внешнего определения), бедный князь по спирали полетел к смысловому центру (15) и…

«При последних словах своих он вдруг встал с места, неосторожно махнул рукой, как-то двинул плечом, и… раздался всеобщий крик! Ваза покачнулась, сначала как бы в нерешимости … но вдруг склонилась в противоположную сторону … и рухнула на пол. Гром, крик, драгоценные осколки, рассыпавшиеся по ковру, испуг, изумление…»

Структура моей книги триедина:

1. Вводная часть («Закруглённый мир»).

2. Центр, давший название и всему произведению («Бесконечный тупик»).

3. Примечания.

Подразумеваемый вариант 4 части — это сам Розанов, так что одна из целей книги — своеобразные пролегомены к Розанову, плавный переход от «полного текста» к его полной разрушенности, от целого тома к рассыпанному вороху страничек, от «Закруглённого мира» к «Опавшим листьям». После «опавших ветвей» начинается сам Розанов.

Первая часть книги — единство. Вторая — дешифровка первой и начало распада. Но единство страшным усилием воли ещё сохраняется. Третья часть — это распадение, деструкция (24), «осколки, рассыпавшиеся по ковру». Это не что иное, как последовательная попытка русского мышления, попытка передачи его динамики — динамики рассыпания. Чем глубже анализ, тем рассыпаннее форма отечественного мышления.

8

← Предыдущее, следующее →

8. Примечание к с. 11 «Бесконечного тупика»

Историк, исходящий из анализа русской литературной среды, никогда не поймёт феномена Достоевского. (к цитате)

Конечно, «Преступление и наказание» возникло не на пустом месте. У Достоевского было славянофильское окружение, идеями которого он питался. Но все это «русская Голландия» (13). Не эти люди определяли судьбу России.

Розанов писал:

«Раз Грановскому, общему другу западников и славянофилов, случилось поместить одну статью в „Москвитянине“ Погодина. Статья была интересная, и друзья спросили Белинского: „читал ли он?“ — „Нет“, — отвечал молодой энтузиаст: „потому что я не люблю встречаться и с лучшими друзьями в НЕПРИЛИЧНОМ МЕСТЕ“. Так был назван им единственный в России славянофильский журнал — „влачивший существование“. Предтеча грядущих журнальных судеб славянофильства… От „Москвитянина“ и до аксаковской „Руси“ все они, эти славянофильские журналы, только „влачили существование“… Подымая так тон, — „я не хочу заглядывать в НЕПРИЛИЧНЫЕ МЕСТА“, — Белинский тоже предугадал вперёд на 70 лет ПОБЕДНЫЙ ТОН целого хора шумных и непрерывно успешных, непрерывно любимых журналов, которых читателями с самого же начала сделались все русские, всё образованное общество, — в Москве, Петербурге, в провинции, по самым далёким и захолустным уголкам… Это не была победа. Какая же „победа“, когда и БОРЬБЫ никакой не было … Было гонение; было преследование; было на 70 лет установившееся заушение, плевки, брызги жидкой грязи, лившейся с колёс торжественного экипажа, где сидели Краевские, Некрасовы, Благосветловы, Шелгуновы, Скабичевские, Чернышевские, Писаревы, — на людей, жавшихся куда-то в уголок, не слышимых, не разбираемых, не критикуемых … Это лишение права слова; моральное его лишение, литературное его лишение».

В чём же причина? Ведь Россия — русская монархия, и какая же идеология должна была в ней господствовать? Конечно, националистическая и монархическая — славянофильская. Если

исходить не из политических, а духовных и эстетических критериев, то преобладание западнической литературы ещё более непонятно. «Вестник Европы» или «Русское богатство» — это скучнейшее и бездарнейшее чтиво, а «Русь» Аксакова — это по стилю и напряжённой концентрации мысли вообще идеал для любого периодического издания. В свободной конкуренции, если бы не прогорел «Вестник Европы», то не прогорела бы и «Русь». А «Русь» прогорела. А неославянофильское «Русское обозрение» было продано в конце века с аукциона за… 7 рублей. Кроме того, вообще непонятно: ну, пускай публика и не очень рвётся к славянофилам, но у государства, у гигантского русского государства, неужели не нашлось бы несколько тысяч или хотя бы несколько сотен (а речь шла — увы! — именно о таких «суммах»), чтобы не лишать слова — кого же? — самого себя! Странно. Русская история — это очень странная, запутанная вещь.

И здесь, кстати, любопытно восприятие расклада сил в XIX веке с точки зрения современного интеллигента. Ему кажется, что 1917 — это «революция», и всё зеркально поменялось местами. Проецируя своё прозябание на прошлое, он, конечно, находит товарищей по несчастью, таких же униженных и оскорблённых, в декабристах, в шестидесятниках-нигилистах, наконец, в первых романтичных социал-демократах. Подобное же заблуждение существовало и у дореволюционных провинциалов.

Розанов писал о левой печати:

«Гимназистом в VI—VII—VIII классах я удивлялся, как правительство, заботящееся о культуре и цивилизации, может допустить существование такого гнусно-отрицательного журнала, где стоном стояла ругань на всё существующее, и мне казалось — его издают какие-то пьяные семинаристы, „не окончившие курса“, которые пишут свои статьи при сальных огарках, после чего напиваются пьяны и спят на общих кроватях со своими „курсистками“ … „Нигилизм“ нам представлялся „отчаянным студенчеством“, вот пожалуй вповалку с курсистками: но всё — „отлично“, всё — „превосходно“, всё — „душа в душу“ с народом, с простотой, с бедностью … Мы входили в „нигилизм“ и в „атеизм“ как в страдание и бедность, как в смертельную и мучительную борьбу против всего сытого и торжествующего, против всего сидящего за „пиршеством жизни“, против всего „давящего на народ“ и вот „на нас бедных студентов“».

Потом Василий Васильевич приехал в Санкт-Петербург и понял…

«что в России „быть в оппозиции“ значит любить и уважать Государя, что быть „бунтовщиком“ в России — значит пойти и отстоять обедню и, наконец, „поступить как Стенька Разин“ — это дать в морду Михайловскому … Тогда-то я понял, — писал Розанов, — ГДЕ оппозиция: что значит быть „с униженными и оскорблёнными“, что значит быть с „бедными людьми“. Я понял, где корыто и где свиньи, и где — терновый венец, и гвозди, и мука.

Потом эта идиотическая цензура, как кислотой выедающая „православие, самодержавие и народность“ из книг: непропуск моей статьи „О монархии“ в параллель с покровительством социал-демократическим „Делу“, „Русскому богатству“ и т. д. Я вдруг опомнился и понял, что идёт в России „кутёж и обман“, что в ней встала „левая опричнина“, завладевшая всею Россиею (14)…

К СИЛЕ — все пристаёт, с СИЛОЮ (в СОЮЗЕ с нею) — всё безопасно: и вот история нигилизма или, точнее, нигилистов в России.

Стоит сравнить тусклую, загнанную „где-то в УГОЛКУ“ жизнь Страхова, у которого не было иногда щепотки чая, чтобы заварить его пришедшему приятелю, — с шумной, широкой, могущественной жизнью Чернышевского и Добролюбова, которые почти „не удостаивали разговором“ самого Тургенева; стоит сравнить убогую жизнь Достоевского в позорном Кузнечном переулке, где стоят только извозчичьи дворы и обитают по комнатам проститутки, — с жизнью женатого на еврейке-миллионерше Стасюлевича, в собственном каменном доме на Галерной улице, где помещалась и „оппозиционная редакция“ „Вестника Европы“; стоит сравнить жалкую полужизнь, — жизнь как НЕСЧАСТЬЕ И ГОРЕ, — Константина Леонтьева и Гилярова-Платонова, с жизнью литературного магната Благосветлова („Дело“) (этого, как пишет Розанов, „неумытого нигилиста, у которого в кабинет вела дверь из чёрного дерева с золотой инкрустацией, перед которою стоял слуга-негр“. — О.) … — *чтобы понять, что нигилисты и отрицатели России давно догадались, где „раки зимуют“, и побежали к золоту, побежали к чужому сытному столу, побежали к дорогим винам, побежали везде с торопливостью НЕИМУЩЕГО — к ИМУЩЕМУ».*

И вот мне интересно, КТО стол-то накрывал? Ведь наверно это была какая-то страшная, гигантская сила, если могла так вот, походя, расправляться со всеми инакомыслящими, даже не убивая их, а просто отшвыривая пинком в сторону?

Розанов говорил: «Поставьте памятник моему носу» (18). Ничего не зная, он всё же учуял — ещё не само, но нечто очень

близкое к самому. Я когда прочёл, даже удивился: как он близко подошёл! А именно Розанов за пять лет до смерти, обобщая свой жизненный и литературный опыт, сказал следующее:

«Да ведь совершенно же ясно, что социал-демократия никому решительно не нужна кроме Департамента государственной полиции … Социал-демократия, как доктрина, — есть „наживка“ на крючке … понятно, для чего существует „Русское богатство“. Какой-то томящийся учитель учительской семинарии, как и сельский учитель „с светлой головой“ не напишет „письмо души-Тряпичкина“ нашему славному Пешехонову или самому великому Короленке. И чем ловить там по губерниям, следить там по губерниям, — легче „прочитать на свет“ письма, приходящие к 3—4—10 „левым сотрудникам известного журнала“. „Весь улов“ и очутился тут.

Понятно. Математика. Но „переборщили“, не заметив, что вся Россия поглупела, опошлела, когда ½ века III-е отделение „оказывало могущественное покровительство“ всем этим дурачкам, служившим ему при блаженной уверенности, что они служат солидарной с ними общечеловеческой социал-демократии.

Департамент сделал революцию бессильной. Но он сам обессилел, революционизировав всю Россию».

«Каша и русская „неразбериха“. Где „тонко“ — там и „рвётся“ … вышло „уж чересчур“. Неосторожно наживку до того развели, что она прорвала сеть и грозит съесть самого рыбака. „Вся Россия — социал-демократична“».

В связи с вышеизложенным можно вспомнить и некоторые догадки Набокова относительно истории с написанием и опубликованием романа «Что делать?»:

«Правительство, — с одной стороны дозволяя Чернышевскому производить в крепости роман, а с другой — дозволяя Писареву, его соузнику, производить об этом же романе статьи, действовало вполне сознательно, с любопытством выжидая, что из этого получится, — в связи с обильными выделениями его соседа по инкубатору. Тут дело шло гладко и обещало многое».

«Вообще история появления этого романа исключительно любопытна. Цензура разрешила печатание его в „Современнике“, рассчитывая на то, что вещь, представляющая собой „нечто в высшей степени антихудожественное“, наверное уронит авторитет Чернышевского, что его просто высмеют за неё».

В то же время Набоков намекает, что сам Чернышевский задумал и написал свой злополучный роман ни много ни мало как для того, чтобы задним числом реабилитировать в глазах следо-

вателя неосторожные высказывания в своём дневнике (де, это не летопись реальных событий, а заготовки к роману). То есть получается, что «Что делать?» — библия русского радикализма — на самом деле является ДВОЙНОЙ ПРОВОКАЦИЕЙ (19), как со стороны революционеров, так и со стороны жандармов. Этот гнусный символ мы пока оставим в покое и вернёмся к словам Розанова о «раскормленном червяке».

Василий Васильевич писал далее:

«Но вот объяснение, почему славянофильские журналы один за другим запрещались; запрещались журналы Достоевского. И только какая-то „невидимая могущественная рука“ охраняла целый ряд антиправительственных социал-демократических журналов. Почему Благосветлов с „Делом“ НЕ БЫЛ гоним, а Аксаков с „Парусом“ и „Днём“ — гоним БЫЛ».

Здесь уже снова возникает неясность. Понятно, почему Благосветлов «НЕ БЫЛ» гоним, но совсем не понятно, почему Аксаков — «БЫЛ». Его-то за что? От этого-то какая выгода «III отделению»?

Конечно, о парадоксальности духовной жизни России сказано верно. Верно и что причиной этой парадоксальности явилась сознательная провокация со стороны государства. Но русская история была бы слишком проста и примитивна, если бы слой лжи был так однороден и тонок. Всё, как мне кажется, намного «интересней». Дело, например, в том, что почти вся русская аристократия была социалистична, более того, она-то и являлась главным носителем социалистической идеологии даже в конце XIX века, а вовсе не только в эпоху декабризма.

Начиная с реформ Петра I шло гниение верхов, к началу революции переродившихся даже в этническом отношении (27). Ведь это гротеск, что обер-прокурором Святейшего Синода стал еврей Саблер, одновременно с исполнением своих служебных обязанностей посещавший синагогу. «Случайно» такие вещи не происходят. Тут закономерность: протопресвитер царской армии — еврей Шавельский; протоиерей и придворный священник, духовник царской фамилии — Соколов, отец крупного сиониста Н. Д. Соколова; начальник дворцовой охраны — еврей Гессе; начальник Главного тюремного управления империи — еврей А. П. Соломон. Примеры можно продолжить до бесконечности.

От темы этнической аберрации легко перейти к аберрации духовной. Да, III отделение раскармливало дурачков из революционеров. Примеров этому множество. Но можно найти множество примеров и обратного — раскармливания дурачков из III отделения. А поскольку одновременно это невозможно, то перед на-

ми постепенно выплывают из тумана смутные контуры общего замысла.

Вернёмся к «двойной провокации» романа Чернышевского. Вообще, провокация — это не что иное, как материализированная упреждающая оговорка. Оговорка-заглушка. Оговорочность — это частное проявление общей переворачиваемости русского мира. Переворачиваемость тотальна и не ограничивается тем или иным конкретным уровнем. Она всегда идёт до конца.

Перевернутость схемы «бедные и несчастные революционеры — богатые и счастливые реакционеры» — вначале хотя и относительно неожиданная, но ещё вполне безобидная — приводит ко второму переворачиванию: «реакционеры создают революционеров». Распад идёт дальше, появляется схема революционных реакционеров, создающих революционеров просто, без идеологических масок. Наконец мелькает следующий виток инфернальной спирали лжи — революционеры создают реакционеров. Всё путается, и сами эти понятия размываются, перестают обозначать что-либо конкретное, что-либо реальное.

Розанов ясно этого не понимал, но подметил один многозначительный символ, обратив внимание на то, что революция 1905 года была «ряженой»:

«В этом вся „история“ её от Герцена „до московского вооружённого восстания“, где уже было больше полицейских, чем революционеров, и где вообще полицейские рядились в рабочие блузы, как и в свою очередь и со своей стороны революционеры рядились в полицейские мундиры (взрыв дачи Столыпина, убийство Сипягина)».

И вот тут мы подходим к теме заглушек. Дело в том, что русская история совершенно БЕССМЫСЛЕННА. Зачем русское мышление так заклинено на продуцировании всех и всяческих заглушек? Да чтобы покончить самоубийством, чтобы не существовать и выскользнуть из идиотизма русской мысли. В мозгу у русских сшибаются лбами две противоположные заглушки. И аннигилируются. Два диаметральных «что делать», соединяясь, превращаются в одно могучее «ничего не делать».

В этом мрачная загадка русской истории. И в промежуток между этой истиной и истиной взаимных революционно-полицейских провокаций можно воткнуть ещё одну интерпретацию, менее сложную, но более содержательную. Весь XIX век Россия испуганно шарахалась от социализма, а её пичкали масонской (вот словечко и проскочило) (29) идеологией до мордоворота (32). История русского раскола хорошо известна. Теперь надо бы написать историю второго раскола, раскола XIX века, историю насильственного провоцирования цареубийства. Самоу-

бийства. Почему бы не предположить, что заражённость достигла такой степени, что сама царская фамилия являлась одним из наиболее активных проводников социализма в его крайних формах? Достаточно сказать, что великий князь Николай Константинович, по некоторым сведениям, был связан с «агентом Исполнительного Комитета III степени доверия» цареубийцей Желябовым. (Связь раскрылась, и великого князя сослали в Туркестан якобы «за кражу ожерелья». Своим детям от морганатического брака он дал фамилию Искандер, в честь Герцена (его псевдоним).) Не буду уже говорить о Константине Николаевиче, втором человеке в государстве до 1881 года и личном покровителе Салтыкова-Щедрина. Леонтьев умер в безвестности, а Салтыков (служивший, кстати, по ведомству внутренних дел) — «сильненький». Становится ясным и Азеф (кто за ним стоял). Охранка — это действительно рассадник революции, но не для наживки — это заглушка для среднего уровня, уже не довольствующегося марксистской и эсеровской бредологией, — а она-то СССР и строила, шла к этому вполне сознательно десятилетия. Сразу же после Февральской революции стали жечь архивы охранки. Впоследствии догадались, что жгли их сами революционеры, опасавшиеся ненужных сведений из своих биографий. Так вот: архивы жгли действительно революционеры. Революционеры с жандармскими погонами. Революционеры не III, а II и I степени доверия…

Давайте откровенно. Я не историк и вовсе не собираюсь ДОКАЗЫВАТЬ свою точку зрения (37). Я её лишь показываю. И вот, чтобы её показать, выявить, я остановлюсь пунктиром на биографиях нескольких людей. Людей-перевёртышей, людей, которые «сами собой» получиться не могли.

Итак, первый персонаж:

1. Лев Тихомиров — член Исполкома «Народной воли» по кличке «Тигрыч», а впоследствии раскаявшийся блудный сын и правоверный монархист, редактор крайне правых «Русских ведомостей». История вообще необычная, но возможная (41). Невозможное тут вот что — и там и здесь он был очень крупной фигурой. Второй такой взлёт невозможен в естественных условиях. Что это? Плата за «революционную работу»?

Тема Тихомирова дополняется биографией другого раскаявшегося террориста — Ушакова. В 1863 г. он приговорён к повешению, но в начале XX века Ушаков уже крупный сановник, член Государственного совета, и причём его ультраправой фракции. Когда однажды в Госсовете зашла речь об амнистии политическим преступникам, он, видимо вспомнив собственный

опыт, начал своё выступление следующими словами:

«Высокочтимое собрание, не щадите этих мерзавцев и подлецов-крамольников. Они предатели, всех их вешать надо».

2. Предыдущие два персонажа были скорее своеобразной затравкой, облегчающей вход в тёмный лабиринт русской политической мысли. Сейчас мы столкнёмся с более интересной фигурой, а именно с Георгием Порфирьевичем Судейкиным. Судейкин был заведующим агентурой Петербургского охранного отделения. Агентом у него служил одновременно агент народовольцев Владимир Дегаев. Владимир свёл с Судейкиным своего брата Сергея, члена ИК «Народной воли». Вскоре Сергей попал в тюрьму, где Георгий Порфирьевич предложил ему следующий план:

а) Дегаев выдаёт охранке народовольческое подполье;

б) охранка помогает Дегаеву создать новую подпольную инфраструктуру, где тот становится уже единоличным диктатором;

в) далее Судейкин и Дегаев вдвоём, чередуя то убийства правителей России (руками террористов), то раскрытие заговоров и расправу с убийцами (руками охранки), возглавили бы страну, приводя в повиновение правительство террором, а террористов — охранкой.

Дегаев согласился, и ему моментально устроили побег. Неизвестно, какие ещё силы стояли за Порфирием… извините, Георгием Порфирьевичем, но делиться властью с Дегаевым (кстати, первому тогда было 33 года, а второму — 26 лет (43)) он, видимо, не собирался. Дегаев должен был убить министра внутренних дел Д. А. Толстого и великого князя Владимира Александровича. После этого, в обстановке полной паники, Судейкин, уже назначенный год назад на специально для него созданную должность инспектора секретной полиции, должен был занять место Толстого. Тогда, получив главный рычаг исполнительной власти, он убрал бы слишком много знавшего Дегаева.

Такой вот «полёт фантазии» у «русских мальчиков». Дегаев печёнкой почуял неладное и поехал в Париж советоваться со Львом Тихомировым. Там ему приказали убрать Судейкина, оставив в Париже заложницей жену Дегаева. Дегаев, как известно, поручение исполнил, был потом переправлен в США, стал там профессором математики и умер в 1920 году. Об этом периоде его жизни вообще известно подозрительно мало.

3. Следующая биография — это биография полковника Зубатова, бросающая более ясный свет на скрытый смысл судейкинщины. Кстати, последнее слово как-то не прижилось, в отличие от «зубатовщины». Начало карьеры Зубатова было неким синте-

зом № 1 и № 2. Начал он революционером. Невеста его, Михина, заведовала библиотекой, вокруг которой сгруппировалось много революционной молодёжи. Вскоре Зубатов сдал охранке ряд террористов: Соломона Пика, Софью Гуревич, Фундаминского, Михаила Рафаиловича Гоца, Соломонова и прочих деятелей «Народной воли» (воли какого народа, интересно? чьей?). Характерно, что Зубатову долго в полиции не доверяли, так что с самого начала его деятельность носила налёт какой-то двусмысленности — двусмысленного набивания в непрошенные помощники. О более позднем периоде «зубатовщины» известно хорошо. Собственно говоря, Зубатов совершенно искусственно создал большую рабочую организацию и полностью передал её в руки очень злых, но совершенно неспособных к какой-либо организационной деятельности социал-демократов (которые сами по себе тоже конструировались, но, разумеется, другими руками и по другим чертежам). В 900-х годах произошла сборка отдельных деталей машины революции. Официально и до сих пор считается, что Зубатов был провокатором. Он-де «растлил рабочих», «хотел навязать рабочим узкий экономизм». Но, во-первых, и сам Маркс, и Ленин говорили об экономической борьбе как НАЧАЛЕ революционной деятельности пролетариата, так что Зубатов здесь действовал по готовым рецептам. А во-вторых, вот незадача! — тема «раскормленной наживки» в биографии Зубатова просматривается уж слишком явно. Зачем же так перебарщивать: в 1902 году, например, он организовал забастовку на заводе французского гражданина Гужона, причём зубатовская полиция угрожала оному высылкой за неуплату рабочим 40000 рублей. Это был громкий скандал, вызвавший вмешательство французского посла. Потом тема выдачи гуревичей и соломонов как-то неожиданно компенсировалась созданием Зубатовым при помощи Марии Вильбушевич «Еврейской независимой рабочей партии». Это в Минске. А в Одессе совсем смешно вышло. В 1903 году агент Зубатова Шаевич организовал там всеобщую эабастовку, да такую, что его сослали в Вологду, а затем в Сибирь. Самого же Зубатова взбешенное начальство выслало из Петербурга во Владимир с воспрещением жительства в столицах и столичных губерниях. Заметим, что Зубатов был также замешан в тёмной и до сих пор неясной «гапоновщине». В дни Февральской революции он не совсем мотивированно застрелился. Интересно, чего Зубатов боялся? Красная метла аккуратно его обходила 20 лет, а уж он-то был фигурой заметной. А тут вдруг испугался.

4. Вот после этаких пролегоменов можно подступиться

и к мраморной глыбе «Ванечки» (для «своих»), то есть к «генералу БО социалистов-революционеров» Евгению Филипповичу (Евно Фишелевичу) Азефу. Вообще существуют три интерпретации его довольно широко известной деятельности (кстати, эта известность достаточно случайна и объясняется скорее спецификой исторического момента, а не исключительностью персонажа):

а) агент охранки. Эту точку зрения, конечно, не стоит и рассматривать. Человек, который лично руководил покушениями на великого князя Сергия, генерала Трепова, Плеве, уфимского губернатора Богдановича, киевского генерал-губернатора Клейнгельса, нижегородского губернатора барона Унтербергера, московского генерал-губернатора Дубасова, министра внутренних дел Дурново, генерала Мина, заведующего политическим розыском Рачковского, адмирала Чухнина, премьер-министра Столыпина, генерала фон дер Лауница, прокурора Павлова, великого князя Николая Николаевича и на десятки, сотни мелких сошек (включая, кстати, Гапона), — такой человек не мог быть агентом охранки. А если он был агентом охранки, значит охранка — это не охранка;

б) агент социалистов-революционеров, цинично выдававший рядовых исполнителей для пользы общего дела. К этому варианту склонялся и главный обвинитель Азефа в среде эсеров Бурцев. Он говорил в своей обвинительной речи на партийном суде:

«Азеф стоял во главе партии и террора и убивал левой рукой министров, а правой — товарищей по партии, но отнюдь не членов ЦК. Он не убил ни одного из них, он убивал чудеснейших юношей и девушек, веривших в террор и своего руководителя … Цекисты стали выше критики, они стали недосягаемы, как римские императоры. Как полноправные члены ЦК, вошли жёны цекистов, их родственники, царила сплошная склока, кумовство, интриги, сплетни, прислужничество. В семейную касту замкнулся всякий приток свежего воздуха. И в этой затхлости расцвёл пышным, махровым цветом Азеф. Он был своим в этой семье… Хуже того, сюда примешалась самая гнусная, самая крепкая, самая страшная власть — власть денег. К деньгам льнут, перед деньгами пресмыкаются, и совсем незаметно забота добывания денег для партии превратилась из средства в цель. Азеф явился для партии добывателем денег. Он доставал их. Откуда? … Эти деньги шли из департамента полиции от генерала Герасимова и сыщика Рачковского. ЦК был в их сетях. Но не целиком. Азеф, как главарь террора, доставал деньги и с другой стороны, от сочувствующих террору богачей и организаций. И вот с двух сторон он держал

в руках партию, то есть семью ЦК. … Железная броня „круговой поруки“ семьи ЦК стала для Азефа каменной стеной, за которой он убивал направо и налево, кого хотел, оставляя в живых членов ЦК и генерала Герасимова … Пьянствуя, развратничая, тратя безумные деньги, жандармские и партийные, он отсылаемым (в Россию агентам. — О.) *не давал средств к жизни, заставляя вести голодную и полную бездействия жизнь».*

В пылу полемики Бурцев, разрушив вторую точку зрения, въехал в третью, а именно в следующую:

в) никакой Азеф не агент — ни охранки, ни эсеров, а просто проходимец, водивший всех за нос ради удовлетворения своих низменных страстишек. Что можно сказать по этому поводу? Денег особых Азеф не нажил (60 тысяч в Лионском кредите), при своём уникальном организаторском таланте он мог бы заработать гораздо больше легальным бизнесом, а не смертельным балансированием на краю пропасти. Он и так успешно играл на бирже и т. д. Ключ к Азефу в его сопоставлении с тремя первыми номерами. «Азеф стоял во главе партии и террора и убивал левой рукой министров, а правой — товарищей по партии». Ба-а, да это роль Дегаева, уготованная ему Судейкиным! Или интересная фраза: «ЦК был в их сетях, но не полностью». А там дальше брезжат какие-то расплывчатые «организации, сочувствующие террору». Вот факт преядовитейший: Азеф, это доказано, получал деньги от японцев во время революции 1905 года. А его любовницей была уроженка Германии певица «Шато де Флёр» Хеди де Херо. Одновременно де Херо была любовницей великого князя Кирилла Владимировича и ездила с ним на театр военных действий Русско-японской войны. Или ещё факт. Азефа выдал агент охранки Лопухин. При этом он сказал следователю партии эсеров Аргунову:

«Не думайте, что я выдаю революционерам Азефа из-за сочувствия революции. Я противник всякой революции. Я стою по другую сторону баррикад. Я делаю это из-за соображений морали».

Как это?!? Сам Азеф подозрительно легко исчез, выскользнув в щель между партией и охранкой в сторону «богачей и организаций». По некоторым сведениям, во время Первой мировой войны живший в Германии Азеф появился в России.

Четыре биографии, четыре типа судеб. На этой четверице и была распята Россия. И чтобы придать метафизический объём возникшей фигуре, скажем и о почве, в которую этот крест был воткнут. Я имею в виду ещё одного человека, а именно Сергея Геннадиевича Нечаева, кулибина русской революции. Происхож-

дения он был самого простого. Отец маляр, сам — окончил школу для взрослых. Приехал в Петербург, стал работать учителем Закона Божия в приходском училище. Потеревшись же в столице, подышав её воздухом, надел рукавицы, похлопал ими на морозце, да и сколотил топориком деревянный русский ад — написал свой «Катехизис». В сём катехизисе он призывает раздробить всё русское общество на 6 категорий:

1. Неотлагаемо осуждённые на смерть. На них следует завести соответствующий список по степени зловредности каждого. Причём исходить при его составлении надо не из личного злодейства или ненавистности той или иной кандидатуры, а из революционной целесообразности. А согласно этой целесообразности самых главных злодеев необходимо какое-то время «лелеять», ибо само их существование разжигает ненависть и поэтому полезно для народного бунта.

2. «Лелеемые» злодеи. Их убивать не сразу, а погодя.

3. Шантажируемые для целей революции представители власти. Запутать, запугать, использовать.

4. Шантажируемые честолюбцы и либералы (т.е. «блатные»). Запутать, запугать, использовать.

5. Шантажируемые революционеры (болтуны и доктринёры). Запутать, запугать, использовать.

6. Особая категория. Женщины. Делится на три подгруппы:

а) см. №№ 3–4 («чеэсы»);

б) см. № 5;

в) распропагандированные фанатички, способные на всё. Они должны составлять костяк организации, её золотой фонд.

Если пропустить фрейдистскую чепуху — сам Нечаев некрасивый и низкорослый, со скопческим безволосым лицом и тихим голосом, — то тут наиболее важен второй пункт. Этот пункт многое объясняет. Это такая русская завитушка, сусальный наличник на идеально функциональной гильотине революции. Нет чтобы всех в один мешок. Не-ет, самых злодеев мы на сладенькое, на конец оставим. То есть всё было подхвачено Нечаевым на лету, понято с полуслова. Это не просто «сочинение на заданную тему». Нет, это всё писалось, высунув язычок. Человек этим жил, летел. Так и видишь Фёдора Карамазова, написавшего на конверте с тремя тысячами: «Ангелу моему Грушеньке, коли захочет прийти». А потом походившего, походившего по комнате и надписавшего после «ангела» «второй пункт»: «и цыплёночку». Вот от этого художества, от этого «полёта фантазии» Россия и рухнула. В России, на русской почве всё сбывается. Сопоставьте всё это с заглушечностью «Что делать?», кото-

рая шла С ДВУХ СТОРОН. То есть и следователь, и подследственный жили В ОДНОМ МИРЕ, В ОДНОМ МИФЕ. Это злобная гоголевская фантастичность свободной русской мысли.

Набоков писал в «Других берегах»:

«Русскую историю можно рассматривать с двух точек зрения: во-первых, как своеобразную эволюцию полиции (странно безличной и как бы даже отвлечённой силы, иногда работающей в пустоте, иногда беспомощной, а иногда превосходящей правительство в зверствах — и ныне достигшей такого расцвета); а во-вторых, как развитие изумительной, вольнолюбивой культуры».

Нет, тут, г-н Набоков, поинтересней будет. Революция и тайная полиция вместе, бок о бок всё развивались и распускались год от года на почве вот этой именно «изумительной, вольнолюбивой культуры» или ещё глубже (ибо и культура эта — лишь продукт) — на почве расцветающей фантастики слов и снов, приводящей к удивительной, неслыханной свободе материализации всего чего угодно (44). И революция и полиция при этом росте фантастики всё более сближались и переплетались, так что в начале века образовалась единая паутина, опутывающая всю Россию. В 1917-м же наступило вторичное упрощение и эти два «ведомства» просто окончательно слились в единое целое.

← Предыдущее, следующее →

9. Примечание к № 6
Русский язык — оборотень. (к цитате)

Тему оборачиваемости (как и всё русское нехорошее) впервые отчётливо выразил Гоголь. «Записки сумасшедшего» начинаются с «октября 3», а кончаются «Чи 34 сло Мц гдао. 349». Но чертовщина здесь ещё деперсонализирована. Задачу оживления чертовщины языка взял на себя Достоевский. Как начало этого процесса персонализации очень важен его «Двойник». Технологически это объективация гоголевских «Записок», разрушение их спасительного человеческого лиризма.

В лице Голядкина в русскую литературу бочком-бочком вошла тема Чёрта, тема СОЗДАНИЯ Чёрта. Не сказочного, украинского, а настоящего. «Я ничего, я тут в уголке на ступенечке посижу». Поприщин раздвоился на человека и чёрта — Голядкина-младшего и Голядкина-старшего.

Тема двойничества, псевдонимности, подмены и измены, наконец, самозванства достигла в русской культуре и истории размеров невероятных (11). Достоевский как раз предпринял героическую попытку вывести этот процесс в безопасно ясное литературное существование. Что ему почти удалось. Почти.

Тема двойничества предусмотрена в индивидуальной судьбе каждого русского. Русский ощущает себя не совсем настоящим (26). Он Иванов, но если на него нажать: «Ну, какой же ты Иванов, сам подумай!» (30), — то он неожиданно для себя действительно потеряет своё имя, уступит себя (31). Отсюда вытекают немыслимые вещи.

10

← Предыдущее, следующее →

10. Примечание к № 7
Русский человек не может вовремя остановиться. (к цитате)

Тема «разбитой вазы» получит сейчас своё продолжение на примере личного опыта. Дело в том, что я, видимо, являюсь гениальной личностью. Кто же говорит о таких «темах»? — Я. Я-то и скажу. Не могу не сказать. И вот — роняю эту вазу: «Я — гений» (12).

11

← Предыдущее, следующее →

11. Примечание к № 9

Тема двойничества, псевдонимности, подмены и измены, наконец, самозванства достигла в русской культуре и истории размеров невероятных. (к цитате)

Цепь измены — Курбский, Тушинский вор, Пугачёв, декабристы и далее, вплоть до 17-го. Просто «Измена». Само русское государство возникло вследствие сложной сети нейтрализующих друг друга измен (16). Благодаря измене татарам и измене татар, измене литве и измене литвы, наконец измене русским и русских.

В князе Курбском уже измена устоялась, упростилась до простого целенаправленного акта (так как устоялось и само государство: первый русский царь — Иван Грозный). «Измена» очень чётко прослеживается не столько по самим событиям, сколько по их зловещей интерпретации. В самом деле, кто такой тот же Курбский? — Человек с более чем тёмной биографией. Но кем его считали в XIX веке? — «Первым русским интеллигентом». О самом Курбском, предателе родины и садисте, мучившем людей в водяных ямах, кишащих голодными пиявками, — об этом Курбском, достойном сыне своего времени, ничего не сказано. Но гигантски, неправдоподобно много сказано о самой «русской интеллигенции», способной на такие вот аналогии. «У России нет интеллигенции, а есть предатели родины». Этот вой захлёстывающей все условности радости по поводу любой неудачи русского государства. Каким праздником было для интеллигенции поражение в Крымской или Русско-японской войне! И готовили измену главную, страшную. Столетиями к ней подходили, создавали такого человека, который пошёл бы на всё. Вообще на всё.

И видно сейчас, видно невооружённым глазом. Вот Пугачёв. Всего один факт. В 1772 году связался с выведенными из Польши раскольниками и по их совету перешёл в Польшу. С польской территории явился на Добрянский форпост и объявил себя «польским уроженцем Емельяном Ивановым сыном Пугачёвым». Ему, как польскому эмигранту, выдали русский паспорт. С этим паспортом Пугачёв отправился на Яик и повёл агитацию среди

казаков, уговаривая их переселиться на Кубань и перейти в турецкое подданство. При этом сулил большие деньги. В этом же году началась война с Польшей.

Дело-то ЯСНОЕ. И вот на это ясное дело наворочена мифология о народном восстании, о крестьянской войне. Более ста лет наворачивали и довели легенду до блеска, ввели Пугачёва в пантеон героев либерально-демократического эпоса. А ведь простой здравый смысл подсказывал наиболее естественное решение. Да если бы даже Пугачёв не был шпионом (17) и диверсантом. При всей сумме фактов, а их сотни, вплоть до непосредственного участия польских инсургентов в восстании, нужно было бы десять лет на одной ножке скакать, чтобы доказать невиновность Пугачёва. Вот покажите себя в деле, докажите, что он не шпион и не диверсант. А я посмотрю. А докажете — зевну: ну что ж, бывает. Да что там! Пугачёва нужно было лет сто считать даже нерусским по национальности. И только к 1872 году, как-нибудь выходя из университетской библиотеки, сказать вскользь товарищу: «А знаешь, Емелька — наш, русачок. Да и не был завербован». — «Какой Емелька? Чернодыров? (20) Вожак волнений в Оренбургской губернии при Павле I?» — «Нет, Пугачёв. Который при Екатерине II». — «Ах этот… Иди ты, я и не знал. А впрочем, Бог с ним».

Вот это здоровый, крепкий миф.

12

← Предыдущее, следующее →

12. Примечание к № 10
Я — гений (к цитате)

Дело в том, что о «гениальности» нельзя не написать (23). Это в противном случае будет обломанной клеточкой шахматной доски. В конце концов я забудусь и поставлю в образовавшуюся пустоту очень важную ладью. Вообще, весь процесс письма фатален. Я почти ничего не могу изменить. И часто пишу даже против своего желания. Более того, оговариваю для себя, что это, например, трогать не надо. Но прошло несколько страниц — и проклятая ваза тут как тут. Если в этот конкретный момент и проскочишь мимо, то на следующем витке обязательно схватишься. И будет ещё хуже, грубее.

Вообще, интересно отношение русского сознания к собственной гениальности (46). Пушкин сознавал свою роль в судьбе России. Но не то что не мог до конца в неё поверить, а просто сознательно не хотел принять навязываемой ему реальностью роли.

Фантастичность Гоголя в том, что он поверил и принял собственную гениальность. Привело это к последствиям страшным. Невозможность, несоразмерность этой идеи русскому человеку свела в конце концов Гоголя с ума. Душа взбунтовалась, вырвалась из-под гнёта непосильной задачи и объявила самою себя абсолютной ничтожностью. На примере судьбы Гоголя ещё и ещё раз удивляешься гармоничности Пушкина. То, что в нём кажется грубостью, хлестаковщиной, ренегатством, на самом деле оборачивается глубокой продуманностью и закономерностью. «Русский через 200 лет», как сказал Гоголь. Двести лет надо нации, чтобы выработать тип такой гармоничной личности.

Пушкин единственный хотя бы отчасти выдержал неслыханный уровень свободы, данный ему его гением. Других гнёт гениальности или уничтожил, или сами они отказались от осмысления этой проблемы (Чехов). Для писателя, в отличие от философа, это ещё возможно.

13

← Предыдущее, следующее →

13. Примечание к № 8
Но всё это «русская Голландия». (к цитате)

В мире не было ничего фантастичнее петровской реформы. Представьте себе, что Индия XVII века в болотистых джунглях строит Лондон 1:1, с Тауэром, Биг-Беном, и начинает сама себя колонизировать, то есть создаёт европейское чиновничество, армию, систему образования и вообще вытягивает себя из азиатского болота за косичку, как барон Мюнхгаузен. Удивительнейшая цивилизация. И страшная. Ведь окультурившие Индию англичане, давшие ей само понятие времени, в известный момент собрали чемоданы и отплыли в старую добрую Англию. Им было куда бежать. И русские тоже в конце концов отплыли… В Англию. Которой нет. Или которая есть, но «не та», чужая. Мир не знал такого злорадства.

Эту трагедию сатанинскую — раздвоенность русская, проклятое евразийство подготовило. Европа и Азия разъехались, и русские очутились на цементном полу. А на них в глазок смотрел кто-то и смеялся, смеялся.

14

← Предыдущее, следующее →

14. Примечание к № 8

«встала „левая опричнина“, завладевшая всею Россиею» (В. Розанов) (к цитате)

Русская галактика летела в преисподнюю почти со скоростью света. Это видно по красному смещению в её политическом спектре. Партии в России делились на ультракрасные, махрово красные, багрово-красные, просто красные, умеренно красные и розовые. Последние (октябристы и националисты) квалифицировались в тогдашней политической терминологии как «реакционные» и «крайне правые». Наконец, действительно правые партии вообще не рассматривались, считались стоящими за рамками приличного общества и прозябали под вывеской политических курьёзов и персонажей для карикатуристов.

15

← Предыдущее, следующее →

15. Примечание к № 7
бедный князь по спирали полетел к смысловому центру (к цитате)

Мышкин разбил вазу из-за детского смещения мыслительного и реального планов бытия. Он представил себе, как будет она разбиваться, и это представление стало для него реальностью. И, естественно, просочилось в реальность. Спутанность слова и бытия. Русские постоянно обманываются в слове, теряются в нём. То придают ему слишком много значения, а то и слишком мало. То проговариваются, то промалчивают.

16

← Предыдущее, следующее →

16. Примечание к № 11

Само русское государство возникло вследствие сложной сети нейтрализующих друг друга измен. (к цитате)

Соответственно, гибель русского государства произошла вследствие сложной сети измен, друг друга дополняющих. Например, в изменническом письме Каменева и Зиновьева накануне Октябрьского переворота говорилось, что взятие власти большевиками сознательно провоцируется их противниками:

«Шансы нашей партии на выборах в Учредительное собрание превосходны. Разговоры о том, что влияние большевизма начинает падать и тому подобное, мы считаем решительно ни на чем не основанными. В устах наших политических противников эти утверждения просто приём политической игры, рассчитанный именно на то, чтобы вызвать выступление большевиков в условиях, благоприятных для наших врагов».

И похоже, что действительно большевикам во многом подыграли, уступили власть, чтобы тем вернее победить на выборах в Учредительное собрание.

Что касается позиции правых, монархических элементов, то опять провокация. Оставшийся в изоляции Керенский писал:

«(Корниловцы) постановили: не оказывать правительству в случае столкновения с большевиками никакой помощи. Их стратегический план состоял в том, чтобы сначала не препятствовать успеху вооружённого восстания большевиков, а затем, — после падения ненавистного Временного правительства, быстро подавить большевистский „бунт“ … Увы, выполнив блестяще первую, так сказать, пассивную часть своего плана — свергнув руками большевиков Временное правительство, — наши „патриоты“ оказались совершенно неспособными к осуществлению его второй, активной, действенной части — оказались неспособными победить большевиков не только в три месяца, но и в три года!»

17

← Предыдущее, следующее →

17. Примечание к № 11

Да если бы даже Пугачёв не был шпионом (к цитате)

Существует тест для выявления гомосексуализма — рисунок, одновременно являющийся профилем молодой женщины и старухи. Женщины видят профиль старухи и лишь затем внезапно догадываются о другой интерпретации. Мужчины — наоборот. А у лиц с отклонениями в направленности полового влечения наблюдается очерёдность восприятия по типу противоположного пола.

И та и другая интерпретация теста вполне истинна. Но один способ интерпретации здоров, а другой — аномален.

Розанов писал:

«Есть НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ слова. К ним относятся Новиков и Радищев. Они говорили правду и высокую человеческую правду. Однако если бы эта „правда“ расползлась в десятках и сотнях тысяч листков, брошюр, книжек, журналов по лицу русской земли, — доползла бы до Пензы, до Тамбова, Тулы, обняла бы Москву и Петербург, то пензенцы и туляки, смоляне и псковичи не имели бы духа отразить Наполеона. Вероятнее, они призвали бы „способных иностранцев“ завоевать Россию, как собрался позвать их Смердяков и как призывал их к этому идейно „Современник“; также и Карамзин не написал бы своей „Истории“. Вот почему Радищев и Новиков хотя говорили „правду“, но — ненужную (919), В ТО ВРЕМЯ — НЕНУЖНУЮ. И их, собственно, устранили, а словам их не дали удовлетворения. Это — не против мысли их, а против РАСПРОСТРАНЕНИЯ этой мысли».

Сам тип соединения причинно-следственных связей в «я» Радищева и Новикова был, может быть, и верен на каком-то уровне, но для своего времени удивительно извращён и анормален. Никакого плодотворного развития их «истины» не было и быть не могло.

18

← Предыдущее, следующее →

18. Примечание к № 8
«Поставьте памятник моему носу» (В. Розанов) (к цитате)

Чуткость Розанова доходила до такой степени, что он не мог читать книги. Мысли так роились в мозгу, что достаточно было малейшего толчка для творческого выброса. Это «всемирная отзывчивость» Пушкина, России. Книги — это уже слишком грубое, слишком толстое бытие. Розанов чувствовал «литературность» самой жизни, её поэзию, сюжет, форму, мысль.

19

← Предыдущее, следующее →

19. Примечание к № 8
«Что делать?» — библия русского радикализма — на самом деле является двойной провокацией (к цитате)

Рахметов, порождение двойной провокации, ожил, превратился в философа-марксиста. А в 1917 г. Рахметов (он же О.В. Блюм) был разоблачён как агент рижского охранного отделения.

20

← Предыдущее, следующее →

20. Примечание к № 11
Какой Емелька? Чернодыров? (к цитате)

К Чернодырову по ассоциации ещё интересная фамилия — Черномазов, большевик-провокатор, отравившийся или отравленный в тюрьме после Февральской революции.

21

← Предыдущее, следующее →

21. Примечание к № 6

«Философия и шпионаж… — как гений и злодейство — две вещи несовместные» (А. Пушкин, А. Вышинский) (к цитате)

В пику сочувственной ссылке Вышинского на авторитет великого поэта можно привести высказывания о Пушкине Крупской. Надежда Константиновна писала о его творчестве:

«Культ личности, погоня за славой, любовь — глубокая страсть, дающая сильные переживания, трактовка предмета любви как собственности, дикая ревность, дружба…

Что дружба? Лёгкий пыл похмелья,
Обиды вольный разговор,
Обмен тщеславия, безделья
Иль покровительства позор, —

писал Пушкин. Масса — чернь. Пушкин описывал, как вдохновенный поэт бряцал на лире, „а вкруг народ непосвящённый ему бессмысленно внимал“ … Отрицая частную собственность на средства производства, марксизм отрицает и взгляд на жену и детей как на собственность. Революционный марксист прежде всего коллективист, и это меняет в корне его отношение к окружающим людям. Буржуазный „индивидуалист“ — глубокий эгоист — ставит на первый план свои личные интересы, он не умеет относиться к другому человеку, хотя бы самому близкому, как к товарищу, как к другу. Дружбу он понимает по Пушкину („лёгкий пыл похмелья“ и пр.). Дружба, такая, как между Марксом и Энгельсом, ему не доступна, не понятна».

Собственно, речь Вышинского есть свидетельство официальной реабилитации Пушкина, свидетельство включения его в политбюро «прогрессивных писателей»… Крупскую же в 1939 году отравили.

22

← Предыдущее, следующее →

22. Примечание к № 6

Тогдашнее мартовское пение отца — это тоже завязка тяжеловесной и нудно-нравоучительной русской басни. (к цитате)

Он выкатился на страницы этой книги и теперь будет в ритме танго смерти, вплетаясь и снова выскальзывая из повествования, приближаться к концу головоломного слалома — к концу «Бесконечного тупика».

Изящно скосив очередной угол и временно разъехавшись с темой санок, поговорим о Достоевском. Однажды в Англии балетный дуэт протанцевал на сцене совершенно голый, и потом в интервью артисты сказали, что это было удивительное, ни с чем не сравнимое впечатление свободы, радости и покоя, растворённости в природе. И немножко стыдно (бессознательно). Как ранним утром валяться голым на песке после купания.

Именно такое чувство испытывает русский, читающий Достоевского. Кроме всего прочего, доступного и иностранному читателю, возникает особое чувство удивительной гармоничности и полного растворения в авторских мыслях. Самые сокровеннейшие фантазии, самые изощрённые страсти во всём их спектре, от возвышенных до низменных, — всё это удивительно, точь-в-точь соответствует индивидуальным изгибам русского «я». Повторяю, это странное, ни с чем не сравнимое чувство полного соответствия, делающее Достоевского совершенно особым, интимно-русским писателем. И это, этот фон, в нём главное. Остальное всё «было». У Бальзака, Диккенса, Шиллера, Гёте, Шекспира, Сервантеса, наконец Тургенева, Толстого и др. Но вот этого русского «мясца», русского «духа» — не «Духа» Гегеля, а духа, который Баба-яга у себя в избушке почуяла, — ни у кого до него не было. Только, может быть, у Гоголя чуть-чуть угадывается. Но и это уже не то, хохляцкое, более примитивное, более узкое и монотонное.

Какое основное качество героя «Записок из подполья»? Для иностранного читателя ответ будет звучать дико — ласковость. Это очень ласковый, женственный и отзывчивый человек. Основа его внутренней жизни — колоссальный заряд первичного доверия к миру, ласковой открытости. Даже не доброты, а именно

ласковости, ласкового женского неприятия зла. Зло просто не принимается. Его убийственные лучи проходят сквозь душу, не задерживаясь там. Зло непонятно и не понято.

«Да в том-то и состояла вся штука, в том-то и заключалась наибольшая гадость, что я поминутно, даже в минуту самой сильнейшей желчи постыдно сознавал в себе, что я не только не злой, но даже и не озлобленный человек, что я только воробьёв пугаю напрасно и себя этим тешу. У меня пена изо рта, а принесите мне какую-нибудь куколку, дайте мне чайку с сахарцем, я, пожалуй, и успокоюсь. Даже душой умилюсь…»

Я подростком неосознанно воспроизводил закруглённость Достоевского. Основные черты: уничижение и ласковость. Заискивание героя «Записок из подполья», стремление быть хорошим, то есть как можно точнее отвечать любым представлениям о себе. А если брать ещё более раннее время — детство — то здесь основное качество — это доверчивость. Доверчивость нерасчленённая, доверчивость «вообще», «к миру». И первое расширяющееся трагическое несоответствие — пожирание «миром» доверия.

Мифологизируя элементарную цепь событий, скажу, что начало недоверия — выселение из собственно Москвы на рабочую окраину, в мир, живущий как раз по законам недоверчивости. Первое чувство тут в 6 лет: зимний день, девочка играет, лепит снежную бабу. Я хочу помочь. Она испуганно шарахается от меня и плачет. Её мать из окна начинает орать на меня на каком-то ужасном монгольском языке. Я хочу объяснить, что я хороший. Почти плачу от непонимания, ухожу.

Тема соседской девочки имела своё логическое продолжение. Начало лета. Она зовёт меня. Я радостно иду к ней, хочу играть. Она просит встать около качелей и прыгает на другую сторону. Я получаю страшный удар в челюсть противоположным концом и теряю сознание. Постепенно из красного тумана выплывает фигура бегущего ко мне испуганного отца и пляшущей от истерического хохота пролетарской девочки. Потом дети рабочих швыряли меня в костёр (раскалённая зола, толкнули — и упал на руки), брызгали за шиворот горящей резиной, кидали в меня иглами. Сейчас я понимаю, что дёшево отделался почти случайно. Но самое удивительное, что совсем не было чувства злобы, загнанности. Я жил спокойно, радостно и на следующий день забывал о своих мучениях. Отдельные осколки никак не складывались в единую картину-состояние. Отношение к миру было неизменно радостное.

Первое чувство недоверия возникло лишь года через три.

Во дворе подростки подзуживали сесть на забор и балансировать руками в воздухе. А внизу наставили наполовину разбитые бутылки. Нужно было сидеть и не упасть. Мальчик передо мной упал. Как сейчас помню его, сдирающего быстро кровенеющую рубаху. Страшные порезы на спине и крик глухой: ы-ы, ы-ы. Потом сел брат этого мальчика. Его уже толкнули на стекло специально (он всё сидел и сидел — зрителям надоело ждать). Следующим был я. Хотелось сесть страшно. И вокруг все подталкивали: «Слабо, Одиноков. Ну что? Сдрейфил, фраер?» Я вдруг повернулся и побежал.

Примерно в это же время началось и недоверие к отцу. После переезда он стал постепенно спиваться. Думаю, кстати, из-за этого меня, несмотря на всю мою дворянскую непохожесть (даже внешнюю), во дворе всё-таки считали «своим» и вообще сознательно не травили. «Одиноков, вон „твой“ идёт. Слушай, а он тебя часто порет?» — «Да нет, не очень». (На самом деле никогда.)

Когда начался кризис доверия к отцу, первая трещина? Выпал первый, мягкий и тяжёлый, снег. Я скатывал его из маленького снежка в огромный шар. Шар уже был больше меня, и я всё пыжился, никак не мог его сдвинуть. Потом нашёл доску, стал подставлять рычагом, он и покатился. А тут уже налились хмурой густотой сумерки. Мать заорала в форточку. Я пришёл домой, и ещё наорала. А тут смотрю, в комнате отец под роялем лежит. В какой-то сине-свекольной луже. Я так и ахнул. Стал руки ломать: «Папочка умирает». Сестрёнка маленькая закричала — слов не понимала ещё, но, глядя на меня, почувствовала, что что-то плохо. Отец же потихоньку шевелился. Блевотины было много, и он в ней как-то подплыл и, шевелясь, немножко продвигался глубже под рояль. По поверхности шли саночные волны. Мать, ещё больше разозлённая плачем сестры, заорала: «Замолчи, дурак, ничего с ТВОИМ „папочкой“ не сделается». «С твоим». Значит он мой. И больше ничей? Тут возникла возможность расчленения, оценки. Отношения с отцом стали приобретать черты дурашливого комизма. Постепенно установилась схема смертельно опасной игры. Состояние отца, спивающегося, всё чаще называлось жутким словом «вдрызг». Он сам хвастался в телефон: «Вчера „вдрызг“». Стали приходить соседи, сочувственно говорить: «Передай матери, ваш лежит в песочнице». Однажды, пьяный, лёг под разбитую розетку. В квартире никого не было, я боялся, что его ударит током, и за ногу оттащил в сторону. Отец хохотнул и полез под стол к розетке опять. Я опять его оттащил. Позже он специально лез и «ребятам» рассказывал: «МОЙ-ТО, „спасает“».

Годам к 12-ти я уже точно знал: мой отец дурак. Впрочем, это скорее было не знанием, а интуитивным ощущением (104) (при невозможности представить себе обратное. «У Иванова отец умный». Как это? Разве это может быть?).

Какое это всё-таки несчастье: муж-дурак, отец-дурак, царь-дурак. Дали денег на хлеб, а он накупил пряников, тянучек и свистулек. И улыбается, пьяненький. Однажды отец купил с получки какую-то специальную самовыжимающуюся швабру. Пришёл с ней довольный, улыбающийся. «Хозяин». Я как посмотрел: куда её? — «для дебилов». И говорю: «Да, вещь хорошая. Тут её так нажимаешь, она и выжимается». — «Да, и тряпку не надо. Видишь, здесь губка привинчена». — «Вещь полезная». (Сам думаю: мать придёт — скандал будет.) И комок в горле. Чувство его доброты, глупости и сознательного неприятия этого. Он дурак, но я себе в этом не признаюсь. Это чувство — как у отца по отношению к ползающему несмышлёному сыну 8-месячному. Так как-то. И вокруг такой колючий мир. Безотцовщина.

23

← Предыдущее, следующее →

23. Примечание к № 12

Дело в том, что о «гениальности» нельзя не написать. (к цитате)

Многие страницы произведений Бердяева очень наивны (51). Чрезвычайно наивны. Но эта-то наивность и даже глупость позволяет ему выбалтывать сокровенное. Именно в «Самопознании» я увидел «русскую идею». Её не увидел сам Бердяев. И не мог. Он писал, что ЧУВСТВОВАЛ. И всё. Бердяев думал: вот «душа России». А он — сторонний наблюдатель, космополит, космонавт. Но он-то и был конкретным воплощением этой идеи, причём единственно актуализированным для себя, единственно познаваемым.

Бердяев дал определение характера русского народа. Де, страна крайностей… Потом подумал, подумал и дописал: русские крайние и в своей срединности. Таким образом, Бердяев ничего не сказал. И это очень по-русски. Он «заоправдывался», «заоправдался».

Бердяев не понял, что сам факт постановки вопроса о «русской идее» и является её осуществлением. Тут гигантская заглушка. Мы подлецы, ничтожества, но святые. Мы не ничтожества и не святые, а посредственности. Мы посредственности, но посредственности исключительные, в которых максимально проявлена подлость и святость. Но собственно эти крайности встречаются в реальности в виде крайности посредственности. Но крайняя посредственность есть и крайняя экстраординарность. Но и т. д. и т. п. — Это адаптация. Осаждение умонеохватной идеи в филологической среде за счёт её примирения с собственным реализмом и даже цинизмом. И это у всех воспроизводится, воспроизводится… Та же «ваза», то есть насильственное и произвольное внесение внутрь своего мира какой-то нелепости и её постепенное сглаживание, адаптация, погружение. И в результате — филологическая и логическая катастрофа. Русский будет вешаться, и уже прыгнет со стула, и тут, в последний миг, схватится за вазу. И она выпадет из его коченеющих рук. «Русская идея», совершенно искусственная, насильственно прививаемая, наконец просто нелепая, никак (содержа-

тельно) не соотносится ни с подлинной историей России, ни с субъективным миром славянофилов и соловьёвцев. И тем не менее все они её воспроизводят, и все субъективные различия этих мыслителей осуществляются как различия в индивидуальной адаптации этой темы. Как кто её ПРОВОРАЧИВАЕТ. И в по-гоголевски бессмысленном сопоставлении раскрывается личность. В самом же факте адаптации — русская идея. Взята в башку башкирская идея, и начинается её просветление. В конечном счёте НЕУДАЧНОЕ, исходно неудачное (конечное). Неудача неизбежна, и её можно лишь отдалить.

И у меня. Ну зачем, зачем об этом говорить? «Я гений» и т. д. Пусть даже думается где-то там (59). Иногда. Бессонным утром, когда вдруг всё получается… Что делать, слаб человек. Но это так ведь, «мимолётное впечатление», «облачко». Зачем же сваи забивать. Но притягивает, притягивает благородный, прохладный и хрупкий фарфоровый бок. Само собой. И потом мучительное, всё более сужающееся кружение вокруг, и далее… Балансирование с огромной вазой в руках. Земля кренится, голова кружится, а вот уже и русские избы виднеются. Дом ли то мой синеет вдали? (61)

24

← Предыдущее, следующее →

24. Примечание к № 7

Третья часть — это распадение, деструкция (к цитате)

Ирония здесь переходит в комизм. Я чувствую себя клоуном (28). Потеря достоинства и в общении с людьми у меня. Нарушение смыслового и интонационного единства. Достоинство это и есть единство, цельность.

Итак, я гений. Перед началом «обыгрывания» тему следует несколько прорисовать, утрировать для будущих вольтфасов. Например, так:

Настолько уж мне наплевать на чьё-либо «вообще-мнение» (то есть мнение отчуждённое, незнакомое со мной как личностью, мнение читательское), что я открыто и со смехом заявляю об этом. По широте ума, многоуровневости и неожиданности мышления не встречал я в жизни людей равных себе. Так что уже давно привык самые серьёзные разговоры вести вполсилы, спустя рукава. Мне это так надоело, что я специально нарываюсь на интеллектуальный скандал, на позор. Я хочу, чтобы меня осадили, показали, что я зарвался, и ткнули носом в моё собственное невежество, поверхностность, просто в мою глупость. Моя мечта — сесть в лужу. Но уже странная судьба — никак не могу. Дошло вот до смешного: сам аккуратно сажусь в неё. Однако уже гложет мысль, что это, хе-хе, последний штрих в законченной духовной трагедии.

25

← Предыдущее, следующее →

25. Примечание к с. 13 «Бесконечного тупика»

Русь поющую и Русь говорящую сменила третья Русь — Русь орущая. (к цитате)

Может быть, всё дело в том, что русские в своё время недоорали. После революции Россия пережила опыт молодого государства. У России не было молодости. Всё началось с христианства, его тысячелетней мудрости. А после 17-го Россия наконец ВЫСТРАДАЛА «не убий» и «не укради». Всё равно не удалось обмануть природу, перескочить детство, язычество.

26

← Предыдущее, следующее →

26. Примечание к № 9
Русский ощущает себя не совсем настоящим. (к цитате)

Да это сразу видно. У нас даже какой-нибудь Большой Человек читает бесконечную железобетонную речь и вдруг на полуслове как-то запнётся, оглянется, дёрнет плечом — и сразу видно: самозванец (108). Он сам так интуитивно чувствует. Любой русский где-то на донышке самозванец (122). И разве я не самозванец? Ещё какой!

Чувство, напрочь отсутствующее в русском, — чувство органической, естественной наглости. У нашего наглеца всегда неосознанное чувство: «Батюшки, да что ж это деется. Что ж меня никто не осадит!» Отсюда, из-за этой внутренней неустойчивости, американская схема — «из чистильщиков сапог — в миллионеры» по-русски всегда аккуратно закругляется на конце — «а из миллионеров — в чистильщики сапог».

Однажды знакомому попалась на глаза немецкая книга «Юмор народов мира». Русский юмор там был представлен «Сказкой о рыбаке и рыбке». Знакомый долго хохотал: как! из богатейшей сокровищницы русского юмора немецкие филистеры выбрали какую-то детскую сказку! А я потом подумал: э-э, немцы-то не дураки! Очень русская сказочка! (133) Хотим СВЯТУЮ Русь…

Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула…

27

← Предыдущее, следующее →

27. Примечание к № 8

Начиная с реформ Петра I шло гниение верхов, к началу революции переродившихся даже в этническом отношении. (к цитате)

Об этом хорошо сказано в дневнике Суворина:

«У нас нет правящих классов. Придворные даже не аристократия, а что-то мелкое, какой-то сброд. Аристократия была только при старых царях, при Алексее Михайловиче, этом удивительном необыкновенном цельном человеке, который собственно заложил новую Россию. Пётр начал набирать иностранцев, разных проходимцев, португальских шутов, со всего света являлась разная дрянь и накипь и владела Россией. При императрицах пошли в ход певчие, хорошие жеребцы для них, при Александре I — опять Нессельроде, Каподистрия, маркизы де Траверсе, все нерусские, для которых Россия мало значила. Даже плохой русский лучше иностранца. Иностранцы деморализуют русских уже тем, что последние считают себя приниженными, рабами и теряют чувство собственного достоинства».

И ещё:

«Рабы одинакового происхождения с господами, а иногда и высшего. Крестьяне славянского происхождения, а господа — татарского, черемисского, мордовского, не говоря уже о немцах».

28

← Предыдущее, следующее →

28. Примечание к № 24

Я чувствую себя клоуном. (к цитате)

Можно сохранить достоинство и чинно сидеть в душной, полутёмной прихожей-канцелярии. Но можно потерять достоинство (33) и пройти в широкие светлые комнаты, потом в залы, анфилады залов (35). Чем больше теряется достоинство и чем больше расползается моё «я», тем ближе к истине, тем ощутимей её притяжение, её истекающий в реальность центр. Истина выше всего. Истина по-русски — это потеря достоинства. При объективизме всё будет хорошо, но истина будет элементарная, дубоватая и, во-вторых, не будет меня.

Я мог бы не писать про «гениальность», мог бы и мыслить стройно и рационально. Но в результате получилась бы примитивная «фёдоровщина» (45). Полезла бы такая чертовщина, что все бы за голову схватились, — оживление мёртвых и тому подобная ахинея.

29

← Предыдущее, следующее →

29. Примечание к № 8

Весь XIX век Россия испуганно шарахалась от социализма, а её пичкали масонской (вот словечко и проскочило) (к цитате)

Я несколько раз видел, как люди были раздавлены масонской идеей. С полунамёков их годами вынашиваемое мировоззрение летело в тартарары. И у 20-ти, и у 60-тилетних. Как будто ждал человек, что ему это скажут.

Однако, думаю, как сильно пошло. Это-то и есть ГЛАВНОЕ подтверждение. Вдруг такое открытое, радостное принятие…

Да даже ИЗ НИЧЕГО «умному человеку» (в том смысле, в каком это словосочетание Смердяков употреблял) тут большие дела делать можно (34). Да это такой рычаг!

Я говорю: «Спорьте. Нельзя же себя так не уважать. Это же крах, вы понимаете, крах всего вашего взгляда на мир. Нет, скажите, что вы это специально, „чтобы не связываться“. Видите — перед вами психопат — и „не связываетесь“». Как током ударяло: «Что вы!!! Отец-благодетель, глаза, глаза открыли! Только теперь вижу, как складывается всё». — «Но где же факты? Я же ничего не доказал. „Доказал“, как Гоголь в „Женитьбе“ („Возьмите же Ивана Кузьмича. — Отчего же? — Ясно отчего. Иван Кузьмич человек… просто человек, а другие — дрянь“)». — (Растерянность.) «Я это, про масонов-то… пошутил». Но на лету радостно подхватывается: «Да, конечно, конечно, „дети — цветы жизни“. Конечно, хе-хе, шутка. (Сам улыбается понимающе.) Шутка. Как это я раньше не догадался». И шёпотом: «Вы понимаете, всё это останется между нами, можете не сомневаться». И опять громко: «Шутка, шутка…»

Легенда о масонах ложна (53). Но её ложность истинна. И поэтому это правда. Сравните, например, восприятие тела у древних греков. Сердце — это обиталище души, гладкая и плотная печень отражает идущие от мозга токи, что вызывает пророческие сны. Лёгкие — мягкие, как губка, и прохладные — смягчают удары закипающего гневом сердца. И т. д. Это всё, конечно, неверно, но в субъективном восприятии человека — вполне истинно. Так нормальный человек и переживает своё тело. Если лечь на спину, закрыть глаза и сосредоточиться на физиологиче-

ском восприятии внутренностей, то пространственное ощущение совпадёт с архаичным бредом древних. Более того, глубокое прочувствование именно этой ложной схемы расположения и взаимосвязи органов может вызвать даже некоторое волевое управление их функционированием.

«Всемирный заговор», «тайное знание», «расовая борьба» и т. д. — всё это изломы, но изломы настоящие, истинные, человеческие (58). Естественные изломы человеческой психики. От этого нельзя уйти. С точки зрения физиологии, сердце — примитивный мускул. С точки зрения психики, сердце — это середина, средоточие жизни, что чувствуют не только люди, но и животные.

На подобных «ошибках» построен психоанализ, в этом его глубочайшая истинность и искренность. Но, с другой стороны, следует же признать, что и сам психоанализ является «ошибкой». Учение Юнга об архетипах само архетипично. В этом его спасительная двусмысленность.

В начале 70-х годов на Западе была опубликована книга английского философа Артура Кёстлера (62) «Призрак в машине». В частности, в ней разбирался феномен «закрытой системы убеждений». Таковая система, согласно автору, претендует на роль всеобъясняющей Правды, будучи в лучшем случае относительной истиной. Но при этом она:

«не может быть опровергнута силою фактов, ибо все противоречащие ей данные автоматически перетолковываются».

Причем это «перетолкование»:

«совершается изощрённо-казуистическими методами „двоемыслия“, безразличными к „эвклидовским“ законам обычной неизвращённой логики и цепляющимися за аксиомы огромной эмоциональной силы».

Причину создания «закрытых систем» Кёстлер усматривает в самом характере биологической эволюции человека:

«Человеческий мозг — жертва просчёта в конструкции, прокравшегося из-за необычайно поспешной, „взрывной“ эволюции, предположительно имевшей место в плейстоцене. В ходе такого ускоренного филогенеза не успела сложиться достаточно эффективная коммуникация между „старым мозгом“ (палеокортексом, восходящим к рептилиям), „средним мозгом“ (мезокортексом, присущим низшим млекопитающим) и „новым мозгом“ (неокортексом, специфичным для высших млекопитающих и человека). Дефект координации состоит прежде всего в том, что многие функции филогенетически новых отделов мозга дублируются филоге-

нетически более старыми его отделами, которые заведуют не только бессознательными вегетативными процессами в организме, но вдобавок по-своему „чувствуют“ и „мыслят“. В человеческом сознании имеются как бы два независимых экрана: на один из них проецируется грубый и упрощённый абрис действительности, апеллирующий к низшим инстинктам и невербализованным эмоциям, на другом — возникает более точный, детальный и адекватный образ мира. Психическая раздвоенность, свойственная человеку, находит подтверждение в материальном субстрате — в „шизофизиологии“ головного мозга. В нашей черепной коробке, образно говоря, расположились бок о бок крокодил, лошадь и человек разумный, причём первые две твари далеко не всегда подчиняются своему предполагаемому господину. Напротив, они часто превращают его в своего раба: вербальное мышление подыскивает рациональные мотивировки и хитроумные оправдания примитивным аффектам».

Мысли Кёстлера, конечно, не столь уж и оригинальны и скорее являются «бродячим сюжетом» современной западной философии. В данном случае интересно другое: Кёстлер, ведя нить повествования, постепенно договаривается до необходимости повальных трепанаций черепа и вакцинации всего населения земли мощнейшими нейрофармакологическими средствами. Этой чудовищной, апокалиптической картиной «излечения морально невменяемой расы душевнобольных» английский мечтатель и заканчивает свою книгу.

Кёстлер говорит о мозговом дефекте совершенно верно, тонко, остроумно, но и с этого бока мысль вывернулась как падающая кошка, и упала на все четыре лапы вульгарнейшего утопического активизма. Получилась своего рода идеальная демонстрация ущербности человеческого мышления.

Но эта ущербность ущербна лишь с одной точки зрения. Мне, например, эта ущербность мила, приятна. Для меня она — трогательно естественна. (Розанов писал, что живое лицо с прыщиком ему милее идеальной белизны античного мрамора.) Не надо только сопротивляться — ковырять лицо и мазать его едким гримом.

Да, например, русское мышление — «пластинка». Ну что тут поделаешь. Надо дать мысли крутиться. Иначе всё лопнет, треснет, разобьётся (64). Вот, вернёмся к масонам. Люди ждали этого, были приготовлены к восприятию. Масоны, теософы, экстрасенсы, мистические националисты. Везде так и шныряют всевозможные «Розы мира», «Рамакришны», «Велесовы книги», «Десионизации». В этой изломанной атмосфере что русское? — Сами

изломы. Фантастическая, чисто женская русская мысль мерцает, мнится. «Предателя, МНИЛИ, во мне вы нашли» (68).

И шире: в самом культурнейшем обществе лишь 0,1% людей способны к рациональному мышлению. И 0,0001% — к сверхрациональному постижению мира. Подавляющее большинство нации всегда недотягивает даже до рационального уровня, и уже поэтому демоны негативного иррационализма обладают исключительной энергией. Христианство вовсе не уничтожило иррациональные силы (это невозможно), а разделило их на светлые и тёмные. Серая магия античности разделилась на белую и чёрную. И величие западного христианства обратной стороной являет нам огромную силу западного сатанизма. Объективирование этих сил и вызывает рационализацию, создаёт рациональную личность, свободную от демонов. Но демоны не уничтожаются, а продолжают существовать в подсознании такого человека.

Он может лишь вытеснить их, но не уничтожить. Слабость рационализма в том, что разум теряет связь с бессознательным и не может думать об иррационализме, просто убегает от него, прячет голову в песок позитивизма.

Суть «Легенды о Великом инквизиторе» Достоевского — в вопросе: выдерживает ли человек свободу? Мысль может свести с ума (74). Какой ужас — крах официальной (в том числе и официально-теневой) идеологии в зрелом возрасте. Чёрный ветер свободы сметает человека, сшибает его с ног. Он судорожно ищет себе новую раковину, выращивает новый панцирь: масоны, врачи-убийцы… Как китайский карлик-уродец, выращенный в вазе и адаптированный к ней изгибами своего уродства, — он погибнет, если его перенести в другую вазу, с другой деформацией.

А русский человек не может жить на интеллектуальной свободе. Он не выдерживает. Живёт верой. И я страдаю, когда сталкиваюсь с такой объективацией, онтологизацией своих слов (81)… Да. Но это не интеллектуальное рабство, как может показаться с западной точки зрения. — Это иное отношение к истине.

30

← Предыдущее, следующее →

30. Примечание к № 9
Ну какой же ты Иванов, сам подумай! (к цитате)

Меня вызывают к какому-то начальнику и давай молча руку щупать. Один другому: «Да, рука хорошая». А другой кивает. И мне: «Вы посидите пока в коридоре, вас вызовут». А коридор длинный, тусклый, бесконечной щелью уходящий вверх и с издевательски приземистыми лавочками вдоль стен. Потом, минут через сорок:

— Одиноков, зайдите.

И там: «Мы у вас хотим руку отрезать». Я в первый момент даже не понимаю и машинально:

— Зачем?

Сидящий за столом многозначительно переглядывается с другим, у окна, и конфиденциально так:

— Мы могли бы не информировать, но мы вам доверяем. Дело в том, что вашу руку пришьют уважаемому человеку. Ему надо. (И называется страшная фамилия, кому именно.)

— А может быть, не надо?

— Надо!

— Но ведь мне тоже она… того… нужна.

— А зачем?

— Ну, так… понадобится.

— А зачем понадобится?

— Ну, в магазин ходить, сумку нести.

— Так ведь у вас одна рука останется, в ней и несите.

— А одной тяжело, и потом две сумки может быть.

— И что, часто вы так в магазин ходите, «с двумя сумками»?

— Да нет, но всё-таки…

А сам уже чувствую, что это не то всё, что жалкие оправдания какие-то. Что я не прав. Люди мне одолжение оказывают. У них серьёзное дело, а я с сумкой какой-то. И чего я вру, не хожу я в магазины эти.

И я уже нехороший и так под конец, как гад, «права качаю». А они:

— Что же, можете жаловаться. Это ваше право. Подавайте апелляцию в течение двух недель.

И я две недели бегаю по жутким коридорам. Да не бегаю — сижу. Сижу часами, часами. Меня вызывают в разные кабинеты, я там что-то униженно бубню, бубню. Меня уже называют все на «ты», потом переходят на «он» (36). Я «спасаю руку», и так это всё нехорошо, страшно. Этого растерянного ужаса западному человеку никогда не понять. Ведь он уверен, что он это он. И ему сама идея ДОКАЗАТЕЛЬСТВА себя просто не может прийти в голову.

31

← Предыдущее, следующее →

31. Примечание к № 9
он неожиданно для себя действительно потеряет своё имя, уступит себя (к цитате)

Русская история — это Порфирий Петрович, пришедший к невиновному Раскольникову и нажавший: «Вы, вы-то, Родион Романович, и убили». И тот сознаётся.

Конечно, не мне указывать на это Достоевскому. Фёдор Михайлович и сам всё отлично понимал. И ввёл дополнительную линию в повествование: мужик Миколка обвинён и СОЗНАЁТСЯ.

32

← Предыдущее, следующее →

32. Примечание к № 8
пичкали масонской … идеологией до мордоворота (к цитате)

Стало избитым анекдотом: цензура в России возникла раньше литературы. Действительно. Совершенно верно. Русская литература была создана искусственно. Только заслуга в этом не государственной цензуры, а цензуры масонской (39). Ещё в XVIII веке русский книжный рынок был завален франкмасонской макулатурой. Все эти бездарные стишки, агитки, псевдонаучные трактаты в подстрочном переводе на «русский канцелярский», все эти бесчисленные журналы и журнальчики придали русской литературе изначально кривой, чисто утилитарный характер, с которым русский гений отчаянно боролся на протяжении более чем ста лет и в конце концов рухнул под тяжестью демагогического словоблудия.

Не Вавилонску башню
Мы созидаем здесь.
Но истину всегдашню,
Чтоб свет был счастлив весь.

Или:

Здесь вольность и равенство
Воздвигли вечный трон,
На них у нас основан
Полезный наш закон.

Или:

Любовь — душа всея природы,
Теки сердца в нас воспалить,
Из плена в царствие свободы
Одна ты можешь возвратить.

А вот ещё:

Не будь породой здесь тщеславен,
Ни пышностью своих чинов,
У нас и царь со всеми равен,
И нет ласкающих рабов,

Сердец масонских не прельщает
Ни самый блеск земных царей,
Нас добродетель украшает
Превыше гордых всех властей.

И ещё:

Коли б знали законы,
Кои здесь мы храним,
Были б все вы масоны
Под законом одним.

Не надоело? Тогда ещё стишок:

Утомлённый брат грозою
Наслаждайся тишиною,
Страх из сердца изведи,
К нам в объятия приди.
Мы с восторгом вас приемлем,
Троекратно вас объемлем.

Что, подташнивает? А мы не обижаемся. Мы добрые:

Пусть громко мир ругает нас,
Злословит и клевещет,
Не станем мы сей мир бранить,
Хотя бы стал нам зло творить,
Мы будем, мы будем всех любить.

Потому как

Хоть их ненависть в нас остры стрелы мечет,
Хоть злобой их язык неистовством клевещет,
Однако правоты не истребить, основанной на чести,
Оставим их роптать, гнать нас, не делая им чести.

И это штамповали пачками. Изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год, из десятилетия в десятилетие. Читайте, запоминайте. Темы одни и те же: кувалды, кирпичи, великие стройки, «марш, марш вперёд, рабочий народ», «мы жертвою пали в борьбе роковой», «мы едем, едем, едем в далёкие края».

Вот масонская агитка уже после 150-ти лет своего развития. Вид её поприглядней, но суть та же. Николай Гумилёв:

Нас много здесь собралось с молотками
И вместе нам работать веселей;
Одна любовь сковала нас цепями,
Что адаманта твёрже и светлей,

И машет белоснежными крылами
Каких-то небывалых лебедей.
…
Всё выше храм, торжественный и дивный,
В нём дышит ладан и поёт орган;
Сияют нимбы; облак переливный
Свечей и солнца — радужный туман;
И слышен голос Мастера призывный
Нам, каменщикам всех времён и стран.

Тоже зовёт Русь к кирпичу. С этого начали, этим и кончили.

А где же история русской литературы? Ведь на неё проецировали саму историю России (42), отождествляли «развитие» заказной графомании с развитием огромного государства.

33

← Предыдущее, следующее →

33. Примечание к № 28
Но можно потерять достоинство (к цитате)

Можно потерять лицо. Обычно больше всего потерять лицо боятся те люди, которые его не имеют. А зря. Потеря лица — первая ступень к его обретению.

34

← Предыдущее, следующее →

34. Примечание к № 29

Да даже из ничего «умному человеку» (в том смысле, в каком это словосочетание Смердяков употреблял) тут большие дела делать можно. (к цитате)

Глава «Пока ещё очень неясная» и дополняющая её «С умным человеком и поговорить любопытно» в «Братьях Карамазовых» — это гениальное воспроизведение стиля русского мышления, русской беседы. Обмен приземлёнными обыденными фразами, а по сути — иной, невероятно страшный смысл. Всё проговаривается без слов. Как бы и заговор какой-то, условленность, а в подоплёке, если прищуриться, ничего и нет. Или ничего и нет, а прислушаешься и замерещится вдали страшная отгадка. Смердяков обговаривает план убийства отца со своим мистическим Хозяином. Но хозяин, приказывая ему убить, одновременно оказывается жалким рабом слуги, ибо ключ к шифру беседы — у Смердякова (38). Который и говорит сходящему с ума Ивану: «Вы и убили». Слуга, дешифруя текст, сам становится хозяином, но не выдерживает власти и свободы и гибнет.

Так кто же «умный человек» по-русски? Владеющий истиной? Нет — знанием. «Знание — сила» по-европейски звучит совсем иначе. В смысле «истина — сила». Знание же — это знание знаков, знахарство. Понимание соотнесённости смысла. Прозревание баланса истин. Причём это не есть аномалия национальной элиты. Нет, идея презрения к истине и преклонения перед знанием лежит в народной основе. Русские никогда не понимают сути (в западном смысле этого слова), но зато гораздо сильнее европейцев в понимании ситуации. С точки зрения формальной, русские разговоры бесконечно глупы, как глуп, например, диалог Ивана и Смердякова. Но капните в сублимированный порошок влаги «интимности», «задушевности», и в землю вроются мощные корни и бивни ветвей взметнутся в звёздное небо. И при этом — страх, страх перед собственным разумом, собственным коварством. У Ивана перед разговором со Смердяковым проносится в мозгу:

«Тоска до тошноты, а определить не в силах, чего хочу. Не ду-

мать разве...»

Ни в одном языке мира не звучит это так издевательски, так ехидно и злобно: «Ты у-умный».

35

← Предыдущее, следующее →

35. Примечание к № 28

пройти в широкие светлые комнаты, потом в залы, анфилады залов (к цитате)

В мечте моей гигантские пролёты. Я это пространственно воспринимаю, как большие залы. При полной близорукой запутанности в быту (40) — в фантазии, в её миллионноэтажном лабиринте я всегда сворачиваю в нужное ответвление, избегаю тупика, конца. Мысль не оканчивается, а всё тянется и тянется, раскрывает всё новые и новые горизонты русского матрёшечного пространства. Сужение, темнота, но вот внезапный поворот в сторону, в тёмный и невзрачный проём, и снова впереди километровые своды, свет, музыка. Никакого расчёта. Чисто интуитивное «шарахание». Можно даже шарахнуться от шарахания и написать, что жил-был на свете одинокий несчастный человек, который сочинял ночами странное и никому не нужное:

«Вычурное по форме и фантастическое по содержанию произведение, основная тема которого — описание собственных страданий».

Но мы пока лишь посветим в этот тусклый участок лабиринта и полетим дальше, в более длинную и светлую ветвь.

36

← Предыдущее, следующее →

36. Примечание к № 30

Меня уже называют все на «ты», потом переходят на «он». (к цитате)

Когда в рожу бросают украинское «ты», это ещё ничего. Вот когда говорят в лицо «ОН»… Заходит коллега к следователю стрельнуть сигарету, а тот большим пальцем через плечо: «Вот, вожусь с НИМ». А «он» висит на крюке вверх ногами (52) и сквозь шум заливающегося кровью перевёрнутого мира слышит это.

37

← Предыдущее, следующее →

37. Примечание к № 8

Я не историк и вовсе не собираюсь доказывать свою точку зрения. (к цитате)

Это всё фантастика (54). Тут важно передать зыбкость почвы, оборачиваемость языка. Это главное ощущение. А сами факты и их плоскостная интерпретация — лишь орудие взлома. «Нация — рок его». И сам автор русский. И вот он со своим кривым сознанием лезет в кривь русской истории. Кривой ключ подошёл к кривому замку (56). Открывающийся путь ведёт в две стороны истины: объективной и субъективной. Эти пути должны в подсознании перекрещиваться, и все же их два. Я сам себе вырезаю аппендикс (57).

38

← Предыдущее, следующее →

38. Примечание к № 34

Но хозяин, приказывая ему убить, одновременно оказывается жалким рабом слуги, ибо ключ к шифру беседы — у Смердякова. (к цитате)

По-русски достаточно не то что задумать преступление, а только помечтать о нём, и однажды всё внезапно перетечёт в реальность. Впрочем, Иван даже не мечтал, а просто были какие-то смутные полумысли, нехороший туман в углу черепа. И вот — убийца.

39

← Предыдущее, следующее →

39. Примечание к № 32

Русская литература была создана искусственно. Только заслуга в этом не государственной цензуры, а цензуры масонской. (к цитате)

Достоевский негодовал в 1864 году:

«Свиньи цензора, там, где я глумился над всем и иногда богохульствовал ДЛЯ ВИДА, то пропущено, а где из всего этого я вывел потребность веры в Христа — то запрещено. Да что они, цензора-то, в заговоре против правительства, что ли?»

Невольно вырвалось. В общем, и позже, у Розанова, тоже невольно. Для того, чтобы «вольно», нужен был особый глаз, советский.

И если Достоевскому и Розанову не хватило, то что же говорить о других? Дурачки слепенькие, ничтожненькие дурачки.

40

← Предыдущее, следующее →

40. Примечание к № 35
При полной близорукой запутанности в быту (к цитате)

Вот схема моих отношений с реальностью:

Однажды товарищ сказал, что может купить мне недостающие до 82-томного комплекта тома Брокгауза. Он купил один, но именно этот том у меня был. Тогда он заявил, что его можно обменять в букинистическом магазине в Столешниковом переулке. Но обменять его было нельзя, так как купленный том был с библиотечным штампом. Зато мой том был без штампа, и я пошёл его сдавать. Но отдел обмена работал в магазине до пяти часов. Я пришёл раньше на следующий день. Но этот день недели именно для этого отдела был выходным (маленькие радости социализма). Я уже не помню, как и когда я ходил с этим несчастным, безобразно разросшимся Брокгаузом (50) — а происходило это в магическое время сочинения книги… помню только, что была зима, гололёд, и я упал на спину. А шапка слетела и покатилась, покатилась… Я потом шёл домой и на ходу сочинял следующее «примечание»:

Меня всегда пугала пространственная сложность материального мира (55). На полу в моей комнате всегда лежит что-то важное — доски, пылесос, книги, газеты, ящики, — что надо всегда обходить и обо что надо спотыкаться. Я что-то всегда строю: стол, тумбочку, шкаф, полки. Строю и не достраиваю. Всё лежит месяцами на одном месте. Я неосознанно усложняю план реальности, так как для меня существует её сложность, но не сама реальность. Усложняя её, я её складываю, уничтожаю. Складки придают ей мнимость, сценичность. В сплошном сыре мира я прогрызаю дырки. Червивый сыр — это деликатес. Но всё-таки я не только червяк (72), и возникает ощущение спутанности бытия, бессилия перед миром. Всё чего-то понаставлено, как пройти на кухню? Да и где она, уже забыл. Мне страшно. Вещей много, а я — один. Падаю на спину, как черепаха на песчаной косе. Меня должен кто-то перевернуть, «спасти», а сам я замираю, берегу силы. Кажется, что этот мир перевернут. Я перебираю лапками, а он все там же, на том же месте. И никаких Брокгаузов. В дырчатом истончении мира я обретаю уют, свободу, ценност-

ность. Но Брокгауза-то всё равно нет. 39-й полутом: *«Московскій университетъ — Наказанія исправительныя»*.

41

← Предыдущее, следующее →

41. Примечание к № 8

История (Тихомирова) вообще необычная, но возможная. (к цитате)

Загадочность его судьбы не в её характере, а в уровне осуществлённости, масштабности. История Тихомирова, при всех её неясностях, дающих возможность «более тонкой игры», — их здесь можно отпустить — история эта вполне понятна, «укладываема». Воспитывался в религиозной дворянской семье, потом смятенность, сомнения «с битьём икон», попадание сослепу в революционную резню, эмиграция — случайный инстинктивный прыжок в критический момент. А там постепенное догадывание об общем замысле, ощущение своей использованности, а потом и низости. И наконец — смертельная болезнь (менингит) маленького сына; его чудесное, невероятное исцеление; плач в Парижском православном храме; обращение к Христу; возвращение на родину; раскаяние. Все это несколько мелодраматично, несколько с неумелым истерическим нажимом, но всё же вполне правдоподобно.

Менее правдоподобен талант Тихомирова. А это был человек очень талантливый. Он в покаянных письмах тонко спохватывался о Достоевском:

«Меня (левые. — О.) *несомненно предадут анафеме, обзовут изменником, ренегатом, проделают много пошлого, банального, чего не делают, например, с Достоевским, громадная гениальность которого затыкает рты».*

Это черта национального ума — спохватывание. Интенсивность именно такой формы мыслительной деятельности говорит об общей незаурядности Льва Тихомирова. Эта незаурядность снимает почти все «но». Все, кроме одного: странно ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ этого таланта. Тихомирову дали осуществиться, прожить подряд две жизни, тогда как после насыщения первой его должно было ожидать прозябание или смерть. Он должен был, может быть, и приехать в Россию, но превратившись в нищего, опустившегося алкоголика, всеми забытого и самим фактом прощения окончательно стёртого, опозоренного.

Его должны были использовать, а потом тихо, без шума придушить. Но получилось совсем иначе.

Тихомиров спохватился о Достоевском (49). Кстати, они были внешне очень похожи. И судьбы их схожи. И вот в нормальных условиях Льва Тихомирова просто бы не было. Не дали бы. «Не надо раскаяния вашего». «Ничего иметь с вами не хотим». Да и не допустили бы до этой фазы — шлёпнули. И невелика потеря. Его книги любопытны, там есть кое-какие мысли, но можно и без этой «роскоши» обойтись. Россия бы не обеднела.

Да. Ну, а если бы Достоевского, так поумневшего, так просветлённого после каторги, тогда, в 1849 году, расстреляли, довели бы церемонию казни до конца? И «Бесов» бы никто не написал. Не было бы «Бесов». Но и «бесов» тоже бы не было (и Крымскую войну, может, выиграли бы). Вот соединение какое «революции» и «свободолюбивой культуры».

42

← Предыдущее, следующее →

42. Примечание к № 32

А где же история русской литературы? Ведь на неё проецировали саму историю России (к цитате)

В этом смысле очень интересна книга Иванова-Разумника «История русской общественной мысли» — двухтомный труд, вышедший в начале века огромным тиражом. С точки зрения литературоведения, философии, истории или даже заурядной фактографии, содержание этой книги равно нулю. Однако в качестве, так сказать, кодификации интеллигентской мифологии значение разумниковской «Истории» огромно. Лишь когда я прочитал Разумника (точнее, прочитал два раза и законспектировал), мне, можно сказать, открылась суть произошедшего в русской культуре XIX века. С русской культурой… Вообще, это одна из моих любимых книг. Я думаю, что можно русскому в конце концов не читать Канта и всё же быть квалифицированным философом (ну, Куно Фишера прочесть). Но Разумника обойти нельзя. Без Разумника русский XIX век будет слишком светел, слишком рационален. А ведь XIX век в России это, как ни крути, русское Возрождение. Нечто похожее на Возрождение, ГЛУБОКО аналогичное. Если русское Просвещение — лишь внешняя аналогия Просвещению западному, реминисценция, стилизация, то Достоевский — это не стилизация, а нечто глубокое, доходящее до корневой системы индивидуальной и социальной психики. То есть Россия XIX века это ПО СУТИ, «на пределе», после отбрасывания «антуража», — Италия XIV века. То есть мрачная трагедия и пошлый фарс, подвалы и карнавалы, рождение в хаосе и ужасе индивидуального сознания. Рождение, в отличие от Италии, возможно, в более грандиозных масштабах, в более сжатые сроки, с большей наивностью, прямотой, «планомерностью», но и с большим напряжением. Может быть, с безнадёжностью, если учесть двойную ментальность России и вреднейшую упреждающую коррекцию Процесса со стороны фатально ушедшего вперёд Запада. (Закон, известный задолго до Шпенглера: более мощная культура давит своих соседей, не даёт им развернуться.)

Что же писал Иванов-Разумник? Суть своего труда он опреде-

лил следующим образом:

«История русской интеллигенции — это полуторастолетний мартиролог, это история эпической борьбы, история мученичества и героизма… Считаем нужным подчеркнуть, что ЭТОЙ истории читатель не найдёт в лежащей перед ним книге: внешняя, фактическая сторона истории не входит в содержание предлагаемого труда… в настоящей книге читатель найдёт не столько ИСТОРИЮ русской интеллигенции, сколько ФИЛОСОФИЮ этой истории… Философия истории русской интеллигенции есть в то же время отчасти и философия русской литературы… Русская литература в этом отношении сыграла совершенно особую, неизмеримую по значению роль: условия русской жизни, жизни русской интеллигенции складывались так, что только в одной литературе горел огонь, насильно погашенный в серой и слякотной общественной жизни русской интеллигенции; только в одной литературе Белинский видел жизнь и движение вперёд. Отсюда громадное этическое значение русской литературы, её столь ненавистное многим „учительство“… Всё, что преломляла и отражала жизнь, вся любовь и вся ненависть — всё горело ярким огнём в русской литературе; общественная ненависть, политическая борьба, глубокие этические запросы — ничто не было ей чуждо. Русская литература — Евангелие русской интеллигенции».

Согласно Разумнику, всё русское общество делилось на «мещанство» и «интеллигенцию». Мещанство — это косная, реакционная, тёмная, бездарная и тупая сила. Интеллигенция — соответственно динамичная, прогрессивная, светлая, гениальная и утончённая. Исходя из этого трогательного по своей непосредственности деления, русская история XIX века осмыслялась Разумником как борьба светлых и тёмных сил. Характерно, что «тёмные силы» никак конкретно не рассматривались (что естественно — раз они ТЁМНЫЕ, то что же там во тьме кромешной увидишь), а к «светлым силам» относились:

а) русские писатели;

б) положительные герои русской литературы;

в) революционеры, начиная от Радищева и кончая Плехановым.

Напрасная трата времени искать в разумниковской «Истории общественной мысли» историю общественной мысли. Труды русских историков, этнографов, философов и экономистов лежат далеко за пределами интеллектуального кругозора автора этой книги. Отца и сына Соловьёвых, Ключевского, Чичерина, славянофилов для Разумника просто не существует. Разумеется, не существуют для Разумника и цари, правительство, Сперан-

ский, Уваров, Милютин и т. д. Из истории русской общественной мысли общественная мысль и общественная деятельность официальная, государственная — изымается. Хотя её-то и следовало бы изучить в первую очередь. Что важнее: политические взгляды эмигранта Герцена или взгляды непосредственных авторов реформы 1861 года? Один из прожектов гипотетической реконструкции Москвы, сочинённый помещиком-меценатом, или реальное восстановление столицы после пожара 1812 года? Однако у Иванова-Разумника речь идёт прежде всего именно о третьестепенных, несостоявшихся вариантах. Подлинная же история общественной мысли низводится до уровня дешёвого иллюстративного материала, серии грубых карикатур и беглых упоминаний, составляющих 1/100 книги и, видимо, призванных создавать более-менее правдоподобный исторический антураж. Происходит удивительная вещь: философия, история и политика заменяются литературой (67). Причём речь идёт даже не о подмене, например, фундаментальной «Истории России» Сергея Михайловича Соловьёва беллетристикой на исторические темы его старшего сына Всеволода, вроде «Княжны Острожской» или «Царь-Девицы» (это была бы лишь примитивизация), — нет, речь идёт о замене «Истории государства Российского» Карамзина «Бедной Лизой». То есть, согласно методологии Разумника, историю Германии XVIII века следует изучать исключительно по гофмановским «песочным человечкам» и «крошкам цахесам».

Однако это только начало. Разумник идёт гораздо дальше. Историю русской литературы он сводит к творчеству её крупнейших представителей, а их, в свою очередь, представляет как пропагандистов примитивного политического радикализма, то есть отводит им роль партийных журналистов в нелегальном листке Народной воли:

«Дух творчества одинаково витает над всеми ними, над Пестелем и Пушкиным, Н. Тургеневым и Белинским, Герценом и Чернышевским, Толстым и Лавровым, Достоевским и Михайловским … Делить эту группу людей на какие-то две части, ставить перед одной плюс, а пред другой минус, одну обрекать на гибель, а другую на процветание — значит пытаться разъединить неразъединимое, утверждать, что „C“ улетучивается, а „L“ остаётся (106)…»

«Красные бригады» сделали бы точно такой же трюк, приняв заочно на общем собрании в свою организацию в качестве почётных членов Феллини или Верди:

«Дух творчества одинаково витает над всеми ними, над Ренато Курчо и Федерико Феллини, над Марой Кагол и Джузеппе Верди».

При этом творчество Пушкина или Достоевского всячески принижается, а писания Белинского, Михайловского или Чернышевского, действительно крепко связанных с подрывным движением, непомерно раздуваются. Жизнь «прогрессивных литераторов» осмысляется при помощи грубой риторики как своеобразный религиозный подвиг. Чернильные, чиновничьи по преимуществу биографии превращаются в «борьбу» (соответственно, например, борьба русского царя за освобождение славян оборачивается пакостной башмачкинианой):

«Смерть лишила Белинского того тернового венца, который сделал бы его имя из великого святым. Но и без того это имя окружено для нас ярким ореолом борца и мученика за правду-истину и правду-справедливость. Понятно, за что возненавидели его палачи и прихвостни системы официального мещанства: они поняли, что Белинский — это знамя победы русской интеллигенции над тёмными обезличивающими силами … И они были правы. Белинский был знаменем русской интеллигенции, и на знамени этом было написано: „сим победиши!“»

Воинство же Христа-Белинского составлял орден крестоносцев-писателей, которые с перьями наперевес, стреляя чернильницами из рогаток, «штурмовали бастионы»: «Пушкин — я, Лермонтов — я, Гоголь — я, Тургенев, Чехов, Грибоедов, шашки наголо! рысью, поэскадронно… Даёшь Крым!!! Да-ё-ё-ёшь! У-рра!! А-а!! А-а-а-ааа!!!»

«„Горе от ума“, одетое в броню реализма, нанесло … мещанству оглушительную пощёчину, раздавшуюся на всю Россию. Результат оказался плачевным — но не для мещанства: погиб Грибоедов, подобно тому, как погиб его альтер эго Чацкий».

Бронированный Грибоедов оглушительно отбил руку и умер. Но на этом «мартиролог жертв царизма», конечно, не кончился. Вслед за ним «в этой борьбе пали такие титаны, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь». Гоголь хотел:

«Отсечь одним ударом голову гидре мещанства. Но попытки эти были выше сил Гоголя, и он пал под тяжестью добровольно взятого на себя груза».

Николай Васильевич надорвался, добровольно подняв гидру. Однако:

«Пока Гоголь погибал, безоружный, в неравной борьбе, русская

интеллигенция 30-х и 40-х годов приступом взяла цитадель мещанства, подвела подкоп под систему официального мещанства, и громовой взрыв 60-х годов раздался как раз в то время, когда Гончаров представил русскому обществу своего Штольца в виде идеала человека и мещанина».

Гончаров был, конечно, вор в законе, однако допускал грубейшие политические ошибки (например, высмеивал нигилистов в «Обрыве») и попытался отнять у наших меч-кладенец:

«Как писатель, он в совершенстве овладел острым оружием реализма, он понял, что только владея этим оружием, мещанство может стать опасным … Насколько ловко задуманным и безупречно выполненным оказался этот план, видно из того, что на удочку Гончарова попался даже Белинский».

А Белинский был стреляный воробей, его на мякине не проведёшь. Вот какой хитрый был этот Гончаров. Но Разумник хитрее. Всех Гончаров провёл, даже Белинского. А Разумника не провёл. Мимо Разумника, врёшь, не проскочишь.

«Но довольно: пора выйти из этого затхлого подполья на чистый воздух».

(Эту фразу Разумник повторяет постоянно.) А на чистом воздухе что? — Помиловка:

«Интеллигенция 70-х годов вынесла лишним людям оправдательный приговор».

Онегин, Печорин и Обломов «посмертно реабилитированы». Это вам не шутка, не освобождение Болгарии какое-нибудь. Однако царизм не дремлет:

«Героическая эпоха 70-х годов закончилась поединком на жизнь и на смерть (всё-таки на что конкретно? — О.) *между правительством и народовольцами, между представителями системы официального мещанства и русской интеллигенцией. Мы знаем, что борьба эта кончилась разгромом Народной воли и полным поражением интеллигенции».*

То есть Пушкина, Гоголя, Достоевского.

«Цвет русской интеллигенции был растоптан („цвет“ это, конечно, не толстые и достоевские, а Желябов и Кибальчич. — О.)*; богатырские силы были погублены; лучшие и сильные люди сошли со сцены; уцелевшие, за немногими исключениями, заметно понизились этически; на первый план выступили серые, второстепенные люди, вскоре заполнившие собою всю жизнь; минул век богатырей, и —*

…смешались шашки
И полезли из щелей
Мошки да букашки…»

Но рано торжествовала реакция. Из-за леса из-за гор вылез тараном мастодонт Максимыч:

«Конечно, громадное литературное дарование Горького всегда бы пробило себе дорогу и увенчалось успехом, но ведь в 90-х годах не один ореол успеха окружал имя Горького: на него смотрели как на вождя интеллигенции, как на пророка нового откровения. Молодое поколение 90-х годов, измученное социологическим пессимизмом народничества, убогим мещанством восьмидесятников, … — с жадностью приникло запёкшимися устами к бьющему оптимизму человека, которого не задавили ни годы нужды и лишений, ни муки возмущённой чести…»

И так далее в том же пародийном ключе. Возмущённый Франк совершенно справедливо высмеял построения Разумника:

«Позволительно усомниться в реальности подобной невиданной социальной группы (иронизирует Франк по поводу разумниковской „интеллигенции“. — О.)*, которая почему-то именно полтораста лет тому назад родилась для борьбы с вековечным злом человеческой жизни — узостью, посредственностью и безличностью. Позволительно утверждать, что такой группы никогда не существовало и существовать не может — по той простой причине, что не только подлинное обладание оригинальностью и развитой индивидуальностью, но даже действительное понимание этих ценностей и вкус к ним могут быть присущи лишь отдельным личностям и никогда не могут составлять монополии какой-либо социальной группы».*

Далее Франк также совершенно справедливо пишет, что Разумник объединяет под понятием «интеллигенции» принципиально разные вещи. С одной стороны, «чисто идеальное собирательное понятие совокупности лиц, обладающих оригинальным духовным складом» (иными словами, Франк ведёт речь о «цвете нации», «элите»). А с другой стороны, Разумник называет интеллигенцией «действительную социальную группу, народившуюся лишь в 60-х годах, очень сплочённую и психологически весьма однородную группу отщепенцев и политических радикалов». Для этой группы, замечает Франк, характерно как раз крайне враждебное отношение к индивидуальности, творческим личностям, то есть именно к интеллигенции в первом смысле этого слова.

Разумеется, Франк прав. И спорить тут вроде бы не о чём.

Но… Всё же Пушкин переписывался с Пестелем, а Достоевский был петрашевцем. И всё-таки сам Семён Людвигович Франк начал свою философскую карьеру с марксистской пропаганды и написания антиправительственных агиток, за что и был исключён из Московского университета и выслан за границу. Нет, тут замес покрепче будет!

В результате петровских преобразований Россия к середине XVIII века превратилась в полузависимое государство. Внутри страны возникла мощная космополитическая номенклатура, которая постоянно вмешивала Россию в европейский «гросспо­литик». Между крупнейшими европейскими государствами постоянно шла борьба за Россию: кому воевать Россией против того или иного врага. Только из-за внутриевропейских раздоров наше государство могло хоть как-то держаться на плаву и невольно, просто из-за благоприятной геополитической обстановки (польский и османский буфер), извлекать для себя определённые выгоды. По сути Англия, Франция, Австрия и Пруссия формировали в угодном для себя виде внешнюю политику России. А для этого они волей или неволей самым активным образом вмешивались во внутреннюю жизнь восточного соседа. (Ярчайший и простейший пример: убийство Павла I, когда англичане, чтобы предотвратить войну с Россией и направить её армии против Франции, поддержали некоторую аристократическую фракцию и фактически организовали заговор против царя.) Вмешиваясь же СТОЛЬ ГЛУБОКО во внутренние дела, иностранцы, естественно, вмешивались и в культурную жизнь государства. Примитивного государства. В культурном отношении Россия XVIII века не существовала, а культура в России XVIII века существовала лишь в той степени, в какой это было необходимо для существования этого странного государства в качестве используемого фактора европейской политики.

Второй мощной силой в российском государстве была национальная аристократическая оппозиция (как это и явствует из того же убийства Павла I). Оппозиция неоднородная, не вполне оформленная, находящаяся с монархической властью в сложных и часто парадоксальных отношениях и, наконец, теснейшим образом связанная с первой силой (наглядный пример — роль польской шляхты).

Верховная власть в России была очень чутка к любым колебаниям, очень, так сказать, «нервна», напряжена. Там вовсе не было тяжеловесной монотонной устойчивости. (XVIII век — калейдоскоп дворцовых переворотов, а XIX — вообще «ничего не понятно». Ведь вот до сих пор гадают: умер ли Александр I или ле-

генда о Фёдоре Кузьмиче верна? О французской монархии XIV века больше известно.) В такой атмосфере, постоянно насыщенной электричеством идеологии, любое резкое движение вызывало треск разрядов. Достаточно было показать палец, чтобы это воспринималось как политическая демонстрация, и не только воспринималось, но и явилось, и повлекло… И, конечно, неверно, что «только в одной литературе горел огонь, насильно погашенный в серой и слякотной общественной жизни». Точнее будет сказать, что даже в литературе горел огонь идеологической конфронтации (107). Литература русская и зародилась и «была нужна» именно как второстепенный, но важный компонент политической борьбы в верхних эшелонах власти и, шире, как компонент идеологических манипуляций в России со стороны более культурных государств. То есть русской интеллигенции в первом значении этого слова — культурной элите — была уготована роль интеллигенции во втором значении, роль низших исполнителей в различных кланах фрондирующей аристократии и роль наёмных пропагандистов иностранных держав. Но из-за таланта русские вырвались за рамки, дали выход с миллионнократным избытком. Вместо Демьяна Бедного — Пушкин. Но в корне Пушкин-то был задуман как Демьян Бедный.

Разумник же — это удачная попытка осмысления хотя и небольшой, но дьявольски сложной, «хитрой» отечественной мысли с точки зрения рядового исполнителя. Как ему все это снизу, с пятидесятисантиметровой колоколенки представляется. А представляется-то всё, естественно, так, что для него интеллигенты-нигилисты и являются интеллигенцией-элитой — свободной, самодостаточной силой, произвольно, только по собственному усмотрению, из-за «невыносимо тяжёлых условий» выполняющей роль интеллигенции второго типа. В нормальных условиях Желябов стал бы гениальным писателем. Но такова дикость русской жизни: интеллигенты, писатели и художники, вынуждены кидать бомбы и подкладывать мины. Это крест, подвиг, по крайней мере вполне сопоставимый с подвигом Иисуса Христа. Соответственно, те из настоящих писателей и художников, кто отрекается от борьбы, являются пособниками тёмных сил и превращаются в интеллигенцию во втором смысле, но со знаком минус — в мещанство. Если Желябов — это несостоявшийся писатель, то Достоевский — несостоявшийся палач. Эта мысль не закончена Разумником, но вполне логична и договорена Михайловским или, например, Горьким… Иванов-Разумник делал всё это невольно. Всё-таки по его судьбе видно, что он был более Иванов, чем Разумник. Что верно и для всего урод-

ливого сословия, представителем которого он являлся.

43

← Предыдущее, следующее →

43. Примечание к № 8

(о Судейкине и Дегаеве) кстати, первому тогда было 33 года, а второму — 26 лет (к цитате)

Интересно. Порфирия Петровича часто представляют человеком пожилого возраста, почти стариком. А ведь у Достоевского ясно сказано: «едва ли тридцатипятилетний Порфирий Петрович». (При этом следует учесть, что Достоевский из-за поздней любви постоянно лет на 8–10 завышал возраст молодых людей в своих романах, так что Порфирию Петровичу было в воображении автора лет 25–30).

44

← Предыдущее, следующее →

44. Примечание к № 8

приводящей к удивительной, неслыханной свободе материализации всего чего угодно (к цитате)

Россия — это страна, где всё сбывается, где причина и следствие поменялись местами. Вы открыли зонтик, и поэтому хлынул ливень (47). Из-за этого Запад виноват перед нами. Там шутили, а у нас пронёсся самум. Вопрос об ответственности мыслителя наиболее драматичен в самой безответственной стране — в России. Если бы такой мнимой, выдуманной страны не было, может быть, Запад был бы свободен. А так он находится в положении бальзаковского студента, от слова которого зависит жизнь китайского мандарина (притча, очень нравившаяся Достоевскому). В России так и есть. На Западе кто-то подумал, а у нас стали резать. Россия — это осуществление Запада (48). Кто-то сказал: Америка — материальный полигон Запада, а Россия — духовный.

45

← Предыдущее, следующее →

45. Примечание к № 28

Но в результате получилась бы примитивная «фёдоровщина». (к цитате)

В интеллектуальном плане я не то чтобы неумный, а — грубый. В голове у меня копошится фёдоровская чепуха. Я не могу рационально мыслить о метафизических проблемах. Точнее, очень даже могу, но когда думаю, то где-то в глубине мне стыдно. «Дурачок, что я делаю, какая это всё глупость». А почему конкретно это глупость — не знаю, не могу сказать. Поэтому я вполне сознательно отстраняюсь от решения на рациональном уровне философских проблем. Хотя мне это часто так хочется.

46

← Предыдущее, следующее →

46. Примечание к № 12

интересно отношение русского сознания к собственной гениальности (к цитате)

В чём же заключается моя гениальность? Создал ли я гениальное произведение: гениальную симфонию, гениальную картину, гениальный роман? Где они? Где ваши ДОКУМЕНТЫ? Их нет. И быть не может (77). И все же я гений.

Лев Шестов писал:

«Что-нибудь вроде проломленного черепа или прыжка из четвёртого этажа — и не только метафорически, а нередко и в буквальном смысле этих слов — таково обыкновенно начало деятельности гения, иногда видимое, большей же частью скрытое».

Человек крысой трусит по лабиринту общенародного государства за 60-рублевой приманкой и испытывает при этом чувство законной гордости и глубокой благодарности. И вот вдруг крысу начинают загонять в окровавленный угол. Загоняют криками, палкой, электрическим током, специальными пружинами. И вот она уже забилась в тупике и её сейчас размозжат, размажут по стене. И вдруг она (крыса) полетела. Сначала испуганно, как фатальный предсмертный прыжок — истерический, смешной, — а потом, уже в воздухе, всё более и более РАДОСТНО, даже с элементом игры и, наконец, доводки, языка в сторону мучителей, которые как-то вдруг стали ей видны и, сверху, жалки даже. И вот, плавно покачиваясь, она подлетает к форточке лаборатории и, напоследок этак нагло, с вывертом крутанув хвостом, взмывает вверх, в небо (79), и исчезает в голубом, так сказать, просторе.

Это одна такая крыса на миллион. Вызывающих крыс, крыс, которые «выступают» — довольно много. И, конечно, тот факт, что именно к этой вот крысе привязались, именно её начали загонять, — это уже свидетельствует о её избранности, непохожести. Ей что-то мешает, она чему-то мешает. Но обычно загоняемые крысы понятно и примитивно кусаются, или заваливаются в предсмертном обмороке, или просто испуганно пищат. Но какая-то одна — летит. И она — гений.

Гениальная крыса неталантлива. Крыса-талант по сравнению с обычной дольше бы сопротивлялась, глубже кусалась и, может быть, в конце концов даже где-то по пути к стенке вывернулась, шмыгнула в боковой ход, но никогда не полетела бы, не изменила бы САМ ПЛАН СВОЕГО МИРА.

В отличие от талантливой гениальная крыса непредсказуема. Она находит творческое, сверхреальное решение проблем, поставленных перед ней жизнью. Гениальная крыса — свободна.

В чём же заключается моя гениальность? В признании своей гениальности. В признании гениальности как высшем типе смирения, ибо это есть для меня выражение максимальной степени собственной ничтожности (224).

Гениален мой отказ от гениальности. Трагедия без грана трагического — это трагедия абсолютная (234). Так же — любовь. Ведь полное отсутствие любви — это высший тип любви. Так же — вера в Бога. Даже высокая вера в стенах монастыря — это уже гордыня. Нужно жить как все, не выделяя себя в стенах святости. Верить в Бога — это уже в него не верить. Нужно молчать и не думать об этом. Вас вынесет на берег смерти и так.

47

← Предыдущее, следующее →

47. Примечание к № 44

Вы открыли зонтик, и поэтому хлынул ливень (к цитате)

В России поводы становятся причинами. Откуда эта постоянная удачливость самых головокружительных авантюр — от постройки Петром I европейского флота до его потопления Лениным?

В русском языке перепутанность времён и нехорошая частица «бы», которую ни один уважающий себя язык не потерпел… бы.

«ЕСЛИ БЫ социалистическая революция, то тогда…» и «Если бы социалистическая революция, ТО ТОГДА…» По-русски уловить разницу очень трудно, почти невозможно. Только интонация помогает отчасти. В западных же языках эти (и другие) оттенки очень чётко выделяются.

Буквально революция — это катастрофа. Гегель представил катастрофы в виде осмысленного элемента истории. Русские поняли так: для ускорения развития следует создавать катастрофы, всё ломать и уничтожать. Пробивать людям черепа и бросать их с четвёртого этажа, чтобы создать гения.

48

← Предыдущее, следующее →

48. Примечание к № 44
Россия — это осуществление Запада. (к цитате)

Физически Россия — смутная, неоформленная Европа. Белорусы, украинцы и великорусы — это три зародышевых лепестка европейского разнообразия. В Европе какой спектр: от Швеции до Италии. В России на том же протяжении — унылая равнина с всё тем же населением. Лишь с каким-то глухим намёком на разнообразие. Всё-таки поморы и терские казаки — это одно и то же по сравнению со шведами и итальянцами. У которых при общей переплетённости истории (викинги основали государство на юге Италии) различие удивительное.

Такая монотонность делает в идеальной сфере Россию увеличителем Европы. Всё происходит грубо и в гигантских размерах. Россия увеличивает европейские идеи и доводит их до абсурда.

Там муха пролетела — Байрон. В России писатель — божество. В России восемь столетий одну книгу читали. Чтили. Вычитывали, вычленяли. Разбирали по писаному, разбирались, разбирали мир, проникали внутрь его и себя. Занимались начётничеством, начитали себе ум, начитали себе мир. Подсовывание под нос другой книги вызвало разрушение мироздания, изменение гена культуры. Сложнейший период европейского Возрождения, европейской Реформации, европейского Просвещения в России произошёл, нет — проскочил, до страшного просто. Сидел человек, книгу глазами ел: аж дрожь била, слёзы лились. Ему подсунули другое. Он стал в это другое вворачиваться так же упорно, с дрожью.

49

← Предыдущее, следующее →

49. Примечание к № 41

Тихомиров спохватился о Достоевском. Кстати, они были внешне очень похожи. И судьбы их схожи. (к цитате)

Конечно, с небольшой поправочкой. Вот тут в «Бесах» небольшой материальчик. Пётр Степанович Верховенский, представляясь губернатору, говорит:

«Видите-с, о том, что я видел за границей, я, возвратясь, уже кой-кому объяснил, и объяснения мои найдены удовлетворительными, иначе я не осчастливил бы моим присутствием здешнего города. Считаю, что дела мои в этом смысле покончены, и никому не обязан отчётом. И не потому покончены, что я доносчик, а потому, что не мог иначе поступить … В Петербурге … я насчёт многого был откровенен, но насчёт чего-нибудь… я умолчал, во-первых, потому, что не стоило говорить, а во-вторых, потому, что объявлял только о том, о чём спрашивали. Не люблю в этом смысле сам вперёд забегать, в этом и вижу разницу между подлецом и честным человеком, которого просто-запросто накрыли обстоятельства…»

Вот весь Тихомиров в 1/1000000 достоевского мира и уместился. Ещё в 1870 году, за два года до начала своей «революционной деятельности».

50

← Предыдущее, следующее →

50. Примечание к № 40

я ходил с этим несчастным, безобразно разросшимся Брокгаузом (к цитате)

Моя тяга к словарям и энциклопедиям — с раннего детства. Взрослые спорили о боксёре Кассиусе Клее — правильной транскрипции его фамилии: «Клей», «Клэй», «Кллей». Я тихо встал с дивана, пошёл в другую комнату, взял словарь Ожегова и попросил найти мне слово «клей» (читать я ещё не умел). Потом, уткнувшись в страницу пальцем, чтобы не потерять, вернулся и «срезал» споривших. Все рыдали от хохота. А я был так доволен, что помог.

51

← Предыдущее, следующее →

51. Примечание к № 23

Многие страницы произведений Бердяева очень наивны. (к цитате)

Конечно, внутри бердяевской мифологемы доказать что-либо невозможно. (Ильин даже плюнул в сердцах: «белибердяевщина».) Бердяев сидит в раковине и чувствует своё превосходство: есть лазейки и т. д. Всегда есть возможность всё вывернуть наизнанку. Задача, следовательно, в выманивании. Впрочем, Бердяев сам такую ошибку сделал, начал делать в «Самопознании». Ему бы сидеть в узорной ракушке-дуршлаге бесчисленных хамелеонских «афоризмов», но он на старости лет вылез на солнышко:

«Я имел более глубокий и обширный опыт жизни, чем многие, восклицающие о любви к жизни… Но мне гораздо легче говорить об общении с моим любимым котом Мури и с моими собаками, которых нет уже. Мне не только легче говорить об этом, но, как я говорил уже, мне самое общение с миром животных легче и тут легче может выразиться мой лиризм, всегда во мне сдавленный».

Интересен стиль повествования, приближающийся к максимальному уровню заклиненности: в последнем предложении «мне — мне — мой — мне», «легче — легче — легче» и «говорить — говорил». Однако вернёмся к милому Мури:

«В июне 1940 мы покинули Париж и уехали в Пила под Арганшоном (фр. курорт). С нами ехал и Мури, который чуть не погиб в мучительном кошмарном пути, но проявил большой ум».

Вообще, Вторая мировая война, гибель на фронтах Мирового Еврейства, которое освободило человечество от кошмара Коричневой Чумы, осмыслялась великим мыслителем как трагедия Мури:

«Уже в самом начале освобождения Парижа произошло в нашей жизни событие, которое было мною пережито очень мучительно, более мучительно, чем это можно себе представить. После мучительной болезни умер наш дорогой Мури. Страдания Мури перед

смертью я пережил как страдания всей твари. Через него я чувствовал себя соединённым со всей тварью, ждущей избавления. Было необыкновенно трогательно, как накануне смерти умирающий Мури пробрался с трудом в комнату Лидии, которая сама уже была тяжело больна, и вскочил к ней на кровать: он пришёл прощаться. Я очень редко и с трудом плачу, но когда умер Мури, я горько плакал… Я требовал для Мури вечной жизни, требовал для себя вечной жизни с Мури… В связи со смертью Мури я пережил необыкновенно конкретно проблему бессмертия».

Конечно, эгоизм — профессиональное заболевание философа. Да тут и проще даже — у старика детей не было. Плюс эмигрантское одичание: «Мури был настоящим шармёром». Этот «шармёр» — так и видишь — произносится с идиотической улыбкой («куда его»). Это всё ясно. Но ведь Бердяев философ. Пишет «Самопознание». И вдруг «кот». Ну ладно, кот (63). Так обыграй, раскрути его за хвост, выведи на орбиту. А так…

52

← Предыдущее, следующее →

52. Примечание к № 36
А «он» висит на крюке вверх ногами (к цитате)

«Запад есть запад, Восток есть восток, и вместе им не сойтись». Эта истина особенно наглядна при сравнении западного и восточного типа беседы.

Западный тип общения — это общение содержательное. Формальной стороны здесь просто не существует. Сократ говорит собеседнику, что они спорят не для того, чтобы переспорить друг друга, а для выяснения истины. Первое и, пожалуй, единственное условие полноценного диалога — это отсутствие каких-либо условий. Для западного человека совершенно немыслим, например, диалог между солдатом и генералом (60). Поскольку солдат — это солдат, а генерал — это генерал, между ними не может быть никакого содержательного общения. Другое дело — свободная дискуссия. Но тогда генерал перестаёт быть генералом, а солдат — солдатом. Они надевают штатское платье и становятся равными, причём равными не фиктивно, а действительно. Их общение будет насквозь просвечиваться специальным аппаратом условностей, нейтрализующим все помехи. Любой намёк на неправду, подтасовку здесь немедленно пресекается. Сам «генерал» будет в ужасе отшатываться от любого намёка на неравенство в беседе. Даже в Средние века в Европе существовала культура схоластических диспутов, условия которых до сих пор поражают своим демократизмом и открытостью. Это, подчёркиваю, в Средние века. А уж об античности и Новом времени и говорить нечего. Это гигантская культура свободного и непредубеждённого общения. Каждый может высказывать свои взгляды, доказывать их, развивать и требовать того же от своего собеседника, оппонента. Этому учат «с пелёнок». Западная школа, западный университет пронизаны идеей свободного неформального общения. Даже страшное, роковое для русского уха слово «работа» насквозь демократично. Оказалось (просто подсчитали и получилось выгодно), что тыкание начальнику, «панибратство» позволяет гораздо эффективнее управлять производством. Напряжение спадает, а тысячелетиями воспитанные европейцы (и подчинённые, и начальники) не зарываются, не пе-

реходят некую элементарную грань, так как печёнкой чувствуют, когда можно спорить и дискутировать (есть условия, обстановка), а когда нет.

Совершенно иное — Восток. Если на Западе беседа — это содержание, создающее форму, то на Востоке — это форма, ставшая содержанием. Восточная беседа в самих своих частностях и тончайших оттенках строго формализована («китайские церемонии»). Центр общения не в «я» собеседников, а в ажурном сплетении условностей, ненапряжённо соединяющих две индивидуальности. На Востоке только и возможно общение между генералом и солдатом. А вне мундиров они и не подойдут друг к другу, будут не знать как. Зато общение между генералом и солдатом (и соответственно между генералом и генералом, генералом и полковником и тысячью других модификаций) будет настолько сложно организовано, что сквозь эту сложность будет прорываться содержательная сторона. Общения в западном смысле на Востоке не существует. Неясно, что это такое и зачем. На Западе же восточный тип общения остался в зачаточной или рудиментарной форме (приветствия; определённые типы ухаживания и заигрывания; поведение в экстраординарных ситуациях).

Далее. «Запад есть запад, Восток есть восток, и вместе им не сойтись». А в русских Запад и Восток сошлись (66). Сошлись в масштабах грандиозных, циклопических. На огромных просторах, в огромной массе людей. Сошлись, но не слились. Все перемешалось, и получилась какая-то каша. От этого русский логос испорчен, смещён в основе, в корне. Каково неформальное русское общение? — «Водка и огурец». Трезвая форма диалога груба, деревянна, и чтобы поговорить, русские должны её разрушить. Получается слезливое, очень эмоциональное и почти бессловесное общение. И общение в итоге тяжёлое, неправильное, с неизбежным похмельем. Это общение неформальное. Формальное по-русски вообще ужасно. Бормотушное бормотание, спор ни о чём имеет свой трезвый коррелят — спор однонаправленный и очень целеустремлённый, жёсткий. То есть ДОПРОС. Россия — это страна допросов. Это уже из анализа художественной литературы ясно (95). Где вершина русских диалогов, наиболее напряжённый и философичный их уровень? — В допросах. Раскольников и Порфирий Петрович. Ну и, конечно, не только в собственно допросах, но и в обычных диалогах, которые, однако, построены как допросы. А что такое вообще «допрос»? — Крайне формализированная (протокол) беседа, лезущая в самые неформальные и нерегламентируемые, интим-

ные, части внутреннего мира. «Скажите, что вы делали вчера у гражданки Ивановой после 12 часов ночи? Отвечать быстро, чётко, по пунктам. Ну?» (Ручка замерла в ожидании над бумагой.) Форма допроса безлика и равнодушна, но содержание предельно интимно и эмоционально. От формы, поверхностной и стёртой, необязательной, случайной (следователь всегда случаен), зависит судьба и жизнь. Эта допросная тема тончайшим тленом распространилась по русскому миру. Сами допросы это лишь некое средоточие общего тона, вершина, покоящаяся на громадном фундаменте. К русскому подходят на улице: «А давай мы тебе нос отрежем». И русский с ходу включается: «А зачем?»; «Не надо»; «У вас документы есть?» и т. д. Западный человек от такого предложения так и сел бы на тротуар от ужаса. Или бы дал в рожу. Или убежал. Но так естественно включиться в немыслимый ДИАЛОГ… (103)

И при этом органическая неспособность включиться в диалог естественный. Постоянно переход на личности, юродство, просто грубый обман, и вообще сбивается на допрос: либо принимает роль следователя и начинает орать, вворачиваться кривым лбом в душу («я хочу посмотреть, какой ты есть, падла, как ты жизнь понимаешь и что об себе думаешь»); либо принимает роль подследственного, и тогда русский сморщивается, замыкается, ему кажется, что все сговорились, что не так всё говорят, а «специально» и т. д. Дело тут не только в отсутствии навыков свободного общения, а и в органической бесформенности русского сознания. И обратная сторона бесформенности — крайняя формализация (121).

53

← Предыдущее, следующее →

53. Примечание к № 29
Легенда о масонах ложна. (к цитате)

Человек не выдерживает её тяжести. Он соскальзывает в масонофобский бред, то есть относится к масонам по навязанной масонами схеме. Кризис рационального, светло-разумного отношения к миру вызывает свободу иррациональных фантазий о светлом иррационализме. Это оказывается удобнее и легче, чем принятие идеи злого чёрного разума. В том-то и цепкая коварность масонской идеологии: момент соприкосновения с ней есть и начало заражения. Масоны существуют уже потому, что существует соответствующая фобия. Аналогия с психоанализом тут поистине глубочайшая. Принятие масонства (в смысле простой веры в его существование) — это последний слой ЛЖИ сатанизма.

54

← Предыдущее, следующее →

54. Примечание к № 37
Это всё фантастика. (к цитате)

Читатель этой книги постепенно погружается (хотелось бы) в мутную атмосферу интеллектуальных провокаций, доносов, сатанинской злобы и беспомощно лёгкой оборачиваемости текста. Это атмосфера русского языка, русской мысли, русской истории. После 17-го произошла лишь окончательная материализация разрушительных фантазий. Всё «это» тысячи раз репетировалось, проигрывалось в индивидуальных судьбах, мечтаниях и спорах. И нужно ли было осуществиться русской мысли? Может быть, именно чисто материальный путь, путь «бездуховности», экономических и военных мускулов с маленькой чахоточной головкой вместо трёхаршинной морды с человеческим лицом нужен был? Социализм — это именно болезненно разросшийся русский мозг, вырванный из организма и агонизирующий в собственном солипсическом безумстве. 17-й — ожившие мысли и фантазии — окончательное окультуривание России.

55

← Предыдущее, следующее →

55. Примечание к № 40

Меня всегда пугала пространственная сложность материального мира. (к цитате)

А также его опасная непродуманность, легкомыслие. Вот я купил какие-нибудь бусы дешёвенькие, и вдруг из всего этого раз — и маленький Одиноков. «Здравствуй, папа!» Из барахла стеклярусного.

56

← Предыдущее, следующее →

56. Примечание к № 37
Кривой ключ подошёл к кривому замку. (к цитате)

Положим, всё это и бред. Но на бред этот осаждается и накручивается реальность, как при сборке клетки и организма вокруг молекулы дезоксирибонуклеиновой кислоты. Накрошенная бритвенными осколками фантазия высыпается в реальность и режет, кромсает её на мельчайшие частицы. А потом частицы эти собираются в иную, осмысленную реальность, в живую реальность мифа.

57

← Предыдущее, следующее →

57. Примечание к № 37
Я сам себе вырезаю аппендикс. (к цитате)

Мой мозг топырится в киселе русского языка, барахтается весёлым слизняком. Весь «Бесконечный тупик» (II часть), построенный, в сущности, как интеллектуальная провокация, получился совсем непроизвольно, неожиданно. И лишь потом я увидел эллипс, один из возможных эллипсов: постепенное нарастание субъективизма, переворачивающее восприятие читателя и заставляющее его читать текст второй раз, наоборот.

58

← Предыдущее, следующее →

58. Примечание к № 29

«Всемирный заговор», «тайное знание», «расовая борьба» и т. д. — всё это изломы, но изломы настоящие, истинные, человеческие. (к цитате)

Оскар Уайльд сказал: «Есть только один класс людей, которые ещё более своекорыстны, чем богатые, и это — бедные». Можно перефразировать это выражение: «Есть только один класс людей, которые ещё более заражены ксенофобией, чем националисты, и это — интернационалисты». Много писалось о нацистском «черепословии», но ведь можно написать и о черепословии антирасистском (111), гораздо худшем.

И расизм, и антирасизм — два следствия одной ошибки, а именно недоразвития личностного начала. Причём в первом случае недоразвитие естественно, во втором — оно носит патологический характер, является результатом вторичного воздействия рассудка на психику. Расизм, кроме того, может быть ситуационно оправдан (период национальных кризисов, войны); интернационализм всегда является продуктом провокации. Ибо какой же смысл возводить отсутствие существенных и принципиальных национальных различий тоже в некий существенный принцип. Поэтому интернационализм естественным быть не может. Национализм — всегда естествен. Его можно «разжигать» или «гасить». Интернационализм можно только «воспитывать», «прививать». Расизм — недоразвёртывание национального начала или его стеснение внешними причинами. Антирасизм — потеря национальной сущности, её отчуждение.

59

← Предыдущее, следующее →

59. Примечание к № 23
Пусть даже думается где-то там. (к цитате)

Достоевский писал в «Дневнике писателя»:

«Чтоб жениться, нужно иметь чрезвычайно много в запасе самой глупейшей надменности, знаете, этакой самой глупенькой, пошленькой гордости, — и всё это при самом смешном тоне, к которому деликатный человек не может быть ни за что способен … когда я лёг в отчаянии и бессилии на мой диван (надо вам сказать, сквернейший диван во всём мире, с толкучего рынка и со сломанной пружиной), то меня, между прочим, посетила одна ничтожненькая мысль: „Вот женюсь и будут наконец теперь постоянно уж тряпочки, — ну, от выкроек, что ли, вытирать перья“… И что же? Я горько упрекнул себя за эту мысль в ту же минуту: ввиду такой огромности события и предмета мечтать о тряпочках для перьев, находить время и место для такой низкой обыкновенной идеи, — „ну чего ж ты после этого стоишь?“»

И Достоевский не женился. А она, уже замужем, выслушав эту историю, сказала:

«А я-то думала, что вы такой гордый и учёный и что вы меня ужасно будете презирать».

А зачем я этот отрывок выписал, не знаю. Вот в начале помнил, а сейчас забыл. Возможно, так: русские гении не совсем гении, их самочувствие в этой роли неорганично, они постоянно думают о «тряпочках» и вообще как-то не совсем понимают, что в таком положении прилично, а что нет. Я же саму мысль о гениальности превратил в «тряпочку»… А это уже издевательство второго порядка.

60

← Предыдущее, следующее →

60. Примечание к № 52

Для западного человека совершенно немыслим, например, диалог между солдатом и генералом. (к цитате)

А для русских условий подобный диалог обычен, типичен. У Алексея Толстого, этого, по выражению Ремизова, гомерического дурака, есть удивительно родные, удивительно характерные диалоги-картинки, именно из-за своей кондовой беллетристичности приобретающие прямо-таки архетипическую образность, настолько они ярки, выпуклы, сочны.

Вот один отрывочек:

«Чисто одетый денщик, работая под придурковатого, принёс кофе, раскупорил коньяк. Генерал Янов пробасил, указывая на его припомаженный чуб, вздёрнутый нос, часто мигающие русые ресницы:

— Вот — рожа расейская, решетом не покроешь, а поговорите с ним. Ну-ка, Вдовченко… При покойном государе-императоре хорошо жилось тебе?

Вдовченко — руки по швам, нос кверху — рявкнул: — Так точно, ваше превосходительство.

— А почему? Объясни толково.

— Так что — страх имел, ваше превосходительство.

— Молодец… Ну, а скажи ты, милостью революции освобождённый народ, что ты сделаешь в первую голову, когда с оружием в руках пойдёшь в Петроград?

— Не могу знать, ваше превосходительство.

— Отвечай, болван…

— Так что — стану колоть и рубить большевиков, жидов, кадетов и всех антилихентов…

— Пасую, господа… Что я буду делать с этим народом? Слушай, Вдовченко, троглодит, ну, а что бы тут сидели наши министры — Маргулиес или Горн (82), — и ты бы им так вот брякнул… заели бы меня, болван! (Открыл крепкие, как собачья кость, зубы, загрохотал.) Живьём бы съели… Сгинь, харя деревенская!.. (Денщик повернулся вполоборота, по-лошадиному топая, вышел.) Да, господа, беда с нашими либералами… Мечтате-

ли, российские интеллигенты… Реальной жизни знать не хотят…»

«Реальная жизнь», «общение с народом», «голос народа». И в начале ключевая фраза: «работал под придурковатого». Так же «работал» бы и у большевиков и у чёрта на куличках.

— Слушай ты, рыло, а ну псст сюда.

— Здравия желаю, ваш-вы-во-во.

— Вот у тебя, я смотрю, на шее родинка интересная. Ты как о ней понимаешь? А вот я её англицкой булавкой, смоченной в керосине, расковыряю тебе и рак будет. Что?

— Не могу знать, ва-во-во.

— Не-е-е-ет, ты по-ду-май (86).

И т. д.

Какую книгу русского писателя вы ни откроете, везде это «общение». Зачем? Для чего? Откуда такая тяга к деформированию естественно-формального общения и, соответственно, к формализации совершенно интимных сторон жизни?

Что тут самое страшное, так это то, что русский действительно не чувствует издевательской двусмысленности возникающей ситуации и даже имеет наглость сетовать на «бездуховность западного мира», когда официант на вопрос русского: «Как ты о себе понимаешь?» — вызывает полицейского или вышибалу.

Конечно, и социально Россия всегда была неустроена, перевёрнута, всегда «сапоги тачал пирожник» — от мужика требовали разрешения мировых вопросов, а помещика заставляли «трудиться», толкали к сохе.

Ну и как противовес этому, как нейтрализация была создана мощнейшая технология придуривания (98), отпирательства и запирательства, саботажа и вредительства. В результате как-то всё в России происходило «сложно», «набок». И, конечно, извне понять всю эту фантасмагорию неимоверно трудно.

61

← Предыдущее, следующее →

61. Примечание к № 23
Дом ли то мой синеет вдали? (к цитате)

Матушка! Спаси твоего бедного сына! Матушка, материя Гоголя — это язык. Набоков иллюстрирует удивительную трансформационную способность гоголевского языка следующей цитатой из «Мёртвых душ»:

«Подъезжая к крыльцу, заметил он выглянувшие из окна почти в одно время два лица: женское в чепце, узкое, длинное как огурец, и мужское, круглое, широкое как молдавские тыквы, называемые горлянками, из которых делают на Руси балалайки (65), двухструнные лёгкие балалайки, красу и потеху ухватливого двадцатилетнего парня, мигача и щёголя, и подмигивающего и посвистывающего на белогрудых и белошейных девиц, собравшихся послушать его тихострунного треньканья».

Язык уносит Гоголя, как осенний лист. Набоков с удивлением разбирает безумный характер гоголевского ассоциативного полёта:

«Сложный манёвр, который выполняет эта фраза для того чтобы из крепкой головы Собакевича вышел деревенский музыкант, имеет три стадии: сравнение головы с особой разновидностью тыквы, превращение этой тыквы в особый вид балалайки и, наконец, вручение этой балалайки деревенскому молодцу, который, сидя на бревне и скрестив ноги (в новеньких сапогах), принимается тихонечко на ней наигрывать, облепленный предвечерней мошкарой и деревенскими девушками».

(Характерно, что сам Набоков сознательно не удержался и присочинил сценку.)

62

← Предыдущее, следующее →

62. Примечание к № 29
книга английского философа Артура Кёстлера (к цитате)

Кёстлер, еврей по национальности, родился в Австро-Венгрии в 1905 году. Занимался в Вене психологией, потом стал корреспондентом либеральной прессы, сначала в континентальной Европе, а потом в Англии. В 1931 году вступил в коммунистическую партию, во время гражданской войны в Испании писал хвалебные статьи о республиканцах, попал в плен к франкистам и был интернирован во Францию, вступил там в Иностранный легион и бежал в Великобританию, вступил в английскую армию. После Московских процессов «прозрел», написал роман о Бухарине «Слепящая тьма», а в 50-х годах начал уже свою деятельность в качестве мыслителя. Первая книга этого периода — «Лунатики».

Это профессионал.

Набоков, учась в Кембридже, часами спорил с английскими студентами о России, и в частности с неким «Бомстоном» (псевдоним), ставшим впоследствии крупным учёным:

«Когда я допытывался у гуманнейшего Бомстона, как же он оправдывает презренный и мерзостный террор, установленный Лениным, пытки и расстрелы, и всякую другую полоумную расправу, — Бомстон выбивал трубку о чугун очага, менял положение громадных скрещенных ног и говорил, что, не будь союзной блокады, не было бы и террора. Всех русских эмигрантов, всех врагов Советов, от меньшевика до монархиста, он преспокойно сбивал в кучу „царистских элементов“, и что бы я ни кричал, полагал, что князь Львов родственник государя, а Милюков бывший царский министр. Ему никогда не приходило в голову, что если бы он и другие иностранные идеалисты были русскими в России, их бы ленинский режим истребил немедленно. По его мнению, то, что он довольно жеманно называл „некоторое единообразие политических убеждений“ при большевиках, было следствием „отсутствия всякой традиции свободомыслия“ в России. Особенно меня раздражало отношение Бомстона к самому Ильичу, который, как известно всякому образованному русскому, был совершеннейший

мещанин в своём отношении к искусству, знал Пушкина по Чайковскому и Белинскому и „не одобрял модернистов“, причём под „модернистами“ понимал Луначарского и каких-то шумных итальянцев; но для Бомстона и его друзей, столь тонко судивших о Донне и Хопкинсе, столь хорошо понимавших разные прелестные подробности в только что появившейся главе об искусе Леопольда Блума, наш убогий Ленин был чувствительнейшим, проницательнейшим знатоком и поборником новейших течений в литературе».

Набоков приписывал такое поведение своего знакомого его «невежеству». Но невежественным человеком, конечно, был сам Набоков. Ему бы смекнуть, что если выпускник Кембриджа, «снисходительно улыбаясь», разглагольствует о гуманизме Советской России, то тут игра потоньше. Владимир Владимирович сетовал, что бомстоны черпали сведения о его родине из «коммунистических мутных источников». Помилуйте, да любому человеку со средним образованием этих «источников» с лихвой хватит для понимания происходящего в России кошмара. Да вот по одной этой заметочке (а таких сотни, тысячи, миллионы) — статье Несытых «Пионеры охраняют социалистическую собственность» («Советская юстиция», 26.10.1934):

«В знойный августовский день пионеры сельхозартели имени Крупской (Макушинского района) в числе пяти человек под руководством звеновожатого Паши Лямцевой пошли на колхозные поля с целью проверки, нет ли на полях „стригунов“ — тунеядцев, лодырей, кулаков и подкулачников, которые расхищают урожай, занимаясь срезыванием колосьев. Дошли до массива сжатой ржи, просматривая почти каждую кучу. Паша Лямцева заметила, что у одной из куч кто-то шевелится … Все бросились к куче и увидели прикрывающуюся снопами женщину, которая обрезала ножницами колосья в имевшийся у неё котелок. Когда Паша Лямцева спросила женщину, зачем она обрезает колхозную рожь, та вскочила, схватила Пашу за пионерский галстук и начала душить. Пионер Коля, видя, что женщина может задушить Пашу, бросился на помощь. Паша вырвалась, и пионеры общими силами пытались увести воровку в контору артели. Пионер Коля, чтобы припугнуть женщину, крикнул, что едет объездчик. Женщина высыпала нарезанные колосья из котелка на землю, а сама бросилась в лес, где и скрылась. 3 августа в колхозе имени Крупской Лямцева и остальные пионеры опознали воровку, оказавшейся Каргопольцевой… Следствием установлено, что Каргопольцева была в 1933 г. исключена из колхоза вместе с мужем, так как её муж был активным участником бандитского восстания в 1921 г. Кар-

гопольцева в течение года нигде не работала, занималась хищением колосьев … она по совокупности приговорена к 10 годам лишения свободы. Пионеры за проявленный подвиг премированы: трое патефонами, остальные барабанами и трубами».

И так в любой советской газете, в любом журнале. И в 34-ом, и на десять лет раньше. А в Европе жили сотни тысяч русских — уж как-нибудь перевели, растолковали смысл европейцам. Да Советский Союз и сам переводил на иностранные языки, сам распространял. И вот европеец, более того англичанин, славящийся своей трезвостью, объективностью, пониманием жизни других народов, — говорит: «Лес рубят — щепки летят». Тут бы впору русскому собеседнику задуматься. Но ничего не понимающий Набоков продолжает своё повествование, говоря уже о конце тридцатых:

«„Гром чисток“, который ударил в „старых большевиков“, героев его юности, потряс Бомстона до глубины души, чего в молодости, во дни Ленина, не могли сделать с ним никакие стоны из Соловков и с Лубянки. С ужасом и отвращением он теперь произносил имена Ежова и Ягоды, но совершенно не помня их предшественников, Урицкого и Дзержинского. Между тем как время исправило его взгляд на текущие советские дела, ему не приходило в голову пересмотреть и, может быть, осудить восторженные и невежественные предубеждения его юности».

Зачем же ему их менять? По линии своей ложи он получил инструктаж менять взгляды только на Сталина, который в конце 30-х стал вырезать масонскую верхушку и, более того, прозрачно намекнул центровому масонству о возможности публикации (в случае непредусмотренных эксцессов) всякого рода любопытной информации. Намёк, в частности, был сделан на процессе «антисоветского троцкистского центра», где допрашивался подсудимый Арнольд, он же Васильев, он же Ефимов, он же Раск, он же Кюльпенен.

Вот характерный отрывок из протокола:

«Арнольд: С 1920 по 1923 г. я (родившийся и выросший в России. — О.) *пробыл в американской армии. Дальше я поехал в Лос-Анджелес, в Калифорнию. Потом познакомился там с русскими товарищами, которые состояли в обществе технической помощи Советской России, в котором я принял участие, и решил поехать в Россию.*

Вышинский: Решили, значит, тоже оказывать техническую помощь Советской России?

— Да.

— Как же вы её оказывали?

— Я приехал в Кемерово.

— А вы не были членом масонской ложи?

— Был.

— Как вы попали в масонскую ложу?

— А это когда я был в Америке, я подал заявление и поступил в масонскую ложу.

— Почему в масонскую ложу, а не в какую-нибудь другую?

— Пробивался в высшие слои общества. (Общий смех в зале.)

— Вы попали в общество технической помощи Советской России уже будучи масоном? Не помогла ли вам масонская ложа проникнуть в это общество?

— Нет.

— А когда вы поступили в это общество, вы сказали, что вы масон?

— Нет, я держал это в секрете.

— Вы вступили в ВКП(б), когда прибыли из Америки?

— Я вступил в партию в 1923 году.

— И в это время вы оставались масоном?

— Да, но я никому об этом не говорил…

— В Америке вы были связаны с коммунистической партией?

— Был связан, принимал участие в работе коммунистической партии в 1919 г.

— А в масонской ложе?

— И в масонской ложе одновременно состоял».

Тема эта ни до, ни после в процессах не затрагивалась и звучит как чужеродное вкрапление. Вкрапление, явно вставленное специально, как, с одной стороны, глухая угроза масонской Европе, а с другой — намёк нацистам на возможное соглашение. Из сего факта серьёзные люди сделали соответствующие выводы. И в частности, в низовой аппарат была спущена установка о «прозрении». В результате Кёстлер стал честно писать о лунатиках. Казалось бы, странная эволюция — эволюция сомнамбулы. А по сути всё достаточно просто.

Вот и Оруэлл, подобно Кёстлеру, двоится через Испанию. Выпускник Итона, привилегированнейшего учебного заведения для английской элиты, агент британской полиции в Бирме, Оруэлл внезапно воспылал любовью к Большому Брату и бросился проливать за него кровь в рядах республиканцев. (Проливать кровь в буквальном смысле этого слова — он получил тяжёлое ранение в горло.) Уезжая из Испании, Оруэлл сказал:

«Я увидел замечательные вещи и я, наконец, действительно поверил в социализм».

Это живя в Ленинских казармах Барселоны вместе с подонками-анархистами, прославившимися своим садизмом.

Оруэлл сам главный персонаж «1984» (69) (перевёрнутого 1948-го). Суть этого произведения в пробуждении личностного начала и его вторичном уничтожении. Начало индивидуальной жизни Уинстона — попытка вести личный дневник, вначале неудачная. Однако постепенно герой романа Оруэлла овладевает даром письменной (внутренней) речи. Параллельно он обретает память, вспоминает свою «пущенную на распыл» мать. Она явилась ему во сне с тоже погибшей сестрёнкой на руках:

«Они были где-то глубоко внизу, где-то в подземелье, может быть, на дне глубокого колодца. Но это дно спускалось, уходило всё ниже. Они смотрели на него сквозь тёмную толщу воды с палубы тонущего корабля, которая вот-вот скроется совсем. И он, сверху, из света и воздуха, смотрел, как их засасывает смерть, и знал, что они там, потому что он — здесь. Но в их глазах не было упрёка … (Здесь) были страх, ненависть и боль, но не было ни возвышенных чувств, ни великой скорби, которые светили ему сквозь зелёную воду из уходящих глаз матери и сестры».

Это не выдумано. Тут ассоциации-с. 1948 год. Кремлёвская марионетка разгулялась, рвёт нити, продолжает политику московских процессов, прекращённую было во время войны. О'Брайен снимает трубку телефона и — о чудо — вчерашний коммунар начинает палить по своим. Но тут включился архетип, и герой-автор написал действительно хорошую книгу. Не легковесную книгу. Тяжёлую книгу.

О'Брайен топырил в подвале Минлюба перед расширенными от боли зрачками Уинстона четырёхпалую руку: «Сука, говори сколько пальцев».

«Очевидно стрелка (показывающая силу тока. — О.) *поднялась ещё выше … пальцы расплывались и дрожали, но их, несомненно, было лишь четыре.*

— Сколько пальцев, Уинстон?

— Пять! Пять! Пять!

— Нет Уинстон, так не годится. Вы лжёте. Вы всё ещё думаете, что их четыре».

А ну-ка, выпускник Итона, скажи: «Паша Лямцева разоблачила „кулацких парикмахеров“. Я хочу с ней переписываться, потому как есть сознательный представитель британского пролетариата».

И скажет, не моргнёт. Потому что это Итон — с его палочной дисциплиной, с его обрядами, унижающими и коверкающими

личность подростка, с его масонской психологией «Внутренней партии» и тайного знания.

Умный вы человек, товарищ Оруэлл. Хитрый. Но под конец вывернулись и всё-таки крикнули перед смертью: «Четыре пальца! Четыре!!!» Что же, в 35 лет крякали «горловой уткоречью», а в 45 прозрели? Такое озарение возможно только в закрытых обществах. Или при искажённом сознании.

В воспоминаниях об Оруэлле его называют Дон Кихотом, человеком удивительно наивным, мягким. Тут, извините, «накладочка». «Дон Кихот» про крыс, выгрызающих лицо, не написал бы. Фантазии бы не хватило. Сам Оруэлл говорил, что в детстве увлекался героями романтизма, отождествлял себя с Демоном, Дьяволом, Сатаной, твердил про себя их монологи, находя усладу в том, «чтобы быть отверженным так же несправедливо и бесповоротно».

Произошло раздвоение. Написание романа — это обретение, казалось бы, размозжённого масонской Океанией личностного начала, а потом гибель, смерть, как и в судьбе Уинстона. Раздвоение-двоемыслие — это высший тип мышления члена ангсоцевского общества. При этом человек сохраняет преимущества индивидуальной избирательной реакции на действительность, и одновременно всё же не является личностью.

Оруэлл пишет:

«Двоемыслие лежит в самом сердце Ангсоца, поскольку главная задача партии — использовать уловку сознания, в то же время сохраняя твёрдость цели и полную честность … именно двоемыслие позволяет остановить ход истории. Все прошлые олигархии пали — либо потому, что они были слишком тупы и невежественны, чтобы увидеть свои ошибки и приспособиться к изменениям, либо потому, что они были либеральны и терпимы и признавали открыто свои ошибки. То есть они падали равно как от своей сознательности, так и от своей несознательности. Партия создала систему, совмещающую два типа поведения, и в этом источник её вечной власти. Ибо секрет власти в сочетании веры в свою непогрешимость с умением учиться на ошибках прошлого».

Могущество Океании основано на продуцировании псевдоличностей, способных хранить в памяти два противоположных суждения одновременно и воспроизводить их ситуационно, в зависимости от распоряжений. Причём подобное воспроизведение происходит бессознательно, так что в результате не возникает чувства вины и вообще дискомфорта. Жизнь псевдоличности органична. Но лишь постольку, поскольку она является псевдолич-

ностью. Трагедия Оруэлла в его творческом даре, осуществление которого и привело его к смерти.

Он писал об истоках творчества:

«Четыре мотива побуждают к писательству: абсолютный эгоизм, эстетическое вдохновение, истерические импульсы и политическая цель … Большинство людей умеренно эгоистичны. После 30 лет они отказываются от личных амбиций, если не теряют сознание индивидуальности вообще, и живут для других — для детей, например, или просто тянут лямку жизни. Но есть меньшинство одарённых и волевых, которым суждено до конца жить своей жизнью — к ним принадлежат писатели».

Но есть эгоизм двух видов: идущий изнутри или стимулируемый обществом. Или человек уже родился «отрезанным ломтём», или его отрезали. Англия, вообще Запад — это аккуратно нарезанное общество. Русские этого не понимают и постоянно ошибаются. В России нет средних классов и они принимают западную культурность за гениальность, путают свободу юридическую, внешнюю, со свободой внутренней.

Личность Оруэлла насквозь европейская. За счёт культуры (формы) индивидуализма европеец выглядит гораздо более «я», чем русский его же уровня. Но и наоборот, русское «я» в своём эгоизме гораздо глубже. Отсюда ошибка, промах русского, относящегося к европейцам слишком наивно, принимающего индивидуалистическую форму за индивидуалистическое содержание, завышающего чужой уровень свободы. Русские гораздо свободнее европейцев. Те живут в тесноте. Один из английских литературоведов сравнил Оруэлла с Чеховым, ибо:

«Антон Чехов — человек, который шёл своим путём, плыл против течения и тоже умер от остановки дыхания».

Совсем не так. Чехов писал:

«В Западной Европе люди погибают оттого, что жить тесно и душно, у нас же оттого, что жить просторно».

Русской личности надо позвоночник перебить, чтобы она по России только ползала. Русскому «я» надо чуточку свернуть шею, иначе оно покатится колобком по великой равнине. Если в европейце элемент псевдоличности и курносому дураку делают пластическую операцию, которая превращает его в интеллектуала в шестом поколении, то русскому нос кастетом перешибают. Русский — придурок, псевдобезличность.

«Придёт ли времечко» европейцев по спутникам связи доводить, что у них личностное начало недоразвито. Эту мысль продумать, книжечку написать, так ею так их «заторкать и зары-

пать» можно. Они лет 20 отбрыкиваться будут, качество потеряют. Ибо что может быть оскорбительнее для европейца. И ход защиты понятен: «Подобное отношение к Оруэллу прекрасный образчик практики новояза».

Да и сейчас уже сопоставление русского языка с новоязом Океании общее место. И никто не отдаёт себе отчёта в том, что это не так. Как раз по-русски новояз невозможен. Так как не важен. Новояз налицо, но всё равно ничего не получается (73). Следовательно, это не новояз. Двоемыслие «1984» — это неразличение добра и зла, истины и лжи, искусственно создаваемое, болезненно-извращённое состояние. И мир двоемыслия — зол, ужасен. Для русского двоемыслие — естественное состояние, и мир, естественно двоемыслимый, светел, сладок. По-английски «двоемыслие», а по-русски — «двоечувствование», мыслечувствие. Мысли и чувства, язык и слово — разорваны, связь шатка, язык и мысли «не важны». Любая русская мысль в результате — мыслепреступление. Русская мысль сама по себе преступна. Но и рудиментарна, слаба. Пустяк, «копоть на иконе». Свобода от слова. Такой свободы Европе и не снилось.

63

← Предыдущее, следующее →

63. Примечание к № 51
Ну ладно, кот. (к цитате)

Чехов любил животных. Всё время возился со своими таксами. Одно время у него жил ручной журавль. Но Антон Павлович всю жизнь питал непреодолимое отвращение к котам и кошкам. Ещё бы, кот животное ночное, неправильное, с «достоевщинкой». К одному из героев Набокова ночью в комнату вошёл чёрный кот (78), что было вполне естественно, так как кот и жил в его доме, но на коте был бант из белого шёлка, взявшийся неизвестно откуда. На Чехова такие вещи действовали разрушительно. Достоевского он терпеть не мог, говорил уклончиво:

«Хорошо, но очень уж длинно и нескромно. Много претензий (135)…»

Чехов, смирный, дисциплинированный, вышколенный — испуганный на всю жизнь — всегда боялся хаоса, безмерности, непонятности. От всего необычного, экстравагантного открещивался Чехов обеими руками.

Один из его знакомых вспоминал:

«В Ницце в пансионе была русская кухарка… В Ниццу она попала случайно: в качестве горничной при купеческой семье, но семья уехала, а она осталась. Вышла замуж за негра, плававшего на каком-то пароходе, и у неё была дочь-мулатка … Это странное сплетение обстоятельств почему-то сильно овладело вниманием Антона Павловича. Впрочем, это было понятно. „В жизни всё просто“, — обыкновенно говорил он, бракуя в литературе всё нарочитое, искусно скомпонованное, эффектное, рассчитанное на то, чтобы удивить читателя. А тут вдруг перед ним жизнь, дающая готовый сюжет для забористого бульварного романа … Иногда за обедом, когда подавали русское блюдо, он сопоставлял, по обыкновению, отрывисто и без всяких объяснений: „русский борщ и мулатка“».

Для него это было непереносимо, выглядело как издевательство. И действительно, жизнь над Чеховым надругалась.

Чехов целиком принадлежал XIX веку. Жил в мифе своего столетия, мифе старом, дряхлом, всё чаще дающем опасные сбои.

Мир стал расползаться, превращаться в нечто невообразимое и необъяснимое. В 1899 году Чехов послал письмо к брату с просьбой купить пенсне и нарисовал на листке его контуры. Приписал ниже:

«Это дужка моего пенсне. Извини, что я нарисовал так скверно, точно гриб».

Рисунок как две капли воды похож на гриб атомного взрыва. Сегменты, обломки чеховского мира, кружась в будущем, разрастаются, превращаются в страшные символы. Резьба меры сорвана, механизм ассоциаций даёт сбои, и современный человек не в состоянии естественно воспринимать чужую эпоху, может быть максимально чужую из-за своей близости. Невинные вещи разрастаются ядовитыми грибами. Чехов в письме к другу в шутку нарисовал себя повешенного на крючке. Получилась карикатура с есенинским профилем. А вот конец рассказа «На пути» (написанного в 1886 году и посвящённого, кстати, покаянию нигилиста):

«Какой-то человек, с тупым, цыганским лицом, с удивлёнными глазами, стоял посреди комнаты на луже растаявшего снега и держал на палке большую красную звезду. Его окружала толпа мальчишек, неподвижных, как статуи, и облепленных снегом. Свет звезды, проходя сквозь красную бумагу, румянил их мокрые лица. Толпа беспорядочно ревела, и из её рёва Иловайская поняла только один куплет:

Гей, ты, хлопчик маненький,
Бери ножик тоненький.
Убьём, убьём жида,
Прискорбного сына...»

Чехов и умер удивительно вовремя (143). Только-только стал задувать фантастический сквознячок из XX-го. Когда началась война с Японией, Чехов сказал:

«Наши побьют японцев. Дядя Саша вернётся полковником, а дядя Карл (дядья жены. — О.) *с новым орденом».*

И всё. Никаких сказок Порт-Артура и Цусимы, не говоря о 9-м января. Но вот скоро в бреду предсмертной агонии (июль 1904) Чехов что-то невнятно бормочет о японских матросах. Похороны его, как известно, вылились уже в полную декадентщину: труп привезли в вагоне из-под устриц, о которых на заре своей литературной деятельности Чехов написал рассказ, исполненный ужаса и омерзения (рассказ так и назывался — «Устрицы»). Начинало задувать.

64

← Предыдущее, следующее →

64. Примечание к № 29

Надо дать мысли крутиться. Иначе всё лопнет, треснет, разобьётся. (к цитате)

Во мне, как и в любом русском, проигрывается русская история (139). И в генофонде заложена библейская идея конца мира и т. д. Я живу в этом апокалиптическом мире — масоны, антихрист-Ленин, — потому что этот мир живёт во мне.

А «социальная значимость» этой работы подтверждает мой русский бред и даёт моей нелепой жизни смысл — устойчивость, ритм, трагизм. Вот почему «Советский Союз» был выдуман и затем скрупулёзно воссоздан наяву. Он дополняет русское сознание, позволяет ему чувствовать себя уютно. Всё становится таким ясным, понятным. Ведь засосёт меня, ворёнка, воронка вороного воронка́, и я погибну. Разве это не трагично? Разве не трагично уже само «предвкушение» этого? В этом — единственном — смысле явное улучшение по сравнению с прошлым веком. Всё стало гораздо ясней. «Проклятый царизм» — в XIX веке было ясно. Но скажите «проклятая советская власть» — гораздо лучше, гораздо яснее. «Прогресс» явный.

Всё это понятно, но я не хочу сопротивляться. Однажды я решил дополнить свои сложные ветвящиеся дневники описанием снов. Первые два месяца всё было хорошо. Сны, часто удивительные (140), записывались пунктуально и легко. Было даже чувство какой-то свежести, освобождения. Записи никогда не перечитывались, я хотел прочесть через год сразу и сделать некоторые психоаналитические обобщения. Прошло семь лет, но тетрадка со снами так и лежит непрочитанная. Сам отказ от чтения, откладывание его «на потом» был началом очень тяжёлого и болезненного состояния. Сперва возникли задержки в фиксации. Сломанные ветви моих снов откладывались в сознании. Проходили дни, недели. Уже нужно было записать пять, семь, десять снов. Но всё как-то рука не поднималась. Потом всё же я их записывал, и это приносило облегчение. Но через две недели наступал новый срыв, и гора незаписанных, мучительно живых снов начинала расти и расти. Сны начинали расползаться, как раки из перевёрнутой корзины. Следующим эта-

пом невротической реакции явилось возникновение «двойных снов». Я видел сон восхитительной сложности и красоты. Потом во сне же я его записывал и, успокоенный, умиротворённо засыпал. Когда же просыпался, то отчётливо помнил, что что-то записывал, но что конкретно — забывал напрочь. В результате вся система снов, вся подсознательная жизнь деформировалась, болела, но не пускала рассудок в свою область. Состояние было очень неприятное и даже после отказа от ночного дневника продолжалось ещё долго. Ещё чуть-чуть и я бы начал сходить с ума. Это был урок.

Нельзя противиться судьбе, нельзя противиться национальной идее. Так на роду написано. И я пытаюсь хоть что-то поправить в этой фантасмагории (144), хоть что-то в моём бедном разуме спасти. Укутать его в шёлковую мантию иронии.

65

← Предыдущее, следующее →

65. Примечание к № 61
«молдавские тыквы, называемые горлянками, из которых делают на Руси балалайки» (Н. Гоголь) (к цитате)

Отец играл на мандолине; немного говорил по-испански и по-итальянски. Любил петь арию «Мистера Икса»:

Да, я шут, я циркач,
Так что же…

Однажды он с «ребятами» ел на кухне уху под водку. Одну тарелку кто-то не доел, и туда кости бросали и бычки. Потом ребята ушли, а отец на кухне остался и стал есть из этой тарелки. Долго, смачно обсасывая кости, вылавливая ложкой и тщательно пережёвывая разбухшие окурки. Я в ужасе тянул его от стола, а отец спутанно сопротивлялся, невнятно шипел: «Пош-шёл отсюда, ни-чтож-жесство».

66

← Предыдущее, следующее →

66. Примечание к № 52

А в русских Запад и Восток сошлись. (к цитате)

То есть соединилось несоединимое: две ветви в развитии человечества, которые не соединялись со времён античности, раньше даже. Ибо даже дикие, бесписьменные греки, так же, как и древние германцы, уже удивительно отличаются от восточных народов. И вообще «произошли от другой обезьяны».

И вот, значит, русские… Это все равно, что скрестили таксу и борзую, бульдога и болонку, пуделя и овчарку. И получилось чудище какое-то. Передние ноги от борзой, задние от таксы, болонка с мёртвой хваткой и добродушный пудель с металлическим лаем и чутьём на человечинку.

Вообще новую породу создать очень трудно. Экстравагантные скрещивания порождают или посредственность, ерунду-дворняжку, или ослабленный вариант одной из исходных пород. Часто же просто нежизнеспособную генерацию. Сколько в истории таких народов было. И только одни русские выжили, и выжили как нечто оригинальное, самобытное, соединяющее несоединимое. Какая огромная жизнестойкость и способность к гармонизации. Но и что-то тяжёлое, жуткое, неправильное, «так не бывает» получилось.

Я думаю, причины успешной гибридизации вот в чём. Во-первых, огромная равнинная территория, первоначально пустынная, но относительно благоприятная для заселения и даже выманивающая из населённой Европы и Азии. Эта пустота и обширность способствовала прорастанию и осуществлению этнического материала. Первичное славянское население стало быстро осуществляться, но не давя и подминая другие этносы, а позволяя им расти в своём лесу и постепенно гибридизироваться, выравниваться. Первичное гомеопатическое скрещивание с половцами, кипчаками, финноуграми выработало у коренной арийско-христианской основы сильную адаптационную способность, дало противоядие. В результате монгольская орда не смогла ни поглотить, ни переродить русскую народность, а наоборот, была сама в значительной степени ассимилирована. При этой ассимиляции произошло не понижение, как ошибочно

полагали славянофилы (что, кстати, смешно в свете полуазиатского происхождения Киреевских и Аксаковых), а наоборот, усложнение и фиксация русской расы. С другой стороны, в Россию проникал с самого начала скандинавский и византийский элемент, а впоследствии — польский и немецкий. Причём это проникновение тоже происходило постепенно, поэтапно. В крайней длительности и постепенности скрещивания, видимо, и таится секрет относительного успеха. Плюс масштаб. Многослойное, сложное и последовательное вливание в древнеславянскую кровь западных и восточных компонентов, причём в грандиозных масштабах, и создало столь странную великорусскую народность. Чуть-чуть в сторону, чуть-чуть раньше или позже — и ничего бы не получилось. Вот украинцы чуть-чуть сдвинуты — и уже не то (70), уже «второй сорт».

67

← Предыдущее, следующее →

67. Примечание к № 42

Происходит удивительная вещь: философия, история и политика заменяются литературой. (к цитате)

Литература же сводилась к биографиям якобы реально существующих персонажей. Как это ни парадоксально, но в подобном шизофреническом подходе что-то есть, так как литература и была формой национальной шизофрении.

В сущности, действительно, история русской литературы — это история персонажей, кочевавших и дробящихся из одной книги в другую. Всю динамику литературного процесса можно представить как динамику персонажей. Сами писатели включились в процесс и легко превращались в персонажи: Пушкин-Хлестаков, Гоголь-Опискин, Щедрин-Щедродаров, Лермонтов-Солёный. Что же говорить о заимствовании персонажей? У Щедрина все эти молчалины и ноздрёвы. А самозаимствование? У Достоевского все его герои — это развитие тем (например, тема героя-эпилептика в четырёх романах).

Туманная дурманность. Все русские писатели коллективно писали одну книгу. И никакого отношения к действительности. Просачивались какие-то обрывки: спутанные факты, одежда, прибаутки. А шло чисто иррациональное, подсознательное порождение. Стометровый череп, наполовину врытый в землю. А внутри многотонный живой, но спящий мозг. И он порождал Антихриста. Реальность залетала в глазницы случайными снежинками, и иногда, из-за микроскопического колебания температуры, связи между нейронами на каком-то квадратном миллиметре коры вытягивались не совсем так. Вот и всё. Связи (непосредственной) с реальностью, с историей — никакой. Онанизм. Не случайно, не из простого эпатажа Розанов обозвал русских литераторов, отрицающих реальную государственную жизнь и живущих тем не менее почти исключительно общественно-политическими вопросами, — онанистами.

Я думаю, это вообще «русская болезнь». Существует полушутливая классификация европейских народов: немцы склонны к садомазохистскому комплексу, французы — к эротомании и т. д. Русские явно склонны к онанизму (83). Какой-то европеец

сказал, что любовь — это преступление, совершаемое вдвоём. Русские предпочитают совершать преступления в одиночку. Мечты сбываются очень быстро и в максимально грубой форме. В форме топора. В этом и заключается отвратительность данного порока. Прямая связь между прекраснодушными фантазиями и грубейшей физиологической реальностью. Реальностью, никогда до конца не реализовывающейся и не приносящей подлинного наслаждения.

68

← Предыдущее, следующее →

68. Примечание к № 29
«Предателя, мнили, во мне вы нашли» (К. Рылеев) (к цитате)

Убейте! замучьте! — моя здесь могила!
Но знайте и рвитесь: я спас Михаила!
Предателя, мнили, во мне вы нашли:
Их нет и не будет на Русской земли!
В ней каждый отчизну с младенчества любит
И душу изменой свою не погубит.
…
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнув, умру за царя и за Русь!
…
Снег чистый чистейшая кровь обагрила:
Она для России спасла Михаила!

Да, Кондратий Фёдорович Рылеев. И в это же время писал свои «Агитационные песни», типа:

Ах, где те острова,
Где растёт трын-трава
Братцы!

Где читают Pucelle
И летят под постель
Святцы.
…
Где Сперанский попов
Обдаёт, как клопов,
Варом.

Где Измайлов-чудак
Ходит в каждый кабак
Даром.

Стихи хорошие. Правда, недоработанные. Скажем, вот святцы «под постель». Ну, а как кто поднимет? Нет, святцы лучше на макулатуру. А на полученной бумаге «Русскую Правду» печатать. Или вот про попов. Опять нехорошо получается. Зачем же «варом»? Надо бережно относиться к людям (75). Тысячу-другую

шлёпнуть для острастки, а основную массу — на переделку, на острова, где трын-трава. А там соревнование в три смены, ударные бригады. Ничего, выправятся. Так-то вот! Клоп, он хоть и махонький, а тоже его тельце можно в виде песчинки в пирамиду одноглазую положить (80).

Но это всё отдельные огрехи. В процессе их бы отшлифовали. Главное — начать…

Да. А про предателей слова тоже оказались пророческими. «Их нет и не будет на Русской земли!» Родная земля через год разверзлась, и Рылеев повис в воздухе на вонючей верёвке. Потом сорвался и провалился ВНУТРЬ ЭШАФОТА, в подполье, в тартарары.

«Батюшки, неужто и вправду заблудился?»

Но вот натянулась верёвка другая,
Она для России спасла Николая.

69

← Предыдущее, следующее →

69. Примечание к № 62
Оруэлл сам главный персонаж «1984» (к цитате)

Точно так же, как Евгений Замятин, крупный деятель РСДРП(б), — главный персонаж «Мы».

Кстати, Оруэлл считал Замятина своим учителем. Между ними вообще очень много общего, вплоть до того, что Замятин жил в Англии и написал книгу об этой стране.

Труднообъяснимый факт: автора «Мы», злейшего памфлета на коммунизм, в 1932 году по личному указанию Сталина отпустили за границу. Ещё более необъяснимо, что крупный русский социолог и автор авантюрно-мистических романов А. В. Чаянов избрал годом действия своей явно неизвестной Оруэллу футурологической работы «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» именно 1984 год. И уж совсем странно, что реальный 1984 год действительно оказался неким роковым числом для социализма, точкой его инерционного апогея.

70

← Предыдущее, следующее →

70. Примечание к № 66
Вот украинцы чуть-чуть сдвинуты — и уже не то (к цитате)

В украинцах произошло огрубление национальной синтетической идеи. Равновесие между западной и восточной кровью у малороссов тяжелей, элементарней. Слишком сильным было завершающее польско-немецкое и татарское воздействие; европейское влияние было слишком насильственным и направленным извне, восточное — слишком органическим и естественным. Великорусская впечатлительность, способность к спохватыванию нашла соответствие в элементарной нерешительности, нервности, неспособности к принятию решений. А великорусское изворотливое упорство и мудрая терпеливость у украинцев превратились в «хохлацкое упрямство».

Характерно, что в чисто бытовом плане это замутнение в итоге дало более крепкий и здоровый тип взаимоотношений. Несомненно, что в народной толще украинец более трезв, талантлив и образован, более инициативен и развит. Но чем выше уровень, тем больше чаша весов перемещается в сторону великоросса. И на самом верху украинцам просто некого сравнить с соответствующими великорусскими именами. Разве что Гоголя. Но Гоголь вообще аномалия. Исключение.

71

← Предыдущее, следующее →

71. Примечание к с. 16 «Бесконечного тупика»
В России всё делается тихо. (к цитате)

Об этом говорил Розанов. Об этом же говорил и Николай Данилевский:

«Все великие моменты в жизни русского народа как бы не имеют предвестников, или по крайней мере значение и важность этих предвестников далеко не соответствует значению и важности ими предвещаемого. Сам переворот, однако же, не происходит, конечно, как Deus ex machina. Только предшествующий ему процесс есть процесс чисто внутренний, происходящий в глубине народного духа, незримо и неслышно … Народ отрешается внутренне от того, что подлежит отмене или изменению, борьба происходит внутри народного сознания, и когда приходит время заменить старое новым на деле, эта замена совершается с изумительной быстротой, без видимой борьбы, к совершенному ошеломлению тех, которые думают, что всё должно совершаться по одной мерке, считаемой ими за нормальную».

72

← Предыдущее, следующее →

72. Примечание к № 40
Но всё-таки я не только червяк (к цитате)

Что есть истина? Истина есть ничто. Что такое обоняние по сравнению с чистым логосом? — Ничто. Зрение? — Ничто. Слух? — Ничто. Все чувства — ничто. Я всегда мыслил своё подлинное существование как уютную темноту посреди пространства на меня замкнутого, то есть и бесконечного, как окружающий мир, и интимно тесного, как свод черепа, где внутри, в полной тишине, оплетённой невидимой сетью сосудов, с пульсацией невидимой же крови… Свою же телесную субстанцию я всегда расценивал как хамство какое-то (84). Стометровый брус ЭВМ в глубокой чистой шахте — это солидно, основательно, благородно. Но этот вот хамски сопящий хомо сапиенс — это я? Наглая ложь! Я существую, но в виде лжи. Ложь это всё. Ложь существует. Истина изрекается в реальность и становится ложью. А я, моё «я» — оно неизреченно, неизречимо. В чистом мышлении оно должно совпадать со своим миром, мыслить словами не изрекаемыми, а просто ощущаемыми реальностью; мыслить реальностью, истекать в чистой самоуничтожающей игре — в свободе. Истина — это свобода. Ложь — необходимость, реальность (132). Своим телом я повешен в реальности, привешен к ней. «Мне стыдно, что у меня есть тело», за которое можно зацепить вешалкой. И зацепили. Боже мой, куда я попал (125)! Жить! Мне!! Здесь!!! Обидно (88). Если б вы знали, как это обидно!

Я знаю, что я человек. Никогда не считал себя ни животным, ни божеством. Но я также знаю, что моё человеческое существование это какая-то ошибка, несправедливость. Получается, что я, моё мышление — это функция какого-то там человека, тогда как по большому счёту человек должен быть функцией такого сильного мышления, как моё. А мой разум силён. Не в том смысле, что я умнее окружающих и т. д., а потому, что он пугающе независим от того, что окружающие и называют Одиноковым. Все свои силы я отдавал разуму (134). Холил его, кормил, выращивал как какой-то заморский фрукт в сложной оранжерее. И вот раскормил со слона. А он лезет мне своим хоботом в ду-

шу: я это и есть ты, а ты это часть моего я. Я как-то перетёк весь в разум и хочу в нём совсем раствориться. Ещё Платон понял, что это форма изощрённого самоубийства, причём норовящего принять коллективные формы, захватить с собой в последний путь весь мир.

73

← Предыдущее, следующее →

73. Примечание к № 62
Новояз налицо, но всё равно ничего не получается. (к цитате)

Самый трогательный рассказ Чехова — «На святках». Сюжет сходен со знаменитым «Ванькой Жуковым», но здесь письмо доходит.

Старуха Василиса со своим стариком приходит к сельскому грамотею, отставному солдату Егору, с просьбой за пятиалтынный написать письмо в город. И начинает диктовать:

«Любезному нашему зятю Андрею Хрисанфычу и единственной нашей любимой дочери Ефимье Петровне с любовью низкий поклон и благословение родительское навеки нерушимо… А ещё поздравляем с праздником Рождества Христова, мы живы и здоровы, чего и вам желаем от Господа… царя небесного.

Василиса подумала и переглянулась со стариком.

— Чего и вам желаем от Господа… царя небесного… — повторила она и заплакала.

Больше ничего она не могла сказать. А раньше, когда она по ночам думала, то ей казалось, что всего не поместить и в десяти письмах. С того времени, как уехали дочь с мужем, утекло в море много воды, старики жили как сироты, и тяжко вздыхали по ночам, точно похоронили дочь».

Но короткое письмо посылать неприлично (за пятиалтынный-то), и грамотей дописал его от себя:

«„В Настоящее время, как судба ваша через себе определила на Военое Попрыще, то мы Вам советуем заглянуть в Устав Дисцыплинарных Взысканий и Уголовных Законов Военного Ведомства, и Вы усмотрите в оном Законе цывилизацию Чинов Военаго Ведомства … Обратите внимание … в 5 томе Военых Постановлений. Солдат есть Имя обчшее, Знаменитое. Солдатом называется Перьвейший Генерал и последний Рядовой…“

Старик пошевелил губами и сказал тихо:

— Внучат поглядеть, оно бы ничего.

— Каких внучат? — спросила старуха и поглядела на него сердито. — Да, может, их и нету!

— Внучат-то? А может, и есть. Кто их знает!

— И поетому вы можете судить, — торопился Егор, — какой есть враг Иноземный и какой Внутреный. Перьвейший наш Внутреный Враг есть: Бахус. Ежели солдат цельный день в объятиях Бахуса, то будить мало хорошего. И причина другого свойства: Вы теперь швейцар, почитайте Вашего Хозяина, который Вам теперь есть: Начальник».

И вот дочь стариков получает письмо:

«…Ефимья дрожащим голосом прочла первые строки. Прочла и уж больше не могла; для неё было довольно и этих строк, она залилась слезами и, обнимая своего старшенького, целуя его, стала говорить, и нельзя было понять, плачет она или смеётся.

— Это от бабушки, от дедушки… — говорила она. — Из деревни… Царица небесная, святители-угодники. Там теперь снегу навалило под крыши… деревья белые-белые. Ребятки на махоньких саночках… И дедушка лысенький на печке… и собачка жёлтенькая… Голубчики мои родные!..

— А в поле зайчики бегают, — причитывала Ефимья, обливаясь слезами, целуя своего мальчика. — Дедушка тихий, добрый, бабушка тоже добрая, жалосливая. В деревне душевно живут, Бога боятся… и церковочка в селе, мужички на клиросе поют. Унесла бы нас отсюда царица небесная, заступница-матушка!»

Для меня этот святочный рассказ — символ (76). Я когда его перечитываю, чуть не плачу.

Нет, сволочи гуманные, не тот вы народ для социализма выбрали. Не доберётесь словом своим поганым до души его.

Собственно, «Бесконечный тупик» я и пишу в надежде, что найдётся некто и прочтёт его так же.

74

← Предыдущее, следующее →

74. Примечание к № 29
Мысль может свести с ума. (к цитате)

Сама по себе. Человек может «задуматься».

Зло в мире реальном должно быть безлико, необъективированно, а зло в мире идей — предельно реально. Злу реальности не следует превращаться в идеи — оно должно застревать на переходе от души к духу или даже от физиологии к душе. Напротив, в мире идей, когда всё идёт сверху, а не снизу, злу следует оставаться на верхних этажах сознания. Зло должно оставаться внутри и никогда не выходить наружу, не проходить насквозь и не выходить в мир идей и мир реальный. Личности необходимо, как губке, впитывать в себя зло, очищать от него всё вокруг.

Что такое шизофрения? Это лишь свобода фантазий. Сдерживающие центры ломаются, и фантазия доходит по конца. Современный человек этой свободы не выдерживает, быстро приходит к маниям величия и преследования. То есть начинает активно порождать зло. Нести горе себе и другим. И лишь избраннейшие, элитарнейшие люди, вроде Франциска Ассизского, выдерживают свободу безумия. Но всё-таки и этот путь возможен. Я думаю, в идеале человек из себя, изнутри должен определять бессмертность свою или конечность (131), то есть бесконечность порождающей фантазии или её срыв, её злобность, разрушительность.

75

← Предыдущее, следующее →

75. Примечание к № 68

Надо бережно относиться к людям. (к цитате)

Ведь Ленин писал:

«У нас нет других кирпичей, нам строить не из чего. Социализм должен победить, и мы, социалисты и коммунисты, должны на деле доказать, что мы способны построить социализм из этих кирпичей, из этого материала, построить социалистическое общество из пролетариев, которые культурой пользовались в ничтожном количестве, и из буржуазных специалистов … (Надо) заставить строить коммунизм тех, кто являлся его противниками, строить коммунизм из кирпичей, которые подобраны капиталистами против нас! Других кирпичей нам не дано!»

76

← Предыдущее, следующее →

76. Примечание к № 73

Самый трогательный рассказ Чехова — «На святках». (к цитате)

Но Чехов не был бы Чеховым, если бы не закончил его так: адресат письма, Андрей Хрисанфыч, швейцар в водолечебнице д-ра Б. О. Мозельвейзера, встречает начальство.

«— А в этой комнате что? — спросил генерал, указывая на дверь.

Андрей Хрисанфыч вытянулся, руки по швам, и произнёс громко:

— Душ Шарко, ваше превосходительство!»

77

← Предыдущее, следующее →

77. Примечание к № 46

Где ваши документы? Их нет. И быть не может. (к цитате)

Достоевский: романы — гениальны, статьи — талантливы, письма — посредственны. Исходя из писем (только) непонятна его высокая самооценка (а ругань на Тургенева вообще выглядит мелко и пошло). Но это ещё лёгкий случай. А если мои произведения — не центр моего «я», и я чувствую, что это не главное, что по ним нельзя судить обо мне? Если это проза Блока, музыка Грибоедова, письма Чайковского? Может быть, гениальна у меня сама моя жизнь, ритм жизни. Как же это со стороны почувствовать? Если только долго, годами, всматриваться в меня (и всматриваться благожелательно, любовно), знать мою жизнь, то иногда, может быть на какой-то пожелтевшей фотографии, случайно попавшейся на глаза, промелькнёт ускользающая тень этой гениальной гармонии. Промелькнёт трагическое величие моей жизни. Но как же это «доказать»? Как вообще чудовищна идея доказательства, оценки. Наибольшей ценностью обладает лишь тот, кто может себя максимально высоко оценить, предстать носителем или создателем неких ценностей. Но ценна моя жизнь, сама по себе. Более того, красива и величественна моя неосуществлённая жизнь. То есть, собственно говоря, мой центр, суть моего «я» находится почти в ничто.

Юноша 17-летний — удивительно красивый. В этом центр его бытия. Вот другой юноша, некрасивый, но трогательно влюблённый и любящий. А вот третий — гениальный в своём желании любви, гениальный своим состоянием предлюбовного опьянения. Как это видно в последнем случае? Он может рисовать, писать стихи, петь. А если этих прорывов в реальность нет?! А он мучается, чувствует, что что-то тут не то, что он чем-то удивительно хорошим отличается от окружающих. А чем — и сам толком не знает. И начинает что-то бормотать. Ему говорят: «Каша это, которая сама себя хвалит. Где документы? Вы докажите!»

Зачем же мне ещё доказывать? (85) Бог знает обо мне, видит (262). А на земле мне говорят: «Ну, этому красная цена полтинник. Куда его? Мусор собирать разве». Что я могу возразить?

— Я… это… сны вижу. Если бы вы знали, какие сны, какое это чувство гармонии, меры.

— Че-ево? Да он издевается над нами.

Или ещё лучше:

— Во-во, а мы тоже сны видим такие.

— Нет, не видите.

— Ха-ха, ну это ты уже совсем по-детски стал, позорно.

Может ли такая жизнь проявиться, сбыться? Конечно. В любви. Любимый и любящий человек поймёт, угадает. Но для любви нужна актуализация. Можно продолжать любить вдруг потерявшего красоту. Но полюбить такого человека невозможно. Буквально «не за что». А любят всегда за что-то. Отсюда обречённость на одиночество. Ведь собственно моё «что-то» почти ничто…

А может быть, как раз самые гениальные гении остаются незамеченными и навсегда непризнанными? А?

78

← Предыдущее, следующее →

78. Примечание к № 63

К одному из героев Набокова ночью в комнату вошёл чёрный кот (к цитате)

Набоков очень близок Чехову (109). И прежде всего своей конечностью, конченностью. Это последние русские классики. Но Набоков жил в великой и страшной России, России, отказавшейся умирать «по Чехову», истекать в чеховской позитивной тоске. Как это ни страшно и странно, но революция окончательно обессмертила Россию, взвинтила уровень художественного постижения мира. Был поставлен грандиозный спектакль, давший пищу на столетия вперёд даже самому унылому позитивисту.

Чехов писал из Ялты:

«Я каменею от скуки — и кончится тем, что брошусь с мола в море или женюсь».

Набоков же вспоминает в «Других берегах»:

«На ялтинском молу, где Дама с Собачкой потеряла когда-то лорнет, большевистские матросы привязывали тяжести к ногам арестованных жителей и, поставив спиной к морю, расстреливали их; год спустя, водолаз докладывал, что на дне очутился в густой толпе стоящих навытяжку мертвецов (119)».

79

← Предыдущее, следующее →

79. Примечание к № 46

И вот, плавно покачиваясь, она подлетает к форточке лаборатории и, напоследок этак нагло, с вывертом крутанув хвостом, взмывает вверх, в небо (к цитате)

А тут насчёт грызунов «Записки из подполья» есть:

«Взглянем же теперь на эту мышь в действии. Положим, например, она тоже обижена (а она почти всегда бывает обижена) и тоже желает отомстить … Доходит, наконец, до самого дела, до самого акта мщения. Несчастная мышь, кроме одной первоначальной гадости, успела уже нагородить кругом себя, в виде вопросов и сомнений, столько других гадостей; к одному вопросу подвела столько неразрешённых вопросов, что поневоле кругом неё набирается какая-то роковая бурда, какая-то вонючая грязь, состоящая из её сомнений, волнений, наконец, из плевков, сыплющихся на неё от непосредственных деятелей, предстоящих торжественно кругом в виде судей и диктаторов и хохочущих над нею во всю здоровую глотку. Разумеется, ей остаётся махнуть на всё своей лапкой и с улыбкой напускного презрения, которому и сама она не верит, постыдно проскользнуть в свою щелочку. Там, в своём мерзком, вонючем подполье, наша обиженная, прибитая и осмеянная мышь немедленно погружается в холодную, ядовитую и, главное, вековечную злость. Сорок лет сряду будет припоминать до последних, самых постыдных подробностей свою обиду и при этом каждый раз прибавлять от себя подробности ещё постыднейшие, злобно поддразнивая и раздражая себя собственной фантазией. Сама будет стыдиться своей фантазии, но всё-таки всё припомнит, всё переберёт, навыдумает на себя небывальщины, под предлогом, что она тоже могла случиться, и ничего не простит. Пожалуй, и мстить начнёт, но как-нибудь урывками, мелочами, из-за печки, инкогнито, не веря ни своему праву мстить, ни успеху своего мщения и зная наперёд, что от всех своих попыток отомстить сама выстрадает во сто раз больше того, кому мстит, а тот, пожалуй, и не почешется».

И находить в этом «сознательном погребении самого себя заживо с горя в подполье на 40 лет» странное, обречённое удовле-

творение.

80

← Предыдущее, следующее →

80. Примечание к № 68

Клоп, он хоть и махонький, а тоже его тельце можно в виде песчинки в пирамиду одноглазую положить. (к цитате)

Пирамида — самое страшное из архитектурных созданий человечества. Ужас пирамиды в её ловушечности. Косая поверхность приветливо наклонена, заманивает наверх, но угол наклона слишком крут, и человеческий глаз соскальзывает с неё. Пространство искривляется, и кажется, что пирамида рушится на человека всей тяжестью, вот-вот раздавит его под собой. Античеловечность пирамиды в её рассчитанности на человека, на человеческое восприятие. Поэтому если поставить памятник всем -измам и изменам, то сделать его надо в форме пирамиды. И лучше всего пирамиды «в мелкую ступеньку». Мелкую, но сердитую, крутую, как на выходе из станции метро «Маяковская».

Я эту многоступенчатую пирамиду-ловушку очень ясно представляю. Внизу, на нижних ступеньках, всё чёрное от людей-муравьёв, а вверху всё реже и реже. То тут, то там скатываются вниз. Довольно медленно, хаотически беспорядочно, кувыркаясь через голову, боком, спиной. Голова хрустит по ступенькам, ломаются руки, ноги, наконец страшный нечленораздельный вой обрывается и последние 20–50 метров вниз мешком переваливается окровавленный труп. А внизу всё идут и идут вверх, зачарованные магией уклона, знакомого, привычного уклона. А небо синеет. Пространство всё увеличивается, а опора сужается, кажется сзади опасно отвесной, а впереди — хрупкой и ненадёжной. И вот небо и земля переворачиваются.

81

← Предыдущее, следующее →

81. Примечание к № 29

я страдаю, когда сталкиваюсь с … объективацией, онтологизацией своих слов (к цитате)

Был период в жизни, когда я наконец заметил, что мои слова, раз произнесённые, принимаются на веру, — совершенно некритически, — хотя это, как правило, «мысли вслух», слегка утрированные и тем самым «от противного» подчёркивающие свою ограниченность. Принятие кем-либо моих «мнений» мне так же чуждо, как и их оспаривание.

Положим, я в пьяной компании «сострил»: «А хорошо бы делать мужские шляпы из меха». Ну, все посмеялись и забыли. И вот один чудак через месяц приходит ко мне в такой шляпе. Я пошутил, а он сшил. Тут даже неважно, всерьёз он это или решил поддержать шутку. Важно, что человек сидел вечерами, колол себе пальцы и всё время напряжённо думал о том, что вроде бы бесследно рассеялось в пространстве. А вот не рассеялось. Человек «запомнил». Это русская черта — вера (87). Народ скептический, недоверчивый, но зато в самой вере — безоглядный. Безоглядный до смешного, до страшного.

Я стал испытывать чувство тревоги и ответственности за свои слова.

Извне и притом агрессивно навязывают роль пророка, учителя. А ведь чем больше знаешь, тем неуверенней в окончательных выводах, тем глубже видна их относительность, ограниченность. Но и тем глубже понимание, что в реальности могут существовать лишь определённые, конкретные идеи. И чувствуешь их необходимость. И уже сознательно врёшь, ибо истину могут понять только в виде лжи. Лжи окончательных ответов.

Но интуитивно, изнутри, всё что я пишу — это тонкая полупрозрачная акварель, а не гуашь, тушь, масло. Это всё мнение, «мне так приснилось» (93). И моё глубокое убеждение, что на такие темы, — предельно общие и предельно интимные — и нельзя писать иначе. Нельзя договаривать. Всё-таки лист бумаги должен оставаться преимущественно белым.

Характерно, что человек проникается моими проблемами независимо от моей воли (102) и выполняет то, о чём я его никог-

да не просил. С недоумением я потом убеждался, что все мои фразы, обращённые к имяреку, содержали в себе внутренний изъян, изъян интуитивной и крайне косвенной, но очень упорной и методичной подводки под мою проблему. Я как бы впрыскивал, инъецировал ему часть своего мира. Она отравляла его, и он с идиотическим послушанием загипнотизированной истерички выполнял мои невысказанные и даже непродуманные очень смутные фантазии. Ужас власти над людьми. Причём власти в её максимально рафинированной форме — форме совершенно незаметной, не чувствуемой окружающими. Власти проявления магии слов. Я в конечном счёте сам тут являюсь наиболее законченной, абсолютной жертвой своего дара, данного мне неизвестно по какому праву неведомо кем.

82

← Предыдущее, следующее →

82. Примечание к № 60

«Слушай, Вдовченко, троглодит, ну, а что бы тут сидели наши министры — Маргулиес или Горн…» (А. Толстой) (к цитате)

Гражданская война была развязана различными группировками евреев, боровшихся за власть. Весьма показательно, что в Ленина стреляла Ройт-Каплан, а Урицкого убил Каннегисер, пасынок Исайи Мандельштама. Антисемитизм Белой армии — жупел. Погромы были и со стороны красных. Это стихийные эксцессы — запряжённая русская лошадка взбрыкивала.

Если бы Белое движение было чёрным, то советская власть не продержалась бы и шести месяцев. Евреи же использовали во внутрикагальной грызне обломки разрушенных Февралём монархических и черносотенных сил. Монархизм Деникина или Колчака носил декоративный, опереточный характер. Точнее, в контексте происходящих событий сами эти фигуры выглядели не совсем настоящими.

83

← Предыдущее, следующее →

83. Примечание к № 67
Русские явно склонны к онанизму. (к цитате)

Писатели, онанисты и чиновники. Всё очень точно складывается. Достоевский, ещё молодой, 26-летний, писал:

«В (русских) характерах, жадных деятельности, жадных непосредственной жизни, жадных действительности, но слабых, женственных, нежных, мало-помалу зарождается то, что называют мечтательностью, и человек делается наконец не человеком, а каким-то странным существом среднего рода — МЕЧТАТЕЛЕМ. А знаете ли, что такое мечтатель, господа? Это кошмар петербургский, это олицетворённый грех, это трагедия, безмолвная, таинственная, угрюмая, дикая… Вы иногда встречаете человека рассеянного, с неопределённо-тусклым взглядом, часто с бледным, измятым лицом, всегда как будто занятого чем-то ужасно тягостным, каким-то головоломнейшим делом, иногда измученного, утомлённого как будто от тяжких трудов, но в сущности не производящего ровно ничего … Мечтатель всегда тяжёл, потому что неровен до крайности: то слишком весел, то слишком угрюм, то грубиян, то внимателен и нежен, то эгоист, то способен к благороднейшим чувствам. В службе эти господа решительно не годятся и хоть и служат, но все-таки ни к чему не способны и только ТЯНУТ дело своё, которое, в сущности, почти хуже безделья. Они чувствуют глубокое отвращение от всякой формальности и, несмотря на то, — собственно потому, что смирны, незлобивы и боятся, чтобы их не затронули, — сами первые формалисты … Они любят читать, и читать всякие книги, даже серьёзные, специальные, но обыкновенно со второй, третьей страницы бросают чтение, ибо удовлетворились вполне. Фантазия их, подвижная, летучая, лёгкая, уже возбуждена, впечатление настроено, и целый мечтательный мир, с радостями, с горестями, с адом и раем, с пленительнейшими женщинами, с геройскими подвигами, с благородной деятельностью, всегда с какой-нибудь гигантской борьбою, с преступлениями и всякими ужасами, вдруг овладевает всем бытием мечтателя … Минуты отрезвления ужасны; несчастный их не выносит

и немедленно принимает свой яд в новых, увеличенных дозах … Ему естественно начинает казаться, что наслаждения, доставляемые его своевольной фантазиею, полнее, роскошнее, любовнее настоящей жизни. Наконец, в заблуждении своём он совершенно теряет то нравственное чутьё, которым человек способен оценить всю красоту настоящего, он сбивается, теряется, упускает моменты действительного счастья и в апатии лениво складывает руки и не хочет знать, что жизнь человеческая есть беспрерывное самосозерцание в природе и в насущной действительности … Они часто замечают числа месяцев, когда были особенно счастливы и когда их фантазия играла наиболее приятнейшим образом, и если бродили тогда в какой-то улице или читали такую-то книгу, видели такую-то женщину, то уж непременно стараются повторить то же самое и в годовщину своих впечатлений, копируя и припоминая малейшие обстоятельства своего гнилого, бессильного счастья. И не трагедия такая жизнь! Не грех, и не ужас! Не карикатура! И не все мы более или менее мечтатели!..»

Конечно, можно сказать, что Достоевский в данном случае не имеет в виду определённый тип сексуального поведения, а ведёт речь о некотором душевном и духовном настрое. Но всё же настрое именно онанистическом. Тут говорится об онанизме в максимально широком, обобщённом смысле этого слова, однако тем самым говорится и в смысле узком, прямом.

Вообще, эта тема Фёдора Михайловича всегда беспокоила. В «Дневнике писателя» за январь 1876 г. он пишет об онанизме среди воспитанников детской колонии, а потом в номере «Дневника» за июль и август того же года помещает статью «На каком языке говорить отцу отечества». Собственно, статья посвящена проблеме распространённости французского языка как родного среди русской аристократии. Но Достоевский прямо связывает подмену природного языка иноязычным суррогатом с соответствующим пороком:

«Всякая мать и всякий отец знают, например, об одной ужасной детской физиологической привычке, начинающейся у иных несчастных детей чуть ли ещё не с десятилетнего возраста и, при недосмотре за ними, могущей переродить их иногда в идиотов, в дряхлых, хилых стариков ещё в юношестве. Прямо осмелюсь сказать, что … французский язык с первого детского лепета есть всё равно — в нравственном смысле, что та ужасная привычка в физическом … Не владея материалом, чтобы организовать на нём всю глубину своей мысли и своих душевных запросов, вла-

дея всю жизнь языком мёртвым, болезненным, краденым … этот человек будет вечно томиться беспрерывным усилием и надрывом, умственным и нравственным, при выражении себя и души своей … Он будет вечно тосковать как бы от какого-то бессилия, именно как те старцы-юноши, страдающие преждевременным истощением сил от скверной привычки».

Безъязычие уподобляется Достоевским онанизму. Но в целом и сам русский язык нем, следовательно, русские — это онанистическая нация.

Связь онанизма с литературой далеко не придирка к какому-то одиночному более или менее удачному высказыванию писателя, не глумливое и издевательское за уши притянутое сопоставление.

Вот «Записки из подполья», первое произведение зрелого Достоевского. В центре повествования кто? — Озлобленный онанист, который «сам себе приключения выдумывал и жизнь сочинял, чтоб хоть как-нибудь да пожить». Интересно, что это уже был не простой онанизм, а онанизм осложнённый, с выходами по ночам для маскировки, для вторичного проникновения в реальность. В данном случае злобная энергия была ещё в целом самозамкнутой, истекала в бесконечных цепях оговорок и уже мутных, но внешне ещё обычных «петербургских фантазиях».

(Замутнённость в том, что герой уже отчётливо сознаёт их пошлость, состряпанность. Ср.:

«Но сколько любви, господи, сколько любви переживал я, бывало, в этих мечтах моих, в этих „спасениях во всё прекрасное и высокое“: хоть и фантастической любви, хоть и никогда ни к чему человеческому на деле не прилагавшейся, но до того было её много, этой любви, что потом на деле уж и потребности даже не ощущалось её прилагать: излишняя б уж это роскошь была. Всё, впрочем, преблагополучно всегда оканчивалось ленивым и упоительным переходом к искусству, то есть к прекрасным формам бытия, совсем готовым, сильно украденным у поэтов и романистов и приспособленным ко всевозможным услугам и требованиям».)

Записки кончаются весьма благополучно, то есть ничем. Правда, герой вдосталь наглумился над какой-то несчастной проституткой. Но ведь это пустяк по сравнению с громадным потенциалом обречённой ненависти, злобы, стремления ко всеобщему разрушению. Так что тут тоже лишь форма онанизма (садоонанизма). Но вот в «Кроткой» дело уже кончается убийством.

Герой этого рассказа создаёт себе иной мир, где он, унижен-

ный и растоптанный, вдруг оказывается благородным принцем. Затем сюжет аккуратно воспроизводится, но воспроизводится сумасшедшим, давно спутавшим реальность и вымысел. В результате некоторые существенные элементы выдумки воспроизводятся с задержкой. С задержкой, оказавшейся для вовлечённой в качестве персонажа девушки смертельной. Живой человек не вынес превращения себя в персонаж, а своей жизни — в сюжет. Причина доведения до самоубийства ясна из следующих слов главного героя:

«Одним словом, я нарочно отдалил (счастливую) развязку: того, что произошло, было слишком пока довольно для моего спокойствия и заключало слишком много картин и материала для мечтаний моих. В том-то и скверность, что я мечтатель: с меня хватило материала, а об ней я думал, что ПОДОЖДЁТ».

Это уже убийство мечтаниями, вызванное их более планомерным и пунктуальным претворением в жизнь (по сравнению с «Записками»). Однако и это не предел. Кульминация — самоубийство как актуализация онанистических фантазий.

«Всякое чрезвычайно позорное, без меры унизительное, подлое и, главное, смешное положение, в каковых мне случалось бывать в моей жизни, всегда возбуждало во мне, рядом с безмерным гневом, неимоверное наслаждение … Не подлость я любил (тут рассудок мой бывал совершенно цел), но упоение мне нравилось от мучительного сознания низости … Я убеждён, что мог бы прожить целую жизнь как монах, несмотря на звериное сладострастие, которым одарён и которое всегда вызывал. Предаваясь до шестнадцати лет, с необыкновенной неумеренностью, пороку, в котором исповедовался Жан-Жак Руссо, я прекратил в ту же минуту, как положил захотеть, на семнадцатом году. Я всегда господин себе, когда захочу».

Это из исповеди Ставрогина, которую тот отпечатал в виде брошюры в количестве 300 экз. в заграничной типографии и дал прочесть старцу Тихону, перед тем как разослать в редакции всех газет России. Замысел хода (один из замыслов) — создать абсолютно нелепое, безвыходное и невыносимое положение и тем самым вынудить себя на самоубийство. Что и произошло. Ставрогин не «прекратил на семнадцатом году». Онанизм лишь перешёл в более изощрённую, литературную форму. Конечно, Ставрогин — это Достоевский, что самим автором не сознавалось, но неумолимо вытекало из логики изложения. Глава «У Тихона», при жизни не напечатанная, лишь более прозрачный вариант отпечатанных «Записок из подполья» — записок своего теневого

двойника. И что же лежит в основе? — Глубокая ненависть к писательству, воспринимаемому в свете общей возвышенной религиозно-философской установки как низменный и грубый порок. Порок Ставрогина совсем не в том, что он изнасиловал и довёл до самоубийства девочку, а в том, что он эту девочку выдумал. Не было никакой девочки-то. Не случайно он потом говорит Тихону: «Я, может быть, вам очень налгал на себя».

Тихон же говорит Ставрогину:

«Вас борет желание мученичества и жертвы собою; покорите и сие желание ваше, отложите листки и намеренье ваше — и тогда уже всё поборете. Всю гордость свою и беса вашего посрамите! Победителем кончите, свободы достигнете… Подите к схимнику в послушание, под начало его лет на пять, на семь…»

Это высшая часть Достоевского говорит ему, чтобы он «отложил свои листки». Но здесь и величие этого человека, который и отрицание своего дара смог выразить при его помощи, как и Ставрогин, создав замкнутый, живой мир фантазии, но, в отличие от Ставрогина, мир огромный, сложный.

В очерке «Петербургские сновидения», написанном по возвращении из ссылки, Достоевский рассказывает, как он стал писателем, как это случилось, что с ним произошло:

«Помню раз, в зимний январский вечер, я спешил с Выборгской стороны к себе домой. Был я тогда ещё очень молод… Ночь ложилась над городом, и вся необъятная, вспухшая от замёрзшего снега поляна Невы, с последним отблеском солнца, осыпалась бесконечными мириадами искр иглистого инея… Сжатый воздух дрожал от малейшего звука, и, словно великаны, со всех кровель обеих набережных подымались и неслись вверх по холодному небу столпы дыма, сплетаясь и расплетаясь в дороге, так что, казалось, новые здания вставали над старыми, новый город складывался в воздухе… Я как будто прозрел во что-то новое, совершенно в новый мир, мне незнакомый и известный только по каким-то тёмным слухам, по каким-то таинственным знакам. Я полагаю, что с этой именно минуты началось моё существование … Скажите, господа: не фантазёр я, не мистик я с самого детства? Какое тут происшествие? Что случилось? Ничего, ровно ничего, одно ощущение… И вот с тех пор, с того самого видения (я называю моё ощущение на Неве видением) со мной стали случаться всё такие странные вещи… И чего я не перемечтал в своём юношестве, чего не пережил всем сердцем, всей душою моей в золотых и воспалённых грёзах, точно от опиума. Не было минут в моей жизни полнее, святее и чище. Я до того замечтался, что

проглядел всю мою молодость, и когда судьба вдруг толкнула меня в чиновники, я… я… служил примерно, но только что кончу, бывало, служебные часы, бегу к себе на чердак, надеваю свой дырявый халат, развёртываю Шиллера и мечтаю, и упиваюсь, и страдаю такими болями, которые слаще всех наслаждений в мире, и люблю, и люблю … и в Швейцарию хочу бежать, и в Италию, и воображаю перед собой Елисавету, Луизу, Амалию. А настоящую Амалию я тоже проглядел; она жила со мной, под боком, тут же за ширмами … Теперь я с мучением вспоминаю про всё это, несмотря на то, что женись я на Амалии, я бы, верно, был несчастлив! Куда бы делся тогда Шиллер, свобода, ячменный кофе, и сладкие слёзы, и грёзы, и путешествие моё на луну… Ведь я потом ездил на луну, господа (т.е. в Сибирь. — О.). *Но бог с ней, с Амалией … Потом вдруг я увидел какие-то странные, чудные фигуры, вполне прозаические, вовсе не Дон Карлосы и Позы, а вполне титулярные советники, а в то же время как будто какие-то фантастические титулярные советники. Кто-то гримасничал передо мною, спрятавшись за всю эту фантастическую толпу, и передёргивал какие-то нитки, пружинки, и куколки эти двигались, а он хохотал и всё хохотал!»*

И Достоевский, как он пишет дальше, придумал историю про бедного чиновника, служащего, «разумеется, в одном департаменте», то есть сочинил повесть «Бедные люди». Как заметил Бахтин, эта повесть создана в пику бездушному таланту автора «Шинели». Но далее в рассматриваемом очерке Достоевского поворот диаметрально противоположный, так как к судьбе «бедного чиновника» Девушкина домысливается совершенно другой конец. Из другой, более поздней жизни и другого рассказа Гоголя:

«Никогда-то он почти ни с кем не говорил и вдруг начал беспокоиться, смущаться, расспрашивать всё о Гарибальди и об итальянских делах, как Поприщин об испанских… И вот в нём образовалась мало-помалу неотразимая уверенность, что он-то и есть Гарибальди, флибустьер (точнее уж фаланстерьер. — О.) *и нарушитель естественного порядка вещей. Сознав в себе своё преступление, он дрожал день и ночь … его отвезли в сумасшедший дом».*

Я до головокружения всматриваюсь в хрустальный омут этого небольшого очерка. Да тут вся жизнь русского человека. Взгляд цепенеет, и нет сил на очередное издевательски-нравоучительное резюме. Шёл по вечерней улице и вдруг проснулся на нарах. Кошмарная случайность? Нет, всё ведь так последовательно, так естественно и логично. И причём не только в Достоевском. Сам

мир русского государства строго логичен: реальные чиновники аккуратно принимают фантазию с фантастическими чиновниками за реальность и своими реальными действиями превращают реальный мир в фантастику.

84

← Предыдущее, следующее →

84. Примечание к № 72

Свою же телесную субстанцию я всегда расценивал как хамство какое-то. (к цитате)

Ну ладно, я согласен на тело. Но выдайте Александра Македонского (89), Наполеона! А то что это? Я так не играю!

85

← Предыдущее, следующее →

85. Примечание к № 77
Зачем же мне ещё доказывать? (к цитате)

Наивная обида Бердяева на логику, очень русская, милая. Он писал по поводу немецко-еврейской «научной» философии Когена и Гуссерля:

«Научная общеобязательность современного сознания есть общеобязательность суженного, обеднённого духа; это — разрыв духовного общения и сведение его к крайнему минимуму, столь же внешнему, как общение в праве. В научной общеобязательности есть аналогия с юридической общеобязательностью. Это — формализм человечества, внутренне разорванного, духовно разобщённого. Всё свелось к научному и юридическому общению — так духовно отчуждены люди друг от друга. Научная общеобязательность, как и юридическая, есть взаимное обязывание врагов к принятию минимальной истины, поддерживающей единство рода человеческого. Общаться на почве истины не научно-общеобязательной, не отчуждённой от глубин личности, уже не могут … Научная философия — юридическая философия, возникшая от утери свободы в общении, от общения лишь на почве горькой необходимости».

И далее:

«Уже моральная общеобязательность предполагает большую степень общения, чем общеобязательность юридическая, а религиозная общеобязательность ещё большую. Вот почему философия как искусство соборнее, чем философия как наука … Для разобщённых обязательны истины математики и физики и необязательны истины о свободе и смысле мира. Чужие должны доказывать друг другу всякую истину» (200).

И все-таки философия должна быть доказательной. Пускай как стиль, как форма. Тут МЕРА — категория русскому логосу, увы, недоступная.

86

← Предыдущее, следующее →

86. Примечание к № 60

— Не могу знать, ва-во-во. — Не-е-е-ет, ты по-ду-май. (к цитате)

Русское общение идёт очень далеко, заходит очень далеко. В русском общении совершенно отсутствует категория меры. Русский диалог преступен, что прекрасно показал Даниил Хармс. Он физиологически глубоко подметил беззащитность русского слова, невозможность им защититься, формализовать диалог, ввести его хоть в какие-то рамки. А с другой стороны, Хармс чувствовал, что это же свойство языка превращает общение в избиение и убийство. Русский язык — язык палачей и язык жертв. Вот рассказ Хармса «Григорьев и Семёнов» (91) (подзаголовок: «В рукописи без названия»):

«Григорьев (ударяя Семёнова по морде): Вот вам и зима наступила. Пора печи топить. Как по-вашему?

Семёнов: По-моему, если отнестись серьёзно к вашему замечанию, то, пожалуй, действительно пора затопить печку.

Григорьев (ударяя Семёнова по морде): А как, по-вашему, зима в этом году будет холодная или тёплая?

Семёнов: Пожалуй, судя по тому, что лето было дождливое, зима будет холодная. Если лето дождливое, то зима будет холодная.

Григорьев (ударяя Семёнова по морде): А вот мне никогда не бывает холодно.

Семёнов: Это совершенно правильно, что вы говорите, что вам не бывает холодно. У вас такая натура.

Григорьев (ударяя Семёнова по морде): Я не зябну.

Семёнов: Ох!

Григорьев (ударяя Семёнова по морде): Что ох?

Семёнов (держась рукой за щёку): Ох! Лицо болит!

Григорьев: Почему болит? (И с этими словами хвать Семёнова по морде)

Семёнов (падая на стул): Ох! Сам не знаю.

Григорьев (ударяя Семёнова ногой по морде): У меня ничего не болит.

Семёнов: Я тебя, сукин сын, отучу драться. (Пробует встать)

Григорьев (ударяя Семёнова по морде): Тоже учитель нашёлся!

Семёнов (валится на спину): Сволочь паршивая!

Григорьев: Ну, ты, выбирай выражения полегче!

Семёнов (силясь подняться): Я, брат, долго терпел. Но хватит. С тобой, видимо, нельзя по-хорошему. Ты, брат, сам виноват.

Григорьев (ударяя Семёнова каблуком по морде): Говори, говори! Послушаю.

Семёнов (валится на спину): Ох!»

Это типовой русский разговор, постоянно воспроизводящийся в той или иной модификации везде: дома, на работе, на улице, на собрании, на допросе. Сколько раз я был его участником! Ни на Западе, ни на Востоке такой дикий, жуткий «диалог» совершенно невозможен. Во-первых, избиение происходило бы молча или сопровождалось отдельными вскриками и мольбами, не образующими связного текста и тем более — диалога. Во-вторых, даже если представить редкий случай беседы-избиения, то она не велась бы столь искривлённо и спутанно. На Западе разговор бы шёл чисто формально (так и говорили бы до конца «о погоде») или же чисто содержательно (выяснение отношений). На Востоке такой разговор был бы содержательно-формальный, то есть говорили бы о погоде, но одновременно Григорьев-сан издевался бы над Семеновым (особое строение фраз и интонационных акцентов).

Нет, этот рассказ Хармса просто гениален. Его надо целиком в учебники по этнографии помещать как характерный тип русского национального общения. Уже первая фраза превосходна: «Сегодня хорошая погода, не правда ли, сэр», — и по морде. — «Да, но вчера был дождь», — и при этом не тоже в морду, а утираясь. В первом случае диалог ещё возможен — из бравады, апломба (на боксёрском ринге между двумя джентльменами). А тут — дикость. Потом формальная беседа, подкрепляемая конкретным избиением, приобретает все более содержательный характер: «Мне никогда не бывает холодно», — эта фраза вносит оттенок субъективизма. Потом: «Лицо болит», — ещё усиление, это уже некоторое осмысление процесса избиения, подход к совпадению действия и его обговаривания. Далее интереснейший, типичнейший поворот: «У меня ничего не болит». То есть ситуация, слова — не доходят. Характерно также осознание этого дефекта и стремление зацепиться за собеседника: «Что ох?»; «Почему болит?» Дальше происходит замедленнейшая и очень вялая реакция, ощущение, что что-то там вовне, в какой-то реальности, лежащей далеко-далеко внизу, вне словесного облака,

происходит. И сразу попытка осмысления натыкается на контрформализацию: «Выбирай выражения полегче». Выражения выбираются и происходит осознание ситуации, но на формальном бонтонном уровне, уровне условной стилизации: «брат», «видимо, нельзя». Это стилистика «хорошейпогодынеправдали», почему-то приложенная к совершенно неприложимой ситуации. И наконец всё завершается последним «охом» Семенова. Он валится на спину во второй раз, что создаёт ощущение дурной бесконечности. Одновременно возникает ощущение убийства, потому что избиение идёт крещендо: Григорьев сначала просто монотонно «бьёт по морде», а кончает уже торжествующим «каблуком по морде». А Семёнов падает на стул, пробует встать, валится, пытается подняться и снова валится, что совпадает со срывом попытки обороны.

Характерен подзаголовок рассказа: «В рукописи без названия». Что это такая за рукопись? Уж не протокол ли?

А фамилии, фамилии какие! Абстрактно-обобщённые, безлично-обычные. «Типовая ситуация» (116). Впрочем, есть и ещё один момент в этом хармсовском смаковании Петровых, Ивановых, Комаровых и Петраковых — просто ненависть к русским фамилиям. Такая же, как у Михаила Булгакова к фамилиям еврейским (в «Мастере и Маргарите», да и в других вещах). «Эй ты, Макаров. — Ну, ты, Петерсон. Ха-ха-ха».

87

← Предыдущее, следующее →

87. Примечание к № 81
Это русская черта — вера. (к цитате)

Герой чеховского рассказа «На пути» говорит:

«Я так понимаю, что вера есть способность духа. Она всё равно что талант: с нею надо родиться. Насколько я могу судить по себе, по тем людям, которых видел на своём веку, по всему тому, что творилось вокруг, эта способность присуща русским людям в высочайшей степени. Русская жизнь представляет из себя непрерывный ряд верований и увлечений, а неверия или отрицания она ещё, ежели желаете знать, и не нюхала. Если русский человек не верит в Бога, то это значит, что он верует во что-нибудь другое… Я вам про себя скажу. В мою душу природа вложила необыкновенную способность верить… Моя мать любила, чтобы дети много ели, и когда, бывало, кормила меня, то говорила: „Ешь! Главное в жизни суп!“ Я верил, ел этот суп по десяти раз в день, ел, как акула, до отвращения и обморока. Рассказывала нянька сказки, и я верил в домовых, в леших, во всякую чертовщину… А когда меня отдали в гимназию и осыпали там всякими истинами вроде того, что земля ходит вокруг солнца, или что белый цвет не белый, а состоит из семи цветов, закружилась моя головушка!»

Русские недоверчивы и верить не умеют и не желают. Зато они умеют ВЕРОВАТЬ. Нет доверия, есть вера. Первое — мера, второе — безмерность.

88

← Предыдущее, следующее →

88. Примечание к № 72
Обидно. (к цитате)

Если бы я был абсолютным нулём. Всё-таки нечто циклопическое. А то ведь ни Богу свечка… Я это себе представляю даже графически. Знаете, такая бумажка в косую линеечку, вырванная из ученической тетрадки. И там с наклоном, полудетским почерком дебила начертано: «Одиноков — 0» (669). И всё. Только «тире-ноль». И вот где-нибудь в архивах, через тысячу лет будут исследовать нашу эпоху. А кто же будет исследовать нашу вот эпоху? Какой-нибудь «золотушный, из неудавшихся, с насморком». И вот он прыг-прыг на копытцах к стеллажам на букву «О». И лапкой хвать мою папочку. Открывает, а там, в моём-то «Деле», одна только эта страничка и вшита: «Одиноков — 0».

«Обидно-съ».

89

← Предыдущее, следующее →

89. Примечание к № 84

я согласен на тело. Но выдайте Александра Македонского (к цитате)

Было и это. «Бесы»:

«— Сударыня, … я, может быть, желал бы называться Эрнестом, а между тем принуждён носить грубое имя Игната, — почему это, как вы думаете? Я желал бы называться князем де Монбаром, а между тем я только Лебядкин, от лебедя, — почему это? Я поэт, сударыня, поэт в душе, и мог бы получать тысячу рублей от издателя, а между тем принуждён жить в лохани, почему, почему? Сударыня! По-моему, Россия есть игра природы, не более!»

90

← Предыдущее, следующее →

90. Примечание к с. 17 «Бесконечного тупика»

Экзистенциализм — это неприязнь и отстранение от мира реальности … мерцающего болотными огоньками социальных утопий. (к цитате)

Набоков восклицал:

«Отчего это в России всё сделалось таким плохеньким, корявым, серым, как она могла так оболваниться и притупиться? Или в старом стремлении „к свету“ таился роковой порок, который по мере естественного продвижения к цели становился всё виднее, пока не обнаружилось, что этот „свет“ горит в окне тюремного надзирателя?»

Увы! Слишком мы поздно поняли, что огонёк русской утопии и был зажжён в каморке-то. Так и ЗАДУМАН был. На Западе всё это «на лоне природы», то есть более естественно и, следовательно, менее неизбежно.

91

← Предыдущее, следующее →

91. Примечание к № 86
Вот рассказ Хармса «Григорьев и Семёнов» (к цитате)

Хотите, этот рассказ сейчас из гротеска, пародии и карикатуры превратится в самый что ни на есть реальнейший реализм, в документальную прозу и чуть ли не стенограмму? Очень просто: Григорьев — это пьяный русский следователь (205).

92

← Предыдущее, следующее →

92. Примечание к с. 17 «Бесконечного тупика»

Василий Васильевич где-то сказал, что свечка ему милее Бога. Бог это где-то там, вообще, а свечечка вот она, зажёг её, и она ожила, это «видно», в это можно верить. (к цитате)

Свеча — это символ тёплого времени. Русская история бесконечна, но прерывиста, разомкнута и, может быть, именно поэтому она тепла. Как тепла и уютна всё же Россия XIX века. Холод XX и делает её тёплой, очеловечивает, округляет, превращает из сумрачной пустоты нигилизма в быт, бытие. Свеча — символ надежды и символ жалости. Жалость возникает от сознания её одинокой конечности, надежда — от светлой сопричастности мировому времени.

Перед смертью Розанов сказал:

«Как всё произошло. Россию подменили (94). Вставили на её место другую свечку. И она горит ЧУЖИМ пламенем, чужим огнём, светится не русским светом и ПО-РУССКИ НЕ СОГРЕВАЕТ КОМНАТЫ.

Русское сало растеклось по шандалу. Когда эта чудная свечка выгорит, мы соберём остатки русского сальца. И сделаем ещё последнюю русскую свечечку. Постараемся накопить ещё больше русского сала и зажечь её от той маленькой. Не успеем — русский свет погаснет в мире».

О чём хотел сказать Розанов своим пророчеством? Может быть, он тогда, в 18-ом, предвидел трагедию русской эмиграции? Или его мысль следует отнести к ещё более позднему времени? К НАШЕМУ времени?

93

← Предыдущее, следующее →

93. Примечание к № 81
Это всё мнение, «мне так приснилось». (к цитате)

Мне дороги слова Ремизова:

«Самое недостоверное — исповедь человека. Достоверно только „непрямое“ высказывание, где не может быть ни умолчаний по стыдливости, ни рисовки „подымай выше“. И самое достоверное в таком высказывании то, что неосознанно, что напархивает из ничего, без основания и беспричинно, а это то самое, что определяется словом „сочиняет“».

Для любого психоаналитика слова «шляпа» или «мех» необыкновенно прозрачны. Но ведь и это шутка, намёк ни на что. В исповеди следует сделать недостоверной ПОДОПЛЁКУ. Тогда исповедь почти совпадёт с истиной. Ибо её текст обернётся контекстом и сном.

94

← Предыдущее, следующее →

94. Примечание к № 92
«Как всё произошло. Россию подменили». (В. Розанов) (к цитате)

Октябрь — что это? Полный крах, или есть в последующих событиях какой-то смысл, пусть тёмный, но смысл? Может быть, есть. Может быть, хотели из России сделать процветающую Францию с отличным пищеварением и давно выжранным червями мозгом (96). Но не получилось. Потеряли и мозг, и тело разрушили язвы, но остался человек, пускай кости и череп человека, но человека, а не полусущества-полумеханизма.

Розанов ещё до революции писал:

«Счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы её должны любить именно когда она слаба, мала, унижена, наконец глупа, наконец даже порочна. Именно, именно когда наша „мать“ пьяна, лжёт и вся запуталась в грехе, — мы и не должны отходить от неё… Но и это ещё не последнее: когда она наконец умрёт, и обглоданная евреями будет являть одни кости — тот будет „русский“, кто будет плакать около этого остова (97), никому не нужного, и всеми плюнутого. Так да будет…»

И кто-то, я знаю, плачет, любит… А во Франции не могут даже задаться подобным вопросом. Некому. И, может быть, это страшнее. Самый страшный недуг — дебил со счастливой улыбкой и прозрачными глазами. Франция — развитое общество. И оно живёт своей сложной жизнью — там есть идея. Чужая. И живут французы для чужого. Мудрого, может быть даже гуманного и рачительного хозяина, но… чужого. А русские не захотели. С кровью, с мясом выдрали, потеряли всё, почти все, разрушили и уничтожили национальные святыни, но сохранили большее. Россия ещё поднимется. Через 50, через 100, 200 лет. Может, мир похолодеет от ужаса фатальной борьбы (113). Как бы то ни было, сейчас ясно одно: Россия — единственная страна мира, где господство над историей не удалось, по крайней мере — «не завершилось».

95

← Предыдущее, следующее →

95. Примечание к № 52

Россия — это страна допросов. Это уже из анализа художественной литературы ясно. (к цитате)

Какой тут пример привести? Просто глаза разбегаются. Какого русского писателя ни возьми, везде допросы, допросы, допросы (105). Допросища. Допросики. Ну вот Гоголь, например. Огромное количество допросов в «Игроках», «Мёртвых душах», «Ревизоре». Везде допросы.

Начало «Женитьбы»:

«Подколесин: Не приходила сваха?

Степан: Никак нет.

— А у портного был?

— Был.

— Что ж он, шьёт фрак?

— Шьёт.

— И много уже нашил?

— Да, уж довольно. Начал уж петли метать.

— Что ты говоришь?

— Говорю: начал уж петли метать.

— А не спрашивал он, на что, мол, нужен барину фрак?

— Нет, не спрашивал.

— Может быть, он говорил: не хочет ли барин жениться?

— Нет, ничего не говорил.

— Ты видел, однако ж, у него и другие фраки? Ведь он и для других тоже шьёт.

— Да, фраков у него много висит.

— Однако ж ведь сукно-то на них будет, чай, похуже, чем на моём?

— Да, это будет поприглядистее, что на вашем.

— Что ты говоришь?

— Говорю: это поприглядистее, что на вашем.

— Хорошо. Ну, а не спрашивал, для чего, мол, барин из такого тонкого сукна шьёт себе фрак?

— Нет.

— Не говорил ничего о том, что не хочет ли, дескать, женить-

ся?

— Нет, об этом не заговаривал.

— Ты, однако же, сказал, какой на мне чин, и где служу? (и т. д.)»

Тут любопытна двусмысленная форма допроса. Это типичный допрос свидетеля, но допрос, ведущийся не следователем, а преступником. И преступник вскоре уличается в своём русском преступлении (женитьбе):

«Кочкарёв: Ты от меня, твоего друга, всё скрываешь. Жениться ведь вздумал?

Подколесин: Вот вздор, совсем и не думал!

Кочкарёв: Да ведь улика налицо (указывает на Фёклу (сваху. — О.)) … *Ну что ж, ничего, ничего. Здесь нет ничего такого. Дело христианское, необходимое даже для отечества».*

96

← Предыдущее, следующее →

96. Примечание к № 94

хотели из России сделать процветающую Францию с отличным пищеварением и давно выжранным червями мозгом (к цитате)

Позорное «дело Дрейфуса» показало, что Франция постепенно перестаёт быть самостоятельной страной (99), превращается в лишённый мозга социальный труп, подобно марионетке дёргаемый за нити неведомым сверхгосударством.

Что сказал Розанов о евреях самое глубокое, самое верное и самое злое? Наверно это:

«В „еврее“ пришла новая „категория“ человека — а именно пришёл „отец диакон“, который есть новая и неслыханная „категория“ среди греков и римлян, между Ликургом и Катоном. В еврее никакой „крупицы“ нет нашего, нет французского, нет немецкого, нет английского. Ничего европейского нет и не будет. Сказано — масло. Сказано — олива. Сказано — лампадка. И длинные волосы и бархатный голос. С евреями, ведя дела, чувствуешь, что всё „идёт по маслу“, всё стало „на масле“ и идёт „ходко“ и „легко“, в высшей степени „приятно“. Это и есть „о семени твоём благословятся все народы“ и „всем будет хорошо с тобою“ (около тебя). Едва вы начали „тереться около еврея“, как замечаете, что у вас всё „выходит“. И вы „маслитесь“ около него, и он „маслится“ около вас. И всё было бы хорошо, если бы вы не замечали (если успели вовремя), что всё „по маслу“ течёт к нему, дела, имущество, семейные связи, симпатии. И когда, наконец, вы хотите остаться „в себе“ и „один“, остаться „без масла“ — вы видите, что всё уже вобрало в себя масло, всё унесло из вас и от вас, и вы в сущности высохшее, обеспложенное, ничего не имущее вещество. Вы чувствуете себя бесталантным, обездушенным, одиноким и брошенным. С ужасом вы восстанавливаете связь с „маслом“ и „евреем“ — и он охотно даёт вам её: досасывая остальное из вас — пока вы станете трупом. Этот кругооборот отношений всемирен и повторяется везде — в деревеньке, в единичной личной дружбе, в судьбе народов и стран. Еврей САМ не только бесталанен, но — ужасающе бесталанен: но взамен всех талантов имеет один большой хобот (110), маслянистый, приятный; сосать

душу и дар из каждого своего соседа, из страны, города. Пустой — он пересасывает из себя полноту всего. Без воображения, без мифов, без политической истории, без всякого чувства природы, без космогонии в себе, в сущности — БЕЗЪ-ЯИЧНЫЙ, он присасывается „пустым мешком себя" к вашему бытию, восторгается им, ласкается к нему, искренне и чистосердечно восхищён „удивительными сокровищами в вас", которых сам действительно не имеет: и начиная всему этому „имитировать", всё это „подделывать", всему этому „подражать" — всё воплощает „пустым мешком в себе", своею космогоническою БЕЗЪЯИЧНОСТЬЮ, и медленно и постоянно заменяет ваше добро пустыми пузырями, вашу поэзию — поддельной поэзией, вашу философию — философической риторикой (120) и подлостью. Сон фараона о 7 тучных коровах, пожранных 7 тощими коровами, который пророческим образом приснился египетскому царю в миг, как пожаловал в его страну Иосиф „с 11-ю братцами и папашей" — конечно, был использован Иосифом фальшиво. Это не „7 урожайных годов" и „7 голодных годов", это судьба Египта „в сожительстве" с евреями, судьба благодатной и полновесной египетской культуры возле тощего еврея, с дяденьками и тётеньками, с большими удами, без мифологии и без истории, без искусства и философии. „Зажгут они лампадочки" и „начнут сосать". Плодиться и сосать, молиться и сосать. Тощий подведённый живот начнёт отвисать, наливаться египетским соком, египетским талантом, египетским „всем". Уд всегда был велик, от Харрана, от Халдеи, от стран ещё Содомских и Гоморовских. Понимания — никакого. Сочувствия — ничему. Один копеечный вкус к золотым вещицам египтян. И так везде. И так навсегда».

Боже мой, какая глубина, какая масляная ласковость, какое издевательство.

Множество моих друзей и знакомых — евреи. Тут дело не в жёлтом дворянстве, новой элите России, не только в этом. Один из них как-то спросил меня: «Одиноков, ведь ты антисемит? Антисемит? Почему же мы дружим?» И мне стало так грустно, даже в глазах защипало. Как же тут объяснить? Ведь этому человеку «надо бы имени моего ужаснуться», бежать от меня куда глаза глядят. Ибо не только он абсолютно понятен, прочитываем в своём мегацыганстве — наивном, восточном, совершенно не осознаваемом, — это-то ладно, но дело в том, что он вне зависимости от своей воли и желания уже включён моим разумом в страшную игру (123) и стоит какой-то мельчайшей пешкой на громадном шарообразном поле. Он уже задуман мною. Помещён в двойную заглушку. И я сам гибну.

Вообще, современные евреи видели русских В ИХ РАЗВИТИИ, настоящих, разве что издалека, знают понаслышке. Они всё каких-то маленьких, трёхсантиметровых кальмариков-осьминожиков видели (129) и думают, что они такие и есть. А они не такие. Они ведь в благоприятных условиях, знаете ли, и растут. А ещё Цицерон говорил, что «природа сказывается не в зачатке, а в совершенстве».

Евреи погибнут из-за мнимости, которой они по привычке так опрометчиво «насосались». Отравляя своим нихилем, русские ставят еврея в положение «дружащего с евреем», положение для него совсем неожиданное, неслыханное, просто издевательское. (Хотя, разумеется, для русского тоже губительно такое соседство.)

97

← Предыдущее, следующее →

97. Примечание к № 94

«когда она (Россия) наконец умрёт и, обглоданная евреями, будет являть одни кости — тот будет „русский“, кто будет плакать около этого остова» (В. Розанов) (к цитате)

«Закруглённый мир» (I часть этой книги) — что это? По форме — любовь к Розанову. По содержанию — глумление над ним. Всё верно, всё правильно. Пришёл развязный хам в узконосых ботинках и стал расшаркиваться аккуратно и «умно»: «во-первых», «во-вторых», «в-третьих». Но разве так говорят по-настоящему? Разве признаются в любви словами «я вас люблю так искренно, так нежно…»? Нет, это во сне выговаривается избранниками божьими так чисто. А в реальном мире самое сокровенное говорится слабо, прерывающимся шёпотом. От ужаса и любви язык заплетается: «Тут такое дело… гм… Видишь ли… Я не знаю… Я не могу без тебя жить». А сам смотрит в окно. А за окном строится панельная пятиэтажка. В «Закруглённом мире» я по паркету разлетелся. Разве ТАК было? (100)

Я купил «Второй короб» за огромную, бессмысленную сумму и прочёл за две октябрьские ночи. И это было как предсмертный укус пчелы Сократа. Больно и сладко. Целебное жало спасло от ревматизма одиночества. И никому не сказать. Я хочу поделиться, но никто не понимает, что я бормочу. Я написал гладко. Тогда «поняли». Но это же не так. Там нет меня. Смутно, в «подподтексте», при сопоставлении с II и III частью что-то видно. А так, «само по себе» — нет. Так каждый может написать. Вот Георгий Федотов написал:

«За видимым хаосом, разорванностью, противоречивостью, приоткрывается тихая глубина».

«Ищешь по привычке, к чему можно было бы прицепить ярлык цинизма, и не находишь … как поднимется рука судить того, кто сам так беспощадно казнит себя».

«Категория меры, столь ему несродная, торжествует, как найденное равновесие сердца: как возможный предел благословения жизни».

«Его любовь раздваивается, как эрос и жалость, оставаясь еди-

ной. И это единство — самое важное в завещании Розанова».

(В 1931 году, в предисловии к эмигрантскому изданию «Опавших листьев».)

Хорошо. И в сущности, так. А в конце своего предисловия Георгий Петрович привёл целиком цитату, «лист», фрагмент из которого здесь, в примечании № 97, комментируется. И вот в этом комментируемом предложении Федотов выскреб бритовкой слова «обглоданная евреями». Выскреб подленько, без оттточия. Не хорошо.

Писать гаденькие гладенькие статейки и книжицы по философии — это ещё не значит быть философом. Федотов — нечестный человек. А за руку в объективированном тексте его схватить нельзя. В последнем предложении статьи одна ошибка. Да и то в цитате. Ошибка, конечно, имеющая символический характер. Такие проговаривания всегда бывают. Но замечают-то их далеко не всегда. И что это за «философия», восприятие которой зависит от справки филолога?

Поэтому «Закруглённый мир» — это пародия. Вторая часть именно за счёт пародийности из пародии выпадает. А эта, нелепая, уже я сам. Не текст, а ощущение от текста «Примечаний» — это и есть ощущение моё от Розанова.

Я писал первую часть «так», как «пустяк», не вполне серьёзно. Я уже сознавал, что это всё не то. Почему Я это написал? Почему это не мог написать кто-нибудь другой? Вот Федотов написал. Но если это просто «сделано», то зачем писать? Ну да, Розанов гений? — Гений. Чуткий? — Чуткий. Добрый? — Добрый. А зачем тогда писать? О чём? Это не нужно. Это глумление. Вот отец умер. А мне приносят о нём статью, где мне доказывают, что он хороший. Зачем это? КУДА ВЫ? Розанов писал, что мир погибнет от равнодушного сострадания.

Нет. Или уж сострадать, но искренно, всей душой, до потери «приличия», до размазывания слёз по онемевшему от страдания лицу… или лучше отойти в сторону.

Пригладил Розанова. Он как бы ПРОСТИЛ его. За что? Разве Розанов ему что-нибудь сделал? И вся жизнь Федотова… экскурсовод в российском палеонтологическом музее. И этот человек всерьёз считал себя философом. Быть умным человеком и уметь в талантливой форме излагать свои мысли — это значит быть философом? А я скажу: да, Федотов умный. Он прочёл Розанова. Понял. Написал о нём учёную, интересную статью, помогающую понять мыслителя и лучше разобраться в собственных впечатлениях от его книг. Но когда Федотов писал, он явно не задавал себе один маленький вопрос: «А зачем?» Зачем это всё? И кому

это нужно — «мои впечатления от Розанова». Даже самому Розанову — в очень незначительной степени. Ведь он прямо говорил, что ему плевать на то, что о нём пишут. Тут проблема воплощения, жизни и смерти. Надо оживить себя, ввернуть в эти проклятые испачканные строчками страницы. А возможно ли это? И не есть ли подобного рода существование фикция?

От объективности Розанов исчезает. В первой части говорится только о Розанове. Но Розанова там нет. В третьей части Розанов — это боковая тема. Но эта постыдная и до смешного жалкая неудача и есть действительно книга о Розанове. Книга, где жизнь меня смахивает смехом как крошки после ужина — «не нужен».

98

← Предыдущее, следующее →

98. Примечание к № 60
была создана мощнейшая технология придуривания (к цитате)

Чехов о переписи на Сахалине:

«Обыкновенно вопрос предлагают в такой форме: „Знаешь ли грамоте?“ — я же спрашивал так: „Умеешь ли читать?“ — и это во многих случаях спасало меня от неверных ответов, потому что крестьяне, не пишущие и умеющие разбирать только по печатному, называют себя неграмотными. Есть и такие, которые из скромности прикидываются невеждами: „Где уж нам? Какая наша грамота?“ — и лишь при повторении вопроса говорят: „Разбирал когда-то по печатному, да теперь, знать, забыл. Народ мы тёмный, одно слово — мужики“».

99

← Предыдущее, следующее →

99. Примечание к № 96

Позорное «дело Дрейфуса» показало, что Франция постепенно перестаёт быть самостоятельной страной (к цитате)

Леонтьев сказал:

«Более 1200 лет ни одна государственная система, как видно из истории, не жила: многие государства прожили гораздо меньше».

Сейчас идёт смена, создание новых наций. Современная Франция или Англия уже есть Франция и Англия лишь в смысле географическом. Мозг — евреи, тело — постепенно мулатизируется (смешанные браки, массовая иммиграция негров и арабов). В результате постепенно формируются новые этносы, с новой историей, новой религией. Франция уже сейчас похожа на Францию XVIII века так же, как «Священная Римская империя германской нации» на настоящую Римскую империю.

И очень наивно негодовать по этому поводу. Леонтьев опять верно заметил:

«Есть люди очень гуманные, но гуманных государств не бывает … Правда, и они организмы, но другого порядка; они суть ИДЕИ, воплощённые в известный общественный строй. У ИДЕЙ нет гуманного сердца. Идеи неумолимы и жестоки, ибо они суть не что иное, как ясно или смутно сознанные законы природы и истории».

Безумие негодовать по поводу смертности людей. Люди смертны. И это ужасно. Но это закон, идея. Можно ощущать её жестокость и аморальность. Но «обличать» Смерть… Она и не будет с вами спорить. Вы можете десятилетиями проклинать её, но ответа не дождётесь. Просто постепенно начнут слабеть зрение и слух, выпадут зубы, волосы, кожа станет морщинистой и дряблой… Потом резанёт стеклом по сердцу и всё…

Вот почему антисемитизм так груб, так не умён. Еврейство есть прежде всего определённая идея, а идею уничтожить нельзя. Сами евреи следуют ей невольно, само собой. Думать, что-то или иное государство гибнет «от евреев», так же нелепо, как считать, что человек умирает от инфаркта. Отчего умирают люди? — От болезни. — Нет, люди умирают от Смерти.

100

← Предыдущее, следующее →

100. Примечание к № 97
Разве ТАК было? (к цитате)

Я читал философов и думал: «Какой же я философ?»

Иногда «расходился». Иду по улице, философствую, а мне кто-то спокойно говорит на ухо: «А у тебя отец умер».

Смотрю в том Гегеля, а думаю про отца (101).

Хочется крикнуть что-нибудь умное, а голос тут как тут: «А отец-то твой где?» Как это, куда ЭТО ввернуть, вставить? «Что ни делает дурак, всё он делает не так». Сидят люди, разговаривают, и вдруг им ни с того ни с сего: «А у меня вот отец…»

Читают лекцию по философии. Я вопросик лектору, «записку из зала»: «Такого-то числа такого-то месяца и года у меня умер Отец». И подпись: «Одиноков». — Ну и что? При чём здесь это-то? О чём вы, милейший?! Ну конечно, очень жалко, мы сочувствуем и т. д. И я получаюсь каким-то «и т. д.» «Идите отсюдова».

Говорить мне с философами — профанация. Что-то тянется и получается глупо-тягуче: «Гегель в своей философской системе показал, что… Мы же считаем, однако… Тем не менее при сравнительном анализе…» И голос срывается, я задыхаюсь. В одном предложении три «это» и четыре «который». А в голове: «Да, жил, понимаешь, существовал, а тут, хе-хе, „собирайте вещи“. Папенька-то „тю-тю“». Какая-то мучительная постыдная незавершённость. Вышел на сцену, а штаны сзади рваные. «Зал грохнул». «Не все дома».

И вот я прочёл «Опавшие листья», в центре которых, в одном из центров, — болезнь и умирание близкого человека… Что же такое «Бесконечный тупик» (в целом)? Тот же ритм, те же темы. Я лежал где-то там, внутри, и думал: «А надо ли расти? Может быть, так и остаться, в себе?» А Розанов сказал: «Расти, миленький. Закрой глаза и расти. Это фатум, и так МОЖНО».

Что такое пощёчина? Пощёчина ли марксизм? — Набор слов. Не дотягивается. Пощёчина ли Гегель? — Совсем другое… Гегель другой, и его тяжёлая рука проходит сквозь туман моего лица.

И вот статья Федотова о Розанове. Хорошо, интересно. О Роза-

нове все пишут интересно. Я говорил уже, что он облагораживает мышление. (Гегель не облагораживает, а опошляет. Сам-то он не пошл, куда, и выговорить-то смешно такое. А вот почему-то опошляет всё вокруг, сыплет в мозг наждаком.)

Да, значит, Федотов. С ластичком. Кто для него Розанов? — Разрушитель:

«Вся изумительная вспышка Розановского гения питается горючими газами, выделяющимися в разложении старой России. Думая о Розанове, невольно вспоминаешь распад атома, освобождающий огромное количество энергии … не случайно, что вершины своего гения Розанов достигает в максимальной разорванности, распаде „умного" сознания. Розанов одновременно и рождается сам в смерти старой России, и могущественно ускоряет её гибель. Иной раз кажется, что одного „Уединённого" было бы достаточно, чтобы взорвать Россию … Розанов, убийца идей, выполнял провиденциальную функцию разрушителя империи».

Нет, Розанов — это созидатель. А разрушитель, г-н Федотов, кто-то другой. С подлым ластичком.

И я чувствую, вижу, как меня окружают со всех сторон федотовы и начинают стирать ластиками.

101

← Предыдущее, следующее →

101. Примечание к № 100
Смотрю в том Гегеля, а думаю про отца. (к цитате)

Читаешь Канта или Гегеля, а в голове туманом клубятся русские мысли. Совершенно непроизвольно. Мысль работает чётко, аккуратно следует за написанным, но что-то параллельно летит, недоумевает. Связано ли это с собственно «думанием»? Да, и очень тесно. Но на ассоциативном конце этой связи совсем не то, что на конце логическом. То ли карикатура, размазанная клякса от пролившихся чернил, воздушный шарик, вырвавшийся из рук и беспомощно повисший яркой тряпочкой на колючей ветке — морозном узоре на стекле рассудка. И вот книга эта вся и есть русское восприятие Канта. Я его читал и писал на полях эту книгу. Вдуматься, в этом есть определённая логика, и, мысленно отдаляясь, читатель (так задумано) должен сложить отдельные смысловые штрихи, «примечания».

Розанов писал:

«Только оканчивая жизнь, видишь, что вся твоя жизнь была поучением, в котором ты был невнимательным учеником. Так я стою перед своим невыученным уроком. Учитель вышел. „Собирай книги и уходи“. И рад был бы, чтобы кто-нибудь „наказал“, „оставил без обеда“. Но никто не накажет. Ты — вообще никому не нужен. Завтра будет „урок“. Но для другого. И многие будут заниматься. Тобой никогда более не займутся».

И мной больше «не займутся». Книга эта — урок. В чем он? Я и сам только догадываюсь (118). Но знаю, что что-то произошло. Что?

102

← Предыдущее, следующее →

102. Примечание к № 81

человек проникается моими проблемами независимо от моей воли (к цитате)

Не думаю, что это какой-то гипноз. Скорее, просто следствие исключительной мыслительной сосредоточенности, упорных ударов в одну и ту же точку. Пожалуй, это наиболее неприятная черта в моём характере. Это приводит к утончённому издевательству над людьми. Совершенно бессознательному… Правда, в конечном счёте это издевательство над самим собой. Я гипнотизёр-наоборот и всегда всем навязываю определённое отношение к себе. Моя сила внушения нейтрализуется не менее мощной силой внушаемости. В моей открытости любым внушениям есть нечто идиотическое (пожалуй, я был идеальным октябрёнком и пионером — разумеется, не во внешне-официальной области, а в сфере «духовной»). Часто сила внушения оборачивается на самого себя. Вот где, пожалуй, моя личность уникальна — в силе самовнушения. Вот и идея одиночества была мной мне внушена. Конечно, в очень значительной степени я сам себя выдумал.

103

← Предыдущее, следующее →

103. Примечание к № 52

Но так естественно включиться в немыслимый диалог (к цитате)

Когда ни о чем не думается, в голове вращаются какие-то обрывки, диаложики. Вот один из них:

— Ты хоть понимаешь, что ты негодяй?

— Почему же я негодяй?

— Да потому, что ты ничтожество.

— Почему же я ничтожество?

— А потому, что ты негодяй.

— Почему же я негодяй?

— Да потому, что ты ничтожество (147)…

И так до бесконечности. Это может повторяться в мозгу часами, как знакомая мелодия (155). Только проснулся утром, ещё не открыл глаза, а уже над ухом глуховатый монотонный голос: «Ты хоть понимаешь…». И я так же монотонно и вяло включаюсь: «Почему же я…». А он уже радостно: «Да потому, что ты…». Машина закрутилась.

Нет чувства раздражения, ненависти. Наоборот, это, так сказать, архетипическая форма диалога, не актуализированная вовне и поэтому удобная, сподручная. Это такой домашний, тихий адик, лишь нейтрализирующий реальность. Мне хочется с кем-нибудь говорить, и вот я мычу про себя до боли знакомую допросную песенку:

— Какая же ты сволочь! Ты хоть понимаешь…

Совершенно нет звуковой прорисовки слов, превращающей наглое определение в законченное ругательство. Скорее, это символ определяющей меня границы… Получается чистая определяющая интонация:

— Гу-гу-гу угуг гугу?

— Мы мэ намы гугу?

— А гугок гыум угога.

— Мы мэ угога?

Возникает ощущение какой-то оживлённой беседы. Объяснения. Сразу всё окаймляется, оконтуривается. Мир становится объяснимым.

104

← Предыдущее, следующее →

104. Примечание к № 22

Годам к 12-ти я уже точно знал: мой отец дурак. Впрочем, это скорее было не знанием, а интуитивным ощущением (к цитате)

Первое ощущение отца: мой отец — отец. Я играю с его тяжёлой рукой, целую её, кладу себе на голову, глажу ей себя. А он делает вид, что не замечает и что его рука не его, а так, «никакая». Чувство уюта: я мою с отцом руки. Умывальник леечкой, холодные игольчатые струи, здоровый запах дешёвого, но не грубого мыла. У отца руки большие-большие, чёрные-чёрные. (Он их специально перед этим незаметно от меня мазал куском угля (152).) И он их моет-моет-моет, преувеличенно трёт друг о дружку и смеётся: «Отличнейше». И руки становятся розовые, добрые. Это называется «папа пришёл с работы» и «ужин». Мыть руки — праздник. И еда праздник. Больше всего я любил варёный лук, морковь в супе и сырые яйца. Отец знал, что это невкусно, и специально воспитал у меня вкус к этим малосъедобным вещам. «М-м, какая прелесть. Яичко сырое». И высасывал его, закатив глаза: «Ат-тлич-нейше!» (Любимое вообще слово.) — «Папочка, я тоже хочу!» А суп, макароны, яблоки ел нехотя (худой, малокровный). Отцу обыгрывать вполне съедобные вещи было неинтересно. Негде развернуться художеству.

Отец умел делать подарки. Пожалуй, единственное чувство абсолютного счастья: мне девять лет. Я просыпаюсь. Солнечное утро. У меня сегодня день рождения. Встаю и иду в одних трусиках босиком по нагретому солнцем паркету. И вдруг на столе, в косых солнечных лучах, целый парад (штук 20) новеньких золотистых солдатиков. Восторг, удивление и какое-то растворение в солнечном свете. Из другой комнаты голос: «Увидел». Я бегу туда, а там папа с мамой сидят и смеются. Последний уточняющий вопрос: «Это моё?! это насовсем мне?!» — «Ну, конечно». — «А-а-а-а!!!» Ни до ни после я не испытывал такого восторга.

Сейчас вспоминаю, как ещё за месяц отец всё приставал показать солдатики. Я показывал, объяснял. Он долго вертел их, взвешивал на руках. «Да, хорошие. Но маловато». — «Да нет, вон сколько». — «Не-ет, голубчик, маловато. И обтрёпанные все,

у этого вон и рука отвалилась». — «Да нет же, хорошие, это случайно, я его обменяю». — «Нет, солдатики у тебя хорошие, да мало их. В солдатики когда играешь, нужно много, чтобы целое сражение получилось. Потом и форма у всех одинаковая». И раз пять так подготавливал. Уже купил и подготавливал.

Отец умудрился дать мне абсолютно асексуальное воспитание. Он никогда не ругался и говорил даже не «врёшь», а «сочиняешь». Максимально допустимым ругательством в семье было «кретин» или там «пигмей». (Мать иногда ругалась «при детях», и отец из-за этого ужасно переживал.) При этом семейный быт был непоправимо испорчен в самой своей основе его пьянством, мягко говоря, «неуравновешенностью» матери и полубарачной-полумещанской обстановкой во дворе и в школе. Я жил в смешанном и смешном мире…

Но по своей самой-самой ранней, самой бессловесной сути всё-таки мир был строен и радостен. Забыто радостен. Вот восполняющее и искупающее дополнение к теме катка: я совсем маленький бегу с отцом на Патриаршие пруды, мы кубарем скатываемся на только что замёрзший лёд. Никого вокруг нет, каток ещё не открыт. Вечер. И вдруг включили Чайковского. Мы катаемся на валенках по льду. Это перед Новым годом. Вот, осмелев, каток заполняют люди. Музыка звучит, звучит. Это счастье.

Всё потом разрослось вкривь и вкось. Но сам мир был благостен, добр и взаимно доверчив.

105

← Предыдущее, следующее →

105. Примечание к № 95

Какого русского писателя ни возьми, везде допросы, допросы, допросы. (к цитате)

Всё-таки приведу ещё один пример. Уж слишком идеальна, слишком совершенна тут модель русского «весёлого разговора».

«Село Степанчиково» Достоевского:

«— Прежде кто вы были? — говорит … Фома, развалясь после сытного обеда в покойном кресле, причём слуга, стоя за креслом, должен был отмахивать от него свежей липовой веткой мух. — На кого похожи вы были до меня? А теперь я заронил в вас искру того небесного огня, который горит теперь в душе вашей. Заронил ли я в вас искру небесного огня, или нет? Отвечайте: заронил я в вас искру, или нет?

Фома Фомич, по правде, и сам не знал, зачем сделал такой вопрос. (Важный штрих. Цепляние за человека происходит „просто так“, вполне бесцельно, бессмысленно. — О.) *Но молчание и смущение дяди тотчас же его раззадорили. Он, прежде терпеливый и забитый, теперь вспыхивал, как порох, при каждом малейшем противоречии. Молчание дяди показалось ему обидным, и он уже теперь настаивал на ответе…*

— Я спрашиваю: горит ли в вас эта искра, иль нет? — снисходительно повторяет Фома, взяв конфетку из бонбоньерки, которая всегда ставится перед ним на столе…

— Ей-богу, не знаю, Фома, — отвечает, наконец, дядя с отчаянием во взорах, — должно быть, что-нибудь есть в этом роде … Право, ты уж лучше не спрашивай, я то я совру что-нибудь…

— Хорошо! так, по-вашему, я так ничтожен, что даже не стою ответа, — вы это хотели сказать? Ну, пусть будет так; пусть я буду ничто.

— Да нет же, Фома, Бог с тобой! Ну когда я это хотел сказать?

— Нет, вы именно это хотели сказать.

— Да клянусь же, что нет!

— Хорошо! пусть буду я лгун! пусть я, по вашему обвинению, нарочно изыскиваю предлога к ссоре, пусть ко всем оскорблениям

присоединится и это — я всё перенесу…

— Фома Фомич! маменька! — восклицает дядя в отчаянии, — ей-богу же, я не виноват! так разве нечаянно с языка сорвалось!.. Ты не смотри на меня, Фома: я ведь глуп — сам чувствую, что глуп; сам слышу в себе, что нескладно… Знаю, Фома, всё знаю! ты уж и не говори! — продолжает он, махая рукой. — Сорок лет прожил и до сих пор, до самой той поры, как тебя узнал, всё думал про себя, что человек… ну и всё там, как следует. А ведь и не замечал до сих пор, что грешен, как козёл, эгоист первой руки и наделал зла такую кучу, что диво, как ещё земля держит!

— Да, вы-таки эгоист! — замечает удовлетворённый Фома Фомич.

— Да уж я и сам понимаю теперь, что эгоист! Нет, шабаш… исправлюсь и буду добрее!

— Дай-то Бог! — заключает Фома Фомич, благочестиво воздыхая и подымаясь с кресла, чтоб отойти к послеобеденному сну».

Может быть, допросы в России выместили проповеди и исповеди, а проповеди и исповеди, в свою очередь, подготовили почву для допросов. Слишком большая тяга исключительно к высшему типу общения, при секуляризации культуры обернулась серьёзной болтовнёй, формализованным легкомыслием, протоколируемыми пустяками, от которых зависит жизнь и смерть.

Фома стал допрашивать присказку, каламбур:

«„Натрескался пирога, как Мартын мыла!“ … Где именно ты видел такого Мартына, который ест мыло? Говори же, дай мне понятие об этом феноменальном Мартыне!

Молчание.

— Я тебя спрашиваю, — пристаёт Фома, — кто именно этот Мартын? Я хочу его видеть, хочу с ним познакомиться. Ну, кто же он? Регистратор, астроном, пошехонец, поэт, каптенармус, дворовый человек, — кто-нибудь должен же быть. Отвечай!

— Дво-ро-вый че-ло-век, — отвечает, наконец, Фалалей, продолжая плакать.

— Чей? чьих господ?»

Назовите фамилию, домашний адрес, номер телефона.

106

← Предыдущее, следующее →

106. Примечание к № 42

«„С“ улетучивается, а „L“ остаётся» (Иванов-Разумник) (к цитате)

Разумник таким образом уподобляет русскую интеллигенцию хлору. Где же вы видели левого публициста в России без «элементарных газов»? Ну и конечно, в такой атмосфере и зародыши тут как тут. Разумник, например, уподобляет интеллигенцию 30–40-х годов зародышу, который «сделал гигантский шаг вперёд». И тут же ссылка на одного из основоположников интеллигентской терминологии:

«Прав был Белинский, говоря, что „русская личность пока эмбрион, но сколько широты и силы в натуре этого эмбриона, как душна и страшна ей всякая ограниченность и узость“».

Эмбрион, что и говорить, широкий, сильный. Прямо и родился уже в косоворотке и с дубиной в руках. «Поссорился с Гегелем» для начала. А потом газы, газы, газы, газы… Добролюбова или Чернышевского надо уже в противогазе читать. По сравнению с ними — Разумник прав — Белинский был действительно, как он пишет, «чудной, благоухающей личностью».

107

← Предыдущее, следующее →

107. Примечание к № 42

даже в литературе горел огонь идеологической конфронтации (к цитате)

Соответственно история русской литературы должна быть построена на совершенно иных — для русской интеллигенции, может быть, даже оскорбительных — принципах. Во-первых, о литературном ПРОЦЕССЕ следует судить не по шедеврам, а по среднему уровню. Из-за крайне низкого статуса культуры в стране, конечно, и действительно выдающиеся вещи, вроде «Мёртвых душ» или «Преступления и наказания», воспринимались как партийно-агитационные произведения. Несомненно, этот уровень и этот тон присутствуют у Гоголя и Достоевского, но гениальность тут мешает достаточно ясно и чётко его выявить. В этом смысле гораздо показательнее произведения второстепенных литераторов.

Во-вторых, следует учитывать, что собственно ПРОЦЕССОМ развитие русской ЛИТЕРАТУРЫ назвать нельзя, так как, по сути, литература в России всегда с профессиональной услужливостью выполняла определённый социальный заказ и никогда не являлась, таким образом, чем-то объяснимым преимущественно «из самого себя». Законы, по которым развивалась литература в России, не были литературными законами.

И в-третьих, к литературе следует подходить как к элементу русской секулярной массовой культуры, наряду с декоративной живописью, иллюстрированными журналами, театрами, кафешантанами и т. д. Естественно, что в сверхидеологизированном обществе, обществе, перенасыщенном идеологией, даже оформление злачных мест и конфетных коробок строго умышленно. Или, иными словами, в таком обществе любой предмет культуры, даже подлинный шедевр, есть прежде всего и более всего «коробка конфет».

Лишь с учётом этих трёх факторов общая картина становится относительно понятной и ЛЮБОЕ литературное произведение приобретает статус исторического факта. В свою очередь и тот или иной период в развитии литературы увязывается с историческим контекстом не «мистически», а более-менее правдопо-

добно. Так, не вызывает никакого сомнения, что в 80-х годах прошлого века поток ностальгических стишков, грязных дождливых пейзажиков и заунывных чеховских «рассказок» был частным следствием общего настроения глухого, злобного вредительства, инспирированного в ответ на жёсткий (то есть, если учесть возможность такого рода действий, недостаточно жёсткий) внутриполитический курс.

Точно так же вполне ясно, что культ порнографии, получивший своё распространение после разгона II Думы, являлся частью кампании вредительства. С одной стороны, речь шла о дискредитации культурной жизни страны, с другой — использовался ещё один петушок на палочке для вербовки молодёжи в контрроссийское движение. Прежде всего дело именно в этом, а не в гешефте или общей либерализации общества. Это легко видно из анализа левых журналов того времени, одновременно аскетически-революционных и порнографических, или из произведений Сологуба, где усердно пропагандировалась «интересная сексуальная жизнь» революционеров и революционерок.

Именно с этой точки зрения и стоит говорить об «истории русской литературы». Есть, конечно, и другая история. История духовная, история идей. Но как раз чтобы подойти к такому уровню, и не стоит выдавать одно за другое. Если угодно говорить о социальной истории русской литературы, то следует исходить из того места в социальной жизни страны, которое она реально занимала. А если речь идёт о духовном развитии, то не следует рассматривать литературу как результат элементарных социальных явлений.

108

← Предыдущее, следующее →

108. Примечание к № 26

оглянется, дёрнет плечом — и сразу видно: самозванец (к цитате)

А что означает это русское слово — «самозванец»? Вот Пугачёв, например. Очень наивно полагать, что он взял и вполне сознательно, в, так сказать, пропагандистских целях, объявил себя Петром III. Так считать — это значит ничегошеньки не понимать ни в русском характере, ни в русской истории. Став «самозванцем», Пугачёв прежде всего потерял своё христианское имя и попал в искривлённый, сломанный чёртом мир — мир страшной, на глазах сбывающейся сказки, какого-то бесовского спектакля.

На первом же допросе у Пугачёва вырвалась очень интересная фраза:

«Богу было угодно наказать Россию через моё окаянство».

Пугачёв попал в страшный сверхкарнавал-сон (496). Хотелось проснуться, чувствовал, что так нельзя, а засасывало всё дальше и дальше. Пугачёвцы, ворвавшись в город, надевали женские платья и церковные облачения и начинали всех резать. Конечно, Пугачёв знал про себя, что он вор, но — крайне важная, русская черта — одновременно был вполне уверен в своём царском происхождении. В самозваном мире он был Царь. Интересно, что своих под-атаманов он переименовал в графов Воронцовых, Чернышёвых, Паниных, Орловых. Ещё более характерно, что Пугачёв переименовал Бердскую слободу в Москву, деревню Каргале — в Петербург, а Сакмарский городок — в Киев. Возникла целая Псевдороссия, самозваная скоморошья империя. Все эти пышные титулы и названия осмыслялись пародийно, со смехом, под похабные прибаутки и огурцы с капустой. «Ну чо, граф Воронцов, зенки-то вылупил? Одевай елистрические лапти и чеши в Питер за водярой. А не то в рыло. Го-го-го!!! Ха-ха-ха!!!»

При этом постоянное ощущение, что это всё сон, сон. Пародийное отстранение и подчёркивало, что это всё не так, обманно, «ночно», по-чертовски и понарошку. И глазком русским (одним, трезвым) все за грань сцены посматривали (497). Сам Пуга-

чёв держал для себя 30 отборных лошадей, чтобы в критический момент бросить всех к чёртовой матери и убежать. А соратники стерегли его как заложника, намереваясь в конце представления выдать властям и заслужить прощение (что и сделали). Попавшие в русскую двойную провокацию башкирцы визжали от злобы: «Вай, Пугач шакал паршивый, взбунтовал, сам бежать хочет, а нас резать будут».

Тут же и ключ к психологии русской революции, всей этой вакханалии переодеваний и переименований, когда уже города стали переименовывать в предварительно переименованные имена революционеров. И тоже башкирская проблема инородцев, которые пришли так: «Работаем полгода, а потом в разные стороны» (еврейская мафия, ставшая ЧК; наёмные латышские стрелки и т. д.). А заглушечность русская их засосала и убила. Евреи вовсе не были самозванцами в русской революции. Евреи вообще неспособны к самозванству. Это черта чисто русская: человек теряет своё имя, лицо. Не скрывает, а именно теряет.

Пугачёв, конечно, был выдающимся расовым типом, мужицким гением. Он был такой нежный, отдающийся любым фантазиям проходимец и палач. Пушкин отлично подметил: Емелька сидел в тюрьме, уху ел. К нему академик Рычков вошёл, Пугачёв и говорит: «Здрассьте! Хотите ухи?» У Рычкова он сына, симбирского коменданта, убил. Рычков сначала закричал, заругался, а потом не выдержал и заплакал. А Пугачёв посмотрел, посмотрел на него и тоже заплакал.

Зверюга русская…

109

← Предыдущее, следующее →

109. Примечание к № 78
Набоков очень близок Чехову. (к цитате)

Первое произведение Набокова, «Машенька», своим сюжетом очень напоминает рассказ Чехова «Верочка» (несостоявшаяся любовь). Хотя сам Чехов свою близость Набокову, конечно, осознавать не мог. В письме к Ф. Д. Батюшкову от 23 мая 1902 г. он писал:

«Что же касается г. Чердынцева, то о нём я не знаю, никогда его не видел и ничего о нём не слышал…»

110

← Предыдущее, следующее →

110. Примечание к № 96

«еврей … взамен всех талантов имеет один большой хобот» (В. Розанов) (к цитате)

Типичная еврейская молитва:

«Боже всемогущий, ныне близко и скоро храм Твой создай, скоро, в дни наши как можно ближе, ныне создай, ныне создай, ныне создай, ныне близко храм Твой создай. Милосердный Боже, великий Боже, кроткий Боже, всевышний Боже, благой Боже, сладчайший Боже, безмерный Боже, Боже Израилев, в близкое время храм Твой создай, скоро, скоро, в дни наши, ныне создай, ныне создай, ныне создай, ныне создай, ныне скоро храм Твой создай! Могущественный Боже, живой Боже, крепкий Боже, славный Боже, милостивый Боже, вечный Боже, страшный Боже, превосходный Боже, царствующий Боже, богатый Боже, великолепный Боже, верный Боже, ныне немедля храм Твой возставь, скоро, скоро, в дни наши, немедля скоро, ныне создай, ныне создай, ныне создай, ныне создай, ныне создай, ныне скоро храм Твой создай!»

Какой у этой молитвы (о пришествии Мессии) выманивающий и высасывающий ритм! Торопливо, безнадёжно, и не дадут. И от сознания этого уже нагло, смешно и по-детски трогательно: «Дай! дай!» А с другой стороны, и не смешно: какая настойчивая выпрашивающая сила, какая выпрашивающая мощь!

111

← Предыдущее, следующее →

111. Примечание к № 58

Много писалось о нацистском «черепословии», но ведь можно написать и о черепословии антирасистском (к цитате)

Современной биологией и психологией (запрещённой в социалистических странах) твёрдо установлено следующее:

1. Объективно существует и поддаётся экспериментальной проверке интеллект человека (коэффициент интеллектуального развития). Суть интеллекта заключается в способности усвоения, накапливания и переработки информации и, на основе последнего, в способности целенаправленного изменения и планирования своего поведения.

2. Интеллект сам по себе является биологическим свойством и обладает исключительно высокой степенью наследования (112). Наследуемость коэффициента интеллектуального развития равна 81%. Примерно такую же степень наследования имеет рост человека или цвет глаз. Все высказывания о чисто или преимущественно социальной детерминированности интеллекта несерьёзны.

3. Хотя достаточно высоким интеллектом обладает только человек, элементарные интеллектуальные способности присущи и высшим животным (114). Уровень интеллекта колеблется в очень широких пределах, причём и внутри и вне вида. Так, умная крыса может быть умнее глупой обезьяны. Однако при этом существует жёсткая вероятностно-статистическая закономерность распределения интеллекта в соответствующих группах. В целом, как вид обезьяна умнее крысы. То же верно для внутривидовых различий. Внутри человеческого вида коэффициент интеллекта колеблется от 70 единиц (порог нормы, ниже которого находятся 2–3% населения, относящиеся к дебилам) до 140 единиц (средний уровень групп специалистов высшего разряда, выше которого находятся только отдельные индивидуумы). Для сравнения: средний уровень интеллекта неквалифицированного рабочего в развитом государстве составляет 85 единиц. Расовые (популяционные) отличия тоже характерны для уровня интеллекта. Например, по самым заниженным данным интеллект белого населения США на 15 единиц выше, чем у американских

негров (т. е., точнее, мулатов).

4. Социальные различия при развитии интеллекта имеют место, но занимают подчинённое положение по отношению к биологической детерминации. Социальная среда может оказывать только очень грубое и негативное воздействие на интеллект человека. Тяжёлые физические и психологические условия пагубно сказываются на развитии интеллекта, но уже при минимальном уровне социальной обеспеченности (отсутствие голода, возможность получить среднее образование) негативное воздействие сводится к нулю. У средних и высших социальных слоёв развитие интеллекта почти исключительно зависит от наследственных факторов. При помощи грубого насилия развитию интеллекта можно помешать. Повысить природный потенциал интеллекта невозможно.

5. Для любой нации, любого класса, любой социальной группы характерны крайне широкие рамки интеллектуального коэффициента. Несомненно, в этом сказывается индивидуальная природа человека, его свобода, независимость от окружающей обстановки. Но при изучении больших масс людей законы интеллектуальной стратификации выступают с железной последовательностью. Возможна и естественна ситуация, когда негр умнее немца, рабочий умнее предпринимателя или учёного, женщина умнее мужчины. Но это возможно лишь как явление единичное, частное.

6. Особенно жёстко закон интеллектуального неравенства проявляется при сравнении исключительно больших масс людей (наций и государств) и при сравнении наиболее интеллектуально развитых представителей той или иной группы. История фактически не знает женщины-гения, гения негра или азиата. В плане видовом закон интеллектуальной стратификации чрезвычайно демократичен. В плане популяционном — относительно демократичен. Но на вершине, в плане индивидуальном — жесток. В биологическом мире мужчина и женщина не могут жить друг без друга и все люди братья. В мире душевном между мужчиной и женщиной возможен контакт и между людьми возможен диалог и взаимопонимание. Но в мире духовном женщина не существует и мужчина обречён на одиночество. Человечество же распадается на гениальных одиночек, избранных.

Речь идёт об интеллекте, о чём-то поддающемся количественной оценке, относительно простом, относительно материальном. Если такое различие даже на элементарном уровне духовной жизни, то что же говорить о сравнении людей и народов на уровне национальной идеи, религиозного чувства, способно-

сти к прозрению? Какой же неслыханный масштаб неравенства здесь?

112

← Предыдущее, следующее →

112. Примечание к № 111

Интеллект сам по себе является биологическим свойством и обладает исключительно высокой степенью наследования. (к цитате)

Следовательно, поддаётся селекции. Можно ужасаться и негодовать. Но я и говорю, что биологический мир, поскольку он связан с высшими сферами, — жесток. Да, вот так — «поддаётся селекции». Однозначно. Споры, разговоры — бессмысленны.

113

← Предыдущее, следующее →

113. Примечание к № 94
мир похолодеет от ужаса фатальной борьбы (к цитате)

Глупость и абсолютная бессмысленность русского человека приводит к очень сильной воспроизводимости ситуации. Поэтому евреи, запутавшись в русскую историю, «вплёвшись» в неё, уже от русских не отделаются (115). Из переплёта этого не выйдут (117). Абсолютная целесообразность, сплетённая с абсолютной бесцельностью, приведёт к доминированию в мире. XXII век — это борьба русских и еврейских наднациональных кланов, приобрётшая космические масштабы. Советско-американское противостояние будет размываться. Оно и сейчас на самом деле весьма смутное, расползающееся.

114

← Предыдущее, следующее →

114. Примечание к № 111

элементарные интеллектуальные способности присущи и высшим животным (к цитате)

Острота расового вопроса в биологии понятна любому. Расы суть породы. То есть раса человека, его национальность уподобляются породе собак. Аналогия с собаками вызывает, конечно, раздражение. Значит, тут собака и зарыта. Сказать человеку «волк», он не обидится. То же — «вепрь». «Свинья» и «собака» — грубейшие ругательства. Но «вепрь» уже благородно. Тут тот же случай, что и с обезьяной. Слишком похоже, слишком близко. Человек в процессе эволюции сам себя одомашнил как биологический вид. «Одомашнивание», с точки зрения биологии, есть несомненная дегенерация. Потеря волосяного покрова, уменьшение общего размера организма и размера головного мозга, порча зубов, ослабление зрения, большая психическая слабость и утомляемость. Сравнение голой жирной свиньи с поджарым клыкастым зверем слишком обидно для человека. А что касается собаки, то аналогия ещё унизительнее, ещё прозрачнее. Слишком она умна, слишком напоминает человека в собственно человеческой стихии. Но между прочим, тут, в паре «собака — волк», есть для человека очень важное указание. Человек произошёл вовсе не от обезьяны. Он произошёл от сверхчеловека. Многочисленные исследования зоопсихологов доказали, что волк качественно умнее собаки. Да и внешне это ясно, стоит только посмотреть на огромную волчью голову, мощную и крепкую черепную коробку. Не произошли ли тогда и люди, сапиенсы-собаки, от людей-волков?

Я не понимаю (или, наоборот, очень хорошо понимаю), почему эта версия столь непопулярна в биологии и особенно в отечественной биологии. Биологи идут на прямую ложь, на прямые подтасовки.

В третьем издании БСЭ в статье «Череп» написано:

«У ископаемых высших приматов — австралопитеков — объём мозга равен в среднем 530–600 куб. см., у древнейших людей (архантропы) — 1000 куб. см., у древних людей (палеоантропы) —

1360 куб. см., у современного человека — 1500 куб. см.»

В статье «Головной мозг» объём мозга современного человека уточняется: 1456 куб. см. То есть по сравнению с палеоантропами увеличение всего на 100 кубиков. Поэтому вполне справедливо в статье «Антропогенез» сказано:

«Палеоантропы (неандертальцы) — относятся к заключительному этапу второй стадии антропогенеза. У них больше черт сходства с современным человеком, головной мозг по объёму и строению почти не отличается от мозга современных людей».

Но вот статья «Неандертальцы». С «человеком разумным» тут прямого (цифрового) сопоставления нет и редакция сочла возможным пропустить следующую информацию:

«Для неандертальцев Западной Европы характерен крупный мозг (до 1700 куб. см.)».

1700! Это на 250 кубических сантиметров больше среднего мозга современного человека. Конечно, череп неандертальца более груб: больше челюсти, ниже лоб. Как и у волка. Ведь по сравнению с волчьим, череп охотничьей собаки более миниатюрен, более «интеллигентен». Но волк умнее. Качественно.

Немцы с их арийской теорией были, конечно, правы. На севере Европы ещё в начале новой эры сохранились реликтовые люди-волки — немцы. Уж конечно, от таких «варваров» произошли в своё время римляне и греки, вообще люди. От них, а вовсе не от дегенерирующих австралийцев или папуасов. Судить по ним о предках человека — это всё равно, что судить о птицах по бескрылой птице Галапагосских островов. Ну да, есть такая аномалия, тупик эволюции, частность. Разве пигмей или негритос мог выдумать письменность, вообще язык? Более того, разве современный человек смог бы сделать такое? Кто он без великой культуры сапиенсов? — Маугли, жалкий маугли. Не книжный, а настоящий, превратившийся в животное. Чтобы появился человек, нужен был сверхчеловек. Разум не начал тлеть под низким черепным сводом тусклой искрой. Нет, первая мысль была подобна грохоту молнии. Молния — не искра. Превратить насыщенный раствор в кристалл легко — стоит только бросить затравку: маленький кристаллик или даже просто пылинку, иголку. Но если ничего нет? Если в прошлом — пустота, мрак, миллиарды лет немоты — вплоть до сотворения мира и времени? Как появиться слову? Раствор разума должен быть перенасыщен, мозг должен быть громаден и совершенен, давно готов к великому акту мышления. Так же как ребёнок уникально восприимчив и обладает гениальной памятью, исключительной

способностью к творчеству, точно так же детство человеческого вида было озарено исключительностью.

Но. В одном (и высшем) отношении собака совершеннее волка. Всё звериное и животное в ней подавлено, а некоторые сегменты «животного» исчезли почти полностью. Собака, и это качество исключительное, самому мудрому волку недоступное совершенно, — собака способна на контакт с высшим существом. Волк может привязаться к человеку, но именно как волк, и особенно, если человек будет себя вести как волк же. Собака привязывается к человеку как «друг человека», и человек привязывается к собаке наоборот, даже проявляя именно свои человеческие качества. Этим собака бесконечно ближе человеку всех других животных. Ведь и человек может положить свою мудрую собачью голову на колени Кому-то.

115

← Предыдущее, следующее →

115. Примечание к № 113

евреи, запутавшись в русскую историю, «вплёвшись» в неё, уже от русских не отделаются (к цитате)

Уже само по себе существование еврея для русского есть издевательство: «Как еврей? Почему? Зачем? Как вы живёте! Как же так можно!!!»

Но существование русского для еврея — это уже нечто неслыханное. Это какая-то мировая несправедливость. И мировая несправедливость, с которой непосредственно столкнулось его личное существование. У немцев к русским ненависть вообще, абстрактная, а у евреев — глубоко личная, интимная. Как к Христу. Они даже теряют всю свою осторожность и прямо, в лицо, сами не замечая, проговариваются.

Вот что пишет, например, автор «Истории еврейского народа» С. М. Дубнов о хасидистских оргиях:

«То не было бессмысленное пьянство русского крестьянина, превращающее человека в животное; хасид пил — в более умеренных дозах — „для души“, чтобы „прогнать печаль, отупляющую сердце“, усилить религиозную восторженность, оживить общение с единомышленниками».

А русский, значит, чисто машинально самогонку из корыта лакает.

Из «Дневника писателя» Достоевского:

«Если уж зашла речь о предрассудках, то как вы думаете: еврей менее питает предрассудков к русскому, чем русский к еврею? Не побольше ли? … у меня перед глазами письма евреев, да не из простолюдья, а образованных евреев, и — сколько ненависти в этих письмах к „коренному населению“! А главное, — пишут, да и не примечают этого сами».

Это злоба семита-охотника. Он загоняет кабана в ловушку, а тот, необъяснимо почему, не идёт. Ариец бы огорчился, но и отождествил себя со зверем: «Ай, хорошо, ай, молодец! Ловко!» Это чувство хорошо подметил Мережковский, говоря о персонаже толстовских «Казаков»:

«Да, он не только „знает“, но и „жалеет“, „любит“ зверя. Потому и знает, что любит. Он любит и того кабана, за которым охотится в камышах и которого убьёт. Вот чисто арийское противоречие (128); вот живой, животный изгиб переплетённых веток в арийской заросли, чуждый и непонятный простому, правильному, как черта горизонта, беспощадно-прямолинейному и пустынному духу Семита».

Для семита ускользнувший зверь — тупое ничтожество, шут, дурак. Будь он проклят во веки веков, чтоб у него клыки в мозг вросли, чтоб его язык покрылся язвами, чтоб его глазки выдрало колючками, а шкура потрескалась гноящимися ранами. Кто виноват? — виноват не охотник, он всё рассчитал. Виновата грязная скотина. И ведь не специально, не то чтобы разгадал ловушку — тут ещё не так обидно, здесь утешительная объяснимая объективность. А он просто «в дурь попёр». Сделали засаду в дубовой роще у источника, а он взял и проспал весь день. Русский, делая «злые вещи», сам превращается в «злое животное», непредсказуемое. Русские как будто и выдуманы для издевательства над евреями.

116

← Предыдущее, следующее →

116. Примечание к № 86

А фамилии, фамилии какие! Абстрактно-обобщённые, безлично-обычные. «Типовая ситуация». (к цитате)

Хармс, уже живущий в русском аду, с эпической силой показал заурядность русского преступления, его не-преступность, обыденность. Пожалуй, с ещё большей силой, чем в «Григорьеве и Семёнове», это показано в рассказе «Охотники». Само название ещё более стёрто, максимально «бытовО». И «зачин» рассказа чудовищно обычный:

«На охоту поехало шесть человек, а вернулось только четыре. Двое-то не вернулись. Окнов, Козлов, Стрючков и Мотыльков благополучно вернулись домой, а Широков и Каблуков погибли на охоте».

Поехало шесть, вернулось четыре. Проще не скажешь. А дальше ещё проще (хотя, казалось бы, некуда уже):

«Окнов целый день ходил потом расстроенный и даже не хотел ни с кем разговаривать».

В уста сахарные за это расцеловать! Это суть. Я как-то поймал себя на внутренней усмешке при слове «топор». «Зарубили топором» — в этом есть что-то смешное, инфантильное. И я вдруг отчётливо понял: а действительно, смешно! Ведь топор — это «столярный инструмент». Это не нож, не кинжал, не копьё или дубина, наконец не боевой или палаческий топор, сходный с русским топором весьма отдалённо, а просто — «орудие труда», по своей сути совершенно не предназначенное для убийства, нелепое в роли «орудия убийства». Так же нелепое, как отвёртка или молоток. Во-от — молоток. Женское, бытовое оружие, оружие истеричек и сумасшедших. Убежал из психиатрической больницы, а из кармана халата ручка молотка торчит. И взгляд безумный. Подходит к автобусной остановке и тюк молотком одного, тюк другого (130). И тут, в случае с топором, — обухом кувылк в темечко. Другой побежал, и его — кувылк. Шли в лес по дрова вшестером, вернулись — вчетвером. Широков и Каблуков погибли на лесозаготовках. Их потеряли, забыли. А потом: стойте, да с нами, КАЖИСЬ, ещё двое были. Ба-

ба везёт дочку на санках, приходит домой, глядь, а санки-то пустые. «Ой, да я, кажись, с Машкой была, где Машка-то?» А Машку уже под лёд затянуло. Везла санки по льду, она в прорубь и свалилась. И тут дома дела: печку надо растопить, Машке той же щи готовить. И некогда думать и чего-то думать скушно. И баба давай горшками греметь. А может быть, и не было никакой Машки-то.

И потом «гуманизм». Окнов, Стрючков и Мотыльков волнуются, переживают и как-то незаметно убивают Козлова. Козлов приставал к Окнову, а Окнов его камнем по затылку ударил. А потом ногу оторвал:

«Козлов: Как же я дойду до дома?

Мотыльков: Не беспокойся, мы тебе приделаем деревяшку.

Стрючков: Ты на одной ноге стоять можешь?

Козлов: Могу, но не очень-то.

Стрючков: Ну, мы тебя поддержим.

Окнов: Пустите меня к нему.

Стрючков: Ой, нет. Лучше уходи!

Окнов: Нет, пустите! … Пустите! … Пусти… Вот что я хотел сделать.

Стрючков и Мотыльков: Какой ужас!

Окнов: Ха-ха-ха!

Мотыльков: А где же Козлов?

Стрючков: Он уполз в кусты!

Мотыльков: Козлов, ты тут?

Козлов: Шаша!..

Мотыльков: Вот ведь до чего дошёл!

Стрючков: Что же с ним делать?

Мотыльков: А тут уже ничего с ним не поделаешь. По-моему, его надо просто удавить. Козлов! А, Козлов? Ты меня слышишь?

Козлов: Ой, слышу, да плохо.

Мотыльков: Ты, брат, не горюй. Мы тебя сейчас удавим. Постой!.. Вот… Вот… Вот…

Стрючков: Вот сюда, вот ещё! Так, так, так!

Мотыльков: Теперь готово!

Окнов: Господи благослови!»

Достоевский умилялся:

«В „Капитанской дочке“ казаки тащат молоденького офицера на виселицу, надевают уже петлю и говорят: „Не бось, не бось“ — и ведь действительно, может быть, ободряют бедного искренно, его молодость жалеючи. И комично, и прелестно (194). Да хоть бы и сам Пугачёв с своим зверством, а вместе

с беззаветным русским добродушием».

117

← Предыдущее, следующее →

117. Примечание к № 113
(евреи) из переплёта этого не выйдут (к цитате)

Идея русской истории — это такое тёплое живое облако, в морозном, пронзительно-синем русском небе. И оттуда выбрасываются, как-то создаются русские. И я тоже выброшен. И именно такой, тут уж ничего не поделаешь. По себе только, только по себе могу догадываться, что же это такое вообще. И то само это догадывание уже задумано там, в облаке. Так что «похлопал рукавицами на Камчатке и пошёл рубить избу». И всё. Евреи этим будут размозжены. Без всякой личной со стороны моей ненависти и даже неприязни. Я не виноват. Так получается.

Конечно, в уроднении национальному року есть и что-то приятное. Чувство: а, вот я какой, вот почему это всё у меня (124). Когда подросток не подготовлен к любви, он не знает, что с ним начинает происходить, и мучается, может даже умереть, покончить жизнь самоубийством. А когда жизнь его пряма, то возникает совсем иной настрой — чувство начинающейся весны, радости, жизни. Догадывание о заложенной кем-то сверхпрограмме может превратиться в спокойное, радостное следование, принятие и, в конце концов, вторичное облагораживание всё равно предначертанного судьбой пути.

118

← Предыдущее, следующее →

118. Примечание к № 101

Книга эта — урок. В чём он? Я и сам только догадываюсь. (к цитате)

Достоевский писал:

«Иногда снятся странные сны, невозможные и неестественные; пробудясь, вы припоминаете их ясно и удивляетесь странному факту: вы помните прежде всего, что разум не оставлял вас во всё продолжение вашего сновидения; вспоминаете даже, что вы действовали чрезвычайно хитро и логично во всё это долгое, долгое время, когда вас окружали убийцы, когда они с вами хитрили, скрывали своё намерение, обращались с вами дружески, тогда как у них уже было наготове оружие и они лишь ждали какого-то знака; вы вспоминаете, как хитро вы их, наконец, обманули, спрятались от них; потом вы догадались, что они наизусть знают весь ваш обман и не показывают вам только вида, что знают, где вы спрятались; но вы схитрили и обманули их опять, всё это вы припоминаете ясно. Но почему же в то же самое время разум ваш мог помириться с такими очевидными нелепостями и невозможностями, которыми, между прочим, был сплошь наполнен ваш сон? Один из ваших убийц в ваших глазах обратился в женщину, а из женщины в маленького, хитрого, злого карлика, — и вы все это допустили тотчас же, как совершившийся факт, почти без малейшего недоумения, и именно в то самое время, когда, с другой стороны, ваш разум был в сильнейшем напряжении, выказывал чрезвычайную силу, хитрость, догадку, логику? Почему тоже, пробудясь от сна и совершенно уже войдя в действительность, вы чувствуете почти каждый раз, а иногда с необыкновенною силой впечатления, что вы оставляете вместе со сном что-то для вас неразгаданное? Вы усмехаетесь нелепости вашего сна и чувствуете в то же время, что в сплетении этих нелепостей заключается какая-то мысль, но мысль уже действительная, нечто принадлежащее к вашей настоящей жизни, нечто существующее и всегда существовавшее в вашем сердце; вам как будто было сказано вашим сном что-то новое, пророческое, ожидаемое вами; впечатление ваше сильно, оно радостное или мучи-

тельное, но в чём оно заключается и что было сказано вам — всего этого вы не можете ни понять, ни припомнить».

119

← Предыдущее, следующее →

119. Примечание к № 78

«год спустя водолаз докладывал, что на дне очутился в густой толпе стоящих навытяжку мертвецов» (В .Набоков) (к цитате)

Серафимович, «Железный поток»:

«У нашей станицы, як прийшлы с фронта козаки, зараз похваталы своих ахвицеров, тай геть у город к морю. А у городи вывели на пристань, привязалы каменюки до шеи тай сталы спихивать с пристани в море. От булькнуть у воду, тай всё ниже, ниже, всё дочиста видать — воды сы-ыня та чиста, як слеза, — ей-бо. Я там был. До-овго идуть ко дну, тай всё руками, ногами дрыг-дрыг, дрыг-дрыг, як раки хвостом … А як до дна дойдуть, аж в судорогах ущемляются друг с дружкой тай замруть клубком. Всё дочиста видать, — вот чудно».

В своём эссе о Гоголе Набоков писал:

«Русский, который думает, что Тургенев был великим писателем, а своё представление о Пушкине основывает на мерзком либретто Чайковского, беззаботно пустится в лодочную прогулку по нежнейшей зыби таинственного гоголевского моря и испытает невинное удовольствие от того, что покажется ему причудливым юмором и красочными колкостями. Но ныряльщик, искатель чёрных жемчужин, тот, кто предпочитает общество глубоководных чудищ пляжным навесам, найдёт в „Шинели“ тени, отбрасываемые на наше существование теми другими состояниями бытия, которые мы смутно постигаем в редкие мгновения восприимчивости к иррациональному».

В начале XIX века Гоголя душили и не додушили — следовательно, выбрали бездну русского языка, с плаванием в оной всякого рода «глубоководных чудищ», вместо плоского, но прочного и уютного солнечного пляжа (126).

Левые восприняли произведения Гоголя буквально, сочли зеркальным отражением реального мира. Но если «Ревизор» или «Мёртвые души» — это обобщённое выражение реальности, то такую реальность следует разрушить. А следовательно, уничтожить и самого Гоголя как её порождение. Разрушение старого мира они и начали с Гоголя. Что им вполне удалось. Гоголь

сжёг второй том своего романа и умер, точнее, погиб. Это первая, одна из первых жертв социализма, его принципиальной антикультурности (письмо мракобеса Белинского).

Правые же считали гоголевские произведения злобной карикатурой. Писали, что «Ревизор» — это неправдоподобный фарс, анекдот с бродячим международным сюжетом (Булгарин), что Гоголь развлекает публику низкопробными шутками и как малоросс и полонофил клевещет на русских. В последнем случае не принималось во внимание, что ещё «Вечера на хуторе близ Диканьки» вызвали упрёки в незнании народных украинских обычаев и украинского быта. Это и неудивительно, ведь Гоголь был принципиально антисоциален, никогда не умел нормально общаться с людьми и жил во сне, как лунатик. Его разбудили, и он сорвался с крыши. Тут рука об руку с Белинским положили свой камешек и Булгарин, да и славянофилы, объявившие Гоголя русским Гомером и пытавшиеся его заставить видеть другие (хорошие) сны.

В конечном счёте наиболее здоровым (понятия истины и лжи, как я уже говорил, в мифотворчестве не существуют) отношением к Гоголю было отношение Булгарина, этой добродетельной посредственности. Лет через 20–30 бутылочные осколки колкостей были бы обкатаны на пляже волнами времени и Гоголь превратился бы в русского Марка Твена. Но булгаринский подход был обречён на неудачу. Гоголь свёл с ума своих читателей, дал им полную свободу фантазий, заворожил их осуществимостью. Давно подмечена избыточность его прозы, мощность изобразительных средств, которые тысячекратно превосходят потребности изложения, делая его даже ненужным, отступающим на задний план. Неважно ЧТО, важно КАК. Первое — статика, второе — динамика. Гоголь дал русской литературе время, положил начало литературному ПРОЦЕССУ, несущемуся неизвестно куда «птицей-тройкой». Вся русская литература вышла из Пушкина, но вывел её Гоголь. Мир Пушкина совершенен, он вне времени, он замкнут, самодостаточен. Вообще, Пушкин стоит несколько особняком, и его, в принципе, можно было локализовать, «закрыть» и заморозить, не покалечив. А Гоголя можно было только сломать, вырвать с корнем. Русские и толпились около него, вольно или невольно затаптывая. Но сорвалось.

Пушкин — русское сознание (127). Гоголь — сон этого сознания. В Гоголе русская культура начала видеть сны. (В допушкинскую эпоху между сном и явью не было ясной границы, не возникло русской личности, способа существования русского «я».) И весь XIX век, его литература — это гигантский сон. Сон

с неизбежным кровавым пробуждением (174), кровавым похмельем, когда все персонажи, столь агрессивно навязываемые реальности, наконец, по закону сбываемости, ожили и начали свою сатанинскую свистопляску. И вот уже мичман Раскольников топит в Чёрном море российский флот (184). Нет, не случайно вырвалось у Розанова:

«Ни один политик и ни один политический писатель В МИРЕ не произвёл в „политике“ так много, как Гоголь».

Правые считали, что следует уничтожить Гоголя и, следовательно, будущий мир. Правые и левые — воля. Сам Гоголь — фатум. «Вот к чему могут привести русские сны».

И ещё одна сила — само государство уцепилось за Гоголя. Ему дали социальную свободу (губительную для русского). Николай I лично соизволил аплодировать «Ревизору». «Ревизор» стал расти, со временем развернулся в чёрный вакуум. И это тоже привело к окончательному несчастью личной жизни Гоголя. Психологический надлом произошёл у него именно после высочайшего одобрения. Из Нежина на петербургский олимп. Сбывшаяся мечта Поприщина.

Николай I насильственно социализировал пьесу и, следовательно, пошёл по пути западников, по пути Белинского. Набоков хорошо подметил, что высшая похвала Николая I по отношению к художественному произведению — «дельно» — удивительно совпадала с лексикой радикальной критики. В сущности, и та и другая сторона понимала ненужность литературы, хотела её использовать для утилитарных целей. Но русской литературе хватило и этой щелочки в реальность, чтобы в конце концов эту реальность изменить. Возможно даже, что как раз утилитаризм способствовал усилению агрессивности литературы, кислотой выгрызающей реальность, разрушающей реальность.

120

← Предыдущее, следующее →

120. Примечание к № 96

(еврей) «заменяет … вашу философию — философической риторикой» (В. Розанов) (к цитате)

Гениальный русский философ Соловьёв разработал, открыл, дал; светлые силы; прогресс; боролся; тяжкие испытания; пророк; спасибо; гигантский вклад, новая ступень; отповедь клеветникам; скромный-тихий-добрый; целая школа, титан, целая плеяда; беззащитный; цепляются за фалды; нет, не отдадим; сократовский лоб; есть традиции русской интеллигенции, и мы никому не позволим; речь 1881 года; душная атмосфера; благородный защитник; ужасы еврейских погромов; предвидение; да; наша Россия… И т. д. и т. п.

Долб, долб, долб… Читайте, запоминайте.

121

← Предыдущее, следующее →

121. Примечание к № 52

обратная сторона бесформенности — крайняя формализация (к цитате)

Чернышевский был создан для допроса как птица для полёта. Вот уж где развернулось его грубо-русское мышление, не испорченное, а, скорее, утрированное семинарией. Примитивнейшие и потому надёжнейшие заглушки и доводки как нельзя лучше подходили к универсуму следствия, в котором все всё знали, но это знание никак не могли выразить, зафиксировать.

Конечно, допросы — это национальный вид общения. Внутри допроса западному (тем более восточному) человеку русский 100 очков вперёд даст. Чернышевский, вообще глупый и тягучий, в допросах дьявольски умён. Даже велик. В лоск издевался над следователями. Написание «Что делать?» как реабилитации дневников, подковырки, провокации, постоянные двойные и тройные заглушки. Конечно, это был его звёздный час; как рыба в воде плавал он в мути русской филологии.

122

← Предыдущее, следующее →

122. Примечание к № 26
Любой русский где-то на донышке самозванец (к цитате)

Даже русское привидение вполне самозвано. Свидригайлов говорит: «обыкновенные привидения». И Мережковский по поводу этой «обыкновенности» замечает:

«Ужас „обыкновенных привидений“ заключается … в том, что они как будто сами сознают свою современную пошлость и нелепость, но этой-то нелепостью и дразнят живых, как будто со своей особенной, потусторонней точки зрения злорадствуют, смеются над посюсторонним человеческим здравым смыслом».

Ужас русских привидений в их живости. Привидение знает, что оно привидение. И человек это знает. Это знание соединяет их, делает заговорщиками, порождает общее пространство, мир.

Иван Карамазов говорит черту:

«Ты — я, сам я, только с другой рожей. Ты именно говоришь то, что я уже мыслю — и ничего не в силах сказать мне нового!»

Мережковский на это замечает:

«Но ведь тут-то и весь вопрос: действительно ли Чёрт не может сказать ему ничего нового? Весь ужас этого призрака для Ивана, а, пожалуй, и для самого Достоевского заключается именно в том, что они оба только хотят быть уверенными, но не уверены, что не может. Ну, а что, если может?»

Этот вопрос составляет основную тему творчества Набокова. И Набоков темой овладевает. Ужас переходит совсем в другие, светлые чувства. То, что для Достоевского (вообще для русского сознания той эпохи) было катастрофой, для Набокова, на новом, завершающем этапе развития самоосознания, стало естественным состоянием. И состоянием, таящим неисчислимые возможности для творческой игры.

123

← Предыдущее, следующее →

123. Примечание к № 96
он … уже включён моим разумом в страшную игру (к цитате)

О русском и еврейском мышлении. Еврейское мышление аксиоматическое. Ему обязательно нужна точка опоры. В её интерпретации, толковании еврей совершенно свободен и волюнтаристичен, но без неё теряется, беспомощно шатается из стороны в сторону.

Русское мышление свободно в самих исходных постулатах. Точнее, их просто не существует, и русский выбирает оные по собственному произволу. Зато, раз выбрав, удивительно неспособен к какому-нибудь соотнесению с реальностью и с головой увязает в болоте тягуче-абстрактных размышлений. Русское мышление сильно в чисто интуитивной сфере. По своей сути оно построено на провокации, и для отечественного сознания еврейская герменевтика всегда будет смешной и наивной азиатчиной. Евреи очень наивный народ, инфантильный. Они считают себя очень умными и хитрыми, но, по словам Розанова, «ум их вообще сильно преувеличен».

Еврей строит себе интеллектуальный мирок, ограничивает его со всех сторон ширмами постулатов… и оказывается в положении страуса, так как для русского всех этих еврейских постулатов просто не существует. Еврей хочет его обмануть, но русский ни во что не верит. Ему подсовывают фальшивый вексель, но русский не верит и векселям настоящим. «Москва слезам не верит», как подчеркнул Розанов в своём «Апокалипсисе».

В 1917-м они «сосчитали», «высчитали», но русский сапог раздавил все эти ширмы и лабиринты, даже не заметив. Ведь до сего дня русские так и не заметили, не поняли, что произошло. События 1917-го для русского сознания очень сложны, головоломны и вообще «верится с трудом». Но 17-й со временем забыли, «потеряли». Потеряли фальшивый вексель, БИЛЕТ В АД.

Евреи — гениальные провокаторы-практики, но в теории, в мире идей удивительно неспособны к какой-либо нечестности, неправде, юродству (159). Им это просто не приходит в голову. Внутри плоских шахмат они боги, но русские разбивают шахматные доски об их «жалобные лобные кости». Когда с евреем

ведёшь какое-либо дело и зависим от него или взаимозависим, он силён, но если свободен от него, он вдруг становится глуп, узок, азиатски прямолинеен. Он сам не понимает, что над ним издеваются. Он слепнет и глохнет, вообще замирает, как перевёрнутая черепаха. Русскому же человеку стоит только связать себя чем-нибудь определённым, как он моментально превращается в идиота. Русский писатель часто гений, русский литературовед почти всегда идиот (161).

124

← Предыдущее, следующее →

124. Примечание к № 117

в уроднении национальному року есть и что-то приятное. Чувство: а, вот я какой, вот почему это всё у меня (к цитате)

Эпизод из набоковского «Дара»:

«Накинув на шею серо-полосатый шарфик, он по-русски задержал его подбородком, по-русски же влезая толчками спины в пальто».

Оказывается, это по-русски. А я, одеваясь так всегда, и не знал. И я вспомнил милого отца, молодого. В плаще болонье и берете, прижимающего подбородком пёстрое кашне.

125

← Предыдущее, следующее →

125. Примечание к № 72

Боже мой, куда я попал! (к цитате)

Набоков писал:

«Ужасы, которые прошлые поколения мысленно отстраняли как анахронизмы или как нечто, случавшееся только очень далеко, в получеловеческих ханствах и мандаринствах, на самом деле происходили вокруг нас».

Для вас — «вокруг». А для нас — «с нами». Я сам в ханстве-мандаринстве получеловеческом живу. Ладно, что это страшно и больно. Но это… пошло. Умру, и меня спросят: «Где жил?» Я шмыгну носом: «Мы в Ресефесеере». — «Ну и дурак».

Положить жизнь за то, чтобы мандаринство стало человеческим. Что ж, благородно, мило. Но ведь всё это уже было, было. А жизнь человеку даётся один раз. А меня вынуждают убить жизнь на то, чтобы отучить великовозрастных идиотов хлопать об затылки первоклашек пакеты из-под жареного картофеля. Поистине великая задача для философа! А ведь иного пути нет.

126

← Предыдущее, следующее →

126. Примечание к № 119

выбрали бездну русского языка … вместо плоского, но прочного и уютного солнечного пляжа (к цитате)

«Пляж» — это мечта Чехова. Загорать, кататься на лодке. За два с половиной месяца до смерти он пишет жене:

«Один страстный рыболов преподал мне особый способ рыбной ловли, без насадки; способ английский, великолепный… Быть может, ты подберёшь лёгонькую, красивенькую и недорогую лодку. Или узнай там, где у них магазин, и побывай в магазине. Чем легче лодка, тем лучше. Спроси цену, запиши название и N лодки, чтобы потом можно было выписать, и спроси, можно ли отправить лодку как простой товар. Дело в том, что железная дорога отдаёт под лодку целую платформу и потому проезд лодки обходится в 100 рублей».

Пишет сестре за неделю до смерти:

«Надо чтобы ты в свободную минуту в ватерпруфе (шутливое название ватерклозета. — О.), *что с изразцами, велела в окне сделать форточку, которую можно было бы открывать. Только надо сделать очень хорошо… Марки не бросай, оставляй для меня».*

За три дня до смерти Чехов упросил Книппер купить белый фланелевый костюм… В нём его и повезли, вместо лодки — в вагоне для устриц.

Чехов всё пытался выкарабкаться из гоголевского бреда, выправить русскую литературу, придать ей безопасную плоскость и твёрдость, но сама судьба тянула его назад. Даже физиология у Чехова нехорошая, декадентская. В молодости ещё воспаление брюшины, геморрой, импотенция, потом чахотка и сопутствующая этой болезни эротомания. В последних годах Чехова, в этом предсмертном упивании жизнью человека с гнилыми лёгкими есть нечто страшное и одновременно пошлое. Полная фантастика и полная обыденность. Гоголевщина.

И, как и у Гоголя, не реализм, а иллюзионизм. Реалист Бунин, повторяя булгаринские упрёки Гоголю, саркастически писал по поводу чеховских пьес:

«Помещики там очень плохи. Героиня „Вишнёвого сада“, будто бы рождённая в помещичьей среде, ни единой чертой не связана с этой средой, она актриса, написана только для того, чтобы была роль для Книппер. Фирс — верх банальности, а его слова: „человека забыли“ — под занавес? Да и где это были помещичьи сады, сплошь состоявшие из вишен? „Вишнёвый садок“ был только при хохлацких хатах. И зачем понадобилось Лопахину рубить этот „вишнёвый сад“? Чтобы фабрику что ли, на месте вишнёвого сада строить?»

Тут глубже. Это, в общем, придирки. А Бунина взбесила ирреальная атмосфера его пьес, ИЗДЕВАТЕЛЬСКИ реалистичная.

127

← Предыдущее, следующее →

127. Примечание к № 119

Пушкин — русское сознание. Гоголь — сон этого сознания. (к цитате)

Пушкин и Гоголь — это как солнце и луна (137). Отношение к эросу. Любвеобильный Пушкин и девственник Гоголь. Отношение к религии. Масонство и атеизм Пушкина и христианство Гоголя. Удивительно, почему не наоборот. Провиденциально. Русское христианство ночное, дословесное. А в слове — чертовщина. И она гуманнее. Пушкин, может быть, спас Россию, если бы осуществился. Но осуществился Гоголь. Гоголь умер слишком поздно, а Пушкин — слишком рано. Леонтьев мечтал о том, чтобы Александр Сергеевич дожил до Крымской войны и написал «Войну и мир». Такое же желание у Розанова, Набокова, Мережковского, чуть ли не у всех русских писателей. О Гоголе, умершем в 42 года, никто так не жалел.

128

← Предыдущее, следующее →

128. Примечание к № 115

«Он любит и того кабана, за которым охотится в камышах и которого убьёт. Вот чисто арийское противоречие». (Д. Мережковский) (к цитате)

Достоевский писал:

«У Лермонтова сказка о Калашникове. Белинский, под конец жизни совсем лишившийся русского чутья, думал в словах Грозного: я топор велю наточить-навострить — видеть лишь издёвку, лютую насмешку тигра над своей жертвой, тогда как в словах Грозного именно эти слова означают милость.

Ты казнь заслужил — иди, но ты мне нравишься тоже, и вот я и тебе честь сделаю, какую только могу теперь, но уж не ропщи — казню. Это лев говорил сам со львом и знал это.

Вы не верите? Хотите, удивлю вас ещё дальше? Итак, знайте, что и Калашников остался доволен этой милостью, а уж приговор о казни само собой считал справедливым. Этого нет у Лермонтова, но это так».

129

← Предыдущее, следующее →

129. Примечание к № 96

Они всё каких-то маленьких, трёхсантиметровых кальмариков-осьминожиков видели (к цитате)

Головоногие — это мои любимцы. Они такие необычные. Вот улитка какая-нибудь виноградная. Её все обижают, едят. А тут кальмар. У него длина 18 метров. «Вы тут улитку просили? Ну, я улитка». А у улитки этой одна присоска с тарелку. Интересно, что у кальмаров и раковина есть. Только она недоразвита и внутри тела находится — как маленькая косточка, случайно попавшая в колоссальный студень. Зачем им раковина? При таких размерах они и так китов в страхе держат.

Во-вторых, у кальмаров и осьминогов есть глаза. Червяк с глазами — смешно и жутко. Глаза эти развились у моллюсков совсем из других органов, чем у позвоночных, но удивительно похожи на «настоящие». Вообще, между позвоночным и моллюском почти такая же разница, как между позвоночным и растением. Даже иглокожие (морские ежи, звёзды) неизмеримо ближе к человеку, чем головоногие. Это совершенно иная ветвь эволюции (136) — не иглокожие и хордовые (а у хордовых одна из ветвей: рыбы — земноводные — рептилии — млекопитающие), а моллюски, черви, паукообразные, насекомые. У этой ветви живых организмов (первичноротых), видимо, вообще нет психики, нет ничего субъективного, как нет его у растений и механизмов. И вдруг глаза. Смотрят на человека через стекло океанариума. Более того, кроме глаз головоногие отрастили себе довольно большой мозг, не имеющий опять-таки ничего общего с мозгом рыб и млекопитающих. И неясно, что это: некий псевдомозг-калькулятор (как у робота) — или он живой, и у осьминога есть всё-таки какие-то чувства.

Осьминог — это высший слизняк, высший червяк, не гомологичный, а аналогичный европейской цивилизации. Это параллель европейцу, не вполне удавшаяся и совсем другая — иной тип разумных существ. Восток — абсолютная неудача, иглокожесть, стагнация. Так называемая «духовность» Востока это просто отсутствие разума (146). Если представить первое слагаемое как уровень интеллекта, второе — как уровень духовности,

а формулу западной цивилизации как 100 + 100, то соответствующая формула Востока: 1 + 9. Конечно, в первом случае уровень духовности равен 50%, а во втором — 90%, но ведь это совсем несопоставимые вещи. А русские это 70 + 100. Уровень почти западный, а соотношение иное.

130

← Предыдущее, следующее →

130. Примечание к № 116

Подходит к автобусной остановке и тюк молотком одного, тюк другого. (к цитате)

Какой ужас типовые истории болезней советских сумасшедших! (138) (Часто печатаются во всевозможных учебниках и хрестоматиях):

«М., 31 года, в детстве часто болел, в школе учился плохо. Был в армии и на фронте, ранен … С женой часто ссорился, к ребёнку очень привязан, уделяет ему много времени, нянчит его. Около полуночи соседи М., молодые супруги, „подняли возню в своей комнате“, танцевали, бегали друг за другом и, наконец, оба упали к себе на кровать. Тонкая фанерная перегородка, отделявшая их комнату от комнаты М., при этом повалилась. От сильного шума падающей стены ребёнок проснулся и начал „дико кричать“. М., в это время закрывающий форточку с помощью палки, внезапно впал в резко возбуждённое состояние, изменился в лице, что-то бессвязно закричал, оттолкнул от себя жену, бросился в коридор, накинулся на стоявшего здесь испуганного соседа и нанёс ему несколько ударов палкой по голове. Затем с криком побежал к себе в комнату, бросился в постель и некоторое время лежал как бы в забытьи. Очнувшись и узнав о происшедшем, был очень удивлён, так как ничего не помнил, начиная с того момента, когда он отскочил от окна. С избитым у него до этого никаких столкновений не было… Экспертная комиссия пришла к заключению, что … инкриминируемое правонарушение было совершено им в состоянии временного расстройства душевной деятельности в форме патологического аффекта, выразившегося в агрессии и возбуждении, неадекватным ситуации, с последующим запамятованием совершённого. Ввиду этого в отношении инкриминируемого ему деяния он признан невменяемым».

Действительно, возбуждение было неадекватное. Ну, швырнули на фронт в мясорубку, потом, полуживого, оттуда — в коммуналку. Все условия: отгородили угол на троих — живите на здоровье. Ну, стенка упала, напугала ребёнка, а за стенкой соседи голые. А он по голове палкой! Советские люди так не по-

ступают. На «молодожёнов» нужно было бы анонимочку по-тихому. Так и так, супруг подтирается газетой с изображением вождя, а жена его проститутка. Глядишь, ещё в газете заметку поместят «Обидели фронтовика». И ещё соседу через неделю задники ботинок подрезать. А так вот и видно, что сумасшедший…

Зощенко, высмеивая коммунальный быт, с равным правом мог бы потешаться над узниками лагерей.

131

← Предыдущее, следующее →

131. Примечание к № 74
в идеале человек из себя, изнутри должен определять бессмертность свою или конечность (к цитате)

Достоевский писал:

«Будут и гордые, о, будут, те с сатаной, не захотят войти, хотя всем можно будет, и сатана восходил, но не захотят сами».

Развитие человечества есть развитие человеческой свободы, и Страшный суд есть акт абсолютного выбора. Человек сам должен определить, куда он пойдёт — в ад или в рай. Ад — распад личности и тупик, рай — вечная игра, жизнь.

Через 10 столетий человек перестанет существовать как биологическое существо, а дальнейшая трансформация пойдёт по двум возможным путям: либо создание замкнутого, изменяемого волением «я» мира (путь материальный, свойственный западно-иудейской цивилизации), либо создание внешне ничтожного, но абсолютно совершенного, замкнутого на себя субъекта (путь идеальный, восточно-славянский). В процессе теоретически вечного развития этих миров происходит полная самореализация данного «я». Либо «я» выдерживает уровень абсолютной свободы и его жизнь продолжается вечно, либо уровень не выдерживается и «я» саморазрушается, вполне добровольно идёт в ад. Гибнет от собственных разрушительных фантазий.

В свою очередь, эти два вида существования личности коррелируются двумя видами существования псевдоличности. Это не религиозное, а абстрактно-научное существование платоно-аристотелевского мира. Мира внечеловеческой техники и мира абстрактной деперсонифицированной мысли.

132

← Предыдущее, следующее →

132. Примечание к № 72
Ложь — необходимость, реальность. (к цитате)

Что такое необходимость? Это то, что нельзя обойти. Его обходишь, обходишь, а оно всё не кончается. И вот уже не я его обхожу, а оно меня обходит, обволакивает, и я запутываюсь в бесконечном тупике необходимости. Я попробовал обойтись без национального. Какой же я русский? — Не хочу. Я человек вообще. И даже не человек, а логос, разум, который свободно мыслит самого себя. Вот и помыслил, «обошёлся». Двигал фигуры по клетчатой доске туда-сюда. Игра становилась всё интересней. Пешки и короли становились всё тяжелей, наливались свинцом. Вот и двумя руками я их еле передвигаю. Оглянулся, а вокруг пятиметровые башни ферзей и слонов. Я хочу выбраться и не могу. Стою посреди уходящего за горизонт белого поля и вдруг чувствую, что чьё-то тёплое невидимое щупальце хватает меня за шкирку и белая земля становится чёрной. Я так не играю, «верните деньги!» Но куда, механизм включён, теперь рукопись пойдёт по рукам, по столам. По кабинетам. «Пошутил, значит. Ну-ну…» (869)

133

← Предыдущее, следующее →

133. Примечание к № 26
Очень русская сказочка! (о рыбаке и рыбке) (к цитате)

Розанов написал красиво, но на этот раз опрометчиво:

«Центр — жизнь, материк её… А писатели — золотые рыбки; или плотва, играющая около берега ею. Не „передвигать“ же материк в зависимости от движения хвостов золотых рыбок».

Хотя Василий Васильевич тут имел в виду долженствование, так что ошибки нет. Порочной была русская реальность.

134

← Предыдущее, следующее →

134. Примечание к № 72
Все свои силы я отдавал разуму. (к цитате)

Мой разум слабый, женственный, слишком легко перескакивает нахальным галчонком с одного на другое. А в эмоциональном отношении я очень впечатлителен, склонен к мнительности и вообще легко вводим в то или иное психическое состояние. И тем не менее я очень рационален. Почему? — Мой разум всегда находился в положении третьего радующегося. Он ловко сталкивал лбами химер бессознательного, и пока, скажем, стремление к смерти боролось с волей к власти, разум, оставленный в покое, бродил по осеннему саду, дышал морозным октябрьским воздухом. Во мне силён дух противоречия, поэтому я совсем не противоречивый человек.

Я вспоминаю о своей юности. Жажда любви компенсировалась ощущением собственной ничтожности и стремлением к власти. Поэтому я не сделал ни одной глупости… Что является глупостью абсолютной. Ошибка в том, что я никогда не совершал серьёзных ошибок (160). То есть вся моя жизнь — сплошная ошибка. Я жил «внутрь». Говорят: «Сам не живёт и другим не даёт». Одна часть моего «я» не давала жить другой. Они дрались и мучили друг друга, мои страсти. А кто жил? Разум? Но разум сам по себе жить не может. Он может быть. Разумной можно сделать и машину. Но от этого она не станет существом. Трагедия человека в том, что он разумен и тем не менее существует как существо. А в какой степени я существовал как существо? — В очень незначительной. Ел, спал… Вот, пожалуй, и всё (167). Зато необыкновенно много думал. Но ведь это как раз не центр моего «я». Я гораздо более одарён в эмоциональной, а не интеллектуальной сфере. Поэтому отрыв от реальной жизни является для меня трагедией. Я потерял слишком много. Почти всё.

135

← Предыдущее, следующее →

135. Примечание к № 63

«…нескромно. Много претензий» (Чехов о Достоевском) (к цитате)

А надо, чтоб всё было скромно, тихо, без претензий. Например, у матери сына убили, а она кричит — нетипично. Надо, чтобы у неё на глазах ему глаза выдавливали, а она бы чай пила. Никаких «фантастик».

Незадолго до смерти Чехов написал Книппер:

«Ты спрашиваешь: что такое жизнь? Это всё равно, что спросить: что такое морковка? Морковка есть морковка, и больше ничего не известно».

Неизвестно — и хорошо, неизвестно — и ладно. Сиди и ешь морковку — в ней витамины. Несчастная Книппер писала:

«Ночью долго не засыпала, плакала, всё мрачные мысли лезли в голову. Так, в сутолоке, живёшь, и как будто всё как следует, и вдруг всё с необыкновенной ясностью вырисовывается, вся нелепица жизни. Мне вдруг так стало стыдно, что я зовусь твоей женой. Какая я тебе жена? Ты один, тоскуешь, скучаешь… Ну, ты не любишь, когда я говорю на эту тему. А как много мне нужно говорить с тобой! Я не могу жить и всё в себе носить. Мне нужно высказаться иногда и глупостей наболтать, чепуху сказать, и все-таки легче. Ты это понимаешь или нет? Ты ведь совсем другой. Ты никогда не скажешь, не намекнёшь, что у тебя на душе, а мне иногда так хочется, чтобы ты близко, близко поговорил со мной, как ни с одним человеком не говорил. Я тогда почувствую себя близкой к тебе совсем. Я вот пишу, и мне кажется, ты не понимаешь, о чём я говорю. Правда? То есть находишь ненужным».

Чехов такие письма вполне понимал и, как врач, посоветовал жене поставить клистир. (Я не шучу.) Аналогичный ответ Антон Павлович написал и сестре:

«Не понимаю, отчего, как ты пишешь, на душе у тебя тоскливо и мрачные мысли. Здоровье у тебя хорошее … дело есть, будущее как у всех порядочных людей — что же волнует тебя? Нужно бы

тебе купаться и ложиться попозже, вина совсем не пить или пить только раз в неделю и за ужином не есть мяса. Жаль, что в Ялте такое скверное молоко и тебя нельзя посадить на молочную пищу…»

Подобное издевательство, конечно, можно объяснить глубоким, проходящим через всю жизнь пренебрежением к женщине (148). Но суть гораздо глубже. Разве не такой же глумливый оттенок носит поэтика чеховских произведений? Ведь конец «Чайки» это какое-то жуткое паясничание:

«Дорн: Ничего. Это, должно быть, в моей походной аптечке что-нибудь лопнуло. Не беспокойтесь. (Уходит в правую дверь, через полминуты возвращается.) Так и есть. Лопнула склянка с эфиром (151). (Напевает.) „Я вновь пред тобою стою очарован…“ … (перелистывая журнал, Тригорину) Тут месяца два назад была напечатана одна статья… письмо из Америки, и я хотел вас спросить, между прочим… (берёт Тригорина за талию и отводит к рампе) так как я очень интересуюсь этим вопросом… (Тоном ниже, вполголоса.) Уведите отсюда куда-нибудь Ирину Николаевну. Дело в том, что Константин Гаврилович застрелился…»

Чехов назвал «Чайку» комедией. Лишь через три поколения протёрли глаза: да это не просто комедия, это фарс.

Дело в том, что Чехов несомненно считал себя реалистом. Но так же несомненно он саму реальность считал фарсом. Как таковую. Более того. Сам факт называния «Чайки» комедией тоже был фарсом, издевательством. Глумлением над всем этим реальным миром, над собеседниками, зрителями и, наконец, над самим собой. Реализм, но реализм критический. Реализм как ненависть к реальности. Даже бунт против реальности, именно за счёт её утрированной, ненормальной прорисовки на манер Толстого (240), делавшего это совсем серьёзно и так и думавшего. Чехов же не думал, не мог думать. Всё на заглушках.

Станиславский:

«Чехов был уверен, что он написал весёлую комедию, а на чтении все приняли пьесу как драму и плакали, слушая её. Это заставило Чехова думать, что пьеса непонятна и провалилась».

Немирович-Данченко:

«Чехов боролся со смущением и несколько раз повторял: я же водевиль писал … В конце концов мы так и не поняли, почему он называет пьесу водевилем, когда „Три сестры“ и в рукописи назывались драмой».

А это и невозможно понять. Чехов и сам себя не понимал, не знал, чего хотел. Ушёл с читки пьесы расстроенный и обозлённый. Но он очень хорошо ЧУВСТВОВАЛ ситуацию, реальность. Так чувствовал, как это разным станиславским и немировичам и не снилось. Боже мой, как он глумился над этими идиотами, как отводил душу на репетициях.

Артист Леонидов очень огрублённо и очень наивно, совершенно не понимая сути происходящего, доносит до нас перлы чеховского хэппенинга, настоящего, великорусского, от которого малоросс Гоголь на том свете плакал от зависти:

«Чехов любил режиссировать в своих пьесах. Но все его замечания были очень краткие и больше касались мелочей … Когда я допытывался у Чехова, как надо играть Лопахина, он мне ответил: „В жёлтых ботинках“ … Муратова, игравшая Шарлотту, спрашивает Антона Павловича, можно ли ей надеть зелёный галстук.

— Можно, но не нужно, — отвечает автор.

Кто-то спрашивает, как надо сыграть такую-то роль. „Хорошо“, — последовал ответ. Мне сказал …

— Послушайте, Лопахин не кричит. Он богатый, а богатые никогда не кричат».

Станиславский с такой же трогательной непосредственностью вспоминает:

«Если бы кто-нибудь увидел на репетиции Антона Павловича, скромно сидевшего где-то в задних рядах, он бы не поверил, что это был автор пьесы. Как мы ни старались пересадить его к режиссёрскому столу, ничего не выходило. А если и усадишь, то он начинал смеяться. Не поймёшь, что его смешило: то ли что он стал режиссёром и сидел за важным столом; то ли что он находил лишним самый режиссёрский стол; то ли что он соображал, как нас обмануть и спрятаться в своей засаде. „Я же всё написал, — говорил он тогда, — я же не режиссёр, я — доктор“».

(Станиславского тут даже жалко (241). Хотя что же такое его «система», как не то же издевательство. Михаил Булгаков это очень хорошо показал в «Театральном романе».)

Чехов это русский. Горький, тоже из народа и даже в косоворотке, — так себе, типаж. А Чехов — тип. Это дистиллированный русский, которого надо в расовой палате мер и весов как эталон хранить.

136

← Предыдущее, следующее →

136. Примечание к № 129
(головоногие) это совершенно иная ветвь эволюции (к цитате)

Насколько красота и гармония являются фундаментальным законом природы: из хордовых путём многоступенчатой эволюции получился человек — самое сложное в эволюционном смысле существо. А из червей, тоже путём многоступенчатой эволюции, за сотни миллионов лет получилась бабочка, самое сложнополучившееся существо этой ветви развития жизни. На бабочку природа примерно столько же сил потратила, сколько и на человека. Столько же было ходов, столько же проб и ошибок. И тоже такая немыслимая концентрация усилий природы дала нечто удивительно гармоничное, лёгкое. Красивое.

137

← Предыдущее, следующее →

137. Примечание к № 127
Пушкин и Гоголь — это как солнце и луна. (к цитате)

Всё же луна самостоятельное небесное тело, хотя и светит отражённым светом. Величие Гоголя в том, что он (единственный) краешком выходил за мир Пушкина. Из этого «чуть-чуть» и возникло всё, использовав самого Пушкина как материал, инструмент.

Конечно, влияние Пушкина на Гоголя огромно. Ведь известно, что на сюжеты «Мёртвых душ» и «Ревизора» обратил внимание Гоголя именно Александр Сергеевич. И следовательно, в самом Пушкине содержалось гоголевское начало. Начало это — в ироничности пушкинской мысли. В «Евгении Онегине» лёгкая порхающая ирония, постоянное игривое отстранение от сюжета. Сложная форма поэмы заимствована у Байрона (176). Но ведь для русских «Евгений Онегин» — это начало литературы. И русская литература началась с иронии, полупародии. Сколько иронии в как будто простой и наивной «Капитанской дочке». Сейчас это уже и не заметно, всё забито Гоголем, вкус огрубился или, скажем так, ужесточился. Но затравка Гоголя — в Пушкине. Ирония на пустом месте, ирония как реминисценция западной, чужой, по мере развития всё более чужой, всё более чуждой (начинало хватать своего) культуры. Современники не видели трещины, не могли видеть. Время было эпическое. Такая тоска, такая тяга к эпосу, что и «Мёртвые души» сочли «Илиадой». Свято место пусто не бывает. И пародийную веточку ДНК, вплетённую в русскую идею Пушкиным, Гоголь реализовал с лихвой.

Пушкин — ироничен, насмешлив. Но при отсутствии самоанализа, то есть это стилизация. Уже ироничный материал взял Гоголь и возвёл своим гением в квадрат. Лёгкая, ненавязчивая ироничность Пушкина перешла в серьёзно сосредоточенную, упрямо-хохляцкую пародию Гоголя. В результате русская литература началась со зверского, бессмысленного хохота.

Пушкин — здоров, соразмерен. Но именно в этом здоровье и соразмерности — нарушение меры. Он слишком ясен и завершён. Вполне овладев европейской культурой, будучи искушённым ею, он начал с конца, дал отечественной культуре слишком

законченный и высокий образец. Развитие могло идти только за счёт недопонимания и разрушения. Гоголь и выполнил функции нейтрализатора, расколол монолит на удобоваримые блоки. Именно с Гоголя начинается возникновение и развитие идеи порождения мира, идеи «строительства». Автор уподобляется Богу, творчество — творению, порождению мира, творение-произведение — мирозданию. Пушкин избежал этого, так как гений его был гением спокойным, подражательным. Менее всего Пушкин был романтиком. В определённый период он импровизировал романтизм, старался попасть в его уже созданный на Западе ритм. Проблемы порождения просто не возникало. В жизни Пушкина вообще не было и не могло быть «проблем», так как в нём и во всей его эпохе ещё отсутствовало самосознание. То, что можно принять за самосознание, — это свободный и радостный стиль, подражание Западу при его непонимании. Это как гениальный актёр, играющий Сократа, и сам Сократ. Такое соотношение.

Гоголь — уже порождение. Не самосознание, а сон сознания, тот сон разума, который ПОРОЖДАЕТ чудовищ. Объём мира Гоголя в некоторых измерениях намного шире пушкинского. Пушкин дал сюжет для «Ревизора», но Гоголь не просто использовал его, но и изобразил в Хлестакове самого Пушкина. Ведь Хлестаков — это карикатура на Пушкина (185), попавшего в сходную ситуацию и подарившего сюжет Тряпичкину-Гоголю. Недаром Хлестаков говорит, что он с Пушкиным на дружеской ноге.

Пушкин превращается в персонаж гоголевского кошмарного сна. Полубессознательно Гоголь это сделал, а сделав — охватил Пушкина, поместил его в иной мир.

Без Пушкина и Лермонтов, и Тургенев, и Достоевский, и Толстой не осуществились бы, выразились бы совсем иначе. А Гоголь и без Пушкина всё же остался бы Гоголем, может быть, в ослабленном виде, без Хлестакова, но Гоголем.

← Предыдущее, следующее →

138. Примечание к № 130

Какой ужас типовые истории болезней советских сумасшедших! (к цитате)

Вот ещё:

«Больной К-н, 51 года, по профессии зубной врач. Поступил в клинику 17.09.1933 года… После Октябрьской революции … работает в зубоврачебной амбулатории, считается советски настроенным человеком, работает в профорганизациях … В 1931 году больной, забыв, что в доме происходит ремонт и лестница не в порядке, вечером, возвращаясь домой, оступился и упал со второго этажа, потерял сознание … была вывихнута челюсть, были сильные кровоподтёки на лице и шее… Возвращаясь один с курорта, больной на одной остановке отстал от поезда, когда ходил за кипятком, сел в другой поезд, как безбилетник был оштрафован и высажен. Отходя от станции, больной очутился на колхозном огороде, где его сторож принял за вора и ударил палкой по голове. Дальше больной не может объяснить, каким образом очутился в психиатрической больнице в Днепропетровске … (Отправлен в Москву) … Достаточно критического отношения к своему состоянию нет: говорил жене, что он скоро поправится и будет учиться, так как с момента революции его заветной мечтой было окончить медфак. Охотно пошёл в клинику, куда и поступил 17.09…»

Или:

«Больная З-с, 54 лет … Поступила в психиатрическую клинику 31.08.1933 г. … В школе училась хорошо. Легко давались языки, родной язык был немецкий, свободно говорила на французском языке, читала по-английски … 18 лет влюбилась неудачно, не получила ответа. Сильно переживала личную драму. 30 лет встречается вновь с любимым человеком, отдалась ему впервые… Связь была временной, так как любимый человек был женат, с другими мужчинами не сходилась, так как считала, что женщина должна один раз любить в жизни … (с начала 20-х) перестала ходить в гости, в театр, бросила читать, так как считала, что чтение вредно отзывается на нервной системе (кстати, в случае

с К-н: «слушает чтение газет, но сам не пытается читать: „Это вредно для нервной системы“». — О.) … *В конце 1928 г. больная была переведена на инвалидность. С переводом на инвалидность стала высказывать опасения, что она умрёт с голоду, стала скупой … критическое отношение к своему состоянию начиная с 1930 г. утратила, стала считать себя здоровой, перестала ходить к врачам. Появилась подозрительность к чужим людям, высказывала бред преследования … недоверчива ко всем людям, за исключением только брата и его жены. Перестала совершенно читать с момента перевода на инвалидность, потеряла ориентировку в окружающем… С 1932 г. меньше высказывает бред ущерба и преследования, стала спокойна. „Стала какой-то весёлой и глупой“, — говорит про больную невестка. С 1933 г. больная утверждает, что она маленькая девочка, ей … 12 лет … Живёт она дома, мать умерла, а папа жив, он наверху. Папа очень строгий, сердитый, но очень справедливый. Он красив, высок, строен, ходит горделиво. Больная показывает, как он ходит, марширует по комнате, прищёлкивает пальцами, отбивает такт руками, высоко при этом приподнимает голову … у больной в конце первого месяца пребывания в клинике резко меняется состояние, она агрессивна, возбуждена, замахивается на персонал, кричит: „Вы — воровки, вы — гадкие!“… Пытается бежать к двери: „Пустите, папа строгий, он будет ругаться“ … Замахивается на врачей … Показывает на небольшие кровоподтёки на руке после взятия крови. „Вот, вот бандит… вот так, вот так“, тычет пальцем в руку». (Из «Хрестоматии по патопсихологии», М., 1981 г.)*

Удивительно, составители историй болезней практически не учитывают социальные условия, провоцирующие расстройство психики. И это при общем господстве в стране самого вульгарного социологизма.

139

← Предыдущее, следующее →

139. Примечание к № 64

Во мне, как и в любом русском, проигрывается русская история. (к цитате)

Первичные интуиции в 17–20 лет: любовь как абстрактное состояние, мучительно искреннее и не находящее выхода в реальность; смерть отца, её конечная нелепость и попытки сопоставления со своей судьбой; Ленин как символический двойник, актуализация зла; идея реконструкции и спасения мира.

Абсолютная неспособность к выходу за эти темы. Что бы я ни делал, о чём бы ни размышлял, всё будет описываться в этих усложняющихся интуициях. По линиям этих интуиций разграфлён мой мир. Их символами только я могу мыслить и говорить. Это сетка иероглифов, осмысляющая всё.

И даже форма, форма. Так в 19 лет я и начал писать — изломами. Может быть, после «Бесконечного тупика» произойдёт наконец разрыв — разлёт на отдельные ветви. Может, тут внутренняя задача этой книги — в разрушении немыслимой связи через её отчаянное осмысление. Может быть, всё удачно разлетится и мне будет спокойнее.

140

← Предыдущее, следующее →

140. Примечание к № 64
Сны, часто удивительные (к цитате)

Сон: одна из последних летних ночей в центре Москвы, у Патриарших прудов, где я жил в детстве. Звёзды, и мы с отцом стоим на какой-то маленькой, прямо-таки игрушечной колокольне. Отец большой, он улыбается и говорит что-то хорошее. И я знаю, что отец — это Розанов. Чувство счастья, того, что что-то, неизвестно что, НО ВСЁ получилось. Всё хорошо, мир целен и отец жив. Это приснилось, когда я стал записывать сны. Один из немногих счастливых снов. Но я на него не обратил внимания. Символика показалась слишком грубой. Я подумал — видно, это вторичное вторжение рассудка. Бывают такие СЛИШКОМ символичные сны. Разум шалит, выдумывает сновидения. Это сны поверхностные, ненастоящие.

А года через два я сидел с родственником на скамейке в своём старом дворе, и зашёл разговор об истории этих мест. Он и говорит: «Знаешь, туг ведь раньше кладбище было. Его в 30-х уничтожили, и остались вот каштаны, и ещё там в углу двора стояла маленькая часовенка. Ты помнишь, наверно. Её разломали, когда тебе лет пять было». И я вспомнил. Всё сразу выстроилось, и сон как бы сбылся. Он что-то ещё потом долго мне говорил, но я уже не слушал. Я вспомнил, что действительно мы с отцом залезали на эту часовню зимой — для меня это была игрушка, сказка. Да, это было зимой, кажется, а точно уже не вспомнить. Во сне я вспомнил по-другому. Так же чисто, но глубже, по-взрослому.

141

← Предыдущее, следующее →

141. Примечание к с. 20 «Бесконечного тупика»

Философы, как правило, одинокие и несчастные люди. И даже более того, они люди плохие: сухие, эгоистичные и безжалостные. (к цитате)

Сократоплатон писал:

«Когда Фалес, наблюдая небесные светила и заглядевшись наверх, упал в колодец, то какая-то фракиянка, миловидная и бойкая служанка, посмеялась над ним, что-де он стремится знать, что на небе, того же, что рядом и под ногами, не замечает. Эта насмешка относится ко всем, кто бы ни проводил свой век в занятиях философией. В самом деле, от такого человека скрыто не только, что делает его ближайший сосед, но чуть ли и не то, человек он или ещё какая-то тварь … такой человек, общаясь с кем-то частным образом или на людях … когда ему приходится в суде или где-нибудь ещё толковать о том, что у него под ногами и перед глазами, — вызывает смех не только у фракиянок, но и у прочего сброда, на каждом шагу по неопытности попадая в колодцы и тупики, и эта ужасная нескладность слывёт придурковатостью. Когда дело доходит до грубой ругани, он не умеет никого уязвить, задев за живое, потому что по своей беспечности не знает ни за кем ничего дурного, и в растерянности своей кажется смешным. Когда же иные начинают при нём хвалить других или превозносить себя, то он, не притворно, а искренне забавляясь всем этим, обнаруживает свою простоту и производит впечатление дурака. Славословия тиранам или царям он слушает так, как если бы хвалили пастухов, тех, что пасут свиней, овец или коров, за богатый удой, с той только разницей, что людской скот, как он считает, пасти и доить труднее и хлопотливее; при этом, считает он, пастырь, учредивший свой загон на холме за прочной стеной, по недостатку досуга неизбежно бывает ничуть не менее дик и необразован, чем те пастухи». И т. д.

Вроде бы Сократ начал очень тихо, скромно, униженно. Но постепенно с грязью весь мир смешан. Фракийцы отличались своей распущенностью, так что само слово «фракиянка» это почти синоним шлюхи. Женщины — шлюхи, мужчины — «сброд» (ибо

кто же ходил в Древней Греции по судам и вообще вёл общественный образ жизни — всё мужское население). Даже сам царь по сравнению с лежащим вверх тормашками в яме философом лишь грязный и тупой пастух. Это злобный, инфернально саркастический монолог. Шипящая, брызгающая слюной злоба ещё отчётливей видна в следующем месте из платоновского «Государства»:

«(Большинство людей) подобно скоту всегда смотрит вниз, склонив голову к земле … и к столам: они пасутся, обжираясь и совокупляясь, и из-за жадности ко всему этому лягают друг друга, бодаясь железными рогами, забивая друг друга насмерть копытами — всё из-за ненасытности, так как они не заполняют ничем действительным ни своего действительного начала, ни своей утробы».

Обречённая ненависть к людям переносится и на самого себя. Слова о Фалесе это не юродство, а смех сквозь слёзы, жалость к себе, своей философской обречённости:

«Философ бывает высмеян большинством, которому кажется, что он слишком много на себя берёт, хотя не знает простых вещей и теряется в любых обстоятельствах».

Трагическая никчёмность философа возникает из-за совпадения личности и роли. Это совпадение не позволяет анализировать реальность. Философ живёт в театральном пространстве. И лишь в редкие минуты экстаза, выхода за сиюминутность, вызванного очередным падением, он ощущает странную ошибочность своего мира. Возникает ощущение какой-то фатальной ошибки. Как я попал в эту яму, такой умный, такой мудрый? Зачем? И совершенно непонятно, в чём тут дело. В чём ошибка конкретно. Ошибка, ошибка, а в чём — не ясно. Я куда-то лечу и чувствую, что лечу не туда, неправильно. Надо выровнять курс, я лечу не на ту планету, а в бездну, в пустоту. Но что, как это изменить — не знаю. Это не ограниченность, а безграничность. Слияние с миром и, следовательно, его тотальная субъективация: весь мир внутри — мой универсум. И поэтому в реальности быта философ точка. Ничтожность. И в этой точке, в таких вот точках мир начинает сосредоточиваться и рассыпаться. Греция рассыпалась, и в этом ей помогла философия. Микрокосм стал настолько совершенен, что нужда в макрокосме государства как-то перестала ощущаться. Возникла диаспора.

Сократ — это и поиск, прозревание смысла, но вовсе не в виде каких-то законченных систем Платона и Аристотеля. Тут идея уничтожения мира, уничтожения себя, своего опасного суще-

ствования. Ощущение этой своей опасности и первые попытки создания технологии спасения мира от философов — создания технологии уединения. Башня астролога с горящим по ночам окном — этого не было в Риме и Греции. Философ был опасно близок, тогда как его нужно было определённым образом изолировать от общества как вредного сумасшедшего.

Значение Розанова в решении этой сократовской проблемы — как философу жить в миру — для русских условий и русской души. С Василием Васильевичем можно жить. Я бы смог с ним жить в одной коммуналке. Он бы пил у меня утром на кухне воду из носика чайника, в семейных трусах, майке и шлёпанцах на босу ногу, и всё было бы отлично. Тут гениальное русское юродство, то есть ощущение собственной ничтожности и ничтожности мира и глубокая уверенность, что так и должно быть, что так ПРАВИЛЬНО. Сократ-Платон, он всё блестяще понимал. Но он считал это всё неверным. Государство философов должно быть. «Пэ щекам, пэ щ-щекам быдло». Всё на людях, «в массах».

От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови
Отведи меня в стан погибающих
За великое дело любви.

Греку это совсем непонятно. Собственное погибание, шутовство, и ощущение СПРАВЕДЛИВОСТИ этого — нет, что вы!

И ещё. Русские, как и греки, как и евреи, — негосударственный народ (145). Они обречены на реальную эмиграцию, диаспору, и идеальную небесную Родину. Только в таком виде на известном уровне развития возможно их существование в мире.

142

← Предыдущее, следующее →

142. Примечание к с. 20 «Бесконечного тупика»

«Мыслю — следовательно, существую», — сказал Декарт. Русский мог бы сказать: «Мыслю — следовательно, не существую». (к цитате)

Я долго не понимал, почему мне всё время хочется впрыснуть в знаменитую формулу разрушительное «не». Дело, возможно, в безмерности декартовской мысли.

Чувства человека различны по форме (тону), и он может выходить из одного конкретного чувства в другое, а это приводит к мета-чувству конечности и относительности его переживаний. Кроме того, можно укрыться под сенью разума. Что касается веры, то здесь такой альтернативы нет. Человек верит и при этом совершенно не испытывает потребности в неверии, в забегании в другую область существования. Да и нет другой адекватной по уровню сферы человеческого «я». Поэтому, несмотря на свою безмерность, вера, как и чувство, очень устойчивый и «человеческий» тип существования. Не то — разум. По своей сути он занимает промежуточное положение. Как и чувство, разум не даёт удовлетворения, не может находиться в статичном и самодостаточном состоянии, но одновременно он, подобно вере, безмерен. Мышление, различаясь по внутреннему содержанию, совершенно монотонно по форме. Мышление едино, и ему нет альтернативы. Альтернатива чувству — другое чувство (горе — радость). Альтернативы вере нет. То, что понимают под неверием, есть просто отсутствие веры или же вера рудиментарная и примитивная. Так же и неразумность — лишь слабая форма разума. Но в отличие от веры разум динамичен, и он из-за этой подвижности постоянно пытается выйти из себя, испуганно тычется в свои собственные стенки. Человек чувствует, догадывается, что разум это не всё, что мысль, каждая конкретная мысль, по-своему неверна, не-верна. Но мышление развивается только вертикально, а не вширь, и отсюда его неприятность. Человек не может выскользнуть за пределы своего ума и за индивидуальный уровень своего ума. Ум одновременно является для его носителя глупостью, границей между индивидуальностью и божественным логосом. Но субъективно для человека его разум,

поскольку он является пределом, является и определением, его, человека, умом, знанием. В своём разуме человек действительно существует, он погружается в него и не может вырваться из его клетки. Она для него бесконечна. И Декарт, по сути, очень отчётливо понимал это. Его презрение к чувствам неразумно, его вера в разум сверхразумна, следовательно, Декарт в собственно разуме так и не осуществился, хотя субъективно ему мечталось именно так.

В этом трагедия любого философа и разрушительность самой философии, её мучительность. Искусство и религия совершенно не мучительны (150). Художник сохраняет свою личность за счёт возможности выхода из искусства, за счёт его ясной и соразмерной ограниченности («Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон…»). Верующий же и не нуждается в таком уходе, его личность пытается сохраниться внутри веры, укутаться верой. А разум мучителен. В этом, кстати, дуализм католичества. Его вера слишком интеллектуализирована, так что католик одним краем сознания улавливает альтернативность и ущербность своей веры. Отсюда демонология и т. п. вещи.

Я мыслю, следовательно, существую. Я мыслю, следовательно, моё мышление существует. Я мыслю, следовательно, я мыслю. Я мыслю о «я» и моё мышление соскальзывает в моё «я», падает в моё «я» «вверх пятами». И моё «я» растягивается внутри чьего-то мышления в дурную бесконечность. Чёрт! Не могу об этом думать.

143

← Предыдущее, следующее →

143. Примечание к № 63
Чехов и умер удивительно вовремя. (к цитате)

С каждым годом он чувствовал, что живёт всё более и более «не вовремя». Один из героев его пьес кричит:

«Пропала жизнь! Я талантлив, умён, смел… Если бы я жил нормально, то из меня мог бы выйти Шопенгауэр, Достоевский… Я зарапортовался! Я с ума схожу… Матушка, я в отчаянии! Матушка!»

Конечно, Войницкий имеет мало общего с Чеховым. Но вот Тригорин, персонаж явно автобиографический:

«Разве я не сумасшедший? Разве мои близкие и знакомые держат себя со мною, как со здоровым? „Что пописываете? Чем нас подарите?“ Одно и то же, одно и то же, и мне кажется, что это внимание знакомых, похвалы, восхищение, — всё это обман, меня обманывают, как больного, и я иногда боюсь, что вот-вот подкрадутся ко мне сзади, схватят и повезут, как Поприщина, в сумасшедший дом… Я говорю обо всём, тороплюсь, меня со всех сторон подгоняют, сердятся, я мечусь из стороны в сторону, как лисица, затравленная псами, вижу, что жизнь и наука всё уходят вперёд и вперёд, а я всё отстаю и отстаю, как мужик, опоздавший на поезд».

Чехов это ключ к 1905–1917 гг., к 12-летию, такому же далёкому от нас, как и от допервореволюционной России. Это замкнутые 12 лет. Так же, как 12 лет III Рейха. Особая культура. Чехов ей был совершенно не нужен. Так же не нужен, как и последующему 70-летию. Собственно Чехов, а не «Чехов». Представить его живущим в 1907-м так же невозможно, как и в 1927-м.

144

← Предыдущее, следующее →

144. Примечание к № 64

я пытаюсь хоть что-то поправить в этой фантасмагории (к цитате)

Вообще, нужен опыт овладения национальной идеей. Она очень сильна и на неподготовленные натуры может воздействовать разрушительно (злоба и т. д.). Эта идея иррациональна и может подчинить себе разум, разрушить его до основания и включить в свою конструкцию отдельные распавшиеся узлы и детали. Для адаптации русской идее нужна преемственность не в действии, а в миросозерцании, в статике, а не динамике.

Вот почему эта книга полубессознательно построена как цепь повторов, постоянных «забвений» и «вспоминаний» (149). При сплошном тексте я бы на 25-й странице дошёл до нецензурной ругани, а на 50-й задохнулся от злобы, не смог бы писать дальше.

145

← Предыдущее, следующее →

145. Примечание к № 141

Русские, как и греки, как и евреи, — негосударственный народ (к цитате)

Розанов писал в 1918 году, что в «придите володеть нами»:

«Удивительное сходство с евреями. Удивительное до буквальности. Историки просмотрели, а славянофилы не догадались, что это вовсе не „отречение от власти“ народа, до такой степени уж будто бы смиренного, а — НЕУМЕЛОСТЬ власти, недаровитость к ней … Мы, как и евреи, привязаны к идеям и чувствам, молитве и музыке, но не к господству. Овладели же к несчастию и к пагубе души и тела 1/6-ю частью суши. И, овладев, в сущности, испортили 1/6 часть суши. Планета не вытерпела и перевернула всё. Планета, а не германцы».

Да, но не являются ли негосударственные народы при более близком знакомстве народами сверхгосударственными?

146

← Предыдущее, следующее →

146. Примечание к № 129
(Восток) это просто отсутствие разума (к цитате)

Русские обгоняют на поворотах, и их ум, по крайней мере, сопоставим с европейским и еврейским (100 + 70). Остальное это, как говорится, и смех и грех. Даже японцы, наиболее передовая нация Востока… Почему, например, у них такая культура сосредоточения, такое внимание концентрации рассудка? Не является ли это следствием постоянной рассыпанной рассеянности, неспособности к логически упорядоченному мышлению? (Рассеянность японцев превратилась в легенду.) Или преклонение перед электроникой (украденной с Запада). По-моему, это тяга к компенсации мучительного недостатка, стремление переложить на механизмы непосильный труд рассудочной деятельности.

Если посмотреть на лоб японца, то да, это воин, шпион, артист, наконец, торговец, купец, но ни в коем случае не мыслитель. Эта скошенная назад хищная линия черепа, сжатость с боков… И всё обучение в Японии построено на мести и упорстве. Всё наизусть. Томами, томами. Учение — тяжелейший труд. Для европейца учёба, особенно её верхний уровень — университет — самое весёлое и ЛЁГКОЕ время жизни. Учиться просто нравится.

Даже в эпоху Средневековья, при неимоверном понижении науки и философии, чем занимались в монастырях потомки диких германцев? — Да самым лёгким и понятным для себя делом, для которого особенных усилий не требуется — строгим мышлением о мышлении, то есть логикой. Уже в XIII–XIV веках лингвистический, семантический и логический анализ настолько разработан, что и сейчас требует от читателя специальной подготовки. Оккам разработал теорию интенциональности, проблему различия между грамматической и логической формой, или, например, вопрос о соотношении между «событием» и «атомарным предложением». То есть Оккам предвосхитил достижения неопозитивизма Рассела и Витгенштейна. Но неопозитивизм — это вторичное абстрагирование от содержания, неизбежный признак старой, перенасыщенной культуры (157). У схоластов же ничего

не было. Все книги были просто сожжены. А думать-то хотелось. Но было нечего думать. И думали о думании. Бессодержательно, но формально усложнённо до неимоверной степени. И не просто «понаверчено-понакручено» там. Нет, всё лобастыми варварами блестяще продумано и согласовано. Просто красивое, стройное тело — и хочется танцевать. Конечно, кривоногому горбуну этого не понять. Зачем? Так же европейцу непонятны огромные индийские храмы, выбитые вручную внутри прочнейших скал. Зачем сотни лет тратить на этот тупой, непроизводительный труд — можно же легче в 1000 раз сделать! А вот восточному человеку интересно. Ему и на конвейере интересно работать.

Западные студенты не учатся, а просто «выгуливаются на лужке». А японцы слишком уж тянутся, слишком уж стараются быть похожими. Но так всё им неудобно, тяжело. Азия — это весеннее безумие. Лень, пустота. Тревожная злоба на душе — ну почему, почему ни черта не получается? Мысли тупеют, путаются. Летом начинается медленное развитие, кульминация приходится на осень, зимой мышление идёт по инерции, и в черновой работе это, может быть, наиболее продуктивная часть года. Самое начало весны это часто зарождение новых замыслов — последняя вспышка перегорающей лампочки, «излёт». А потом, от конца марта до конца мая, — провал. (Почему ещё Пушкин умён — как он русскую осень любил!) А японец — это постоянное апрельское состояние при неимоверной трудолюбивой злобе. Я именно так себе эту напряжённую, ненормальную культуру представляю.

147

← Предыдущее, следующее →

147. Примечание к № 103
Да потому, что ты ничтожество. (к цитате)

Фраза из романа Набокова, не знаю почему залетевшая в мозг и кружащаяся там ненужной бабочкой:

«Была та очень банальная, очень человеческая смесь далёкой музыки и лунных лучей, которая так действует на всякую душу».

Я тут как бы «мужчина». Иду к стойке бара, развязно покупаю пачку сигарет. И кажется, все смотрят на меня: «Вот мы как — сигареты!» А я возвращаюсь на своё место и вдруг поскальзываюсь и со всего маха грох спиной об пол (больно!), а сигареты выскальзывают из пачки фонтаном, фейерверком. И вот я ползаю под столиками, собираю противные табачные палочки, а вокруг истерика смеха.

У подъезда нашего дома дрались пьяные, и одному голову бутылью с «БФ» пробили. Клей по голове растёкся вместе с кровью, и алкаш подумал, что умирает. И стал зачем-то из карманов сигареты вытряхивать (190). И много, штук сто. Отец увидел (экономия!) и побежал вниз собирать в пакетик. Дерущиеся вернулись по спирали на прежнее место, набегавшись по этажам, и отцу вломили под горячую руку… А было время, отец учился в консерватории, у него был чудесный, необыкновенный голос.

Почему же так получается: что я ни делаю, всё не так, всё смешно? И сам я это вполне понимаю. Начал писать о русской философии, с чем шёл-то, поступью какой, ну, а в результате мысль разъехалась, вылез откуда-то пьяный отец на санках и закружилась карусель…

А я детей люблю и, может быть, самой судьбой создан для семейной, размеренной жизни. Но я никогда и не мечтал о нормальной семье, всегда знал, что не дойдёт и до той стадии, когда жене подруга скажет: «Ну ты, вообще, нашла себе… Он же ДУРАК». Это уже счастье было бы, если бы я мог завести события столь далеко, до такой стадии. На самом деле всё разрушается гораздо раньше, в самом начале. События меня заводят и бросают. На мне лежит какая-то печать небытия. Я никогда не мог ровно и нормально общаться с окружающими. Мало того,

что меня не любят, меня не понимают совсем. А если начинают понимать, а то и любить потихоньку, то с этими людьми начинают происходить разные истории, и они всё время как-то связаны со мной. Я боролся, пытался объяснить — никто не понимает. Никто не понимает, что происходит со мной. Я схожу с ума, а никто не видит, не замечает. И спасти меня нельзя.

А ведь я способный. Как отец. Отец жил в очень отчётливое время. У него, студента, остались однажды деньги или на билет трамвайный, или на пирожок с капустой. Отец выбрал пирожок. В трамвае его задержал контролёр, он опоздал на экзамен. Стал кричать, доказывать. Из консерватории его выгнали. Примерно в это же время отец потерял голос. Пел в электричке, простудился. Спел песенку, съел пирожок… Не в этом дело, конечно. Умный-то я умный, только «задним умом». Потом поворот, ещё поворот реальности и она раскрывается: «Вот как надо». И всё сильно, точно, ясно. Только ушла электричка, и только в воздухе тает дурацкая опереточная песенка.

Вот и книга эта. Что она вызовет? Три-четыре смешные истории. Возможно, одну страшную (руку вывернули с корнем). И всё. Зачем же это всё?

Контакты с окружающим миром у меня безнадёжно испорчены. Они частью порваны, частью забиты паразитными издевательскими псевдо-диалогами. Я общаюсь не с другими, а с самим собой. Пожалуй, даже и не знаю — есть ли они, «другие».

Эта книга — мучительная попытка пробиться к людям через пустоту моего «я» — обернётся в реальность комариным писком. Самое БЛАГОРОДНОЕ в моём положении — это покончить с собой. Итак, что меня спасает? Собственное неблагородство. Если бы я не пихал головой в живот какого-нибудь Владимира Сергеевича Соловьёва, не имеющего ко мне никакого отношения, давно бы болтаться мне в пролёте моста. На чём держится моя жизнь? — На оговорке.

Почему я всё так: «Розанов», «Розанов», — он бы простил меня, что я есть. Соловьёв, у-у, будь его современником, я бы Бога молил, чтобы на глаза ему не попасться. Он бы так сделал, что сама моя фамилия превратилась бы в ругательство. А Розанов бы сказал: «Ну, чего ты, Одиноков, живи. Ведь ничего изменить нельзя. Ты знаешь, что ты есть и так будет, ты будешь, пока не умрёшь. И всё». И мне бы стало так легко. Обречённо и легко.

148

← Предыдущее, следующее →

148. Примечание к № 135

Подобное издевательство, конечно, можно объяснить глубоким, проходящим через всю жизнь пренебрежением к женщине. (к цитате)

Постоянные шутки Чехова:

«Познакомился я с женщиной-врачом Тарнавской, женой известного профессора. Это толстый, ожиревший комок мяса. Если её раздеть голой и выкрасить в зелёную краску, то получится болотная лягушка». (1888 г.)

«Мадам приняла меня очень любезно, поиграла мне лицом. У неё на лице не хватает кожи, и поэтому чтобы открыть глаза, нужно закрыть рот, и чтобы открыть рот, надо закрыть глаза». (1899 г.)

«Мадам Гнедич дама жадная, глотающая, как акула, похожая на содержательницу весёлого дома, но у неё есть и хорошие качества; так, она прекрасно переносит морскую качку». (1904 г.)

А вот из дневниковых записей:

«Барышня, похожая на рыбу хвостом вверх; рот, как дупло, хочется положить туда копейку».

Вот из художественного произведения. Ядовитейший оборот. По поводу персонажа «Дамы с собачкой»:

«Это была женщина высокая, с тёмными бровями, прямая, важная, солидная и, как она сама себя называла, мыслящая».

Какой «тихий ход»!

А.И. Сумбатов-Южин вспоминал:

«Чехов вообще был очень кроткий, мягкий человек, боялся обидеть и нежно-нежно относился к чужой душе…»

149

← Предыдущее, следующее →

149. Примечание к № 144

эта книга полубессознательно построена как цепь повторов, постоянных «забвений» и «вспоминаний» (к цитате)

«Акакий Акакиевич если и глядел на что, то видел на всём свои чистые, ровным почерком выписанные строки, и только разве, если, неизвестно откуда взявшись, лошадиная морда помещалась ему на плечо и напускала ноздрями целый ветер в щёку, тогда только замечал он, что он не на середине строки, а скорее на середине улицы».

Летишь по пустым формам и тут за строкой вдруг лошадь фыркнет; «Да что это я, я о Розанове должен» (153). Потом о нём начинаю, и получается, что это я о себе.

150

← Предыдущее, следующее →

150. Примечание к № 142

(Философия мучительна.) Искусство и религия совершенно не мучительны. (к цитате)

Остановимся на отношениях между религией и философией. Религия — это связь с Богом. Передаточное звено — священство — важно лишь как осуществление этой связи. Личностный контакт тут отсутствует или является вторичным. Нельзя отрицать христианство из-за плохих священников (при чем здесь это?). Иное дело философия. Здесь важен именно личный контакт, важен субъект. Философ, который говорит, что он так, ничего, это всё Истина, — уже не философ, а священник, жрец. Тут истина превращается в некоего идола и т. д. Как раз «объективная», «научная» философия и является абсолютно религиозной. Философ превращается в «служителя», простого передатчика божественной благодати. Это бросает, кстати, мрачную тень на западноевропейский атеистический рационализм (особенно если осмыслить оный в рамках дуалистичности христианства).

Вообще, религиозной философии быть не может. Религия и философия совсем разные сферы осуществления человеческой личности. Но с другой стороны, проблематика философии совпадает с проблематикой религии. В этом смысле словосочетание «религиозная философия» тоже абсурдно. Любая философия религиозна, поскольку она является философией. Точно так же, как любая религия философична, если это религия. Различно лишь осуществление — через веру и через разум. Вера — это контакт с бесконечным, разум — с конечным. Бесконечность, осознавшая себя, становится конечной. (Поэтому Бог не может быть разумен. Он сверхразумен, бесконечно разумен.) Осмысленная конечность — это и есть личность. Философии вне личности быть не может. Она просто бессмысленна вне личности, она тогда вне-разумна. Тогда это либо религия, либо частность (научное знание).

Хайдеггер сказал студентам в начале своих лекций по Аристотелю:

«Аристотель родился, написал свои произведения и умер».

И назвал соответствующие даты. Это было всё, что он сказал о личности Аристотеля. Я же, как философ, сказал бы в конце курса лекций на эту тему следующее:

«Кроме того, Аристотель создал некую философскую систему».

И это было бы всё, что я сказал о его трудах.

Впрочем, Хайдеггер не так уж не прав по отношению именно к Аристотелю, так как последний в значительной мере и не был философом. Аристотель был сконструирован Платоном для построения идеальной утопии идеального мира. Ученик выполнил программу своего учителя и осуществил акт духовного самоубийства, убив философию.

Философия смертна. Личность смертна. (Сократ — человек.) Религия бессмертна. Но для неё не существует ПРОБЛЕМЫ бессмертия. В христианстве как религии нет проблемы бессмертия. Какая же проблема, когда ответ найден — бессмертие есть. В христианстве есть бессмертие, само, как таковое, но нет проблемы, вопроса. Христос решил проблему. Такая же символическая фигура в сфере РАЗУМА — Сократ — проблему поставил. В рамках философии её решить нельзя.

Христианство находится с философией в следующем отношении: Христос — Бог, ставший одновременно и «священником Себя», а следовательно, и личностью. Это и придало христианству тайну. Все другие религии лишены тайны, это ошибка, что религия основана на тайне. Для веры нет тайн, тайна — сфера разума. И вот христианство таинственно. Только христианство. Какая тайна, например, в античном язычестве, в Зевсе, в Аполлоне? Тайна лишь в философском осмыслении Плотином, но не в самой мифологии, так как её содержание растворилось в неоплатонизме БЕССЛЕДНО.

Итак, только и именно христианская философия всё же возможна и даже обязательна для христианского сознания. И это несчастье. Это неизбежная профанация религии. Вся католическая философия — профанация религии. Вырваться можно только молчанием. Молчание на Западе это слово, разговаривание. «Мыслю, следовательно, существую». Мыслю, следовательно, существую в слове, а не в вере. По-русски молчание — это бессловесность. «Мыслю, следовательно, не существую». Существую, следовательно, верую.

Я преподаю об Аристотеле — это я в аристотелевском мире. С моим Аристотелем можно полемизировать, но эта полемика станет «доходить» лишь при её персонализации в личности оппонента. Тогда возможно столкновение двух личностей в мифе «Аристотель». В христианстве же — не я, а во мне христианство.

Религия создаёт личность, философия её уничтожает. Аристотель был слишком хорошим учеником философа Платона и поэтому погиб как личность, обезличился, растёкся туманом перед блеском платонизма, сам превратился в платонизм, в платоновскую идею, в идею идеального государства, в идею идей идеального государства, в идею идеальных идей — в Божественный Логос — логику — Истину.

Великая тайна в удивительной доступности религии и не менее удивительном аристократизме философии (154). Природа тянется к жизни и противостоит огню смерти, огню разума.

Христианство величественно, спокойно. Храм открыт, он спокойно ждёт вас, а не зазывает балаганным петрушкой. Философ низменен, болен, ему нужен собеседник, слушатель. Он заманивает в себя чужую личность и начинает её мучать в себе, издеваться над ней. Философ цепляется к другим, придирается к чужому «я», провоцирует и юродствует. Теневой Сократ, сумасшедший Сократ — так называли Диогена. Кинизм — низменная подоплёка сократовского благородства.

Наше «юродство» — это для меня знамение предрасположенности русского духа к философии.

В чём моё мышление является религиозным? В направленности его разрушительной силы на самое себя.

Но в этом же и максимальный комизм моего мышления. Совпадение субъекта и объекта философствования предстаёт пародийной вариацией совпадения субъекта и объекта веры.

151

← Предыдущее, следующее →

151. Примечание к № 135
«Так и есть. Лопнула склянка с эфиром». (А. Чехов) (к цитате)

Ещё раз повторяю, в смерти Чехова какая-то бравурная пошлость:

«Спасибо немцам, они научили меня, как надо есть и что есть. Ведь у меня ежедневно с 20 лет расстройство кишечника! Ах, немцы! Как они пунктуальны! Нигде нет такого хорошего хлеба, как у немцев; и кормят они необыкновенно. Я, больной, в Москве питался сухими сухариками из домашнего хлеба, так как во всей Москве нет порядочного, здорового хлеба».

Или:

«Мой совет: лечитесь у немцев! в России вздор, а не медицина, одно только вздорное словотолчение … меня мучили 20 лет!!»

Книппер писала в дневнике уже после смерти Чехова:

«Как тебе нравились благоустроенные чистые деревеньки, садики с обязательной грядкой белых лилий, кустами роз, огородиком! С какой болью ты говорил: „Дуся, когда же наши мужички будут жить в таких домиках!“».

Сам Чехов писал:

«Баденвейлер очень оригинальный курорт, но в чём его оригинальность, я ещё не уяснил себе».

В том, что там умер Чехов.

Чехову стало плохо. Он сказал: «Ихь штэрбе». Потом по-русски: «Давно я не пил шампанского». Выпил бокал, отвернулся к стенке и умер. Книппер сидела в комнате одна и молчала. Мохнатая набоковская бабочка залетела в окно из XX века. Вдруг в потолок выстрелила пробка из недопитой бутылки.

Дорн беспокоился: «Уведите отсюда куда-нибудь Ирину Николаевну». Роль Ирины Николаевны играла Книппер.

Чехов или ничего не понимал в жизни, или понимал всё. Возможно, эта проблема не имеет смысла — просто Чехов русский и соответствовал своему русскому миру. Был ему микрокосмичен.

152

← Предыдущее, следующее →

152. Примечание к № 104

У отца руки большие-большие, чёрные-чёрные. (Он их специально перед этим незаметно от меня мазал куском угля.) (к цитате)

Сколько ни помню отца, всё у него подчинялось какой-то искажённой, ходящей конём логике. Мне было семь лет, отец устроился художником в пионерский лагерь, я жил «при нём». Однажды сижу в пустой столовой и ем борщ. А напротив отец в «аттличнейшем» состоянии. Смотрит, как я ем. И вдруг рука отца высовывается с пальцем, свёрнутым улиткой, и щёлк — улитка стремительно распрямляется. У меня из глаз посыпались искры, а потом — слёзы. Передо мной стоит огромная тарелка красного борща, и в неё капают слёзы. Повариха, рядом сидевшая, так и взвилась: «Ну чего, дурак пьяный, над ребёнком куражишься! Совсем, что ли, в голову ударило!» Я, как всегда, отца бросился защищать: «Мой папочка хороший, вы не понимаете, он шутит!» Повариха зачем-то стала вытирать глаза, а потом ушла куда-то и вынесла мне печенья, леденцов и два стакана компота из сухофруктов. Я ем, а отец: «Ну что, сынок, конфеты-то вкусные?»

По его мысли, по мысли эпохи, к которой он принадлежал, проблема «слезинки ребёнка» решалась просто. Компот из сухофруктов слезинку на весах революции явно перетягивал (164). А я сейчас забыл и вкус весело крошащихся во рту леденцов и сладкую кашицу макаемого в компот печенья. Помню это вообще, по ассоциации. А вот красное корытце борща с падающими туда горячими прозрачными каплями, и тупая боль в макушке, и недоумённо-мучительный поиск оправдания: за что? Что же я такого сделал? А ведь «сделал», просто так не может же быть щелбан-молоток… Компот не ответил на вопрос, а лишь отвлёк от него. Ответ сложился через десятилетия. И вот сейчас я, достойный сын своего отца, протягиваю руку через толщу времени и металлической пружиной распрямляю палец в щелчке. И глаза отца вываливаются в борщ, и мозг брызжет из окровавленных глазниц. Отец по-детски прислоняет к чёрным впадинам тыльные стороны ладоней и слепо плачет.

Отец очень любил меня, но любовь эта была эгоистической

и из-за его нелинейно-шахматного ума причиняла страдания. Доброта отца сочеталась с какой-то органической неспособностью проникнуть в чужой мир, понять его (170). Позицию, форму он понимал блестяще — к сути был глух. Постоянное стремление к контакту и абсолютное непонимание и неуважение внутренней сути собеседника. Поэтому все его щипки были с вывертом. Этой вывернутости способствовало и его художество. Разрушающее влияние было гораздо хуже простого избиения. Одно из самых страшных впечатлений детства: ехал в метро с отцом из гостей и его там развезло. Он садился в поезд, проезжал одну остановку, выходил, садился в противоположную сторону, проезжал две остановки и снова садился в обратный поезд. Это продолжалось около часа, и в моём представлении я с отцом попал в какой-то страшный, гудящий лабиринт, из которого надо выбираться целый день. Я чувствовал, что меня затягивает с отцом в какой-то страшный воющий туннель, откуда нет возврата. Возврат в отце, а разум его погас. И мне надо его спасать (вообще, тема «спасения» одна из основных в моем дорассудочном периоде). Я специально плакал. Расчёт был уже довольно тонкий. Какая-нибудь старушка сжалится и проводит до дому. Так и получилось. Название метро я знал, а уж от метро на трамвае — пара пустяков. Бабка довезла. А когда мы вышли из трамвая, отец вдруг как-то «случайно» протрезвел и домой пришёл почти совсем трезвый. А тут тоже гости, все смеются и никто не понимает, что я чуть не умер, я хочу объяснить гостям, а никто ничего не понимает и всем весело. И я уже тоже смеюсь, мне уже легко и хорошо. (Какой все-таки запас жизненной энергии был.)

А вот отец приходит привычно пьяный, небритый, но непривычно тихий, со страшными безумными глазами. Садится в уголке на стул и беззвучно плачет: «Я маму сейчас видел». Дело ясное. Маму задавил трамвай. Он её увидел и пришёл. Волосы поднялись на голове, хожу по комнате ни жив ни мёртв, думаю, куда сестру деть. Скоро приходит мать. Оказалось, отец видел старушку, похожую на умершую три года назад бабушку.

Или отец начинает хохотать и бить посуду. Лампочки у нас были слабые-слабые («экономия»), стояла какая-то мгла. И вот отец хохочет и бьёт, бьёт за чашкой чашку, за тарелкой тарелку. А сестрёнка плачет. И свет всё гаснет, гаснет. Чёрные прямоугольники незанавешенного окна густеют, густеют, притягивают своей чернильной беззвёздной пустотой. А отец смеётся, смеётся… Отец это не просто дурак. Отец-дурак — это счастье. А вот не хотите ли отца ИДИОТА.

Не понимая, что он давно растратил капитал моего доверия

и своего авторитета, отец, которому вообще было свойственно резонёрство и абстрактное мышление, периодически начинал заниматься моим воспитанием. Из-за своего художества его педагогическая практика была очень эффективна. Эффективна в том смысле, что он коверкал и разрушал те части моего «я», которые ещё сохранялись после стихийно-естественного контакта. Однажды в воскресенье он картонно, выделанно вынес на негнущихся руках мой пиджачок, театральным жестом залез в его карман и вытащил листок бумаги. Матери: «Вот, посмотри, чем наш сын занимается вместо уроков». На листке была изображена обнажённая женщина. Я её изгиб бёдер свёл под копирку из старой книги. Не знаю, что мерещилось отцу во столь легко объясняемом Фрейдом запале. Возможно, даже буколический разговор по душам, под самовар и пряники. (Напомню, что до этого момента сексуальная тема была под строгим запретом.) На деле это вылилось в то, что я впервые набросился на отца с кулаками, пытаясь вырвать злополучный листок; отец же, сгорбившись и хихикнув, отскочил в сторону, поскакал на кухню. Я хотел умереть. Вечером он уже, развалясь у телефона, обзванивая «ребят», добавлял: «Мой-то, из молодых да ранний». Мать (злая, стирала) уточнила: «Вместо уроков баб голых рисует, мудак». Отец поправил: «Ну, ты не очень-то… выражайся. Тут вообще дело-то серьёзное. С ним сестру нельзя оставлять. От него в этом возрасте всего ожидать можно» (180).

Развалясь, в свою очередь, в своём настоящем и, скорбно-благодушно смотря в уходящую реальность, я думаю, что именно этот эпизод, вобрав в себя деструктивные усилия отца, уже окончательно и бесповоротно нарушил наши отношения, с одной стороны, и так же окончательно и бесповоротно нарушил и моё собственное существование в последующие годы. Возьмём маленькую, только что родившуюся ёлочку и отрежем ей маникюрными ножницами верхушку. Нормального дерева уже не получится (192). Или росток вообще засохнет, или ель вырастет кривая. И наоборот, у взрослого стройного дерева можно отламывать гигантские ветки, и ничего не изменится. Оно будет таким же прямым и, может быть, даже похорошеет. Отец взял ножницы и чик-чик — отрезал сексуальный сектор моего мира. Момент был выбран исключительно удачно. Ранее эротическое чувство ещё не пробудилось и уничтожать было нечего. А годом-двумя позже дефект был бы выправлен силами природными.

У отца была звериная потребность проникнуть в душу чужого человека и разворошить её, разломать (195). Проистекало это не от чувства злобы (злобы не было, только озлобленность),

а от какого-то наивного и холодно-инфантильного любопытства. Родственница 13-летней девочкой начала писать интимный дневник. На следующий день, придя из школы, она услышала голос своего дяди (отца), который вслух, с выражением читал под общий пьяный хохот найденный дневник. Она хотела повеситься. В уборной. Я её вполне понимаю. Нет, не совсем. Этот последний ужас, эстетика выкрашенных в зелёный цвет стен, тусклая лампочка… С чего началась жизнь этой девушки, к счастью, потом довольно удачливой.

Как и все эгоисты, отец был сентиментален. Иногда дома раскладывал картины умершего брата-художника, долго смотрел и плакал. Чувство у меня — сердце на ниточке, а по нему неканифоленным смычком водят. — «Пап, ты, это, убирай…» — «Эх, вы-ы, замолчите. Что вы понимаете».

Дядя умер в 56 лет, нелепо, от грубейшей ошибки врача (215), у отца на руках. Он после этого чуть не сошёл с ума. Ходил в больницу, носил ему гостинцы. И брал меня с собой. Ему казалось, что, а вдруг он не умер, вдруг в больнице где-то затерялся. Говорил с умершим по телефону. Это был какой-то истерический бунт против реальности. Тоже эгоистическое «я хочу!» Потом это прошло (228).

153

← Предыдущее, следующее →

153. Примечание к № 149
«Да что это я, я о Розанове должен». (к цитате)

Вроде бы книга, в трёх частях, с примечаниями. Всё чин-чинарём, а написано совсем «не о том». О чём книга? О Розанове? Нет. Если сначала сказать, что вот книга о Розанове, то интуитивное читательское предусматривание не оправдается. Будет ожидаться что-то иное… Может быть, книга не о Розанове? Но нет, всё о нём. Наверно, в словах, особенно в русских, есть какая-то порочная пустота. Во сне смотришь на дерево и знаешь, что это конфетная обёртка, плавающая в луже, то есть вчерашний день в гостях. Нелепость какая-то. Подозрительность. (Когда присмотришься. А во сне всё почти ясно.) Как сон Ивана Фёдоровича Шпоньки:

«То вдруг снилось ему, что жена вовсе не человек, а какая-то шерстяная материя: что он в Могилёве приходит в лавку к купцу. „Какой прикажете материи? — говорит купец. — Вы возьмите жены, это самая модная материя! очень добротная! Из неё все теперь шьют себе сюртуки“. Купец меряет и режет жену. Иван Фёдорович берёт под мышку, идёт к жиду, портному. „Нет“, — говорит жид, — это дурная материя! Из неё никто не шьёт себе сюртука…»

154

← Предыдущее, следующее →

154. Примечание к № 150

Великая тайна в удивительной доступности религии и не менее удивительном аристократизме философии. (к цитате)

Доказательство бытия Божия (в смысле не католического доказательства, а интуитивного со-чувствия, уроднённости этой теме) (162) — уже в перепаде между философским и бытовым сознанием. Небо голубое, солнце жёлтое, трава зелёная. И вдруг всё не так, ничего этого нет. А раскрывается это из десяти тысяч одному. А почему там, на кончике иглы, 1/10000 человечества нет солнца и травы? Или почему и внизу не ясно, что это мираж? Почему и небо, и солнце, и трава не колышутся, как марево, не показывают, что нарисованы? Тайна.

Далее. Первое чувство бытового сознания, сталкивающегося с предположением о мнимости мира, — неудержимая злоба (168). «А если Беркли по голове дубиной ударить, а?» — это «типовая реакция» человека, не способного к философскому постижению. Злоба, и злоба агрессивная, истеричная. И на конце её — страх. Человек не может вынести крушения своего мира и изо всех сил, как умеет, сопротивляется. Очень мудро устроено, что столкновение столь разных пластов происходит крайне редко, и по причинам чисто механическим. Мир стоит на «каждому — своё».

Следующая стадия, указывающая уже на достаточно высокий уровень культуры — сочувствие. Да, Беркли не прав, но говорится это без злобы, даже с наивным желанием объяснить, помочь. Это еврейское уважение к авторитету, к посвящённому в тайны. Беркли ошибается, но он уважаемый человек. Уважение здесь является и уничижением. «Ошибки великих». Гений, но вот ошибался. А я знаю. Тут сакральное кощунство и чувство сопричастности таинству. Эту ступень можно назвать парафилософской.

Парафилософия постепенно переходит в преподавание философии. При этом выясняется, что дело вовсе не в Беркли (например), так как его система есть лишь частная модификация некоторой философской истины, вполне ясной уже во времена античности. Возникает достаточно адекватное представление о философском знании, процессе его развития и соотнесённости

его отдельных частей. Если предыдущая ступень — явный дилетантизм, то это — профессиональное овладение темой.

Нильс Бор дал следующее определение профессионализма:

«Многие, возможно, ответят, что профессионал — человек, который очень много знает в соответствующей профессии. Однако с этим определением я не мог бы согласиться, потому что в действительности никогда нельзя знать в той или иной области много. Я сформулировал бы так: профессионал — человек, которому известны грубейшие ошибки, обычно совершаемые в данной профессии, и который поэтому умеет их избегать».

Однако метафизика, в отличие от физики, не является профессией. «Философ-профессионал» не допустит грубейших ошибок (материализм и т. д.), но он всё же будет находиться на рафинированном нуле, на первой же обывательской стадии, так как лишь поймёт, но не ПОЧУВСТВУЕТ иллюзорности своего существования. Своим пониманием, так же как обыватель непониманием и злобой, он будет защищаться от чёрного ледяного ветра мирового ничто. Это кантианство без Канта (баденская и марбургская школа), а отчасти и сам Кант, его внешняя, писательская сторона. Но это уже отчасти. Внутри он был таким, как Ницше, — звездой, светящей в темноте.

И вот лишь отсюда происходит вживание в философию. Вчувствование в умопостижение. К этому способны избранные, единицы. Мир превращается в сказку, всё меняет свои формы, определения. Человек погружается в сон, в дословесное постижение. Я лишь недавно до такого состояния дошёл — лет пять назад. В предутренних снах я подхожу к философским темам. Я чувствую, что вечен и что моё сегодняшнее бытие качественно сопоставимо с предшествующей вечностью. Ощущение, что лежу в тёмной комнате и ещё уже ограничен, как в гробу, но совсем не страшно и спокойно. Я ощущаю — во сне совершенно понятно всё — что времени нет. Или что есть иной мир — мир богов, счастья. Я вижу его. И тут именно чувство, чувство. Чувство мысли, мысль, ставшая чувством. Сон, но мысль работает удивительно чётко. Чётче, чем наяву. Философия становится актуальной данностью, переживается, как быт, как автобус или очередь в магазине. И реальность начинает расползаться. Жизнь — кольцо. Жизнь одновременно в двух мирах. На их стыке и возникает творение, творчество. В нём выход. Чтение — суррогат этого. На несколько часов, пока читаешь, реальность разрушается. А сочинение книги это разрушение второго мира. Отсюда необыкновенное чувство при чтении своей книги — мир замыкается.

И вот, во сне постепенно понимаешь: «Бог есть». А просыпаясь, ужасаешься громадной сложности постоянной мыслительной работы, необходимой для соприкосновения с этой истиной. Неужели нельзя было как-то проще, понятнее.

И второе чудо — доступность религии. Так устроено, что это вот высшее состояние даётся сразу и для самого первого уровня. И величие Церкви, которая учит сразу сердцевине. Начинает не с арифметики, не с алгебры, не с высшей математики даже, а сразу с Гёделя. И получается. Каким-то особым, человеческим, рассчитанным на слабого человека языком объясняет. А с другой стороны, само сердце человека раскрывается, как будто ждёт этого.

Розанов писал:

«Чувство Бога есть самое трансцендентное в человеке, наиболее от него далёкое, труднее всего достигаемое: только самые богатые, мощные души и лишь через испытания, горести, страдания и более всего через грех, часто под старость только, досягают этих высот, — чуточку и только краем своего развития, одною веточкой касаются „мирам иным“; прочие лишь посредственно при условии чистоты душевной — достигают второй зоны: это — церковь».

155

← Предыдущее, следующее →

155. Примечание к № 103

Это может повторяться в мозгу часами, как знакомая мелодия. (к цитате)

Из «Дневника писателя»:

«Двое пьяных остановились на улице: один уверяет, что он генерал, а другой ему: „Врёшь!“ Тот бесится и ругается, а этот: „Вр-рёшь!“ Тот ещё пуще, а этот все то же: „Вр-рёшь!“ — и так далее до двухсот даже раз! Оба именно находят красоту в бессильном и бесконечном повторении одного и того же слова, так сказать погрязая в услаждении бессилием своего унижения».

156

← Предыдущее, следующее →

156. Примечание к с. 22 «Бесконечного тупика»

чем больше философия Соловьёва «существовала», тем менее существовал сам Соловьёв (к цитате)

Любопытно, что сам философ вообще понимал всю бесплодность и бесперспективность безличной метафизики. Он писал в одной из рецензий начала 80-х годов:

«Дух человеческий, создавши отвлечённую философию и отвлечённое естествознание, под конец должен убедиться, что эти сложные и искусные постройки имеют один серьёзный недостаток: в них нет места самому зодчему. С одной стороны, умозрительный пантеизм воздвигает своё „абсолютное“ только на отвлечении от всего индивидуального, не замечая, что при этом само „абсолютное“ превращается в пустое место; с другой стороны, в господствующем ныне „позитивном“ мировоззрении наш ум, высчитывая элементы вселенной, наивнейшим образом пропускает самого себя».

Однако возмущение против абстрактного и умозрительного мышления носит абстрактный и умозрительный характер.

Отсюда мораль. Абстрактная критика Соловьёва безнадёжна (158), так как все абстрактные подступы предусмотрительно (но столь же абстрактно) простреливаются. С бюрократом невозможно бороться бюрократическими методами. Он скажет: «Достаньте справку, что я бюрократ». Но можно ли достать справку о том, что человек за справкой человека не видит? Справка будет выписываться на основании соответствующих справок, и из этих справок будет явствовать, что это никакой не бюрократ, а Франциск Ассизский.

157

← Предыдущее, следующее →

157. Примечание к № 146

неопозитивизм это вторичное абстрагирование от содержания, неизбежный признак старой, перенасыщенной культуры (к цитате)

Позитивизм — это маленькая игрушечная философия. Ширпотреб. Философский конструктор, «Сделай сам». И дёшево, и, вроде бы, делом занимаешься. Неопозитивистский миф груб, но из-за своей замаскированности под науку имеет интереснейшее свойство — он развивается. В основе, кроме обычных постулатов (земля плоская и на трёх китах, земля круглая и вращается вокруг солнца и т. д.), есть дополнительный постулат-бесёнок: мы ничего не знаем и ничего не принимаем на веру. С одной стороны, это замкнутая мифологическая система, причём мифологизм её максимально примитивен, так что она не способна выскочить из трёх измерений и проникнуть в мир иных мифов. С другой стороны, это «наука», то есть открытая (потенциально) система, способная к расширению и развитию. В результате подобного расширения происходит крах, то есть позитивист доходит до азов отрицаемой им религии и философии. Очарование в трудоёмкости этого процесса. На Западе научились выпускать сложнейшие и головоломнейшие игрушки. И какому-нибудь высоколобому мальчишке, вроде Витгенштейна, надо потратить 50 лет, чтобы разобраться во всех ошибках и заблуждениях сборного лабиринта. В результате «жизнь прожита не зря». Общество потребления, максимально изощрившись в создании разнообразнейших игрушек, спродуцировало и интеллектуальную игру «Неопозитивизм». Целый класс игр. С началом, развитием, кульминацией и развязкой. И может быть, эти игры спасли жизнь тысячам людей.

158

← Предыдущее, следующее →

158. Примечание к № 156
Абстрактная критика Соловьёва безнадёжна (к цитате)

Откуда вообще такая культура формально-юридической лексики? Одним иностранным немецким влиянием не объяснишь. Тут-с школа отечественного «бумаготворчества».

Постоянные фразеологические обороты в сочинениях Соловьёва:

«Всякая отвлечённая формула имеет слишком растянутую границу, и нет возможности закрыть её для мыслей-контрабандисток, которые вместе с несомненно законным всегда готовы провезти и неоправданные на умственной таможне истины, и даже прямо фальшивые деньги — заблуждения».

Или:

«Декартовский субъект мышления есть самозванец без философского паспорта».

Тут-с школа. Соловьёв с его несомненным талантом пародиста в поисках подходящей лексики ловко имитировал язык официальных циркуляров и рескриптов, взяв оттуда не только строй лексики, но и сами образы. (То же самое произошло, кстати, и с церковной лексикой.)

159

← Предыдущее, следующее →

159. Примечание к № 123

Евреи — гениальные провокаторы-практики, но в теории, в мире идей удивительно неспособны к какой-либо нечестности, неправде, юродству. (к цитате)

Русское предательство — теоретично. Отсюда интересное следствие. В предательстве по-еврейски есть определённая логика. В русском же варианте сама логика является предательством. Если русский логичен, он предаёт.

Биография крупного политического деятеля Василия Витальевича Шульгина: помещик из глубинки, внезапно ставший одним из лидеров Государственной Думы; националист, защищающий Бейлиса; монархист, принимающий отречение от престола у своего монарха. После отречения Шульгин сплюнул: «Отрёкся от царства, как роту сдал». Но Николай II через год мужественно погиб за Родину, а Шульгин прожил ещё 60 лет. И каких 60 лет! В 20-х этот ярый противник советской власти поехал нелегально в Советский Союз и после этой поездки, благосклонно выпущенный ГПУ обратно за границу, написал книгу об «успехах коммунистического режима» (которые ГПУ ему и были показаны). Характерно, что в СССР этот «обличитель еврейского засилья» жил по фальшивому паспорту, выписанному на имя еврея, а по улицам ходил в гриме «старого раввина». Впоследствии Шульгин был арестован советскими войсками в Югославии, сидел в тюрьме, но благополучно вышел и успел ещё воспеть при Хрущёве кукурузу. Если окинуть мысленным взором всю эту столетнюю жизнь, она поразит нас полным отсутствием логики. Это театр абсурда. Беда в том, что Шульгин был слишком логичен. Я читал его книги. Это крайний рационализм. Более того. Русскому рационалисту биография Шульгина кажется романтичной, возвышенной. Для определённой части современных русских Шульгин — это кумир, почти объект поклонения.

В интеллектуальном отношении русские слабенькие. Слабачки. Всё уступают. Им «доказывают». Вот, борода у тебя. Сбрей. Так. А волосы надо щипцами завить. Нет, что-то не то… Надень юбку. Вот, уже лучше. Теперь серёжки, бусы. Накрась губы, подведи глаза. И чего ты руками размахиваешь? Иди медленно,

плавно, как лебедь белая. Бёдрами покачивая.

Пётр I брил бороды, а это, по русским обычаям, признак противоестественного порока. Это было так же стыдно и глупо, как если бы сейчас всем приказали носить на шотландский манер юбки. Но всё разумно. «Докажут».

Зато когда русский набычился, опомнился от рационального беспамятства, то всё — ему хоть кол на голове теши.

Не так уж и много я прожил, но прожил уже три жизни совсем разных. Совсем. Но внутри одно. Из-за полного отсутствия логики. Исключительное уважение к себе при полном неуважении и издевательстве над логикой, над реальностью. А мне ПЛЕВАТЬ. Я сейчас оглядываюсь назад, вниз, и голова кружится. Дурачок, куда я лез? Вверх по вертикальной стене, ломая ногти. Совершенно безнадёжно. Всё уже было закуплено, решено и подписано. А я лез, лез. Если бы знал, никогда бы ничего подобного не произошло. Мне бы «доказали», «поставили на место». А я плевал. И что такое сам факт написания этой книги? Куда это? зачем? Какой заряд воли, потраченный на совершенно бессмысленное и противоестественное изменение пространства. Ну, взял, построил садовый домик из миллиарда вишнёвых косточек. Бред. У меня в голове сидит какое-то Политбюро: «Вы даёте нереальные планы».

Чехов писал о пробитом сквозь сахалинские скалы туннеле:

«Рыли его, не посоветовавшись с инженером, без затей, и в результате вышло темно, криво и грязно. Сооружение это стоило очень дорого, но оно оказалось ненужным… На этом туннеле превосходно сказалась склонность русского человека тратить последние средства на всякого рода выкрутасы, когда не удовлетворены самые насущные потребности».

Но сам Чехов, умирающий, так же, «по-сахалински», написал на героине «Вишнёвый сад». Зачем?

160

← Предыдущее, следующее →

160. Примечание к № 134

Ошибка в том, что я никогда не совершал серьёзных ошибок. (к цитате)

Я оказался слишком прав. Я такой умный, хитрый — всех перехитрил. «Я от бабушки ушёл и от дедушки ушёл» (187). А молодость прошла. И оказался колобок одиноким. Колобок — ноль. В чём я никак не могу понять Розанова, так это в том, что он никогда не был эгоистом. Это при его-то уме? И всю жизнь совершал смешные ошибки. Брак с Сусловой и т. д. И в результате жизнь его удалась. Почти. Мне же жизнь явно не удаётся.

161

← Предыдущее, следующее →

161. Примечание к № 123

русский литературовед почти всегда идиот (к цитате)

Любопытен генезис этого слова вообще и в русском языке в частности. Буквально «идиот» по-гречески означает «одиночка», «обособленный». Но греки называли идиотами грубых, невоспитанных людей (хамов). Постепенно смысл несколько изменился и идиотами стали называть дураков (идиотия — максимальная степень слабоумия).

Не знаю, как в других языках, но в русском слово «идиот» очень уроднилось, стало неотъемлемой принадлежностью бытовой лексики. «Кретин» или «дебил» тоже нравятся, но всё же являются чуточку иностранными, чужеродными. А «идиот» это уже родное. И тут интересен дрейф смысла. Во-первых, появилось производное «идиотик», то есть простодушный дурачок, вызывающий не симпатию, а пренебрежение. «Идиот» Достоевского — фиксация и возвышение этого оттенка: с одной стороны, простак, симплициссимус, и тут же — действительно больной. И — очень естественный переход для русских — святой. А святой — значит учитель, немой урок-укор миру. Однако слово вошло в корневую систему языка другим концом: «идиот» в смысле «тот, кто идиотничает». А идиотничать — по-русски это значит издеваться. Издеваться не вообще — это лишь некоторая разновидность издевательства, а именно издевательство за счёт нарочитой и наглой глупости.

Пожалуй, в русских условиях идиотическое существование в первичном смысле этого слова только и возможно в виде идиотизма в смысле последнем. Чем дальше я разматываю нить своей жизни, тем больше и больше убеждаюсь в этом.

Или быть святым. Но это ведь для совсем избранных.

162

← Предыдущее, следующее →

162. Примечание к № 154

Доказательство бытия Божия (в смысле не католического доказательства, а интуитивного со-чувствия, уроднённости этой теме) (к цитате)

Начало постижения идеи Бога — молчание (163). Об этом почему-то трудно говорить. Как и о смерти. Утром спросонья наткнулся на чёрный столб — я умру. Кому сказать? «Я сегодня утром испугался, что я когда-нибудь умру». И о Боге тоже, оказывается, сказать некому. Это значит, что человек очень близко уже подошёл к вере, потихоньку начинает верить.

163

← Предыдущее, следующее →

163. Примечание к № 162
Начало постижения идеи Бога — молчание. (к цитате)

Модернизм в иконописи — всё это хорошо, но как-то… неприлично. Это уместно на выставке, но не в церкви. В иконах Васнецова нет молчания. Красочный шум.

Русская икона плоска, прозрачна и схематична (173). Это как бы взгляд боковым зрением, взгляд подразумевающий, скользящий, но не вполне видящий. А объёмные иконы даны в лоб — от них болят глаза. Не знаю, но если провести цветовой анализ и анализ формы древних икон, то, может быть, мы увидим как раз цветовое и контурное смещение, свойственное нашему боковому, периферийному зрению, то есть зрению и видящему и невидящему, не косящему даже, а целомудренно опускающему глаза, отворачивающемуся.

И модернистское слово тоже. Нет целомудрия у Соловьёва и ему подобных. У Розанова есть. Именно из-за его ощущения ирреальности слова, из-за его юродства, деформирующего словесный мир. Юродство — это тоже глас Божий, но не прямо, не через уста обычного святого или пророка, а боком, деформировано и бесплотно, целомудренно. Неслучайно юродивый во Христе столь почитаем на Руси. Известно, что за пять веков христианства, с VI по X век, общий месяцеслов православной церкви насчитывал не более четырёх юродивых святых, принадлежавших различным странам. А на Руси лишь в продолжении трёх веков (XIV–XVI) насчитывается не менее десяти святых юродивых. И главный русский храм Василий Блаженный — в честь знаменитого юродивого, обличавшего Ивана Грозного.

164

← Предыдущее, следующее →

164. Примечание к № 152

Компот из сухофруктов слезинку на весах революции явно перетягивал. (к цитате)

Отец как-то, чтобы проверить мои «умственные способности» (всегда «проверял» и «развивал») (172), предложил мне на выбор потёртые 20 копеек или 3 блестящих новеньких пятака. Я выбрал пятаки. Отец не понимал, что не компот важен, особенно для меня. Я уже тогда морализировал, был ригористом. Протестантом. Я ответил как урок, как лучше. Лучше взять не 20 копеек, а 15. Оставить родителям «на хозяйство». Я думал, что и отец так думает. Но он жил совсем в иной системе. Огорчился: «Ну как же так, вот же 5 + 5 + 5 будет 15. А 20 — 15 = 5. Тут на пять копеек больше». И в голосе жалость, что я дурак. А я гордо (нет, не обманешь): «Надо экономить. Нам и так денег не хватает». И наивно добавил: «Сейчас водка подорожала». Отец покраснел.

Та же ошибка в случае с рисунком. Объяснение отца было максимально материалистическим. «Свёл под копирку, чтобы в школе показывать, там его поймают, будет скандал». Но все было совсем не так. Я сам не знал, зачем я свёл этот рисунок. Меня какой-то чёртик толкнул. Для своего возраста я был очень невинен, и хотя знал сексуальную подоплёку жизни, но «вообще». У меня ничего «такого» и в мыслях не было. Просто бродили смутные чувства, было как-то скучно. Дома никого не было. Я рассматривал книгу, и вдруг меня этот рисунок взволновал. Я не знал, что делать (а что-то надо было, я чувствовал), и я срисовал его. Это было так странно приятно. А потом спрятал в карман и напрочь забыл. Какая-то микроскопическая затравка «личной жизни», что-то своё, интимное, которое надо ото всех прятать. Потом бы этот кристаллик рос и всё было бы хорошо. А его выловили из питательного раствора. И больше-то ничего там не было. Всё, что было — взяли. Только я подшил в своё дело первый лист, как его вырвали и выбросили в корзину для бумаг (191). Единственный раз в жизни я взял 20 копеек. И то даже не 20, а так, 17 примерно. Ибо что же я срисовал? Фигуру из антропометрической таблицы в начале 1-го тома «Человека»

Ранке.

165

← Предыдущее, следующее →

165. Примечание к с. 24 «Бесконечного тупика»

«у него (человека из подполья) уже и нет … черт, нет твёрдых определений» (М. Бахтин) (к цитате)

Одна из тем набоковской «Лолиты» тоже разрушение «твёрдых определений». Якобы защита Лужина из «Преступления и наказания» на поверку оказывается продолжением «Записок из подполья». Только у Достоевского девальвация субъективная, а у Набокова объективная. Герой «Записок» разрушает мнения в тексте, а Гумберт Гумберт — за текстом, в голове у читателя.

Кто такой Гумберт? Ему нельзя дать определения. Набоков в принципе отказывается от какой бы то ни было дидактики. Гумберта просто невозможно втиснуть в какие-либо оценочные рамки (171). Разумеется, его образ можно трактовать как образ негодяя-извращенца или несчастного, психически больного человека, но и та, и другая, и третья, пятая, десятая концепция катастрофически сузит наше КОНКРЕТНОЕ понимание этого героя.

У Достоевского такое определение в конце концов возможно, даже неизбежно. Герой лишь ожесточённо, «на смерть» сопротивляется этому, но терпит в конце концов поражение. Для набоковского героя определение всегда оборачивается грубой схемой и, обернувшись вокруг него, ударяет бумерангом по читателю.

Набоков — это завершение Достоевского (198). До него Достоевский был открыт, беззащитен. (Что, конечно, не только недостаток.)

166

← Предыдущее, следующее →

166. Примечание к с. 24 «Бесконечного тупика»
Известно, что Розанов буквально вырос из Достоевского (к цитате)

Бердяев однажды написал о Розанове:

«Он зародился в воображении Достоевского и даже превзошёл своим неправдоподобием все, что представлялось этому гениальному воображению. А ведь воображение Достоевского было чисто русское, и лишь до глубины русское в нем зарождалось».

Но что же сказал тут Бердяев? Он сказал что-то очень подозрительное. Как же это Розанов нечто неправдоподобное и одновременно исключительно русское? То есть русское для Бердяева и для эпохи Бердяева превратилось в фантастику. А Розанов обычен. И Достоевский обычен. Это быт. Для русского это быт. Простой, понятный. Как китайская стена для китайца, как Венеция для итальянца. Розанов должен стать обычным. Как отчасти и стал уже Достоевский. Даже ещё обычнее. Розанов это самое обычное, это обычай русского мышления, русского философствования, русского осуществления.

167

← Предыдущее, следующее →

167. Примечание к № 134
спал… Вот, пожалуй, и всё. (к цитате)

Правда, Кьеркегор писал: «Юность — сон. Любовь — сновидение». Однако дело в том, что я спал слишком крепко. И не видел снов.

168

← Предыдущее, следующее →

168. Примечание к № 154

Первое чувство бытового сознания, сталкивающегося с предположением о мнимости мира, — неудержимая злоба. (к цитате)

Кто такой, собственно говоря, «мещанин» в ругательном смысле этого слова? Это мещанин, просто попавший волею судеб в положение «интеллигента» (интеллектуала). Как правило, сам он в этом не виноват. Люди эти в конечном счёте несчастны и всеми силами хотят вернуться назад, в спокойное несвободное состояние. Издеваться над такими людьми (занятие, кстати, очень русское) так же зло и глупо, как издеваться над детьми.

Отец умер, а картины брата-художника остались. Мать ещё раньше их ненавидела (штук сто и занимали все антресоли), а тут решила выбросить. Я запретил. Тогда она их ядом полила (хлорофосом). «Там тараканы». Яд я тайком убрал потом — она бы всех насмерть отравила — без перчаток брызгала на еду и т. д., а дома грязь на кухне, от этого и тараканы. Но она всё равно вывернулась, у ней где-то ещё яд был, и она напоследок снова картины ядом полила. Их уже нельзя было ни дарить, ни вешать. Но в этом никто не виноват. Зачем же доводить человека? Жил, жил себе и вдруг ему 100 картин. За что? Вот подсознание и не выдержало. А ты не доводи. Я бы всем русским на шею повесил маленькие медальоны: «Каждому своё», — чтобы всегда перед глазами было. Все русские беды от этого.

Чехов писал в «Ионыче»:

«Пока с обывателем играешь в карты или закусываешь с ним, то это мирный, благодушный и даже неглупый человек, но стоит только заговорить с ним о чём-нибудь несъедобном, например, о политике или науке, как он становится в тупик или заводит такую философию, тупую и злую, что остаётся только рукой махнуть и отойти».

А ты не говори о «несъедобном», говори о грибках и наливочке (169). И будут милые, хорошие, родные русские люди.

169

← Предыдущее, следующее →

169. Примечание к № 168
говори о грибках и наливочке (к цитате)

Отсюда компенсаторная функция атеизма и позитивизма. Атеизм — это отстранение от сверхсознательного (175). Человек не будит своих демонов и живёт не чёрно-белой, а серой жизнью. Вольтер никакой не атеист — всё у него со слезами, с истерическим надрывом. Это анти-теизм, сатанизм. Ошибка сознания и интуиции в выборе не своей темы.

Атеизм и позитивизм (в его мягких, рассудочно-рациональных формах — не Конт, а Поппер) — крайне важный элемент ХРИСТИАНСКОЙ цивилизации — её предохранитель и её интеллектуальная милостыня, наконец, просто льгота после 2000-летнего христианства, После стольких поколений христианских предков человек естественно религиозен, естественный христианин. Вне непосредственного контакта с Богом и даже церковью он всё равно около церковных стен, всё равно его жизнь ласково изгибается по направлению к невидимому магниту церковной ограды. Не случайно атеизм и позитивизм присущи в развитой форме только христианству.

170

← Предыдущее, следующее →

170. Примечание к № 152

Доброта отца сочеталась с какой-то органической неспособностью проникнуть в чужой мир, понять его. (к цитате)

Когда мне было три годика, он рассказывал «в лицах» «Семеро козлят». Волк у него рычал, а коза тонюсенько блеяла: «Отопритеся, отворитеся, ваша мама пришла, молочка принесла». И я плакал. Ещё когда волк рычал, губа заворачивалась у меня за ухо, а потом, точно в начале блеяния, я начинал плакать. Отец, довольный своим актёрским талантом, говорил: «Что, жалко козлятушек?» А потом всем меня показывал, и я автоматически, на известном, заранее предсказанном месте, плакал. Меня даже сняли «в процессе» и получилось 6 карточек, запечатлевших все стадии, от расширения зрачков до их полного исчезновения в слезоточивом жмурении и растирании кулаками.

А плакал я совсем не из-за козликов, а мне папу жалко было. Когда он говорил жалобно, то казалось, что плачет. Я за него перепугивался и плакал тоже.

171

← Предыдущее, следующее →

171. Примечание к № 165

Гумберта просто невозможно втиснуть в какие-либо оценочные рамки. (к цитате)

Толчком к написанию «Лолиты» послужила газетная статья, в которой говорилось, что некая обезьяна нарисовала картину. Картина изображала решётку её клетки. Если вспомнить известную фразу Платона о том, что тело это клетка души, то метафизический замысел романа вполне понятен. В центре повествования трагедия человека, наделённого сознанием и высоким творческим потенциалом, но не способного вырваться из темницы реальности, то ли из-за слабости духа, то ли из-за особой крепости телесной оболочки.

Но трактовка, подсовываемая Набоковым (может быть, даже самому себе), опять-таки слишком узка и статична, ибо предусматривает взгляд на судьбу Гумберта из потустороннего мира платоновских идей. А это невозможно ни для читателя, покорно следующего воле автора, ни для самого автора, для которого образ Гумберта является, в свою очередь, лишь клеткой собственного сознания. Чтобы понять человека, нужно перестать быть человеком. Что невозможно.

Правда, возможна иллюзия этого, что как раз и характерно для искусства вообще, и в особенности для литературы.

172

← Предыдущее, следующее →

172. Примечание к № 164

Отец … мои «умственные способности» всегда «проверял» и «развивал» (к цитате)

В интеллектуальном плане отец меня, конечно, превосходил и давил.

— А знаешь, Пётр I как железную дорогу между Москвой и Петербургом строил? Взял карту и по линейке прямую — р-раз! «На вершок в сторону — повешу». И вот видишь, сейчас около Бологова на карте изгиб. У царя палец выступал за край линейки, и он его случайно карандашом обвёл, когда чертил.

Что не Пётр I, я сразу поправил. Отец удовлетворённо кивнул: «Да, „ошибся“, Николай». Но я чувствовал, что собака не здесь зарыта. И не силах разгадать (а притча была рассказана в связи с каким-то уже забывшимся сейчас происшествием), по-азиатски злился:

— Ну и что? Чепуха какая-то. Кому это надо. Палец какой-то.

А отец, невинно улыбаясь:

— Ну, как же. Зная масштаб карты, можно вычислить масштаб Николая I.

Я не понял и кричал:

— Ерунда, рост, что ли, не известен? И зачем рост Николая нужен. Нужны факты исторические, а не курьёзы.

И чувствовал, что что-то не так.

В таком возрасте (подростковом) человек не способен к символическому и ассоциативному мышлению, и отец постоянно намекал на какую-то мою неспособность. А в чем она, я понять не мог. С тех пор — чувство собственной ограниченности и непрекращающегося контакта с какой-то злорадной силой, водящей меня за нос.

173

← Предыдущее, следующее →

173. Примечание к № 163

Русская икона плоска, прозрачна и схематична. (к цитате)

Исаак Эммануилович Бабель писал о русской иконописи:

«Угодники — бесноватые нагие мужики с истлевшими бёдрами — корчились на ободранных стенах, и рядом с ними была написана российская богородица: худая баба, с раздвинутыми коленями и волочащимися грудями, похожими на две лишние зелёные руки. Древние иконы окружили беспечное моё сердце холодом мертвенных своих страстей, и я едва спасся от них, от гробовых этих угодников».

Кто знает, может быть, и русские чего-то не понимают в Шагале (218). Даже наверняка.

174

← Предыдущее, следующее →

174. Примечание к № 119

весь XIX век … сон с неизбежным кровавым пробуждением (к цитате)

После кровавой развязки, поскольку Россия сохранилась, она стоит перед той же дилеммой: снова развитие духовной культуры и срыв или развитие культуры чисто прикладной, наподобие современной Японии с её технической цивилизацией и крайне слабым развитием духовной жизни.

Интересно, что непосредственно после 17-го года развитие шло одновременно по двум путям. Сверхматериальное развитие России сопровождалось чисто идеальным развитием России № 2 — эмиграции. Это разъезжание продолжается и указывает на некоторые черты будущего русского народа и русской культуры. Несомненно, в ближайшее время (до конца XX века) за рубежом будет создана новая русская эмиграция, концентрирующая в себе культуру дореволюционной России и эмиграции 20–30-х годов. Возникнет альтернативная Россия. Новая эмиграция может развиваться по двум направлениям. Либо окончательный разрыв с метрополией и достижение особой формы негосударственного существования, использующего опыт еврейской диаспоры и возможности современного индустриального общества. Либо второй путь — ориентация на Россию и выполнение функции «носителей», замкнутой и статичной среды для последующего впрыскивания русского логоса в чисто материальную Россию (то есть в грубом приближении — «путь Тайваня»).

Соответственно развитие русской метрополии в XXI веке может идти в двух направлениях. Либо чисто «японский» путь, путь индустриального роста и повышения материального благосостояния, включая сопутствующую духовную культуру (носящую вспомогательный, обслуживающий характер). Либо второй вариант — создание утончённой кастовой культуры, принципиально не имеющей творческого характера. Культуры, способной создавать некие вторичные произведения, вроде «ковров» цитат, характерных для эпохи эллинизма. Тогда считалось особо утончённым брать строфы, например из «Илиады», и создавать из них другие произведения. Цитирование достигло колоссаль-

ных размеров, и речь образованного человека состояла, собственно говоря, из изощрённого монтажа отдельных цитат. По сути, последнее — это развитие мифа Пушкина и развитие чеховского миропонимания, его бессмысленной стилизации (177).

В любом случае важно приложить все усилия, чтобы снова не включилась «гоголевская программа» (186). Новая свобода творчества, не сдерживаемая определённой целью, приведёт к новым катастрофам.

175

← Предыдущее, следующее →

175. Примечание к № 169
Атеизм — это отстранение от сверхсознательного. (к цитате)

Конечно, в этом таится и трещина антитеизма.

Наиболее краткое определение атеизма: атеизм — это религия, отрицающая, что она религия (183). Это и есть рафинированная религия дьявола. Бог говорит: «Я есть». Сатана говорит: «Меня нет».

176

← Предыдущее, следующее →

176. Примечание к № 137
Сложная форма поэмы заимствована у Байрона. (к цитате)

Эта форма необычайно подходила Пушкину. Байроновское сатирическое отстранение помогало Пушкину овладеть чужой темой, адаптироваться к ней, органично включить в своё «я» чужеродное начало. ОТСЮДА уже несерьёзность русской литературы, её «недобротность». И ведь всё наследие Пушкина, все сюжеты его заимствованы. Таким образом, персонажность, опереточность уже была заложена в русской литературе.

Ошибка Гоголя и в том, что он воспринял всё слишком серьёзно, превратил русскую литературу в нечто исключительно серьёзное. Был упущен «игровой момент». Гоголь не столько научил, сколько разучил русских смеяться. Необычайно сузил спектр смешного. «И так бывает» превратилось в «бывает только так». Пушкинское «русский может обернуться и Байроном» превратилось в «русский — это Байрон». Но почему же, откуда? Каковы причины? Одинокий страдалец-то отчего? Не из-за того же, что в Англии XIX века развитие личностного начала дошло до степени анархического индивидуализма. И тут пошли в ход «поколения», «судьбы России». Лермонтов воспринял Пушкина через призму только-только зарождающейся «гоголевской школы»:

Нет, я не Байрон, я другой,
Ещё неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.

Какой же Пушкин был «гонимый миром странник»? — Это форма. У Лермонтова — содержание. Почему «гонение», из-за чего? Уже даётся «базис»:

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно…
Меж тем, под бременем познанья и сомненья,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,

Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.

Действительно, англичанин того времени, наследник богатейшей западноевропейской культуры и истории, истории, в которой «Октябрьская революция» была, почитай, лет 200 назад (Кромвель), такой наследник мог считать себя богатым ошибками и поздним умом старших поколений. Но русские-то чем богаты тогда были? Чужими ошибками и чужим умом? Но этим, как известно, не разбогатеешь. История полна примерами, в том числе и история отечественная. В том числе и история XIX века. Но СТИЛЬ НАДО ОПРАВДАТЬ. Поэтому уже «люблю отчизну я, но странною любовью» «под говор пьяных мужичков». Вот и весь мир плох. Произошло заигрывание. Счётчик уже включён, и рано или поздно конец лермонтовской «Думы» сбудется:

И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

Это очень важный момент. Принципиальный. Что же было упущено в Пушкине? — Несерьёзность, игра (182). Отсюда монументальная пошлость последующего развития пушкинской темы в русской культуре (349).

177

← Предыдущее, следующее →

177. Примечание к № 174

развитие чеховского миропонимания, его бессмысленной стилизации (к цитате)

В рассказе Чехова «Гусев» умирает на пароходе солдат. Смерть его бессмысленна, нелепа. Жил, жил человек. Потом умер. Его в тряпку завернули и в воду выбросили. И всё же Чехов зачем-то продолжает говорить. Взгляд испуганно шарит по реальности, пытается найти смысл, слово произошедшему. И находит его в самой инерции взгляда, филологической инерции повествования, начинающей эстетизировать увиденное. Эстетизировать совершенно бессмысленно, невольно. Это безумная, животная стилизация:

«Вахтенный приподнимает конец доски, Гусев сползает с неё, летит вниз головой, потом перевёртывается в воздухе и — бултых! Пена покрывает его, и мгновение кажется он окутанным в кружева, но прошло это мгновение — и он исчезает в волнах».

В волнах русского языка. Теперь его образ будет обрастать бахромой ассоциаций, растворяться, распадаться в безумном эстетизме:

«Он быстро идёт ко дну. Дойдёт ли? До дна, говорят, четыре версты. Пройдя сажен восемь-десять, он начинает идти тише и тише, мерно покачивается, точно раздумывает, и, увлекаемый течением, уже несётся в сторону быстрее, чем вниз (178).

Но вот встречает он на пути стаю рыбок…»

(Далее абзац обыгрывания «рыбок».)

«После этого показывается другое тёмное тело. Это акула. Она важно и нехотя, точно не замечая Гусева, подплывает под него, и он опускается к ней на спину, затем она поворачивается вверх брюхом, нежится в тёплой, прозрачной воде и лениво открывает пасть с двумя рядами зубов. Лоцмана в восторге; они остановились и смотрят, что будет дальше. Поигравши телом, акула нехотя подставляет под него пасть, осторожно касается зубами, и парусина разрывается во всю длину тела, от головы до ног; один колосник выпадает и, испугавши лоцманов, ударивши

акулу по боку, быстро идёт ко дну».

Всё, Гусева нет. Его образ распался на разрывающуюся парусину, тонущий колосник, ленивую акулу и испуганных лоцманов. Канул в языке без следа.

«А наверху в это время, в той стороне, где заходит солнце, скучиваются облака; одно облако похоже на триумфальную арку, другое на льва, третье на ножницы…»

Это безумная заглушечность русского языка, от которой, в сущности, и погиб Чехов (179).

178

← Предыдущее, следующее →

178. Примечание к № 177

«Пройдя сажен восемь-десять, он начинает идти тише и тише, мерно покачивается, точно раздумывает, и, увлекаемый течением, уже несётся в сторону быстрее, чем вниз». (А. Чехов) (к цитате)

Эта сцена развита Набоковым в «Лолите», в сцене филологического убийства и убийства филологией, в сцене пародийной и отвратительной, типично русской «литературной дуэли» (203) между Гумбертом и Куильти. Гумберт настиг похитителя Лолиты, но никак не может его убить из-за зарослей языка, в которых его «я» путается и растворяется (206). Мысли начинают разбегаться, а выстреленная пуля мгновенно обрастает плесенью ассоциаций и бессильно падает на пол.

Лишь иностранцу может показаться, что декадентская ирреальность убийства является следствием ненормальности жертвы, напичканной наркотиками, и ненормальности убийцы — пьяного маньяка. На самом деле с русской точки зрения всё обстоит вполне естественно, так как Гумберт начинает убийство с зачитывания собственных стихов и приговора (письма), то есть вступает со своей жертвой в ДИАЛОГ. Он говорит:

«Куильти, попробуйте сосредоточиться. Через минуту вы умрёте. Загробная жизнь может оказаться, как знать, вечным состоянием мучительнейшего безумия. Вы выкурили вашу последнюю папиросу вчера. Сосредоточьтесь. Постарайтесь понять, что с вами происходит».

(Кстати, тема «постарайтесь понять» присутствует также в «Приглашении на казнь», где палач Пьер расписывает перед своей жертвой прелести земного существования, дабы она смогла убедиться в огромности предстоящей ей потери и, следовательно, в важности и значительности стоящего перед ней лица.)

Но Гумберт нарывается на европейца. А для европейца диалог с собственным убийцей абсурден. Так что «начинает» Гумберт, а Куильти лишь подхватывает. В ответ на реплику Гумберта он начинает жевать папиросы, а потом выступает с пьяными бессмысленно-хитрыми предложениями. Трезвый мир начинает пе-

реворачиваться, трезвый миф оказывается неверным:

«Я сделал новое ужасное усилие, и с нелепо слабым и каким-то детским звуком пистолет выстрелил. Пуля вошла в толстый розоватый ковёр: я обомлел, вообразив почему-то, что она только скатилась туда и может выскочить обратно… Пора, пора было уничтожить его, но я хотел, чтобы он предварительно понял, почему подвергается уничтожению».

Русская идея. Но безоружный Куильти не так глуп и делает страшное для русского предложение:

«Нам бы следовало быть осторожнее. Дайте-ка мне эту вещь (пистолет. — О.)*».*

Сильнейшее искушение. Эта дикая для европейца просьба для русского вполне естественна, так как убиваемый — это собеседник. Хотя Гумберт и отпихнул Куильти, но…

«Я заразился его состоянием. Оружие в моей руке казалось вялым и неуклюжим».

Куильти перехватывает инициативу и бросается на убийцу. Револьвер летит под комод. Европеец предлагает ещё более хитрую и коварную ловушку:

«Дорогой сэр, перестаньте жонглировать жизнью и смертью. Я драматург… Дайте мне взяться за это. В другой комнате есть, кажется, кочерга, позвольте мне её принести, и с её помощью мы добудем ваше имущество».

Усилием воли Гумберт отбрасывает заманчивое предложение, и поединок продолжается. Потом убийца зачитывает жертве стихи и приговор, а жертва их филологически комментирует в тоне «ну-ну, неплохо». Вообще там много разных выходов ещё, но постепенно Гумберт овладевает положением, европеизируется (отметая наивное предложение жертвы «сходить принести очки»), а определённый художественно оформленным приговором Куильти сморщивается и под конец прибегает к позорной русской заглушке. В него стреляют, и он, тяжело раненный, бросается к роялю:

«Он взял несколько уродливо-сильных, в сущности истерических, громовых аккордов (я думаю, что-то вроде „Аппассионаты“. — О.)*: его брыла вздрагивали, его растопыренные руки напряжённо ухали … Следующая моя пуля угодила ему в бок, и он стал подыматься с табурета всё выше и выше…»*

Куильти побежал в спальню и, изрешечённый пулями, полез в постель. Тема: «Уже поздно, ничего не знаю, я хочу спать». А Гумберт в него стрелял сквозь одеяла, «определял».

И всё-таки окровавленный Куильти под конец выполз в коридор «на героине»: де, никаких туберкулёзов не знаю.

179

← Предыдущее, следующее →

179. Примечание к № 177

Это безумная заглушечность русского языка, от которой, в сущности, и погиб Чехов. (к цитате)

Гусев умирает от чахотки.

«Начинает его томить какое-то желание. Пьёт он воду — не то; тянется к круглому окошечку и вдыхает горячий, влажный воздух — не то; старается думать о родной стороне, о морозе — не то… Наконец, ему кажется, что если он ещё хоть одну минуту пробудет в лазарете, то непременно задохнётся.

— Тяжко, братцы… — говорит он. — Я пойду наверх. Сведите меня, ради Христа, наверх!»

Как точно передал здесь 30-летний Чехов своё будущее состояние. В письмах последних лет у него сквозит постоянное ощущение, что его здоровье зависит от погоды, причём фатальным образом. Погода всё время плохая, и он мечется по России и Европе, но она его настигает. И всё время мечта: вот перееду, а там хорошо, и выздоровлю. На одном месте не мог усидеть больше трёх дней. И чем дальше шло обострение болезни, тем больше сужалось пространство. Места начинало не хватать. Он не находил себе места. Всё это сопровождалось эйфорией, безумными надеждами. Если сопоставить все высказывания Чехова о своей болезни, то общий тон такой: «Ничего, ничего, уже лучше. Правда, сегодня опять кровь горлом шла, но это ничего, так, пройдёт. А вообще хорошо, уже практически выздоровел».

Конечно, в подобном настроении Чехова нет ничего особенного. Это типичные симптомы чахотки. Врач Чехова Россолимо писал по этому поводу:

«Туберкулёзные больные крайне оптимистически относятся к своей болезни, то игнорируя симптомы её, то стараясь объяснить явление чем-либо иным, но не туберкулёзом, и нередко накануне смерти считают себя совершенно здоровыми».

Но далее Россолимо выражал своё удивление по поводу типичности и выраженности этих симптомов у Чехова — «образованного врача, крайне чуткого человека, обладавшего способностью глубокого анализа и самоанализа».

Суть дела гораздо глубже. Чехова погубила русская заглушечность, уход от вопросов, отказ от мышления. «Ничего не знаю», «я не я и лошадь не моя».

Антон Павлович писал Суворину накануне болезни:

«Враг, убивающий тело, обыкновенно подкрадывается незаметно, в маске, когда Вы, например, больны чахоткой и Вам кажется, что это не чахотка, а пустяки … Всё исцеляющая природа, убивая нас, в то же время искусно обманывает, как нянька ребёнка, когда уносит его из гостиной спать. Я знаю, что умру от болезни, которой не буду бояться. Отсюда: если я боюсь, то, значит, не умру».

Русские заглушки просто УБИЛИ Чехова. Боязнь фантастики, смерть и запутанность в заглушечном мышлении. Перед началом болезни, уже при явных симптомах, он вдруг начинает курить сигары. Начал кашлять, но не обращал внимания. Потом заболел и боялся лечиться, посмотреть правде в глаза. Не лечил и кровотечение с 24-х лет.

После первого приступа чахотки его обследовал врач Альтшуллер и ужаснулся:

«Я нашёл распространённое поражение обоих лёгких, особенно правого, с явлениями распада лёгочной ткани, следы плевритов, значительно ослабленную сердечную мышцу и отвратительный кишечник, мешавший поддерживать должное питание».

Но и на этой стадии многое можно было ещё поправить. Беда в том, что Чехов отказывался серьёзно лечиться, не мог и не хотел поверить в произошедшее. Альтшуллер вспоминал:

«Он упорно заявлял, что лечиться, заботиться о здоровье — внушает ему отвращение. И ничто не должно было напоминать о болезни, и никто не должен был её замечать … Только с дипломатическими подходами, как будто невзначай или пользуясь случайными поводами, удавалось его послушать и заставить сделать то или иное».

В то же время Чехов понимал всё прекрасно. Это странное, чисто русское состояние раздвоенной обречённости, покорное втягивание во влекущий к смерти оговорочный вихрь. И русский в нём кружится, кружится сорванным листком. Всё уже сказано, смысл жизни потерян.

Тяжелобольной Чехов сказал Василию Немировичу-Данченко:

«— А NN скоро умрёт.

— Почему?

— Самого себя обмануть хочет. Вы всмотритесь: рассказывает

анекдоты, хохочет, а в глазах у него ужас смерти… да, впрочем, что ж… Мы все приговорённые.

— С самого рождения.

— Нет, я про себя… Мы в первую очередь… Вы ещё жить будете, придёте сюда, к морю. Сядете на эту скамью. Какая даль сегодня! … Как жить хочется! … А в ушах загодя — „вечная память“. Иной раз мне кажется, все люди слепы. Видят вдали и по сторонам, а рядом, локоть о локоть, смерть, и её никто не замечает или не хочет заметить … Вон NN, тот себя одурманивает скверными анекдотами, а ведь он, как и я, — видит её, видит!»

В «Гусеве» есть персонаж Павел Иванович. Он всё говорит Гусеву, что тот смертельно болен, что его использовали, а теперь выбросят. Но сам Павел Иванович тоже чахоточный и умирает за день до Гусева.

Перед смертью Павел Иванович говорит:

«Как сравнишь себя с вами, жалко мне вас… бедняг. Лёгкие у меня здоровые, а кашель это желудочный… Я могу перенести ад, не то что Красное море! К тому же, я отношусь критически и к болезни своей, и к лекарствам».

180

← Предыдущее, следующее →

180. Примечание к № 152
«От него в этом возрасте всего ожидать можно». (к цитате)

Отец потом меня доводил. Скажем, по телевизору оперетту какую-нибудь показывают, а он: «Ну-ка, иди сюда. Смотри, девочки какие, ты же любишь». И за руку к себе в комнату шутливо тянет. Я, пунцово-красный, упираюсь. Когда гости были, он комментировал вполголоса: «Стесняется».

Всё это было не так уж часто, но повторялось и вызывало ощущение опустошающего унижения. Возможно, таким образом отец хотел начать моё сексуальное воспитание. Но переход от полной асексуальности был нелеп, и получалось ещё хуже.

181

← Предыдущее, следующее →

181. Примечание к с. 26 «Бесконечного тупика»
Розанов внутренне глубоко един. (к цитате)

Он сказал:

«Есть ПОСЛЕДСТВИЯ, а ЦЕЛЕЙ нет … Но откуда КРАСОТА и СМЫСЛ мира, отчего мир НЕ СУМАСШЕДШИЙ, отчего нельзя сказать (даже филологически „язык не гнётся“): мир как С УМА СОШЁЛ: точно горох, который кто-то бросил (сумма причин), но никто не собрал (цели). Нет, мир — СОБРАН, собран — в СИСТЕМУ, и от этого одного о нём возможны наука, философия, предвидение, как возможно от этого же и ЛЮБОВАНИЕ им».

Мир Розанова тоже не безумен, тоже собран, тоже система.

182

← Предыдущее, следующее →

182. Примечание к № 176

Что же было упущено в Пушкине? — Несерьёзность, игра. (к цитате)

Пушкин лёгок. Разве можно сказать о лёгком, шаловливом Достоевском, Толстом, Гоголе. Пожалуй, лишь у Чехова иногда мелькало что-то. Некоторые письма его легки и смешны (202):

«Это не магазины, а сплошное головокружение, мечта! Одних галстуков в окнах миллиарды! … Ужасно дёшевы, так что их даже я, пожалуй, начну есть…»

Не отсюда ли пошлость и чеховской темы?.. (204)

Ещё Набоков лёгок. Сложно лёгок.

183

← Предыдущее, следующее →

183. Примечание к № 175

атеизм — это религия, отрицающая, что она религия (к цитате)

Для атеиста первые люди на земле были атеистами. Но первые атеисты изначально делились на простаков и на хитреньких. Хитренькие атеисты выдумали религию для дураков, чтобы жить за их счёт. Соответственно, для экономического атеизма, как частного случая, первые люди были марксистами, и умные марксисты заставили работать марксистов глупых (214). Которые, впрочем, и не были вполне марксистами, «не знали законов». Отсюда известная мораль, известная политическая практика. Маркса упрекали, что в «Капитале» нет личности капиталиста. Почему же нет, отвечали наиболее рьяные последователи, — есть, но в скрытом виде. Конечно, есть, так как в мире, может быть, и существовал только один капиталист — сам автор «Капитала». Это именно взгляд на мироздание директора ситценабивной фабрики, причём директора абстрактного, литературно упрощённого до филологической функции. Пожалуй, это даже не директор, а сошедший с ума приказчик, как раз и сошедший с ума на почве страстного желания стать директором. Директорский пост для него не конкретная деятельность, а вечная идея, мечта, шинель.

184

← Предыдущее, следующее →

184. Примечание к № 119

И вот уже мичман Раскольников топит в Чёрном море российский флот. (к цитате)

Как известно, настоящая фамилия Раскольникова — Ильин. Весьма показательно, что в 20-х годах этот прирождённый авантюрист пописывал статейки о Достоевском.

185

← Предыдущее, следующее →

185. Примечание к № 137
Хлестаков — это карикатура на Пушкина (к цитате)

Даже фамилии сходны. Пушкин-Пушинкин, что-то среднее между Хлестаковым-Прутиковым (впоследствии Прутковым) и Тряпичкиным (189). Это всё какие-то ерундовые фамилии.

Но Хлестаков тем не менее творец. «30 тысяч курьеров» — они есть, незримо присутствуют на сцене. Ерунда, фат, хлюст, но породил такую фантасмагорию. И всё сбылось. Ему верили. Он сам не понимал, что творил миф, что его слова прорастали слишком всерьёз. Это и сама история «Ревизора», пьесы, которой так же поверили.

Даже такая ерунда, как Хлестаков, способен к абсолютному творчеству, способен к созданию мирового поля мифа. «Что я вру всё». Слова так и льются. Откуда что берётся. Абсолютно творческая нация. Где даже полная бездарность — «созидает».

186

← Предыдущее, следующее →

186. Примечание к № 174

В любом случае важно приложить все усилия, чтобы снова не включилась «гоголевская программа». (к цитате)

Возможно, необходим некий Орден Глумливой Адаптации, гасящий чрезмерное развитие личностного начала. Русская личность неизбежно должна существовать, но пускай это будет немножко понарошку.

187

← Предыдущее, следующее →

187. Примечание к № 160
«Я от бабушки ушёл и от дедушки ушёл». (к цитате)

Розанов писал:

«От всего ушёл и никуда не пришёл».

И ещё:

«Я так мало замешан, „соучаствую миру“. Точно откатился куда-то в сторону и закатился в канавку. И из неё смотрю — только с любопытством, но не с „хочу“».

И всё-таки у данного колобка — дом, семья, наконец, призвание. Как-то удалось. Моя же сказка, кажется, быстрая. Только выкатился, и сразу лиса «ам» и съела. Собственно, никакой сказки и нет. Первая ошибка оказалась последней. Меня потратили, «сварили суп» (199). Полный «марксизм».

188

← Предыдущее, следующее →

188. Примечание к с. 27 «Бесконечного тупика»

Розанов как-то постоянно промахивается, перегибает палку, но сами эти промахи удивительно точны (к цитате)

Излюбленный логиками приём:

— «Мысль изречённая есть ложь». Ладно. Но тогда и это изречение тоже ложно?

На это можно ответить и так:

— Ложна изречённая мысль, но не мысли. Вязь мыслей нейтрализует их ложность. В контексте стихотворения Тютчева его изречение истинно. Это острие истины, суть стихотворения, его жало.

Отдельные предложения, фразы, мысли могут быть не просто ложны, а вообще мнимы. Но часто добавление мнимых величин в математическую формулу делает её истинной, работоспособной, живой.

189

← Предыдущее, следующее →

189. Примечание к № 185

Пушкин-Пушинкин, что-то среднее между Хлестаковым-Прутиковым … и Тряпичкиным. (к цитате)

Или возьмём героя «Записок сумасшедшего» — Поприщина. Поприщин — это Батюшков (212). Нечто неуловимо схожее в этих шипящих фамилиях. Батюшков писал Гнедичу:

«Отгадайте, на что я начинаю сердиться? На что? На русский язык и на наших писателей, которые с ним немилосердно поступают. И язык-то по себе плоховат, грубенёк, пахнет татарщиной. Что за „ы“? Что за „щ“, что за „ш“, „ший“, „щий“, „при“, „тры“? О варвары!»

Это высказывание Батюшкова было хорошо известно, и что сделал Гоголь? Дал вариацию фонетической темы «батюшков», составив её из этих татарских «при»-«щий».

Это может показаться натяжкой, но вспомним, что бедный Батюшков сошёл с ума, и сохранился рассказ врача Дитриха о том, как везли тяжелобольного поэта в Россию. Батюшков смотрел на небо и повторял на итальянском:

«Родина Данте, родина Ариосто, родина Тассо, дорогая моя родина, я ведь тоже художник».

А потом попросил остановить экипаж, бросился на траву и долго и горько рыдал: «Маменька! Маменька!»

«Вон небо клубится передо мною … с одной стороны море, с другой Италия; вон и русские избы виднеют … Матушка, спаси твоего бедного сына … Матушка! пожалей о своём больном дитятке».

190

← Предыдущее, следующее →

190. Примечание к № 147

алкаш подумал, что умирает. И стал зачем-то из карманов сигареты вытряхивать (к цитате)

Когда отца парализовало, он стал дома негнущимися пальцами на стол выкладывать смятые рубли, трёшки и карточки спортлото. У отца была мечта: выиграть в спортлото 10000. Все стены в квартире были завешаны графиками и таблицами — сотни, тысячи разноцветных цифр. В спортлото это я «не верил», но занятия отца считал серьёзными. Ещё был доволен, что отец из-за этого пьёт меньше. Сидит всю ночь напролёт, курит, роется в толстых тетрадях, что-то подсчитывает, чертит по линейке. Сейчас, насколько я могу судить, система отца представляется мне добротной крепкой астрологией. У него было несколько астрологических таблиц, в пересечении которых и таились заветные числа. Замах был широкий — от использования (уж не знаю какого) методов математической логики (он читал книги по теории множеств), до создания некоторой филологической сетки для уловления цифровых ритмов. Для этого он буквенные обозначения цифр складывал в слова и пытался составить из них осмысленные двустишия. Помню одно, у него в тетрадке прочёл:

Люблю икру разную,
Чёрную да красную.

Я хохотал, отец тоже смеялся. А когда лежал в больнице, мать ему носила икру и говорила: «Ну, вот тебе разная, чёрная да красная».

Каждый тираж отец покупал две карточки и говорил:

— Это я только так, балуюсь. Мне пока материал собрать надо. Вот когда я СЕРЬЁЗНО начну играть… А так это пока прикидка (423). У меня всё на самоокупаемости. Сколько выигрываю, столько трачу. А есть люди — по 500 карточек покупают.

Отец выигрывал то 3, то 4 номера, но подозреваю, что он их просто перекупал с рук у кассы для «реноме».

Уже больной, он подвёл итог. По самому умеренному раскладу за последние 10 лет он эти мистические 10000 и пропил.

Розанов всю жизнь отца моего гранитной глыбой придавил:

«В России вся собственность выросла из „выпросил“, или „подарил“, или кого-нибудь „обобрал“. ТРУДА собственности очень мало. И от этого она не крепка и не уважается».

Отменно! И другой поворот вологодского гения. Он писал о своём несчастном детстве:

«Огород большой. Парники… Отчего бы не жить… И развалилось всё. В проклятиях. Отчаянии. Отчего? Не было гармонии. Где? В ДОМЕ. Так „в доме“, а не — „в обществе“, до которого ни нам не дотянуться, ни ему до нас не дотянуться. Как же вы меня убедите в правоте Лассаля и Маркса? И кто нас „притеснял“? Да мы были свободны, как галки в поле…»

Как ни посмотрю на прошлую жизнь — действительно, отчего бы и не жить? Отец и мать зарабатывали по советским меркам неплохо, отец мог ещё подзарабатывать чертёжником. Денег бы хватило. И машину бы купили, ездили к морю. И участок дачный у нас был. Мы бы могли там домик отстроить и отдыхать. Всё было бы хорошо хотя бы на таком материальном уровне. И отец мог бы жить и вот сейчас читать всё это через моё плечо. Я как подумаю об этом — всё внутри сжимается от боли.

Но ведь и я сам такой же, так же транжирю жизнь. Сижу по ночам и составляю гороскопы. А жизнь проходит, проходит. Проходит нелепо, дурашливо. «Это я только так, балуюсь. Вот потом я начну серьёзно». А когда «потом»?

191

← Предыдущее, следующее →

191. Примечание к № 164

Только я подшил в своё дело первый лист, как его вырвали и выбросили в корзину для бумаг. (к цитате)

Сопоставить мой «рисунок» с Гумбертом в «Лолите». Там любовь, страсть, «нимфетка», лежащая на золотистом песке (с чего началось гумбертовское отклонение от нормы). Здесь — какое-то гнусное канцелярское происшествие. С «документом» и «дознанием». И ведь если было бы хоть что-нибудь (193). Если бы я, например, целовался тогда с соседской девочкой или достал порнографические открытки (а то и чего похлеще). Ведь, в сущности, это же ничего. Это даже НЕИНТЕРЕСНО. И я бы никогда не поверил, не приключись это со мной, что столь малозначительное событие может привести к столь разрушительным последствиям. Тут дело не только в удивительно точно подобранном времени, но и в талантливом исполнении. Если бы не талант отца унижать…

В детстве я всё просил отца сводить меня в кино. А он говорил — что бы вы думали? Махал рукой: «Да будет это у тебя ещё в жизни, будет. Насмотришься!» Я и замолкал, не зная, что ответить. Так и не посмотрел многие фильмы. А сейчас уже неинтересно — старые, детские. Тогда не посмотрел, а теперь поезд ушёл. И любовь. Молодость прошла. А отец всё выходит из кухни и машет рукой: «Да будет это ещё, будет!» Эта интонация и жест у меня остались точно такие же. И, кажется, отец подходит ко мне в последний раз, хочет обнять трясущимися руками, а я отталкиваю его и машу: «Да ладно, пап, будет это ещё, будет. Напрощаешься».

192

← Предыдущее, следующее →

192. Примечание к № 152
Нормального дерева уже не получится. (к цитате)

Судьба нахлобучила на меня немецкую раковину (207). Реальность и возиться со мной не стала, а просто аккуратно вырезала часть моего «я», так что мне потом потребовалось «из себя» реконструировать «любовь». Отсюда её головной, рационалистический характер. Немецкий характер. Сентиментальность и т. д.

Вообще, почему русские всё время притворяются какими-то нациями (210)? Англичанами, французами, немцами, даже татарами и китайцами? — Сам по себе русский в детстве — это такое облачко нервов. Из реальности колют булавкой, и оно кричит. Всё зависит от времени — в какое время уколют. Форма кристаллизации зависит от времени, идёт оттуда, из этого именно периода. Оттуда идёт определение, охрящевение. Неопределённое «я» определяется извне. Определение начинается с несвободы. Рано или поздно это должно было произойти, так что сам факт был фатален, и отец, следовательно, не причина. По крайней мере, не меньшая причина во мне самом. Я был предрасположен к внешнему определению. И безропотно пошёл на него. Так что можно сказать, что я сам нашёл себе ракушку с немецким закруглением. Показалась она почему-то наиболее удобной для моего случая.

193

← Предыдущее, следующее →

193. Примечание к № 191
И ведь если было бы хоть что-нибудь. (к цитате)

«Вишнёвый сад» очень нежное произведение (196), так что его ни в коем случае не следует ставить на сцене. Реальная постановка неизбежно вытянет предсмертную вязь чеховской мысли в нечто протяжённое во времени, длящееся, имеющее начало и развязку, существующее.

Но если всё-таки играть «Вишнёвый сад», то вытягивать сюжет следует, конечно, не в сторону социальной трагедии, драмы или фарса, так как сословия в пьесе воспринимаются героями вполне по-русски — они «играются». И чем выше уровень развития героя, тем отчётливее он играет купца, помещика или студента. И, следовательно, тем несерьёзнее его социальная роль. По-моему, наиболее благородный вариант постановки этой пьесы — это акцентировка действия на взаимоотношениях между Лопахиным и Варей. Социальный факт выхода замуж Вари за Лопахина из-за денег даже не пародируется их реальным поведением — это слишком грубо, — а просто сводится к чему-то тысячестепенному. Суть же заключается в том, что эти люди любят друг друга, но никак не могут внутренне встретиться, продраться сквозь постоянно возникающую ситуационную безлепицу. Варя стесняется и боится, а Лопахин, умный и тонкий человек, не знает, как ухаживать за девушкой, у него, человека, вышедшего из другого социального слоя, нет соответствующей культуры заигрывания (197).

Всего Лопахин встречается с Варей 4 раза.

В первом действии он заглядывает в комнату, где Варя, плача, говорит с Аней Раневской, и мычит: ме-е-е… Это отчаянная попытка обратить на себя внимание. Варя сквозь слёзы грозит скрывшемуся Лопахину кулаком: «Вот так бы и дала ему…» Но гнев вовсе не из-за того, что… а просто:

«Я так думаю, ничего у нас не выйдет. У него дела много, ему не до меня… и внимания не обращает. Бог с ним совсем, тяжело мне его видеть… Все говорят о нашей свадьбе, все поздравляют, а на самом деле ничего нет, всё как сон…»

Мать Ани всё старается помочь сближению, и во втором действии, после нелепой истории с пьяным попрошайкой, вдруг как-то немотивированно говорит:

«А тут, Варя, мы тебя совсем просватали, поздравляю.

Варя (сквозь слёзы) (расстроенная, что Любовь Андреевна отдала прохожему ни с того ни с сего последние деньги. — О.)*: Этим, мама, шутить нельзя.*

Лопахин: Охмелия, иди в монастырь…

Гаев: А у меня дрожат руки: давно не играл на бильярде.

Лопахин: Охмелия, о нимфа, помяни меня в твоих молитвах.

Любовь Андреевна: Идёмте, господа. Скоро ужинать».

Вот и всё.

Потом Варя говорит Раневской:

«Я смотрю на это дело серьёзно, мамочка, надо прямо говорить. Он хороший человек, мне нравится.

Любовь Андреевна: И выходи. Что же ждать, я не понимаю!

Варя: Мамочка, не могу же я сама делать ему предложение. Вот уже два года все мне говорят про него, все говорят, а он или молчит, или шутит. Я понимаю. Он богатеет, занят делом, ему не до меня».

В третьем действии Варя случайно ударяет суженого палкой по голове. Нелепость двойная, так как нелепый случай не стал предлогом, а тоже окончился ничем.

Наконец, в четвёртом действии Раневская предпринимает решительные действия. Она прямо говорит Лопахину, что мечтает выдать за него свою приёмную дочь и что Варя тоже любит его:

«Она вас любит, вам она по душе, и не знаю, не знаю, почему это вы точно сторонитесь друг друга. Не понимаю!

Лопахин: Я сам тоже не понимаю, признаться. Как-то странно всё…»

Раневская зовёт Варю для решительного разговора, а сама уходит. Последующая сцена, как мне кажется, и является подлинной кульминацией пьесы:

«(За дверью сдержанный смех, шёпот, наконец входит Варя.)

Варя (долго осматривая вещи): Странно, никак не найду…

Лопахин: Что вы ищете?

Варя: Сама уложила и не помню. (Пауза.)

Лопахин: Вы куда же теперь, Варвара Михайловна?

Варя: Я? К Рагулиным… Договорилась к ним смотреть за хозяйством… в экономки, что ли.

Лопахин: Это в Яшнево? Вёрст семьдесят будет. (Пауза.) Вот

и кончилась жизнь в этом доме…

Варя (оглядывая вещи): Где же это… Или, может, я в сундук уложила… Да, жизнь в этом доме кончилась… больше уже не будет.

Лопахин: А я в Харьков (для Чехова ещё по «Скучной истории» символический город неудачи и краха. — О.) *уезжаю сейчас… вот с этим поездом. Дела много. А тут во дворе оставляю Епиходова… Я его нанял.*

Варя: Что ж!

Лопахин: В прошлом году об эту пору уже снег шёл, если припомните, а теперь тихо, солнечно. Только что вот холодно… Градуса три мороза. («Вот вам и зима наступила. Пора печи топить… «— О.)

Варя: Я не поглядела. (Пауза.) Да и разбит у нас градусник…

(Пауза. Голос в дверь со двора: „Ермолай Алексеевич!..“)

Лопахин (точно давно ждал этого зова): Сию минуту! (Быстро уходит.)

(Варя, сидя на полу, положив голову на узел с платьем, тихо рыдает.)»

Вот и всё. Конец. Нет, ещё последняя, четвёртая встреча:

«Варя (выдёргивает из узла зонтик, похоже, как будто она замахнулась; Лопахин делает вид, что испугался): Что вы, что вы… Я и не думала».

И жизнь пропала. Из-за чего? Варя, 24-летняя девушка, вместо того чтобы стать заботливой любящей женой, пойдёт к чужим людям работать экономкой. А оттуда, скорее всего, в монастырь, как она сама говорит.

Гаев и прочие «симпатичные белоручки» лишь роятся вокруг этой центральной ситуации, лишь подчёркивают собственной нелепостью нелепость основную. Из-за этой же нелепости, какой-то фатальной несправедливости Лопахин упирает на своё социальное происхождение: «я хам», «отец в лаптях ходил». Просто он прячется за это. Да и чувство любви, не находя выхода, истекает злобой. Он из-за Вари и сад этот дурацкий купил. Тоже «ме-е-е» своего рода.

И конец пьесы: стук топора. Символ того, как русские САМИ СЕБЕ испортили жизнь.

194

← Предыдущее, следующее →

194. Примечание к № 116

«…казаки тащат молоденького офицера на виселицу … и говорят: „Не бось, не бось“ … И комично, и прелестно». (Ф. Достоевский) (к цитате)

Циолковский, как вертлявый бесёнок-меньшевик из киноленинианы, постоянно в своих «трудах» верещит: «Безболезненно, безболезненно». По его мысли, верховные гомункулусы-солярии будут уничтожать целые планеты с «неправильным» населением, а на месте выкорчеванной «картошки» сажать культурные ананасы. И везде к словам «устранение», «уничтожение», «выкорчёвка» добавляется «безболезненное».

«И комично, и прелестно».

195

← Предыдущее, следующее →

195. Примечание к № 152

У отца была звериная потребность проникнуть в душу чужого человека и разворошить её, разломать. (к цитате)

Чехов писал:

«У животных постоянное стремление раскрыть тайну (найти гнездо), отсюда у людей уважение к чужой тайне, как борьба с животным инстинктом!»

И ещё:

«Каждое личное существование держится на тайне и, быть может, отчасти поэтому культурный человек так нервно хлопочет о том, чтобы уважалась личная тайна».

Отец был неудачником. Неудавшейся личностью. И поэтому постоянно ворошил чужие муравейники, коверкал чужие миры. Для него удавшихся личностей, может быть, и не существовало вовсе. И главная жертва — я. Но отец был всё же неудавшейся ЛИЧНОСТЬЮ. И прекрасно понимал, что такое личностное начало. И во мне, своём сыне, всячески его развивал. Уничтожал и развивал. Играл. Как кошка с мышью играл со мной отец. Он ушёл, а я, его гениальная шутка, остался. И зачем-то живу.

196

← Предыдущее, следующее →

196. Примечание к № 193

«Вишнёвый сад» очень нежное произведение, так что его ни в коем случае не следует ставить на сцене. (к цитате)

Театр — это огрубление смысла. Не рисунок — чертёж, схема. Время прочтения навязывается извне, возникает ощущение длительности. Длительность же разрушает соотнесённость. Ещё хуже — кино, где вдобавок отсутствует хотя бы опосредованное включение в действие. Действие окончательно переходит в изображение, причём изображение, бесконечно девальвированное своей многократностью. Если в статичной картине возможна соотнесённость, продуманность композиции, то в фильме речь идёт, в лучшем случае, об элементарной стилизации. Уровень восприятия катастрофически понижается. Кино не трогает, оно слишком далеко, как это ни парадоксально — слишком слабо, блекло. Естественная реакция на это — перенасыщенность фильмов ужасами и порнографией. Тонкий, «символический» кинематограф невозможен, как невозможен диалог на расстоянии 20-ти метров. Возможна краткая информация и обмен эмоциями, причём эмоциями максимально примитивными.

Впрочем, достижим некоторый баланс, то есть чередование похабщины и философии. Чем и занимаются «великие кинорежиссёры». Конечно, это напоминает исполнение симфонии на барабане: кино — грубый вид искусства. Очень грубый. Чем грубее кино, тем оно глубже проникает в сознание. Грубость всегда удачна в кино. Разве можно сопоставить по воздействию порнографический роман с порнофильмом. Но чем тоньше, чем выше, тем бессильнее становится кинематограф. Возможен паллиатив — смешение низменного с возвышенным. Но это непоправимо нарушает Меру. А мера в искусстве — главное.

197

← Предыдущее, следующее →

197. Примечание к **№ 193**

у него, человека, вышедшего из другого социального слоя, нет соответствующей культуры заигрывания (к цитате)

Цель романа. Действительная, реальная цель. Утилитарная. Цель, поскольку она вообще может быть у художественного произведения. — Учить ухаживанию образованные классы, создавать культуру ухаживания. «Евгений Онегин» в миллион раз ПОЛЕЗНЕЕ, в самом УТИЛИТАРНОМ смысле, именно потому, что там Пушкин писал о «дамских ножках». Это и есть цель романа. «То, для чего он нужен». Зачем и должны читать (и читали) Пушкина, Лермонтова, Тургенева 99/100 юношей и девушек. Чернышевский, Добролюбов и Писарев должны были бы читать «Онегина» с карандашом в руке. Именно для них «Онегин» должен был быть откровением, счастливо изменившим всю их жизнь, такую корявую и нескладную. А они своего, в сущности, СПАСИТЕЛЯ высмеяли.

198

← Предыдущее, следующее →

198. Примечание к № 165
Набоков — это завершение Достоевского. (к цитате)

Творческий замысел Набокова всегда насилие, эксперимент над миром, овладение им. Это характерно и для Достоевского, но у него больше субъективного. Его мир МОЛОЖЕ, он ещё недостаточно сотворён. А у Набокова — завершение русского слова, седьмой день творения. Неслучайно он воскликнул:

«Библия ошибается! Мир был сотворён в седьмой день, в минуту отдохновения!»

Если материализм в произведениях Достоевского носит идеологический характер (стрижка ногтей Верховенским, например), то у Набокова — онтологический. Чердынцев с наслаждением стрижёт ногти на ногах, и они, весело щёлкая, разлетаются по ванной комнате. Это завершение мира, делание его целиком, «с ногтями». Если выдуманный Набоковым оппонент порицает Чердынцева за то, что тот якобы выложил портрет Чернышевского из обрезков ногтей, то сам этот критик и является таким обрезком, созданным автором для круглости, для полноты.

Розанов в пику Платону (и, собственно, вслед за Башмачкиным) считал, что должна быть и вечная идея волоса. Конечно, для писателя на волосе-то все и держится. Если в стихах истина — это рифма и ритм, то в прозе — материя, «выделка».

Отсюда вытекает враждебность творчества вообще и прежде всего художественной литературы (и прежде всего прозы) — религии. Прозаик сам — Бог. Он создаёт материю из ничего.

Но из-за этого и внутренняя близость религии. И эта близость сказывается в актуализации темы добра и зла. Писатель, как и верующий, не может освободиться от постоянной соотнесённости с этими категориями. Собственно, писатель — это Бог. И Набоков, наиболее совершенный русский писатель, законченный писатель, уже окончательно и вполне онтологически выступает для своих персонажей Богом. Но каким Богом? И Богом ли? Может быть, для своего мира, для своих книг — это Дьявол?

199

← Предыдущее, следующее →

199. Примечание к № 187

Меня потратили, «сварили суп». (к цитате)

Кто виноват? — Я.

Солнцепёк. Мыслям тяжело. А объективно что же произошло? — Просто температура мозга увеличилась на 2 градуса. Напекло голову. Но мозг сам по себе этого не видит. У него нет же глаз. А со стороны скажут: «Надень шапку». Я даже не пойму, о чём это.

Только косвенно, вторым зрением немного догадываюсь. Мне дана жизнь. ЖИЗНЬ. Время — деньги. Я на своё время накупил дешёвых пряников и глиняных свистулек. И вот жизнь проходит. Я её проел на никчёмных пряниках, да и пряники-то не ел, а так, для души покупал — красивые. А платил за это, расплачивался годами убитой, проданной жизни.

Что мне теперь — пудовый пряник-тупик в гроб класть себе? Дур-рак! Какой же я дур-рак! Нет, не знаю. Только догадываюсь (по судьбе отца, например). Если бы точно знал, сошёл бы с ума.

200

← Предыдущее, следующее →

200. Примечание к № 85

«Чужие должны доказывать друг другу всякую истину». (Н. Бердяев) (к цитате)

Разве? Разве чужие обязательно враги, обязательно держат камень за пазухой? Это русская мысль. Отсюда особенности русского рационализма.

Русский трезвый ум, русский учёный — это прежде всего невыносимейшее начётничество и догматизм. Славянский ум сводится к рассудку. У немцев рассудочность очень обаятельна, сентиментальна, культурна. Для немца само мышление трагично. Это послушание, отказ от плотских радостей, бессонные ночи, юношеский порыв, любовь к учителю (первый монолог Сальери).

Конечно, Гегель догматик, но догматик красивый и человечный. Это кажется для русского оговоркой, но я повторяю: красивый и человечный догматик.

Или возьмём психоанализ. Фанатик психоанализа своим догматизмом людей лечит.

И английский, и даже французский догматик тоже нечто широкое и по сути вовсе не догматичное. Но русский… Русский психоаналитик. Бр-р-р! Да он здорового с ума сведёт. «Выучишь от сих до сих» и «я тебе добра хочу».

Для западного человека форма это форма, но форма не злорадная. Форма, не злящаяся на то, что она форма, а не содержание. А русский:

— Ага, у них справки. Значит, карманы зашивай, а то кошелёк свистнут. У меня же нет справки на кошелёк.

Он пришёл получить выписку из ЖЭКа, а там уже не люди. Если нет справки, что он пошёл в ЖЭК, они его там в ЖЭКе убьют и съедят. А чего, кто докажет?! И русский начинает «доказывать». Карандаш на верёвку, кружку на цепь.

Русский химик или физик, русский экономист, русский юрист, русский историк (не историософ, а фактограф) это, как правило, нечто невыносимое. Еврей-учёный — какая весёлость, ироничность, лёгкость, свобода. И чем «учёнее», чем позитивнее и техничнее, тем легче, лучше. А русский — зуда. И зудит, зудит, зу-

дит. Тупость чудовищная. Утилитарный абстрактный ум. Грубый, славянский. Извилин мало, зато кора толстая. Русский экстраверт — вещь тяжёлая, тяжёленькая. И главное, всё тянет туда. Это не расовая аномалия, а некоторый русский тип, тип, очень часто встречающийся.

Конечно, тип догматика груб всегда. Но западный тип получил удивительное религиозное смягчение. Ведь западная наука возникла из богословия. Русская наука с самого начала развивается как нечто диаметрально противоположное. То есть, прежде всего, как нечто некрасивое. Русский учёный безобразен. И где вы видели в русской литературе образ учёного? Ну-ка, поищите. В Серебряном веке разве, в чертовщине стилизаций Белого. Нет, следовательно, самого НАЦИОНАЛЬНОГО ТИПА учёного. И существование русского в науке возможно только за счёт серьёзного обеднения личности.

201

← Предыдущее, следующее →

201. Примечание к с. 27 «Бесконечного тупика»

Изнутри же Розанова хорошо не видится, а утробно чувствуется русская жизнь. Россию чувствуешь, как своё тело. (к цитате)

Мне очень нравится следующая аллегория Владимира Соловьёва в «Критике отвлечённых начал»:

«Мы вообще познаём предмет или имеем общение с предметом двумя способами: извне, со стороны нашей феноменальной отдельности, — знание относительное, в двух своих видах, как эмпирическое и рациональное, и изнутри, со стороны нашего абсолютного существа, внутренне связанного с существом познаваемого, — знание безусловное, мистическое. Это двоякое знание или двоякая связь наша с предметами может быть пояснена следующим сравнением. Ветви одного и того же дерева разнообразно скрещиваются и переплетаются между собою, причём эти ветви и листья на них различным образом соприкасаются друг с другом своими поверхностями, — таково внешнее или относительное знание, но те же самые листья и ветви помимо этого внешнего отношения связаны ещё между собою внутренне посредством своего общего ствола и корня, из которого они все одинаково получают свои жизненные соки, — таково знание мистическое, или вера».

Выявление внутреннего единства личности и мира возможно, и достигается за счёт явленности внешней разветвлённости. Субъект, которому является таким образом расчленённая внешность, вынужден её внутренне достраивать (211). А форма этой достройки является в значительной степени аналогией внутреннего мира являющейся ему личности. Через дробность постигается внутреннее мистическое единство другого мира. И наоборот, попытка последовательного и соразмерного раскрытия лишь разрушает восприятие со стороны другого «я». Что и произошло в случае самого Соловьёва.

202

← Предыдущее, следующее →

202. Примечание к № 182
некоторые письма его легки и смешны (о Чехове) (к цитате)

Впрочем, самое лёгкое письмо Чехов не написал, а получил. В мае 1900 года от князя Урусова:

«Я по болезни никуда не могу выходить, сижу дома, но не развожу нюней и думаю себе — ну Ваганьково, так Ваганьково (209). Врачи, однако, утверждают, что нет непосредственной опасности для жизни. И в самом деле, затяжное воспаление по соседству с головным мозгом — что тут опасного».

Письмо это Чехов получил уже с того света.

203

← Предыдущее, следующее →

203. Примечание к № 178

в сцене пародийной и отвратительной, типично русской «литературной дуэли» (к цитате)

Несомненно, что русская литература всё-таки началась с реализма. Первым реалистом был Пушкин. Но в результате — запутался, превратился в порождённого им Онегина и в реальности убит Ленским. Первое чувство на снегу — удивление: «Как же так? Онегин убит?! Пустите меня!»

Далее Лермонтов. Опять романная дуэль и альтер эго писателя — Печорин — наповал убивает своего противника. И снова реальность, не тратя время на нравоучения, бьёт без промаха, в грудь.

После этого простых, «реальных», дуэлей в литературе уже не встретить. От самой темы, столь привлекательной (диалог-расправа), отказаться было невозможно, но и у Тургенева, и у Толстого, Достоевского, Чехова и дальше, мельче (Куприн и др.) — дуэль уже всегда оговорочна, пародийна. По крайней мере — неудачна. Соответственно, в реальности у всех писателей (кроме осторожного Чехова) дуэли, но дуэли, так почему-то и не состоявшиеся (213), как-то рассосавшиеся или расстроившиеся.

В «Двойнике» у Достоевского Голядкин вызывает своего двойника (то есть литературного персонажа в известном смысле) на дуэль (221), но затем превращает вызов в нечто совсем иное, сюрреальное:

«Дайте мне это письмо, чтоб разорвать его, в ваших же глазах … или если уж этого никак невозможно, то умоляю вас читать его наоборот, — совсем наоборот, то есть нарочно с намерением дружеским, давая обратный смысл всем словам письма моего».

204

← Предыдущее, следующее →

204. Примечание к № 182
пошлость и чеховской темы (к цитате)

Чехов сам ещё в молодости ощущал удивительную пошлость происходящего с ним. Писал:

«Как ни стараюсь быть серьёзным, но ничего у меня не выходит, и вечно у меня серьёзное чередуется с пошлым. Должно быть, планида моя такая…»

205

← Предыдущее, следующее →

205. Примечание к № 91

Григорьев — это пьяный русский следователь (к цитате)

Итак, либо пьяное застолье, либо допрос, либо вообще их жуткое наложение. А возможен ли вообще нормальный диалог по-русски? Вот для меня? Да, но как очень тонкое глумление над собеседником и самим собой (290). Этого не заметят даже, а мне надо щипнуть, чтобы увидеть, что он живой. Тогда мысль полетит. Надо в доме повешенного заговорить о верёвке. Даже не собственно о верёвке (тогда всё моментально дешифруется и собеседник замкнётся), а около верёвки, по поводу верёвки. Русский собеседник это глумление чувствует инстинктивно и начинает незаметно для себя потихоньку оправдываться. Ему так сразу уютно становится, понятно. Как на допросе, но без негативной ауры. Словно острая приправа, пробуждающая аппетит. Иногда русский даже догадывается, — в известных моментах, — но не верит: «не может же он». И правильно делает, ведь и со стороны глумящегося это не вполне осознанно — просто мысли надо за что-то зацепиться.

Вот и эта книга такое глумление. Сама её форма — издевательство над читателем.

С евреями, сколько я ни общался, всегда удивительная слепота. Либо они совсем не чувствуют, что над ними издеваются, либо понимают, но грубо, прямолинейно. Мне вообще часто хочется им сказать: «Вы вот: „мы, русские“, „у нас в России“. Какие же вы русские, в вас русского ничего нет».

Я так и говорю.

Но не прямо.

И они не понимают.

206

← Предыдущее, следующее →

206. Примечание к № 178

Гумберт настиг похитителя Лолиты, но никак не может его убить из-за зарослей языка, в которых его «я» путается и растворяется. (к цитате)

Погоня Гумберта за похитителем превращается в филологическую охоту. Он пытается установить маршрут беглецов путём разгадывания анаграмм и ребусов, оставляемых Куильти в гостиничных книгах придорожных отелей. Драматург-похититель превращается в язык, в драму русского языка. Нерусскость ситуации лишь в том, что Гумберт борется и даже побеждает, правда, ценой собственной жизни. Это, конечно, западный тон. «Камера» здесь более русская.

207

← Предыдущее, следующее →

207. Примечание к № 192
Судьба нахлобучила на меня немецкую раковину. (к цитате)

Бердяев писал:

«Немец — не догматик и не скептик, он критицист. Он начинает с того, что отвергает мир, не принимает извне, объективно данного ему бытия, как некритической реальности. Немец физически и метафизически — северянин, и ему извне объективно мир не представляется освещённым солнечным светом, как людям юга, как народам романским. Первоощущение бытия для немца есть, прежде всего, первоощущение своей воли, своей мысли. Он — волюнтарист и идеалист. Он — музыкально одарён и пластически бездарен. Музыка есть ещё дух субъективный, внутреннее состояние духа. Пластика есть уже дух объективный, воплощённый. Но в сфере объективного, воплощённого духа немцы оказались способными создавать лишь необычайную технику, промышленность, милитаристические орудия, а не красоту. Безвкусие немцев, которое поражает даже у величайших из них, даже у Гёте, связано с перенесением центра тяжести жизни во внутреннее напряжение воли и мысли… Германец по природе метафизик, и свои физические орудия создаёт он с метафизическим пафосом, он никогда не бывает наивно-реалистичен … трагедия германизма есть, прежде всего, трагедия избыточной воли, слишком притязательной, слишком напряжённой, ничего не признающей вне себя, слишком исключительно мужественной, трагедия внутренней безбрачности германского духа. Это — трагедия, противоположная трагедии русской души. Германский народ — замечательный народ, могущественный народ, но народ, лишённый всякого обаяния».

Тут удивительное сходство с моим внутренним миром (что естественно для философа). Но трагедия заключается в том, что под «немцем» есть ещё слой. Я притворяюсь немцем (225). Поиск формы (а у самих русских формы нет, они её «находят», как раковину рак-отшельник) привёл меня к германскому миропониманию, к германскому ощущению мира. Но это максимально непохоже на мой внутренний «где-то там» чувственный образ.

И отсюда расколотость сознания, его трагическая напряжённость, чувство напряжённой неестественности моей жизни.

Да, у меня была немецкая, протестантская юность (232). Одно из первых ощущений — звёздное небо. Но я-то знал, что мир радостен и солнечен. Всё вокруг ощущалось как затмение. (Когда умирал отец, над Москвой было затмение солнца.)

Ход мысли, нет, не так… Ход вчувствования в мысли, те первые интуиции, на расходящиеся рельсы которых встали и покатились мои мысли, стали разлетаться в пространстве именно по этим рельсам… Или ещё лучше — взорвалась моя вселенная, стала рождаться и разбегаться из нуля, — всё это из одного и того же центрального пункта:

Я нехороший. И мой мир плох. Но плох именно мой мир, а не мир вообще. Вообще мир хорош, светел, добр, благостен. Я плохой. А мир хороший (233). И я сам, как часть подлинного солнечного мира, хороший, плохой лишь я в реальности, причём реальности фиктивной, а не изначальной. То есть, конечно, я некрасивый идиотик и живу в мире злых женщин. Но сами женщины очень хорошие. Они злые и несправедливые. Но для меня и из-за меня. Никто не сможет меня полюбить и я навсегда останусь одиноким. Но (тут второй поворот, не менее важный) никто не запрещает любить мне.

Более того, в безответной любви я прорываюсь в иной мир, в истинный мир добрых женщин. Но чувством, но взглядом.

Конечно, немецкого тут нет ничего. Не лучезарное «Я», смотрящее в безобразную темноту хаоса, а солнечный зайчик в родной сумрачной и сырой пещере, с тоской взирающий на верхний мир, такой золотистый и радостный, такой недостижимо далёкий, но от которого по какой-то случайной прямой зависит его жизнь. Но ФОРМА (воление) абсолютно та же. Я, когда читал «Заратустру», а было это уже на излёте юности, то ощущал в высшей степени странное чувство дешифровки моей реальности. Я был такой в 17–20 лет. То, что было смутно, в виде чувств и ненайденных слов — магических формул — внезапно осветилось на немыслимо более высоком и оформленном уровне. Я удивлялся, как это вообще было возможно так выразить. Выразить совершенно невыразимое. Немец Ницше смог:

«Я хотел бы, чтоб все ближние и соседи их стали для вас невыносимы; тогда вы должны бы были из самих себя создать своего друга с переполненным сердцем его… общение с людьми портит характер, особенно когда нет его … Не о ближнем учу я вас, но о друге… Я учу вас о друге, в котором мир предстоит завершённым, как чаша добра, — о созидающем друге, всегда готовом

подарить завершённый мир. И как мир развернулся для него, так опять он свёртывается с ним… Будущее и самое дальнее пусть будет причиной твоего сегодня: в своём друге ты должен любить сверхчеловека, как свою причину… Но ты хочешь следовать голосу своей печали, который есть путь к самому себе? Покажи же мне на это своё право и свою силу… Можешь ли ты заставить звёзды вращаться вокруг себя?.. Ужасно быть одному с судьбою и мстителем собственного закона. Так бывает брошена звезда в пустое пространство и в ледяное дыхание одиночества … когда-нибудь ты устанешь от одиночества, когда-нибудь твоя гордость согнётся, и твоё мужество поколеблется. Когда-нибудь ты воскликнешь: „Я одинок!“ … Что-то неутолённое, неутолимое есть во мне; оно хочет говорить. Жажда любви есть во мне; она сама говорит языком любви. Я свет; ах, если б быть мне ночью! Но в том и одиночество моё, что опоясан я светом. Ах, если б быть мне тёмной ночью! Как упивался бы я у сосцов света! И даже вас благословлял бы я, вы, звёздочки, мерцающие, как светящиеся червяки, на небе! — и был бы счастлив от ваших даров света. Но я живу в своём собственном свете, я вновь поглощаю пламя, что исходит от меня. Я не знаю счастья берущего: и часто мечтал я о том, что красть должно быть ещё блаженнее, чем брать… Голод вырастает из моей красоты, причинить страдание хотел бы я тем, кому я свечу, ограбить хотел бы я одарённых мною: — так алчу я злобы. Отдёрнуть руку, когда другая рука уже протягивается к ней; медлить, как водопад, который медлит в своём падении: — так алчу я злобы. Такое мщение измышляет мой избыток: такое коварство рождается из моего одиночества… Куда же девались слёзы из моих глаз и нежность из моего сердца?.. Много солнц вращается в пустом пространстве: всему, что темно, говорят они своим светом, — для меня молчат они. О, в этом и есть вражда света ко всему светящемуся: безжалостно проходит оно своими путями. Несправедливое в глубине сердца ко всему светящемуся, равнодушное к другим солнцам, — так движется всякое солнце. Как буря несутся солнца своими путями, в этом — движение их. Своей неумолимой воле следуют они, в этом — холод их… лёд кругом меня, моя рука обжигается об лёд… Ночь: ах, зачем я должен быть светом! И жаждою тьмы! И одиночеством!»

208

← Предыдущее, следующее →

208. Примечание к с. 28 «Бесконечного тупика»
Розанов … это почувствовавший себя Пушкин (к цитате)

Мережковский сказал, что Толстой и Достоевский — это две дуги, выходящие из точки Пушкина и сольющиеся потом в ожидаемой личности Главного Русского Гения:

«Это — два до времени кажущиеся противоречивыми (Достоевский — дух и Толстой — плоть. — О.)*, на самом деле уже и теперь согласные пророчества ещё неведомого, но уже нами чаемого русского гения, столь же стихийного и народного, как и Пушкин, из которого вышли Толстой и Достоевский, но, вместе с тем, уже более сознательного, и следовательно, более всемирного — второго и окончательного, созидающего, символического Пушкина».*

Что ж, возможно нечто подобное и произошло. И даже в современнике Мережковского. Или, может быть, в Набокове, «всемирном Пушкине». Только появление Розанова и Набокова вовсе не означало, как мечталось Дмитрию Сергеевичу, «создания храма русской, и в то же время всемирной, религиозной культуры». Наоборот, стало окончательно ясно, что русская литература представляла собой псевдохристианскую ересь, ересь, надо признаться, достаточно сложную, совершенную и играющую огромную роль в отечественной культуре. Но, к счастью, кончившуюся. Это, разумеется, не значит, что отныне целью литературы станет увеселение читающей публики, но считать целью литературы и итогом литературного процесса явление Богочеловека уже никому в голову не придёт. Более того, поскольку маятник качнётся в другую сторону, я думаю, лет 50 над русскими писателями КАК СОСЛОВИЕМ будут смеяться (294), показывать пальцем. «Зарвались, господа хорошие». Только закончившие миф и вышедшие из него Набоков и Розанов не будут смешны. Уже потому не будут, что они-то как раз хорошо понимали смехотворность своего положения.

209

← Предыдущее, следующее →

209. Примечание к № 202

«…ну Ваганьково, так Ваганьково» (из письма Урусова Чехову) (к цитате)

Розанов писал в начале «Опавших листьев»:

«Что значит, когда „я умру“?

Освободится квартира на Коломенской, и хозяин сдаст её новому жильцу.

Ещё что?

Библиографы будут разбирать мои книги.

А я САМ?

Сам? — НИЧЕГО.

Бюро получит за похороны 60 руб. и в „марте“ эти 60 руб. войдут в „итог“».

Розанов умер в феврале.

210

← Предыдущее, следующее →

210. Примечание к № 192
русские всё время притворяются какими-то нациями (к цитате)

Евреи же — становятся. Розанов сказал:

«Еврей находит „отечество“ во всяком месте, в котором живёт, и в каждом деле, у которого становится. Он въязвляется, врастает в землю и в профессию, в партии и в союзы. Но это не фальшь, а настоящее. И везде действует легко (с свободою) и с силою, как родной. Он в высшей степени НЕ ЧУЖОЙ везде, со всеми. Общее предположение, что евреи ведь чужие — верно только в половине. В каком-то одном и таинственном отношении они и есть везде и всем чужие. Но столь же верно и неодолимо то, что они и близки, до „единокровности“, со всем. Отсюда проистекают некоторые мелочи, например, знаменитое „жидовское нахальство“, которого сами евреи не замечают и даже не понимают, о чём мы говорим. Нас поражает и мы не выносим, что в России они ведут себя и разглагольствуют „как мы“, а они и чувствуют себя „как мы“ и так говорят и ведут себя».

Еврей строит свой мир из элементов отчуждаемой культуры и через это данной культуре уродняется. Русский строит из своего мира культуру, псевдореальность, имитирующую характерные особенности той или иной нации. Способ существования русского не может быть русским, национальным (226). Точнее, национальный способ существования и включает в себя потерю национальных элементов. Еврей — космополит, гражданин мира, русский — псевдополит. Он и на своей родине чужой.

Конечно, это слишком сильно сказано, но доля истины, и большая, тут есть.

211

← Предыдущее, следующее →

211. Примечание к № 201

Субъект, которому является таким образом расчленённая внешность, вынужден её внутренне достраивать. (к цитате)

Соловьёв писал:

«Так называемые „законы ассоциации идей“ суть лишь приёмы памяти, а вовсе не мысли. Ими руководствуется ум или тогда, когда он случайно бездействует (например, в разговоре о пустяках), или тогда, когда он вовсе теряет способность мышления (например, при прогрессивном параличе мозга, один из верных признаков которого есть именно безотчётное подчинение внешним ассоциациям представлений)… Всякая речь предполагается, как выражение определённой мысли, которая, однако, при отсутствии определённой воли, или намерения, оказывается не действительною, а только кажущейся мыслью».

Но ведь человек конечен. А следовательно, его мысли только и могут быть кажущимися. Он не может сказать «я знаю», а может сказать «кажется». Однако человек всё же протяжён во времени и пространстве, динамичен и поэтому может создать некую кажимость абсолютности. Тогда кажется, что он действительно «знает», действительно мыслит, действительно причастен вечности.

Во всех книгах Набокова привкус автобиографичности. Но, как правило, ничего общего между главным героем и автором нет. Высокая степень материализации достигается не за счёт истечения первичной интуиции, моно-замысла, а за счёт мириад импульсов, ярких интуитивных вспышек, сложная комбинация которых, монтаж, создаёт иллюзию сотворённости. Это наиболее полная и, что самое главное, сообразная имитация божественного акта. Человек ловит отдельные божественные искры и создаёт свой мир.

Платой за подлинность является наступающая в известный момент потеря абсолютного понимания своего замысла. Он разрастается и начинает жить самостоятельной жизнью. Конечное «я» не в силах осмыслить создаваемое, и связь с произведением становится аналогичной. Зато для другого «я» созданное обла-

дает возможностью выступать в виде конструкции, создающей «определённую волю или намерение».

«Действительная мысль» является мнением. Зато некоторое мнение может вызвать иллюзию действительности. А возможно, даже прикосновение к ней.

212

← Предыдущее, следующее →

212. Примечание к № 189
Поприщин — это Батюшков. (к цитате)

Собственно, среди персонажей русской литературы два великих сумасшедших: Поприщин и Иван Карамазов. Не является ли первый прототипом второго? Из поприщинских записок:

«Сегодня Великий инквизитор пришёл в мою комнату, но я, услышавши ещё издали шаги его, спрятался под стул. Он, увидевши, что нет меня, начал звать. Сначала закричал: Поприщин! — я ни слова. Потом: Аксентий Иванов! титулярный советник! дворянин! — Я всё молчу. — Фердинанд VIII, король испанский! (250) — Я хотел было высунуть голову, но после подумал: нет, брат, не надуешь! знаем мы тебя: опять будешь лить холодную воду мне на голову. Однако же он увидел меня и выгнал палкою из-под стула … Великий инквизитор … ушёл от меня разгневанный и грозя мне каким-то наказанием. Но я совершенно пренебрёг его бессильною злобою…»

Тогда Поприщин превращается в Иисуса Христа. Удивительно, что пародия предшествовала серьёзному тексту, что, следовательно, пародия была серьёзнее основы и что вообще литературный процесс развивался в России «наоборот».

213

← Предыдущее, следующее →

213. Примечание к № 203

в реальности у всех писателей … дуэли, но дуэли, так почему-то и не состоявшиеся (к цитате)

Частным ответвлением писательского мифа является тема невинного убиения русских писателей. Основы тут опять же заложил Пушкин. Сразу же после злополучной дуэли современники дали этому совершенно частному, совершенно личному, интимному событию соответствующую мегаломаническую интерпретацию. «Царское правительство убило нашего Сашу». После этого «царизм» убивал Лермонтова, специально заражал чахоткой Белинского, сбрасывал пьяного Гаршина в лестничный пролёт, доводил до самоубийства Надсона. Стоило какому-нибудь самому незначительному писателю дать самый незначительный повод для соответствующего умозаключения, как тут же подымался плач: «Нашего Ваню (Колю, Петю, Мишу) убили».

Столь оглушительная пошлость похорон Льва Толстого во многом вытекала из идеологического сбоя. При «отлучении от церкви», при «травле в печати» всё же считать смерть 82-летнего писателя, умершего от простуды на вершине своей славы, считать смерть эту «очередным убийством» (да ещё на фоне всем известных семейных дрязг) не получалось никак. «Гражданская скорбь» не получилась, выглядела фальшивой. Ведь по сути смерть Толстого вообще была счастливой. Глубокий старик, до конца дней своих сохранивший ум и бодрость духа, умер легко, без мучений. Чего уж тут особо убиваться. Даже для родных это горе — горе спокойное, светлое, мудрое. «Всем бы такую жизнь прожить, всем бы нам так умереть».

Но мифы осуществляются. И вскоре русским писателям была предоставлена возможность в максимальной степени удовлетворить свои романтические потребности. И удовлетворить в максимально реалистичной, по-русски реалистичной форме. И в том числе и семье Толстого.

214

← Предыдущее, следующее →

214. Примечание к № 183

первые люди были марксистами, и умные марксисты заставили работать марксистов глупых (к цитате)

Марксизм есть форма воинствующего антиинтеллектуализма, РАЗОБЛАЧИТЕЛЬСТВА (217). Что есть разоблачительство? — Редукция мира к низшим его проявлениям. Отсюда воинственность — мир понятен, прост. Следовательно, не менее просто его изменить. Как? При помощи дальнейшей, как говорил Макс Шелер, «игры на понижение».

Каков отпор со стороны «интеллектуализма»? Прямая полемика невозможна. Марксизм идёт на понижение и выигрывает. На упрёки в незнании гегелевской философии — упрёк в отрыве от масс и ношении дорогих ботинок.

Отсюда два вида борьбы. Первый — редукция абсолютная (когда человека за шиворот выводят, и в буквальном смысле). И второй — редукция параллельная. Вы говорите, что мировая философская мысль есть сознательная или полусознательная ложь в интересах «эксплуататорских классов». Превосходно! Но предположим теперь, что и марксизм является разновидностью вредительской философии. Возражение, что марксизм специально создан быть не может, так как призывает к разрушению создавшего его мира, легко снимается. Такая философия создаётся «на экспорт», для деморализации и уничтожения противника (220).

Не нравится? Докажите обратное. Сам факт доказывания есть отказ от игры на понижение, а это крах философской основы марксизма. То есть марксизм — единственная философия, которая этого доказать не может. Отсюда простой вывод: ничем иным подобная система, как идеологической провокацией, и быть не могла.

Бескорыстие марксизма возможно. Но как недоразумение.

215

← Предыдущее, следующее →

215. Примечание к № 152

Дядя умер в 56 лет, нелепо, от грубейшей ошибки врача (к цитате)

У него было заурядное воспаление лёгких, а лечили его от инфаркта (зато бесплатно!) (237). Дядя всю жизнь жил «ложным генералом». Рисовал для души (так себе), а подзарабатывал, снимаясь статистом в кинофильмах. Чаще всего ему доверяли играть попов (нравились длинные волосы, борода). Играл попа в фильме «Сердце матери», снимаемом какими-то евреями по сценарию бывшего политрука детской колонии, полковника МГБ в отставке Зои Воскресенской (Рыбкиной). Ему дали 10 рублей, и он, внук потомственного священника, играл. А воспаление лёгких схватил, играя скомороха в массовке «Царя Салтана». Он умер уже, а фильм только вышел. Я смотрел кино, а отец говорил: «Вот видишь, вон там — это дядя Георгий». И действительно, было видно благородное дядино лицо, совсем без грима. И дядя по снегу плясал, а отец в темноте плакал.

Как жил, так и умер — от ошибки, от опечатки. «Чихнули на лысину». Но в гробу лежала не опечатка. Я смотрю на фотографии его похорон, и у меня руки дрожат. Мистика. Все живые — актёры (и, конечно, больше всего отец, застывший у гроба в пародийно-скорбной позе: лёгкая сгорбленность, брови домиком, опущенные уголки губ — хотя переживал действительно очень глубоко). А дядя мёртвый — настоящий, подлинный. Это даже не «святые мощи», а мощь святости, жизни. Конечно, это не смерть. И вот если на фото это видно, то какое же сияние шло от его лица-лика тогда, на зимнем подмосковном кладбище? Потом рассказывали, что к гробу подходила масса незнакомых людей, все заглядывали, как во сне, смотрели в засыпанный цветами гроб. «Кого хоронят? — Говорят, священника. — Кого? — Митрополита».

216

← Предыдущее, следующее →

216. Примечание к с. 30 «Бесконечного тупика»

Чтение его (Розанова) произведений смягчает и облагораживает мышление. (к цитате)

Предположим, вы прочли Соловьёва и у вас сложилось определённое представление о его творчестве. Оно осязаемо, но не вполне ясно, не вполне выразимо. И тут Розанов о Соловьёве. В паутине пуант вы найдёте свой изгиб темы (219). Это как цветная таблица с цифрами для выявления дальтонизма. В зависимости от уровня и характера поражения пятна складываются в совсем разные цифры. Идея наложится на «всейность» и станет явью. Это прорисовывает, высвечивает мышление. Вы как бы становитесь Розановым (222), мыслите с его физиологической яркостью и зоркостью. Но процесс усиления оборачивается далее и суровым уроком девальвации. Вдруг пятна начинают складываться и по-другому, в других комбинациях и цветовых сочетаниях. Картина оживает, вы, вовлечённые в игру, уже не можете остановиться, ибо и ваши собственные мысли, ваша собственная точка зрения охвачена и отчуждена Розановым. Наконец все розановские интерпретации Соловьёва сливаются, точнее, сливаются ваши впечатления от них. Душа разрыхляется, и сам Соловьёв ввинчивается в душу глубже, сильнее.

В конечном счёте, что это такое? — Пробуждение личности. Можно ли научиться философии, читая Соловьёва, узнавая мысли Соловьёва по тому или иному поводу? — В очень незначительной степени. Розанов же только и занимается философской майевтикой. Читая его, узнаёшь свои мысли, познаёшь себя. То есть превращаешься в философа.

217

← Предыдущее, следующее →

217. Примечание к № 214

Марксизм есть форма воинствующего антиинтеллектуализма, разоблачительства. (к цитате)

В послесловии ко второму изданию «Капитала» Маркс пишет:

«Косноязычные болтуны германской вульгарной политической экономии бранят стиль и способ изложения „Капитала“. Литературные недостатки моего труда я сознаю лучше, чем кто-либо другой. Тем не менее в назидание и к удовольствию этих господ и их публики я процитирую мнение … русской критики … „Санкт-Петербургские ведомости“ в номере от 8(20) апреля 1872 г. между прочим замечают:

„Изложение его труда (исключая некоторые слишком специальные частности) отличается ясностью, общедоступностью и, несмотря на научную высоту предмета, необыкновенной живостью. В этом отношении автор … далеко не походит на большинство немецких учёных, которые … пишут свои сочинения таким тёмным и сухим языком, от которого у обыкновенных смертных трещит голова“.

У читателей современной немецко-национально-либеральной профессорской литературы трещит не голова, а кое-что совершенно другое».

Эпиграф к полному собранию сочинений Маркса и Энгельса: «Ну, а хули?» Только подразумевая этот хулиганский тон (небритая губастая харя со спичкой в углу рта), можно адекватно прочесть их произведения. Ставьте мысленно эту присказку после каждого абзаца, и многое прояснится.

И пускай. «Левое» естественно. Без «левого» нельзя. Где же вы видели общество без уголовников? У всякого народа есть левый народец. Таков закон природы. И где вы видели учёных без шарлатанов, писателей без порнографов и графоманов? Точно так же левые есть и в философии. Что ж. Иногда можно и так посмотреть на мир: «Ну, а хули ты, мудак, выёбываешься? По ебальнику тебе, что ли, настучать?» Это даже, в известном смысле и до известных пределов, смешно. И Пушкин хохотал над Барковым. В любой стране, в любой философской культуре

есть свои левые.

Но вот когда произведения второстепенного интеллектуального хулигана становятся краеугольным камнем культуры целого народа, и великого народа, народа со своей тысячелетней историей… А что значит «краеугольный камень»? Это универсум — то есть Маркс ещё «не понят», до него ещё расти и расти. С замиранием сердца говорят, что хорошо бы к XXI веку издать на русском его полное собрание сочинений, включить туда все апокрифы. Чего там! Ленин, который относится к Марксу так же, как к самому Ленину — Сталин, Ленин ещё «не понят», ещё многое в нём недоступно и умонеохватно.

И собственно, злую шутку с русскими тут сыграла не столько их глупость (всему же есть пределы), а скорее неприятие Запада, ощущение своей непохожести. Было усвоено из западной культуры самое незападное, самое отрицающее Запад. Суть Маркса в редукции, во вредительстве. Пролетариат лишён собственности? Хорошо, ни у кого не будет. Разрушается семья? Хорошо, и не надо! Дети работают на фабриках? Отлично! Будут все дети от 9 до 12 лет работать в мастерских 2 часа в сутки каждый день; от 13 до 15 — 4 часа, а от 16 до 17 — 6 часов. И денег платить не надо. И т. д.

Это остроумно. Как памфлет. Вроде «Скромного предложения относительно детей ирландских бедняков» Свифта, в котором он призывал есть детей. Конечно, Свифт писал это несерьёзно, а Маркс — серьёзно. Но важно, как это воспринимало общество. Достаточно всерьёз, буквально Маркса (как мыслителя) восприняли только у нас.

218

← Предыдущее, следующее →

218. Примечание к № 173

и русские чего-то не понимают в Шагале. Даже наверняка (к цитате)

Историк Костомаров, украинец по национальности, ругал «московский период» русского государства. Достоевский на это возразил, что он «любит роль Москвы в русской истории», и заметил:

«Чтоб быть русским историком, нужно быть прежде всего русским».

Это, конечно, не означает, что украинцы, поляки, евреи или французы «не имеют права» заниматься русской историей. Достоевский говорил о том, что они не могут быть русскими-историками. Француз может быть историком России даже не в смысле «француза, специализирующегося по русской истории», а и в смысле «француза, живущего в России и занимающегося историей России» (или хоть Франции). Но русским он не станет никогда. Он не имеет права написать: «Мы отразили в 1812 году нашествие Наполеона». Соответственно, наиболее плодотворными его занятия русской историей будут в области чистой фактографии или при соотнесении русской истории с историей своего народа. ОЦЕНКИ из уст такого человека для русского не существуют. ОЦЕНИВАТЬ свою историю русский может только сам. Разумеется, это верно и для любого другого народа. Но особенно болезненно эта проблема переживается именно на русской почве. Ни один другой народ не был так заворожён чужими оценками своего существования.

Еврей Венгеров писал в Брокгаузе о только что умершем Страхове, что в 90-е годы вокруг него образовался «ряд молодых поклонников» (в их числе, кстати, Розанов), которые:

«Старались создать Страхову репутацию одного из крупнейших русских мыслителей вообще и выдающегося критика в частности».

Русские «старались создать репутацию», а еврей — не дал. В нормальном государстве подобного рода оценки могли бы быть лишь личной проблемой их автора. Венгеров вполне имел

право на собственное мнение о русском духовном процессе, о приоритете в нем той или иной личности. Но лишь в рамках статьи «Венгеров».

Кстати, последняя написана исключительно корректно. Ни одной оценки — одни факты.

219

← Предыдущее, следующее →

219. Примечание к № 216
В паутине пуант вы найдёте свой изгиб темы. (к цитате)

Творчество Розанова — это попытка абсолютного порождения. Попытка создать всё. То есть это творчество как таковое и, следовательно, — совершенно бессодержательное. Ведь максимальный объём порождения означает минимум содержания. Но зато Розанов охватывает всё. Охватывает вас целиком, и человек, попадая в творческий объём розановщины, как бы обретает его дар, немножко тоже становится Розановым.

← Предыдущее, следующее →

220. Примечание к № 214

Такая философия создаётся «на экспорт», для деморализации и уничтожения противника. (к цитате)

О сущности немецкого социализма наивно и поэтому прозорливо сказал Герцен:

«Все немецкие революционеры — большие космополиты, они преодолели национальную точку зрения и все исполнены самого раздражительного, самого упорного патриотизма. Они готовы принять всемирную республику, стереть границы между государствами, но чтоб Триест и Данциг принадлежали Германии. Венские студенты не побрезгали отправиться под начальство Радецкого в Ломбардию, они даже, под предводительством какого-то профессора, взяли пушку, которую подарили Инсбруку».

И далее:

«При этом заносчивом и воинственном патриотизме Германия, со времени первой революции и поднесь, смотрит с ужасом направо, с ужасом налево. Тут Франция с распущенными знамёнами переходит Рейн — там Россия переходит Неман, и народ в двадцать пять миллионов голов чувствует себя круглой сиротой, бранится от страха, ненавидит от страха и теоретически, по источникам, доказывает, чтоб утешиться, что бытие Франции есть уже небытие, а бытие России не есть ещё бытие».

Но тут логично в теории пойти дальше. А немцы народ логичный (223).

221

← Предыдущее, следующее →

221. Примечание к № 203

Голядкин вызывает своего двойника (то есть литературного персонажа в известном смысле) на дуэль (к цитате)

В смысле «литературизации» дуэли ещё дальше зашёл Чехов. В «Трёх сёстрах» подражающий ЛЕРМОНТОВУ Солёный в дуэли счастлив. Правда, дуэль бессмысленна, идиотична. И сам Солёный — пародия на Печорина.

222

← Предыдущее, следующее →

222. Примечание к № 216
Вы как бы становитесь Розановым (к цитате)

Отсюда подавляющая истинность его книг. Он самый ИСТИННЫЙ русский мыслитель. Розанов сказал:

«ИСТИННОЕ отношение каждого только к САМОМУ СЕБЕ… Лишь там, где субъект и объект — ОДНО, исчезает неправда».

223

← Предыдущее, следующее →

223. Примечание к № 220
немцы народ логичный (к цитате)

Фриц Энгельс в работе «Революция и контрреволюция в Германии» сказал прямо. Славянские народы Европы — жалкие, вымирающие нации, обречённые на уничтожение. По своей сути процесс этот глубоко прогрессивен. Примитивные славяне, ничего не давшие мировой культуре (написано в 1852 году), будут поглощены передовой и цивилизованной германской расой. Всякие же попытки возродить славянство, исходящие из азиатской России, являются «ненаучными» и «антиисторическими». Это реакционная попытка повернуть историю вспять. Поэтому первейшим делом революционного движения в Германии и Австро-Венгрии, да и всей Европы, является вооружённое подавление любых попыток как внутреннего сепаратизма славян, так и источника этого сепаратизма — дикой царской империи. В конечном счёте, пишет Энгельс, немцам и германизированным евреям должны принадлежать не только славянские области Европы, но и Константинополь.

Маркс в 1870 году в «Гражданской войне во Франции» квалифицирует франко-прусский конфликт как «освобождение Франции» геройскими немецкими войсками промышленных рабочих, которые для выполнения своего бескорыстного интернационального долга «оставили дома свои полуголодные семьи». Приветствуя разгром Франции, Маркс, однако, выступил против аннексии Эльзаса и Лотарингии, но не потому, что это противоречило «интернационализму», а потому, что это помешало бы «интересам западноевропейской цивилизации против восточного варварства», то есть сделало бы невозможным военный союз Германии и Франции против ненавистной России.

Достаточно. Уже отсюда ясно, что «социал-демократическое» движение в СЛАВЯНСКИХ народах есть явление не культурное и даже не политическое, а полицейское (227).

224

← Предыдущее, следующее →

224. Примечание к № 46

(признание собственной гениальности) есть для меня выражение максимальной степени собственной ничтожности (к цитате)

Полупарализованному отцу дали I группу инвалидности. А мать (20 лет совместной жизни не прошли даром) сказала, чтобы его не пугать, что ему II группу дают, но она будет добиваться первой. Отец поверил. Потом всё просил позвонить, чтобы помогли с оформлением документов. Мать: «Да ты не волнуйся, всё будет в порядке. Что они, не люди, что ли?» А отец скривился и, волнуясь, очень членораздельно (речь он, вообще, почти потерял), с издевательскими модуляциями сказал: «А-а, пшёл, иди, иди». И, лёжа в тренировочном костюме на диване, выразительно дрыгнул ногой. Получилось более чем красноречиво. И, покраснев, закричал: «Ни-а-му не уужжоо! Не нуужо!!!» Это я очень хорошо запомнил. Да и раньше, с самых начатков самосознания, относился к реальности до циничности трезво. Поэтому идея собственной гениальности не только никогда не приходила мне в голову ни в 15 лет, ни в 20, но и вообще идея самой возможности какой-либо субъективной (то есть не манифестирующей, «без документов») оценки априори ощущалась как нечто постыдное, глупое и нелепое. Возможность таких оценок у других сразу вызывала у меня механическую равнодушную улыбку. Человек, как-то оценивший себя, моментально вываливался из ценностного мира — «дурачок». Тема же «гениальности» вообще не имела для меня никакого смысла, так как и не могла не быть субъективной оценкой.

Я никогда не считал себя гением. Но я всегда ВЁЛ себя как гений. И лишь потом ужаснулся, нащупав подсознательное определение своего поведения. Я веду себя так, как если бы я был… Что двигало мной всю жизнь? — Уверенность в собственной избранности. Уверенность такая абсолютная, такая внедрённая в самый центр моего существа, что я её даже не сознавал. И не испытывал какой-либо нужды в доказательстве себе этой первичной интуиции. Всегда я ощущал себя выше прочих смертных на два порядка. Так полно и органично, что никогда не испытывал пренебрежения к окружающим. Марсель Пруст сказал,

что самые демократичные люди в мире это короли. Они настолько выше своих подданных, что им всё равно, герцог перед ними или простой крестьянин. Для него, короля, и тот и другой равно его подданные. Более того, он может как угодно нарушать этикет и, скажем, начать рубить дрова вместе с дровосеком. Всё равно это ничего не убавит и не прибавит к его авторитету, ибо этот авторитет абсолютен, бесконечен. Отсюда всегда спокойное, ровное и мягкое обращение. И вот я, крыса номер миллион такой-то, мнил и мню себя королём. Я когда понял это, то даже не знал, что мне делать, смеяться или плакать. Такой нарциссизм при полном ощущении собственной ничтожности и прямо-таки ленинской никчёмности. Что получилось? Парадокс: я всегда себя очень высоко ценил, но очень низко оценивал. Я думал: моя жизнь обладает для меня высшей ценностью, но в глазах окружающих я не имею никакой цены.

Откуда это во мне? Однажды родственника забрали в армию, а мать говорит: «Так ему и надо. Куда его ещё». — «Ну как же, жалко. Так бы он сейчас в институте учился. Вот если бы меня забрали?» А мать: «Ты не для этого рождён». И так спокойно это сказала, просто. Я ушам своим не поверил. Для ЧЕГО ЖЕ я рождён? У ней мысли какие-то. Да не мысли — никогда не высказывались и не было — а просто глубочайшее, совершенно слепое и иррациональное убеждение. Я её сын. А на моём фоне где-то там, вдалеке, движутся по своим орбитам планеты, рождаются и гаснут звёзды, взрываются галактики. Их за мной даже и не видно. А может быть, и нет вовсе. А я — вот он, пожалуйста.

Я всё про отца, про отца писал, а про мать-то и забыл. Мама с детства мне две присказки повторяла. Первая, что если умному говорить, что он дурак (Уй, дурак, уй-уй, идиот, что делаешь, что, ну-у дура-ак, я много дураков видел, но такого…), то он и вправду дураком станет. А если глупому говорить, что он умный, он, глядишь, и вправду поумнеет. И тут всегда в пример ставила евреев. А вторая присказка тоже толстовская. Сын рассердился на мать, ударил её, испугался и побежал. А мать ему кричит вдогонку: «Смотри, сынок, не оступись!» Это она часто повторяла, и я хорошо запомнил. А сказки мне всё отец рассказывал. Мать не умела, если только по книжке.

Отец у меня на «-ский», а мать «-ова». Со стороны отца все родственники и сам он — это золотые рыбки мохнатые: то с выпученными глазами, то с плавниками гигантскими, то с хвостом каким-то необыкновенным, разноцветным. Все яркие, а плавают плохо, чуть ли не кверху брюхом — художество

перевешивает (и мелкое художество). А мать — это настоящая золотая рыбка — серенькая, неприметная. Но та самая, от которой все эти «вуалехвосты» и «телескопы» вывелись и без крови который они в два-три поколения соскользнут в бессмысленное уродство и вообще выродятся. Разум, «художество» и страшное искажение — от отца. От матери — удивительный, безрассудный запас силы и способности к смирению. Отец — недоверие, злоба, неверие в себя. Мать — алогичная доверчивость. Я не знаю, как точнее сказать. Наверно, так:

Лжив ли русский народ? Совсем нет. Понятие «лжи» предусматривает наличие «правды». Лгун знает правду. Русские же как-то не совсем различают эти понятия. Получается нерасчленённая «правдаложь» (230), когда всё принимается на веру и сказанное отождествляется с существующим (и наоборот). Но при всём этом у русских существует глубокое и абсолютное недоверие к слову как таковому. Они говорят и верят во что-то, и живут этим «что-то», но могут в любой момент подняться и уйти куда глаза глядят. Истина и ложь заменяются категориями «много» и «мало». Мало говорят — истина. Много говорят — ложь. (Начинают заговариваться, теряться в слове.) Отсюда русский талант высокого молчания — безмолвствования. Христос Достоевского ничего не говорит Великому инквизитору. И это Русский Христос. Поэтому никакой лжи в русских нет. Ложь в слове это не совсем ложь, так как правда находится не в слове же, а под словом, в молчании.

В моём родительском мифе трагедия художественной природы отца — в страстном желании слова, выговаривания. Мир отца — это русский мир в его болезненном развитии, в усложнённом распускании. Молчаливый мир матери не развёрнут, но очень ненапряжён, естествен. Во мне произошло какое-то перекрещивание. Мир отца стал материей, а материнское начало — формой. Слово — нечто необязательное, и поэтому тут можно не волноваться. Можно, например, взять тему гениальности и начать её проводить с разными коленцами. Это вторичное и спокойное облагораживание отца.

Вот и эта книга. В сущности, всё должно было бы кончиться на первой странице. Ведь только человек, уверенный в собственной гениальности, может взяться за создание метамифологии (то есть мифологии, в которой потенциально возможно существование самосознания) породившей его цивилизации. Я, Одиноков, должен выступить в виде квинтэссенции национальной идеи, выразить её с максимальной интенсивностью и ясностью. Путь этот есть прежде всего путь собственного унижения, покая-

ния. Как же его совместить с максимально высокой самооценкой? Поэтому гениальность представлена в виде униженности. Вобрать эту априорную установку внутрь постепенно распадающегося повествования, сделать её анализ одной из форм этого распада. Конечно, это вызовет общую раскачку текста и всё равно окончится неудачей. Но Ницше сказал, что каждая книга — это завоевание, драматическая поза и, наконец, катастрофа (912) и внезапнее ИСКУПЛЕНИЕ. Справедливо оставляя искупление за рамками писательского замысла, Ницше, по его словам, построил «Волю к власти» с расчётом на конечную катастрофу.

В чём же искупление «Тупика»? Может быть, в возможности соотнесения книги с моей вот-жизнью. И сама жизнь, её сегменты, будут соотнесены. А это и есть конечная цель любого существования.

225

← Предыдущее, следующее →

225. Примечание к № 207
Я притворяюсь немцем. (к цитате)

Как-то я поехал с отцом на дачу. Мы сошли с перрона подмосковной станции и вдруг наткнулись на столик с книжной лотереей. Отец говорит: «Ну, давай, тяни». А сам отвёл продавца в сторону и о чём-то стал с ним шептаться. Я вытащил билет, а отец сразу взял и развернул: «Ого, выиграл! Лёгкая рука! Ну, давай, книги выбирай, какие хочешь. Вот, кстати, смотри-ка, немецкий словарь лежит. Какое совпадение. Ты же во второй класс идёшь, как раз немецкий начнётся *(я учился в спецшколе (245). — О.)*. Здорово! Удачно, хорошо поспели, словаря-то один экземпляр всего остался. Весь раскупили. Вещь редкая, полезная». Я сиял, счастливый. Но хотелось посмотреть на счастливый документ, подержать в руках. Отец не давал, дразнил. Но наконец дал, и я с трудом, с запинкой прочитал витиеватые буквы: «Без выигрыша». Почему? Ошибка? Отец: «Соображать надо — на внешней стороне написано, специально, чтобы не догадались». Скомкал билетик, выбросил по ветру. Я поверил.

Про билет я догадался в 16 лет. Про словарь — в 26. А сейчас думаю, не выдумал ли отец и продавца?

Может быть, и отца кто-нибудь выдумал, а? (601)

226

← Предыдущее, следующее →

226. Примечание к № 210

Способ существования русского не может быть русским, национальным. (к цитате)

Точнее, не может быть чисто русского ИНДИВИДУАЛЬНОГО существования. Удивительно точно написано Розановым:

«Россия без „иностранца“ задыхается. — Слишком заволокло всё Русью. Дайте прорезь в небе. — В самом деле, „тоска по иностранному“ не есть ли продукт чрезмерного давления огромности земли своей, и даже цивилизации, „всего“ — на маленькую душу каждого.

— Тону, дай немца.

Очень естественно. „Иностранец“ есть протест наш, есть вздох наш, есть „своё лицо“ в каждом, которое хочется сохранить в неизмеримой Руси.

— Ради Бога — Бокля!! Поскорее!!! Это как „дайте нашатырю понюхать в обмороке“».

Удивительно точно. Подмечено даже не только восхищение, но одновременно и несколько презрительное отношение к «немцу», его комично-вспомогательное значение для русского сознания. Как зачитывались тем или иным иностранцем, как подражали ему. Но в сущности очередное увлечение было лишь санкцией. Не рыба-прилипала на акульей спине, а сама акула, помечающая свою огромную серую тушу пёстрыми метками прилипал, — чтобы не потеряться в самой себе, знать, где что кончается. В этом разгадка парадокса — необыкновенной зависимости и одновременно столь же необыкновенной оригинальности отечественной культуры.

227

← Предыдущее, следующее →

227. Примечание к № 223

«социал-демократическое» движение в славянских народах есть явление … полицейское (к цитате)

Маркс и Энгельс с обидой писали, что другие народы Европы смеются над метафизическими мечтаниями немцев. Эта обида была вполне искренна, и вообще социал-демократия наиболее искренна и органична (насколько это вообще возможно для секулярной идеологии) как раз в Германии. Мощное развитие философского древа на немецкой почве естественно вызвало и наиболее полное развитие его материалистической ветви. Но с точки зрения германского материализма философия Германии была не нужна. Нужно переходить «от оружия критики к критике оружием». «Задача не в объяснении мира, а в изменении его». Следует не объяснять униженное положение Германии в семье европейских народов, а изменять это положение. И Маркс едко высмеивал отечественных идеалистов. Но «идеалисты», смеясь, использовали Маркса для понятных ему целей недоступным ему способом. Германский дух создал материю-материалистов, чьим лбом разбил ворота вражеского государства (229).

228

← Предыдущее, следующее →

228. Примечание к № 152

Это был какой-то истерический бунт против реальности. Тоже эгоистическое «я хочу!» Потом это прошло. (к цитате)

Потом отец умер. Умирал он долго, но интересно. В общей сложности процесс длился около двух лет. Осуществление Замысла происходило поэтапно.

I этап: Подготовка.

Отец заболел, когда я пошёл в 9-й класс. «Так… ничего особенного, но вот анализы у вас странные какие-то. Надо лечь, обследоваться». Преувеличенная беззаботность врача, попав в вывернутое логическое поле отца, конечно, трансформировалась в прямую и страшную угрозу. Отец же ещё более беззаботно и весело согласился со следователем: «Да, конечно, недурственно было бы месячишко в больнице полежать». В больнице же ночью пробрался в кабинет главврача (236) и нашёл свою историю болезни. Это надо видеть: ночь, холодный пот, ужас, замирающие шаги босиком по зеленоватому линолеуму, скрип дверцы шкафа… И вдруг — облегчение, невесомость. И вот уже безжизненный серебристый свет луны становится тёплым и мягким, а казённый идиотизм больничного интерьера — слепые лампочки и бесконечные коридоры — наполняется осмысленностью и целеустремлённостью. Бедный отец и не догадывался о накале злорадства! Ведь рядом с простодушно открытым шкафом был маленький сейф. И в этом скромном сейфе хранились НАСТОЯЩИЕ истории болезней. Раковые. А отец согласился на тяжёлую и опасную операцию, будучи уверен, что это ключ к спасению, к иной, совсем другой, настоящей и окончательной жизни. Я помню его перед операцией, странно похудевшего и посерьёзневшего. Он всё ходил вперёд и назад по комнате, о чем-то говорил. Как это ни удивительно, но выныривание из алкогольного дурмана было настолько благотворно, что отец выглядел моложе и здоровее обычного. Ему сделали операцию…

Чехов или Толстой, верные канонам реализма, на этом бы и закончили своё повествование. Но национальная идея, цинично породившая такой законченный реализм-обыкновенизм,

должна, конечно, осуществляться в реальности совершенно по другим принципам. Отец не умер на операционном столе, а, наоборот, выздоровел. Последняя версия тоже вполне укладывается в рамки обыденного ничегонепроисходизма. Надо только для закругления рассказа привинтить «моральное обновление». Таковое и было привинчено. «Со времени операции прошло полгода, и отец, совершенно изменившийся, нашедший некоторую гармонию в искупительном смысле своего уже трезвого существования, жил. Отношения в семье, казалось бы, непоправимо разрушенные, обрели вдруг вторую жизнь». Однако в квартире где-то в шкафу была засунута, накрепко запрятана «его справка». Та, настоящая, с колдовским каббалическим смыслом.

II этап: Ломка.

Душа отца была предварительно очищена превентивным, но ещё не смертельным страданием. Ветви нервов были сначала опущены в укрепляющий и омолаживающий раствор, чтобы окончательное мучение было незамутнённым и абсолютным.

Сестрёнка — девять лет, лето, ей нечего делать, — полезла в шкаф и совершенно случайно — конечно же, случайно, конечно же случайно эта случайность случайна, — дала «своему папочке» справку-то: «Пап, а пап, это твоя справка? Вот тут лежала, я нашла».

И с этого дня жизнь, скатывающаяся уже под откос, пошла вниз быстро, почти отвесно. Отец сначала пробовал сопротивляться. Шанс ещё был. По сценарию на осмысление было дано месяца два. В конце же августа он пошёл с сестрой гулять и долго не приходил. Пришёл только к вечеру, пьяный. Нет, не пьяный — так показалось мне — а разбитый параличом, с заплетающимся языком и бессильно повисшей рукой. Сестра вела его в таком состоянии полтора часа. Он упал на улице, а она растерялась, маленькая, не позвонила домой, не вызвала скорую, а прохожие думали, что он пьяный. Конечно, это уже фарс.

III этап: Ломка глубокая.

Отца увезли в больницу и думали, что всё, конец. Я тоже так думал и уже бессознательно хотел этого, чтобы ЭТО кончилось скорей. (Потом несколько лет — кошмарные сны: он всё возвращается и возвращается, хотя я точно знаю, что он давно умер.) Он вернулся. Странный, с перекашивающим рот нечленораздельным мычанием и неподвижной рукой. Болезнь сорвала с мозга логическую кору и оставила нетронутыми чувства, чтобы в предсонье предсмертья отец прочувствовал всё уже с иде-

альной ясностью. Он стал часто плакать. Сидел на стуле, плохо выбритый, неряшливый, и беззвучно плакал. Ему было жалко меня и особенно сестру. Отец постепенно слабел. Я вижу, как он, виновато улыбаясь углом рта, с трудом передвигает стул. Эта картина и сейчас, спустя многие годы, стоит перед глазами: нескладный, жалкий, полураздавленный отец волочит стул по полу, а из окна бьёт сноп косых солнечных лучей. Какое-то чувство доброты, ласки и абсолютного понимания. Ему всё хотелось помогать по дому, быть полезным. Получалось, конечно, наоборот. Однажды решил выжечь тараканов горящей газетой и т. д. При этом он сам вполне понимал свою неловкость и даже опасность. Ещё отец целыми днями смотрел телевизор. В телевизоре сломался звук, но он всё равно смотрел. Читать он не мог, забыл многие буквы, а просто сидеть или лежать было страшно. У него часто болело сердце. Когда потом вскрыли труп, то оказалось, что был обширный инфаркт.

Рак, паралич, инфаркт, вообще все эти ужасы — подобное нагромождение несчастий с точки зрения литературной выглядит как дешёвый сентиментальный роман.

IV этап: Вообще без названия. «День был без числа».

И в третий раз отца увезли в больницу (точнее, даже в четвёртый, это уж я «упрощаю»). Умирать. Когда приехала машина, он встал, опираясь о стену медленно вошёл ко мне в комнату. На глазах у него были слёзы. Длинные волосы, совершенно седые в 52 года, были смешно растрёпаны. Отец силился улыбнуться и прошептал — я понял — «прости». Потом он наклонился — показалось, падает — и поцеловал мне руку. Я в ужасе её отдёрнул. Мне всё хотелось тогда быть взрослым (или совсем маленьким), «держать себя в руках». Сейчас-то я понимаю, что и я знал, КУДА он едет, и он знал. И в последней встрече — ложь, фарс, никчёмность. «Смерть Ивана Ильича».

В больнице, прямо по Зощенко, его долго не принимали — своей смертью он мог испортить график выздоровлений. Он умолял, чтобы приняли, пытался всё объяснить, что дети, дочь маленькая, «им страшно будет». Отец лежал там ещё два-три месяца. Он совсем устал жить. Медсёстрам, которые за ним ухаживали, он целовал руки, говорил, что ничего не надо, зачем, он всё равно умрёт. Что он старик, заживо гниющая тварь, а они молодые, им надо жить и не видеть этого. Просил он только, чтобы ему сделали укол яда. И не крича, а так тихо, безнадёжно, уставившись в пространство. Из последних сил, не слушающимися губами. Сознание не изменило ему до последнего

дня. Остался даже схематизм мышления (при поражении левого полушария). Последнее желание его, чтобы перед глазами был будильник. Зачем это? Хотел знать, когда? Заклясть смерть своими милыми цифрами? Узнать «число»?

Фарс, фарс. Если бы я прочёл рассказ обо всём этом, то хохотал бы до колик. «Так не бывает», это пародийное нагромождение дешёвых «ужастей» и слащавой сентиментальности. Это — лубок.

Перед смертью к отцу в палату пришёл священник, и он умер как христианин, причастившись (373). Его похоронили на Ваганьково…

И вот со смертью отца связано моё пробуждение как личности.

Произошло это незадолго до нашего прощания. Я был в школе. Это время я очень плохо помню. Даже времена года для меня слились в серую монотонную мглу. «Мрак и туман». Большая перемена. В ушах всё время гул, вообще оглушённость во всём теле, ощущение замедления времени и неестественности бытия. Похоже на гриппозную хандру. Тягучая истома и оцепенение, а внешний мир кажется нарисованным аляповатой и бездарной кистью. И вот в этот день одноклассники в шутку повесили меня за шиворот пиджака на вешалку и стали её раскачивать. И настолько это всё было нереально, что я даже почти не сопротивлялся, когда вешали, а когда повесили, я вообще висел просто и смотрел на них, в сторону. И совершенно ничего не слышал. И мне даже казалось, что я сплю. Во мне не было никакой злобы, стыда, а просто абсолютное неприятие происходящего. Я помню только, что там — а это было внизу, в раздевалке, конечно, — там внизу на лавочке сидела маленькая девочка, второклашка наверно, и она смотрела, как все эти здоровые парни и девки гоготали, и ей было не смешно, а страшно. Ну, не страшно, а «испуганно» как-то. Она почему-то испугалась. И я ей с вешалки улыбнулся. А она как-то оцепенело, разинув рот, смотрела на меня. А потом… Потом я не помню ничего. То есть умом я помню, что, наверно, отцепился как-то, что был звонок на урок и мы все гурьбой пошли в класс. Но представить себе этого я сейчас не могу, как будто и не со мной было. Я пошёл на урок, но оглушённость продолжалась. У меня просто не было сил не то чтобы осмыслить, но хотя бы воспринять происходящее. И лишь потом, после смерти отца уже, все эти факты: толпа, вешалка, девочка, умирающий дома отец — всё это слилось в единый неразрывный узел, в символ.

История с вешалкой мучительна. У меня горе, трагедия, а вс-

ем наплевать. Неинтересно это. Эта история и комична. Действительно, смешно: повесили и раскачивают. Мало того, что моя трагедия оставила всех равнодушными, в реальном мире она нашла своё разрешение в форме грубого фарса:

— Это Одиноков.

— Какой Одиноков? У которого отец умирает?

— Нет, которого за шиворот повесили.

Это сочетание порождает нелепость ситуации. Нелепо это. И вот смерть отца, её ужас, комизм и нелепость и воплотились навсегда в образе «вешалки»: я, нелепо раскачивающийся посреди толпы школьников.

Здесь произошла идентификация с отцом. Я как бы вобрал в себя его предсмертный опыт. И тем самым выломился, выпал из этого мира. Я понял, что в этом мире я всегда буду никчёмным дураком, и всё у меня будет из рук валиться, и меня всю жизнь будут раскачивать на вешалке, как раскачивали моего отца.

229

← Предыдущее, следующее →

229. Примечание к № 227

Германский дух создал материю-материалистов, чьим лбом разбил ворота вражеского государства. (к цитате)

И сначала — успех бешеный. После Брестского мира в Россию приехал посол Германии граф Мирбах. По обычаю, первым делом он посетил главу государства — Ленина. У кабинета Ленина сидел часовой и что-то читал. Когда Мирбах прошёл в кабинет, часовой даже не поднял на него глаз и продолжал читать. Посол, потрясённый таким развалом, взял у часового книгу и попросил перевести заглавие. Ему перевели: Бебель, «Женщина и социализм».

Но всё-таки Мирбах кончил в России очень плохо. За воротами германский дух поджидал дух другого государства.

230

← Предыдущее, следующее →

230. Примечание к № 224
Получается нерасчленённая «правдаложь» (к цитате)

Юнг писал:

«Индийцы и китайцы способны интегрировать так называемое „зло“, не „теряя лица“. На Западе мы не можем этого делать. Для восточного человека проблема морали не кажется занимающей первое место, как это обстоит с нами. Для восточного человека добро и зло являются имеющими смысл компонентами природы и представляют собой просто варьирующиеся степени одного и того же. Я видел, что в индийской духовности содержится столь же много зла, как и добра. Христианин стремится к добру и поддаётся злу, индиец чувствует себя вне добра и зла и стремится достичь соответствующего состояния медитацией или йогой … в индийской духовности отсутствует как зло, так и добро, или же она столь загружена противоречиями, что индиец нуждается в нирване, освобождении от противоположностей и от десяти тысяч вещей. Целью индийца является не моральное совершенство, но состояние нирваны».

Западно-восточная природа русских заключается в том, что в жизни, в слове они недостаточно различают добро и зло, хотя различение это всё же гораздо сильнее, чем на Востоке. С другой стороны, как и для восточного человека, для русских характерен уход от нравственной дилеммы. Но уход означает и её решение, ибо вне социальной ситуации дихотомия добра и зла наконец проявляется. «Освобождение от противоположностей» реальности выявляет идеальную противоположность — христианское чувство вины и ответственности. Таким образом, мистерия добра и зла наиболее законченно переживается именно на русской почве, хотя с точки зрения не мистической, а, так сказать, вербальной, конечно, упрёк Запада в азиатской природе русских верен.

231

← Предыдущее, следующее →

231. Примечание к с. 33 «Бесконечного тупика»

Веховская идеология это есть не что иное, как игра во взрослых (к цитате)

Франк сетовал в «Вехах»:

«Так называемая „культурная деятельность“ сводится (в России. — О.) *к распределению культурных благ, а не к их созиданию, а почётное имя культурного деятеля заслуживает у нас не тот, кто творит культуру — учёный, художник, изобретатель, философ, — а тот, кто раздаёт массе по кусочкам плоды чужого творчества, кто учит, популяризирует, пропагандирует».*

Но сами «Вехи» — это распределение, а не производство. Производство — это Достоевский, Леонтьев, Розанов. А Франк, Бердяев, Струве — «культурные деятели» в русском смысле этого слова. Виртуозы философской журналистики.

Впрочем, это и естественно, это и есть функция интеллигенции в её массе, как сословия (обслуга элиты, её передаточное звено). Беда в том, что интеллигенты бросились популяризировать чужие мысли совершенно неосознанно, на дилетантском уровне, считая себя какими-то «мыслителями». В первых поколениях (Писарев, Чернышевский) это было смешно, потом — скучно. Ошибка двоякая: распределение неосознанное и распределение неквалифицированное, варварское, по типу «не обманешь — не продашь» (235).

В «Вехах» Франк призывает:

«Пора, во всей экономии национальной культуры, сократить число посредников, транспортёров, сторожей, администраторов и распределителей всякого рода и увеличить число подлинных производителей».

Но как раз «производителями» культуры Россия не была обделена. Мешало именно НЕДОСТАТОЧНОЕ количество передаточных звеньев, их количественное и качественное убожество. Интеллигентам следовало не учить писать романы, а учиться читать и понимать прочитанное. Затем — учиться помогать делать это другим.

← Предыдущее, следующее →

232. Примечание к № 207
у меня была немецкая, протестантская юность (к цитате)

Католичество построено на детстве (как и православие). На впечатлениях детства. Протестантизм построен на юности. Трагизм юного, только что рождённого разума.

Интересна причина убогости русской молодёжной (интеллигентской) культуры. Интеллигенция не ощущала себя юной, в ней был нелепый переход от детства ко «взрослости» (249). Отсюда инфантильность русского либерализма (протестантизма, штунды). Те же дети, только с «водкой». Интересно, что типичная русская юность начинается с водки. Трагедию рождающегося разума русские просто пропивают.

233

← Предыдущее, следующее →

233. Примечание к № 207
Я плохой. А мир хороший. (к цитате)

У Достоевского Смердяков, развивая свои «атеистические идеи», всё же не может не согласиться, что есть на земле один-два праведника, которые «где-нибудь там в пустыне египетской в секрете спасаются».

«— Стой! — завизжал Фёдор Павлович в апофеозе восторга, — так двух-то таких, что горы могут сдвигать, ты всё-таки полагаешь, что есть они? Иван, заруби черту, запиши: весь русский человек тут сказался!»

Из-за такой полярности и одновременно ВИДИМОЙ полярности, полярности ПРЕДУСМАТРИВАЕМОЙ («русский человек две бездны созерцает»), отечественной культуре не нужно искусство как связь. «Связывать» ничего не надо.

Розанов писал о русской избе, в которой:

«Огромные, почти над всей избой, полати представляют основу сна, а огромная печь представляет основу еды. „Еда и сон и труд — это всё!“»

А этому противопоставлен русский монастырь, где свобода, отдохновение, покой. Воистину идеальная, нематериальная жизнь. Зверская деревня и тут же рядом монастырская ограда, за которой светлое нематериальное существование. И всё едино, одно без другого невозможно. Связь — в мудром разделении. В МОЛЧАЛИВОМ дополнении. Монах не пойдёт в избу перековеркивать всё, а крестьянин не будет монаха «учить жизни». Идеал раздельной хорошести. Есть люди там, где-то. Вот это люди. А мы что… Войти внутрь этой не-, но одновременно и околорелигиозной жизни — значит всё разрушить. Нет идеи мессианства и просветительства, идеи переделки. (В чём очень упрекали русских «схизматиков» католики.) На такой почве выдвинувшие идею «ревизии», конечно, приобрели власть необыкновенную. Ничего, конечно, не переделали, а лишь перековеркали, перегадили. Но сама идея, возможность её в своё время удивила. Все опешили. Растерялись.

У меня совсем нет потребности в потреблении искусства. Де-

лать — да, но быть зрителем, читателем… Зачем? Никакого искусства РОССИИ не нужно совсем. Ну его.

Искусство — «иди, я тебе что-то покажу». А русский не хочет смотреть. Он знает, что где-то там есть, и ему, как скупому рыцарю, «достаточно сознания сего». Пожалуй, ни у одного народа любопытство не пользуется таким неуважением. «Любопытный» это почти ругательство. «Ишь, прыткий какой».

234

← Предыдущее, следующее →

234. Примечание к № 46

Трагедия без грана трагического — это трагедия абсолютная. (к цитате)

Самая страшная трагедия — отсутствие какой-либо трагедии. «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». — Не знаю. Отсутствие внешних событий — грустных и радостных — лишь обнажает внутренний трагизм жизни. Жил-жил человек, потом умер. И всё. Это трагическая основа жизни. А все эти социальные, бытовые и интеллектуальные «катаклизмы» — ерунда, мельтешение. Собственно, самая страшная и кристально чистая, кристально монотонная трагедия — это простая жизнь. Трагедии Шекспира это лишь осложнение и украшение, частность, интересные варианты. Изначальная трагедия — это наша жизнь. «Минуты роковые» мира лишь отвлекают человека от его индивидуальной трагедии.

Моя жизнь удивительно трагична. А, собственно говоря, трагических событий в ней нет. Смерть отца только. Но ведь это тоже так банально, так естественно мелко. Внутри же для меня моя жизнь удивительно трагична. Реквием. Но никаких проявлений нет, и никто этого не узнает. Возможно, я необыкновенно поглощён собой и очень в себя вдумался, вчувствовался. Ведь трагедия это, собственно, не само несчастье, а его осознание. Но на пределе осознания любое событие трагично. И вот это ощущение трагичности жизни как таковой прорывается в сознание тоской по подлинной, настоящей трагедии; трагедии, осуществившейся в реальности.

235

← Предыдущее, следующее →

235. Примечание к № 231

Ошибка («веховцев») двоякая: распределение неосознанное и распределение неквалифицированное, варварское, по типу «не обманешь — не продашь». (к цитате)

Самый убийственный факт «веховцы» умудрились поместить в примечания. На 60-й странице сборника Сергей Булгаков, говоря о космополитизме русской интеллигенции, заметил в сноске:

«О том своеобразном и зловещем выражении, которое он получил во время Русско-японской войны, лучше умолчим, чтобы не растравлять этих жгучих и больных воспоминаний».

Что значит «умолчим»? О чём же говорить тогда. О чём вообще тут можно говорить ещё. Это же предел! Весь сборник «кающихся интеллигентов» и следовало посвятить конкретному разбору совершившегося предательства. Все авторы «Вех» должны были начать своё «покаяние» с покорнейшего ходатайства перед верховной властью об учреждении чрезвычайного трибунала для разбора преступлений русской интеллигенции перед своей родиной.

Если бы задумались всерьёз, что такое Русско-японская война. Ведь это была репетиция войны русско-германской. Со своей маленькой революцийкой, маленьким Брестом и маленьким пломбированным вагончиком. Вообще со своими микроскопическими (сравнительно) негодяйчиками и садистиками, шпиончиками и иудочками.

А ведь загадочнейшая вещь эта «Русско-японская». Крошечная Япония напала на Россию. Военный авторитет России был огромен — «страна железа и солдат». За 200 лет Русская империя проиграла только одну войну. И то, когда у ней на рукаве повисли Англия, Франция, Турция и Северная Италия. (Крымская война.) И вдруг какая-то Япония, без опыта ведения войны с современными государствами, с гораздо более слабой промышленностью, с втрое меньшим населением, без союзников, одна, замахнулась на обширнейшее государство планеты. Замахнулась вовсе не вынужденно, так как захвата Японии у России и в мыслях

не было. Значит, японцы на что-то сильно надеялись. Очень сильно. Это народ авантюристический, смелый, но очень и очень расчётливый. Не дураками же они были, в самом деле. Значит, знали. Знали о предстоящей революции, о том, что военные действия будут вестись противником вяло и нерешительно. Знали всё. Весь мир был удивлён дерзким нападением Японии и никто не сомневался в разгроме японцев. А японцы ЗНАЛИ. И выиграли.

Через 75 лет после Цусимы опустились на морское дно, нашли русский броненосец и достали из его сейфа слитки платины. Русские всполошились: где, откуда, мы не знали, мы поднимем архивы. Русские не знали, что у них в кораблях содержится. А японцы о загадке цусимской платины знали. И 75 лет молчали, ждали, пока техника разовьётся, чтобы поднять можно было.

О загадке Русско-японской войны ничего ещё не сказано.

236

← Предыдущее, следующее →

236. Примечание к № 228

В больнице же ночью пробрался в кабинет главврача (к цитате)

«Преступление и наказание»:

«„Господи! скажи ты мне только одно: знают они обо всем или ещё не знают? А ну как уж знают и только прикидываются, дразнят, покуда лежу, а там вдруг войдут и скажут, что всё давно уж известно и что они только так… Что же теперь делать…“

Он стоял среди комнаты и в мучительном недоумении осматривался кругом; подошёл к двери, отворил, прислушался; но это было не то. Вдруг, как бы вспомнив, бросился он к углу, где в обоях была дыра, начал всё осматривать, запустил в дыру руку, пошарил, но и это не то. Он пошёл к печке, отворил её и начал шарить в золе: кусочки бахромы от панталон и лоскутья разорванного кармана так и валялись…

…Они думают, что я болен! Они и не знают, что я ходить могу, хе-хе-хе!.. Я по глазам угадал, что они всё знают! Только бы с лестницы сойти! А ну как у них там сторожа стоят, полицейские!»

237

← Предыдущее, следующее →

237. Примечание к № 215
лечили его от инфаркта (зато бесплатно!) (к цитате)

Маркиз де Кюстин писал:

«У русских есть лишь названия всего, но ничего нет в действительности. Россия — страна фасадов. Прочтите этикетки, — у них есть цивилизация, общество, литература, театр, искусство, науки, а на самом деле у них нет даже врачей… Если же вы случайно позовёте живущего поблизости русского врача, то можете считать себя заранее мертвецом».

Как говорится, не в бровь, а в глаз. Но Кюстин не учёл масштабов России. Такой махиной как же без фасадов управлять? Построить посреди Сибири город фанерный, но ведь слухом земля полнится. Иди, посмотри за тысячу вёрст, что там за Томск стоит. А так знают: есть город. А раз город, то, значит, ограда, убежище. И держатся уже смелей. Фасады это ничего. Миф очень важен. А ну как если сейчас сказать, что у нас врачей нет? что много-много аппендикс и гланды удалить могут, да перелом простой срастить. Да и то «на тройку с минусом». Начнётся паника. НА ИЗВЕСТНОМ ЭТАПЕ фасады нужны, и в России без них вообще нельзя (256). Ошибка в другом.

Розанов писал:

«Всё „казённое“ только формально существует. Не беда, что Россия в „фасадах“: а что фасады-то эти — пустые».

То есть объяснили бы про фасады, что так надо, что тут замысел великий. Объяснили тем, кто ПОЙМЁТ. И отдали бы дело «фасадов» в их руки. «Фёдор Михайлович, выручайте!» А так мелко, пошло. И фасады-то так себе, фасадики чахоточные. Чиновничьи. Розанов глубоко, глубоко подметил о сути русских фасадов, русского чиновничества, которое рассчитано «для дураков», построено на «сговорились, сволочи»:

«Чиновничество оттого ничего и не задумывает, ничего не предпринимает, ничего нового не начинает, и даже всё запрещает, что оно „рассчитано на маленьких“. „Не рассчитывайте в человеке на большое. Рассчитывайте в нём на самое маленькое“.

— Система с расчётом „на маленькое“ и есть чиновничество. Заранее решено, что человек не гений. Кроме того, он естественный мерзавец. В итоге этих двух „уверенностей“ получился чиновник и решение везде завести чиновничество».

И революция это решение возвела в квадрат, в куб. И кто я? — не просто философ, а философ в стране чиновников. Русских чиновников. Чиновников, которые всех и вся «учат». И меня учат.

Чиновник, которого я насквозь вижу третьим, окровеневшим от злобы глазом, знаю о нём с первого взгляда больше, чем он знал, знает и будет знать о себе за всю свою жизнь, знаю и день и час, когда он умрёт, отчего и как, знаю всех его предков и потомков, знаю, кем он задуман, кто научил его и сделал таким, — он мне скрипит: «Ты зимой шапку одевай, а то холодно». И с апломбом этак, откинувшись в кресле. А ручки на столе скрестил и пальчиками большими перебирает… Ежедневное, ежеминутное, ежесекундное издевательство.

Сама планировка улиц издевательская. Идёшь по улице, и все над тобой — последний столб, последняя урна или какая-нибудь кошка, выскочившая из помойки, — все они сговорились и надо мной издеваются. Меня годами учат-учат… Чему? «Умного учить — только портить».

Учили технологии придуривания:

— Ишь ты, вумный какой! снег повалил, а он с шапкой выкатился: «Я в шапке!» — Ну и дурак. Ты на мороз не то что без шапки, а под нуль подстриженный выйди. Да ещё перед окном начальничьего кабинета поскользнись и лысиной об лёд ударься, чтоб он учил тебя, дурака. Да ударься по-умному: звонко, да не больно. Да перед этим за углом в шапке жди, чтобы менингит не заработать. Да в кабинете не понимай про шапку сначала — расспрашивай, как и что, да ещё отнекивайся…

238

← Предыдущее, следующее →

238. Примечание к с. 35 «Бесконечного тупика»

«Я очень рано в детстве читал „Войну и мир“, и незаметно кукла, которая называлась Андрей, перешла в князя „Андрея Болконского“». (Н. Бердяев) (к цитате)

Константин Васильевич Мочульский писал о детстве другого философа — Владимира Соловьёва:

«Он жил в сказочном мире, в котором все предметы оживали и вступали в игру: ранец звался Гришей, карандаш был Андрюшей».

«Начитавшись Житий Святых, мальчик воображал себя аскетом в пустыне, ночью сбрасывал с себя одеяло и мёрз „во славу Божию“. Фантазия развилась у него очень рано: он разыгрывал всё, что ему читали; то он был русским крестьянином и погонял стул, напевая „Ну, тащися, сивка“, то испанским идальго, декламировавшим кастильские романсы…

Странным ребёнком был я тогда,
Странные сны я видал.

Так вспоминал он впоследствии о своём детстве».

Конечно, в биографии Владимира Соловьёва очень много странного. Прежде всего, странно — что же в его детстве странного? Ну, игрался он там, назвал карандаш Андрюшей (хорошо, что не Болконским). Это всё понятно. Непонятен подозрительный идиотизм трактовки, стилизация под «гениальность». Как взрослый дяденька Мочульский может писать:

«На поверхности были игры с братьями и сёстрами, сказки и стихи, а в глубине душа ребёнка жила в таинственном мире, в видениях и мистических грёзах, и это „ночное сознание“, полуявь и полусон, чувство, почти невыразимое словами, и определило собой всю его дальнейшую судьбу».

В чём же проявлялись сии «мистические грёзы»? А вот в чём:

«В. Величко называет любовь мальчика к нищим „мистической“ и рассказывает, что „он был буквально влюблён в кучера, здоровенного детину с большой бородой … Бывало, вырвется мальчу-

ган во двор и шмыг в сарай, к своему другу: бросится к нему на грудь, обнимает, целует“ … В 9 лет Соловьёв влюбился в свою сверстницу Юлиньку С., которая предпочла ему другого. Он подрался с соперником и на другой день записал в дневнике: „Не спал всю ночь, поздно встал и с трудом натягивал носки“ … Его первый мистический опыт (т.е., видимо, натягивание носков. — О.) *связан с первой несчастной любовью* (!). *Душа ребёнка, взволнованная влюблённостью, раскрылась для видения любви небесной* (!!). *Мистическая философия Соловьёва, его платоническое учение о любви и культ Вечной Женственности вырастает из этого* (этого вот!!! — О.) *раннего любовного переживания … Это подполье* (!!!) *творчества Соловьёва, тёмный хаос, слепая сила, одновременно и созидающая и разрушающая, таинственная глубина подсознания. Из неё…»*

И та-та и та-та, и та-та и та-та. Ведь это чудовищно! Это можно читать или истерически хохоча или, в лучшем случае, с краской стыда. Стыда и за Мочульского, и за Соловьёва, и за всю многострадальную русскую философию. И ведь это не описка, не оговорка. Мочульский, будучи эмигрантским самоделкиным (угасающая русская мысль породила тогда целую плеяду подобных компиляторов), лишь послушно воспроизвёл обычный тон соловьёвства. Того пресловутого соловьёвства, которое окончательно превратило личность самого Соловьёва в то, что немцы называют «персонажем комической оперы». Ведь это гомерически смешно, когда Евгений Трубецкой открывает своё двухтомное серьёзнейшее исследование о «миросозерцании Вл. Соловьёва» следующей тирадой:

«Кому случалось хоть раз в жизни видеть покойного Владимира Сергеевича Соловьёва, тот навсегда сохранял о нём впечатление человека, совершенно непохожего на обыкновенных смертных».

При этом отвлечённое исследование прерывается цитированием гениальных стихов «великого философа» (Трубецкой его иначе и не называет):

В лесу болото,
А также мох.
Родился кто-то,
Потом издох.

Или:

Михал Матвеич дорогой,
Пишу вам из казерны,
Согбен от недуга дугой

И полон всякой скверны.
Забыты сладкие труды
И Вакха и Киприды;
Давно уж мне твердят зады
Одни геморроиды.

Что ж, смешно. Можно ребятам под бутылку и огурец рассказать (244). Только при чём здесь «мистический опыт», при чём здесь «миросозерцание», при чём здесь «совершенная непохожесть на обыкновенных смертных».

Штришок характерный — ласковый, покорный гомосексуальный блеск в глазах всех этих Трубецких, Булгаковых, Бердяевых, Эрнов и Мочульских, их совершенно противоестественная для мыслителя тяга к авторитету, вождю, фюреру.

Набоков писал в «Даре» об одном персонаже, склонном к однополой любви:

«Мне иногда кажется, что не так уж ненормальна была Яшина страсть (259), — что его волнение было в конце концов весьма сходно с волнением не одного русского юноши середины прошлого века, трепетавшего от счастья, когда, вскинув шёлковые ресницы, наставник с матовым челом, будущий вождь, будущий мученик, обращался к нему… и я бы совсем решительно отверг непоправимую природу отклонения, если бы только Рудольф (объект страсти — „сын почтенного дурака-профессора и чиновничьей дочки, выросший в чудных буржуазных условиях“. — О.) *был в малейшей мере учителем, мучеником и вождём, — ибо на самом деле это был что называется „бурш“, — правда, бурш с лёгким заскоком, с тягой к тёмным стихам, хромой музыке и кривой живописи…»*

239

← Предыдущее, следующее →

239. Примечание к с. 35 «Бесконечного тупика»

Бердяев вышел из «Вех», а не из Достоевского и Толстого, хотя и утверждал обратное (к цитате)

Может быть, Бердяев вышел и из чего-нибудь другого, поинтересней. Ведь русская история это, знаете ли, интереснейшая штука. Я, например, легко представляю себе следующий разговор в «известном учреждении» в начале 20-х:

— Николай Александрович, ну что у вас общего с этой великосветской сволочью? В 1918 году вы же остались в Москве, в едином лагере русской демократии, протестующей против деникинских и колчаковских зверей. Так сказать, плечом к плечу. Тяготы все разделили. А пока годика на три-четыре надо выехать. Мне самому стыдно. Нет, нет, не сотрудничать! Что вы, у нас не царская охранка, мы уважаем убеждения русской интеллигенции… Но вот информация о такой мрази, как Романовы, Марков-второй и т. п., а? Ведь это изверги, убийцы, разорившие нашу с вами Россию! И они террористические акты хотят, хотят опять ввергнуть страну в пучину бедствий. Кому как не вам, философу, понимать всю опасность этого. Так вот… если услышите, ну там краем уха, что, например, имярек отправился нелегально в РСФСР, будьте любезны, сигнализируйте. Вот тут бумаженцию подмахните… Ага, ну и хорошо… А уж мы, будьте благонадёжны, с этой антисемитской сволочью церемониться не станем. Ну и в печати эмигрантской разоблачайте, не абстрагируйтесь.

А что? По-моему, это гораздо убедительнее лубочного рассказа о допросе у Дзержинского, который, по словам Бердяева, «был человек вполне убеждённый, искренний» и вообще «не был плохим человеком и даже по природе не был человеком жестоким». МОРАЛЬНО русский интеллигент вообще и Бердяев в частности на такое предложение ничего возразить не мог. А с другой стороны, зная полёт фантазии ГПУ, трудно предположить, что с высылаемых в 1922 году по распоряжению Ленина не пытались напоследок выдернуть оставшуюся шёрстку. Так что всё очень отчётливо складывается.

Может быть, прямого разговора и не было. Но мне очень хо-

чется, чтобы он был. Это бы придало биографии Бердяева необходимую законченность, блеск (243). И я почти уверен, что диалог был. Бердяев хотел честь заменить умом. Но ум-то у него был слабенький, женский (254). Этот человек в известный момент потерял дворянскую честь и стал скользить по наклонной плоскости. Даже незаметно для себя. А поскольку русская история любит договаривать, то соскользнул он довольно-таки далеко.

240

← Предыдущее, следующее →

240. Примечание к № 135

бунт против реальности, именно за счёт её утрированной, ненормальной прорисовки на манер Толстого (к цитате)

Толстой в «Воскресении» следующим образом описывает христианское богослужение:

«Сущность богослужения состояла в том, что предполагалось, что вырезанные священником кусочки и положенные в вино, при известных манипуляциях и молитвах, превращаются в тело и кровь Бога. Манипуляции эти состояли в том, что священник равномерно, несмотря на то, что этому мешал надетый на него парчовый мешок, поднимал обе руки кверху (242) и держал их так, потом опускался на колени и целовал стол и то, что было на нём. Самое же главное действие было то, когда священник, взяв обеими руками салфетку, равномерно и плавно махал ею над блюдцем и золотой чашей. Предполагалось, что в это самое время из хлеба и вина делается тело и кровь, и потому это место богослужения было обставлено особенной торжественностью».

Подобные отступления в своих романах Толстой обставлял особенной торжественностью, ибо в них предполагалось делание из слов реальности, то есть правды. Несмотря на, а точнее — благодаря диаметрально противоположной посылке, Толстой пришёл к чисто иудейскому взгляду на мир.

Лев Николаевич переписывался с Соловьёвым. В принципе, он мог это делать на иврите (Соловьёв учил язык с Гецом, а Толстой — с Минором). В одном из писем Толстой писал:

«Я вперёд знаю, что если Вы, Владимир Сергеевич, выразите то, что Вы думаете об этом предмете (о „еврейском вопросе“. — О.)*, то Вы выразите и мои мысли и чувства, потому что основа нашего отвращения от мер угнетения еврейской национальности одна и та же: сознание братской связи со всеми народами и тем более с евреями, среди которых родился Христос и которые так много страдали и продолжают страдать от языческого невежества так называемых христиан».*

Если среди евреев родился Христос, то, можно добавить теперь, среди русских родился Антихрист. И он не забыл «глыбу»,

«матёрого человечища». В полуразрушенной и осквернённой Оптиной пустыни, в скиту (самом святом месте, монастыре в монастыре), в алтарной части церкви повесили большой портрет Толстого (255). Отлучённого от церкви.

Розанов сказал о Толстом:

«Чего хотел, тем и захлебнулся. Когда наша простая Русь полюбила его простою и светлою любовью за „Войну и мир“, — он сказал: „Мало. Хочу быть Буддой и Шопенгауэром“ (261). Но вместо „Будды и Шопенгауэра“ получилось 42 карточки, где он снят в ¾, ½, в фас, в профиль и, кажется, „с ног“, сидя, стоя, лёжа, в рубахе, кафтане и ещё в чём-то, за плугом и верхом, в шапочке, шляпе и „просто так“ … Нет, дьявол умеет смеяться над тем, кто ему (славе) продаёт свою душу. „Которую же карточку выбрать“, говорят две курсистки и студент. Но покупают целых три, заплатив за все 15 коп.».

Вместо Шопенгауэра получился «наш советский Шопенгауэр». В мешке с рукавами.

Но последний штрих. В Оптиной повешена полутораметровая ФОТОГРАФИЯ Толстого. «За 15 коп.». Признайтесь же, что в русской истории есть странная эстетика договаривания. Кажется, ну хоть на этот раз, хоть в эту сторону язык не высунется. А он р-раз — и высовывается. «Великий и могучий русский язык». Во какой. В нашей истории все языки высовываются. Миллиард языков. Может, русская идея, её лучший биоморфный образ, это ёжик такой из языков. Он плывёт в океане истории на языках.

241

← Предыдущее, следующее →

241. Примечание к № 135

Станиславского тут даже жалко (к цитате)

Чехов всегда испытывал к театру пренебрежительное отвращение. А фразы «театр это школа», «театр это храм» заставляли его хохотать. Он с юных лет насмотрелся на актёров, на театральные нравы и сделал для себя соответствующие выводы:

«Современный театр — это сыпь, дурная болезнь городов. Надо гнать эту болезнь метлой, но любить её — это нездорово. Вы станете спорить со мной, и говорить старую фразу: театр школа, он воспитывает и прочее… А я Вам на это скажу то, что вижу: теперешний театр не выше толпы, а, наоборот, жизнь толпы выше и умнее театра; значит, он не школа, а что-то другое…»

«Театр, повторяю, спорт и больше ничего … в театр, как в школу, без которой нельзя обойтись, я не верю».

«Актёры никогда не наблюдают обыкновенных людей. Они не знают ни помещиков, ни купцов, ни попов, ни чиновников. Зато они могут отлично изображать маркёров, содержанок, испитых шулеров, вообще всех тех индивидуумов, которых они случайно наблюдают, шатаясь по трактирам и холостым компаниям».

Разве что к актрисам Антон Павлович был неравнодушен. Они его волновали как мужчину. Делился по этой части впечатлениями с Сувориным:

«Помнится мне одна 19-летняя, которая лечилась у меня и великолепно кокетничала ногами. Я впервые наблюдал такое уменье, не раздеваясь и не задирая ног, внушить вам ясное представление о красоте бёдер. Впрочем, Вы этого не понимаете. Чтоб понимать, нужно иметь особый дар свыше».

Симпатия к актрисам понятна. Женщин Чехов не любил, но испытывал к ним влечение. Актрисы же — это самые женственные женщины, средоточие всех женских пороков, так волнующих мужское воображение. У Чехова в письме к Книппер промелькнула фраза:

«Добродетельных играют только бездарные и злые актрисы».

Женщина — тварь, но она должна быть красивой и смешной, толстой и счастливой. Это должна быть законченная сволочь, и я её за это буду любить, как охотник любит матёрого волка. Книппер покорила пьяного от чахотки Чехова своей матёростью. Девочка в гостях сказала: «Какая тётя Оля красивая! Как наша собака». Чехов был в восторге и всегда любовно звал жену собакой. Удивительно точно. Волчица, овчарка немецкая. Умная сука. Она искренно Чехова любила. Любила за эту его удивительную любовь к себе. Его вообще женщины любили. Им нравилось глубокое презрение к ним, да и вообще к людям:

«И женщина и мужчина пятак пара, только мужчина умнее и справедливее».

Из записных книжек:

«Когда женщина любит, то ей кажется, что предмет её любви устал, избалован женщинами — и это ей нравится».

242

← Предыдущее, следующее →

242. Примечание к № 240

«священник равномерно, несмотря на то, что этому мешал надетый на него парчовый мешок, поднимал обе руки кверху» (Л. Толстой) (к цитате)

Образ департамента в русской классике: что-то пишут, а потом умирают. А начальство хулиганит.

Я работал на заводе — наш участок был целым миром. Ну, мирком, по крайней мере. А посмотреть на департамент, министерство. Адмиралтейство. Оформление кабинетов, общих залов. Какая сложная, величественная и загадочная жизнь. И ложа «Трёх Нептунов». Акакий Акакиевич, а наденет балахон — и столоначальник перед ним крыса. Тут сложнее всё.

Бунин писал в 1918 году:

«Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то (то есть вчера) жили, которую мы не ценили, не понимали, — всю эту мощь, сложность, богатство, счастье…»

Были в XIX веке и партсобрания, но в 1000 раз сложнее. Пасха и 1 мая — такой вот перепад. Русская литература не знала этого. Гоголь и не хотел знать. Начало «Шинели»:

«В департаменте… но лучше не называть, в каком департаменте… Итак, в ОДНОМ ДЕПАРТАМЕНТЕ служил ОДИН ЧИНОВНИК…»

И чиновник этот переписывал БУМАГИ. Какие? Чувствуете реализм русской литературы? Толстой обмакивал перо в чернильницу и, близоруко уткнувшись носом в бумагу, что-то быстро-быстро писал. Потом встал, крякнул, подпрыгнул, несмотря на то, что этому мешал надетый на него мешок, и снова сел за стол. И снова стал много-много писать. Сущность «писания» состояла в том, что предполагалось, что слова, при известном способе нанесения на бумагу, превращаются в действительность.

И вот результат: пушкинская эпоха, гоголевский период, Лев Толстой как зеркало… Россия XIX века, её сложность и богатство, превратились в «одну страну», в пустоте которой летают

пушкины и гоголи и её, эту пустоту, «описывают». Действительно, если оценивать русскую жизнь того времени с точки зрения литературы, то и вправду окажется, что России-то и не было. В России историю заменила литература. До сих пор в нашей стране не написана история XIX века. Такой книги нет. Я не говорю об уровне — хоть что-нибудь. Ничего. Зато изданы полные собрания сочинений и писем нескольких десятков писателей. Толстого в 90 томах издали. Это больше, чем весь Брокгауз, — самая объёмистая русская энциклопедия. И если бы хоть там что-нибудь. Но там: «один департамент», «парчовый мешок». Загадочная страна. Иногда кажется: а была ли Россия? может быть, никакой России и не было?

243

← Предыдущее, следующее →

243. Примечание к № 239

Это бы придало биографии Бердяева необходимую законченность, блеск. (к цитате)

Бердяев сказал, а русская история подхватила и договорила на таком вульгарном, на таком пошлом уровне, что впору повеситься. Ведь тема этического релятивизма очень ясно просматривается. «Смысл творчества» превратился у этого интеллигента в «Смысл в творчестве». Творчество — вот мерило жизни:

«Христианство в лучшем случае оправдывало творчество, но никогда не подымалось до того сознания, что не творчество должно оправдывать, А ТВОРЧЕСТВОМ ДОЛЖНО ОПРАВДЫВАТЬ ЖИЗНЬ (крупный шрифт Бердяева. — О.). *Творчество — религия. Творчество по религиозно-космическому своему смыслу равносильно и равноценно искуплению».*

Подписать бумажку, чтобы творить в эмиграции, а гениальными творениями потом искупить с лихвой, хы-хы. Да Николай Александрович чего-то такого и ждал, хотя, конечно, и не в такой издевательской форме:

«Современный человек-творец не может уже классично, по нормам творить науки и искусства, как не может классично, по нормам заниматься политикой. Во всём он хочет дойти до конца, до предела, перейти за грани».

Интересные ведь строчки, особенно если учесть, что чудак всерьёз идентифицировал себя со Ставрогиным (правда, сильно романтизированным).

И оправдание упреждающее было заранее приготовлено:

«Творческий акт есть самооткровение и самоценность, не знающая над собой внешнего суда».

Ещё цитаточка:

«Нельзя жить в мире и творить новую жизнь с одной моралью послушания, с одной моралью борьбы против собственных грехов. Кто живёт в вечном ужасе от собственного греха, тот бессилен что-нибудь сделать в мире».

И ещё:

«В самом православном сознании … есть слишком большая утончённость, усмирённость творческих порывов. И иногда понятно желание подпольного человека у Достоевского послать к чёрту всю эту гармонию и пожить на свободе. В нерастворимом тёмном остатке есть творческий источник».

А творчество, берущее начало в «тёмном остатке», является мерой вещей, значит.

Вот из более поздней работы:

«Преодоление элементарного морализма привело бы к более высокому моральному сознанию. Справедливое и джентльменское отношение к дьяволу может лишь укрепить в борьбе со злом».

Не знаю, что случилось, но незадолго до смерти Бердяев сказал нечто другое:

«Зло сначала общается с нами как с господином, потом как с сотрудником и наконец само делается господином».

И наконец, в заключение этого примечания можно вспомнить ещё одно место из «Смысла творчества»:

«Познание, как послушание, ничего не может сказать о творчестве … Творчество есть разрыв того круга, в котором пребывает наука и научная гносеология. А это значит, что творчество не требует и не допускает гносеологического оправдания и обоснования».

Ну вот, я творчески прорвался к той истине, что Бердяев — агент ЧК. Это моя интуиция. Причём доказать обратное невозможно, так как доказательство это же вообще не творчество, а душащая свободу необходимость… Уже на этом элементарном уровне опровергается весь «смысл творчества». Творчество может быть негуманным, и вообще оно внегуманно.

244

← Предыдущее, следующее →

244. Примечание к № 238

Можно ребятам под бутылку и огурец рассказать. (к цитате)

Из соловьёвских «Трёх лилий». О женщинах:

Они покрывают
Постель одеялом,
А также бывают
Для нас идеалом (246).

Или вот ещё оттуда, тоже здорово:

Вы позвольте вам всем предложить
Выпить водочки и закусить.

«Шутка гения».

Вообще, Владимир Сергеевич напитками того… увлекался. И даже подводил под сие тривиальное для русского занятие философский фундамент, говоря, что алкоголь «повышает энергию нервной системы, и через неё — психической жизни». В результате-де усиливаются основные свойства личности. Человек низменный превращается в скота, а возвышенный — попадает в царство мирового разума. Софизм, вполне достойный советского пьяницы, находящего предлог для опохмелки в праздновании Дня Конституции.

В сущности, пьянство разрушает естественный механизм опьянения. Пьяность само по себе чувство вполне естественное и здоровое. Разве влюблённый не ведёт себя как пьяный? Даже просто вид красивой женщины вызывает опьянение. Или похвала, даже ласковое слово. Или морозный воздух, летняя ночь, гроза, бессонница, сосновый лес, беседа с друзьями. Пьяница всего этого лишён, довольствуется денатуратным суррогатом, муляжом сивушным. Кроме того, пьющий превращается в трезвенника, переживает приступы отвратительной трезвости. А что такое трезвость? Это когда человек хочет стать пьяным, а не может. Непьющий по желанию может почти мгновенно стать пьяным, причём очень пьяным. Сам организм по желанию услужливо впрыскивает в мозг нужное количество гормонов. И так же легко, за минуту, можно выйти из этого состояния.

Распущенные люди не умеют любить, наслаждаться любовью. Но тут, по крайней мере, эротическая скованность тоже анормальна. Пьянством же занимаются совсем недалёкие люди. Не только неумные, это само собой, так как стакан водки на неделю превращает философа в обывателя, а обывателя в дебила, не только не умные, но и не мудрые, так как погоня за опьянением лишает пьяности. А заодно, и здоровья…

Софизм, вполне достойный советского пропагандиста, объясняющего отсутствие спичек и хозяйственного мыла высокой духовностью нашего общества (борьба с «вещизмом»).

245

← Предыдущее, следующее →

245. Примечание к № 225
я учился в спецшколе (к цитате)

С 8 до 17 лет меня бесплатно обучали немецкому языку. Помню, в классе 6-ом проходили тему «Ленин на охоте». Ильич охотился с шушенским мужиком Сосипатычем. От учеников требовалось «произношение», и Сосипатыча следовало называть «Зозипатитш». Это считалось шиком, и за это сразу ставили пять баллов. Я моментально переделал Сосипатыча в Сосилопатыча. Меня наказали. Я ещё больше разозлился и стал Сосипатыча называть Сосикувалдычем. Тогда вызвали в школу родителей.

246

← Предыдущее, следующее →

246. Примечание к № 244

«Они покрывают постель одеялом, а также бывают для нас идеалом». (Вл. Соловьёв) (к цитате)

Бердяев писал в «Русской идее»:

«Как философ, Вл. Соловьёв совсем не был экзистенциалистом, он не выражал своего внутреннего существа, а прикрывал. Он пытался компенсировать себя в стихах, но и в стихах он прикрывал себя шуткой, которая иногда производит впечатление, не соответствующее серьёзности темы. Особенности Вл. Соловьёва, как мыслителя и писателя, дали основание Тарееву написать о нём: „Страшно подумать, что Соловьёв, столь много писавший о христианстве, ни одним словом не обнаружил чувство Христа“. Тареев имел тут в виду, что Вл. Соловьёв, говоря о Христе, обычно говорил, как будто бы, о Логосе неоплатонизма, а не об Иисусе из Назарета. Но его интимная духовная жизнь оставалась для нас скрытой, и не следует произносить о ней суда. Нужно помнить, что он отличался необыкновенной добротой, раздавал бедным свою одежду, и однажды должен был появиться в одеяле».

247

← Предыдущее, следующее →

247. Примечание к с. 35 «Бесконечного тупика»
«я совершенно согласен с Чернышевским» (Н. Бердяев) (к цитате)

В чем отличие журналиста от писателя? Журналист смешон, когда абсолютно серьёзен, фальшив, когда абсолютно искренен, и лжив, когда абсолютно правдив. Самые интимные строчки у журналиста самые фальшивые. Когда журналист начинает говорить от себя, он проговаривается.

Из «Русской идеи» Бердяева:

«Такие люди составляют НРАВСТВЕННЫЙ КАПИТАЛ (здесь и ниже крупный шрифт и примечания мои. — О.)*, которым впоследствии будут пользоваться менее достойные* (?) *люди. По личным нравственным качествам это был не только один из лучших русских людей, но и человек БЛИЗКИЙ К СВЯТОСТИ* (вот как!). *Да, этот материалист и утилитарист, этот идеолог русского «нигилизма» был ПОЧТИ СВЯТОЙ. Когда жандармы везли его в Сибирь, то они* (имена? фамилии?) *говорили: нам поручено везти преступника, а мы везём святого* (где, когда говорили?). *Дело Чернышевского было одной из самых отвратительных ФАЛЬСИФИКАЦИЙ, совершённых русским правительством* (т.е. Чернышевский не был идеологом нигилизма и террора, так что ли?) … *Он ничего не хотел для себя, ОН ВЕСЬ БЫЛ ЖЕРТВА.* (Ну да, слышали мы это: скромный, в потёртом пиджачке и кепочке на заводе Михельсона… Грехи на себя принял.) *В это время слишком многие православные христиане благополучно устраивали свои земные дела и дела небесные* (даже в конце 40-х Бердяев не удержался и по интеллигентской привычке пнул ногой «издыхающую гадину») … *Нужно читать письма Чернышевского с каторги к своей жене, чтобы вполне оценить нравственный характер Чернышевского и почти* (везде это «почти») *МИСТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР его любви к жене* (гм-гм, вот и соловьёвская «вечная женственность» появилась) … *Очень невыгодно было сравнение для христиан того времени, которые очень дорожили благами земной жизни и рассчитывали на блага жизни небесной* («хорошее повтори и ещё раз повтори»). *Чернышевский был очень учёный человек* («большой человек»)*, он знал всё* (так!),

знал богословие (!!), *философию Гегеля* (!!!), *естественные науки* (читайте, читайте), *историю* (!!!) *и был специалистом* (гм-гм) *по политической экономии … лично Чернышевский нисколько не был жёстким типом* (как и Дзержинский), *он был необыкновенно человечен* (ну, конечно же!), *любвеобилен* (хе-хе), *жертвен … Роман* (с ударением на первом слоге) *«Что делать?», признанный катехизисом нигилизма, был оклеветан* (так!) *представителями правого лагеря, начали КРИЧАТЬ* (так в тексте) *о его безнравственности те, кому это менее всего было к лицу* (то есть «сам дурак»). *В действительности мораль «Что делать? «очень ВЫСОКАЯ и уже во всяком случае бесконечно более высокая, чем гнусная* (так!) *мораль „Домостроя“* (эка загнул!), *ПОЗОРЯЩЕГО* (??) *русский народ».* (Уф!)

Чехов писал в «Скучной истории», что начиная с 60-х годов ни одна русская книга не выходила без «но»:

«Умно, благородно, но неталантливо; талантливо, благородно, но неумно, или наконец — талантливо, умно, но неблагородно».

И далее:

«(В иностранных книгах) не редкость найти главный элемент творчества — чувство личной свободы, чего нет у русских авторов. Я не помню ни одной такой новинки, в которой автор с первой же страницы не постарался бы опутать себя всякими условностями и контрактами со своей совестью. Один боится говорить о голом теле, другой связал себя по рукам и по ногам психологическим анализом, третьему нужно „тёплое отношение к человеку“, четвёртый нарочно целые страницы размазывает описаниями природы, чтобы не быть заподозренным в тенденциозности… Один хочет быть в своих произведениях непременно мещанином, другой непременно дворянином и т. д. Умышленность, осторожность, себе на уме, но нет ни свободы, ни мужества писать, как хочется, а стало быть, нет и творчества…

…Необычайная важность, игривый генеральский тон, фамильярное обращение с иностранными авторами… Не только статьи, но мне тяжело читать даже переводы, которые делают или редактируют русские серьёзные люди. Чванный, благосклонный тон предисловий, изобилие примечаний от переводчика, мешающих мне сосредоточиться, знаки вопроса и „так“ в скобках, разбросанные щедрым переводчиком по всей статье или книге, представляются мне покушением и на личность автора, и на мою читательскую самостоятельность… Друг к другу и к тем писателям, которых они критикуют, относятся они или излишне по-

чтительно, не щадя своего достоинства, или же, наоборот, третируют их… Обвинения в невменяемости, в нечистоте намерений и даже во всякого рода уголовщине составляют обычное украшение серьёзных статей».

Это настроение, лишь мелькнувшее у Чехова как отзвук бесед с Сувориным и виртуозная упреждающая заглушка, очень было близко Набокову, стало его кредо.

248

← Предыдущее, следующее →

248. Примечание к с. 36 «Бесконечного тупика»

Чернышевские и Писаревы выросли в «Вехи» … Всё «получилось». Но получилось чужое. (к цитате)

Почему «Вехи» все же не получились? Потому, что это был максимум для их авторов. А должен был быть минимумом. С этого начинается философия, а не заканчивается. А они, когда писали «Вехи» (все без исключения), задыхались в разреженном воздухе альпийских вершин собственной философской мысли. Если бы это были серьёзные мыслители, которые в целях ПОПУЛЯРИЗАЦИИ своих взглядов СНИЗОШЛИ до разговора на столь элементарном уровне. А так — увы! — русская интеллигентская масса осталась для веховцев референтной группой (252), людьми, с уровнем которых они соотносят и сопоставляют свои знания, причём неосознанно.

И всегда противные оговорки (260). Верили ли сами в них? Тем хуже, если верили.

249

← Предыдущее, следующее →

249. Примечание к № 232

Интеллигенция не ощущала себя юной, в ней был нелепый переход от детства ко «взрослости». (к цитате)

Русская интеллигенция не поднялась даже до осознания собственных сословных интересов (257). Ворочали глыбами: народ, Р-рос-сия. А если бы сказали прямо: «Что делать, и нам нужно место под солнцем. Вам, дворянам, с детства было дано всё. А мы жили в атмосфере хамства, сквернословия, побоев. У нас нет культуры, воспитания. И тем не менее, если не за счёт таланта, то по крайней мере за счёт трудолюбия, мы выбились в люди, в средние слои общества. Мы образовали новое, молодое сословие, важное и полезное для России. Нам нужно дать некоторые привилегии, льготы…»

Нет, начали с другого: «Мы соль земли русской». Всё началось с этого истерического бреда сентиментальной потаскушки (283). Дворянство как сословие — крепостники, бурбоны, невежи и невежды, мешающие общественному прогрессу; духовенство — мракобесы, пьяницы и развратники; купечество — хамы и дебоширы; чиновничество — взяточники, жулики и карьеристы; военные — солдафоны; ну, а простой народ — тёмное, невежественное быдло (тут оговорочка: да, грязные свиньи, но не сами по себе, а потому что искусственно в невежестве держат).

То есть, иными словами, интеллигенция — это такое сверхдворянство, такое сверхпервое сословие, такая элита, такая «суперстар», по сравнению с которой бледнеет спесивость римских патрициев и китайских мандаринов. Даже средневековое дворянство никогда не считало себя «солью земли» и признавало влияние духовенства и, в определённой степени, городских сословий. Тут неслыханный, неправдоподобный АРИСТОКРАТИЗМ русской ДЕМОКРАТИИ ещё за полвека до Октября предварил создание советской номенклатуры.

Злозоркий Набоков точнёхонько подметил в «Даре»:

«Изучая повести и романы шестидесятников, Чердынцев удивлялся, как много в них говорится о том, кто как поклонился».

Одно из впечатлений детства: стою на перроне Курского вок-

зала, а рядом сидит какая-то бабка на корзинах, вся кутанная-перекутанная в платок, похожий на высохшую половую тряпку. Лицо тупое-тупое, красное, и глаза щёлками. С ней рядом на корзинах внучка, наверно. И вдруг бабка ей: «Ой, девочкя, мотри, уточки какие!» (287) (Пальцем на голубей.) Это вот русская интеллигенция «один к одному». Такую тупость ещё поискать. Конечно, дурачков использовали, но должна же быть и своя голова на плечах.

Из воспоминаний одного «ходока в народ», потерпевшего неудачу в своих науськиваниях:

«Я начал с расспросов крестьян об их деревне, нужде, о том, как у них себя ведёт начальство, и затем уже переходил к своим заключениям и обобщениям. Но тут я натыкался всякий раз почти на одно и то же возражение: соглашавшийся с моими посылками кологривец делал из них свой вывод или подводил свой итог, а именно, утверждал, что сами они, деревенские, во всем виноваты и им приходится терпеть нужду, обиды и скверное обращение собственно потому, что они сами поголовно пьяницы и забыли Бога».

Интеллигенции до этих кологривцев пахать и пахать. Зарвались с полунамёка (292). Им только намекнули, только бросили идейку — и всё, пошло в рост моментально. Сразу поверили и в свою избранность, и в чужую ничтожность. Самоанализ = 0. Если бы Чернышевский написал «Что делать?», где рассказал бы о судьбе молодого человека из поповичей, попавшего в совершенно чуждый и враждебный Петербург, и как ему там трудно и тяжело пришлось, как потерпели крах его наивные представления о столичной жизни… А то: «Я Иисус Христос. Я принёс миру Правду».

Ленин писал Горькому в 1919:

«Интеллигентики мнят себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно».

Это, пожалуй, единственное высказывание Ильича, с которым можно вполне согласиться. Особенно если учесть, что сам Ленин был типичным интеллигентом (297).

250

← Предыдущее, следующее →

250. Примечание к № 212

«Поприщин!.. Аксентий Иванов! титулярный советник! дворянин!.. Фердинанд VIII, король испанский!» (Н. Гоголь) (к цитате)

В детстве, стоило кому-нибудь на улице крикнуть, например: «Володя!» — как я сразу же оборачивался. Хотя звали меня вовсе и не Володей. Думал, может, меня, может, имя перепутали. Кого же ещё звать могут? Вот и сейчас. Сколько лет прошло. Но скажут громко, например: «Соловьёв» — и я сразу вскидываю голову.

251

← Предыдущее, следующее →

251. Примечание к с. 36 «Бесконечного тупика»
Вот и вся сказка. Очень короткая, глупая и злая. (к цитате)

Даниил Хармс написал для детского журнала «Сказку» (253):

«…о том, как король пил чай с яблоками и вдруг подавился, а королева стала бить его по спине, чтобы кусок яблока выскочил из горла обратно. А король подумал, что королева дерётся, и ударил её стаканом по голове. Тут королева рассердилась и ударила тарелкой. А король ударил королеву миской. А королева ударила короля стулом. А король вскочил и ударил королеву столом. А королева повалила на короля буфет. Но король вылез из-под буфета и пустил в королеву короной. Тогда королева схватила короля за волосы и выбросила его в окошко. Но король влез обратно в комнату через другое окно, схватил королеву и запихал её в печку. Но королева вылезла через трубу на крышу, потом спустилась по громоотводу в сад и через окно вернулась обратно в комнату. А король в это время растапливал печку, чтобы сжечь королеву. Королева подкралась сзади и толкнула короля. Король полетел в печку и там сгорел.

— Вот и вся сказка, — сказала Леночка.

— Очень глупая сказка, — сказал Ваня».

Эта сказка — история КПСС. Максимум, на который можно было растянуть куцый анекдот марксизма. Целых 16 строчек получилось. Уф! Хватит.

В 1920 переименовали Царское село в Детское. Гумилёв написал:

Не Царское Село, к несчастью,
А Детское. Ей-ей,
Уж лучше быть под царской властью,
Чем стать забавой злых детей.

252

← Предыдущее, следующее →

252. Примечание к № 248

русская интеллигентская масса осталась для веховцев референтной группой (к цитате)

Есть в этом ещё один аспект, уже страшный. «Вехи» хотя и недостаточно полно, но достаточно ясно указали на основные просчёты в устройстве верхнего этажа России, её духовной жизни. И уж конечно, какой-нибудь левша из гейдельбергского университета уцепился за «Вехи»: «Скажите нашему императору, что русские кирпичом ружья чистят». Ведь «Вехи» и рассчитаны на немцев. Это философский донос, донос на языке, наиболее доступном и понятном для немцев. Русские в «Вехах» тогда ничего не поняли (даже авторы не поняли, ЧТО написали). А немцы уже тогда могли понять. И по всей видимости, поняли.

253

← Предыдущее, следующее →

253. Примечание к № 251

Даниил Хармс написал для детского журнала «Сказку» (к цитате)

Если убрать у него этих бесконечных Кукиных, Квакукиных и Ракукиных (267) и вставить имена, более соответствующие национальной специфике исторической драмы Советской России, то получится следующий текст (для примера взят рассказ «Случаи», изменён также «национальный колорит»):

«Однажды Борух де Генин объелся мацой и умер. А Кугельман, узнав об этом, тоже умер. А Канторович умер сам собой. А жена Канторовича упала с буфета и тоже умерла. А дети Канторовича утонули в пруду. А бабушка Канторовича съела парик и пошла по дорогам. А Самуэльсон перестал причёсываться и заболел паршой. А Фурман нарисовал даму с кнутом в руках и сошёл с ума. А Зускинд получил телеграфом четыреста рублей и так заважничал, что его вытолкали со службы.

Хорошие люди и не умеют поставить себя на твёрдую ногу».

Вот и всё. Мне это неинтересно. «Трагедий» Мандельштама/Бухарина или Бабеля/Ежова интересен вообще (273), как и история, например, Боливии или Эквадора. Там есть поучительные сцены и пикантные детали. Разумеется, испытываешь и сострадание. Только при чём здесь русская история, при чём здесь я? Непонятно.

Делается следующая подтасовка: советская интеллигенция противопоставляется советской власти. На самом деле отношения были другие: русский народ и еврейские верхи, которые, в свою очередь, делились на мещан, интеллигенцию и власть придержащих (грубо говоря, русская деревня и еврейский город). При этом связь между остатками русских городских сословий и еврейской интеллигенцией была куда более слабой, чем связь между еврейской интеллигенцией и еврейским же чиновничеством. Последние просто-напросто были родственниками (ср. семью Мандельштама). Это были «свои». Трещина между страной и властью проходила вовсе не через паркет гостиной жены Каменева (277).

Свободный книжный рынок давно уже завален сотнями еврей-

ских мемуаров и исповедей, изданы десятки сборников каких-то затхлых писем, вроде переписки двоюродного племянника Пастернака с дядюшкой Мандельштама или правнучки Цветаевой-Эфрон с правнуком Зиновьева-Апфельбаума. Всё это с картинками, фотографиями, комментариями.

Бабель писал о своём приезде в чекистский Петроград:

«Ванна была старинная, с низкими бортами… На палевых атласных пуфах, на плетёных стульях без спинок разложена была одежда — халат с застёжками, рубаха и носки из витого, двойного шёлка. В кальсоны я ушёл с головой, халат был скроен на гиганта, ногами я отдавливал себе рукава… Кое-как мы подвязали халат императора Александра III и вернулись в комнату, из которой вышли. Это была библиотека Марии Фёдоровны… Библиотеку Марии Фёдоровны наполнил аромат, который был ей привычен четверть столетия назад. Папиросы двадцать сантиметров в длину и толщиной в палец были обёрнуты в розовую бумагу; не знаю, курил ли кто в свете, кроме всероссийского самодержца, такие папиросы, но я выбрал сигару (из соседнего ящика) … Остаток ночи мы провели, разбирая игрушки Николая II, его барабаны и паровозы, крестильные его рубашки и тетрадки с ребячьей мазнёй. Снимки великих князей, умерших в младенчестве, пряди их волос, дневники датской принцессы Дагмары, письма сестры её, английской королевы, дыша духами и тленом, рассыпались под нашими пальцами … До рассвета не могли мы оторваться от глухой, гибельной этой летописи. Сигара … была докурена».

На следующий день вымытого Бабеля представили Урицкому, и он был зачислен в штат ЧК:

«Не прошло и дня, как всё у меня было, — одежда, еда, работа и товарищи, верные в дружбе и смерти, товарищи, каких нет нигде в мире, кроме как в нашей стране. Так началась 13 лет назад превосходная моя жизнь, полная мысли и веселья».

Где же тут русская история? (289) От русской истории остался халат, старые фотографии, игрушки детей, которые перебирают любопытными щупальцами уэллсовские осьминоги.

← Предыдущее, следующее →

254. Примечание к № 239
Но ум-то у него (Бердяева) был слабенький, женский. (к цитате)

Бердяев утверждал, что его философия есть прежде всего философия человека, философия антропологическая и необъективированная, то есть не претендующая на самостоятельное абстрактное существование:

«Национальность есть моя национальность и она во мне, государственность — моя государственность и она во мне, церковь — моя церковь и она во мне, культура — моя культура и она во мне, вся история есть моя история и она во мне. Историческая судьба народов и всего человечества есть моя судьба, я в ней и она во мне. Я живу в прошлом и будущем истории моего народа, истории человечества и истории мира. И все жертвы всемирной истории совершаются не только мной, но и для меня, для моей вечной жизни».

Но на самом деле Бердяев поставил в центр своего философствования не конкретного человека, а абстрактного Человека. И поэтому его «Самопознание» обернулось «Саморазоблачением». В бердяевском «Самопознании» есть всё, кроме самопознания, так же, как в романе О. Генри «Короли и капуста» есть всё, кроме королей и капусты.

Бердяев, хотя и написал «Смысл творчества», не был творческой личностью. Это интерпретатор и популяризатор (258). Он этого не понимал, так как в его сознании отсутствовала категория смирения и, следовательно, «самопознание».

Бердяев, особенно для поверхностного читателя, говорит хлёстко, звонко, интересно. Но лишь тогда, когда речь идёт об общих декларациях. Его характеристики конкретных людей как правило глубоко ошибочны, наивны и лишь в простейших случаях относительно верны (то есть, попросту говоря, банальны). На самом деле философия Бердяева всегда была глубоко объективирована и целиком находилась в мелком русле западноевропейского просветительства (Фейербах, его восхищавший, и т. д.) Единственное, что отличает его от моралистов XVIII в., — это русское спохватывание, хотя и достаточно руди-

ментарное (265). Из-за этого Бердяев иногда проникает в более глубокие слои бытия. Но это лишь «экскурсы», «бон мо». Бердяев останется в истории русской философии негативно, как человек, с которым когда-то спорили, которого часто цитируют, но никогда не читают. В бердяевщине нет личности. Её субъективизм огромен, но носит чисто декларативный характер. Сочетание разрушительное. Настолько разрушительное, что нет даже необходимости в сколько-нибудь существенной критике Бердяева. Достаточно сопоставить его ЛИЧНОСТЬ с его философией, и уже от этого всё рухнет.

255

← Предыдущее, следующее →

255. Примечание к № 240

в алтарной части церкви повесили большой портрет Толстого (к цитате)

Чтобы появился Герострат, необходимо было построить сложнейший храм. Чтобы было, что сжигать. Но храм Артемиды Эфесской — это ведь ещё относительно слабый уровень духовности. А вот какая-нибудь святыня христианская… Икона чудотворная… И она в храме, а храм в монастыре, а монастырь в святых местах, в святой округе, в чистом сосновом бору. И деревья даже растут кругами, наклоняются верхушками к центру. Люди едут с «миллионов квадратных вёрст» сюда, в какую-нибудь Оптину пустынь. Часто пешком. И вот в самый центр, на икону — плюнуть. А? Подрисовал угольком усы на рекламе — штраф 15 копеек. А тут — смерть. И смерти мало. Потому что плевок в самую душу народа.

Как хрупко, хрупко всё. Чем святее, тем беззащитнее. Чем выше культура, тоньше, тем она ранимее и тем выше, тем жирнее зло.

И вот инквизиция, иезуиты. Пустили масоны уточку мальчику семилетнему: «Вот картинка. Иезуиты. Они плохие». Слышишь, запоминай: «Дядя плохой». Ни истории инквизиции, ни сил, против которых она боролась. Этого русским знать не полагалось. Объяснили про прогрессивных ведьм, которых реакционные монахи пытали и ели. Ну понятно, где в Европе XVI века образование, где библиотеки, где сконцентрированы наиболее образованные люди? Конечно, не в монастырях! Монастыри душат культуру, мучают грамотных и культурных поселян.

В одной из ранних работ Соловьёв проговорился в примечании:

«Известно, что когда римский престол под невыносимым давлением европейских правительств, управляемых франкмасонами, решился упразднить иезуитский орден, во всем мире одна Россия дала убежище гонимым монахам, и под могущественным покровительством Екатерины II они могли сохраниться как учреждение до своего официального восстановления Пием VII».

Тут бы и вступиться правдолюбцу-то. Ведь принял католичество. Указал бы на подлинную трагедию, на работу масонской разведки в среде католического духовенства. Рассказал бы о том, как центр западной культуры был постепенно перерождён. Рассказал бы о сожжённой на кострах инквизиции. Нет, Соловьёв был поумней!

256

← Предыдущее, следующее →

256. Примечание к № 237

На известном этапе фасады нужны, и в России без них вообще нельзя. (к цитате)

Окупится, даже если пользы не будет. Не будет пользы, но не будет и вреда. А то ведь получится по идиотской русской присказке: «У людей дураки загляденье каки, а наши дураки те вона каки: дом зажгут и огню рады». Для дураков надо даже специально строить потёмкинские деревни, чтобы они их потом безвредно жгли.

257

← Предыдущее, следующее →

257. Примечание к № 249

Русская интеллигенция не поднялась даже до осознания собственных сословных интересов. (к цитате)

Что в значительной степени снимает с неё ответственность за произошедшее. Интеллигенты были слепыми исполнителями, «мелкой сошкой». Что и всегда было свойственно этой группе населения. Но наши в своей массе даже не понимали, кто ими руководит и зачем.

258

← Предыдущее, следующее →

258. Примечание к № 254
(Бердяев) это интерпретатор и популяризатор (к цитате)

Бердяев говорил, что в России отсутствует средний слой культуры, а в русском характере отсутствуют средние состояния:

«Для русских характерно какое-то бессилие, какая-то бездарность во всём относительном и среднем».

И тем не менее Бердяев именно хороший средний философ. Как это ему удалось? Текст его книг состоит из гениальных и бездарных предложений. В среднем получается талантливо.

У Бердяева силён элемент шарлатанства и заглушечности. Но его заглушка — русская идея. Это глупый, пустой русский, который начинает оправдываться из ничего, на пустом месте. В водоворот этого оправдания постепенно засасываются обломки чужих мыслей и кружатся там. Чисто оригинально лишь одно — сама пустая воронка. Когда ничтожество начинает агрессивно оправдываться. И в этом оправдании (пустом) проявляется талант. Ерунда с художеством. Талантливое ничто. Это антииудаизм. Тоже вид духовного паразитизма (263). Без обломков цитат наступает крах. Нужна среда. Но тут взаимоотношение со средой не статичное, а динамичное (в отличие от евреев). Воронка и пузырь в бетоне.

Вороночное шарлатанство Бердяева, совершенно не философское, странно совпадает с типом мышления самого «философского философа» — Гегеля. Только у Гегеля вихрь направлен вовне. Это агрессивное разворачивание своего «я». У Бердяева «я» — такое же бессодержательное и формальное — засасывающее. Оно цепляется к окружающим. Бердяев, совершенно необразованный и даже, по его же признанию, неграмотный, хватается за чудо-вазу своей гениальности. «Я гений!» — Все оборачиваются к нему. Потом он говорит: «Я ничтожество!» Констатация ничтожества есть подлинное выражение недоумения от первой фразы, и своей подлинностью передачи недоумения она как будто подтверждает и подлинность первого тезиса. Потом Бердяев говорит: «Я гений и я ничтожество — это неразрешимое противоречие, отражающее антиномичность русского духа». Это,

в свою очередь, есть подлинное отражение недоумения от антитезиса. И снова эта подлинность углубляет провал в мыслительном поле. И тогда Бердяев идёт дальше, на 4–5-й уровень, и всё качается и начинает медленно соскальзывать в него. Он разрушает словесное бытие. Его речь не просто алогична, она антилогична. Это мычание паралитика. Ремизов недоумённо спросил:

«Бердяев, не одарённый словом, словесно беспомощный и не книжный, а чем объяснить его словесный напор, силу его бессвязных фраз?»

Как чем? Да именно их бессвязностью, так верно передающей состояние отстранённости от мира слов. Это как некий античный философ, ничего не говорящий, а лишь бессмысленно шевелящий пальцем.

Потом, когда чёрная карусель раскручена, туда попадают обломки ещё не размытых до конца фраз, и они там, уже неузнаваемо раскрошенные и раскрашенные, превращаются в его афоризмы, «бон мо». Все они чужие, но их фатальное вращение совершенно оригинально. Это такой элементарный и даже немного вульгарный Розанов. Поэтому, видимо, их так и тянуло друг к другу, хотя, казалось бы, Розанов был для Бердяева «здесь вам не чайная Союза русского народа», а Бердяев для остренького пёрышка Василия Васильевича — это прямо-таки новогодний подарок, целый мешок с ёлочными игрушками философских нелепостей. Но вот факт — были почти друзьями…

Да. А Гегель то же изнутри. К нему можно относиться только так: или почитать, или не читать. Вообще. Гегель — это целый язык, целый мир и мир совершенно самозамкнутый, абсолютный. Абсолютностью он, конечно, завораживает. Гегель — это чудовищный апломб «Предисловий к „Энциклопедии философских наук“». Предисловие к первому изданию начинается так:

«Потребность дать моим слушателям руководство к моим философским чтениям является ближайшим поводом к тому, чтобы издать этот всеохватывающий обзор философии раньше, чем я это предполагал сделать».

Здесь в каждом слове сквозит глубокое неуважение к читателю. Во-первых, труд Гегеля вовсе не является плодом его собственных страстей и желаний. Нет, он ВЫНУЖДЕН его написать, так как читатели испытывают в этом потребность. Более того, эта «потребность», от которой прямо-таки изнывают его будущие читатели, является в сущности лишь «ближайшим поводом», самим по себе вовсе не важным. А истинная причина — во внутренней божественной логике саморазвития великой геге-

левской мысли. Умоляющие на коленях читатели лишь неразумно вмешиваются в предопределённый судьбой ход событий, и божество в виде Гегеля снисходит до них и выпускает «всеохватывающий обзор» раньше, чем это предполагалось сделать. Это неслыханное снисхождение, «гуманизм» (и одновременно априорное списывание всех возможных ошибок и погрешностей за счёт нетерпеливых поклонников). Интересно и словосочетание «всеохватывающий обзор». С одной стороны, это ВСЕОХВАТЫВАЮЩИЙ обзор, то есть обозревание ВСЕГО, тут альфа и омега мировой философии. С другой стороны, это всеохватывающий ОБЗОР, то есть нечто поверхностное, разжёванное, вводящее лишь в более глубокую область. Одним словом, «руководство». Три толстенных тома энциклопедии Гегеля это так, «пустячок», обзор. Мы способны гораздо на большее.

С этой фразы все начинается, на ней же всё и заканчивается. Либо вы эту фразу проглотили и тогда «от простого к сложному» примете и всё остальное целиком, без оговорок. Либо вы швыряете серый том об стену (307). Оба варианта одинаково подлинны. Поэтому собственно КРИТИКА гегельянства совершенно невозможна, даже невероятна. Так что предисловие к третьему изданию всё той же «Энциклопедии» может быть прочитано лишь чисто извне или столь же чисто изнутри:

«Со времени выхода в свет второго издания появилось много отзывов о моих философских работах, которые большей частью обнаружили, что их авторы имеют мало призвания к этому делу. Такие легкомысленные возражения на произведения, которые продумывались в продолжение многих лет и были обработаны со всей серьёзностью, приличествующей предмету и удовлетворяющей научным требованиям, являют собой отнюдь не утешительное зрелище дурных страстей: самонадеянности, заносчивости, зависти, оскорбительного неуважения и т. д., и уж нечего говорить, что в них нет ничего поучительного».

Это классический идеологический текст. Максимальная конкретность характеристик при максимальной абстрактности их адресования. Либо вы внутри этого текста, и тогда все, кто не с вами, тот против вас. Либо вы Гегелю не верите, и тогда гегелевские филиппики становятся обоюдоострыми. Подчёркиваю, что первый вариант восприятия так же правомерен, как и второй, так как текст предисловий это не обычный идеологический текст, это идеологический текст Гегеля. А Гегель великий философ. Вы можете вввериться Гегелю. Можно так же «ввериться» примитивному шарлатану. Но оба говорят «верьте мне». Поэтому от них легко отделаться. Принять или не принять. И всё.

Не то Бердяев. От него так просто не отделаешься. Он цепляется за вас, вворачивает в круговорот мысли, изламывает ваше «я», ставит перед вашим собственным затылком. Ощущение от его книг — «дурак». А всё думается о нём, думается. О Гегеле совсем не думается. Бердяев бездарность. Но эта бездарность своя, настолько своя, настолько наша, что это даже гениально. В результате и получается: добротный талант. Можно не читать. Но читать тоже можно.

259

← Предыдущее, следующее →

259. Примечание к № 238

«не так уж ненормальна была Яшина страсть» (В. Набоков) (к цитате)

Яша был потомком еврея, крещённого отцом Чернышевского. Выкрест по обычаю взял фамилию крестившего. То есть полное имя персонажа — Яков Чернышевский (375).

Розанов писал в «Людях лунного света»:

«Значение Чернышевского в нашей культуре, конечно, огромно. Он был ½ урнинг (т.е. педераст. — О.)*, ¼ урнинг, 1/10 урнинг».*

260

← Предыдущее, следующее →

260. Примечание к № 248
И всегда противные оговорки. (В «Вехах») (к цитате)

У всех авторов сборника фразы о «тёмных силах царской деспотии». Иногда явно искусственные, «для порядка», чаще — совершенно искренние. Конечно, великий русский философ Семён Людвигович Франк вполне искренен, когда пишет в своей статье «Этика нигилизма», что бессмысленно обвинять правительство в поражении революции 1905 года, так как:

«Это приблизительно равносильно обвинению японцев в печальном исходе Русско-японской войны».

Интересно, что Зеньковский в «Истории русской философии» именно Франку отводит роль завершителя «системосозидающего периода русской религиозной философии» (т. е. Соловьёв начал, а Франк закончил). В этой связи уместно вспомнить историю обращения Семёна Людвиговича, изложенную А. В. Карташёвым в статье «Идеологический и церковный путь Франка»:

«После манифеста 17 апреля 1904 г. о свободе совести и октябрьской конституции 17 октября 1905 г. пали одно за другими моральные препятствия для еврея принимать православие. Никто уже не мог впредь упрекнуть крестившегося, что это делается для карьеры: для права на государственную, судебную и профессорскую службу».

Аргумент веский, свидетельствующий о глубоком понимании Франком православия. Действительно, до 1905 люди могли подумать, что он это специально. Ну как тут быть христианином, да ещё христианином-философом!

Впрочем, обвинять Франка в непонимании азов православия, психологический настрой коего ясен и ребёнку, бессмысленно. С равным успехом в этом можно было бы обвинять японского самурая.

261

← Предыдущее, следующее →

261. Примечание к № 240

«Хочу быть Буддой и Шопенгауэром» (В. Розанов о Толстом) (к цитате)

Мережковский писал об отлучении:

«Определение Синода о Л. Толстом имеет … огромное и едва ли … сейчас вполне оценимое значение: это ведь в сущности первое, уже не созерцательное, а действенное и сколь глубокое, историческое соприкосновение русской церкви с русскою литературою пред лицом всего народа, всего мира».

Толстой после Гоголя единственный русский писатель, взявшийся за разработку богословских проблем. Но у Гоголя всё же осталась христианская точка зрения — в этом его трагедия. У Толстого — сплющенное, невежественное, архаичное язычество. Однако он искренен. Толстой вывернул на всеобщее обозрение изнанку русского писателя и русского писательства (264). Подоплёку. Я уверен, что если бы Набоков вместо энтомологии увлёкся богословием, он написал бы что-то аналогичное.

262

← Предыдущее, следующее →

262. Примечание к № 77
Бог знает обо мне, видит. (к цитате)

В том-то и дело, что не видит и не знает. Отсюда униженное, нелепое шныряние по коридорам (275), навязывание всем своих рукописей. «Русский с орденом» — сниженный вариант этого феномена — «русский с рукописью». Это орден, но необычный, неизвестный (что-то вроде «Льва и Солнца»), и его надо всем назойливо объяснять: «Это тебе не хухры-мухры, это, батюшка, орден».

Я некрасивый, нищий и меня продали в ничтожества. Но я необыкновенный, гениальный. И могу за счёт этого всё прекрасно изменить. Однако моя необыкновенность не продаётся. Она хороша для наследных принцев, миллиардеров. Её нельзя реализовать. Это как волшебник, который ничего для себя лично сделать не может, хотя бы чего-нибудь косвененькое. Он сам околдован своим колдовством (276) и не в состоянии даже просто убедить окружающих в том, что он это он — волшебник. Ему никто не верит. Так уж лучше помалкивать.

263

← Предыдущее, следующее →

263. Примечание к № 258

Талантливое ничто. Это антииудаизм. Тоже вид духовного паразитизма. (к цитате)

Русским нужен активный донор, которого можно доводить. Интересны не сокровища сами по себе, а их обладатель. И русский раскрывается перед донором, очаровывает его. Очаровывает как самоцель, а не для чего-то. В логическом конце это приводит к САМОПАРАЗИТИЗМУ. Русский паразитирует на себе, на собственных мыслях. Набоков начал с комментариев к «Евгению Онегину», но не смог остановиться и написал «Бледный огонь» (270). В примечаниях к поэме Джона Шейда комментатор приводит высказывание в свой адрес вдовы поэта:

«Позднее мне говорили, что, упоминая меня на людях, она называла меня „слоновый клещ“, „королевских размеров овод“, „глист“, „чудовищный паразит гения“. Я прощаю её — её и всех».

Действительно, почему бы не простить «всех», если «все» это я, Набоков. «Бледный огонь» состоит из поэмы, то есть «дебюта», комментария к этой поэме, который одновременно является самостоятельным произведением, не имеющим с первой частью ничего общего, — «миттельшпилем», и, наконец, из «эндшпиля» — именного указателя к комментарию — серии щелчков по носу прилежного читателя. Хотя «Бледный огонь» англоязычное произведение, но ирония национального рока сделала саму структуру этой вещи гротескно русской. Интересно, что «миттельшпиль», формально наименее творческая часть романа, фактически на порядок выше «дебюта» по мощи фантазии. Собственно ничто, «комментарии», превращаются во всё. Сотворение «Зембли» (вымышленная страна Набокова). Вымысливается целая страна. С природой, историей, своим языком, своими страшными масонами и тупыми коммунистами. (А в «Аде» почти планета.) И всё как безумный комментарий к поэме. В такой системе отсчёта и русская история может обернуться фантасмагорическим «комментарием» к «Онегину».

264

← Предыдущее, следующее →

264. Примечание к № 261

Толстой вывернул на всеобщее обозрение изнанку русского писателя и русского писательства. (к цитате)

Соловьёв смеялся над Ницше:

«Оставаясь всё-таки филологом, и слишком филологом, Ницше захотел сверх того стать „философом будущего“, пророком и основателем новой религии. Такая задача неминуемо приводила к катастрофе, ибо для филолога быть основателем религии так же неестественно, как для титулярного советника быть королём испанским. Говорю не о расстоянии рангов, а о различии естественных способностей. Хорошая филология без всякого сомнения предпочтительнее плохой религии, но самому гениальному филологу невозможно основать хотя бы самую скверную религиозную секту».

Только не в России. У нас Толстой преспокойно основал новую религию, новую церковь. И сделал это просто. Без напряжения. Естественно.

Теперь учтите, что Толстой из русских писателей первой величины самый позитивный, самый реалистичный. Поэтому в нём общий ПРОЦЕСС и открылся с удивительной наивностью. Вся русская литература — это огромный Толстой (неизмеримо более сложный), а то, что произошло после 1917 года — это увеличенное в миллион раз толстовство, продукт Толстого, умноженного на Пушкина, Гоголя, Достоевского.

Соловьёв не избежал общей участи. Собственно, говоря о Ницше, он сказал только о себе. Правда, из-за его органической враждебности русскому слову Соловьёв создать ничего не сумел. Но общий замысел был тот же. И сухая форма удалась даже лучше (соловьёвство). Не секта, а схема секты (271), мундир несуществующей армии.

265

← Предыдущее, следующее →

265. Примечание к № 254

Единственное, что отличает его от моралистов XVIII в., это русское спохватывание, хотя и достаточно рудиментарное. (к цитате)

Бердяев договорился до того, что его русская идея правильная, а русский народ неправильный (274), не соответствующий его идее. Он писал в 1918 году в предисловии к своему сборнику «Судьба России»:

«Не вера, не идея изменилась, но мир и люди изменили этой вере и этой идее … Русский народ не захотел выполнить своей миссии в мире, не нашёл в себе сил для её выполнения, совершил внутреннее предательство».

Совершенно непонятно, как можно изменить национальной идее, изменить року, фатуму. Это так же нелепо, как изменение собственной национальности или возраста. Тут Бердяев, конечно, запутался. Фраза об измене «народа» удобно выносит самого автора за рамки страшных событий, а претензии на объективное понимание национальной веры и национальной идеи подымают его, жалкую жертву, до вершин мирового Олимпа. На самом деле, если и произошла измена, то лишь измена вере и идее самого Бердяева, которые он так легкомысленно отождествил с национальным универсумом. То есть произошло опровержение «национальной идеи Бердяева» как несоответствующей национальной идее России. Одновременно произошло и окончательное включение бердяевщины в национальную идею как некой частности. А именно включение в качестве локального проявления такого свойства Национального Рока России, каковым является сатанинское злорадство (280).

Бердяев, вслед за десятком других русских мыслителей, почему-то решил, что русская идея хорошая. Надо сказать, что потрясающая наивность этого решения Бердяева всё же отчасти мучила, и отсюда его беспомощный антиномизм. Но этот антиномизм являлся лишь примитивной формой заглушечного мышления, не больше. То есть элементарным индивидуальным осуществлением настоящей русской идеи. Попытка самопознания

могла бы помочь тут Бердяеву, помогла бы нащупать некоторые действительные черты национальной идеи. Он мог бы понять её через осмысление собственного понимания национальной идеи. Но тайна национального рока оказалась ему недоступной. Он просмотрел её своими простыми-пустыми фасетками паука. Бердяев однодум. В философии однодума нет тайны, точнее, его тайна выразима, это тайна с маленькой буквы, «тайна в стенном шкафу». Однодум пишет одну книгу. Все остальные — лишь вариации. При «многодумности», полифонии тайна невыразима и вылезает своими краями в реальность лишь через удивительно красивые повторы отдельных тем, непосредственно с ней не связанных. Тайна на изломе ветвей. Неестественность, неорганичность переплетения наталкивает ищущий глаз на поиск спрятанного смысла, внутренней естественности и органичности. Это «я» человека и его «речь». Таков, конечно, Розанов. А у Бердяева речь стала его «я» и, следовательно, лишь закрыла густой вуалью окружающий мир. Слишком панибратски стал он обращаться с национальным архетипом.

266

← Предыдущее, следующее →

266. Примечание к с. 38 «Бесконечного тупика»

русской штунды, «рационального православия» не получилось и получиться не могло. Это было ясно уже по биографии Белинского (к цитате)

Не в том дело, что он был социалист, материалист и т. д. А в том, что он был никто. Человек с психологией и взглядами провинциального журналиста, человек, который лежал на диване и читал «книжки». «А в книжках вот ещё што написана». Логика его «взглядов» (Белинский в 183… году резко изменил свой взгляд на…) это логика прочтения книжек, которые случайно попадались под руку. Прочёл книжку про социалистов — он социалист, прочёл книжку про Гегеля — гегельянец. Часто и этого не нужно было, «ребята рассказывали» (под лук и водку). Причём чем абстрактнее была усваиваемая идея, тем чаще источником были именно ребята. Белинский открыто признавался, что у него «трещит голова» не только от книг Гегеля и Канта, но и от брошюр Герцена. Никакой логики развития. Только логика чахоточной злобы. (Говорил, сетуя на цензуру, запрещавшую нецензурные выражения:

«Природа осудила меня лаять собакою и выть шакалом, а обстоятельства велят мне мурлыкать кошкою, вертеть хвостом по-лисьи».)

Жутко становится, как подумаешь, что бедняга Достоевский через 20 лет после смерти неистового Виссариона всё ночей не спал, бесился, кричал, доказывал, опровергал (268). А спорить не нужно было. С людьми такого уровня не спорят.

267

← Предыдущее, следующее →

267. Примечание к № 253

Если убрать у него этих бесконечных Кукиных, Квакукиных и Ракукиных (к цитате)

А вообще-то в хармсовские «Случаи» русские фамилии так и просятся. Но в 30-е русская судьба стала еврейской судьбой. Евреи связались с русскими. Приняли в себя русский хаос… И, пожалуй, в первый раз за всю свою историю не смогли подчинить, переварить чужую кровь. Евреям перестало везти, пошла не та карта, и начались трагедии. Тысячу раз прав Розанов, сказавший в «Апокалипсисе», что место евреев — у «подножия держав», у «сапога».

Он писал:

«Я раз посмотрел в иллюстрированном журнале — Нахамкиса: и, против неприятного Ленина, сказал: — „Как он серьёзен“ … Только по глупости и наивности евреи пристали к плоскому дну революции, когда их место — совсем на другом месте, у подножия держав (так ведь и поступают и чтут старые НАСТОЯЩИЕ евреи, в БЛАГОРОДНОМ: „МЫ — РАБЫ ТВОИ“, у всего настояще великого „Величит душа моя Господа“ — это всегда у евреев, и всегда — в отношении к великому и благородному в истории). О, я верю, и Нахамкис приложился сюда. Но — сорвалось. (Розанов писал, что до революции Нахамкис-Стеклов подавал прошение на высочайшее имя о перемене фамилии. Но его „отодвинули кончиком носка сапога“. — О.) *Сорвалось не-„величие“, и он ушёл, мстительно, как еврей, — ушёл „в богему“. „Революция так революция“. „Вали всё“. Это жид и жидок и его нетерпеливость».*

Вот. Еврейская нетерпеливость переплелась с русской мечтательностью. И как подумаешь, ну куда в иерусалимские дворяне полезли? Оставили бы русских в покое, не надо было связываться. Теперь они навечно связались с русской историей. Теперь не убегут. Троцкого и в Мексике топором достали. Влез в русскую историю — уже не вылезешь. У нас вход рупь, выход — два. Тут судьба. Монголы влезли — и русские в Урге, влезли поляки — и русские в Варшаве, влезли немцы — и русские в Бер-

лине. И везде приносят с собой хаос, разрушение. «Я тебе добра хочу». Русский сложен, ох, сложен (269). Таким народом управлять необычайно трудно. Сами русские себя отлично понимали и всегда наверх нерусских дурачков пропихивали — «придите володеть нами».

Розанов писал в той же главе «Апокалипсиса»:

«В революции нашей в высшей степени „неясен“ еврей. Как он во всём не ясен и запутался во всей европейской цивилизации».

Но верно и другое. Русские — единственный народ мира, который сам в еврейскую историю запутался. Русскими евреи осложнены. Евреи сели в сани, а русские их потеряли. «Не в свои сани не садись».

← Предыдущее, следующее →

268. Примечание к № 266

бедняга Достоевский через 20 лет после смерти неистового Виссариона всё ночей не спал, бесился, кричал, доказывал, опровергал (к цитате)

Причём кричал, предварительно закрыв все двери и окна, спустив шторы и погасив свечи. В условиях беспощадной масонской цензуры печатно Фёдор Михайлович вынужден был сдабривать свои высказывания кисло-сладкими комплиментами (кстати, первый вариант его воспоминаний о Белинском вообще «затерялся»). И лишь в сугубо личных письмах к Страхову достаточно ясно прорывалось подлинное отношение к великому критику:

«Смрадная букашка Белинский (которого Вы до сих пор ещё цените) именно был немощен и бессилен талантишком, а потому и проклял Россию и принёс ей сознательно столько вреда … это было самое смрадное, тупое и позорное явление русской жизни. Одно извинение — в неизбежности этого явления. И уверяю Вас, что Белинский помирился бы теперь на такой мысли: „А ведь это (террор и установление тирании. — О.) *оттого не удалось Коммуне, что она всё-таки прежде всего была французская, то есть сохраняла в себе заразу национальности. А потому надо приискать такой народ, в котором нет ни капли национальности и который способен бить, как я, по щекам свою мать (Россию)“. И с пеной у рта бросился бы вновь писать поганые статьи свои, позоря Россию, отрицая великие явления её (Пушкина), — чтоб окончательно сделать Россию ВАКАНТНОЮ нациею, способной стать в главе ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО дела. Иезуитизм и ложь наших передовых двигателей он принял бы со счастьем. Но вот что ещё: Вы никогда его не знали, а я знал и видел и теперь осмыслил вполне. Этот человек ругал мне Христа по-матерну, а между тем никогда он не был способен сам себя и всех двигателей всего мира сопоставить со Христом для сравнения. Он не мог заметить того, сколько в нём и в них мелкого самолюбия, злобы, нетерпения, раздражительности, подлости, а главное, самолюбия. Ругая Христа, он не сказал себе никогда: что же мы поставим вместо него, неужели себя, тогда как мы так гадки. Нет, он ни-*

когда не задумался над тем, что он сам гадок. Он был доволен собой в высшей степени, и это уже была личная, смрадная, позорная тупость».

И всё же, как ни ругал Белинский Христа, уйти от него он не смог. Ходил кругами вокруг и проклинал. И как ни ругал Достоевский Белинского…

269

← Предыдущее, следующее →

269. Примечание к № 267
Русский сложен, ох, сложен. (к цитате)

Русский народ очень сложный, нервный. Даже простой крестьянин, рабочий сложен, запутан. Непредсказуем. Иван Карамазов говорит:

«Я как та крестьянская девка… знаете, как это: „Захоцу — вскоцу, захоцу — не вскоцу“. За ней ходят с сарафаном, али с панёвой, что ли, чтоб она вскочила, чтобы завязать и венчать везти, а она говорит: „Захоцу — вскоцу, захоцу — не вскоцу“… Это в какой-то нашей народности…»

Еврей же ровен, прост. Его кровь старая, устоявшаяся. Розанов писал:

«Сила еврейства в чрезвычайно старой крови… Не дряхлой: но она хорошо выстоялась и постепенно полировалась (борьба, усилия, изворотливость). Вот чего никогда нельзя услышать от еврея: „как я устал“ и „отдохнуть бы“».

Кровь евреев настолько старая, что, чтобы не свернуться, ей нужны инъекции чужой, молодой крови.

Русские вечные подростки, доноры. Чужая кровь со времён варягов у них проталкивается в центр, становится основой для русских вливаний. Русские живут 1000 лет, но всё ещё «развивающаяся нация», подростки. Неслучайно роман, где так много говорится о сути национального характера, Достоевский так и назвал: «Подросток».

270

← Предыдущее, следующее →

270. Примечание к № 263

Набоков начал с комментариев к «Евгению Онегину», но не смог остановиться и написал «Бледный огонь». (к цитате)

Как известно, существуют два вида комментариев: герменевтика, то есть «герметический» анализ текста, строгое следование его содержанию, и экзегетика — «мысли по поводу». Для еврейской и русской культур из-за их дуализма свойственно смешение первого и второго. Для еврея внешняя экзегетика оказывается по сути герменевтикой. Для русского — наоборот.

«Бледный огонь» — антисемитская книга, так что необыкновенно интересно прочитать комментарии еврея к этому произведению (а ведь где-то вышли, наверняка).

271

← Предыдущее, следующее →

271. Примечание к № 264
(соловьёвство) не секта, а схема секты (к цитате)

Фраза из «Чтений о богочеловечестве»:

«Свободным актом мировой души объединяемый ею мир отпал от Божества и распался сам в себе на множество враждующих элементов: длинным рядом свободных актов всё это восставшее множество должно примириться с собою и с Богом и возродиться в форме абсолютного организма».

«Философия всеединства» Соловьёва и направлена на объединение множества филологических элементов в единое целое (272). Гегельянство было уже из-за специфики немецкого языка (всегда «становящегося») занято в основном созданием словесной модели акта порождения. Соловьёв сконцентрировал своё внимание на завершении. В акте творения Гегель подражал Богу. Разумеется, в этом есть нечто дьявольское. Нечто. Но вот Соловьёв, в сущности, захотел свернуть мир внутрь, исправить пошатнувшийся космический порядок, что ли. Но проблема неоплатонизма — это проблема человекобожия. С точки зрения неоплатонизма совершенно неясно, зачем это Единое распалось на множество отдельных вещей. Внутри христианства этой проблемы не существует. Но и для неоплатонизма и для христианства тем более непонятно, зачем множество должно снова слиться в нечто единое. Зачем? С точки зрения человеческой, это уничтожение. С точки зрения христианской — дело не человеческое, а божественное, уму нашему недоступное.

В своих воспоминаниях о юности Соловьёв с кокетливой иронией писал:

«Я был тогда отчасти славянофилом и потому, хотя допускал, что немцы могут упразднить вселенную в теории, но практическое исполнение этой задачи возлагал исключительно на русский народ, причём в душе я не сомневался, что первый сигнал к разрушению мира будет дан мною самим».

И далее Соловьёв вспоминает свою беседу со сверстником-нигилистом:

«Мы были вполне согласны в том, что существующее должно быть в скорейшем времени разрушено. Но он думал, что за этим разрушением наступит земной рай, где не будет бедных, глупых и порочных, а всё человечество станет равномерно наслаждаться всеми физическими и умственными благами в бесчисленных фаланстерах, которые покроют земной шар, — я же с одушевлением утверждал, что его взгляд недостаточно радикален, что на самом деле не только земля, но и вся вселенная должна быть коренным образом уничтожена, что после этого если и будет какая-нибудь жизнь, то совершенно другая жизнь, непохожая на настоящую, чисто-трансцендентная …В заключение спора мой противник заметил, что наши теоретические воззрения могут расходиться, но так как у нас ближайшие практические цели одни и те же, так как мы оба „честные радикалы“, то и можем быть друзьями и союзниками, и мы с чувством пожали друг другу руку».

272

← Предыдущее, следующее →

272. Примечание к № 271

«Философия всеединства» Соловьёва и направлена на объединение множества филологических элементов в единое целое. (к цитате)

Собственно, это «писательская философия». Соловьёв максимально абстрактно (и следовательно, максимально прозрачно) выразил идею писательства и особенно писательства русского. Но, словесно неодарённый, он пришёл к мучительному и смехотворному результату. Соловьёвский синтез (порождение) совершила русская литература как процесс. Закончил его Набоков, в форме уже безопасной, так как сам «акт» был создан до него и Набоков был нравственно свободен. Розанов же, из-за своей уникальной в русской культуре философско-писательской природы, наиболее близко подошёл к осознанию общей программы.

273

← Предыдущее, следующее →

273. Примечание к № 253

«Трагедий» Мандельштама/Бухарина или Бабеля/Ежова интересен вообще (к цитате)

Жена Осипа Мандельштама Надежда Мандельштам-Хазина с наглой наивностью сказала:

«Все мы к кому-нибудь „ходили“. Пильняк ходил к Ежовым, я с мужем „ходила“ к Николаю Ивановичу Бухарину».

«Ходить» было недалеко. Доказывая мандельштамовскую «несоветскость», Хазина вспоминает:

«Во время июльской демонстрации (большевиков в 1917 году) он служил в „Союзе городов“ и вышел со своими сослуживцами на балкон. Он говорил им о конце культуры и о том, как организована партия, устроившая демонстрацию („перевёрнутая церковь“ или нечто близкое к этому). Он заметил, что „сослуживцы“ слушают его неприязненно, и лишь потом узнал, что оба они — цекисты и лишь до поры до времени отсиживаются в „Союзе городов“, выжидая, пока пробьёт их час. Он называл мне их имена. Один, кажется, был Зиновьев, другой — Каменев. Балконный разговор „по душам“ навсегда определил отношение „сослуживцев“ к Мандельштаму».

Да какое же отношение? Отношение как к опальному принцу, кагальному «анфан тэрриблю», способному нагрубить жене члена политбюро или дать пощёчину великому и ужасному Блюмкину. Но «милые ссорятся только тешатся». Сама Хазина писала в другом месте:

«Мы всё же принадлежали к привилегированному сословию, хотя и второй категории».

«Иногда Мандельштама принимали за своего, и он тоже получал кулёк. С 20-го до ареста в мае 34-го мы получали продукты в пышном распределителе, где у кассы висело объявление: „Нардовольцам вне очереди“».

Хорошая фраза: «принимали за своего». Теперь только остаётся выяснить, почему же «принимали», по какому такому признаку? А по этому, по самому. Русскому ам-гаарецу («от земли»)

нужно было показать себя в деле, быть ортодоксом из ортодоксов (да ещё желательно бы на евреечке жениться), вот тогда, МОЖЕТ БЫТЬ, впустили бы и в распределитель. А благороднейшему, элитарнейшему Мандельштаму, потомку раввинского рода, ничего выскуливать не требовалось. Брал что положено. Но вот свистнул эпиграммой, когда уже свистеть нельзя было. Пошло по «нашим», передавалось хохочущим шепотком и дошло до Самого. Ещё года три-четыре назад Сам посмеялся бы вместе со строптивым соловьём. Ведь ходили и песенки, и эпиграммы, и дружеские шаржи, и анекдоты даже про Ленина, и смеялись все. Все же родные, родственники, друзья. Из одного кагала, с одного балкона. А тут уже, к 1934, время изменилось. По другой схеме, в иерархию восточную кристаллизовываться стало. Кагал (улица) стал превращаться в государство. А Мандельштам не вписался в поворот. И хотя Ягода же, хохоча, цитировал злополучную частушку, он же его и оформил. Ещё как «своего», больше чтоб попугать. Но выстраивалось дальше, дальше. Полетели головы покровителей. И вот тогда уже сего «антисоветчика»… А не убрали бы Мандельштама, Бабеля и др., жили бы и жили. Ещё бы 50-летие советской власти отпраздновали, звеня медалями лауреатов и поднимая заздравные чаши. Как Эренбург. (А Есенин не вынес. Он не мог внутрь кагала попасть. Не мог там жить, хотя в известный момент и скребся. Чужак. Не вынес. Повесился.)

И чувство главное тут какое? Злорадство? Нет, жалость. «Собрались жить». Они в 30-х понесли печатать стихи, а из редакции выбежал хохол Оптимистенко в косоворотке и на ходу бросил: «Не треба!» Может ли быть большее издевательство? За что боролись? Стояли на балконе, а внизу катилось солдатское бородатое месиво (282) ам-гаарецов, украденного скота египтян. Гордый сефард повернул медальный иудейский профиль: «Это есть быдло. Конец культуры». А ему приземистые ашкенази: «Ничего, окультурим. Научим сопли подтирать». «А русский мужичок оказался грубее». Оторвал балкон и понёс, понёс к Фонтанке (295). Хазина, её вопль на каждой странице мемуаров: «Моего Осю убили!» И собаку жалко под трамваем. А Берлиоз — человек. И его круглая, такая удобная голова покатилась по крутой русской улице окровавленным колобком. «Не треба!» (293)

274

← Предыдущее, следующее →

274. Примечание к № 265

Бердяев договорился до того, что его русская идея правильная, а русский народ неправильный (к цитате)

Даже ещё интересней. Николай Александрович мыслил себя неким верховным столоначальником (279), обладающим исключительной прерогативой «принимать в русскую идею» того или иного отечественного мыслителя.

В «Русской идее» он писал:

«Во всяком случае, верно то, что идеи Данилевского были срывом в осознании русской идеи и в эту идею не могут войти».

Или о последователе Данилевского, Леонтьеве:

«Ему чужда русская человечность … К. Леонтьев одинокий мечтатель, он стоит в стороне и выражает обратный полюс тому, на котором формировалась русская идея… Следовать за Леонтьевым нельзя, его последователи делаются отвратительными».

Но ведь национальная идея должна охватывать всех — исключений из НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ нет. Да ещё таких громадных исключений, как Леонтьев и Данилевский. Национальная идея — это то общее, что объединяет всех представителей данной нации, тот, по выражению самого Бердяева, «мистический осадок», который остаётся в судьбе человека после исключения всех социальных, политических и классовых факторов. Бердяев вывел себя за пределы национальной идеи, поставил себя над ней и тем самым неизбежно свёл национальное как раз к социальному, политическому, классовому. Русская идея свелась к «идее освобождения России».

275

← Предыдущее, следующее →

275. Примечание к № 262
униженное, нелепое шныряние по коридорам (к цитате)

Господи, зачем Ты дал мне разум, волю, жизнь… а веру в Тебя не дал?

276

← Предыдущее, следующее →

276. Примечание к № 262
Он сам околдован своим колдовством (к цитате)

Например, я, как и любой философ, провидец. Но что мне делать со своим даром? Провидцы слепы в реальной жизни. Любимым примером этого для меня является второе письмо о философии, написанное Хомяковым Самарину. Развивая некую мысль, Хомяков позволил себе следующее сравнение:

«То солнце, которое меня греет, его уже нет; а то, которое есть, то меня ещё не греет, и будет ли греть, неизвестно. Это станет ещё яснее, когда вы сообразите, что человек может быть убит другим человеком, который уже был убит прежде его самого».

Когда Самарин получил это письмо, его друг был уже мёртв (278).

277

← Предыдущее, следующее →

277. Примечание к № 253

Трещина между страной и властью проходила вовсе не через паркет гостиной жены Каменева. (к цитате)

Бунин писал о победе революции в Москве:

«Все преграды, все заставы божеские и человеческие пали — победители свободно овладели ею, каждой её улицей, каждым её жилищем и уже водружали свой стяг над её оплотом и святыней, над Кремлём. И не было дня во всей моей жизни страшнее этого дня, — видит Бог, воистину так! …Ночью, оставшись один, будучи от природы весьма несклонен к слезам, наконец заплакал и плакал такими страшными и обильными слезами, которых я даже и представить себе не мог».

А вот как встретила революцию Надежда Мандельштам:

«Нас (группу молодых художников. — О.) *забрасывали грудами дешёвых киевских роз, и мы выходили из театра с огромными охапками … Нас занимали то театральными постановками, то плакатами, и нам казалось, что жизнь играет и кипит… Мой табунок был левее левого. Мальчишки обожали „Левый марш“ Маяковского, и никто не сомневался, что вместо сердца у него барабан. Мы орали, а не говорили, и очень гордились, что нам иногда выдают ночные пропуска и мы ходим по улицам в запретные часы».*

Бунин в Москве плакал, а Мандельштам в Киеве смеялась (285). (Делала там для революционного театра вместе с Исааком Рабиновичем «гирлянды из фруктообразных фаллосов».) Это не старость, а юность. «Нас утро встречает прохладой». И юность не только физиологическая, а метафизическая. Новая элита России.

Конечно, жизнь Мандельштам тоже сложилась весьма трагично, но русская советская трагедия и еврейская советская трагедия очень различаются (даже хронологически). Это только сейчас все сливается и спутывается в прошлом. Текст пьесы утерян, и известно только, что по ходу действия гибнет принц Гамлет и его дядюшка.

← Предыдущее, следующее →

278. Примечание к № 276

Когда Самарин получил это письмо, его друг был уже мёртв. (к цитате)

Я не перестаю удивляться, насколько Хомякову (да и вообще славянофилам) была чужда категория злорадства. При довольно частом чувстве гнева, сарказма, полностью отсутствует ощущение вовлечённости в жестокий ход событий, в некую отвратительную закономерность.

Последним произведением Хомякова было «Послание из Москвы к сербам» (1860 г.), где молодое Сербское княжество (единственное тогда славянское государство после России) на 30-ти страницах отечески наставляется на путь истинный от имени всего славянофильского лагеря. Тон для воинственных самолюбивых сербов нестерпимый. (Впрочем, трудно и представить какую-либо нацию, благоговейно выслушивающую эти елейные проповеди.)

Но прошло 60 лет, и потомки умных славянофилов, коллективно подписавших это письмо (в том числе и потомки самого Хомякова), вынуждены были искать приют в Югославянском королевстве.

И прошло ещё 60 лет, и Социалистическая Федеративная Республика Югославия оказалась самым цивилизованным, самым передовым славянским государством, у которого «старшему брату» (выражение славянофилов) учиться и учиться.

В начале хомяковского «Послания» говорится:

«Первая и величайшая опасность, сопровождающая всякую славу и всякий успех, заключается в гордости».

279

← Предыдущее, следующее →

279. Примечание к № 274

Николай Александрович (Бердяев) мыслил себя неким верховным столоначальником (к цитате)

Соловьёв, тоже «принимавший» или «не принимавший» разных великих русских в русскую идею, однажды сказал очень тонко:

«Идея каждого данного народа — не то, что сам он думает о себе во времени, а то, что Бог думает о нём в вечности».

280

← Предыдущее, следующее →

280. Примечание к № 265

проявления такого свойства Национального Рока России, каковым является сатанинское злорадство (к цитате)

Белинский писал, что он завидует людям, которые будут жить в 1940 году. Милюков высчитывал, что крестьяне окончательно освободятся от выкупных платежей в аккурат к 1931 году (301). Какие ошибки! Милюков, высчитывающий платежи в конце прошлого века, дожил до 30-х и увидел воочию цену своих расчётов (но конечно и ухом не повёл, что тоже характерно).

И какие пророчества у Достоевского, Леонтьева! А из-за чего? Может быть, из-за того, что это просто были люди недобрые, озлобленные (302), со злорадной фантазией. Но и им не хватило злобы, и они недоследили злобной оборачиваемости русской идеи (хотя, может быть, это-то в идею и входило, это-то и есть вершина глумления).

Достоевского тут погубила двойственность. Вся его публицистика — это обломки сентиментального славянофильства, захваченные вихрем «Записок из подполья», их злобным жилистым текстом — «сговорились, сволочи». Леонтьев подошёл гораздо ближе. У него даже мелькнула идея всемирного заговора. В статье «Плоды национальных движений на Православном Востоке» у Константина Николаевича вырвалась такая фраза:

«Нет! Моя таинственная сила разрушения своё дело знает! Она действует то прямо, то изворотами; она меняет образ свой, она ведёт дело своё издалека! И какими же жалкими игрушками оказываются под её глубокомысленным руководством все эти Кавуры, Наполеоны, Бисмарки!.. Все они покорные и слепые слуги всемирной революции — и только!»

По мысли Леонтьева, сопротивляющийся нивелирующему демократизму национализм является наиболее едкой формой все того же ненавистного прогресса — прогрессирующего разложения социального организма. Все захвачены неумолимым ходом времени. Миром правит дух Гегеля, но злой. Злорадный, а вовсе не сентиментально «хитроумный». Злой рок повис над миром. Но и Леонтьев не попал тут в яблочко, ибо не понял, что это

и есть русская идея, что он сам находится не на периферии, а в центре этой идеи. Свобода фантазии сочеталась у Леонтьева с дилетантским почтением к авторитету (306). А может ли быть больший авторитет для русского, чем Европа? И Леонтьев, нафантазировав все ужасы мировой революции, списал их на плечи авторитета, оставив России роль избавителя или (уже ближе к реальности, но в перевёрнутом виде) третьего радующегося.

Леонтьев совершенно верно предсказал, что в Европе возникнет мощная социалистическая тирания, объединившая ряд государств в единую федерацию, но он считал, что таковая возникнет не на Востоке Европы, а на Западе, и опасался, как бы социалистический монстр не протянул свои щупальца к России-матушке. Леонтьев совершенно верно предсказал, что в Европе возникнет мировая мясорубка, которую возглавят с одной стороны Германия, а с другой Франция и Россия. Последние выиграют, причём (гениальное предвидение!) потери окажутся настолько ужасающими, что союзникам будет не до договорных обязательств. Но, опять-таки, какое издевательство: Леонтьев писал, что Россия пожертвует Францией, немцы оккупируют её территорию, а французы будут вынуждены эмигрировать в свои африканские колонии (311). «Верно, подсудимый Пятаков», только с маленькой поправочкой. В начале 20-х годов в портах французской Африки (включая Мадагаскар) скопились тысячи русских эмигрантов.

Леонтьев пророчествует:

«Великий человек, истинно великий вождь, могучий диктатор или император во Франции может нынче явиться только на почве социализма. Для великого избранного вождя нужна идея хоть сколько-нибудь новая, в теории уже незрелая, на деле не практикованная; идея выгодная для многих; идея грозная и увлекательная, хотя бы и вовсе гибельная. На такой и не на иной почве возможен во Франции великий вождь, хотя бы и для кратковременного торжества. Но чем же это отзовётся? Какою ценою купится? И к чему дальнейшему привёл бы подобный исторический шаг?»

Леонтьев взваливал эти страшные вопросы на Францию, а впору было уже самим русским надо всем этим задуматься.

И всё-таки кое-где он удивительно близко подходит. Причём подходит и боится. Да, всё же и Леонтьев боялся додумать:

«Ведь и любя Россию всем сердцем, гражданин не обязан веровать в её долгую и действительно славную будущность, без колебаний и сомнений … Я не говорю, что я отчаиваюсь вовсе в особ-

ом призвании России. Я признаюсь, что я нередко начинаю в нём сомневаться».

И тут же снова:

«Быть может, тогда вся Европа будет простирать к нам руки почтения и любви с мольбою о помощи, как простирает их теперь Франция».

Перед Францией-то скоро пришлось на коленях ползать. А она прекраснодушным идиотикам в глаза сифилитической слюной харкала.

Потешный нюанс. Если Леонтьев будущее ходатайство униженной Европы склонялся, может быть, и оставить без последствий, то в сумасшедшей канцелярии Достоевского оной бумаге давался ход и Империя Российская, единая и неделимая, всемилостивейше снисходила к благопоспешествованию для спасения европейских поселян и поселянок.

С поприщинским размахом Фёдор Михайлович ударяет по патетическим струнам своей лиры:

«Будущее России ясно: мы будем идти до тех пор, пока бросится к нам устрашённая Европа и станет молить нас спасти её от коммунизма».

Ну и Россия Европу, так уж и быть, от её же порождения и спасёт.

Ведь Достоевский неглуп, всё отлично понимал, суть понимал:

«Неразрешимые политические вопросы … непременно должны привести к огромной, окончательной, разделочной (эх, слово хорошо! — О.) *политической войне…»*

«На компромисс, на уступочки не пойдёт, подпорочками не спасёте здания. Уступочки только разжигают … Наступит нечто такое, чего никто и не мыслит. Все эти парламентаризмы, все исповедываемые теперь гражданские теории, все накопленные богатства, банки, науки, жиды — всё это рухнет в один миг и бесследно — кроме разве жидов, которые и тогда найдутся как поступить, так что им даже в руку будет работа. Все это „близко, при дверях“. Вы смеётесь? Блаженны смеющиеся. Дай Бог вам веку, сами увидите».

Всё понимал, а последний шаг сделать не мог. Тут ещё дело в том, что окончательное усвоение идеи злорадства означает выламывание из мира, превращение в шута, юродивого. Отсюда и это спохватывание: «не смейтесь, не смейтесь, я правду говорю». Это чувство у Леонтьева точь-в-точь. Из его письма:

«Церкви и монастыри ещё не сейчас закроют: лет 20, я думаю, ещё позволено будет законами русским помолиться (тут он попал, даже с лишком — закрыли аж через 40. — О.) … *Ради Бога, ради Бога, не думайте, что я шучу … Мне даже отсюда страшно, когда мне вообразится, что вы улыбаетесь, и мне хочется разорвать на клочки это отвратительное по своей искренности письмо».*

Вообще Леонтьев очень похож на Достоевского. В плане историософском это резко усиленный Достоевский, в плане религиозном — его идеал, то, к чему Достоевский шёл. Леонтьев в «Наших новых христианах» и сказал, что Достоевский от романа к роману становится всё более православным, более суровым и более апокалиптически настроенным. То есть Достоевский постепенно приближался к уровню самого Леонтьева. Выше Леонтьева Достоевский был только в том, что его злорадство было выражено лексически, таилось в самой структуре речи (313). Леонтьев был нем, и его неприязнь к миру, следовательно, таилась глубже и была сильнее.

…А Белинский, отменно злой, чахоточный, когда срывался и переставал пищать морзянкой своего умишка, а летел на волне ненавистного лая, тоже ведь попадал в десятку. Не так уж в принципе и трудно было предугадать: не в парламент пойдёт русский народ, а в кабак, пить водку, бить стекла и вешать дворян на фонарях.

281

← Предыдущее, следующее →

281. Примечание к с. 39 «Бесконечного тупика»

ужасная неправда, начавшаяся с декабря 1825 года и приобретшая потом поистине вселенские масштабы (к цитате)

До 1825 года речь шла о создании идеологии. После 1825 года речь уже шла о технологии. Думать, спорить, обсуждать после декабризма уже ничего не надо было. Яд был заготовлен. Его оставалось лишь регулярно впрыскивать и ждать неизбежного разложения, агонии. Именно движение 14 декабря создало, а точнее, свидетельствовало о создании русского нигилизма, так называемого «западничества». Розанов коротко и в блестящей литературной форме дал этому мировоззрению следующую характеристику:

«Дело было вовсе не в „славянофильстве“ и „западничестве“. Это — цензурные и удобные термины, прикрывавшие собою далеко не столь невинное явление. Шло дело о нашем отечестве, которое целым рядом знаменитых писателей указывалось понимать как злейшего врага некоторого просвещения и культуры, и шло дело о христианстве и церкви, которые указывалось понимать как заслон мрака, темноты и невежества; заслон и — в существе своём — ошибку истории, суеверие, пережиток, „то, чего НЕТ“.

— Религии нет, а есть одна осязательность, реальность, один материальный мир; предмет физики, химии и биологии.

— Души нет. Загробного мира нет. Наград и наказаний за эту земную жизнь нет. Бога нет.

— История — путь ошибок и суеверий. Нужно все начинать сначала. История реальная началась с французской революции, и её продолжаем, — то есть поддерживаем принципы французской революции, — мы, Стасюлевич, Некрасов, Щедрин, Краевский и передовые профессора университетов.

— Россия не содержит в себе никакого здорового и ценного зерна. России собственно — НЕТ, она — только КАЖЕТСЯ. Это — ужасный фантом, ужасный кошмар, который давит душу всех просвещённых людей. От этого кошмара мы бежим за границу, эмигрируем; и если соглашаемся оставить себя в России, то ради

того, единственно, что находимся в полной уверенности, что скоро этого фантома не будет; и его рассеем мы, и для этого рассеяния остаёмся на этом проклятом месте Восточной Европы. Народ наш есть только „среда“, „материал“, „вещество“ для принятия в себя единой и универсальной и окончательной истины, каковая обобщённо именуется „Европейской цивилизацией“. Никакой „русской цивилизации“, никакой „русской культуры“… Но тут уже даже не договаривалось, а начиналась истерика ругательств. Мысль о „„русской цивилизации“, „русской культуре“ — сводила с ума, парализовала душу…“»

В высшей степени нелепо полагать, что «западники» просто не понимали славянофилов, были «глупее» их и т. д. Если судить по конечным результатам, то так и есть, но это лишь потому, что нигилисты и не могли, естественно, ничего произвести положительного, будь то наука, литература, живопись или философия. Это была гигантская груда пустых пузырей, вытеснившая действительное содержание русской культуры на задворки духовного мира. Но западники совсем не из-за своей бездарности не понимали славянофилов. Дело в том, что это были религиозные фанатики, искусственно сконструированные определённой наднациональной силой. Они упирали на крайнюю НАУЧНОСТЬ своих построений. Но научности у них или вообще не было, или она носила вспомогательный характер. Контакт с западниками был невозможен из-за их злонамеренности. И вот в чём причина неудачи полемики со стороны славянофилов. Славянофилы что-то пытались ДОКАЗАТЬ, тогда как с фанатиками можно разговаривать только через прицельную планку пулемёта.

Один из наиболее позитивных и наиболее образованных западников, П. Н. Милюков, писал в своих «Очерках по истории русской культуры» о логике фанатичных раскольников, считающих Петра I Антихристом:

«Ясно, — всё, что делал царь, делалось с той целью, чтобы его не признали и не обличили. К московским святыням царь не пошёл (после возвращения из Европы. — О)*, — разумеется, потому, что он знал, — сила Господня не допустила бы его, окаянного, до святого места. Гробам предков он не захотел поклониться и с своими родными не повидался: понятно, ведь они ему чужие и ещё, пожалуй, обнаружат его обман. По той же причине он и народу не показался в день новолетия. Могли ещё узнать его по предсказанному сроку его появления, — поэтому он изменил хронологию, велел считать годы не от сотворения мира, а от Рождества Христова, и при этом „украл у Бога“ целых во-*

семь лет, сосчитавши от сотворения мира до Рождества Христова не 5500 лет, как прежде считали, а 5508 … Чтобы ещё более запутать счисление, он велел считать новый год с января вместо сентября, забыв совсем, что в январе мир не мог быть сотворён: в январе яблоки были бы не зрелы и змию нечем было бы искусить Еву. Наконец, и знамение антихриста он принял на себя коварно: он назвал себя „император“, и скрыл, таким образом, своё звание под буквой М. Дело в том, что, если выкинуть эту букву и приравнять остальные буквы числам (по славянскому изображению), то в сумме получится ровно 666 — число апокалиптического зверя. Словом, на этот раз — это было уже несомненно, — антихрист. Согласно пророчеству, он появился в 1699 г. Следовательно, в 1702 г. надо было ждать светопреставления».

Это все, конечно, хорошо, про букву «м». Только вот какая заковыка получается: автор этого ироничного текста, Павел Николаевич Милюков, приват-доцент Московского университета и председатель ЦК кадетской партии, был одновременно членом организации франкмасонов, причём высокой степени. На таких степенях при посвящении обязаны пить козлиную (или якобы козлиную) кровь. Вот какой «рационализм» пошёл у нас тут. А ведь атеист не может выпить кровь. Не может, оставаясь атеистом. Кровь — это сильнейший подсознательный символ, сотрясающий сами основания человеческой организации. ПОЗИТИВИСТ Уильям Джемс писал, что его осознанный контакт с подсознательным начался с того, что он ребёнком внезапно упал в обморок от вида струи конской крови (299), быстро наполнявшей подставленное ветеринаром ведро.

И понимаешь, что анализ деятельности Николая II, даваемый Милюковым на уровне тупого и тёмного раскольника (Николай Кровавый ел детей и т. д.), это не следствие простой глупости или даже злобы.

Тему «м» можно развить, сказав несколько слов и о Мережковском. В работе «Не мир, но меч», напечатанной в 1908 году, он писал:

«Церковные раскольники, „люди древляго благочестия“ — первые русские мятежники, революционеры … В сознании раскольников — тьма, рабство, неподвижность, бесконечная статика; но в бессознательной стихии — неугасимый свет и свобода религиозного творчества, бесконечная динамика, притом уже идущая не извне, из Европы, а из глубины духа народного … Раскол, соединившийся с казацкой вольницей, пугачёвщиной, есть революция снизу, чёрный террор; а революция сверху, белый террор — сама реформа, если не по общей идее, то по личным свойствам Петро-

ва гения, безудержно стремительного, всесокрушающего в самом творчестве, анархического, безвластного в самовластии, — гения, который сделался гением всей новой России. Эти-то два противоположные, но одинаково бурные течения слились в один водоворот, в котором и крутится государственный корабль России вот уже два столетия. Православное самодержавие оказалось невозможным равновесием, реакцией в революции, страшным висением над бездною, которое должно кончиться ещё более страшным падением в бездну».

«Раскол, сектантство, эта религиозная революция, рано или поздно должен соединиться с ныне совершающейся в России революцией социально-политической».

Таким образом, оказывается, что между тёмными раскольниками и просвещённым Милюковым есть довольно-таки много общего (304). Вообще, между ними различие только в одном — в уровне развития. Раскольник по своей сути молчун, не обладающий разумом и не имеющий в распоряжении самого страшного разрушительного орудия — логоса, слова. Не в силах выговориться, он или погибает, или застывает в консервативном быте, уходит от русской фантазии в лес. Он лишён динамики или же сразу погибает от приобретённого динамизма. Но такие люди, как Милюков, полностью погрузились в русское слово и превратились в нелюдей, в опаснейших оборотней, днём разглагольствующих с университетской кафедры, а ночью устраивающих, хе-хе, сатанинские шабаши (305). Причём в данном случае возникает своеобразное разорванное сознание, так что эти люди даже не понимали, что с ними происходит. Наоборот, они считали, что ведут чрезвычайно РАЦИОНАЛЬНЫЙ образ жизни. Дневная жизнь это настоящее, а ночная — сон, развеивающийся при первых лучах солнца. Или день и ночь — две стороны одной медали — компромисса. Ну да, «обряды». Но это же так, для карьеры. Понарошку, как прикрытие для политики. Неизбежная деформация преступной личности не наступает, так как сама личность раздваивается, растекается в русском двойничестве, русской ветвящейся мысли.

Поэтому сочинения западников, как правило, не следует понимать буквально. Это некие символически зашифрованные тексты, подлежащие определённому изучению, дающие определённую информацию об исследуемой эпохе или личности самого автора, но СОДЕРЖАНИЯ в них нет или, в лучшем случае, оно вторично. Это книги-оборотни, так же не поддающиеся буквальному чтению, как трактаты алхимиков или каббалистов.

В том же произведении Мережковский пишет:

«Религиозно-революционное движение, начавшееся внизу, в народе, вместе с реформой Петра, почти одновременно началось и вверху, в так называемой интеллигенции. Но первоначально эти две волны одного течения шли розно… Гениально чутьём самовластья (арестовавшая масона Новикова Екатерина II. — О.) *учуяла слишком опасную связь русской религиозной революции с политической. Несколько лет до Новиковского дела, прочитав книгу Радищева, обличения самодержавия, как нелепости политической, Екатерина воскликнула: „Он — мартинист!“ Она ошиблась на этот раз ошибкою, обратною той, которую сделала в приговоре над Новиковым. Радищев — революционер-атеист, Новиков — верноподданный мистик. Но, в глазах самодержавия, мистицизм, отрицающий русского Бога, и революция, отрицающая русское царство, — одинаковая религия, противоположная религии православного самодержавия».*

Опять же, всё это сказано верно. Но следует учитывать, что сам Мережковский — западник, поэтому было бы непростительной наивностью понимать его слова буквально. Это талмудический текст, который следует понимать «косо», символически. Не ЧТО сказал Мережковский, а ЗАЧЕМ, для какой цели. Просто так эти люди никогда ничего не говорят — у них совершенно иное отношение к слову. Сказал правду, но одновременно — жуткую ложь. Мережковский говорит о масонстве полуиронично и походя, всячески принижая его значение, хотя его же логика повествования придаёт всему этому смысл противоположный — громадный, захватывающий. Переплетение лжи станет более ясно, если учесть, что Мережковский был тоже масоном. Следовательно, все его рассуждения по этому поводу — выговаривание, проговаривание, заговаривание, но не разговор, не истина. И «Не мир, но меч» весь состоит из целой серии подтасовок и заглушек (314). (Хотя прошу понять меня правильно, я не говорю о примитивной лжи. Речь идёт о другом.)

Владимир Васильевич Гиппиус сказал дочери Розанова в 1920 году:

«Мережковские всегда играли двойственную роль в отношении декадентов. Помните вы его статью в книге „Не мир, но меч“, страницы о Добролюбове (Александре, поэте-мистике, а потом организаторе религиозной секты. — О.)*? Ведь это всё неправда. Они даже его НЕ ПРИНИМАЛИ ВНАЧАЛЕ, а после в книге своей он* (Мережковский. — О.) *называет его „Франциском Ассизским“».*

Кроме того, Владимир Васильевич сказал тогда и вот что:

«Знали ли вы о существовании в Религиозно-философском обществе ордена масонства? Он был основан Мережковскими. И вот из-за этого они не могли оставить Розанова … Когда решили Мережковские исключить вашего отца из Религиозно-философского общества, то в их квартире происходили бурные заседания. Я выступил на них. Я говорил, что нельзя из-за политических выходок исключать таких членов, как Розанов. Пусть всё, что он говорит, отвратительно, скверно, но его литературное значение от этого не меньше. Он остался как писатель. (Розанов забывался, болтал про революцию и евреев, надо было „одёрнуть“. — О.) *Я им прямо сказал: „Если бы это сделал Толстой, Соловьёв, Достоевский, — исключили ли бы его, как вредного члена, что он мешает им для проведения их идей?“»*

— Наивняк! Да они бы отца родного вышвырнули. Это же РЕЛИГИЯ!

И если так, то что оставалось делать? Спорить? — Бесполезно. С религией не спорят. Её либо принимают, либо терпят, либо искореняют. Принять масонство Россия не могла, терпеть при его наглой активности и (в русских условиях) абсолютно разрушительной деятельности тоже нельзя было. Оставалось третье.

14 декабря 1825 года в центре Санкт-Петербурга собралась шайка политических интриганов. Они убили Милорадовича, избили несколько офицеров, угрожали оружием вышедшему к ним с крестом митрополиту Серафиму. Потом стали кидаться поленьями из-за забора строящегося Исаакиевского собора. С ними повозились, повозились, потом дали пять залпов картечью. В этот же день к Николаю привели пойманных заговорщиков. Трубецкой «бросился на колени», Каховский «говорил совершенно откровенно», Никита Муравьёв «с полной откровенностью стал рассказывать связи свои», Артамон Муравьев валялся в ногах, целовал взасос царские сапоги. Как вспоминал Николай I, «показания пленных были столь разнообразны, пространны и сложны, что нужна была особая твёрдость ума, чтоб в сём хаосе не потеряться».

Оказалось, всё очень просто. Вот они — гордые, неуязвимые, непобедимые в сфере идей. Стоило «дать в рожу», стоило перестать разговоры разговаривать, играться в разговоры там, где дело вовсе не в разговорах, как всё стало на свои места. И стало ясно, где мужество, отвага, честь, а где низость, предательство и подлость.

Но русская история любит договаривать. Чтобы ВСЁ стало ясно, чтобы и язык не повернулся говорить против, Николай, уже другой, должен был встать в положение Трубецкого и Муравьё-

ва. И умереть стоя, за Родину.

282

← Предыдущее, следующее →

282. Примечание к № 273

Стояли на балконе, а внизу катилось солдатское бородатое месиво (к цитате)

Революция носила расовый характер. Периферийная местечковая культура внезапно оказалась в центре духовной жизни государства (286).

Хотя, конечно, и не так уж внезапно. Процесс подготовлялся и раньше, уже шёл, но относительно медленно. Упаковывались кошёлки и чемоданы, ехали из Бердичева и Жидачева в Москву, Питер. Но в столицах было много народа. Гражданская война решила и эту проблему.

С мечтой о столичной жизни осуществилась и мечта о «белой женщине». Если взять творчество Бабеля, то ведь одна из основных тем у него — это тема белой женщины. Ещё в своём одесском детстве, 11-летним мальчиком, он изнывал по жене русского офицера (рассказ «Первая любовь») (303). Она толстая и красивая, в шикарных чулках, с папироской (подглядел), а муж «белый», мародёр и бурбон, вообще ничтожество, «я смеюсь с него».

Более обобщённо эта тема раскрывается в рассказах об одесской мафии. Образ местечкового джигита живописуется следующим образом:

«Вы тигр, вы лев, вы кошка. Вы можете переночевать с русской женщиной, и русская женщина останется вами довольна. Вам 25 лет».

Это из рассказа «Как это делалось в Одессе». А вот и конкретизация (рассказ «Отец»). Один главарь приходит к другому сватать свою дочь. Комизм ситуации заключается в том, что предполагаемый жених в это время развлекается в публичном доме с проституткой. Разумеется, русской. Это, так сказать, «высший разбор». А старый бандит, отец невесты, дожидается жениха в прихожей:

«За стеной стонала Катюша и заливалась смехом. Старик продремал два часа, и, может быть, больше … но Катюша, обстоятельная Катюша всё ещё накаляла для Бени Крика свой расписной, свой русский и румяный рай. Она стонала за стеной и залива-

лась смехом...»

Ну, а потом старик и Беня говорили о деле и:

«Гуляли вдоль русского кладбища. Парни тащили тогда девушек за ограды, и поцелуи раздавались на могильных плитах».

Тема «поцелуев на могильных плитах» нашла своё развитие в послереволюционной тематике бабелевских произведений. В пьесе «Мария» развратная дочь царского генерала хочет женить на себе еврейского комиссара-коммерсанта:

«Людмила: Ах, Катюша, лучше быть евреем, чем кокаинистом, как наши мужчины... Один, смотришь, кокаинист, другой дал себя расстрелять, третий в извозчики пошёл, стоит у „Европейской“, седоков поджидает... В наше время еврей вернее всего».

Далее благородный еврей даёт Людмиле звонкую пощёчину и т. д. Это чуйствительная история про лыцарей, но уже на еврейский манер и скорее напоминающая не мещанские романсы, а рОманы блатарей, травимые на воровском жаргоне еврейской мафии среди восторженных фраеров и малолеток. Характерное смещение жанра, свойственное переходу на совершенно иную социальную ступень.

До революции всё больше неразделённая любовь, «страдания»:

Никогда я тебя не увижу,
Никогда не увижу тебя:
Пузырёк нашатырного спирта
В пиджаке припасён у меня.
Пузырёк нашатырного спирта
В пересохшее горло волью:
Содрогаясь, паду на панели —
Не увижу голубку мою!

Или Розанов вспоминал, паясничая:

«Раз я на пароходе слышал (и плакал): „Купи на 15 коп. уксусной кислоты — я выпью и умру. Потому что он изменил мне“. Пела жидовка лет 14-ти, и 12-летний брат её играл на скрипке. И жидовка была серьёзна. О, серьёзна. Я (в душе) плакал».

А после революции это уже шекспировские страсти какие-то. «Мария», «Еврейский камерный театр». Какая потеря, что не засняли в своё время игру Михоэлса, ну хотя бы в «Короле Лире». Я очень люблю такие чудовищные сочетания. В них суть раскрывается.

Тоска прошла. Сам Бабель, служа в ЧК, а потом в конармии

Будённого, с лихвой утолил мечты голодной молодости (321), имея русских женщин всех видов, возрастов и, главное, сословий (хотелось чего-то возвышенного). Это ведь суть его. Бабель порнограф, причём порнограф вдохновенный. Тут естественная еврейская тяга к грубой эротике. Куприн в «Яме» по заказу писал и по-русски чопорно, нудно, нравоучительно. Это доведённая до бездарной пародии тема русского секса, тема русских проституток, передовых и осознавших себя (325), чуть ли не с партийным билетом в чулке или бюстгальтере.

Возьмите рассказ Мопассана «Порт» и его толстовский перевод. Мопассан писал:

«Порой в глубине прихожей внезапно распахивалась вторая дверь с коричневой кожаной обивкой, и оттуда выглядывала толстая полураздетая девица, чьи жирные ляжки и крупные икры рельефно вырисовывались под дешёвым хлопчатобумажным трико. Короткая юбочка смахивала скорее на пояс бантом; дряблая грудь, плечи и руки розовым пятном выпирали из чёрного бархатного лифа, отделанного золотою тесьмой».

Это современный, адекватный перевод. Конечно, «жирные ляжки» лучше бы заменить на толстые, раз они «рельефно вырисовывались», тут нужно не мягкое, а тугое слово (соответственно «толстая девица» заменить на «пышная», что ли). Потом не совсем ясна «ВЫПИРАЮЩАЯ ДРЯБЛАЯ грудь». Но это, конечно, мелочи, придирки.

А вот как этот отрывок переведён у Толстого:

«Иной раз в глубине сеней нечаянно распахивалась дверь. Из неё показывалась полураздетая девка в грубых бумажных обтянутых штанах, короткой юбке и в бархатном чёрном нагруднике с позолоченными позументами».

Согласен, «обтянутые штаны» куда лучше абстрактного заграничного «трико». Но где же всё остальное? От былого великолепия остались одни «позументы» (ударило в глаза, не хватило сил отказаться — тема «ордена» (536). Позументы! Позолоченные!!). Толстой, как известно, и саму фабулу рассказа изменил, сделал её максимально «пристойной»: у Мопассана матрос узнаёт в проститутке свою сестру «после», а у Толстого «до», то есть акт кровосмешения не совершён. Русский «реализм». Не то что писать о таких вещах, ПЕРЕВЕСТИ не могут. И раз не нравится, не тянет, так чего же браться за такие темы? Ведь все исчезло, в схему абстрактную превратилось. Чего же глубоким стариком писать «Воскресение»? Опять русская несообразность, совмещение несовместимого. Толстой с его наморщенным лобиком по-

среди борделя стоит в застёгнутой на все пуговицы толстовке-сталинке и чавой-то бубнит. А ему какая-то в лопающихся на заду «бумажных штанах» хохочет: «Паш-шёл, дурак старый!..»

А у Бабеля:

«Она пошла к начдиву, неся грудь на высоких башмаках, грудь, шевелившуюся, как животное в мешке».

Это эротично, это видишь. Вот кому бы Мопассана переводить. Он и переводил. И вообще начал писать не на русском, а на французском языке.

283

← Предыдущее, следующее →

283. Примечание к № 249

Всё началось с этого истерического бреда сентиментальной потаскушки. (к цитате)

А ведь в любом интеллигенте есть что-то… В «Бледном огне» поэт Джон Шейд пишет о трагической смерти своей дочери, некрасивой девушки, которая «предпочла красоту смерти уродству жизни». А сумасшедший гомосексуалист комментирует это место поэмы в своих параноидальных «примечаниях»:

«Всё это представляется мне слишком искусственным и растянутым, особенно потому, что приём синхронизации уже насмерть заезжен Флобером и Джойсом. В прочих отношениях разработка темы прелестна».

Набоков почувствовал извращённый характер художественного творчества и юродски похлопал (кого?) по плечу в комментариях: «Ну-ну, ничего. Хорошо книжки пишете». Ведь в сущности Шейд торговал смертью дочери «распивочно и на вынос», получал за это ДЕНЬГИ. За самое интимное — деньги, и от случайных людей, «публики». Что это напоминает?

Вот ещё почему влекло русских писателей к теме проституции — чувство глубочайшего внутреннего родства. Но родства совершенно неосознанного. Отсюда невыносимая вульгарность и реабилитационный антиэротизм весёлых героинь отечественной романистики.

У Набокова проститутки всамделишные, потому что только в его творчестве русская литература наконец осознала себя (288). Он в «Лолите» просто кокетничает овладением темой:

«Поразительно быстро раздевшись, она постояла с минуту у окна, наполовину завернувшись в мутную кисею занавески, слушая с детским удовольствием (что в книге было бы халтурой) шарманщика, игравшего в уже налитом сумерками дворе».

Конечно, было бы ошибочно сводить творчество к купле-продаже. Но столь же ошибочно игнорировать этот компонент жизни писателя, художника, композитора (или их огрубление, второй разбор: инженера, адвоката, журналиста). Тут есть «душок». И душок в самом духе их деятельности. Кроме солдафонов, есть

ещё графофоны. И так же, как в каждом офицере сидит солдафон, в каждом писателе сидит графофон.

Вообще, духовная жизнь дворянина, офицера всё-таки не ниже жизни писателя. У него тоже есть минуты высшего экстатического подъёма, минуты выхода за пределы обычного бытия. Дуэль — смерть за честь. Разве это низменнее творчества? И вся жизнь офицера (конечно, настоящего, не «графомана») это подготовка к высшему, к смерти за Родину.

Розанов писал в 1914 после беседы с уходящим на фронт молодым офицером:

«Боже мой! Боже мой! Как же мы всё это понимаем и чувствуем? Ведь нам корифеи литературы нашей рассказывали, что это „полковник Скалозуб", который „развалился на софе", да „генерал Бетрищев", который, умываясь, острит с Чичиковым. Кто же не поверит Гоголю и Грибоедову? И мы вообще-то и думаем, что офицеры „позвякивают шпорами", а батальные живописцы рисуют их „в кавалерийской атаке" с саблями наголо на красивых лошадях. Но ведь это же совсем не то, и это бесстыдство так думать, и как же нам решились внушать такие мысли, — хотя бы и „корифеи слова"! Дело-то ведь действительно в ГЕРОИЗМЕ…»

Античные мудрецы очень высоко ставили воинскую доблесть. Гораздо выше способностей к живописи или стихосложению. Уже тогда понимали, что артист или писатель это человек, по крайней мере, изнеженный, слабый, часто — безнравственный. Таких людей любили. Очень любили. Но любили той любовью, которой они заслуживали. Весь Рим изнывал по миму Мнестеру, по его шелковистым бёдрам и глазам с поволокой. Это был самый популярный человек в государстве, слава Мнестера соперничала со славой самого императора, который униженно добивался его любви. Современный «распад» искусства есть, в сущности, естественное и закономерное развитие: каждому — своё. Сейчас уже прямо порнография. И это прекрасно. Так и надо. Это разрешение — разрушение безобразной сказки XIX века, превратившей храмы в театры, а театры — в храмы. Театр — да, храм, только храм не христианский и даже не языческий. А сейчас, во второй половине XX века, его лишили этого статуса. В театр приходят похихикать. Комедианты и стали комедиантами, а не жрецами, священниками. Театр снова стал тем, чем был в Римской империи — публичным домом. Театр это же публичный дом в его развитии: «Театр начинается с вешалки». Разрушение мифа «святого искусства» есть, мне думается, вовсе не кризис христианской культуры, а кризис теневого язычества.

Хотя, на Западе «святое искусство» было лишь фрагментом

мира, тенденцией, это у нас мифология гениальности стала центром нашей худосочной секулярной культуры.

← Предыдущее, следующее →

284. Примечание к с. 40 «Бесконечного тупика»

Набоков, гениально реконструировавший в «Даре» мир русского интеллигента (к цитате)

В общем по своим смутным политическим взглядам Владимир Владимирович был всё-таки либералом, причём либералом русским. Но врождённое чувство иронии, нетерпимость ко всякой глупости и фальши позволили ему нарисовать убийственно-исчерпывающий образ «русского интеллигента». В «Даре» «честный» редактор эмигрантской газеты отвергает рукопись Чердынцева (факт, имевший место на самом деле: редактор «Руля» Гессен отказался публиковать повесть Набокова о Чернышевском):

«„Я полагал, что это серьёзный труд, а оказывается, что это беспардонная, антиобщественная, озорная отсебятина. Я удивляюсь вам“.
„Ну, это, положим, глупость“, — сказал Фёдор Константинович.
„Нет, милостивый государь, вовсе не глупость, — взревел Васильев, гневно перебирая вещи на столе … — Нет, милостивый государь! Есть традиции русской общественности, над которыми честный писатель не смеет глумиться“».

Устройство стола Васильева-Гессена хорошо показал Чехов, мастер злорадно-скользящей характеристики:

«На столе ничего случайного, будничного, но всё, каждая мельчайшая безделушка, носит на себе характер обдуманности и строгой программы. Бюстики и карточки великих писателей, куча черновых рукописей, том Белинского с загнутой страницей, затылочная кость вместо пепельницы (308), газетный лист, сложенный небрежно, но так, чтобы видно было место, очерченное синим карандашом, с крупной надписью на полях: „Подло!“».

Советская литература тенью за два поколения до 17-го существовала. А в количественном отношении и господствовала. 17-й — это лишь окончательно отделившаяся от хозяина андерсеновская тень.

285

← Предыдущее, следующее →

285. Примечание к № 277

Бунин в Москве плакал, а Мандельштам в Киеве смеялась. (к цитате)

Бабель даже в середине 30-х всё никак не мог остановиться, не мог отсмеяться. В 1934 году, на I съезде советских писателей изрёк:

«Со здания социализма снимаются первые леса. Самим близоруким видны уже очертания этого здания, красота его. И мы все — свидетели того, как нашу страну охватило могучее чувство просто физической радости».

286

← Предыдущее, следующее →

286. Примечание к № 282

Периферийная местечковая культура внезапно оказалась в центре духовной жизни государства. (к цитате)

В этом нет ничего удивительного. Это естественный механический процесс — следствие уничтожения элиты. Об этом ещё Платон писал:

«Ведь иные людишки чуть увидят, что область эта опустела, а между тем полна громких имён и показной пышности, тотчас же, словно те, кто из темницы убегает в святилище, с радостью делают скачок прочь от ремесла к философии — особенно те, кто половчее в своём ничтожном дельце. Хотя философия находится в таком положении, однако сравнительно с любым другим мастерством она всё же гораздо более в чести, что и привлекает к ней многих людей, несовершенных по своей природе: тело у них покалечено ремеслом и производством, да и души их сломлены и изнурены трудом… А посмотреть, так чем они отличаются от разбогатевшего кузнеца, лысого и приземистого, который недавно вышел из тюрьмы, помылся в бане, приобрёл себе новый плащ и нарядился — ну прямо жених? Да он и собирается жениться на дочери своего господина, воспользовавшись его бедностью и беспомощностью».

Кто же в таких условиях сохраняет культуру?

«Те, кто подвергшись изгнанию, сохранили благородство своей натуры».

А внутри страны на место изгнанных пришли местечковые Платоны. В 1922 году в Москве был основан очаг новой культуры — «Музей революции». Основал его большевик с подпольной кличкой «Платон».

И может собственных Платонов
И быстрых разум Невтонов
Российская земля рождать.

Звали же сего Платона так — Соломон Исаевич Черномордик (296).

287

← Предыдущее, следующее →

287. Примечание к № 249
«мотри, уточки какие!» (к цитате)

Достоевский, молодой, ещё в начале своей журналистской деятельности взвился, прочтя полезную хрестоматию «для народа»:

«Ты мужик, а потому и должен знать про своё, про мужичье. Вот мы тебе тут ПОДОБРАЛИ…»

Вслушайтесь в это «подобрали». Одна из важнейших русских тем. Фёдор Михайлович юродствует дальше:

«Слышь, Петя, вот ты здесь гуляй, а туда, в кусты, не ходи, там ОКАЯННЫЙ сидит, тебя в мешок возьмёт и с собой унесёт».

Говорится это по поводу безобиднейших текстов. Достоевского даже арифметические задачи в сборнике бесят:

«Вот уточки нарисованы, — видишь, плавают? а вот тут охотник их застрелил; вот подписана и загадка: плавало на воде пять уточек, охотник выстрелил, трёх убил, много ль из пяти останется? ну вот ты и угадай, милое дитя… то бишь, милый мужичок».

Ну и что. Ну, «уточки». А как же ещё арифметике учить? В сущности, пустяк. Но Достоевский этот «пустяк» на 35 страницах разбирает. Взбесила сама идея «сосчитанности-рассчитанности», идея «уточек». Русский человек не понимает сути адаптивного текста. То, что со второй половины XIX века в русской журналистике господствовал нерусский элемент, во многом вполне закономерно, ибо вытекает из самой сути нашего отношения к слову. Либо русский вполне искренен, либо он вольно или невольно впадает в юродство, в самоиздевательство. Ярость Достоевского вовсе не бессмысленна, так как он почувствовал, какие в конце концов «уточки» всплывут на поверхность русского языка (291). Русские пропагандистские тексты чудовищны. С первого же предложения видно, что автор ни во что это не верит, надо всем этим издевается. Чем адаптивнее речь русского, тем она авторитарней, тем больше распадается на лающие лозунги и превращается в набор бессодержательных штампов. Нет мяг-

кой стилизации, непосредственности просторечья и т. д. Величайшее уважение к слову переходит в полнейшее к нему пренебрежение. Во всем этом начинает сквозить глубокое отвращение к собеседнику, низводимому до уровня аморфного кретина — грубого и безмозглого исполнителя словесной программы. Русский пропагандист чудовищно переигрывает, ибо, чувствуя презрение к аудитории, всё же не может себя от неё отделить. Современность — это лишь развитие опаснейшей тенденции, вполне выявившейся в эпоху Достоевского.

Вот конец статьи «Александр III» в Брокгаузе:

«Чрезвычайная опасность грозила России в 1888 г.: 17 октября мог сделаться днём великой печали, но он сделался днём праздничным. В этот день над Императором Александром III и Его Августейшею Семьёю явлено чудо милости Божией: страшное крушение поезда на Курско-Харьково-Азовской железной дороге, по воле Провидения, не коснулось ни Царя, ни Его Семьи. Они вышли из страшных обломков невредимыми. Понятна радость целой России. И теперь ещё идут из разных концов громадной монархии заявленные верноподданными чувства радости о чудном спасении. На месте катастрофы воздвигся храм и в нём, как и повсюду, возносятся молитвы, скрепляющие союз Царя с народом».

Это в энциклопедии. Да у какого русского гимназиста, студента или профессора руки не затрясутся от этой «понятна радость целой России». И это всё изводяще-монотонно день и ночь, день и ночь. Как бы легко, воздушно написали этот текст во Франции, как корректно и благородно в Англии, как солидно и учёно в Германии. А тут: ну, читай, Ваня, мы тебе «подобрали».

288

← Предыдущее, следующее →

288. Примечание к № 283

только в его (Набокова) творчестве русская литература наконец осознала себя (к цитате)

Он первым из русских романистов поместил в центр повествования писателя. Уже это делает «Дар» философским произведением.

У Набокова в мировоззрении ряд «тихих ходов» и красивых жертв. Например, его религиозные взгляды — рудиментарные и недостойные такого мыслителя — выглядят эстетически безукоризненными отговорками. Набоков, собственно говоря, и не продумал идею Бога, никогда ВСЕРЬЁЗ не думал об этом: месяцами, упорно. Но это не ошибка. Писатель и не может верить в Бога (поскольку он писатель). Он сам Бог, Творец.

То же отказ от истории и политики. Это «защита Набокова» от разрушительного опыта, исторического хаоса. Всего этого масонско-фашистско-полит-экономического бреда. Отсюда замкнутый образ жизни в Германии, отталкивание от правой эмиграции и неприятие эмиграции левой.

Эти жертвы и ходы помогли ему сохранить свою огромную и, следовательно, хрупкую личность, помогли заползти в экологическую нишу.

289

← Предыдущее, следующее →

289. Примечание к № 253
Где же тут русская история? (к цитате)

Как известно, в конце 1922 года Ленин был взбешён неким политическим инцидентом и по сему поводу писал, что следует всеми силами:

«Защищать российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ. Нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали, как муха в молоке … приняли ли мы с достаточной заботливостью меры, чтобы действительно защитить инородцев от истинно русского держиморды?»

И далее «резюме»:

«Интернационализм со стороны угнетающей или так называемой „великой“ нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактической».

Что же это за «истинно русские человеки», так расстроившие Владимира Ильича? Речь идёт, как пишет Ленин, о «русском рукоприкладстве Орджоникидзе». Орджоникидзе, ставленник Джугашвили, поставил в пьяном виде фонарь товарищу Окуджаве. Дзержинский, посланный расследовать инцидент, прикрыл Орджоникидзе и Джугашвили. За Джугашвили стояли Апфельбаум и Розенфельд, копающие против Бронштейна. Такой вот «великорусский шовинизм».

С «великорусским шовинизмом» действительно повели борьбу круто. Вместо России создали СССР, «15 равноправных республик». Но, может быть, хотя бы 1/15 русская? Отнюдь. Вместо РССР — РСФСР, причём не «Русская Советская…», а «Российская Советская…» РСФСР включает 16 автономных республик. Но и среди этих шестнадцати вы не найдёте Русскую АССР.

РСФСР состоит из 16 республик и всё ещё очень большой аморфной массы бесхозной, безнациональной «общей» территории. А чтобы размеры её не бросались в глаза, оттуда ещё нарезано 5 автономных областей, а из оставшейся территории — 10 национальных округов. Естественно, ни в РСФСР, ни в какой-либо другой союзной республике нет ни одной русской автономной области, ни одного русского национального округа.

В своё время, как известно, организовали 16-ю союзную республику — Карелию. Потом, поняв, что переборщили, преобразовали её в АССР. Но в этой «АССР» карелы составляют 11% населения, а русские — 70%. Однако какой бы шум подняли, если бы при таком соотношении в свою пользу русские потребовали организовать русскую — даже не АССР, а автономную область или хотя бы округ…

Но и этого мало. Ведь Россия большая. Всё равно вот лежит, «простирается». Вот он, Север России. И это, однако, предусмотрено. Можно сказать Север Грузии или Север Эстонии. Но в России не Север, а Зона. И зона не России, а РСФСР. И не РСФСР даже, а почв РСФСР. И не собственно почвы, а зона отсутствия некоторого вида почв: «Нечернозёмная зона РСФСР». Вот так. Дальше некуда. Просто нельзя. Может быть, и хотелось бы, но нельзя.

Да. Юридически сделано всё, что возможно. И всё равно, как ни портила муха русское молоко, до конца не получилось. Не хватило силёнок. Полная перевёрнутость наизнанку, основание Нероссии на месте России не получилось, конечно. Как и в гомосексуальной империи всё равно ведь пришлось бы смотреть сквозь пальцы на тупую гетеросексуальную массу. Уже по чисто количественным причинам. Педерастов не хватит за всеми смотреть. И потом ведь гомосексуалисты бесплодны.

290

← Предыдущее, следующее →

290. Примечание к № 205

(нормальный диалог по-русски возможен) как очень тонкое глумление над собеседником и самим собой (к цитате)

Розанов очень хорошо чувствовал глумливый оттенок высшей формы русского диалога и высшей формы вообще русского мышления. Превосходный пример этого главка из «Апокалипсиса нашего времени» — «Почему на самом деле евреям нельзя устраивать погромов?» Сам выбор такой темы (это в 1918-м-то году!) издевательский. И это «на самом деле» — гоголевское «тоже» («Иван Никифорович ТОЖЕ хороший человек»). Смысла этого «почему» не поймёт ни англичанин, ни немец, ни француз. И самое злорадное — не поймёт еврей. Ведь это злоба, дошедшая до нечеловеческих пределов. Ассирия с пирамидами отрезанных ушей и слепым небом выколотых глаз. И эта Ассирия возведена в куб. До немоты, когда от ненависти ничего сказать нельзя, кровь глаза заливает. Но мало, «что ни делаю, все мало». И это ещё в куб. И начинается ласковость, любовь к жертве. Она вся оглаживается, охлопывается. Разминаются её пальцы, скоро захрустящие в холодных тисках, гладятся волосы, срываемые потом с кожей черепа, оглаживается кожа, которую покроют выжженные язвы. «Ай, хорошо, ай, славно».

Розанов умиляется, плачет: старик-еврей полез не в ту дверь трамвая, а ему по шее:

«И вот, я не забуду этого голоса, никогда его не забуду, потому что в нём стоял нож:

— Ж-ж-ид прок-ля-тый…

Это было так сказано. И как музыка, старческое: — Мы уже теперь все братья („гражданство“, „свобода“, — март): зачем же вы говорите так (то есть, что и еврей, и русский — братья, „нет больше евреев как ЧУЖИХ И ПОСТОРОННИХ“)…

Я слышал всю музыку голоса глубоко благородного и глубоко удивляющегося. Потом уже, не завтра, и даже „сегодня“ ещё, я понял, что мне нужно было, сняв шапку, почти до земли поклониться ему и сказать: „Вот я считаюсь врагом еврейства, но на самом деле я не враг: и прошу у вас прощения за этого гру-

бого солдата“».

И далее издевательство начинает вызревать, распускаться:

«Евреи наивны; евреи бывают очень наивны. Тайна и прелесть голоса (дребезжащего, старого) заключалась в том, что этот еврей, — и так, из полуобразованных мещан, — глубоко и чисто поверил, со всем восточным доверием, что эти плуты русские, в самом деле „что-то почувствовали в душе своей“, „не стерпели старого произвола“, и, вот, „возгласили свободу“. Тогда как, по заветам русской истории это были просто Чичиковы … Форма. Фраза».

Но и сам Розанов русский. И в чем же суть его восторга и умиления «восточным доверием»? Да вот в чем:

«Евреи… Их связь с революцией я ненавижу, но эта связь, с другой стороны, — и хороша: ибо из-за связи и даже из-за поглощения евреями почти всей революции — она и слиняет, окончится погромами и вообще окончится ничем: слишком явно, что если магнаты еврейства, может быть, и думают „в целом руководить потом Россией“, то есть бедные жидки, которые и соотечественникам не уступят русского мужика (идеализированного) и ремесленника, и вообще (тоже идеализированного) сироту. Евреи сентиментальны, глуповаты и преувеличивают. Русский „мужичок-простачок“ злобнее, грубее… Главное — гораздо грубее».

Вот в чём суть розановских юродских поклонов в трамвае: «ты сам яму себе выроешь, сам себя в неё закопаешь». Розанов плачет:

«Я — русский. Русский из русских. Но я хочу вас поцеловать».

И сиропится дальше:

«Евреи — самый утончённый народ в Европе. Только по глупости и наивности они пристали к плоскому дну революции, когда их место — совсем на другом месте, у подножия держав».

Мысль ясна, но странное сочетание: «утончённый» и тут же «глупость, наивность». Розанов юродски хнычет, размазывает слёзы по щекам. Мы ничтожества, мы «ерунда с художеством» (именно в этой главе это замечательное выражение). А евреи это суть Азии и первый народ Европы. Но, что это? — тут же проскальзывает совсем другое:

«И торгуй, еврей, торгуй, — только не обижай русских. О, не обижай, миленький».

Иностранец услышит в этой фразе сопливую, униженную

просьбу. Русский — страшную угрозу, кликушество. И что это, тут же, в этой главе, сказано об «утончённых евреях» совсем иное:

«Но ведь евреи и всегда наглы. В Европе, собственно, они не умеют говорить европейским языком, то есть льстивым, вкрадчивым и лукавым, во всяком случае — вежливым, а орут как в Азии, ибо и суть азиаты, грубияны и дерзки».

И т. д. И «Почему на самом деле» превращается не просто в ответ: «Да потому, что ты сам себе яму выроешь», а в издевательскую русскую «учёбу». Мы вам покажем, кто самый утончённый народ мира, чей язык так истончён в издевательстве.

И нигде явно ткань сглаза не прерывается. Ни одного явного доказательства (467). Приведённые выше цитаты выдраны из сложной вязи розановской мысли. А мысль Розанова здесь предельно насыщена, предельно сложна. О 10 страничках «Почему…» можно говорить очень долго. Я попытался только выявить общий тон, дать иллюстрации. Этот тон нарастает вопреки общей логике повествования (сложной и ветвящейся). И ДОКАЗАТЬ его невозможно. Да этого и не может быть по сути, так как иначе ткань порвётся. Это вершина русской философии. Дистиллированная оборачиваемость. Всё зависит от субъективного взгляда. Доказать ту или другую точку зрения невозможно. Акт интуитивной веры и всё. Кант по сравнению с этим примитивнейший неандерталец. Хайдеггер — неандерталец. Вот нигилистический текст по сути. Чистый нигилизм. Содержание испаряется, хотя предусматривается это конкретное, даже наивное содержание. Всмотришься в эту материальную наивность, и она станет все углубляться, углубляться, пока дно не исчезнет, не превратится в пустоту.

И конечно, это неосознанно. Осознанно так нельзя написать. Видно, что писалось сразу и во сне — просто слова загорались в мозгу. Это высший тип литературы, где литература начинает уже разрушаться. Неслучайно Розанов сказал:

«Мне иногда кажется, что во мне разрушается литература».

291

← Предыдущее, следующее →

291. Примечание к № 287

(Достоевский) почувствовал, какие в конце концов «уточки» всплывут на поверхность русского языка (к цитате)

Из статьи Ленина:

«Интеллигентские наседки меньшевизма высидели утят. Утята поплыли. Наседки должны выбирать: по воде или по суше? Ответ, даваемый ими (этот ответ можно довольно точно передать словами: и не по воде и не по суше, а по грязи), не есть ответ, а отсрочка, оттяжка … По воде или по суше, господа? Мы хотим идти по суше. Мы вам предсказываем, что чем усерднее, чем решительнее полезете вы в грязь, тем скорее вернётесь на сушу».

Написано в 1907 году. А вот ещё пример, уже посвежее — от 14 сентября 1917:

«В детской „добровольная уступка“ указывает лёгкость возврата: если Катя добровольно уступила Маше мячик, то возможно, что „вернуть“ его „вполне легко“. Но на политику, на классовую борьбу переносить эти понятия кроме российского интеллигента не многие решатся. В политике добровольная уступка „влияния“ доказывает такое бессилие уступающего, такую дряблость, такую бесхарактерность, что „выводить“ отсюда, вообще говоря, можно лишь одно: кто добровольно уступит влияние, тот „достоин“, чтобы у него отняли не только влияние, но и право на существование».

1918 год. Ленин «объясняет» Брестский мир. Мячик уже в руках, и злой клоун щёлкает им по черепам публики:

«Приведу сначала маленький пример, попроще, пояснее, без „теории“ … без мудрёных слов, без непонятного для массы. Положим, Каляев, чтобы убить тирана и изверга, достаёт револьвер у крайнего мерзавца, жулика, разбойника, обещая ему за услугу принести хлеб, деньги, водку. Можно осуждать Каляева за „сделку с разбойником“ в целях приобретения орудия смерти? Всякий здоровый человек скажет: нельзя … Каляева не порицать надо за такое приобретение револьвера, а одобрять… (298) Любой мужик, если бы он увидал „интеллигента“, фразами отговаривающегося

от столь очевидной истины, сказал бы: тебе, барин, не государством управлять, а в словесные клоуны записаться или просто в баньку сходить попариться…»

Тут прямо по Достоевскому. Убил за луковицу человека — копейка. Убил сто человек — рубль. Всё очень просто, доходчиво. «Без мудрёных слов».

Ленин учил товарищей:

«Если ты не сумеешь приспособиться, не расположен идти ползком на брюхе, в грязи, тогда ты не революционер, а болтун».

Наглядно объяснял отдачу немцам Украины:

«Я вам приведу простой пример. Представьте, что два приятеля идут ночью, и вдруг на них нападают десять человек. Если эти негодяи отрезывают одного из них, — что другому остаётся? — броситься на помощь он не может; если он бросится бежать, разве он предатель?»

Здесь даже редакция ленинского собрания сочинений не выдержала и осмелилась (единственный раз на протяжении 55 томов) внести коррективы. В примечании написано:

«В стенограмме, по-видимому, неточная запись; следует читать: „разве он не предатель“».

Но внесение «не» контекстуально невозможно, бессмысленно. Тут просто «дрогнули», нервишки не выдержали. Это сейчас! Да ещё у каких людей!! А тогда от речей Ленина с ума сходили (312), не могли поверить, что такое вообще бывает, что такое можно говорить и можно ТАК говорить. Мячик сам из рук онемевших выкатывался. Ленин психологически сломал белое движение и вообще любое сопротивление с самого начала.

292

← Предыдущее, следующее →

292. Примечание к № 249
Зарвались с полунамёка. (к цитате)

Чехов заметил:

«Перемена жизни к лучшему, сытость, праздность развивают в русском человеке самомнение самое наглое».

293

← Предыдущее, следующее →

293. Примечание к № 273
«Не треба!» (к цитате)

По идее НЭП должен был привести к обществу нацистского образца, к интернационализму, где во главе стоит раса богоизбранных людей. Огосударствление предприятий, элементы планирования, но с сохранением частной еврейской инициативы, создание совхозов с евреями-менеджерами и т. д. Кадеты за это же выступали, не только эсеры. Одним словом, собирались жить. А НЭП сменился ВЕПом. (Правые эмигранты говорили: погодите, будет вам вместо НЭПа — ВЕП — Всероссийский Еврейский Погром.) «Не треба!» Это как если бы в Германии фашисты были сметены новыми кадрами из евреев. Конечно, в России националистическое движение захлебнулось в численности коренного населения. В Германии господствовала наиболее многочисленная нация, в России — одно из нацменьшинств. Но поскольку уровень селекции был тотален (полное уничтожение русской элиты), то всё могло получиться. Не учли одного: «Не служить же русскому солдату и мужику евреям». Нужно было низшее звено из туземных кадров. Они и уничтожили колониальную администрацию.

← Предыдущее, следующее →

294. Примечание к № 208

лет 50 над русскими писателями как сословием будут смеяться (к цитате)

Воспев сталинские зверства, русские писатели дискредитировали себя как сословие. И прекрасно.

Бунин писал в своём дневнике в 1918 году:

«Всё будет забыто и даже прославлено! И прежде всего ЛИТЕРАТУРА ПОМОЖЕТ, которая что угодно исказит, как это сделало, например, с французской революцией то вреднейшее на земле племя, что называется поэтами, в котором на одного истинного святого всегда приходится десять тысяч пустосвятов, выродков и шарлатанов … Вообще литературный подход к жизни просто отравил нас. Что, например, сделали мы с той громадной и разнообразнейшей жизнью, которой жила Россия последнее столетие? Разбили, разделили её на десятилетия — двадцатые, тридцатые, сороковые, шестидесятые годы — и каждое десятилетие определили его ЛИТЕРАТУРНЫМ героем: Чацкий, Онегин, Печорин, Базаров… Это ли не курам на смех, особенно если вспомнить, что героям этим было одному „осьмнадцать“ лет, другому девятнадцать, третьему — самому старшему — двадцать!»

Бунину как писателю было обидно за своё сословие. Ругая своё сословие, он всё-таки не смог подняться над сословной ограниченностью. Французские проститутки — продажные. Ах-ах, какой ужас. Да потому и продажные, потому что проститутки. Писатель, «врун за деньги» — шарлатан. Да, Алексей Толстой шарлатан. Ну и что? И почему государство, общество должно рухнуть из-за плохих писателей? Не потому погибнет общество, что писатели плохи, а потому, что вдруг оно поставило своё существование в зависимость от писателей. «Мы сделали проститутку президентом, а она продала государственные секреты». И ещё обижаются, ещё чем-то недовольны.

295

← Предыдущее, следующее →

295. Примечание к № 273

«А русский мужичок оказался грубее». Оторвал балкон и понёс, понёс к Фонтанке. (к цитате)

Почему же к Фонтанке? Стилистически это, казалось бы, неверно, надо — «к Мойке»: мойка, помои, свалка истории, головомойка, чистка. Или, если учесть, что дальше речь идёт о Берлиозе, можно сказать «понесли к Москва-реке». (Тут неувязка с местом действия, но ею можно пренебречь.) Однако всё же «Фонтанка», так как у Мандельштама в «Египетской марке» есть эпизод: толпа топит какого-то воришку в Фонтанке.

Интересна чисто мандельштамовская технология умолчания при описании революционного самосуда. О таковом собственно ничего не говорится. Сначала показана толпа, ведущая жертву к воде, потом герой повести мечется по городу, пытаясь вызвать охрану, и, наконец, мы видим расходящиеся по реальности круги от свершившегося факта:

«Несметная, невесть откуда налетевшая человечья саранча вычернила берега Фонтанки … Тысячи глаз глядели в нефтяную радужную воду, блестевшую всеми оттенками керосина, перламутровых помоев и павлиньего хвоста. Петербург объявил себя Нероном и был так мерзок, словно ел похлёбку из раздавленных мух».

И всё. Это характерный приём мандельштамовского письма. Вот ещё пример. Осип Эмильевич рассказывает о раскопках останков первобытного человека в Советской Армении:

«В яме нами были действительно обнаружены и глиняные черепки и человеческие кости, но кроме того был найден черенок ножа с клеймом старинной русской фабрики NN».

Боковой смысл жуткий. Сказанное доходит постепенно и уходит в бесконечность своим взаимозеркальным сарказмом. Впрочем, это редкая удача. Обычно всё пустее. Слишком много пустоты. Мандельштам обманками обвит, как бинтами человек-невидимка. Центр пуст. Это лишь имитация «простой прозы» с четверным перекрытием критики, где всё продумано, прочувствовано вперёд.

Он извне подошёл к сути языка. Писал в конце «Египетской марки»:

«Уничтожайте рукопись, но сохраняйте то, что вы начертали сбоку от скуки, от неуменья и как бы во сне. Эти второстепенные и мимолётные создания вашей фантазии не пропадут в мире».

Конечно, это суть отечественного мышления. Собственно говоря, весь русский язык находится на полях. Но отсюда вытекает другое, совершенно не учтённое Мандельштамом свойство: заметки на полях полей русского языка образуют единое поле. Весь язык это развёрнутое примечание, где оговорки и сноски никак не вынесены за текст, а находятся внутри. Отсюда постоянное «внутренное комментаторство», бубнение и бормотание, наивное, всё более и более запутывающееся объяснение. Это какое-то постоянно корректируемое косоглазие. Косой взгляд Мандельштама не корректируется оговорками, и русский читатель из-за этого «промахивается». Моё первое (первичное) впечатление от «Египетской марки»: «Финтифлюшка с двумя десятками прекрасных предложений». Последующее «догадывание» оказывается пресным, как бы случайным и необязательным. А русский язык очень обязательный, обязывающий, связывающий разлетающуюся суть в сложноподчинённую связь. В прозе Мандельштама нет опоры для глаза, «акрополя» и нет.

Он недолюбливал Цветаеву, относил её к категории поэтесс вымученных и искусственных:

«На долю женщин в поэзии выпала огромная область пародии, в самом серьёзным и формальным смысле этого слова. Женская поэзия является бессознательной пародией… Большинство московских поэтесс ушиблены метафорой. Это бедные Изиды, обречённые на вечные поиски куда-то затерявшейся второй части поэтического сравнения, долженствующей вернуть поэтическому образу, Озирису, своё первоначальное единство».

Что касается конкретных характеристик, то по мнению поэта:

«Безвкусица и историческая фальшь стихов Марины Цветаевой о России — лженародных и лжемосковских — неизмеримо ниже стихов Адалис, чей голос достигает мужской силы и правды».

Однако я думаю, что стихи Цветаевой все-таки неизмеримо выше стихов Аделины Ефимовны Эфрон (Адалис).

Для Мандельштама характерна еврейская ясность, чёткость, деловитость. Он в очень незначительной степени был подвержен поэтической риторике и с негодованием писал о «болотных испарениях русской критики»:

«Лирика о лирике продолжается. Самый дурной вид лирического толкования. Домыслы. Произвольные посылки. Метафизические догадки. Всё шатко, валко: сплошная отсебятина. Не позавидуешь читателю, который пожелает почерпнуть ЗНАНИЕ о Блоке из литературы 1921–1922 гг.».

Такое отношение к литературе свойственно и другому трезвому иудею — Иосифу Бродскому. Бродский так же трезво, как и Мандельштам, отнёсся к творчеству Марины Цветаевой, но произошло это уже на качественно ином этапе развития русской поэзии и на ином уровне знаний. И критика Бродского, этого «Мандельштама в квадрате», даёт ключ к приведённому выше высказыванию о Цветаевой.

Бродский пишет:

«Стих Цветаевой отличается почти патологической потребностью договаривать, додумывать, доводить все вещи до логического конца … Технология намёка, обиняков, недоговорённостей, умалчивания свойственна этому поэту в чрезвычайно малой степени».

То есть иными словами Цветаева — просто антипод Мандельштама. Её стихи это зарифмованное бесконечное русское бубнение (309), постоянно зашифровывающее мир и тут же его самодовольно отгадывающее, отгадывающее каждый раз по-новому и от этого расходящееся, ветвящееся. Там, где Мандельштам кончает, Цветаева только начинает. Это соединение крайней мечтательности со столь же крайним реализмом. Каждая мечта обговаривается, превращается в закруглённый роман и благодаря этому осуществляется, материализуется.

Бродский сказал блестяще, превосходно:

«Цветаева — поэт весьма реалистический, поэт бесконечного придаточного предложения, поэт, не позволяющий ни себе, ни читателю принимать что-либо на веру».

И далее:

«Автор подвергает жесточайшему разносу каждое собственное слово (318), каждую собственную мысль; то есть комментирует себя … Ни у одного из цветаевских современников нет этой постоянной оглядки на сказанное, слежки за самим собой. Благодаря этому свойству (характера? глаза? слуха?) стихи её приобретают убедительность прозы. В них — особенно у зрелой Цветаевой — нет ничего поэтически априорного, ничего не поставленного под сомнение. Стих Цветаевой диалектичен, но это диалектика диалога: смысла со смыслом, смысла со звуком. Цветаева всё время как бы борется с заведомой авторитетностью поэтической

речи, всё время старается освободить свой стих от котурнов».

Собственно говоря, это итог русской поэзии, замкнутое на себя разрушение стиха, поэтическое выражение дословесной структуры спохватывания, на которой построена речь и Толстого, и Достоевского и, менее проявленно, обычная, неочищенная бытовая речь. Цветаева — это обытовление стихотворного языка, столь успешно начатое уже в эпоху Некрасова, — уже у него за элементарными прозаизмами и вульгаризмами проступало нечто большее. Конечно, Мандельштам прав, у Цветаевой есть стихи лженародные — по тематике. Но по внутренней структуре у неё же есть ряд стихов просто-напросто архетипичных. И, конечно, цветаевские «оглядки» это не простое свойство характера, глаз и слуха, а свойство некоей национальной сущности. Сущности, Бродскому совершенно недоступной (сама-то его мысль непрерывна и совершенно безоглядна). Недоступной, но вполне видимой по своим сильным и законченным проявлениям. И видимой, может быть, гораздо лучше, чем русскому человеку («со стороны виднее»):

«Одно из возможных определений её творчества, это — русское придаточное предложение, поставленное на службу кальвинизма. Другой вариант: кальвинизм в объятиях этого придаточного предложения. Во всяком случае, никто не продемонстрировал конгениальности данного мировоззрения и данной грамматики с большей очевидностью, чем Цветаева … пожалуй, не существует более поглощающей, более ёмкой и более естественной формы для самоанализа, нежели та, что заложена в многоступенчатом синтаксисе русского придаточного предложения. Облечённый в эту форму кальвинизм заходит („заводит“) индивидуума гораздо дальше, чем он оказался бы, пользуясь родным для кальвинизма немецким. Настолько далеко, что от немецкого остаются самые лучшие воспоминания, что немецкий становится языком нежности». (Это по поводу слов Цветаевой: «Пусть русского родней немецкий Мне». — О.)

Конечно, вернее сказать, что придаточное предложение это выражение внутренней способности к интроспекции, а не наоборот. Тут типичная для еврея ошибка абсолютизации языка — овладение языком якобы позволяет овладеть внутренней сущностью его носителей. В общем Бродский даже осознаёт, что связь между языком и внутренним миром его носителей по крайней мере двусторонняя. Но он здесь не оговорился. Оговорка же вызвала бы общее разрушение текста, так как русское придаточное предложение это «естественная форма» отнюдь не только для

протестантизма, а вообще для чего угодно (324). То есть прежде всего для молчания. Со временем найдётся какой-нибудь «Мандельштам в кубе» и это поймёт. Но ведь в чём месть — молчание означает вышвыривание за пределы языка, за пределы народа (чужого). Ведь с другими народами связь через слово.

Одно из моих любимых стихотворений Мандельштама:

Не искушай чужих речений, но постарайся их забыть —
Ведь всё равно ты не сумеешь стекла зубами укусить!
Ведь умирающее тело и мыслящий бессмертный рот
В последний раз перед разлукой чужое имя не спасёт.

О, как мучительно даётся чужого клёкота почёт —
За беззаконные восторги лихая плата стережёт.
Что если Ариост и Тассо, обворожающие нас,
Чудовища с лазурным мозгом и чешуёй из влажных глаз (332).

И в наказанье за гордыню неисправимый звуколюб,
Получишь уксусную губку ты для изменнических губ.

296

← Предыдущее, следующее →

296. Примечание к № 286

Звали же сего Платона так — Соломон Исаевич Черномордик. (к цитате)

Чехов свои ялтинские письма жене подписывал: «твой Черномордик» (315).

297

← Предыдущее, следующее →

297. Примечание к № 249
Ленин был типичным интеллигентом (к цитате)

Как и все интеллигенты, Ленин ненавидел интеллигентов. Пускай даже интеллигенция — мозг нации. Священник не мозг, чиновник не мозг, а студент, художник, актёр — мозг. Пускай. Но и мозг — это лишь часть организма. А интеллигенция — это всё, понимаете, всё. Это вся нация. И больше ничего нет. Поэтому интеллигенция саму себя, как ограниченную часть общего, ненавидела. Для этого разработана была специальная мифология «выражения интересов». Рабочие — это интеллигенция, и крестьяне — это интеллигенция. Потому что интеллигенция выражает их интересы. Сами же рабочие и крестьяне — они несознательные и, следовательно, просто ничто. Их нет. Нет и прочих сословий, так как они выражают свои СОБСТВЕННЫЕ (то есть сословно ограниченные) интересы. Это микроскопические ядовитые или бесполезные наросты на теле общества. А интеллигенция — это универсум, вселенная.

(Тут ещё два оборота и можно до себя довернуть. Но это и так ясно, лень.)

298

← Предыдущее, следующее →

298. Примечание к № 291

«Каляева не порицать надо …, а одобрять» (В. Ленин) (к цитате)

Каляев, убийца великого князя Сергия, в своей кассационной жалобе на приговор писал: «Я не зверь, я — романтик».

299

← Предыдущее, следующее →

299. Примечание к № 281

Уильям Джемс писал … что он ребёнком внезапно упал в обморок от вида струи конской крови (к цитате)

20 марта 1911 года в пещере под Киевом нашли труп ученика Киевософийского духовного училища Андрюши Ющинского. На теле обнаружили 43 укола, смерть наступила от потери крови. Последние видевшие Ющинского живым Женя и Валя Чеберяк, сказали, что мальчика похитили на их глазах. Женя и Валя через несколько дней после своих показаний «умерли от дизентерии».

В проворачивании дела Менделя Бейлиса было два уровня. Первый — это поток пустопорожней риторики и грубой ругани. Вот из речи Милюкова в Государственной Думе:

«Пусть бесстыдные агитаторы, не пропускавшие ни одного случая, чтобы не осквернить трибуны Государственной Думы наглыми лживыми словами кровавого навета, получат достойное возмездие. В противном случае Третья Дума унесёт с собой в историю клеймо морального сочувствия изуверной легенде, пущенной в обращение профессиональными преступниками, поддерживаемыми профессиональными погромщиками». И т. д.

Интересно, что эту черновую работу выполнял приват-доцент Московского университета. А казалось бы, «туда умного не надо».

Второй, «серьёзный» уровень проворачивал версию совершенно нелепую, немыслимую, все достоинство которой заключалось только в том, что она хоть как-то могла объяснить злополучное дело. А именно: мальчика убили воры, которые боялись разоблачения и которые, чтобы замести следы, сделали ритуальные надрезы и которых поддержали антисемиты, которым было выгодно поддержать легенду, которая распространяется антисемитами, и которая не имеет под собой никакого основания. Эту версию и провернули. Конечно, не в таком голом виде, с массой боковых тупичков, заглушек и ходов. Но суть именно эта. Все хотели друг друга обмануть, всё это специально. Но мальчик-то убит по-настоящему. И дыры в его теле проколоты

по НЕСУЩЕСТВУЮЩИМ правилам ритуального убийства. Так был ли вообще мальчик? «Может быть, никакого мальчика и не было?»

«Дело Бейлиса» это, конечно, блестящий черновик будущих «московских процессов». Тут уже «ни убавить, ни прибавить». До Киева русский суд, доводивший Достоевского до эпилептических припадков, всё же был несовершенен, хотя и подарил миру такие перлы, как процесс Засулич. Процесс в Киеве, когда обезумевшие от ужаса присяжные, трясущимися от страха губами пролепетали оправдательный приговор тут же сидевшей, нагло ухмылявшейся им в рожу еврейской мафии, до таких глубин в России ещё как-то не доходило. «Язык до Киева доведёт».

Нежная незрелость русской мысли, её ломание еврейской лобной костью (300). И тут ещё Милюков, пивший кровь, повязанный кровью и орущий про «кровавый навет». Безнадёжно. Русская мысль была испорчена евреями, и её нужно выбросить, как безголового, пьяно зачатого младенца (и выбросили).

Ну как же так? В христианстве, таком возвышенном и абстрактном, есть постоянные изуверские ответвления. Вот и в русском христианстве весь диапазон ересей: от изуверства скопцов до изуверства хлыстов. Это, повторяю, в христианстве. А вот в иудаизме с его кровавыми, плотско-мясными обрядами, ну как нарочно, никаких уклонов, никаких страшных ошибок.

Я когда с темой «кровавого навета» ещё не сталкивался прямо, думал: «Ну, конечно, были в иудаизме какие-то уклоны, ереси. И евреи сами их испуганно скрывали в Средние века, чтобы не компрометировать свою религию в обстановке враждебного окружения. „Не дать информации на себя“. Но внутри, потихоньку, эти секты, конечно, строго преследовались». Но когда стал ближе знакомиться с литературой по этому вопросу, то мне там, в литературе, сказали: стоп! нельзя!

«Обвинительный акт по делу Бейлиса является не обвинением этого человека, это есть обвинение целого народа в одном из самых тяжких преступлений, это есть обвинение целой религии в одном из самых позорных суеверий».

И тогда я подумал — э-э-э! ВОТ как у вас! Вот как пошло. Тут дело не в «уклонах». И чем громче, чем оглушительнее нарастало оправдание, тем мрачнее и мрачнее становилось у меня на душе. «Да можно ли себя больше разоблачить, Родион Романович?»

Вот в Брокгаузе сказано:

«Исчезал ли где христианский ребёнок, сейчас начинали ходить

слухи, будто евреи умертвили его для употребления его крови в пасхальных опресноках, хотя еврейский закон в течение тысячелетий внушал и привил им глубокое отвращение ко всякой крови».

Это у евреев-то отвращение к крови?! Как тут не вспомнить одного из героев рассказа Бабеля «Карл-Янкель» (310):

«Отрезая то, что ему причиталось, Нафтула не отцеживал кровь через стеклянную трубочку, а высасывал её вывороченными своими губами. Кровь размазывалась по всклоченной его бороде. Он выходил к гостям захмелевший. Медвежьи глазки его сияли весельем. Рыжий, как первый рыжий человек на земле, он гнусавил благословение над вином. Одной рукой Нафтула опрокидывал в заросшую, кривую, огнедышащую яму своего рта водку, в другой руке у него была тарелка. На ней лежал ножик, обагрённый младенческой кровью, и кусок марли. Собирая деньги, Нафтула обходил с этой тарелкой гостей, он толкался между женщинами, валился на них, хватал за груди и орал на всю улицу.

— Толстые мамы, — орал старик, сверкая коралловыми глазками, — печатайте мальчиков для Нафтулы …

Мужья бросали деньги в его тарелку. Жены вытирали салфетками кровь с его бороды».

«ГЛУБОКОЕ отвращение ко ВСЯКОЙ крови». И я понял, что евреи всегда правы (380). У них на все готов талмудический ответ (382). Это страшный тип мышления. У русских слова расходятся с делом, у евреев — совпадают. Русский бьёт себя в грудь одной рукой и крадёт другой. Еврей же «благостен», «елеен». Он должен подвести «базис». Да, он крадёт, то есть берёт чужое. Но что такое, собственно говоря, чужое? Собственность — это вид кражи. Следовательно, воруя, я не нарушаю отношение между собственником и товаром, а наоборот, органически включаюсь в него. И т. д. Это не хитрость, а армянская наивность евреев. Зачем они об этом говорят, разоблачают себя? Ну, воруешь и воруй. Ан, нет, им надо оправдаться. Тут удивительная связь с русским характером. Вся разница в том, что оправдание еврея строго целесообразно, а у русского оно бессмысленно и бесцельно (383), превращается в искусство для искусства. Русский вязнет в оправдании. Сухой ум семита в оправдании летит (384). Но другая крайность: уж слишком рационально, слишком целесообразно. Это восточное нарушение меры. «Восточные сладости» (395), чтобы зубы ломило. Или если острая приправа, так уж такая, чтоб глаза из орбит вылазили.

Рахат-лукумная сконструированность «дела Бейлиса» ясна любому европейцу, Вот, например, один из экспертов заявил на су-

де, что он мог бы доказать ритуальный характер убийства, но ему нужно для этого амстердамское издание талмуда XVII века. А ему защитники-евреи «со смехом» ответили, что у них есть все издания.

Это чисто восточная психология. Избыточные сказки, по которым и разыгрывался спектакль.

Белка песенки поёт
Да орешки все грызёт,
А орешки не простые,
Все скорлупки золотые.

А тут из зала заседания:

Что тут дивного ну, вот!
Белка камушки грызёт,
Мечет золото и в груды
Загребает изумруды;
Этим нас не удивишь,
Правду ль, нет ли говоришь.

Редкое издание! Амстердам!! XVII век!!! (филологическая ценность) — «Знаем, знаем это диво». И у нас есть. И там об убийствах — нет! Ну, всё. Если уж там (!) нет, то всё. Процесс выигран.

Но тут же и разительное отличие от восточных народов. А именно упреждающий демонский динамизм оправданий. Округлый восточный мир в евреях страшно искажён, сплющен и, наконец, разорван в пустоту. И это уже не смешно. Это не армянско-арабское спокойное самодовольство, а всё-таки ощущение собственной ничтожности и постоянный «бег вперёд», забегание в оправдании-преступлении всё дальше и дальше, всё быстрее и быстрее.

Этот ритм оправдания и параллельно усиливающейся обречённости и злобы хорошо передан в хасидистском радении Хаима Бялика (398). Ритм разрывающегося в ничто круга времени:

Ни мяса, ни рыбы, ни булки, ни хлеба.
Но что нам за дело? Мы пляшем сегодня.
Есть Бог всемогущий, и синее небо —
Сильней топочите во имя Господне!
Весь гнев свой, сердец негасимое пламя,
В неистовой пляске излейте, страдая, —
И пляска взовьётся, взрокочет громами,
Грозя всей земле, небеса раздражая.

И нет молока, и вина нет, и мёда…

Но есть ещё яд в упоительной чаше.
Рука да не дрогнет! В кругу хоровода
Кричите: «За ваше здоровье и наше!»
И пляска резвей закипит, замелькает, —
Лицом же и голосом смейтесь задорно,
И враг да не знает, и друг да не знает
Про то, что в душе вы таите упорно.

Ни брюк, ни сапог, ни рубашки — но смейтесь!
Ведь лишняя тяжесть от лишнего платья!
Нагие, босые — орлами вы взвейтесь,
Всё выше, всё выше, всё выше, о братья!
Промчимся грозой, пролетим ураганом
Над морем печалей, над жизнью постылой.
В туфлях иль без туфель — всем участь одна нам:
Всем песням и пляскам конец — за могилой!

Ни близких, ни друга, ни брата, ни сына…
На чьё ж ты плечо обопрёшься слабея?
Одни мы… Сольёмся же все воедино,
Теснее, теснее, теснее, теснее!
Тесней — чтоб за ногу нога задевала!
Старик в сединах — с чернокудрою девой…
Кружись, хоровод, без конца, без начала,
Налево, направо, — направо, налево.

…

Ни судий, ни правды, ни права, ни чести.
Зачем же молчать? Пусть пророчат немые!
Пусть ноги кричат, чтоб о гневе и мести
Узнали под вашей стопой мостовые!
Пусть пляска безумья и мощи в кровавый
Костёр разгорится — до искристой пены!
И в бешенстве плясок, и с воплями славы —
Разбейте же головы ваши о стены!

300

← Предыдущее, следующее →

300. Примечание к № 299

Нежная незрелость русской мысли, её ломание еврейской лобной костью. (к цитате)

Прекрасно показано в «Петербурге» Андрея Белого. Допрос евреем русского — террорист Александр Иванович Дудкин и Липпанченко-Азеф (как пишет Белый, «смесь семита с монголом»). Дудкин бежит к Липпанченко разоблачать его, но еврей всё видит, все знает. Ключ от разговора у него. Русский входит, а Липпанченко его сразу спиной ломает. Сидит за столом и пишет, «занимается». Александр Иванович уже срезан, уже на крючке. Потом, после паузы, поворот к вошедшему: «Э, э, э… Так-то вы, батенька?..» И опять отвернулся и опять пишет, пишет. Дудкин: «Я… видите ли… пришёл…» И долго так умоляет, чтобы его выслушали. А потом «излагает» долго, путано, бестолково. А Липпанченко молчит, молчит. И когда русский дурачок выговорился, итог, баланс: «Нехорошо… Очень, очень нехорошо… Как вам не стыдно!..» И далее:

«Лобные кости напружились в одном крепком упорстве — сломать его волю: во что бы то ни стало, какою угодно ценою — сломать, или… разлететься на части. И лобные кости сломали».

Раздавил ничтожного Дудкина своим лбом об стену. И спорить не стал. «Работа с людьми».

Русскому с евреем спорить нельзя, итог однозначен. В общении всегда русский несерьёзен, не совсем серьёзен. От этого уступчив. Дудкин всё время пытался забежать за край беседы и увидеть настоящего Липпанченко. Но края не было — еврей в разговоре, в крупном разговоре всегда серьёзен, всё знает, никогда не уступит, никогда не покажет, что он актёр, что сцена «сделана».

Поэтому я никогда серьёзно с евреями не разговариваю и вообще никогда их всерьёз не принимаю. Хотя евреи разговаривают со мной серьёзно, я с ними — никогда. (То есть не допускаю навязывания серьёзной ситуации.)

301

← Предыдущее, следующее →

301. Примечание к № 280

Милюков высчитывал, что крестьяне окончательно освободятся от выкупных платежей в аккурат к 1931 году. (к цитате)

При этом он заметил:

«Чтобы разрушить твердыню средневекового крепостничества (на Западе. — О.) *понадобились столетия, тогда как одного росчерка пера оказалось совершенно достаточным, чтобы опрокинуть гнилое здание барского произвола».*

И далее Милюков доказывал, что к 1861 году «крепостное право» ну уж прямо совсем обветшало и готово было рассыпаться от любого чиновничьего чиха. Но оказалось, что и в 1961 году до индивидуального крестьянского землевладения в России ещё далеко.

302

← Предыдущее, следующее →

302. Примечание к № 280

пророчества у Достоевского, Леонтьева … Может быть, из-за того, что это просто были люди недобрые, озлобленные (к цитате)

Леонтьев понял жестокий эстетизм русской истории. Юмор русских и тот крайне жесток. Во второй половине XIX века один французский критик заметил, что русская литература отличается особенностью, «которой нет ни в английском юморе, ни во французской шутке, — презрительной иронией, характеристическая черта которой состоит в том, что она настойчиво относит все человеческие действия к какому-нибудь гнусно-своекорыстному или смешному побуждению».

Тут и доброта, так как подобная трактовка «человеческих действий» кажется неестественной, вызывает взрыв хохота. Но доброта это пуще зла. Более мудрые нации исходят из естественного постулата: «человек плох» («греховен»). Существует социальное «лезвие Оккама»: все поступки людей следует объяснять наиболее простым (наиболее низменным) образом. Обличает богатых? — Значит, беден. Завидует. Только русскому кажется, что здесь нелюбовь к человеку, непризнание за ним высшего начала. Наоборот. Строгость (как сложен процесс канонизации в католичестве, как придирчив) подразумевает строгую подлинность. Святой человек тот, поступки коего ПРИ ВСЁМ ДАЖЕ ЖЕЛАНИИ нельзя объяснить низменно. Франциск Ассизский. Если бы он проиграл состояние в карты или был глубоко обижен соотечественниками. Но нет! Его отказ от мирских благ был чистым интуитивным актом, озарением. То же, например, Серафим Саровский.

Был ли подобный ЧИСТЫЙ образ в русской литературе? Нет, конечно. В «Братьях Карамазовых» Зосима принимает решение уйти в монастырь накануне дуэли. (Струсил.) В «Отце Сергии» Толстого ещё хуже. Сергий принимает постриг из-за того, что его обманула невеста. (Обидели фронтовика.) Разумеется, оговорки: Сергий-де сначала пошёл в монастырь из-за гордыни, ну, а потом, постепенно… А Зосима всё-таки пошёл на дуэль, и ему там пол-уха отстрелили, а он стрелять не стал.

Но это же так наивно, так по-детски. Лучшие русские умы не смогли показать саму ситуацию, естественную и простую ситуацию духовного обращения. Такую ситуацию, в которой вопрос об обиде или трусости отпадал сам собой.

Нарочно приведу пример низменный, приземлённый: мудрость американской конституции (предвосхищённая Аристотелем). Она исходит из того, что человек плох. Судья — подлец, глава государства — тиран, чиновник — взяточник. И при этом создаёт такой мир, такое переплетение законов, при котором все контролируют друг друга, да так, что развернуться-то в таких условиях подлецу, тирану и взяточнику нельзя. Берётся худший из возможных вариантов, без надежды на счастливый случай, и создаётся конструкция, которая и при таких исходных данных всё же вполне функциональна.

Теперь советское право. Всё хорошо, все идеально. И что из этого получается на практике. И до революции монархический строй в России был рассчитан на ВЕРНОподданных. То есть уже потенциально были возможны ВАРИАНТЫ.

Западный святой — в общем безгрешный (и то католики всё оговариваются, что не совсем). Русский святой — в общем праведник. В таком доверчивом отношении есть, конечно, своя положительная сторона. (Уже потому, что есть же святые и у нас.) Но есть в этом и сторона отрицательная.

303

← Предыдущее, следующее →

303. Примечание к № 282

11-летним мальчиком он изнывал по жене русского офицера (рассказ «Первая любовь») (о И. Бабеле) (к цитате)

Если говорить о развитии русской литературы, то наряду с «Первой любовью» стоит упомянуть и ещё одно произведение — «Отцы и дети», роман, написанный в 1868 году Шоломом-Яковом Абрамовичем (он же Мендель Мохер-Эфроим). У Дубнова об этом произведении «дедушки еврейской литературы» есть интересная фраза:

«Этим писателем был поставлен и разрешён вопрос: „для кого я работаю?“»

Отлично! Тогдашние русские вопросы: «что делать?», «с чего начать?», «кто виноват?» Еврейский: «для кого я работаю?»

304

← Предыдущее, следующее →

304. Примечание к № 281

между тёмными раскольниками и просвещённым Милюковым есть довольно-таки много общего (к цитате)

Чехова от доморощенных либералов била дрожь. Он писал:

«Невоспитанны ли они, или недогадливы, или же грошовый успех запорошил им глаза — чёрт их знает, но только … не ждите от них ни участия, ни простого внимания… Только одно они, пожалуй, охотно дали бы … всем россиянам — это КОНСТИТУЦИЮ, всё же, что ниже этого, они считают не соответствующим своему высокому призванию … Я ни разу ещё не печатался у них (633) и не испытывал на себе их унылой цензуры, но чувствует моё сердце, что они что-то губят, душат, что они по уши залезли в свою и чужую ложь. Мне сдаётся, что эти литературные таксы (мне кажется, что таксы, длиннотелые, коротконогие, с острыми мордами, представляют собой помесь дворняжек с крокодилами; московские редакторы — это помесь чиновников-профессоров с бездарными литераторами) — итак, мне сдаётся, что эти таксы, вдохновлённые своим успехом и лакейскими похвалами своих блюдолизов, создают около себя целую школу или орден, который сумеет извратить до неузнаваемости те литературные вкусы и взгляды, которыми издревле, как калачами, славилась Москва».

305

← Предыдущее, следующее →

305. Примечание к № 281

превратились в нелюдей, в опаснейших оборотней, днём разглагольствующих с университетской кафедры, а ночью устраивающих, хе-хе, сатанинские шабаши (к цитате)

В отношении к масонам постоянно совершают две ошибки. Либо относятся к институту франкмасонства исключительно серьёзно и представляют вольных каменщиков чуть ли не агентурой галактической сверхцивилизации; либо к масонам относятся недостаточно серьёзно и изображают их группой чудаков-альтруистов.

То есть все спотыкаются в самом начале. И христианам, и тем более представителям других религий неимоверно трудно понять одну черту в масонстве. А именно его ИРОНИЧНОСТЬ. Это единственная религия мира, которая сделала несерьёзное, юмористическое начало элементом своей духовной жизни. Карнавал происходит внутри храма и храм осуществляется в карнавале. Это странное чувство раздвоения личности: трезвого рационализма и, даже часто атеизма, и одновременно чревной, животной, прямо-таки «половой» преданности ложе. Это трудно понять тому, кто не участвовал в масонских обрядах, не чувствовал всеми фибрами души их трагического комизма. Человек, не знакомый с этим первичным чувством, ничего в масонстве дальше уже не поймёт, сколько бы он масонских трактатов и антимасонских памфлетов ни прочёл.

В иронии громадная сила масонства, позволяющая ему вплестись в жизнь индивидуального «я» так просто, так незаметно. Почти полное отсутствие обязательств, но душа перевивается стальной проволокой.

Но в этом и слабость масонства. При громадной силе усвоения и переработки инородного материала, платой за почти абсолютный синкретизм является творческая бесплодность. Масонская философия по сравнению с христианской — наивна и бесплодна. В масонах нет наивности, а философия требует прежде всего удивительной, почти неправдоподобной наивности.

Но мирочувствование масонской культуры почти гениально и,

может быть, даже более, чем христианство, соответствует индивидуальному существованию.

306

← Предыдущее, следующее →

306. Примечание к № 280

Свобода фантазии сочеталась у Леонтьева с дилетантским почтением к авторитету. (к цитате)

Леонтьев писал, что он «недостоин у Владимира Соловьёва ремень обуви развязать, когда дело идёт о религиозной метафизике». Леонтьев — гениальный дилетант: выскажет чудо-мысль и сам не поймёт, что сказал. Её бы развить, её бы довернуть, а он топчется вокруг да около. Абсолютное невладение формой. А мысли мелькали в голове гениальные.

В этом смысле антиподом Леонтьева является Мережковский, который как раз любую мысль доворачивает до упора, не только весь угольный угол вырабатывает, но «на всякий случай» вокруг выгрызает на метр вглубь и пустую породу. Эта избыточность, вызванная заимствованием основных идей, есть тоже дилетантизм — дилетантизм содержания.

Розанов же высокий профессионал. Может быть, это единственный первоклассный русский философ-профессионал. Он тихо кончил историко-филологический факультет Московского университета и начал с комментариев к Аристотелю. Какое благородное, какое профессиональное и серьёзное начало. Это не декадентские стишки, не политэкономический мусор — это серьёзно. Именно вследствие профессионализма он и отказался от профессионального профессорского философствования. Розанов, как профессионал, не был озабочен, подобно дилетанту, подтверждением своего профессионализма.

307

← Предыдущее, следующее →

307. Примечание к № 258
Либо вы швыряете серый том об стену. (к цитате)

Что Розанов и сделал. В «Уединённом»:

«Не будь Шопенгауэра, мне, может, было бы стыдно: а как есть Шопенгауэр, то мне „слава Богу“. Из Шопенгауэра я прочёл тоже только первую половину первой страницы (заплатив 3 руб.): но на ней-то ПЕРВОЮ СТРОКОЮ и стоит это: „МИР ЕСТЬ МОЁ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ“ — Вот это хорошо, подумал я по-обломовски. „ПРЕДСТАВИМ“, что дальше читать очень трудно и вообще для меня, собственно, не нужно».

308

← Предыдущее, следующее →

308. Примечание к № 284

«Бюстики и карточки великих писателей … том Белинского с загнутой страницей, затылочная кость вместо пепельницы» (А. Чехов) (к цитате)

Михайловский писал:

«У меня на столе стоит бюст Белинского, который мне очень дорог, вот шкаф с книгами, за которыми я провёл много ночей. Если в мою комнату вломится русская жизнь со всеми особенностями и разобьёт бюст Белинского и сожжёт мои книги, я не покорюсь и людям деревни; я буду драться, если у меня, разумеется, не будут связаны руки».

309

← Предыдущее, следующее →

309. Примечание к № 295
бесконечное русское бубнение (к цитате)

Набоков писал о языке «Шинели»:

«И вот, если подвести итог, рассказ развивается так: бормотание, бормотание, бормотание, лирический всплеск, бормотание, лирический всплеск, бормотание, лирический всплеск, бормотание, фантастическая кульминация, бормотание, бормотание и возвращение в хаос, из которого всё возникло».

310

← Предыдущее, следующее →

310. Примечание к № 299

Как тут не вспомнить одного из героев рассказа Бабеля «Карл-Янкель» (к цитате)

Бабель — мой любимый советский писатель. Вот какой была бы советская культура, если бы не органическая неспособность евреев господствовать (не просто управлять, а властвовать) (317).

Главка «Иваны» из «Конармии». Холодно и злобно, очень узко, но взгляд правильный, верный. Бабель зацепил основу языка. Иван Акинфиев купается в русском языке, барахтается на нагретом солнцем мелководье. Каждое слово сочно, масляно. Акинфиев, развалясь в мерно покачивающейся телеге, говорит своей обречённо сгорбившейся за вожжами жертве — своему тёзке, дьякону Ивану Аггееву:

«Вань, а Вань… Большую ты, Вань, промашку дал. Тебе бы имени моего ужаснуться, а ты в мою телегу сел. Ну, если мог ты ещё прыгать, покеле меня не встренул, так теперь надругаюсь я над тобой, Вань, как пить дать, надругаюсь…»

Это, по словам Бабеля, «нескончаемое бормотание» продолжается сутками: Акинфиев, измываясь над жертвой, постоянно стреляет над ухом Аггеева из револьвера, заставляет лечить себе сифилис. Дьякон, этот высший расовый тип, с «громадой лысеющего черепа», пытается по-русски сопротивляться, прижимается к Богу. Но в этом мире Бог распят. Аггееву никак не удаётся заслониться Богом, и его сдувает гнилой ветер разлагающегося языка.

Аггеев говорит:

«Меня высший суд судить будет. Ты надо мной, Иван, не поставлен».

Но мир рухнул:

«— Теперь кажный кажного судит, — перебил кучер со второй телеги, похожий на бойкого горбуна. — И на смерть присуждает, очень просто…

— Или того лучше, — произнёс Аггеев и выпрямился, — убей

меня, Иван.

— Не балуй, дьякон, — подошёл к нему Коротков… — Ты понимай, с каким человеком едешь. Другой пришил бы тебя, как утку, и не крякнул (320), а он правду из тебя удит и учит тебя (331), расстригу…»

На Западе преступление совершается молча, а здесь сам процесс преступления обговаривается, юродски обыгрывается, ловко поворачивается в мозгу убийцы при помощи филологических рычагов. Русское преступление словесно (335). Слово — преступление. Преступление Раскольникова начинается с написания статьи. Как Достоевский смог найти всему «этому» СЛОВО — «проба»! Раскольников идёт на «пробу». Это проба языка. Убийце в «Преступлении и наказании» явно не хватает диалога с жертвой. Поэтому он так и летит на огонёк беседы с заместителем жертвы — Порфирием Петровичем. Русское убийство вполне морально. Убийца, убивающий свою жертву, морализирует, доказывает ей, что убийство в конечном счёте совершается для её же пользы. И русский палач, как Пьер из «Приглашения на казнь», очень нежен, раним, зависим от своей жертвы, с которой он вступил в бесконечный морализирующий диалог.

«— Или того лучше, — упрямо повторил дьякон и выступил вперёд, — убей меня, Иван.

— Ты сам себя убьёшь, стерва, — ответил Акинфиев, бледнея и шепелявя, — ты сам яму себе выроешь, сам себя в неё закопаешь…

Он взмахнул руками, разорвал на себе ворот и повалился на землю в припадке.

— Эх, кровиночка ты моя! — закричал он дико и стал засыпать себе песком лицо. — Эх, кровиночка ты моя горькая, власть ты моя совецкая…

— Вань, — подошёл к нему Коротков и с нежностью положил ему руку на плечо, — не бейся, милый друг, не скучай. Ехать надо, Вань…»

«Иваны», эти несколько страничек, произведение гениальное. Тут вся суть революции и гражданской войны. Вообще в «Иванах», как и во всей «Конармии», можно выделить четыре слоя:

1. Поэма о революции, воспевание радостно-животной революционной стихии.

2. Издевательство над захлестнувшим Россию варварством большевизма.

3. Издевательство, но утончённое, над русской культурой

и русским народом вообще. (Соответственно, в 1, 2 и 3 пунктах превозносится еврейский биологизм, еврейское организующее начало и еврейский логос.) И, наконец:

4. (Неясное и непонятное самому автору) Выражение гнилости русского языка и русского сознания, показанное путём его укрупнённого, натуралистического переживания, растворения языка, обговаривания мира. Персонажи «Конармии» не могут говорить, как не могут говорить гунны или монголо-татары. Это орда, масса человеческих насекомых, всё сжирающих на своём пути, заливающих всё вокруг терпкой вонью своих выделений, липких личинок и разлагающихся трупиков. Но герои Бабеля говорят, более того, через разговор всё и показано, и сам Бабель включается в эти диалоги, растворяется в них, превращается в неуклюжее очкастое насекомое, живущее частицей хитиновой коллективной жизни. Персонажи постепенно материализуются, превращаются в людей, по мере того как сам язык разлагается, превращается в тухлое мясо. Рефрен «Иванов» — зелёная от гнили воловья нога, постепенно разрезаемая и пожирающаяся героями рассказа. В конце концов сам автор не выдерживает этой гнили и материализуется. Рассказ кончается:

«Увидев загнившую эту ногу, я почувствовал слабость и отчаяние и отдал обратно своё мясо.

— Прощайте, ребята — сказал я, — счастливо вам».

А вслед Бабелю неслось с телеги: «Ваня, а Вань».

Тут еврейская радость преступления. Забежать за черту как можно дальше, а потом вернуться (339). Набрать воздуха и побегать внутри колпака с выкачанным воздухом или нырнуть в мутно-зелёную глубину. А потом снова выбежать, снова выпрыгнуть.

Лишь четвёртый слой делает Бабеля подлинно русским писателем. Иностранец бы до четвёртого уровня не донырнул, не понял бы. Его и нельзя понять. Можно почувствовать, даже почуять.

Но тут же и отличие. Еврей «забегает» в жизни, русский — в мечтах. Бабель сказал о Набокове: «Хороший писатель, только писать ему не о чем» (344). Конечно, Набоков никуда не забегал, не «собирал материал». Ему это и не нужно было. Преступление и предательство совершалось в уме. У Бабеля — в сердце. Его «Конармия» строго документальна.

Бабель сидит в одной телеге с Иваном. Но он набрал воздуха из иного мира и он ещё вернётся туда. Автор живёт запасами того воздуха и поэтому слышит трупный запах гнилого мяса. Его русские собеседники живут в этом мире и уже притерпелись,

принюхались, их ноздри не чуют тлена языка. Они разрушаются и гибнут вместе с языком. Бабель предстаёт перед ними человеком иного мира, гордым и скучающим марсианином, наблюдающим любопытную популяцию земных позвоночных. Он едет на телеге, но вот там, за пригорком, его ждёт уютная летающая тарелка. К нему и относятся как к высшему существу, режиссёру этой драмы:

«Дьякон схватил мою руку и поцеловал её. — Вы славный господин, — прошептал он, гримасничая, дрожа и хватая воздух. — Прошу вас свободною минутой отписать в город Касимов, пущай моя супруга плачет обо мне…

И упав на колени, дьякон пополз между телегами головой вперёд, весь опутанный поповским всклоченным волосом».

Но Бабель холоден, описателен. Как и всякий еврей на вершине господства, он теряет тысячелетиями истончаемое чутьё, инстинкт самосохранения. Ему недоступен некоторый пятый слой происходящего, а именно, недоступен надрыв русского человека, который не хочет и не может жить в гнилом мире (355) и начинает всё вокруг ломать, жечь, разбивать, «чтоб врагу не досталось».

Чувство само- и всесожжения хорошо показано в «Войне и мире». Сцена сдачи Смоленска:

«Купец Ферапонтов схватившись за волоса, захохотал рыдающим хохотом.

— Тащи всё, ребята! Не доставайся дьяволам! — закричал он, сам хватая мешки и выкидывая их на улицу…

— Решилась! Россея! … Сам запалю. Решилась…»

И вот уже пожар разгорелся:

«— Урруру! — вторя завалившемуся потолку амбара, из которого несло запахом лепёшек от сгоревшего хлеба, заревела толпа. Пламя вспыхнуло и осветило оживлённо радостные и измученные лица людей, стоявших вокруг пожара.

Хозяин, подняв кверху руку, кричал:

— Важно! Пошла драть! Ребята, важно!..»

По всей «Конармии» разлит этот неясный самому Бабелю надрыв смоленского купца: «Кончилась Россея!» Все герои повести — смертники, и если и живут, то лишь для того, чтобы убивать.

А убивая, сами смерти ищут. Но автор настолько слеп, что аккуратно записал даже эпизод, ясно, в лоб указывающий его будущую судьбу: эпизод ссоры с Акинфиевым в рассказе-главе «После боя». Иван бросился на него, стал раздирать грязными

пальцами рот и кричать: «Ты Бога почитаешь, изменник». То есть хочешь остаться чистеньким, хорошим, когда ВСЁ ПРОПАЛО. Нам нельзя, а тебе, значит, можно? Мы погибнем, а ты жить будешь? Нет, вр-рёшь!..

Тут дело серьёзное пошло. Не успеете, тов. Бабель, до тарелочки-то добежать. А то: «Прощайте, ребята, счастливо вам». Раз — и спрыгнул с телеги. Не-ет. «Любишь кататься, люби и саночки возить». Ничего-то евреи в русской истории не поняли. Удивительная слепота!

311

← Предыдущее, следующее →

311. Примечание к № 280

Леонтьев писал, что Россия пожертвует Францией, немцы оккупируют её территорию, а французы будут вынуждены эмигрировать в свои африканские колонии (к цитате)

Если допустить, что Леонтьев предсказал ситуацию не Первой, а Второй мировой войны, то глумление ещё тоньше. Действительно, Францией пожертвовали, и действительно, собственно французскими остались только африканские колонии (войска де Голля). Только «пожертвовал» Францией (а заодно и Россией, её 20-тью миллионами) термит усатый, с трубочкой. Сидел у себя в коконе цементном под землёй и «пожертвовал».

312

← Предыдущее, следующее →

312. Примечание к № 291
А тогда от речей Ленина с ума сходили (к цитате)

Большевиков не удалось убрать в самом ещё начале переворота именно из-за бредовой, сводящей с ума логики. Осуществление параноидальных планов привело к разгулу бессмысленности, анархии. Все растерялись, отказывались понимать происходящее. И как раз эта растерянность дала большевикам время. Время для чисто механического, «инерционного» врастания в Россию. Сами большевики не испугались — они просто не поняли смысла происходящего. Но, в отличие от других, были уверены в абсолютном понимании и даже прозревании реальности. Лунатики ходят по крышам и никогда не падают. Им не страшно. Они ведь думают, что спят. А большевики думали, что строят коммунизм.

313

← Предыдущее, следующее →

313. Примечание к № 280

Выше … Достоевский был только в том, что его злорадство было выражено лексически, таилось в самой структуре речи. (к цитате)

Одно время русское масонство озаботилось заманиванием Фёдора Михайловича на спиритические сеансы, на что тот ответил заметкой в «Дневнике» за январь 1876 г.: «Спиритизм. Нечто о чертях. Чрезвычайная хитрость чертей, если только это черти».

И там намёками, намёками-с доводил:

«Вся беда моя в том, что я и сам никак не могу поверить в чертей, так что даже и жаль… Дело в том, что я защищаю чертей: на этот раз на них нападают безвинно и считают их дураками. Не беспокойтесь, они своё дело знают … черти … важной политической ошибки не сделают. Политики они глубокие и идут к цели самым тонким и здравым путём (опять-таки, если в самом деле тут черти!) … черти превосходно знают всемирную историю и особенно помнят про всё, что на раздоре было основано… Перед нами ревизионная над спиритизмом комиссия во всеоружии науки. Ожидание в публике, и что же: черти и не думают сопротивляться, напротив, как раз постыднейшим образом пасуют: сеансы не удаются, обман и фокусы явно выходят наружу. Раздаётся злобный хохот со всех сторон; комиссия удаляется с презрительными взглядами, адепты спиритизма погружаются в стыд, чувство мести закрадывается в сердца обеих сторон. И вот, кажется бы, погибать чертям, так вот нет же. Чуть отвернутся учёные и строгие люди, они мигом и покажут опять какую-нибудь штучку посверхъестественнее своим прежним адептам, и вот те опять уверены пуще прежнего. Опять соблазн, опять раздор! Ну, а что, если черти, приготовив поле и уже достаточно посадив раздор, вдруг захотят безмерно расширить действие и перейдут уже к настоящему, к серьёзному? Это народ насмешливый и неожиданный, и от них станется. Ну что, например, если они вдруг прорвутся в народ, ну хоть вместе с грамотностью? А народ наш так незащищён… Он может поверить новым явлениям со страстью (верит же он Иванам Филипповичам) (известный

юродивый XIX в. — О.) *и тогда — какая остановка в духовном развитии его, какая порча и как надолго! Какое идольское поклонение материализму и какой раздор, раздор: в сто, в тысячу раз больше прежнего, а того-то и надо чертям… Ими, конечно, управляет какой-нибудь огромный нечистый дух, страшной силы и поумнее Мефистофеля, прославившего Гёте, по уверению Якова Петровича Полонского».*

В общем, тут Достоевский глумится просто так, в пространство, сам не зная о чём. «На всякий случай». Но привычная стилизация со временем сложилась-то в нечто совсем иное, гораздо более определённое, мерзкое и прозорливое. В прозревание подноготной. А так ведь — «шуточки».

← Предыдущее, следующее →

314. Примечание к № 281

«Не мир, но меч» весь состоит из целой серии подтасовок и заглушек (к цитате)

Высунулся бесёнок Мережковский: — Вот вы говорите: «Бесы», «Бесы» (316). А про кого они написаны? Кто это Ставрогин, Пётр Верховенский, Шатов, Кириллов, Федька Каторжный?.. Не знаете? А я знаю! Это, хы-хы, реакционеры:

«По толкованию Достоевского, Россия — бесноватый, исцеляемый Христом; русские революционеры — бешеные свиньи, летящие с крутизны в пропасть. Действительно, некоторые страшные явления русской революции (это написано в 1908 году. — О.) *похожи на судороги бесноватого. Но как имя беса? Имя ему ЛЕГИОН — древнеримское и византийское… Бес, выходящий ныне из России, и есть нечистый дух римско-византийской „Священной империи“, дух прелюбодейного смешения государства с церковью. И, уж конечно, не вожди русской революции, эти мученики без Бога, крестоносцы без креста, а те, кто мучает их во имя Бога, убивает крестом, как мечом, — вожди русской реакции и русских чёрных сотен, похожи на стадо бешеных свиней, летящих с крутизны в пропасть».*

Мережковский был УМЁН. И вы представьте, как это всё писалось. Высунув язык набок: «А я вот так проверну, так вот, так».

Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам?
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Мережковский в той же книге писал и так:

«С русской революцией рано или поздно придётся столкнуться Европе, не тому или другому европейскому народу, а именно Европе, как целому … уже и теперь ясно, что это — игра опасная не только для нас, русских, но и для вас, европейцев. С пристальным и тревожным вниманием следите вы за русской революцией — недостаточно всё-таки пристальным, недостаточно тревожным: то, что у нас происходит, страшнее, чем кажется вам.

Мы горим, в этом нет сомнения; но что мы одни будем гореть и вас не подожжём, так же ли это несомненно? … ваш гений мера; наш — чрезмерность. Вы умеете останавливаться вовремя; доходя до стены, обходите или возвращаетесь; мы разбиваем себе голову об стену. Нас трудно сдвинуть, но, раз мы сдвинулись, нам нет удержу — мы не идём, а бежим, не бежим, а летим, не летим, а падаем, и притом „вверх пятами“, по выражению Достоевского. Вы любите середину; мы любим концы. Вы — трезвые, мы — пьяные; вы — разумные, мы — исступлённые; вы — справедливые, мы — беззаконные. Вы сберегаете душу свою, мы всегда ищем, за что бы нам потерять её… Для вас политика — знание; для нас — религия… Мы — ваша опасность, ваша язва, жало Сатаны или Бога, данное вам в плоть. Вы ещё от нас пострадаете… В России более, чем где-либо в мире, дела дьявола, ложь и человекоубийство, покрываются именем Божьим. Дьявол украл у нас имя Божье» (319).

Под «дьяволом» Мережковский имел в виду «контрреволюционеров». Вдумайтесь в масштаб сатанинской насмешки.

315

← Предыдущее, следующее →

315. Примечание к № 296
«твой Черномордик» (А. Чехов) (к цитате)

По-моему, тут стилистическая погрешность. Следовало бы «Черномордиков». Был в необъятной вселенной русского еврейства и такой гений: Давид Ааронович Черномордиков, композитор, автор рабочего гимна «Вперёд».

316

← Предыдущее, следующее →

316. Примечание к № 314

Высунулся бесёнок Мережковский. — Вот вы говорите: «Бесы», «Бесы»… (к цитате)

Слова Мережковского можно и иначе рассмотреть. И «Бесы», это вольное русское словозлобие, — это тоже бес. Как же «Бесы» без беса могли быть написаны? Он где-то там ходит. В бесовской изворотливости языка «Бесов». Мережковский, конечно, лгун, бесёнок. Но, следовательно, персонаж «Бесов». Люди переходят в персонажи, персонажи выходят в люди. Тут у русских всё перемешалось. Не вскрыл ли «реакционер» Достоевский ящик Пандоры? Не эстетизировал ли он всю эту эпоху разрушения? А если бы весь отрезок 60–70-х был пустым заброшенным полем? Если бы всё и начиналось и кончалось писаревыми и чернышевскими, так что это время можно было потом просто вырвать из истории и выбросить, как выбрасывают идиотские листки настенного календаря (67 лет советской власти, 68 лет советской власти, 69 лет советской власти). А Достоевский вводит в бессмертие всё своё окружение — и Белинского, и Чернышевского, и всю эпоху. Но главное, конечно, форма, форма. Реальность перекручивается, немыслимо искривлённое пространство рвётся, его начинает рвать негативным порождением.

Мережковский, конечно, на голову выше Бердяева или Федотова. В отличие от них он как-то, неизвестно каким образом, догадывался о своей насекомости, о своей «кем-то задуманности». И его восприятие реальности гораздо глубже, страшнее. Он МНОГОЕ чувствовал:

«Если революционный красный цвет становится у Достоевского реакционным белым, то иногда кажется, что это — белизна белого каления. В самой реакции чувствуется обратная, вывернутая наизнанку революция… Он страшится и ненавидит революцию; но не может представить себе ничего вне этой и страшной и ненавистной революции. Она для него абстрактная, хотя и отрицательная, мера всех вещей, всеобъемлющая категория мышления. Он только и думает, только и говорит о ней, только и бредит ею. Ежели кто-нибудь накликал революцию на Россию, как

волшебники накликали бурю, то это, конечно, Достоевский».

Достоевский «накликал революцию» уже тем, что дал материал и инструмент для «диалектики» таких людей, как Мережковский.

317

← Предыдущее, следующее →

317. Примечание к № 310

органическая неспособность евреев господствовать (не просто управлять, а властвовать) (к цитате)

Власть, владение, воля — это слова широкие. Тут широта души нужна, известное великодушие. «Жалую шубу с плеча царского», а не «гасите свет в уборной». Мелочность во власти разорительна. Место еврея — управляющий, лавочник, банкир, но не князь, не царь.

Троцкий сострил на XII съезде:

«Без отчётности мелкий лавочник не может торговать селёдкой и колбасой, а мы имеем „лавочку“, которая, как нередко повторяют, занимает 1/6 часть земной поверхности (322)*, отчётность же мы до сих пор не завели. Немудрено и проторговаться».*

Лев Давидович не понимал, что лавочка, занимающая 1/6 часть суши, это уже не лавочка, а нечто совсем иное. И когда к этому «иному» начинают подходить с мерками примитивной бухгалтерии, когда начинают путать политику с экономией, экономикой, то происходит растранжиривание мгновеннейшее. Египет опустошается.

Бунин писал сразу после революции:

«В газетах: „В связи с полным истощением топлива, электричества скоро не будет“. Итак, в один месяц всё обработали: ни фабрик, ни железных дорог, ни трамваев, ни воды, ни хлеба, ни одежды — ничего! Да, да — „вот выйдут семь коров тощих и пожрут семь тучных, но сами от того не станут тучнее“».

Просчёт тут именно в чрезмерной расчётливости, в подходе к управлению государством с точки зрения чисто экономической.

Почему евреев, я подчёркиваю, ЕВРЕЕВ (!) победил какой-то Джугашвили? У Сталина, как это ни странно, была широта души. Правда, чисто восточная. Сегодня первому визирю в подарок:

а) любимого слона;

б) 3 халата с золотым шитьём;

в) 5 наложниц;

г) 10 вагонов халвы и рахат-лукума.

А завтра в кураге червяка сушёного съел — «И-и-йех! секим башка!» Дико, примитивно, но широко. Тут жизнь и смерть, а не пинки и свет в уборной. И как у него все эти бронштейны и апфельбаумы забегали — как тараканы на раскалённой плите.

Сама природа совсем разная: местечковое захолустье и грандиозный пейзаж Кавказских гор.

Ленина мучили припадки головной боли, и на заседаниях Политбюро, проходивших в маленькой комнатке, курящие собирались у окна и курили в форточку. А у Сталина… Какая уж тут «форточка». Сказал: «Хачу пырамыд» (334). Совсем иной масштаб. Вот всех ленинцев в форточку и выбросили.

Впрочем, сам Ленин тоже был широк. Широта Ленина в его уродстве. Это просто русский сумасшедший. Широкий в своём сумасшествии.

Юнг писал в «Книге мёртвых»:

«Ложной и дьявольской является духовность мужчины, идущего к меньшему. Ложной и дьявольской является духовность женщины, идущей к большему».

Дьявольское начало в Ленине из-за его приземлённости, направленности мужской широты фантазий в узкое русло бабьей мелочности.

Дьявольское начало в Сталине из-за его духовности, направленности женской ограниченности вширь, в грандиозную деятельность.

Женственная природа Сталина, по своей сути, как и все грузины, грубого и бездарного педераста, сказалась в страстной любви к Ленину (350), которого он считал «горным орлом русской революции», джигитом. Ленин же никого не любил (353).

318

← Предыдущее, следующее →

318. Примечание к № 295

«(Цветаева) подвергает жесточайшему разносу каждое собственное слово» (И. Бродский) (к цитате)

Черта не женская. Я читал цветаевскую прозу — какой у неё сильный мужской ум (327). Главное, она очень иронична и саркастична, чего я от женщины совсем не ожидал. Женщина может только на полхода вперёд рассчитать. Вцепится сопернице в волосы и визжит. И всё. А эта едко, злорадно и со стилизацией, а главное — себя не жалея. Ведь ирония, в отличие от простой ругани, подразумевает включение себя в издевательский контекст, то есть неизбежно самоуничижение. Потом это окупается сторицей и противник корчится, раздавленный хитрым приёмом. Но какая же женщина унизит себя? Цветаева могла. Я очень расстроился, смотрел на её портрет, на её, как она говорила, «высокий ненавистный лоб», и думал: ничего-то я в женщинах не понимаю.

Но потом я узнал, что Цветаева была бисексуальна и всё стало на свои места. Стала более понятна и архетипичность её стихотворений. Цветаева — это мужчина, но в женском обличии (342) и, следовательно, в её мышлении дополнительно прорисован женственный, истеричный характер русского логоса.

Характерно, что мужем Цветаевой был Сергей Эфрон, потомок раввина, а женским увлечением — поэтесса Софья Парнах. Симпатии Цветаевой, я думаю, тоже носят символический характер. По крайней мере, весьма символично следующее её стихотворение, написанное в 1916 году и посвящённое Сергею Эфрону:

Я пришла к тебе чёрной полночью,
За последней помощью (363).
Я бродяга, родства не помнящий,
Корабль тонущий.
…
Самозванцами, псами хищными,
Я дотла расхищена.
У ворот твоих, царь истинный,
Стою — нищая.

319

← Предыдущее, следующее →

319. Примечание к № 314
«Дьявол украл у нас имя Божье». (Д. Мережковский) (к цитате)

В России слаба естественная объективация зла. Мы — государственный коррелят Европы, «левая рука». Запад порождал её в коммунах Мюнцера, в Парагвае. И вот в России получилось вынесение вовне. Первое в мире антихристианское государство.

Идея сатанизма была импортирована с Запада. Отечественный чёрт, смешной и патриархальный (323), ну никак не мог конкурировать с европейским умником. Гётевский «Мефисто» вполне национален, это типичный немец или, по крайней мере, типичный европеец, говорящий на родном немецком или полуродной латыни.

Русский сатана — нерусский. Булгаковский Иванушка Бездомный, встретившись с дьяволом, сразу подумал: иностранец, шпион. Что ж, примитивно, но ход мысли вполне национальный, естественный.

Величие Достоевского, может быть, в том, что он хотел породить отечественное, осязаемое и вполне родное зло. Следовательно, зло «не совсем», зло «с предрассудками».

Русских погубило то, что они в духовной сфере были слишком «хорошие»; у нас не было адекватного выражения (а следовательно не только объективации и порождения, но и вырождения) разрушительных мечтаний. А ведь неслышность идеи превращается в неслыханность. (Ницше: «Все истины, о которых умалчивают, становятся ядовитыми».) Функции порождённой злобы выполняли иностранные суррогаты. Русский Бог — славянофильский, православный, чёрт — западник, масон. На изломе и родился Антихрист.

Гоголь дал не образ зла, а образ злого мира, который совершенно неверно, но закономерно был онтологизирован, признан не как порождение, а как зеркальное отражение реальности. Стоило бы представить Гоголя гениальным мастером зла, выразителем зла, и всем стало бы легко и радостно от найденного слова, найденного эквивалента Пушкину. Пушкин в Гоголе получил бы объём. Но это было невозможно. В противном случае была бы потеряна возможность самого Гоголя. Он мог появиться

только в гениально слепом мире. Мире мягком, податливым, без стен. И вытечь туда Вием.

Достоевский решал задачу персонификации гоголевского мироощущения (330). Если бы чёрт Достоевского привился, пошёл в рост, в ветви, он бы забил место и Ленин бы не вырос. Но Достоевский «не удался». Его черт «из неудавшихся». Достоевский оказался слишком здоров, слишком нормален для России XIX века. Саму личность этого писателя совсем не понимают. «Больной», «изломанный», «нервный» — одним словом, «припадочный». Но Достоевский это здоровье нации. Это здоровая и правильная фантасмагория, очень плотно и полно дополняющая реальность. Достоевский — это русский чёрт, рассыпанный в романы, уничтоженный в них, загнанный в их бесконечный тупик. Поэтому Достоевский — это самый розовощёкий русский писатель, самый нормальный. «Обыватель».

320

← Предыдущее, следующее →

320. Примечание к № 310

«Другой пришил бы тебя, как утку, и не крякнул» (И. Бабель) (к цитате)

Оруэлл писал в приложении к «1984» о принципах новояза:

«В Новоязе эвфония перевешивает все соображения смысла. Ей в жертву часто приносятся законы грамматики… В результате слова … однотипны. Они состоят из двух-трёх слогов, с равными ударениями на первом и последнем. Это создаёт „тараторящий“ стиль речи, одновременно стаккатный и монотонный, что и требуется, ибо цель — сделать речь, особенно о предметах идеологически окрашенных, по возможности независимой от сознания. Для повседневных нужд, безусловно, надо было подумать прежде, чем сказать, но правильные политические или этические суждения у члена партии должны были вылетать автоматически, как пули из ружья… Сама текстура слов, резко и неприятно звучащих, соответствовала духу Ангсоца… В идеале должна была быть создана речь, производимая непосредственно гортанью, без включения мозга. Эта цель отражалась в слове „уткоречь“, означающем „говорить так, как крякает утка“…»

А что, для англичанина, привыкшего к плавной и скользкой артикуляции, русский язык, наверно, и воспринимается как кряканье.

321

← Предыдущее, следующее →

321. Примечание к № 282

Бабель, служа в ЧК, а потом в конармии Будённого, с лихвой утолил мечты голодной молодости (к цитате)

А пожалуй, это некий «нулевой», еврейский слой «Конармии», невидимый для русского глаза. Ну конечно же! Это пьяный, эротический пир Бабеля, когда всё сбывается. Это еврейская пугачёвщина, вовсе не формальная, не самозваная, а настоящая, с настоящим Петербургом, Москвой и Киевом. Это в той, дореволюционной России всё ненастоящее и униженные, тенеобразные евреи. Никакой тоски, «люди и лошади». «Конармия» — книга-праздник. Вот! Счастливая любовь. Интересно: вокруг грязная, животная половая жизнь — спаривание самцов и самок. Сифилитики, заражающие всё вокруг, изнасилования методом живой очереди, какие-то мясистые проститутки-санитарки. Мутная, пьяная жизнь. Но всё лезет, всё спаривается, и совсем не понарошку. И не только люди, но и животные. И даже Бог. Бабель восклицает в польском костёле:

«Я вижу раны Бога, сочащиеся семенем, благоуханным ядом, опьяняющим девственниц».

И в центре этого совокупляющегося мира сам Бабель. Он только один раз спит с женщиной, но какой! Это царица, матка развороченного улья. И он её не насилует, а она сама ему отдаётся, а без него умирает, гибнет. И он её, русскую дворянку, чуть ли не графиню, кладя к себе в постель, на самом деле спасает, спасает от русской орды, которая без его комиссарского покровительства сразу бы её изнасиловала хором и убила. Эта история и есть центр, стержень, вокруг которого крутится всё повествование.

И удивительно, удивительно. Проклятый русский глаз совершенно не понимает. Какова суть для самого Бабеля, как он мир воспринимает. И вообще русские в этой культуре «русской советской литературы» ничего не понимают. Читают, вот перед глазами, а ничего не видят. Пафоса, сути-то и не видят. Кажется: ну, не в этом дело, это ты, брат, зарапортовался. Да позвольте, как же зарапортовался, когда вот поэма Эдуарда Багрицкого

«Февраль». Это наш глаз скользит, не понимает, отказывается понимать. А ведь всё так просто:

В Одессу вернулся с фронта Багрицкий, «богатырь Мазурских болот». Вернулся с давними, ещё довоенными комплексами:

Я никогда не любил как надо…
Маленький иудейский мальчик.

Ещё в детстве

Я не подглядывал, как другие,
В щели купален.
Я не старался
Сверстницу ущипнуть случайно…
Застенчивость и головокруженье
Томили меня.

И вот поэт влюбляется в «гимназистку сине-зеленоглазую». Он ходит за ней, ходит. Она его не замечает, а он ходит —

Остриженный на военной службе,
Ещё не отвыкший сутулить плечи, —
Ротный ловчило, еврейский мальчик.

Далее разрабатывается тема «богатыря Мазурских болот»:

А я уклонялся, как мог, от фронта…
Сколько рублёвок перелетало
Из рук моих в писарские руки!
Я унтеров напаивал водкой,
Тащил им папиросы и сало…

Это чтобы любимую видеть. Несогласованность тут очень важна, так как говорит о реальности сюжета — когда слёзы на глазах, уже не до логики.

И вот первая кульминация. Багрицкий набирается духу и подходит к очаровательной арийке:

Я козыряю ей, как начальству.
Что ей сказать? Мой язык бормочет
Какую-то дребедень:
— Позвольте…
Не убегайте… Скажите, можно
Вас проводить? Я сидел в окопах!..

Она молчит.
Она даже глазом
Не поведёт.
Она убыстряет

Шаги.
А я рядом бегу, как нищий,
Почтительно нагибаясь.
Где уж
Мне быть ей равным!

И далее — верх унижения. Девушка говорит, что если от неё не отстанут, то она позовёт полицейского.

Вот он —
Поставленный для охраны покоя, —
Он встал на перепутье, как царство
Шнуров, начищенных блях, медалей,
Задвинутый в сапоги, а сверху —
Прикрытый полицейской фуражкой…
Брюхатый, сияющий жирным потом
Городовой,
С утра до отвала
Накачанный водкой, набитый салом…

Восточные люди не понимают, что такое отказ. Это арийский петушок стал бы плакать. А восточный человек: «И-й-й-и, издэваищься, тибе добром просят, дэнги дают, а ты… Кынжалом заколю!» Но нельзя — стоит на перекрёстке «фараон».

Однако не надо забывать, что египетское пленение подходит к концу. На носу Февраль (а там, глядишь, и Октябрь).

В эту ночь мы пошли забирать участок…
Я, мой товарищ студент и третий —
Рыжий приват-доцент из эсеров.
Кровью мужества наливается тело.
Ветер мужества обдувает рубашку.
Юность кончилась…
Начинается зрелость.
Грянь о камень прикладом! Сорви фуражку!

В участке же сказали:

Сдавай ключи — и катись отсюда к чёрту!

Ну, а дальше началась настоящая жизнь:

Я появлялся, как ангел смерти,
С фонарём и револьвером, окружённый
Четырьмя матросами с броненосца.

Вот она — власть!

Моя иудейская гордость пела,

Как струна, натянутая до отказа…
Я много дал бы, чтобы мой пращур
В длиннополом халате и лисьей шапке,
Из-под которой седой спиралью
Спадают пейсы и перхоть тучей
Взлетает над бородой квадратной…
Чтоб этот пращур признал потомка
В детине, стоящем подобно башне
Над летящими фарами и штыками
Грузовика, потрясшего полночь…

Тут бы детине и поговорить с арийской сучкой и ломакой. Но, чу! нам необходимо моральное превосходство. Поэтому события разворачиваются гораздо сложнее:

Я вздрогнул.
Звонок телефона
Скрежетал у самого уха…
— Комиссара? Я. Что вам?
И голос, запрятанный в трубке,
Рассказал мне, что на Ришельевской,
В чайном домике генеральши Клеменц,
Соберутся Сёмка Рабинович,
Петька Камбала и Моня Бриллиантщик
Железнодорожные громилы,
Кинематографические герои.

Да уж, эти-то не стали бы на городового оглядываться! Однако шутки в сторону — ночная облава. Вошли в притон, а там:

Над столом семейным
Гардины,
Стулья с мягкой спинкой,
Пианино,
Книжный шкап, на шкапе — бюст Толстого.
Доброта домашнего уюта.

Но это всё мишура, камуфляж. (Хотя в действительности, может быть, всё этой мишурой и заканчивалось. Пришёл ночью: здесь гимназистка такая-то?) А дальше:

Мы толкали двери.
Мы входили
В комнаты, напитанные дрянью…
Воздух был пропитан душной пудрой,
Человечьим семенем и сладкой
Одурью ликёра.

И вот открывают один кабинет, второй, третий… А в третьем гимназисточка. «Та самая».

Голоногая, в ночной рубашке…
Кусая папироску, полусонная, сидела молча.

«Чувствуете трагедию Достоевского?»

Уходите! — я сказал матросам. —
Кончен обыск! Заберите парня!
Я останусь с девушкой! Громоздко
Постучав прикладами, ребята
Вытеснились в двери.
Я остался
В душной полутьме, в горячей дрёме
С девушкой, сидящей на кровати.
— Узнаёте? — Но она молчала,
Прикрывая лёгкими руками
Бледное лицо.
— Ну что, узнали?
Тишина.
Тогда со зла я брякнул:
— Сколько дать вам за сеанс? —
И тихо,
Не раздвинув губ, она сказала:
— Пожалей меня! Не надо денег…

«Не надо денег». Да, это апофеоз. Я «стою подобно башне», а ты сука, шваль. Я смеюсь с тебя, смеюсь. Ты ногтя моего не стоишь, дешёвка. Я говорил: пойдём со мной! И теперь у тебя всё бы было: и кольца, и ботиночки шикарные, и трусики. А кто бы стал приставать, я бы всех из пушки — пух-пух, и убил. Эх ты…

Тут, вроде бы, и конец, развязка. Но, во-первых, как всякое порнографическое произведение, поэма должна закончиться сексуальной кульминацией, а во-вторых, надо знать еврейскую психологию:

Я швырнул ей деньги.
Я ввалился,
Не стянув сапог, не сняв кобуры,
Не расстёгивая гимнастёрки,
Прямо в омут пуха, в одеяло,
Под которым бились и вздыхали
Все мои предшественники, — в тёмный
Неразборчивый поток видений!

Выкриков, развязанных движений,
Мрака и неистового света…

Ну, а далее следует «философское обобщение», «кредо». Так сказать, «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа России»:

Я беру тебя за то, что робок
Был мой век, за то, что я застенчив,
За позор моих бездомных предков,
За случайной птицы щебетанье.

Я беру тебя как мщенье миру,
Из которого не мог я выйти!
Принимай меня в пустые недра,
Где трава не может завязаться, —
Может быть, моё ночное семя
Оплодотворит твою пустыню (328).

И конец. Такая вот «поэма».
Бабель сказал о Багрицком:

«Он был мудрый человек, соединивший в себе комсомольца с Бен-Акибой … Ему ничего не пришлось ломать в себе, чтобы стать поэтом чекистов, рыбоводов, комсомольцев».

Конечно, вирши Багрицкого — это ключ к психологии чекистов первого поколения. Им всё было в его творениях близко, знакомо. Да Багрицкий и был чекистом с литературными способностями. «Блатной поэт». Можно себе представить, как Ягода, Трилиссер или Коган шептали сквозь слёзы строки «Февраля», как выучивали их наизусть и переписывали в заветную тетрадку. (Впрочем, зачем же в тетрадку? — печаталось большими тиражами, у блатарей были и типографии.) Это еврейско-чекистское «Маруся отравилась» — та же воровская поэзия высоких чуйств, но с национальными осложнениями.

322

← Предыдущее, следующее →

322. Примечание к № 317
«мы имеем „лавочку“, которая … занимает 1/6 часть земной поверхности» (Л. Троцкий) (к цитате)

Блестящей иллюстрацией психологии непрошенных хозяев России являются гомерически хамские статьи Ф. Ротштейна в 1-ом издании БСЭ.

Вот из его статьи об английской королеве Виктории (1819–1901), опубликованной в 10 томе в 1928 году:

«Семья Виктории по отцовской линии состояла сплошь из самодуров, пьяниц, развратников и выродков. Сам король уже с полвека был психически болен, и королевские обязанности исполнял его старший сын с титулом принца-регента, необыкновенный обжора и пьяница, имевший лишь одну дочь Шарлотту, — дикое существо… Кроме её отца у короля было ещё шестеро других сыновей, картёжников и пьяниц, среди которых наиболее способным был лишь герцог Кумберлендский, махровый деспот и реакционер … герцог Кентский был и остался грубым солдатом и картёжником и не обладал ни политическими, ни какими бы то ни было другими способностями. До 50-летнего возраста он оставался холостым, но… так как все другие сыновья короля были либо не женаты, либо бездетны … то он решил жениться, чтобы обеспечить престолонаследие за своими потомками. К этой же гениальной мысли пришёл, однако, и его старший брат… Виктория унаследовала немало фамильных черт — посредственные способности, малопривлекательную наружность и необыкновенно сварливый и деспотический характер…»

И т. д. Тут же приводится «базис» в стиле «богатенькие», «спёрли денежки», «было ваше — станет наше». Даже ничего не зная о советской истории, вполне достаточно пробежать бегло по этим местечковым умозаключениям, чтобы понять: «Да их всех убьют».

323

← Предыдущее, следующее →

323. Примечание к № 319
Отечественный чёрт, смешной и патриархальный (к цитате)

Его образ, параллельно созданию интеллектуализированной нечистой силы, высмеивал Достоевский в «Карамазовых». Отец Ферапонт так описывает свою встречу с чёртом:

«Как стал от игумена выходить, смотрю — один за дверь от меня прячется, да матёрой такой, аршина в полтора али больше росту, хвостище же толстый, бурый, длинный, да концом хвоста в щель дверную и попади, а я не будь глуп, дверь-то вдруг и прихлопнул, да хвост-то ему и защемил. Как завизжит, начал биться, а я его крестным знамением, да трижды, — и закрестил. Тут и подох, как паук давленый (329). Теперь надоть быть погнил в углу-то, смердит, а они-то не видят, не чухают».

324

← Предыдущее, следующее →

324. Примечание к № 295

русское придаточное предложение — это «естественная форма» отнюдь не только для протестантизма, а вообще для чего угодно (к цитате)

Бродский писал:

«Цветаевское мышление уникально только для русской поэзии; для русского сознания оно — естественно, и даже предопределено русским синтаксисом».

Ну и неверно. Ошибка. Соотношение между русским синтаксисом и русским мышлением совсем иное. «Придаточное предложение» — это филологический предохранитель, коррекция разлетающихся в бесконечность ассоциаций. Отсюда и понятно обращение Цветаевой к придаточным оговоркам. На вершине свободного ассоциативного творчества — в поэзии — нужно было в максимальной степени укутаться в сеть придаточных, чтобы не разорваться, не превратиться в ничто. Чем свободнее русский, тем назойливее он лезет в трясину оговорок. Ему надо зацепиться за корни языка, а иначе его шариком воздушным унесёт, он начнёт заговариваться. Поэтому творчество Цветаевой это не выражение русского сознания, предопределённого русским синтаксисом, а максимальное использование русского синтаксиса для выражения противоположного ему свободного скольжения мысли. Уникальность поэзии Цветаевой не в собственно методе, а в уровне свободы. Зачем такой уровень заглушечности для гениально наивного Пушкина или наивно искушённого Некрасова? Цветаевой он был необходим.

Отсюда и пригодность русского синтаксиса для протестантизма. Действительно, если форму сделать сутью, то русский язык идеален для самопознания. Но суть русского языка не втягивание, а истечение, творчество. Порождение. Структура языка направлена на выпускание сути, а не на её защиту. Но если русский язык чужой, то он мгновенно выворачивается наизнанку. «Говорить, чтобы молчать» превращается в «молчать, чтобы говорить». Навряд ли из этого что-либо получится, так как русский язык удивительно неполон, основан на умолчаниях. Опора

на него приводит к страшному обеднению личности. Хотя в реальности это вполне осуществимо. Можно было бы, например, объявить русский, наряду с ивритом, официальным языком Израиля. Интересно было бы посмотреть, что из этого получилось. Зрелище было бы необыкновенно поучительное. Да, пожалуй, это и произошло в «третьей русской эмиграции».

325

← Предыдущее, следующее →

325. Примечание к № 282

тема русских проституток, передовых и осознавших себя (к цитате)

Ленин писал во время революции 1905 года о партийных комитетах:

«Туда войдут и крестьяне, и пауперы, и интеллигенты, и проститутки (нас недавно спрашивал один рабочий в письме, почему не агитировать среди проституток), и солдаты, и учителя, и рабочие, — одним словом, ВСЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ (курсив Ленина. — О.)*».*

326

← Предыдущее, следующее →

326. Примечание к с. 42 «Бесконечного тупика»

Пресловутая «правдивость» русской интеллигенции это страшная, грубая ложь (к цитате)

Жил в России скромный тихий человек: Михаил Осипович Меньшиков. Увлекался толстовством, писал публицистические статьи. В 1895 году Михаил Осипович имел несчастье заинтересоваться умершим в возрасте 82 лет князем В. В. Вяземским. Первый некролог о князе появился в «Русских ведомостях». В нём сообщалось, что Вяземский в 50-х годах отпустил на волю крестьян, взяв с них небольшой посильный выкуп, который раздал до копейки беднякам. После этого он поселился в Серпуховском уезде Московской губернии в маленьком домике посреди дремучего леса, где прожил 30 лет и «занимался чтением и работами, внося всюду свет, добро и живое человеческое сердце» (А. Мантейфель). Другой корреспондент «Русских ведомостей» через две недели «развивал»:

«Всё своё состояние князь роздал крепостным и нищим и жил лишь для блага других и собственного самоусовершенствования в высшем, благороднейшем значении этого слова».

О князе заговорили. Его называли предтечей Толстого. Боборыкин в нашумевшем романе «Перевал» вывел Вяземского под именем Жеребьёва: за десятилетия вышколенная русская периодическая печать во всю стала обыгрывать тему «в то время как». Раньше славянофилы похвалялись, что-де они не оторваны от народа, заботятся о его нуждах и т. д. Но на самом деле эти проповедники зоологического национализма… (дальше подставлялась в волшебный фонарь либеральной охмуряловки нужная картинка), В ТО ВРЕМЯ КАК даже лучшие представители дворянства… (тут подставлялся цветной слайд с князем: избушка, вековые ели, лучи заходящего солнца).

Меньшиков, тогда толстовец, очень заинтересовался Вяземским и решил поехать в Серпуховской уезд, чтобы на месте поподробнее познакомиться с конечно благоговейными воспоминаниями о покойном. Увы! как сообщает энциклопедия Южакова:

«Меньшиков поддался влиянию идей Л. Н. Толстого, но заимствовал у великого писателя не смелость теоретической мысли, но смелость практического бездействия. Не лишённый ни литературного дарования, ни совестливого отношения к общественной и человеческой жизни, Меньшиков без достаточного общего и теоретического образования и не обладая сильным теоретическим умом, и не мог оценить и усвоить всего мировоззрения Толстого, слишком сложного и неуравновешенного».

Серому Меньшикову не хватило образования, и он по простоте душевной написал о Вяземском то, что услышал от местных крестьян, близко знавших князя. Оказалось, что предтеча Толстого был «не столько опростившийся, сколько опустившийся помещик, отличавшийся при этом жестокостью и развратным поведением».

Своим хамским поведением Меньшиков просто-напросто поставил себя за рамки русского культурного общества. Прежде всего были взбешены местные интеллигенты. Михаил Осипович, тогда ещё поддерживающий довольно близкие отношения с Чеховым, испуганно писал последнему:

«Жена Мантейфеля (серпуховского интеллигента, автора некролога), усердно мне помогавшая в розысках, теперь страшно перепугалась, и хотя не отрицает в письме, что всё записано мною точно, — но негодует на меня, зачем я всё напечатал. Утверждает, что вся „серпуховская интеллигенция возмущена“ против моей статьи. Очень бы интересно было узнать, правда ли это?»

Меньшиков обращался с этой просьбой к Чехову, так как он как раз и жил в этом уезде (в своём имении Мелихово). Чехов в эту историю не стал лезть и, как всегда, умыл руки. А на будущий год, летом, когда Меньшиков гостил у него в Мелихове, аккуратно записал в дневнике:

«Меньшиков в сухую погоду ходит в калошах, носит зонтик, чтобы не погибнуть от солнечного удара, боится умываться холодной водой, жалуется на замирание сердца».

Вскоре был создан знаменитый «Человек в футляре». Надо знать Чехова с его гоголевской неспособностью к самостоятельному творчеству, к СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ фантазии (при исключительной способности к фантазии формы), чтобы понять, что весь этот рассказ вырос из Меньшикова, из чеховского ощущения Меньшикова. Так он и вошёл в русскую историю — человеком в футляре, трусливым, занудливым и аккуратным идиотом Беликовым.

Михаил Осипович Меньшиков — русский офицер, участник

ряда морских экспедиций, автор работ по морскому делу, а впоследствии, наряду с Розановым, ведущий сотрудник «Нового времени», не шедший ни на какие сделки с совестью и расстрелянный большевиками в 1919 году. Кто знает о нём, думает? Жив ли он? Давно умер. Беликов жив. Беликова знают все. Он шагает от одного издания Чехова к другому, от одной экранизации к другой, из хрестоматии в учебник, из учебника в головы миллионов школьников. Он живёт насыщеннейшей жизнью и надо всей Россией лыбится его отвратительная харя — «как бы чего не вышло». Человек растворился в уродливом кошмаре, в грязной и горбатой тени. Меньшиков приехал тогда к Чехову больной, ещё не оправившейся после покушения на его жизнь (в него стреляли вскоре после статьи о Вяземском: «Мы вам покажем, как издеваться над русской интеллигенцией!»). И вот Чехов, врач, сначала отрыгнул ядовитую слюну в дневничок, а потом оживил, обессмертил Меньшикова (341), пустил его в реальность. Чехов вошёл в русскую историю как скромнейший, добрейший, великодушнейший и вообще -ший и -ший человек (347), ангел в пенсне. А Меньшиков… Меньшиков не вошёл никак. Его не пустили, А ведь, может быть, Меньшиков-то и был настоящим Чеховым? Тем ОБРАЗОМ Чехова, который создавался около ста лет. И (от догадки всё замирает внутри) не был ли сам Антон Павлович Беликовым? (356)

327

← Предыдущее, следующее →

327. Примечание к № 318

Я читал цветаевскую прозу — какой у неё сильный мужской ум. (к цитате)

Цветаева умна уже потому, что — единственная — НЕ ЛЮБИЛА Чехова:

«Чехова с его шуточками прибауточками усмешечками ненавижу с детства».

Действительно, разве можно любить Чехова? Именно как личность? Читать его книги, чувствовать глубину и т. д. — сколько угодно. Но любить? Ведь это человек, совершенно лишённый обаяния.

Конфетно «обаятелен» образ Чехова. Но Цветаева, вопреки своей женской природе, увидела не образ, а человека. Следовательно — ум.

328

← Предыдущее, следующее →

328. Примечание к № 321

«Может быть, моё ночное семя оплодотворит твою пустыню». (Э. Багрицкий) (к цитате)

Как у арабских нефтяных шейхов, среди победившего доблестного еврейства пошла мода на белых любовниц «из бывших». Многие и женились. Потомки от этих браков — единственная выжившая внутри страны часть русской элиты. С другой стороны, среди евреек началась тогда целая кампания по приобретению выгодных мужей из русских — либо «спецов», либо малограмотных активистов низшего звена с героической перспективной биографией. Мужей учили читать и писать, перевозили к еврейской родне в центральные города, устраивали на руководящие должности. Отсюда в значительной степени возникла позднее тема «жён-евреек».

Дети от таких смешанных браков составляют основу новой элиты. Однако «самотёком» на периферии выросла элита в этническом отношении русская, но гораздо менее культурная. Это, так сказать, русская местечковая культура. Ситуация злорадно обернулась.

Конечно, вчерашним выходцам из деревень трудно конкурировать с детьми и внуками крупных партработников, военных, инженеров, учёных, художников, писателей и музыкантов. Впрочем, и та и другая часть элиты дефективна. В результате социальной и расовой катастрофы порождено гротескное поколение. Ну что это такое: Эвальд Ильенков, Ричард Косолапов, Лен Карпинский, Рой/Жорес Медведев, Энгельс Чудинов, Рэм Хохлов… Химеры какие-то. Интересно было бы описать быт этих людей, их нелепое мировоззрение. Саморазоблачение Александра Зиновьева приоткрыло тут занавес (343).

Еврейство же, сохранившее себя именно как евреев, сохранило и прямую связь с еврейским областничеством начала века. Они прямые потомки Бабеля, Мандельштама, Пастернака и т. д. Современные русские — это потомки Пушкина, Достоевского и Толстого, но не по прямой, а по боковой линии. Поэтому евреи, конечно, сейчас наиболее развитый и элитарный слой населения (351).

329

← Предыдущее, следующее →

329. Примечание к № 323

«Как завизжит, начал биться, а я его крестным знамением, да трижды, — и закрестил. Тут и подох, как паук давленый». (Ф. Достоевский) (к цитате)

Набоков подметил, что даже и такой гадкий бесёнок всё равно иностранец. В его «Гоголе»:

«Недоразвитая, вихляющая ипостась нечистого … — это для всякого порядочного русского тщедушный инородец, трясущийся, хилый бесёнок с жабьей кровью, на тощих немецких, польских и французских ножках, рыскающий мелкий подлец, невыразимо гаденький».

Ну, в крайнем случае, черт хохол (Басаврюк какой-нибудь), но никак не русский. В «Карамазовых» чёрт мечтает только стать совсем русским, превратиться в «семипудовую купчиху».

330

← Предыдущее, следующее →

330. Примечание к № 319

Достоевский решал задачу персонификации гоголевского мироощущения. (к цитате)

Трагедия Ивана Карамазова — рождение чёрта (336). Он мучительно ищет своего родного чёрта, хочет упасть перед ним на колени, выплакаться. А за спиной поднимается великая семиконечная звезда Санкт-Петербурга. Иван решает, ехать ли ему туда или нет. Удивительно, что никто не обратил внимание на символический характер этого отъезда. Для Ивана «уехать в Петербург» означает «убить старуху-процентщицу», «убить отца».

Излагая свою «Легенду» перед младшим братом, Иван кончает её тем, что Великий инквизитор понял в уединении рабскую природу человека и «примкнул к умным людям».

«— К кому примкнул, к каким умным людям? — почти в азарте воскликнул Алёша. — Никакого у них нет такого ума и никаких таких тайн и секретов…»

На что Иван отвечает:

«Кто знает, может быть, этот проклятый старик, столь упорно и столь по-своему любящий человечество, существует и теперь в виде целого сонма многих таковых единых стариков и не случайно вовсе, а существует как согласие, как тайный союз, давно уже устроенный для хранения тайны, для хранения её от несчастных и малосильных людей, с тем чтобы сделать их счастливыми. Это — непременно есть, да и должно так быть. Мне мерещится, что даже у масонов есть что-нибудь вроде этой же тайны в основе их…

— Ты, может быть, сам масон! — вырвалось вдруг у Алёши…

— Да ведь это же вздор, Алёша, ведь это только бестолковая поэма бестолкового студента, который никогда двух стихов не написал. К чему ты в такой серьёз берёшь? Уж не думаешь ли ты, что я прямо поеду теперь туда… ?

— …а дорогие могилы, а голубое небо, а любимая женщина! Как же жить-то будешь! чем ты любить-то их будешь? — горестно восклицал Алёша. — С таким адом в груди и в голове

разве это возможно? Нет, именно ты едешь, чтобы к ним примкнуть…»

331

← Предыдущее, следующее →

331. Примечание к № 310

«Другой пришил бы тебя … а он правду из тебя удит и учит тебя» (И. Бабель) (к цитате)

Русский гуманизм в виде графина в детской комнате милиции.

Я умру ведь. В районной больнице, под пьяную ругань нянечек, под идиотски-бравурную музыку «Маяка». И пустая голая лампочка будет в глаза светить.

— Ну-ну-ну, зачем же так преувеличивать. И вовсе ругаться не будут. И радио приглушат. И абажурчик повесят: Пожалуйста, все условия! Умирай, не хочу!. (333).

332

← Предыдущее, следующее →

332. Примечание к № 295

«Что если Ариост и Тассо, обворожающие нас, чудовища с лазурным мозгом и чешуёй из влажных глаз» (О. Мандельштам) (к цитате)

Человек человеку — волк. Ремизов, кажется, добавил: «Человек человеку — бревно». А я думаю, что человек человеку — осьминог (340). Нечто живое, но совершенно особое, совершенно другое. С другой жизнью. Любая не своя жизнь — другая. Другая планета.

333

← Предыдущее, следующее →

333. Примечание к № 331
Умирай не хочу! (к цитате)

Подростком поехал с дядей (не художником, а другим) на юг. Дядя положил каждое утро выпивать два пакета прокисшего молока. Один — он, один — я. Вечером он ставил пакет на улицу, а утром отвратительно тёплое, испортившееся за ночь молоко выпивал. Я твёрдо, но уже холодея внутри, сказал:

— Не буду.

— Почему?

— Не буду и всё!

— Что значит «не буду», ты объясни по-человечески — почему?

— Не хочу.

— А ты через «не хочу», «в охотку».

— Не буду я пить это. Молоко плохое, испорченное. Я никогда раньше не пил.

— Ну вот и начнёшь. «От простого к сложному». А потом привыкнешь, сам просить будешь.

Он — упрямый, тупой — три дня меня так пилил. Ровно, лишь иногда чуть-чуть повышая голос. Я стал пить. Прекрасная южная природа, море, облака, звёзды — всё было залито ежедневным утренним прокисшим молоком, отвратительным, сводящим с ума. «В охотку». Сам вид солнечного утра вызывал приступ тошноты. Через месяц я спасся, приехал домой, а дядя вскоре заработал язву желудка. И я чувствую, знаю, специально для меня заготовлены целые цистерны прокисшего молока. И меня им десятилетиями, до одури опаивают. «В охотку».

— Одиноков, пляши! Тебе бесплатно подарили валенки из стекловаты!

— Спасибо, но…

— Нет, ты надень, надень. Музыка!

334

← Предыдущее, следующее →

334. Примечание к № 317
Сказал: «Хачу пырамыд». (к цитате)

Эпоха московских процессов (1936–1938) символизировала начало сказочного времени, продолжавшегося до 1953–1956 гг. Фантастика началась уже раньше (мумификация Ленина, например), но московские процессы — это уже окончательное, «с головой», погружение в средневековье. Возникшие кинематографические параллели с Александром Невским или Иваном Грозным были не поверхностными ассоциациями, а, наоборот, дешифровывали суть происходящего.

Из обвинительной речи Вышинского на процессе «право-троцкистского блока»:

«Сколько раз Бухарин прикасался к великому учителю с лобзанием Иуды-предателя! Бухарин напоминает Василия Шуйского и Иуду Искариота, который предавал с лобзанием. И повадки у Николая Ивановича Бухарина точь-в-точь, как у Василия Ивановича Шуйского (338), как изображает его нам знаменитый писатель:

Василий свет-Иваныч,
Что ни начни, всё свято у него!
Заведомо мошенничать сберётся
Иль видимую пакость норовит,
А сам, гляди, вздыхает с постной рожей
И говорит: „Святое дело, братцы!“

Так и Бухарин — вредительство, диверсии, шпионаж, убийства организует, а вид у него смиренный, тихий, почти святой и будто слышатся смиренные слова Василия Ивановича Шуйского: „Святое дело, братцы!“ из уст Николая Ивановича».

Вот какой «научный социализм» пошёл!

335

← Предыдущее, следующее →

335. Примечание к № 310

Русское преступление словесно. (к цитате)

Набоков очень хорошо понимал психологию европейца и в «Камере-обскуре» дал блестящий тип западного негодяя. Идиот Горн делал по утрам очередной любовнице паштет из провёрнутой рыбьей требухи и дождевых червей, и тихо любовался, как ничего спросонья не понимающая дура поглощала аккуратно приготовленный бутерброд. Западное идиотство — идиотство деятельное, молчаливое и деловитое. Идиоту достаточно сознания сего (про себя). Идиотизм по-русски словесен. Для русского важно поведать миру о своём идиотстве, «поделиться радостью».

У Леонида Андреева в «Василии Фивейском» есть эпизодический персонаж — безногий калека, постоянно говорящий на исповеди, что он изнасиловал в лесу подростка-девочку и дал ей, плачущей, три копейки. А потом-де ему стало денег жаль, и он удушил её, а труп закопал.

«Ему не верили и смеялись над ним, — утверждали, что за десять лет в округе не было убито и не пропадало ни одной девочки; ловили его в бесчисленных и грубых противоречиях и с очевидностью доказывали, что всю эту страшную историю он выдумал спьяна, валяясь в лесу. И это приводило его в ярость: он кричал, божился, поминая чёрта так же часто, как и Бога, и начинал рассказывать такие отвратительные и грязные подробности, что самые старые священники краснели и негодовали».

И не было никакой девочки-то. Калеке был сладок идиотизм вранья (337) и как кто прореагирует. Преступление русского социально, всегда рассчитано на кого-то. Бабель совершенно не разбирался в психологии русского человека и допустил в «Иванах» грубейшую ошибку, поставив себя за рамки преступного действа. На самом-то деле весь спектакль и был рассчитан на Бабеля. Это типичная «показуха», туфта для товарища начальника. Конечно, это не значит, что только стоило Исааку Эммануиловичу скрыться за горизонтом, и Акинфиев сказал Аггееву: «Ну, что, Вань? Всё, давай закурим!» Но всё-таки накал

был бы иной совсем. Для показухи один Иван убил бы другого, то есть это совсем не показуха, показуха оказывается сердцевиной, сутью. А если бы ехали они вдвоём, то, возможно, ничего страшного бы не произошло. У Акинфиева «антиресу» бы не было.

336

← Предыдущее, следующее →

336. Примечание к № 330
Трагедия Ивана Карамазова — рождение чёрта. (к цитате)

Розанов писал об Иване:

«Дар религиозного чувства приобретается, быть может, труднее всех остальных даров. Уже надежды есть, бесчисленные извивы диалектики подкрепляют их, есть и любовь, с готовностью отдать всё ближнему, за малейшую радость его пожертвовать всем счастием своей жизни, а, между тем — веры нет; и всё здание доказательств и чувств, нагромождённых друг на друга и взаимно скреплённых, оказывается чем-то похожим на прекрасное жилище, в котором некому обитать… привычка и уже потребность вращаться сознанием исключительно в сфере доказуемого и отчётливого настолько истребили всякую способность мистических восприятий и ощущений, что, когда от них зависит даже и спасение, она не пробуждается.

Все отмеченные черты глубоко запечатлелись на „Легенде“: она есть единственный в истории синтез самой пламенной жажды религиозного с совершенною неспособностью к нему».

И всё же мучительнейшим усилием воли Иван породил из себя веру. Веру в кого-то. И этот «кто-то», естественно, оказался чёртом.

Но, может быть, лучше верить в чёрта, чем совсем не верить. Чем страдать от мучительного отсутствия хоть какой-то веры.

И может быть, это наиболее трудная, но не последняя ступень восхождения к Богу?

337

← Предыдущее, следующее →

337. Примечание к № 335

И не было никакой девочки-то. Калеке был сладок идиотизм вранья (к цитате)

Из черновиков Достоевского:

«Тацит, бунт легионов в Паннонии, солдат-мим Вибуленус плакал и рыдал неподдельно: отдайте брата, а брата и не было. Всю жизнь молчал и раз сыграл комедию — выразил всего себя, того только и надо было. Это был актёр».

Это был русский.

338

← Предыдущее, следующее →

338. Примечание к № 334

«И повадки у Николая Ивановича Бухарина точь-в-точь, как у Василия Ивановича Шуйского» (А. Вышинский) (к цитате)

Чтобы оценить всю глубину сравнения, следует учесть, что впервые «Шуйского» пустил в оборот Горький. Правда, речь тогда шла о другом политическом деятеле ВКП(б). Горький в первом варианте воспоминаний об Ильиче писал, что у Ленина была «хитреца Василия Шуйского». Это выражение Горького конечно хорошо знали и обвинитель и подсудимый. Воистину, как сказал Бухарин на XII съезде:

«Всё современное мировое развитие идёт с замечательной, если можно так выразиться, эстетической закруглённостью, согласно марксистским формулам» (346).

339

← Предыдущее, следующее →

339. Примечание к № 310

Тут еврейская радость преступления. Забежать за черту как можно дальше, а потом вернуться. (к цитате)

Отсюда у евреев какая-то устойчивость в преступлениях и радость, «полёт фантазии». Утром по морскому бережку бежать — в спину лёгкий ветерок и чуть влажный песок приятно хрустит под ногами. А на горизонте встаёт солнышко. Тихо, тревожно и весело. Сама религия евреев — это религия преступления. Иудаизм единственная религия, разрешающая фиктивно исполнять чужие обряды. Еврей-сефард принимает крещение, становится монахом, потом епископом. И чем дальше, тем тревожней и ближе к сердцевине иудаизма, тем громче и сладостней молитва в подземной домашней молельне на становящемся всё более странным родном языке. И мысль: как далеко забежал, но вернусь в лоно Авраамово, вернусь.

Еврей в преступлении свят. Поэтому это гении преступления. Какой полёт фантазии, какая инициатива, какая изощрённость. «Делают всё», о чём другие народы и не догадались бы. Даже по отношению к самим себе.

Когда Николай I ввёл рекрутскую повинность среди евреев, то кагальная верхушка вылавливала 8—10-летних (!) детей, подделывала их метрики и выдавала подкупленным чиновникам в качестве «новобранцев». Как пишет С. Дубнов:

«Наёмные агенты кагала, носившие охотничье имя „ловчих“… пускались за беглецами (скрывавшимися от набора в лесах. — О.) *в погоню, разыскивали их повсюду и „хватали“, пока не пополнялась цифра набора… Неимоверные жестокости творились: устраивались ночные облавы, детей вырывали из объятий матерей, обманом заманивали, похищали. По поимке рекрута его запирали в особую кагальную тюрьму».*

Охота за людьми достигла своего апогея во время Крымской войны:

«Уже не кагальные только ловцы искали живой добычи, а шло на ловлю каждое частное лицо, которое хотело заменить себя или члена своей семьи рекрутом из чужой, иногородней семьи или

просто заработать на зачётной квитанции. Образовались группы еврейских бандитов (358), которые рыскали по дорогам и постоялым дворам, посредством обмана или насилия отнимали у проезжих их паспорта и затем представляли их в воинское присутствие как „пойманников“, для сдачи в солдаты».

Еврейский кагал нельзя считать просто мафией. Это неверно. Что такое мафия? — Преступность, ставшая бытом, образом жизни. Кагал — это преступность, ставшая религией. «Умри ты сегодня, а я завтра» — это один из религиозных догматов иудаизма. В ночь накануне судного дня мужчина трижды вертит над головой петуха (женщина — курицу). При этом три раза произносится:

«Это да будет искуплением моим, жертвой моей и заменой вместо меня, сей петух (курица) пойдёт на смерть, а я обрету счастливую, долгую и мирную жизнь»

После этого птицу по специальному ритуалу режут, а мясо поедают в ночь на исходе судного дня (праздник капорес).

В принципе, любой итальянец может порвать с мафией, либо, по крайней мере, ощутить её анормальность, неправильность, преступность. Для еврея это невозможно. Он же не может выйти за пределы своей национальности-религии, за пределы своего рока. Мафия — это образ жизни, кагал — сама жизнь. Как же можно выйти из «жизни»? Можно изменить жизни, но поскольку суть еврейской жизни — измена, то измена эта и будет точным соответствием национальному року. И, конечно, сама «измена» здесь не совсем то, что для европейца. Точнее, совсем не то.

340

← Предыдущее, следующее →

340. Примечание к № 332
человек человеку — осьминог (к цитате)

Представьте РЕАЛЬНО — говорящее бревно или говорящего волка. Ничего не получится. Будет мешать излишняя абстрактность или излишняя конкретность субъекта. А осьминог в самый раз. Не случайно писатели, начиная с Уэллса, именно его избрали прототипом инопланетян, ЧУЖОГО разума, ЧУЖОЙ судьбы. Тут не желание экстравагантности, а чутье писателей на реальность, на правдоподобность.

341

← Предыдущее, следующее →

341. Примечание к № 326
Чехов … оживил, обессмертил Меньшикова (к цитате)

Если Михаил Осипович Меньшиков был отождествлён с Беликовым, то с героем «Попрыгуньи», Осипом Степановичем Дымовым, Чехов отождествил самого себя (345). Это отождествление тоже прижилось и дало в результате образ Чехова, Интеллигента. Однако злорадная паутина русского языка тотальна, всеохватна (354). Её можно ткать бесконечно. И в данном случае важна другая ниточка.

Дело в том, дорогой читатель, что Осип Степанович Дымов — это псевдоним изысканного русского писателя Иосифа Исидоровича Перельмана, автора сборников «Драмы на еврейские темы», «Слушай, Израиль», «Солнцеворот и Ню» и др. Как написано в 1-ом издании БСЭ:

«В миниатюрах Дымова — отрывочные эпизоды, мелькание причудливых настроений, фрагментарность, недоговорённые фразы; язык изящен, „музыкален“, густо насыщен образностью, красочностью описаний».

В центре прозы Дымова была тема тоскующего интеллигента. Писал он, конечно, и юмористические рассказы. Чуковский разбирал творчество Дымова в своей книге «От Чехова до наших дней».

← Предыдущее, следующее →

342. Примечание к № 318
Цветаева — это мужчина, но в женском обличии (к цитате)

Или так: проза Цветаевой — утрированно женская, это мужчина, притворяющийся женщиной, играющий в женщину и переигрывающий.

А можно и так: Цветаева — сверхженщина, и женское кокетство (дурашливость, игра в поддавки с самцом) перешло у ней в сверхкокетство, то есть в иронию и оправдывание.

Вообще, оправдывание — это женская черта. Женская проблема. Ну, в самом деле — берут тебя за ногу и куда-то в тёмную нору тянут. И женщина всё время и боится и ждёт этого. А как тут достоинство сохранить, когда тебя за ногу? И она начинает шутить, хихикать, пародийно сопротивляться. И шире: хлопотать, стелить постель, устраивать жилье. Вообще врывается в мужскую жизнь хохочущим кудрявым чертёнком, колесом ходящим и пахнущим духами никому не нужными. И начинает она мужчину щекотать и тормошить, смущать и показывать ему язык. Гигантская адаптационная способность. Она «ногу» объясняет и оправдывает. И мужскую жизнь, если она унижена и разрушена, тоже.

У женщин, я заметил, куколки какие-то, подушечки, шуточки, смешочки — зачем это? А им стыдно и они за это прячутся. Как ребёнок. Украл варенье и краснеет, хихикает, жмётся под строгим родительским взглядом.

Есть целые народы оправдывающиеся, не буду лишний раз говорить, какие.

343

← Предыдущее, следующее →

343. Примечание к № 328

Саморазоблачение Александра Зиновьева приоткрыло тут занавес. (к цитате)

Злобность видна наверху, в истончении. Советские «философы», учёные. Нервные, обречённые черви в тесной консервной банке. Кожица с них содрана, и каждое движение, каждый извив — обжигающая огненная боль. Больной ум. Самое отвратительное — в уме, а многие из них действительно умны. И поэтому не просто вываленные из человеческого мира, а перекорченные какие-то, ненормальные. От них умом не защитишься, они глубже лезут. Не испорченная душа, не испорченная воля, а вывихнутый, но сильный разум — это главное. Печать небытия, дефектность, но как подумаешь, как погрузишься мысленно внутрь этой банки — голова кружится, подташнивает от ужаса: кровоточащие щупальца рассудка мажут тебя по губам, щекам, глазам. И им больно. Об этом Зиновьев, но он сам из этих, «порченый». А было бы интересно исследовать. Сама накачка лексики интересна:

— Трава синяя, небо зелёное, а солнце квадратное и чёрное. Да, но следует учитывать атмосферические условия, определённые искажения в человеческом восприятии. Солнце черно, но в определённых условиях, под определённым углом зрения оно выглядит, как бы несколько желтоватым и даже иногда, при особом положении Луны, просто-таки ослепительно жёлтое. Однако, смотря на жёлтое солнце, следует иметь в виду его чёрную паразитическую сущность: ни греть, ни светить, а лишь нагло впитывать любую подвернувшуюся под руку энергию. Следует также учесть, что солнце ловко двурушничает, пытается скрыть свою квадратную сущность и притворяется кругом. Советские астрономы должны бдительно следить за происками всевозможных «солнц», поставивших себя выше общества и маскирующихся под источники света. Пора покончить с благодушием и ротозейством некоторых граждан, необходимо развернуть широчайшую кампанию по искоренению Солнца и его публичному, показательному оплеванию.

А впереди ещё работы на десятки лет. Ещё потом надо солнце

реабилитировать, согласовать его в общем даже положительную роль в построении социализма в одной стране с всё-таки злокозненной квадратностью и чернотой. И т. д. и т. д. И напрасно думать, что для подобного рода «деятельности» не нужен ум. Лысенко в известной степени посильнее Канта был. Кант в тихом Кенигсберге жил, а Лысенко 20 лет на краю пропасти балансировал. У него все эти годы мозг, как у волка на охоте, работал. А проследить добычу, взять след, высчитать, когда жертве наперерез броситься, — это для волка работа посильнее «Критики чистого разума». Волчий череп трещит от напряжения. И так жить десятилетия, всю жизнь. Это одна из вершин зла. Вот оно в развитии, в безликом господстве.

Какое же ещё доказательство бытия Божия? Достаточно посмотреть на убогость истерически безбожного существования. Разве это люди? Даже самые умные, красивые, молодые. Это такое зияние. В них нет ничего, им не хватает всего. Чего? Прямо не скажешь. Совести? — Нет. На некотором уровне развития образуется новая среда, новая мораль, новая совесть. Нравы неизбежно смягчаются, расправа становится все более интеллектуализированной, словесной. Создаётся целый искусственный духовный мир. С тысячами имён, десятками тысяч книг. Может быть, не хватает гармонии… Тоже неточно. Тоже можно сказать, что возникает постепенно некая соразмерность, основательность. Нет, не хватает Блага. Спокойствия. Смирения. Вроде и совесть, и даже душевное равновесие, но какой ценой. Все тело колотит от напряжения. В конечном счёте человек сам себя мучает, обрекает на мучения. И эта безмерная яма так глубока, так явна, что ясно — Он есть. Этого не замечаешь в нормальных людях, как не замечаешь воздуха, пока его вдоволь.

Без Бога человек должен стараться быть человеком, все душевные силы тратить на то, чтобы остаться человеком. Общество без Бога все силы тратит на то, чтобы остаться обществом, хоть каким-то.

344

← Предыдущее, следующее →

344. Примечание к № 310

Бабель сказал о Набокове: «Хороший писатель, только писать ему не о чем». (к цитате)

Именно потому, что Набокову было не о чем писать, в его произведениях в максимальной степени сказались основные черты русского творчества, носящего чисто субъективный характер. Оторванный и от русской истории, и от жизни эмиграции, Набоков стал свободен. Гоголь за границей писал «Мёртвые души». А Тургенев? А Достоевский? Надо было отказаться от МЕШАЮЩЕЙ действительности.

Набоков писал по поводу начала «Мёртвых душ»:

«Разговор двух русских мужиков чисто умозрительный. Их раздумья типа „быть или не быть“ на примитивном уровне. Беседующие не знают, едет ли бричка в Москву, так же как Гамлет не потрудился проверить, при нём ли на самом деле его кинжал. Мужики не заинтересованы в точном маршруте брички: их занимает лишь отвлечённая проблема воображаемой поломки колеса в условиях воображаемых расстояний, и эта проблема поднимается до уровня высочайшей абстракции оттого, что им неизвестно — а главное, безразлично — расстояние от NN (воображаемой точки) до Москвы, Казани или Тимбукту. Они олицетворяют поразительную творческую способность русских, так прекрасно подтверждаемую вдохновением Гоголя, действовать в пустоте. Фантазия бесценна лишь тогда, когда она бесцельна. Размышления двух мужиков не основаны ни на чём осязаемом и не приводят ни к каким ощутимым результатам; но так рождается философия и поэзия…»

345

← Предыдущее, следующее →

345. Примечание к № 341

с … Осипом Степановичем Дымовым Чехов отождествил самого себя (к цитате)

В процессе мифологизации образ Чехова претерпел сильные изменения (424). Лицо его вытянулось, нос несколько вырос и выгнулся, голос стал глубже и мягче. Исчез и лёгкий южнорусский акцент. Речь стала медленней, плавнее. Постепенно Чехов превратился в артиста Юрия Яковлева, благородного сефарда, величественно-скромно умирающего от туберкулёза и высказывающего в промежутках этого процесса соломоновы афоризмы. И всё это так чинно, благородно. Элегантно.

От подлинного Чехова тут осталось разве что пенсне. Да и пенсне… «Чеховское пенсне». Почему? Если бы он пенсне в XVIII веке носил, или в конце XX.

346

← Предыдущее, следующее →

346. Примечание к № 338

«Всё … развитие идёт с замечательной … эстетической закруглённостью, согласно марксистским формулам». *(Н. Бухарин)* (к цитате)

Ежов из «Фомы Гордеева» Горького (401) говорил:

«Я собрал бы остатки моей истерзанной души и вместе с кровью сердца плюнул бы в рожи нашей интеллигенции, чёр-рт её побери! Я б им сказал: букашки! вы, пьющие сок моей страны! Факт вашего бытия оплачен кровью и слезами поколений русских людей, о! гниды! Как вы дорого стоите своей стране! Что же вы делаете для неё?»

И действительно, на процессе Бухарина Ежов вскрыл отвратительную сущность интеллигентских паразитов и двурушников, подло убивших Горького.

347

← Предыдущее, следующее →

347. Примечание к № 326

Чехов вошёл в русскую историю как скромнейший, добрейший, великодушнейший и вообще -ший и -ший человек (к цитате)

Мать Чехова сказала о своём 16-летнем сыне: «У него злоба природная и закоренелая».

Конечно, мало ли что говорится родителями о детях и детьми о родителях, тем более в России, но всё же нет дыма без огня. Да и сам Антон Павлович в конце жизни заметил:

«От природы характер у меня резкий, я вспыльчив и проч. и проч., но я привык сдерживать себя, ибо распускать себя порядочному человеку не подобает. В прежнее время я выделывал чёрт знает что».

Интересна и характеристика Чеховым людей своего сословия и происхождения:

«Интеллигенты, вышедшие из народа, болезненно самолюбивы, упрямы и злопамятны».

Близко знавший Чехова литератор Ежов, пытаясь бороться с последовавшим после 1904 года шквалом демагогии, указал в своих мемуарах на «мелочность и злобную мстительность» многих чеховских рассказов, превращавших их в прямые пасквили (например, «Попрыгунья», где в карикатурном виде выставлен Левитан).

Однако не думаю, что это было обдуманной местью Чехова. Лучше всего чеховский характер если не поняла, то по-женски прозорливо угадала Книппер, однажды, в минуту раздражения написавшая мужу, что он лжив, неоткровенен, зазывает всех в гости, а потом кокетничает, жалуясь, что это мешает ему работать, утомляет и т. д.

Конечно же. Тут ведь идеал чеховской «скромности». Прийти с «Королём Лиром», подписать на обложке «шутка в пяти действиях».

— Что ты мне принёс?
— Нет — так; безделицу. Намедни ночью
Бессонница моя меня томила,

И в голову пришли мне две, три мысли.
Сегодня их я набросал. Хотелось
Твоё мне слышать мненье; но теперь
Тебе не до меня.
— Ах, Моцарт, Моцарт!
Когда же мне не до тебя? Садись;
Я слушаю.
(Моцарт играет.) …
— Ты с этим шёл ко мне
И мог остановиться у трактира…
Ты, Моцарт, Бог, и сам того не знаешь.

А божество тут:

«Мамочка, как бы мне чаю».

По-русски это называется «скромность» (348).

Это устойчивая тема в чеховском творчестве. В «Попрыгунье» Дымов приходит на свою дачу, а там гости жены:

«— Что вам угодно? — спросил актёр басом, нелюдимо оглядывая Дымова. — Вам Ольгу Ивановну нужно? Погодите, она сейчас придёт.

Дымов сел и стал дожидаться. Один из брюнетов, сонно и вяло поглядывая на него, налил себе чаю и спросил:

— Может, чаю хотите?»

Тут появляется жена и усылает мужа за какими-то пустяками обратно в город.

«Дымов быстро выпил стакан чаю, взял баранку и, кротко улыбаясь, пошёл на станцию. А икру, сыр и белорыбицу (которую он принёс. — О.) *съели два брюнета и толстый актёр».*

А потом «Ольгу Ивановну» бросает любовник и она «чувствует себя уж не Ольгой Ивановной и не художницей, а маленькой козявкой». А благородный Дымов, весь в блеске своего величия, идёт на смерть, облучается, спасая ребёнка.

Чехов ужасно любил такой идиотизм. И постоянно провоцировал реальность — ставил окружающих в положение «козявок» и давил их прессом своей скромности. Пригласит к себе человека, разговорит, очарует, а потом очень тонко даст понять, что тот его утомляет, мучает. Но именно тонко, деликатно. У Чехова был природный талант издевательства над людьми, дар духовного вампиризма. Он пил из окружающих жизненную энергию. Может быть, в этом он черпал силы для творческого акта, по своей сути глубоко нечеловеческого. Любить он не умел, вести декадентски-ненормальный образ жизни не мог, был для

этого слишком воспитан, слишком «омещанен». Разве что чахотка давала ему импульс, но в этой болезни как раз нечто вампирическое: постоянное эротическое возбуждение и кровь, кровь. Чехов опустошал людей, опошлял. Даже Книппер, всё же очень близкий ему человек, чувствовала чеховскую пустоту.

Чехов:

«Дусик мой, если я часто писал тебе о погоде, то потому, что полагал, что это для тебя интересно. Прости, больше не буду. Затем ещё ты сердишься, что я с тобой ничем не делюсь. Но чем делиться? Чем? У меня решительно нет ничего или по крайней мере кажется, что нет ничего. Новостей нет никаких, здоровье великолепно».

Или:

«Какая ты глупая, дуся моя, какая дурёха! Что ты куксишь, о чём? Ты пишешь, что всё раздуто и ты полное ничтожество, что твои письма надоели мне, что ты с ужасом чувствуешь, как суживается твоя жизнь и т. д. и т. д. Глупая ты!»

Книппер же писала:

«Ты не выходишь у меня из головы, каждую минуту я думаю о тебе. Вдруг мне кажется, что ты уже охладел ко мне, что не любишь меня, как прежде, что тебе просто нравится, чтобы я приезжала к тебе, вертелась бы около тебя и больше ничего, что ты не смотришь на меня, как на близкого тебе человека. А я без тебя не представляю себе своей жизни. Ну, прости, милый мой, что я опять об этом. Не буду — ты ведь не любишь этой бабьей болтовни. Не сердись на меня».

Вот отрывок из другого письма:

«Я вчера долго стояла у окна и плакала, плакала, — впрочем, ты этого не любишь. Смотрела в лунную ночь, и так заманчиво белела тропиночка, так хотелось пойти по ней и почувствовать себя на свободе… Опять, верно, выбранишь меня — зафилософствовалась, немка!»

Конечно, Книппер, как женщина, да ещё и актриса, тут невольно подыгрывает Чехову, так, «как Он бы хотел». Но тем самым она точно копирует вообще отношения Чехова с миром. Отношения с женой — это модель отношения с реальностью вообще.

Но Ольге Леонардовне хотелось чего-то более сентиментального, «философская немка» не понимала, что для русского сентиментальность возможна только в виде стилизации и идиотизма. Чем тщательнее Чехов разыгрывал из себя добрейшего и ми-

лейшего, тем злораднее и вывороченнее становился окружающий его мир.

Горький, наивный шарлатан, восхищался, не понимая этой вывернутости своим удмуртским мозгом:

«Мне кажется, что всякий человек при Антоне Павловиче невольно ощущал в себе желание быть проще, правдивее, быть более самим собой, и я не раз наблюдал, как люди сбрасывали с себя пёстрые наряды книжных фраз, модных слов и все прочие дешёвенькие штучки, которыми русский человек, желая изобразить европейца, украшает себя, как дикарь раковинами и рыбьими зубами … каждый раз, когда он видел перед собой разряженного человека, им овладевало желание освободить его от всей этой тягостной и ненужной мишуры, искажавшей настоящее лицо и живую душу собеседника … всегда А. Чехов был самим собой, был внутренне свободен и никогда не считался с тем, что одни — ожидали от Антона Чехова, другие, более грубые, требовали… У него была своеобразная манера опрощать людей».

Далее Горький приводит характерные примеры «опрощения». Две дамы «расфилософствовались» о греко-турецком конфликте. Возник следующий «диалог»:

«— Антон Павлович! А как вы думаете, чем кончится война?
— Вероятно — миром.
— Ну да, конечно! Но кто же победит? Греки или турки?
— Мне кажется, — победят те, которые сильнее…
— А кто, по-вашему, сильнее?
— Те, которые лучше питаются и более образованны…
— А кого вы больше любите — греков или турок?
— Я люблю — мармелад… а вы — любите?»

Далее сообщается о собеседнике Чехова, который страшно волновался и битый час говорил о его творчестве.

«— Вам нравится граммофон? — вдруг ласково спросил Антон Павлович».

Горький восторгается: Чехов «тонко и верно» подметил сходство собеседника с граммофоном, да так, что тот этого и не заметил. Вот она — «культура». Дальше — больше. Чехов даёт характеристики своим знакомым:

«— Ну, ещё бы, — сказал Антон Павлович, хмуро усмехаясь, — ведь он же аристократ, образованный… он же в семинарии учился! Отец его в лаптях ходил, а он носит лаковые ботинки.

И в тоне этих слов было что-то, что сразу сделало „аристократа“ ничтожным и смешным.

— Очень талантливый человек! — говорил он об одном журналисте. — Пишет всегда так благородно, гуманно… лимонадно. Жену свою ругает при людях дурой. Комната для прислуги у него сырая, и горничные постоянно наживают ревматизм…

— Вам, Антон Павлович, нравится NN? — Да… очень. Приятный человек, — покашливая, соглашается Антон Павлович. — Всё знает. Читает много. У меня три книги зачитал. Рассеянный он, сегодня скажет вам, что вы чудесный человек, а завтра кому-нибудь сообщит, что вы у мужа вашей любовницы шёлковые носки украли, чёрные, с синими полосками…»

Это прямо по Гоголю: «Один в городе хороший человек, да и тот скотина». И всё так тихо, скромно, с улыбочкой. Горький передаёт слова Толстого о Чехове:

«Ах, какой милый, прекрасный человек: скромный, тихий, точно барышня (361)! И ходит как барышня. Просто — чудесный!»

Горький вспомнил и ещё одно высказывание Толстого:

«Вот вы, — он обратился к Чехову, — вы русский! Да, очень, очень русский».

(И, добавим, не просто русский, а сложный русский, русский разросшийся.)

Ещё у Горького о Толстом и Чехове:

«Сегодня в Миндальной роще он спросил Чехова: — Вы сильно распутничали в юности? Антон Павлович ухмыльнулся и, подёргивая бородку, сказал что-то невнятное».

Антон Павлович записал однажды шутливый афоризм:

«Когда я разбогатею, то открою себе гарем, в котором у меня будут голые толстые женщины, с ягодицами, расписанными зелёной краской».

О Горьком же сказал:

«Девки неверны, таких нет, и разговоров таких никогда не бывает … И напрасно Горький с таким серьёзным лицом творит (не пишет, а именно творит), надо бы полегче, немножечко бы свысока».

В переписке Чехова и Горького, униженно и благоговейно начатой Горьким, сразу установился покровительственный тон со стороны Антона Павловича, «лёгкий, немножечко свысока». И совершенно естественно, по природным качествам Чехова, получилось издевательство. Вот, например, такая «мармеладинка»:

«Вы будете путешествовать пешком по России? Добрый путь, скатертью дорожка, хотя мне кажется, что Вам, пока Вы ещё

молоды и здоровы, следовало бы года 2–3 попутешествовать не пешком и не в III классе и поближе приглядеться к публике, которая Вас читает. А потом, через 2–3 года, можно и пешком…»

Надо быть Горьким, чтобы не понять скользящей шёлковой двусмысленности этих слов.

Бунин писал о манере чеховской речи:

«Он на некоторых буквах шепелявил, голос у него был глуховатый, и часто говорил он без оттенков, как бы бормоча: трудно было иногда понять, серьёзно ли говорит он».

Точно. Я именно так интуитивно, по письмам представлял себе ритм и мелодию. Что-то гоголевское, но без шизофрении и без религии…

Конечно, Чехов не был озлобленным идиотом или ловко маскирующимся хамом, безопасно и незаметно куражащимся над людьми. Наоборот, речь идёт о том, что в его личности нашли воплощение лучшие качества русского человека, может быть, великие качества. Чехову было в высшей степени свойственно ЮРОДСТВО (370). Лишь на достаточно примитивном уровне это проявляется как «издевательство» или «скромность» (411). Или, на ещё более примитивном уровне, как «злоба» и «доброта», «мягкость». На этих уровнях образ Чехова распадается, становится антиномичным, клетчатым. Что неверно. Человек существо удивительно цельное, в каждом человеке воплощена определённая идея. Идея, человеческому уму до конца не постижимая, но вполне цельная. Чем поверхностнее анализ, тем грубее и радикальнее противоречия человеческой жизни. И чем грубее противоречия, тем на самом деле сложнее данная личность, тоньше её цельность.

348

← Предыдущее, следующее →

348. Примечание к № 347
По-русски это называется «скромность». (к цитате)

Один из лучших бунинских рассказов «Сила». Русские мужички ведут за чаем хитрой разговор и рассказывают разные поучительные истории (гениально, что сама «беседа» идиотская, бессмысленная, но с ускользающими улыбочками и «подмигиваниями»).

Первая история. Мужик пустил солдата переночевать. Видит, солдатик хлипкий, махонький, а денег у него полон ранец. И стал он ему ночью топором по голове бить. Бил-бил, а солдатик только почёсывается. А на следующий день подходит к мужику и говорит: «открой рот». Тот открыл, а солдат пальцами, как клещами железными стал ему зубы вынимать. Все вынул, аккуратно в подол мужику ссыпал, дал на помин души сто рублей и ушёл.

Вторая история. Жил-был парень «рослый, здоровый, чистый палач». Однажды напился на ярмарке и стал куражиться. «Я, говорит, никого не боюсь, и Бога никакого нету»:

«Видит — сидит какой-то старичок на телеге, лопатами торгует … лёгонький, как пух, в сером халатике, в белом колпачке из простой холстины… Сидит на телеге, закусывает калачиком. А малый-то сдуру куражится, ломается, лезет на него… „Сейчас, говорит, пойду всю его амуницию расшибу“ … А старичок поглядел этак скромненько, слез с телеги, лопату поднял, да как размахнётся, да как ахнет… Норовил-то по малому, а попал мерину по боку — аж по всей ярманке отозвалось! Мерин с ног долой, порядочно лопат переломал, ухнул, дохнул, да и каюк, — красная вода носом пошла. Тут, конечно, народ бежит, а старичок зашёл за народ — да потуда его и видели. Как в воду канул».

Скромный…

← Предыдущее, следующее →

349. Примечание к № 176

монументальная пошлость … развития пушкинской темы в русской культуре (к цитате)

Пушкин — это пошло. Сколько написано о нём, и на всём лежит печать пошлости. Давно уже само слово «Пушкин» вольно или невольно произносится с двусмысленной усмешкой. Имя Пушкина оказалось магическим, заколдованным. Как царь Мидас был наделён рассерженным божеством даром превращать всё в золото, так имя Пушкина кем-то наделено даром превращать всё в пошлость, в бездарность. В советское время это приобрело размах легендарный, но ведь суть была той же и до революции.

Особенно пошла защита имени Пушкина от пошлости. Как попадётся на глаза что-нибудь в этом духе, ну, думаешь, автор «вира помалу» основную железобетонную цитату подводит. Сейчас, сейчас цитировать про «судно» начнёт. Глядь — и точно, вот она, родимая! Из письма к Вяземскому:

«Оставь любопытство толпе и будь заодно с гением… Мы знаем Байрона довольно. Видели его на троне славы, видели в мучениях великой души, видели в гробе посреди воскресающей Греции. — Охота тебе видеть его на судне. Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врёте, подлецы: он и мал и мерзок — не так, как вы — иначе».

Набоков в «Даре» писал:

«(В Петропавловской крепости) собственный головной убор разрешался, если это только не был ЦИЛИНДР, — что делает честь правительственному чувству гармонии, но создаёт по закону негатива образ довольно назойливый».

«Не» в русском языке вообще довольно слабо (352). Неслучайно у нас так развито, в противоположность немецкому, двойное отрицание («ничего не знаю»). Эмигрантский поэт и критик Борис Вейдле писал в одном из своих очерков:

«Я недавно прочёл стихи высоко ценимого мною поэта:

И птица пронеслась — не с червяком,
С масличной ветвью, вечность обещая, —

и немного пожалел, что червяка он не вовсе из них изъял, понадеявшись, должно быть, на силу отрицательной частички. Быть может я неправ, но мне всё кажется, что пронестись-то птица пронеслась, а червяка на страницу всё-таки обронила. Отрицание не помогло. Его слабость, как и слабость всех других строго логических категорий в поэзии, соприродна ослабленности синтаксических членений… Важны слова, наполненные смыслом, ещё лучше звукосмыслом, остальное менее важно».

Русский язык вообще поэтичен. Даже прозаическая русская речь сохраняет структурные особенности поэтического пространства. Так что в случае с судном, как и в случае с цилиндром, образ получается «довольно назойливый».

Более того. Приведённая выше цитата из Пушкина вообще нелепа. О чём там говорится?

1. Не следует копаться в биографических подробностях жизни гения, а следует верить в него («быть заодно»).

2. Исповедь способна гения унизить.

3. А низость гения вовсе не есть низость простых смертных.

Тут явная ошибка. Низость гения одинакова с низостью простых людей. Не этим он отличается от них. Во-вторых, низость Пушкин путает с низменностью, а это совсем разные вещи. Одно дело «малость» человека, и совсем другое — его «мерзость». В-третьих, ещё никогда никого исповедь не унизила. Исповедь может только возвысить, ибо чем глубже прегрешения человека, в которых он исповедуется, тем глубже его раскаяние и выше его мужество. И, наконец, гений у Пушкина превращается в шарлатана, чей авторитет основан на неведении и, следовательно, способен развеяться как дым при малейшем дуновении ветерка неверия.

Однако Пушкин сделал тут гениально бессмысленный ход. Своим вульгарным, чтобы не сказать похабным, сравнением он автоматически девальвировал возможность какой-либо полемики. Любая полемика превратится в таких условиях в «связывание» («связался с нехорошей компанией»). При цитировании злополучного места из пушкинского письма происходит катастрофическое понижение уровня диалога. Это очень тяжёлая, замкнутая конструкция. Такие цитаты надо хоронить за тысячи километров от населённых мест, на кладбищах радиоактивных отходов. И всё же её цитируют и цитируют, цитируют и цитиру-

ют. Тут какая-то загадка.

Вообще ведь своё отношение к гениальности Пушкин заимствовал у западных романтиков, у того же Байрона. На уровне сознания Александр Сергеевич вполне принял романтический миф о гениях — мрачных и гордых одиночках-богоборцах. Но вот разгадка злополучного «судна» — его русская душа всеми силами протестовала против этого мифа, совершенно ей чуждого. Пушкин всю свою жизнь и всей своей жизнью разрушал миф о гениальном одиночке. Он его просто ненавидел. В этом и кривизна цитаты из письма Вяземскому — оно брызжет ненавистью к декларируемому содержанию. Про судно Пушкин просто проговаривается. Да у него вся переписка это издевательство над будущим «пушкиноведением»:

«Кстати о стихах: сегодня кончил я поэму „Цыгане“. Не знаю, что об ней сказать. Она покаместь мне опротивела, только что кончил и не успел обмыть запревшие <…>».

Это любовь и одновременно НЕНАВИСТЬ к слову. К себе. Достоевский писал:

«Даже в Пушкине была эта черта: великий поэт не раз стыдился того, что он только поэт. Может быть, это черта встречается и в других народностях, но, однако, вряд ли… Затаённое глубоко (наше) внутреннее неуважение к себе не минует даже таких людей, как Пушкин».

Мережковский (вслед за..?) заметил, что два величайших человека России того времени — Пушкин и Серафим Саровский — никогда не встречались и даже вряд ли знали о существовании друг друга. Конечно, говорил Мережковский, это свидетельство культурного дуализма, раскола.

А все-таки, В КОНЦЕ КОНЦОВ, оба ведь русские. Максимально развёрнутые, максимально сложные русские. И в том, и в другом — глубокое юродство (364). Пушкина без юродства не понять (366). Это же слышишь, кто так мог написать:

«Взяли мою копеечку; Обижают Николку!.. Николку маленькие дети обижают … Вели их зарезать, как зарезал ты маленького царевича».

Вяземскому:

«Благодарствую, душа моя — и цалую тебя в твою поэтическую <…> — с тех пор как я в Михайловском, я только два раза хохотал: при разборе новой пиитике басен и при посвящении <… > твоего… Поздравляю тебя, моя радость, с романтической трагедиею, в ней же первая персона Борис — Годунов! Трагедия

моя окончена; я перечёл её в слух, один, и бил в ладоши и кричал, ай-да Пушкин, ай-да сукин сын! — Юродивый мой, малой презабавный, на Марину у тебя <…> — ибо она полька, и собою преизрядна — (в роде К. Орловой, сказывал это я тебе?). Проччие также очень милы; кроме капитана Маржерета, который всё по-матерну бранится; цензура его не пропустит. Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию — навряд, мой милый. Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!»

Пушкину 155 лет колпак сшибают, делают из него «уважаемого человека». Но Пушкин — это разрушение смысла. Какой смысл (содержание) может быть у универсума? — Абсурд! Бессмысленно говорить о «мерзости и малости» Пушкина, вроде бы совершенно идентичной мерзости и малости «толпы». Бессмысленно читать его интимные письма и дневники. Всё равно фиксация, определение невозможны. Чем ближе и соблазнительно площе и проще разгадка, тем дальше от подлинной сути. Вблизи Пушкина всё сбывается, оконтуривается. Каждое конкретное «я» осуществляется и гибнет, превращается в общее место, штамп, пошлость. (О Пушкине невозможно говорить конкретно. Конкретность = пошлости. Общие места — пошлость ещё большая.) Его «я» вросло в Россию ядоносным анчаром. Всё гибнет. Но ведь в этом, в гибели, и смысл. Это-то и нужно. Освобождение от мира, разрушение мира. Опошление мира. Сальери говорит:

Мне не смешно, когда маляр негодный
Мне пачкает Мадонну Рафаэля,
Мне не смешно, когда фигляр презренный
Пародией бесчестит Алигьери…
Ты, Моцарт, недостоин сам себя.

Конечно, тут впору разрыдаться, когда автор «Реквиема» наряжается в шутовской колпак. Но ведь это русская черта: икону чудотворную об угол печки. Икону! А уж какого-нибудь «Годунова» сам Бог велел. «Ничего не надо». Тут свет, сноп света, слёзы. Сожжение мира. За Христа на крест — нет, это баловство, это «благородно», это ро-ман-ти-ка. А отказаться от всего, не притвориться ничтожеством, а стать ничтожеством. И чем выше осуществление в духовном мире, тем ценнее отказ, величественней жертва юродства во Христе.

На Западе 100 лет смеялись над русскими. Почему они чуть ли не молятся на Пушкина. Это же компилятор… Потом европейцы стали считать, что в Пушкине что-то они не поняли, пр-

опустили. Что это человек со своей философией, русский Гёте. Это уже ближе к реальности. Но всё же — не то, не то. Тут иная культура, иной взгляд на мир. Смех над собой, величие для более тонкого сознания собственной ничтожности, и всё это вовсе не вывороченно, а спокойно, ясно, бездумно.

350

← Предыдущее, следующее →

350. Примечание к № 317

Женственная природа Сталина … сказалась в страстной любви к Ленину (к цитате)

Уж слишком вовремя умер Ленин. Ещё бы какие-нибудь две недели, и Сталин бы полетел с поста генсека. Если и не отравил, то добавил порошочек — это почти наверняка. И по логическому закруглению, «по звёздам» это должно следовать. Но при этом Сталин по-арийски любил свою жертву. Как раненого кунака убил, чтобы врагу не достался.

То же повторилось и с убийством самого Сталина. Но уже в грандиозных, истинно русских масштабах. Заклание шло под «Реквием» Моцарта. Операцию по его устранению так и назвали: «Моцарт». Любовное убийство:

Эти слезы
Впервые лью: и больно и приятно,
Как будто тяжкий совершил я долг…
Друг Моцарт, эти слезы…
Не замечай их. Продолжай, спеши
Ещё наполнить звуками мне душу…

Характерно, что среди заговорщиков самым ярым антисталинистом был грузинский еврей Берия, а наиболее ортодоксальным учеником Хозяина — Хрущёв. Перейдя в значительной мере по чисто механическим мотивам в лагерь антисталинистов, Хрущёв потерял психологическую устойчивость, что и привело его к срыву. Чем больше он «разоблачал», тем больше ощущал себя отцеубийцей. Чем дальше шёл процесс обличения, тем визгливее и нервнее становился обличитель. Хрущёв, в конце концов, просто потерял лицо (речь в ООН и т. д.).

351

← Предыдущее, следующее →

351. Примечание к № 328

еврец, конечно, сейчас наиболее развитый и элитарный слой населения (к цитате)

Вообще, наиболее хороший, наиболее нравственный, наиболее воспитанный. Сравнивая русских и евреев, стоящих на одном социальном уровне, поражаешься их нравственному и духовному различию. Еврей умён, ласков, деликатен. С ним, действительно, «всё по маслу». Русский всё время бубнит свои бесконечные «а мне не холодно», «а мне не больно». Дел с ним никаких вести нельзя. Это всё равно что с лестницы на санках ехать. Да так и всегда было. Розанов точен:

«Русская свинья всё равно сделает тебе свинство».

Его жена лежала в больнице, и русская медсестра образок разбила на столике. «Я нечаянно». Да всё они «нечаянно». И действительно, «нечаянно», ибо какая выгода-то. И топором зарубят «нечаянно». Забудутся, замечтаются и зарубят: «Кувылк!» Если русский пришёл в дом — убирай красивые вещи. Обязательно из идиотизма уронит, разобьёт, исковеркает. На вашего ребёнка самовар кипящий опрокинет. «Я нечаянно». На себя не опрокинет, всё «от себя». Это природный идиотизм. Снова повторяю: русского надо немножко побить, обломать (365). «За битого двух небитых дают».

Русский сделает свинство именно «всё равно». То есть неизбежно, как фатальность. Я даже боюсь с русскими общаться, пускать их в свой мир. На них какое-то проклятье лежит, чертовщина.

Дружба с евреем начинается с того, что он делает вам какую-то услугу. Дружба с русским начинается с того, что он делает вам какую-нибудь гадость. Потеряет книгу или переедет велосипедом вашу собаку — и вы уже для него не чужой. «А, это тот Одиноков, у которого я его рукопись тысячестраничную в единственном экземпляре потерял? Как же, помню. Он, наверно, расстроился. Надо с ним поближе сойтись, успокоить, чтобы не переживал». И часто, действительно, успокаивает. Если человек к тому времени ещё руки на себя не наложил.

На еврея нельзя положиться в сущности, в главном, в вопросе жизни и смерти. Но в нормальных, бытовых условиях еврей всегда сравнительно лучше русского. Революция тут лишь подвела итог и, так сказать, юридически зафиксировала сложившееся положение.

352

← Предыдущее, следующее →

352. Примечание к № 349
«Не» в русском языке вообще довольно слабо. (к цитате)

Так же, как и «да». Одно из значений русского «да» — «впрочем» (357): «Да как вам сказать». «Да» клонится в «де».

353

← Предыдущее, следующее →

353. Примечание к № 317

Ленин же никого не любил. (к цитате)

Снова и снова обращаюсь к образу милого Ильича, стараюсь постичь глубины и высоты его этического совершенства.

Вано Стуруа на XII съезде ВКП(б) призывал:

«Запомним слова товарища Ленина, который наивным товарищам, когда они задали вопрос: „что такое коммунистическая мораль?“ — сказал: убивать, уничтожать, камня на камне не оставлять, когда это в пользу революции; но в другом случае гладьте по голове, называйте Александром Македонским, если это в пользу революции».

Глубины и вершины ленинской «диалектики» (360). Заходился в письме к Инессе Арманд:

«Радек держит себя в политике как … торгаш, наглый, нахальный, глупый … Кто ПРОЩАЕТ такие вещи в политике, того я считаю дурачком или негодяем. Я ИХ НИКОГДА НЕ ПРОЩУ. За это бьют по морде или отворачиваются… Если Радек Н Е понимал, ЧТО он делает, тогда он дурачок. Если понимал, тогда мерзавец».

Письмо датировано 30.XI.1916 г. А 2.II.1917 той же Арманд Ленин пишет:

«Я изо всех сил подбивал Радека написать брошюрку: часами ходили по Цюриху и я его „поджучивал“. Сел и написал … у меня с ним — не ожидали? — АРХИдружба».

354

← Предыдущее, следующее →

354. Примечание к № 341

злорадная паутина русского языка тотальна, всеохватна (к цитате)

Злорадство — это немецкое слово. (В английском и французском нет такого.) Но по-немецки это скорее не злорадство, а злорадование. «Злорадство» — это вообще, в истории. Тут нет конкретного носителя. Злорадство — это какое-то абстрактное «оно», не евреи, а еврейство, которое висит в воздухе и шевелит бахромой бесчисленных плавников. Сам русский не злораден, злораден немец. На фоне сапога горящая деревня. Он ушёл, а деревни нет. Кричи, пляши, доказывай. Нет деревни. А он есть и идёт, идёт вперёд. И сапоги впечатывает в пепельную пыль. Бессмысленность нависает смысловой тучей. А тут закат, багровое солнце, томно садящееся в землю…

А русское злорадство — вообще. Купил будильник со знаком качества, завёл его, а там пружина лопнула и в лоб — р-раз! И череп проломила. Кого винить? «Злорадство» неуловимо. Русские живут в мире злых вещей (359). Антивещей. Это не империя злодеев, а империя зла. Зла «вообще».

355

← Предыдущее, следующее →

355. Примечание к № 310

надрыв русского человека, который не хочет и не может жить в гнилом мире (к цитате)

Духовно русский народ был незрел, инфантилен; физиологически — мудр, стар, опытен. Матёр.

Розанов писал:

«Русский народ не просто государственный, но он глубоко и обширно государственный. Кроме терпения, — его молчаливость, его скромность, его „неразболтливость“ — какие всё качества! Ведь русские качества „в литературе“ и русские качества „в действительности“ — далеко не похожи друг на друга. В действительности-то русский народ именно не болтлив, в противоположность персонажам литературы … Вы смотрите его не в клубе, не в газете, а в арсенале, в мастерской, за плугом в поле. Он вечно молчит. В поле молчит и пашет, в церкви молчит и слушает … (Цари) в молчании строили с молчаливым народом, который не роптал, когда его наказывали за дело, не роптал и тогда, когда казнили за преступление. Всё это — серьёзно, и серьёзный народ понимал, что жизнь — не игра, а ответственность. Ему было любо Государство в самих казнях, — ибо, казня, Государство видело в нём душу и человека, а не игрушку, с которой позабавится».

Народ понимал, чувствовал, что речь идёт не о «слепой кишке», не о зоциаль-демократических «подарках», а о жизни и смерти. В 17-ом «решилась Россея». Если Россия без Бога и Царя, то никакая. И стали строить «никакую Россию». И Россия гордым «Варягом» пошла на дно, в преисподнюю.

Уже славянофилы говорили, что народ русский не только ребёнок, но и старик: ребёнок по знаниям, но старик по жизненному опыту и основанному на нём мировосприятию.

Народ покорил и заселил причерноморскую степь, Поволжье, Прикавказье, Урал, наконец, Сибирь. Это не дурашливые недоумки, а ответственные, мужественные люди. Люди, понимающие, что «жизнь прожить — не поле перейти». Жизнь страшная штука. Трагическая. Трагедия кончается смертью главного ге-

роя. Но ведь все люди смертны и, следовательно, человеческая жизнь по определению является трагедией. Так христианство и смотрит. Для коммунизма в идеале человеческая жизнь комедия. Все радуются, смеются, «жрут от пуза», короче, вокруг «зажиточная жизнь», колхозная идиллия сталинского кинематографа («Харитоша — аккуратный почтальон»).

После Гражданской войны евреи стали топить баржи с пленными белогвардейцами. Баржа огромная, битком набитая народом и гулкая, резонирующая. Когда открывали кингстоны, начинался страшный дикий вой. Не отдельные вскрики, взвизги, а глухой рёв, почти инфразвук: у-у-у. И я думаю, психологически этот рёв евреев сломал (и аналогичные вещи). Он преследовал днём и ночью. Отсюда причина второго террора — просто всех русских нужно было убить, это было единственное спасение. Мучил дикий страх перед животной массой доставшегося народа (362).

Бунин ещё после февраля 17-го услышал от старика-извозчика:

«Теперь народ, как скотина без пастуха, всё перегадит и самого себя погубит».

Бунин спросил:

«— Так что же делать?
— Делать? Делать теперь нечего. Теперь шабаш. Теперь правительства нету».

Евреи оказались лицом к лицу с народом без правительства (415). Народом воинственным, упрямым и нервным. Не овечки или коровки, а табун лошадей или стадо буйволов. Растерялись и стали уничтожать. И чем дальше шло, тем темней и страшней становилось. И рёв, рёв с барж. Тут не индивидуальная подлость, столь обычная и привычная, даже не масштаб села или города, валяющегося в предсмертных корчах вокруг отравленного колодца, нет, тут страна, тут миллионы. Народ. Народ великий, с великими первобытными страстями. И евреи последние тряпочки, последние колокольчики, последние размокшие пряники и облепленные табачной крошкой леденцы выбросили. Дело серьёзное пошло. Уже не до социализма. Надо народ «держать», загонять в скотобойни, стойла. И в известный момент евреев стало просто не хватать. Оцепление стало редеть, растягиваться всё дальше и дальше, прорываться, и всё это их поколение в конце концов погибло. Но на излёте, из последних сил закрутив клапан, остановив рёв. В этом смысле они ценой своей жизни спасли Россию, вторично окультурили её, дали современ-

ный облик и форму, создали новое правительство, новых пастырей.

356

← Предыдущее, следующее →

356. Примечание к № 326

не был ли сам Антон Павлович Беликовым? (к цитате)

Бунин:

«В чеховском доме тихо, мерный стук будильника … Он, без пенсне, сидит в кабинете за письменным столом, не спеша, аккуратно записывает что-то. Потом встаёт, надевает пальто, шляпу, кожаные мелкие калоши, уходит куда-то, где стоит мышеловка. Возвращается, держа за кончик хвоста живую мышь, выходит на крыльцо, медленно проходит сад вплоть до ограды, за которой татарское кладбище на каменистом бугре. Осторожно бросает туда мышь и, внимательно оглядывая молодые деревца, идёт к скамеечке среди сада».

Как бы чего не вышло…

357

← Предыдущее, следующее →

357. Примечание к № 352
Одно из значений русского «да» — «впрочем». (к цитате)

Интересно также, что слово «словно» (то есть словесно) означает «якобы», «как будто».

358

← Предыдущее, следующее →

358. Примечание к № 339

«Образовались группы еврейских бандитов» (С. Дубнов) (к цитате)

Михаил Львович Мандельштам, адвокат и член кадетской партии, писал об убийстве Николая Баумана:

«Бауман ехал на извозчике, везя с собой красное знамя для манифестации. В это время натравленный полицией черносотенец набросился на него сзади и ударом ДУБИНЫ по голове на месте положил Баумана, не успевшего даже вынуть РЕВОЛЬВЕР для самозащиты».

Позвольте, позвольте, как это? С «дубиной» против револьвера? Это вот «злодейское убийство»?

Сцена погрома из «Гамбринуса» Куприна:

«Какой-то каменщик, в красной рубахе и белом фартуке, замахнулся … зубилом и зарычал (388)*: „Жи-ид! бей жида! В крррровь!“»*

Во какие зубила агромадные. А что против них? Так, небольшие револьверы. Их и доставать-то не успевают. Бабель пишет о своих детских фантазиях во время первой революции:

«Я вообразил себя в еврейской самообороне, и вот… я хожу в рваных башмаках, подвязанных верёвкой. На плече, на зелёном шнурке, у меня висит негодное ружьё, я стою на коленях у старого дощатого забора и отстреливаюсь от убийц. За забором моим тянется пустырь, на нём свалены груды запылившегося угля, старое ружьё стреляет дурно, убийцы в бородах, с белыми зубами, всё ближе подступают ко мне; я испытываю гордое чувство близкой смерти и вижу в высоте, в синеве неба Галину».

(Галина — это «белая женщина», та самая жена офицера. Тут уже фантазии идут в другом, мазохистском направлении:

«Пренебрежительной своей улыбкой она улыбается из недосягаемого окна, муж, полуодетый офицер, стоит за спиной и целует её в шею…» И т. д.

Но это в сторону.)

Вот так. Ружьё, но оно, видите, «негодное» (394). Правда, хотя и негодное, всё же стреляет. Но так, «дурно». А убийцы… Что,

тоже стреляют? Нет, они «подступают». Подступают по голому пустырю. Чем же вооружены? Уж наверное какими-нибудь гигантскими и вполне исправными дубинами и зубилами. Хотя Бабель, кажется, и сказал про оружие: «с белыми зубами». И их из-за забора (старого, дощатого) негодным ружьём… Почему же негодным? Ну где же одесской мафии исправное ружьё достать, сами подумайте. Ни связей нет для этого, ни денег. И форму для «самообороны» купить нельзя, она, видите, в рваных башмаках ходит.

Но вот другой рассказик Бабеля — «Как это делалось в Одессе». А там такая фраза:

«Евреев били на Большой Арнаутской … Тогда наши вынули… пулемёт и начали сыпать по слободским громилам».

Пулемёт. В 1905 году, когда только-только поступил на вооружение. Громилы БИЛИ (кулаками), а по ним СЫПАЛИ (из пулемёта).

Да и не нужно никаких цитат тут приводить. Просто вдуматься: «Русские громилы учинили еврейский погром в Одессе». Это всё равно что сказать: «Англо-американская община Чикаго учинила погром коза ностры». Какой уж тут погром. Тут по стеночке, по стеночке прошмыгнуть. Ведь пырнёт носатый подонок и «мама» крикнуть не успеешь. «Одесса». Хуже даже. В Чикаго всё-таки итальянцы составляют меньшинство населения. А Одесса еврейский город. Там евреев больше живёт, чем всех других национальностей вместе взятых (а кроме великороссов и украинцев там жили греки, французы, молдаване, поляки и др.). Да евреи бы числом задавили. Еврейский погром в Одессе это всё равно что итальянский погром в Неаполе, учинённый английскими туристами. Бред. Да кто скажет о таких «погромах», тому в лицо расхохотаться.

Ну, что же, не было погромов? Были, конечно, были. Были еврейские погромы. В 80-х годах прошлого века их называли антиеврейскими. А потом приставка «анти» куда-то отвалилась. Так что были погромы. Еврейские. Вооружённые до зубов еврейские погромщики, часто в униформе, хладнокровно расстреливали мирные русские демонстрации. Или специально учиняли беспорядки, провоцировали русское население. По крайней мере, с очень и очень большой натяжкой можно сказать, что вина за русско-еврейские столкновения одинаково лежит и на той, и на другой стороне. Но это уже великодушная уступка (потому что с одной стороны винтовки, а с другой — кулаки, с одной стороны сознательно организованная провокация, с другой — стихийная вспышка).

Михаил Мандельштам изгаляется в своих послереволюционных мемуарах:

«Кишинёвский погром показал евреям, что на государство они рассчитывать не могут и не должны, что они находятся вне государства и вне закона. Они должны независимо от государства образовать собственную оборону. Революционная часть еврейства учла преподанный евреям урок государственного права, и в следующем по очереди, гомельском, погроме мы уже встречаемся с правильно организованной еврейской самообороной».

Как же действовала эта «независимая от государства» самооборона? А вот как:

«Погром начали вышедшие из железнодорожных мастерских рабочие, которых, конечно, очень легко было рассеять. Весть о погроме мигом разнеслась по городу, и на его место действия прибежала еврейская самооборона. Её выстрелами толпа погромщиков была рассеяна».

То есть это не что иное, как «расстрел безоружных рабочих». Как на это реагирует правительство? Сажает на скамью подсудимых равное количество евреев и христиан. Мандельштам квалифицирует эти действия так:

«„Ради справедливости“ рядом с громилами из христиан на скамью подсудимых были посажены и члены еврейской самообороны. Таким образом, обвинение было предъявлено и к тем, кого громили, и к тем, кто громил ... (Вся „вина“ евреев заключалась) в сущности в том, что они не соглашались быть перерезанными, как цыплята, и пытались обороняться».

В процессе следствия выяснилось, что погром был специально спровоцирован евреями, которые готовились к нему давно, устраивали стрельбища за городом. Начался же погром с того, что еврейские «дружинники» ворвались на городской базар и перебили всех палками. Когда же христианское население попыталось оказать сопротивление, в него стали стрелять.

Это в Гомеле. Что же было в Одессе?

Как сказал М. Мандельштам? — «Евреи находятся вне государства и вне закона»? Но раз они, как оккупанты, поставили себя за рамки государства, то тем самым дали фактическое право на аналогичные действия со стороны других этнических групп. Если государственная власть в центре парализована, а на местах — деморализована, то необходимо создать отряды и русской самообороны. То есть черносотенцы. Ведь само это слово откуда? Чёрными сотнями называли на Руси отряды горожан-ополченцев. Вы стреляете, так знайте, что и в вас стрелять бу-

дут.

Ну-ну, постреляй, раз прыткий такой. В январе 1906 года в Петербурге взорвали черносотенный клуб «Тверь». После этого оставшиеся в живых члены черносотенных организаций публично просили прощения на рабочих и профсоюзных собраниях, умоляли их пощадить и писали покаянные письма в газеты. Так-то вот. «Мы вам покажем, как издеваться над русской интеллигенцией!»

359

← Предыдущее, следующее →

359. Примечание к № 354
Русские живут в мире злых вещей. (к цитате)

Русское и немецкое отношение к вещи. Для западной культуры «вещь» — победный рёв боевых труб, мощь мира, символ овладения им, труда. В вещи для западного человека мир проявлен. Для русского вещь — ошибка (368), нечто не живое, но и не мёртвое и поэтому жалкое. Вещи — язвы мира, и их жалко. Розанов единственный относительно ясно выразил это первичное и потому трудноуловимое чувство:

«Мне печально, что всё несовершенно: но отнюдь не в том смысле, что вещи не исполняют какой-то заповеди, какого-то от них ожидания (и на ум не приходит), а что самим вещам как-то нехорошо, они не удовлетворены, им больно. Что вещам „больно“, это есть постоянное моё страдание за всю жизнь. Через это „больно“ проходит нежность. Вещи мне кажутся какими-то обиженными, какими-то сиротами, кто-то их мало любит, кто-то их мало ценит».

Ненависть и презрение являются обратной стороной этой жалости. В вещи есть что-то нищее и одновременно зловещее.

Где уж нам с таким-то умонастроением создать вещный мир. Кроме фарса или ада ничего не получится. Лучше растить хлеб… Или танцевать…

360

← Предыдущее, следующее →

360. Примечание к № 353
Глубины и вершины ленинской «диалектики». (к цитате)

Ленин никогда не мог ничего создать. Все его интеллектуальные конструкции украдены. Только чистый поток ненависти, а идеологию он на ходу подбирал, обирая «товарищей». По его произведениям нельзя составить цельную логическую картину (367). Но психология — идеальна. Поэтому он и встал в центре мифа. Троцкий умнее на порядок — это законченная мысль революции. У Ленина, перешедшего в 17-ом на позиции троцкизма, — какие-то обрывки. И Троцкий благороднее. Вл. Соловьёв сказал:

«В русской интеллигенции самый честный элемент есть всё-таки еврейский».

Революцию делали не выродки, а действительно наиболее умные и талантливые представители еврейской нации.

Кто хочет понять революцию, должен читать Троцкого. У Ленина — бессодержательная каша, ничего не разберёшь (377). Но кто хочет почувствовать революцию, тот должен читать Ленина. Это «сердце» революции, её суть. Собственно говоря, Ленинградом следовало назвать Москву. Ленинград же по логике вещей должен быть назван Троцкбургом или уж, как компромисс, Левоградом.

361

← Предыдущее, следующее →

361. Примечание к № 347

«скромный, тихий, точно барышня!» (Л. Толстой о Чехове) (к цитате)

Суворин писал в дневнике за 1902 год:

«„— Толстой человек слабый“, — говорил Чехов, наблюдая его во время болезни».

362

← Предыдущее, следующее →

362. Примечание к № 355

Мучил дикий страх перед животной массой доставшегося народа. (к цитате)

Розанов в «Опавших листьях» привёл случай с человеком, который в один день попал в две железнодорожные катастрофы. Воскликнул:

«ЧУДО. А — ЕСТЬ. „Невозможно“, а — „случается“. Ибо — стада, миллионы».

Когда сталкиваешься с народом (вплотную), начинается фантастика. Когда 100000000, всегда появляются редчайшие аномалии. 1/10000, 1/1000000, 1/100000000. В нормальных условиях эту фантастику засасывают воронки городов, и там она оседает, концентрируется. Скажем, в университете всего на 25 человек приходится какая-нибудь необыкновеннейшая флуктуация. И на вершине устоявшейся власти фантастики очень много. И вот после революции всю эту фантастику — как говорил Ленин, «ерундистику» — пустили под частую гребёнку. И что получилось? Потеряли чутьё народа, то, что с ним, с этой океанической массой, связывало. Народ превратился в нечто принципиально неуправляемое, фантастичное в себе, опасное. Евреи остались один на один с фантастикой барж.

Царь и высшая аристократия жили как раз в сказочном мире. Всё на этом построено было. Отсюда их благородство посреди всеобщей трусости и предательства. Они-то знали, что не в клочке бумаги дело («конституция» липовая), и не в «блуждающей почке и слепой кишке», а в жизни и смерти. И умерли за народ, чтобы народ жил, чтобы было у нас, в нашем тёмном веке что-то светлое, чистое, необычное, СВЯТОЕ.

Ужас революции в том, что обычные люди попали в необычную ситуацию, стали хозяевами миллионов, то есть в том числе ковра-самолёта, скатерти-самобранки, шапки-невидимки и тому подобных вещей. Вещей, им принципиально непонятных, для них неожиданных и поэтому страшных, смертоносных.

Борьба с народом была борьбой с фантастикой, с необычностью, с незаурядностью, вообще с каким-либо отличием, непохо-

жестью. В 30-е уже уничтожали за прядь светлых волос, за родинку на щеке. Перенасыщенному раствору звериной ненависти хватило бы и мельчайшей дозы необычного. Поэтому убивали всех. Пропустили Солярис сквозь опреснительную станцию.

363

← Предыдущее, следующее →

363. Примечание к № 318

«Я пришла к тебе чёрной полночью, за последней помощью». (М. Цветаева) (к цитате)

Как известно, муж Цветаевой был агентом ГПУ, личностью во всех отношениях растленной (шпион, провокатор и убийца). Современный литературовед Виктория Швейцер недоумевает по этому поводу:

«Те, кто знал Эфрона, говорили о нём как о человеке исключительного достоинства, порядочности и благородства. Как случилось, что он оказался сотрудником ЧК, для меня — загадка».

Действительно, потрясающая загадка. Как, Эфрон и вдруг ЧК. Невероятно! Величайшие умы будут биться, да так и не решат столь запутанную, столь удивительную и столь редкую загадку природы.

Цветаева писала Розанову в 1914 году:

«Моему мужу 20 лет. Он необычайно и благородно красив, он прекрасен внешне и внутренне. Прадед его с отцовской стороны был раввином, дед с материнской — великолепным гвардейцем Николая I. В Серёже соединены — блестяще соединены — две крови: еврейская и русская. Он блестяще одарён, умён, благороден … Мать его урождённая Дурново. Серёжу я люблю бесконечно и навеки…»

Серёжа в эмиграции строго-настрого запретил Цветаевой печатать неправильные антисоветские стихи, которые она ему же посвящала, считая, что он сражается в Белой армии (стихи опубликованы лишь в конце 50-х годов). А потом сдал свою жену и детей Берии, заманив их в Советский Союз.

Ну Цветаева, понятно, женщина и к тому же поэт, писатель и вообще «гений». Какой с неё спрос. Но почему же не нашлось вокруг людей, которые бы объяснили, что Эфрон — это полукровка, ублюдок, что с такими субъектами лучше всего вообще не связываться. Ведь что за фрукт этот Эфрон, уже до революции ясно было, когда он во время мобилизации стал как уж под вилами вертеться. То медбратом устроился, то инструктором-тыловиком. Впрочем, я и забыл, у него же тогда «туберку-

лёз» нашли. Он и на мокрое дело в эмиграции пошёл, наверно, чтобы себе лекарство достать (369).

А нужно так было. Вот Сергей Яковлевич стал встречаться с Цветаевой. Возвращается из гостей вечером, и вдруг на углу — что это? — четверо в жёлтых косоворотках стоят: «Ты Эфрон?» — «Я». — «Ну получай, раз Эфрон». «Били долго, молча, рубахи взмокли от пота». Остановились, тяжело дыша, передохнули. И снова — ногами, ногами. — «Ребята, за что?!» — «А за то, что Эфрон».

Конечно, грубо, очень грубо. Но ведь любовь, брак это тоже, в конце концов, довольно грубая вещь. Простыни окровавленные, потом их стирать надо. Тут борщ, а потом носки, пелёнки и т. д. Не до экзотики. У русских и так от собственной арийско-монгольской ментальности башка трещит, и тут только семитов не хватало.

Конечно, Цветаева бы сначала поплакала, возмутилась, как Наташа Ростова, у которой её «Анатоля» отняли. А потом бы успокоилась и было бы всё хорошо.

— А чего, Марин, я тебе добра хочу.

364

← Предыдущее, следующее →

364. Примечание к № 349

И в том, и в другом (в Саровском и в Пушкине) глубокое юродство. (к цитате)

К Серафиму в Саров приехала будущая дивеевская старица Елена Васильевна Мантурова и попросила постричь её в монахини. Серафим стал уговаривать молодую девушку выйти замуж (три года уговаривал). При этом он так, например, расписывал «прелести» семейной жизни:

«— И даже вот что ещё скажу тебе, радость моя. Когда ты будешь в тягостях, так не будь слишком на всё скора. Ты слишком скора, радость моя, а это не годится. Будь тогда ты потише. Вот, как ходить-то будешь, не шагай так-то, большими шагами, а всё потихоньку, да потихоньку. Если так-то пойдёшь, благополучно и снесёшь.

И пошёл перед нею, показывая, как надо ходить беременной.

— Во, радость моя!.. Также и поднимать, если что тебе случится, не надо так вдруг скоро и сразу, а вот так, сперва понемногу нагибаться, а потом точно так же всё понемногу и разгибаться.

И опять показал на примере».

Вот таким образом кривлялся, глумился над женским естеством (371). Да даже если бы он сказал пьянице какому-нибудь:

— А ты иди водочки-то выпей. Она скусная. Выпей её, родимую, и лапушки оближи: «Ай-ай, сладко». Ноженьки-то твои тогда вот так, смотри, подогнутся, а рученьки милые трястись будут, трястись. И головушка набок завалится, закружится. То-то славно. Пей больше, ласковый, и всегда такой будешь. И ходи, смотри, осторожно тогда. Вот так, по стеночке, по стеночке, опираясь. Тело у тебя лёгкое, слабое станет, в канаву грязную и ребёночек маленький спихнуть сможет. Так что ходи, милый, тихо, ходи, милый, скромно.

Всё равно сглаз, страшно слушать. А тут над беременностью так насмехаться.

Но Серафим Саровский действительно русский святой. Это святая русская ненависть к миру, издевательство над миром,

обречение себя Богу.

Более того. Серафим любил мир. Так как его ненависть к нему была абсолютна и превращалась в абсолютную доброту, любование.

365

← Предыдущее, следующее →

365. Примечание к № 351
русского надо немножко побить, обломать (к цитате)

Достоевский сказал Соловьеву:

«Хороший ты человек, Владимир Сергеевич. Только, чтобы уж совсем прекрасный и чистый христианин получился, надо бы тебя годика на три в каторжные работы».

366

← Предыдущее, следующее →

366. Примечание к № 349
Пушкина без юродства не понять. (к цитате)

На Западе существовал культ гениев и шутов как людей, максимально выделяющихся из коллективного начала. Между шутом и гением существовала известная параллель. Не случаен, например, интерес Шекспира к теме шутовства. Но в целом связь была от противного, как связь между карнавальной и клерикальной частями культуры.

В России же существовала монокультура, в которой не было культа гениев (и соответственно вообще «героев»), а институт шутовства имел рудиментарные формы (русское скоморошество). Зато был развит культ юродивых, юродства во Христе. Это своеобразный, но достаточно высокий (может быть, в чем-то максимально высокий) уровень свободы, уровень индивидуальности. Лишь исходя из этого феномена понятна удача русской культуры XIX века. В противном случае совершенно неясно, откуда и на какой основе появился Пушкин, Достоевский. Откуда такое развитие личностного начала за 100 лет, откуда такая неслыханная свобода. За 1000 лет — естественно.

И сказанное особенно относится именно к Пушкину, первому русскому гению. Не на один же XVIII век он опирался.

367

← Предыдущее, следующее →

367. Примечание к № 360

По его (Ленина) произведениям нельзя составить цельную логическую картину. (к цитате)

Владимир Ильич своё кредо изложил ясно, сказав на пленуме ВЦСПС В 1919 году:

«Если бы я был адвокатом, или стряпчим, или парламентарием, я был бы обязан доказывать. Я ни то, ни другое, ни третье, и этого делать не стану, и это мне ни к чему».

← Предыдущее, следующее →

368. Примечание к № 359

Для западной культуры «вещь» … — мощь мира … Для русского вещь — ошибка (к цитате)

Отсюда и совершенно разное отношение к «цели». Розанов воскликнул:

«Да кой чёрт Д. С. Милль ВЫДУМЫВАЛ, СОЧИНЯЛ, какая «цель у человека», когда «я — ЕСМЬ» «растущий! «и мне надо знать: „куда, во ЧТО“ (дерево) я расту, „выращиваюсь“, а не „что мне ПОСТАВИТЬ“ („искусственная вещь“, „табуретка“) перед собою!»

Непонимание того, что такое «цель», таящееся в особом восприятии пространства, приводит русских к удивительным ошибкам. Иногда, пытаясь поставить перед собой цель, русский видит её в табуретке. Или, например, в шинели. Русский не видит вещи, не ЧУВСТВУЕТ её, но тщательно это скрывает. Категория меры (веса) ему недоступна. И русские создают странные вещи. Ажурную трость из чистого чугуна или фанерный танк.

369

← Предыдущее, следующее →

369. Примечание к № 363

Он и на мокрое дело в эмиграции пошёл, наверно, чтобы себе лекарство достать. (к цитате)

Каждый день по радиоголосам слышим: — Да, например, Бабель «ходил к Ежовым». Ну да, дружил.

Но ЗАЧЕМ? Ему было это интересно как писателю! Он, может быть, материал для книги собирал! И вообще, дружил-то, собственно говоря, с Евгенией Соломоновной (положим), а с её супругом у него, может быть, только шапочное знакомство было. Николай Иванович же всё время был занят, домой приходил поздно. Дела всё, «дела». Так, придёт домой, руки вымоет: «Здравствуй, Женечка! здравствуйте, Исаак Эммануилович!» — и к себе в кабинет, «заниматься».

370

← Предыдущее, следующее →

370. Примечание к № 347

Чехову было в высшей степени свойственно юродство. (к цитате)

Что с наибольшей ясностью нашло своё воплощение в знаменитой «Палате № 6».

Главный герой её, Рагин, как и Дымов, как и сам Чехов, — врач. Интересен уже первый излом биографии Рагина:

«В ранней молодости он был очень набожен и готовил себя к духовной карьере … намеревался поступить в духовную академию, но … его отец, доктор медицины и хирург, едко посмеялся над ним и заявил категорически, что не будет считать его своим сыном, если он пойдёт в попы».

Характер Рагина отличается какой-то «слабостью» перед реальностью, неприятием её мирской сложности и неправильности, внемонастырской неустроенности.

«Андрей Ефимыч чрезвычайно любит ум и честность, но чтобы устроить около себя жизнь умную и честную, у него не хватает характера и веры в своё право. Приказывать, запрещать и настаивать он положительно не умеет. Похоже на то, как будто он дал обет никогда не возвышать голоса и не употреблять повелительного наклонения. Сказать „дай“ или „принеси“ ему трудно; когда ему хочется есть, он нерешительно покашливает и говорит кухарке: „Как бы мне чаю…“, или „Как бы мне пообедать“. Сказать же смотрителю, чтоб он перестал красть, или прогнать его, или совсем упразднить эту ненужную паразитную должность, — для него совершенно не под силу. Когда обманывают Андрея Ефимыча, или льстят ему, или подносят для подписи заведомо подлый счёт, то он краснеет как рак и чувствует себя виноватым, но счёт всё-таки подписывает».

Это очень похоже, кстати, на отношения с прислугой самого Чехова. Так, в последние годы он должен был питаться по строжайшей диете, а кухарка делала ему жирную и острую пищу. Наезжала сестра, отчитывала кухарку, объясняла ей, что хозяин болен, давала расписание диеты по дням. Но кухарка была русская, и на следующий день несла Чехову жаркое. Чехов покор-

но ел. Его врач вспоминал:

«Выходило так, что, несмотря на все предписания, пищу давали ему часто совершенно неподходящую, а компрессы ставила неумелая горничная, и о тысяче мелочей, из которых состоял режим такого больного, некому было позаботиться».

Рагин приходит в палату № 6, и на пороге его встречает сумасшедший:

«— Дай копеечку! — обратился он к доктору, дрожа от холода и улыбаясь.

Андрей Ефимыч, который никогда не умел отказывать, подал ему гривенник».

Это уже явно юродская ситуация. Точнее, перевёрнуто юродская. Юродствует Христа ради здесь врач, своим подаянием превращая реальность в абсурд и уподобляясь сумасшедшему.

В палате на Рагина начинает орать больной манией преследования Ваня Громов:

«— Доктор пришёл! — крикнул он и захохотал. — Наконец-то! Господа, поздравляю, доктор удостаивает нас своим визитом! Проклятая гадина! — взвизгнул он и в исступлении, какого ещё не видели в палате, топнул ногой. — Убить эту гадину! Нет, мало убить! Утопить в отхожем месте!

Андрей Ефимыч, слышавший это, выглянул из сеней в палату и спросил мягко:

— За что?»

Это уже не просто подача милостыни, а вставание вровень с сумасшедшим, полная открытость. «Святая простота».

Следующая ступень. Рагин вступает не просто в контакт, но и в диалог с сумасшедшим. Причём в высший тип диалога, диалог философский. Он беседует с Громовым о Марке Аврелии.

Далее. Рагин подвергается со стороны бездушной толпы определению как сумасшедший. (Сцена издевательской экспертизы.) Он едет «отдохнуть» с почтмейстером, и тут подача милостыни перерастает из символического акта в практический, реальный — в отказ от имущества (и согласно чеховскому космосу превращается в фарс). Почтмейстер проигрывается в карты и просит у «друга» 500 рублей.

«Андрей Ефимыч отсчитал пятьсот рублей и молча отдал их своему другу. Тот, всё ещё багровый от стыда и гнева, бессвязно произнёс какую-то ненужную клятву, надел фуражку и вышел».

Деньги эти он тоже проиграл.

«Друг мой, — сказал ему робко почтмейстер, — извините за нескромный вопрос: какими средствами вы располагаете?

Андрей Ефимович молча сосчитал свои деньги и сказал:

— Восемьдесят шесть рублей.

— Я не о том спрашиваю, — проговорил в смущении Михаил Аверьянович, не поняв доктора. — Я спрашиваю, какие у вас средства вообще?

— Я же и говорю вам: восемьдесят шесть рублей… Больше у меня ничего нет.

Михаил Аверьяныч считал доктора честным человеком и благородным человеком, но всё-таки подозревал, что у него есть капитал, по крайней мере, тысяч в двадцать. Теперь же, узнав, что Андрей Ефимович нищий, что ему нечем жить, он почему-то вдруг заплакал и обнял своего друга».

Друг окончательно уверился в сумасшествии Рагина и регулярно его навещает, «успокаивает» (по-русски договаривая):

«— А сегодня, дорогой мой, — начал Михаил Аверьянович, — у вас цвет лица гораздо лучше, чем вчера. Да вы молодцом! Ей-Богу, молодцом…

— Мы ещё покажем себя, — захохотал Михаил Аверьяныч и похлопал друга по колену. — Мы ещё покажем! Будущим летом, Бог даст, махнём на Кавказ и весь его верхом объедем — гоп! гоп! гоп! А с Кавказа вернёмся, гляди, чего доброго, на свадьбе гулять будем. — Михаил Аверьяныч лукаво подмигнул глазом. — Женим вас, дружка милого… женим (372)…»

Ситуация повторилась, но в вывернутом виде. Если Рагин устанавливает естественные отношения с сумасшедшим, то с ним, здоровым, общаются как с душевнобольным. Он не выдерживает издевательства и, всё равно продолжая пародийно-зловещее повторение (уподобляясь Громову), кричит на врача и почтмейстера.

Рагина кладут в палату № 6, и там сумасшедший попрошайка снова просит у него копеечку. Круг замкнулся. Рагин гибнет. Последние его слова, уже влекомого в палату:

«Я попал в заколдованный круг (374). Теперь всё, даже искреннее участие моих друзей, клонится к одному — к моей погибели. Я погибаю и имею мужество сознавать это … когда люди вдруг обратят на вас внимание, то знайте, что вы попали в заколдованный круг, из которого уже не выйдете. Будете стараться выйти и ещё больше заблудитесь. Сдавайтесь, потому что никакие человеческие усилия уже не спасут вас. Так мне кажется».

«Палата № 6» произведение великое, удивительное. Оно гомологично русской истории, русскому сознанию (да просто пророчество). И самое главное, придающее повествованию немыслимую, загадочную кривизну, это то, что совершенно неясно, кто такой Рагин. С одной стороны, это действительно тяжелобольной. Но одновременно (именно одновременно) совершенно здоровый, женственно слабый, добрый и умный человек. Совершенно неясно, действительно ли Рагин сходит с ума, либо становится жертвой ошибки. Суть рассказа в авторском неразличении сумасшествия и реальности, добра и зла. Тут юродство в самой авторской позиции Чехова. Юродство всей его жизни. Судьба Рагина — это жертва миром, жертва собой. Это отказ от разума, юродство во Христе. Только с этой высшей точки зрения «Палата № 6» выстраивается во вполне цельное, гармоничное произведение. Всё высвечивается изнутри. Чеховская жизнь высвечивается. Юродство потерявшего Христа, путь к обретению Христа через бессмысленное и непонятное юродство, самоуничтожение, заглушечный отказ от разума, ведь заглушка — это оговорка, разрушающая предыдущий текст. Сшибание же двух диаметрально противоположных окончаний выталкивает центр мирочувствования из мира сознания.

Пример Чехова показывает, что вне революции в России ничего не было. Альтернатива революционному активизму — чеховская тоска, чеховский тупик. В Чехове русская культура сказала «нет» безрелигиозному рассудку. Бесы должны были перебеситься и низвергнуться в пропасть. Мечта о либеральной, атеистически-протестантской России — бредовая сказка. Могло произойти всё что угодно, только не это. В России атеизма не было. Русский атеизм — это пустота, нигилизм.

371

← Предыдущее, следующее →

371. Примечание к № 364

Вот таким образом кривлялся, глумился над женским естеством. (к цитате)

«Глумление» произошло от слова «глум». Глум — это шум. И второе значение: забава. Отсюда «глумец» — скоморох. Глумиться это значит забавляться издевательством над кем-либо, «тешиться». При этом сам глумящийся тоже втягивается в издевательское действо. Он шут, потешный скоморох.

Однако само слово «глумление» очень строгое, красивое и благородное (фонетически). Отсюда его частое использование в высоком штиле благородного негодования: «Мы никому не позволим глумиться над…». В результате, в акте глумления есть высшее отстранение: это что-то отвратительное, но одновременно строгое и серьёзное. Трагическое и обречённое.

«Глумление» — это очень хорошее, тонкое слово. Такие слова непереводимы, и в них раскрывается национальная сущность.

372

← Предыдущее, следующее →

372. Примечание к № 370

«Михаил Аверьяныч лукаво подмигнул глазом. — Женим вас, дружка милого… женим». (А. Чехов) (к цитате)

В палате Рагина встречает радушно улыбающийся сторож Никита:

«— Пожалуйте одеваться, ваше высокоблагородие … Вот ваша постелька, пожалуйте сюда, — добавил он, указывая на пустую, очевидно недавно принесённую, кровать. — Ничего, Бог даст, выздоровеете».

Через 45 лет Никита трансформировался в набоковского Родиона (379):

«Он, подойдя к койке, подал Цинциннату одеться. В туфли было предусмотрительно напихано немного скомканной бумаги, а полы халата были аккуратно подогнуты и зашпилены… — Что же вы это раскисли?.. пошли бы прогуляться маленько, по колидорам-то… Да не бойтесь, — я тут в случае чего, только кликните».

Вообще, всё «Приглашение на казнь» — это развёртка и прорисовка «Палаты № 6»:

«После обеда пришёл Михаил Аверьяныч и принёс четвёртку чаю и фунт мармеладу. Дарьюшка тоже приходила и целый час стояла около кровати с выражением тупой скорби на лице. Посетил его и доктор Хоботов. Он принёс склянку с бромистым калием и приказал Никите покурить в палате чем-нибудь».

Замените Михаила Аверьяныча на Родрига Иваныча, Дарьюшку на Марфеньку, чудовищного Хоботова и менять не надо, эта «фамилия» так и простится в «Приглашение» (в «Лолите» Набоков, кажется вслед за Белым, изобрёл Хохотова). О Никите уже говорилось.

Развитие «Палаты № 6» есть не только развитие, но в определённой степени упрощение. «Приглашение» явно сделано, а «Палата» по-гоголевски реальна. Там мутное, нездоровое смещение реальности; Набоков понимал, ЧТО он писал, Чехов — совершенно не понимал, считал это «реализмом». Но оговорки при

полном незнании реальности (вернее, неспособности её познания) привели Чехова к созданию заглушечного мира, метафизической антиутопии.

Безобразные осколки порождённой реальности (бутылочные осколки Тригорина) создают иллюзию реальности чеховских произведений. Набоков пошёл дальше. Безобразная материя в «Приглашении» «устала», истлела, окончательно слилась с порождённой мыслью. Грязь, вонь, помои, грязные ногти, нарушающие стилистику чеховской речи, у Набокова слились с мыслью. Мысль и материя злорадно слиты. На садовой скамейке в Тамариных садах лежат «три аккуратные кучки» сделанные из жести. Все предметы, все люди в мире романа — с приставкой «анти», но поскольку они живут в антимире, в мире, где антиматерия, вторичная по отношению к авторскому акту творчества, то их существование относительно естественно и независимо. Акакий Акакиевич превратился в шинель. Шинель сшивает Акакия Акакиевича. Иллюзионизм перешёл в антиреализм, в ненависть Набокова-Цинцинната к материи, к бунту против материи, к победе над материей.

373

← Предыдущее, следующее →

373. Примечание к № 228

к отцу в палату пришёл священник, и он умер как христианин, причастившись (к цитате)

Как же… Попа привёл придурковатый родственник. Отец же потом сказал матери:

— Он дурак (родственник). Нехорошо. Как живого в могилу.

Да и что незнакомый священник мог понять в нечленораздельном мычании отца, когда его и родные часто с трудом понимали. «Отец умер как христианин». Как инженер он умер, как советский инженер.

Лет в 13, ещё до начала болезни отца, я паясничал, мстя за очередную его несправедливость:

— Да, жизнь твоя в общем-то прожита. (Сложа руки на животе, с деланым сочувствием. И далее уже открыто ядовито.) Всю жизнь пропридуривался, а теперь, хе-хе, пожалте в мир иной, где ни аванса ни пивной. В наш советский колумбарий.

Мать: «Как же так говорить! Отец работает на заводе». А отец, делано улыбаясь: «Ничего, посмотрим, как ТЫ жизнь проживёшь». Это трезвый. А пьяный говорил: «Погодите, черти, мне, может быть, два года жить осталось. Потерпите». Я передразнивал: «Погодите, мне, может, два дня жить осталось». И качался по-пьяному.

Когда отца хоронили, то всё выходило смешно (385). На кладбище сфотографировались, а все стояли против непривычно яркого майского солнца, щурились. На снимках получились довольные, улыбающиеся лица. А все и радовались. Всем отец мешал. «Он уважать себя заставил и лучше выдумать не мог». Во времена Пушкина идиома «заставить себя уважать» означала «умереть». И поминки были фарсовые. А могила скоро провалилась, превратилась в дыру. Ат-тличнейше!

И как всё радостно упростилось, как пошло в рост. Его зарывали в землю, а от земли, только что отмёрзшей, шёл пар, светило свежее солнце, на деревьях распускались первые листочки. Стоял гул в ушах, что-то крутилось перед глазами. Хотелось животно, бездумно смеяться, прыгать по травушке-муравушке. Бесстрастное лицо, чёрный костюм (410), молчание, ломающее лю-

бую попытку диалога, шаркающая, замедленная походка, постоянно хмурые брови. Смерть наложила на всё моё дальнейшее существование отпечаток траурных сумерек. Но одновременно ощущение неестественности этой же жизни, её выдуманности и навязанности. Это всё маскарад. Я другой.

Я не живу, я не настоящий. Это надо скрывать. Как? Молчанием.

Вернёмся к теме вешалки. Это момент страшного унижения, с которого и началось моё индивидуальное существование. «Вешалкой» у меня отняли самое право на трагедию. Это же было распятие, но распятие смешное, самой пародийной аналогией с распятием отнимающее всякую надежду на какое-либо сохранение достоинства. Если бы я, например, стал там кричать: «Люди! что вы делаете! оставьте меня, разве я не человек!» — то получилось бы нелепо и пошло. Нелепо и пошло в моих же глазах. «Вона как, христосик какой появился! Хочет показать, что он умный!» И получилось бы кривляние, утонувшее во всеобщем раи равнодушии. Я это почувствовал и промолчал. До этого я как личность стоял на грани между бытием и небытием. Положение неустойчивое и мучительное. Этим и объяснялись все мои субъективные ужасы. А я жил в ужасном мире. Лучшее время дня — 15 минут перед сном. Сейчас засну и всё провалится в пустоту. И можно до утра не думать, не жить. А самое ужасное — пробуждение. И это в 16 лет! Я не понимал своего положения — видел конкретные проявления, а сути не видал. Её и нельзя было увидеть. Ибо как только я её увидел, она исчезла, и я прямо с вешалки упал в мир бытийственный, вечный.

Я промолчал. Я чисто интуитивно понял всю ненужность каких-либо слов. И передо мной разверзлось молчание. НЕКУДА пойти, НЕ С КЕМ поделиться своим горем. Именно с тех пор я обрёл дар молчания. Замолчав же, я стал слышать себя (418).

Смерть отца явилась катастрофой, уже окончательно и бесповоротно исковеркавшей всю мою дальнейшую жизнь. Но удивительно, в самый момент трагедии, во время кульминации, я совсем не чувствовал себя участником страшной развязки. Было часов 11 утра, я спал, точнее, лежал в полудремоте с закрытыми глазами, и позвонил телефон. Я, не раскрывая глаз, прошёл по тёплому солнечному паркету, и мне сказали: «Это квартира Одиноковых?» — «Да». — «Ваш отец умер». Я помолчал для приличия минуту, в трубке сказали тихо: «Не люблю я звонить этим родственникам». Я сказал: «Да», — положил трубку и совершенно бездумно снова лёг. Потом, лёжа, стал сквозь сон немного думать: «Наверно, я нехороший человек, ничего не чувствую».

И тут же чувство, что это не так, «пока», а будет что-то другое. В эти дни руки мои покрылись экземой, чего никогда не было ни до ни после. А потом многие годы мне снились кошмарные сны про отца. Но не произошло ничего. Ни тогда, ни потом. О своём отце я даже ни с кем не разговаривал всерьёз.

Сейчас мне ясно. Просто это трагедия по-русски. В смерти отца отнят даже намёк на трагедию. Даже похороны фарсовы. Немая трагедия. Шекспир, Шиллер, Софокл… А у нас Достоевский. «Хе-хе». Все его трагедии с этим смешком (430). Это нигде так больше.

— Люди, знаете ли вы, что это такое — «пропала жизнь»?

— Одиноков, перестаньте паясничать!

А вот уже впереди появился серый квадратик с редкой, но размашистой бородёнкой, злыми глазками под седыми кустиками бровей и глупым носом. Ба, да это Лев Николаевич Толстой! Здравствуйте, здравствуйте. Толстой коротким толчком отталкивает меня от отцовского гроба: «Пшёл, щ-щенок!» — и, смачно сопя, начинает вымерять отцовский труп линейкой: пройдёт-не пройдёт. И вот уже, цепко схватив, тащит его куда-то.

«Толстоносенький Толстой», чёртова кукла. Если сопоставить смерть отца и «Смерть Ивана Ильича» — то какое глубокое, ужасное сходство. Я хотел здесь выписать целый ворох цитат, а потом рукой махнул — зачем, и так всё ясно. Не нужен, всем мешает и т. д. Сходство даже бытовое, вплоть до характера заболевания.

И вот на этом примере уникальной сопоставленности реального мира и мира реализма я заявляю: русская литература, в своей гуще, в толстом русле толстовства, — это просто издевательство над человеком. О нет, Толстой не смеётся над человеком в открытую, как честный Гоголь (смерть Башмачкина). Он сочувствует ему, по-хозяйски вымеряет его своим масонским циркулем и любовно, добродушно-добротно убивает, загоняет в заботливо приготовленный 50-страничный гробик. Смерть это смеренность, когда высчитывают и человек замирает в этой вымеренности. И Толстой — гений — смерил «Ивана Ильича» правильно, точно. И мерка толстовская подходит к отцу тютелька в тютельку. Да, конечно, и ко мне подходит, и к любому, поскольку человек существо конечное. Но человек и бесконечен, свободен. А Толстой всю свободу его сжал в какую-то светлую точку, изюминку в поминальной кутье, непонятную и необязательную заглушку, а вовсе не выход из тёмного туннеля. А кто же в этой позиции сам Толстой как автор «Смерти Ивана Ильича»? Конечно, уже не человек, а существо иного порядка ра-

зумения. Самому Толстому мечталось, что он Бог (скромно говорил «моё Евангелие»). Конечно, в концепцию человека, данную Толстым, сам Толстой не умещается. Это не человек. Но из этого ещё не вытекает, что он Бог. Это ошибочка.

В смерти отца есть спасительное отличие. Это не «смерть Ивана Ильича», а «смерть Отца». Поцелуй отца не укладывается в схему. И то, что я сейчас о нём пишу, не укладывается. КАК его смерть трансформировалась в эти строки?? Фантастика (741). Есть в его бессмысленном и растраченном существовании какой-то неясный смысл, какой-то ритм и осмысленно замкнутая бесконечность. Жизнь «Ивана Ильича» пряма, она обламывается в пространстве. Но это же так только с точки зрения самого «Ивана Ильича», с точки зрения конечной. Смерть дана как жизнь, как обыденность, реальность. Но смерть фантастична. И жизнь человека фантастична. Реализм, полезший в фантастику жизни, ирреален, слеп.

Отец подарил мне трагедию (747). Может быть, умирая, он инстинктивно, последним своим «ходом конём» вытолкнул меня из обыденной жизни.

Дед Набокова под старость стал сходить с ума. Четырёхлетний Володя однажды подбежал к его креслу, чтобы показать красивый камушек. Дмитрий Николаевич медленно осмотрел камень и потом так же медленно положил его себе в рот… Мой отец был интересный. Однажды он купил мне мороженое, а потом его поджарил. Ты, говорит, простудишься, тебе холодного нельзя. Конечно, это было ради гостей, шутка. Все пьяно смеялись, а я плакал. Но ведь, с другой стороны, разве не была эта реприза вовлечением в сказочное, фантасмагорическое действо, гораздо более действительное и глубокое, чем вся окружавшая меня тошнотворная «реальность». И не было ли это не только разрушением реальности, но и укрупнённым переживанием её и, следовательно, вживанием в этот мир, адаптацией к родному злорадству? И, может быть, тогда только для очень поверхностного взгляда общение с отцом было простым разрушением? Может быть, именно это-то разрушение и явилось созиданием, так что и самой своей смертью отец лишь до конца довершил дело воссоздания такого совершенно необыкновенного, выдуманного и задуманного человека, каковым я являюсь (являюсь уже для самого себя, своей самозаглушечностью). Человека — живого воплощения национальной идеи.

374

← Предыдущее, следующее →

374. Примечание к № 370
«Я попал в заколдованный круг». (А. Чехов) (к цитате)

В такой же круг попал и пациент Рагина — Громов. Только диаметр оборачиваемости у Громова гораздо меньше. Он явен. Громов — явный. Ни в чём не повинный:

«Иван Дмитрич, чтобы не подумали, что это он убил, ходил по улицам и улыбался, а при встрече со знакомыми бледнел, краснел и начинал уверять, что нет подлее преступления, как убийство слабых и беззащитных. Но эта ложь скоро утомила его, и, после некоторого размышления, он решил, что в его положении самое лучшее — это спрятаться в хозяйкин погреб».

375

← Предыдущее, следующее →

375. Примечание к № 259
полное имя персонажа — Яков Чернышевский (к цитате)

Мать покончившего с собой Яши проецировала образ сына на будто бы похожего на него Чердынцева. Чердынцева она уговаривала написать о сыне книгу. Но Чердынцев стал писать книгу не о её застрелившемся сыне, а о своём застреленном отце. Отец Чернышевского, Александр Яковлевич, после гибели Яши сошёл с ума и постоянно общался с его призраком. Навестив Александра Яковлевича в больнице, Чердынцев возвращался домой и:

«Тревожно думал о том, что несчастье Чернышевского является как бы издевательской вариацией на тему его собственного, пронзённого надеждой горя (он всё ещё надеялся, что его отец остался жив и когда-нибудь вернётся к нему. — О.)*, — и лишь гораздо позднее он понял всё изящество короллария и всю безупречную композиционную стройность, с которой включилось в его жизнь это побочное звучание».*

Далее Чердынцев пишет книгу о настоящем Чернышевском, что четой реальных (романных) Чернышевских воспринимается с одобрением, как некая косвенная дань уважения к их сыну. Книга о Чернышевском выходит, а Чернышевский-отец умирает. Чердынцев возвращается с его похорон:

«С удивлением, с досадой, Фёдор Константинович замечал невозможность остановить свою мысль на образе только что испепелённого, испарившегося человека; он старался сосредоточиться, представить себе недавнюю теплоту их живых отношений, но душа не желала шевелиться, а лежала, сонная и зажмуренная, довольная своей клеткой… Ведь я никогда его не увижу больше, несамостоятельно думал он, — но этот прутик ломался, души не сдвинув. Он старался думать о смерти и вместо этого думал о том, что мягкое небо, с бледной и нежной, как сало, полосой улёгшегося слева облака, было бы похоже на ветчину, будь голубизна розовостью. Он старался себе представить какое-то продление Александра Яковлевича за углом жизни — и тут же примечал, как за стеклом чистильно-гладильной под православной цер-

ковью, с чертовской энергией, с избытком пара, словно в аду, мучат пару плоских мужских брюк. Он старался в чём-то покаяться перед Александром Яковлевичем, хотя бы в дурной мальчишеской мысли, мелькавшей прежде (о неприятном сюрпризе, который он ему готовил своей книгой), — и вдруг вспоминал пошлый пустяк: как Щёголев говорил по какому-то поводу: „Когда у меня умирают добрые знакомые, невольно думаю, что они там похлопочут о моей здешней судьбе, — го-го-го!“ Это было смутное, слепое состояние души, непонятное ему, как вообще всё было непонятно, от неба до жёлтого трамвая, гремевшего по раскату Гогенцоллерндамма (по которому некогда Яша Чернышевский ехал на смерть), но постепенно досада на самого себя проходила, и с каким-то облегчением — точно ответственность за его душу принадлежала не ему, а кому-то знающему, в чём дело, — он чувствовал, что весь этот переплёт случайных мыслей, как и всё прочее, швы и просветы весеннего дня, неровности воздуха, грубые, так и сяк скрещивающиеся нити неразборчивых звуков — не что иное, как изнанка великолепной ткани, с постепенным ростом и оживлением невидимых ему образов на её ЛИЦЕВОЙ стороне».

Если вглядеться, в защите Набокова действительно есть некие тайные знаки, есть о ней Знающий. Странное соответствие между Пушкиным и отцом, между выросшим неведомо как из этой темы романом о Чернышевском и немыслимым, вроде, сопоставлением Николая Гавриловича с Пушкиным (386) же.

Чердынцев учился письму у Пушкина и однажды, читая «Путешествие в Арзрум», решил написать повесть об отце:

«Пушкин входил в его кровь. С голосом Пушкина сливался голос отца … От прозы Пушкина он перешёл к его жизни, так что вначале ритм пушкинского века мешался с ритмом жизни отца».

Но так же и с ритмом жизни отца Чердынцева смешивался потом и ритм жизни Чернышевского, так что смерть темы Чернышевского, очищение Чернышевским, как актуализация (и вынесение) дисгармоничности своей жизни, превращается в убийство-упокоение своего отца и светлое его оживление в памяти. Неслучайно выход книги, осмеивающей Чернышевского, совпадает с ярчайшей грёзой о счастливом возвращении отца (391) из роковой экспедиции. И дальше, через голову литературного героя — ведь для убитого отца Набокова имя Чернышевского было святым.

376

← Предыдущее, следующее →

376. Примечание к с. 43 «Бесконечного тупика»

«Аристократическое уравнение ценности (хороший = знатный = могучий = прекрасный = счастливый = любимый Богом) евреи сумели с ужасающей последовательностью вывернуть наизнанку и держались за это зубами бездонной ненависти (ненависти бессилия)». (Ф. Ницше) (к цитате)

Чтобы выявить ошибку Ницше, следует прежде всего остановиться на понятии ценности.

Еврей сам не является ценностью, а лишь живёт в ценностном мире, который хочет усвоить, уроднить себе (себя). Я же сам ценность, и всё окружающее обладает ценностью лишь по отношению ко мне. Евреи свели ценность к цене. С такой точки зрения, например, друг — друг, потому что он дорог. А для арийца, для христианина друг дорог потому, что это друг. Или вот более материальный пример: золото обладает ценой, и поэтому это золото, и золото — это золото, и поэтому оно ценно. На таком уровне, на уровне мистики денег, отличия, в сущности, нет, его невозможно понять, но в более сложных областях человеческого духа эти два отношения к ценностям начинают катастрофически расходиться и на вершине становятся антиподами.

Уже на уровне творчества отличие колоссальное. Для еврея книга — это «документ». Я долго не мог понять, ну почему так: говорят, что Иванов сделал то-то, следовательно, он такой-то. Но он мог сделать и нечто совсем другое. И чем выше деятельность, тем она свободнее. А в комментаторстве и толковании — наоборот, чем выше ценность того или иного произведения, тем оно однозначнее, каноничнее. У Розанова «противоречия», вот документы. Но «документ» — это не Розанов, это такой же Розанов, как его паспорт или метрическое свидетельство. Всё это случайность. Чудо в случайности, «произволе». История, литературоведение — это еврейские, «капиталистические» науки. А это вообще не науки, вот в чём дело.

Комментаторство злобно, сухо — невеликодушно. Это всё придирки, мелочные еврейские придирки. Адвокатские кунштюки для проворачивания своего гешефта. Ценность в самом Розанове, а не в его манифестациях. В противном случае его личность

сводится к книгам. «Собрание сочинений В.В. Розанова» с экслибрисом «Из книг Лории Гурвича». Это не книги Розанова, это книги Гурвича. А Розанов умер, истлел. И усвоение розановских сокровищ достигается именно за счёт «корректности», за счёт отстранения себя и кого бы то ни было (да самого Розанова, если бы он ожил) от его наследия. Как верный евнух, хранит еврей награбленные сокровища. Предположим, еврей прочёл «Федон». Катарсис возникает от переживания смерти Сократа. У арийца — от сократовской смерти. То есть, в конце концов, своей смерти, неуспеха своей личности, неудачи своей жизни и неудачи окончательной («удалась жизнь» — абсурд, как урожай, что ли? — сказал кто-то). У еврея жизнь всегда удаётся. Жизнь коллекционера всегда счастлива — вон сколько накопил, смерти же нет, ибо не существует самого этого понятия, как и понятия бессмертия. Вообще ведь смерть без бессмертия — бессмыслица, человек начинает понимать, что такое конец, лишь на фоне чего-то бесконечного. Конечный мир, мир, состоящий из концов, — бессмыслица. Но еврейский мир именно бессмыслен, он состоит из мириад хвостиков, которые еврей собирает в гербарии и складывает в бесконечные «библиотеки». Библиотеки, точнее, здания, мешки для библиотек — это вот бесконечность, с бесконечностью этого и соотносятся кончики мира. И в маленьком заплесневелом углу Библиотеки имени Ленина маленький, совершенно пустой Мендель-букинист — хозяин, тот цимес, который придаёт смысл вселенной. Но сам он, без сокровищ, всё равно что букинист без книг. При собственной «абстрактности» и «несущественности» — необоримая тяга к конкретности, к существу мира, его материи. Упивание материей, нарезывание её себе гигантскими кусищами. Иудаизм, Ветхий Завет — это прежде всего заворожённость материальностью мира, его «качественностью». Известно, что в Ветхом Завете огромное внимание уделяется одежде, постройкам, утвари, причём речь идёт прежде всего не об эстетической стороне вещей (что характерно, например, для греков), а об их добротности, надёжности, разумной и полезной сделанности. Собственно религиозных, чисто мистических моментов в Пятикнижии практически нет. Ни учения о бессмертии души, ни идеи загробного воздаяния, ни идеи воскресения. О душе сказано, что «душа всякого тела есть кровь его». Материя и дух не разделяются, и материальность является синонимом духовности и ценности. Конечно, еврей никогда не поймёт любви к чему-то грязному, забитому, убогому. Само священство у евреев отборное (физически), и Розанов совершенно верно обратил внимание на то, что иудаизм

весь проникнут пафосом биологического здоровья. Здесь еврей прельщён миром, ослеплён его блеском, рабски следует за ним.

Иудаизм — безволие. Христианство — воля. Чтобы любить низкое, падшее, необходимо идти наперекор. Это воление: друг, и поэтому дорог, — тут иррациональный акт любви, иудею непонятный (387). Поэтому Ницше не прав в своём осуждении христианства как религии слабых. Христианство — самая сильная, самая «силовая» религия. Но немецкий философ верно почувствовал злобную задуманность этой религии.

У евреев, создавших христианство, — ненависть к Христу. Христианство — это именно антииудаизм. «Умри ты завтра, а я сегодня». Как же в Израиле могла зародиться такая религия? Да только в виде провокации. Христианство — это гигантская заглушка, гигантская двойная провокация. В отличие от других великих религий христианство возникло на пустом месте. Никакого Христа как исторической личности не было (и быть не могло по сути этого учения). Еврейская инфраструктура специально создала провокационную сказку, религию рабов. С одной стороны, «нет иудеев и нет эллинов», а с другой — Бог еврей. Очень удобно. Превосходное дополнение к Пятикнижию (и Талмуду): «Око за око», а тут «бьют по щеке — подставь другую». Идеальная религия для неевреев, для гоев.

И вот провокация принялась, удалась из ничего. Сами же евреи со своим иудаизмом превратились в рудимент, в «атавизм». От такого злорадства и камень расплачется. Сделали для себя, а глупые арийцы поверили и какую культуру построили на этом. Рабу сказали: «Работай, меси свою глину, ну, а после смерти тебе в стране дураков заплатят». Ничтожество поверило, но — что это? — какое просветлённое выражение лица, восторг, слёзы на глазах. Он стал чище и сильнее хозяина, а хозяин потерял в себя веру, в свою правильность, в осмысленную жизнь. Постарел, заболел, и перед смертью сошёл с ума.

В этом-то и загадка происхождения христианства: евреи неожиданно для себя создали антиеврейский, антисемитский миф (426).

377

← Предыдущее, следующее →

377. Примечание к № 360

У Ленина — бессодержательная каша — ничего не разберёшь. (к цитате)

В Ленине, в большевиках, победила бессмысленность русской истории. Какая ошибка считать, что сила русских социал-демократов в чёткой программе! На самом деле в результате общего разложения победила совершенно хаотическая и беспорядочная партия, партия, прославившаяся своими скандалами и раздорами. Хаос и беспорядок большевизма попал в резонанс с хаосом и беспорядком российской жизни. И далее вся его деятельность — это примитивнейший, низменно-биологический метод проб и ошибок (381), слепого кутёнка, тыкающегося во все стороны, или, ещё лучше, «метод» личинки короеда, которая то, что может есть, — ест, а чего не может — не ест: гвоздь, вбитый в ствол, или, наоборот, наружное, внествольное пустое пространство. Личинка жиреет и безвольно, механически следует за направлением сладкой рыхлости окружающей среды. Большевизм — итог русской истории, её символ, галактическое «авось». Зачем думать — надо жрать. «Мы будем петь и смеяться, как дети». Смысла же нет. Приложение ко всему этому какого-либо смысла: а почему? зачем? для чего? — смехотворно. «Сама пошла».

378

← Предыдущее, следующее →

378. Примечание к с. 43 «Бесконечного тупика»

Ницше задел евреев одним боком, но ударил в центр христианства. (к цитате)

После Христа в театр превратился весь мир. В христианстве мир был осложнён, приобрёл характер трагедии. Античная кругообразность мира была нарушена, и время стало линейным, неуютным, продуваемым ветром. Тут именно трагедия, а не драма. Драма замкнута, трагедия разорвана, это конец, смерть главного героя. Нельзя сказать, что до пришествия Христа было «плохо», потом стало «хорошо», «ясно». Язычество — «серое», христианство — «чёрно-белое», в нём не только произошло порождение Бога, абсолютного Добра, но и порождение абсолютного, идеального Зла — дьявола. Теперь человек поставлен перед выбором, получает свободу выбора. Но и это ещё не всё, дело не кончается индивидуализированной формой Ормузда-Аримана. Тут возникла программа, ДНК мировой истории, произошло порождение трагедии. Не мир я принёс, но разделение. Христианство — это начало фатальной борьбы, удерживающей мир от расползания в космический хаос на неизмеримо более высоком уровне организации, чем это было раньше (в Римской империи и на Востоке). Христианство — это хаотичный космос, вот-вот норовящий сорваться в космический хаос.

По сути, образовалась триединая сверхрелигия, религиозное действо, взаимообусловленное и в своей раздельности не существующее. Добро лишено смысла без зла, и наоборот. Отсюда «взаимопорождаемость».

Иудаизм и масонство — элементарны, понятны, христианство — сложно, таинственно. В самом христианстве есть зло, и другие части триады лишь его элементарные манифестации.

379

← Предыдущее, следующее →

379. Примечание к № 372

Через 45 лет Никита трансформировался в набоковского Родиона (к цитате)

С другой стороны, явным прототипом Родиона является дядя Ерошка из «Казаков» Льва Толстого. Правда, скорее не собственно толстовский персонаж, а его интерпретация Мережковским, интерпретация, как это постоянно случается с Дмитрием Сергеевичем, сбивающаяся на пародию:

«Дядя Ерошка отгоняет ночных бабочек, которые вьются над колыхающимся огнём свечи и попадают в него.

— „Дура, дура! куда летишь? Дура! Дура!“

Он приподнялся и своими толстыми пальцами стал отгонять бабочек.

Не напоминает ли в эту минуту кроткая улыбка дяди Ерошки улыбку Франциска Ассизского?

И от него же пахнет запёкшейся кровью, может быть, не только звериною, но и человеческою, потому что на совести старого „вора“ не одно убийство».

380

← Предыдущее, следующее →

380. Примечание к № 299
И я понял, что евреи всегда правы. (к цитате)

Еврей никогда не будет спорить по существу. 99% критики, направленной против знаменитых «Протоколов сионских мудрецов», строится следующим образом:

— *«Протоколы» это примитивная фальшивка, вышедшая из парижского кружка Жюльетты Ажан и сконструированная при помощи ножниц и клея из антинаполеоновского памфлета 60-х годов. Оттуда взяты куски для описания якобы запланированного «сионскими мудрецами» всемирного деспотического строя.*

Содержание же «Протоколов», делающее их, по крайней мере, чрезвычайно любопытной разновидностью европейской антиутопии, никак не критикуется. Его просто нет. Не важно, что картина мастерская, важно, что это «не Ван Гог». (Еврейское отношение к ценностям: золото, потому что оно блестит.)

Или личность и судьба Гитлера. Тоже вам будут говорить, что он истерический психопат или параноик, копаться в его интимной биографии, объяснять воздействие на толпу его речей гипнотическими способностями, но, упаси Боже, не будут спорить с Гитлером на уровне фактов. Он насекомое, «изучаемый объект».

Вот отрывки из его речей, цитируемые в книге немецкого социал-демократа Гейдена, написанной в 1932–1934 гг. (одна из немногих хотя бы относительно объективных книг по нацизму, опубликованных в нашей стране):

«Евреи выкинули действительно гениальный трюк. Этот капиталистический народ, который первым в мире вообще ввёл беззастенчивую эксплуатацию человека человеком, сумел захватить в свои руки руководство четвёртым сословием, причём подошёл к этому с двух сторон, справа и слева… Всё больше евреев пробиралось в лучшие семьи; в результате ведущий слой нации стал по существу чужд своему собственному народу. Это создало предпосылку для работы в левом лагере. Здесь евреи развернули свою низкую демагогию. Они выкурили национальную интеллигенцию из руководства рабочим классом: во-первых, интернациональ-

ной ориентировкой, во-вторых, марксистской теорией, объявляющей воровством собственность как таковую. Это заставило уйти национально настроенную и хозяйственную интеллигенцию. Таким образом, евреям удалось изолировать это движение от всех национальных элементов. Далее им удалось путём гениального использования печати в такой мере подчинить массы своему влиянию, что правые стали видеть в ошибках левых ошибки немецкого рабочего, а ошибки правых представлялись немецкому рабочему, в свою очередь, только как ошибки так называемых буржуа. И оба лагеря не заметили, что ошибки обеих сторон являются не чем иным, как преднамеренным результатом дьявольского науськивания со стороны чуждых элементов. Таким образом могло случиться — ирония истории, — что евреи-биржевики стали вождями немецкого рабочего движения. В то время как Мозес Кон, секретарь правления акционерного общества, подбивает последнее на крайнюю неподатливость требованиям рабочих … брат его, вождь рабочего класса Исаак Кон, действует на фабричном дворе и науськивает массы: вот, смотрите, как они угнетают вас…»

Или:

«Что такое интернационализм? Кто должен быть интернационалистом? Конечно, немецкий рабочий. Он должен быть „братом“ китайского кули, малайского пароходного кочегара, неграмотного русского сплавщика леса; все эти люди, видите ли, ближе ему, чем его немецкий работодатель. Дорогие друзья, не возражайте, вам действительно десятки лет рассказывали эти басни, и вы верили им. На самом же деле существует только один-единственный интернационал, да и то только потому, что он построен именно на национальной основе, — это интернационал еврейских биржевиков и их диктатуры».

Что же говорит по этому поводу Гейден? Как он опровергает Гитлера? А вот как:

«Это надо читать вслух, причём надо представить себе обстановку: напряжённый, хриплый, вибрирующий голос оратора, заполняющий весь зал… Масса, которая, слыша это, не пришла бы в бешенство, должна была бы состоять из бесчувственных пингвинов. Это — гениальное развитие темы о „сионских мудрецах“, гениальная иллюстрация к ней».

И далее Гейден распространяется по поводу ораторских способностей Гитлера:

«Но главное — это великий оратор… Час-два вы видите на трибуне благообразного проповедника, лишь кое-где подливаю-

щего каплю уксуса в свой елей. Он высказывает мысли, которые не вызывают противоречия, а скорее могут навести на вас сон. Но вдруг, словно какая-то муха укусила его, он начинает метаться по эстраде, руки его подымаются и опускаются, выделывая всяческие жесты; эти жесты не образны, не иллюстрируют содержание речи, но зато они отлично выражают душевное состояние оратора и передают его слушателям… Он борется со своим собственным страхом, он борется против дьявола в себе, как старый отшельник, — это уже не агитация, и даже не упражнения в красноречии, это настоящие заклинания. Поэтому, что бы он ни говорил, утверждай он даже, что луна — это голландский сыр, слушатели будут ему аплодировать».

Сыр — это хорошо. Но что если, скажем, к самому Гейдену отнестись так же формально, так же внешне описательно? (Не является ли, кстати, именно только по отношению к самим евреям этот метод наиболее продуктивным и единственно верным? Не есть ли это ключ к их собственной психологии, к их внутреннему миру?)

Вот Гейден по поводу всё тех же отрывков из гитлеровских речей пишет:

«Конечно, внимательный читатель, оставшись сам с собой, без особого труда может распутать этот узел с помощью логики; но массу это гипнотизирует, она легко попадает во власть этих приёмов, покорно принимает их на веру».

Но «внимательный читатель» может обратить внимание и на самого Гейдена. В частности, на следующее его высказывание:

«Сила Гитлера — в его железной логике (393). Быть может, ни один другой политический деятель современной Германии не обладает в такой мере смелостью делать из данной ситуации неизбежные выводы, возвещать их, не боясь насмешек инакомыслящих, а главное — поступать сообразно этим выводам. В этой силе логики и заключается секрет убедительности его речей … Кто не признаёт за Гитлером сильной логики, тот, пожалуй, не найдёт ничего замечательного и в книге „Майн Кампф“».

Вот как? Оказывается, секрет Гитлера вовсе не в голосовых связках, не во внешней, а во внутренней форме его речей, в их неотразимой логике. В чём же ошибка? Конечно, в самом содержании, в фактах:

«Достоинства этого ума превращаются в свою противоположность. Насколько метки его умозаключения, настолько же легковесны, поверхностны и надуманны его наблюдения. Трудно пре-

взойти его в логической дедукции из данного фактического материала, но при подборе фактического материала он часто грубейшим образом ошибается, бьёт мимо цели: так как оказывается в плену своих прежних умозаключений и не умеет трезво констатировать факты».

Но почему же тогда вся критика Гейдена направлена на форму подачи и на интерпретацию фактов, а не на сами факты? Ведь, казалось бы, следует поступать как раз так — не спорить с Гитлером на уровне логического анализа, раз он здесь так силён, а бить по самим фактам. Просто, спокойно сказать: тут ошибка, тут натяжка, а этого тоже не было. Вот факт про братьев Конов, например. Доказать, что не было этого факта, что это всё враньё. Но — о чудо! — как раз этой-то сердцевинной критики практически нет. Именно СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО анализа фашизма и его философии нет. Как же этот «логичный человек» напугал евреев! Как они его боятся и ненавидят! (405)

381

← Предыдущее, следующее →

381. Примечание к № 377

вся … деятельность (большевизма) — это примитивнейший, низменно-биологический метод проб и ошибок (к цитате)

Онтологическое доказательство советской власти:

Основной закон социализма: «Советская власть совершает все ошибки (404), которые возможно совершить». Но какой успех, какая прочность. Это потому, что, являясь совокупностью всех возможных ошибок, советская власть, естественно, совершает и главную ошибку — существует.

382

← Предыдущее, следующее →

382. Примечание к № 299
(у евреев) на всё готов талмудический ответ (к цитате)

И поэтому я не настолько наивен, чтобы полагать, что хоть в случае с «бабелевско-брокгаузовской» неувязкой евреи схвачены за руку. Конечно, они легко вывернутся и ДОКАЖУТ, что злополучный рассказ Бабеля и есть проявление еврейского отвращения к человеческой крови. На стол будут бросаться увесистые тома о ритуальном закалывании животных, покажут, как и куда стекает кровь, что является кошерным и что трефным и т. д. Это как один из тысяч путей. При этом внутри подобного искушённого толкования ничего и никогда не докажешь. Наоборот, скорее уж вам «докажут». Но извне доказательство будет неслыханным разоблачением. Вот, евреи говорят:

— Да, в Средние века находили трупы детей с пятнами крови в соответствующих сатанинскому обряду местах. Но! Это не кровь, а ПЛЕСНЕВЫЕ ГРИБКИ, выросшие в складках одежды.

Внутри толкования спорить безнадёжно, вам и латинское название грибка назовут, и в пробирке его издалека покажут, ткнут носом в тысячестраничный отчёт экспертной лаборатории и т. д. и т. д. Возникнут разные точки зрения (у нас свобода мнений!). Скажем, профессор колумбийского университета будет говорить, что это грибок штамм № 1086, а его лондонский коллега будет настаивать, что нет, батенька, это штамм № 1086 бис, а то и бери выше, и вовсе никакой не грибок, а самый что ни на есть настоящий лишайник. И это годами, десятилетиями. Но если вдуматься извне, то может ли быть более откровенное признание? Как же нужно быть заворожённым темой крови, чтобы додуматься до кровавой плесени, прорастающей на детских трупах? Всё, молчите. Больше уже ничего не надо! Так грохнуться на окровавленной лимонной корке…

С евреями — такой уж это народ — ни в коем случае не следует спорить (они сами над вами смеяться будут). Но это великая и загадочная нация, и поэтому её следует слушать и слышать. Сначала всё может показаться закрученным, парадоксальным, слишком головоломным. Но постепенно услышанное выстроится в очень стройные и классические эллипсы. Стоит только по-

дойти к этой вакханалии заглушечного выговаривания с точки зрения молчаливого проникновения, терпеливого и очень чуткого слушания, заранее натренированного на вылавливание слабого голоса среди шума и треска глушилок. Наш современный слух в этом отношении идеален. Он десятилетиями истончался в вылавливании пугающего смысла. Важно не спорить с шумом и треском, не перекрикивать его, а вдумчиво, терпеливо и снисходительно, даже благодарно, слушать. То, что сказано, то разумно (389). Человек разумное существо, так как не может вырваться из логических клещей разума. Попробуйте сказать совершенно бессмысленную фразу — у вас ничего, но получится. Ленин, как пример бессмыслицы, употребил однажды словосочетания «железный снег» и «сухая вода» (390). Но эти словосочетания в высшей степени разумны. Вся Россия покрылась тогда железным снегом расстрельных гильз, и её потрескавшиеся губы пили сухую воду нигилизма, мёртвую воду гнилого Сиваша.

В том-то и дело, что человек не может разрушить символическое пространство, а может лишь заткнуть уши и закрыть глаза, то есть лишь окончательно погрузиться в мир разума, в мир уроков (392). Власть крови над человеком сильнее власти человека над разумом. Липкая красная грязь на крахмальном воротничке и шнурок пенсне, набухший красной влагой — это гораздо сильнее «Магистерской диссертации о государственном хозяйстве России в первой четверти XVIII века» (Милюков защитил). Всё очень логично. Повязать всех кровью. До этого даже самоделкин Нечаев додумался (убийство студента Иванова). Но Сергей Геннадиевич слишком суетился. И немудрено. У него художество, а у евреев сложнейшая многотысячелетняя традиция, с тысячами вариантов и ответвлений, с прочной и мудро терпеливой религиозной сердцевиной.

383

← Предыдущее, следующее →

383. Примечание к № 299

оправдание еврея строго целесообразно, а у русского оно бессмысленно и бесцельно (к цитате)

«Апофеоз беспочвенности» Льва Шестова начинается со следующей фразы:

«Нужно оправдываться — сомнений быть не может. Вопрос лишь, с чего начинать: с оправдания формы или содержания настоящей работы».

Русский начал бы именно с сомнений, к тому же неосознанных. И оправдываться бы стал в том, что он есть (397).

384

← Предыдущее, следующее →

384. Примечание к № 299
Сухой ум семита в оправдании летит. (к цитате)

С евреем возможен только псевдодиалог, однонаправленный допрос, когда один из разговаривающих, а именно еврей, знает и вопросы и ответы, а его арийский собеседник не знает ничего. Подлинный контакт тут невозможен, возможна иллюзия контакта (иногда очень совершенная).

Коротко говоря, программа еврейского мышления, его интуитивное самоосознание легко укладывается в следующую четырёхзвенную гиперболу:

1. Евреи есть великий народ (один из великих народов — евреи).

2. Великий народ есть евреи (евреи единственный великий народ).

3. Великие евреи есть народ (только евреи могут называться народом в собственном смысле этого слова).

4. Есть великий народ евреи (остальные народы вообще-то не существуют).

Эта четырёхступенчатая интуиция истекает во враждебную реальность миллионом сучьев, полностью и до мельчайших подробностей описывая все виды взаимодействия с миром.

Спорить со всем этим бесполезно. Еврей всё выучил наизусть и, мерно раскачиваясь на ковре, повторяет нараспев страница за страницей. Но кому — русским! Что тут поделаешь! Он иешибот кончил. В книге — серьёзной, настоящей — так написано. И он снисходит, объясняет её. Здесь огромное уважение к посвящённому знанию, образованию. А русским вообще плевать.

Гарин-Михайловский с документальной точностью зафиксировал тип русского студента, вышибленного из университета «за правду»:

«— Вам сколько лет?

— Семнадцать.

— Семнадцать, — у вас на губах молоко не обсохло ещё, а в ваши годы я уже в морду залепил профессору… Подлец, хоть бы по-

жаловался… ей-Богу! „Я, — говорит, — семейный человек, не губите меня“».

А еврей подходит к такому вот и весь сияет как новенький пятак: «Я иешибот кончил, я отличник. Давайте я вам объясню, какие мы великие». — «Че-во-о?!»

Набоков вспоминал о своём гувернёре-еврее, которого он в мемуарах саркастично окрестил Ленским (431):

«В 1910 году мы как-то с ним шли по аллее … а впереди шли два раввина, жарко разговаривая на жаргоне, — и вдруг Ленский, с какой-то судорожной и жёсткой торжественностью, озадачившей нас, проговорил: „Вслушайтесь, дети, они произносят имя вашего отца!“»

Почтение ам-гаареца к «уважаемым людям». А что это для самого Набокова, русского, да ещё русского в квадрате — избалованного барчука?

385

← Предыдущее, следующее →

385. Примечание к № 373
Когда отца хоронили, то всё выходило смешно (к цитате)

На поминках отца рассказали анекдот про Чапаева.

Василий Иванович послал Петьку накопать червей для рыбалки:

— Ты провод оголённый подключи к розетке и в землю воткни. Черви и выползут.

Петька прибегает через час весь оборванный, избитый.

— Ну что, накопал?

— Никак нет, Василий Иванович. Я как лучше хотел, чего там розетка — я провод от высоковольтной линии воткнул.

— Ну?

— Вот те и ну: сначала черви полезли, а потом шахтёры!

И рассказчик громко захохотал. И я тоже засмеялся, внутри убеждая себя — ну что, ничего, это он так…

У Чехова в «Душечке» приносят телеграмму: «Иван Петрович скончался … Хохороны вторник». Похороны отца были не похоронами, а хохоронами. «Сперва черви полезли, потом отец».

Но раз похорон не было, значит, отец жив. Отец не умер, не успокоился. Его плачущая тень бродит по земле, стучит в моё окно: «Сынок, где ты, помоги мне». А иногда кажется: он ласково улыбается, зовёт меня.

← Предыдущее, следующее →

386. Примечание к № 375

немыслимым, вроде, сопоставлением Николая Гавриловича с Пушкиным (к цитате)

Постоянная тема в «Даре». Так Набоков-Чердынцев сравнивает несчастливую семейную жизнь Пушкина и Чернышевского:

«(Чернышевского охватила) та роковая, смертная тоска, составленная из жалости, ревности и уязвлённого самолюбия, — которую также знавал муж совсем другого склада и совсем иначе расправившийся с ней: Пушкин».

Или вот:

«„Перечитывая самые брезгливые критики, — писал как-то Пушкин осенью, в Болдине, — я нахожу их столь забавными, что не понимаю, как я мог на них досадовать: кажется, если бы я хотел над ними посмеяться, то ничего не мог бы лучшего придумать, как только их перепечатать без всякого замечания“. Да ведь именно это и сделал Чернышевский со статьёй Юркевича: карикатурное повторение!»

Там же о «магической гамме судьбы»:

«В саратовском дневнике Чернышевский применил к своему жениховству цитату из „Египетских ночей“, с характерным для него, бесслухого, искажением и невозможным заключительным слогом».

Ещё пародийная аналогия:

«В начале 59 года до Николая Гавриловича дошла сплетня, что Добролюбов (совсем как Дантес), дабы прикрыть свою „интригу“ с Ольгой Сократовной, хочет жениться на её сестре (имевшей, впрочем, жениха). Обе безбожно Добролюбова разыгрывали; возили на маскарад переодетого капуцином или мороженником, поверяли ему свои тайны».

А вот аналогия уже довольно серьёзная и мрачная. Чернышевского арестовывает полковник Ракеев, и автор замечает, что это был:

«Тот самый Ракеев, который, олицетворяя собой подлую тороль

правительства, умчал из столицы в посмертную ссылку гроб Пушкина».

Набоков считал жизнь Пушкина идеалом, сознательно подражал ему (согласовывал ритм своей жизни с пушкинским ритмом). То есть косвенно пародия на Пушкина есть пародия на Набокова.

Или ещё проще: Чердынцев пишет стихи о своём детстве. Потом воспоминания об отце — это отрочество, его отроческие мечты о совместном с отцом путешествии. Потом воспоминания о любви — первой юности. И наконец — роман о Чернышевском, то есть осмысление своего настоящего и будущего, своего «я» и своей судьбы.

И уж совсем элементарно, лежит на поверхности: мать Якова Чернышевского просит написать о её сыне, похожем на Чердынцева (и он даже прикидывает в уме как, хотя внутренне сопротивляется). Отец же Якова просит написать о Н. Г. Чернышевском. Это служит рациональным импульсом к иррациональному творческому процессу, так что в результате появляется книга о Чернышевском — двойнике Чердынцева.

Чем же близок Чернышевский Чердынцеву-Набокову? Дисгармоничностью и нелепостью своей жизни. Чертовщиной. То ли сам Николай Гаврилович никудышный чертёнок, то ли кто-то тычет иголкой в его восковую фигурку. Ему не везёт, «не идёт карта». Люди, вещи — все сговорились против него. Всё нарочно. Все его мучают. Понимание этого автором и автором автора и служит защитой от судьбы. Точнее, пониманием её, угадыванием её ритма. «Кто следует судьбе — тот гордо шествует с ней рука об руку. Кто противится, того она влачит за собой по грязи». Как Чернышевского.

387

← Предыдущее, следующее →

387. Примечание к № 376
тут иррациональный акт любви, иудею непонятный (к цитате)

Знаменитое высказывание Тертуллиана: «Верую, потому что это абсурдно». Дословный перевод звучит ещё сильнее:

«Сын Божий распят; мы не стыдимся, хотя это постыдно. И умер Сын Божий; это вполне достоверно, ибо ни с чем не сообразно. И после погребения воскрес; это несомненно, ибо невозможно».

Тут весь пафос христианства. Евреи со своим Богом заключили договор, юлили, умоляли его, выпрашивали и требовали. И тут вдруг: не надо никаких договоров. «Отведи меня в стан погибающих».

Из этого понятна и невозможность существования Христа. Существование в истории есть документ, договор. Можно раскопать Голгофу и найти крест, одежду: «Вот же, был! Улика!» А тут мистика. Даже если построить машину времени, ничего не увидишь. Его в истории нет. В этом и разгадка абсурдности тертуллиановского отношения к жизни Иисуса. Достоевский это тонко чувствовал:

«Если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и ДЕЙСТВИТЕЛЬНО было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» (728).

388

← Предыдущее, следующее →

388. Примечание к № 358

«Какой-то каменщик, в красной рубахе и белом фартуке, замахнулся … зубилом и зарычал» (А. Куприн) (к цитате)

Интересно, что «зарычал» именно каменщик, да ещё в белом фартуке, чуть ли не в балахоне. Уже смешно.

«Гамбринус» вообще любопытный образчик правдивости русской литературы, черпать из коей фактические сведения о русской истории может только человек совсем наивный. Вот Куприн живописует сковавшую Одессу жуткую, предпогромную атмосферу:

«Город в первый раз с ужасом подумал о той клоаке, которая глухо ворочалась под его ногами, там, внизу, у моря, и в которую он так много лет выбрасывал свои ядовитые испражнения. Город забивал щитами зеркальные окна своих великолепных магазинов, охранял патрулями гордые памятники и расставлял на всякий случай по дворам прекрасных домов артиллерию».

Артиллерию! Но не это главное. Куприн тут почувствовал «трудность». Ведь «испражнения» — это же обитатели городских окраин, значит это элита, пролетарии. И идут они на правое дело — громить богатеньких, город, по выражению Бабеля: «Ашкенази, Гессенов и Эфрусси, лощёных купцов, философических гуляк», «экспортёров пшеницы, корабельных маклеров и негоциантов, построивших русский Марсель на месте посёлка Хаджибей».

А как же тогда классовая солидарность? революция? и Куприн продолжает фразу так:

«А на окраинах в зловонных коморках и на дырявых чердаках трепетал, молился и плакал от ужаса избранный народ божий».

То есть громить-то будут еврейскую бедноту. И кто, неужели беднота русская, горой стоящая за социальную справедливость? Конечно, нет! Погромщики — это мелкая буржуазия, лавочники и лабазники, обирающие евреев, работающих у них в услужении. Их-то они и будут громить, отнимать хорошие вещи и деньги.

Но и не это главное. Дело в том, что погромщики — это не просто ничтожные и растленные люди. Погромщиками пред-

водительствует:

«Некто Мотька Гундосый, рыжий, с перебитым носом, гнусавый человек — как говорили — большой физической силы, прежде вор, потом вышибала в публичном доме, затем сутенёр и сыщик…»

Ну, ну, тут бы и остановиться, хватит. Но перо не может удержаться:

«…и крещёный еврей».

Куприн сказал о Набокове: «Талантливый пустопляс».

389

← Предыдущее, следующее →

389. Примечание к № 382
То, что сказано, то разумно. (к цитате)

Более того, то, что услышано, то разумно, имеет свой смысл. Любое слово, услышанное мною, меня определяет. Возникает чувство отчуждения, проникновения внутрь. Для меня любой набор слов актуален. Любое слово меня задевает, и я сопротивляюсь изо всех сил. Но «кто пре-следует, тот следует». Меня определили, «сосчитали». Я борюсь против этого, но ведь, в сущности, этой проблемы просто не должно быть, она существует лишь в моём субъективном восприятии.

Возможно, я слишком связан со словом, вязну в нём.

390

← Предыдущее, следующее →

390. Примечание к № 382

Ленин, как пример бессмыслицы употребил однажды словосочетания «железный снег» и «сухая вода». (к цитате)

Дед Ленина — Бланк — явно был человеком с психическими отклонениями. Своих детей он держал в чёрном теле, запрещал им даже пить чай и кофе. Ходили они всё время в одной и той же одежде, хотя семья была богатая. Однажды, на именинах маленькой Марии, он зазвал детей за праздничный стол. На столе стояла миска со взбитыми сливками. Дети обрадовались такой невиданной роскоши и хотели сливки съесть. Но оказалось, что это сухой, пресный снег. А Бланк (50-летний) хохотал, хохотал (504).

391

← Предыдущее, следующее →

391. Примечание к № 375

Неслучайно выход книги, осмеивающей Чернышевского, совпадает с ярчайшей грёзой о счастливом возвращении отца (к цитате)

Чердынцеву снилось, что он бежит на свидание с отцом по сумеречным берлинским улицам:

«И предчувствие чего-то невероятного, невозможного, нечеловечески изумительного, обдавало его сердце какой-то снежной смесью счастья и ужаса».

И вот:

«Дверь бесшумно, но со страшной силой, открылась, и на пороге остановился отец … (Отец) заговорил, — и это опять значило, что всё хорошо и просто, что это и есть воскресение, что иначе быть не могло, и ещё: что он доволен, доволен, — охотой, возвращением, книгой сына о нём, — и тогда, наконец, всё полегчало, прорвался свет, и отец уверенно-радостно раскрыл объятия. Застонав, всхлипнув, Фёдор шагнул к нему, и в сборном ощущении шерстяной куртки, больших ладоней, нежных уколов подстриженных усов, наросло блаженно-счастливое, живое, не перестающее расти, огромное как рай тепло, в котором его ледяное сердце растаяло и растворилось».

392

← Предыдущее, следующее →

392. Примечание к № 382

окончательно погрузиться в мир разума, в мир уроков (к цитате)

В стиле Маяковского какое-то чудовищное, азиатское нарушение меры. Его творчество — это продукт гниения языка, гниения, в отличие от обэриутов, самодовольного. Эффект достигается за счёт ломания игрушки — самая короткая и разочаровывающая игра. «Давайте я язык сломаю — что получится?» Получилось (точнее, получалось) интересно. Возьмёт тему бубнения и доведёт её до конца. Или тему шипящих. Или чекистски щёлкающих суффиксов:

```
Но-
   жи-
     чком
         на
           месте чик
лю-
   то-
      го
        по-
           мещика.
Гос-
    по-
       дин
          по-
             мещичек,
со-
   би-
      райте
           вещи-ка!
```

И тут же тема лязганья «на мес-сте». Её хорошо с тупыми согласными и шипящими:

```
До-
   шло
```

до поры,
вы-
хо-
ди,
босы,
вос-
три
топоры,
подымай косы.

С ломкой языка шло и разламывание тем. Тысячу лет кружился русский язык вокруг запретного умолчания о Боге. На этом во многом очарование языка построено. А в руках Маяковского икона затрещала под топором кощунства. С чего начал:

— Послушайте, господин Бог!
Как вам не скушно
в облачный кисель
ежедневно обмакивать раздобревшие глаза?
Давайте — знаете —
устроимте карусель
на дереве изучения добра и зла!

И устроили. Всей России устроили. Маяковский сам помогал (в меру своих силёнок, конечно) карусель раскручивать. Поэтому его не просто вышвырнуло и расплющило о стену, а он сам себе могилу вырыл, сам себя в неё закопал. С русским языком шутки плохи. И как он уже к середине 20-х вытянулся, как «вырос» и «воспитался»:

Если ты порвал подряд
книжицу и мячик,
Октябрята говорят:
плоховатый мальчик.
…
Этот чистит валенки,
моет сам галоши.
Он хотя и маленький,
но вполне хороший.

Это уже человека два часа дубьём «учили», и он урок наизусть рассказывает. С дрожью в голосе от обиды, с напряжением, внутренне плача. С юродством педалируя на недавно ещё оспариваемые постулаты, проворачивая их с подчёркнутой примитивизацией: «Да, нехорошо бить стёкла, я больше не буду, простите меня, пожалуйста». А ведь только что вроде какой замах-то был:

Шар земной порву, как мяч,
Валенки надену
И галошей лоскутки
Разотру об стену.

Или уже не пародия, а сами стихи Маяковского:

Я думал — ты всесильный Божище,
а ты недоучка, крохотный божик.
Видишь, я нагибаюсь,
из-за голенища
достаю сапожный ножик.
Крыластые прохвосты!
Жмитесь в раю!
Ерошьте пёрышки в испуганной тряске!
Я тебя, пропахшего ладаном, раскрою
отсюда до Аляски!

И вдруг «Что такое хорошо и что такое плохо» (414). Это ведь юродство, а вовсе не детский стишок. То же — предсмертная поэма «Хорошо»:

Розовые лица.
Револьвер
желт.
Моя
милиция
меня
бережет.
Жезлом
правит,
чтоб вправо
шел.
Пойду
направо.
Очень хорошо.

Ему сказали в 1930: «Чтоб ты сдох!» Маяковский: «Очень хорошо». И застрелился. Хотел, как известно, написать и поэму «Плохо». Не успел. То есть, в общем, и написал. Очень коротко и ясно.

Биография Маяковского настолько позорно элементарна, настолько вульгарно нравоучительна, что это в конце концов убийственно смешно. Как будто этот человек и был задуман как ходячая сентенция, как персонаж дешёвой нравоучительной брошюрки, печатаемой «для народа» синодальной типографией.

Жизнь его — это какое-то религиозное «окно РОСТА». Если хотите, он даже трогателен: эх ты, замахнулся-то не на «крохотного божика», а на великий архетип, на свои русские сны.

Все темы Маяковского — физиологический эротизм, кощунство, гимн кулаку, эпатаж — темы эти не русские (не литературные). Даже можно точнее сказать — еврейские. Маяковский очень поверхностно и нелепо стал притворяться евреем. Это такой поэтический Розанов (кстати, их друг от друга била дрожь), к сожалению, очень вульгарный. Что естественно, так как в поэзии форма является содержанием (а содержание — формой, «темой»). Поэт беззащитен, и у него нет панциря, нет раковины.

Маяковский писал:

А себя, как я, вывернуть не можете,
чтобы были одни сплошные губы!

Маяковский вывернулся еврейскими губами, то есть начал очень неестественно, вымученно. Губы — это нерусская часть лица. Где вы на иконе видели губы? Даже не вспомнишь сразу, какие: цвет, форма? Русские: глаза, лоб (чело-век). Ну, отчасти, нос, но это уже сниженный образ, скорее предмет шуток и насмешек. А губ вообще нет. Это нечто «ниже пояса». У Маяковского же на каждой странице губы, губы. Зубы, язык. Он какой-то весь антирусский. Не «не», а именно «анти». То есть в некотором смысле даже ненормально национален. И всё творчество его — пародия основных русских тем.

Вот пушкинско-достоевское:

Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно…

У Маяковского доводится до восторженного хохочущего абсурда:

уйду я,
солнце моноклем
вставлю в широко растопыренный глаз.

Невероятно себя нарядив,
пойду по земле,
чтоб нравился и жёгся,
а впереди
на цепочке Наполеона поведу, как мопса.

Тема масонской «красной кувалды»:

Выньте, гулящие, руки из брюк —

берите камень, нож или бомбу,
а если у которого нету рук —
пришёл чтоб и бился лбом бы!

(Заставь дурака…) А вот тема толстовского «покаяния»:

В христиан зубов резцы
вонзая,
львы вздымали рык.
Вы думаете — Нерон?
Это я,
Маяковский
Владимир…

Маяковский
еретикам
в подземелье Севильи
дыбой выворачивал суставы.

Простите,
простите меня!
…
Люди!
Дорогие!
Христа ради,
ради Христа,
простите меня!

Нет,
не подыму искажённого тоской лица!
Всех окаяннее,
пока не расколется,
буду лоб разбивать в покаянии!
…
Радуйтесь!
Сам казнится
единственный людоед.

Разумеется, не прошёл Маяковский и мимо сладенького, мимо прогрессивных мармеладовых:

Как трактир, мне страшен ваш страшный суд!
Меня одного сквозь горящие здания
проститутки, как святыню, на руках понесут
и покажут Богу в своё оправдание.

Здесь же тема глумления и дубоватых оговорок, наивно принимаемых литературоведами за иронию. Иронии Маяковский

был лишён напрочь, но постоянно заходился и промахивался в самопародию, совершенно непредусмотренную. Маяковский — это болезнь, разрушение речи, тем, идей.

Славьте меня!
Я великим не чета.
Я над всем, что сделано,
ставлю nihil.

Но разрушение это по форме и содержанию именно русское. И совпавшее с разрушением самой России. И, разумеется, не просто совпавшее, а совпавшее микрокосмически, как порождённое, отразившее и совпадшее России.

И под более низким углом: Маяковский был, как и вся Россия, отравлен иудаизмом, униженно-женски влюбился в иудаизм. Тоже ведь пародия некой основной темы:

на цепь нацарапаю имя Лилино
и цепь исцелую во мраке каторги
…
Губы дала.
Как ты груба ими.
Прикоснулся и остыл.
Будто целую покаянными губами
в холодных скалах высеченный монастырь.
…
И видением вставал унесённый от тебя лик,
глазами вызарила ты на ковре его,
будто вымечтал какой-то новый Бялик
ослепительную царицу Сиона евреева.

Интересно последнее предреволюционное стихотворение Маяковского. В сущности это завещание, ведь после Февраля он не написал ни одной новой строчки. В лучшем случае это были удачные вариации. Даже форма ростовских частушек сложилась до революции. Стихотворение и называется, как завещание: «России». Вот его начало и конец:

Вот иду я,
заморский страус,
в перьях строф, размеров и рифм.
Спрятать голову, глупый, стараюсь,
в оперенье звенящее врыв.

Я не твой, снеговая уродина.
Глубже
в перья, душа, уложись!

И иная окажется родина,
вижу —
выжжена южная жизнь.
…
Обдают водой холода…
Что ж, бери меня хваткой мерзкой!
Бритвой ветра перья обрей.
Пусть исчезну,
чужой и заморский,
под неистовства всех декабрей.

На один месяц ошибся.

Маяковский пустил чужую идею внутрь своей жизни на очень низком, физиологическом уровне. И овладение этой идеей произошло очень грубое и поверхностное. Она вырвалась из рук. Ошибка Маяковского носит почти животный характер. Он пытался русское презрение к семейной жизни сочетать с еврейской эротикой.

Единица — вздор,
единица — ноль,
…
Единица!
Кому она нужна?!
Голос единицы
тоньше писка.
Кто ее услышит? —
Разве жена!
И то
если не на базаре,
а близко.

Усмешечка истории в том, что Маяковский застрелился как раз из-за того, что у него не было жены и вообще нормальной семьи. Соприкосновение с еврейской ментальностью получилось и слишком поверхностным, и слишком глубоким. Вот у Розанова овладение было очень органично, идеально. Уж он-то, кстати, понимал, что «Единица» только жене и нужна, и если её жена (настоящая), то есть самый близкий человек, слышит, то, может быть, услышат и другие. А вот если даже жена не слышит, то тут пулю в лоб. (Возможен другой вариант — превращение единицы в ноль, в одиночество абсолютное. Но для Маяковского это было невозможно, да и вообще для поэта такой путь весьма проблематичен. Поэт слишком связан с жизнью, слишком связан с людьми и чрезвычайно от них зависит.)

Розанов был заворожён иудаизмом чисто вообще, интеллектуально. Маяковский — предельно конкретно, душевно. В некотором смысле в Маяковском этот угол национальной идеи воплотился более полно:

На небе, красный, как марсельеза,
вздрагивал, околевая, закат.

Уже сумасшествие.

Ничего не будет.

Ночь придёт,
перекусит
и съест.

Видите —
Небо опять иудит
пригоршнью обрызганных предательством звёзд?

Пришла.
Пирует Мамаем,
задом на город насев.
Эту ночь глазами не проломаем,
чёрную, как Азеф!

393

← Предыдущее, следующее →

393. Примечание к № 380
«Сила Гитлера — в его железной логике». (Гейден) (к цитате)

Нацизм всё-таки крайне рационалистичен. Немцы высчитали: да, социал-демократия, но почему такой успех? Генштаб? Но вот 1918 год, и всё рухнуло, никаких «генштабов». Ну там выскочили 2–3 обезумевшие марионетки, так их сразу хлопнули (Либкнехт и Люксембург). Оставили мелочь для разживы, для использования восточных соседей-дураков, но постепенно дошло, что с.-д. как-то не так движется, не совсем так. Тянутся другие ниточки, подлиннее и потолще. Дошло, что социал-демократия слишком живая и даже сама кукловода начинает дёргать то в одну, то в другую сторону. И тогда увидели немцы, что всё вовсе не на такой рациональной основе построено. И решили поставить на иррационализм. Именно РЕШИЛИ, ВЫСЧИТАЛИ (407). И, к удивлению своему, выиграли. Выиграли и растерялись. Отдались иррациональному фатуму вполне. Поставили разум слугой рока. И, конечно, проиграли.

Немцы поспешили. Отнеслись к победе как к «случаю», «везению». И вот, «пока время есть», надо взять всё. С самого начала психология не оккупации, а эвакуации. У нацистов сломалось время. Конечно, после 33 года нужно было не торопиться, бросить лет 50 на воспитание новых поколений, полноценных в расовом отношении. Масоны всё равно бы напали или начали террор (через английскую разведку и т. д.). Но это для такого движения и не важно.

Нацистам не хватило — странно сказать — уверенности и исходящего от этого «прекраснодушия». В результате погибла прекрасная возможность альтернативной цивилизации. Немцы могли бы начать вторую реформацию (457). Они её и начали, и теми же кровавыми методами. Но без необходимой спокойной уверенности.

394

← Предыдущее, следующее →

394. Примечание к № 358
Ружьё, но оно, видите, «негодное». (к цитате)

Илья Эренбург писал в своих мемуарах:

«Фронтовики прислали мне в утешение подарки; об одном расскажу. Это было поломанное охотничье ружьё, которое льежские оружейники поднесли в год VII республиканской эры консулу Бонапарту».

Пустяк. «Поломанное». Утешительный приз. Или:

«В 1947 г. польское правительство подарило нам, четырём советским писателям, произведения народного искусства. Мне достался ковёр, сотканный из лоскутков Галковскими в Кракове. Этот ковёр с тех пор радует меня в трудные часы. Я гляжу на зверей, которых нет и не было, но которые живут, резвятся, рычат и дремлют в моей комнате, на девушек, на диковинных рыцарей и вижу не только чудесное сочетание тонов, полутонов, но и силу искусства».

Так, «из лоскутков». Базарный ширпотреб.

395

← Предыдущее, следующее →

395. Примечание к № 299
«Восточные сладости» (к цитате)

Несомненно, в неприятном реализме отечественной литературы сказалась полуазиатская природа русского мира. Константин Леонтьев интуитивно нашёл очень характерный образ:

«Когда Тургенев говорил так основательно и благородно, что его талант нельзя равнять с дарованием Толстого и что „Лёвушка Толстой — это слон!“, то мне всё кажется — он думал в эту минуту особенно о „Войне и мире“. Именно — слон. Или, если хотите, ещё чудовищнее, — это ископаемый СИВАТЕРИУМ во плоти, — сиватериум, которого огромные черепа хранятся в Индии, в храмах бога Сивы (т.е. Шивы). И хобот, и громадность, и клыки, и сверх клыков ещё рога, словно вопреки всем зоологическим приличиям. Или ещё можно уподобить „Войну и мир“ индийскому же идолу: — три головы, или четыре лица, и шесть рук! И размеры огромные, и драгоценный материал, и глаза из рубинов и бриллиантов, не только ПОДО лбом, но и НА ЛБУ!!»

«…когда Пьер „тетёшкает“ (непременно ТЕТЁШКАЕТ. Почему не просто „НЯНЧИТ“?) на БОЛЬШОЙ РУКЕ СВОЕЙ (эти руки!!) ребёнка и ребёнок вдруг МАРАЕТ ему руки — это ничуть не нужно и ничего не доказывает. Это грязь для грязи, „искусство для искусства“, натурализм сам для себя. Или когда Пьер в той же сцене улыбается „своим БЕЗЗУБЫМ РТОМ“. Это ещё хуже. На что это? — Это безобразие для безобразия. И ребёнок не ежеминутно же марает родителей; и года Пьера Безухова ещё не таковы, чтобы непременно не было зубов; могли быть, могли и не быть. Это уже не здравый реализм; это „дурная привычка“, вроде привычки русских простолюдинов браться не за замок белой двери, а непременно „захватать“ её пальцами там, где не нужно».

Такая, по выражению Леонтьева, «махровость» литературы совершенно не была свойственна Пушкину. У Гоголя же была в общем обусловлена художественными задачами. Можно добавить, что в последующем, видимо, произошло соединение пушкинского универсализма, масштабности, с избыточностью гоголевского языка. Максимальным выражением этого процесса и был Тол-

стой. Его мир по-пушкински широк, но по-гоголевски погряз в материи. Отсюда вывод:

«Великолепный и колоссальный кумир Брамы индийского стоит по-своему олимпийского Зевса… Но вот в чём разница: можно восхищаться кумиром Брамы или Будды, можно судить по нему о МИРОСОЗЕРЦАНИИ индийских художников и жрецов, но нельзя ещё по этому величавому изваянию судить о ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ НАРУЖНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ Индии; а по Зевсу, Лаокоону и гладиатору можно хоть приблизительно воображать внешность красивых людей древней Греции и Рима».

396

← Предыдущее, следующее →

396. Примечание к с. 45 «Бесконечного тупика»

«В истории истинно реальны только мечты». (В. Розанов) (к цитате)

Евгений Трубецкой достаточно хорошо знал немецкую метафизику и поэтому сразу заметил, что мысль И. В. Киреевского о конце современной ему западной философии, в сущности, лишь повторяет аналогичное утверждение Шеллинга (который и пустил в широкий оборот само выражение «кризис философии»). Трубецкой достаточно хорошо знал также русскую философию и увидел, что мысль о кризисе философии была заимствована у Киреевского Хомяковым уже как мысль Киреевского и что Соловьёв в основу своей магистерской диссертации положил, в свою очередь, соответствующую мысль Хомякова. Но в результате, как совершенно верно пишет Трубецкой:

«В своей борьбе против рассудочных течений западноевропейской мысли, Соловьёв является прямым продолжателем определённых направлений западно-европейской философии — немецкой мистики и Шеллинга».

Соловьёв, идя по стопам Киреевского и Хомякова:

«Сравнительно легко восторжествовал над РАССУДОЧНЫМИ элементами западноевропейской философии, но не в достаточной мере остерёгся того несравненно более тонкого соблазна, который заключался во многих её религиозных и мистических построениях, в особенности же в том шеллингианском гностицизме, от которого он никогда не мог ясно себя отграничить».

Вообще, самобытной русской философии как некой системосозидающей метафизики не существует. Соловьёвство это биение Западу челом его же добром. Чепуха это. Вульгарная, дилетантская чепуха. Лучшие из русских философов могли бы стать преподавателями философии во второстепенных германских университетах (что и произошло в эмиграции).

Вл. Соловьёв писал в начале 90-х, когда русская провинциально-европейская философия только начала формироваться:

«В России, во всяком случае, мы нуждаемся не в искусственной

поддержке разных потерявших кредит измов и не в предумышленном создании новых, заранее обречённых на ту же участь, а единственно только в распространении философского образования и в развитии разумных и сознательных взглядов на вещи».

Совершенно верно, хотя сам Соловьёв, конечно, считал своей философской задачей нечто большее. Гораздо большее.

Странная и обидная история русского самосознания. Историки русской философии признают, что её основоположниками являются славянофилы. Совершенно верно утверждается, что они не смогли создать какой-либо оригинальной философской системы в силу целого ряда объективных и субъективных обстоятельств (включая раннюю смерть многих славянофилов и неблагоприятную обстановку для развития свободной мысли в николаевской России). Однако далее, как правило, происходит примитивная подмена. Говорится, что прямые последователи первого поколения славянофилов это не славянофилы, а выродки. Они выродились. А вот западники, и прежде всего Соловьёв и его последователи (в том числе и Е. Трубецкой), это и есть развитие идей славянофилов. Воинственное западничество и узкая, догматичная перелицовка некоторых идей европейской философии объявляется самостоятельной русской мыслью. Прямые последователи славянофилов (зачастую просто их дети и внуки) объявляются чуть ли не «бандой антисемитов». Достоевский квалифицируется как «эпигон славянофильства», причём рассмотрение под философским углом его художественных произведений игнорируется, а Розанов объявляется некой пикантной частностью.

Чтобы понять всю злостность подмены, следует учесть, что классическое славянофильство было органическим мировоззрением (не в силу какой-либо пространственной согласованности, а просто из-за своей первичности, элементарности), мировоззрением, выполняющим три функции:

1. Создание адекватной русской истории системы политических (и религиозных) взглядов.
2. Самоутверждение русской нации как нации, обладающей мышлением.
3. Свободное осуществление национального логоса.

То есть речь шла о создании русского мифа. Мифа историософского, мифа рассудочного и, наконец, как вершина, мифа русского «я», раскрытие русской личности. Конечно, неизбежно в выработке этой грандиозной программы должна была наступить специализация. И действительно, первая функция оказалась прерогативой националистического, «черносотенного» дви-

жения, вторая — «соловьёвства» и третья — русской литературы.

Гниль разлилась по второй ветви. Вместо того чтобы выдвинуть второстепенную философскую доктрину, в той или иной степени скомпилированную из западной метафизики и призванную помочь национальному самосознанию, помочь вынести себя за рамки европейской мысли, дать санкцию на подобное вынесение, — вместо этого соловьёвство занялось ломкой первой и даже третьей ветви, взвалив на себя непосильную ношу. Люди, которым судьба объективно отвела роль репрезентативных фигур, чтобы, например, Розанов мог кивать: «Можем и так, можем пусть и второстепенную, но систему создать. Не хотим не оттого, что не понимаем, а оттого, что не в этом центр», — так вот, эти люди из-за проклятого русского самолюбия стали мешать развитию подлинной русской философии.

Китайцы в XIX веке, во время опиумных войн с англичанами, ставили на самом видном месте гигантские глиняные пушки для устрашения белых дьяволов. Соловьёвство такая же глиняная пушка. Царь-пушка, из которой никогда не стреляли. Но даже китайцы понимали, что к глиняной пушке надо настоящее войско. А у нас липовые артиллеристы стали мешать настоящей армии.

Все нелепости соловьёвства можно было бы простить, если учесть, что это не философия как способ жизни, а просто попытка наивного самоосознания рождающейся философской нации, юношеский культуризм для самоутверждения, резвость бодливого бычка, у которого рожки чешутся. Но к соловьёвству нельзя подходить как к некоему этапу — оно замахнулось на итог, суть. Соловьёвство злокозненно и вредно (408). Мозжечок, который захотел стать мозгом и превратился в опухоль.

397

← Предыдущее, следующее →

397. Примечание к № 383

(Русский) оправдываться бы стал в том, что он есть (к цитате)

Чехов писал:

«Русский барин или университетский человек … сгоряча, едва спрыгнув со школьной скамьи, берёт ношу не по плечам … воюет со злом, рукоплещет добру, любит не просто и не как-нибудь, а непременно или синих чулков, или психопаток, или жидовок, или даже проституток, которых спасает, и прочее, и прочее… Но едва дожил он до 30–35 лет, как начинает уж чувствовать утомление и скуку… Перемена, происшедшая в нём, оскорбляет его порядочность. Он ищет причин вне и не находит; начинает искать внутри себя и находит одно только неопределённое чувство вины. Это чувство русское. Русский человек — умер ли у него кто-нибудь в доме, заболел ли, должен ли он кому-нибудь, или сам даёт взаймы — всегда чувствует себя виноватым».

398

← Предыдущее, следующее →

398. Примечание к № 299

ритм оправдания и параллельно усиливающейся обречённости и злобы хорошо передан в хасидистском радении Хаима Бялика (к цитате)

Стихотворение Бялика перевёл на русский Владислав Ходасевич, и перевёл очень хорошо. И хорошо перевёл именно потому, что плохо чувствовал внутренне чуждый русский язык. Ну кто же так пишет, в первой же строчке: «Ни мяса, ни рыбы, ни булки, ни хлеба…» Кто же гимн торжественный с «булки» начинает. «Нимясонирыба» получается. А это «сильней топочите во имя Господне»? «Топочите» — детское, смешное, потешное слово. А уж «нагие, босые — орлами вы взвейтесь» — это по-русски вообще нецензурно. Но это-то и хорошо. Тут удивительнейшее чувство передано: собственная ничтожность, даже НЕПРИЛИЧНОСТЬ и одновременно из-за этого злоба на весь мир. Вот раздели человека и бросили на улицу. И вокруг все смеются. И он, чтобы сохранить достоинство (да не сохранит уже, сам знает, что не сохранит — всё потеряно), начинает кидаться камнями. И насмерть пробивает голову соседскому мальчишке. Вот чисто еврейское преступление — ужасное, восточное и детское.

399

← Предыдущее, следующее →

399. Примечание к с. 46 «Бесконечного тупика»
Ложь декабризма росла как на дрожжах. (к цитате)

Если продумать основательно всё произошедшее тогда, в 1825 году, и как к этому «14 декабря» подходили, и как это «14 декабря» развивалось дальше, то ясно, что с подобной безмозглой кровавой опухолью спорить совсем не нужно было — надо было её аккуратно вырезать, а образовавшуюся рану прижечь калёным железом. Отсутствие идеологического разгрома декабризма понятно — это была замкнутая религиозно-политическая система, по самой своей сущности не рассчитанная на какой-либо диалог. Не совсем понятно несостоявшееся ПОЛИТИЧЕСКОЕ уничтожение декабризма. Собственно говоря, следствие по делу «14 декабря» и не начиналось даже. По личному приказу Николая I самомалейшие ниточки в сторону высшей аристократии, возникающие в процессе дознания, моментально отсекались (цесаревич Константин Павлович, адмирал Мордвинов и др.).

Николай I после следствия по делу декабристов сказал, что следует:

«Отслужить по всей империи панихиду за упокой душ тех, которые 14 декабря погибли, спасая престол и государство, а также молебен, чтобы возблагодарить провидение за то, что оно уберегло нашу империю от опасности, столь же грозной, как и опасность 12 года. Это богослужение будет происходить на Исаакиевской площади, которая подверглась осквернению и должна быть вновь освящена».

По замыслу Россия должна была ОТКРЕСТИТЬСЯ от декабрьской дьяволиады. Но так не получилось, хотя формально задуманное Николаем было осуществлено. Но это осуществление было фарсовое, ненастоящее. И эта фарсовость придала фарсу 1825 года значительность, значимость. 1825 стал наливаться свинцом. А всё из-за чего? Николай I НЕ ПРИНЯЛ КРОВИ. Декабристы, эти гнусные кровавые черви (413), эти кривые пауки, боявшиеся пережрать друг друга ещё до захвата власти, декабристы загнали Россию в затхлую слепую баню, где в полной темно-

те нужно было драться с ними на топорах. Или так, и тогда само убийство сектантов должно было быть национальным праздником, или же нет, и тогда царь, империя, Россия получаются неправильными и, более того, сами сознают собственную неправоту и обречённость.

Что же произошло? Ещё во время подавления восстания Николай ужасался необходимости пролития крови своих подданных, а его родственник принц Евгений Виртембергский в мемуарах гордился потом, что на его руках, в отличие от Николая I, нет крови. Казнь пяти человек была для Николая и всех Романовых трагедией. Царь так и не смог отважиться лично подписать приговор, а императрица писала в то время в дневнике:

«Это так тяжело. И я должна переживать подобные минуты… О, если б кто-нибудь знал, как колебался Николай! Я молюсь за спасение душ тех, кто будет повешен… Жёны высылаемых намерены следовать за своими мужьями в Нерчинск. О, на их месте, я поступила бы так же».

Наконец появилась тема, которая шла, всё нарастая и нарастая, до самого конца: не надо наказывать! не надо казней! (475) Евгений Виртембергский советовал:

«Указывая на гроб Александра, Николай должен сказать заговорщикам: „Вот кого вы хотели умертвить! Я делаю то, что бы сделал он: я прощаю вас! Вы недостойны России! Вы не останетесь в её пределах!“»

Разумеется, Николай I до такого не дошёл. Человек он был сильный, смелый, умный, любил повторять: «На Бога надейся, а сам не плошай!» Когда мятежники отказались сдаться и заявили, что останутся верны Константину (именем которого прикрывали мятеж), то Николай I сказал: «Ну так теперь пусть они узнают Николая!» — и приказал стрелять картечью.

Но… вот Николай Павлович пишет Константину в 1826 году:

«По-видимому, Господу угодно было допустить событиям зайти как раз настолько далеко, чтобы дать созреть всему этому сплетению ужасов и нелепостей и чтобы тем с большей очевидностью показать вечно НЕВЕРЯЩИМ, что порядок вещей, который господствует и который так трудно искоренить, должен был рано или поздно привести к подобному результату. Если и после этого найдутся ещё неисправимые, у нас, по крайней мере, будет право и преимущество доказывать остальным необходимость быстрых и строгих мер против всякой разрушительной попытки, враждебной порядку, установленному и освящённому веками славы!»

Речь идёт, как видим, о «праве и преимуществе ДОКАЗАТЕЛЬСТВА». Что же доказывать и кому, если, как пишет Константин (адресат письма):

«Русская Правда Пестеля — настоящее шутовство, если бы дело не было так серьёзно. Я предполагал в нём более здравого смысла и ума, но он выказал себя только безумцем и обнаружил какой-то хаос крикливых, плохо понятых и плохо переваренных мыслей. Можно только пожать плечами».

И сам Николай I назвал декабристов:

«Безумными приверженцами НЕОПРЕДЕЛЁННОГО ЛУЧШЕГО, в котором и сами ничего не смыслят».

Но именно эти «несмышлёныши» поставили романовской России шах и мат. Они стали НАБИВАТЬСЯ и этим поставили страну перед выбором: или капитулировать, спрятать голову, не принять крови, или начать дело по-серьёзному. Николая хватило на то, чтобы в открытом бою разгромить декабристов. Но сам он декабристом стать не смог. Он не продумал кровь, не ПРОСМАКОВАЛ её. О декабристах потом ничего не говорили за всё его царствование. Гоголь написал «Ревизор». Почему он не написал о «14 декабря» («Товарищи, к нам едет Ревизор»)? И никто не написал. От декабризма убежали, спрятались. Не декабристов сослали в Сибирь, а из Сибири убежали, чтобы не смотреть на их физиономии. Откупились от декабризма Сибирью. И в общем молчании родился Гоголь.

Николай I самолично дал девиз следствию:

«Не искать ВИНОВНЫХ, но всякому давать возможность оправдаться».

Взяли минимум. Хорошо. В неразберихе политического кризиса это хорошо. Не дать делу разрастись, взять зачинщиков, быстро внести успокоение окончанием следствия. Хорошо. Для первого этапа. Но разве серьёзные-то дела на этом кончаются? Серьёзное следствие с этого только начинается. Если бы Николай I не испугался, то следствие пошло бы дальше. (И неизвестно, в какие глубины предательства довелось бы Николаю Павловичу при этом заглянуть.) А для этой цели пришлось бы перетряхнуть всю Россию от Санкт-Петербурга и Москвы до последнего захолустного городка, от царской фамилии и высшей аристократии до рядовых мещан и священников. А для этого, в свою очередь, пришлось бы создать достаточно мощный репрессивный аппарат (хотя бы 1/10 от нынешнего уровня). И при посредстве этого аппарата лет за 10 можно было бы хотя бы отчасти скорректировать положение. Получить прорезавшиеся маленькие, злобные,

но хорошо видящие глазки.

Нет, предпочли прекрасную слепоту огромных иконописных глаз.

Николай I сделал выбор: лучше умереть прекрасным слепым, чем жить зрячим горбуном. Он выбрал великую русскую культуру. Выбрал Пушкина и Достоевского, выбрал Гоголя. Выбрал смерть. Лжи декабризма он противопоставил ложь прекраснодушия, ложь невидения и неведения зла. На дрожжах этой запутанной лжи и выросла русская культура, действительно (субъективно) самая правдивая в мире. Минус на минус даёт плюс.

400

← Предыдущее, следующее →

400. Примечание к с. 46 «Бесконечного тупика»

купание в параграфах, циркулярах и протоколах, и звериное упорство в глазах: «Миру провалиться, а мне чаю пить!» (о большевиках) (к цитате)

Весь толстый волюм II съезда РСДРП наполнен такого рода диалогами (456):

«Троцкий: К резолюции, предложенной т. Мартовым, нахожу небесполезным добавить, что под редакцией подписаны имена товарищей-евреев, которые, работая в российской партии, считали и считают себя также представителями еврейского пролетариата.

Либер: Среди которого они никогда не работали.

Троцкий: Прошу и моё заявление, и возглас т. Либера занести в протокол.

Либер: Прошу занести в протокол, что председатель не остановил т. Троцкого, когда последний своим заявлением совершил грубую бестактность.

Председатель: Особое занесение этого обстоятельства в протокол излишне, так как всё равно видно будет из протокола, что я не остановил т. Троцкого.

Либер: Настаиваю на занесении этого обстоятельства в протокол.

Председатель: Тогда будьте любезны внести ваше заявление письменно в бюро съезда.

Либер вносит заявление следующего содержания: „Отмечаю, что председатель не остановил т. Троцкого, когда он заявил о принадлежности к еврейской национальности лиц, внёсших резолюцию, совершившую грубую нетактичность, перенося весь спор по этому вопросу на почву национальных страстей“».

И далее всё в том же духе страницами, страницами. Ленин писал в 1922 году специалисту по советской торговле Льву Хинчуку:

«Цена чая? не низка ли? сознаёте ли Вы, что это ПРЕДМЕТ РОСКОШИ *(курсив Ленина)?»*

Хуже ещё: и миру провалиться, и чаю не пить.

401

← Предыдущее, следующее →

401. Примечание к № 346
Ежов из «Фомы Гордеева» Горького (к цитате)

— При чём здесь это? Глупая аналогия.

Согласен. Глупая. Ну, а теснейшая связь Горького с советскими органами безопасности, начиная с того, что его жена и сын сразу же после революции стали работать в ЧК, и кончая тем, что дочь Горького вышла замуж за сына Берии?

— Ну, пускай. Но к чему это? Какая мысль?

А такая, что Горький в известном смысле эталон русского писателя. Это самый созданный писатель, самый литературный писатель. Самоучка, он воспитался на литературе, прочёл десятки тысяч книг. Вышел же «снизу», почти из крестьян. И сохранил архетипический комплекс в его варварской непосредственности. Что у Чехова было чисто, стилизованно, то у Горького вышло махрово-хамски, нелепо. И если в Чехове народная основа наиболее прозрачна, то в Горьком наиболее густа, грубо зрима. Горький — кровь от крови и плоть от плоти и русской души, и русской литературы. По нему необычайно ясно видно, что литература, художественная литература русская — такая добрая и гуманная — сыграла в создании «прекрасного нового мира» роль громадную. И самую непосредственную.

Сам русский писательский миф в Горьком так груб, так понятен. Перед самой смертью он говорил о мобилизации ста писателей для создания Верховной Книги:

«Им будут даны сто тем и мировые книги ими будут переписаны наново, а иногда 2–3 соединены в одну, чтобы мировой пролетариат читал и учился по ним делать мировую революцию. Для Средних веков можно взять, например, „Айвенго“ Вальтера Скотта и очерки Стасюлевича; таким образом должна быть постепенно переписана вся мировая литература, история, история церкви, философия: Гиббон и Гольдони, епископ Ириней и Корнель, Лукреций Кар и Золя, Гильгамеш и Гайавата, Свифт и Плутарх. И вся серия должна будет кончаться устными легендами о Ленине».

402

← Предыдущее, следующее →

402. Примечание к с. 46 «Бесконечного тупика»
Мышление русского похоже на заевшую пластинку (к цитате)

Минимальный радиус разрушительной оборачиваемости, равный нулю, наблюдается в мышлении Ленина (412). Это делает его, конечно, определённого рода олицетворением национальной идеи. В первом своём произведении Ленин сказал: «Мы отвергаем вздорную побасенку о свободе воли» (417). Это какое-то неслыханное пренебрежение элементарной логикой. Свобода воли ОТВЕРГАЕТСЯ, то есть происходит чисто ВОЛЕВОЙ акт. Более того, это отвержение происходит в максимально грубой форме, в форме ругательства. Свобода воли просто обзывается. В этой взрывающейся на ходу куцей фразочке весь Ленин, вся его фантасмагорическая никчёмность.

Конечно, идея никчемности вызревала постепенно, по мере такого же постепенного развития великой русской культуры. Так, Чернышевский достиг уже достаточно высокой стадии нулевого мышления, и Набоков необычайно верно пишет о его интеллектуальной манере:

«Чернышевский сколачивал непрочные силлогизмы; отойдёт, а силлогизм уже развалился, и торчат гвозди».

Но всё же тут разваливание, а не аннигиляция. Ленин — это максимально возможное, «до упора», развитие Чернышевского. В то же время, скажем, и мышление самого Набокова такое же чернышевское, но развившееся в другую сторону — в сторону бесконечного радиуса. Владимир Владимирович этого совершенно не понимал, но его свободное творчество само собой выстроило структуру «Дара» в виде филологического космоса, так что в результате связь между автором и его героем оказалась двусторонней. Получилось, что в каждом из нас сидит маленький рогатый чернышевский. И, следовательно, в Чернышевском, в этом лесном клопе, Набоков заставил нас увидеть человека (427).

Но ниже Чернышевского национальный тип уже начинает вырождаться в нечто нечеловеческое. Я долгое время полагал, что всё отличие Ленина от Чернышевского только в том, что его

«нашли» (432), купили шапку и сапоги. Мысль «есть Люди» при органической неспособности к минимальным обобщениям (436), к продумыванию и обработке своих мыслей. Ленинская леность мысли (451), ведь, собственно, и «Ленин» от «лени» (один из его псевдонимов — Ленивцын). И вот этого в высшей степени никчёмного человека «нашли» (488). Чернышевский же в определённый момент «потерялся». Вот и вся разница. А сейчас думаю — нет, не вся, тут различие качественное.

403

← Предыдущее, следующее →

403. Примечание к с. 47 «Бесконечного тупика»

Розанов сказал, что в Соловьёве интересен чёртик, который сидел у него на плече, когда тот плыл на пароходе по Балтийскому морю, философия же его так… (к цитате)

А был ли чёртик? Может быть, никакого чёртика и не было? Может быть, Соловьёв неинтересный. И зато каким интересным становится само существование Владимира Соловьёва!

Пишут: да, путаются рационализм и мистика, но в основе-то лежит первичная мистическая интуиция (425). Но в чем она конкретно выражалась? Об этом говорится в разрозненных и довольно вымученных воспоминаниях некоторых современников. Вот Е. Трубецкой с дрожью в голосе описывает житие своего учителя:

«И точно, весёлое настроение иногда вдруг как-то разом сменялось у него безысходной грустью: людям, близко его знавшим, случалось видеть у него совершенно неожиданные, казалось бы ничем не вызванные слёзы. Помню, как однажды обильными слезами внезапно кончился ужин, которым Соловьёв угощал небольшое общество друзей: мы поняли, что его нужно оставить одного, и поспешили разойтись. Слёзы эти исходили из задушевного, мало кому понятного источника; их можно было наблюдать сравнительно редко».

Впоследствии приём слёзоиспускания был взят на вооружение Алексеем Максимовичем. Горький всё своё головокружительное шарлатанство строил на интуитивном паясничании, на умении бить на откровенность. Совершенно выдуманная биография, якобы туберкулёз, нужная и своевременная слезливость, умело построенная на контрастах ницшеанско-нижегородская внешность с космополитическим оканьем — всё это придавало Горькому очарование профессионального шулера. Соловьёв, конечно, был тоньше, но «технология власти» отличалась от горьковской скорее в худшую сторону. Как видно из воспоминаний Трубецкого, Владимир Сергеевич допускал и довольно грубые ошибки:

«Но часто, очень часто приходилось видеть Соловьёва скучаю-

щим, угрюмо молчащим. Когда он скучал, он был совершенно неспособен скрыть свою скуку. Он мог молчать иногда часами. И это молчание человека, как бы совершенно отсутствующего, производило подчас гнетущее впечатление на окружающих. Одним это безучастное отношение к общему разговору казалось признаком презрения; другим просто-напросто было жутко чувствовать себя в обществе человека из другого мира».

Здесь, конечно, Соловьёв переигрывал. Да, реприза со слезами гениальна: взрослый, солидный человек (у Соловьёва борода, горящие уголья глаз, у Горького гранитная лепка лица, бульбовские усы, брови) — и вдруг слезы. По щекам в три ручья. Что может быть сильнее, оригинальнее и ярче. Зритель уже оглушён, уже захвачен аурой мгновенно ставшего родным шарлатана. Но «молчание часами» — это уже потяжелей. Тут требуется предварительное реноме. Подобных вещей Горький никогда не делал даже на вершине славы. Он чётко чувствовал отрыв собеседника, катастрофически уменьшающийся интерес (пускай и чисто негативный).

Хотя Соловьёв тему молчания стал разрабатывать, видимо, уже в зрелом возрасте. Как и все истерические психопаты, он всегда был ориентирован на потребление себя другими, всегда угадывал ожидаемое и давал оное в гротескной форме. Молчание тут тоже вполне понятно: «человек из другого мира», «философ».

Трубецкой пишет:

«Эксцентричность его наружности и манер многих смущала и отталкивала; о нём часто приходилось слышать, будто он — „позёр“. Из людей, его мало знавших, многие склонны были объяснять в нём „позой“ всё им непонятное. И это — тем более, что всё непонятное и особенное в человеке обладает свойством оскорблять тех, кто его не понимает. На самом деле, однако, те странности, которые в нём поражали, не только не были позой, но представляли собой совершенно естественное, более того, — НАИВНОЕ выражение внутреннего настроения человека, для которого здешний мир не был ни истинным, ни подлинным».

Итак, все эти «плачи» и «угрюмые молчания» лишь наивное выражение далеко не наивного внутреннего бытия. Но почему? Где критерий для подобной квалификации, если внутренний мир человека, взятый сам по себе, без наивных и не наивных выражений, это абсолютная загадка, вещь в себе, ключ от которой выброшен в океан небытия? Можно сказать, что этим критерием является эстетическая точка зрения. Красивое ломание не может

быть просто ломанием. Но как раз здесь у Соловьёва дело совсем швах. Вот тот же Трубецкой пишет:

«Кроме … дорогих ему видений, ему являлись и страшные, притом не только во сне, но и наяву … В моём присутствии, однажды он несомненно что-то видел: среди оживлённого разговора в ресторане за ужином он вдруг побледнел с выражением ужаса в остановившемся взгляде, и напряжённо смотрел в одну точку. Мне стало жутко, на него глядя. Тут он не захотел рассказывать, что собственно он видел и, придя в себя, поспешил заговорить о чём-то постороннем».

Стоит вспомнить эстетику русских ресторанов с их пальмами в горшках и цыганскими хорами, а также эстетику русских ресторанных разговоров с запотевшими графинчиками и шумной отрыжкой, чтобы эта мизансцена развернулась во всём своём эпическом комизме.

Однако моей целью не является наивное «обличение» Вл. Соловьёва. Во-первых, пафос наивного разоблачительства по типу «я правду о тебе порасскажу такую, что будет хуже всякой лжи» вообще неинтересен, а по-русски ещё вдобавок и оборачиваем. А во-вторых, это привело бы повествование к ненужной конкретности и смехотворному рационализму. (Который, впрочем, на русской почве и всегда смехотворен.)

Шестов писал в «Апофеозе беспочвенности»:

«Отрыжка прерывает самые возвышенные человеческие размышления. Отсюда, если угодно, можно сделать вывод — но, если угодно, можно никаких выводов и не делать».

По-моему, этот афоризм лучшее из всего, что написал Шестов. Какая-то неприличная глупость. И в оглавлении «Апофеоза» написано: «Часть II, № 26 „Отрыжка“». Своей глупостью и неприличностью мысль Шестова глубоко западает в голову. Даже многое проясняет в русской истории.

Вернёмся к Евгению Трубецкому:

«С горячностью сердца в Соловьёве сочеталась наивность и доверчивость ребёнка: он постоянно переоценивал людей, ошибался в них так, как, разумеется, не мог бы ошибиться человек с простым здравым смыслом. Особенно часто обманывался он в женщинах. Он легко пленялся ими, совершенно не распознавая прикрытой кокетством фальши, а иногда и ничтожества. Когда же наглядные доказательства, казалось, должны были бы привести его к полному разочарованию, он все-таки утверждал, что „её умопостигаемый характер прекрасен“, а обнаружившиеся недостатки — только свойства „характера эмпирического“».

Но рассуждения Соловьёва относительно женского характера точь-в-точь совпадают с рассуждениями самого Трубецкого относительно характера любимого философа. В этом смысле я умнее Трубецкого, так как открыто заявляю, что не способен к серьёзному систематическому мышлению. У русской нации есть много положительных качеств, но увы, интеллект не принадлежит к их числу. Всё же русское мышление возможно. Не надо только кочевряжиться и переть против течения. По течению, по течению, но потихонечку и к другому бережку. Наискосок, сберегая силы.

Трубецкой продолжает:

«Та же близорукость относительно житейского нередко вовлекала Соловьёва в заблуждения противоположного свойства: иногда он предполагал адские замыслы там, где на самом деле были только самые обыденные и невинные человеческие поступки. Однажды, когда он ехал из Генуи в Канны, в занятое им отделение вагона вошла какая-то супружеская чета; оставив вещи на полке, она тотчас удалилась, после чего поезд тронулся. Соловьёву мигом представилось, что в покинутом чемодане лежит зарезанный младенец. Взволнованный страшной картиной подозреваемого преступления, он решился заявить об этом кондуктору. Оказалось, разумеется, что в чемодане находились обыкновенные пассажирские вещи…»

Вольно же было Соловьёву увидеть в чемодане мальчика кровавого. Вольно и мне будет не поверить в соловьёвских чёртиков. Ну-тка, вызовите кондуктора. Соловьёв предположил. Трубецкой тоже предположил. И я «предположу».

Соловьёв вспоминал о своём отрочестве:

«Когда дачницы купались в протекающей за версту от села речке Химке, мы подбегали к купальням и не своим голосом кричали: „Пожар! Пожар! Покровское горит!“ Те выскакивали в чём попало, а мы, спрятавшись в кустах, наслаждались своим торжеством. А то мы изобретали и искусно распространяли слухи о привидениях и затем принимали на себя их роль».

Соловьёв садился на плечи товарищу, сверху их покрывали белой простынёй:

«И затем эта необычайного вида и роста фигура, в лунную ночь, когда публика, особенно дамская, гуляла в парке, вдруг появлялась из смежного с парком кладбища и то медленно проходила в отдалении, то устремлялась галопом в самую середину гуляющих, испуская нечеловеческие крики. Для других классов населения было устроено нами пришествие антихриста. В результате му-

жики не раз таскали нас за шиворот к родителям». И т. д.

А вот как интерпретируются невинные шалости «гордых детей маленьких ответственных работников» в книге Мочульского:

«Перед нами картина переходного времени в развитии Соловьёва; мистические настроения детства вырождаются в шалости, „наводящие ужас на обывателей“. Воображение мальчика увлечено романтикой „страха и ужаса“: он любит все таинственное, жуткое, сверхъестественное (призраки, кладбища, пришествие антихриста); но в этот фантастический мир врываются уже новые интересы и увлечения: естественные науки, география и зоология».

Мочульскому надо было доказать, что учение Соловьёва «вышло не из книг, а из подлинного жизненного переживания», и что ошибаются те, кому соловьёвство «представляется искусственной и рассудочной попыткой соединения западноевропейской теософии с восточным православием». Но при этом как-то всё же нужно выстроить РЕАЛЬНЫЕ факты в стройную биографию-житие. Отсюда мистическое надевание носков «вырождается» в подглядывание за дачницами. Как пишет компилятор:

«За тезисом следует антитезис — мятежное, бурное отрочество, полное борьбы, противоречий и скрытых драм».

Ну уж если русский заговорил о гегелевских триадах (453), денежки лучше переложить из пальто во внутренний карман пиджака. Человек хороший, честнейший, а денежки все-таки переложите. От греха подальше.

Отечественные биографии как правило очень монотонны, логичны, и если там и есть антитезис, то это антитезис внешних обстоятельств, а вовсе не внутреннего развития. Внешне — да, шатания, но внутри логика, последовательность. Все русские биографии удивительно договорены. Век живи, век учись. Жизнь как урок, судьба, книга.

И с Соловьёвым на уровне фактографии всё ясно. Игрался, игрался и в конце концов заигрался до сволочизма. Товарищ его детских игр, Лопатин, вспоминал:

«Я никогда потом не встречал материалиста, столь страстно убеждённого. Это был типичный нигилист 60-х годов… Ещё в эпоху своего студенчества отличный знаток сочинений Дарвина, он всей душой верил, что теорией этого знаменитого натуралиста раз навсегда положен конец не только всякой телеологии, но и всякой теологии, вообще всяким идеалистическим предрассудкам. Его общественные идеалы в то время носили резко социалистическую, даже коммунистическую окраску».

Речь шла уже не о подглядывании за девицами. Фраза из воспоминаний Соловьёва об «устроении пришествия антихриста для других классов населения» приобретает менее смешной и более глумливый оттенок.

Величко вспоминает:

«После вечера, проведённого в горячих рассуждениях с единомышленными товарищами, Соловьёв сорвал со стены своей комнаты и выкинул в сад образа (454), бывшие свидетелями стольких жарких детских его молитв».

Это уже не шуточки. Подрастал гадёныш. Отсюда уже не так далеко до товарища Ягоды, который тоже в польско-еврейском запале, голый, козлоподобный, стрелял в бане по ликам святых. Соловьёв писал, что в то время позитивно крошил бритвой пиявок. Уж не на иконах ли и крошил?

Даже лояльнейший Мочульский вынужден заметить:

«В безбожии Соловьёва было исступление. Он глумился над святынями с болезненным упоением, с кем-то боролся, на кого-то восставал, кому-то мстил».

Конечно, никакого «антитезиса» тут нет. Балованный капризный ребёнок вполне логично в конце концов зарывается, переступает черту дозволенного. Нет, разумеется, и последующего «синтеза». Переход Соловьёва к оккультизму вполне естественен и закономерен опять-таки уже на чисто психологическом уровне.

Вообще, вот Евгений Трубецкой пишет:

«Неудивительно, что вся философия Соловьёва представлялась большинству его современников сплошным чудачеством; и это тем более, что он, с его редким чутьём к пошлости всего ходячего, общепринятого, обладал в необычайной степени духом противоречия».

Я когда прочитал это, то глазам своим не поверил: о ком это? Я не нашёл во всей философии Соловьёва ни одного чудачества. Всё очень разумно, очень ПОНЯТНО. Ни одного «заскока». А уж «дух противоречия» можно обнаружить у Владимира Сергеевича лишь при очень поверхностном знакомстве с его литературной судьбой. Пафос этой судьбы — жажда сенсационности, дешёвого успеха и прогрессивных аплодисментов. Тему он всегда выбирал острую, но, так сказать, «осуществимую». Сейчас он писал бы статьи о «закрытых распределителях», в 70-х — о защите окружающей среды, в 60-х — о трагедии репрессированного ленинца. Но такие люди никогда не напишут о ленинце в 70-х или о распределителе в 50-х. Правда, они не будут и пи-

сать о защите окружающей среды в 80-х — слишком слабо, нет пикантности.

Отсюда все евтушенковские колебания Соловьёва. Всё очень просто. Неслучайно Трубецкой писал о «разительном хронологическом совпадении отдельных эпох творчества Соловьёва с последовательной сменой трёх царствований». В начале 70-х материализм и западничество были уже вполне порождены и не нуждались в дополнительных инъекциях. «Сама пойдёт». Теперь был необходим контроль над славянофильством и православием. Иначе смыслового поля не получалось, не получалось единой социалистической и антинациональной культуры. В этот момент и появился Соловьёв. Он упредил удар, и сам повёл критику позитивизма и западничества. И было это, конечно, не выполнением «задания», а пониманием момента, чутьём. Тут ненужно, да и невозможно было объяснять. Так, намекнуть. Соловьёв намёк понял. И так всю свою философскую карьеру он вёл на упреждении очередного качания масонского маятника. Чуть-чуть, на волосок. Но впереди. И казалось уже, что он вызывал очередную волну духовной метаморфозы. Тут чутьё, чутьё гениальнейшее. Но именно чутьё, а не интуиция. Намёки, а не символы.

В целом биография Соловьёва — это типичнейшая биография сына номенклатурного работника, помноженная, правда, на удивительную для отечественных условий способность к упорядоченному мышлению. Юношеский «коммунизм» Соловьёва — вещь совершенно естественная для его среды. Это молодёжная субкультура, характерная для того времени. Отличие от современной поп- и рок-культуры здесь в гораздо большей политизации и отсутствии интеграционных тенденций (455), позволяющих включить очередное поколение молодёжной богемы в общую структуру государства. Заметим, что подобная субкультура является всегда псевдокультурой, то есть культурой искусственно созданной КЕМ-ТО для КОГО-ТО. И, как правило, с целями достаточно масштабными.

Но, конечно, нашему герою с рождения занесённому в золотой список масонской номенклатуры, не пристало кончить свои дни захлебнувшись в пьяной блевотине на полу каморки петербургской проститутки, или взлететь на воздух, совершая очередной теракт.

Отрок, оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощник царям.

Да не тем царям, что в Зимнем, а настоящим, в балахонах.

Гимназию Соловьёв естественно кончил с золотой медалью. Поступил в Московский университет. Причём, следуя рекомендациям великого Писарева, на физико-математический факультет. Тянули за уши, но всему есть предел, и на третьем курсе сын знаменитого профессора провалился. Оформили перевод на историко-филологический. Оформили потом и диплом. Мочульский приоткрывает завесу над уровнем подготовки будущего великого философа:

«На лекции он ходил редко и связи со студентами не поддерживал. „Соловьёв как студент не существовал, — вспоминал впоследствии его сокурсник Н. И. Кареев, — и товарищей по университету у него не было“».

Зато было много друзей в так называемом «кружке шекспиристов» — элитарном эротическом обществе для золотой молодёжи. С того времени у Соловьёва на всю жизнь осталась тяга к идиотским розыгрышам, грубому зубоскальству и похабным анекдотам.

А.Ф. Лосев в своём эссе о Соловьёве пишет:

«Своими непристойными анекдотами он часто смущал собеседников, и в частности от матери и сестёр получал прямые выговоры. Но этим он не стеснялся и продолжал в том же духе».

Видимо у, так сказать, «шекспиристов» берет своё начало и пагубная привычка к спиртному, превратившаяся потом в пьянство. Как осторожно говорит Лосев:

«Мы нередко находим в соловьёвских материалах факты, свидетельствующие о любви Вл. Соловьёва к вину, особенно к шампанскому. Можно сказать, что всякий случай, более или менее заметный в его жизни, он сопровождал шампанским и угощал им своих друзей».

Не знаю, причина ли это или следствие усиленного изучения Шекспира, но в облике Соловьёва, кажется, было что-то ненормальное, и именно гнусно-ненормальное, извращённое. Особенно явно это проявлялось в его смехе. С. М. Соловьёв описывает «это» так:

«Некоторые находили в этом смехе что-то истерическое, жуткое, надорванное. Это неверно. Смех В. С. был или здоровый олимпийский хохот неистового младенца, или Мефистофелевский смешок хе-хе, или и то и другое вместе».

«И то и другое вместе». Н-нда. Сильно сказано. Как представишь себе яркие, будто накрашенные губы Соловьёва и этот нео-

жиданно тонкий и в то же время громкий смех… Этот захлёбывающийся гомосексуальный визг пьяной кокотки… «Алёша Карамазов» — так величали Соловьёва в его окружении.

«Шекспиристы» — это логическое развитие темы паясничания и хулиганства. То, что Набоков назвал тягой к кривой музычке и стишкам. Но ко всему этому подключилось огромное истерическое самолюбие, так что «шекспиристами» дело, конечно, не кончилось. Соловьёв попал и в другой, более серьёзный кружок — кружок спиритов. Так тема «привидений» получила своё логическое продолжение. Игра продолжалась. Тут не только его ждали и искали, подносили всё на блюдечке. Нет. Он сам искал с местечковым темпераментом, где бы пролезть. Отечественная наивность органически сочеталась у него с игривой иудейской предприимчивостью. Переход от коммунизма к теософии определялся не только тем, что теософия сконструировала коммунизм (469) («и не догадывался»), а просто тем, что он был уже «тот самый», и к тому же лишь в определённом кругу, вовсе не семинарско-социалистическом.

Впрочем, не следует игнорировать даже более простое объяснение — а именно крайнюю трусость Соловьёва, переходящую в прямое предательство и дезертирство. Да, он носил длинные волосы, вслед за Писаревым «уничтожал» Пушкина, и повторял, что «жертва есть сапоги всмятку», но жертвовать собой или хотя бы своим благополучием — нет, такие люди себя БЕРЕГУТ. После начала русско-турецкой войны Соловьёв как-то неожиданно переборщил и к своему ужасу оказался военным корреспондентом «Московских Ведомостей». Бедняга ещё как-то добрался до Бухареста, где удивлял русских офицеров костюмом Тартарена из Тараскона. Но на большее его не хватило. Мочульский пишет:

«На этом наши сведения обрываются. В Болгарию Соловьёв так и не попал; через полтора месяца он уже снова в Москве. Почему он переменил решение, что заставило его вернуться назад после того, как все внешние препятствия (паспорт, деньги) были устранены — остаётся загадкой».

«Загадкой». Ну что ж, в этом смысле Вл. Соловьёв действительно личность загадочная. Ведь вся его жизнь состоит из подобного рода «загадок». А если серьёзно, то действительно загадка. Ведь в любом мало-мальски порядочном обществе это было бы абсолютным крахом карьеры. От такого унижения, такого позора не отмыться даже потомкам. Так примитивно, позорно, глупо струсить, убежать 25-летнему мужчине. И даже не с поля боя, а так, услышав два-три рассказа очевидцев. И ведь

сам лез, сам набивался, толкал ура-патриотические речи. «Я, я, я». Да можно было удавиться. Это же позор! Однако надо понимать психологию истероидного типа (470). Все ограничилось кокетливым письмом к С. А. Толстой, сотоварищу по спиритическим сеансам:

«Впрочем, нисколько не удивляюсь, что Вы мною интересуетесь: я знаю, что Вас интересуют ВСЕ ПРЕДМЕТЫ — как живые, так равно и неодушевлённые (иногда принадлежу к этим последним) … Один китайский купец, когда англичанин упрекал его за какой-то обман, — отвечал ему: „Я плут — ничего не могу поделать“. Прощайте надолго. Надеюсь, встретимся лучше, т. е. когда я буду лучше».

Мочульский глубокомысленно комментирует:

«Письмо холодное, ироническое, горькое — и очень жалкое. Соловьёв пережил что-то тяжёлое, может быть даже унизительное для его самолюбия … И об этом говорит в вымученно-шутливом тоне, с лёгким отвращением к самому себе. Не связана ли эта угнетённость с внезапным возвращением с войны?»

Действительно, «не связана ли»? Тут побольше предположений надо, догадок. Вот об интимнейших интуициях Соловьёва, актуально данных ему одному, можно заявить вполне безапелляционно. Это факт. А то, что «Алёша Карамазов» «сделал ноги», да так, что его только через полтора месяца нашли — это грубейшая вульгаризация очень сложных душевных переживаний. Тут с плеча рубить нельзя: «На старт! внимание! м-марш!!! И пыль столбом». Не-ет, надо так: «Не связана ли эта УГНЕТЁННОСТЬ С ВНЕЗАПНЫМ «ВОЗВРАЩЕНИЕМ»?

А ведь Соловьёв-то получается это… как его… предатель Родины.

Шестов писал в «Апофеозе»:

«Лучший и убедительнейший способ доказательства — начать свои рассуждения с безобидных, всеми принятых утверждений. Когда подозрительность слушателя достаточно усыплена, когда в нём даже родилась уверенность, что вы собираетесь подтвердить любимейшие его идеи — тогда наступил момент открыто высказаться, но непременно как ни в чём не бывало, спокойным тоном, тем же, которым говорились раньше трюизмы. О логической связи можно не заботиться. На человека обыкновенно гораздо более действует последовательность в интонации, чем последовательность в мыслях. Так что, если вам только удастся, не нарушив тона, вслед за рядом банальностей и общих мест, высказать заготовленное ранее подозрительное и не принятое мне-

ние, ваше дело сделано. Читатель не только не забудет ваших слов — он будет ими терзаться, мучиться, пока не согласится с вами».

Все-таки Шестов самый европейский из русскоязычных философов. Мне уж где до него! Дело-то, дело-то какое — «сделать Соловьёва»! Изобразить «отца русской философии» надутым фигляром, ничтожеством! Разве так к этому подходят, как я? Нужно ёмко, веско, бархатно. Логика ладно, куда её для русачков, но культура логистики должна же быть. А так… Всхлипы какие-то.

Хотя, если вдуматься, и здесь есть своя метода. Скажем, начать с какого-то пошлейшего гнусавого занудства, обернуться этаким квакающим квакером, судящим всех и вся при помощи своей деревянной морали. И вдруг среди этой пилки дров проскакивает некая совершенно однозначная информация, вроде «Иванов убил отца». Сначала два часа придирки, догадки, выдаваемые с непрошибаемым апломбом за твёрдо установленную истину. И вдруг, в конце, невольно, как бы случайно, проскакивает полная очевидность, мгновенно реабилитирующая весь поток бездоказательной ругани.

Но и это грубо. Два часа гладкий текст никто слушать не станет. Тут надо нести какую-то несвязную ахинею, состоящую наполовину из истерических выкриков, а наполовину из пространных цитат. Да так это делать, чтобы эта ахинея вворачивалась в мозг и задним числом выстраивалась в нечто очень и очень серьёзное.

Дело, конечно, не в дискредитации Соловьёва. Дискредитацию следовало бы вести по плану Шестова, по-европейски. Задача в данном случае иная. Скорее я хочу возвеличить Соловьёва, придать его личности масштаб, который и не снился его современникам. Или, может быть, цель и не в этом, а в дискредитации всей русской культуры, в универсуме которой такие люди, как Соловьёв, становятся гениями. Или задача в изменении этого универсума (объективно — своего положения в нём), ибо само ощущение дефектности есть лишь новый этап развития языка. И Соловьёв-то, получается, вобрав в себя нефтяную плёнку ущербности, лишь сделал её явной, проявил фатальный изгиб России своей несчастной холостой судьбой…

Был ли у Соловьёва чёртик? Да конечно же, БЫЛ. «Чёртик» в том, что он кривлялся и выдумывал чёртика, тогда как вся его жизнь — это сама по себе сплошная чертовщина. Его знаменитая речь по поводу первомартовской катастрофы — это уже такая дьяволиада, такое издевательство над реальностью, что во-

лосы встают дыбом.

Смысл речи вполне понятен. Из обкома (повыше даже) позвонили по телефону:

— Есть мнение о необходимости споспешествования людям, связанным с трагическими первомартовскими обстоятельствами. Вы уж, Владимир Сергеевич, провентилируйте этот вопрос.

Соловьёв в меру своих сил и способностей и озаботился. Поддержал кампанию в защиту — выступил с «лекцией». После лекции «сильные мира сего» Алёшу ласково прикрыли. Снял трубку великий князь Владимир Александрович, сказал пару слов бархатным голосом: «Есть мнение…» Философ отделался лёгким испугом и оглушительным, дразняще «запрещённым» успехом.

Как пишет Мочульский:

«Поступок Соловьёва был сознательным подвигом веры, всенародным её исповеданием. Он хотел послужить Христу не словом только, но и делом: хотел пострадать за правду».

Всё это не так уж и интересно. Обычная русская история. Продолжая ломаться, Соловьёв в конце этого же года подал прошение об отставке. Министр просвещения барон Николаи в недоумении поднял брови: «Я этого не требовал!» Мочульский витийствует:

«Профессор без кафедры, проповедник без права голоса, он становится бездомным странником» (481). И т. д. и т. п.

Всё это, повторяю, знакомая, провинциально-родная ситуация. В этих событиях нет ничего интересного, удивительного. Удивительно лишь одно обстоятельство — органическая, идеальная вписываемость Соловьёва в эти пошлые события. Отвечаемость его образа на любые фантазии.

Вот как описывают очевидцы злополучную речь 28 марта:

1. П. Щёголев так воспроизводит конец лекции Соловьёва:

«Скажем же решительно и громко заявим, что мы стоим под знаменем Христовым и служим единому Богу — Богу любви. Пусть народ узнает в нашей мысли свою душу и в нашей совести свой голос: тогда он услышит нас и поймёт нас и пойдёт за нами».

(Кстати, по словам этого очевидца, философ якобы призывал к тому, «чтобы все мужчины стали Христами, а женщины — Богородицами». По-моему, даже для русского это слишком!)

2. Н. Никифоров. Он утверждает, что Соловьёв кончил так:

«Царь должен отречься от языческого начала возмездия и устрашения смертью и проникнуться христианским началом

жалости к безумному злодею … Помазанник Божий, не оправдывая преступления, должен удалить цареубийц из общества … но удалить, не уничтожив их, а вспомнив о душе преступников и предав их в ведение церкви, единственно способной нравственно исцелить их».

И далее:

«Соловьёв кончил. Но ещё с минуту стояла всё та же леденящая душу тишина. И вдруг словно дикий, неистовый ураган ворвался в зал. Раздались не крики, а прямо вопли остервенения, безумной ярости: Изменник! Негодяй! Террорист! Вон его! Растерзать его! (это уже на уровне „Распни! Распни его!“ — О.) *В то же время раздавались неистовые аплодисменты и крики „браво“ среди студентов. Соловьёв снова появляется на эстраде и говорит, что его не поняли, что он не оправдывал цареубийства. Студенты образуют цепь и доносят его с триумфом до кареты».*

3. Версию «уточняет» Р. Бодуэн де Куртене, воспоминания которой даже Мочульский квалифицирует как «самые невероятные слухи». Биограф Соловьёва пишет:

«Легенда разрастается в воспоминаниях Р. Бодуэн де Куртене. Она рассказывает, что после лекции какая-то „плотная фигура“ закричала: „Тебя первого казнить, изменник! Тебя первого вешать, злодей!“ Но этот голос потонул в воплях: „Ты наш вождь! Ты нас веди!“ Толпа два или три раза обносит Соловьёва вокруг зала. Министр народного просвещения, присутствующий на лекции, советует лектору поехать к Лорис-Меликову. Соловьёв отказывается, говоря, что с ним незнаком. „Это не частное дело, а общественное, говорит министр, а то смотрите, придётся вам ехать в Колымск“. — „Что же, философией можно заниматься и в Колымске“, — отвечает Соловьёв».

4. Л. З. Слонимский «вспоминает» более хитро. С одной стороны, последние слова лекции излагаются так:

«Соловьёв говорил медленно, отчеканивая отдельные слова и фразы, с короткими паузами, во время которых он стоял неподвижно, опустив свои удивительные глаза с длинными ресницами … Царь может их простить, сказал он с ударением на слове „может“, и после недолгой остановки, продолжал, возвысив голос: „Царь ДОЛЖЕН их простить“».

С другой стороны, эту совершенно неправдоподобную мелодраматическую стилизацию Слонимский смягчает, прямо обвиняя других очевидцев во лжи. По Слонимскому оказывается,

что никаких «воплей» не было, что Соловьёва не «обносили» и не «качали».

5. Сам Соловьёв так излагает происшедшее в своей объяснительной записке к петербургскому градоначальнику Баранову:

«Заключение моей лекции было приблизительно следующее: „Решение этого дела не от нас зависит, и не нам судить царей. Но мы (общество) должны сказать себе и громко заявить, что мы стоим под знаменем Христовым и служим единому Богу — Богу любви…“ Из 800 слушателей, разумеется, многие могли неверно понять и криво перетолковать мои слова».

Вот КРИВО перетолковали. А надо было перетолковать ПРЯМО. Или вот поняли НЕВЕРНО. А надо было понять ВЕРНО. А был ли мальчик-то? Врёт. Сам врёт, и все врут. Вокруг Соловьёва образовалось поле лжи. (Почему все воспоминания о Розанове сопоставимы?)

Вы вчитайтесь в эти «воспоминания». Это же нехороший, безнадёжно испорченный народ, народ, для которого самого понятия «правды», «факта» просто не существует (487). «Что хочу, то и ворочу». Лепят «от фонаря» что попало. Фу, стыдно, неприлично. Когда читаешь, уши горят от стыда за этих людей.

В чём дело? Что случилось? Откуда это? Ну понятно, нужно было создать «мнение», давление на правительство. Это ясно. Раздули до истерики, как и дело с Засулич. Это хорошая добротная работа по симуляции общественного мнения, якобы спонтанных «здравиц» и «гневных криков», многоэтажных аплодисментов и ледяного молчания. Всё это заунывное русское комедиантство, нашедшее своё логическое завершение в безнадёжной злобе и безнадёжной инсценированности московских процессов.

Всё это верно, но тут штришок: конфетно-коробочная эстетика отечественного «романтизма». Н. Никифоров посещает Соловьёва на следующий день после лекции:

«При взгляде на него я невольно отшатнулся — до такой степени было страдальческим выражение его лица. Особенно поразила меня небольшая прядка седых волос спереди. Она явилась в эту ночь. Стол был завален цветами, и Соловьёв писал письмо царю».

Перебарщивали. Постоянно перебарщивали. Это не простая ложь, хитрость, это ложь вдохновенная, хоть и по первоначальному толчку-заданию, но вполне искренняя, с «художеством», с хлестаковским бессмысленным размахом. Совсем не по заказу. И Соловьёв удивительно соответствовал этой русской завитушечности. Он чувствовал кисельность русской реальности.

Её расслабленность, сладкую, неприличную, даже не помышляющую о каком-либо отпоре. Вот встать, крикнуть: «Да по-олно! полно вам ВРАТЬ!!!» Нет, Хлестаков разбухает в киселе, куражится, а все только увёртливо крутятся вокруг, подхватывают любую ложь на лету, только бы не упала, не разбилась. Как это Соловьёв чувствовал! Как чувствовал! Это тоже «русский из русских». В Германии или Англии этого ЖУЛИКА враз бы приструнили. А в родном отечестве он мог вести себя совсем нагло. И всё удавалось. Поэтому Мочульский совершенно прав, когда говорит:

«Соловьёв осуществил свою личность, завещал нам свою трагически-высокую жизнь, свою неразгаданную тайну. И сила, которой он загипнотизировал несколько поколений, исходила не столько из его писаний, сколько из него самого. В нём было загадочное обаяние, его окружала романтическая легенда; люди влюблялись в него с первого взгляда и покорялись ему на всю жизнь. Соловьёв стал знаменем, за которым шли, образом, который на пороге символизма сиял „золотом в лазури“. Он был не философом определённой школы, а Философом с большой буквы — и таким он останется для России навсегда».

Женственный истеризм и предательство русской мысли навечно были актуализированы в личности Соловьёва. Он необыкновенно усилил эти качества языка, всегда «шёл навстречу».

На свете дивные бывают приключенья!
В его лета с ума спрыгнул!
Чай, пил не по летам.
— О! верно…
— Без сомненья.
— Шампанское стаканами тянул.
— Бутылками-с, и пребольшими.
— Нет-с, бочками сороковыми.

Соловьёв орал в русский язык. А язык аукался в Соловьёва. Взаимное орание становилось по ступенькам все громче и громче. А по сути — ДВОЙНАЯ ПРОВОКАЦИЯ.

Мартов в своих мемуарах вспоминал:

«Струве удалось познакомиться в корректуре со статьёй Владимира Соловьёва … под заглавием „Наш грех и наша обязанность“… В ней автор изображает голод (начала 90-х годов. — О.) *историческим наказанием за поведение русского общества в течение последнего десятилетия, причём, говоря об эпохе начала 80-х годов, характеризует позицию общества как рукопле-*

скание „бессмысленным злодеяниям“. Такое выступление прогрессивного философа-публициста против самой славной страницы русской истории, против эпохи террора, должно быть заклеймено студенчеством. Струве, волнуясь и заикаясь, говорил о подвиге Желябова и Перовской и призывал нас сказать Вл. Соловьёву прямо, что мы считаем себя продолжателями их дела, и что-то, что он называет бессмысленными злодеяниями, мы считаем „подвигами“. Эта мысль и была выражена в протесте, который он нам предлагал подписать, чтобы от имени передового студенчества вручить Соловьёву…

Финал нашей манифестации был комичен. Струве довёл дело до конца, и вместе с делегацией прочёл протест Вл. Соловьёву. Каково же было изумление, когда философ заявил, что протест основан на недоразумении, ибо, говоря о „бессмысленных злодеяниях“, которым общество рукоплескало 10 лет назад, он имел в виду отнюдь не террористические меры, а еврейские погромы 1881–1882 гг. Именно наказанием за российскую дикость, выразившуюся в погромах, он и считает голод, явившийся следствием культурной отсталости деревни».

В этом эпизоде весь Соловьёв. «А вы как думаете?» — «А как надо?»

Александр Блок взял эпиграфом к своим «Скифам» строчки из стихотворения Соловьёва. Сама поэма, как известно, начинается так:

Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!

Первоначально третья строка звучала иначе:

Да, жулики, да, азиаты мы.

Жулики вы, господа. И всю поэму следовало бы назвать «Жулики». А поскольку Блок поэт лирический, интимный, то не «Жулики» даже, а «Жулик».

Воспел бы Соловьёв вслед за Блоком Брестский мир? — За коробку конфет (любил страшно). «Я плут — ничего не могу поделать!»

А всё-таки можно и обобщить — «Жулики». Я сам жулик. Наклеил фразы из воспоминаний о Соловьёве на клеточки кубика Рубика и давай его крутить туда-сюда. Нехорошо, нечестно. Но тогда надо признать, что все воспоминания о Соловьёве — это тоже «кубик Рубика». И сама жизнь Соловьёва — такой ку-

бик. Слишком легко трансформируются все факты его биографии. Может быть, составить его цельную жизнь так же невозможно, как невозможно воссоздать биографию актёра, исходя исключительно из анализа ролей, сыгранных им на сцене. Соловьёв — это персонаж. Он чувствовал свою персонажность, выдуманность, но не страдал от этого, не пытался её разрушить, как Розанов а, наоборот, ещё больше подыгрывал, радостно стараясь как можно плотнее вписаться в навязанное извне амплуа. А поскольку у нас жизнь и искусство не сплетены даже, а перепутаны, то это подыгрывание и ломание оказалось вовсе не безобидным, а в конце концов сбылось и, может быть, привело к последствиям страшным.

404

← Предыдущее, следующее →

404. Примечание к № 381
Советская власть совершает все ошибки (к цитате)

Молодой Мартов познакомился с Лениным. Вскоре он заметил, что в дружеском кругу Ульянова все зовут «Ляпкиным-Тяпкиным». На вопрос о происхождении прозвища Мартову ответили: «А он у нас до всего своим умом доходит».

405

← Предыдущее, следующее →

405. Примечание к № 380

Как же этот «логичный человек» напугал евреев! Как они его боятся и ненавидят! (к цитате)

В 1945 году — единственный случай в мировой истории — добрались до личинок великого европейского государства. Все секретнейшие архивы Германии оказались на поверхности. Тут бы и анализ, тут бы и вскрытие подлинных причин произошедшего, всех хитросплетений и ходов, приведших Европу к чудовищной бойне 1914–1945 гг. И вот личинки куда-то исчезли (406). Быстро и незаметно, за одну ночь были спрятаны. Где документы? Где секретные архивы? Просочился мизер — например, документальные свидетельства о шпионстве Ленина. Но даже это не было обыграно. Так, «факт». Историю фашизма ещё и не начинали писать. Боятся.

406

← Предыдущее, следующее →

406. Примечание к № 405
И вот личинки куда-то исчезли. (к цитате)

Ещё об отце в пионерлагере. Он работал там художником, и у него был отдельный домик. Ма-аленький, в одно окошко. А вокруг сосны огромные. И в маленьком домике — папа. Внутри пахло табачным дымом, красками и печеньем. Я часто приходил к нему и оставался даже ночевать. В домике жил попугайчик. Он залетел в нашу квартиру неизвестно откуда (так ли, отец?), и я его поймал. И мы его в лагерь взяли. Рядом с домиком была огромная муравьиная куча (мне выше головы). Мы с отцом немножко, чуть-чуть поджигали муравейник (428) с одного конца и потом сразу гасили. А муравьи вытаскивали свои яички, куколки, личинки. Спасали. И мы собирали для попугая, он очень любил. Потом отец уехал на несколько дней в Москву, а за попугаем просил присмотреть старших ребят. Дал корм, ключ от домика. Но никто за ним не смотрел. «Забыли». И он умер. А мне отец сказал, что он попугая ребятам в лесную школу отдал.

Отец с 5 лет внушал мне мифологию Лесной Школы (435). Есть-де такая лесная школа за городом. И там ребята живут «на свежем воздухе». И вместе со зверюшками учатся. И так там спокойно, тихо. Никто ни на кого не ругается, не сердится, а все дружат и играют, помогают друг другу. И попугайчику там хорошо.

Отец, когда попрощался со мной, хотел по лестнице вниз до «скорой помощи» дойти, но врач запретил, сказал, что на носилках надо. А носилок не было, или нельзя было их развернуть на лестничной клетке — не помню. И тогда взяли одеяло и отца в него положили и понесли вчетвером. Отец лёг, руки сложил на животе и стал смотреть в потолок. Должно было как-то торжественно получиться. Но когда одеяло подняли с четырёх концов, то в середине оно прогнулось и получилось, что отец как бы в мешке. Его несут по лестнице, а он лицом ко мне и жалкими собачьими глазами на меня смотрит. Из мешка. И стесняется, всё взгляд отводит. И я тоже.

«В Лесную Школу».

407

← Предыдущее, следующее →

407. Примечание к № 393

(немцы) решили поставить на иррационализм. Именно решили, высчитали (к цитате)

Тут тоже гнездится разрушительное противоречие фашизма. Точный логический вывод из совершенно внелогичных, абсурдных, отрицающих всякую логику постулатов.

Фашизм авантюристичен — это больная воля, большевизм рассудочен — это больная мысль. В центре. Однако на второй, обслуживающей ступени, ступени интерпретации, мысль в Рейхе была сильнее. Общий уровень интеллекта был выше. Но центр (по уму) выше в России. Гитлер шёл ва-банк и не мог остановиться, всегда играл на повышение. СССР всегда в конце концов останавливался у самого края, не зарывался. Возможно, тут причина и во второй ступени. У немцев больная воля неслась вниз в инерционной логике, а у нас вязла в примитивизме, дробилась в спасительную бесцельность. Нацизм был слишком целесообразен и разумен, чтобы выжить.

Гегель видел в Наполеоне воплощение мировой идеи. Гитлер это Гегель в роли Наполеона. Гейден совершенно не понял, что «индуктивная беспомощность» Гитлера не является личным изъяном, а выражает изъян национальный и поэтому оборачивается по принципу резонанса колоссальным преимуществом. Более того. Иррациональность постулатов Гитлера является таковой лишь при очень поверхностном анализе. Конечно, индуктивные умозаключения Гитлера явно проигрывают по сравнению с железным ходом его дедукции. Но дело в том, что индуктивная часть его взглядов есть результат мистической интуиции, а не эмпирических наблюдений. (Хотя семитскому уму Гейдена это и не может представляться иным образом.)

Бердяев ещё во время Первой мировой войны писал в статье «Религия германизма» (одна из немногих несомненно удачных работ этого мыслителя):

«Германец ощущает хаос и тьму в изначальном, он очень чувствует иррациональное в мировой данности… Но он не потерпит хаоса, тьмы и иррациональности после совершённого его волей

и мыслью акта. Где коснулась бытия рука германца, там всё должно быть рационализировано и организовано… Отсюда рождаются непомерные притязания, которые переживаются немцем как долг, как формальный, категорический императив… Он колет глаза всему миру своим чувством долга и своим умением его исполнять. Другие народы немец никогда не ощущает братски, как равные перед Богом, с принятием их души, он всегда их ощущает как беспорядок, хаос, тьму, и только самого себя ощущает немец как единственный источник порядка, организованности и света, культуры для этих несчастных народов… Германец охотно признаёт, что в основе бытия лежит не разум, а бессознательное … Но через германца это бессознательное приходит в сознание (ср. Юнга! — О.)*, безумное бытие упраздняется и возникает бытие сознательное, бытие разумное…»*

И там же, в конце статьи:

«Германские идеологи даже расовую антропологическую теорию об исключительных преимуществах длинноголовых блондинов превратили в нечто вроде религиозного германского мессианизма… Немцы не довольствуются инстинктивным презрением к другим расам и народам, они хотят презирать на научном основании, презирать упорядоченно, организованно и дисциплинированно».

408

← Предыдущее, следующее →

408. Примечание к № 396

Соловьёвство злокозненно и вредно. (к цитате)

Неудача славянофильства — в потере приоритета. Соловьёв не захотел опираться на национальную философскую ТРАДИЦИЮ. Академическое послушание Соловьёва было направлено не в ту сторону. Это было послушание строптивого ученика, который ночи напролёт читает толстую хрестоматию для срезания и уличения своего учителя. Конечно, это характерная черта, о чём сказал Достоевский в «Карамазовых» (Красоткин).

Сказал об этом и Хомяков:

«У нас есть юноши, недавно вышедшие из школы, потом юноши, трудящиеся в жизни, более или менее, по своему школьному направлению, или по наитию современных мыслей, потом есть юноши седые, потом юноши дряхлые, а старцев у нас нет. Старчество предполагает предание, — не предание рассказа, а предание обычая. Мы всегда новенькие, с иголочки; старина у народа… Всякая наша личная прихоть, а ещё более всякая полудетская мечта о каком-нибудь улучшении, выдуманная нашим мелким рассудком, дают нам право отстранить или нарушить всякий обычай народный, какой бы он ни был общий, какой бы он ни был древний».

Конечно, это относится не только к народным обычаям и преданиям, но и к преемственности и послушанию вообще.

Положим, отсутствие интеллектуального послушания можно было бы отнести за счёт философской неискушённости, молодости русских в XIX веке. Но так ведь можно доказать всё что угодно. Не лучше ли сказать прямо: русские в XIX и XX вв. показали себя нацией глупой. По крайней мере, придурковатой, взбалмошной. Это видно и по политической истории, и по истории духовной. Увы, мы глупы. За весь XIX век и за начало XX (о более позднем времени лучше и не говорить) ни одного гениального поворота, ни одного гениального решения, гениальной коррекции. Иногда проблеск таланта. Но и в реальной, и в идеальной истории России постоянное и монотонное нарастание ошибок. Десятки, сотни, тысячи. Корабль России разваливался

на ходу. И разваливался именно в тех местах, где требовалось серьёзное, нешуточное напряжение ума. Там, где чувство, интуиция, на авось часто проскакивало и, кажется, появлялось нечто изумительное, поражавшее воображение. Но в чисто интеллектуальной области — ошибки, ошибки и ошибки.

409

← Предыдущее, следующее →

409. Примечание к с. 48 «Бесконечного тупика»

«Куда же тут Гегель со своим „синтезом“. Привёл в Берлинскую полицию. Розанов говорит ему: „Не-хо-чу“». (В. Розанов) (к цитате)

Чердынцев, написав свою книгу, испытывал удивительное чувство освобождения и сбывания своей мечты (517). В таком странном состоянии он пошёл загорать в берлинское предместье, и там у него украли одежду. Как во сне он шёл домой по городским улицам. И тут хлынул ливень. Счастливого голого Чердынцева остановил полицейский и оштрафовал за хулиганство:

«„Фамилия и адрес“, — сказал полицейский, кипя.
„Фёдор Годунов-Чердынцев“, — сказал Фёдор Константинович».
Полицейский заорал: «Перестаньте кривляться!»

410

← Предыдущее, следующее →

410. Примечание к № 373
Бесстрастное лицо, чёрный костюм (к цитате)

Юношеские фантазии: Я сижу, а рядом девушки стоят и шепчутся: «Маш, посмотри, дурачок какой-то». И тут я кашляю, и яркая струйка крови течёт по подбородку на пиджак (419). И так быстро, много. Весь пиджак спереди облит. Очень хорошо видно красное на чёрном. Я подымаюсь и, слегка сгорбившись, опираясь о стену, иду внутрь длинного коридора. А «они» смотрят с ужасом вслед. И я плачу от жалости к себе (422).

У меня много таких фантазий было — одна другой мрачнее. Однако рассудком я понимал их нелепость и даже записал в дневнике, что основная ошибка в том, что я слишком серьёзно отношусь к любви (465). На самом деле это очень весело и вообще игра. Неслучайно влюблённые всё время шутят, смеются. Уже начало ритуала заигрывания основано на рассмешении-растормошении объекта.

411

← Предыдущее, следующее →

411. Примечание к № 347

Лишь на достаточно примитивном уровне это проявляется как «издевательство» или «скромность». (к цитате)

Осип Мандельштам рассказывал о своём товарище юности Борисе Борисовиче Синани (сыне известного психиатра и эсера):

«Как глубоко понимал Борис Синани сущность эсерства и до чего он его внутренне, ещё мальчиком, перерос, доказывает одна пущенная им кличка: особый вид людей эсеровской масти мы называли „христосиками“ … — очень злая ирония. „Христосики“ были русачки с нежными лицами, носители „идеи личности в истории“ — и в самом деле многие из них походили на нестеровских Иисусов… На политехнических балах в Лесном такой „христосик“ отдувался и за Чайльд Гарольда, и за Онегина, и за Печорина… Мальчики девятьсот пятого года шли в революцию с тем же чувством, с каким Николенька Ростов шёл в гусары: то был вопрос влюблённости и чести».

Тут презрение к русским чистеньким простачкам, которых примитивно используют (416). «Вы-то куда полезли, дурашки». Но более интересно другое, сказанное невольно: и Онегин, и Печорин оказываются манифестациями центрального персонажа, который не 50, а 950 лет усваивался русским сознанием. Подмечено не просто детское честолюбие и детское же желание понравиться, столь развитое в «русачках», а форма, в которой всё это проявлялось. Каждый русский, хочет он этого или не хочет, является маленьким Христом (429), который пришёл в мир всех спасать. Это тайная интимная мечта любого русского. Даже у умнейших, серьёзнейших русских так это ясно, так видно. Разве Достоевский с его, по леонтьевскому определению, «розовым христианством» — это не «христосик»? «Я приду в мир, буду всем помогать, писать полезные книги. И увидят все, что это хорошо и станут жить дружно. И настанет рай». — Мечта Достоевского, мечта Толстого, мечта Чехова. Неважно, что это не говорится прямо (хотя, в сущности, и говорится), всё видно с одного взгляда.

Достоевский, громадный ум, это в себе постепенно изживал

и почти изжил. (Опять Леонтьев об этом писал, как Достоевский от романа к роману ближе к трагедии христианства подходил.) Никаких тысячелетних царств благодати, никаких милленаризмов, а смирение, молитва, безысходная грусть и смерть. Но даже в «Карамазовых» писатель так и не избавился от остатков юношеского прекраснодушия.

С русскими играет злую шутку излишняя пронизанность всей культуры христианством, когда даже юношеское тщеславие и бахвальство подёргивается флёром религиозного смирения.

Например, у Бердяева это проявилось отчётливейше. Что он говорил в «Смысле творчества», произведении, написанном накануне мировой войны и опубликованном накануне революции?

«Каждый из нас, плохой христианин, не научившийся ещё как следует крестить лоб, не стяжавший себе почти никаких даров, универсально живёт уже в иной религиозной эпохе, чем величайшие святые былой эпохи, и потому не может просто начинать сначала христианскую жизнь. Каждый из нас получает двухтысячелетнее христианство».

По мысли Бердяева, ортодоксальных христиан «гложет бессильная зависть к прошлому», они охвачены «религиозной трусостью». Дерзать надо, дерзать. Модернизировать отсталое православие, «воскресить через мистерию распятия розу мировой жизни»:

«Не со смиренным послушанием должен обратиться человек к миру, а с творческой активностью».

«Дерзновенен должен быть почин в осознании предчувствуемой творческой жизни и беспощадным должно быть очищение пути к ней. И ныне человек, робеющий перед творческой задачей, и из ложного смирения отказывающийся от творческого почина, упоенный пассивным послушанием, как высшей добродетелью, — не выполняет своего религиозного долга».

Ещё цитатка:

«Превращение Голгофской правды искупления в силу, враждебную творческому откровению о человеке, есть грех и падение человеческое, рождающее мировую религиозную реакцию, задержку всеразрушающего конца мира, создания нового неба и новой земли. Н. Фёдоров гениально дерзновенно говорил об условности апокалиптических пророчеств и считал Апокалипсис угрозой для малолетних».

Тебе пайку дали, а ты не ешь всю (506), поделись с умираю-

щим. Соблазн соседа по нарам продать за пачку махорки — а ты не соглашайся, молись. А подыхать будешь, отойди хорошо, не крича и проклиная, а прощая всех, покаявшись, или просто заползи в угол и кончись тихо. Хоть так. А если вырвался, убежал из ада, не забывай об оставшихся и покинутых, понимай, что совершил страшный, неискупимый грех.

412

← Предыдущее, следующее →

412. Примечание к № 402

Минимальный радиус разрушительной оборачиваемости, равный нулю, наблюдается в мышлении Ленина. (к цитате)

Это выламывание из логоса. Молчание Ленина уже не русское (420). Это молчание клоуна. Клоун, раскрашенный, в жабо и с дурацкой карликовой гармошкой в руках, ломяще упорным, волчьим взглядом смотрит на зрителя. И зритель ощущает СЕБЯ клоуном.

В своей политической деятельности Ленин всегда прятался за спины «товарищей» и почти никогда не спорил, не вступал в полемику живьём, глаза в глаза. Стоял сзади и смотрел: «туда умного не надо»:

«Бывает иногда, что опытные и осторожные политические деятели … посылают вперёд, вроде как на разведки, молодых и неосторожных вояк. „Туда умного не надо“, говорят себе такие деятели, предоставляя юнцам выболтать кое-что лишнее, чтобы таким путём позондировать почву».

Ленин — полное небытие. Собеседник с ним говорит, а он молчит, ждёт, когда тот выговорится и, дав на себя материал, бессильно повиснет сдувшимся воздушным шариком. Собеседник сжимается, а Ленин раздувается до циклопических размеров, разрастается во вселенную, превращается в нечто величественное, зловеще бесконечное.

413

← Предыдущее, следующее →

413. Примечание к № 399
Декабристы, эти гнусные кровавые черви (к цитате)

Первым пунктом программы декабристов было полное уничтожение царской семьи, включая грудных детей. Предусматривалась даже посылка секретных агентов в Европу для убийства находящихся там великих княжон. Это дворяне, офицеры, присягавшие на верность государю, с кодексом военной чести (421), выросшие в стране с чисто монархической формой правления и соответствующим воспитанием. Если с цареубийства хотели НАЧАТЬ, то что же говорить о дальнейшем, о судьбе народа русского? Да они и швырнули уже несколько тысяч. Солдатиков, скотинку серую, «за Константина и жену его Конституцию». То есть тут пробы негде ставить. Это гады, мразь. Да, декабрист Вадковский кредо очень ясно высказал:

«Если партия („организация“) прикажет, я убью отца, мать, брата и сестру».

Императрица Мария Фёдоровна писала:

«Как ужасно было читать донесение (по делу декабристов. — О.)*, какая злоба, сколько жестокости у одних из этих несчастных! какое ослепление у других, и в то же время какие смешные проекты! Ум человеческий беспомощен, если он не обосновывает свои суждения на религии и на морали, которая есть следствие религии; он теряется и делается способным на всё».*

Герцен, кажется, сказал, что интеллектуальная атмосфера в России резко упала после удаления из культурного общества декабрьских заговорщиков. Надо полагать, что если бы Марии Фёдоровне раздробили череп прикладом, оная температура скакнула бы вверх градусов на 40. Конечно, Пестеля на верёвочку, а Пушкина в Петербург — ну как тут не упасть интеллектуальной атмосфере? Правда, Александр Сергеевич был на короткой ноге с многими бунтовщиками. Но, зная нрав Пушкина и нрав, например, Пестеля, можно легко представить дальнейшую судьбу поэта в Русской республике. Как своего, первым бы и прирезали (шибко умный). Ведь на следствии выяснилось, что Пестель хотел сразу же после прихода к власти вырезать партию

Муравьёва. (Мария Фёдоровна, когда узнала об этом, со стоном писала в дневнике: «Боже мой, что это за люди!»)

Люди, конечно, были как на подбор. Один из декабристов вспоминал о Пестеле:

«Для возбуждения в нижних чинах своего полка неудовольствия против императора Александра I, он подвергал их жесточайшим наказаниям (440), при которых обыкновенно изъявлял притворное сожаление к истязуемым, уверяя их, будто жестокость ему предписана свыше. „Пусть думают, — говорил он, — что не мы, а высшее начальство и сам государь причиною излишней строгости“».

Что ж, после восстания в масонских агитках так и провернули.

414

← Предыдущее, следующее →

414. Примечание к № 392
И вдруг «Что такое хорошо и что такое плохо». (к цитате)

Считается, что с точки зрения формальной включение Маяковского в число основателей советской культуры («социалистического реализма») произошло, в общем, случайно. Действительно, какой же Маяковский реалист?! Как один из зачинателей контркультуры, он скорее является контрреалистом, антиреалистом. «Я люблю смотреть, как умирают дети», — классический пример эпатажа. Но дело в том, что после революции экстравагантные чудачества Маяковского стали бытом, государственной практикой:

— На детишек-то все смотреть любят. Вон николашкиного гадёныша придавили. Жалко, что на плёнку не сняли, как он под штыком вертелся!

Внезапно сверхоригинальность оказалась банальностью. Если бы Маяковский выдержал роль скандалиста до конца, он после революции должен был бы искренне писать: «Я люблю смотреть, как веселятся дети». Но, во-первых, с точки зрения вообще искусства это неинтересно, во-вторых, молодость прошла и хотелось чего-то серьёзного, с самоваром и женой, да, в-третьих, скандалиста после революции могли и шлёпнуть, а скандалист, чувствующий запах керосина, — самое прилежное существо на свете. И всё-таки «Что такое хорошо…» написано. Вещь по форме реалистичная, но по содержанию-то антисоветская.

415

← Предыдущее, следующее →

415. Примечание к № 355

Евреи оказались лицом к лицу с народом без правительства. (к цитате)

Наиболее болезненное, наиболее часто цитируемое место из «Вех»:

«Между нами и нашим народом — иная рознь. Мы для него — не грабители, как свой брат, деревенский кулак; мы для него даже не просто чужие, как турок или француз: он видит наше человеческое и именно русское обличие, но не чувствует в нас человеческой души, и потому он ненавидит нас страстно, вероятно с бессознательным мистическим ужасом, тем глубже ненавидит, что мы свои. КАКОВЫ МЫ ЕСТЬ, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами ещё ограждает нас от ярости народной».

Необычная, диссонирующая с общим настроением сборника фраза. Неслучайно в последующих изданиях к ней прилагалось заглушечное примечание. Тем не менее мысль очень глубока и прозорлива. Следует учесть только, что её автор — еврей Гершензон. Случайно (внешне) вырвалось у него глубокое прозрение, основанное на столь же глубокой ненависти к чужому народу, управлять которым собрались те, кто скрывался под туманным эвфемизмом «русская интеллигенция». Глубокая ненависть и страх. Изначальное недоверие, ожидание неизбежной расправы. Ни один русский разынтеллигент всё же не написал бы так, ибо никакой НЕНАВИСТИ к себе со стороны народа не чувствовал и чувствовать не мог. За что же мужику ненавидеть выучившегося поповича или мужицкого же сына? Только уважение, в худшем случае — зависть. Откуда и ненависть к образованным евреям, если народ с ними просто не сталкивался, «не замечал»? Пока евреи были евреями, им ничего не грозило. Но они «любили» чужое стадо и захотели стать его пастырями. Без знания народа, без знания искусства управления им. Гершензон невольно ужаснулся, вздрогнул: «Что же мы делаем? Куда и зачем мы идём? Мы — русские ПО ОБЛИЧИЮ». По-моему, это

единственно серьёзная, единственно взрослая страница «Вех». Не по содержанию. Содержание-то комично: «мы свои», «наш народ». По тону.

416

← Предыдущее, следующее →

416. Примечание к № 411

Тут презрение к русским чистеньким простачкам, которых примитивно используют. (к цитате)

Но и глубже — просто непонимание и неприятие чужой культуры. С какой злобой писал Франк в «Вехах»:

«Русский интеллигент испытывает положительную любовь к упрощению, обеднению, сужению жизни; будучи социальным реформатором, он вместе с тем и прежде всего — монах, ненавидящий мирскую суету и мирскую забаву, всякую роскошь, материальную и духовную, всякое богатство и прочность, всякую мощь и производительность. Он любит слабых, бедных, нищих телом и духом, не только как несчастных, помочь которым значит сделать из них сильных и богатых, то есть уничтожить их как социальный или духовный тип, — он любит их именно, как идеальный тип людей… Его влечёт идеал простой, бесхитростной, убогой и невинной жизни; Иванушка-дурачок, „блаженненький“, своей сердечной простотой и святой наивностью побеждающий всех сильных, богатых и умных — этот общерусский национальный герой есть и герой русской интеллигенции … её идеал — скорее невинная, чистая, хотя бы и бедная жизнь, чем жизнь действительно богатая, обильная и могущественная».

417

← Предыдущее, следующее →

417. Примечание к № 402

«Мы отвергаем вздорную побасенку о свободе воли». (В. Ленин) (к цитате)

Или, как сказал Вл. Соловьёв в, конечно, неоконченных «Философских началах цельного знания»: «Мы не нуждаемся в произвольных утверждениях».

Вообще у Соловьёва с филологией швах. Он совершенно разрушает текст, пытаясь имитировать музыкальную логику немецкого. Там же, страницей раньше:

«Истинная же логика … обращается к абсолютному первоначалу как настоящему центру, вследствие чего периферия нашего познания замыкается, отдельные части и элементы его получают внутреннее единство и духовную связь, и всё оно является как действительный организм, вследствие чего такая логика по справедливости должна называться органической».

Мир закругляется, но какими игольчатыми словами это написано. Немецкими (в русском смысле этого слова). Отказ от произвольного мышления привёл к произволу над словом.

Однако между Соловьёвым и Лениным есть качественное различие. Произвол Ленина носит хаотический, совершенно бессодержательный, нелепый характер. А произвол Соловьёва очень продуман и согласован, то есть является некоторой структурой, идеей (другое дело, что эта структура вступает в противоречие со структурой языка).

Сам Соловьёв прекрасно охарактеризовал суть колоссального отличия от Ленина, суть отличия философа от софиста:

«Сознание софиста говорило … внешнему бытию: я больше тебя, потому что я могу жить вопреки тебе, могу жить в силу своей собственной воли, своей личной энергии. Софистика — это безусловная самоуверенность человеческой личности, ещё не имеющей в действительности никакого содержания, но чувствующей в себе силу и способность овладеть всяким содержанием. Но эта в себе самодовольная и самоуверенная личность, не имея никакого общего и объективного содержания, по отношению к другим является как нечто случайное, и господство её над другими будет для

них господством внешней чужой силы, будет тиранией».

418

← Предыдущее, следующее →

418. Примечание к № 373
Замолчав же, я стал слышать себя. (к цитате)

Неосознанно я начал писать эту книгу, когда мне было 17 лет. Я чувствовал, что трачу себя, и положил тогда произносить за день не более 100 слов. Я молчал неделями, месяцами и это создало моё «я».

419

← Предыдущее, следующее →

419. Примечание к № 410

я кашляю, и яркая струйка крови течёт по подбородку на пиджак (к цитате)

Чехов в 1894 году, уже получивший известность, уже заболевший туберкулёзом, написал рассказ «Чёрный монах», пожалуй единственное отчасти ирреальное своё произведение.

Герой рассказа магистр философии Коврин заболевает манией величия. Формой проявления болезни является встреча с неким «чёрным монахом», который убеждает молодого учёного в его гениальности. Потом наступает частичная ремиссия и Коврин прозревает:

«Он рвал на мелкие клочки свою диссертацию и все статьи, написанные за время болезни, и … бросал в окно, и клочки, летая по ветру, цеплялись за деревья и цветы; в каждой строчке видел он странные, ни на чём не основанные претензии, легкомысленный задор, дерзость, манию величия, и это производило на него такое впечатление, как будто он читал описание своих пороков; но когда последняя тетрадка была разорвана и полетела в окно, ему почему-то вдруг стало досадно и горько…»

Он понял, что,

«чтобы получить под сорок лет кафедру, быть обыкновенным профессором, излагать вялым, скучным, тяжёлым языком обыкновенные и притом чужие мысли, — одним словом, для того, чтобы достигнуть положения посредственного учёного, ему, Коврину, нужно было учиться пятнадцать лет, работать дни и ночи, перенести тяжёлую психическую болезнь, пережить неудачный брак и проделать много всяких глупостей и несправедливостей, о которых приятно было бы не помнить. Коврин теперь ясно сознавал, что он — посредственность, и охотно мирился с этим…»

Но потом чёрный монах возвращается и начинается новый приступ безумия:

«Коврин уже верил тому, что он избранник божий и гений, он живо припомнил все свои прежние разговоры с чёрным мона-

хом и хотел говорить, но кровь текла у него из горла прямо на грудь, и он, не зная, что делать, водил руками по груди, и манжетки стали мокрыми от крови ... Он упал на пол и, поднимаясь на руки, ... позвал: — Таня! Он звал Таню, звал большой сад с роскошными цветами, обрызганными росой, звал парк, сосны с мохнатыми корнями, ржаное поле, свою чудесную науку, свою молодость, смелость, радость, звал жизнь, которая была так прекрасна. Он видел на полу около своего лица большую лужу крови и не мог уже от слабости выговорить ни одного слова, но невыразимое, безграничное счастье наполняло всё его существо. Внизу под балконом играли серенаду, а чёрный монах шептал ему, что он гений и что он умирает потому только, что его слабое человеческое тело уже утеряло равновесие и не может больше служить оболочкой для гения».

Этой летней ночью в номере заграничной гостиницы, который он снимал вместе с женой, Коврин умер.

420

← Предыдущее, следующее →

420. Примечание к № 412
Молчание Ленина уже не русское. (к цитате)

Сергей Булгаков писал в «Философии имени»:

«Тот, кто измышляет имя по какому-нибудь одному признаку, совершенно не знает, что здесь в действительности происходит, какой улов оказывается на крючке измышленной им клички, когда она начнёт вести существование как имя».

Что в действительности произошло при измышлении В. И. Ульяновым нового имени? Во-первых, бросается в глаза псевдорусская форма слова «Ленин». Таких фамилий в России нет, и тем не менее она утрированно русская. Это некий гибрид Ленского и Онегина (437), предусматривающий поверхностную начитанность при полном художественном безвкусии. Во-вторых, являясь псевдорусским, имя «Ленин» является и псевдоевропейским. Ленин — название города в средневековом Бранденбургском княжестве и вообще напоминает некоторые легендарные североевропейские имена (Мерлин).

Таким образом, псевдоним «Ленин» есть символическое обозначение псевдоморфозности его носителя. Ленин, с его утрированно национальной внешностью, по своему происхождению связан с русским народом весьма косвенно. Со стороны матери его дед — еврей Бланк, а бабка — дочь предпринимателя Грошопфа. А со стороны отца силён монголоидный элемент. В лучшем случае Ленин русский лишь на ¼. И тем не менее такая характерная внешность. Дело в том, что облик русского человека сформировался от смешения древнеславянского расового типа с североевропейским и азиатским. Ленин же — это смешение семита с немцем и монголоидом. Хотя один (и главный) из компонентов иной, всё же формально близкое соотношение породило удивительную похожесть на некоторый национальный русский тип. Эту похожесть понимал сам Ленин и всегда её обыгрывал именно не как русскость, а как ПОХОЖЕСТЬ на русского, то есть выступал в виде ряженого. В революцию 1905 года он ходил в косоворотке, фуражке и смазных сапогах, а после 17-го сын действительного статского советника надел кепку. Задача

России — внутренний синтез европейского рационализма и восточного мистицизма — нашла своё пародийное разрешение в личности Ленина, потомка еврея и калмыка, смеси семита и монгола — восточного варварства и совершенно опустошённого, доведённого семитским восприятием до абсурда западного логоса.

С. Булгаков говорил в уже цитированной выше книге:

«Переменить имя в действительности так же невозможно, как переменить свой пол, свою расу, возраст, происхождение и пр.»

Это верно. Но можно найти утерянное имя, исправить ошибку наименования. Если бы Ленин взял псевдоним Ульянов, то тогда были бы к нему приложимы следующие слова Булгакова:

«Псевдоним есть воровство, как присвоение не своего имени, гримаса, ложь, обман и самообман. Последнее мы имеем в наиболее грубой форме в национальных переодеваниях посредством имени, что и составляет наиболее обычный и распространённый мотив современной псевдонимии Троцких, Зиновьевых, Каменевых и подобных. Здесь есть двойное преступление: поругание матери — своего родного имени и давшего его народа, и желание обмануть других, если только не себя, присвоением чужого имени. Последствием псевдонимности для его носителя является всё-таки дву- или многоимённость: истинное имя неистребимо, оно сохраняет потаённую свою силу и бытие, обладатель его знает про себя, в глубине души, что есть его истинное, не ворованное имя, но в то же время он делает себя актёром своего псевдонима, который ведёт вампирическое существование, употребляя для себя жизненные соки другого имени. Не может быть здорового развития для псевдонима, ни истинного величия и глубины при такой расхлябанности духовного его существа, денационализации, вороватости».

Мысль Булгакова удивительно верна, но в приложении к Ленину оборачиваема. Ленин уже сам по себе был псевдочеловеком, персонажем и, следовательно, псевдоним и должен был стать его подлинным именем, а имя превратиться в псевдоним. Так и получилось: полный псевдоним Вл. Ульянова — Николай Ленин — не сохранился и к псевдонимной фамилии было присоединено живое имя и отчество. Получился человек без рода без племени. Но именно без русского рода и племени. Нерусский, но именно не русский и, следовательно, порождённый русской культурой (442).

421

← Предыдущее, следующее →

421. Примечание к № 413

Это дворяне, офицеры, присягавшие на верность государю, с кодексом военной чести (к цитате)

Более того. Русская монархия была построена на романтике любви. В этом её отличие от западного типа, основанного на романтике чести. Следовательно, преступление декабристов — это не столько даже замена чести бесчестием, сколько вытеснение любви ненавистью. И поэтому не в том дело, что их прожекты были юридически безграмотны и подрывали и без того недостаточное развитие правового начала, а дело в том, что они хотели разрушить неуловимую и никакими законами не фиксируемую ауру любви и добра, окружавшую личность русского монарха. И суд истории над декабристами должен быть прежде всего не юридический («ошибки»), а этический. И по этому суду прощения им нет. Ибо право — мера, любовь — безмерность. Ошибка в безмерности есть ошибка абсолютная, непоправимая, последняя. И в этом вот последнем пределе и последний, несчастный царь не ошибся (438). Беря без меры, он и отдал без меры, принёс себя как искупительную жертву за грехи России.

422

← Предыдущее, следующее →

422. Примечание к № 410
я плачу от жалости к себе (к цитате)

Я всегда завидовал людям, которые способны вызывать жалость, а потом хладнокровно утилизовывать её (500). От отца я заимствовал русскую технологию придуривания, прибеднения. У него это было «искусством для искусства», у меня же более серьёзно и переходило в юродство. Пожалуй, и в центр идеи любви была поставлена идея жалости. Меня пожалеют, скажут: «Бедный Одиноков, мне тебя жалко», — и по головке погладят. И вообще «возьмут с собой». Но никогда это мне не удавалось. И я перестал — осталось рудиментарное прибеднение, как нечто ненужное, внутренне неоправданное, то есть атавизм. Я прибедняюсь по инерции и машинально. Но это и у всех русских:

— Прошу к столу.

Русский подскакивает:

— Что вы, что вы! Я сыт!

— Нет, давайте, давайте.

— Ну разве за компанию посидеть, хи-хи.

— Ну, а раз сели — надо есть.

— Нет, вы ешьте, ешьте, а я так, вот в уголке сушечку погрызу.

— Не-ет, давайте борщ, потом второе… А вот и компотик.

— Что вы, я сыт, наелся до отвала у вас, из-за стола не встану.

— Ну-у, компот-то надо: свежий, вкусный.

— Мне? Компот?! Нет! Он же хороший!!! И т. д.

Почему же у меня ничего не получалось? Ведь я действительно, в общем-то, жалок, унижен. Пожалуй, тут две причины. Во-первых, я относился к прибеднению слишком всерьёз, а во-вторых, слишком легкомысленно, идеально. Сначала всё получалось отлично. Кто-нибудь жалел меня, думал: ну вот Одиноков, какой несчастный и хороший человек. Надо ему помочь. Вот у меня рубашка старая. Она хорошая, но не модная уже, я в ней дома хотел ходить, а так она не очень мне нужна. Вот я ему отнесу её — пусть носит. Надо же поддержать человека, порадовать. И несёт эту рубаху, сияет весь:

— Я рубаху тебе подарить хочу!

— Что? А-а, ну кинь её в угол, вон где тряпки лежат.

А когда потрясённый альтруист уходит уже, до меня вдруг в прихожей «доходит», но слабо, на 1/100:

— Да, вы это, значит, рубаху принесли. Ну что ж, это хорошо, вещь полезная.

Ну и все руки опускали. У меня психология короля в изгнании (507).

423

← Предыдущее, следующее →

423. Примечание к № 190

Вот когда я серьёзно начну играть… А так это пока прикидка. (к цитате)

Соловьёв, только начав заниматься философией, писал своей невесте:

«Всё это только начальные, подготовительные занятия, настоящее дело ещё впереди, без этого дела, без этой великой задачи мне незачем было бы и жить, без него я бы не смел и любить тебя … Пока, в настоящем, я ничто…»

Ну, а «дело» ясно какое:

«Предстоит задача: ввести вечное содержание христианства в новую, соответствующую ему, то есть разумную безусловно форму. Для этого нужно воспользоваться всем, что выработано за последние века умом человеческим: нужно усвоить себе всеобщие результаты научного развития, нужно изучить всю философию».

И тут же наивный вздох, дающий более ёмкую и краткую характеристику «делу» философа в осьмнадцать лет:

«Очень тяжело шагать через других и, МЕЧТАЯ О СПАСЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА (курсив мой. — О.)*, по какой-то злой иронии жизни быть невольно причиной чужого несчастья».*

Русачок-простачок. Однако простачок с безумно-звериным посверком в глазах. Спасение человечества намечалось проводить вовсе не проповедью. Милая девушка уже включена в Систему:

«Что касается моего мнения о способности женщины понимать высшую истину, то без всякого сомнения — вполне способна, иначе она не была бы человеком. Но дело в том, что по своей пассивной природе она не может сама найти эту истину, а должна получить её от мужчины. Это факт: ни одно религиозное или философское учение не было основано женщиной, но уже основанные учения принимались и распространялись преимущественно женщинами. Полагаю, что и при предстоящем перевороте в сознании человечества женщины будут играть важную роль».

И далее, уже прямо пародируя знаменитое письмо Чернышев-

ского к Ольге Сократовне:

«А начнётся оттуда, откуда никто не ожидает (от сектантов, от раскольников *(433)*. Кстати, Чернышевскому тоже приходила — или была всунута — в голову подобная мысль. Мережковский здесь совсем не оригинален. — О.). *Скоро покажет мужик свою настоящую силу к большому конфузу тех, которые не видят в нём ничего, кроме пьянства и грубого суеверия (в этом мнении прежде и ты, мой друг, была грешна). Приближаются славные и тяжёлые времена, и хорошо тому, кто может ждать их с надеждой, а не со страхом».*

Априори была та же чернышевская идея фикс. С этой идеей «спасения», ПО ПЛАНУ он начал заниматься философией. И всю жизнь его философия, в глубине-то имевшая чисто утилитарное, не самодостаточное значение, валилась в ноль.

В общем Соловьёв — это тот же Николай Гаврилович, только неудавшийся. Если Чернышевский — это неудавшийся Ленин, то Соловьёв — это неудавшийся Чернышевский (444). Чернышевский начал с главного, с того, к чему Владимир Сергеевич всю жизнь только подступал, не зная, с какого края подойти. Соловьёв с его дворянством крутился, как кот вокруг горячей каши, а неотягощённый рефлексией разночинец Чернышевский программу выполнил на 100%. И энциклопедические труды, и счастливая любовь, и лавры писателя и пророка, и пост у штурвала России, и муки, страдание, крест. Правда, всё на семинарском уровне: не учёный, а наглый профан; не писатель, а автор «Что делать?»; не великий кормчий, а использованный простак; не крест, а производственная травма, полученная при постройке тысячепудового вечного двигателя. И наконец, увы, чернышевская «эвихь вейблихе» оказалась провинциальной шлюшкой.

Но ведь сущность важнее осуществлённости. И вот Соловьёв, существо вроде бы иного порядка разумения, пишет о своём брате по крови:

«Над развалинами беспощадно разбитого существования встаёт тихий, грустный и благородный образ мудрого и справедливого человека».

424

← Предыдущее, следующее →

424. Примечание к № 345

В процессе мифологизации образ Чехова претерпел сильные изменения. (к цитате)

Первый этап мифологизации от 900-х до 30-х годов. Чехов — полезный нытик, обличитель ужасов. Но была и другая сторона: запонки, трость, воротничок — идеал образованного недворянина, то есть преимущественно еврея. Как писал Розанов, «тайный пафос еврея — быть элегантным». Это ответвление послужило основой для второго этапа. Не пить водку из графина, не кидаться костями за столом, не замечать пролитого соуса. Это было необычайно актуально для 30-х и особенно для 40-х, когда победители Европы наконец надели шляпы и галстуки. Чехов был идеологически приемлем и просто социально близок «выходцам» и стал для советской элиты образцом элементарной воспитанности.

Наконец, третий этап, начавшийся с 50-х годов. Чехов превращается в символ русской интеллигенции (445), а русский интеллигент в свою очередь наделяется всеми возможными положительными качествами. Он и справедливый, и добрый, и терпимый, и блестяще образованный, и домовитый, и честный.

Из-за необыкновенной ПУСТОТЫ Чехова он стал удобной вешалкой для идеалов. Из-за этого и характерная для всех трёх этапов «евреизация» чеховского образа, превращение Чехова в кумира русского еврейства. Имитация «русского писателя» легче всего проходит при использовании чеховской маски. Характерно, что, например, Эренбург написал работу о Чехове, а в своих мемуарах постоянно позволял себе гротескные аналогии между Чеховым и советским еврейством.

Например, рассказывая о партаппаратчике Уманском, Эренбург заметил:

«Я знал, что есть у него в жизни большое чувство, что в 1942 г. он переживал терзания, описанные Чеховым в рассказе „Дама с собачкой“».

425

← Предыдущее, следующее →

425. Примечание к № 403

но в основе-то лежит первичная мистическая интуиция (к цитате)

Была и «интуиция». На спиритических сеансах у Лапшина Соловьёв встретился с профессором философии Московского (читай: Масонского) университета Памфилом Даниловичем Юркевичем. Соловьёв вспоминал:

«В мае 1873 г. он целый вечер объяснял мне, что здравая философия была только до Канта и что последними из настоящих великих философов следует считать Якова Бёме, Лейбница и Сведенборга».

Юркевич прочил Соловьёва в свои преемники. Его, малоросса по национальности, особенно прельщала украинская кровь Владимира Сергеевича. Ведь Соловьёв был потомком самого Сковороды (531). Примечательно, что Сковорода, первый философ из восточных славян, развивал идеи немецкого мистицизма, преклонялся перед Бёме и был весьма далёк от ортодоксального христианства.

426

← Предыдущее, следующее →

426. Примечание к № 376
евреи неожиданно для себя создали антиеврейский, антисемитский миф (к цитате)

Появление Ленина было предопределено, и появление не только в мистической, но и в самой что ни на есть реальной истории. Это материально воплощённая, живая провокация (шпион). И тоже в результате создание религии. Всё рассыплется, истлеет, а в подполье, через сто лет после смерти, к 2024 году останутся… И они миф создадут (671), который через столетия в самой неожиданной форме выступит. Как уже русская провокация, аналог еврейской, двухтысячелетней.

427

← Предыдущее, следующее →

427. Примечание к № 402

в Чернышевском, в этом лесном клопе, Набоков заставил нас увидеть человека (к цитате)

Если Набоков в Чернышевском увидел человека, то, возможно, в Ленине следует увидеть сверхчеловека.

428

← Предыдущее, следующее →

428. Примечание к № 406

Мы с отцом немножко, чуть-чуть поджигали муравейник (к цитате)

Муравьи сами гасили огонь своими телами. Отец объяснял, очень хвалил: «Сам погибай, а товарищей выручай». Вообще объяснял устройство муравейника, заранее предсказывал поведение его обитателей. Он здесь выступал немножко Богом, и я был поражён столь сложной и мудрой игрушкой. Потом, уже в более старшем возрасте, я прочёл в журнале статью биолога Медникова о муравьях и мечтал вслед за ним разводить их дома, в специальных банках, опутанных сложной системой тянущихся к кормушкам нитей-муравьепроводов. Конечно, мечта была неосуществима, но я часто думал её. Однако тема муравьёв получила и своё материальное воплощение.

С пятилетнего возраста я был заворожён темой пластилина, но до пересечения с темой муравьёв игра ещё не получила своего законченного воплощения, строгой кодификации. А после муравьёв, тогда же, у отца в домике, я стал лепить их из пластилина и уничтожать, давить из пластилинового же пулемёта при помощи других муравьёв. Лепить я ещё совсем не умел и муравьёв изображал просто круглыми пластилиновыми шариками. Отец последил за азартным боем и «нехорошую игру» запретил. Однако через несколько месяцев, дома, я с фатальной предопределённостью вернулся к ней и продолжал играть до 17 лет, прекратив уже после смерти отца.

Игра постепенно усложнялась. Я научился лепить очень хорошо и быстро. Создавал из пластилина целые армии. Масштаб-то увеличивался, и я лепил настоящих солдатиков со своей униформой, погонами, оружием, выдумывал сюжеты игр, их декорации. Иногда же масштаб уменьшался, и я людей изображал схематически, пяти или даже полумиллиметровыми шариками. Шарики выстраивались в колонны, каре, помещались в педантично вылепленные танки, самолёты и корабли, укрывались в вырытых в пластилиновой поверхности окопах, замках и целых городах. Вариации были бесконечные, всё усложняющиеся. Я создавал морские и космические бои, осады крепостей, оборо-

ну и штурмы островов. Я лепил даже карты (Европы и др.) Здесь игра выходила на чисто схематический уровень и могла осуществляться умозрительно, при помощи цветных карандашей и ластика. Сюжеты брались из истории: древние греки, крестоносцы, немцы; или же выдумывались на ходу — люди иногда заменялись роботами, гигантскими крабами и осьминогами, и раза 2–3 уже настоящими муравьями-марсианами. Игра поглощала очень много времени и, в сущности, заменила мне всё: школу, общение со сверстниками, театр, кино. Вместе с книгами это была единственная отдушина, окно в мир.

Отказаться от игры было очень сложно. Вообще, раз в 1–2 месяца у меня происходила «смена декораций» и я безжалостно сминал города, чтобы построить что-то новое и населить новый мир новыми муравьями. Но отчётливо помню опустошение и стыд, с которым я уничтожал последний вариант игры — флотилию морских катеров, охотящихся друг за другом по доске-морю. Собственно игру уничтожить было нельзя. Я и до их пор часто играю в уме, причём замысел, не осуществляясь, всё разрастается и разрастается. Я думаю, что, может быть, в своё время, на злорадно и радостно сбывшемся уровне, он ещё сбудется.

Да я и так играю. Все основные темы-архетипы остались: чувство уюта, укрытия в штурмуемой пластилиновой крепости; граница и её пересечение. Чувство правил, кодекса и невозможность его нарушения. Способность создавать правила и рассчитывать ходы вперёд. Чувство времени и постепенного воссоздания замысла и т. д. Всё продолжается. Как через игру в пластилин можно представить всю мою жизнь от 5 до 17 лет, так игру в пластилин можно представить жизнью. Может быть, после 17-ти настоящая игра только и началась.

429

← Предыдущее, следующее →

429. Примечание к № 411
Каждый русский … является маленьким Христом (к цитате)

Бердяев прекрасно в «Смысле творчества» писал о католичестве и православии:

«…для католического Запада Христос объект, Он вне человеческой души, Он предмет устремлённости, объект влюблённости и подражания. Поэтому католический религиозный опыт есть вытягивание человека ввысь, к Богу. Католическая душа — готична. В ней холод соединяется со страстностью, с распалённостью. Католической душе интимно близок конкретный, евангелический образ Христа, страсти Христовы. Католическая душа страстно влюблена в Христа, подражает страстям Его, принимает в своём теле стигматы … В католичестве энергия переливается в пути исторического делания, она не остаётся внутри, так как Бог не принимается внутрь сердца, — сердце стремится к Богу на путях мировой динамики».

«Для православного Востока Христос субъект, он внутри человеческой души… В православной мистике невозможна влюблённость в Христа и подражание Ему. Православный опыт есть распластание перед Богом, а не вытягивание. Храм православный, как и душа, так противоположен готике… В православии нельзя сказать: мой Иисус, близкий, любимый. В храм православный и в душу православную нисходит Христос и согревает её… Православие — не романтично, оно реалистично, трезво. Трезвение и есть мистический путь православия. Православие — сыто, духовно насыщенно. Мистический православный опыт — брак, а не влюблённость… он не творит красоты. В православном мистическом опыте есть какая-то немота для внешнего мира, невоплотимость».

Если европеец любит Христа и подражает ему, считает его своим идеалом, то русский считает себя Христом. Нелепо, безумно, и никогда ни один нормальный русский не признается в этом, но это так. Но как же жить «Христом» в миру? (839) Только за счёт тончайшего, веками вырабатываемого механизма глумливой адаптации. И что же тогда русский романтизм?

то есть перенос на абсолютно чуждую почву западного мирочувствования? — Лишь форма издевательства над миром, над самим собой. Русский романтик — это христосик, идиотик, дурачок. Сама идея романтизма так и ощущалась русскими.

430

← Предыдущее, следующее →

430. Примечание к № 373

Достоевский. «Хе-хе». Все его трагедии с этим смешком (к цитате)

Соня надевает кающемуся Раскольникову на шею свой крест, а он:

«— Это, значит, символ того, что крест беру на себя, хе-хе!»

431

← Предыдущее, следующее →

431. Примечание к № 384

Набоков вспоминал о своём гувернёре-еврее, которого он в мемуарах саркастично окрестил Ленским (к цитате)

Уже не в фантазии Набокова, а в реальности под псевдонимом Ленский скрывался основатель Екатеринославского Союза борьбы за освобождение рабочего класса Илья Соломонович (он же Эфроим Залманович) Виленский.

Следующим после Ленского гувернёром Набокова был некто Волгин, сын обедневшего симбирского помещика, впоследствии женившийся на одной из многочисленных набоковских родственниц. После революции Волгин стал комиссаром, а жену сдал в Соловки. В бытность гувернёром Волгин поспорил с Володей на строчку «Евгения Онегина» и проиграл ему своё революционное оружие — кастет.

432

← Предыдущее, следующее →

432. Примечание к № 402

Я долгое время полагал, что всё отличие Ленина от Чернышевского только в том, что его «нашли» (к цитате)

То есть «нашли» и того и другого. Но Ленина нашли ещё раз, в Швейцарии, а о Чернышевском в Сибири забыли. Ну, попросили отпустить умирать в Астрахань, и всё. Но карьера Николая Гавриловича, разумеется, началась с «хороших ребят».

Набоков писал о Чернышевском:

«Некогда, в юности, у него было одно несчастное утро: зашёл знакомый букинист-ходебщик, старый носатый Василий Трофимович, согбенный как баба-яга под грузом огромного холщового мешка, полного запрещённых и полузапрещённых книг. Чужих языков не зная, едва умея складывать латинские литеры и дико, по-мужицки жирно, произнося заглавия, он чутьём угадывал степень возмутительности того или другого немца. В то утро он продал Николаю Гавриловичу (оба присели на корточки подле груды книг) неразрезанного ещё Фейербаха».

Так не бывает. Тут Владимир Владимирович маху дал. Русский человек — прирождённый материалист. Да и попробуй не быть в России материалистом. Как ударит под 40 градусов, поневоле материалистом станешь, все тряпочки какие ни есть на себя навернёшь. Раз русский за что-то схватился, значит у него какая-то идея, мыслёнка кривенькая есть. Это не так всё механически: вывалили книги на пол, а там в куче Фейербах, например, оказался. Ну, русский Ваня и стал его машинально читать. Нет, не так. Нет здесь и западного идеализма, то есть чисто познавательного интереса (да в этом случае Фейербах бы через три дня в печь полетел — нудно, пошло). Тут Фейербаха посоветовали ЛЮДИ. И русский — прирождённый предприниматель, прирождённый деловой человек — решил уцепиться за «полезную книжечку», чтобы с её помощью и самому полезным стать. Конечно, ничего не получилось, потому что русский опять же прирождённый банкрот, но мысль была очень чёткая и утилитарная. Хитрая. Чернышевский дурак, дурак, а умный. Он посматривал, где что плохо лежит. Ему сказали — Фейербах.

Он и стал фейербахианцем. Сказали бы — Гегель, он бы гегельянцем стал. Сказали бы — Конфуций, он бы стал конфуцианцем. Сказали бы — в лавке приказчиком, он бы — приказчиком. Главное, при лавочке, при деле. Зацепиться ногами, руками, ушами. Чтобы было с чего жить, где от мороза укрываться. Но при этой хитрости детское простодушие, мечтательность и никчёмность. Полная отдача себя «людям». Людям, в сущности, совсем незнакомым или «седьмая вода на киселе» (434).

Так вот интересно, кто эти люди, которые Чернышевского к делу приставили? Известно, что жил в Петербурге уроженец саратовской губернии Иринарх Введенский, чью мрачную и страшную личность мы здесь трогать не будем (Введенский умер в 1855 году). Вокруг этого человека, «великого слепого» русского подполья, собирался кружок саратовцев, куда входили Чернышевский, Благосветлов, Пыпин и другие. Вот на фигуре Александра Николаевича Пыпина и остановимся. Пыпин, двоюродный брат Чернышевского, в громких делах не был замешен, в тюрьме не сидел, в ссылке не жил. Был предназначен для другого. Пыпин, как и его кузен, отличавшийся исключительным трудолюбием, создал больше, чем подполье — он на 80% сформировал мифологию русской интеллигенции, выкопал гигантский мелководный лягушатник, в котором она барахталась несколько десятилетий. Тысячи журналистов, стоящие на подхвате, повторяли, аранжировали и пережёвывали пыпинские мысли, низводя их до уровня тезисов и лозунгов, которые служили каркасом леворадикальной долбни. Достаточно указать только на три мифа из многотомного пыпинского репертуара:

1. Именно этот человек разработал «теорию официальной народности», якобы исповедываемую государственной мыслью. (Пыпин, кстати, ввёл и сам этот термин.) При этом страна, в максимально возможной степени открытая любым западным влияниям, страна, чей книжный рынок был переполнен литературой на всех европейских языках и литературой самых радикальных направлений, страна, где даже официальное делопроизводство в значительной степени велось на иностранном языке, эта страна изображалась в виде косной, консервативной деспотии, суть которой заключается в полном затворничестве и неподвижности. Для обоснования этого постулата Пыпин довольно ловко (по крайней мере, для того времени) передёргивал различного рода исторические факты и обстоятельства, а также некоторые высказывания властей. Никакого научного значения «теория» Пыпина не имеет и иметь не может. Но её идеологическое значение огромно.

2. Именно Пыпину принадлежит сомнительная честь канонизации Белинского. Венгеров умилялся по этому поводу:

«Биография Белинского, по частям печатавшаяся в „Вестнике Европы“ (последняя фаза канонизации. — О.)*, в своё время привлекла к себе чрезвычайное внимание. Она даёт подробные и совершенно новые сведения не только о самом Белинском, но и о друзьях его… Письма Белинского, разысканные Пыпиным, вводили в мир небывалой душевной красоты и произвели сильное впечатление. Все знали до сих пор Белинского-критика, теперь же вырисовался такой лучезарный образ человека-борца за свои идеи, который нельзя было не полюбить даже больше Белинского-писателя. Создалось мнение, что Белинский разысканных* (читай: ловко подтасованных и отредактированных. — О.) *писем, свободно отразившийся здесь во всей чистоте и идеальности своего высокого духа, едва ли не ценнее, чем в своих статьях, где его стесняли условия печати того времени».*

3. Главное. Пыпин является основоположником масонской историографии в России. В своих трудах, посвящённых масонству, этот человек решил сложнейшую задачу, с одной стороны, элементарной пропаганды масонских взглядов, а с другой — приемлемой позитивистской интерпретации франкмасонской фантасмагории XVIII—нач. XIX вв. Да, было русское масонство, и мы этого не скрываем. Конечно, после 1825 года никаких масонов уже нет. Они были разгромлены, задушены царизмом. Но они были, были. И их надо изучать. Кто же такие масоны? По своей сути симпатичные идеалисты, мечтатели и одновременно пламенные борцы за светлое будущее (тут выход уже непосредственно на мифологию декабризма).

Вот такой Пыпин. Скромный, незаметный (446). Со смешной неказистой фамилией. Рядовой работник «незримого фронта».

Вообще, вся русская история разбита на «периоды» (период «декабристов», период «народовольцев» и т. д.) и на «дела» (дело Чернышевского, дело Нечаева). А не надо разбивать. Истина видна на стыках. Тут, как в науке: «биофизика». Каждый конкретный стык, конечно, выглядит слишком неожиданно. Но вместе, если собрать, произойдёт переход количества в качество.

433

← Предыдущее, следующее →

433. Примечание к № 423

«А начнётся оттуда, откуда никто не ожидает (от сектантов, от раскольников. — О.)». (Вл. Соловьёв) (к цитате)

Раскол слишком опреснил православие. Его наиболее иррациональная и активная часть ушла в леса, в пустыни и скиты. Отсюда статичное благодушие русского православия. Благодушие, в общем неадекватное русскому характеру. Церковь контролировала слёзы, умиление, а ярость, гнев не находили выхода в религии. Спектр эмоций сужался, не охватывался целиком церковью. И, в конечном счёте, не просветлялся.

Только, опять же, в юродстве громадный выход был.

434

← Предыдущее, следующее →

434. Примечание к № 432

Полная отдача себя «людям». Людям, в сущности, совсем незнакомым или «седьмая вода на киселе». (к цитате)

У Алексея Толстого в «Петре I» блестящая сцена встречи «ослабевшего» Миши с «сильненьким» Стёпой.

«(Вспомнил Михайла) про сверстника, сына крёстного отца, Стёпку Одоевского, и постучался к нему во двор. Встретили холопы недобро, морды у всех разбойничьи: „Куда в шапке на крыльцо прёшь!“ — один сорвал с Михайлы шапку».

Это ещё вестибюль, вахтёры. Смелый (от нужды) Михайло идёт дальше:

«Однако — погрозились, пропустили. В просторных тёплых сенях, убранных по лавкам звериными шкурами, встретил его красивый, как пряник, отрок в атласной рубашке, сафьянных чудных сапожках. Нагло глядя в глаза, спросил вкрадчиво:

— Какое дело до боярина.

— Скажи Степану Семёнычу — друг, мол, его, Мишка Тыртов, челом бьёт.

— Скажу, — пропел отрок, лениво ушёл, потряхивая шёлковыми кудрями. Пришлось подождать. Бедные — не гордые. Отрок опять явился, поманил пальцем:

— Заходи.

Михайло вошёл в крестовую палату („кабинет“). *Заробев, истово перекрестился на угол, где образа завешены парчёвым застенком с золотыми кружевами. Покосился, — вот они как живут, богатые…*

— А, Миша, здорОво, — проговорил Стёпка Одоевский, стоя в дверях. Михайло подошёл к нему, поклонился — пальцами до ковра. Стёпка в ответ кивнул. Всё же, не как холопу, а как дворянскому сыну, подал влажную руку — пожать. — Садись, будь гостем».

Пока всё Азия идёт: «поклонился — пальцами до ковра», «подал руку — пожать».

«Он сел, играя тростью. Сел и Михайла. На стёпкиной обритой

голове — вышитая каменьями туфейка. Лоб — бочонком, без бровей, веки красные, нос — кривоватый, на маленьком подбородке — реденький пушок. „Такого соплёй перешибить выродка, и такому — богатство“, — подумал Михайла и униженно, как подобает убогому, стал рассказывать про неудачи, про бедность, заевшую его молодой век.

— Степан Семёнович, для Бога, научи ты меня, холопа твоего, куда голову приклонить… Хоть в монастырь иди… Хоть на большую дорогу с кистенём… — Стёпка при этих словах отдёрнул голову к стене, остеклянились у него выпуклые глаза. Но Михайла и виду не подал, — сказал про кистень будто так, по скудоумию…»

То есть намекнул, что, первое, готов на всё и, второе, знает, куда идёт, о чём просит. Человек серьёзный. Но, конечно, тут Михайла по-русски переигрывает, слишком быстро, нагло начал. На настоящем Востоке такие вещи не проходят. Здесь уже прорывается Запад с его быстрой логической последовательностью. Также накал злобной зависти — это существенное искажение Востока. Для чисто восточного человека Степан Семёнович уважаемый человек, и в его присутствии (да и вообще) думать о нём такое… Нет, Восток гораздо естественней, наивней. А тут напряжённо злорадная, чисто животная русская зависть. Способность к критическому анализу оборачивается пониманием релятивности всех этих китайских церемоний.

Однако вернёмся к диалогу:

«Помолчали. Михайла негромко, — прилично, — вздыхал. Стёпка с недоброй усмешкой водил концом (трости) по крылатому зверю на ковре.

— Что же тебе присоветовать, Миша… Много есть способов для умного, а для дураков всегда сума да тюрьма … бумаги, чернил купи на копейку у площадного подьячего и настрочи донос…

— Да в чём оговаривать-то? На что донос?

— Молод ты, Миша, молоко ещё не бросил пить (это он одногодке так. — О.)… *Вон, Лёвка Пустороплев пошёл к Чижову на именины, да не столько пил, сколько слушал, а когда надо, и поддакивал… Старик Чижов и брякни за столом: „Дай-де Бог великому государю Фёдору Алексеевичу здравствовать, а то говорят, что ему и до разговенья не дожить, в Кремле-де прошлою ночью кура петухом кричала“… Пустороплев, не будь дурак, вскочил и крикнул: „Слово и Дело!“ — Всех гостей с именинником — цап-царап — в Приказ тайных дел. Пустороплев: „Так, мол, и так, сказаны Чижовым на государя поносные слова“. Чижову руки вывернули и — на дыбу. И завертели дело про куру, что петухом*

кричала. Пусторослеву за верную службу — чижовскую усадьбу, а Чижова — в Сибирь навечно. Вот как умные-то поступают… — Стёпка поднял на Михайлу немигающие, как у рыбы, глаза».

А как же, проверочка. Не «оттуда» ли человек? Да и вообще не больно ли прыткий?

«Раздумав, Михайла проговорил, вертя шапку:

— Не опытен я по судам-то, Степан Семёнович.

— А кабы ты был опытный, я бы тебя не учил… (Стёпка засмеялся до того зло, — Михайла отодвинулся, глядя на его зубы — мелкие, изъеденные.) По судам ходить нужен опыт… А то гляди — и сам попадёшь на дыбу».

Так, походя, припугнуть. Как и Михайла про «кистень». Ведь насчёт кистеня это и угроза была. Намёк на угрозу.

«— Так-то, Миша, с сильным не связывайся, слабого — бей… Ты вот, гляжу, пришёл ко мне без страха».

Начинает доворачивать. Собеседника надо ломать до конца теперь.

«— Степан Семёныч, как я — без страха…

— Помолчи, молчать учиться надо… Я с тобой приветливо беседую, а знаешь, как у других бывает?.. Вот, мне скучно… Плеснул в ладоши… в горницу вскочили холопы… Потешьте меня, рабы верные… взяли бы тебя за белы руки, да на двор — поиграть, как с мышью кошка… — Опять засмеялся одним ртом, глаза мёртвые. — Не пужайся, я нынче с утра шучу.

Михайла осторожно поднялся, собираясь кланяться. Стёпка тронул его концом трости, заставил сесть.

— Прости, Степан Семёныч, по глупости что лишнее сказал.

— Лишнего не говорил, а смел не по чину, не по месту, не по роду, — холодно и важно ответил Стёпка. — Ну, Бог простит. В другой раз в сенях меня жди, а в палату позовут — упирайся, не ходи. Да заставлю сесть, — не садись. И кланяться должен мне не большим поклоном, а в ноги…»

Это психологически наиболее важный момент беседы, её русская изюминка. Вся азиатская форма мгновенно разрушена, и в глаза собеседнику прямо, по-европейски, высказано, что вёл он себя неправильно. То есть всё их общение сразу же квалифицировано как придуривание, как комедия и маскарад. Наполеон сказал: «Поскреби русского и увидишь татарина». Но эту поговорку следуют дополнить: «Поскреби татарина и увидишь француза». Азиатская форма общения тут же оценивается, и этой

оценкой разрушается. Это суть русского спохватывания, русского «заднего ума», создавшего в конце концов крайне эстетское государство — страну писателей. При этом господством в беседе овладевает тот, кто быстрее и лучше её дешифрует (439), и наоборот, правом «дешифровки» и «учёбы» обладает лидер. Принятие же «урока» означает смирение и подчинение воле собеседника. Поэтому здесь кульминация всей беседы.

«У Михайлы затрепетали ноздри, — всё же сломил себя, униженно стал благодарить за науку» (447).

А дальше уже формальности «приёма в члены РСДРП». Роли зафиксированы по-новому и окончательно. Человек «пристроен»:

«Стёпка зевнул, перекрестил рот.

— Надо, надо помочь твоему убожеству… Есть у меня одна забота… Молчать-то умеешь?.. Ну, ладно… Вижу, парень понятливый… Сядь-ка ближе… (Он стукнул тростью, Михайла торопливо сел рядом. Стёпка оглянул его пристально.) Ты где стоишь-то, в харчевне? Ко мне ночевать приходи. Выдам тебе зипун, ферязь, штаны, сапоги нарядные, а своё, худое, пока спрячь. Боярыню одну надо ублаготворить (468).

— По этой части? — Михайла густо залился краской.

— По этой самой, — беса тешить. Без хлопот набьёшь карман ефимками. Понял, Мишка? Будешь ходить в повиновении — тогда твоё счастье… А заворуешься — велю кинуть в яму к медведям, — и костей не найдут».

Так было, так будет.

Впрочем, есть и ещё вариант: подыхать на улице (474).

435

← Предыдущее, следующее →

435. Примечание к № 406
Отец с 5 лет внушал мне мифологию Лесной Школы. (к цитате)

Когда я начинал шалить, он начинал рассказывать про Школу. Но не пугая, а наоборот, ласково уговаривая. Расписывая прелести жизни в ней. Он понимал, что сама по себе идея «отдачи» («отдадим тебя») настолько невыносима, что и не следует её оснащать дополнительными ужасами. Наоборот, радушное предложение, уговоры лишь подчеркнут реальность перспективы. Отцовская «школа» мне нравилась, но именно вообще. Как только он о ней заговаривал, я сразу становился как шёлковый и только тихо намекал, что мне и тут хорошо. А отец: «Ну, только на одну недельку. Увидишь, тебе там понравится, сам попросишь оставить». А потом постепенно «забывал». И я боялся ему напомнить и никогда об этой загадочной школе не расспрашивал.

← Предыдущее, следующее →

436. Примечание к № 402

Мысль «есть Люди» при органической неспособности к минимальным обобщениям (к цитате)

Ленин писал своей возлюбленной Инессе Арманд в последние, предреволюционные месяцы 15-летнего эмигрантского прозябания:

«Перечитывал „К жилищному вопросу“ Энгельса с предисловием 1887 г. Знаете? Прелесть! Я всё ещё „влюблён“ в Маркса и Энгельса, и никакой хулы на них выносить не могу спокойно. Нет, это — настоящие люди! У них надо учиться».

Тема «настоящие люди», как и у всякого русского, дополнилась темой «я думал, это люди» — «сговорились, сволочи». Овладение темой «сволочизма» произошло сразу после сибирской ссылки, когда Ленин уехал в Европу и снова встретился с Плехановым. Душевный надлом прекрасно передан в статье «Как чуть не потухла „Искра“», никогда при жизни Ленина не печатавшейся. (Пожалуй, это у Ленина единственный опыт создания некоего дневника.)

«Мою „влюблённость“ в Плеханова … как рукой сняло, и мне было обидно и горько до невероятной степени. Никогда, никогда в моей жизни я не относился ни к одному человеку с таким искренним уважением и почтением, veneraton, ни перед кем я не держал себя с таким „смирением“ — и никогда не испытывал такого грубого „пинка“. А на деле вышло именно так, что мы получили пинок: нас припугнули, как детей, припугнули тем, что взрослые нас покинут и оставят одних, и, когда мы струсили (какой позор!), нас с невероятной бесцеремонностью отодвинули. Мы сознали теперь совершенно ясно, что утреннее заявление Плеханова об отказе его от соредакторства было простой ловушкой, рассчитанным шахматным ходом, западнёй для наивных „пижонов“».

И далее следует вывод:

«Раз такой человек пускает в ход по отношению к товарищам шахматный ход, — тут уже нечего сомневаться в том, что это

человек нехороший, именно нехороший, что в нём сильны мотивы личного, мелкого самолюбия и тщеславия, что он — человек неискренний».

Тут бы впору и задуматься, задаться вопросом — что это за дело, если его ОСНОВАТЕЛЬ ТАКОВ. «Если это сливки, то что же молоко?» Но мысль Ленина, приземлённая, крайне близорукая, не смогла сделать даже столь простого обобщения. А сказано было им тогда так:

«Надо ко всем людям относиться „без сентиментальности“, надо держать камень за пазухой».

«Сговорились, сволочи» перешло в такое же русское «мы вам сделаем». Процесс превращения в насекомое был закончен (441). Русский окончательно оторвался от почвы и вышел в мир (450). Тогда произошло второе, окончательное рождение Ленина. Искра дьявола не потухла:

«Точно проклятье какое-то! Всё налаживалось к лучшему — налаживалось после таких долгих невзгод и неудач, — и вдруг налетел вихрь — и конец, и всё опять рушится. Просто как-то не верилось самому себе (точь-в-точь как не веришь самому себе, когда находишься под свежим впечатлением смерти близкого человека) — неужели это я, ярый поклонник Плеханова (458), говорю о нём теперь с такой злобой и иду, с сжатыми губами и с чертовским холодом на душе… До такой степени тяжело было, что ей-Богу временами мне казалось, что я расплачусь… Я сжал молча губы: хорошо, мол, ты так — ну, а ля герр ком, а ля герр, но дурак же ты, если не видишь, что мы теперь уже не те, что мы за одну ночь совсем переродились. По внешности — как будто бы ничего не произошло, вся машина должна продолжать идти, как и шла, — только внутри порвалась какая-то струна…»

Своё нравственное перерождение — а точнее, «дорождение» до логического конца — Ленин описывает буквально в мифологических образах. Вот о первой реакции его и его товарищей после встречи с Плехановым:

«Как только мы остались одни, сойдя с парохода, мы прямо-таки разразились потоком выражений негодования. Нас точно прорвало, тяжёлая атмосфера разразилась грозой. Мы ходили до позднего вечера из конца в конец нашей деревеньки, ночь была довольно тёмная, кругом ходили грозы и блистали молнии».

Тут осмысление происходящего как крушения мира, космической катастрофы. Это «Гамлет», «Король Лир». Подобных откровений ни до, ни тем более после в произведениях Ленина

не найти. Сама лексика — относительно ясная и почти без газетных штампов — резко отличается от обычного ленинского стиля.

437

← Предыдущее, следующее →

437. Примечание к № 420

Это некий гибрид Ленского и Онегина (к цитате)

Другой возможный вариант — Волжский, псевдоним большевика и пролетарского поэта Александра Алексеевича Богданова (443).

А вот Михаил Зальманович Лурье, старейший деятель российской социал-демократии, взял псевдоним Ларин. Просто и мило. И похоронили Ларина-Лурье не где-нибудь, а на Красной площади.

И там, где прах его лежит,
Надгробный памятник гласит:
«Смиренный грешник, Миша Ларин (448),
Господний раб и бригадир
Под камнем сим вкушает мир».
Своим пенатам возвращённый,
Владимир Ленский посетил
Соседа памятник смиренный,
И вздох он пеплу посвятил…

438

← Предыдущее, следующее →

438. Примечание к № 421

в последнем пределе и последний, несчастный царь не ошибся (к цитате)

Розанов с горечью писал в конце 17-го года:

«Да, уж если что „скучное дело“, то это — „падение Руси“. Задуло свечку. Да это и не Бог, а… шла пьяная баба, спотыкнулась и растянулась».

Но смерть Николая это уже не «шла баба и свечку уронила». Это Трагедия. Его мученичество смысл и ритм дало России (466). Он единственный из «Деятелей» не только сохранил достоинство, и даже не просто погиб на поле боя, а умер СВЯТО.

Митрополит Анастасий сказал на освящении в 1950 году брюссельского храма-памятника мученикам российским:

«Когда гнев Божий возгремел над Русскою землёю и власть тьмы водворилась в ней, дыша неистовою злобой против всего, что пыталось встать на её пути, — тогда лучшие русские люди принесли себя в жертву во искупление Отечества. Господь потребовал прежде всего такой жертвы от Государя как первого сына и верховного вождя России — и Государь безропотно принёс её вместе со всей своей Семьёй. Государь мужественно взошёл на свою Голгофу и в кроткой покорности воле Божией вкусил мученическую смерть, оставив после себя в наследие ничем не омрачённое монархическое начало».

Не риторика ли это, не пустозвонство? Редчайший случай в русской истории — нет. Уже из одного факта это видно. В одном из последних писем великая княжна Ольга Николаевна передала последний завет царя русским людям:

«Отец просит передать всем тем, кто Ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за Него, так как Он всех простил и за всех молится, и чтобы не мстили за себя, и чтобы помнили, что-то зло, которое сейчас в мире, будет ещё сильнее, но что не зло победит зло, а только любовь».

439

← Предыдущее, следующее →

439. Примечание к № 434

господством в беседе овладевает тот, кто быстрее и лучше её дешифрует (к цитате)

Так на дешифровке построены все отношения между Раскольниковым и Порфирием Петровичем. Они постоянно друг другу объясняют допрос и своё поведение на допросе. Причём объяснение ведётся на заглушках. Раскольников прозрачно намекает, что старуху убил он, чтобы Порфирий Петрович понял, что он невиновен. А следователь, в свою очередь, чтобы усыпить бдительность подследственного, откровенничает с ним о своих подозрениях. Оба объясняют ситуацию и хотят там самым взять верх, право.

«— А знаете что, — спросил он (Раскольников) вдруг, почти дерзко смотря на него и как бы ощущая от своей дерзости наслаждение, — ведь это существует, кажется, такое юридическое правило, такой приём юридический — для всех возможных следователей — сперва начать издалека, с пустячков, или даже с серьёзного, но только совсем постороннего, чтобы, так сказать, ободрить или, лучше сказать, развлечь допрашиваемого, усыпить его осторожность и потом вдруг, неожиданнейшим образом огорошить его в самое темя каким-нибудь самым роковым и опасным вопросом; так ли?»

А Порфирий Петрович:

«Совершенно вполне с вами согласен-с. Ну кто же, скажите, из всех подсудимых, даже из самого посконного мужичья, не знает, что его, например, сначала начнут посторонними вопросами усыплять (по счастливому выражению вашему), а потом вдруг и огорошат в самое темя, обухом-то-с, хе-хе-хе! В самое-то темя, по счастливому уподоблению вашему, хе-хе!»

Причём ни тот, ни другой, собственно, в ходы эти не верят, и именно чтобы доказать и показать это неверие, делают их слишком явно и грубо. И тот и другой специально переигрывают, так как это прежде всего РИТУАЛ, а суть ритуала именно и заключена в НАРОЧИТОЙ игре. Форма соблюдается, но смысл находится за формой. Смысл беседы Раскольникова и следовате-

ля не в установлении истины (это абсурдно, так как у Порфирия Петровича нет никаких фактов), а в психологическом соперничестве, внешне принимающем форму допроса. Допрос становится чем-то наносным, стилем, и поэтому форма-то его и не соблюдается:

«Одно словцо другое зовёт, одна мысль другую вызывает, — вот вы о форме тоже давеча изволили упомянуть, насчёт, знаете, допросика-то-с… Да что ж по форме! Форма, знаете, во многих случаях, вздор-с… Дело следователя ведь это, так сказать, свободное художество, в своём роде-с или вроде того… хе-хе-хе!..»

440

← Предыдущее, следующее →

440. Примечание к № 413

«Для возбуждения в нижних чинах своего полка неудовольствия против императора Александра I он подвергал их жесточайшим наказаниям» (из воспоминаний о Пестеле) (к цитате)

Розанов вспоминал о своём детстве:

«В тогдашней подлой Симбирской гимназии, при Вишневском и Кильдюшевском, с их оскверняющим и оскорбляющим чинопочитанием, от которого душу воротило, заставляли всей гимназией перед портретом Государя петь КАЖДУЮ СУББОТУ „Боже, Царя храни“ … Нельзя каждую субботу испытывать патриотические чувства, и все мы знали, что это „Кильдюшевскому с Вишневским нужно“, чтобы выслужиться перед губернатором Еремеевым: а мы, гимназисты, сделаны орудиями этого низменного выслуживания. И, конечно, мы „пели“, но каждую субботу что-то улетало с зелёного дерева народного чувства в каждом гимназисте: „пели“ — а в душонках, маленьких и детских, рос этот жёлтый, меланхолический и разъярённый нигилизм. Я помню, что именно СИМБИРСК был родиной моего нигилизма. А я там был во II и III классе; в IV уже переехал».

Отозвалась же нам эта «Симбирская гимназия». Но не стояло ли за примитивным чиновничьем карьеризмом и нечто иное? Ведь три великих симбирца — братья Ульяновы и Керенский — были детьми кильдюшевских и вишневских (отец Керенского — директор Симбирской гимназии), причём детьми прилежными.

Вот любопытный документ. В музее 1-ой Ульяновской ордена Ленина средней школы имени В. И. Ленина хранится ученический билет опять же Ленина, в котором напечатаны «Правила относительно соблюдения порядка и приличия учениками вне стен учебного заведения». Правила весьма интересны, и их стоит привести полностью:

«1. На основании распоряжения г. министра народного просвещения от 14 июля 1879 г. вне дома каждый ученик обязан иметь всегда при себе настоящий билет, выданный за подписью начальника заведения с приложением казённой печати, и беспрекословно предъявлять его по требованию как чинов учебного ведомства,

так и чинов полиции.

2. Вне дома ученики всегда обязаны быть в одежде установленной формы, и положенные для них полукафтаны и зимние блузы должны быть застёгнуты на все пуговицы. В летнее время, приблизительно с 1 мая по 1 сентября, при тёплой погоде и по желанию родителей, ученикам дозволяется носить парусиновые блузы с чёрным ременным кушаком, парусиновые брюки и белые фуражки с установленными буквами. Но и в летнее время ношение зимней формы не воспрещается; смешение же некоторых частей летней формы с принадлежностями зимней формы не дозволяется. Отправляясь для занятий в учебное заведение, а равно и возвращаясь из оного, ученики обязаны все классные принадлежности иметь в ранцах, которые должны носить не в руках, а непременно на плечах.

3. Платье должно быть содержимо в полной исправности и чистоте, а потому ученик всякий раз, прежде выхода из дома, должен тщательно осмотреться, всё ли на нём в надлежащем порядке, крепко ли, например, держатся на полукафтане пуговицы, не разорвано ли где платье, и все недостатки своего костюма исправить.

4. Ношение длинных волос, усов, бороды, а равно излишних украшений, не соответствующих форменной одежде, например колец, перстней, высоких воротничков рубашек, выставленных наружу часовых цепочек и проч., а также тросточек, хлыстов, палок, — воспрещается.

5. На улицах и во всех публичных местах ученики обязаны держать себя скромно, соблюдая порядок, благоприличие и вежливость и не причиняя никому никакого беспокойства.

6. Ученикам строжайше воспрещается посещать маскарады, клубы, биллиардные, так называемые пивные и другие тому подобные заведения.

7. Прогулка за черту города или за городские заставы, равно как посещение садов, находящихся вне городской черты, дозволяется лишь под условием надзора со стороны родителей или заступающих их место.

8. Хождение по улицам, тротуарам и садовым аллеям дозволяется летом до 9 часов, а зимой до 7 часов вечера, причём строго воспрещается хождение во всех этих местах гурьбой и вообще более чем по два в ряд.

9. При встрече с Государем Императором и членом Императорской фамилии ученики обязаны останавливаться и снимать фуражки, а при встрече с гг. министром народного просвещения и товарищем его, а также губернатором и архиереями — ученики

обязаны отдавать им должное почтение, снимая фуражки и вежливо кланяясь.

10. Во время сбора учеников перед началом учения воспрещается им толпиться на улице или на тротуаре перед зданием гимназии, и точно так же, расходясь из гимназии, они обязаны идти каждый в свою сторону не гурьбою и не большими группами и не затевая между собой ни игр, ни тем более ссор и драк.

Примечание: За нарушение вышеизложенных правил ученик подвергается по постановлению педагогического совета строгому взысканию, а в более важных случаях даже немедленному увольнению из учебного заведения. Кроме вышеупомянутых правил, ученики обязаны также соблюдать общие правила относительно поведения, изложенные в „Дневнике для записывания уроков“».

Нет, я понимаю: XIX век, отсутствие культуры детской жизни, бюрократия, русские «учителя». Это всё понятно. Но не было ли и более тонкой игры? Вот я прочёл эти «Правила», и мне первое, что пришло в голову, — провокация. Но и в то время жили русские люди, цепочка умозаключений, слух были те же. Изменились детали, частности. А ощущение мира, ощущение слова было то же. И ведь действительно писаревы утверждали, что классическое образование — это провокация царизма, призванная отвлечь подрастающее поколение от реальной жизни, а следовательно, и от революционной борьбы. (В эпоху Николая I был уклон в сторону точных наук — упрекали задним числом и его, говоря, что геометрия и физика тоже «отвлекают».)

И неслучайно Достоевский в «Братьях Карамазовых» вложил в уста уже «наученного» подростка Коли Красоткина следующую тираду:

«— Классические языки, если хотите всё моё о них мнение, — это полицейская мера, вот для чего единственно они заведены, — мало-помалу начал вдруг опять задыхаться Коля, — они заведены потому, что скучны, и потому, что отупляют способности. Было скучно, так вот как сделать, чтоб ещё больше было скуки? Было бестолково, так как сделать, чтобы стало ещё бестолковее? Вот и выдумали классические языки. (Характерно, что Коля — первый в классе по латыни. Как Володя: латынь тоже его коньком была. — О.) … *Да помилуйте, ведь классики все переведены на все языки, стало быть, вовсе не для изучения классиков понадобилась им латынь…»*

И тут же Красоткин указал источник «информации»:

«Знаете, вот это же самое, что я вам сейчас толковал про переведённых классиков, говорил вслух всему третьему классу сам

преподаватель Колбасников».

И не надо Валленродов Кильдюшевских, свои Колбасниковы объяснят, щёлкнут ногтём по «Правилам»: «за людей вас не считают, хотят совсем в дебилов превратить». Нет, не случайно после революции слово появилось — «вредительство». Это Красоткины к власти пришли.

Их лексика, их уровень понимания. Их воспитание:

«На одном крупном заводе рабочий-токарь Л. заметил что-то неладное в работе смазчика. Смазчик зачастую оставлял несмазанными подшипники моторов, отчего происходила порча машин. Л. стал внимательнее приглядываться к смазчику. Однажды он увидел, что смазчик, задержавшись по окончании рабочего дня в цехе, забивает гвозди в подшипники и ослабляет гайки в шкивах трансмиссий. Л. сообщил о замеченном органам государственной безопасности. Оказалось, что „смазчик“ является участником шпионско-диверсионной шайки, готовившей уничтожение завода».

Разве марксизм и не зародился как вредительство? «Чем хуже, тем лучше» — вот лозунг основной первых русских марксистов. Но Пестель дошёл до этого на 60 лет раньше. С этого и началось. Ну, а в министерстве просвещения поумнее головы сидели, они получше сделали. Всё-таки директор гимназии потоньше командира полка.

Розанов об истоках нигилизма писал:

«В основе просто: Учась в Симбирске — ничего о Свияге, о городе, о родных (тамошних) поэтах — Аксаковых, Карамзине, Языкове; о Волге — там уже прекрасной и великой.

Учась в Костроме — не знал, что это имя — ещё имя языческой богини; ничего — о Ипатьевском монастыре. О чудотворном образе (местной) Феодоровской Божьей Матери — ничего.

Учась в Нижнем — ничего о „Новгороде низовые земли“, о „Макарии, откуда ярмарка“; об Унже (река) и её староверах.

С 10-ти лет, как какое-то Небо и Вера и Религия: „Я человек, хотя и маленький, но у меня 24 ребра и 32 зуба“ … И в 15 лет эти дети — мёртвые старички».

Писарев сказал о недостатках русской школы: спе-ци-аль-но. Действительно, подсудимый Писарев, специально.

441

← Предыдущее, следующее →

441. Примечание к № 436
Процесс превращения в насекомое был закончен. (к цитате)

В той же статье «Как чуть не потухла „Искра“» Ленин писал о Плеханове:

«По вопросу об отношении нашем к Еврейскому союзу (Бунду) Георгий Валентинович проявляет феноменальную нетерпимость, объявляя его прямо не социал-демократической организацией, а просто эксплуататорской, эксплуатирующей русских, говоря, что наша цель — вышибить этот Бунд из партии, что евреи — сплошь шовинисты и националисты, что русская партия должна быть русской, а не давать себя „в пленение“ „колену гадову“ и пр. Никакие наши возражения против этих неприличных речей ни к чему не привели, и Георгий Валентинович остался всецело при своём, говоря, что у нас просто недостаёт знаний еврейства, жизненного опыта и ведения дел с евреями».

Ничего, Ленину хватило и опыта ведения дел с Плехановым. А там покатилось колесо — «от простого к сложному». И вот уже Владимир Ильич пишет:

«Формально, по-моему, с Бундом надо быть корректным и лояльным (в зубы прямо не бить), но в то же время архихолодным, застёгнутым на все пуговицы и на законной почве припирать его неумолимо и ежечасно».

Или:

«Мы его высечем так, что до новых веников не забудет. Эти бундовцы такие тупицы и самохвалы, дурачки и идиоты, что просто терпения нет … Неужели (конференция. — О.) *без протоколов будет?? Да разве можно с этими проститутками без протоколов конферировать?»*

Своего же первого учителя называл так:

«Некий неприличный писатель, который считается основателем русского марксизма».

442

← Предыдущее, следующее →

442. Примечание к № 420

Нерусский, но именно не русский и, следовательно, порождённый русской культурой. (к цитате)

Ленин был абсолютно безлик, абсолютно сконструирован (462). У него не было никаких «предрассудков». Это оживший персонаж гоголевского бреда. Все эти чернышевские и михайловские были марионетками, но иногда дёргались не в ту сторону, по своей воле. Они были не совсем предсказуемы, это были несовершенные, недоделанные куклы. Ленин же абсолютно ясен, хрустален. У муравья около лужицы сиропа нет выбора. Если он муравей, он должен ползти к сиропу. Во все учебники судебной психиатрии вошла история слабоумного, которого упросили зарезать человека за 150 гр. дешёвых леденцов. Это кукольный бихевиоризм: стимул-реакция. Ленин — это абсолютная марионетка, которую хвостатому пуппенмейстеру и не нужно было дёргать за ниточки: «Сама пойдёт!» Это абсолютная кукла, окончательно ожившая кукла, тряпичный Гоголь, совсем оторвавшийся от клейкого текста и колесом пошедший по городам и весям обречённого государства (464). В Ленине окончательно материализовалась идея русского языка. Набоков уподобил советскую Россию исполинскому плакату «с орущим общим местом в ленинском пиджачке и кепке». Ленин — это орущая пустота нашего языка (484).

443

← Предыдущее, следующее →

443. Примечание к № 437

Другой возможный вариант — Волжский, псевдоним большевика и пролетарского поэта Александра Алексеевича Богданова. (к цитате)

Просьба не путать с Александром Александровичем Богдановым, тем самым, по крови который… Настоящая фамилия этого Богданова — Малиновский.

Александра Александровича Малиновского опять же не следует путать с Романом Вацловичем Малиновским, членом большевистского ЦК, депутатом Государственной Думы и агентом охранного отделения.

Роман Вацлович был любимчиком Ильича. Даже когда руководство охранки в 1914 году «по невыясненным обстоятельствам» выдало Малиновского, Ленин защищал его изо всех сил:

«Фактов у сплетников нет никаких … Кто видел хоть раз в жизни эту среду сплетничающих интеллигентских кумушек, тот наверное (если он сам не кумушка) сохранит на всю жизнь отвращение к этим мерзостным существам. Каждому своё. У каждого общественного слоя свои „манеры жизни“, свои привычки, свои склонности. У каждого насекомого своё оружие борьбы: есть насекомые, борющиеся выделением вонючей жидкости … Организованные рабочие-марксисты сразу по первым же статьям … узнали этих кумушек и сразу оценили их совершенно правильно: „грязная клевета“, „с презрением пройти мимо“».

В 1917 в руки социал-демократов попали документы охранки, окончательно изобличающие провокаторство, а в 1918 году большевики Малиновского расстреляли.

Ирония заключалась в том, что в лице Малиновского Ленин впервые познакомился с «настоящим рабочим», образ которого был им частью усвоен из немецких агитброшюр, частью измыслен самостоятельно. Ильич восторгался: «особенно хорош Малиновский», «настоящий рабочий, настоящий народный трибун». Думалось: значит, бывает! значит, есть! На самом же деле не было и быть не могло. Был один — Малиновский. Собранный в охранном отделении по чертежам, составленным в том числе

и из ленинских же «книжек».

Ленину изготовили Малиновского, а затем и целую партию, о которой он мечтал столько лет.

444

← Предыдущее, следующее →

444. Примечание к № 423
Соловьёв — это неудавшийся Чернышевский (к цитате)

Соловьёв сказал, что «первый шаг к положительной эстетике» был сделан в России не каким-нибудь там Киреевским или московскими любомудрами, а «мудрым» Николаем Гавриловичем. В 1893 году он с гордостью пишет одному из своих адресатов:

«(В „Первом шаге к положительной эстетике“) я между прочим защищаю известный Вам, вероятно, трактат об эстетических отношениях искусства к действительности — это даёт некоторый интерес статье, если бы она и не имела другого».

По поводу эстетических воззрений Соловьёва (449) Е. Трубецкой не просто умиляется, и даже не плачет, а просто рыдает, стоя по струнке в кабинете Величайшего Гения:

«Именно здесь вдохновение этого философа-поэта разбросало самые дивные свои жемчужины. В эстетике Соловьёва мы имеем по преимуществу неумирающие создания его гения» (461).

Это о примерно таких «перлах»:

«Алмаз, то есть кристаллизированный углерод, по химическому составу своему есть то же самое, что обыкновенный уголь. Несомненно также, что пение соловья и неистовые крики влюблённого кота, по психофизиологической основе своей суть одно и то же, именно, звуковое выражение усиленного полового инстинкта».

И т. д. и т. д. Далее Соловьёв поясняет, что у соловья есть «преображение полового инстинкта», а «крики влюблённого кота на крыше суть лишь прямое выражение физиологического аффекта».

Неудивительно, что сам Трубецкой, следуя писаревским заветам своего учителя, так начал свою работу о русской иконописи:

«Помнится, года четыре тому назад я посетил в Берлине синематограф, где демонстрировалось дно аквариума, показывались сцены из жизни хищного водяного жука. Перед нами проходили картины взаимного пожирания… И победителем в борьбе с рыбами, моллюсками, саламандрами неизменно оказывался водяной

жук, благодаря техническому совершенству двух орудий истребления: могущественной челюсти, которой он сокрушал противника, и ядовитым веществам, которыми он отравлял его».

Статья Трубецкого полностью называлась так: «Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи». Вот уж, действительно, «умозрение в красках».

445

← Предыдущее, следующее →

445. Примечание к № 424

Наконец, третий этап, начавшийся с 50-х годов. Чехов превращается в символ русской интеллигенции (к цитате)

Собственно, истоки этого явления тоже дореволюционные. Если в 60–70-е годы XIX века интеллигент мыслился в виде пьяного студента-дебошира, то в 80–90-е образ трансформировался в «жертву безвременья», скорее не пьяного, а пьяненького и очень-очень ранимого (ср. Надсон, Гаршин и др.). В 900–10-е годы образ интеллигента расщепился на нового дебошира, но уже образованного, эротомана-ницшеанца, и на идеализированного «старого интеллигента», чрезвычайно доброго и неприспособленного. Вечно плачущего неудачника, не способного от собственной сентиментальности даже бомбу кинуть. Вот этот «старый сентиментальный интеллигент» (странный синтез Обломова с семинаристом) и пошёл в дело в 50–60-е годы нашего века. В это время жизнь интеллигентское хамьё уже обломала, но фантазии о «диких помещиках» и «цивилизованных нигилистах» ещё из черепов не выбили. Тут Чехов опять пригодился. Чеховский болван.

О настоящем же Чехове Бунин писал ещё в 1914 году:

«Долго иначе не называли его, как „хмурым“ писателем, „певцом сумеречных настроений“, „больным талантом“, человеком, смотрящим на всё безнадёжно и равнодушно. Теперь гнут палку в другую сторону. „Чеховская нежность, грусть, теплота“, „чеховская любовь к человеку“. Воображаю, что чувствовал бы он сам, читая про свою „нежность“! Ещё более были бы противны ему „теплота“, „грусть“».

И всё же был ли Чехов хоть чем-то близок советской культуре? В метафизическом, метафилологическом смысле — это ясно. Но вот просто как личность, как «писатель»? Конечно. Бунин в том же очерке вспоминал:

«Раз возвращаемся с вечерней прогулки. Он очень устал, идёт через силу, — за последние дни много смочил платков кровью, — молчит, прикрывает глаза. Проходим мимо балкона, за парусиной которого свет и силуэты женщин. И вдруг он открывает глаза

и очень громко говорит:

— А слышали? Какой ужас! Бунина убили! В Аутке, у одной татарки!

Я останавливаюсь от изумления, а он с радостными глазами быстро шепчет:

— Молчите! завтра вся Ялта будет говорить об убийстве Бунина!»

Только это и было понятно в 30-х. Идиотские розыгрыши. Позвонить ночью по телефону и сказать с грузинским акцентом:

— Что же эта ви, товарыщь Бульгаков, тыхай сапай пратаскиваэтэ мэлкобуржьуазную ыдэалогию?

«Свадьба», «Весёлые ребята». И платки, смоченные кровью. Только чужой.

446

← Предыдущее, следующее →

446. Примечание к № 432
Вот такой Пыпин. Скромный, незаметный. (к цитате)

По выражению Достоевского — «угрюмый тупица». Сколько написано о Достоевском, и сколько серьёзного, верного. Но, пожалуй, даже в самой проникновенной, самой серьёзной работе есть элемент пустозвонства. Ведь вот об «угрюмом тупице» Пыпине ничего не написано. А что же говорить о гениальной сложности, когда не ясно простое. Если с точки зрения элементарной фактографии жизнь ординарной трудолюбивой посредственности выглядит сакральной легендой, то что же говорить о жизни её гениального современника?

447

← Предыдущее, следующее →

447. Примечание к № 434

«У Михайлы затрепетали ноздри, — всё же сломил себя, униженно стал благодарить за науку». (А. Толстой) (к цитате)

А не является ли эта фраза ключом к биографии самого Алексея Толстого?

448

← Предыдущее, следующее →

448. Примечание к № 437
«Смиренный грешник, Миша Ларин» (к цитате)

На XI съезде РКП(б) разразился скандал по поводу закупки на золото тухлых консервов, во время которого тов. Ларин обиженно заметил:

«Тов. Ленин пытался произвести меня здесь в Шекспиры и Байроны нашей партии».

449

← Предыдущее, следующее →

449. Примечание к № 444
По поводу эстетических воззрений Соловьёва… (к цитате)

Е. Трубецкой говорит:

«Эстетика Соловьёва нуждается не столько в исправлении, сколько в дополнении».

Произведения философа ни в чём не нуждаются.

450

← Предыдущее, следующее →

450. Примечание к № 436

Русский окончательно оторвался от почвы и вышел в мир. (к цитате)

«Я вам сделаю». Отрастил клешню, а она стальную проволоку в палец толщиной без хлеба режет. Панцирь нарастил: толстый и шипы с сюрпризом, ядовитые. Из-под панциря раз клешня на три метра — щёлк шею и обратно внутрь втянулась. А наверху только глазки-перископы: зырк-зырк в разные стороны. «Ко мне не подходи, я член партии с 1937 года!»

А на самом деле, не-ет, брат, врёшь, мягенький ты. Под панцирем у тебя мякушка. Ты у меня к утру первого допроса родственников сдавать будешь.

451

← Предыдущее, следующее →

451. Примечание к № 402
ленинская леность мысли (к цитате)

В «Приглашении на казнь», в мире одряхлевшей, уснувшей материи (459), расположен мавзолей капитана Сонного (463). Пробуждение — казнь Цинцинната вызывает разрушение всего этого мира-миража и, прежде всего, огромной статуи Сонного.

Капитан Сонный — какой сложный символ. Капитан, то есть «рулевой». Но и другое: капитан — какие в русской литературе были капитаны? Лебядкин? — Нет, не подходит. Капитан Копейкин. Сонный — это же Гоголь, уснувший летаргическим сном и похороненный живым (весьма характерная легенда).

Интересно, в какой степени Набоков сознавал эту цепочку?

452

← Предыдущее, следующее →

452. Примечание к с. 51 «Бесконечного тупика»
Розанов — это Сверхдостоевский (к цитате)

В Розанове получила максимально возможное развитие русская личность. Ну какая личность, например, у Блока? Сильная струя нерусской крови, и всё равно он в тумане бредёт. Это же черносотенец, фашист. (Его крики об «арийском начале», «Скифы» и т. д.) Философия, европейская культура, личностное начало, в яростной самоиронии отстраняющееся от демонов и богов коллективного бессознательного, — это для Блока вещь совсем недоступная. В тоске по утробному примитивизму он полез в большевизм (как и Маяковский). Полез в большевизм, потому что черносотенства как идеологии просто не существовало. У него не было своего «Маркса» или хотя бы «Плеханова». Черносотенство придушили в зародыше. Оно, как вариант социального оформления бессознательных комплексов, было полностью скомпрометировано. Для людей, не умеющих или боящихся жить индивидуальной жизнью, оставался выбор между ЗАПАДНЫМ национализмом (то есть для русских-то — космополитизмом), особенно в его романтической и мистической форме, облегчающей стилизацию; и западным РАЦИОНАЛИЗМОМ, как формой легального существования русского иррационализма (западничество). Большевизм был наиболее утробным видом последнего. Альтернатива — путь мучительного самопознания — для таких людей, как Блок или Маяковский, не существовала.

Собственно, и тот и другой погибли от неорганичного развития русского общества. Блок фашист (немецкая романтика Нибелунгов) и Маяковский фашист (футуризм Маринетти) прожили бы по 80 лет и умерли тихо и радостно в окружении многочисленных внуков и правнуков.

С другой стороны, личностное начало получило огромное развитие у Пушкина, Достоевского. Но вся эпоха от Пушкина до Достоевского — это гармония, естественный рост. Розанов же жил в эпоху декаданса, уже абсолютной личностной свободы (и хаоса). И ещё на более высоком уровне, чем его гениальные предшественники, всё-таки он сохранил в себе личность и, бо-

лее того, дал ей дополнительное развитие, абсолютное развитие. В эпоху Пушкина-Достоевского в свёрнутом виде появилось русское «я». Форму его ещё диктовала среда. В конце века среда исчезла и в Розанове это «я» распустилось. Раньше многие вопросы можно было не задавать. Розанов задал все вопросы. Всё зыбко, вопрошать можно — и приходится — обо всём. Сколько соблазнов, ложных ходов. Достоевскому даже не снилось подобное. Но Розанов сохранил себя.

453

← Предыдущее, следующее →

453. Примечание к № 403

Ну уж если русский заговорил о гегелевских триадах (к цитате)

Вообще гегелевская триада — это способ мышления некомпетентного сознания. Когда конкретно сказать нечего. «Что делать, то или это?» — «Если сделать то, то тогда не сделаешь это. Если сделать это, то тогда не сделаешь то. Надо делать то, но так, чтобы это было и это, и, одновременно, чтобы это не было то».

Не знаю, как у немцев, а у русских я другого применения гегелевской «диалектики» не встречал.

454

← Предыдущее, следующее →

454. Примечание к № 403

«Соловьёв сорвал со стены своей комнаты и выкинул в сад образа» (Величко) (к цитате)

У Достоевского постоянно ищут героев, прототипом которых будто бы является Соловьёв. Называются и Иван, и Алёша Карамазов. А не поискать ли Владимира Сергеевича среди эпизодических персонажей? Например, в «Бесах» есть некий подпоручик, сошедший с ума и покусавший своего командира. После акта укушения обнаружилось,

«что в последнее время он замечен был в самых невозможных странностях. Выбросил, например, из квартиры своей два хозяйские образа и один из них изрубил топором; в своей же комнате разложил на подставках, в виде трёх налоев, сочинения Фохта, Молешотта и Бюхнера и пред каждым налоем зажигал восковые церковные свечки».

455

← Предыдущее, следующее →

455. Примечание к № 403

Отличие от современной поп- и рок-культуры здесь в гораздо большей политизации и отсутствии интеграционных тенденций (к цитате)

Это общий недостаток молодёжной субкультуры XIX века. Но на Западе он был в значительной степени нейтрализован отчасти сохранившимися средневековыми традициями. И например, традициями «вольной жизни» средневекового студенчества. В России же студенчество было преувеличенно и неестественно серьёзно. Молодость русской культуры сказалась в отсутствии молодёжной культуры.

Один из авторов «Вех», Изгоев, неплохо сказал о быте русской и немецкой образованной молодёжи:

«Немецкий студент, „бурш“, с его корпорациями, их глупыми обрядами, шапочками, дурачествами, кнайпами, мензурами-дуэлями и прочими атрибутами, ничего, конечно, кроме чувства презрения, в русском передовом студенте не возбуждает. И, понятно, во всём этом нет ничего привлекательного. Но не надо и тут преувеличивать. Лично я всего только один раз видел пирующих немецких корпорантов. Зрелище не из приятных и отвечающее в общем тому, что о нём пишут. Но должен сказать, что это глупое веселье молодых бычков всё же не возбуждало во мне такого тяжёлого чувства, как попойки русских передовых студентов, кончающиеся, большей частью, ночной визитацией публичных домов. Самое тягостное в этих попойках и есть эта невозможная смесь разврата и пьянства с красивыми словами о несчастном народе, о борьбе с произволом и т. д. Бурш пьянствует, глупо острит, безобразничает, но он не рядит своего пьяного веселья в яркие одежды мировой скорби. Перевёртывая вывески и разбивая фонари, он и сознаёт, что буянит, а не думает, что протестует против современного строя. У нас же и в кабаках, и в местах похуже передовые студенты с особой любовью поют и „Дубинушку“ и „Укажи мне такую обитель“…»

456

← Предыдущее, следующее →

456. Примечание к № 400

Весь толстый волюм II съезда РСДРП наполнен такого рода диалогами (к цитате)

В «Бесах» Достоевский всё предугадал до мелочей. Глава «У наших»:

«— Э, чёрт! — выругался Лямшин, сел за фортепьяно и начал барабанить вальс, зря и чуть ли не кулаками стуча по клавишам (конспирация. — О.).

— Тем, кто желает, чтобы было заседание, я предлагаю поднять правую руку вверх, — предложила m-me Виргинская.

Одни подняли, другие нет. Были и такие, что подняли и опять взяли назад. Взяли назад и опять подняли.

— Фу, черт! я ничего не понял, — крикнул один офицер.

— И я не понимаю, — крикнул другой.

— Нет, я понимаю, — крикнул третий, — если ДА, то руку вверх.

— Да что ДА-то значит?

— Значит заседание.

— Нет, не заседание.

— Я вотировал заседание, — крикнул гимназист, обращаясь к m-me Виргинской.

— Так зачем же вы руку не подняли?

— Я всё на вас смотрел, вы не подняли, так и я не поднял».

И т. д. и т. д. И всё это со злобой, ненавистью. И в конце концов приговаривают к смерти и убивают невинного человека.

457

← Предыдущее, следующее →

457. Примечание к № 393

Немцы могли бы начать вторую реформацию. (к цитате)

Достоевский заметил в «Дневнике писателя»:

«Все 19 веков своего существования Германия, только и делавшая, что протестовавшая, сама своего НОВОГО СЛОВА совсем ещё не произнесла, а жила лишь всё время одним отрицанием и протестом против врага своего».

Если протестантство было протестом против католичества, приведением его чуждой формы в соответствие с национальной идеей, то нацизм был протестом против масонства и иудаизма. Совершенно ошибочно считать нацизм выражением истинно германского духа. Истинно германский дух выразился в направленности нацизма, в его динамике, агрессии, но не в положительном начале. Поэтому, конечно, никакого спокойного и уверенного нацизма на немецкой почве получиться не могло. Но возникнуть, появиться на свет он мог только в Германии. И как и в случае с протестантизмом, был ВОЗМОЖЕН локальный успех и достаточно медленная последующая эволюция.

Другой аспект. Протестантство явилось в значительной степени продуктом вторичного взаимодействия христианства и иудаизма. Протестантизм — это в некотором смысле вторичная иудаизация католицизма. Соответственно нацизм, антииудаизм был продуктом ДАЛЬНЕЙШЕЙ ИУДАИЗАЦИИ христианской религии. (Или, учитывая, что нацизм зародился в католической Баварии и Австрии, это была попытка иудаизации католичества на более позднем этапе его развития.)

Оценка нацизма чрезвычайно смещена в сторону политическую или даже грубо-политическую — военную. На самом деле это явление прежде всего духовное и религиозное. Более того. Удивительное отсутствие уважительного отношения к этому явлению европейской истории показывает, что, как и в случае с протестантизмом, немцам опять удалось вырваться за пределы окружающей их культуры. Нацизм для Европы XX века страшен, невыносим, так же как страшна и невыносима была лютеровская Германия для католического мира.

458

← Предыдущее, следующее →

458. Примечание к № 436
«я, ярый поклонник Плеханова» (В. Ленин) (к цитате)

Псевдоним Ленин взял по аналогии с псевдонимом Плеханова «Волгин». Плеханов же взял этот псевдоним из романа Чернышевского «Пролог»: Волгин — фамилия главного героя этого произведения. Сам Чернышевский состряпал фамилию своего революционера из того, что первое подвернулось под руку — из Онегина.

459

← Предыдущее, следующее →

459. Примечание к № 451

В «Приглашении на казнь», в мире одряхлевшей, уснувшей материи (к цитате)

Это мир будущего, покинутого людьми. Люди ушли в высший сон, сон же материализовался. Все вещи порождены из одного, и поэтому близкие друг другу, домашние. Топор в «Приглашении» это не топор палача, а топор бытовой, как и Пьер — бытовой, домашний палач, сосед по коммуналке. Топор легко превращается в ропот, лёгкое дыханье, трели соловья. Соловей же оказывается Соловьём-разбойником. Вещам близко, так как все они субъективны. Творец конечен и потерял над сотворённым власть. Но не до конца. Конец романа перерубает пуповину мира, и вещи разлетаются и гибнут (483). Но и существование творца становится также проблематичным. Собственно создание Набокова — вполне реальная модель вполне реального будущего, правда будущего очень далёкого.

460

← Предыдущее, следующее →

460. Примечание к с. 51 «Бесконечного тупика»
(Розанова) называли «ожившим персонажем романов Достоевского» (к цитате)

Прототипом жены-нигилистки Шатова в «Бесах» несомненно послужила Суслова, впоследствии жена Розанова. Э. Голлербах в своей работе о Розанове вспоминал:

«Зная симпатию В.В. к Достоевскому, я однажды спросил его: „Кто из героев Достоевского Вам больше всего по душе, чья психология Вам ближе и роднее?“ Не задумываясь ни на минуту, В.В. ответил со свойственной ему порывистой и вместе с тем мягкой интонацией: „Конечно — Шатов“».

461

← Предыдущее, следующее →

461. Примечание к № 444

«В эстетике Соловьёва мы имеем по преимуществу неумирающие создания его гения». (Е. Трубецкой) (к цитате)

В конце своего двухтомного труда Трубецкой, обращаясь к оппонентам, прямо уподобляет Владимира Сергеевича Соловьёва Иисусу Христу:

«Тем же почитателям Соловьёва, которые вопреки очевидности хотят заковать его идею в тесные для неё полушеллингианские формы „Чтений о Богочеловечестве“, я отвечу словами, которые услышали мироносицы, слишком упорно искавшие Христа во гробе: „Что ищете с мёртвыми!“ Уже давным-давно ангел Божий отвалил камень от пещеры, и не живёт в ней дух величайшего из русских философов: зачем же возводить в принцип философии те пелены во гробе».

462

← Предыдущее, следующее →

462. Примечание к № 442

Ленин был абсолютно безлик, абсолютно сконструирован. (к цитате)

Ленин — персонаж. Он возник не из русской истории, а из русской литературы. Собственно РУССКОГО в нём ничего. И всё — не содержание, а материал — русская идеальная восприимчивость к слову. Ленина совсем не понимают. Вот написал ему в 1919 году письмо М. Дукельский, профессор Воронежского института. В письме говорилось следующее:

«На нас, сваленных вами в одну зачумлённую кучу „интеллигенции“, были направлены бессознательные новоявленные коммунисты из бывших городовых, урядников, мелких чиновников, лавочников, составляющих в провинции нередко значительную долю „местных властей“, и трудно описать весь ужас пережитых нами унижений и страданий. Постоянные вздорные доносы и обвинения, безрезультатные, но в высшей степени унизительные обыски, угрозы расстрела, реквизиции и конфискации, вторжение в самые интимные стороны личной жизни (требовал же от меня начальник отряда, расквартированного в учебном заведении, где я преподаю, чтобы я обязательно спал с женой в одной кровати)».

Ленин публично отвечает в «Правде»:

«Это вообще ни с чем не сообразно. Автор сам побивает себя, рассказывая, как о величайшей обиде, об унизительном обращении, про тот случай, когда начальник отряда, расквартированного в учебном заведении, требовал у профессора, чтобы он обязательно спал с женой в одной кровати.

Во-первых, поскольку желание интеллигентных людей иметь по две кровати, на мужа и на жену отдельно, есть желание законное (а оно, несомненно, законное), постольку для осуществления его необходим более высокий заработок, чем средний. Не может же автор письма не знать, что в „среднем“ на российского гражданина никогда по одной кровати не приходилось!

Во-вторых. Был ли неправ начальник отряда в ДАННОМ случае? Если не было грубости, оскорблений, желания поиздеваться и т. п. (что МОГЛО быть и за что нужно карать), если этого,

повторяю, НЕ БЫЛО, то, по-моему, ОН БЫЛ ПРАВ. Солдаты измучены, месяцами не видели кроватей, ни, вероятно, сносного ночлега вообще. Они защищают социалистическую республику при неслыханных трудностях, при нечеловеческих условиях, и они не вправе забрать себе кровать на короткое время отдыха? Нет, солдаты и их начальник были правы».

И т. д. Следует учесть, что Ленин говорит всё это СОВЕРШЕННО СЕРЬЁЗНО, вовсе не ставя себе целью сознательное издевательство над несчастным человеком. Но сквозь его наивную, семинарски-коленчатую логику сквозит юродская суть русской мысли. Сквозит настолько ясно, что если СПЕЦИАЛЬНО поставить себе целью издевательство, то получится гораздо бледнее, чем у Ленина (471). Это идеал чистого глумления.

Набоков назвал правление Ленина «нероновским пятилетием» (478). Да какой там Нерон! Нерон свободен, широк, он раб страстей. А здесь раб книги, циркуляра. Башмачкин. «Во-первых, во-вторых».

Откуда же такая сила? — Да ведь 200 лет создавали — «русский литературный».

Ленин — личность ещё далеко не понятая. Как не был понят и Христос. Понадобилось лет 200, чтобы начали догадываться о масштабе голгофского события. Набоков назвал ещё Ленина «самолюбивым неудачником». Да. Но это так… Это всё равно что характеристика Вл. Соловьёва вне характеристики самой русской истории, русской «свободы». Судьба неудачника очень удачно наложилась на неудачу самой русской цивилизации. И получилась головокружительная удача.

463

← Предыдущее, следующее →

463. Примечание к № 451
мавзолей капитана Сонного (к цитате)

Недалеко от мавзолея был расположен «вечный фонтан». Это писалось в 30-х годах, задолго до кремлёвского «вечного огня».

Или вот снова договаривание. Для Чердынцева началом его первой книги послужила статья о Чернышевском, помещённая в советском шахматном журнале «8 × 8». А через 50 лет, в 1986 году, в уже настоящем журнале «64» опубликовали отрывок из мемуаров Набокова. Это была первая советская публикация его произведений.

464

← Предыдущее, следующее →

464. Примечание к № 442

тряпичный Гоголь, совсем оторвавшийся от клейкого текста и колесом пошедший по городам и весям обречённого государства (к цитате)

Леонтьев писал:

«(К 50-м годам) всё было в запасе, всё было уже разнообразно и ГОРЕЛЬЕФНО: и тонкость ума, и СВОЕОБРАЗНО уже созревшее воображение (первые стихи Фета, высокие фантастические и патетические страницы Гоголя: „Страшная месть“, „Рим“, „Россия-тройка“ и т. д.), и озлобленное безверие, и ненависть к своему русскому, доходившая до радости нашим поражениям в Крыму. Нужны были только: ВОЛЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ; нужна была возможность вольнее расходовать эти разнообразные и огромные психические запасы… Воля эта была дана. И теперь мы пожинаем и пшеницу и плевелы, столь густо засеянные нами в 40-х и 50-х годах. Во времена Кутузова и Аракчеева всё было у нас С ВИДУ уже довольно пёстро, но БЛЕДНО; всё было ещё БАРЕЛЬЕФНО; ко времени Крымской войны — многое, почти всё, ВЫСТУПИЛО рельефнее, СТАТУАРНЕЕ на общегосударственном фоне; в 60-х и 70-х годах всё сорвалось с пьедестала, оторвалось от вековых стен прикрепления и помчалось КУДА-ТО, смешавшись в борьбе и смятении!»

Глубочайший символ. Почувствован процесс ОЖИВЛЕНИЯ, ПОРОЖДЕНИЯ. Оживления и порождения ФАНТАЗИЙ. Гениальна эта спутанность политических воззрений и «Птицы-тройки» — сорвались люди и сорвались в свободу персонажи. Люди и персонажи перепутались. Гениально!

465

← Предыдущее, следующее →

465. Примечание к № 410
я слишком серьёзно отношусь к любви (к цитате)

В характере отца несомненно было что-то еврейское, что-то пришибленное, раздавленное, униженно-ненормальное, с трудом компенсируемое то визгливым, то вдумчивым оправданием. Но во всём отцовском мельтешении было чувство, выдающее с головой его наивно-арийское происхождение. Это чувство какой-то абсолютной растерянности и недоумевающей рассыпанности. Это был человек, предки которого 1000 лет жили в обстановке расового комфорта. Никаких навыков обитания в чуждой расово среде у них не было. А ведь расово, биологически чуждое общество — это совсем не социальное отчуждение, это гораздо глубже и страшнее. И вот отец оказался в положении еврея, «чужака».

Пихнули в грязь и смеются. А рядом сынишка плачет, лопочет что-то на милом жаргоне. Евреи с этого-то и живут, на этом-то века и века всё образование, всё воспитание строят. А русского вот толкнули в грязь — он даже и не поднялся как следует, а как-то боком, боком, прижимаясь к земле, побежал за угол. А о сыне и забыл даже. Сыну кричат: «Анклойф, Иван, беги у папе». А папа-то умирать собрался.

То же и в моей судьбе повторяется. Вот «дело о рисунке». В хохочущем, колесом ходящем быте еврейского кагала всё нашло бы своё разрешение, и нашло бы в той или иной степени просто, естественно, «само собой». В моём же случае сама мысль о РЕШЕНИИ подобного рода события просто не могла прийти в голову. В генофонде решение таких проблем не предусмотрено. Дворянство это дворянство, а дворня это дворня. Но чтобы дворянин оказался в положении дворового — где же это видано? Только в горьковских «пиесах». А кто ведь я? — Дворянин из барака (532). Конечно, это привело к совершенно ненормальным видам взаимодействия с действительностью. В кривом зеркале элитарного гонора (вовсе не социального, а биологического) микроскопические происшествия приобретали масштабы мировых проблем.

Вот и проблему «рисунка» я стал решать по-русски основа-

тельно, серьёзно, в стиле «спокойно, товарищи, все по местам, последний парад наступает». Начало существования в качестве изгоя было положено, как и положено, филологической адаптацией. Человек, который «рисует голых баб», конечно, не может иметь нормального имени. Он должен носить кличку. Какую? Смешную, жалкую и агрессивно-нелепую. В классе я сообщил, что меня зовут «Килька» (546). Прозвище понравилось и успешно продержалось до окончания школы (прозвищ в классе больше ни у кого не было).

После смены имени необходимо было изменить внешность. Моя красивая внешность находилась теперь в разительном несоответствии с новой социальной ролью «отпетого», «классного шута». Я смешно вытягивал шею, надувал щёки, просто кривлялся. На помощь пришли начавшиеся тики: дёргалось плечо, шея, косили глаза, кривился по-крысиному в сторону нос. Помнится, одна школьница упорно называла меня не «Килькой», а «Крысой»: «У-у, кр-рыса». Проблема внешности была окончательно решена годам к 15-ти. Лицо покрылось прыщами, глупо округлилось, нос вытянулся, волосы свалялись в нестриженые сальные лохмы. Возможно, что в это время я производил не просто отталкивающее, а и более тяжёлое впечатление. Однажды ехал с отцом в метро, и его сочувственно спросили: «Он у вас что, болен?» Отец ответил: «Да». Я промолчал, по привычке безропотно перетекая в предложенное определение.

При этом ни об изменении внешности, ни о новом типе поведения я, конечно, совсем не думал. Всё происходило внутри, и в сознание просачивались лишь отдельные струйки взбаламученных сновидений. Ход отражённого в мыслях стремления к смерти был примерно следующим: отец придёт в школу и будет рассказывать «про баб». Надо «заглушить», подготовить почву, чтобы в общем контексте новая информация не выглядела оглушающе-разоблачительно. Проблему «двора» (отец будет рассказывать во дворе) я решил просто. С того самого воскресенья я никогда не выходил гулять. Третья проблема тоже была решена сразу: у человека, который «рисует баб», не может быть друзей.

И, наконец, всякие разговоры о так называемой «любви» в таком положении должны быть исключены. Это глумление.

Всё было вполне логично. Только принялся уж больно шустро. У евреев и шуточки, и ирония. А тут Ваня насупил брови и давай топором махать: «Пропала жизнь». Да на этом можно жизнь ПОСТРОИТЬ. «Бабы». Ну и развил бы тему «баб». Уже интересно. Из лужи-то многое виднее. Может быть, в луже звёзды лучше

видно. Нет. Не надо этого. Купил булку, а там след сапога на корке. — «Гражданин, поменяйте!» — «Нет, заверните ТАК». Вы мне жизнь мою так заверните, «с лужей». Евреи говорят: «Да не было никакой лужи, забудь». — «Нет, была. Как же забыть. Я помню, меня толкнули. Тогда, в выходной день. И все смеялись, а потом забыли. А я помню». — «Во-от, правильно. Эти ублюдки ногтя твоего не стоят». — «Нет, не правильно. Меня толкнули, и я виноват. А больше и нет никого. Я и лужа». — «Да кто же так в луже живёт. И разве так в луже живут?» — «Живу как умею. Учиться не у кого. Приходится своим умом-с».

Русские относятся к жизни слишком серьёзно. И русские, и евреи — это трагические, эсхатологические народы. Евреи трагедию делают бытом, опошляют. А русские быт превращают в трагедию. И в том и в другом случае форма трагедии, стиль трагедии утрачены.

Русские — лгуны в слове. Болтуны хитрые, двуличные. Их не поймёшь. Начнут с одного, а кончат совсем другим. В чувствах же очень честные и серьёзные. Евреи в слове, договоре — прямы, верят. Зато в чувствах лукавы, с трещинкой иронии: смеются, а взгляд грустный, плачут, а глаза лукаво жмурятся, прячутся. Релятивизм чувства и релятивизм слова. Предательство сердца и измена ума, рассудка. Поцелуй Иуды и слово Ивана. Очень интересно проследить, как эти два столь двуличных и коварных народа начали «взаимодействовать», делить народы, страны, материки, земной шар. Космос. Иуда и Антихрист. Два народа-юрода, два народа-паяца.

466

← Предыдущее, следующее →

466. Примечание к № 438

Его (Николая II) мученичество смысл и ритм дало России. (к цитате)

В революции и гражданской войне, столь переполненных всевозможными «событиями», действительных событий произошло только два (сливающихся в одно): отречение и мученичество Николая II. Это — Поступки.

Бердяев в «Смысле творчества», книге, опубликованной за два года до Екатеринбургской трагедии, утверждал:

«Славянофильская концепция самодержавия, как государственности аскетической и жертвенной, была мечтой, ничем не связанной с самодержавием историческим, всего менее аскетическим и жертвенным, столь же буржуазным, как и все государственности мира».

После гибели Николая произошло удивительное. Бердяев — банкрот. Понимаете ли вы, что это такое? Если бы всё осталось в русской истории на своих местах, но с одной небольшой частностью: Николай II был убит в 1918 году при попытке к бегству, в спину, и у него нашли бы дневник, где он по-матерну ругает своих мучителей и всю эту проклятую страну, столь подло предавшую его, — то Бердяев остался бы всё равно нормальным, порядочным человеком. А так ведь не Бердяев даже, и не бердяевы, а «бердяевы». Иначе всё бы получилось. Ну, был убеждённым социалистом, но это по наивности, по неведению, трогательной доброте. Ну, книги его неоригинальны — да что такое вообще оригинальность? Бердяев известен и трудолюбив. Ну там Дзержинского постоянно хвалил, умилялся его «романтизму». Но ведь действительно сильная, мужественная фигура. Следуют ведь учитывать, где он жил и когда, в этой, извините, «Империи Российской». Во что верить, за что уцепиться? А Дзержинский рыцарь, герой. Но вот Бердяев убежал. Кто он и иже с ним? На фоне смерти-то мученической? Да после этого скрываться, молчать. Тихо умирать никому не известным иностранцем в пригороде Буэнос-Айреса. А он, они кричали, писали книги. Горы книг написали. И чем больше писали, — вот сердцевина-то

где — тем площе, смешнее, понятнее становилось. Каждая новая книга — новый шлепок в ту же лужу. Не надо вас, чего вы всё говорите. Всё уже. Поезд давно ушёл. В деле себя вы уже показали. Вас Н Е НАДО. Ситуация стала однозначной. Классическая трагедия. Розанов сказал ещё в «Легенде»:

«Умирая, всякая жизнь, представляющая собою соединение добра и зла, выделяет в себе, в чистом виде, как добро, так и зло».

Великий поступок Николая II, великое добро, которое он сделал для России, оконтурило зло, выявило зло, сделало его совершенно однозначным и, следовательно — бессильным. Судьба России взяла Бердяева за ухо и поставила перед простой дилеммой. Просил — и получил.

Об этом не следует писать. И не будут писать. Но это всегда вольно или невольно будут подразумевать. Теперь сама вселенная духовного мира России так устроена. С «царским комплексом». Мистически Россия теперь вечная монархия.

467

← Предыдущее, следующее →

467. Примечание к № 290

И нигде явно ткань сглаза не прерывается. Ни одного явного доказательства. (к цитате)

Вязь розановского мышления удивительна. Все свои основные мысли он продумал в 80-х годах, а изложил в 90-х. Дальше, 900-е и 10-е — инерция, злорадно кривящаяся и закругляющая монотонные темы. Содержание книг Розанова равно нулю. Он действительно НИЧЕГО НЕ СКАЗАЛ и ушёл в иной мир великим молчуном.

Одна из первых работ Розанова — «Место христианства в истории». Схема этой работы точна, логика выверена. В центре взаимодействие светлого арийского и тёмного семитского начала. Арийское начало — объективно, семитское — построено на крайнем субъективизме. Субъективация арийства (Сократ) есть его семитизация, а объективация семитства (абстрактный и светлый Новый Завет) есть его ариизация. Эта переплетённость обеспечила грандиозный успех христианской цивилизации.

Но что такое в контексте этой схемы творческая эволюция самого Розанова? Его последующие высказывания о крахе христианства, а светлом семитском и тёмном арийском начале? И наконец, чисто христианская кончина Розанова? Мысль его дважды обернулась, совершила полный круг и всё. Сама по себе, вне своей динамики, она, как и все другие розановские мнения, значения не имеет. Круг. Стиль (528). То есть он сказал всё. И сказанное — пережил. Железная логика — и полная свобода. И внутри — глубокая обречённость. Возможно лёгкость, возможно фантазия, возможно азарт, но при этом глубоко внутри — обречённость.

468

← Предыдущее, следующее →

468. Примечание к № 434

«Выдам тебе зипун, ферязь, штаны, сапоги нарядные … Боярыню одну надо ублаготворить». (А. Толстой) (к цитате)

Розанов писал:

«Между эсерами есть недурненькие „первые любовники“; и тогда они очень хорошо устраиваются (2 случая на глазах)».

Или:

«У социал-демократа одна тоска: кому бы угвоздиться на содержание. Старая барыня, широко популярный писатель, „нуждающийся в поддержке молодёжи“, певец — всё годится».

469

← Предыдущее, следующее →

469. Примечание к № 403
теософия сконструировала коммунизм (к цитате)

Коммунизм понятен, элементарен. Он интересен только в одном — в своих истоках. Кто, когда, где, назовите фамилии и адреса. Кто придумал социализм-коммунизм, для чего, как конкретно его ввинчивали в реальность? Маркс не интересен. Но брат его жены оч-чень интересен (480). Фердинанд Отто Вильгельм Хеннинг фон Вестфален был министром внутренних дел Пруссии. Пруссии — «полицейского государства».

470

← Предыдущее, следующее →

470. Примечание к № 403

Однако надо понимать психологию истероидного типа. (к цитате)

«Видения» Соловьёва не были просто шарлатанским издевательством над окружающими. Эти «видения» действительно наличествовали, но лишь в той форме, в какой это возможно для истерика. Блестящую характеристику этого типа личности дал П. Б. Ганнушкин. И я не откажу себе в злорадном удовольствии сделать обширную и исчерпывающую выписку из его труда по психопатологии.

Ганнушкин пишет:

«Главными особенностями психики истеричных являются: 1) стремление во что бы то ни стало обратить на себя внимание окружающих и 2) отсутствие объективной правды как по отношению к другим, так и к самому себе … Во внешнем облике (истериков) особенно обращают на себя внимание ходульность, театральность и лживость. Им необходимо, чтобы о них говорили, и для достижения этого они не брезгуют никакими средствами. В благоприятной обстановке, если ему представится соответствующая роль, истерик и на самом деле может „отличиться“: он может произносить блестящие, зажигающие речи, совершать красивые и не требующие длительного напряжения подвиги, часто увлекая за собой толпу; он способен и к актам подлинного самопожертвования, если только убеждён, что им любуются и восторгаются. Горе истерической личности в том, что у неё обыкновенно не хватает глубины и содержания для того, чтобы на более или менее продолжительное время привлечь к себе достаточное число поклонников. Их эмоциональная жизнь капризно неустойчива, чувства поверхностны, привязанности непрочны и интересы неглубоки; воля их не способна к длительному напряжению во имя целей, не обещающих им немедленных лавр и восхищения со стороны окружающих… Каждый поступок, каждый жест, каждое движение рассчитаны на зрителя, на эффект: дома в своей семье они держат себя иначе, чем при посторонних; всякий раз как меняется окружающая обстановка, меняется их нравствен-

ный и умственный облик. Они непременно хотят быть оригинальными, и так как это редко удаётся им в области положительной, творческой деятельности, то они хватаются за любое средство, подвёртывающееся под руку, будь то даже возможность привлечь к себе внимание необычными явлениями какой-нибудь болезни. Отсюда — сцены припадков и обмороков, загадочные колебания температуры, продолжительные отказы от пищи с тайной едой по ночам, причинение себе всевозможных повреждений, которые затем выдаются за сами собой появившиеся и т. д. … Духовная незрелость истерической личности, не давая ей возможности добиться осуществления своих притязаний путём воспитания и развёртывания действительно имеющихся у неё способностей, толкает её на путь неразборчивого использования всех средств воздействия на окружающих людей, лишь бы какой угодно ценой добиться привилегированного положения. Некоторые авторы особенно подчёркивают инфантильное строение эмоциональной жизни истериков, считая его причиной не только крайней поверхностности их эмоций, но и часто недостаточной их выносливости по отношению к травмирующим переживаниям. Надо только отметить, что и в области реакции на психические травмы нарочитое и выдуманное часто заслоняет у истериков непосредственные следствия душевного потрясения…»

Мне кажется, что даже самый ярый поклонник Соловьёва не может не признаться, что многие факты биографии философа прекрасно иллюстрируют эту характеристику. Слишком многие.

И вот «видения» Соловьёва. Они были, но это видения не экзальтированного мистика, а больного человека, причём не шизофреника, не маньяка и даже не алкоголика, а истерического психопата. Соловьёв выдумал, конечно, все свои контакты с потусторонним миром. Да и смешно было бы предполагать внутренний опыт Франциска Ассизского, Мартина Лютера или Серафима Саровского у сотрудника «Русской мысли». Но он сам почти верил в свои галлюцинации. Это был обман, но сама форма и интенсивность обмана была следствием объективного заболевания, психической аномалии. Истерик, падая в обморок, отлично понимает, что это обморок не настоящий. Но тем не менее обморок есть, и вызван он объективными причинами. Это ОДНОВРЕМЕННО и искренне патологическое состояние, и обман, мистификация, ломание.

Внутренне вызванное другими (более страшными) причинами, но внешне очень схожее поведение было у Гоголя. То же ломание перед благоговейными поклонниками, доходящее до замирания за столом с вытянутой вилкой (тише-тише, Гоголь думает,

творит, у него «видения») или до демонстративного засыпания в переполненной гостиной (тише-тише, Гоголь спят — на цыпочках, на цыпочках отсюда).

Из более молодого поколения к Соловьёву психологически ближе всего Блок — трус «себе на уме», женившийся на вечной женственности.

Вернёмся к «видениям». Тут уже совсем немного осталось. Поехал Владимир Сергеевич в имение к Толстой и семейству Хитрово писать свою «Теократию». А места эти под Петербургом красивые. Речка, сосны. Вот сидел однажды он на берегу речки около валуна, который окрестил «святым камнем», мечтал. А кругом-то как хорошо: птички поют, ветерок, облака. А хорошо бы, подумал философ, пришли бы сейчас все святые православные, все участники церковных соборов первых веков христианства и сказали: «Благословляем тя, Владимир, на великий труд оправдания веры отцов». Сказано — сделано. Сообщил радушным хозяевам-спиритам — было-де видение такое. Те испуганно закивали, бросились по дневникам записывать. «Факт».

Истерическая выходка произошла внутри больной истеризмом СРЕДЫ и воспринялась поэтому как нечто реальное и вполне естественное. И тут уже заглушка. Положим, книга-то Соловьёва плохая, слабая. — Так вы неправильно понимаете. Вам русским языком говорят — было видение! Что, не ясно?! Нужно, батюшка, видеть за внешней мишурой великий смысл. Как пишет Мочульский:

«Для Соловьёва цельность познания — не философское понятие, заимствованное у Шеллинга и Ивана Киреевского, а собственное мистическое переживание. „Всеединое“ явилось ему ещё в детстве как „цельная и живая истина“, как „единый образ женской красоты“. Он и философствовать начал для того, чтобы рассказать на понятном, то есть логическом языке о своих видениях».

…Нет, господа, так не будет. Несерьёзно это. Угодно вам называться философами, давайте рассматривать ваши произведения в контексте исторической традиции. Это для вас же будет ЛУЧШИЙ вариант. Потому что, если переходить на личности, на субъективный опыт, то от Соловьёва вообще и мокрого места не останется. Ведь как сказал Ганнушкин:

«Духовная незрелость истерической личности, не давая ей возможности добиться осуществления своих притязаний путём воспитания и развёртывания ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ИМЕЮЩИХСЯ У НЕЁ СПОСОБНОСТЕЙ, толкает её на путь неразборчивого использова-

ния всех средств воздействия на окружающих людей…»

«Мистический опыт» Соловьёва — это как раз «неразборчивое использование». А вот его философские работы это, конечно, продукт «действительно имеющихся способностей» и способностей, прямо скажем, неординарных. Написать в возрасте 21 года «Кризис западной философии» — 150-страничный труд, свидетельствующий о глубокой профессиональной компетентности… И притом в России, в середине 70-х годов… Это вещь удивительная. Конечно, трудно, да и невозможно ожидать в юношеском возрасте абсолютной оригинальности, да ещё при рациональной, академической форме изложения. Но здесь даже элементарная компиляция требует очень серьёзной подготовки, профессионального понимания философской терминологии и самих приёмов последовательного западноевропейского мышления. И вот человек загубил себя, связался с бабами-истеричками, с какой-то литературной богемой. Много воли дали, много свободы. Разменял свой талант на популярность. В Соловьёве сказался он сам. А сам он был неинтересный. Интересен был его неожиданный нерусский талант. Он полукровка. Мозг русский, но с польско-еврейской корой. Не ерунда с художеством, а ерунда с логосом. А он полез в художество. И получилась ерунда. Ну зачем он, например, полез в русскую литературу? (476)

А с другой стороны, конфликт его был, видимо, неразрешим. Так что это личность-то, что там ни говори, трагическая. Просто и Мочульский, и братья Трубецкие, и Лопатин — это такие позитивисты, такие русские глухари, что они увидели тайну как раз в наиболее объяснимой и понятной части соловьёвской темы. Феномен Соловьёва посильнее будет. Пострашнее.

Вернёмся на последнем обороте этой пластинки к Ганнушкину. Объяснять Соловьёва «по Ганнушкину», конечно, нелепо. И чтобы нейтрализовать эту нелепость, я «объясню» сейчас точно так же самого себя. Что ж, «любишь кататься, люби и саночки возить». Я никогда не тормозил кристаллизацию своих фантазий (чувствовал — иначе будет хуже). Но после акта выговаривания уже спокойно и немного устало спрашивал себя: почему? Почему так пошло, в эту сторону? Почему я ненавижу Соловьёва? (591) А ведь ненавижу, это ясно. Ну что это: бесит смех его, манера шутить. Какая уж тут философия. Очевидно, дело в биологической полярности. Кто я «по Ганнушкину»? Конечно, шизоид:

«Больше всего шизоидов характеризуют следующие особенности: аутистическая оторванность от внешнего, реального мира, отсутствие внутреннего единства и последовательности во всей

сумме психики и причудливая парадоксальность эмоциональной жизни и поведения. Они обыкновенно импонируют (исходя из собственного опыта замечу, что так же обыкновенно они раздражают. — О.)*, как люди странные и непонятные, от которых не знаешь, чего ждать. Уже самая манера держать себя, движения, жесты шизоидов нередко производят впечатление большого своеобразия. Общей чертой моторики шизоидов надо считать отсутствие естественности, гармоничности и эластичности. Обыкновенно они обращают на себя внимание тугоподвижностью и угловатостью движений, отсутствием плавных и постепенных переходов между ними, причём у одних, кроме того, бросается в глаза манерность и вычурность, у других — стремление к стилизации и, наконец, у третьих — просто крайнее однообразие и скудность движений… Их эмоциональная жизнь вообще имеет очень сложнее строение; аффективные разряды протекают у них не по наиболее обычным и естественным путям, а должны преодолевать целый ряд внутренних противодействий, причём самые простые душевные движения, вступая в чрезвычайно запутанные и причудливые ассоциативные сочетания со следами прежних переживаний, могут подвергнуться совершенно непонятным на первый взгляд превращениям. Благодаря этому шизоид, будучи отчуждён от действительности, в то же время находится в постоянном и непримиримом внутреннем конфликте с самим собой. Может быть, это и служит причиной того, что непрерывно накапливающееся от времени до времени находит себе исход в совершенно неожиданных аффективных разрядах … Сквозь очки своих схем шизоид обыкновенно и смотрит на действительность. Последняя скорее доставляет ему иллюстрации для уже готовых выводов, чем материал для их построения. То, что не соответствует его представлениям о ней, он вообще обыкновенно игнорирует. Несогласие с очевидностью редко смущает шизоида, и он без всякого смущения называет чёрное белым, если только этого будут требовать его схемы. Для него типична фраза Гегеля, сказанная последним в ответ на указание несоответствия некоторых его теорий с действительностью: „Тем хуже для действительности“».*

Оговорюсь. Почти классическая шизоидная психопатия была у меня осложнена в юности довольно сильной депрессией (с 17 до 22 лет примерно), вызванной прежде всего внешними обстоятельствами. Сейчас же постепенно шизоидная психопатия дополняется некоторыми чертами параноидального типа (прежде всего, захваченность сверхценной идеей собственной исключительности). На первом этапе моторика была скорее третьего

типа (скованность). В обычном состоянии — «стилизация». А в будущем, видимо, разовьётся «манерность и вычурность».

Из всего этого ненависть к Вл. Соловьёву вытекает вполне логично. Истерик изломан на поверхности, шизоид — внутри. Шизоид живет по внутреннему времени, его мир развивается сам по себе, вне контекста реальности. Такой психопат может разрыдаться на свадьбе или захохотать на похоронах. Внешне это будет абсурдно, но, исходя из логической последовательности его мыслей, фантазий и чувств, абсолютно объяснимо. Характерно, что шизоидов всегда и охватывают такие парадоксальные желания при ярких внешних событиях-обрядах. Их внешняя яркость подчёркивает и провоцирует сложную оторванность шизоидного «я» от реальности. Но кроме того, шизоиды всегда внешне сдержанны и провокационно скрытны, причём до такой степени, что по инерции заглушечничества хмурятся при хорошем настроении и преувеличенно радостно улыбаются при всякого рода неудачах. И вот похороны. Глаз шизоида подмечает смешные и циничные стороны события. А лицо-маска, приученная скрывать чувства, скорбно хмурит брови. Внешне спокойно, редко и заплачет когда. И смех-то внутри сквозь слёзы, тоже невидимые. И ужас, боль. И тут, например, какой-нибудь истероидный психопат начинает паясничать, откалывая на глазах у ошарашенной публики прямо здесь, на кладбище, очередную репризу. Он действительно хохочет, действительно разоблачает комизм положения и т. д. Какие чувства испытывает при этом первый тип психопатов? Нетрудно догадаться:

Мне не смешно, когда фигляр презренный
Пародией бесчестит Алигьери…

Истерик же вообще принципиально не понимает шизоида. Истерик ловит чёрточки, движения губ, бровей и тут же мгновенно находит слабинку и бьёт по ней. Он и засмеётся только на таких похоронах, где можно (то есть бить не будут). Учтёт обстановку. Но у шизоида как раз зацепки-то и ложные. Мимика, жесты и оговорки не соответствуют внутреннему состоянию. Истерик в таком случае постоянно бьёт мимо цели. Скажем, он хочет чем-то заинтересовать шизоида, рассказать ему интереснейшую историю. Шизоид явно заинтересован, и на его лице появляется подчёркнуто скучающее выражение. Истерик моментально меняет пластинку и хвастается знакомством со знаменитостью. Шизоид заинтригован ещё больше и открыто зевает. Истерик опять промахивается и вместо развития темы хочет убить его пускай хоть на совсем примитивном уровне и достаёт

порнографический журнал. Шизоид, как нетрудно догадаться, лениво пролистывает две страницы и откланивается. Истерик пишет потом в дневнике: «Поговорил с N — тупица редкий». (Или, при обратной реакции, наоборот.)

С точки зрения шизоида, истерия — это профанация его внутреннего мира. Но и в свою очередь для истерического психопата шизоид кажется в лучшем случае идиотом, совершенно не приспособленным к реальной жизни. Шизоид очень хорошо понимает окружающих людей, но совершенно не в состоянии как-то актуализировать это понимание. Его понимание статично, слишком основано на логике и не признаёт чужой воли, чужого своеволия, свободы. Для истерика чужая душа потёмки, но у него есть чутьё. Такие люди обладают даром очень сильного и острого воздействия. И т. д. Повторяю, это антиподы и, так сказать, взаимные карикатуры. Как ко мне отнёсся бы Владимир Сергеевич, узнать, конечно, уже невозможно, но можно легко представить. Полемика между Соловьёвым и Розановым, развернувшаяся в 90-х годах, вещь даже для русских условий почти беспримерная.

471

← Предыдущее, следующее →

471. Примечание к № 462

если специально поставить себе целью издевательство, то получится гораздо бледнее, чем у Ленина (к цитате)

Во всех послеоктябрьских прожектах Ленина мракобесие неслыханное (477), неправдоподобное, не оставляющее никаких сомнений в психической неполноценности их автора.

Вот, например, такая фраза:

«Предполагая, что мы сделали четвёртый шаг от капитализма к коммунизму, я допускаю, решаюсь допустить, что вместо варварской „расклейки“, портящей газету, мы прибиваем её деревянными гвоздями (652) — железных нет, железа и на „четвёртом шаге“ у нас будет нехватка! — к гладкой доске, чтобы было удобно читать и чтобы сохранялась газета».

Эти «деревянные гвозди» многое объясняют в ленинской логике. От деревянных гвоздей легко перейти к деревянному сахару. Писал в 1919 году Зиновьеву в будущий Ленинград:

«Говорят, Жук (убитый) делал сахар из опилок? Правда это? Если правда, надо обязательно найти его помощников, дабы продолжить дело. ВАЖНОСТЬ ГИГАНТСКАЯ».

В этом же письме и такой интересный проект:

«Говорят (это „говорят“ тоже отлично. — О.)*, сланцы под Веймарном неглубоки. Снять 2—3 сажени земли и можно экскаватор пустить, который будет массу сланцев ломать и давать. Надо напрячь силы; мобилизовать туда буржуазию (в землянках поживут); работать 3 смены по 8 часов».*

Идея торфоразработок была тоже идеей фикс свихнувшегося журналиста. В стране с богатейшими запасами угля и нефти предполагалось перейти на наименее калорийное топливо. По мысли Ленина, теория торфоразработок должна была стать общеобязательным предметом не только в институтах, но и во всех средних школах. В торфе привлекала наглядность (653): из гнилой земли — электричество. Всё из ничего. Впрочем, сходство с опилочным сахаром было и буквальное. Ленин писал:

«Я решительно против ВСЯКОЙ траты картофеля на спирт. Спирт можно (это уже доказано) и должно делать из ТОРФА. Надо это производство спирта развить».

Да что там торф! Ленин всячески поддерживал некоего афериста, утверждавшего, что он изобрёл X-лучи, взрывающие все патроны и снаряды в радиусе нескольких километров. X-лучи предполагалось применить против войск Врангеля. Ленин вентилировал и вопрос уже непосредственно о постройке вечного двигателя (655). Управляющий делами Совнаркома Горбунов, умиляясь, вспоминал:

«Он проявлял интерес и к изобретателю-крестьянину, прошедшему громадный путь из Сибири и приносившему в Совнарком сделанный из дерева и шнурочков перпетуум-мобиле, и к физику-самоучке, которому казалось, что он опроверг основные законы Кеплера».

Наконец, следует упомянуть и ещё о двух идеях Ильича. Во-первых, после голода в Поволжье он написал Кржижановскому о необходимости насильственного и тотального введения в сельскохозяйственную практику посевов кукурузы:

«Надо тотчас постановить, чтобы ВСЁ количество кукурузы, необходимое для ПОЛНОГО засева ВСЕЙ ЯРОВОЙ площади ВО ВСЁМ Поволжье, было закуплено своевременно для посева весной 1922 года.

Для достижения цели надо рядом с этим:

1. Выработать ряд очень точных и очень обстоятельно обдуманных мер для пропаганды кукурузы и ОБУЧЕНИЯ крестьян культуре кукурузы при наличии скудных ТЕПЕРЕШНИХ средств.

2. Спешно обсудить, можно ли найти практические средства и пути для того, чтобы при НАЛИЧНЫХ условиях крестьянского хозяйства, БЫТА И ПРИВЫЧЕК ВВЕСТИ В ПИЩУ ЛЮДЯМ КУКУРУЗУ».

Во-вторых, если продолжить тему прорастания кукурузно-лучевых фантазий и завершить давнишнюю тему Богданова-Бердяева (в случае уже ленинского бреда), то следует упомянуть о таком факте. Взбешённый уступками Чичерина на Генуэзской конференции, Владимир Ильич писал в Политбюро:

«Это предложение Чичерина показывает, по-моему, что его надо немедленно отправить в санаторий, всякое попустительство в этом отношении, допущение отсрочки и т. п. будет, по моему мнению, величайшей угрозой… Это и следующее письмо Чичерина явно доказывает, что он болен и сильно. Мы будем дураками, если ТОТЧАС и насильно не сошлём его в санаторий».

По-русски и сумасшествие какое-то всегда издевательское, оборачиваемое.

472

← Предыдущее, следующее →

472. Примечание к с. 53 «Бесконечного тупика»

(Набоков) это самый философичный русский писатель… после нелюбимого Набоковым Достоевского (к цитате)

Набоков — гениальный философ. И его философское произведение (одно-единственное) (479) посвящено одной великой теме — доказательству бытия Божия. Если бы я был свободен, если бы у меня были все книги Набокова, если бы я был нужен людям (пародийные слёзы застилают глаза), я бы с математической точностью выверил кривизну его сверхромана изогнутым зеркалом рассудка. И произошло бы чудо.

В «Приглашении на казнь» говорится о «нетках» — абсолютно нелепых рисунках, которые при помощи специально кривого зеркала превращались в нечто существенное и реальное:

«Зеркало, которое обыкновенные предметы абсолютно искажало, теперь, значит, получало настоящую пищу, то есть, когда вы такой непонятный и уродливый предмет ставили так, что он отражался в непонятном и уродливом зеркале, получалось замечательно; нет на нет давало да, всё восстанавливалось, всё было хорошо, — и вот из бесформенной пестряди получался в зеркале чудный стройный образ: цветы, корабль, какой-нибудь пейзаж».

Но этого не будет. «Бесконечный тупик» — это серия неток, серия ненаписанных книг, пожухших от ненужности. И коротко о ненаписанном здесь можно сказать так:

1). Набокова — учёного и художника — всегда привлекала тема мимикрии. Он писал в «Даре»:

«(Существует) невероятное художественное остроумие мимикрии, которая не объяснима борьбой за жизнь (грубой спешкой чернорабочих сил эволюции), излишне изысканна для обмана случайных врагов, пернатых, чешуйчатых и прочих (мало разборчивых, да и не столь уж до бабочек лакомых), и словно придумана забавником-живописцем как раз ради умных глаз человека».

Тема мимикрии привлекала Набокова-учёного, так как являлась для него своего рода ясной и наглядной демонстрацией пронизанности всей природы единым и совершенно неподвласт-

ным человеческому рассудку законом. Законом дремотного наложения, подразумевания, когда всё угадывается во всём и мысли превращаются в конкретные символы. Происходит нарушение мышления, слияние кажущегося восприятия и кажущегося мышления. Ясная, но совершенно необъяснимая рационально повторяемость тем живой природы (523) буквально тычет невежду человека в осуществляемость жизни, в то, что жизнь кем-то осуществляется, кем-то претворяется. Притворство жизни — мимикрия — это указание на претворение в жизнь определённой Программы. Такой вывод из прикладной энтомологии крайне важен и для Набокова-художника.

2). Родной сестрой мимикрии является пародия. В том же месте «Дара» герой романа рассказывает о том, что отец:

«учил меня, как разобрать муравейник, чтобы найти гусеницу голубянки, там заключившую с жителями варварский союз, и я видел, как, жадно щекоча сяжками один из сегментов её неповоротливого, слизнеподобного тельца, муравей заставлял её выделить каплю пьяного сока, тут же поглощаемую им, — а за то предоставлял ей в пищу свои же личинки, так, как если б коровы нам давали шартрез, а мы — им на съедение младенцев».

Но вспомним, что пародия невозможна без ключевого текста, на котором она паразитирует (553). И смысл муравьиной пародии был раскрыт лишь через 200000000 лет после её возникновения. Лишь с возникновением человеческого общества была достигнута нужная степень оборачиваемости, делающая смысл происходящего в муравейнике абсолютно понятным. Итак, в муравьях природа указала на человеческое общество, причём до смешных нюансов и оттенков. Это модель, блик, возникший от ещё не возникшего человечества, колдовское «опережающее отражение». Муравейник мучительно, пародийно далёк от подлинно человеческого, но далёк именно ОТ НЕГО, точно, до доли миллиметра далёк от него, а не от другого. За 200000000 лет, но по идеальной прямой.

3). Но прямую можно провести не только из прошлого в настоящее, но и из настоящего в будущее. Подлинный смысл муравейника, например, некоему одинокому разуму, смотрящему со стороны на земные дела, 200 миллионов лет назад был неясен. И так же неясен сейчас высший смысл и собственно человеческой деятельности. Центральная тема Набокова-художника, соединяющая его с Набоковым-философом, это тема «Художник и Бог». Творческая тварь и Творец. Художник — это убогий муравей Бога, его творчество это пародия на творение, а его создания — это модели Божественного мироздания, так же не сопри-

касающиеся с миром Бога, как мир муравья не соприкасается с нашем миром. При сходности в мимикрии, в пародийном изгибе. Отсюда смысл тяжкого пути познания по Набокову — в раскрытии мимикричности мира, его пародийности и злорадства. Сам он этого в силу закона пародийного жанра не понимал, то есть тоже стал жертвой какой-то сатанинской пародии. Причём даром художника, интуитивным постижением вещей, он чувствовал — если пародировать его стиль — свою гибельную интеллигибельность.

4). Оборачиваемость его прозы имитирует оборачиваемость мира и пародирует процесс человеческого познания (его фатальный эмпиризм, фатальную пустоту).

Страницы его романов переполнены примерами предусмотренного времени, постигаемого нами, читателями, при помощи медленно, как в замедленной съёмке, распускающихся символов. Так само название романа «Камера-обскура» оборачиваемо, то есть ничего не говорит в начале чтения и всё — в конце. При этом читатель, поскольку он погружается в ткань повествования, превращается в существо слабое и зависимое — в одного из персонажей романа, также подчиняющегося чьему-то замыслу. Автор, заранее знающий разгадку, нависает над читающим, направляет его мысль по своему желанию. Автор в романах Набокова — Бог или дьявол, но никак не человек. Человек — читатель.

5). Символическая структура романов Набокова совершенно не воспринимается на уровне сознания. Читатель сбивается с толку идеальной материальностью возникающих образов. На первый взгляд, пространство романов наивно-натуралистично, и лишь постепенно для изощрённого глаза сквозь по-гоголевски плотные и яркие вещи проступает сатанинская ухмылка пустоты, невидимого, абсолютно невидимого режиссёра, водящего читателя за нос.

Набоков, вслед за Достоевским, — самый преступный писатель, писатель, ощущавший всю преступность и греховность творческого акта, передразнивающего акт божественный. «Дьявол — обезьяна Бога».

В «Камеру-обскуру» введён персонаж Горн. Это двойник автора и одновременно двойник читателя. Читатель постепенно вовлекается в преступление, становится его соучастником. Автор книги иногда позволяет ему уловить намёк, элемент истины, делает его более зрячим, чем мечущиеся в темноте неведения прочие персонажи. Но и это лишь игра, пародия. Читатель так же водится за нос, и по мере того, как происходит оборачи-

ваемость постепенно читаемого текста, возникает чувство непоправимости, невозможности возврата — прочтения вновь.

Герой «Камеры» — искусствовед Бруно Кречмар — помещается автором в тёмную камеру кинотеатра, где смотрит конец фильма. Он попадает в зал слишком рано, и перед ним прокручивают конец картины предыдущего сеанса. Его охватывает скука и грусть:

«Глядеть на экран было сейчас ни к чему, — всё равно это было непонятное разрешение каких-то событий, которых он ещё не знал (…кто-то плечистый слепо шёл на пятившуюся женщину…). Было странно подумать, что эти непонятные персонажи и непонятные действия их станут понятными и совершенно иначе им воспринимаемыми, если он просмотрит картину сначала».

В полусумраке зала Кречмар видит прекрасную юную девушку, работающую в этом кинотеатре. Впоследствии она становится его любовницей. Кречмар попадает в автомобильную катастрофу и слепнет. Ослепление служит началом душевного прозрения, и герой догадывается, что его возлюбленная — низкая, ничтожная женщина. Слепой, он пытается её убить, но при этом погибает.

Сам по себе сюжет чрезвычайно банал须. Ещё хуже то, что сюжет приторно нравоучителен. Но Набоков отказывается от нравоучений. От легкомысленного поведения отца гибнет дочка Кречмара — Ирма. Но в тексте нет ни одного предложения, ни одного слова, которое бы констатировало факт «нехорошего поведения». Более того, героям романа подлинные обстоятельства болезни Ирмы так и не открываются. Моральное негодование как бы выносится за рамки повествования и перекладывается на плечи рассказчика. Но «за кадром» никаких титров нет. Можно пойти по стопам многочисленных эмигрантских критиков Набокова и обвинить его в «холодном эстетизме» (то есть, грубо говоря, в некотором цинизме и безнравственности).

Казалось бы, устами автора говорит вкрадчивый Горн, пришедший после смерти Ирмы навестить «друга» (которого он обманывает с его любовницей и своей сообщницей):

«Художник, по моему мнению, должен руководиться только чувством прекрасного, — оно никогда не обманывает… Изюминка, пуанта жизни заключается иногда именно в смерти».

Но дальше Набоков даёт следующую характеристику Горна:

«Горн в такие минуты говорил, не останавливаясь, — плавно выдумывая случаи с никогда не существовавшими знакомыми, подбирая мысли, не слишком глубокие для ума слушателя, прида-

вая словам сомнительное изящество. Образование было у него пёстрое, ум — хваткий и проницательный, тяга к разыгрыванию ближних — непреодолимая. Единственно, быть может, подлинное в нём была бессознательная вера в то, что всё созданное людьми в области искусства и науки только более или менее остроумный фокус, очаровательное шарлатанство … Когда он говорил совсем серьёзно о книге или картине, у Горна было приятное чувство, что он — участник заговора, сообщник того или иного гениального гаера — создателя картины, автора книги. Жадно следя за тем, как Кречмар страдает и как будто считает, что дошёл до самых вершин человеческого страдания, — следя за этим, Горн с удовольствием думал, что это ещё не всё, далеко не всё, а только первый номер в программе превосходного мюзик-холла, в котором ему, Горну, предоставлено место в директорской ложе. Директором же сего заведения не был ни Бог, ни дьявол. Первый был слишком стар и мастит, и ничего не понимал в новом искусстве, второй же, обрюзгший чёрт, обожравшийся чужими грехами, был нестерпимо скучен, скучен, как предсмертная зевота тупого преступника, зарезавшего ростовщика. Директор, предоставивший Горну ложу, был существом трудно уловимым, двойственным, тройственным, отражающимся в самом себе, — переливчатым магическим призраком…»

То есть автором. Да, Набоков знал, что он «эстет», но его знание было в миллион раз глубже идиотских упрёков. Горн — это специальный, писательский чёрт (чем и должна была окончиться литературная чертология). Набоков чувствовал горновское в себе, вообще в писателе как таковом. Не случайно Горн внезапно получает поддержку от писателя Зегелькранца, который выводит в своём романе любовный диалог двух незнакомцев, подслушанный в вагоне, а потом зачитывает этот отрывок встреченному на станции другу — Кречмару. Кречмар же узнаёт в героях Зегелькранца свою любовницу и Горна и, потрясённый, попадает в аварию.

«Оказывалось, что жизнь мстит тому, кто пытается хоть на мгновение её запечатлеть… Зегелькранц был теперь в таком состоянии нервного ужаса, что ему казалось, он сойдёт с ума. Рукопись он свою разорвал с такой силой, что чуть не вывихнул себе пальцев, по ночам его терзали кошмары: он видел Кречмара с полуоторванным черепом, с висящими на красных нитках глазами, который кланялся ему в пояс и слащаво и страшно приговаривал: „спасибо, старый друг, спасибо“».

То, что Зегелькранца ужасает, Горна только радует. Своей пи-

сательской властью над реальностью он наслаждается. Живя в одном доме с Кречмаром (незримо для него), Горн вслед за классиком драматургии подговаривает любовницу перепутать описание цвета обоев, мебели, а также расположение многих комнат. И жалкий слепец, привыкнув к новой обстановке, думал иногда, что видит мебель и предметы, но видел их «совсем в другом свете». Горн ходил по вилле голый, загоревший, поросший семитской шерстью (581), и высшим наслаждением для него было, повыв эоловой арфой на крыше, сойти потом вниз и щекотать травинкой мучительно прислушивающегося слепого и беззвучно смеяться над ним, смеяться. Или от своего имени Горн написал Кречмару издевательское письмо, где, соболезнуя его горю, попутно упомянул о «прозрачной красоте красок», чем вызвал у калеки приступ обречённого ужаса.

Но ведь в конечном счёте мучает своего героя автор. Конечно, «понарошку», конечно, для читательского «катарсиса». Но ведь эти ФАНТАЗИИ, они показательны.

Вот в чём «Камера-обскура». Это даже не погруженный в вечную темноту мозг героя, озарённый предсмертным прозрением. Это понимание того, что сам человек (вообще) живёт в темноте неведомо злорадного мира. А также понимание, что проявлена эта злорадность в максимальной степени в акте человеческого творения. И, быть может, наиболее явно — в акте творчества писателя. Ведь литература сама по себе наиболее жестокий и идиотический вид искусства. (Не случайно Горн — карикатурист. Карикатура — самый литературный вид живописи, часто просто дополняющейся словом, сливающийся с ним в единое целое.) Писатель — одновременно и Кречмар и Горн, и палач и жертва (587).

473

← Предыдущее, следующее →

473. Примечание к с. 54 «Бесконечного тупика»
Я похож на Розанова, и он мне близок (к цитате)

Ужас Розанова для меня в том, что я не могу найти в нём границ, не могу его отделить от себя. Это мучительно. И это не «подражание». Ощущение собственной подражательности, вторичности как раз и принесло бы облегчение. Это ведь и есть «граница». А тут какое-то двойничество. Не «одинаковость», а что-то мистическое, фатальное. Странно — я не видел ни одного его портрета, из произведений 70% не читал, биографии — практически не знаю (это примечание написано 22.01.1986 г.). И очень спокойно себя чувствую, говоря о нём. Такое голографическое чувствование. Отломать кусочек голограммы, и изображение — всё — в этом кусочке сохранится. Станет более размытым, но и более объёмным. Я вот и не стремлюсь так уж очень к другим его книгам. Всё станет точно, но, может быть, и менее объёмно.

Это не подражание, а вот что: Розанов на моём месте написал бы это примечание № 473 точно так же. Ход и ритм мыслей о Розанове и о себе, другом Розанове, был бы тот же. При подражании было бы наивное воспроизведение, при идентичности же, если бы он во мне ожил, — не было бы и самой проблемы. А тут просто одинаковая походка что ли, манера сутулиться или листать книги…

В одном из рассказов немецкого писателя Вольфганга Борхерта есть эпизод: командир батареи даёт пинка пожилому солдату, замешкавшемуся с подачей снарядов. Солдат медленно оборачивается, и офицер видит лицо своего умершего отца.

474

← Предыдущее, следующее →

474. Примечание к № 434
Впрочем, есть и ещё вариант: подыхать на улице. (к цитате)

Русский и начинает суетиться, когда уже на улице оказывается. На русской улице нельзя жить (486). Как подует ветерок «вдоль по Питерской», с позёмочкой, станешь во все двери стучать. А двери-то запертые. В конце концов и достучишься, возьмут в дело — но на звериной, механической основе. И выжмут всего, без остатка. У русских тяга к коллективной жизни, без этого нельзя в таких условиях, не выживешь. Но жизнь эта — не мафия, не кагал, в которых большое значение имеют человеческие, неформальные связи — связи родственные, семейные. Нельзя назвать такую жизнь и чисто официальной связью, договором со строгим распределением прав и обязанностей и включённостью в дело «постольку поскольку». У русских — партия: вверился и не оглядывайся. И вершина партийного (опричного, чужого) дела — сверхпартия, то есть государство. Государство обогреет, даст кров. И возьмёт всё. И с ним, со стихией-то, не поспоришь. Тут странное сочетание крайнего индивидуализма, анархизма и крайних форм зависимости (494).

У Розанова есть один листок из «Второго короба», который надо бы русским на обложках школьных тетрадей печатать, вместо таблицы умножения и дурацких «уставов». Как вкладыш к студенческим билетам распространять. Розанов сказал:

«Дочь курсистка. У неё подруги. Разговоры, шёпоты, надежды…

Мы «будем то-то», мы «этого ни за что не будем»… «Согласимся»… «Не согласимся»…

Всё — перед ледяной прорубью, и никто этого им не скажет: «Едва вы выйдете за волшебный круг Курсов, получив в руки бумажку „об окончании“, — как не встретите никого, ни одной руки, ни одного лица, ни одного учреждения, службы, где бы отворилась дверь, и вам сказали: „Ты нам нужна“.

И этот ледяной холод — „никому НЕ НУЖНО“ — заморозит вас и, может быть, убьёт многих … Отчего вы теперь же, на „Курсах“, не союзитесь, не обдумываете, не заготовляете службы, работы? У евреев вот всё как-то „выходит“: „родствен-

ники“ и „пока подежурь в лавочке“. „Поучи“ бесчисленных детей. У русских — ничего. Ни лавки. Ни родных. Ни детей. Кроме отвлечённого „поступить бы на службу“. На что услышишь роковое: „нет вакансий“».

475

← Предыдущее, следующее →

475. Примечание к № 399

появилась тема, которая шла, всё нарастая и нарастая, до самого конца: не надо наказывать! не надо казней! (к цитате)

С наибольшей яркостью это настроение выразилось в личности великой княгини Елизаветы Фёдоровны, жены великого князя Сергия и сестры последней императрицы. Когда Сергия убили, великая княгиня находилась поблизости. Услышав грохот взрыва, она выбежала на улицу и увидела страшно изуродованный труп своего мужа. Плача, Елизавета Фёдоровна обнимала его оторванную голову, а вокруг стояла толпа, молча смотрела. Потом она посетила в тюрьме убийцу Сергия террориста Каляева, опустилась перед ним на колени, долго беседовала и, подарив образок и крест, сказала, что «великий князь прощает вас». На кресте-памятнике убитому мужу Елизавета Фёдоровна велела написать слова Спасителя: «Отче, отпусти им: не ведают бо, что творят». Свой двор великая княгиня распустила и организовала Марфо-Мариинскую обитель, фактически став монахиней. После революции её арестовали и, пробив голову прикладом, вместе с ещё семью жертвами бросили в шахту. После этого шахту забросали гранатами. Но Елизавета Фёдоровна и князь Иван Константинович Романов упали на относительно неглубокий уступ шахты и остались живы. Великая княгиня разорвала свою одежду и перевязала раны Ивана. Истекая кровью, она ещё целый день молилась, и местные крестьяне слышали из провала шахты доносившееся до них церковное пение.

Интересна реакция Каляева на встречу с великой княгиней. Сначала он, видимо, струсил и лепетал что-то несообразное, а когда она ушла, метался по камере и кричал своему адвокату М. Мандельштаму, что это провокация охранного отделения, что её специально подослали. А Мандельштам его успокаивал: великая княгиня не может быть полицейским агентом, просто это дура-истеричка — «ограниченный и дегенеративный тип».

476

← Предыдущее, следующее →

476. Примечание к № 470

Ну зачем он, например, полез в русскую литературу? (О Вл. Соловьёве) (к цитате)

Чёртик Соловьёва ещё и в том, что он «чёрт нерусский» (492). Статьи Соловьёва о русских поэтах и писателях — это какое-то саморазоблачение (509). Вот, например, начало статьи «Судьба Пушкина»:

«Есть предметы, о которых можно иметь неверное или недостаточное понятие — без прямого ущерба для жизни. Интерес истины относительно этих предметов есть только умственный, научно-теоретический, хотя сами они могут иметь большое реальное и практическое значение. До конца XVIII столетия все люди, даже учёные, имели неверное понятие о ВОДЕ, — её считали простым телом, однородным элементом или стихией, пока знаменитый Лавуазье не разложил её состава на два элементарные газа: кислород и водород… Чтобы умываться, или поить животных, или вертеть мельничные колёса, или даже двигать паровоз, нужна только сама вода, а не знание её состава или её химической формулы».

И т. д. Само имя Пушкина появляется только на четвертой странице статьи. Не буду писать о конкретной технологии перехода от «элементарных газов» к пушкинской поэзии. Тут уж «лежачего не бьют». Не буду особенно останавливаться и на непосредственном анализе судьбы Пушкина. Замечу только, что Соловьёв, в частности, считает, что от Пушкина:

«Необходимо требовать по крайней мере тех добродетелей, к которым способны и животные, как, например, родительская любовь, благодарность, верность».

Эти-де добродетели у Пушкина отсутствовали, хотя:

«Нет такого житейского положения, хотя бы возникшего по нашей собственной вине, из которого нельзя было бы при доброй воле выйти достойным образом».

Тут какое-то смешение ненависти озлобленного мещанина, стилизованного под православие благочестия и, одновременно,

наивности и неспособности к пониманию душевных движений других людей.

Характерен крайний позитивизм соловьёвской мысли, для 1897 г. (дата написания статьи) уж слишком старомодный. Писарева Соловьёв называет здесь «замечательным писателем», а молодых представителей начинающегося Серебряного века (в том числе, кстати, и Розанова) обзывает:

«Новейшими панегиристами пушкинской поэзии, прикладывающими к этому здоровому, широкому и вольному творчеству ломаный аршин ницшеанского психопатизма» (519).

Заканчивается этот бред, выдержанный в лучших традициях 60-х годов, например, следующей гротескной фразой:

«Природа судьбы вообще и, следовательно, судьба всякого человеческого существа, не объясняется ВПОЛНЕ тем, что мы видим в судьбе такого особенного человека, как Пушкин: нельзя химический анализ Нарзана принимать всецело за анализ всякой воды. Как в Нарзане есть то, чего нет ни в какой другой воде, так, с другой стороны, для полного отчёта о составе нашей невской воды приходится принимать во внимание такие осложнения, каких не найдётся ни в Нарзане, ни в каком-либо другом целебном источнике. Но всё-таки мы наверно найдём и в Неве, и в Нарзане, и во всякой другой воде основные вещества водород и кислород, — без них никакой воды не бывает».

И т. д. Статья «Лермонтов», написанная в 1899 году, начинается ещё «позитивнее»:

«Как черты зародыша понятны только благодаря тому определившемуся и развитому виду, какой он получил в организме взрослом, так и окончательное значение тех главных порывов, которые владели поэзией Лермонтова…» И т. д.

Какая уж тут русская литература. А ведь Соловьёв не был просто за пределами известного уровня культуры, как недоучки 60-х, нет, он был умён и образован. И вот этот развитый ум не имел с литературой — центром национальной культуры — ничего общего. В этом-то и наваждение соловьёвщины. С Россией ничего общего. Совсем ничего. А ведь из Соловьёва, собственно говоря, вышла русская философия. И что получилось? Бердяев, Булгаков, Трубецкие, Флоренский — все они восстанавливали связи с национальной культурой, пройдя школу соловьёвства и развивая то или иное его направление. Соловьёвство ветвями врастало в русскую культуру. И тут следует понимать мучительнее недоумение всех последователей Соловьёва, трудность сопоставления его терминологической империи с миром аморфного

русского логоса. В этом аспекте более понятен феномен графомании Бердяева. Его освоение мира Достоевского, Леонтьева и Хомякова после «элементарных газов» Соловьёва, конечно, не может не поражать своей глубиной и, так сказать, виртуозностью, соединением несоединимого: Соловьёва и русской литературы.

Как всегда особняком тут стоит Шестов. Он, в отличие от соловьёвцев, вышел из русской литературы. Но это уже классический еврей. Литература для него текст. «Документ». Всё одно какой: французский, греческий или русский (упор на последний из-за внешних обстоятельств). Всё понимаемо, но ничего не продолжено, ничего не оживлено дальше. Скорее, умерщвлено, разъято. Разъято «правильно», «по-родственному». Дана хорошая цена. Но хоть цена-то дана верно («они восхищены сокровищами в вас»). А Соловьёв ничего не понимал. Совсем. Розанова просмотрел. И публично обливался слезами над копеечными стекляшками. А еврей, «совсем еврей», так и замер бы от Розанова. Вдруг на подоконник вползает какая-то гигантская диковинная гусеница — лохматая-прелохматая, разноцветная, «с колокольчиками». Как тут не замереть: во какая! Жене, детям: «Скорее, скорее сюда! Посмотрите, чудо какое!»

В Розанове, что и говорить, природа постаралась. А Соловьёв, этот гениальный Чернышевский, ничего не заметил. Соловьёв был очень близорук, и Е. Трубецкой пишет:

«Мой покойный брат, кн. С. Н. Трубецкой, рассказывал мне, как однажды Соловьёв по близорукости принял скорлупу деревянного пасхального яйца, надетого на палочку, за одиноко растущий цветок: брат разрушил его иллюзию в минуту, когда Соловьёв, вдохновившись воображаемым цветком, слагал о нём стихотворение. — В его оценках людей беспрестанно повторялся тот же обман зрения».

Соответственно эти слепцы и прекрасные цветы принимали за прозаическую скорлупу. В «Даре» говорится:

«Чернышевский не отличал плуга от сохи, путал пиво с мадерой; не мог назвать ни одного лесного цветка, кроме дикой розы: но характерно, что это незнание ботаники сразу восполнял „общей мыслью“, добавляя с убеждением невежды, что „они (цветы сибирской тайги) всё те же самые, какие цветут по всей России“».

И далее Набоков продолжает:

«Какое-то тайное возмездие было в том, что он, строивший свою философию на познании мира, которого сам не познал, теперь очутился, наг и одинок, среди дремучей, своеобразно роскош-

ной, до конца ещё не описанной природы северо-восточной Сибири… ическая кара, не входившая в расчёт его человеческих судей» (три-четыре слова пропущены из-за повреждённого текста на ксерокопии; «…ическая» — это скорее всего «демоническая». — О.).

А как эти слепцы в рост пошли. Чернышевский — это гигант, «мамонтово дерево», на котором один сук Ленина размером в тысячу Сократов. Древо Соловьёва, конечно, гораздо меньше, но тоже густоветвистое, размашистое. А Розанов какой-нибудь, так это, как он сам говорил, «кактус». С трудом прижился на почве филологического демонизма. Злорадство не могло расти через Розанова. А через этих калек слепеньких проросло. К их же вреду в конечном счёте. И тут примечательно, что всё же через Соловьёва рослось труднее. Это, так сказать, запасной вариант, неудачная проба эволюции, какая-нибудь кистепёрая рыба или летучий ящер. Во-от, с ящером хорошо! Соловьёвцы — это ящеры. Они вымерли все, но какие большие были и как их много. Но не подошли для русского языка, для русской истории. Хотя всё же они отчасти удались, пожили. В Соловьёве явно кто-то наклёвывался (529). Немного уже оставалось. Помешал талант.

Да. А в Розанове Соловьёв увидел «Порфирия Головлёва». Если русский начинает уподоблять реальное лицо литературному персонажу, то, значит, он его не видит в упор, значит, с ним вообще никакого контакта нет, и не будет.

Соловьёв писал по поводу статьи Василия Васильевича о русской литературе:

«О Пушкине мы здесь, конечно, ничего не узнаем. Ничего не узнаем и о противоположных, будто бы, Пушкину позднейших русских писателях. Излияния г. Розанова дают достаточное понятие лишь об одном писателе — о нём самом. С удивительною краткостью и меткостью характеризует он своё собственное творчество, воображая, что говорит о Лермонтове: „Что пишу? Что написал? Даже и не разберёшь: какой-то набор слов, точно бормотание пьяного человека“».

477

← Предыдущее, следующее →

477. Примечание к № 471

Во всех послеоктябрьских прожектах Ленина мракобесие неслыханное (к цитате)

Но венцом ленинского прожектёрства, конечно, является «план электрификации всей России». В январе 1920 года Кржижановский (482) послал Ильичу научно-популярную статью об электрификации. Ильич прочёл. Тут же, в полчаса, созрел гениальный план:

«Глеб Максимилианович!.. Статью получил и прочёл. Великолепно. Нужен РЯД таких. Тогда пустим брошюркой. У нас не хватает как раз спецов с размахом или „с загадом“… Нельзя ли добавить ПЛАН не технический (это, конечно, дело МНОГИХ и не скоропалительное), а политический или государственный, т. е. задание пролетариату? Примерно в 10 (5?) лет построить 20–30 (30—50?) станций, чтобы всю страну усеять центрами на 400 (или 200, если не осилим больше) вёрст радиуса; на торфе, на воде, на сланце, на угле, на нефти (ПРИМЕРНО перебрать Россию всю, С ГРУБЫМ приближением). Начнём-де сейчас закупку необходимых машин и моделей … (План) надо дать сейчас, чтобы наглядно, популярно, для массы увлечь ясной и яркой (вполне НАУЧНОЙ в основе) перспективой: за работу-де, и в 10–20 лет мы Россию всю, и промышленную и земледельческую, сделаем ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ. Доработаемся до СТОЛЬКИХ-ТО (тысяч или миллионов лошадиных сил или киловатт?? чёрт его знает) машинных рабов и проч».

Пропагандистский аппарат раскрутили на всю катушку. С точки зрения бюрократической, успех электрификации был полный. Под это дело ещё несколько тысяч полуобразованных евреев получили место в стремительно разрастающемся аппарате управления. Был составлен фиктивный «план ГОЭЛРО», суть которого состояла в «электрификации» лампочками географической карты европейской России. Это было слишком даже для Ленина, и сами большевики окрестили электрификацию «электрофикцией». Через год начался НЭП, и о нелепой затее забыли. Но в 30-х опыт бешеной пропагандистской шумихи (как и ленинский про-

цесс против эсеров) очень пригодился. И тогда уже действительно «доработались до стольких-то (чёрт его знает) машинных рабов».

Почему же удалось? Дело в том, что кривой ум Ленина давал гениальные предлоги (491). Суть власти была в напряжённой, злой культуре — вызове. Но создавать такое общество надо ПОД КАКОЕ-ТО ДЕЛО. Нужен был предлог. И его нашли в «электрификации», «индустриализации». Или глубже, если рассмотреть причину «планового хозяйства», — в отмене собственности. То есть в нарушении естественного, природного права человека. Даже животной его потребности. Ведь чувство собственности — это прежде всего чувство. Оно есть и у головастика, пускай и в зачаточной форме. А у собаки, например, это уже достаточно развитая форма психической жизни. И вот «отбирать вещи». А для этого нужен аппарат, а для аппарата — падишах.

Можно было бы построить такое же общество и на уничтожении других принципов человеческого общежития. Например, построить Союз Советских Гомосексуалистических Республик (513). Объявить нормальную половую жизнь гнуснейшим пороком, судимым по какой-нибудь 121 статье УК РСФГР, и наказывать, как сейчас за некоторые виды частнопредпринимательской деятельности — «вплоть до…». А поскольку проклятые гетеросексуалисты от своих пороков всё равно ведь не откажутся, то проблема с «машинными рабами» опять будет решена. Но в таком обществе, наверно, их в основном будут использовать не на государственных, а на частных предприятиях и как домашнюю прислугу. Общество всё же будет гуманнее социалистического, так как госаппарат будет менее централизован… Хотя, если учесть склонность гомосексуалистов образовывать всякого рода союзы и общества…

А можно, например, запретить людям думать. Обозвать умников, скажем, «нусистами» и уничтожать. А чего они пользуются умом для собственного удовольствия? Или запретить жить больше 40 лет. Много чего можно. Важно только придраться «с загадом», придраться к чему-нибудь существенному и важному для человека. Придраться и издеваться, издеваться десятилетиями.

478

← Предыдущее, следующее →

478. Примечание к № 462

Набоков назвал правление Ленина «нероновским пятилетием». (к цитате)

Нерон выступал в цирке наездником. Ленин тоже вскоре после революции выступал с речами в цирке Чинизелли. Слово «цирк» в новейшей истории несколько изменило своё значение, и в этой связи интересно устойчивое обращение Ленина к теме клоунады, шутовства, балаганного скоморошества.

Например, в июне 1906 года он пишет:

«Взаимные подножки гг. Треповых и Набоковых будут использованы нами для того, чтобы обоих почтенных акробатов свалить в яму».

В июле этого же года Ленин возмущается, что эту точку зрения либералы назвали «шутовством или непроходимой тупостью», и уточняет:

«Кадетов постиг скоропостижный крах от одного росчерка пера „возлюбленного монарха“ (наплевавшего, можно сказать, в рожу Родичеву, который объяснялся ему в любви)».

(Любопытное пересечение темы гомосексуализма и чаплинских тортов.)

Вот ещё характерная фраза:

«Господа Плеханов, Чхенкели, Потресов и Ко играют теперь роль марксистообразных лакеев и шутов».

Вот из тезисов по поводу декларации Временного правительства:

«Либо комедь, либо всемирная революция против капитала».

(Получился диалектический синтез: первое в виде второго.)

Характерный ленинский оборот, встречающийся десятки раз:

«Меньшевики и эсеры петушком побежали за кадетами». (Или наоборот.)

От петушков легко перейти к Петрушке:

«Почему бы тем же пролетарским делегациям не „использовать“ Совещания так, чтобы издать и ПОКАЗАТЬ по казармам

и фабрикам, скажем, два плаката в объяснение того, что Совещание есть комедия? На одном плакате можно бы изобразить Зарудного в дурацком колпаке, пляшущего на подмостках и поющего песенку: „Нас Керенский ОТСТАВИЛ, нас Керенский ОСТАВИЛ“. А кругом Церетели, Чернов, Скобелев, кооператор под ручку с Либером и Даном, — все покатывающиеся со смеху. Подпись: „ИМ ВЕСЕЛО“».

Тема «кооператора под ручку» должна раскрываться, по мысли Владимира Ильича, во втором плакате, где изображён «солидный Церетели» (в другом контексте у Ленина, правда, «шут гороховый»), который:

«Пишет незаметно в свою записную книжку: „Этакий балбес Зарудный! Такому олуху навоз бы возить, а не министром быть!“».

Плакат следует подписать так:

«„Революционно-демократическое“ совещание публичных мужчин».

А вот опубликованный в 29 томе собрания сочинений помёт помет на книге А. Рея «Современная философия»:

«ха!!
блягер!
дура!
бим, бам! (498)
уф!»

По поводу одной из брошюр Ленина оппонент сказал: «Тут безумие становится методом». Ленин ответил росчерком на полях статьи: «Шут!» (Грумбах. «Ошибка Циммервальда-Кинталя».)

Горький вспоминал об огромном интересе Ленина к цирку, где различные эстрадные номера тут же получали с его стороны метафизическое обоснование. Ильич был в своей стихии:

«„Ну, это, конечно, для публики, на самой деле они не могут работать с такой быстротой, — сказал Ильич (по поводу аттракциона рубки леса канадскими рабочими в лондонском мюзик-холле. — О.). *— Но ясно, что они и там работают топорами, превращая массу дерева в негодные щепки* (503)*. Вот вам и культурные англичане!“ Он заговорил об анархии производства при капиталистическом строе, о громадном проценте сырья, которое расходуется бесплодно, и кончил сожалением, что до сей поры никто не догадался написать книгу на эту тему. Для меня было что-то неясное в этой мысли, но спросить Владимира Ильича я не успел, он уже интересно говорил об „эксцентризме“ как осо-*

бой форме театрального искусства! (это по поводу вышедших на арену клоунов. — О.) — *„Тут есть какое-то сатирическое или скептическое отношение к общепринятому, есть стремление вывернуть его наизнанку, немножко исказить, показать алогизм обычного. Замысловато — а интересно!“».*

Действительно.

Смысл этих аналогий Ленина хорошо раскрывается в киносъёмке беседы Владимира Ильича с американским журналистом Линкольном Эйром. Эти губы, топырящиеся юродской варежкой, прыщ на щеке, гротескная мимика и жестикуляция… Портрет юродивого в «Боярыне Морозовой» Сурикова. Но очернённый злобным ехидством боярина в шубе с лисьим воротником на противоположной, левой стороне полотна: «Так-то, матушка! попалась! там из тебя человека сделают!»

А ведь как подумаешь — рухнула колоссальная цивилизация. Даже не государство, а цивилизация. Аналог гибели Римской империи. Масштаб вполне соотносим. «Ты победил». Но как всё по-русски издевательски просто. Совсем без молний и грома, колесниц и тог. А так, «в кепочке» (512).

Бердяев писал в «Русской идее»:

«Характерно, что русским не свойственна риторика, её совсем не было в русской революции, в то время как она играла огромную роль во французской революции. В этом Ленин со своей грубостью, отсутствием всяких прикрас, всякой театральности, с простотой, переходящей в цинизм, — характерно русский человек».

Можно уточнить, что риторика русским как раз более чем свойственна, но относятся они к ней всегда как к чему-то примитивному и некультурному, как к риторике. «Туда умного не надо». Риторика получается максимально грубая и откровенная. Но что такое «откровенная риторика»? Риторика для того и выдумана, чтобы скрыть грубую реальность событий. И, конечно, не только в смысле простой драпировки, но и в смысле внутреннего сглаживания, адаптации. Шестов по этому поводу писал:

«Естественное — в Европе об этом и не спорит никто — безобразно и страшно… У них утешительный конец и разрешающее последнее слово припасены задолго до начала и первого слова. У них прикрасы и риторика — необходимое условие творчества, единственное лекарство против всех зол… Итак, нам предстоит выбор между художественной и законченной ложью старой, культурной Европы, ложью, явившейся результатом тысячелетнего

трудного и мучительного опыта, и бесхитростной, безыскусственной простотой и правдивостью молодой, некультурной России… Кто ближе к истине… Разве искусная риторика не так же соблазнительна, как и правда? И то и другое жизнь. Невыносима только риторика, которая хочет сойти за правду, и правда, которая хочет казаться культурной».

Именно отсутствие хорошей, добротной риторики так вгнездило революцию в Россию. Наполеон весь вышел из риторики французской революции. И сам был, конечно, насквозь риторичен (что некоторых русских писателей доводило до белого каления). Но ведь Наполеон спас Францию (525). Если бы риторика так и осталась пустой оболочкой, «трезвый реализм» якобинского террора вырос бы в ТАКУЮ гнусную фантастику…

479

← Предыдущее, следующее →

479. Примечание к № 472
его (Набокова) философское произведение (одно-единственное) (к цитате)

Да, за свою 50-летнюю литературную деятельность Набоков написал около 20 романов. Сюжеты их сюрреально разбегаются. Ни один русский писатель не отличался таким сюжетным разнообразием (489). Но. Все книги Набокова пронизаны одной и той же решёткой символов, бытовых ситуаций и образов. Тема отражения и зеркал, тема бритья, стрижки, чистки, тема карманов и ботинок, ванн, телефонных звонков (особенно анонимных и случайных), фотографий и рисунков, бабочек, тема ветвей и теней — этот набор вы найдёте ПОЛНОСТЬЮ в любой из набоковских книг. И второе — все романы Набокова микрокосмичны. То есть в «Камере-обскуре» есть маленькие веточки, зачатки «Дара», «Лолиты», «Защиты Лужина» и т. д. Причём это обращено и в прошлое (уже явно, как некий циклон, «Лолита» — в «Бледном огне»), и в будущее, что особенно важно. Если собрать все эти намёки и реминисценции вместе, то любое произведение Набокова предстанет лишь очередной вариацией единой метароманной темы, а именно темы писателя-творца, творящего книгу-мир. Каждое произведение Набокова — это метапроизведение, оно и ощущается читателем как «мета-» из-за этой микрокосмичности — запредельной связи с другими набоковскими вещами. И даже «осмысление» всей этой связи (то есть полное прочтение Набокова) лишь усиливает чувство его «неписательства», так как сюжеты превращаются в модификации.

← Предыдущее, следующее →

480. Примечание к № 469

Маркс не интересен. Но брат его жены оч-чень интересен. (к цитате)

Розанов писал:

«Почти вся политическая жизнь свелась к питанию, с значительной атрофией головных интересов. Но папство и католичество ещё имеют „голову“, — или иллюзию „головы“, если последняя, как утверждают некоторые современные философы, вообще имеет в истории лишь иллюзионное значение (марксизм)».

Сам марксизм, конечно, безголов. Голова иллюзорна, а руки — вот они, они сделали из обезьяны человека. Не руки окончание мозга, а мозг — корень рук. Но голова всё же у марксизма есть. Только она отдельно зарыта в землю. Лежит там трюфелем гигантским и телом управляет незримо.

Типична в этом смысле биография Мартова. Мартов родился в 1873 году в Константинополе. Мать его была родом из Вены, по-русски говорила плохо. Домашним языком был французский (и новогреческий). «Любовь» к России привил Мартову, а точнее, Цедербауму, его отец, служащий торговой фирмы и константинопольский корреспондент «Нового времени» (537). Возможно, тут заслуга и дяди, Адольфа Цедербаума, переводчика Тургенева на немецкий язык. Ну и, конечно, деда, знаменитого Александра Осиповича Цедербаума, основателя первых в России еврейских газет.

Мартов ещё в петербургской гимназии, а потом и в университете активно включился в революционную деятельность. Но негоже было внуку великого Цедербаума заниматься расклейкой листовок. Рождён он был для большего. И внезапно Юлий Осипович познакомился с неким молодым человеком по фамилии Странден. Как вспоминал потом Мартов:

«Из всех знакомств самым значительным для меня было знакомство с Д. В. Странденом … По отношению ко мне свою задачу Странден видел в том, чтобы побудить революционно настроенного юнца меньше бегать по кружкам, не рваться к „практической“ работе, а заняться выработкой солидного теоретического

миросозерцания. Он доказывал мне, что для социалистической работы в пролетариате нужно обладать основательными знаниями, которые приобрести можно не в нелегальных брошюрках, жадно мною разыскивавшихся, а в научных работах по политической экономии, социологии, истории культуры и т. д. … Странден воспользовался случаем (после ареста товарища Мартова. — О.)*, чтобы поговорить со мной о бесполезности растрачивать силы на образование революционных групп, осуждённых на мимолётное существование, и о необходимости прежде всего выработать себе стройную систему взглядов, чтобы принять участие в длительной работе более прочных организаций».*

Кем же был сам Странден? Мартов пишет:

«Племянник каракозовца Страндена, он был воспитан в Швейцарии в русском пансионе, основанном известным эмигрантом-шестидесятником В. Зайцевым. В начале 90-х годов он был одним из немногих петербургских революционеров, признававших себя без оговорок социал-демократами. Через несколько месяцев после знакомства со мною он был арестован за пропаганду среди рабочих и сослан в Западную Сибирь. По возвращении оттуда он уже не возвращался к политической деятельности, участвовал, если не ошибаюсь, в кооперативном движении и ударился в мистицизм. Одно время, помнится, был редактором органа русских „теософов“».

Как видим, Странден действительно «выработал себе стройную систему взглядов» и «принял участие в длительной работе более прочных организаций».

А к Страндену, в свою очередь, пришёл в своё время ещё более странный человек и тоже «помог», «посоветовал». Лежал где-нибудь гриб под землёй и взял его на заметку. «Надо молодому человеку помочь».

481

← Предыдущее, следующее →

481. Примечание к № 403

«он становится бездомным странником» (К. Мочульский о Соловьёве) (к цитате)

Соловьёв всё время терял паспорт. Однажды, раздосадованный напоминаниями дворника о прописке, «бездомный странник» сам себе написал паспорт следующего содержания:

«Владимир Сергеевич Соловьёв, отставной коллежский советник, был профессором петербургского университета, доктор философии, стольких-то лет, вероисповедания православного, холост, знаков отличия не имеет, под судом не находился, а если не верите, спросите таких-то».

И написал полные титулы и фамилии «двух своих высокопоставленных хороших знакомых». Представляю, что это были за «знакомые», если, например, Соловьёв читал свои произведения во дворце у принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской. Бедный дворник, наверно, с ума сошёл.

482

← Предыдущее, следующее →

482. Примечание к № 477
В январе 1920 года Кржижановский… (к цитате)

Фраза из «Дара»:

«Ещё один паяц с фамилией на „ский“ выскакивает вдруг в статисты…»

483

← Предыдущее, следующее →

483. Примечание к № 459

Конец романа перерубает пуповину мира, и вещи разлетаются и гибнут. (к цитате)

Конец «Приглашения на казнь» — гибель мира. Мир родился назад:

«Промчалась в чёрной шали женщина, неся на руках маленького палача, как личинку. Свалившиеся деревья лежали плашмя, без всякого рельефа, а ещё оставшиеся стоять, тоже плоские, с боковой тенью по стволу для иллюзии круглоты, едва держались ветвями за рвущиеся сетки неба. Всё расползалось. Всё падало. Винтовой вихрь забирал и крутил пыль, тряпки, крашеные щепки, мелкие обломки позлащённого гипса, картонные кирпичи, афиши; летела сухая мгла; и Цинциннат пошёл среди пыли, и павших вещей, и трепетавших полотен, направляясь в ту сторону, где, судя по голосам, стояли существа, подобные ему».

Набоков поставил последнюю точку, встал, потянулся и пошёл на кухню обедать (жена давно ждала). Романный мир в его мозгу погас. Люди превратились в куклы и погибли. Но главный герой — Цинциннат — нет. Странность, непрозрачность Цинцинната для других персонажей в том, что он близок автору, Богу, и может уйти из мира романа. А куклы — пьеры и родриги ивановичи — нет. Они бессмысленны и могут существовать лишь на нитях, как марионетки. Иная жизнь, запредельная жизнь для Цинцинната возможна, для них — нет. Это и есть его преступление — возможность ухода со сцены:

«Казалось, что вот-вот, в своём продвижении по ограниченному пространству кое-как выдуманной камеры, Цинциннат так ступит, что естественно и без усилия проскользнёт за кулису воздуха, в какую-то воздушную световую щель, — и уйдёт туда с той же непринуждённой гладкостью, с какой передвигается по всем предметам и вдруг уходит как бы за воздух, в другую глубину, бегущий отблеск поворачиваемого зеркала. При этом всё в нем дышало тонкой, сонной, — но в сущности необыкновенно сильной, горячей и своебытной жизнью: голубые, как самое голубое, пульсировали жилки, чистая, хрустальная слюна увлажняла

губы, трепетала кожа на щеках, на лбу, окаймлённом растворённым светом … и так всё это дразнило, что наблюдателю хотелось тут же разъять, искромсать, изничтожить нагло ускользающую плоть и всё то, что подразумевалось ею, что невнятно выражала она собой…»

Поскольку Цинциннат — единственный — связан с автором и авторским миром, постольку он через обоюдную связь с созидающим является и создателем окружающих его декораций (которые для него, так как он и персонаж, являются и чем-то большим, большим и страшным):

«Невольно уступая соблазну логического развития, невольно (осторожно, Цинциннат!) сковывая в цепь то, что было совершенно безопасно в виде отдельных, неизвестно куда относившихся звеньев, он придавал смысл бессмысленному и жизнь неживому … вызывая (фигуры всех своих обычных посетителей. — О.)*, пускай не веря в них, но всё-таки вызывая, — Цинциннат давал им право на жизнь, содержал их, питал их собой».*

Но если Цинциннат зависит от создаваемых им декораций, то и автор тоже зависит от неких декораций (хотя и декораций другого порядка), ибо смертен. Цинциннат читает в камере смертников какой-то роман:

«Это произведение было бесспорно лучшее, что создало его время, — однако же он одолевал страницы с тоской, беспрерывно потопляя повесть волной собственной мысли: на что мне это далёкое, ложное, мёртвое, — мне, готовящемуся умереть? Или же начинал представлять себе, как автор, человек ещё молодой, живущий, говорят, на острове в Северном, что ли, море, сам будет умирать, — и это было как-то смешно, — что вот когда-нибудь непременно умрёт автор, — а смешно было потому, что единственным тут настоящим, реально несомненным была всего лишь смерть, — неизбежность физической смерти автора».

Из-за высокой степени созданности Цинцинната его автор по отношению к нему в каком-то смысле, чуточку, тоже персонаж.

484

← Предыдущее, следующее →

484. Примечание к № 442
Ленин — это орущая пустота нашего языка. (к цитате)

Единственно характерная и усиленно подчёркиваемая черта ленинского облика — форма черепа. Действительно, его строение весьма показательно. Черепная коробка, средняя по размеру, отличается своей деформированностью, скошенностью вперёд. Лобные доли мозга сильно развиты, а теменная и затылочная область рудиментарна, дегенеративна. Известно, что лобная часть является логическим аппаратом мозга, своеобразным усилителем интеллектуальной деятельности и фильтром душевных потенций. Форма ленинской головы, таким образом, прекрасно символизирует структуру его внутренней жизни. Мощнейший усилитель пустоты. «Московское радио», подключённое к уникальным японским колонкам.

485

← Предыдущее, следующее →

485. Примечание к с. 54 «Бесконечного тупика»

Мне и представить немыслимо его мир (мир детства Набокова) (к цитате)

Исключение подтверждает правило, и в одном пункте наш детский опыт до смешного схож.

Набоков писал в «Других берегах»:

«Сидя на корточках перед неудобно низкой полкой в галерее усадьбы, в полумраке, как бы умышленно мешающем мне в моих тайных исследованиях, я разыскивал значение всяких тёмных, тёмно соблазнительных и раздражительных терминов в 82-томной Брокгаузовской энциклопедии. В видах экономии заглавное слово замещалось на протяжении соответствующей статьи его начальной буквой, так что к плохому освещению, пыли и мелкоте шрифта примешивалось маскарадное мелькание прописной буквы, означающее малоизвестное слово, которое пряталось в сером петите от молодого (12-летнего) читателя».

Сходство удивительнейшее, вплоть до впечатления от исчезающего в тексте главного слова. Но здесь же таится и фатальное различие. То, что для Набокова было малозначительным эпизодом, для меня стало судьбой. Начав в младые годы своё подпольное образование с блестящей статьи «Проституція» (50 полутом), я быстро поднялся, благодаря косвенной отсылке, до статьи «Непотребство» (40 полутом), а потом стал спокойно и удовлетворённо — зная логическую схему — блуждать по отдельным ветвям, будь то классификационно несовершенное «Извращение полового чувства» (24 полутом) или антично ясный «Конкубинатъ» (31 полутом).

Вообще, схема терминов в русском Брокгаузе бездарная, с явными нестыковками, так что мне приходилось самостоятельно достраивать её в замкнутую конструкцию. Что вызывало чувство удовлетворения, «познания». Проблема же собственно познания даже не воспринималась. Уже тогда я безнадёжно прельстился схемой, формой. Сладострастные образы черпались в юридической терминологии.

С другой стороны, самые абстрактные области свободного

мышления в таинственной глубине своей приобретали эротическую окраску. Всё пропиталось эротикой, так что даже в период «юношеской гиперсексуальности» я редко видел сексуальные сны (как прямо сексуальные, так и с грубой фрейдистской символикой бесконечных лестниц, тёмных коридоров и окровавленных ножниц). Раствор символизации был крепок и тонок и не поддавался обратному разложению на первичные элементы.

Розанов мне близок и разлившейся по всем его книгам густой эротичностью. Все остальные отечественные философы удивительно неэротичны и даже несексуальны. Бердяев или Соловьёв много говорили о «проблеме пола», но настолько вымученно и абстрактно, насколько это вообще возможно для русских, этого самого чопорного и идиотического народа в мире — в своей «официальной», «деловой», «профессорской» жизни.

Розанов же вывернул свою бытовую жизнь в официально-философскую область. Получилось так интимно, так искренне, так глубоко.

Розанов назвал Гоголя некрофилом, определил по произведениям как некрофила. Гоголь его вообще бесил и, наверное, потому, что Гоголь это Антирозанов. Он так же пронизывающе эротичен, только его эротика мёртвая, вурдалачья, дьявольская. А эротизм Розанова тёпл и человечен. Когда В. В. Гиппиус женился, то Мережковские встретили это событие «завыванием»: «Как мог он, читая Ницше, вдруг жениться подобно всем смертным». А Розанов на партсобрании литературной ячейки наклонился к нему и прошептал: «С законным браком, батенька!» И так это было легко, так хорошо.

Да. Но при разности в знаках само напряжение гоголевского и розановского эроса одинаково. Жизнь Акакия Акакиевича Башмачкина, как и его автора, пугающе асексуальна, но по своей сути Башмачкин, как и Гоголь, эротоман. Башмачкин — это великий мечтатель, человек, способный к великой изнуряющей мечте. Для её осуществления он готов швырнуть на чашу весов всё, включая и саму жизнь. Но это делает и жизнь и мечту убийственной бессмыслицей. (Что выявляет бессмысленность жизни как таковой.) Поставьте вместо «Шинели», например, «Бога», и страшный смысл повести станет яснее. Но станет яснее и прекрасный смысл той же повести — гимна верующему человеку.

Впрочем, остановимся сейчас на собственно эротике «Шинели». Как только Башмачкин решил шить шинель и начал копить деньги, жизнь его преобразилась:

«Он питался духовно, нося в мыслях своих вечную идею будущей шинели. С этих пор как будто самое существование его сделалось как-то полнее, как будто бы он женился, как будто какой-то другой человек присутствовал с ним, как будто он был не один, а какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу, — и подруга эта была не кто другая, как та же шинель на толстой вате, на крепкой подкладке без износу. Он сделался как-то живее, даже твёрже характером, как человек, который уже определил и поставил себе цель. С лица и с поступков его исчезло само собою сомнение, нерешительность — словом, все колеблющиеся и неопределённые черты. Огонь порою показывался в глазах его, в голове даже мелькали самые дерзкие и отважные мысли: не положить ли, точно, куницу на воротник?»

И вот с новой шинелью Башмачкин идет в гости (кутёж! Дон Жуан! Ловелас!):

«Он уже несколько лет не выходил по вечерам на улицу. Остановился с любопытством перед освещённым окошком магазина посмотреть на картину, где изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала с себя башмак, обнаживши, таким образом, всю ногу, очень недурную; а за спиной её, из дверей другой комнаты, выставил голову какой-то мужчина с бакенбардами и красивой эспаньолкой под губой. Акакий Акакиевич покачнул головой и усмехнулся, и потом пошёл своею дорогою. Почему он усмехнулся, потому ли, что встретил вещь вовсе незнакомую, но о которой, однако же, всё-таки у каждого сохраняется какое-то чутьё, или подумал он, подобно многим другим чиновникам, следующее: „Ну уж эти французы! что и говорить, уж ежели захотят что-нибудь того, так уж точно того…“»

И всё это действительно «того», какое-то междометие, схема, а вовсе не реальная любовь (493). Идея любви как чисто волевого влечения, поднимаясь в реальность, кристаллизуется в чисто асексуальных схемах, просыпающихся кормовой солью на холодный цементный пол. Одинокой жизни.

486

← Предыдущее, следующее →

486. Примечание к № 474
На русской улице нельзя жить. (к цитате)

А «демократия» — жизнь на улице. Розанов и сказал:

«По обстоятельствам климата и истории у нас есть один „гражданский мотив“:

— Служи.

Не до цветочков.

Голод. Холод. Куда же тут республики устраивать? Родится картофель да морковка. Нет, я за самодержавие. Из тёплого дворца управлять „окраинами“ можно. А на морозе и со своей избой не управишься. И республики затевают только люди „в своём тепле“ (декабристы, Герцен, Огарёв)».

В общем, легкомысленно, «трамвайный разговор». Прочтёшь, улыбнёшься «меткому словцу» и пойдёшь дальше. Но с каждой жизненной неудачей, с каждой житейской трудностью розановская мысль будет всплывать и всплывать в обозлённом мозгу. Да и просто, пойдёшь холодным вечером от гостей, да и вспомнишь невзначай.

Демократия — это, в общем, роскошь. «От избытка». Когда хорошо живётся (бедная демократия — нонсенс). А какова единственная форма роскоши в России? — Монархия. Выходит, что единственной почвой демократии в России является самодержавие. То есть это и максимально возможный уровень демократии в России.

487

← Предыдущее, следующее →

487. Примечание к № 403

Вы вчитайтесь в эти «воспоминания». Это же нехороший, безнадёжно испорченный народ, народ, для которого самого понятия «правды», «факта» просто не существует. (к цитате)

Факт по-русски вещь крайне субъективная и одновременно циничная. Ведь врут на людях. А есть ещё и кабинеты, есть бархатные телефонные звонки «для умных». И там уже всё нагло, прямо, открытым текстом.

Как и у поляков, у русских сильна женская выспренность, аффектация. Но русские, в отличие от поляков, народ государственный. Выспренность со звонками, после звонков. Факты не наличествуют в реальности, а создаются. Причём создаются не сами собой, а по чьей-то невидимой воле.

Соловьёв вдруг поехал в Египет. Почему? Кто создал этот факт? Для биографии западного человека это факт, эпизод. Для русского это «материал». Соловьёв, поехав в Египет, «дал на себя материал».

В возрасте 22 лет Владимир Сергеевич поехал в Лондон, где встретился с масонами Ковалевским и Янжулом. Перед «старшими товарищами» надо было показать себя в деле, и истерический талант Соловьёва разворачивается во всей красе. Тут и «видения», и аскетическое голодание с поеданием по вечерам рыбного желе, заботливо приготовленного взволнованной хозяйкой дома, тут и спиритические сеансы, тут и демонстративное чтение Каббалы в Британском музее рядом с ошарашенным Янжулом (последний вспоминал: «Сосредоточенный, печальный взгляд, какая-то внутренняя борьба отражалась у него на лице…», и т. д.). Жена Янжула писала своим родителям:

«Странный человек этот Соловьёв. Он очень слабый, болезненный, с умом необыкновенным, рано развившимся … Во мне он возбуждает симпатию и сожаление; предполагают, что он должен сойти с ума…»

В общем, определённое впечатление он произвёл. Хотя хотелось большего. Мочульский пишет:

«Перед отъездом из Лондона Янжула и Ковалевского Соловьёв

угощает их ужином с шампанским в „бодеге“ на Оксфорд-стрит. Разговор зашёл о Белинском, и Соловьёв объявил, что он уже сделал больше, чем Белинский. Тогда Янжул посоветовал „подождать, когда другие признают вас равным“. Владимир Сергеевич разразился рыданиями, слезы потекли у него обильно из глаз.

Соловьёв вёл себя странно… То начинал с цинизмом говорить о женщинах и рассказывать неприличные анекдоты, то впадал в мрачность, то разражался неистовым смехом и повторял: „чем хуже, тем лучше!“ Янжулу он сообщил, что действует по внушению какой-то нормандки XVI или XVII века; Ковалевского полушутя, полусерьёзно уверял, что по ночам его смущает злой дух Питер, пророча ему скорую гибель».

Потом Соловьёв едет в Египет, где проводит время вместе с другом по спиритическим сеансам князем Цертелевым. Духи в Британской библиотеке сообщили ему, что там находится тайное каббалистическое общество, и обещали ввести в него. В Каире он встретился с неким де-Вогюе, и тот потом писал, что видел «Христа славянского народа», который:

«Хотел разыскать в Суэцкой пустыне какое-то племя, в котором, как он слышал, хранились некие тайны религиозно-мистического учения Каббалы и масонские предания, будто бы перешедшие к этому племени по прямой линии от Соломона».

Всё это, конечно, смешно. Но следует учитывать, что у истерика есть чутьё. Да, он ломается, и цель его ломания всего лишь успех у поклонников. Но суть ломания берётся из чего-то серьёзного. За всем комедиантством Соловьёва был расплывающийся смысл (499).

Огрублённо суть произошедшего можно описать следующим образом. Соловьёв несомненно вошёл в состав русского масонства, причём, конечно, в низшие, выспренно-романтические степени посвящения. Для его холодного и циничного ума масонство сразу представилось очень удобной структурой для головокружительного успеха. С другой стороны, на его инфантильную натуру не могла не произвести впечатление масонская обрядность, символика. Одев балахон, можно было по старой памяти «попугать дачниц», ну и, немножко, самого себя. Это утилитарное и одновременно инфантильно-романтическое отношение к институту франкмасонства проглядывает, например, в следующем письме к С. А. Толстой от 1877 года:

«В библиотеке не нашёл ничего особенного. У мистиков много подтверждений моих собственных идей, но никакого нового света, к тому же почти все они имеют характер чрезвычайно субъ-

ективный и, так сказать, слюнявый. Нашёл трёх специалистов по Софии … Все три имели личный опыт, почти такой же, как мой, и это самое интересное, но собственно в теософии все трое довольно слабы, следуют Бёме, но ниже его. Я думаю, София возилась с ними больше за их невинность, чем за что-нибудь другое. В результате настоящими людьми всё-таки оказываются только Парацельс, Бёме и Сведенборг, так что для меня остаётся поле очень широкое».

Перед Соловьёвым, как ему казалось, открывался простор для удивления философски отсталых масонов. С провинциальной нахрапистостью он хотел стать чуть ли не Великим Магистром, войти в высшие степени посвящения (то есть туда, куда таких, как он, и на порог не пускали). И наш Ваня пустился во все тяжкие, воображая, что научные изыски о раннем Марксе откроют ему дорогу на верхи советской бюрократии. Естественно, что со своим суконным рылом он мог лишь получить неприятности по партийной линии. В лучшем случае он был бы просто смешон. Конечно, ТАМ понимали всё ничтожество этого субъекта (515), его болезненное самолюбие и детское тщеславие. Однако по некоторым параметрам он подходил на уготованную ему роль интеллектуального провокатора (533) и одного из лидеров либеральной оппозиции (да и вообще интеллигентской поп-культуры). Поэтому Соловьёву была с самого начала создана грандиозная реклама, совершенно не соответствующая его подлинному значению…

Всё-таки неверно, что его не пустили даже на порог. Нет, не только на порог, но и в прихожую он попал. И оттуда, из прихожей, услышал обрывки некоторых разговоров. А из этих обрывков при помощи своего истерического воображения составил некоторую пародийную модель действительности. Например, о возможном перевороте в начале 90-х годов и искусственном создании голода масонами для предварительной дестабилизации политической обстановки. Соловьёв стал публично говорить о необходимости поставить во главе кампании якобы помощи голодающим начальника киевского военного округа генерала М. И. Драгомирова, который должен был возглавить военный путч и стать верховным диктатором. Болтал он и о необходимости подготовки для политической деятельности личности, аналогичной Гапону. Современник сообщает:

«Сообразите — говорил Соловьёв — если во главе революции будут стоять генерал и архиерей, то за первым пойдут солдаты, а за вторым народ и тогда революция неминуемо восторжествует».

Воображаю, как звенели тогда телефоны в обеих столицах: «Ради Бога! Уберите, уберите этого кретина!»

Я думаю, что Соловьёв просто не отдавал отчёта своим словам, не понимал, в какой игре он задействован. С другой стороны, и люди, прочно записавшие его в разряд вечно пьяненьких репетиловых и либеральных публицистов «из наших», недооценили этого человека. Вообще, масоны и евреи, может быть, слишком легкомысленно подошли и к самой России, недооценили её лёгкости, легкомысленной оборачиваемости, сбываемости. Личное кривляние Соловьёва миллионократно усиливалось истерическим характером самой русской истории (538).

488

← Предыдущее, следующее →

488. Примечание к № 402

этого в высшей степени никчёмного человека «нашли» (о Ленине) (к цитате)

«Никчёмности» с 17-и лет в голову ключ вставили и навертели пружину ненависти до упора. Ленин уже вступил в жизнь «с марсианской жаждою хамить». Пружина в конце концов лопнула, и он, как топор в «Братьях Карамазовых», обернулся вокруг земли. Отвёл душу. Это воля к власти в голом виде. Тут даже не триумф римских императоров. Там веками вытачиваемая форма, наполняющая и примитивные эмоции смыслом благородства. А тут скромно, тихо, в кепочке. Чисто формальное и чисто интимное отношение к миру. Позвонил по телефону, а на другом конце провода застрелились. Пришёл на конспиративную квартиру в сереньком пальто, сидит, пьёт чай на кухне: «Вот ты завтра без меня пойди на площадь под нагайки. До свидания, ТОВАРИЩ». И «товарищ» идёт и прыгает под плёткой. Вот русская идея власти. Скромная, тихая, интимная. Голая. И Ленину больше ничего не нужно было. Ни денег, ни женщин, ни интеллектуального авторитета, ни придворных церемоний. А только власть. И никчёмность. И поругание. Идея, что он — в сущности такой хороший, добрый, не приспособленный к реальной жизни — общается с этими подонками (516). Какое-то непрекращающееся унижение, издевательство. Жалкий, смешной. Проливал чай на брюки, постоянно грохался с велосипеда, умудрился на заре автомобилестроения попасть под машину. (С детства физическая аномалия — слепота на один глаз (ленинский прищур).)

Его соратница, Мария Моисеевна Эссен, вспоминала о прогулке с Лениным по горам Швейцарии:

«Ландшафт беспредельный, неописуема игра красок. Перед нами, как на ладони, все пояса, все климаты. Нестерпимо ярко сияет снег: несколько ниже — растения севера, а дальше — сочные альпийские луга и буйная растительность юга. Я настраиваюсь на высокий стиль и уже готова начать декламировать Шекспира, Байрона. Смотрю на Владимира Ильича: он сидит, крепко заду-

мавшись, и вдруг выпаливает: „А здорово гадят меньшевики“».

Ленин — это русский деловой человек. Чичиков (534). Чичиковская безликость Ленина хорошо угадывается по дошедшим до нас фотографиям. Лучше всего это видно на фото, сделанном на похоронах Елизарова. Картинно утрированная скорбная поза. Руки в позе Гитлера, лёгкая сгорбленность, брови домиком, опущенные уголки губ. Он ничего не видит. «Убит горем». Слишком уж не видит (единственный из десятков стоящих вокруг). Это ДИНАМИЧЕСКАЯ безликость. Комедиантство, юродство. И идея зла, олицетворённая в Ленине (544), тоже имеет активный, динамический характер. Нигилизм, мировой пожар. Сталин уже статичен, это устоявшееся зло. Статика возобладала над динамикой где-то к 1937 году. Что ясно видно на примере архитектуры. До 1937 она не антигуманна, а негуманна вообще. Это нечеловечность лунного ландшафта. После 1937 года это именно антигуманизм, то есть нечто, рассчитанное именно на ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ восприятие, на подавление ЧЕЛОВЕКА.

Как и всякая абсолютная идея, идея мирового зла хрупка. Её носителю нужно помогать. Таких людей, абсолютных идеалистов, убивает ненужность. То, что с ними спорят, доказывают, — это для них опора, хлеб. А вот если одёрнуть (545): «Ш-што? Кто это? Да вы понимаете, с кем вы разговариваете? Молча-ать!!!» И всё. Это смерть. Нужно, чтобы такого человека нашли, убрали все возможные препятствия для его безграничного расширения. Убрали внешние границы. И тогда, на свободе, какой-нибудь Фома Опискин может разрастаться до вселенной, до божества.

489

← Предыдущее, следующее →

489. Примечание к № 479

Ни один русский писатель не отличался таким сюжетным разнообразием. (к цитате)

Соответственно ни у кого не было и столь сложной структуры самого сюжета. Собственно, структура романов Набокова слишком сложна для художественного произведения. Так, например, структура «Дара» сложна чрезвычайно и распадается на несколько соподчинённых миров. Мир I — мир, в котором существует Чердынцев. Мир II — мир его фантазий, соприкасающийся с вечным платоновским миром. Мир II состоит из нескольких, всё усложняющихся, вариантов. Сначала книга стихов о детстве, потом записки о географической экспедиции отца, воспоминания о первой любви и, наконец, роман о Чернышевском. Мир III — это реакция на создание мира II, отзывы о творчестве Чердынцева, усложняющиеся параллельно усложнению его творчества. Ещё более усложняет картину то обстоятельство, что Набокова прежде всего интересует процесс создания мира, то есть стыки между I, II и III мирами. Так, история II мира заканчивается тем, что его создатель, Чердынцев, переосмысляет всё своё бытие в I мире как мир II, кем-то невидимо сотворённый (495). А мир III начинается и кончается авторской рефлексией, то есть размышлениями I мира о мире II (воображаемые диалоги с Кончеевым). Наконец, каждому миру соответствует свой антимир, пародийный двойник (мир Чернышевского явно является таким антимиром).

Конечно, из-за своей сложности и динамичности структура «Дара» незаметна при плавном чтении. Её можно не замечать. То есть не разбираться в Набокове, не читать его произведение с карандашом в руках (а пожалуй, и с циркулем и линейкой). Но можно читать и с карандашом. Не менее увлекательно. Как Канта. Толстого — смешно. Бунина, Пушкина, наконец, — смешно. Гоголя — чуть-чуть. Но как отдельные предложения, а текст в целом однороден, там нет такой матрёшечности и матрёшечной перепутанности. У Достоевского — частично, в некоторых местах, а не как мир всего произведения (например, Иван, Смердяков и чёрт). А у Набокова это уже чисто философская структу-

ра. Теневая философия. Символ его скрытой философичности.

490

← Предыдущее, следующее →

490. Примечание к с. 54 «Бесконечного тупика»
у меня некоторые странности (к цитате)

Например, болезненное влечение к рассматриванию географических карт, особенно политических. Я могу смотреть их часами. Наиболее интересна для меня пространственная динамика политических границ. Одно из наиболее ярких впечатлений детства: ужас от патологически разросшейся европейской Турции в дореволюционном энциклопедическом словаре Южакова и постепенное осмысление изменяемости границ, постижение их взаимно зацепляющейся зависимости. Потом жёлтая Византия и коричневая Османская империя привели к пониманию значения цвета и его несовпадения с географической местностью. Турция — это не кусок Передней Азии, а коричневый цвет. Мрачное догадывание, что поздняя Византия — это жалкая жёлтая заплатка, а вовсе не Анатолия, Болгария, Греция и Трапезунд. Это дало мне больше, чем вся «история», изучаемая потом в школе. Тут есть что-то неясное, притягательное. Есть карты неинтересные (например, Южной Америки), а карта Германской империи на 1871 год меня завораживает, как удав кролика. Я могу думать о её трансформациях неделями. Страшное возбуждение и под конец даже опустошение. Серая громада Пруссии и завитушки тюрингских государств, концентрическая рассыпанность Брауншвейга и массивная, неуравновешенная двоичность Баварии и Пфальца. Компактная разумность Южной Германии и растворённость в Пруссии Липпов-Детмольдов и Шварцбургов-Зондерхаузенов. А трогательная прислонённость Мекленбурга-Стрелица! А крохотные лоскутки дочерних колоний Бремена и Гамбурга на побережье только что окрашенного в прусский цвет Ганновера! А плотный треугольник Саксонского королевства! Да что там, об этом можно говорить и говорить. Не могу остановиться — хочется крикнуть напоследок об изменениях 1866 года, о желанной непрерывности Пруссии. А карта роста курфюршества Бранденбургского! Боже мой, да ни один абстракционист не выдумает столь динамичной и логичной композиции!

491

← Предыдущее, следующее →

491. Примечание к № 477
кривой ум Ленина давал гениальные предлоги (к цитате)

Ленин не был тираном. Формально, по схеме событий, — типичный тиран. Правда, тиран достаточно слабый («он слишком был смешон для ремесла такого»), но тиран. Однако по сути ничего тиранического в Ленине не было. Тиран убивает ближайших друзей, так как опасается захвата ими власти. Такие люди, как Ленин, делают то же самое, но из благих побуждений. Скажем, приходя к силлогизму: «Смерть бессмысленна. Человек смертен. Следовательно, и жизнь человека не имеет смысла. Отсутствие смысла — мучительно. Зачем же людям жить? Всех я спасти не смогу, а близких друзей — можно. Убью, пожалуй, Ваню!» И убивает. По простоте душевной.

В Октябре нет ничего особенного. Ещё Платон писал, что «неумеренную свободу сменяет неумеренное рабство». Но удивительная особенность в переходе. Именно как он происходил и кто его осуществлял. Как после почти 1000 лет христианской цивилизации получилось королевство вандалов. Само собой, без нашествия (нашествие одна из косвенных причин). Ведь не мог вдруг прийти тиран и с античной непосредственностью начать смертоубийство. Нет, должен был прийти какой-то странный, необыкновенный сумасшедший, который стал бы создавать жесточайшую тиранию, будучи ОДНОВРЕМЕННО АБСОЛЮТНО уверенным в том, что он создаёт величайшую демократию. Должен был прийти человек чрезвычайно хитрый, коварный и одновременно совершеннейший ребёнок, дитя, если бы Ленин был тираном, он бы не продержался у власти и одного месяца.

492

← Предыдущее, следующее →

492. Примечание к № 476

Чёртик Соловьёва ещё и в том, что он «чёрт нерусский». (к цитате)

Но Соловьёв как-то привязался к России и потом даже пророс в неё.

Вот стержень его философии — учение о Софии. В «Чтениях о богочеловечестве» Соловьёв пишет:

«В канонической книге „Притчей Соломоновых“ мы встречаем развитие идеи Софии под соответствующим еврейским названием Хохма».

Собственно, софиологию Соловьёва следовало бы назвать хохмологией, так как к Софии в православном значении этого слова его учение имеет мало отношения. Конечно, для человека, соединяющего христианские таинства с «либэртэ, эгалитэ, фратэрнитэ», нет ничего невозможного, и сам Соловьёв постоянно «доказывает» обратное. Но его доказательство является по сути примитивным передёргиванием, наиболее наглядно продемонстрированным в известной лекции об Огюсте Конте. В ней Соловьёв прямо заявил, что каббалистические фантазии позднего Конта о Великом Женственном Существе есть не что иное, как раскрытие внутреннего смысла русской иконописи, так что:

«Если бы Конту случилось приехать в старый заброшенный городок, который некогда был и Новым и Великим, то он мог бы своими глазами увидеть подлинное изображение своего Верховного Существа».

Таким образом, София Премудрость Божия есть, согласно соловьёвской хохмологии, контовское:

«Истинное, чистое и полное человечество, высшая и всеобъемлющая форма и живая душа природы и вселенной, вечно поединённая и во временном процессе соединяющая с Божеством и соединяющая с ним всё, что есть».

Далее Соловьёв вообще заявляет, что «безбожника и нехристя Конта» следует объявить православным святым, а из святцев при этом кое-кого и вычеркнуть.

Увенчивается это неслыханное кощунство следующей издевательской репликой:

«Если я всё-таки полагаю, что Конт действительно заслужил себе место в святцах христианского человечества, то я разумею это в самом определённом смысле, в котором, право, нет ничего соблазнительного или оскорбительного для кого бы то ни было. „Святой“ не значит совершенный во всех отношениях, и даже не значит непременно совершенный в каком-нибудь одном отношении».

Конечно, ведь существует лишь один и притом универсальный критерий святости — свободное волеизъявление русского чиновника.

Надо сказать, что преклонение Соловьёва перед Контом, совершенно бессмысленное в свете его философской карьеры, объясняется по крайней мере тремя причинами.

Во-первых, тут его привлекла позитивно-иудаистическая стилизация, столь свойственная контовскому мышлению. В своей речи Соловьёв восторгается, например, следующими силлогизмами отца социологии:

«Целое первее своих частей и предполагается ими. Эта великая истина, очевидная в геометрии, сохраняет всю свою силу и в социологии. Соответствие здесь полное. Социологическая точка — единичное лицо, линия — семейство, площадь — народ, трёхмерная фигура, или геометрическое тело, — раса, но вполне действительное, физическое тело — только человечество. Нельзя отрицать действительности составных частей, но лишь в связи их с целым, — отдельно взятые, они лишь абстракции».

Конечно, Соловьёв, воспитанный, как он сам утверждал, на философии Спинозы, просто обмирал перед подобными талмудическими откровениями (508). Паукообразная наукообразность контианства его просто завораживала.

Во-вторых, русского хохмолога необычайно привлекла контовская идея воскресения из мёртвых (о чём он тоже сказал в своей речи). Тут, конечно, перекличка с фёдоровским бредом, который, в свою очередь, является трогательным в своей наивности раскрытием отечественной теневой культуры. Я имею здесь в виду русский эзотеризм, нависший с середины XVIII века мрачной тенью над официальной, «белой» культурой (как «на (д)польной», так и подпольной). Значение Фёдорова, до сих пор непонятое, как раз и заключается в соединении двух русских культур — тайной и явной.

Зеньковский писал о фёдоровской демонологии:

«Все эти расплывчатые мысли постоянно подавали повод к недоразумениям — и прежде всего (и это, вероятно, отчасти, так и есть) невольно рождается мысль, что у Фёдорова мы имеем (бессознательную?) рецепцию тех оккультных идей, которые жили среди русских масонов ещё в XVIII веке. Момент „магизма“, каких-то „чар“ постоянно чувствуется у Фёдорова при всей его чисто просвещенской вере в рост естествознания. Флоровский решается (по-моему, без основания) утверждать, что у Фёдорова есть „несомненный привкус какой-то некромантии“ … и он „всегда предпочитает сделанное — рождённому, искусственное — естественному“».

Почему же «без основания»? Основание уже в некрофилии Гоголя. А выход в реальность это, например, мумификация Ленина. Акт мумификации — это символическое выражение соединения поверхности с теневой культурой. Ведь именно согласно учению Фёдорова его мумифицировали. Фёдоров же впервые ясно сформулировал идею космических полётов, развитую маньяком Циолковским, который завещал Сталину все рукописи своих чудовищных проектов. А возьмите генетика Н. К. Кольцова с его идеей выведения сверхэлиты из советских коммунистов (518). Тут же и товарищ Богданов где-то рядом притулился.

Соловьёву Фёдоров был очень близок, о чём он сам говорил не раз. Ссора же с ним — это элементарное следствие «борьбы за кассу».

И тут мы подходим к «в-третьих». В-третьих, Соловьёв был совершенно лишён дара творческой фантазии, выдумывания. Что и ставит его за рамки нашей культуры. Именно это. Ну как же: русский — и без фантазии, без «художества»? Где же это видано? А Соловьёв ничего выдумать не мог. Украсть откуда-нибудь и обыграть, скомпоновать по-новому — да, в этом непревзойдён. Но выдумать… Вот и Софию эту несчастную взял у немецких мистиков-каббалистов и совершенно механически ввернул в отечественную культуру. И Конта так же механически, формально «обыграл». Не понимая ни сути его учения, ни сути русской религиозной культуры. Получилась какая-то сетка, график. И русский мог бы заимствовать у Конта. Но он взял бы суть, интуитивное понимание, и развернул бы его во что-то совсем уж неправдоподобное. Так что получились бы у него какие-то «грёзы о Конте». А этот взял букву. И он не понимал ничего. В сущности, Соловьёв очень туп. Но как раз, может быть, такого и надо было. От этой схемы только и смогла бы получиться русская философия (543). Соловьёв как бы подсушивал, усмирял родник русской фантазии, направлял его по одному узкому желобку.

Дисциплинировал мышление.

То есть, например, Е. Трубецкой считал себя правоверным соловьёвцем. Но как это по-русски, для русского мыслителя скучно. Это в Германии неокантиантство и т. д. Русский — сам «нео». А Трубецкой, с сильным и самостоятельным умом, вверился Соловьёву. Почему? Да потому, что он был одержим идеей спасения соловьёвства. Филохохмия Соловьёва — это такая кривая, нездоровая и саморассыпающаяся система, что она русскую душу, склонную к проворачиванию совершенно нелепых идей, так и притягивала магнитом. С Соловьёвым можно было работать.

Вот от той же контовской речи Трубецкой содрогнулся. Евгений Николаевич назвал её «остатком спинозизма в ДУРНОМ смысле этого слова», низводящим личность человека к математической точке и совершенно уничтожающим свободу самоопределения. Он с возмущением писал, что:

«Хочет или не хочет этого человек, он НЕ МОЖЕТ обладать реальностью вне „Великого Существа“, то есть „Софии“; в своей отдельности от неё он есть только призрак, абстракция».

София, заметим, тут просто синоним Иеговы. Это явно иудаистическое понимание отношения между человеком и божеством. Естественно, что Трубецкой вообще отвергает соловьёвскую Хохму:

«Основная ошибка Соловьёва получает яркое религиозное освещение. Не в св. Софии находим мы высшее выражение души мира, а в БОГОМАТЕРИ. Как неотделимая от Бога сила и качество, божественная Мудрость не может быть душою развивающегося, становящегося и до совершения своего отдельной от Бога вселенной».

И далее:

«Что же вернее и ближе выражает мировую душу, это ли БЛИЗКОЕ ВСЕМ СУЩЕСТВО в нас скорбящее и радующееся, из земли растущее, над землёю возвышающееся и в своём подъёме возносящее в мир горний всю землю, или же самый этот горний мир, неизменная цель стремления, — бесстрастная Мудрость, запредельная нашим скорбям и слабостям, недвижимая под „гераклитовым током“! Ответ на это не может быть сомнителен. Христианская религиозная надежда видит прославленную, восторжествовавшую над злом мировую душу не как „Софию“, а как рождающуюся во времени Богоматерь».

И что же? Чем заключает Трубецкой свою филиппику? Да вот чем:

«В дальнейшем будущем это живоносное семя, брошенное великим философом, возрастёт в большое дерево и даст свой плод. Его продолжатели и преемники должны делать всё от них зависящее, чтобы оно не заглохло. И во имя Соловьёва надо в самой мысли Соловьёва устранять всё то, что задерживает этот рост».

Им всем нужен был такой. Братьям Трубецким и Франку, Бердяеву и Булгакову, Флоренскому и Эрну, Зеньковскому и Лосеву. Всем.

У Достоевского в «Дневнике писателя» есть главка «Ложь ложью спасается». Там излагается один эпизод из романа Сервантеса, а именно сцена, где Дон Кихот недоумевает, как это в рыцарском романе написали, что герой уничтожил за один день сто тысяч человек. Дон Кихот, как пишет Фёдор Михайлович, в конце концов приходит к следующему заключению:

«Так как все эти великаны, все эти злые волшебники, были нечистая сила, то и армии их носили такой же волшебный и нечистый характер… Люди эти были лишь наваждение, создание волшебства и, по всей вероятности, тела их не походили на наши, а были более похожи на тела, как, например, у слизняков, червей, пауков. Таким образом, крепкий и острый меч рыцаря, в могучей его руке, упадая на эти тела, проходил по ним мгновенно, почти без всякого сопротивления, как по воздуху. А если так, то действительно он мог одним взмахом пройти по трём или четырём телам, и даже по десяти, если те стояли в тесной куче. Понятно после того, что дело чрезвычайно ускорялось, и рыцарь действительно мог истреблять, в несколько часов, целые армии этих злых арапов и других чудищ…»

И дальше Достоевский пишет:

«Я хотел указать на ту любопытнейшую черту, которую, вместе с сотней других таких же глубоких наблюдений, подметил и указал Сервантес в сердце человеческом. Самый фантастический из людей, до помешательства уверовавший в самую фантастическую мечту, какую лишь можно вообразить, вдруг впадает в сомнение и недоумение, почти поколебавшее всю его веру. И любопытно, что могло поколебать: не нелепость его основного помешательства … а самое, напротив, постороннее и второстепенное, совершенно частное обстоятельство. Фантастический человек вдруг ЗАТОСКОВАЛ О РЕАЛИЗМЕ! … Как же спасти ИСТИНУ? И вот он придумывает для спасения истины другую мечту, но уже вдвое, втрое фантастичнее первой, грубее и нелепее … РЕАЛИЗМ, стало быть удовлетворён, ПРАВДА СПАСЕНА, и ве-

рить в первую, в главную мечту, можно уже без сомнений — и все опять-таки единственно благодаря второй уже гораздо нелепейшей мечте, придуманной лишь для спасения РЕАЛИЗМА первой».

Тут Достоевский необычайно точно подметил особенность русского РЕАЛИЗМА. Так вот. Может быть, Соловьёв был настолько грубо, настолько нелепо фантастичен, что любое, самое произвольное его истолкование становилось уже тоньше и глубже основной, первой идеи. Ложь нанизывалась на ложь, и так всё дальше и дальше. Глядишь, в конце концов и до чего-то серьёзного договорились. Соловьёв начал. А как можно было иначе начать? Именно такой странный, промежуточный человек и должен был начать собственно русскую философию. В этом и правдивость лжи соловьёвства. Из «ничего» возникла ложь. Ложь стала истончаться. Соловьёва все бросились спасать. Именно его. Он вызывал жалость, был удобен для спасения. Дал правила игры. Его спасали по его правилам. Стали «мыслить». И почти удалось. Через ветви он уже связан с русской культурой. С русской литературой. В сущности, соловьёвство — это игра. Люди игрались. За ними стояли, но большинство игралось честно. И этот элемент игры — чисто русский. Ничего в конечном счёте не получилось, все отравливались Соловьёвым. Но при этом все дали на себя материал, то есть по-русски осуществились. Тут именно РЕАЛИЗМ. Взять идею и, чтобы её спасти, врать. А во вранье русский свободен. Он же не как-нибудь врёт, а спонтанно, творчески. То есть выговаривается. Соловьёв рвотное, и через него вырвалось-выговорилось многое и многие.

А верить, например, не в Соловьёва, а в Христа. Да как же его «поправить», «развить»? Тут либо верь, либо не верь, и никакой философии (в русском смысле этого слова). В Соловьёве же удалось как-то соединять истерическое обожание и одновременно возможность развития, усовершенствования. Он оказался способен прорастать через учеников и почитателей. Но рост был затруднён из-за некоторой свободы выбора. В этом, может быть, и таилась конечная неудача.

В 1953 году один испанский литературовед наконец догадался, что цитата Достоевского из «Дон Кихота» вовсе никакая не цитата, и места этого в романе Сервантеса нет вообще.

493

← Предыдущее, следующее →

493. Примечание к № 485

И всё это действительно «того», какое-то междометие, схема, а вовсе не реальная любовь. (к цитате)

«Шинель» я прочёл лет в 9–10. И вполне понял и осмыслил там только одну бессмысленную фразу Акакия Акакиевича: «Вы это, того, … этого… не того это»:

«Нужно знать, что Акакий Акакиевич изъяснялся большею частью предлогами, наречиями и, наконец, такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения. Если же дело было очень затруднительно, то он даже имел обыкновение совсем не оканчивать фразы, так что весьма часто, начавши речь словами: „Это, право, совершенно того…“, а потом уже и ничего не было, и сам он позабывал, думая, что всё уже выговорил».

Цепким детским чутьём я вполне понял основную идею гоголевского бреда, неожиданно легко совпавшего с моим реальным существованием. Это совпадение разрешило и определило мой мир. Бессмысленные слова были пролиты в реальность (505). И это съёживающееся «того» с втягиванием рук в рукава школьного пиджачка «на вырост» — я захлёбывался им. «Того этого» в значительной степени сформировало мою лексику. «Слово найдено». А следовательно, и сама жизнь.

494

← Предыдущее, следующее →

494. Примечание к № 474

Тут странное сочетание крайнего индивидуализма, анархизма и крайних форм зависимости. (к цитате)

Характерная реакция русского: «Ради Бога, не связывайся» (501). Это не покорность, а сломленность. Точнее, надломленность. Хитрая, скрытная. «Русский человек задним умом крепок». «За битого двух небитых дают».

Типичная ситуация во второй половине XIX века: «сын ушёл в нигилизм». Родители плачут… Но была — и не менее часто — и другая ситуация, тоже типично русская. Сын говорит:

— Что это за сморчки, которые указывают русскому народу, как жить, во что верить? А ну-ка, на ясно солнышко! Ты листки писал? Ну? Вот как надо!

А родители:

— Сыночек, миленький, ради Бога, не связывайся с НИМИ. Они царя убили, сколько сенаторов-губернаторов порезали. И здесь, у нас в городе, то одного, то другого. Не связывайся, мы люди простые. Пожалей нашу старость.

А у себя в гимназии или в университете, ну-ка, скажи что-нибудь «против советской власти». Ну-ка, крикни на студенческом собрании или просто в аудитории: «А мне не нравится Чернышевский. Плевал я на это ничтожество». — «Смотри, проплюёшься. Можем и „проучить“». Сначала бойкотик-с. А что такое русский бойкот? Это травля дикая, подлая, «на смерть». Не утерпел кто-то и в гардеробе щипнул, с вывертом, да так, что кожа лопнула. Или «случайно» по дороге в университет в лужу толкнули. Или шинель ножиком перочинным изрезали. Или в прыжке пинком под дых. А все делают вид, что не замечают. И звериная злоба в глазах («что ни делаю, все мало!»). И девушка любимая, курсисточка, скажет: «Эх ты, а я-то думала, что ты личность». И пощёчину.

Будешь кочевряжиться дальше — вторая фаза: «Это стукач». Центровые на сходке между собой посмеются: «Надо новичка обломать». И через месяц-другой уже последний гимназистик в городе знает: «Иванов — стукач. Ссучился». Он уже в чёрном списке, но ещё может «прижукнуться» (514). А если и это не помога-

ет, следующая фаза: «Собаке — собачья смерть». Зверски изобьют, а потом и ножичком. Достаточно в каждом университете в пять лет одного студента резать (на самом деле было чаще), и все остальные будут по струнке ходить. В случае чего записочку: «Вспомни об Иванове».

Вот какая была обстановка. Круговая порука, страх (522). А государство? И-и, ему бы своих защитить. Тут жандармский офицер без руки, этот, глядишь, согнулся весь — за недавно зашитый живот держится. А вот прокурор с выбитым глазом. «Наглядная агитация»! Это кто выжил.

Думаете, гипербола? Напрасно, речь идёт о конкретных людях.

Изгоев-Ланде писал в «Вехах» об отношении студентов к студентам же:

«Наша студенческая толпа стадна и нетерпима; её суждения упрощены и более опираются на страсть, чем на разум. Популярные ораторы студенческих сходок всегда поражают убожеством мыслей и скудостью, безобразностью своей речи. Они исходят из определённого канона, говорят афоризмами и догматическими положениями. Для образной речи необходимо общение с массой разнообразного люда, умение наблюдать жизнь, понимать чужую мысль, чужое чувство. Наши студенты-радикалы ничем этим не отличаются. Они живут в своём тесном замкнутом кружке, вечно поглощённые его мелкими интересами, мелкими интригами. Высокомерие, наблюдающееся уже у развитых гимназистов старших классов, у студентов достигает огромных размеров. Все товарищи, не разделяющие воззрений их кружка, клеймятся ими не только как тупицы, но и как бесчестные люди. Когда на их стороне большинство, они обращаются с меньшинством, как с рабами, исключают представителей его изо всех студенческих предприятий, даже из тех, которые преследуют исключительно цели материальной взаимопомощи».

Далее Ланде цитирует статью студента Левченко об учащейся молодёжи. Левченко писал:

«Ужасно не думать так, как думает студенческая толпа! Вас сделают изгнанником, обвинят в измене, будут считать врагом… Роль административных высылок играет в студенческой среде так называемый бойкот. Того, кто является выразителем самостоятельной мысли, окружает и теснит глухая злоба. Непроверенных слухов, клеветнических обвинений достаточно бывает тогда для того, чтобы заклеймить человека, повинного в неугождении толпе».

Статья Левченко, появившаяся после 1905 года, это, так сказать, издержки свободы печати. Просочился, конечно, мизер. Сам Левченко был частью этой среды и понимал, что ему в конце концов грозит. Понимал и Ланде и начал, захлёбываясь от верноподданнических чувств, оправдываться:

«До 17 октября 1905 года русское общество и русский народ могли и должны были всё прощать своему студенчеству за ту огромную положительную роль, которую оно играло в жизни страны. Студенчество будило общественную мысль, оно тревожило правительство, постоянно напоминало самодержавной бюрократии, что она не смогла и не сможет задушить всю страну. В этом была огромная заслуга, за которую многое простится».

Впрочем, тут у Александра Соломоновича не только страх, а и вполне понятный политический умысел. Дан приказ создать идеологию легальной оппозиции в случае возможного «наступления реакции». Всё это лицемерно. 10% правды сказали. И главное, не сказали про третий уровень, что людей РЕЗАЛИ. Не только избивали и доводили до сумасшествия и самоубийства, а резали (530). Многонько, многонько студентов после 17-го показало себя в деле. Казалось бы, ум за разум зайти должен. А ничего, у них была дореволюционная закалочка.

И ещё момент. Русский не дурак. Вот Ланде распинался, что у русской молодёжи стремление к самопожертвованию, смерти героической. Подводил под эти построения даже философский базис (очень примитивный и поверхностный). Конечно, нигилизм русской души это особая статья, но здесь, на низменном уровне студенческой курилки, всё гораздо проще было. Никто там собой не жертвовал. А все или помалкивали («себе дороже»), или придуривались. Тот же Левченко писал:

«Лгут в полемическом раздражении, лгут, чтобы побить рекорд левизны, лгут, чтобы не утратить популярности. Вчерашний революционер, произносивший с кафедры на сходке агитационную речь, гремевший и проклинавший, сегодня идёт на экзамен и, чтобы „проскочить“ без знаний, прибегает к жалким, обманным приёмам; отвечая на экзамене, бледнеет и чуть не дрожит; „проскочив“ — он снова самонадеян и горд».

Да как не понять: потому и «проскочил», что «гремел и проклинал». Надо знать русского человека, прирождённого циника и гениального придурка, чтобы раскусить весь этот механизм. Плохой студент, но секретарь комсомольской организации курса. Что он там лепит на комсомольском собрании — кажется,

дурак дураком. А он не дурак. У него есть цель. И вовсе не самоубийство и не покорение целины или освоение космического пространства. Ему зачёт сдать надо (651). И наивняк Левченко сам ничего не понял, когда писал о случаях травли преподавателей со стороны студентов. Травили тех, кого НАДО. А кого НЕ НАДО, не травили. И как посмотришь, из кого состоит ЦК кадетской партии, этот мозг революции, — сплошные приват-доценты, профессора, деканы и ректоры университетов.

Это ещё на первом курсе русачок взбрыкнуть может (да ещё раньше, в гимназии, объяснят, что к чему). Русские народ понятливый или, вот слово, — смышлёный.

Мой отец в молодости хотел на фронт добровольцем пойти. Пришёл домой из института и объявил: «Мам, я добровольцем». Мать как услышала, сразу на колени и руки целовать: «Сыночек, миленький, на кого ж ты нас бросаешь». А он: «Не, мам. Я добровольцем. За Родину, за Сталина». Мать его две недели уговаривала, в ногах валялась. Отец эту историю мне несколько раз рассказывал и чуть не плакал при этом, считал, что ему тогда жизнь спасли. В армию его забрали гораздо позже. Попал он к Рокоссовскому (то есть сразу увидел штрафников и понял, КАК воюют); его очень скоро ранило, но легко. Осколок вырвал кусок мяса из, так сказать, бедра. Отца отвезли в госпиталь, и вот он там открыл глаза ночью после операции и, рыдая, вспомнил о мамочке.

Русское студенчество, по крайней мере его РУССКУЮ часть, по-моему сильно оклеветали. Всё было гораздо проще и человечней.

495

← Предыдущее, следующее →

495. Примечание к № 489

история II мира заканчивается тем, что его создатель, Чердынцев, переосмысляет всё своё бытие в I мире как мир II, кем-то невидимо сотворённый (к цитате)

Чердынцев-Набоков оговаривается, оговаривается, но оговорки всё никак не могут охватить всё его бытие, не могут придать этому бытию закруглённость. Лишь под конец, в тотальной гармонизации любви и творчества, он делает последнюю заглушку, которая одновременно является и отдушиной, выходом в бесконечность. Чердынцев, встречаясь со своей невестой, рассказывает ей историю их взаимоотношений как некий сюжет — сложную цепь совпадений и повторов, совершенно нереальных в реальном мире и являющихся явно осуществлением чьей-то воли. Но здесь повествование не кончается, так как Чердынцев обещает написать об этом книгу, неизмеримо более сложную, чем просто любовный сюжет, но всё же основанную именно на этом. То есть речь идёт о «Даре» — слова уходят лунной дорожкой в бесконечность. Замыкаются в кольцо с бесконечным радиусом.

Герой до конца изгибается, вывёртывается в оговорках, как ошпаренный червяк. Но нет, не червяк — всё оправдывается под конец. Судьба дует по-матерински на его раны, и всё заживает. Это самое оптимистическое, светлое произведение Набокова. Как и Лужин («Защита Лужина»), герой «Дара» догадывается о предумышленности своей судьбы, но гений Чердынцева настолько широк и совершенен, что он оказывается в состоянии осмыслить предыдущую свою жизнь и стать её автором, творцом. По крайней мере, со-творцом. Автор максимально воплощается в своём герое и перестаёт быть для него чисто внешней силой. Автор превращается в героя, а герой — в автора.

496

← Предыдущее, следующее →

496. Примечание к № 108

Пугачёв попал в страшный сверхкарнавал-сон. (к цитате)

Может быть, русская история так ужасна потому, что слишком серьёзна. Разве можно сравнить русскую масленицу с западным карнавалом? Масленица слишком пьяна, слишком легковесна и проста. Ну выпили, поплясали, блинов поели. А на Западе целая культура «карнавализма». Русские не умеют играть, сразу заигрываются.

Принц Виртенбергский в своих записках о восстании декабристов роскошную деталь сохранил для потомков. Было смешно и смешанно — междуцарствие. Как пересменок в пионерлагере. Народ на улицах пьяненький. И тут в принца мужик какой-то стал снежками кидать. Виртембергский:

«Наскочив на виновного и опрокинув его конём, я закричал:

— Ты что делаешь?

— Сами не знаем. Шутим-с мы, барин, — отвечал опрокинутый, ещё не поднявшись с земли».

497

← Предыдущее, следующее →

497. Примечание к № 108

И глазком русским (одним, трезвым) все за грань сцены посматривали. (к цитате)

Первое ощущение у Ленина после захвата власти — внезапное сюрреальное сбывание душного, пряно-пьяного эротического бреда. Мир счастливо вывернулся наизнанку и оказался сладким, свободным, подчиняющимся фантастически слабым и мягким законам. Выпавшая чашка не разбивалась, а мягко спружинив об пол, снова ласковым мячиком попадала в руки. Автомобиль, столкнувшись с велосипедистом, воздушным шариком отскакивал в пустоту и лопался под велосипедными шинами. Трамвайные колёса пластмассовыми пустышками щекотали шею, совершенно невредимую после пародийной аварии. В стены забивали деревянные гвозди, вечный двигатель двигался вечно и делал из просто песка песок сахарный. Прошлое исчезло, и Ленин попал в рай. Сама мысль о какой-то там передаче власти какому-то непонятному «учредительному собранию» казалась не только оскорбительной, но и кощунственной. Мир умер. Смерть оказалась жизнью, а жизнь смертью. Ленин назвал статью об открытии Учредительного собрания так: «Люди с того света»:

«„Я потерял напрасно день, мои друзья“. Так гласит одно старое латинское изречение. Невольно вспоминаешь его, когда думаешь о потере дня 5-го января. После живой, настоящей, советской работы, среди рабочих и крестьян, которые заняты ДЕЛОМ, рубкой леса и корчеванием пней помещичьей и капиталистической эксплуатации, — вдруг пришлось перенестись в „чужой мир“, к каким-то пришельцам с того света из лагеря буржуазии… Точно история нечаянно или по ошибке повернула часы свои назад, и перед нами вместо января 1918 года на день оказался май или июнь 1917 года! Это ужасно! Из среды живых людей попасть в общество трупов, дышать трупным запахом, слушать тех же самых мумий „социального“, луиблановского фразёрства… это нечто нестерпимое».

И тут же, другой половиной черепа, сознание своей обречён-

ности, смерти. Очень чётко прослеживается установка на поражение и передачу власти во всех формах: от победы всемирной революции и превращения России в дистрикт мировой коммуны с настоящим вселенским центром в Берлине, и до прямого проигрыша и бегства в Швецию или за Урал, за океан. Постоянно рефрен: ещё полгода, ещё два месяца, ещё день простоять и ночь продержаться — и всё. Всё кончится. Сон не может продолжаться вечно. Кто-то придёт и отнимет. Фанатизм, тупая вера в волшебную палочку. «Шла карта». Но и мощное чувство игры. Что это всё для чего-то другого и ненадолго.

498

← Предыдущее, следующее →

498. Примечание к № 478
«бим, бам!» (В. Ленин) (к цитате)

Как это по-русски! Если уж падение, то до конца. Разве другая нация могла дойти до такого интеллектуального одичания, даже до ПОТЕРИ ПРИЛИЧИЯ? Мао или Ким Ир Сен очень приличны. Сдержанны, молчаливы. Такого в их сочинениях не найдёшь. А русские опубликовали, «изучают».

Ленин ещё за 10 лет до Октября сказал:

«Именно потому и радуемся мы, что нам удалось всей своей деятельностью отгородить себя прочной стеной от круга порядочных людей российского образованного общества».

Хрущёв с ботинком на трибуне ООН — это Ленин. Ленин так себя бы и вёл в аналогичной ситуации. (Вообще, по темпераменту и типу поведения, явно шутовскому, Хрущёв больше всех других руководителей СССР напоминает Ильича.) Ни одна нация мира, даже самая отсталая, самая дикая, не дошла до такого кретинизма. Чтобы китаец так себя вёл даже в 60-х годах — никогда. Арабский тиран-параноик — никогда. Африканский царёк — никогда. Русские вылезли. На исходе одиннадцатого века своего культурного развития. Невероятная история. «Бим-бам» — невероятно!

499

← Предыдущее, следующее →

499. Примечание к № 487

За всем комедиантством Соловьёва был расплывающийся смысл. (к цитате)

Качание пьяницы, бредущего морозной ночью по пустой улице. Светят фонари, скрипят на ветру, а он идёт вдаль, вдаль, в никуда. Но тут качается вдруг в сторону, дверь открывается — и дома. Туда шёл. Всё равно рок пересиливает, и Соловьёв оказывается всё тем же русским себе на уме, мужичком «под дурачка». «Под дурачка» заранее — ситуационно бессмысленно. «С упреждением», «на всякий случай».

500

← Предыдущее, следующее →

500. Примечание к № 422

Я всегда завидовал людям, которые способны вызывать жалость, а потом хладнокровно утилизовывать её. (к цитате)

Какая удивительная сила вознесла наверх Горбачёва? Что дало ему в номенклатурной грызне дополнительный шанс, в чём его фора? Я смотрел, смотрел в телевизор, хотел понять, что это за человек, и вдруг меня как обухом по голове — жалость! Этот человек в высшей степени наделён даром вызывать к себе жалость. При прочих равных условиях — выдержке, коварстве, умении орать и стучать кулачищем по столу или расстелиться по стене незаметной камбалой, — при всех этих качествах, таких же, как и у других партпрофессионалов (а пожалуй, и чуточку поменьше — немножко нервен; такого если щипать под столом за ногу, он на 15-ой минуте взорвётся), при этом ещё гигантская способность прибеднения. Способность природная, как дар Божий.

Никогда не забуду сцены встречи Горбачёва с персоналом советского посольства в Женеве. Все выстроились во дворике с китайскими улыбками на холёных европейских лицах, и как вести себя совсем не знают — новый человек. А Горбачёв идёт им навстречу по мокрому асфальту (осень, листья на дорожках), в плаще, нелепой шляпе. И как-то у него плечи чуть-чуть опущены и тоска в глазах. И вдруг все захлопали. Пауза. Он стоит один, руки сложил, а вокруг все улыбки в ужасе тянут. И вот он как-то нелепо рукой махнул, совершенно немотивированно (даже не запомнил как, помню только ощущение нелепости; вообще сцена не совсем такой была, мне просто так запомнилось, запомнилось главное — общий тон). Махнул рукой и говорит: «Ну что, скоро домой». В толпе чуть не попадали: в три шеи и так сразу — крутенёк! А он просто хотел сказать: вот, мол, по Родине соскучились, ничего, не переживайте. «Родина ждёт». И стоит так, грустно улыбается. Душегуб.

Всё нелепо, неправильно, а нет чувства злобы. Хочется помочь, поправить. Ну и ясно, как было. Очередной конкурент думал: ну, что, топну сапогом по грибу этому, только шляпка под каблуком скрипнет. Пусть живёт. А гриб-то, глядишь, за один

день под дождичком — через три ступеньки. И проморгавшему нюне — пенделя. Чувство жалости — это карьера-съ.

501

← Предыдущее, следующее →

501. Примечание к № 494

Характерная реакция русского: «Ради Бога, не связывайся». (к цитате)

Соловьёв писал в 1891 году:

«Неужели возможно хоть на мгновение вообразить, что после всей этой славы и чудес, после стольких подвигов духа и пережитых страданий, после всей этой удивительной сорокавековой жизни Израиля ему следует бояться каких-то антисемитов! Если бы эта злобная и нечистая агитация возбуждала во мне какой-нибудь страх, то, конечно, не за евреев, а за Россию. Но признаюсь, и такого страха я не чувствую … сам русский народ — себе не враг; он достаточно умён, чтобы не прать против рожна и не спорить с Божьими судьбами. И не даром Провидение водворило в нашем отечестве самую большую и самую крепкую часть еврейства».

502

← Предыдущее, следующее →

502. Примечание к с. 56 «Бесконечного тупика»

«Боль моя всегда относится к чему-то одинокому и чему-то далёкому; точнее, что я одинок, и оттого что не со мной какая-то даль, и что эта даль как-то болит, — или я болю, что она только даль…» (В. Розанов) (к цитате)

Я всё время боялся, что меня «забудут» (510). Мать меня, семилетнего, в «Детском мире» забыла. Я ходил по этажам и ревел: «Забыли!» Мне казалось, что всё, мир непоправимо рухнул и старое счастье никогда не вернётся. Меня кто-то повёл в радиоузел, спросил фамилию. Было ясно: сейчас объявят по радио (это уже «официально») и я пропал. Меня повезут на какой-то машине и всё — пропала жизнь. Но тут вбежала мама. Характерно, что не я потерялся, а она меня забыла.

В пионерлагере последняя неделя смены превращалась в пытку. Лагеря я не любил, и само по себе возвращение домой было праздником. Но я боялся, что меня «забудут», «не возьмут». Думал: кто им скажет, что смена именно сейчас кончится, а письмо не дойдёт. И родители, как нарочно, приходили всегда последними, когда всех уже разбирали и я стоял у автобуса или вагона один с вожатыми. С этим связано ярчайшее впечатление детства, врезавшееся в память с каллиграфической чёткостью. Я стою на длинной московской улице у сквера; летит тополиный пух. Вереница пустых автобусов, и в самом конце один я. И вот по пустой улице навстречу мама бежит. Я к ней: здравствуй! А она: отойди, мальчик, не мешай, — и дальше быстро-быстро пошла. Каблуками цок-цок. А вожатая: «Одиноков, не мешай прохожим, встань у ограды». В голове мысли, чувства полетели со скоростью необыкновенной, испуганной. «Не узнала… Нет, не может этого быть. Это я обознался». И чувство горечи, смущения, стыда. А тут вдоль колонны машин мать обратно идёт и уже издалека рукой машет. Ей сказали, что я в другом конце, и она, торопясь, мимо меня пробежала. Умом я никогда не обижался, но чувство недоумённого ужаса и просто КРАХА осталось навсегда, так что эпизод разросся до масштаба довольно жуткого символа.

Я слишком быстро схожусь с людьми. Тут отзывчивость, возве-

дённая в квадрат фантазией, способностью чисто умозрительного, интроспективного контакта. И вот всегда так: срываешься к человеку и вдруг отчётливо сознаёшь, что объективно-то ему совсем чужой (540). Я уже расположил его в цепочке своих сновидений, связал с определёнными частями своего внутреннего мира, но он-то не подозревает об этом. И трагедия одиночества наваливается на меня, и я даже сказать ничего не могу. Мне до слез грустно.

То же повторяется и в религии (связи). Связь с Богом для меня односторонняя. Бог обо мне не знает, а я о нём знаю. Я его люблю и плачу перед ним в одиночестве. И не могу говорить с ним, молиться. О Боге рядом, Боге помогающем и подумать не могу. Если Бог мне помог, значит, это не Бог. Вообще я очень настороженно отношусь к расположенности к себе.

503

← Предыдущее, следующее →

503. Примечание к № 478

«Но ясно, что они и там работают топорами, превращая массу дерева в негодные щепки». (В. Ленин) (к цитате)

Однако в другой ситуации Ильич своё мнение по поводу технологии «рубки» пересмотрел радикально:

«Пусть моськи буржуазного общества … визжат и лают по поводу каждой лишней щепки при рубке большого, старого леса. На то они и моськи, чтобы лаять на пролетарского слона».

504

← Предыдущее, следующее →

504. Примечание к № 390

Но оказалось, что это сухой, пресный снег. А Бланк (50-летний) хохотал, хохотал. (к цитате)

Последняя реприза старого клоуна. У Ленина, полупарализованного, теряющего остатки разума, были припадки капризности и бешеной злобы. Речь пропала, но мышцы лица сохранили подвижность. Их вело, лицо кривилось. Он мычанием отгонял врачей, кидал в них здоровой рукой тарелки и подушки. Отказывался принимать лекарства. Только хинин от великой злобы всегда ел охотно. И когда врачи, удивляясь, говорили ему, как это он принимает такую горечь, даже не морщась, Ильич радостно хохотал.

505

← Предыдущее, следующее →

505. Примечание к № 493

Бессмысленные слова были пролиты в реальность. (к цитате)

Набоков писал:

«Творчески читая гоголевскую повесть, мы обнаруживаем, что там и сям в невиннейшем описательном пассаже то или иное слово, иногда простое наречие или предлог, скажем, какое-нибудь „даже“ или „очень“, вставлено таким образом, что безобидная фраза взрывается мятущейся радугой фейерверка (521), какой возможен только в причудливом сновидении; или период, начавшийся в неторопливой разговорной манере, ни с того ни с сего сходит с рельсов и своенравно ускользает вглубь иррационального, где и есть его настоящее место; или опять-таки столь же внезапно распахиваются невидимые створки и могучая волна кипящей поэзии, нахлынув, затопляет всё, чтобы тут же пройти сниженной речью, или превратиться в собственную пародию, или прерваться фразой, возвращающей нас к скороговорке скомороха, — той скороговорке, которая так характерна для гоголевского стиля. Это производит на читателя впечатление чего-то смехотворного и вместе с тем нездешнего, постоянно подстерегающего нас за углом».

Конечно, гоголевская фраза перевёртываема, спиралевидна. «Очень хороший ТАКЖЕ человек Иван Никифорович». Но не есть ли гоголевское злорадство лишь проявление естественного архетипа языка? Обнажение сути языка? Язык такой, и ничего не поделаешь. Гоголь сам совсем не виноват. Поэтому-то столь бесплодными и разрушительными были для его творчества попытки морализирования. Гоголь порождал реальность, подражая потусторонней реальности языка. Платой за чистоту форм порождения послужило ужасное содержание.

Не является ли в свою очередь русский язык великим литературным языком за счёт своей низменности? Или, точнее, пронизанности, сетчатости, через которую просвечивают архетипы — бездушные, бездонные, стоящие вне критериев человечности. Это содержательное бездушие формально максимально осуществлённого языка Набоков видел:

«Провалы и зияния в ткани гоголевского стиля соответствуют разрывам в ткани самой жизни. Я не говорю о нравственной позиции или нравственном поучении. В таком мире не может быть нравственного поучения, потому что там нет ни учеников, ни учителей: мир этот ЕСТЬ, и он выталкивает всё, что может это разрушить, так что никакое улучшение, никакая борьба, никакая нравственная цель или работа здесь так же невозможна, как совершенно невозможно изменить траекторию звезды».

Или:

«Литература на этом заоблачном уровне искусства, конечно, не озабочена жалостью к угнетённому или обличением угнетателя. Она говорит той тайной глубине нашей души, где тени других миров проходят, словно тени безымянных и бесшумных кораблей».

И тут же ошибка. Набоков сказал, что «это мир Гоголя, и как таковой он совершенно отличен от мира Толстого, Пушкина, Чехова или моего собственного». Нет, мир совершенно един. История — едина. Язык — един. Различие в интерпретации, взглядах. Но на пределе — единство. И ближе всего к этому единству подошёл Гоголь (из-за крайнего формализма — содержание ему не мешало).

506

← Предыдущее, следующее →

506. Примечание к № 411
Тебе пайку дали, а ты не ешь всю (к цитате)

Существует один человек, о котором в «Бесконечном тупике» даже не упоминается (вот здесь только, в № 506), но без произведений которого ход мысли будет тёмен. Я имею в виду Александра Солженицына.

В сущности, советская культура дала только одного великого писателя — автора «Архипелага». У него звериная мудрость и страшная грубость мышления — тотальное, не оставляющее просвета морализирование. Несомненно, это архетипическая фигура, и поэтому Солженицын смешон. В нём сбылась мечта и миф русского писателя, и «Архипелаг», его щедринская подозрительность ко всему и вся, есть фиксированная форма нового русского сознания. Это, так сказать, опытный Щедрин, Щедрин, не на авось трогающий вещи и смеющийся над ними, а знающий, что вещи злы и «специальны». Но в основе-то — нелепость.

Нелепо. Нелепо. Сейчас почувствуете. Достоевский и Солженицын — нелепо. Солженицын груб. Когда человеку плюют в лицо, суют голову в унитаз, морят клопами — не наказывают, не карают, а мучают, изводят… то что же тут сказать? Нарушена мера страдания. Боль — сжатые челюсти, бисер пота, напряжение мышц — это высокая пластика. Но вот болевой порог сорван и человек визжит, корчится, смеётся, прыгает. Солженицын писал, как одному заключённому били дубинкой по седалищному нерву. С первого удара он обломал ногти о ковёр рюминского кабинета, а со второго потерял сознание. Его привели в камеру — зад у него распух, и штаны не застёгивались. Несколько дней у него был понос. Он сидел на параше и хохотал. Потом его били сапогом в живот, пробили брюшину, и наружу вывалились кишки. Он ползал и вправлял их внутрь. Его увезли в тюремную больницу, и он ВЫЖИЛ. Зачем? Как об этом писать? Какая МЫСЛЬ? «Бить по седалищному нерву и пробивать живот сапогом нехорошо»? Богато! У Достоевского гармония. Темы все солженицынские в «Записках из мёртвого дома». Но «Записки» — это ад Микеланджело, а «Архипелаг» даже не Пикассо,

а китч. «Архипелаг» злораден (не над жертвами, конечно, а злорадством повествования), «Записки» совсем не злорадны, спокойны. Если бы Достоевский всё выдумал, то всё равно это было бы хорошее произведение. Если бы Солженицын выдумал «Архипелаг», это было бы бездарно. Бездарно в целом — не по художественному исполнению, а по замыслу.

Но Солженицын тем не менее вполне органично входит в сонм Великих Русских Писателей. Он сказал, что если бы зрители чеховских «Сестёр» в начале века узнали бы о своём будущем, то весь зал пошёл бы в сумасшедший дом. Но это неверно. Чехов — органичное звено в развитии русской культуры, русской мысли и русской истории. И как бы он ни был чужероден последующей России, именно она в скрытом виде в нём содержалась, и именно она связана в своём развитии с Чеховым миллионами нитей (реплика Солженицына тоже ведь порождена Чеховым даже и буквально: «Палата № 6»). Соответственно солженицынской нелепицей всё и должно было закончиться. Солженицын — счастливчик русской литературы, баловень судьбы (658). В нём русская литература и русский язык нашли свою форму, предмет и цель. У Гоголя фантастическое противоречие между целью и средством. Цель — спасение России и мира. Средство — литературный дар, да к тому же сюрреалистического свойства. В Солженицыне же грёзы сошлись и осуществились. «Все при всём». Да, спасение России, да, при помощи литературы, и литературы глумливой. И действительно, получилось. И получилось наяву и СЕРЬЁЗНО. Когда я читал его книги, то не просто читал — переживал. Многие обороты воспринимались на физиологическом уровне и просто стали частью моего языка (705): «был хорошо устроен в зоне», «ничего, берём» или «ты тоже умирать будешь». И тон, тон.

507

← Предыдущее, следующее →

507. Примечание к № 422
У меня психология короля в изгнании. (к цитате)

Розанов писал, что ему никто не интересен, кроме русских. А мне никто не интересен, кроме меня (572). Меня как русского. Осознание себя как русского, принадлежащего к русским, соединяет меня ещё с миром. Где-то там внизу земля, Россия. Это дико: постижение Бога, Времени, Мироздания, Ничто, и вдруг Нечаев какой-нибудь выскакивает из Млечного пути и кусает за палец. А ведь это я, это именно ко мне относится. Тут последняя связь с обыденным миром. Стыд за него. То есть ещё чувство, ещё связь с землёй, почвой.

«— На какой почве свихнулся принц Гамлет?
— На нашей, на датской».

508

← Предыдущее, следующее →

508. Примечание к № 492

Соловьёв, воспитанный, как он сам утверждал, на философии Спинозы, просто обмирал перед подобными талмудическими откровениями (к цитате)

Здесь через абстрактную решётку слышен вой хасидистского шамана, бьющегося в пророческом мерячении. Ведь чем абстрактнее, чем логичнее и «логоснее» речь, тем больше она для еврея математизируется, каббализируется, превращается в формулы, имеющие страшный восточный смысл. И чем выше накал мысли, тем выше накал страсти. Поэтому Спиноза — это поэт, пророк, еврейский юноша, в эротическом экстазе выкрикивающий геометрические леммы, которые для него, конечно, не формулы, а заклинания. То, что у Декарта было «строительством», «защитой», у Спинозы превратилось во вдохновенный сексуальный гимн. Смысла же пародируемого картезианства Спиноза не понимал, как и положено при мерячении, то есть психопатическом неудержимом повторении определённых слов и действий окружающих лиц, внешне совершенно необъяснимом и бессмысленном.

509

← Предыдущее, следующее →

509. Примечание к № 476

Статьи Соловьёва о русских поэтах и писателях — это какое-то саморазоблачение. (к цитате)

Соловьёв перед смертью сказал стоявшей рядом жене С. Трубецкого:

«Мешайте мне засыпать, заставляйте меня молиться за еврейский народ, мне надо за него молиться».

А потом запел еврейские гимны. Это всё равно, как если бы автор «Евгения Онегина» стал вспоминать на смертном одре эфиопские напевы. Но Пушкин попросил морошки.

Пушкин нравился Соловьёву. О «Пророке» Владимир Сергеевич писал восторженно:

«И самый грамматический склад еврейской речи … удивительно выдержан в нашем стихотворении. Отсутствие придаточных предложений, относительных местоимений и логических союзов при нераздельном господстве союза „и“ … настолько приближает здесь пушкинский язык к библейскому, что для какого-нибудь талантливого гебраиста, я думаю, ничего бы не стоило дать точный древнееврейский перевод этого стихотворения».

Судя по переписке с некоторыми деятелями русского еврейства, философ знал, что говорил:

«Не сердитесь на меня, дорогой Файвель Бенцилович, что так долго не отвечал Вам. Я переживаю теперь очень тяжёлое время: яхад алай йит'лахашу кол-сон'ай, алай ях'шебу раа ли (527) *д'барб'лиял яцук бо ваашэр шаякаб ло-йосиф лакум: гам иш-ш'ломи ашэрбатахти бо окэл лах'ми'игдил алай акэб. Впрочем, всё это не мешает мне работать. Первый том „Истории теократии“ скоро должен выйти. Еврейское чтение продолжаю… Теперь, слава Богу, я могу хотя отчасти исполнить долг религиозной учтивости, присоединяя к своим ежедневным молитвам и еврейские фразы, например: Пнэ элай в'ханневи ки яхид в'ани, царот л'бабы ирхиту, мимцукотай оц'иэни».*

Файвель Бенцилович Гец потом вспоминал о своём умершем друге:

«Можно безошибочно утверждать, что со смерти Лессинга не было христианского учёного и литературного деятеля, который пользовался бы таким почётным обаянием, такой широкой популярностью и такой искренней любовью среди еврейства, как Вл. С. Соловьёв, и можно предсказать, что и в будущем среди благороднейших христианских защитников еврейства … будет благоговейно, с любовью и признательностью упоминаться благодарным еврейским народом славное имя Вл. С. Соловьева».

В № 5 журнала «Советская юстиция» за 1935 год под заголовком «Не верится» помещён некролог члену президиума Верховного Суда РСФСР:

«Умер Загорье… Нет Бориса Михайловича Загорье…

Эти слова звучат чуждо, невозможно осознать их смысл (547). Не веришь. Не понимаешь их нелепого значения.

Живой, милый, тишайший Борис Михайлович, ведь вот он перед глазами.

Ясная голова, честнейшая натура, человек настоящей большой внутренней честности… Его искренность и … какая-то особенная прекрасная совестливость, какое-то органическое чувство ответственности за дело, которое ему доверила партия, всё это както всегда было при нём, чувствовалось в каждом его поступке, в каждом его суждении… Вероятно это и сделало его одним из популярнейших, одним из проникновеннейших судей пролетарского государства.

Мягкий, внимательный, чуткий товарищ. Но какой суровостью, жёсткой непреклонностью судьи загорался он каждый раз, когда перед ним возникало лицо врага…»

О еврейском народе Владимир Сергеевич всегда говорил с теплотой в голосе (574), с мягкостью, внимательностью, чуткостью. Иногда и журил. Любя, для диалектики. Набор эпитетов: «великий», «трагический», «милый», «трогательный», «благородный» и т. д.

Но каким металлом гремели его реплики о проклятых соотечественниках: «духовный сифилис», «рыночный патриотизм», «зарвавшиеся (и завравшиеся) славянофилы», «жулики», «псевдопатриотическая клика», «хрюкающее и завывающее воплощение национальной идеи», «звериные хари», «зоологический национализм», «аномалия» и т. д. И всё это не о ком-нибудь, а о русской национальной элите, таких людях, как Самарин, Хомяков или Данилевский.

Мочульский пишет:

«У Соловьёва — темперамент бойца, страстная убеждённость,

нравственный пафос, праведный гнев. Борьба его вдохновляет: он наносит жестокие удары и как будто любуется их силой и меткостью. Его холодная беспощадность и непогрешимая ловкость производят иногда тягостное впечатление. Он действует во имя христианской любви, но в нём есть какое-то нездоровое упоение разрушением. К тому же славянофилы, которых он уничтожает, — его родные братья».

А ничего он не разрушал. В этом-то и удивительная привлекательность духовной жизни. В реальности «неправ правый». А в мире идей «неправ левый». Соловьёв нападал на слабых, беззащитных людей. Но идеи этих людей были вовсе не слабыми. Тут идеологический материализм Соловьёва сыграл с ним злую шутку. Он думал, что разрушает идеи, тогда как на самом деле он был вообще вне сферы русской духовной жизни. Конечно, жалко, что его тогда некому было одёрнуть. Но ведь его и вообще жалко.

Тут ведь как получается. Пушкин попросил морошки, и это запомнится навсегда. Именно потому, что так естественно. А Соловьёв перед смертью ломался, что-то хотел напоследок, репризу какую-нибудь… А ничего не запомнится. Или ещё хуже: запомнится как двусмысленный анекдот, о которых в книгах не пишут, а так… говорят: «А знаете, Соловьёв-то…»

Соловьёв говорил, что смерть Пушкина анекдотична и безобразна. Вот уж действительно — все русские биографии удивительно договорены.

510

← Предыдущее, следующее →

510. Примечание к № 502
Я всё время боялся, что меня «забудут». (к цитате)

И надеялся, что меня найдут. До 17 лет о любви я думал так: какая-нибудь удивительная девушка найдёт меня и скажет:

— Милый Одиноков, я тебя люблю.

— Почему же ты меня любишь? — стану я счастливо оправдываться.

— А потому, что ты хороший, прогрессивный.

— Почему же я хороший, я вовсе, может быть, не хороший.

— Нет, хороший, хороший. Я тебя люблю, а разве я бы стала тебя любить, если бы ты был нехороший... Потом у тебя отец умирает. А ты переживаешь.

— А чего это я переживаю? Чего это ты пристала-то?

— А потому, что...

И т. д. Я уже на всякий случай — чтобы уточнить — оправдывался бы, но всё бы уже было ясно и нашло своё оправдание...

И вдруг я понял, что никто не придёт и ничего не скажет (526). И что я вообще нехороший, так как вот эта внешность — это и есть РЕАЛЬНОСТЬ. Так стала возникать идея иллюминатства, просвещения. «Выдумывания того, кого бы я хотел». Никто обо мне не заботится, никто меня не спасает, и я спасаю других. Я в 11 лет «спасаю» отца. Но в уме знаю, что должно же быть наоборот. И жду, что меня кто-нибудь спасёт. Да тот же отец, вдруг в один прекрасный день волшебно изменившийся, просветлевший. Я веду его, пьяного, к дивану, укладываю, расстёгиваю пиджак, снимаю ботинки, несу таз, в который он начинает блевать. И вот он на следующий день снова приходит домой с опухшим безумным лицом. У меня всё внутри замирает от заботливого страха. И вдруг — что это? Лицо отца становится насмешливым, осмысленно-умным: «Ты почему математику не сделал? Вот давай сейчас быстро поужинаем и будем вместе задачи решать. А потом марш в постель».

А получалось всё наоборот. Я в 17 лет понял, что никому не нужен и начал сам спасать себя, а затем и других людей, Россию, весь мир.

И если все рухнет в развалинах,
К черту! Нам наплевать.
Мы всё равно пойдём вперёд.
Потому что сегодня наша — Германия,
А завтра — весь мир!
Завтра — весь мир!

511

← Предыдущее, следующее →

511. Примечание к с. 56 «Бесконечного тупика»

Детство Набокова ничем не отличается от провинциального детства Розанова или от современного русского «пионерского» детства. (к цитате)

Основная функция пионеров, их главное «дело» — собирание мусора и вторсырья: металлолома, макулатуры. Как же нужно упасть в нравственном отношении, чтобы уготовить детям роль мусорщиков и старьёвщиков. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ, и использование на грязной и унижающей человеческое достоинство работе, работе, которой занимаются обычно отбросы общества.

Не правда ли, удачный риторический приём? Но, как подумаешь, — я плачу — ведь это было одно из самых радостных, ярких событий моего детства и отрочества. Осенняя прохлада, запах прелых листьев и живого домашнего дыма. А кипы старых журналов, сваленных в углу класса и их ворошение, рассматривание и откладывание интересного. Это праздник, пещера Алладина. Как радовался я, неся домой портфель, набитый номерами «Техники-молодёжи» или «Вокруг света», как их любовно складывал, как рассматривал и читал. Пожалуй, да, самое яркое впечатление. Вот ещё позднее, когда я пошёл в 9 класс, отец взял напрокат бинокль — разве это только сравнимо. Я ложился на пол, открывал окно и смотрел на октябрьское небо. В ночи блестел огромный Юпитер с четырьмя звёздочками-спутниками, мерцали Плеяды, ребрилась морщинистая и огромная Луна. Было так тихо, небо излучало приятный холод. Я лежал в куртке и шапке. Если бы мне предложили взамен этих осенних дней вечерние прогулки с любимой девушкой, её поцелуи и объятья — не согласился бы ни за что… И журналы бы не отдал.

512

← Предыдущее, следующее →

512. Примечание к № 478

Совсем без молний и грома, колесниц и тог. А так, «в кепочке». (к цитате)

У Достоевского в «Бесах», когда Шигалёв на сходке широкими мазками набрасывает эскиз будущего ада, Верховенский его «срезает»:

«— Арина Прохоровна, нет у вас ножниц? — спросил вдруг Пётр Степанович.

— Зачем вам ножницы? — выпучила та на него глаза.

— Забыл ногти обстричь, три дня собираюсь, — промолвил он, безмятежно рассматривая свои длинные и нечистые ногти…

Пётр Степанович даже не посмотрел на неё, взял ножницы и начал возиться с ними. Арина Прохоровна поняла, что это реальный приём, и устыдилась своей обидчивости. Собрание переглядывалось молча. Хромой учитель злобно и завистливо наблюдал Верховенского».

Проще надо, проще. «Надо быть скромнее, товарищи». И «хромой учитель» мучительно завидовал: «Что делает, что делает, а?» Сам не мог срезать-то. Ненавидел смысл происходящего, а отказаться от смысла не мог. Не смог до «реального приёма» додуматься. Так и остался в собственных же глазах сопливым романтиком, то есть дурачком (524).

Достоевский этой «стрижки ногтей» ещё у петрашевцев на всю жизнь насмотрелся. Ему хватило опыта общения с «идеалистами» 40-х с избытком. Вот так, по шею.

513

← Предыдущее, следующее →

513. Примечание к № 477
Союз Советских Гомосексуалистических Республик (к цитате)

Если принять социально-сословную мифологию. Пускай «капитализм» — общество, где господствует «класс» капиталистов. Тогда социализм — это собственно «пролетаризм», господство рабочих. Но возможно ли это вообще, как и господство крестьянства после феодализма? В самом сравнивании предпринимателей и наёмных работников натяжка. Почему не «сравнить» (уравнять) больных и врачей, учителей и учеников? Даже в количественном отношении (1:10000) абсурдно.

Возможно, СССР — господство военных? Милитерократия, тимократия, хунта. Но военные в советское время занимали всегда подчинённое положение. Может бюрократия, «государственное государство», существующее для самого себя? Такой социальный онанизм уже ближе. Но в культуре, в «общественном мнении» и 1987-го и даже 1937-го, не говоря о 1887, 1837, к «аппарату» всегда отношение безусловно негативное.

Может следует найти такое сословие, такую социальную группу, к которой и в 1837 и в 1987 испытывали безусловно благоговейное отношение, которой подражали, в которую старались попасть лучшие. В русской истории такое сословие — одно-единственное — есть. Это писатели. Вот кто пришёл, вот кого ждали. Не «грамматократия», власть образованных вообще, на которую негодовал Леонтьев, не «интеллигентократия», «студентократия» — власть недоучек, а именно «писателекратия» — власть писателей, и шире — неудавшихся писателей (журналистов, графоманов). Победил «писателизм». «Графократия». Политическая, экономическая, духовная. За полтора столетия ни одна ПУШИНКА не упала на это сословие (520). Даже в эпоху самого что ни на есть «разгара» у самого ярого антисоветчика был хоть какой-то, но шанс: «Да, но он ПИСАТЕЛЬ». Бунин, злейший враг советской власти. — Но он Бунин. Автор «Бесов» — но писатель же! «Нельзя не признать». Художники, музыканты — уже мелочь, незначительная группка. Учёные — вообще легко заменимая шваль, «спецы». Но писатели — глыбы: Пушкин, Гоголь, Толстой. Поставьте — Ленин. Звучит. Толстой и Ле-

нин — звучит. Ленин и Мусоргский, Ленин и Крамской, Ленин и Ключевский, Ленин и Менделеев — мелко, не дотягиваются. Но в окружении Политбюро писателей Ленин органичен, культ его — естествен.

514

← Предыдущее, следующее →

514. Примечание к № 494

Он уже в чёрном списке, но ещё может «прижукнуться». (к цитате)

Хорошее слово: «прижукнуться». Бунин писал в дневнике: что же это после революции сразу все «прижукнулись», никто отпора дать не может. Иван Алексеевич, да русские на 50 лет раньше «прижукнулись».

Вот действительно видно — писатель. Как у него слово-то такое выговорилось верное. Бежит жук-щелкун. Его соломинкой трог, он и на спинку сразу: «Я что, я ничего». И лапки втянул. «Прижукнулся». Оставить в покое — дальше побежит. А если продолжить трогать, то он щёлк головой — и за границей. А там, глядишь, и дневнички свои издаст. Очень это хорошее слово — «прижукнуться».

Я Иван Бунин, я потомственный дворянин, я… — «Дворян-то много. А ты себя в деле покажи». И пошёл Ваня в люди. К Толстому. Но не к самому — к самому не пробиться, окружён жужжащими жидами, как матка трутнями, — а в окружение. Пошёл к великому Волкинштейну. Ваню определили, поставили к делу:

«Был там (в толстовской колонии под Полтавой) громадный еврей, похожий на матёрого русского мужика, ставший впоследствии известным под именем Тенеромо, человек, державшийся всегда с необыкновенной важностью и снисходительностью к простым смертным, нестерпимый ритор, софист, занимавшийся бондарным ремеслом. К нему-то под начало и попал я. Он-то и был мой главный наставник как в „учении“, так и в жизни трудами рук своих: я был у него подмастерьем, учился набивать обручи. Для чего мне нужны были эти обручи? Для того опять-таки, что они как-то соединяли меня с Толстым, давали мне тайную надежду когда-нибудь увидать его, войти в близость с ним».

Нужны-то были эти обручи для другого. Посмотреть, каков человек, пройдёт ли искус. Стоит ли его пускать в русскую литературу? И решили — стоит. Этот не зарвётся.

Розанов сказал:

«Евреи „делают успех“ в литературе. И через это стали её „ше-

фами“. Писать они не умеют: но при этом таланте „быть шефом“ им и не надо уметь писать. За них напишут всё русские — чего они хотят и что им нужно» (535).

Из дневника Бунина:

«Фельдман говорил речь каким-то крестьянским „депутатам“:
— Товарищи, скоро во всём свете будет власть Советов!
И вдруг голос из толпы депутатов:
— Сего не буде!
Фельдман яростно:
— Это почему?
— Жидив не хвате!»

Бунин приписал: «Ничего, не беспокойтесь: хватит Щепкиных (одесский комиссар народного просвещения из русских)».

И Буниных. Что же в эмиграции 33 года молчал? Писал рассказики и повестушки. Да по накалу дневника видно, он о революции мог бы такую книгу написать (541)… А не надо. Он и дневник лишь перед смертью опубликовал. И в дневнике этом на каждой странице хочется писать: «мало, мало, не так всё было, ещё хуже, ещё подлее». А он Нобелевскую премию за то, что написал то-то и то-то. За то, что НЕ НАПИСАЛ, вот за что ему премию дали.

515

← Предыдущее, следующее →

515. Примечание к № 487

Конечно, там понимали всё ничтожество этого субъекта (к цитате)

О таких, как Соловьёв, хорошо сказал некий Великий наместный мастер ложи Блистающей звезды. В речи от 31 мая 1784 года он подчёркивал, что следует отличать истинных каменщиков от «решеумов»:

«Решеум, — язвил Великий мастер, — есть единый неложный ценовщик всех достоинств и недостатков. Сей-то знанием своим и суемудрием своим надутый решеум приходит к вратам храма нашего и требует впущения быть в оный. Чего ищет он между нами? Премудрости ли? Ни мало нет, — ибо давно уже уверен, что имеет оную в высочайшей степени; он пришёл искать новой пищи для необузданной страсти своей учить всех с ним встречающихся; он надеется, что как скоро откроет уста свои и удостоит нас беседою своею, то все мы, усладившись его разговорами, обратимся к нему и он во всех делах наших учинится нашим прорицателем».

516

← Предыдущее, следующее →

516. Примечание к № 488

Идея, что он — в сущности такой хороший, добрый, неприспособленный к реальной жизни — общается с этими подонками. (к цитате)

Об обстановке в среде социал-демократической эмиграции можно судить по некоторым (ещё приглаженным) воспоминаниям Крупской. Например:

«Группа Алексинского ворвалась раз на заседание большевистской группы, собравшейся в кафе на авеню д'Орлеан. Алексинский с нахальным видом уселся за стол и стал требовать слова и, когда ему было отказано, свистнул. Пришедшие с ним вперёдовцы бросились на наших. Члены нашей группы Абрам Сковно и Исаак Кривой ринулись было в бой, но Николай Сапожков, страшный силач, схватил Абрама под одну мышку, Исаака — под другую, а опытный по части драк хозяин кафе потушил огонь. Драка не состоялась. Но долго после этого, чуть не всю ночь, бродил Ильич по улицам Парижа, а вернувшись домой, не мог заснуть до утра».

В это время Ленин писал Арманд:

«Ох, эти „делишки“, подобия дел, суррогаты дел, помеха делу, как я ненавижу суетню, хлопотню, делишки и как я с ними неразрывно и навсегда связан!! … Вообще я люблю свою профессию, а теперь я часто её почти ненавижу».

517

← Предыдущее, следующее →

517. Примечание к № 409

Чердынцев, написав свою книгу, испытывал удивительное чувство освобождения и сбывания своей мечты. (к цитате)

Кто я по сравнению с Набоковым, с Годуновым-Чердынцевым? — «Гадунов-Чадинцев». У него стройное, благородное детство — у меня хаотично разъятое, униженное, жалкое. У него светлая трагедия, гибель отца и потеря Родины, — у меня отец, умерший от рака мочевого пузыря, и низменное, ничтожное прозябание в десятистепенном государстве, в бессмысленной, раздувшейся с полпланеты замухрышечной Албании. У него юношеская любовь — у меня постыдная пустота. У него умная, любящая жена — у меня опять-таки ноль. Он гениальный писатель, я же ничтожество, «непризнанный гений». И все же сходство по миллионнолетней прямой. Я в «Даре» люблю свою несбывшуюся жизнь, прекрасную, удивительную сказку-быль.

Но извне всё дешифруется как огромная карикатура на «Дар» (608). Один из слоёв пародийного пространства «Бесконечного тупика» ориентирован именно на это произведение Набокова.

518

← Предыдущее, следующее →

518. Примечание к № 492

А возьмите генетика Н. К. Кольцова с его идеей выведения сверхэлиты из советских коммунистов. (к цитате)

Кольцов говорил в 20-х годах о необходимости поощрения размножения членов партии и ВЛКСМ как «наиболее биологически ценных элементов страны»:

«Если бы подсчитать среднее число детей, приходящихся на каждого члена ВКП(б), то, вероятно, цифра эта далеко не достигла бы той, которую Грубер (глава мюнхенской школы евгенистов. — О.) *выводит для групп населения, сохраняющих свою численность среди массы населения. Что сказали бы мы о коннозаводчике или скотоводе, который из года в год кастрирует своих наиболее ценных производителей, не допуская их до размножения?»*

Бывший приват-доцент Московского университета, конечно, зря кипятился. Тем, кому надо, размножение обеспечивали. Имели хлеб, мясо, сгущённое молоко, шоколад. Ещё в июне 1920 года был организован Евобщестком, то есть Еврейский общественный комитет помощи жертвам войны и погромов. Все нуждающиеся еврейские дети в числе 121 тысячи человек были взяты на учёт, во время голода 21 года еврейские колонии на Украине получали помощь и от международных еврейских организаций. В Поволжье же… Так что процент элиты очень быстро увеличивался. Николай Константинович зря беспокоился.

519

← Предыдущее, следующее →

519. Примечание к № 476

«ломаный аршин ницшеанского психопатизма» (Вл. Соловьёв) (к цитате)

Напомню, что это выражение принадлежит человеку, сказавшему уже в одном из первых своих сочинений:

«Что касается до анормальности, то в философии следовало бы быть очень осторожным с этим словом и никогда не забывать его чисто относительного значения».

520

← Предыдущее, следующее →

520. Примечание к № 513

За полтора столетия ни одна пушинка не упала на это сословие. (к цитате)

Нужно быть осторожным и коварным. Чрезвычайно осторожным и чрезвычайно коварным. При создании нового мифа надо сохранить от мифа старого всё, что возможно. Сок жизни должен пробиться в нежно привитые побеги. Ломать старый миф с корнем — безумие. Истина требует великодушия лжи. Профанная правда — крикливая, грубая — воспримется как худший вид неправды. Необходимо поступиться, и поступиться многим. На Пушкина не должна упасть ни одна пушинка. Читатель должен остаться в русском писательском мире, лишь постепенно, путём целой цепи умозаключений и сопоставлений, догадавшись о том, что живёт в ином космосе и смотрит сквозь него в себя совсем по-другому. Ещё Аристотель писал, что при изменении содержания правления следует как можно меньше изменять его форму, столь родную и привычную для большинства. Сменой флага и гимна всё должно кончаться, а не начинаться. Поэтому: «Да здравствует великий Пушкин!», «Слава русским писателям!»

521

← Предыдущее, следующее →

521. Примечание к № 505

«какое-нибудь „даже“ или „очень“ … вставлено таким образом, что безобидная фраза взрывается мятущейся радугой фейерверка» (В. Набоков) (к цитате)

Розанов весь построен на «даже». Вот его отношение к евреям, например. Ненависть и тут вдруг «даже» — и всё оборачивается величием. А во время апофеоза величия снова вылезает какое-нибудь очередное «даже» — лужа. Перед глазами «даже», а читаешь «лужа».

Есть такие темы деликатные. На них люди раскрываются больше, чем им бы хотелось. На таких-то темах человек и виден. Например, тема любви, эротики и секса.

Розанов писал:

«Всё ОЧЕРЧЕНО и ОКОНЧЕНО в человеке, кроме половых органов, которые кажутся около остального каким-то многоточием или неясностью…»

Действительно, везде человеческое тело — это плавные линии, гармония, и только в гениталиях природа как-то сбилась, заволновалась. И получилось какое-то «многоточие». «Многоточие». Как хорошо сказано! Многосмысленно. Многоточие как статика, как рисунок; многоточие и как динамика — эти органы проклятые, они всё время изменяются: увеличиваются, уменьшаются, изменяют окраску. Потом «многоточие» из-за скромности, стыдности, срама. Такие темы обозначают многоточием. И наконец, «многоточие» это неясность, загадка. Соединение самого низменного и самого возвышенного. Деликатная тема. Розановская. Как он владел ей! А ведь так легко сбиться. Несчастные русские на этом совсем свихнулись. И если в XIX веке «половой вопрос» в России был лишь более топорным вариантом общеевропейского «предфрейдистского» психоза, то во второй половине XX века это переросло в прямое глумление:

«Период полового созревания, начинаясь в подростковом возрасте, длится в среднем до 20–22 лет… До полного завершения периода половой зрелости, до окончательного наступления возмужалости воздержание абсолютно необходимо. Но и в последую-

щие годы оно не оказывает плохого влияния на организм. Большинство специалистов сходится на том, что молодым людям до 25–28 лет половое воздержание ни в малейшей степени не вредит. Для здорового молодого человека, занятого любимым трудом, имеющего разносторонние интересы, воздержание не составляет проблемы. Ему не нужно прилагать для этого никаких особых усилий. Он не борется с собой и не подавляет искушений — у него их нет, или, во всяком случае, они настолько мимолётны, что совершенно не отражаются на его состоянии. После 28–30 лет воздержание, может быть, и не физиологично, но это не значит ещё, что оно вредно… Не надо огорчаться, если после длительного воздержания потенция несколько снижается… Нет такой ситуации, в которой половая жизнь сама по себе диктовалась бы интересами здоровья… Примерно с 40 лет начинается снижение половой потенции. Не следует беспокоиться по этому поводу — это объективный физиологический процесс…»

(И т. д. из серии издевательских статей о половом воспитании в журнале «Здоровье» середины 60-х годов.)

О сексе в XIX веке Достоевский мог сказать, но боялся. А Набоков в XX сказал. Зато Набоков боялся говорить о евреях, о которых Достоевский всё же написал немного в «Дневнике писателя». Евреи — это тоже какая-то смешная и страшная тема. Какой-то народ-многоточие, народ-невидимка. Из всех русских об этой тоже предельной, тоже философской теме широко и ясно сказал только Василий Васильевич. Я поражаюсь, как он чувствовал её архетипичность, бессмысленную неохватную полярность.

В «Опавших листьях»:

«Вопрос „об еврее“ бесконечен… Какие „да!“ и „нет!“»

Но не оценили. Спасибо, что хоть розановскую эротику не замолчали. Каллаш (псевдоним «Курдюмов») писала в своей брошюре о Розанове:

«Перед розановской постановкой „проблемы пола“ всё, что на эту тему широкими и мутными ручьями разлилось по нашей беллетристике последнего периода перед революцией: у Андреева, Арцыбашева и у остальных, — сенсационная дешёвка и пошлость копеечных „дерзаний“, терпкая, одуряющая, которую глотали и пили, как мужики „самогонку“».

С «проблемой иудаизма», я думаю, посильнее будет. Пили сионистский одеколон и лак для ногтей.

522

← Предыдущее, следующее →

522. Примечание к № 494

Вот какая была обстановка. Круговая порука, страх. (к цитате)

Как только Достоевский поступил в инженерное училище и соприкоснулся с официальным механизмом русского государства, то сразу же столкнулся с откровенным взяточничеством и протекционизмом. Занимался Федя усердно, учился отлично, но, не имея руки и отказываясь давать взятки, ходил в середняках и троечниках.

Из письма отцу:

«Я гордился своим экзаменом, я экзаменовался ОТЛИЧНО, и что же? Меня оставили на другой год в классе. Боже мой! Чем я прогневал Тебя? Отчего не посылаешь Ты мне благодати своей?.. О скольких слёз мне это стоило. Со мной сделалось дурно, когда я услышал об этом. В 100 раз хуже меня экзаменовавшиеся прошли (ПО ПРОТЕКЦИИ). Что делать, видно, сам не прошибёшь дороги».

А как же, а ты как думал? Это, батенька, Россия. Брату написал Федя более откровенно о своих тогдашних чувствах:

«До сих пор я не знал, что значит оскорблённое самолюбие. Я бы краснел, ежели бы это чувство овладело мною… но знаешь? Хотелось бы раздавить весь мир за один раз…»

Вот и хорошо, вот и хорошо, петушочек. Через несколько месяцев в училище заварушечка-с, 5 человек — в солдаты. А Достоевский, совершенно безвинный, взят на подозрение. Спасла замкнутость, необщительность (всё один, с книгой). А то свернули бы шею ещё в 17 лет. Вот она, русская действительность. С одной стороны «сильненькие», а с другой — «коноводы». И это с детства. Жить хочешь, научишься и взятки давать (Достоевский в училище потом давал), и со шпаной революционной якшаться. А без этого — подыхай с голоду на улице. Трудно найти более страшное общественное устройство. Ужас в том, что русский человек всегда понимал его ужасность, всегда подчинялся через силу и с внутренним протестом.

523

← Предыдущее, следующее →

523. Примечание к № 472

Ясная, но совершенно необъяснимая рационально повторяемость тем живой природы (к цитате)

Мощь предсказаний Николая Данилевского в том, что он (а за ним его ученик Леонтьев) мыслил по аналогии. Его, учёного-ихтиолога, затронула (если и не захватила, как энтомолога Набокова) идея глубокой аналогичности всего сущего. Удивительное эстетическое совершенство раковин моллюсков или крылышек бабочек есть проявление некоторой космической ритмизации реальности. Человеческое искусство лишь помогает раскрытию эстетической идеи, присущей самой природе.

Другой вид ритма — оборачиваемость, издевательство — тоже выявляется до конца человеком, в человеческом обществе. «Реализм» русской литературы, даже пускай из-за своего реализма, является издевательством. Кажется, что романы Гоголя или Достоевского постепенно оживают, просачиваются в реальность, хотя это прежде всего просто эстетически совершенный узор повторов, проявление божественного искусства мимикрии. Ведь сами романы созданы по аналогии с реальной жизнью (то есть внутренней жизнью автора). «Успех» «Шинели» или «Записок из подполья», их предсказательность есть следствие превалирования фантазии над рассудочной дидактикой.

Отсюда, кстати, видны преимущества мышления по аналогии, которое оказывается более реалистичным и продуктивным, чем стилизованная под объективность дедукция из неполной индукции (для человека всегда смехотворно неполной, унизительно неполной). И чем сложнее изучаемый объект, тем естественнее опираться на ритм аналогий, а не на логический анализ. Логический анализ ещё возможен в начале игры и в эндшпиле. Но в середине партии главное — это уловить частоту сетки аналогий, попасть в её структуру. Это высшая форма человеческого мышления. Божественная. Вовсе не логика приближает к Богу, а эстетика мышления. Машина, псевдотворение разума, как раз в миттельшпиле и гибнет. У неё нет альтернативы логике, кроме метода проб и ошибок. Нет творчества.

Человек не может стать Творцом, так как не может создать

творящее творение. Человек конечен и, став Творцом, он окажется в положении твари к своему же творению. На него что-то оценивающе посмотрит из глубины того, что он создал. И якобы Бог окажется здесь абсолютным ничтожеством. Вершина оборачиваемости.

524

← Предыдущее, следующее →

524. Примечание к № 512

Так и остался в собственных же глазах сопливым романтиком, то есть дурачком. (к цитате)

«Записки из подполья»:

«У нас, русских, вообще говоря, никогда не было глупых надзвёздных немецких и особенно французских романтиков, на которых ничего не действует, хоть земля под ними трещи, хоть погибай вся Франция на баррикадах, — они всё те же, даже для приличия не изменятся и всё будут петь свои надзвёздные песни, так сказать, по гроб своей жизни, потому что они дураки. У нас же, в русской земле, нет дураков, что известно: тем-то мы и отличаемся от прочих немецких земель … свойства нашего романтика — ЭТО ВСЁ ПОНИМАТЬ, ВСЁ ВИДЕТЬ И ВИДЕТЬ ЧАСТО НЕСРАВНЕННО ЯСНЕЕ, ЧЕМ ВИДЯТ САМЫЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНЕЙШИЕ НАШИ УМЫ; ни с кем и ни с чем не примиряться, но в то же время ничем и не брезгать; всё обойти, всему уступить, со всеми поступить политично; постоянно не терять из виду полезную, практическую цель (какие-нибудь там казённые квартирки, пансиончики, звёздочки) — усматривать эту цель через все энтузиазмы и томики лирических стишков и в то же время „и прекрасное и высокое“ по гроб своей жизни в себе сохранить нерушимо… широкий человек наш романтик и первейший плут из всех наших плутов, уверяю вас в том… даже по опыту».

525

← Предыдущее, следующее →

525. Примечание к № 478

Но ведь Наполеон спас Францию. (к цитате)

Мережковский негодовал на Толстого, изобразившего Наполеона полнейшим духовным и интеллектуальным ничтожеством. У Толстого, по его мнению, получился даже не злой демон,

«а только сказочный слабоумец — обратный, злой Иванушка-дурачок, маленький, гаденький мерзавец, лакей-Наполеон, которого заставляет плясать и дёргаться, как бездушную марионетку на ниточке, „невидимая рука“».

Однако Толстой здесь не менее прав, чем Мережковский. В толстовской злобе к великому человеку сказалось природное русское неуважение личности. Не «маски» срывал Толстой — он срывал лица, превращал личность в кукольного болвана, что доставляло ему неизъяснимое наслаждение. А также — ощущение собственной мудрости (всё видит, всё знает). Отсюда и показной неинтерес русской литературы к жизни высших сословий, представление князей и графов как бритых и напудренных крестьян, крестьян ряженых и притворяющихся, лживых и глупых. Следовательно — бесполезных.

В обществе, осознающем себя столь извращённо, в конце концов и должен был появиться «обратный Наполеон». Толстой тут просто «зеркало русской революции».

526

← Предыдущее, следующее →

526. Примечание к № 510

И вдруг я понял, что никто не придёт и ничего не скажет. (к цитате)

И даже более того. Ну, например, скажет. Что же я смогу ответить? Ведь любовь с какими-то страшными вещами связана. Детский и взрослый мир перевёрнуты. Детский — это изучение неправильных энциклопедий, когда исподтишка интересуются разными такими вещами. А взрослый — официальный, чопорный — там ходят в чёрных костюмах и галстуках. Сидят за столом и разговаривают по телефонам или пишут, а вечером приходят домой, смотрят телевизор, а потом, прямо в костюме и галстуке, ложатся спать. А утром снова на работу. А в руке портфель. В портфеле же справки, документы: свидетельство о рождении, паспорт, комсомольский билет, конверт с фотографиями 3×4 и 4×6,5 с уголком и без, трудовая книжка, военный билет, форма № 286, профсоюзный билет, справка из жилуправления, свидетельство о смерти отца, свидетельство о восьмилетнем образовании, аттестат зрелости, комсомольская путёвка на завод, характеристики, рекомендации, заявления о приёме на работу, объяснительные записки, записная книжка с телефонами, анкеты и так далее, и так далее, и так далее. И документы-то всё нехорошие. В них есть тайный опасный смысл. Ну, а любовь как же? Это тоже надо как-то оформлять, регистрировать где-то. О браке я всегда думал почему-то, что меня обманут. Я подпишу страшную бумагу, и у меня всё отнимут — вещи, одежду, прописку. А потом скажут: «Что же, иди, мы же тебя не бьём».

Вообще любовь — это дикость, извращение. Вот я иду по улице с товарищем, разговариваю о серьёзном, и вдруг навстречу невесть откуда взявшаяся дворняжка. Мы на неё набрасываемся, раз-раз кирпичом (рядом лежал) по голове — и в портфель. А домой приходим и, молча глядя друг на друга, на кухне съедаем. В пальто даже. А из шкуры шьём себе шапки. И нам хорошо. Страшное это дело — «любовь».

Друзей у меня тоже не было, но это ощущалось как нечто частное, временное, так как в дружбе нет страшных вещей. Она

логична и последовательна.

Я очень культурный человек. А наша культура бесчеловечна. Умом я понимаю всю её глупость, но всё равно живу в ней. Тут своеобразная поэтика. Смотрю фильм. А там целуются. И только начинают целоваться, показывают лампочку, окно, а за окном дурак на гармошке играет и всё такое. Человек бескультурный, антисоциальный в таком мире здоров, на него не действует. А на способного к восприятию действует — взгляд его соскальзывает на лампочки и гармошки. Тоже воспитание. Собственно, я необычайно воспитанный. Я всегда всё понимал с полуслова и всерьёз. Всегда слушался, да не формально, а по сути. Очень наивно. Шизофреническое, бессмысленное ханжество стало моей сутью. Я это всё всерьёз воспринял. Я максимально советский человек, и именно советский человек определённой эпохи. Мне сказали: надень пиджачок и иди (539). И я пошёл, пошёл. По горам, по болотам и пустыням. В пиджаке, с портфелем в руке и «Комсомольской правдой» в кармане. Про любовь же мне ничего не сказали (560). Отец сказал: «Учи уроки». А на уроке сказали только: «Будешь анкету заполнять, так там вторая графа „пол“. Напишешь „муж“».

Отец покупал бормотуху и, помню, радовался: «экономия». И через четыре года на пятый умер (561). Умер как раз от болезни, которую вызывал этот суррогат. Отец был неглуп, но у него была русская мыслишка: «Раз продают, значит безопасно. Не будут же они…» — Будут (573). В том-то и дело, папочка, что будут. И меня, и я попал — сексуальным денатуратом опоили. Это не есть люди.

527

← Предыдущее, следующее →

527. Примечание к № 509
«яхад алай йит’лахашу кол-сон’ай, алай ях’шебу раа ли…» (Вл.Соловьёв) (к цитате)

Ылкырмн’ы чткрум орол, кынымны ы-р-р-р ктоп. Кэпэбэ курултай жонсорынг тыырд кылбансон. Карл марк’с алай й-йех-х чимбыртарлы утырдом казах. Урус секим башка кыркыркырлыр-дырлоп шебу. Кол-сон’ай ком-сом’-ол яхад хазар-каганат.

528

← Предыдущее, следующее →

528. Примечание к № 467

Мысль его дважды обернулась, совершила полный круг и всё. Сама по себе, вне своей динамики, она, как и все другие розановские мнения, значения не имеет. Круг. Стиль. (к цитате)

Всё-таки нельзя не признать. Кое в чём «Капитал» очень русская книга. Книга, этой своей русскостью русских и вправду заворожившая.

Сергей Булгаков писал о Марксе:

«Его гегельянство не идёт дальше словесной имитации своеобразному гегелевскому стилю, которая многим там импонирует, и нескольких совершенно случайных цитат из него… Прежде всего „под Гегеля“ написана — на страх начинающим читателям — глава о форме ценности в I томе „Капитала“. Но и сам Маркс признался впоследствии, что здесь он „кокетничал“ подражанием Гегелю, а мы ещё прибавим, что и совершенно напрасно он это делал. При скудной вообще идейной содержательности этой главы, в сущности лишней для изложения экономической системы „Капитала“, эта преднамеренная напыщенность скорее заставляет усомниться в литературном вкусе автора, нежели поверить на этом основании, что автор духовно близок к Гегелю или является серьёзным его знатоком».

Тут у Булгакова явное противоречие. «Преднамеренная напыщенность» показывает, что Маркс, наоборот, обладал определённым литературным вкусом, что ему и позволило стилизовать своё «творение» под совершенно неведомого Гегеля.

Далее Булгаков писал:

«Говорится … будто Маркса сближает с Гегелем пресловутый „диалектический метод“. Сам Маркс по этому поводу писал, что „мой диалектический метод в своём основании не только отличается от гегелевского, но составляет и прямую его противоположность“. Мы же держимся того мнения, что одно не имеет к другому просто никакого отношения, подобно тому, как градус на шкале термометра не „составляет полную противоположность“ градусу на географической карте, а просто не имеет с ним ничего общего, кроме имени. „Диалектический метод“ у Гегеля

на самом деле есть диалектическое развитие понятия, то есть прежде всего вовсе не является методом в обычном смысле слова, или способом исследования или доказательства истин, но есть образ внутреннего самораскрытия понятия, самое бытие этого понятия, существующего в движении и движущегося в противоречиях. У Маркса же вовсе нет никакого особого диалектического метода, который он сам его у себя предполагает, притом иного, чем у Гегеля. Если же предположить, что он понимает его в смысле одного из логических методов, т. е. способа исследования, нахождения научных истин, то такого метода в распоряжении индуктивных, опытных наук вообще не существует. То, что Маркс ошибочно назвал у себя методом, на самом деле была лишь манера ИЗЛОЖЕНИЯ его выводов в форме диалектических противоречий, манера письма „под Гегеля“ … Особый „диалектический метод“ у Маркса есть во всяком случае чистое недоразумение…»

Но это недоразумение философское или логическое, но не филологическое, не стилистическое. У Шерлока Холмса был «дедуктивный метод». А почему, собственно, дедуктивный? Почему, например, не «индуктивный»? Но для поэтики детектива это совсем не важно. Писатель пишет по своему «детективному методу».

Русских очаровал, показался близким и понятным не философ Маркс, а образ философа, столь элементарно и поэтому соблазнительно им создаваемый. Именно несоответствие между подлинной сущностью (нахватавшийся вершков дилетант) и образом Маркса (провидец, обладающий удивительным научным методом — магической тайной) и привлекло, конечно, неосознанно. То есть диалектика как кожаная обивка кресел в кабинете у дорогого адвоката или врача. Стиль. Стиль серьёзности, стиль УМА. Диалектика «по Марксу» наиболее соответствовала русской мечте «естественного и надёжного умничания». Даже — таящейся в последнем рязанском мужичке «хитрости». Какое же иное назначение у постоянно повторяющейся темы «диалектической спирали» в IV главе набоковского «Дара»?

«Из давно пробежавшего параграфа подберём концы строк … или нет, — вернёмся, пожалуй, ещё дальше назад, к „теме слёз“, начавшей своё обращение на первых страницах нашего таинственно вращающегося рассказа».

Или:

«Описав большой круг, вобрав многое, касавшееся отношения Чернышевского к разным отраслям познания, но все же ни на минуту не портя плавной кривой, мы теперь с новыми силами верну-

лись к его эстетике. Пора теперь подвести ей итог».

Или:

«Мотивы жизни Чернышевского теперь мне послушны, — темы я приручил, они привыкли к моему перу; с улыбкой даю им удалиться: развиваясь, они лишь описывают круг, как бумеранг или сокол, чтобы затем снова вернуться к моей руке; и даже если иная уносится далеко, за горизонт моей страницы, я спокоен: она прилетит назад, как вот эта прилетела».

Но ведь это стилизация. Выдавание за преимущество как раз своих слабых сторон. Набоков и не мог писать прямо, без «таинственного вращения» текста. Приручение тем есть лишь мудрое смирение перед их неизбежным вращением в русском мозгу. Владимир Владимирович иронизировал над Чернышевским, который:

«Стал оперировать соблазнительной гегелевской триадой, давая такие примеры, как: газообразность мира — тезис, а мягкость мозга — синтез».

Но тут же, на этой же странице Набоков, «чтобы не было так скучно», перевёл цитату из сочинения Маркса СТИХАМИ и, сострив таким образом, лишь показал суть и своего собственного отношения к там называемой «диалектике».

Вообще, «диалектика» — это форма стилизации свойственного для художника соединения несоединимого как имеющего интеллектуальное оправдание.

529

← Предыдущее, следующее →

529. Примечание к № 476
В Соловьёве явно кто-то наклёвывался. (к цитате)

У Е. Трубецкого на 294 странице II тома его фундаментального «Миросозерцания Вл. С. Соловьёва» есть ма-ахонькое, в три строчки, примечание:

«Нетрудно заметить, что эта книга антихриста (в „Трёх разговорах“. — О.) — *поразительно схожая пародия на философские построения самого Соловьёва. Это план философии Соловьёва, но без Христа».*

Крайне странно, что столь важная мысль вынесена Трубецким в примечание и, в сущности, потом заброшена, не продумана. А ведь подобная аналогия должна иметь для подлинного понимания Соловьёва характер ключевой. Как это?! Соловьёв под конец своей жизни чуть ли не впрямую обвиняет все свои предыдущие «построения» в вещи, с точки зрения самого Трубецкого, чудовищной. Настолько чудовищной, что тут уж ни о каком дальнейшем развитии подобной системы и речи быть не может. Такие «системы» надо посыпать хлорной известью. А тут примечание в три строчки. Да эти три строчки оба тома перевешивают, переворачивают. И зачем Соловьёву понадобилась такая пародия? Да и есть ли это только пародия?

Остановимся на её содержании. В «Трёх разговорах» Антихрист после встречи с дьяволом пишет книгу, которая «покажет в нём небывалую силу гения»:

«(Это) будет что-то всеобъемлющее и примиряющее все противоречия. Здесь соединятся благородная почтительность к древним преданиям и символам с широким и смелым радикализмом общественно-политических требований и указаний, неограниченная свобода мысли с глубочайшим пониманием мистического, безусловный индивидуализм с горячею преданностью общему благу, самый возвышенный идеализм руководящих начал с полною определённостью и жизненностью практических решений. И всё это будет соединено и связано с таким гениальным художеством, что всякому одностороннему мыслителю или деятелю легко будет видеть и принять целое лишь под своим частным наличным углом

зрения, ничем не жертвуя для самой истины, не возвышаясь для неё действительно над своим „я“, нисколько не отказываясь на деле от своей односторонности, ни в чём не исправляя ошибочности своих взглядов и стремлений, ничем не восполняя их недостатков … Никто не будет возражать на эту книгу, она покажется каждому откровением всецелой правды … всякий скажет: „Вот оно, то самое, что нам нужно; вот идеал, который не есть утопия, вот замысел, который не есть химера“. И чудный писатель не только увлечёт всех, но он будет всякому приятен, так что исполнится слово Христово: „Я пришёл во имя Отца, и не принимаете меня, придёт другой во имя своё, — того примете“. Ведь для того, чтобы быть принятым, надо быть приятным. Правда, некоторые благочестивые люди, горячо восхваляя эту книгу, станут задавать только вопрос, почему в ней ни разу не упомянуто о Христе, но другие христиане возразят: „И слава Богу! — довольно уже в прошлые века всё священное было затаскано всякими непризнанными ревнителями, и теперь глубокорелигиозный писатель должен быть очень осторожен. И раз содержание книги проникнуто интуитивно-христианским духом деятельной любви и всеобъемлющего благоволения, то что же вам ещё“. И с этим все согласятся».

Ассоциации тут у читателей, знакомых с основными идеями «философии всеединства», возникают совершенно однозначные. Соловьёв этого не мог не понимать.

Но в какой степени искренне его «покаяние»? Конечно, в очень незначительной. (Насколько вообще Соловьёв может быть искренним?) Тут всё то же истерическое подглядывание одним глазком сквозь дрожащее веко: кто бросится за водой, кто ласково склонится, обнажая грудь под глубоким вырезом. И всегда переигрывает из-за раздвоения амплуа — уж очень сильно веко-то дрожит.

И другое. В «Трёх разговорах» Соловьёв решил «под занавес» сыграть самого себя (592), переиграть самого себя. Вышло похоже, да не в ту сторону. Если Антихрист — это пародия на Христа, как пишет Соловьёв, «„хищением“, а не духовным подвигом добывающий себе достоинство Сына Божия», то, таким образом, пародирование Антихристом соловьёвской теософии ставит самого Соловьёва на место Христа. То есть, исходя из его же учения, на место Антихриста. Либо Антихрист в «Трёх разговорах» — пародия на учение Соловьёва в смысле разоблачения соловьёвства, либо это пародия на Христа, и тогда опять же соловьёвство является пародией. Постановка себя в центр повествования как персонажа, как «образа образа», Соловьёва приве-

ла к его подозрительному оживлению и объяснению. «Три разговора» — единственное философское произведение Соловьёва, написанное в литературной и наполовину диалогической форме. И эта субъективация привела нашего философа к окончательному саморазоблачению. Нельзя без понимающей улыбки читать, как будущий Антихрист:

«Был ещё юн, но благодаря своей высокой гениальности к 33 годам широко прославился как великий мыслитель, писатель и общественный деятель (в др. месте „великий спиритуалист, аскет и филантроп". — О.)».

А с другой стороны, по мере чтения улыбка начинает постепенно исчезать. Возникают чувства другие:

«Во всём, что писал и говорил „грядущий человек", были признаки совершенно исключительного, напряжённого самолюбия и сомнения при отсутствии истинной простоты, прямоты и сердечности».

«В добро, Бога, Мессию он ВЕРИЛ, но ЛЮБИЛ он только ОДНОГО СЕБЯ. Он верил в Бога, но в глубине души невольно и безотчётно предпочитал Ему себя».

Здесь уместно процитировать следующее место из одной рукописи Соловьёва:

«Учение Бёме и Сведенборга суть полное и высшее теософическое выражение старого христианства. Положительная философия Шеллинга есть первый зародыш, слабый и несовершенный, нового христианства, или вселенской религии Вечного Завета.
Каббала и неоплатонизм.
Бёме и Сведенборг.
Шеллинг и я.
Неоплатонизм — Каббала — Закон (Ветхий Завет)
Бёме — Сведенборг — Евангелие (Новый Завет)
Шеллинг — я — Свобода (Вечный Завет)».

Христианство тут кончается на «я», на Соловьёве.
(Антихрист из «Трёх разговоров» говорит:

«Христос пришёл раньше меня, я являюсь вторым; но ведь то, что в порядке времени является после, то по существу первее. Я прихожу последним в конце истории именно потому, что я совершенный, окончательный спаситель. Тот Христос — мой предтеча. Его призвание было — предварить и подготовить моё явление».)

Набоков начинает гениальную «чернышевскую» главу «Дара» с описания внешности маленького Коли, бывшего очень краси-

вым, скромным, ангелоподобным мальчиком. После этого Набоков пишет:

«*Тут автор* (альтер эго настоящего автора. — О.) *заметил, что в некоторых, уже сочинённых строках продолжается, помимо него, брожение, рост, набухание горошинки, — или, определённее: в той или иной точке намечается дальнейший путь данной темы … (Тема „ангельской ясности“) в дальнейшем развивается так: Христос умер за человечество, ибо любил человечество, которое я тоже люблю, за которое умру тоже. „Будь вторым Спасителем“, советует ему лучший друг, — и как он вспыхивает, робкий! слабый! … Но „Святой Дух“ надобно заменить „здравым Смыслом“. Ведь бедность порождает порок; ведь Христу следовало сперва каждого обуть и увенчать цветами, а уж потом проповедовать нравственность. Христос второй прежде всего покончит с нуждой вещественной (тут поможет изобретённая нами машина).* (Чернышевский пытался изобрести вечный двигатель. — О.) *И странно сказать, но… что-то сбылось, — да, что-то как будто сбылось. Биографы размечают евангельскими вехами его тернистый путь (известно, что чем левее комментатор, тем питает большую слабость к выражениям вроде „Голгофа революции“). Страсти Чернышевского начались, когда он достиг Христова возраста. Вот, в роли Иуды, — Всеволод Костомаров; вот, в роли Петра — знаменитый поэт, уклонившийся от свидания с узником. Толстый Герцен, в Лондоне сидючи, именует позорный столб „товарищем Креста“. И в некрасовском стихотворении — опять о Распятии, о том, что Чернышевский послан был „рабам (царям) земли напомнить о Христе“. Наконец, когда он совсем умер, и тело его обмывали, одному из его близких эта худоба, эта крутизна рёбер, тёмная бледность кожи и длинные пальцы ног, смутно напомнили „Снятие с Креста“, Рембрандта, что ли. Но и на этом тема не кончается: есть ещё посмертное надругание, без коего никакая святая жизнь не совершенна. Так, серебряный венок с надписью на ленте „Апостолу правды от высших учебных заведений города Харькова“ был спустя пять лет выкраден из железной часовни, причём беспечный святотатец, разбив тёмно-красное стекло, нацарапал осколком на раме имя своё и дату*».

А ведь и в Соловьёве «что-то как будто сбылось». Что такое его книги? — Бред. А что-то получилось, замысел получился. Да, не совсем, не так, как у Чернышевского даже, но всё же… И тут не только «стихия», как в первом случае, тут элемент субъективного выбора силён.

Соловьёв принял православие, католичество, вступил в ма-

сонскую ложу. Ездил по Европе, стал там широко известен (первый из русских философов). Собственно говоря, основал русскую философию, придал ей определённое направление и окраску. Имидж. Что-то удалось. И он действовал по плану. Была, пускай и размытая, сверхзадача. Он чувствовал слабинку, и чувствовал правильно. В виварии есть репрезентативная крыса. Самая чуткая, самая вёрткая. На ней проверяют герметичность клеток. Следят не за тысячей других, а только за ней одной. Раз эта, предположим, № 46, пропала, значит, где-то дыра. Каждое утро не всех пересчитывают, а только смотрят, на месте ли № 46. Соловьёв ПРОГОВАРИВАЛСЯ. Хотя и сам толком не знал, о чём.

Е. Трубецкой вспоминал о своём друге:

«Он неоднократно высказывал мысль, впоследствии выраженную в „Трёх разговорах“, что организация антихристова царства будет делом БРАТСТВА ФРАНКМАСОНОВ… В ответ на возражение друзей, что современные франкмасоны не годятся в предтечи антихристу вследствие своего крайнего и поверхностного рационализма, Соловьёв приводил известный текст Апокалипсиса о звере, выходящем из моря. — „…Одна из голов его как бы смертельно ранена, но сия смертельная рана исцелела…“ По его толкованию, „рана“ означает изъян в умственном кругозоре современных отрицателей Христа, их органическую неспособность понять что-либо таинственное, мистическое. В наши дни „тайна беззакония“ не может совершиться, как раз благодаря этому НЕПОНИМАНИЮ ТАЙНЫ: дело антихриста парализовано именно тем, что миросозерцание его последователей — одна сплошная РАНА, ДЫРА В ГОЛОВЕ. Но в конце веков эта рана исцелится; облечённый мистической силою антихрист будет магически действовать на человечество, и тогда только поклонится ему вся ЗЕМЛЯ, пленённая и околдованная его сверхъестественными чарами».

Собственно в этом и заключалась задача философии Соловьёва, соединяющего рационалистические бредни Огюста Конта с православной иконописью. Как писал Владимир Сергеевич в предисловии к «Критике отвлечённых начал»,

«Этим образуется система истинного знания, или свободной теософии, основанной на мистическом знании вещей божественных, которые она посредством рационального мышления связывает с эмпирическим познанием вещей природных, представляя таким образом всесторонний синтез теологии, рациональной философии и положительной науки».

Но не получилось. Соловьёв убежал из клетки через дыру собственной головы.

Отсюда и значение «Трёх разговоров». Всё-таки это и стыдливое раскаяние. Не случайно незадолго до смерти Соловьёв сказал, что:

«С нарастанием жизненного опыта, безо всякой перемены в существе своих убеждений, я всё более и более сомневался в исполнимости и полезности тех внешних замыслов, которым были отданы мои так называемые „лучшие годы“».

По сути это раскаяние. Почти раскаяние. Не покаяние — ибо всё это не открыто и ничто в Соловьёве до самой его смерти не изменилось и измениться не могло, так как само раскаяние, пародийное и косое, и должно было завершить программу. Скорее не покаяние, а духовное банкротство, опустошение. «Был, да весь вышел». Но Россия странная страна. Соловьёв именно из-за своей мёртвости, мёртвоголовости, оказался очень живым, слишком живым (593). Из него энергия так и шла. До сего дня лучи соловьёвства дожигают что-то «под занавес».

Количественным символом банкротства Соловьёва, пустоты является постоянная неоконченность его вещей (733). Может быть, только «Три разговора» и окончены. И то в предисловии сказано, что это «наглядная и общедоступная» популяризация некой новой метафизической системы, которая, конечно, так и не была создана.

530

← Предыдущее, следующее →

530. Примечание к № 494

Не только избивали и доводили до сумасшествия и самоубийства, а резали. (к цитате)

Сейчас уже трудно представить себе обстановку, царившую в стране. Вот из письма экзарха православной церкви в Грузии Павла:

«Негодяй мальчишка … уволенный из семинарии по прошению … убил … отца ректора, протоиерея Павла Ивановича Чудиецкого … самым зверским образом … негодяй вонзил кинжал сначала в пах, а потом в живот, и, перевернув кинжал, изрезал кишки, и когда смертельно раненный ректор закричал и побежал, он бросился за ним, поранил кинжалом руку жены ректора, старавшейся удержать злодея и взявшейся за кинжал, настиг вновь свою жертву и нанёс новую жестокую рану, в шею… Преступник 19-ти лет и очевидно подкуплен здешними коноводами социализма и грузинофильства, хорошо понявшими, что замечательно умный и энергичный ректор, начинавший с корнем вырывать зло из семинарии, — опаснейший их враг, и порешившим избавиться от него».

Дело здесь идёт не об одиночке-маньяке. Не-ет, тут определённая СРЕДА, определённая АТМОСФЕРА:

«Из учеников едва ли и половина возмущена преступлением, на многих лицах написано злорадство или совершенное безучастие. Грузинская интеллигенция всячески старается обелить негодяя-убийцу, придумывая самые нелепые оправдания злодеянию. Обвиняют покойного в грубости, в жестокости, к которой он по своему характеру был неспособен: русские наставники готовы были обвинять его в излишней мягкости, чуть не в потворстве ученикам».

(Протоиерей Павел ещё некоторое время сохранял сознание и перед смертью простил своего убийцу. На похоронах же присутствующие были поражены выражением его лица: «мирным, покойным, озарённым самою доброю улыбкою».)

«Русские наставники деморализованы; грузины-наставники смотрят зверями… Ученики с наглостью, с видом победителя-три-

умфатора, смотрят на русских наставников и страстно желают немедленных испытаний (экзаменов. — О.)*, надеясь, что наставники не осмелятся оценивать слабые ответы их дурными баллами».*

То есть это быт, естественное, не выходящее из ряда вон событие, вполне увязываемое в головах учеников с экзаменами и шпаргалками. Да, грузинский семинарист это марка!

Тут, конечно, можно сказать: ну да, факт жутчайший и характерный. Особенно если учесть, что произошло это в 1886 году, то есть когда, согласно официальной версии, царила тишь да гладь да божья благодать. «Спад», «застой революционного движения», «глухая реакция», «эпоха безвременья». Времечко, однако, было довольно боевое, интересное. Следует также учесть, что убийцу прикрыли и спасли от неминуемой виселицы. Но, даже учитывая все это, есть и зацепка: «Вот ещё автор взял — Грузию. Это Азия, народ дикий. Да и во многом на национальной почве это. Нетипично».

Ладно. Вот другой пример: в 1878 году в Киеве студенты пустили камнем в ректора Матвеева, отчего тот вскоре скончался.

Экзарх Грузии писал цитируемое выше письмо обер-прокурору Святейшего синода Победоносцеву. В письме говорилось, что и самому автору угрожали убийством. В связи с этим там содержалась частная просьба:

«На случай насильственной смерти моей, прошу вас … узнать наиболее беспомощных моих родных и оказать им помощь… На Вас, а не на другого кого-либо в этом случае моя надежда».

Однако Победоносцеву впору было устраивать СВОИХ родственников. Вот отрывок из письма уже самого Константина Петровича, которое он написал царю:

«Сегодня, часу в третьем, доложили мне, что пришёл какой-то молодой человек на костылях, называет себя учеником псковской духовной семинарии и желает меня видеть… Я вышел к посетителю на лестницу, отворил дверь и стал спрашивать, какая ему нужда до меня. А он, закричав диким голосом „вот он“, бросил с шумом свои костыли и бросился на меня с кулаками; в одном кулаке был у него раскрытый нож (небольшого размера, какие делаются со штопором)».

Ну, это уже, конечно, по-русски, послабей. На костылях, перочинным ножиком. Да и Константин Петрович не лыком шит, отскочил и дверь закрыл. Интересно, что подонку было 19 лет. (Посылали несовершеннолетних, так как можно было через блатарей-адвокатов спасти от смертной казни.) Впрочем, в Победо-

носцева и стреляли (Лаговский из самарского кружка).

Письмо адресовалось Александру III. Сыну убитого царя и отцу казнённого. А ему куда писать было? Господу Богу? Сказал однажды Победоносцеву:

«Что ожидает нас впереди? Так ОТЧАЯННО тяжело бывает по временам, что если бы я не верил в Бога и в его неограниченную милость, конечно, не оставалось бы ничего другого, как пустить себе пулю в лоб. Но я не малодушен, а главное, верю в Бога и верю, что настанут наконец счастливые дни и для нашей дорогой России».

(Раз уж речь зашла, ещё из письма Победоносцеву:

«Пусть меня ругают и после моей смерти будут ещё ругать, но, может быть, и наступит тот день, наконец, когда и добром помянут».)

И опять тут закавыка, опять можно сказать: «Это всё художество, „филология“. Это можно фактики-то отдельные выстроить. Не так было. Была группа мечтателей-бомбометателей, горстка, и они море зажечь хотели. И их перевешали. А чтобы иллюзия массовидности была, прицеплена Грузия. Но в середине-то всё же тихо было, в провинции-то русской. Люди и не знали, как и что. По газетам разве». Это важный момент переворачивания, и поэтому я всё же приведу ещё ряд примеров, хотя это стилистически не совсем верно, так как «Бесконечный тупик» вовсе не является историческим исследованием. Но тут очень важно, и я ещё приведу.

Вот обстановка в провинциальной русской гимназии. Из письма директора гимназии Д. Щеглова обер-прокурору, 1887 г.:

«В Новочеркасске, в течение 25 лет, директором был самый благоразумный человек, едва ли не в целой России, г. Робуш, еврей по происхождению, как говорят. Это было от начала пятидесятых до конца семидесятых годов, во всё время самого горячего прогресса. При нём открыто в классах преподавалось безбожие, он этого, как будто, не знал. В общей ученической квартире жили какие-то посторонние агитаторы, приносившие туда заграничные революционные издания, как „Вперёд“, „Набат“ и т. п. И этого он не видел, и даже преследовал учителя г. Полякова, который вскрыл это дело. О самом г. Робуше рассказывают чудовищные вещи: бывши учителем — секретно, за деньги лечил учеников от сифилиса (что совершенно верно, подтверждено следствием), женился на протеже наказного атамана, известного развратника Хомутова, открыто брал взятки и пр. И всё в гимназии было благополучно. И сам г. Робуш благоденствовал, хотя граф

Д. А. Толстой, бывши на ревизии в Новочеркасске, разузнал кое-что, убедился в его плутнях, публично высказывал это; но скоро после этого сам должен был выйти в отставку в начале 1880 года. — Г. Робуш также в это время оставил службу в гимназии и получил место директора училища в том же городе. Преемник его получил инструкцию исправить гимназию, которая в этом очень нуждалась. Ученики пьянствовали, буянили, наводили страх на соседей, на городских дам и предавались либерализму… Но в квартиру его полетели камни, два раза в его окно стреляли, и через полтора года он был переведён в другой город. Следующий преемник г. Робуша продолжил исправление гимназии; в него опять полетели камни; не раз стёкла были у него выбиты; сам он был подвергнут побоям через нанятых казаков, и через полтора года был переведён в другой город».

(Обратите внимание на методы устрашения. Убивали десятки, сотни. Тысячи, десятки тысяч просто калечили, избивали, запугивали. Это общий уголовный фон, вполне сообразный, а вовсе не контрастирующий убийствам. Да и грань между терактом и элементарным хулиганством размыта, развёрнута десятком соподчинённых ступеней.)

«Третьим преемником г. Робуша был я … для меня камни и выстрелы найдены были недостаточными: мою квартиру взорвали; от взрыва треснула каменная стена, разбились стёкла… Жена моя после этого имела два последовательные выкидыша и около 10 месяцев лежала в постели. Приехал жандармский офицер и открыл, что взрыв произведён учениками под влиянием социально-революционной партии… В то же время близ Новочеркасска в каменноугольных копях пропало больше 100 патронов динамита и несколько пудов пороха. А жена моя, в это время, лежала в постели после выкидыша. Моё положение с пятью малолетними детьми было весьма тяжёлое. Я получал угрожающие письма, что моя квартира будет ещё взорвана уже не порохом, а динамитом».

Щеглов кинулся по инстанциям: помогите, что делается-то! Ему сделали пятый угол, объявили клеветником, уволили. А через год в Новочеркасске нашли склад террористов с динамитными патронами. А ещё через год поймали воспитанника Новочеркасской гимназии, покушавшегося на Александра III (соратник Александра Ульянова). Хулиганские действия Щеглова были вынуждены нейтрализовывать серьёзные люди:

«Упрёк в подозрительности сделан мне князем Волконским, после того, как сам он после взрыва приезжал делать ревизию в Но-

вочеркасске … Его ревизия имела тот результат, что кроме меня ещё один директор Новочеркасской гимназии, мой предшественник, переведённый перед тем в другую гимназию, также должен был подать в отставку, а наш общий предшественник — г. Робуш, который в течение 25 лет развращал гимназию, — награждён орденом Анны 1-ой степени; награда чрезвычайно редкая для лиц, занимающих директорские места. Комментарии тут излишни».

Чудак устроился директором другой гимназии… в Одессе!!! Там с «ломовым» и церемониться не стали. По-европейски позвонили по телефону, а на другом конце провода начальник учебного округа понимающе прыснул в трубку.

А вот снова письмо самого Победоносцева. Александру III:

«В Воронеже у нас случилось печальное событие в семинарии … в 1879 году подложили порох в печку к инспектору и взорвали печь в его квартире … Теперь, 7 мая (1881 года. — О.)*, произошёл новый взрыв. Взорвали печь в квартире ректора. По счастью, он не был дома, иначе был бы убит. Вслед за тем ночью появились внутри семинарии наклеенные печатные прокламации о том, что принято решение действовать энергически к уничтожению врагов… Оказалось в числе семинаристов до 10 человек опасных, которые ходили с револьверами. Начальство потеряло голову и не знает, что делать без помощи от властей. А местные власти стали уклоняться».*

А вот снова Грузия. Победоносцев пишет царю:

«Получил телеграмму с известием из Озургета о новой выходке 18-летнего негодного ученика тамошнего духовного училища, исключённого за дурнее поведение. Он напал на смотрителя училища и избил его до крови палкою по голове».

Эти примеры можно продолжать до бесконечности. И ведь Победоносцев по роду деятельности имел дело преимущественно с духовными, то есть гораздо более спокойными и лояльными, учебными заведениями. В семинариях ещё жить и жить. И в гимназиях ещё ничего. В случае чего попадёшь — ну, пряжками изобьют, и всё — дети. А вот в университетах… И тут, обратите внимание, всё про репрессии по отношению к преподавательскому составу, «начальству». А что же однокашники?! Те перед нечаевыми на цырлах бегали, папиросы набивали.

Не отдельные террористические акты, а мутная волна всеобщего насилия и нетерпимости, захлестнувшая целое поколение. Уголовная психология. И вздымается чёрным нарывом, набухает Измена. Фактически уже после смерти Николая I в стране насту-

пило двоевластие. Народовольчество — это крохотная веточка общего замысла. Да иначе и быть не могло. Такие вещи, как Октябрь 17-го десятилетиями готовятся. А то что это: оторвали листок календаря и в другой мир попали. Наоборот всё. Мир-то новый уже создан был, и его, в конце концов, только какой-то листок ненужный загораживал. Его, походя, скомкали, оторвали, как бирку на новой шапке.

← Предыдущее, следующее →

531. Примечание к № 425

Ведь Соловьёв был потомком самого Сковороды. (к цитате)

Со стороны деда по материнской линии. А со стороны бабки Соловьёв происходил из польского рода Бржеских. Вообще внешне он больше напоминал не отца, а мать. Так же смугл и черноволос. За восточную внешность его называли «печенегом». Но, учитывая уровень евреизации Украины и Польши, можно было бы подыскать и более адекватное прозвище.

Однажды Соловьёв написал Страхову письмо, в котором обрушился на книгу Данилевского «Россия и Европа». По его мнению:

«Эта невинная книга, составлявшая прежде лишь предмет непонятной слабости Николая Николаевича Страхова, становится специальным кораном всех мерзавцев и глупцов, хотящих погубить Россию и уготовить путь грядущему антихристу».

И далее Соловьёв в письме замечает:

«А кстати: как объяснить по теории Данилевского, что наша с Вами общая чисто русская (ибо поповская) национальная культура не мешает Вам быть китайцем (намёк на увлечение Страхова буддизмом, впрочем „шопенгауэризированным“.— О.)*, а мне — евреем».*

ЧИСТО русская…

Теократией Соловьёва все были возмущены. Как и Толстой, он в минуту всеобщего внимания, всеобщей любви сказал явно не то. Оскорбил просто всех. Многие стали с ним спорить. Но не надо было. Сейчас видно — не умели тогда полемизировать в России. Был нужен только один маленький ход: «Соловьёв — еврей». И не как обличение (это просто глупость), а как комплимент, как похвала. Чтобы пошло в самую широкую печать: «На трибуну вышел Владимир Соловьёв с его благородным лицом еврейского пророка. На его красивом семитском лице было написано…» И всё. «Партия». Докажет своё арийское происхождение — тут другой ход: «Антисемитская выходка Соловьёва». Впрочем, в этой ситуации уже много вариантов. Ситуация ясна, как дальше действовать. Это и тогда бы сообразили.

А на первый ход не нашлось мастера.

532

← Предыдущее, следующее →

532. Примечание к № 465
А кто ведь я? — Дворянин из барака. (к цитате)

Вся моя биопрограмма, моя изначальная установка рассчитана на избранность, элитарность. Хочу я этого или не хочу, морально это или не морально, трагично или комично — это другой вопрос. Важно, что это так и изменить уже ничего нельзя.

Я думал: ну, а кем бы я был в сообразной себе роли и эпохе? Да вот, у Алексея Толстого опять слайд ярчайший:

«Его род — не древний, от опричнины. Предок его, насурьмлённый, нарумяненный, валялся в походных шатрах, на персидских подушках: был воеводой в сторожевом полку. От великой нежности ходил щепетной походкой, гремел серьгами, кольцами. Любил слушать богословские споры, — зазывал в шатёр попов, монахов, изуверов. Слушая, разгорался яростью, таскал за волосья святых отцов, скликал дудочников и скоморохов, — и начинался пир, крики, пляски. Тащили в круг пленного татарина, сдирали с него кожу. Прогуляв ночь, кидался он из шатра на аргамака, — как был — в шёлковой рубашке, в сафьяновых сапожках, — и летел впереди полка в дикую степь, завизжав, кидался в сечу».

Но это, конечно, «преданья старины глубокой». А вот перемещение в более близкое время:

«Такой, да не совсем такой, его потомок, Михаил Михайлович. Неистовый, но немощный и даже тихий. Вырос в Царскосельском дворце девственником, а выйдя из корпуса в полк, кинулся в такой разврат, что всех удивил, многие стали им брезговать. Затем, так же неожиданно, вызвался в Москву на усмирение мятежа — громил Пресню, устроил побоище на Москве-реке и с тихой яростью, с женственной улыбочкой пытал и расстреливал бунтовщиков … Затем он ушёл в запас, стал слушать лекции в духовной академии, будто бы хотел принять сан. И, конечно, сорвался на бабе, замучил её и себя».

И т. д.

Ну, а сейчас, сейчас как? А вот берут меня за руку и ведут по какому-то тёмному коридору и вдруг накидывают на плечи дурацкую оранжевую телогрейку и шутом выгоняют на улицу:

«Вот тележка, вот метла, вот лопата, вот, наконец, мусорный бак. Работай!» Такое мне место в социальной структуре определили. Мусорщик.

Чрезвычайно обидно. Иногда думаю: «Погодите, сволочи. Вот выстрогаю себе тысячекилометровую дверь и потом ей так хлопну, что звёзды с неба посыпятся». Но это так… иногда. Куда мне. — «Ну, давай, что же ты, ну, возьми стул и ударь об пол, чтобы вдребезги разлетелся. Крикни: хватит! А? Слабо?»

Вспоминаю слова отца, у него ещё любимые словечки были: «крепенько» и «слабачок». — «Ну, что, крепенько тебе сделали? Слабачок!»

533

← Предыдущее, следующее →

533. Примечание к № 487

Однако по некоторым параметрам он подходил на уготованную ему роль интеллектуального провокатора (к цитате)

Термин экзистенциальной философии переводящийся как «заброшенность». «Заброшенность» собственно «заброшенность в мир», то есть следует переводить «извергнутость».

Но «заброшенность» тем не менее не так плохо. Есть оттенок «заброшенность в мире». «Заброшенность» как «неухоженность», «покинутость». «Заброшенный сад». Собственно, Соловьёв был заброшен.

Но русский язык велик:

«Вл. С. Соловьёв, русский, из дворян, 1853 г. рождения, был заброшен с целью…»

534

← Предыдущее, следующее →

534. Примечание к № 488

Ленин — это русский деловой человек. Чичиков. (к цитате)

Набоков, видимо, развивая идеи Андрея Белого, даёт следующее определение образа Чичикова:

«Пошляк даже такого гигантского калибра, как Чичиков, непременно имеет какой-то изъян, дыру, через которую виден червяк, мизерный ссохшийся дурачок, который лежит, скорчившись, в глубине пропитанного пошлостью вакуума. С самого начала было что-то глупое в идее скупки мёртвых душ… Несмотря на безусловную иррациональность Чичикова в безусловно иррациональном мире, дурак в нём виден потому, что он с самого начала совершает промах за промахом. Глупостью было торговать мёртвые души у старухи, которая боялась привидений (542), непростительным безрассудством — предлагать такую сомнительную сделку хвастуну и хаму Ноздрёву».

«Чичиков всего лишь низкооплачиваемый агент дьявола (552), адский коммивояжёр: „наш господин Чичиков“, как могли бы называть его в акционерном обществе „Сатана и К“ … Пошлость, которую олицетворяет Чичиков — одно из главных отличительных свойств дьявола … Трещина в доспехах Чичикова, эта ржавая дыра, откуда несёт гнусной вонью (как из пробитой банки крабов, которую покалечил и забыл в чулане какой-нибудь ротозей), — непременная щель в забрале дьявола (556). Это исконный идиотизм всемирной пошлости. Чичиков с самого начала обречён и катится к своей гибели, чуть-чуть вихляя задом — походкой, которая только пошлякам и пошлячкам города NN могла показаться упоительно светской… Округлый Чичиков кажется мне тугим, кольчатым, телесного цвета червём».

Тема Чичикова получила развитие в творчестве самого Набокова. В «Бледном огне» есть уподобляемый орудию дьявола персонаж, некто Яков Градус, человек тёмного, немецко-еврейско-русского происхождения. Автор даёт следующую характеристику своему герою, члену коммунистической партии вымышленной страны Зембли, разъезжающему по всему миру в поисках своей жертвы — свергнутого и бежавшего из страны землянско-

го короля:

«Внутренние движения в нашем механическом человеке производились простыми пружинами и катушками. Его можно было бы назвать пуританином. Его скучная душа была пропитана отрицанием, сосредоточенным на одном существенном пункте, грозном в своей простоте: он не любил несправедливости и обмана. Он не любил их союза — они всюду были вместе — с тупой страстью, для выражения которой не было, да и не требовалось слов. Такая нетерпимость заслуживала бы похвалы, если бы не была побочным продуктом его безнадёжной глупости. Он считал несправедливостью и обманом всё, что превосходило его понимание. Он поклонялся общим местам и делал это с педантической уверенностью… Если один человек был беден, а другой богат, то неважно было, что именно разорило первого и обогатило второго — различие само по себе было несправедливостью, и бедный человек, не протестовавший против этого, был таким же дурным, как богатый, это игнорировавший. Те, кто знал слишком много, — учёные, писатели, математики, кристаллографы и т. п. — были не лучше королей или священников: все они обладали несправедливой долей власти, которая была обманом отнята у других. Простой порядочный человек должен был быть всегда настороже против какой-нибудь хитрой подлости со стороны природы или ближнего».

«Он умел читать, писать и считать, он обладал минимальным самосознанием (с которым не знал, что делать), некоторым ощущением продолжительности и хорошей памятью на лица, имена, даты и т. п. Духовно он не существовал. Морально это был автомат в погоне за другим автоматом. Тот факт, что оружие у него было настоящее, и что намеченная им жертва была живой высокоразвитой человеческой особью, — этот факт принадлежал к НАШЕМУ мировому порядку; в его мире он не имел никакого значения».

«Сговорившиеся Парки затеяли великий заговор против Градуса. Отмечаешь с простительным злорадством, что подобным ему никогда не выпадает на долю высшая радость прикончить свою жертву собственноручно. О, разумеется, Градус деятелен, способен, полезен, часто необходим. У подножия плахи, холодным серым утром, кто, если не Градус, подметёт узкие, запорошённые ночным снегом ступени? Но его длинное обветренное лицо не будет последним лицом, которое увидит в этом мире человек, принуждённый взойти по этим ступеням. Это Градус покупает дешёвый фибровый чемодан, который с замедленной бомбой внутри

будет подложен более удачливым исполнителем под кровать бывшего приспешника. Никто лучше Градуса не знает, как подстроить ловушку при помощи фиктивного объявления, но богатую старую вдову, которая в неё попадётся, окрутит и убьёт другой. Когда падший тиран привязан, голый и вопящий, к доске на публичной площади и умертвляется по кусочку народом, который срезает ломтики и съедает их, и делит между собой его живое тело, Градус не принимает участия в этом дьявольском причащении — он указывает на подходящий инструмент и руководит разделыванием. И так оно и должно быть: миру нужны Градусы. Но Градус не должен убивать королей … никогда не должен искушать Бога. Ленинградус не должен наводить своё духовое ружьё на людей даже во сне, потому что если он это сделает, пара гигантских толстых, неестественно волосатых рук обнимет его сзади и начнёт давить, давить, давить».

Душить, душить…

535

← Предыдущее, следующее →

535. Примечание к № 514

«За них (евреев) напишут всё русские — чего они хотят и что им нужно». (В. Розанов) (к цитате)

Это первая стадия литературного маразма. Вторая уже после революции началась. Русских убрали и стали писать сами. Это корень квадратный. Третья стадия (сейчас): евреизированные русские (прошедшие еврейскую школу) — шефы. Русифицированные евреи (трифоновы, аксёновы) — писатели. Они за шефов пишут. Это корень кубический.

536

← Предыдущее, следующее →

536. Примечание к № 282

ударило в глаза, не хватило сил отказаться — тема «ордена» (к цитате)

В палате № 6 лежит «жид Мойсейка», сошедший с ума после того, как у него сгорела шапочная мастерская. Он всё раскладывает на одеяле какие-то тряпки, объедки — «торгует».

А вот другой персонаж;

«Пятый обитатель палаты № 6 — мещанин, служивший когда-то сортировщиком на почте, маленький худощавый блондин с добрым, но несколько лукавым лицом. Судя по умным, покойным глазам, смотрящим ясно и весело, он себе на уме и имеет какую-то очень важную и приятную тайну. У него есть под подушкой и под матрацем что-то такое, чего он никому не показывает, но не из страха, что могут отнять или украсть, а из стыдливости. Иногда он подходит к окну и, обернувшись к товарищам спиной, надевает себе что-то на грудь и смотрит, нагнув голову; если в это время подойти к нему, то он сконфузится и сорвёт что-то с груди. Но тайну его угадать нетрудно.

— Поздравьте меня, — говорит он часто Ивану Дмитричу, — я представлен к Станиславу второй степени со звездой. Вторую степень со звездой дают только иностранцам, но для меня почему-то хотят сделать исключение, — улыбается он, в недоумении пожимая плечами. — Вот уж, признаться, не ожидал!..

— Но знаете, чего я рано или поздно добьюсь? — продолжает бывший сортировщик, лукаво щуря глаза. — Я непременно получу шведскую Полярную Звезду (549). Орден такой, что стоит похлопотать. Белый крест и чёрная лента. Это очень красиво».

Русские помешаны на таких вещах. Один советский «поэт» написал балладу о районной бане. Там бывшие фронтовики парятся и своими шрамами гордятся. Русский в бане. Казалось бы, некуда железку привинтить. А он всё равно «выпушки-петлицы» находит и «гордится». Так вот идёт с шайкой и гордится: видите, рука оторвана.

Русский народ, сам по себе уже крайне честолюбивый, был сведён с ума петровской реформой, породившей сложную и про-

тиворечивую систему авторитета — двухслойную элиту чиновничества и дворянства, накачавшую поле конкуренции и честолюбия до абсурда. Нервность и напряжённость возвели в квадрат. Волк — идеальная машина для убийства. Бой внутри рода при таких условиях — смерть. Брачные турниры волков обусловлены сложным ритуалом. Побеждённый подставляет горло — это знак, что схватка окончена. Волк волку никогда горло не перекусит — «ворон ворону глаз не выклюет». У собак этот инстинкт потерян. Отсюда волкодав, будучи слабее волка, загрызает его насмерть. Пётр I звериную естественность местничества перемешал с искусственными законами бюрократической цивилизации. Простой волчий инстинкт запутали. Что тут началось!

Как иностранец (причём француз, то есть человек в таких вопросах компетентный), это хорошо почувствовал Кюстин. Он писал:

«Сын первого вельможи империи может состоять в последнем классе, а сын крепостного, по прихоти монарха, может дойти до первых классов … Дворянство не уничтожено, но преобразовано, то есть сведено на нет чем-то, занявшим его место, но не заменившим его. Достаточно стать членом новой иерархии, чтобы достигнуть со временем наследственного дворянства. Таким-то путём Пётр Великий, опередив почти на целое столетие современные революции, разрушил феодальный строй. Из подобной ориентации общества проистекает такая лихорадка зависти, такое напряжение честолюбия, что русский народ теперь ни к чему не способен, кроме покорения мира. Мысль моя постоянно возвращается к этому, потому что никакой другой целью нельзя объяснить безмерные жертвы, приносимые государством и отдельными членами общества. Очевидно, народ пожертвовал своей свободой во имя победы. Без этой задней мысли, которой люди повинуются, быть может, бессознательно, история России представлялась бы мне неразрешимой загадкой».

Однако возможно ли для русских «покорение мира»? Кюстин приводит следующее мнение по этому вопросу:

«Научный дух отсутствует у русских, у них нет творческой силы, ум у них по природе ленивый и поверхностный. Если они и берутся за что-либо, то только из страха. Страх может толкнуть их на любое предприятие, но он же мешает им упорно стремиться к заранее намеченной цели. Гений по натуре сродни героизму, он живёт свободой, тогда как страх и рабство имеют лишь ограниченную сферу действия, как та посредственность, орудием

которой они являются… Уму русских не хватает импульса, как их духу — свободы. Вечные дети, они могут на миг стать победителями в сфере грубой силы, но никогда не будут победителями в области мысли. А народ, не могущий ничем научить народы, которые он собирается покорить, не долго останется сильнейшим».

Прекрасно, но есть здесь одно «но». Ну, а как если русскому не дадут орден? если его обидят? Тогда вся его разрушительная энергия направится внутрь, на себя (по крайней мере, возможно). А направление внутрь столь мощного потока психической энергии может привести к таким высотам самопознания, что личностное начало в данном человеке станет даже более законченным и развитым, чем у европейца (550).

Обратная сторона бешеного честолюбия столь же бешеное и безграничное покаяние, вот чего Кюстин не учёл. Его антирусский памфлет пользовался наибольшим спросом в России.

537

← Предыдущее, следующее →

537. Примечание к № 480

(отец Мартова) константинопольский корреспондент «Нового времени» (к цитате)

Тест на догадливость. Почему в «антисемитском» «Новом времени» сотрудничало столько евреев? Почему у Суворина, как выяснилось после революции, хранился секретный архив «Народной воли»? Почему у русских националистов были фамилии: Цион, Нилус, Бутми? (563)

538

← Предыдущее, следующее →

538. Примечание к № 487

Личное кривляние Соловьёва миллионократно усиливалось истерическим характером самой русской истории. (к цитате)

В целом теократическая утопия Соловьёва — это ослабленный и крайне поверхностный вариант идеального государства Платона. Но сходство с гениально-страшным прожектом античного мыслителя объясняется не столько прямым заимствованием, сколько интуитивным воспроизведением аналогичных разрушительных фантазий.

Вместе с тем у Соловьёва есть и существенные отличия. Прежде всего следует обратить внимание на то, что его утопия носит расовый характер (564). У Платона всё государство делится на три сословия: философов, стражников и собственно народ. Первое и второе сословие — это элита, третье — пассивная социальная материя, неинтересное быдло. Соловьёв следует этому же трёхчленному делению, но если у Платона все сословия состоят из эллинов, то у автора «Теократии» каждому сословию соответствует определённая национальность. Так, третье сословие должны образовать русские — народ тёмный, деревенский, неспособный даже к элементарному самоуправлению. Соловьёв пишет, что эта:

«Деревенская сила без помощи городского разума останется силою слепою и беззащитною против всевозможных бедствий».

Вообще русский народ сам по себе:

«Не только не в состоянии пересоздать землю и сделать её покорным орудием человеческого духа, но не способен обеспечить себе необходимых средств к существованию».

Для выполнения великой исторической миссии России следует восполнить свои национальные недостатки польскими национальными достоинствами. Поляки, знаменитая польская шляхта — благородная, возвышенная — должна стать костяком государственного аппарата. Чиновничество, офицерский корпус, интеллигенция — всё это в соловьёвской теократии не для русских. Русские должны работать физически, то есть заниматься самым лёгким и приятным делом. Поляки же должны взять

на себя тяжкое бремя управления и охраны. Несгибаемые рыцари революции — бдительно должны они стоять на страже завоеваний молодой теократии.

У Платона, как уже сказано, было, кроме стражников, и высшее, царское сословие, сословие философов — подлинных хозяев и вершителей судеб идеального полиса. Нетрудно догадаться, какой именно народности отводит Соловьёв эту тяжелейшую и неблагодарнейшую роль:

«В теократии цель экономической деятельности есть ОЧЕЛОВЕЧЕНИЕ материальной жизни и природы, устроения её человеческим разумом, одушевление её человеческим чувством… И какой же народ более всех способен и призван к такому ухаживанию за материальной природой, как не евреи».

Национальную сегрегацию в своей теократии Соловьёв «обосновывает» чрезвычайно просто:

«И в самой демократической республике министр имеет преимущества перед ночным сторожем, хотя они равны перед законом… Подобным же образом и в гражданстве Божием различные народы могут иметь различные преимущества, смотря по особому историческому положению и национальному призванию. Таким образом, между теократическими идеями христианства и еврейства нет непременного противоречия. Если евреи имеют притязание на особое положение и значение во всемирной истории, то нам нет надобности заранее отвергать это притязание».

И всё. Необходимость иудео-полоно-русского государства доказана.

Е. Трубецкой совершенно справедливо пишет по этому поводу:

«Теократия „вселенская“ незаметно для Соловьёва принимает слишком яркую национальную окраску; отсюда у неё — ряд точек соприкосновения с национальной теократией евреев. Этим объясняется один из величайших парадоксов его учения — сочетание в нём славянофильства с иудаизмом. Иудаизм Соловьёва — черта слишком для него характерная, слишком тесно связанная с его религиозно-общественным идеалом, чтобы мы могли обойти её молчанием… То примирение с евреями, о котором он мечтает, совершается не на христианской, а на ветхозаветной теократической почве. Евреи присоединяются к христианской теократии не во имя победы и силы крестной, а потому, что теократия должна сделать русско-польско-еврейское царство землёю обетованной, страной, текущей мёдом и млеком!»

Трубецкой, правда, говорит всё это с оговорками, с заглушками (в конце концов, кто платит деньги?), но говорит… И на том

спасибо, чего уж. Начало века…

Да. А с первым сословием тут ещё нюансик. По сути, у Платона оное состоит из одного человека и ясно из кого — самого автора утопии. Фантазия такая прослеживается. Конечно, туманно, но достаточно заметно. Это я о русско-польско-еврейском происхождении Соловьёва.

Во времена Платона экономика была вещью второстепенной, и у него купцы относились к низшему, третьему сословию. Для конца XIX века с его капитализмом и политэкономической мифологией предпринимательство, по крайней мере, было эквивалентно функции государственного управления. Но выше ли? Неясно это у Соловьёва. Может быть, расклад и такой: русское быдло (деревня), второе сословие — польско-еврейское (город) и третье — архистратиг Соловьёв (583), одновременно русский монарх, римский папа и еврейско-масонский первосвященник.

Далее. Уже в «Критике отвлечённых начал» Соловьёв говорит о некоторых конкретных деталях будущего общества. Во-первых, «свободная теократия» должна носить строго иерархический характер не только в элементарно расовом, но и в идеологическом отношении:

«Здесь является великое множество СТЕПЕНЕЙ, и само собою ясно, что в нормальном порядке общественное положение каждого должно определяться не только свойством той идеи, которой он есть выразитель, но и степенью его проникновения этой идеей … Чем более усвоил человек идею, тем более он должен иметь влияние на других … тем высшее положение должен он занимать в обществе. Иными словами: степенью идеальности должна определяться степень ЗНАЧЕНИЯ И ВЛАСТИ (авторитета) лица».

В зависимости от степени идеологического посвящения происходит и распределение материальных благ:

«Как только признано, что материальное благосостояние не есть само по себе цель, а только условие и средство, то очевидно, идея любви не требует в этом отношении, чтобы каждому доставлялось возможно наибольшее экономическое благосостояние. Очевидно, общество очень плохо удовлетворяло бы требованию любви, если бы предоставляло большие материальные средства тем своим членам, которые способны, по степени своего развития, находить в этих средствах высшее благо и последнюю цель жизни и употреблять их только для удовлетворения низших инстинктов… Также несправедливо было бы, если бы лицо, обладающее высшим внутренним достоинством, а потому и высшим значением, в нормальном обществе принуждено было заниматься

физическим трудом наравне с другими. Очевидно, справедливость требует, чтобы труд и богатство были распределены в обществе соответственно внутреннему достоинству и гражданскому значению его членов… обладателями капитала являются в нормальном обществе лучшие люди».

В этом отрывке интересен упор на «раздачу шапок». В «нормальном» обществе человек ПОЛУЧАЕТ, а не производит. Соловьёв всегда был антидемократом, что, в частности, и раскрылось в его фантазии о закрытых распределителях.

Интересна также сама пустая идеологическая оболочка номенклатурных мечтаний, пояснённая в XX веке исторической практикой:

«Чтобы церкви (имеется в виду Соломонов храм соловьёвской теократии. — О.) *быть реально основанной и созданной, необходимо членам её прежде всего так же покорно к ней относиться, как камни относятся к зданию — не спорить с зодчим и не осуждать его планов».*

А иметь своё собственное мнение это значит:

«совершать чудовищное превращение царства Божия в какую-то человеческую демократию».

Треба хлопцам:

«ПРЕЖДЕ ВСЕГО не созидать церковь, а передать свои души, как живые камни, верному зиждителю».

А всё это вместе называется «демократический централизм», или, как пишет сам Соловьёв, «неограниченный федерализм, совпадающий с безусловной централизацией». (Пойми, кто может. А за руку схватят — диалектика.)

В «Еврействе и христианском вопросе» мыслитель выдвигает тезис о сохранении государства при соловьизме:

«До тех пор, пока Бог не будет всё во всех, пока каждое человеческое существо не будет вместилищем Божества, до тех пор Божественное управление человечеством требует особых органов или проводников своего действия в человечестве».

Стоит ли говорить, что отмирание теократического государства будет идти через его усиление, по спирали. «Нормальное» общество должно беспощадно расправляться с «ненормальными» гражданами, то есть с еретиками. По этому поводу не понимающий диалектики переходного периода Трубецкой пишет:

«(Для Соловьёва) посадить еретика в тюрьму с целью обращения его в православие — значит совершить „возмутительное“ насилие над совестью; но подвергнуть его тюремному заключению

в наказание за нарушение закона, воспрещающего ересь, — вполне дозволительно. Теперь вряд ли нужно кому-либо доказывать, что при этих условиях свобода совести улетучивается как дым».

«Наивность предлагаемой им реформы уголовного правосудия едва ли нуждается в доказательствах, ибо в конце концов она сводится к передаче карательных функций из рук суда в руки тюремной администрации. Вопрос о каких-либо гарантиях против произвола последней в сознании Соловьёва даже не возникает. — Он готов всецело вверить судьбу преступников талантливым и ДОБРЫМ тюремным начальникам, в которых он предполагает „лучших из юристов, психиатров и лиц с религиозным призванием“. От представителей пенитенциарных учреждений Соловьёв здесь ждёт душевных качеств и подвигов, которые редки даже между монастырскими старцами. Это — любящие администраторы, которые с исключительным человеколюбием и жалостливостью соединяют ту степень сердцеведения, которая, конечно, не даётся ни психиатрией, ни вообще какой бы то ни было научной подготовкой. Вспомним, что в своей деятельности они не связаны никакими общими нормами, ЗАРАНЕЕ предусматривающими меру наказания за каждое данное преступление. „Способ лечения“ преступника зависит исключительно от их оценки индивидуальных особенностей его духовного облика и психического состояния. Подобный проект, очевидно, мог зародиться только в уме писателя, который верит, что государство может всё в большей и большей степени становиться церковью. Только при этом условии возможно требовать, чтобы общие нормы в государстве заменялись ПРОНИКНОВЕНИЕМ В ДУШУ!» (599)

Трубецкой говорит «наивность». Почему же наивность? Не законы, а революционное чутьё, не тюрьмы, а исправительные колонии и психиатрические больницы. Это совсем не наивно. Скорее уж наивными оказались либерально-правовые фантазии самого Трубецкого. А Соловьёв умница. Правда, у него религиозная фразеология. Но это не более чем фразеология, стилизация. Христианства тут ни грана. В самом деле, о каком христианстве может идти речь, когда Соловьёв уподобляет религиозные таинства масонскому лозунгу французской революции! Ведь, согласно его учению, таинства прежде всего выражают мистический смысл «прав человека»: таинство крещения — свобода, миропомазание — равенство, евхаристия — братство. Четыре оставшиеся таинства выражают человеческие обязанности. Причём здесь, как и в советской конституции, тоже диалектика: права — это обязанности, а обязанности — это права. Покаяние — смирение, брак — «интеграция индивидуальная», священство —

«интеграция социальная», елеосвящение — «высшая интеграция», связь с Богом. Да Устав ВЛКСМ это.

Уберите «бозецкое», вставьте «научную» фразеологию зоциальдемократии, и Соловьёв превратится в пророка.

Но, с другой стороны, и паясничание с христианством, хватание за христианство никому даром не проходит. Ведь в этой религии задействованы страшные силы человеческих архетипов, облагороженные логосом, но вовсе не безопасные и в любой момент готовые превратить вечную книгу в ящик Пандоры. Может ли культурный человек безнаказанно совершить убийство? Достоевский достаточно серьёзно ответил на этот вопрос. Ну, а вот так кривляться над святынями своего народа можно ли было без последствий?

Тут православная стилизация играет очень важную роль. Она превращает НЕхристианство Соловьёва в АНТИхристианство. Указание именно на антихристианство его философии есть в последней работе этого мыслителя — в «Трёх разговорах» — книге уже не анти-, а нехристианской, и поэтому такой дурашливой, мелкой и несерьёзной по тону. Но очень важной и интересной в другом аспекте — в аспекте подоплёки соловьёвства.

539

← Предыдущее, следующее →

539. Примечание к № 526
Мне сказали: надень пиджачок и иди. (к цитате)

Одна из наиболее часто встречающихся цитат из розановской трилогии:

«Я ещё не такой подлец, чтобы думать о морали. Миллион лет прошло, пока моя душа выпущена была погулять на белый свет (548): и вдруг бы я ей сказал: ты, душенька, не забывайся и гуляй „по морали“. Нет, я ей скажу: гуляй, душенька, гуляй, славненькая, гуляй, добренькая, гуляй как сама знаешь. А к вечеру пойдёшь к Богу.

Ибо жизнь моя есть день мой, и он именно МОЙ ДЕНЬ, а не Сократа или Спинозы».

Не могу без морали: чашку, что ли, разбить? Если бы Розанова в пионерлагерь, а?

Я чувствую себя собакой с вырезанным мозжечком: земля качается под ногами, страх, стоит шагнуть и валюсь на бок. День мой именно день «Сократа или Спинозы». Каждый шаг выверяется разумом, каждый шаг возможен лишь после заготовки соответствующей ссылки. И куда же я пойду «к вечеру»?

540

← Предыдущее, следующее →

540. Примечание к № 502

срываешься к человеку и вдруг отчётливо сознаёшь, что объективно-то ему совсем чужой (к цитате)

В общении я человек лёгкий, рациональный, всегда стремящийся принести какую-нибудь «пользу». В юности это доходило до смешного, до какого-то заискивания перед людьми, которое не выветрилось и до сих пор. Дарить всегда было легче и приятнее, чем получать подарки; причём свой альтруизм я всеми силами старался снизить: «Вот, кстати, вещь ненужная, если вам надо… а то валяется». Иногда тут была и несоразмерность подарка. Я уподоблялся персонажу чеховской пьесы, подарившему ни с того ни с сего бессмысленно дорогой самовар.

Вообще вдумчивость, стремление к реконструкции, к обмену. Но при всём этом оттенок идиотизма по типу «я тебе добра хочу» (566). Это не проявляется, пожалуй, и в отрочестве проявлялось гораздо слабее, чем мне сейчас кажется. Но внутренне постоянно ощущение пустоты, измены, релятивности мира (615), его рассыпанности. Если вдруг скажут, что близкий мне человек негодяй, предатель, людоед, марсианин, — то я и бровью не поведу и чисто механически брякну: «это всем известно», или: «к сожалению, дело обстоит гораздо хуже». Моя личность незавершена, она обнимает, всасывает в себя весь мир, и я никак не могу понять, что окружающие меня люди очень часто тоже являются некими личностями — замкнутыми на себя и относительно неизменными душами-монадами. Окружающие для меня — амёбы, они сверхтекучи, как жидкий гелий, и чем я сам прочнее и несклоняемее, тем яснее для меня их трансформируемость, непредсказуемость и недоказательность. Невыводимость их поведения. Поэтому, глядя на того или иного человека, я очень легко могу его представить в совершенно немыслимых на самом деле ситуациях. Отсюда ощущение неестественности и альтернативности данной конкретной формы общения. И из-за этого смазанность диалога, понимание его незавершённости (как сказал бы Бахтин, «лазеечности»). Элементарным выходом этого ощущения в реальность является фиглярничание, комедиантство, стремление к агрессивному навязыванию окружающим

только что выдуманного стереотипа своего поведения. При этом реальность как-то расползается. В общении с Ивановым я разыгрываю ситуацию «Одиноков — Иванов», а с Петровым — «Одиноков — Петров». И ивановский Одиноков совершенно непохож на Одинокова петровского. Каждая роль со временем усложняется, обрастает конкретной детализацией. Это не разные уровни моего «я» — что было бы вполне естественно, — нет, это действительно мои разные «я». Предположим, что уровень развития Иванова и Петрова примерно одинаков. Но схема отношений со мной развивалась по разным программам. В результате Иванов, предположим, был бы потрясён, прочтя эту книгу и ничего бы в ней не понял, так как просто не смог бы идентифицировать её с моей личностью. Для Петрова же моё существование могло бы идеально наложиться на мой субъективный образ. Тот и другой вариант одинаково верен.

Подобная субъективация даёт власть над людьми. Но она же порождает и страшную зависимость от них. Я не представляю, какой я на самом деле. Почему я никогда не любил? Да прежде всего потому, что я шарахался от удивлявшей меня естественности (нерефлектированности) отношений между мужчиной и женщиной. Я не видел барьера, терял точку отсчёта и, следовательно, какую-либо способность к общению. Вся моя философия сводилась к теме «меня забыли». Если в несексуальной сфере я мог представить чужое «я» в любой ситуации, то здесь — в никакой. Страшная сила оборачивалась полным бессилием, какой-то инфантильной и очень тоскливой зависимостью от фатума, судьбы. «Объективности».

541

← Предыдущее, следующее →

541. Примечание к № 514
он о революции мог бы такую книгу написать (к цитате)

Бунин — единственный «критический реалист» в русской литературе. Ведь что такое «критический реализм»? — Ворчание. А Бунин был удивительный ворчун. С одной стороны — крайняя образность, сочность деталей, а с другой — их типичность, то есть «меткость». Ворчания «вообще» не бывает — это уже «риторика». Ворчание по незначительным мелочам — это «брюзжание». А Бунин всегда писал предельно конкретно и вместе с тем прозорливо и едко. Вся его «Деревня» — это 200-страничное ворчание русского барина. Бунин был просто создан для роли Солженицына 20-х.

542

← Предыдущее, следующее →

542. Примечание к № 534

«Глупостью было торговать мёртвые души у старухи, которая боялась привидений» (В. Набоков) (к цитате)

Но в этом же суть предпринимательской деятельности. Разбираясь, никогда не разбогатеешь (да вообще начнёшь заниматься другим делом). Любой бизнес и состоит в безликой, механической купле-продаже, то есть и является абсолютной пошлостью. И как раз на Коробочках состояния-то и сколачиваются. Если пропускать, брезгливо разбираться, прогоришь в два счета. Нужна сиюминутная готовность, цепкость, ХВАТКА. Чичиков предприниматель, потому что «всё, что видит, то поёт», всё, что видит, оценивает, покупает. Он одержим идеей купли-продажи. Собственно, Набоков негодует на то, что Чичиков не аристократ и не писатель (565). Более грубую ошибку трудно вообразить.

Интересно, что Чехов, человек совсем другого социального происхождения, в общем «сын лавочника», точно так же не понимал азбучных основ предпринимательства. Вот характерная фраза из повести «Три года»:

«Велика важность — миллионное дело! Человек без особенного ума, без способностей случайно становится торгашом, потом богачом, торгует изо дня в день, без всякой системы, без цели, не имея даже жадности к деньгам, торгует машинально, и деньги сами идут к нему».

«Сами идут». К Чехову деньги что-то не шли, несмотря на всю «товарность» его произведений. Его сделка с издателем Марксом анекдотична по своей убыточности…

Впрочем, Чичиков не бизнесмен. Он, как и Набоков, и Чехов, и Гоголь, писатель. В «Мёртвых душах» Гоголь, собственно, выявил суть русского предпринимательства, русского капитализма. Фиктивного и писательского. Чичиков — господин Никто. Он занял лакуну, которой не было. Самая мёртвая душа это Чичиков, так как русских коммерсантов НЕ БЫЛО. И быть не могло. Отец Чехова — это кто угодно: церковный староста, чудак, музыкант, иконописец, но только не лавочник. Это даже не разорившийся лавочник. Из семьи разорившегося лавочника

не вышли бы два журналиста, художник, чиновник и гениальный писатель.

Путало воображение: «Вот он у меня сыр купил. А зачем? — Ты зачем сыр купил? Есть будешь, да?» Гоголя упрекали, что пространные рассуждения Чичикова о судьбе купленных им мёртвых душ — это стилистическая ошибка. Но Гоголь слишком глубок, чтобы совершать столь наивные ошибки.

Как и Чехов.

Как и Набоков.

543

← Предыдущее, следующее →

543. Примечание к № 492

От этой схемы только и смогла бы получиться русская философия. (к цитате)

По-русски самоанализ, покаяние — всегда глубоко, а собственно анализ, обвинение — плоско и мелко (554). Но нужен и анализ. Как его дать? Точнее, как придать ему необходимую глубину? — Через критику собственной личности, через вторичную субъективацию.

Объективная же критика Соловьёва совершенно невозможна, даже невероятна. У Е. и С. Трубецких, Мочульского, Лопатина, Эрна, Зеньковского, Федотова, Флоренского, Бердяева, Розанова, Лосева, Булгакова и др., у всех у них единственным оправданием Соловьёва, часто критикуемого очень серьёзно, является совершенно бессмысленная с логической точки зрения «мистическая интуиция», всегда наивно постулируемая в одном-двух предложениях. Потом, после «предложений», идёт разбор, но разбор этот всегда априори искупается Великой Мистической Интуицией. То есть все начинается со следующей конвенции: «Соловьёв — величайший гений». Ясно, что в таких условиях вести речь о серьёзной критике Соловьёва бессмысленно и даже неприлично — это неизбежно будет оборачиваться собственной дискредитацией. Поэтому критику Соловьёва и следует вести как дискредитацию своей личности. В результате критика будет убийственной для соловьёвского авторитета, но, конечно, только для русских условий, русского языка и русского ума.

Можно идти европейским путём. Например, выписать все критические высказывания о Соловьёве, найти общее в этих высказываниях у всех авторов, а потом аккуратно показать, что философ с такими ошибками не может претендовать на роль выдающегося мыслителя. Уже это было бы достаточно убедительно. Для англичанина, француза, немца. Но русский вбил себе в голову: была Интуиция. Ему вбили. Надо выбить. Логикой тут не возьмёшь. Надо «ошибиться». Но ошибиться так, чтобы эта ошибка вышибла ошибку предыдущую, чтобы чисто субъективный и иррациональный поток слов вызвал поток встречный и вывел русское «я» из бомбоубежища «объективности». А тут

уж «я» это само оглянется (насколько я знаю русских), оглянется: а был ли мальчик?

Соловьёв — гений. Гениальный самоубийца собственного гения (558). Всю жизнь сжигал в уме ненаписанные «Мёртвые души». И тоже трагическая загадка личности Соловьёва: может, кому-нибудь и нужно было принести себя в жертву для будущего русского мышления, встать связующим звеном между русско-немецкой университетской «философией» и Достоевским. Загадка. Тут виден масштаб личности. Если человек незауряден, совершенно нельзя сказать, «как надо». Сложную жизнь нельзя «поправить». Даже на словах, в теории.

Мне кажется, Соловьёв выполнил тяжкий долг. И дал возможность Розанову осуществиться (641). Тот пришёл со своим «О понимании» — а место было уже занято. И он начал с конца. С вершины.

В Соловьёве нашли отечественный материал для толкования (646). Маленькая карманная философская Европа. После Соловьёва можно уже было быть философом, не зная иностранных языков. Он дал санкцию, дальше было проще, можно было ссылаться на авторитет, прятаться за него. Жестокость ситуации в том, что философия в фазе просветительства напоминает науку и, следовательно, смертна. Соловьёв устарел.

544

← Предыдущее, следующее →

544. Примечание к № 488
идея зла, олицетворённая в Ленине (к цитате)

Ленин — центральная фигура XX века (557). Старый большевик Ольминский в порыве подхалимского славословия неожиданно сказал однажды пророческую фразу:

«Познать В. И. Ленина для нас означает познать самих себя».

545

← Предыдущее, следующее →

545. Примечание к № 488

То, что с ними спорят, доказывают, — это для них опора, хлеб. А вот если одёрнуть (к цитате)

Почему спорить не надо? Правда — это неотъемлемое условие научного знания. Но сама правда выше науки. Она дана свыше, её нельзя определить (551). Это своеобразная ЭТИЧЕСКАЯ КОНВЕНЦИЯ. Следствием этого является невозможность уличения кого-либо во лжи, если эта ложь тотальна. Вы пошли в гости, и у вас в прихожей украли галоши. Вы видели кто и говорите: «Положи на место». А укравший говорит: «А я не брал». Что тут делать! «Не брал» и всё! Вы-то хотели, может быть, сказать, что вот воровать нехорошо и т. д. Но ваш собеседник не вор, он не брал галош и сам об этом говорит вам русским языком. В глаза. Вы уже ему ничего не докажете, никогда. Он «не брал», «не видел», «не знает». Поэтому спорить с такими людьми просто невозможно. Они в известный момент нарушили негласную этическую конвенцию. А поскольку эта конвенция тотальна, первична, то единственной формой борьбы с подобными людьми является их игнорирование. Или же перевод взаимоотношений в иную плоскость, более им доступную и понятную (589).

Возможно всё это является ещё одним доказательством загадочности проблемы бытия Божия, которую нельзя решить. Ведь получается, что наука, и особенно, философия — так как здесь нет «фактов» в научном смысле, нет «улик», — построены на такой вроде бы неясной и смешной вещи, как правда, честность. А что такое правда, люди НЕ ЗНАЮТ. Это невыразимо. Если дать дефиницию правды: правда есть то-то и то-то — то эта дефиниция сама может быть правдой, а может и не быть. А почему — уже никто никогда не узнает. Правда — это субъективное и невыразимое чувство: чувство гармонии, соразмерности. Научная истина — это лишь частное и наиболее материальное проявление правды. Сама наука и этична и не (вне)этична. Врать там вроде бы трудно, но правдивость науки лишь частность, эманация этической добродетели учёного. Можно построить абсолютную лженауку, где будет все: и «верификация» и «фальсификация», и всё, всё, всё. А правды не будет.

546

← Предыдущее, следующее →

546. Примечание к № 465
В классе я сообщил, что меня зовут «Килька». (к цитате)

Унижение (роль классного шута и изгоя) было, с другой стороны, бессознательной инициацией. Тут проявился крайне ритмизированный характер моего бытия. Конечно, опыт был жесток, но в результате я приобрёл колоссальную выносливость к любым видам и формам унижения, а также совершенную невнушаемость извне. Именно с тех пор к любому «коллективу» я стал относиться как к прозрачному желе элементарных эмоций, легко поддающихся простейшим манипуляциям. Из-за этого же и замкнутость при якобы открытости; очень развитое чувство целесообразности (всегда всё делаю зачем-то и для чего-то, подчиняю своей логике); способность к независимому и даже провокационному мышлению. Моя мысль может обернуться любым зверем, моментально просчитать и обнюхать все боковые ходы и часами развивать некоторую идею, с которой я ещё глубже, в самой глубине — совсем не согласен. И это без каких-либо эмоций. Я изначально настроен на абсолютное непонимание и всегда адаптирую свою мысль к определённой обстановке. Внутри я абсолютно одинок, холоден и спокоен. По-моему, это редкое и драгоценное качество.

Минус же в том, что у меня нет так называемого «мужского достоинства». Я умею господствовать, я всегда господствовал над ситуацией, но я не умею властвовать.

547

← Предыдущее, следующее →

547. Примечание к № 509

«Умер Загорье … Эти слова звучат чуждо, невозможно осознать их смысл». (к цитате)

«Ушёл ещё один… Не стало Матьяша … Стойкий, сильный, светлый … У гроба — знамёна… Гроб утопает в цветах… День и ночь у гроба почётный караул…»

Это из бунинского дневника. Иван Алексеевич выписал из некрологов и статей о гибели одесского чекиста. Чекиста хоронили под лозунгом: «за смерть одного революционера тысяча смертей буржуев!» Матьяш же застрелился с перепоя. Бунин зорко подметил кощунственность революции, кощунственность не вообще (это само собой), а буквально, на уровне осквернения могил. В вывороченном мире похороны превращались в фарс.

«По Дерибасовской (постоянно) движется огромная толпа, сопровождающая для развлечения гроб какого-нибудь жулика, выдаваемого непременно за „павшего борца“ (лежит в красном гробу, а впереди оркестры и сотни красных и чёрных знамён)».

«В „Одесском Набате“ просьба к знающим — сообщить об участи пропавших товарищей: Вали Злого, Миши Мрачного, Фурманчика н Муравчика… Потом некролог какого-то Яшеньки: „И ты погиб, умер, прекрасный Яшенька… как пышный цветок, только что пустивший свои лепестки… как зимний луч солнца… возмущавшийся малейшей несправедливостью, восставший против угнетения, насилия, стал жертвой дикой орды, разрушающей всё, что есть ценного в человечестве… Спи спокойно, Яшенька, мы отомстим за тебя!“ Какой орды? За что и кому мстить? Там же сказано, что Яшенька — жертва „всемирного бича, венеризма“».

Шутовские похороны и некрологи — это символ «русской революции», всего «русского освободительного движения». Потому что серьёзно ответить на вопрос: почему? зачем? — невозможно. Суть революции — это бледные прыщавые гимназисты, жалобно сидящие на деревьях, это торжественно-зверские лица мириад студентов и курсисток, дисциплинированно, под музыку вышагивающих за гробом «зверски убитого» Баумана. Это красный

флаг, который в марте 1917 воткнули в памятник Пушкина в Москве. Это русская дикость и бескультурье, не поспевающие за бешеным ритмом начатых Петром преобразований и нашедшие себе удобный шутовской костюм отечественного «либерализма» и «демократизма». В России существовал лишь псевдолиберализм, внешняя оболочка, заимствованная с Запада и прикрывающая собственную косность, инерцию, злобу, неспособность к перестройке сознания и органическому включению в революционный вихрь, который сотрясал Россию более двух веков. Если бы в стране был действительно ЛИБЕРАЛИЗМ, то он бы стоял на разумно консервативных позициях. Общественное мнение тогда всячески бы тормозило часто непродуманные и легкомысленные реформы центральной власти, вроде 1861 года. И уж конечно, у русских либералов не выработалась бы привычка к грубым подтасовкам и вполне сознательному обману, пропитавшему своим ядом всю либеральную прессу, всю либеральную науку и даже философию.

Вот победа, апофеоз русской демократии, русского либерализма: статья в «Русском Слове» от 14 марта 1917 года:

«Вчера в Большом театре занавес поднялся под звуки „Марсельезы". На сцене живая картина — „Освобождённая Россия": женщина с разорванными кандалами в руках, у её ног лейтенант Шмидт, вокруг — Пушкин, Лермонтов, Грибоедов (562), Гоголь, Некрасов, Достоевский, Толстой, Чернышевский, Писарев, Добролюбов, Бакунин, Петрашевский, Шевченко, Софья Перовская, декабристы, дальше студенты, крестьяне, солдаты, матросы, рабочие. Оркестр исполнил гимн А. Т. Гречанинова на слова К. Бальмонта „Да здравствует Россия, свободная страна!"»

Россия превратилась в страну дураков. Песенка её была уже спета тогда, в феврале-марте. В стране победила глубокая интеллектуальная и духовная реакция, к власти пришли люди тёмные, озлобленные (568). Все эти опереточные приват-доценты, привыкшие отстаивать своё мнение, стуча кулаком по столу, затыкая рот оппонентам. Розанов схватился за голову, когда председатель I Государственной Думы «позорно срезался на государственном экзамене», заявив, что «Государственная Дума не может ошибаться». И все они были уверены, приучены всей своей жизнью, что ошибаться не могут. Но дело пришлось иметь с реальностью. А реальности липовый диплом не подсунешь. Ответственнейшую работу по либерализации России взяли люди не компетентные, не либеральные, не способные к критике и самокритике, живущие по принципам русской «партии». По сути партия кадетов ничем не отличалась от партии эсдеков. Та же

партийная иерархия, та же неспособность к свободному и честному мышлению. В конце концов, победил тот, чьи декларации соответствовали устройству собственного сознания.

Причина революции во многом в её беспричинности, нелепости. Никчёмности. Бунин, настоящий художник, то есть прежде всего человек внутренне свободный, это почувствовал очень хорошо:

«Впрочем, многое и от глупости (585). Толстой говорил, что 9/10 дурных человеческих поступков объясняется исключительно глупостью.

— В моей молодости, — рассказывал он, — был у нас приятель, бедный человек, вдруг купивший однажды на последние гроши заводную металлическую канарейку. Мы голову сломали, ища объяснение этому нелепому поступку, пока не вспомнили, что приятель наш просто ужасно глуп».

Чем глупее человек, тем целесообразнее его поведение. Только цель лежит не впереди его, а за ним. Она выше глупца и извне строго детерминирует его поведение. Фарсовые похороны, ставшие центральным обрядом новейшей псевдохристианской ереси, прекрасно отражают и её внутреннюю суть, и характер её отношений с историей.

Снова Бунин. Запись весной 1917 г.:

«Я видел Марсово поле, на котором только что совершили, как некое традиционное жертвоприношение революции, комедию похорон будто бы павших за свободу героев. Что нужды, что это было, собственно, издевательство над мёртвыми, что они были лишены честного христианского погребения, заключены в гроба почему-то красные и противоестественно закопаны в самом центре города живых! Комедию проделали с полным легкомыслием и, оскорбив скромный прах никому не ведомых покойников высокопарным красноречием, из края в край изрыли и истоптали великолепную площадь, обезобразили её буграми, натыкали на ней высоких голых шестов в длиннейших и узких чёрных тряпках и зачем-то огородили её дощатыми заборами, на скорую руку сколоченными и мерзкими не менее шестов своей дикарской простотой».

Вот она, культурка-то. «Русская мысль». А с другой стороны: да можно ли выдумать более символичное действо? Да тут вся редакция «Русской мысли» сама себя похоронила (603).

548

← Предыдущее, следующее →

548. Примечание к № 539
«Миллион лет прошло, пока моя душа выпущена была погулять на белый свет» (В. Розанов) (к цитате)

В «Советский Союз»…

549

← Предыдущее, следующее →

549. Примечание к № 536

«Я непременно получу шведскую Полярную звезду». (А. Чехов) (к цитате)

Название экзотического ордена возникло у Чехова под влиянием «Братьев Карамазовых», где чёрт говорит Ивану:

«Я вот думал давеча, собираясь к тебе, для шутки предстать в виде отставного действительного статского советника, служившего на Кавказе, со звездой Льва и Солнца на фраке, но решительно побоялся, потому ты избил бы меня только за то, как я смел прицепить на фрак Льва и Солнце, а не прицепил по крайней мере Полярную звезду али Сириуса».

Явись к русскому хоть сам сатана, и всё равно беседа начнётся с типовой темы: про «железки». Которые, правда, разрастаются в данном случае до галактических масштабов.

550

← Предыдущее, следующее →

550. Примечание к № 536

личностное начало в данном человеке станет даже более законченным и развитым, чем у европейца (к цитате)

Другое дело, что русская личность всегда анормальна, всегда вышибается из обычного ряда каким-нибудь жизненным ударом. На собственно Западе личность естественна, а горе человека лишь калечит. Западный человек быстрее гибнет, выходит же из жизненной катастрофы путём деформации, потери чего-то существенного. Обида, оскорбление, смерть близких редко служит побудительной причиной для начала самосовершенствования. Скорее это воспринимается как неудача, ошибка, о которой надо поскорее забыть, скрыть от других и от себя. Лишь для исключительных одиночек-гениев психическое потрясение открывает путь духовного восхождения.

То есть в русских условиях просто человек, просто личность ставится в положение гения.

551

← Предыдущее, следующее →

551. Примечание к № 545
(правда) дана свыше, её нельзя определить (к цитате)

Своё философское образование я начал в 17 лет. Начал с изучения Ленина и проштудировал все 55 томов его собрания сочинений. Это оказало на меня колоссальное влияние. И первое, что я понял, это беззащитность, беззащитность и хрупкость человеческой мысли, которая, конечно же, основывается не на мощном фундаменте аристотелевской аналитики и не на трактатах Канта и Гегеля, а висит на странном и до смешного расплывчатом и инфантильном гвоздике — широте души, доброжелательности, вообще «хорошести», «благостности», доброте. Доброте и правдивости. На этом туманном гвоздике, гвоздике-облачке висит тяжёлое и старое полотно человеческой мысли. Философия-то стоит, попросту говоря, на детской считалочке: мирись, мирись, мирись и больше не дерись… Если эту глупую считалочку нарушают, то в рамках, именно В РАМКАХ философии, ничего доказать нельзя. «А я не брал» (галош). И всё. Можно плакать, кричать, биться лбом о стену — ничего, ничегошеньки не докажешь. Скорее уж тебе «докажут».

552

← Предыдущее, следующее →

552. Примечание к № 534

«Чичиков всего лишь низкооплачиваемый агент дьявола» (В. Набоков) (к цитате)

У самого Набокова тема договора с нечистой силой наиболее разработана в «Лолите». Гумберт, соблазнённый демоном Лолитой, отдаётся во власть автора судьбы — Мак-Фатума. Мак-Фатум даёт осуществиться его (литературным?) фантазиям, ведя своего героя к неизбежной расплате и гибели. В отличие от Кречмара из «Камеры-обскуры», Гумберт «претворяет мечту в жизнь» более сознательно, и поэтому сам чем-то напоминает дьявола (даже внешне) (617). Связь, таким образом, двусторонняя, так что на потусторонние силы тоже налагаются определённые обязанности. И Набоков действительно честно помогает Гумберту, насильственно устраняя одно препятствие за другим. Внезапная гибель матери Лолиты, с точки зрения сюжета, есть нечто немотивированное и искусственное. Но с точки зрения метасюжета (договора с Мак-Фатумом) — это, наоборот, ход чрезвычайно мотивированный и ловкий. Кто-то швыряет Шарлотту кончиком пера под машину. Хотя и с помощью Гумберта:

«Я воочию увидел маклера судьбы. Я ощущал самую плоть судьбы — и её бутафорское плечо. Произошла блистательная и чудовищная мутация, и вот что было её орудием. Среди сложных подробностей узора (спешащая домохозяйка, скользкая мостовая, вздорный пёс, крутой спуск, большая машина, болван за рулём) я смутно различал собственный гнусный вклад. Кабы не глупость (или интуитивная гениальность!), по которой я сберёг свой дневник, глазная влага, выделенная вследствие мстительного гнева и воспалённого самолюбия, не ослепила бы Шарлотту, когда она бросилась к почтовому ящику. Но даже и так, ничего бы, может быть, не случилось, если бы безошибочный рок, синхронизатор-призрак, не смешал бы в своей реторте автомобиль, собаку, солнце, тень, влажность, слабость, силу, камень…»

553

← Предыдущее, следующее →

553. Примечание к № 472

Но вспомним, что пародия невозможна без ключевого текста, на котором она паразитирует. (к цитате)

Однако возможна двойная пародия. Пародия королевская, похожая на излюбленный образ Набокова: бесконечное отражение поставленных друг против друга зеркал.

Если снова обратиться к энтомологическим аналогиям, то высший тип связи между миром и человеком, автором и его произведением, между персонажем и персонажем и так далее, вообще высший тип связи как таковой, это для Набокова связь микрокосмическая, связь «димимикрическая». Набоков, воплотившийся в Годунова-Чердынцева (который в свою очередь воплотился в своего отца-путешественника), писал:

«Невдалеке от меня какие-то знахари с опасливым и хитрым видом конкурентов собирали для своих корыстных нужд китайский ревень, корень которого необыкновенно напоминает гусеницу, вплоть до её ножек и дыхалец, — а я, между тем, переворачивая каменья, любовался гусеницей неизвестной ночницы, являющейся уже не в идее, а с полной конкретностью копией этого корня, так что было не совсем ясно, кто кому подражает — и зачем».

Действительно, не совсем ясно, кто кому подражает: знахари-китайцы или русский путешественник. Русский путешественник или его сын, выдумывающий в эмигрантском Берлине эти воспоминания своего без вести пропавшего отца. Чердынцев-младший или сам Набоков, также потерявший своего отца. Отец Чердынцева похож и на реального отца Набокова, и на реального русского путешественника, а его сын — на Набокова-младшего и одновременно на Ходасевича (сам Ходасевич выведен в «Даре» под именем Кончеева, внешне скорее напоминающего Набокова). Весь мир оказывается двоящимся, двойственным, двуединым, сложнодвуединым. Замкнутым. Но, из-за своей сложности, микрокосмичности и открытым. Живым.

Из вымышленного Набоковым вымышленного диалога между двойниками Чердынцевым и Кончеевым:

«Наше превратное чувство времени, как некоего роста, есть

следствие нашей конечности, которая, всегда находясь на уровне настоящего, подразумевает его постоянное повышение между водяной бездной прошедшего и воздушной бездной будущего. Бытие, таким образом, определяется для нас как вечная переработка будущего в прошедшее, — призрачный, в сущности, процесс, — лишь отражение вещественных метаморфоз, происходящих в нас. При этих обстоятельствах, попытка постижения мира сводится к попытке постичь то, что мы сами создали как непостижимое… Наиболее для меня заманчивое мнение, — что времени нет, что всё есть некое настоящее, которое как сияние находится вне нашей слепоты… у природы двоилось в глазах, когда она создавала нас (о, эта проклятая парность, от которой некуда деваться: лошадь-корова, кошка-собака, крыса-мышь, блоха-клоп)… симметричность живых тел есть следствие мирового вращения (достаточно долго пущенный волчок начнёт, быть может, жить, расти, размножаться)… в порыве к асимметрии, к первенству, слышится мне вопль по настоящей свободе, желание вырваться из кольца…»

Но тут сидящий на скамейке Годунов-Чердынцев (тоже двойная фамилия) очнулся:

«Опять, значит, воображение, — а как жаль! … Почему разговор с ним никак не может распуститься явью, дорваться до осуществления? Или это и есть осуществление, и лучшего не нужно… — так как подлинная беседа была бы только разочарованием..?»

554

← Предыдущее, следующее →

554. Примечание к № 543

По-русски самоанализ, покаяние — всегда глубоко, а собственно анализ, обвинение — плоско и мелко. (к цитате)

На Западе виноват «кто-то». В России — «сам виноват». Раскаяние по-русски глубоко, глядючи, плакать хочется. Обвинение же всегда поверхностно, риторично. Да просто недостойно. Мечется русский интеллигентик, бьёт своими кулачонками по гранитным пьедесталам — так и видишь его в пенсне, бородка клинышком, визгливый голосок: «Ах, сука, полтинник за щекой спрятал! По мордасам его, ребята! Пэ глазам, пэ глэзам, падло!» И всё. Вот и вся критика, вот и весь «критический реализм». А раскаяние — это извините… Тут даже Смердяков вырастает до размеров необычайных.

Персонификации зла нет. Я зла не вижу. Где оно? Кто виноват в моих мучениях? Объективного зла нет. Зло во мне. Зло-качественность.

Назовите отрицательный персонаж в русской классической литературе. Его нет. Кто? Евгений Онегин? Чичиков? Печорин? Лужин? Валковский? Раскольников? Беликов? Или образ «диалектичен», размыт, или слишком приземлён, локален, статичен. А следовательно, мёртв, куколен. Гигантское, сложное и страшное зло, вроде Мефистофеля, в отечественной культуре совершенно не выражено.

И реальная жизнь проявляется в кровавой ванне мозга злорадством (567). Какую тему своей жизни я ни возьму, мне хочется броситься на землю и рыдать, рыдать. Я пытаюсь проследить её развитие, и меня ужасает её зловещесть.

555

← Предыдущее, следующее →

555. Примечание к с. 61 «Бесконечного тупика»
Розанов открыт, он — это вы. (к цитате)

Меня Розанов благословил. До «Опавших листьев» мир разлетался. Я плакал, не знал, что делать, что со мной творится. А что-то творилось. Творилось и летело в разные стороны. Я читал Ленина и плакал от любви-тоски, чувствовал безжалостный взгляд судьбы, нацеленный мне в затылок, и терялся от полной равнодушной свободы, писал обречённые дневники и бессмысленные, «для души», пародии (а что такое пародия для себя, в стол? чудовищно). И всё это под рефрен бесконечных фантазий, ищущих выхода в реальность (588). Всё рушилось. И вот я прочёл Розанова, и мир стал сжиматься. Стройно собираться в единое целое. Мне с самого начала чего-то не хватало, что-то от меня скрывали. И я понял — не хватало тебя, Розанов.

556

← Предыдущее, следующее →

556. Примечание к № 534

«Трещина в доспехах Чичикова, эта ржавая дыра, откуда несёт гнусной вонью… — непременная щель в забрале дьявола». (В. Набоков) (к цитате)

О несовершенной природе дьявола ср. у Флоренского в «Столпе и утверждении истины»:

«Народом РУССКИМ дознано, что нечистая сила не имеет ЛИЧНОСТИ, а потому нет у неё и ЛИЦА, ибо лицо-то и есть лик, явление личности. Нечисть безлична и безлика, и лишь обманывает люд, притворяясь личностью. По слову народному, „у нежити своего обличия нет, она ходит в личинах“. Отсюда — бесчисленные перевёрты всякого рода» (559).

Далее о немецком чёрте:

«Скидываясь чем угодно, дьявол, однако, не имеет личности, хотя безсубстанциональность бесов немецкий народ, также по-немецки, символически воспринимает как отсутствие СПИНЫ (!). „Чем бы ни являлся дьявол, — замечает по этому поводу Цезарь (Гейстербахский), — спины у него обыкновенно не бывает. Это известно твёрдо. Так говорила между прочим одна девушка, к которой повадился наведываться дьявол. Ей показалось странным, что он от неё всегда уходит пятясь задом (заметим, что так же отступает нечисть от креста), и она его спросила, как это надо понимать“… Внутренняя пустота, безличность, ирреальность, меоничность нечистой силы всегда немецким мистическим восприятием облекалась в образе без-спинности».

Вообще, чёрт — это пародия не только подобия Божия, но и самого Бога:

«Даже в „чёрной мессе“, в самом гнезде дьявольщины, Дьявол со всеми своими поклонниками не могли придумать ничего иного, как кощунственно пародировать тайнодействия литургии, делая всё НАОБОРОТ. Какая пустота! Какое нищенство! какие плоские „ГЛУБИНЫ“! Это — ещё доказательство, что нет ни на самом деле, ни даже в мысли ни Байроновского, ни Лермонтовского, ни Врубелевского Дьявола — величественного и царственного,

а есть лишь жалкая „обезьяна Бога“».

Хорошо сказано. Но, к сожалению, о дьяволе в «Столпе» до обидного мало. О Боге, бесконечном и непостижимом, Флоренский говорит понятно и много, а о чёрте непонятно и мало. А как раз чёрт совершенно понятен и ясен человеку. В количественном отношении чертология должна быть в сто раз объёмистее собственно теологии. О Боге лучше говорить мало, во сне, туманно. Чёрт — должен быть разложен по полочкам. Ведь личину, маску нарисовать гораздо проще, чем лик. И как раз «внутренняя пустота» должна у чёрта воплощаться в его максимальной материальности. Чёрт гораздо материальнее человека. С когтями, копытами и шерстью. Попробуй не заметь — глаза закроешь и всё равно серой несёт. И «отсутствие спины» — это сверхспина, постоянное ощущение спины (хвоста).

Михаил Булгаков это чувствовал. Воланд общителен, активнейше включён в махровый советский быт. Бог же беспомощен, бесплотен, существует где-то там, «не от мира сего». Его видно через сны, причём он непонятен. А Иуда вот понятен и ясен превосходно, материализован полностью. Дьявол может быть главным героем литературного произведения, Бог — в лучшем случае эпизодическим персонажем. Причём это не значит, что произведения Байрона, Лермонтова или Гёте лишены божественного света. Бог присутствует, но в скрытой форме, потенциально, а главным способом его актуализации и служит образ Дьявола. Величие его — отблеск божественного огня.

Наоборот, постановка в центр повествования Бога приведёт к пародии, и пародии бездарной. Бога и можно увидеть во внемистическом опыте лишь в виде пародии. Но пародия может быть гениальной (Мефистофель), и тогда получится нечто божественное…

← Предыдущее, следующее →

557. Примечание к № 544

Ленин — центральная фигура XX века. (к цитате)

Набоков писал, что «слово мстит за пренебрежение к нему», и приводил в качестве примера Ленина:

«Употреблявшего слова „сей субъект“ отнюдь не в юридическом смысле, а „сей джентльмен“ отнюдь не применительно к англичанину (579), и достигшего в полемическом пылу высшего предела смешного: „…здесь нет фигового листочка… и идеалист прямо протягивает руку агностику“».

Фраза эта взята из «Материализма и эмпириокритицизма». Но Набоков ошибается, считая её простой оговоркой. Месть слова гораздо сложнее и глубже. Язык заставляет не овладевшего им человека не запинаться и оговариваться, а ПРОГОВАРИВАТЬСЯ (582). Постоянные аналогии мутносексуального характера, столь характерные для Ленина, достигли в «Материализме и эмпириокритицизме» предельной концентрации и сделали это произведение настоящим кладом для сексопатолога. Дело в том, что «Материализм» написан, собственно говоря, ни о чём, так как философская проблематика для его автора является тайной за семью печатями. Ленину оставалось довольствоваться пустопорожней риторикой. Но риторикой-то он по-русски не владел. Слова вырвались на свободу, взвились роем разъярённых пчёл, и книга в результате получилась очень и очень содержательной. Судите сами:

Вот стр. 36–37: «Старая погудка, почтеннейший г. профессор! Это буквальное повторение Беркли, говорившего, что материя есть голый абстрактный символ. Но голеньким-то на самом деле ходит Эрнст Мах… Если „чувственным содержанием“ наших ощущений не является внешний мир, то, значит, ничего не существует, кроме этого голенького „я“, занимающегося пустыми „философскими“ вывертами».

Стр. 41: «К Маху бросаются на шею имманенты».

Стр. 51: «Ваша философия, господа, есть идеализм, тщетно пытающийся прикрыть наготу своего солипсизма нарядом более „объективной“ терминологии… Что у кого болит, тот о том и го-

ворит!»

Стр. 69: «В философии — поцелуй Вильгельма Шуппе ничуть не лучше, чем в политике поцелуй Петра Струве или г. Меньшикова».

Стр. 114: «Это как раз и есть та основная нелепость … за которую лобызают Маха с Авенариусом отъявленные реакционеры и проповедники поповщины, имманенты. Как ни вертелся В. Базаров, как он ни хитрил, как ни дипломатничал, обходя щекотливые пункты, а все же в конце концов проговорился и выдал всю свою махистскую натуру!»

Стр. 131: «Заслуженные вами объятия имманентов».

Стр. 148: «Старый-престарый субъективный идеализм, нагота которого прикрыта словечком „элемент“».

Стр. 157: «Чистый эмпириокритик Валентинов выписал плехановское примечание и публично протанцевал канкан».

(Здесь выход на тему переодеваний подлых шутов. Тема «злого клоуна» представлена в «Материализме» тоже с барочной роскошью форм.)

Стр. 193: «Ухищрения идеалистов и агностиков так же, в общем и целом, лицемерны, как проповедь платонической любви фарисеями!»

Стр. 223: «И вот эдакие-то немецкие Меньшиковы, обскуранты ничуть не менее высокой пробы, чем Ренувье, живут в прочном конкубинате с эмпириокритиками».

Стр. 226: «Он *(„сколько-нибудь толковый имманент“. — О.)* расцеловал бы Базарова и зацеловал бы его так же, как расцеловали Маха».

Стр. 234: «Комичнее всего тут, пожалуй, то, что сам блюститель чистоты и невинности Петцольдт … совокупил их с проповедником фидеизма Вильгельмом Шуппе».

Стр. 243: «Эти заведомые соратники и частью прямые последователи Маха своими поцелуями по адресу „подстановки“ сказали бы больше, чем своими рассуждениями».

Стр. 255: «Если бы Энгельс увидел, С КАКОЙ СТОРОНЫ подходят критиковать Дюринга Леклер под ручку с Махом, он бы этих обоих философских реакционеров обозвал во сто раз более презрительными терминами».

Стр. 296–297: «Открытый идеалист Уорд сбросил все покрывала … Уорд кувыркается *(Опять выход на тему нехорошего клоуна. — О.)* … Таково условие сожительства теологов и профессоров в „передовых“ капиталистических странах».

Стр. 312: «Фиговый листочек, пустое словесное прикрытие материализма».

Стр. 332: «(Современная физика) идёт к единственно верному методу и единственно верной философии естествознания не прямо, а зигзагами, не сознательно, а стихийно, не видя ясно своей „конечной цели", а приближаясь к ней ощупью, шатаясь, иногда даже задом. Современная физика лежит в родах. Она рожает диалектический материализм. Роды болезненные. Кроме живого и жизнеспособного существа, они дают неизбежно некоторые мёртвые продукты, кое-какие отбросы, подлежащие отправке в помещение для нечистот».

Стр. 366: «Никакие усилия в мире не оторвут этих реакционных профессоров от того позорного столба, к которому пригвоздили их поцелуи Уорда, неокритицистов, Шуппе, Шуберта-Зольдерна, Леклера, прагматистов и т. д.»

И т. д. и т. д. Неудивительно, что даже сестра Анна писала Ленину:

«Некоторую ругань надо опустить или посгладить. Ей-Богу, Володек, у тебя её чересчур много… Для философской книги особенно уж пестрит ею… Поэтому ходатайствую, чтобы ты выбросил „Гоголевский петрушка"; … „литературное неприличие". Эта фраза и по себе очень некрасива. „Не улыбку, а ОМЕРЗЕНИЕ" … Пожалуйста, выкинь это „омерзение" невозможное… Потом „проповеди платонической любви истасканными…" фуй, даже дописать неприлично… Ведь это же прямо неприличная фраза».

Ну, «истасканных» Ильич, скрепя сердце, заменил «фарисеями» (стр. 193). Петрушку же и прочее оставил, ибо как же без петрушки-то. О чём же писать? Книга и так наполовину состоит из цитат.

Никакого отношения к реальности. Всё из книг, в книгах. В сущности Ленин писатель ведь. Графоман. Философия в бездарном романе Ленина превращается в низменное шарлатанство, а сами философы изображаются жуликами и шпаной, цель которой в открытом и исподтишка пакостничестве друг другу, окружающим и всему миру. Философская полемика становится фарсом и злой клоунадой:

«Если на удочку Авенариуса попалось несколько молодых интеллигентов, то старого воробья, Вундта, провести на мякине не удалось. Идеалист Вундт весьма невежливо сорвал маску с кривляки Авенариуса».

И далее: «субъективные идеалисты в костюме арлекина», «клоуны буржуазной науки»; «тарабарщина»; «философские выкрутасы»; «ужимки»; «шарлатанство или крайнее скудоумие»; «невероятно пошлая галиматья»; «квазинаучное шутовство в костюме

терминологии Авенариуса»; «эмпириокритический Бобчинский и эмпириокритический Добчинский» и т. д., и т. д., и т. д.

Вольно или невольно в этот подлый кухонный фарс философов втягиваются и соседи-коммунисты (с волками жить — по-волчьи выть). И всё — уже не отмоешься. «Идеологическая невинность» большевиков всё равно разрушена, раз они связались с этими подлецами. Оттого переписка Ленина пестрит, например, следующими оборотами:

«Очевидно, ещё раз захотелось большевикам, чтобы их провели за нос и плюнули в физию (600)… Конечно, центристы всё равно не пойдут на НАШ съезд, но к чему же давать повод лишний раз плюнуть себе в харю?»

Все проплёвано.
Стыдно.
Грязь.
Смерть.

558

← Предыдущее, следующее →

558. Примечание к № 543

(Соловьёв) гениальный самоубийца собственного гения (к цитате)

Незадолго до смерти, в статье «Достоверность разума», Соловьёв вспомнил странный сон, посетивший его «23 года назад». Он доехал по морю из России в Бразилию за три часа:

«Потому что течение морских волн, присоединяясь к течению времени, производит его ускорение».

Во сне Соловьёв ощущал этот постулат как непреложный закон физики. Ну и из этого философ делал соответствующие выводы. Но ведь очень скоро, в начале XX, века оказалось, что течение времени действительно зависит от материального движения! А Соловьёв писал, что он для своего примера:

«Нарочно выбрал мысль БЕЗУМНУЮ, такую, которая могла быть формулирована во сне или в психиатрической лечебнице».

Доказал Соловьёв этим примером совсем другое.

Свою гениальную слепоту.

559

← Предыдущее, следующее →

559. Примечание к № 556

«По слову народному, „у нежити своего обличия нет, она ходит в личинах“. Отсюда — бесчисленные перевёрты всякого рода». (П. Флоренский) (к цитате)

Флоренский сам не понял, о чем тут говорится у несчастных русских. Если у чёрта нет своего облика, если он ВСЕГДА оборотень, то все лица людские оборачиваемы, все они потенциальные оборотни. Все черти — вот вывод.

Сомнительно также выражение, что «лицо»-то и есть лик. Лик — это светлое лицо, идеальное лицо. Лицо Джоконды это, конечно, лицо. Но лик ли? Не есть ли её улыбающиеся губы трещина дьявола?

560

← Предыдущее, следующее →

560. Примечание к № 526
Про любовь же мне ничего не сказали. (к цитате)

Но почему про это кто-то должен говорить? Мне же никто не говорил: «Думай, читай Платона». Я до этого своим умом дошёл. Нет, дело здесь не в отце и не в советской «школе». Точнее, и отец, и школа — это лишь проявления, манифестации некоторой изначальной порочности русской культуры.

Суть русского отношения к любви, суть русского эроса и секса, суть русского устройства в мире этой сферы человеческой жизни выявлена в «Женитьбе» Гоголя, произведении поистине архетипическом. С психоаналитиком, который не читал «Женитьбы» и берётся при этом судить о специфике русской сексуальной жизни, и говорить не стоит. Я бы ему даже руки не подал. А если бы этот человек, например, взялся за лечение невротика из русских эмигрантов, то его следовало бы дисквалифицировать как шарлатана.

Гоголь в своей пьесе альфу и омегу дал. СУТЬ.

«Кочкарёв: Ну, а как будет у тебя жена, так ты, просто, ни себя, ничего не узнаешь: тут у тебя будет диван, собачонка, чижик какой-нибудь в клетке, рукоделье… И вообрази, ты сидишь на диване — и вдруг к тебе подсядет бабёночка, хорошенькая эдакая, и ручкой тебя…

Подколёсин: А, черт, как подумаешь, право, какие в самом деле бывают ручки. Ведь просто, брат, как молоко.

Кочкарёв: Куды тебе! Будто у них только что ручки!.. У них, брат… Ну да что и говорить! у них, брат, просто чёрт знает, чего нет.

Подколёсин: А ведь сказать тебе правду, я люблю, если возле меня сядет хорошенькая.

Кочкарёв: Ну видишь, сам раскусил».

Позвольте, чего же Подколёсин «раскусил»? С ним рядом «хорошенькая» сидит, и он знает, что она сидит и думает, что вот она сидит. А у неё «ручки». А ещё? Ну, что ещё-то? «У них, брат…» — Ну-ну. — «Ну да что и говорить…»

Кажется, придирка, частность. Однако пойдём дальше:

«Кочкарёв: Вообрази, около тебя будут ребятишки, ведь не то что двое или трое, а, может быть, целых шестеро, и все на тебя как две капли воды. Ты вот теперь один, надворный советник, экспедитор или там начальник какой, Бог тебя ведает; а тогда, вообрази, около тебя экспедиторчонки, маленькие этакие канальчонки, и какой-нибудь пострелёнок, протянувши ручонки, будет теребить тебя за бакенбарды, а ты только будешь ему по-собачьи: ав, ав, ау! Ну есть ли что-нибудь лучше этого, скажи сам?

Подколёсин: Да ведь они только шалуны большие: будут всё портить, разбросают бумаги.

Кочкарёв: Пусть шалят, да ведь все на тебя похожи — вот штука.

Подколёсин: А оно и в самом деле даже смешно, чёрт побери: этакой какой-нибудь пышка, щенок эдакой, и уж на тебя похож.

Кочкарёв: Как не смешно, — конечно, смешно».

Если оформить брак, подписать бумаги, то можно будет получить проценты себя: человек начинает размножаться. Прямым делением (то один надворный советник, а то — двое, трое, шестеро). В результате получаются маленькие копии. Мужеского пола (о девочках и помину нет; как и о жене — жены тоже нет, есть «женитьба», а жена промелькнула абстракцией «с ручками» и исчезла). Мужеского пола и уже в маленьких мундирчиках и с маленькими бакенбардами. Эдакие «экспедиторчонки». Но тут опасность: «Они разбросают БУМАГИ». Да конечно, не разбросают, начнут «своими ручонками» переписывать их и подшивать в папины папки.

Но есть и второй слой, для нерусского глаза незаметный. Это глумление. Кочкарёв явно глумится над Подколёсиным, юродствует. — «Ты ему будешь по-собачьи: ав, ав, ау!.. Ну есть ли что-нибудь лучше этого, скажи сам?» А Подколёсин подхватывает на лету: «Щенок эдакой». Подходит щ-щенок и за бакенбарды дёргает. «Ну есть ли что-нибудь лучше?»

Вообще, если интерпретировать «Женитьбу» в традициях современной режиссуры, то я бы, во-первых, выпустил на сцену Агафью Тихоновну совершенно голой (только серёжки и бусы). Причём артистку бы подобрал кустодиевского телосложения. Чтобы по-русски всего много было: плечи, грудь, зад. И чтобы никто на сцене этого не замечал: никаких смешков, подмигиваний и похлопываний. Всё очень чопорно, официально. Окружающие вместо голой женщины видят голую абстракцию. И сама она ничего не замечает, Все прочие персонажи, наоборот, должны быть слишком одеты: френчи, сапоги, толстые пиджаки

с красным флажком на лацкане. И столы, столы, столы. Стульчики, конечно. Двери. Можно звонки вызовов. Настольные лампы.

Кульминационная сцена — «признание в любви»:

«Подколёсин (после паузы. — О.)*: Какой это смелый русский народ!*

Агафья Тихоновна: Как?

Подколёсин: А работники. Стоят на самой верхушке… Я проходил мимо дома, так щекотурщик штукатурит и не боится ничего.

Агафья Тихоновна: Да-с. Так это в каком месте?

Подколёсин: А вот по дороге, по которой я хожу всякий день в департамент. Я ведь каждое утро хожу в должность.

(Молчание. Подколёсин опять начинает барабанить пальцами, наконец берётся за шляпу и раскланивается.)»

Однако нашлись люди, оформили документы. Подколёсин испытывает чувство законной гордости и глубокой благодарности:

«Благодарю, брат. Именно наконец теперь только я узнал, что такое жизнь. Теперь передо мною открылся совершенно новый мир, теперь я вот вижу, что всё это движется, живёт, чувствует, эдак как-то испаряется, как-то эдак, не знаешь даже сам, что делается. А прежде я ничего этого не видел, не понимал, то есть просто был лишённый всякого сведения человек, не рассуждал, не углублялся и жил вот, как и всякий другой человек живёт».

Не углублялся и жил. Как его поставили, так всю жизнь в этом положении и прожил. Привели на лужок и забыли. Он траву ел, ел. Всю съел вокруг. И умер. «Какой это смелый русский народ!»

«В самом деле, что я был до сих пор? Понимал ли значение жизни? Не понимал, ничего не понимал. Ну, каков был мой холостой век? Что я значил, что я делал? Жил, жил, служил, ходил в департамент, обедал, спал, словом, был в свете самый препустой и обыкновенный человек. (А если женится, то необыкновенный, — дьявол Гоголь опять юродствует: „Какой ХОРОШИЙ человек Иван Иванович“. — О.). *Только теперь видишь, как глупы все, которые не женятся; а ведь если рассмотреть, какое множество людей находится в такой слепоте. Если бы я был где-нибудь государь, я бы дал повеление жениться всем, решительно всем, чтобы у меня в государстве не было ни одного холостого человека».*

«Если бы я был государь» — сакраментальная русская фраза (имеет она ещё более сильный вариант, никогда прямо не высказываемый и даже «не вымысливаемый»: «Если бы я был Бог (Христос)»).

«Я бы психоаналитику, не читавшему Гоголя, руки не подал». Но это к слову. Вот фраза из «Опавших листьев»:

«Если бы в государственных учреждениях была 1/10 доля ума …, то, конечно, не только разрешён бы был брак гимназистам и гимназисткам, но он был бы вообще сделан обязательным для 16-ти (юношам) и 14 ½ (чтобы не испортилось именно воображение) лет девушкам; и чтобы соблюдение этого было предоставлено согласованным усилиям родителей и начальств учебных заведений, и обеими сторонами — непременно исполнено, без чего не даётся „свидетельство об окончании курса“».

Розанов — это просто женившийся Подколёсин, Подколёсин, так и не выпрыгнувший из окошка. Подколёсин-Гоголь выпрыгнул (всё-таки, действительно, «русский народ смелый»). Чего же я переживаю (чувство, что меня обделили, чего-то не додали, отняли). Русский в своём громадном, окончательном развитии, в своём развёртывании до упора, когда гармошка плоской становится, — он такой и есть. Сильный расовый тип испанца — Дон Жуан. Сильный тип русского — Подколёсин. Если и есть примеры счастливой русской половой жизни (что-то я не встречал), то это за счёт русской недоразвитости субъекта, его СЛАБОСТИ.

Подколёсину перед самым венчанием говорят:

«Брак это есть такое дело… Это не то, что взял извозчика, да и поехал куды-нибудь; это обязанность совершенно другого рода, это обязанность… Теперь вот только мне времени нет, а после я расскажу тебе, что это за обязанность».

561

← Предыдущее, следующее →

561. Примечание к № 526

Отец покупал бормотуху и, помню, радовался: «экономия». И через четыре года на пятый умер. (к цитате)

Как сейчас вижу красивую и огромную отцовскую голову (62 номер), с высоким лбом интеллектуала, склонившуюся над тарелкой с объедками. Отец никогда не ел, он всегда доедал. Ломал кости от съеденной курицы и высасывал причмокивая костный мозг, чавкал гнилыми грушами, хлебал прокисшие щи, накрошив туда заплесневелые корки. И не болел. Отцовский желудок, желудок «человека 30-х», всё переваривал. Как о великой Обиде, запомнившейся на всю жизнь, говорил отец о том, что старшая сестра, у которой он жил, не дала ему, маленькому, сливок (586). Он хотел съесть, а она его поставила в угол и сама съела. И у отца через 40 лет дрожали по-детски губы, когда он про это рассказывал.

Ещё курил он самые дешёвые сигареты «Памир». Курил страшно — до обожжённых пальцев (в этих местах всегда жёлтые, с толстой кожей). И потом надевал бычок на булавку и докуривал до конца.

562

← Предыдущее, следующее →

562. Примечание к № 547

«На сцене живая картина — „Освобождённая Россия“: женщина с разорванными кандалами в руках, у её ног лейтенант Шмидт, вокруг — Пушкин, Лермонтов, Грибоедов…» (к цитате)

Ср. сцену «литературной кадрили» на балу в «Бесах»:

«„Честная русская мысль“ изображалась в виде господина средних лет, в очках, во фраке, в перчатках и — в кандалах (в настоящих кандалах). Под мышкой этой мысли был портфель с каким-то „делом“. Из кармана выглядывало распечатанное письмо из-за границы, заключавшее в себе удостоверение, для всех сомневающихся, в честности „честной русской мысли“. Всё это досказывалось распорядителями уже изустно, потому что торчавшее из кармана письмо нельзя же было прочесть. В приподнятой правой руке „честная русская мысль“ держала бокал, как будто желая провозгласить тост. По обе стороны её и с нею рядом семенили две стриженые нигилистки, а визави танцевал какой-то тоже пожилой господин, во фраке, но с тяжёлою дубиной в руке и будто бы изображал собою не петербургское, но грозное издание: „Прихлопну — мокренько будет“. Но, несмотря на свою дубину, он никак не мог снести пристально устремлённых на него очков „честной русской мысли“ и старался глядеть по сторонам, а когда делал па-де-де, то изгибался, вертелся и не знал, куда деваться — до того, вероятно, мучила его совесть… Впрочем, не упомню всех этих тупеньких выдумок; все было в таком же роде, так что, наконец, мне стало мучительно стыдно. И вот именно то же самое впечатление как бы стыда отразилось и на всей публике, даже на самых угрюмых физиономиях, явившихся из буфета. Некоторое время все молчали и смотрели в сердитом недоумении».

А это им Пётр Степанович Верховенский «подобрал» (570). Подобрал со злобой. Не только провокация, но заодно и просто над публикой поиздеваться (580).

563

← Предыдущее, следующее →

563. Примечание к № 537

Почему у русских националистов были фамилии: Цион, Нилус, Бутми? (к цитате)

Да потому, что действительно серьёзное движение начинает с создания своих противников (602).

564

← Предыдущее, следующее →

564. Примечание к № 538
его утопия носит расовый характер (к цитате)

В определённом смысле взгляды Соловьёва близки славянофилам. Именно от них он заимствовал идею мессианства России. Но при этом Соловьёв раздул форму Третьего Рима до глобальных размеров, а русское содержание сократил до нуля. Россия должна охватить весь земной шар, но русские послужат лишь кирпичами для создания мировой империи. Это пародийный гибрид славянофильского национализма и западнического нигилизма. Славянофильская идея спасения Запада, сама по себе очень слабая и совсем не национальная (571), не русская, превратилась у Соловьёва в идею жертвования Россией, в идею принесения России в жертву. Россия должна быть уничтожена для каких-то неведомых целей. При этом мрачная масштабность замысла прикрывается до смешного дешёвыми оправданиями: чтобы в игрушки играться, надо убить мать и т. д. Тут поражает не сам факт, и даже не его назойливая воспроизводимость от Чаадаева до Бердяева (584), а именно крайнее легкомыслие, непродуманность. Дурашливость. Всё это голословно, бездоказательно, в двух-трёх хлопушечных фразах, походя.

Откуда у Соловьёва это истошное: «А вот Россия! кому Россия!» Это не соплеменник, а племянник (590). «Мой дядя самых честных правил». И вдруг нежданно-негаданно свалилось такое наследство — Россия. От русского дяди, по боковой линии.

Соловьёв:

«Наша история навязала нам три великие вопроса, решением которых мы можем или прославить имя Божие и приблизить Его царствие исполнением Его воли, или же погубить свою народную душу и замедлить дело Божие на земле. Эти вопросы суть: ПОЛЬСКИЙ (или КАТОЛИЧЕСКИЙ), ВОСТОЧНЫЙ вопрос и ЕВРЕЙСКИЙ».

Таким образом, решаются не вопросы РОССИИ, а вопросы РОССИЕЙ. И всё одно и то же: откажитесь, отступите, сдайте. Соловьёв, так и чувствуется, не знает, что делать с этой глупой Россией, которая, как он считал, ему досталась. Куда бы

её швырнуть? Владимир Сергеевич не понимал, что на самом-то деле не только она ему, но и он ей достался.

565

← Предыдущее, следующее →

565. Примечание к № 542

Набоков негодует на то, что Чичиков не аристократ и не писатель (к цитате)

Другой аспект. Набоков назвал Николая I:

«Равнодушным, распутным царём, невеждой и негодяем, чьё царствование всё, целиком, не стоило и страницы пушкинских стихов».

Сравнение странное, может быть, раскрывающее тайную мечту русских писателей. Сам Пушкин нелепо задумал соперничать с Николаем, который как государственный деятель был его умнее на три порядка. Пушкин во главе государства и двух суток бы не продержался. Сунул бы свою любопытную голову куда не следует, и ему бы её второстепенным рычагом государственного механизма отдавило. Написал «Бориса Годунова» — произведение крупное. Но быть Борисом Годуновым легче ли? Воля и ум, но направленные не в себя, не в воплощение в слове, а — вовне, в действие. И плата уже не успех или неуспех, а жизнь или смерть.

Николай I, если и не гениальный, то талантливейший государственный деятель, всю жизнь день и ночь работавший на благо страны и ничего не упускавший. И Пушкина не упустивший, сделавший всё, что можно было. (А упустил бы — куда? в Париж к Дантесу?) Вернул из ссылки, простил связь с декабристами, дал надёжный социальный статус (ни один из русских писателей не был потом так близок к верховной власти). Огромная денежная помощь. Стремление предотвратить дуэль. Что ещё требовать от главы государства? Сделать Пушкина «владыкою морским» и быть у него «на посылках»?

Конечно, сейчас кажется, что Пушкина при жизни не ценили, «замалчивали» и т. д. Но это ведь всегда кажется, так как живых гениев не бывает (по крайней мере, при жизни гениями раньше 50–60-ти лет не становятся). А во-вторых, все-таки у Николая были и некоторые другие дела, кроме заботы о каких-то литераторах, пускай и гениальных. Читаешь дневники Николая I — это сверхчеловек. Каждый день с утра до ночи работа, работа, рабо-

та. Пушкин же никогда в жизни не работал. И слава Богу. Но Николай I работал. И тоже слава Богу.

— Иван Иванович, как вы относитесь к Петру Петровичу?

— Никак.

— Но всё-таки такой человек. Его знает вся Россия. Влияние и на мировую историю…

И вдруг лицо Ивана Ивановича превращается в свекольную морду:

— Он не любил марок!!!

Учиться демократии надо, г. Набоков (569). Учиться терпимости, умению не только самому жить, но и давать жить другим. В литературе вы царь и Бог. Но кроме литературы есть и другие сферы человеческой жизни. Надо их тоже уважать. Более того. Вы обладаете специфическим оружием — словом, и в этом смысле господствуете над другими. Так пользуйтесь им умело, бережно. Человек, занимающийся профессионально рекламой, не должен ставить в центр рекламы рекламу самого себя. Русские писатели же, обрадовавшись попавшей в их руки волшебной палочке, сумели убедить всю Россию, что самое важное сословие в государстве — это они, писатели. Очень неумно. Я бы даже сказал, глупо. Или ещё сильнее — гадко. Надо быть скромнее. «Смирить гордыню».

566

← Предыдущее, следующее →

566. Примечание к № 540

при всём этом оттенок идиотизма по типу «я тебе добра хочу» (к цитате)

Однажды я уезжал из пионерского лагеря и нас перед посадкой в автобусы отпустили часа на два погулять. Делать было нечего, все слонялись по территории в белых рубашках с золотыми пуговичками-тарелочками. Было какое-то ощущение тоскливой приподнятости (12 лет). Внезапно я подошёл к одному мальчику и спокойно так говорю: «Вань, я тебе добра хочу». Он ошарашенно посмотрел на меня, мол: «Одиноков, ты чего?» А я опять: «Да, я тебе хочу добра». Он то ли возмутился, то ли не понял, подумал, что это розыгрыш какой-то, повернулся и пошёл от меня. Так просто, куда глаза глядят. А я тоже не понял ничего, но пошёл за ним: «Ваня, а Вань, ты пойми, я тебе добра хочу». И мне стало вдруг испуганно-радостно, я ощутил власть над ним, над миром, над языком (576). Мне так зло-весело стало, я иду и всё повторяю: «Я тебе добра хочу». Он: «Да понял я, понял, молодец». — «Нет, ты не понял. Нельзя так. Ты не того… этого… Я добра тебе хочу». А он как-то испугался, уступил испуганно и уже не может удержаться. Растерялся, не знает, что говорить.

Тут осмысление тарелочно-пуговичной пионерской реальности. Я пионер, маленький добрый чиновник. Моральное изнасилование. Чопорная аморальность (635). Это один из первых опытов овладения русским языком, понимание его сути.

567

← Предыдущее, следующее →

567. Примечание к № 554
реальная жизнь проявляется в кровавой ванне мозга злорадством (к цитате)

Все разрозненные факты моей жизни волшебно сливаются в единое целое из-за способности к ассоциации, к соотнесениям любого вида и сорта. В результате каждый день — это отдельный рассказ, притча. А шире: глава романа — жизни. И кто я, живущий внутри пространства дня? — Не автор, а литературный персонаж. Уже в этом страшное глумление. Не я пишу книгу, а меня описывают. И я ничего не могу поделать. Я выдумываю реальность (ибо факты сами по себе никак не связаны и соотносятся только через меня, через моё воображение). Но реально-то реальность выдумывает меня. Персонажи-люди независимы от моей воли, и я сам становлюсь независим от самого себя.

Плюс чувство глубокой ущербности, пьяности. Это мучительное унижение. А никто не видит. Реальность не дешифруется для окружающих и не понимается, не прочитывается. Это высший тип глумления. Глумление происходит естественно, походя, даже неосознанно. Безлико.

Но почему именно глумление? Почему не счастье, не радость? Почему я не вижу красоты? Почему все неосознанно издеваются, а не восхищаются, скажем? А потому, что я тварь, но не творец. Я максимально приблизился к акту творения и потерял свою человеческую сущность. Потерял смысл жизни.

568

← Предыдущее, следующее →

568. Примечание к № 547
к власти пришли люди тёмные, озлобленные (к цитате)

Милюков писал буквально накануне второго открытия русской иконописи:

«Техника живописи настолько уже находилась в упадке в момент перехода в Россию, что и в этом направлении немного пришлось прибавить русскому варварству. В наиболее важных случаях до самого конца XIX века приглашали писать иконы „мастера гречанина“. От него переняли его мастерство и русские художники, но чисто механически. Икона писалась по трафарету, по „переводу“ с готового „образца“, о правильности рисунка не было и речи, так же как и о свободной композиции его».

С русским искусством, да и вообще с русской культурой, Милюков не церемонился. Россия для него была отсталой окраиной цивилизованного мира. Но тут противоречие — развязный тон Милюкова, чрезвычайно довольного своим умом и образованием. Да, русский народ глуповат, но сам Милюков — умён до чрезвычайности. Тут бы и задуматься ему, тут бы и сделать хотя бы нехитрый силлогизм: если моя нация так некультурна и так неоригинальна, то не следует ли предположить, что и я, её представитель, тоже некультурен. И не является ли тогда мой собственный подход к культуре своего народа тоже достаточно некультурным, однобоким, поверхностным…

569

← Предыдущее, следующее →

569. Примечание к № 565
Учиться демократии надо, г. Набоков. (к цитате)

Набоков и был самым демократичным русским писателем. Его демократичность — в аристократизме, в постоянном подчёркивании элитарного характера художественного творчества. Рассматривая весь мир через призму этой элитарности, он одновременно подчёркивал ограниченность подобного подхода к миру. Набоков именно и посмотрел на Николая I как писатель. Он и был писателем. История его не интересовала, историей должны заниматься историки. Социологией — социологи. Философией — философы.

Набоков кажется ограниченным из-за незавершённости русского мира. Ведь историков нет. Философов — нет. А великий писатель Набоков есть. И поневоле обижаешься, почему так мало он занимался философией или историей. Русский мир в Набокове необыкновенно углубился. Но вообще русский мир не углубился. Соседние ячейки пусты, специализации не произошло, хотя глубина набоковского мира соответствует очень высокой степени специализации. Универсальную форму Набокова хочется дополнить универсальным содержанием. Соблазн неизбежный.

Характерно, что опять литературе повезло. «По-русски».

570

← Предыдущее, следующее →

570. Примечание к № 562
А это им Пётр Степанович Верховенский «подобрал». (к цитате)

Верховенский по способу своего поведения и мышления абсолютен. Это самый «удавшийся» герой Достоевского. Он абсолютно пуст, и его интимность, интимничание максимально неискренне и двулично. Он постоянно выговаривается, исповедуется, но исповедь его — лжеисповедь. Она самозамкнута и пуста. Каждое последующее предложение обессмысливает предложение предыдущее, является его оговоркой. Может быть, способ русского мышления тут наиболее нагляден, особенно чувствуется его «непростота», о которой писал Розанов:

«Русский, кроме того, что он прямо говорит или делает, вечно что-то ещё около этого думает. Это — народ, вечно оглядывающийся на себя… От этого он так неуклюж, связан в движениях; пьяный — вечно „ломается“».

Верховенский:

«Я, конечно, решился взять роль. Самое бы лучшее совсем без роли, своё собственное лицо, не так ли? Ничего нет хитрее, как собственное лицо, потому что никто не поверит. Я, признаться, хотел было взять дурачка, потому что дурачок легче, чем собственное лицо; но так как дурачок все-таки крайность, а крайность возбуждает любопытство, то я и остановился на собственном лице окончательно. Ну-с, какое же моё собственное лицо? Золотая средина: ни глуп, ни умён, довольно бездарен и с луны соскочил, как говорят здесь благоразумные люди, не так ли? … — А, вы согласны — очень рад; я знал вперёд, что это ваши собственные мысли… Не беспокойтесь, не беспокойтесь, я не сержусь и вовсе не для того определил себя в таком виде, чтобы вызвать ваши обратные похвалы: „Нет, дескать, вы не бездарны, нет, дескать, вы умны“… А, вы опять улыбаетесь?.. Я опять попался. Вы не сказали бы: „вы умны“, ну и положим; я всё допускаю… и, в скобках, не сердитесь на моё многословие. Кстати, вот и пример: я всегда говорю много, то есть много слов, и тороплюсь, и у меня всегда не выходит. А почему я говорю много слов и у меня не выходит? Потому что говорить не умею. Те, ко-

торые умеют хорошо говорить, те коротко говорят. Вот, стало быть, у меня и бездарность, — не правда ли? Но так как этот дар бездарности у меня уже есть натуральный, так почему мне им не воспользоваться искусственно? Я и пользуюсь. Правда, собираясь сюда, я было подумал сначала молчать; но ведь молчать — большой талант и, стало быть, мне неприлично, а во-вторых, молчать всё-таки ведь опасно; ну, я и решил окончательно, что лучше всего говорить, но именно по-бездарному, то есть много, много, много, очень торопиться доказывать и под конец всегда спутаться в своих собственных доказательствах, так чтобы слушатель отошёл от вас без конца, разведя руки, а всего бы лучше плюнув. Выйдет, во-первых, что вы уверили в своём простодушии, очень надоели и были непоняты — все три выгоды разом! Помилуйте, кто после этого станет вас подозревать в таинственных замыслах? Да всякий из них лично обидится на того, кто скажет, что я с тайными замыслами. А я к тому же иногда рассмешу — а это уж драгоценно. Да они мне теперь всё простят уже за то одно, что мудрец, издававший там прокламации, оказался здесь глупее их самих, не так ли? По вашей улыбке вижу, что одобряете.

Николай Всеволодович (Ставрогин. — О.) *вовсе, впрочем, не улыбался, а, напротив, слушал нахмуренно и несколько нетерпеливо.*

— А? Что? Вы, кажется, сказали „все равно“? — затрещал Пётр Степанович (Николай Всеволодович вовсе ничего не говорил). — Конечно, конечно; уверяю вас, что я вовсе не для того, чтобы вас товариществом компрометировать. А знаете, вы ужасно сегодня вскидчивы; я к вам прибежал с открытою и весёлою душой, а вы каждое моё словцо в лыко ставите; уверяю же вас, что сегодня ни о чем щекотливом не заговорю, слово даю, и на все ваши условия заранее согласен!

Николай Всеволодович упорно молчал.

— А? Что? Вы что-то сказали? Вижу, вижу, что я опять, кажется, сморозил; вы не предлагали условий, да и не предложите, верю, верю, ну успокойтесь; я и сам ведь знаю, что мне не стоит их предлагать, так ли? Я за вас вперёд отвечаю и — уж конечно, от бездарности; бездарность и бездарность… Вы смеётесь? А? Что? … Что это, вы за палку хватаетесь? Ах нет, вы не за палку… Представьте, мне показалось, что вы палку ищете?»

571

← Предыдущее, следующее →

571. Примечание к № 564

Славянофильская идея спасения Запада, сама по себе очень слабая и совсем не национальная (к цитате)

Как и западники, славянофилы не знали, что им делать с Россией. Отличие заключалось лишь в том, что западники во имя бессмысленного идеала вообще родину загубить хотели, а славянофилы для достижения таких же фантазий вели речь не о жертве, а о преуспеянии. То есть, например, целью России объявлялось освобождение славян, но не ценой распада или уничтожения русского государства, а, наоборот, путём создания единой восточноевропейской федерации под руководством Великой России. А по сути, и в том и в другом случае русские интеллектуалы не доросли до реальной политики. Как функционирует государство, какие цели преследует, каков механизм международных отношений — всё это оставалось тайной за семью печатями.

А было так. Во время войны с протестантами инквизиция приговорила к смертной казни всё население Нидерландов (за исключением небольшого числа счастливцев, включённых в поимённый список). Успели вырезать более 100000 человек. Католический молот со страшной силой обрушивался на непокорные народы.

Эпизод из пьесы Платонова «Высокое напряжение»:

«Звук упругого пневматического удара — негромкого, неглубокого и мощного. Комната сотрясается. Стол, на котором лежит Мешков, подпрыгивает, — и Мешков скидывается на пол… Новый удар. Комната сотрясается. Общее волнение. Мешков покачнулся всем телом, но устоял. Девлетов, Крашенина и Пужаков бросаются к выходу. Жмяков спокоен.

Жмяков (Девлетову): Спокойно, директор. Это пробуют новые молоты, это ещё неполные удары».

И вот вся Европа сотрясалась от таких ударов. И «неполных» и «полных». Но странное дело — одна страна за другой отпадала от Рима. Католицизм явно проигрывал. Какой же силы должны были быть удары ответные! И какими «сверхполными» долж-

ны были быть эти удары, если и через столетия о них предпочитали испуганно умалчивать!

«Накал» наиболее ясно виден на примере Испании, страны молодой, наивной, с наиболее элементарным раскладом сил. Вот на костёр идёт еврейская аристократия — в уродливых колпаках, истерически выкрикивая последнее «слушай, Израиль, Бог един!» Вот ответный террор, и руководство инквизиции планомерно отравляется и вырезается (убийство Арбуэса в Сарагосской церкви и т. д.). А с другой стороны, руководство инквизицией оказывается в руках священников-евреев, и они под видом борьбы с марранами уничтожают цвет испанского народа. (Евреем был Торквемада, отец испанской инквизиции. Евреем же был и его преемник, генерал-инквизитор Диего Деза.) А вот иудаизированное испанское дворянство начинает расползаться по всей Европе. Кровавая месть всё увеличивается, все расширяется. Расовая и религиозная война достигла накала немыслимого. Двойные и тройные провокации, геноцид, отравления, сознательное распространение чумы и холеры, взаимное озверение. И всё это сопровождалось воем глушилок.

И тут же адаптация ко злу. Фламандское искусство. Италия — людей замуровывают в стены, варят в кипятке, а жизнь идёт своим чередом, и государство от этого даже тучнеет. Добро и зло, их борьба усложняется. А усложнение уровня означает его повышение.

И вот русские полезли в этот реактор (575). Лихо, по-молодецки, в москвошвеевских брючках и пиджачках. Да ещё смеялись, что вокруг них чудаки какие-то в свинцовых скафандрах ходят. И в XVIII веке получили смертельную дозу. А в начале XX беззубый лысый паралитик — отчего, всё же было так хорошо? — так и не поняли. Даже в социализме ни черта не поняли. Не поняли, что «призрак коммунизма» действительно является призраком, искусственно созданным фантомом. Не поняли, что само по себе подобное «социальное движение» отлично известно ещё со времён античности, не раз побеждало и осуществлялось в тех же древнегреческих полисах и уже тогда считалось грубой ошибкой, «государственным раком», Уже поэтому как некое политическое и философское учение коммунизм был совершенно неинтересен. И наконец, не поняли, что страшно интересно, кто же действительно и с какой целью вытащил эту замшелую идейку с помойки мировой истории.

И тут славянофилы. Мы добрые, мы хранители христианской правды. Да изучили бы подлинную историю Европы. По фактам, а не по идеологическому визгу. Попытались бы создать относи-

тельно (элементарно) объективную историю своих западных соседей.

И хоть бы кто-нибудь из западников одёрнул. Куда там! Это уже по своей первобытной наивности даже не Азия, а Африка. Соловьёв с его «Оправданием добра», где сама проблема добра и зла не поставлена даже. Поставлена на уровне девочки и мороженого (605). Отнял дядя у девочки мороженое и съел. А девочка плачет. Дядя плохой. А вот другой дядя: смотрит, девочка плачет, взял и купил ей мороженое. Хороший дядя! И с ЭТИМ шли в Европу!

Между прочим, Аксаков писал в то время:

«Какая-то динамитная эпидемия охватила всё „цивилизованное“ человечество. Что ни день, то телеграмма из того или другого края Европы о совершившемся или неудавшемся зверском замысле новейших ИДЕАЛИСТОВ (уподобляемых в некоторых органах русской печати „христианам первых веков“) на жизнь одного ли, сотен ли, тысячей ли людей совсем неповинных, — и всё большею частью посредством мин или бомб, начинённых этим, популярным теперь, взрывчатым веществом… Впрочем это вещество только потому и стало таким пресловутым, что служит ПОКА самым удобным дешёвым и вместе самым могущественным, наиужаснейшим орудием разрушения; „апостолы же динамита“ не пренебрегают и ядом, револьвером, кинжалом, керосином и иными способами смертоубийства и истребления. Хотели же „самоотверженные служители идеи“, анархисты испанской „Чёрной руки“, отравить водопроводы!»

Да тут испугаться, а не «морально негодовать». — «Э-э, да у вас вон как пошло — на уровне ВОДОПРОВОДА!» (610)

Всё в жизни осмысленно. И муравейник преисполнен удивительной логики, а что же говорить о человеческом обществе? (628) Но русские не поняли Европы даже на уровне муравейника. Элементарного «устройства»-то Европы и не поняли.

572

← Предыдущее, следующее →

572. Примечание к № 507

А мне никто не интересен, кроме меня. (к цитате)

Я никого в жизни не любил. Конкретного, живого человека. Уважал, сочувствовал, испытывал симпатию, привязанность — сколько угодно. Но я никогда никого не любил. Никогда не отдавал себя. А только одаривал собой (не самим собой, а созданным мной), просвещал. Очень трезво и рационалистично.

Розанов писал:

«…среди „свинства“ русских есть правда одно дорогое качество — интимность, задушевность. Евреи — то же. И вот этой чертою они ужасно связываются с русскими. Только русский есть пьяный задушевный человек, а еврей есть трезвый задушевный человек».

За всю жизнь я не выпил и рюмки вина. Люди — интимно, душевно — мне, собственно говоря, неинтересны. Розанова я, что называется, «в глаза не видел» (578). Не удосужился пойти в библиотеку, посмотреть на его портрет (есть в декадентских журналах, например). Не интересовался его книгами, не попавшими мне в руки. А это количественно 80% его наследия. Качественно, конечно, процентов 20, ибо лучшее я читал, но всё равно это небрежение, равнодушие. (Писал это 2.12.1986 г. Потом, через год, мне под нос подсунули другие книги и фотографии.)

Вечная поглощённость самим собой, своими переживаниями (606). Сказали бы: «Можно уехать». Я бы прям так, в пиджачке (798) и брючках, в тот же день в самолёт…

Ну, несколько бы замешкался со сбором и вывозом дневников, конспектов, множества книг с аппаратом пометок (771). Среди этой суматохи если спросили бы: «С людьми же порываешь: как самочувствие?» — «С людьми? Какими? Ах, эти…»

Впрочем, возможно, я преувеличиваю. Нет, прощался бы в аэровокзале и было бы грустно. Но ни одного жеста, никаких объятий-поцелуев. Всё очень чопорно и просто.

Может быть, и заплакал бы. Потом уже, в самолёте.

Над собой.

И это уже точно.

573

← Предыдущее, следующее →

573. Примечание к № 526
«Не будут же они...» — Будут. (к цитате)

Дочь Толстого Татьяна Львовна в 1891 г. выехала в места, пострадавшие от неурожая. Свои впечатления от увиденного она аккуратно записывала в дневник:

«29 октября. Бегичевка... Пришло несколько баб, и все румяные и здоровые на вид. Хлеба ни у кого нет, и что хуже всего — его негде купить. Соседка рассказывала, что продала намедни последних четырёх кур по 20 коп., послала за хлебом, да нигде поблизости не нашли... Другая баба по моей просьбе принесла показать ломоть хлеба с лебедой. Хлеб чёрен, но не очень горек — есть можно. «И много у вас такого хлеба?» — «Последняя краюшка» (сама хохочет). — «А потом как же? «— „Как? — помирать надо“. — „Так что же ты смеёшься?“ Эта баба ничего не ответила, но, вероятно, у неё та же мысль, которую почти все высказывают: правительство прокормит. Все в этом уверены и поэтому так спокойны».

И правительство тогда, конечно, «прокормило». Как делало это и раньше. Именно правительство, а не «общественность». Вклад государства в ликвидацию неурожая 1891 г. не соизмерим с вкладом «общества». Помощь последнего ограничивалась в основном газетной истерикой о «вымирающем русском крестьянстве», которое, конечно, до такого состояния «довели» и довели, конечно, «власти». Но это ясно. Мне интересно другое. Ведь когда в 1921 г. начался голод в Поволжье (первый голод с эпохи Смутного времени), крестьяне, веками привыкшие к СВОЕМУ правительству, тоже, наверное, «смеялись», тоже думали, что «правительство прокормит», тем более, что это правительство совсем недавно вывезло у них всё зерно, включая семенной фонд. Думали: «не могут же они»; «они понимают, что нам нечего есть, знают». По официальным данным погибло 5 миллионов. Как только начался настоящий голод, из деревень Поволжья первым делом убежали все советские чиновники. Единственная организованная группа, которая осталась в сёлах, — священники — накормить людей не могли. Единствен-

ное, что было в их власти, это помочь своим прихожанам умереть достойно, не по-зверски. В Воронежском уезде толпы крестьян ходили по полям с обновлённой иконой «Достойна есть». Священники устраивали торжественные встречи иконы с колокольным звоном, молебнами. В окрестных деревнях также стали появляться обновлённые иконы, и не только в храмах, но и в домах крестьян. А что оставалось делать? — молиться и умирать. И вот на этом этапе новое правительство наконец помогло. Но не хлебом, ибо не хлебом единым (577)… Воронежский губернский ревтрибунал возбудил уголовное дело против контрреволюционных молитв о дожде и хлебе. В приговоре от 22.10.1921 года отмечалось:

«Научно-психиатрическая экспертиза установила развитие эпидемии массового религиозного психоза».

Большевик Ногин на XII съезде живописал исключительную храбрость и мужество колониальной администрации:

«Кое-кто из статистиков совершает целые подвиги. Например, на Кавказе некоторым товарищам пришлось подвергаться опасностям во время обвалов. В Самарской губернии им пришлось точно так же испытать целый ряд лишений вследствие того, что тех лошадей, на которых они двигались, съедали».

Стихийные бедствия: обвалы, туземцы. И доблестные научные евреи, с гроссбухами, учитывающие доставшееся поголовье, причём поголовье (596), обратите внимание, одержимое религиозным психозом. Я читал протоколы и думал: ну хоть кто-то, хоть один «чудак» не выдержит, закричит: «Что же мы наделали! Нет нам прощения!» Ничего подобного. Общая атмосфера — ЛЁГКАЯ, ШУТЛИВАЯ. Специально подсчитал, пометка «смех в зале» встречается в протоколах этого съезда 49 раз! Весёлые молодые учёные, собравшиеся на университетский капустник. Всё ещё знают, и вся жизнь ещё впереди.

Мартынов-Пиккер изрёк на том же съезде:

«Источник силы нашей коммунистической партии и властвующего у нас пролетариата заключается в том, что они, низвергнув все кумиры, продолжают молиться одному Богу, богине разума, исторического разума».

И там же самовлюблённый Зиновьев на вершине своего политического могущества:

«Мы — марксисты, и поэтому мы слышим, как трава растёт. Мы видим на два аршина под землёй».

Но не так глупо. Вместе с самодовольной еврейской тупостью,

еврейская же и хитрость:

«Сейчас поднимает голову великорусский шовинизм … Опасность (голода) была … велика потому, что середняк-рабочий не мог примириться с фактом людоедства и т. д. Но всё же это ничто по сравнению с тем, что может быть, если у нас начнутся национальные трения. Если у нас в Советской России начнутся массовые национальные трения, то это будет таким ударом коммунистическому интернационалу, от которого он не оправится много лет. Если бы у нас дело дошло до таких трений, это было бы гораздо опаснее, чем даже голод и людоедство, которое мы пережили…»

Главное не называть фамилий и адресов. Единственная забота — страх, как бы не узнали. Ни один колонизатор-европеец не дошёл бы до такого плоского, трусливо-животного эгоизма. Розанов в «Апокалипсисе» буквально мечтал о захвате России немцами. И действительно, всё равно бы произошла ассимиляция, и Россия стала бы в конце концов независимой (как Индия и все другие колониальные страны, даже самые маленькие). И уж как о несбыточном счастье писал Розанов тогда в письмах о крепостном праве. «Какое счастье быть чьим-нибудь крепостным». Конечно, по сравнению с зиновьевыми счастье. Свой, родной по крови, и в общем умный, в общем благожелательный, в общем заботливый. Чтобы помещик не помог своим крестьянам — голодающим, погорельцам, больным холерой? Невероятно. А о большевистской политике по отношению к крестьянам с исчерпывающей полнотой сказал товарищ Осинский ещё в 1919 году (VIII съезд):

«Есть один еврейский анекдот. Стал еврей жаловаться Богу на тесноту его жизни: жилище его слишком темно, грязно, тесно, он не может так жить и согласен умереть. И Бог предписал в эту хижину постепенно привести ему и лошадь, и корову, и птиц и всякий день спрашивал: „Не лучше ли тебе?“ — „Нет, — отвечает еврей, — совсем плохо“. Бог говорит: „Выгоняй всех, вычищай“. Тогда еврей пришёл и сказал: „Теперь стал рай настоящий“. Товарищи, так и мы столько нагнали всякой твари, что если почистим хорошенько, то крестьянство только вздохнёт облегчённо и будет говорить, что рай от большевиков».

Я вижу их, вечно пьяных, грассирующих, рисующих друг другу кресты на спинах френчей, рассказывающих в курилках свежие анекдоты из кавказской и еврейской жизни…

Однажды я подумал: а ведь правительство, власть — это «хорошо». Это польза, помощь, добро. Так ведь в нормальных усло-

виях, в нормальном обществе. И мысль эта мне, запуганному, смертельно боящемуся, как бы власть меня НЕ ЗАМЕТИЛА, не обратила на меня внимание, — мысль эта показалась мне до того нелепой, до того экстравагантной…

574

← Предыдущее, следующее →

574. Примечание к № 509

О еврейском народе Владимир Сергеевич всегда говорил с теплотой в голосе (к цитате)

Соловьёв писал Венгерову по поводу издания энциклопедии Брокгауза:

«Колубовский взял целых 14 имён русских философов на „Г“, к этой букве они принадлежат вдвойне: за исключением моего этического друга Грота, подающего надежды, все прочие с выгодою для словаря могли бы быть совокуплены вместе под одним словом, которого не пишу, щадя вашу деликатность».

«Этическому другу» Гроту, редактору «Вопросов философии и психологии», Соловьёв писал о другом философе, тоже на «Г»:

«Посылаю тебе очень содержательную и учёную статью о каббалистической философии. Автор её барон Давид Гинцбург (сын известного банкира)».

Когда же редакция стала с публикацией гениального отпрыска медлить, высказывая опасения, что её безобразный русский язык вызовет смех у публики, Соловьёв закатил истерику и пригрозил бойкотом журнала.

Гинцбург большой, очень большой человек. Редакция должна считать для себя за честь… И потом, в какое положение поставлен сам Соловьёв? Был принят Гинцбургами лично, пообещал помочь. И вот доставил беспокойство таким людям! Ай-вай, нехорошо! В лице Соловьёва тут обидели по-настоящему уважаемых, настоящих людей, а также, заодно, и всю русскую философию. Ведь Соловьёв действительно был великим русским философом. Он был принят не только у Гинцбургов, но и у Поляковых. Лично.

Из биографии Фёдора Павловича Карамазова:

«Под конец очутился в Одессе, где и прожил сряду несколько лет. Познакомился он сначала, по его собственным словам, „со многими жидами, жидками, жидишками и жиденятами“, а кончил тем, что под конец даже не только у жидов, но „и у евреев был принят“».

У Гинцбургов и Поляковых.

575

← Предыдущее, следующее →

575. Примечание к № 571
И вот русские полезли в этот реактор. (к цитате)

Достоевский писал в «Дневнике писателя» за 1873 год:

«Положим, мы и есть великая держава; но я только хочу сказать, что это нам слишком дорого стоит и гораздо дороже, чем другим великим державам, а это предурной признак. Так что даже оно как бы и не натурально выходит».

И пошёл, пошёл дальше развивать кругами злорадную мысль:

«Мы покамест всего только лепимся на нашей высоте великой державы, стараясь изо всех сил, чтобы не так скоро заметили это соседи. В этом нам чрезвычайно может помочь всеобщее европейское невежество во всём, что касается России … нам очень будет даже невыгодно, если соседи наши нас рассмотрят поближе и покороче…»

Достоевский летел:

«Но в том-то и дело, что теперь, увы, кажется, и они начинают нас понимать лучше прежнего; а это очень опасно. Огромный сосед изучает нас неусыпно и, кажется, уже многое видит насквозь… Возьмите наше пространство и наши границы (заселённые инородцами и чужеземцами, из года в год всё более и более крепчающими в индивидуальности своих собственных инородческих, а отчасти и иноземных соседних элементов), возьмите и сообразите: во скольких стратегических точках мы стратегически уязвимы? … Возьмите опять и то, что ныне воюют не столько оружием, сколько умом, и согласитесь, что это последнее обстоятельство даже особенно для нас невыгодно».

Вот в этом пункте и Достоевскому не хватило нужного напряжения злорадства. Фёдор Михайлович свёл дальше всё на военную технику. («Лет через 15, может, будут стрелять уже не ружьями, а какой-нибудь молнией, какою-нибудь всесожигающею электрическою струёю из машины».) На технику и на то, что мы всё более отстаём от Запада в технической области, а следовательно, необходимо бросить колоссальные средства на образование и т. д. Ход мысли безупречен, и предвидение верно.

Но не хватает злорадного напряжения для окончательного предвидения.

Конечно, в Европе техника, разработанная на научной основе тактика и стратегия. Но не надо забывать и о собственно европейском уме. Дело не только в мускулах, орудиях и отточенных приёмах охоты, но и в уме. Да чтобы воевать с умным государством, нужно ещё до него добраться! Ведь получится так: полез (абстрактный пример) на Англию, а воевать-то придётся с Турцией и Ираном. Сама по себе война с серьёзным государством — это уже большая честь. Серьёзное государство с дураками не связывается: «из двух ссорящихся виноват тот, кто умнее». Пошлют против дурака другого дурака. «Туда умного не надо». А когда дураки вдосталь надерутся, умный-то и выйдет, помирит. И оба дурака ещё рады будут, будут считать умного своим отцом-благодетелем.

Герцен обливался слезами умиления по поводу лондонской полиции (в «Былом и думах»). «Сильнее кошки зверя нет». Наивняк и не подозревал, что кроме блестяще поставленной полицейской службы в Соединённом Королевстве есть и другие, пускай и менее заметные, но не менее совершенные организации, например институт разведки и контрразведки. И вот в этой организации, в определённом месте хранится в том числе и папочка на одного русского политического эмигранта. И эмигрант этот там со всеми потрохами расписан не то что по дням, а по часам своей глупой жизни.

В «Подростке» у Достоевского герой выигрывает кучу денег, и у него зажуливают одну ассигнацию. Он думает: а, мелочь, не стоит связываться. И тут все вокруг — ага, «даёт», с ним можно! — начинают вырывать из рук кто во что горазд. С русскими «можно». На Западе это поняли где-то во время Крыма. До этого, прав Достоевский, европейцы плохо знали Россию, путались в элементарных вещах: национальной кухне, одежде, быте, устройстве важнейших деталей государственного аппарата. И вот к середине XIX века наконец выяснили структуру. «Ах, вот как! Ну, это барахло мы „сделаем“». Потом уже мы воевали только с турками и японцами. А как дошло дело до мировой поножовщины, то сначала «использовали», а потом выбросили на лестничную клетку. Пинком — «Пшла, дура!»

Типично европейское оружие — шпага. Тут весь характер европейца сказался: длинная упругая игла-мысль. На пороге вылез нестриженый мужик с топором, стал красную косоворотку на себе рвать: «Не замай!» — Точный, едва заметный глазу укол. Орущая гора мяса, натолкнувшись на невидимую преграду, как-то

ойкнула, подпрыгнула и, перевернувшись в воздухе, грузно шмякнулась об пол. «Туда умного не надо». Пошлём петрушку в пломбированном вагоне. И шпагу кружевным платочком вытерли: «Не было этого». В Азии — кривые ножики, ятаганы, бердыши: летят отрубленные руки, ноги, головы, режут напополам, с хрустом вспарывают животы — идёт разделка мяса. А тут у сердца маленькое, с пятачок, пятнышко крови — его и не видно на рубахе. — Серьёзная, европейская работа!

Розанов писал в 1918 году в письме к Э. Голлербаху:

«Получив 5 миллиардов контрибуции с Франции, Германия 2 ½ миллиарда потратила умно на поднятие германской промышленности и 2 ½ миллиарда на „аванс победы над Россией“. На 2 ½, то есть на проценты с пятисот миллионов, можно было кормить всю ненасытную печать и Германии, с „Форвертс“ („Вперёд“) и РОССИИ. И вот „расцвет“ и „хороший платёж“ у журналов Стасюлевича, Михайловского, Щедрина, Гольцева. Расцвет и вообще УСТОЙЧИВОСТЬ, ТВЁРДОСТЬ русских социал-демократических течений. Разумеется, Германия предпочитала не платить там, где служили „из добродетели“, но, несомненно, при малейшем недостатке „добродетели“ она сейчас же начинала платить. Вы знаете, что почти в первый же день объявления войны Германией Франции, „предательская рука просунулась в окно ресторана и застрелила французского социал-демократа, шумевшего в парламенте“. „Тризна прошла по всей Европе“. „Кто смел убить такого благородного защитника неимущих классов“. Между тем убили только рептилию германской полиции, и КТО УБИВАЛ — знал, С КЕМ ОН ИМЕЕТ ДЕЛО. Между тем рептилия шумела на всю Европу, — русская печать захлёбывалась от перевода его речей. (От рептилии захлёбываются до сих пор — Розанов ведёт речь о Жане Жоресе. — О.). *Вы помните эти заявления, эти перепечатки в русских газетах: „в рейхстаге германский представитель социал-демократической фракции СДЕЛАЛ ЗАЯВЛЕНИЕ“. Все они вечно делали заявления, и вообще шли и ходили вечно под рекламой, именно — под красным флагом, и никак не меньше. Помните и знаете „торжества 1-го мая“. Они тоже гремели на всю Европу, и ГЕРМАНСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ДЕЛАЛО ВИД, ЧТО ИМИ ИСПУГАНО… Далее: КАТЕДЕР-социализмус. „Социализм овладел и НАУКОЮ“, „УНИВЕРСИТЕТОМ“. Русские дурачки профессора зашевелились. Тут и „А.И. Гучков“ и „Янжул“. Пошли скакать „Русские ведомости“».*

Дело не в пушках и танках. Это всё на поверхности, производное. А вот Гегель. И ему против России одним плавником шевельнуть — и так, боковым, третьестепенным, — и корабль ду-

раков накренится. А нам какого «Пересвета» супротив выставить? Белинского? Да тот будет орать и не поймёт даже, что его в микроскоп рассматривают. Как и случилось с Герценом. У нас чтобы тогда это понять, нужно было иметь семь пядей во лбу. До «этого» додумывались такие гении как Достоевский, Леонтьев. Ведь голые, голенькие перед европейским логосом. Так сделают, что и не поймут русачки, «откудава и чаво». Будут бить и плакать не дадут (607).

Пётр I ввёл европейское чиновничество, армию, технику. Не смог «ввести» европейского ума. Сего циркуляром не приобретёшь, на «сие» столетия надобны. И пока очухались, пока у кутят глаза прорезались, всё уже было сделано. Славянофилы — лучшее, что дала Россия в интеллектуальном отношении, — это такая беспросветная глупость, такое малиновое прекраснодушие… А дальше — Леонтьев, Достоевский, Розанов. Но это уже когда гвозди в крышку вбивали. И сказали они в сущности так мало, так «вскользь»…

Конечно, немецкая разведка — это гегелевский полёт фантазии, инициатива и МАСШТАБ неслыханный. Тут тотальный философский анализ. Но в этом новаторстве и органический порок: слишком по-юношески дерзко, слишком самовлюблённо. У англичан точечная и менее фатальная система. Это умудрённый опытом старец, консерватор. Не создание многомиллионного провокационного «движения за мир», призванного сорвать мобилизацию и морально разоружить правительство вражеского государства, а проникновение в уже созданный врагом аппарат и даже не разрушение его изнутри, а контриспользование. Меньше флагов и лозунгов, меньше взрывов военных складов, больше единичных и точечных убийств. У Франции — Женераль сюртэ, на порядок слабее, но всё-таки европейская традиция. Да, звёзд с неба не хватает, но шлёпнуть своего гада ещё сумела. Япония. Конечно, Азия, но первое, что она украла у Запада, это систему шпионажа. И только в России, кроме классической узковоенной разведки и дипломатического корпуса, — НИЧЕГО НЕ БЫЛО (612). (Как тут потом маятник качнулся!) (631)

Русские смеялись над немцами: «Я есть исучаль русский ясык». Он «исучаль» и «исучиль», а русские свиньи свою родину прохрюкали (639).

Из меморандума немецких профессоров, дипломатов и высших правительственных чиновников рейхсканцлеру Бетман-Гольвегу 20.06.1915 г. Строго конфиденциально:

«На нашей восточной границе неслыханными темпами — на 2,5–3 млн. человек в год — увеличивается население Рос-

сийской империи. В течение одного поколения население возрастёт до 250 млн. человек. Германия может выстоять против такой подавляющей силы на нашем восточном фланге — несомненно, самой большой опасности для будущего Германии и Европы, — если только, с одной стороны, будет создан мощный пограничный вал как на пути незаметно происходящей в мирное время славянизации, так и против насильственной военной угрозы, а с другой стороны, всеми средствами будет сохраняться здоровый рост и развитие нашего собственного народа. Однако пограничный вал и основу для сохранения роста нашего населения составят земли, которые Россия должна уступить. Это должны быть земли, пригодные для сельского хозяйства и заселения. Земли, которые дадут нам здоровых крестьян, этот источник молодости и силы народа и государства. Земли, которые в состоянии принять часть прироста нашего населения и станут для немецких реэмигрантов, желающих покинуть враждебную Россию, новой родиной в их исконно родной стороне. Земли, которые усилят экономическую независимость Германии от заграницы путём создания собственных возможностей для продовольственного снабжения, станут необходимым противовесом развивающейся индустриализации и урбанизации нашего народа…»

И т. д. Какой бы «меморандум» наши профессора составили? Можно легко реконструировать наиболее возможный вариант:

1. Выдать всем значки и воздушные шарики.
2. Выплатить русскому еврейству 1 миллиард рублей.
3. Прибавить 3% к жалованию (710).

576

← Предыдущее, следующее →

576. Примечание к № 566
я ощутил власть над ним, над миром, над языком (к цитате)

Впоследствии, развиваясь, это чувство наделило меня даром «давить на психику». Я оказался способен к очень едкому и агрессивному проникновению в чужой мир. Всегда хотелось интеллектуально депрограммировать, заложить новую программу — более тонкую. Тема господства и подчинения в общении с окружающими всегда инстинктивно маскировалась. Но столь же инстинктивно я стремился к незаметному ломанию и корёжению чужого «я».

577

← Предыдущее, следующее →

577. Примечание к № 573

новое правительство наконец помогло. Но не хлебом, ибо не хлебом единым… (к цитате)

В 1901 году в Петербурге вышел благотворительный сборник «Помощь евреям, пострадавшим от неурожая». В нём были опубликованы рассказы видных русских писателей. Доход от издания предназначался для помощи еврейскому населению юга России, пострадавшему от неурожая 1899 и 1900 года. Любому непредубеждённому человеку известно, что в 1899 и 1900 году в России был страшный голод. Его так обычно и называют «голод 1899–1900». И сразу всем всё ясно. И особенно от этого ужасного голода пострадало земледельческое население юга России — евреи. Конечно, голод (а точнее — будем называть вещи своими именами — геноцид) был сознательно инспирирован царским правительством. И лишь лучшая часть русской интеллигенции откликнулась и хотя бы отчасти искупила вину русских людей перед еврейским народом. Но каково величие и широта души благородного еврейства, которое в свою очередь благодарно выпустило в 1921 году сборник «Одесса — Поволжью. Посев»! Сейте. В этом сборнике впервые увидело свет одно из стихотворений О. Мандельштама. Оно начиналось так: «Золотистого мёда струя из бутылки текла». Ешьте.

578

← Предыдущее, следующее →

578. Примечание к № 572

Розанова я, что называется, «в глаза не видел». (к цитате)

Вообще, если уж проводить параллели, то по темпераменту, по душевным склонностям из всех русских философов я ближе всего к Алексею Степановичу Хомякову.

Но, хе-хе, с одной небольшой поправочкой. Хомяков — русский помещик. Я — советский мещанин.

579

← Предыдущее, следующее →

579. Примечание к № 557

Набоков … приводил в качестве примера Ленина, «употреблявшего слова „сей субъект“ отнюдь не в юридическом смысле, а „сей джентльмен“ отнюдь не применительно к англичанину» (к цитате)

Ленин говорил и «сей экземпляр» отнюдь не в энтомологическом смысле. Но Набоков ошибается. Здесь не неряшливость речи, а «шутка». Это своеобразная инфантильная стилизация языка, его обессмысливание.

Бунин писал о Ленине:

«Бог шельму метит. Ещё в древности была всеобщая ненависть к рыжим, скуластым. Сократ видеть не мог бледных. А современная уголовная антропология установила: у огромного количества „прирождённых преступников“ — бледные лица, большие скулы, грубая нижняя челюсть, глубоко сидящие глаза. Как не вспомнить после этого Ленина».

В Ленине, по мысли Бунина, выразился тип русской дегенерации, «круто замешенный на монгольском атавизме Веси, Муромы и Чуди белоглазой». Это особая, врождённая антисоциальность:

«Вот преступник, юноша. Гостил на даче у родных. Ломал деревья, рвал обои, бил стёкла, осквернял эмблемы религии, всюду рисовал гадости… (614) В мирное время мы забываем, что мир кишит этими выродками, в мирное время они сидят по тюрьмам, по жёлтым домам. Но вот наступает время, когда „державный народ“ восторжествовал. Двери тюрем и жёлтых домов раскрываются, архивы сыскных отделений жгутся — начинается вакханалия».

Это верно, но слишком по-женски. Ленин это ведь как «женаматерия» из гоголевской повести. Идёшь по улице и думаешь — это (это всё) Ленин. Смотришь на звёзды — Ленин. Вслушиваешься в свою же речь — Ленин. Везде ленин, ленин, ленин. Бунин не задумался: а не положил ли и сам кирпичика? Сам язык не есть ли ленин или, по крайней мере, протоленин? Бунин это подмечал, не понимая. В этом и ценность его записок. Это имен-

но записки, запись материала. Факты, точнее, Факт. Владение словом пересеклось с переломным моментом мировой истории. И на изломе проступила суть языка:

«Совершенно нестерпим большевистский жаргон. А каков был вообще язык наших левых? „С цинизмом, доходящим до грации; Нынче брюнет, завтра блондин; Чтение в сердцах; Учинить допрос с пристрастием; Или-или: третьего не дано; Сделать надлежащие выводы; Кому сие ведать надлежит; Вариться в собственном соку; Ловкость рук; Нововременские молодцы“. А это употребление с какой-то якобы ядовитейшей иронией (неизвестно над чем и над кем) высокого стиля? Ведь даже у Короленко (особенно в письмах) это на каждом шагу. Непременно не лошадь, а Россинант, вместо „я сел писать“ — „я оседлал своего Пегаса“, жандармы — „мундиры небесного цвета“».

Эта непонятная ирония крайне характерна, например, для Соловьёва («крошил пиявок» и т. д.) Та же дегенеративная чёрточка.

Дело тут гораздо сложнее. На Западе профессия — это призвание («беруф») и послушание. Монашка, выносящая судно из больничной палаты, — у неё это связано с реальной жизнью не прямо, а, как это ни смешно для русского уха, символически. Жизнь построена иерархично, по принципу терпения и прозревания за сиюминутным высшего смысла. Русские же не выработали понятия труда (621) (у образованных классов). Это часть общего смещения плана внецерковного бытия и вторжения грязного опыта в реальную жизнь. Александр Ульянов в 1886 году был награждён большой золотой медалью за работу о половых органах пресноводных кольчатых червей (анулятусов). А потом хотел убить Александра III. За что? Сколько лет жил этот юноша как личность? 3–4 года. Чем занимался? Червями, ползающими по рукам, голове, по страницам книг, по его письмам и, наконец, мыслям. Черви вырвались, осуществились. То есть, собственно говоря, несчастный мальчик и не понял червей, как и Соловьёв не понял и не мог понять пиявок. Резать бритвой насосавшегося кровью отвратительного слизняка и не понимать, что происходит, так как для русского это естественное и совершенно не выделяющееся из ряда событие, воспринимаемое так же чисто ЭСТЕТИЧЕСКИ, как и поцелуй девушки или срезанная роза. Все эти факты реальности одинаково завораживают русское сознание. Посмотрел сквозь окуляр микроскопа на пиявочные гениталии и давай бомбами кидаться: «Так вот какая она — ПРАВДА».

Отсюда и ненормальность русской половой жизни, её искус-

ственность. Тут именно органическое непонимание некоторых высших смыслов и долгов, непонимание того, что плоскости этих долгов разумно рассекают действительность на иерархически соподчинённый мир, где каждый сегмент и каждый уровень организации дополняется другим и получает через это соотнесение высшее оправдание.

Соловьёв писал, что бабочка — это летающий червяк («гадкое червеобразное туловище совсем закрыто и пересилено роскошными крылышками»), а Розанов червяка считал всего лишь бескрылой бабочкой. Последнее в миллион раз благороднее, но ведь на самом-то деле бабочка — это бабочка, а червяк — это червяк. И если человек, глядя на бабочку, думает о червяке (врёшь, брат, червяк ты), а думая о черве, вспоминает почему-то о бабочке, то тут что-то не то, что-то не в порядке со зрением.

Как же русскому осмыслить «постельный опыт»? Вульгарной и бессмысленной стилизацией (680). Это болезнь языка. И предрасположенность к заболеванию бессмыслицей присутствует и в самом языке. У «лучших представителей» зашло далеко. Но и в самой массе жеманство, стеснение, затаённые детские комплексы — из-за неумения говорить во многом. На поверхности это расползается коверканием бытового языка, так что Ленин никогда не говорил «книга», а всегда — «книжка». Но почему же книжка? Крупская писала:

«Я думала, что Ленин только серьёзные книжки читает» (684).

Серьёзными «книжки» быть не могут. Всё это напоминает стеснение ребёнка, называющего «известные части организма» уменьшительно-инфантильным существительным.

Щедрин дал лексику русской интеллигенции (703). Его обороты — бессмысленные — все восприняли. Достоевский писал в фельетоне «Господин Щедрин или раскол в нигилистах»:

«Щедродаров (т.е. Щедрин. — О.) *между действительно талантливыми вещами мог писать иногда по целым листам юмористики, в которых ни редакция, ни читатели, ни сам он не понимали ни шиша, но в которых как будто намекалось на что-то такое таинственное, умное и себе на уме, одним словом, в духе редакции, так что простодушный читатель бывал очарован и говорил про себя: „Вот оно что!“»*

Щедрин превратил русский язык в мат (719).

Очень наивны тс люди, которые считают Набокова порнографом поневоле (например, Вейдле). Гениальные книги по заказурасчёту не пишутся. Даже если таковой есть — это фикция. Тут логика внутреннего развития темы, гениально угадываемая ге-

нием. «Лолита» или «Бледный огонь» имеют для развития русской истории и культуры гораздо большее значение, чем все «обличительные» произведения последней эмиграции вместе взятые. Набоков — это взрослый русский, освобождённый от злобной тьмы отечественного инфантилизма, сексуальных запретов и затаённых комплексов. Здесь даже не столько символизация, сколько иерархизация сексуального опыта.

580

← Предыдущее, следующее →

580. Примечание к № 562

Не только провокация, но заодно и просто над публикой поиздеваться. (к цитате)

Американцы в космическую станцию «Пионер» для инопланетян послание положили. То-сё, картинки-пластинки (Рафаэль, Леонардо да Винчи, Моцарт, Рахманинов). Тут же и чертёжик, как до Земли добраться. — Тому, кто придумал, американцу этому поганому, — по шее, по шее.

Ведь сидит какой-нибудь осьминог на Альфе Центавра. У него, может быть, жизнь пропала, его, может быть, из консерватории выгнали. А тут раз — «Пионер». Целый мешок с подарками Дед Мороз принёс. Этому осьминогу теперь душу отводить: Земли лет на 200 хватит. Шевельнёт 152-ой ложноножкой, и шарик наш в другую сторону раскрутит: «Как они там будут?»

И особенно умиляет аргумент американский. Де, не бойтесь, если послание прочтут, то это будут существа высокоразвитые, им у нас грабить нечего — своё есть. А зачем грабить? Просто пошутить, поразвлечься. С ребятами посмеяться, пивка попить под Рахманинова.

← Предыдущее, следующее →

581. Примечание к № 472

Горн ходил по вилле голый, загоревший, поросший семитской шерстью (к цитате)

Горн — это псевдоним меньшевика Громана, осуждённого в 1931 г. по делу меньшевистского центра. О Горне Ленин писал в 1907 году:

«Г-н Горн только чуточку пооткровеннее и чуточку больше обнажился, но его отличие … ничуть не больше, чем отличие г. Струве от г. Набокова» (724).

И процитирую дальше, так как тут излюбленная ленинская тема пошла:

«Не в словечке ведь дело, не в названии вещи „слиянием“ или „соглашением“. Дело в том, каково реальное содержание этого „СОВОКУПЛЕНИЯ“. Дело в том, ЗА КАКУЮ ЦЕНУ предлагаете вы РСДРП стать содержанкой либерализма. Цена определена ясно … Что касается формы выступления г-на Горна, то она донельзя характерна для нашего времени, когда „образованное общество“, отрекаясь от революции, хватается за порнографию».

582

← Предыдущее, следующее →

582. Примечание к № 557

Язык заставляет не овладевшего им человека не запинаться и оговариваться, а проговариваться. (к цитате)

Может быть, изначальная ошибка русской цивилизации в том, что она стала слишком рано говорить. На самой заре своего развития русские получили совершенный аппарат для выговаривания: развитый книжный язык (церковно-славянский) с древними и совершенными переводными текстами. Немцы, начавшие развитие раньше, получили Библию на родном языке на 600 лет позже.

583

← Предыдущее, следующее →

583. Примечание к № 538

Может быть, расклад и такой: русское быдло (деревня), второе сословие — польско-еврейское (город) и третье — архистратиг Соловьёв (к цитате)

Соловьёв в «Истории и будущности теократии» писал:

«Общий образ богочеловеческого теократического общества представил нам тройственное расчленение: 1) часть Божия — священники (коганим), 2) часть активно-человеческая — князья или начальники (несиэй, сарэй) и 3) часть пассивно-человеческая — народ земли (ам-гаарэц)».

Особым видом несиэев-сарэев являются пророки. По Соловьёву, именно для евреев, как и экономическая деятельность, особенно характерен пророческий дар, дар проповедничества и обличения пороков. Пророки, наряду с властью первосвященника и царя, должны осуществлять господство в теократии (функции центральной ревизионной комиссии). Все власти равны, но всё же власть пророков «есть высшая из трёх теократических властей». Вообще, в теократии вся элита, то есть и первое, и второе сословие, и подразумеваемый главковерх, должна выкристаллизовываться из пророков:

«Пророчество в теократии только зарождающейся, ещё не организованной, где пророк как исключительный избранник Бога и людей, как единый посредник между святыней Божией и мирской жизнью, заключает в себе начало и источник всех остальных властей и учреждений, которые и вычленяются постепенно из его единовластия по мере организации теократии».

Итак, план следующий. Евреи-пророки обличают социальную несправедливость и захватывают власть в России. Власть эта сначала осуществляется в виде диктатуры. Постепенно создаётся следующая структура: 1) «часть пассивно-человеческая» — русские люди, исповедующие православие, но православие униатское, примитивное, «хлопську вяру» для быдла, 2) «князья или начальники» (аппарат управления) — преимущественно поляки, исповедующие католицизм, но католицизм также редуцированный, католицизм лишь постольку, поскольку он не противоре-

чит ветхозаветной теократической идее, 3) элита, исповедующая масонство и собственно иудаизм. Как о прообразе такого общества Соловьёв прямо говорит о Западной Украине, входящей в состав Австро-Венгрии (т.н. Червонная Русь).

Характерно, что, выступая за слияние православной и католической церкви, Соловьёв считал, что основной путь навстречу должно проделать православие, а не католичество. Говоря же о синтезе христианства и иудаизма, опять-таки Соловьёв фактически заставлял большую часть пути пройти христианскую церковь.

Вообще, план Соловьёва был бы достаточно интересен, достаточно грандиозен, достаточно злораден, если бы (618)… если бы не являлся слабой тенью реального функционирования западного общества. Он изложил то, что в гораздо более сложной форме создавалось на протяжении столетий умнейшими людьми Европы.

584

← Предыдущее, следующее →

584. Примечание к № 564

назойливая воспроизводимость от Чаадаева до Бердяева (идеи жертвования Россией) (к цитате)

Томас Манн сказал, что немецкому народу свойственно решать свои внутренние проблемы за счёт всего мира. Можно добавить, что для русского народа свойственно решать мировые проблемы за свой собственный счёт.

585

← Предыдущее, следующее →

585. Примечание к № 547
«Впрочем, многое и от глупости». (И. Бунин) (к цитате)

На XIII съезде некто Богачин, пролетарий «от станка», долженствующий символизировать смычку туземных поселян с богоизбранной администрацией, распинался:

«Мы, товарищи, пойдём вместе с вами, беспартийцы, будем его укреплять, этот фундамент мраморный, и будем его утверждать. В скором будущем, товарищи, сольёмся все в одно и будем идти твёрдо. И как любили мы Ильича, так должны любить друг дружку, и когда мы сольёмся все вместе, тогда только процветёт наша Россия большими пушистыми цветами, и процветёт наш III Коммунистический интернационал по всему миру».

Набоков написал в «Даре»:

«Было время, когда щедрой рукой сеялись семена цветка счастья, солнца, свободы. Он теперь подрос. Россия заселена подсолнухами. Это самый большой, самый мордастый и самый глупый цветок».

586

← Предыдущее, следующее →

586. Примечание к № 561

Как о великой Обиде, запомнившейся на всю жизнь, говорил отец о том, что старшая сестра, у которой он жил, не дала ему, маленькому, сливок. (к цитате)

Сестра отца работала в ленинградском мюзик-холле. В её квартире всегда было шумно, весело. Красивая блондинка пользовалась у ленинградского еврейства большим успехом. Всем знакомым она объявила, что её брат — это мальчик-беспризорник, которого она «из жалости» взяла с улицы и совершенно бесплатно кормит и одевает. Гости такой необыкновенной доброте удивлялись, по-восточному цокали языками. У отца были голодные обмороки. Однажды он от неё сбежал, но его поймали через несколько дней на станции.

На моей памяти отец ненавидел сестру вдохновенно, возвышенно, так ненавидел, как ненавидеть родственников могут только русские. И как всегда у русских, в отцовской ненависти было что-то детское и страшно зависимое от объекта.

587

← Предыдущее, следующее →

587. Примечание к № 472

Писатель — одновременно и Кречмар и Горн, и палач и жертва. (к цитате)

Горн, конечно, мощен, это почти дьявол. Даже его трусость — предикат дьявола. Кречмар слишком ничтожен, чтобы бороться с ним (гибнет при первой же попытке). Так что в «Камере-обскуре» явной антитезы дьявольскому началу нет. Божественная природа творчества скрыта. А её Набоков чувствовал не менее, чем природу дьявольскую. Уже в первом романе («Машенька») герой, вспоминающий своё детство, горделиво назван «богом, воссоздающим погибший мир».

Своеобразной альтернативой «Камере» является «Защита Лужина». Здесь, наоборот, дьявольские силы деперсонифицированы и выступают в виде каких-то абстрактных «шахматных богов» (даже не «бога»). Правда, мелькает на периферии повествования горновская фигура шахматного антрепренёра Валентинова. Но это эпизодическая эфемерида. Зло абстрактно. Ему же противостоит фигура незаурядная, даже гениальная.

Но гений Лужина — гений писательский, шахматный. Трагедия его в перенесении законов шахматной игры на реальный мир. Он задумал сыграть партию с миром. То есть с самим Автором. В результате — смерть. Судьба Лужина — это гибель русского сознания, потерявшего связь с реальностью, но пытающегося взамен создать реальность искусственную. Но искусственная реальность, поскольку она некоторым образом действительно реальность, вырывается из-под контроля, ставит «под контроль» самого создателя.

Лужин живёт в разумном клетчатом мире — безумном, бесполом. Но возникают некоторые нарушения. С одной стороны, прямое перенесение шахматных законов на реальность, так что герою хотелось «липой, стоящей на озарённом скате, ходом коня взять вон тот телеграфный столб». А с другой — всё же человеческая природа — любовь к женщине. Мир Лужина сморщивается, и он внезапно вспоминает своё прошлое, детство, хотя раньше «единственное, что он знал достоверно, это то, что спокон века играет в шахматы». Возникает категория времени.

Но единственная форма времени, доступная Лужину, — время шахматное. Нечто весьма и весьма конечное, линейное и напрямую, как шагреневая кожа, зависящее от поведения игрока. Игроков. После болезни (нервного срыва) Лужин встречает школьного товарища. Со школой же связана психическая травма, так что внезапная встреча ужасает. Более того, ум Лужина понимает, что в мире с включённым временем ничего не происходит случайно, что ведётся ПАРТИЯ и ведётся она против него. Кем?

«Не сама встреча была страшна, а что-то другое, — тайный смысл этой встречи, который следовало разгадать. Он стал по ночам напряжённо думать, как бывало думал Шерлок над сигарным пеплом, — постепенно ему стало казаться, что комбинация ещё сложнее, чем он думал сперва, что встреча … только продолжение чего-то и что нужно искать глубже, вернуться назад, переиграть все ходы жизни от болезни…»

Ведётся следствие. Нужно твёрдое алиби, защита. А для этого — контрмина контрследствия. Но сначала прикинуться, прощупать противника:

«Затишье, но скрытые препарации. Оно желает меня взять врасплох. Концентрироваться и наблюдать».

В шахматы маленького Лужина научила играть тётка, любовница отца. В эмиграции к его жене из России приезжает знакомая и, узнав, что Лужин шахматист, рассказывает о своей подруге, которая научила своего племянника играть, и тот потом стал гроссмейстером. Именно здесь гениальный игрок нащупал убийственную тактику противника:

«И нахлынул на него мутный и тяжкий ужас. Как в живой игре на доске бывает, что неясно повторяется какая-нибудь задачная комбинация, теоретически известная, — так намечалось в его теперешней жизни последовательное повторение известной ему схемы… Лужин содрогнулся. Смутно любуясь и смутно ужасаясь, он прослеживал, как страшно, как изощрённо, как гибко повторялись за это время, ход за ходом, образы его детства (и усадьба, и город, и школа, и петербургская тётя), но ещё не совсем понимал, чем это комбинационное повторение так для его души ужасно. Одно он живо чувствовал: некоторую досаду, что так долго не замечал хитрого сочетания ходов, и теперь, вспоминая какую-нибудь мелочь — а их было так много, и иногда так искусно поданных, что почти скрывалось повторение, — Лужин негодовал на себя, что не спохватился, не взял инициативы, а в доверчивой слепоте позволил комбинации развиваться. Теперь же он решил быть осмотрительнее, следить за дальнейшим развитием ходов,

если таковое будет, — и конечно, конечно, держать открытие своё в непроницаемой тайне, быть весёлым, чрезвычайно весёлым. Но с этого дня покоя для него не было — нужно было придумать, пожалуй, защиту против этой коварной комбинации, освободиться от неё, а для этого следовало предугадать её конечную цель, роковое её направление, но это ещё не представлялось возможным. И мысль, что повторение будет, вероятно, продолжаться, была так страшна, что ему хотелось остановить часы жизни, прервать вообще игру, застыть, и при этом он замечал, что продолжает существовать, что-то подготовляется, ползёт, развивается, и он не властен прекратить движение».

Нащупав тактику противника, Лужин пытается сопротивляться:

«Ему пришёл в голову любопытный приём, которым, пожалуй, можно было обмануть козни таинственного противника. Приём состоял в том, чтобы по своей воле совершить какое-нибудь нелепое, но неожиданное действие, которое бы выпадало из общей планомерности жизни и таким образом путало бы дальнейшее сочетание ходов, задуманных противником. Защита была пробная, защита, так сказать, наудачу, — но Лужин, шалея от ужаса перед неизбежностью следующего повторения, ничего не мог найти лучшего».

Защита, конечно, была слабой, «на авось», и скорее напоминала агонию. Лужин решил купить восковой бюст в дамской парикмахерской, но с ужасом почувствовал, что кукла «уже была» (оказалась похожа на шахматную тётку). И тут же герой встречается с шахматным антрепренёром Валентиновым, цель которого ясна — снова вовлечь его в турнирную игру, а от этого снова болезнь и смерть.

«Что он мог предпринять теперь? Его защита оказалась ошибочной. Эту ошибку предвидел противник, и неумолимый ход, подготавливаемый давно, был теперь сделан».

Лужин стал творцом своей жизни, взрослым — и гибнет. «Единственный выход, — нужно выпасть из игры». Его ещё может спасти жена, но автор нажимает на звонок («простосердечный звонок аккуратного гостя» — злорадствует Набоков), и Лужин, запершись в своей комнате, выпадает из окна.

Через 35 лет после выхода романа Набоков сказал:

«Сочинять книгу было нелегко, но мне доставляло большое удовольствие пользоваться теми или другими образами и положениями, дабы ввести роковое предначертание в жизнь Лужина и придать очертанию сада, поездки, череды обиходных событий подо-

бие тонко-замысловатой игры, а в конечных главах настоящей шахматной атаки, разрушающей до основания душевное здоровье моего бедного героя».

Но насколько его герой является его героем? Не есть ли всё его поведение — борьба с автором и сюжетом? В сущности, Лужин догадывается о сюжетности и предумышленности своей жизни. Но, конечно, догадка не может быть ничем иным; его хаотическая «борьба» лишь прихотливый изгиб сюжетной линии. Автор могуществен. Но, с другой стороны, автор же и конечен. Он сам Лужин по отношению к некоему подлинному Автору своей жизни. Произведение-то теологическое и философское. Что есть свобода воли и как она сочетается с божественным предопределением. И не умозрительно-терминологически, а реально. Как это выглядит, как это чувствуется (пред-). Как это могло бы быть при реальности существования Высшего Мира. И в какой степени человек может догадываться о возможности такового. Не в той ли, в какой Лужин догадывался о существовании Набокова?

588

← Предыдущее, следующее →

588. Примечание к № 555

рефрен бесконечных фантазий, ищущих выхода в реальность (к цитате)

С мечтой, какой бы безумной она ни была, никогда не следует спорить. Раз мечтается, то пусть. И мечта за это в благодарность всегда поможет. Она будет всё расти, расти, всё усложняться, пока в конце концов не истончится настолько, что каким-нибудь уголком-краешком возьмёт да и прорвётся в реальность. Мечта осуществляется. Она не может не осуществиться, если это настоящая мечта.

Я в 16 лет постыдно мечтал о спасении отца. Я бы начал так потихонечку летать, а в стене нашей комнаты дверца бы была. Я бы её открыл и улетел в четвёртое измерение. А там в междупланетном пространстве (это я уже после смерти отца оттачивал, когда на заводе работал: ехал утром в автобусе на работу и оттачивал), да, а в пространстве огромный корабль (шарообразный). И это, понимаете, такой мир замкнутый. Там разные электронные машины удивительные, энциклопедии, кабинеты. Но самое главное, основная часть этого мира — воссоздаваемая по моему желанию маленькая земля — моя. Я это очень отчётливо себе представлял. Когда я сразу попадаю на этот корабль, то тут чувство удивительного уюта, гармонии. Я становлюсь бессмертным и могу убыстрять или останавливать время. А природа — она так воссоздаётся: от минуса к плюсу. Я попадаю на станцию № 1. Это дом, а снаружи снежное поле и мороз страшный. А в 20-ти километрах дальше — вторая станция. Я должен за день туда добраться. И там уже потеплее немного. И так за месяц я должен пройти лес, горы и выйти к морю. И главное — один. И вообще в этом мире никого больше нет. И я в него постепенно вхожу, погружаюсь. Я очень долго себе представлял, как я иду там, где. Как дорога проходит. Она разумно трудная. Каждая станция хорошо оборудована, там энциклопедии и т. д. Я бы всё читал, отдыхал по вечерам. А отца я бы таблетками специальными вылечил. Но то на раннем этапе было, когда он ещё жил. Меня бы с этого шара избрали для контакта с Землёй (то есть невидимые и неведомые строители его),

и я бы перестал быть человеком, ну, и отца бы вылечил заодно. А когда отец умер, всё изменилось. Этот шар — он уже был необитаем — и я его находил или мне его давали «в вечное пользование», чтобы я мир спас.

Лекарство для отца превратилось в шар, а шар — в книгу. Мечта всё же сбылась. Раз мечта растёт, усложняется — она сбудется. То же моя мечта о любви. Она всё равно сбылась. Впрочем, и сама эта книга — мечта (616). Если она тоже будет истончаться, то превратится в иную мечту (иную форму) и выскользнет в реальность.

А без мечты моя жизнь совсем непонятна. Розанов сказал:

«В жизни реальны только мечты».

Без мечты моя жизнь бред. Бред совершенный, абсолютный.

589

← Предыдущее, следующее →

589. Примечание к № 545

единственной формой борьбы с подобными людьми является их игнорирование. Или же перевод взаимоотношений в иную плоскость, более им доступную и понятную. (к цитате)

В университете появился шустрый первокурсник. Шмыгает по сходкам с Чернышевским под мышкой, шестерит перед народовольческими коноводами со старших курсов. Короче, «философ». На семинаре по западной философии «показал себя»: «Спенсер гений, Гегеля в печь». Спорить не надо. Посидеть на задней скамье, записать в книжечку, кто таков. А потом, через недельку, в углу прижать вчетвером: «Рано по центру лезешь, сопляк. Мы здесь таких много видели. Сегодня по-хорошему предупреждаем. А в следующий раз башку свернём, как кутёнку. Понял, щенок (632), — бить не будем — убьём».

Конечно, не так всё просто. Ваня выбежит на улицу, а там снег. Остынет, успокоится: «Ладно, гады. Первым делом к „нашим“, „сигнализировать“. Закрутитесь, как чёрт перед заутреней. Там Монька Рябой с четвёртого курса, он вам покажет, как наших трогать». И петушком-петушком к ребятам. Уже заранее злорадно улыбаясь, влетел в прихожую, а тут его как палкой по голове: «Нашего Моню вчера убили. Обрезком свинцового кабеля. Наповал». Вот тут уже у Вани коленочки-то подогнутся. Бочком-бочком снова на свежий воздух, на ночную улицу заснеженную. И тут уже другие мысли: «Куда я полез, дурак, что мне, больше всех надо было». Тут и мамочку старенькую вспомнит. Она там одна в Сызрани, о «сыночке свовом, надёже», думает, человеком-де станет. А сыночек-то попал в переплёт — уноси ноги.

Розанов на склоне лет, с гигантским жизненным опытом, с гигантским чутьём русского человека, чутьём, натренированным на русских десятилетиями, сказал самое верное, как надо было. Не побоялся этой гениальной глупости. Розанов знал русского человека, его отношение к авторитету, его манеру спорить и мыслить. Розанов всё, мельчайшие детали и нюансы, учёл. И сказал так:

«(Церковь) это уж не Боклишко с Дарвинишком, не Спенсеришко в 20-ти томах, это не „наш Николай Гаврилович“ (Чернышевский), все эти лапти и онучи русского просвещения … да их выдрать за уши, дать им под зад и послать их к черту. Если запищат наши „Современники“ и девица Кускова — сослать их за Кару. Что же делать с червяком, который упал с потолка вам в кушанье? Такового берут в ложку и выплёскивают к чёрту … Понимаете ли вы … что Спенсеришку надо было драть за уши, а „Николаю Гавриловичу“ дать по морде, как навонявшему в комнате конюху. Что никаких с ним разговоров нельзя было водить. Что их просто следовало вывести за руку, как из-за стола выводят господ, которые вместо того, чтобы кушать, начинают вонять».

Русский «мыслитель», прежде всего, нагл (638). Мало того, что он неумён и неискренен, он нагл. «Не обманешь — не продашь». Следовательно: раз продал, значит, обманул. При помощи каких-то слов (!) доказал своё, утвердился в своём господстве. Значит, противник глуп и слаб. На него и кулака не надо тратить. Только вышел в поле, гаркнул, а он и повалился на колени.

А тут бы и объяснить, что посильнее люди есть. А тут бы проучить. Началось уже неправильно, наперекосяк.

590

← Предыдущее, следующее →

590. Примечание к № 564
Это не соплеменник, а племянник. (к цитате)

У Соловьёва не было «оговорочности». И в этом тоже его нерусскость. Он всё лез в «гнездо», набивался в родственники к русскому народу. Вазелиново протискивался к самому святому — к церкви (595). Лез в Сергиеву лавру, в Оптину, лез к попам, лез с полемикой, ратовал за «истинное» православие. И ни разу в голове его не мелькнуло воспоминание о выкинутых, осквернённых им иконах.

Почему Розанов, конечно, был искренне верующим (несмотря ни на что)? Да уже потому, что он однажды пришёл в церковь и вдруг подумал: а зачем я сюда пришёл? прочь, прочь отсюда! И с маленькой дочкой за ручку буквально выбежал из храма. Соловьёв даже помыслить не мог о таком. (То же, кстати, но уже совсем в глупом виде, у Бердяева, этой карикатуры на Соловьёва.)

— Это у вас церковь такая, да (604)? А вы что здесь, эта, молитесь? Интер-ресненько! Та-ак, зайдём. Это вот я знаю, иконы называются. А молитесь вы неправильно. Переводик подгулял. Надо с древнееврейского вот как. Ну, пош-шла, дурища, ишь, на проходе встала. Ага. Тээк-с. Ну-ну, ничего церквушка. Только убрать. Я видел у католиков в загранпоездке — у них шикарнее. Значит, все церкви взорвать, а на их месте католические храмы быстренько сделать.

Таких господ… выводят (664).

Русские вообще народ несентиментальный. Должна быть фиксация унижением. А у Соловьёва — Достоевский верно заметил — этого не было. «Баловень судьбы». Защитил в возрасте 21 года диссертацию. Академик К. Н. Бестужев-Рюмин после защиты заявил:

«Ну-с, Россию вскоре можно поздравить с гениальным человеком».

Общение я начинаю обычно с того, что мысленно вешаю своего собеседника на вешалку. Была ли в его жизни? И когда нахожу, то всё в порядке — сразу сближаюсь сильно, хотя собственно

о его унижении никогда не говорю. Смотрю, над одним смеются, другой запуган, у третьего брак какой-то нелепый. Ну-у, думаю, «наш человек». А когда всё хорошо, то тут напряжение, недоверчивость, просто непонимание. Не понимаю я таких людей, боюсь. Роковая мудрость русского человека: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся».

Соловьёв как-то шутил в письме к Страхову по поводу собственной персоны:

«Тем не менее „таракан не ропщет“. Не будет роптать и тогда, когда приедет Никифор, бла-а-роднейший старик, и выплеснет его в Вятку или в Нахичевань. Лишь бы только не в Соловки».

Русские так не шутят. Боятся дошутиться. Это так же плоско, как и постоянное обыгрывание Соловьёвым своей смерти и похорон.

591

← Предыдущее, следующее →

591. Примечание к № 470
Почему я ненавижу Соловьёва? (к цитате)

Причина неприязненного отношения, конечно, и в собственной униженности. Ластик небытия прошёлся по мне, и я оказался наполовину стёртым. Соловьёв — вот его портрет в молодости: красив, умён. А я полустёрт. Я никакой. Его юношеская переписка с «другом Катей». Я когда узнал о любви Соловьёва к этой «кузине», то стал ладошки потирать: почитаю переписочку, посмеюсь. Но оказалось, это не Бердяев, не карикатура:

«Я люблю тебя, насколько способен любить, но я принадлежу не себе, а тому делу, которому буду служить и которое не имеет ничего общего с личными чувствами, с интересами и целями личной жизни».

«Я люблю тебя, как только могу любить человеческое существо, а может быть, и сильнее, сильнее чем должен. Для большинства людей этим кончается всё дело … Но я имею совершенно другую задачу, которая с каждым днём становится для меня все яснее, определённее и строже. Её посильному исполнению посвящу я свою жизнь. Поэтому личные и семейные отношения всегда будут занимать ВТОРОСТЕПЕННОЕ место в моём существовании».

«Быть счастливым вообще как-то совестно, а в наш печальный век и подавно. Тяжёлое утешение! Есть, правда, внутренний мир мысли, недоступный ни для каких житейских случайностей, ни для каких житейских невзгод — мир мысли не отвлечённой, а живой, которая должна осуществиться в действительности. Я не только надеюсь, но так же уверен, как в своём существовании, что истина, мною сознанная, рано или поздно будет сознана и другими, сознана всеми, и тогда своею внутреннею силой преобразит она весь этот мир лжи … и во всей своей славе явится царство Божие — царство внутренних духовных отношений, чистой любви и радости…»

И как подумаешь — мои мысли, стремление к любви-смерти и т. д. Но ведь для Соловьёва это было реальностью. А я оказался со всеми своими фантазиями и письмами ненаписанными

не нужен. Настолько не нужен, что мне даже никто не счёл нужным сказать, что я не нужен.

Соловьёв и умнее, причём ум его ясный. А мой, в эти же 19 лет, — тёмный, испуганный, совершенно в комке, неразвернувшийся и с щурящимся спохватыванием: всем раздавали на площади валенки из стекловаты — шум, давка, — а я не взял. Умный. Потом иду и улыбаюсь: «Так-то вот, не на того напали, с-суки».

И поэтому не мне писать о Соловьёве. Я ведь ему его ума и красоты простить не могу. А злорадно прощаю, что он это растранжирил. Стилизую, нахожу величие чуть ли не инфернальное. И тут, кажется, двойник Розанов за меня додумал:

«Соловьёв был весь блестящий, холодный, стальной. Может быть, было в нём „божественное“, как он претендовал, или, по моему определению, глубоко демоническое, именно преисподнее: но ничего или очень мало было в нём человеческого. „Сына человеческого“ (по житейскому) в нём даже не начиналось, — и казалось сюда относится вечное оплакивание им себя, что я в нем непрерывно чувствовал во время личного знакомства. Соловьёв был странный, многоодарённый и СТРАШНЫЙ человек. Несомненно, что он себя считал и ЧУВСТВОВАЛ выше всех окружающих людей, выше России и Церкви (768), всех тех „странников“ и „мудрецов Пансофов“, которых выводил в „Антихристе“ и которыми стучал как костяшками по шахматной доске своей литературы… Он собственно не был „запамятовавший, где я живу“ философ, а был человек, которому не о чем было поговорить, который „говорил только с Богом“. Тут он невольно пошатнулся, то есть натура пошатнула его в сторону „самосознания в себе пророка“, которое не было ни деланным, ни притворным».

Соловьёву было что бросать, отрицать, от чего отказываться. Он мог так вот ни с кем не говорить, потому что «не о чем». А если есть о чем, да «не с кем»? Если тут тоже философский трагизм, да амплуа-то твоё не то? Если получается Евгений Леонов в роли Ромео, то есть в лучшем случае неумная карикатура на возвышенные человеческие чувства?

Соловьёв переписывался с 16-летней влюблённой в него девушкой, учил её, наставлял на путь истинный, делился сокровенным. А Розанов переписывался в этом возрасте с другом-неудачником, пошедшим с горя в полицейские. («Думал ли ты, Вася, что я когда-нибудь буду служить в полиции, так нами осмеиваемой и презираемой?») А мне так вообще некому писать было. Нечего бросать, не от чего отказываться. Тут человек, раздавленный некрасотой жизни. И Розанов, я заметил, так же эстетизиру-

ет Соловьёва, что в общем правильно, но при этом остаётся незамеченной суть, а не форма растраты — духовного распускания в свободе, деградации. Ничего не создано, пускай. Но был отказ от чего-то существенного. Он отказался от своего человеческого. А от меня отказалось человеческое. Да я сам бы от него отказался. Только оно и слушать не захотело. Тут издевательство неслыханное. Я мечтал о несчастной любви, а её и не было. В этом-то и сакральное восхищение Соловьёвым у Розанова. Он любил в Соловьёве неудавшуюся высокую часть своего «я». «Блестящую, холодную и стальную». Но это-то и отталкивало Василия Васильевича. Отсюда «демонизм» Соловьёва, то есть нечто величественное и одновременно чужое, тёмное. Розанов оплакивал свою юность и чувствовал, что оплакивать-то нечего. Ничего не было.

592

← Предыдущее, следующее →

592. Примечание к № 529

В «Трёх разговорах» Соловьёв решил «под занавес» сыграть самого себя (к цитате)

Соловьёв истерик, но это ДВОЙНАЯ ИСТЕРИЯ (598). Хотел быть красивым и интересным, но он и был красив и интересен. Свою интересность и красоту он разрушил кривлянием, погоней за такой же красотой. И это придаёт его кривлянию величие и монолитность, то есть это уже не кривляние совсем, а нечто иное, гораздо более глубокое.

Его БОЯЛИСЬ. Он думал, остановят, поправят. А всё сбывалось. Начиная с «писем к кузине», когда его возлюбленная действительно поверила ему и отказалась от брака. А он ждал, сам не понимая этого, что она его успокоит, проведёт холодной ладонью по разгорячённому лбу, скажет, что он совсем не такой.

В том-то и сарказм сопоставления истерии и «шизоитии». Одно переходит в другое, пропадает в другом, так что от субъективной оценки этой вот личности зависит и её объективная клиническая классификация. Где в конечном счёте критерий, отделяющий истерическую любовь от шизоидной ненависти? И истерическую ненависть от шизоидной любви? Тут «двойная заглушка».

593

← Предыдущее, следующее →

593. Примечание к № 529

Соловьёв именно из-за своей мёртвости, мёртвоголовости, оказался очень живым, слишком живым. (к цитате)

Розанов писал:

«По бессилию ли, по скромности ли, по какой ли иной причине, русский „философ“ никогда не брался за исследование самого предмета, самой темы, бывшей интересною уже начиная с Фалеса; но с Фалеса и до наших дней он знал все МНЕНИЯ, высказанные об этой теме греками, итальянцами, французами, голландцами, немцами, англичанами. Все они, русские философы до Соловьёва, были как бы отделами энциклопедического словаря по предмету философии, без всякого интереса и без всякого решительного взгляда на что бы то ни было. Соловьёв, можно сказать, разбил эту собирательную и бездушную энциклопедию и заменил её правильною и единоличною книгою, местами даже книгою страстною. По этому одному он и стал „философом“».

Всё это верно, но, кажется, следует сделать одно дополнение. Собственно, Соловьёв, разбив собирательную энциклопедию, заменил её энциклопедией «правильной и единоличной». Его философия — это философия «всеединства», то есть в сущности СООТНЕСЕНИЯ. Все «мнения» соотнесены друг с другом, собраны пропорционально вместе. Соловьёвство — это не отдельные статьи и отделы философской энциклопедии, а вся энциклопедия. Конечно, это иной уровень. Но ЧЕГО это энциклопедия? Чужой культуры. Справочник по европейской философии. Энциклопедизм Чернышевского в идеале.

Розанов же — это гениальный конспект, квинтэссенция. Чего? — Ничего. Тайны. Какой-то иной, неведомой нам страны, цивилизации. Может быть, даже другой планеты, Марса может быть, может быть России через 100, 1000 лет. И это проникает в душу. Розанова можно развивать, думать. «Думать» словарь нельзя. Это так, «информация к размышлению». Мы можем пойти в страну Соловьёва. Каждый. Прочитать великих немцев и т. д. Труды Соловьёва — это лишь прекрасное пособие, путеводитель. В страну же Розанова иначе чем через его книги проник-

нуть нельзя. Поэтому, кроме радости открытия, Розанов несёт горе. Он умер, и мир исчез. Ниточка с «Марсом» порвалась. Если бы он прожил ещё 10, 20 лет (597). Умер в 1939!!! Голова кружится! А Соловьёв? Умер молодым, а нет ощущения утраты, непоправимости. Ну, умер и довёл отдел философии в Брокгаузе до статей на «С». За него дописали. Да может быть, похуже, и не один человек, а несколько, но ДОПИСАЛИ. На «С» Соловьёв не кончился. А за Розанова никто не допишет, не додумает, не доживёт. Это и моя собственная трагедия, трагедия «розановеда». Мне Василия Васильевича не хватает. Как личности.

Ах, милый Розанов, что ты наделал! Ты ушёл в тот мир, а я остался в этом (625). Дело, конечно, не в «безвременной кончине», а в том, что кончина любого философа (не Аристотеля, учёного, а философа, Сократа) всегда безвременна. Ибо наше существование очень и очень временно. Сократ говорил в последней беседе с учениками:

«Поменьше думайте о Сократе, но главным образом — об истине … А не то смотрите — я увлекусь и введу в обман разом и себя самого, и вас, а потом исчезну, точно пчела, оставившая в ранке жало».

Но истина-то заключалась в Сократе, и ученики плакали от сладкой боли предсмертного укуса.

Последние слова Сократа на суде:

«Но уже пора идти отсюда, мне — чтобы умереть, вам — чтобы жить, а что из этого лучше, никому не ведомо, кроме Бога».

Какой ритм. В безнадёжном ритме — всё. И вот прошло уже две с половиной тысячи лет, но никто не знает, что лучше. Конечно, иллюзия, что прожил бы Сократ ещё год, два, пять, десять лет и все бы разрешилось. Нет, всё бы и осталось тайной, трагической тайной. Но ощущение сопричастности данной ЛИЧНОСТИ к великой тайне, к тому, иному миру, и порождает у нас, у «учеников» (то есть живых, ученики всегда живы) чувство тоски, светлой грусти. Именно этим чувством проникнут «Федон». Сам Федон говорит о последней беседе с Сократом:

«Особой жалости я не ощущал — вопреки всем ожиданиям, — но вместе с тем философская беседа не доставила мне привычного удовольствия. Это было какое-то совершенно небывалое чувство, какое-то странное смешение удовольствия и скорби — при мысли, что он вот-вот должен умереть».

Соловьёв с его «энциклопедией» мне никто — «ни сват, ни брат». А Розанов, как и Сократ, — отец. Больше, чем Сократ, — там тысячелетия, а тут рядом, казалось бы, протяни ру-

ку сквозь тонкую и таинственную завесу времени и тайна откроется. Но нет…

594

← Предыдущее, следующее →

594. Примечание к с. 63 «Бесконечного тупика»

Ради свободы духа Набоков задушил в себе … русское мышление. (к цитате)

Следовательно, Набоков отказался от самопознания. Человек, в высшей степени способный к самопознанию, он никогда не поставил в центр повествования самого себя. Его мемуары чисто внешние, описательные. Он отшатнулся от себя. Россия потеряла гениального философа, но приобрела счастливого человека. Ведь судьба Набокова максимально счастлива для русских его поколения.

595

← Предыдущее, следующее →

595. Примечание к № 590

(Соловьёв) вазелиново протискивался к самому святому — к церкви (к цитате)

У меня всегда было испуганно-уважительное отношение к чужой ВЕРЕ (не убеждениям). Отец захотел меня крестить, когда мне было лет десять. Родственница повезла в подмосковную церковь. Я надел галстук — проекция Павлика Морозова. Сел я на лавочку у ограды, а рядом старушки: «Что, внучек, бабуля в церкву пошла, а ты тут ждёшь?» Родственница три раза приходила и снова исчезала в страшном проёме храма, шипела: «Сними тряпку-то, дурак». Я несгибаемо сжал зубы. Так и ушли.

596

← Предыдущее, следующее →

596. Примечание к № 573

доблестные, научные евреи, с гроссбухами учитывающие доставшееся поголовье (к цитате)

Если брать век XIX, «подготовительный», то самое подлое в тогдашнем «революционном движении» — это, конечно, «хождение в народ». И подлое не в своих конкретных проявлениях, будь то поджоги, убийства, натравливание крестьян на «врачей-убийц» или подбрасывание подложных правительственных распоряжений для заманивания в волчьи ямы, — это ладно, мразь то же самое и в городах делала. Подло именно само «хождение». Ощупывание, примеривание.

Дубнов в «Истории еврейского народа» писал об этом времени:

«Еврейские студенты, питомцы раввинских училищ и учительских институтов, или же самоучки из бывших хедерников и иешиботников, „ходили в народ“ — русский, а не еврейский, вели пропаганду среди крестьян и рабочих, которых знали только по книжкам».

То есть ходили в чужой народ и «знакомились». Как, что, какие у них вещи хорошие, где что лежит. Да и шире, не так утилитарно: какие они, туземцы, в смысле географическом и этнографическом — обычаи, пляски, верования. «Изучали».

597

← Предыдущее, следующее →

597. Примечание к № 593
Если бы он (Розанов) прожил ещё 10, 20 лет. (к цитате)

Если бы Розанов жил в эмиграции. Бердяев жил зря и ничего не написал там нового. Только выговорился до звона в ушах. А Розанов мог бы сказать нечто новое, неожиданное. Широкое. Как о Ходынке, которую он считал искуплением вины за цареубийство.

Я немного ввернулся в его мысли, пропитался ими и могу чуточку представить себе Розанова «дальше». Он мог бы и так сказать сейчас: «Какой год был самым счастливым за последние сто лет русской истории? Страшно вымолвить, но 1937. 1887—1897—1907—1917—1927—1937 — это все вниз. А 1937—1947—1957—1967—1977 — вверх. 37-ой — это год перелома кривой русской истории. Началось „выкарабкивание"».

Видимо, так. 1887 — апогей царствования Александра III, последнего счастливого царя. 1897 — это уже начало демократического угара. Уже пошли вредительские «Союзы борьбы за освобождение рабочего класса». С 1907 и 1917 всё ясно без комментариев. Переход от 1917 к 1927 — это осуществление ужасного сна. В 1917 всё ещё эфемерно, в потенции, а в 1927 всё уже жужжит, летает, разлетается и вширь и вглубь. 1927–1937 — тоже ясно. Теперь 1937–1947. 1937 это год смерти революционного поколения. Свиньи упали в пропасть. 1947 — это уже частичное искупление позора Русско-японской войны и Брестского мира, это отказ от уничтожения русской церкви, это начало хотя бы формального уравнения в правах русского населения с «привилегированными маленькими нациями». 1947—1957—1967 — тоже понятно без комментариев. 1967–1977 — это отказ от еврейской фронды при разрастании процесса демократизации вширь (626), в самую толщу народа. Был разрушен коммунальный быт и созданы здоровые основания для либерализации прочной, настоящей… И повышение продолжается, и не видно преград, которые бы его остановили.

Конечно, прогресс после 1937 можно назвать прогрессом лишь в соотнесении с предыдущей глубиной падения. Но всё же…

598

← Предыдущее, следующее →

598. Примечание к № 592
Соловьёв истерик, но это двойная истерия. (к цитате)

Розанов сказал о «суде докторов над Гоголем»:

«Что-то рациональное, и неумное, как будто благожелательное — а в сущности злое, учёное — и, однако, невежественное».

599

← Предыдущее, следующее →

599. Примечание к № 538

«(Соловьёв хочет) чтобы общие нормы в государстве заменялись проникновением в душу» (Е. Трубецкой) (к цитате)

Первыми психологами были инквизиторы. Именно они впервые в мировой истории разработали механизм психологической ломки, психологической пытки. Пытки не тела, а души. Это качественно новый уровень проникновения в человеческое «я». Достоевский — сумасшедший — это чувствовал («ненавижу психологов и шпионов» (613)). Тут зависимость писателя от ничтожеств-психиатров является лишь поводом. Автор «Великого инквизитора» смотрел глубже, предчувствовал в русской истории многое. Дело в том, что человека можно заставить делать всё. Нужно только «уметь работать с людьми». Власть слова над человеком безгранична (623). Её может ограничить только слово же, так же как огранить алмаз может только алмаз.

Эпоха инквизиции, выявившая до предела магию слова, это дистилляция идеи сатанизма. Была и чёрная инквизиция. У противоположной стороны. Она-то и была главной. О ней не пишут. А ведь отец психологии XX века лишь секуляризировал опыт, накопленный теневой культурой Европы.

600

← Предыдущее, следующее →

600. Примечание к № 557

«ещё раз захотелось большевикам, чтобы их провели за нос и плюнули в физию» (В. Ленин) (к цитате)

Это уже сниженная лексика героев Достоевского. Вообще, Ленин — персонаж из «Бесов» (640).

Достоевский «полемизировал», возражая своему оппоненту, назвавшему его «эманципатором» (то есть «эмансипатором», сторонником женской эмансипации):

«Этот способ оплевания, осмеяния и даже заушения прекрасен. Главное — удобен и выгоден. Тотчас же можно собрать толпу, которая, окружив преступника, будет высовывать ему язык, плясать перед ним на одной ножке, показывать ему шиши и кричать: „У-у! эманципатор! эманципатор! (647) *смотрите, эманципатор идёт! хочет понравиться дамскому полу; ишь, пачулей надушился, обольститель, ловелас, эманципатор!“»*

Это ленинский кордебалет. Пометка в стенограмме его речи на VII Всероссийском съезде Советов:

«Ленин делает красноречивый жест ногой. Смех. Аплодисменты».

Бунин писал в дневнике за 1918 год:

«„Съезд Советов“. Речь Ленина. О, какое это животное!»

Конечно, речи Ленина это нечто звериное (778), нечеловеческое. Какая-то оруэлловская «уткоречь». Своего ничего. Обрывки фраз — магические заклинания. Он не понимал их смысла, смысла происходящего. Шаманские всхлипы и выкрики заворачивались, как гайки на конвейере. Зачем эти гайки-фразы, что из них в конце концов где-то там, у ворот цеха собирается — непонятно и понято быть не может. Неясен сам процесс. Всё основано на принципе «сама пойдёт». Это не совсем живой человек. Оживший человек. Он и умер-то не совсем, потому что и не жил. Чтобы создать неживого человека, потребовалась тысяча лет. Просто глупый — неподвижен и выпадает из истории. Не хватает инициативы, авантюризма. Он может совершить какое-нибудь страшное преступление. Но первое преступление оказывается

и последним. Дурак попадается и гибнет. Или становится уголовником, то есть опять же выпадает из центра истории, из собственно человеческого. А тут соединение страшной живости, темперамента с такой же сильной мёртвостью и пассивностью. И эти индивидуальные черты Ленина были переданы, тысячекратно повторены всем послеоктябрьским ходом истории. Бунин писал в дневнике (необычайно интересный документ того времени — как тогда дешифровывались события меркнущим от ужаса русским сознанием, что это такое было для русского глаза):

«В том-то и сатанинская сила их, что они сумели перешагнуть все пределы, все границы дозволенного, сделать всякое изумление, всякий возмущённый крик наивным, дурацким. И всё то же бешенство деятельности, все та же неугасимая энергия, ни на минуту не ослабевающая вот уже скоро два года. Да, конечно, это что-то нечеловеческое. Люди совсем недаром тысячи лет верят в дьявола. Дьявол, нечто дьявольское несомненно есть».

И удивительная, загадочная судьба. Ни одной книги (настоящей), ни одной настоящей биографии. Даже судьбы вождей нацизма просвечены со всех сторон по сравнению с Лениным. Это человек не XX века, не нашего века. Он принадлежит будущему. ТАМ будет понят.

Понятный Соловьёв — это неудавшийся Ленин. Крохотная, не пошедшая в рост легенда. Был и такой вариант вселенной. Но не прошёл по ряду причин. Миф же о Ленине удался, осуществился, расцвёл со всеми ответвлениями. Стал каноническим. Судьба попробовала в Соловьёве сначала. (Ранее в Белинском, Чернышевском и др.) А потом отбросила как излишне сложный, хрупкий и тесный вариант.

Ленин человек без биографии (889). Его биография (конечно, до сих пор активно фальсифицируемая всеми сторонами — уж слишком сильно поле грубо-политического напряжения вокруг этого имени), его биография, даже подлинная, совершенно несоразмерна его подлинному значению. Исходя из неё, совершенно непонятен феномен Ленина. И тут странная схожесть с Христом, Буддой, Магометом. Непонятно, почему эти люди оказали такое тотальное воздействие на мировую историю. Чем? Исходя из БИОГРАФИИ, непонятно. Их суть находится ЗА биографией, ЗА фактами. Ленин становится хотя бы частично понятен лишь в контексте русской национальной бесконечности — универсуме. Вне духовной истории России это какая-то абстрактная картинка, тушь, пролитая на чертёж и расплывшаяся — если посмотреть при желании — забавным чертёнком.

А с точки зрения духовной, это Итог.

601

← Предыдущее, следующее →

601. Примечание к № 225
Может быть, и отца кто-нибудь выдумал, а? (к цитате)

Я Лужин, но со странной особенностью — я играю не в шахматы, а в жизнь. Свою собственную жизнь. Моя специализация — я сам. Я Лужин, вполне понимающий и осознающий себя Лужиным. Вот я — ничтожная, нелепая фигурка в страшном клетчатом мире. Вот мой русский отец, инфантильно мечтающий об одарённости своего сына, но вообще, по-маниловски; и походя растаптывающий всё, проходящий мимо подлинного и реального дара. Вот русская школа с её коверканием личности. Вот неправильное, шахматное начало внутренней жизни. Вот погружение в интеллектуальный сон, трезвость, девственность, любовь к географическим картам и карандашным линиям. Вот ощущение сложной запутанности мира и невозможность вырваться из него, выйти. Вот нелепый прорыв в реальность — «рыдая, обнимая паровое отопление» — и догадывание о замысленности своего существования, попытка его осмысления путём вспоминания ушедшей реальности, детства, и внутреннее ощущение того, что и эти воспоминания лишь элемент сатанинского замысла.

Но у набоковского героя разрыв с собой, возможная трансформация своего дара и, следовательно, хоть какая-то компенсация, обнаруживаемость из реальности. Мой же дар никак не проявляется в мире, он абсолютен и невинен. Но именно поэтому так нужен прорыв, спасительное определение. Лужину этого не надо. Он не замечает себя, и ему важен выигрыш как таковой. Но мой выигрыш — это сны и, чтобы сны выиграли, нужно их шарлатанское признание.

602

← Предыдущее, следующее →

602. Примечание к № 563

действительно серьёзное движение начинает с создания своих противников (к цитате)

Черносотенцам следовало бы начать свою деятельность с инспирации сионистского движения. Но начали не они. Что и предопределило исход.

Речь не идёт о примитивной провокации. Зачем? Всё гораздо серьёзней. Неизбежно ли было появление сионизма в России? Да, неизбежно. Так пускай его возглавят наши люди. Не с целью последующего быстрого уничтожения, а с целью локализации, направления в нужное русло. В среде сионистов дебатируется вопрос о жаргонной литературе. Предположим, русские высчитали, что для них выгоднее поощрение распространения идиша, так как это послужит тормозом для культурного проникновения чужеродного элемента и в конечном счёте будет способствовать еврейской сегрегации. Руководителям сионизма сообщается о целесообразности поддержки «автономистов». В результате цель достигнута. Тихо, быстро и просто. Без ненужного шума. Сами черносотенцы ни в коем случае не должны были заниматься еврейским вопросом непосредственно. То, что они кричали, например, о еврейской процентной норме в университетах, было серьёзной ошибкой. Следовало говорить не о том, что в университете N 50% студентов евреи, а о том, что там 25% русских при русском населении N-ской губернии в 90%. Итак, должно быть равенство: 90% в губернии — 90% в местном университете. О евреях не должно было бы и упоминаться. Так серьёзные дела не делаются.

Более того. Политическое движение может рассчитывать на серьёзный успех лишь в том случае, если оно устроено таким образом, что при его практических действиях постоянно создаются беспроигрышные ситуации. То есть любое действие (а равно бездействие) противника автоматически неудачно, автоматически приносит удачу движению. При ИНСПИРАЦИИ социально-политического движения оно изначально поражено, таит в себе гибель. С самого начала всё будет валиться, «не везти». Даже везение будет частным случаем невезения, тем более глубокого

и окончательного, чем выше частная удача. Поэтому необычайно важно уловить момент и заразить головку движения противников. В известном смысле это даже важнее, чем создание собственной структуры.

603

← Предыдущее, следующее →

603. Примечание к № 547
редакция «Русской мысли» сама себя похоронила (к цитате)

Ошибка либералов в том, что они были либералами: отпустили свою проклятую «русскую мысль» на свободу. Она и додумалась на волюшке. Отличие от европейской свободы в результате получилось колоссальное.

604

← Предыдущее, следующее →

604. Примечание к № 590
— Это у вас церковь такая, да? (к цитате)

Деликатное неверие Чехова в тысячу раз более религиозно, чем «вера» Соловьёва и Бердяева. У Антона Павловича есть рассказ «Княгиня», где очень хорошо показана псевдорелигиозная женски-истерическая психология. Доктор, несомненно персонаж, близкий автору, не выдерживает и говорит княгине:

«Зачем вы ездите сюда? Что вам здесь у монахов нужно, позвольте вас спросить? Что вам Гекуба и что вы Гекубе? Опять-таки забава, игра, кощунство над человеческой личностью, и больше ничего. Ведь в монашеского Бога вы не веруете, у вас в сердце свой собственный Бог, до которого вы дошли своим умом на спиритических сеансах; на обряды церковные вы смотрите снисходительно, к обедне и ко всенощной не ходите (627), спите до полудня … зачем же вы сюда ездите? В чужой монастырь вы ходите со своим Богом и воображаете, что монастырь считает это за превеликую честь для себя!»

Не нужно было эмиграции этих «мыслителей», которых из РСФСР в начале 20-х выслали. Они сами выбрали Советы во время гражданской войны. Без бердяевых климат эмиграции был бы здоровее. Не выше уровнем, но хотя бы здоровее. А уровень потом можно было бы поднять — при здоровой основе-то. С ними и разговаривать не надо было. Бердяев даже не понимал, что он издевается над трагедией русской эмиграции. Ему это в глаза сказали бы, а он бы не понял.

«Она (после разговора с доктором. — О.) *плакала и думала о том, что хорошо бы ей на всю жизнь уйти в монастырь: в тихие летние вечера она гуляла бы одиноко по аллеям, обиженная, оскорблённая, не понятая людьми, и только бы один Бог да звёздное небо видели слёзы страдалицы».*

605

← Предыдущее, следующее →

605. Примечание к № 571

Соловьёв с его «Оправданием добра», где сама проблема добра и зла не поставлена даже. Поставлена на уровне девочки и мороженого. (к цитате)

Впрочем, все познаётся в сравнении. Розанов сказал в «Опавших листьях»:

«Пока ещё „цветочки“; погодите, русская литературочка лет через 75 принесёт и ягоды».

Ягоды поспели гораздо раньше. Советская литература:

— У девочки отнять мороженое и съесть. Причём одной рукой есть, а другой держать за косу мартышку. А после мороженого раздеть, изнасиловать, задушить и закопать.

Это обычный, естественный уровень. Другие говорят:

— Насилуй, а убивать не надо. Её потом можно в народном хозяйстве использовать.

Эти уже считаются либералами. Далее, которые говорят, что и насиловать нехорошо, — это борцы за правду, праведники, ими вся страна гордится. А уж если кто-то намекает, что вообще пусть себе идёт и мороженое ест — это уже страдальцы, великомученики. Их имена шёпотом произносятся. Это «совесть нации», её золотой фонд. Они за это чуть ли не на смерть идут…

Н-да, «договорились».

— Как девочка? почему девочка? откуда она идёт? куда? какого сорта мороженое? А может быть, она его украла, а может быть, это и не мороженое и это не девочка, а вредитель, диверсант, власовец переодетый. А может быть, она беспризорная, без ошейника и её в детприют отдать надо. Под микроскоп девочку, под микроскоп мороженое. А то ведь «абстрактный гуманизм» получается.

Нельзя на головы бетонные плиты вываливать, нельзя людей вместо шпал класть, нельзя деревни и города водохранилищами затоплять. И наконец один набрал воздуха и пискнул: «Убивать 66000000 человек нехорошо!» Зарвался. Так русские ещё два десятилетия потопчутся-потопчутся и дойдут до «мы теперь уже знаем». Знаем то, что другие народы две тысячи лет знали

(а то и поболее): «Не убий, не укради…»

Сбылась мечта идиота. Русский писатель оказался полезен, даже необходим, и может теперь на законных основаниях утолять свою страсть к заунывным и примитивным нотациям, может теперь бормотать «под руку»: «Плоховато кирпичи-то кладёте (609), рухнет и придавит». И действительно, рушится и давит. — «Я же говорил!» «Нельзя носы резать — это больно и нехорошо!» Вот мы как: и при деле, и гуманные. Нравоучительность русской литературы постепенно перешла в дидактику московских процессов, давших, в свою очередь, неисчерпаемый материал для всевозможных нравоучений.

Есть и свои «анфан террибли». Александр Зиновьев стал королевской жирафой ползать по западноевропейским подмосткам. Совершенно голый советский философ и писатель (об одном галстуке) на четвереньках хрипит: «Офелия, о нимфа!» «Антисоветская» культура. Журнал «Антикрокодил». Ягодки.

Маяковский похлопывал Александра Сергеевича:

После смерти
нам
стоять почти что рядом:
вы на Пе,
а я
на эМ.

Что ж, верно. Хотя тут и небольшая ошибочка. Стоять-то рядом, да на разных полочках. Пушкин на полке «Русская классическая литература», а Маяковский на полке «Русская советская литература».

606

← Предыдущее, следующее →

606. Примечание к № 572

Вечная поглощённость самим собой, своими переживаниями. (к цитате)

Я эгоист. Вообще «эгоизм» — это такое маленькое слово, это когда человек сосредоточен на своём маленьком «я» (и он чувствует, что оно маленькое). А моё «я» огромное. Так что я эгоистище, что ли.

Или, скажем так: я влюблён не в «я», а в своё «сверх-я». То есть я сверхэгоист.

607

← Предыдущее, следующее →

607. Примечание к № 575
Будут бить и плакать не дадут. (к цитате)

В 1967 году в Лондоне эмигрантский историк Георгий Катков выпустил книгу «Россия, 1917 год. Февральская революция», содержание которой вкратце сводится к следующему:

1. Февральская революция вовсе не является следствием стихийного выступления каких-то там «народных масс», так как:

«Массовое движение такого масштаба и такой энергии не могло произойти без некоей направляющей силы, стоящей за ним».

2. Первым компонентом таковой силы является созданная германским Генштабом организация Парвуса, инспирирующая рабочее движение и нашедшая в конце концов репрезентативную фигуру в лице Ленина. Сам Ленин, пришедший к власти при помощи немецких денег и немецкой агентуры, использовал связь с вражеской разведкой для достижения собственных шизофренических целей. На данные об этом аспекте русской революции впоследствии «было наложено табу обеими сторонами».

3. Второй движущей силой Февральского переворота явились «махинации масонов». Крупнейшие деятели масонского движения оказались после гражданской войны за границей, но они связаны клятвой молчания и «ещё очень долго будут молчать». Фактически масоны, преследуя свои цели, невольно обеспечили приход к власти первой силы.

Таким образом, из-за исключительного стечения исторических обстоятельств история русской революции с самого начала оказалась грубо фальсифицированной.

Книга Каткова крайне интересна как своеобразное завершение нового слоя либеральной мифологии. «Февраль 17-го» обобщает отрывочные сведения о русском масонстве, просачивающиеся тонкой струйкой уже в течение шести десятилетий. Основная, центровая глушилка — «свиная харя „истинно русского“ погромщика, выхрюкивающая пошлые россказни о „жидо-масонском“ заговоре», — корректировалась спешным созданием второй линии обороны. В тылу потихоньку рыли окопы и блиндажи для катковского манёвра — варианта столь излюб-

ленного масонами «упреждающего разоблачения». В 1931 г. в Париже С. П. Мельгунов выпустил книгу «На путях к дворцовому перевороту», где называл ряд фамилий «причастных к тайне русского масонства». Однако сами обладатели этих фамилий помалкивали, предпочитая говорить о «людоедах из „Союза русского народа“». И лишь в 1955 г. вышли мемуары Милюкова. После этого в 50–60-х гг. сделали заявления многие видные масоны: Керенский, Кускова, Чхеидзе, Гальперин и др. Говорилось, в частности, что после 1905 г. были основаны масонские ложи «Возрождение» и «Полярная звезда», подчиняющиеся «Великому Востоку Франции». В 1911 г. был заглушечный роспуск, сопровождавшийся созданием «Верховного Совета народов России». Этот-то ВСНР под руководством Керенского и пришёл к власти в феврале 1917 г., прикрываясь юмористическим названием «Исполкома петроградского совета рабочих депутатов» и якобы противоположного ему «Временного правительства». Ещё до революции в Государственной Думе существовало аналогичное разделение «для дураков». И кадеты (Шингарёв, Некрасов и др.), и прогрессисты (Коновалов, Ефремов и др.), и меньшевики (Чхеидзе, Чхенкели, Скобелев и др.), и трудовики (в их числе сам Керенский) — все они входили в «Думскую ложу» ВСНР.

Однако при этом не говорится, по крайней мере, следующее:

1. Взаимоотношения между немецким Генштабом и масонами были достаточно крепкие и разветвлённые, так что версия о масонах «невольных пособниках» Октябрьского переворота (то есть прихода к власти прогерманской партии) смехотворна.

2. Кроме германской разведки в политические дела России в не меньшей степени были замешаны разведслужбы стран Антанты (611), которые не только инспирировали Февральский переворот, но и довершили дело разрушения России после разгрома кайзеровской Германии. Немцы начали, англичане и французы доделали.

3. Самым непосредственным образом в весь этот клубок заговоров и интриг были включены еврейские организации. Их роль в тогдашней английской, французской и германской политике, как бы ни была она велика, меркнет по сравнению с влиянием на ход русских событий.

4. Вся философская, историческая и политическая литература, издававшаяся в России представителями левого лагеря, является литературой исключительно агитационной и в научном смысле не существует. Что касается литературы «правой», то, по крайней мере в смысле элементарной фактографии, она заслуживает

определённого доверия.

5. Страны Запада несут тяжкий груз ответственности за произошедшее в России 1917 года. По крайней мере на ¾ Февральско-октябрьская революция есть форма геополитической диверсии.

Но об этом ничего не говорится. Да, были масоны. Через 50 лет после революции «мы уже знаем». Говорится это в серьёзных исторических трудах, подаётся как плод колоссальных научных изысков. Вот как сделали! Серьёзная, серьёзнейшая европейская работа! Тут противник серьёзный. Это вам не какие-нибудь золотушные «немецко-фашистские захватчики». Тут опыт столетий.

И борьба должна вестись по-настоящему. Месть тоже должна быть рассчитана вперёд на века (743). Скажем (как историческая иллюстрация), в 1905 году всех милюковых и гессенов аккуратно вырезать по седьмое колено. А потом, лет через 50, когда два-три поколения сменятся, всех, хе-хе, «посмертно реабилитировать». Да, были и ошибки, перегибы. Ненужные эксцессы. «Мы теперь уже знаем». «Установили». Милюков был и неплохим историком. Даже книжку издать его. С комментариями. Тут с заглушками, с заглушками надо. «Срезать на поворотах». Плюнуть в рожу, а потом сказать: «А я сложный, противоречивый. У меня личности раздвоение». Тут, главное, всегда иметь в виду, что это не есть люди. Шути, услуживай, «будь полезен» (622), «признавай свои ошибки». И все шутки, шуточки-ухмылочки. «Анекдотист и канканёр», «душа общества». А в критический момент проводок какой-нибудь в автомобиле подрезать (746). И — «в путь-дорогу». «Благословить вас в ад далёкий сойдёт стопами лёгкими Россия».

Тут важно не перебарщивать только, не срываться, не суетиться. Пускай не я, пускай внуки, правнуки. А я так всю жизнь и прошучу-продружу. Не надо торопиться. Ненависть должна быть глубоко запрятана, как самое святое. В 30-ые годы, где-то я читал, некто фотографии евреев булавкой колол. Вот это вот. Они у него всем политбюро внутри радиоприёмника лежали. Он их раз в месяц доставал. Как праздник, награду. И ещё 20 минут из задней крышки шурупы отворачивать, чтобы долго добираться было.

608

← Предыдущее, следующее →

608. Примечание к № 517

Но извне всё дешифруется как огромная карикатура на «Дар». (к цитате)

Почему я люблю Набокова, так же, может быть, как царя в последние месяцы жизни? Он наиболее близок из всех, умер в 1977 году. Для меня это психологически всё равно, как если бы в 1917 умер Пушкин. (Набоков в «Даре» о живом старике Пушкине — фантастичности этой картины). Подумать только, я, уже как «я», «личность», мог хотя бы гипотетически встретиться с Набоковым!

Я сейчас подумал о встрече, как бы могло быть. И понял, что никак (не физически, а психологически — невозможность первого ничего не значит). Наверно, поэтому я и люблю Набокова. Не то что он мне нравится, я им восхищаюсь или унижен (и в этом есть сладость), а вот просто ясно и тихо люблю. А я для него «ноль». Он мог бы где-нибудь «упомянуть» обо мне. По типу: «придурковатый пошляк Одиноков» или «какой-то никому не известный псевдомракобес из якобы России». А я где-нибудь так, издалека, на старика один раз посмотрел, и мне больше ничего бы и не надо было. И было бы хорошо. Я это так ясно, так реально, так правдоподобно представляю. Весь ход мыслей ясен. И главное, тут сказать никому нельзя. «Вот мы как, мы и благородством!» Тут никому ничего нельзя сказать, доказать. Как трухлявый гриб, реальность рассыпается порошком пошлости. И поэтому так бы и было.

609

← Предыдущее, следующее →

609. Примечание к № 605
«Плоховато кирпичи-то кладёте» (к цитате)

Константин Леонтьев квалифицировал «метод» Достоевского, Толстого, Гоголя как «придирчивый душевный разбор, вечно готовый ЧТО-ТО ПОДКАРАУЛИТЬ». То есть СЫСК. «Ага, хромает. А этот слюной брызжет». Назойливое, настырное выискивание у людей недостатков и их подчёркивание. Нормальный человек не будет смотреть на пустой рукав собеседника, следователь же сразу отметит: «однорукий». И в мозговой картотеке он у него навечно будет проходить под этой биркой. И даже подлавливание людей: как бы невзначай касание руки — не протез ли? Выискивание чёрточек, деталей, материала. В «Идиоте» Мышкин постоянно слышит за спиной русский шёпот: «идиот», «идиот», «идиот» (624).

— Где?

— Вон этот, видишь, пошёл.

— Где-где?

— Да вон.

Правдивость русской литературы. Ещё одна грань. Подойти к калеке и указать пальцем: «Калека!»

610

← Предыдущее, следующее →

610. Примечание к № 571

— «Э-э, да у вас вон как пошло — на уровне ВОДОПРОВОДА!» (к цитате)

Набоков писал в «Даре», как в прошлом веке русские путешественники все восхищались Германией:

«Боже мой, какие восторги! „Маленькая гемютная Германия“ — ах, кирпичные домики, ах, ребятишки ходят в школу, ах, мужичок не бьёт лошадку дрекольем!..»

И добавил:

«Ничего, — он её по-своему замучает, по-немецки, в укромном уголку, калёным железом».

611

← Предыдущее, следующее →

611. Примечание к № 607

Кроме германской разведки в политические дела России в не меньшей степени были замешаны разведслужбы стран Антанты (к цитате)

К Первой мировой войне Франция и Германия готовились 40 лет. Больше даже. Кружили вокруг друг друга, выжидали, когда шилом отравленным в сердце пырнуть. Япония готовилась лет 25. Готовилась Англия. У всех была звериная цель. Россия хлопала ушами. Она не «готовилась», а «жила». Она не готовилась, а её готовили. Обрабатывали к закланию. Пырнуть ножичком, пырнуть незаметненько, да так, чтобы гулливерова туша на соседнее Блефуску рухнула, раздавила соперника. Но недооценили размеров разлагающегося трупа — пошла мировая эпидемия. Замысел был, может быть, первоначально более тонкий. Ведь лилипуты очень хорошо понимали эту опасность и поэтому положили Гулливера только ослепить. Тут, конечно, огрубление замысла произошло из-за слишком большого количества разнонаправленных сил — было уже не до высшей математики.

612

← Предыдущее, следующее →

612. Примечание к № 575

в России, кроме классической узковоенной разведки и дипломатического корпуса, — ничего не было (к цитате)

Где хоть один русский разведчик XIX — начала XX вв.? Назовите. Сам вопрос смешон. А во всех европейских странах есть такие имена (например, полковник Лоуренс). Русским же с избытком хватило биографий «пламенных революционеров». Более того. Нет и ни одного соответствующего литературного персонажа (629). В богатейшей русской литературе столь выигрышная и интересная тема отсутствует напрочь. Даже сыщиков, каких-нибудь Шерлок Холмсов и Пинкертонов, нет. Нет совсем (не считать же таковым метафизический образ Порфирия Петровича). А русские — прирождённые шпионы, с их-то скрытностью и переимчивостью. Вот где, может быть, сердцевина гнилости царской России. Прирождённому плясуну, музыканту порвали гармошку. Душа тосковала, плакала. Нашлись люди «с другого берега», купили. Он и пошёл наяривать — за версту стекла вышибало.

А после революции… Где центр отечественного мироздания? Какая ось? Кто объявлен святым? У кого «чистые руки»? Кто рыцарь без страха и упрёка? Кому подражать, с кого «делать жизнь» «юноше, обдумывающему житьё»?..

То есть оттянули маятник до упора, он качнулся и пошёл в разнос. — Русская история.

613

← Предыдущее, следующее →

613. Примечание к № 599
«ненавижу психологов и шпионов» (Ф. Достоевский) (к цитате)

В произведениях Достоевского часто говорится об эпилепсии («Бесы», «Идиот»). Наконец, в «Братьях Карамазовых» этой теме подводится некоторый «итог». Обвинитель Дмитрия Карамазова доказывает невиновность больного падучей Смердякова:

«Сильно страдающие от падучей болезни, по свидетельству глубочайших психиатров, всегда наклонны к беспрерывному и, конечно, болезненному самообвинению. Они мучаются от своей „виновности“ в чём-то и перед кем-то, мучаются угрызениями совести, часто, даже безо всякого основания, преувеличивают и даже сами выдумывают на себя разные вины и преступления».

614

← Предыдущее, следующее →

614. Примечание к № 579

«Вот преступник, юноша. Гостил на даче у родных. Ломал деревья, рвал обои, бил стёкла, осквернял эмблемы религии, всюду рисовал гадости…» (И. Бунин) (к цитате)

Ленин в 16-летнем возрасте бросил свой крест в мусор. Уже первые его статьи и письма поражают своей хулиганской злобой. А из ссылки Ленин приехал только с одним желанием: всё жечь, коверкать, ломать, мстить за свой хвост отдавленный. Тут месть именно мелкая, женская, месть маленькой ведьмы Маргариты, перебившей молотком стёкла, разломавшей рояль и испачкавшей чернилами постельное бельё. Месть носила низменно-животный, мелкий и поэтому зло-комичный, «чарли-чаплиновский» характер: пинки, бросание тортов, обрывание фрачных фалд, подножки, плевки, удары палкой по голове.

В январе 1901 года Ильич пишет с восторгом:

«Хорошим образчиком может служить харьковская демонстрация … перед редакцией „Южного Края“. Праздновался юбилей этой паскудной газеты, травящей всякое стремление к свету и свободе, восхваляющей все зверства нашего правительства. Перед редакцией собралась толпа, которая торжественно предавала разодранию номера „Южного Края“, привязывала их к хвостам лошадей, обёртывала в них собак, бросала камни и пузырьки с сернистым водородом в окна с кликами: „долой продажную прессу“. Вот какого чествования поистине заслуживают не только редакции продажных газет, но и все наши правительственные учреждения».

Это писалось во времена относительно тихие, мирные. Что же орал Ленин в 1905? Да вот:

«Пусть тотчас же вооружаются … кто как может, кто револьвером, кто ножом, кто тряпкой с керосином для поджога и т. д. …Не требуйте никаких формальностей, наплюйте, христа ради, на все схемы, пошлите вы, бога для, все „функции, права и привилегии“ ко всем чертям… Одни тотчас же предпримут убийство шпика, взрыв полицейского участка, другие — нападение на банк для конфискации средств для восстания… Пусть каждый

отряд сам учится хотя бы на избиении городовых…»

«Отряды должны вооружаться сами, кто чем может (ружье, револьвер, бомба, нож, кастет, палка, тряпка с керосином … верёвка или верёвочная лестница, лопата для стройки баррикад, пироксилиновая шашка, колючая проволока, гвозди (против кавалерии) и пр. и т. д.) … Даже и без оружия отряды могут сыграть серьёзнейшую роль: …нападая при удобном случае на городового, случайно отбившегося казака … забираясь на верх домов, в верхние этажи и т. д. и осыпая войска камнями, обливая кипятком… (Следует наладить подготовку. — О.) *кислот для обливания полицейских и т. д. и т. д.»*

Тут же реплика по поводу «соглашателей»:

«Вместо того, чтобы разжечь огонёк, сломав окна и дав простор притоку свободного воздуха рабочих восстаний, они потеют, сочиняя игрушечные мехи и раздувая освобожденский революционный пыл скоморошескими требованиями да условиями».

Программа ясна: «ломать окна». И тут же злорадство: «хорошо пошла»:

«Метание Треповых и либеральных профессоров доставляет нам величайшее удовольствие; значит, хорошо дует революционный ветерок, если политические командиры и политические перебежчики подпрыгивают так высоко на верхней палубе».

Но и 1905-ый — это ведь не вершина, скорее подножие. Во всю ширь Ленин развернулся в 1917-ом. Сразу после захвата власти широчайшая программа издевательства над миллионами людей:

«Тысячи форм и способов практического учёта и контроля за богачами, жуликами и тунеядцами должны быть выработаны и испытаны на практике самими коммунами, мелкими ячейками в деревне и в городе. Разнообразие здесь есть ручательство жизненности, порука успеха в достижении общей единой цели: ОЧИСТКИ земли российской от всяких вредных насекомых, от блох — жуликов, от клопов — богатых и прочее и прочее. В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы (так же хулигански, как отлынивают от работы многие наборщики в Питере, особенно в партийных типографиях). В другом — поставят их чистить сортиры. В третьем — снабдят их, по отбытии карцера, жёлтыми билетами, чтобы весь народ, до их исправления, надзирал за ними, как за ВРЕДНЫМИ людьми. В четвёртом — расстреляют на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве.

В пятом — придумают комбинации разных средств и путём, например, условного освобождения добьются быстрого исправления исправимых элементов из богачей, буржуазных интеллигентов, жуликов и хулиганов. Чем разнообразнее, тем лучше…»

Какая злобная изобретательность обиженного мещанина. Ильич прямо парит ласточкой: то левым боком, то правым, то вверх, то вниз, а вот ещё, ещё коленце. Пера удержать не может. Так и видишь: все это быстро, быстро, бисерным почерком, вполпьяна.

И уже упившись кровушкой, немножко отвалившись от России, «убавил громкость». Но и при нэпе тембр — визгливый, картавый — тот же. По поводу своих же чиновников в 1922 году:

«Прессе поручить высмеять тех и других и ОПЛЕВАТЬ ИХ. Ибо позор тут именно в том, что москвичи не умели бороться с волокитой. За это надо бить палкой … А идиоты две недели ходят и говорят! За это надо ГНОИТЬ В ТЮРЬМЕ … Москвичей за глупость на 6 часов клоповника. Внешнеторговцев за глупость — на 36 часов клоповника. Так и только так УЧИТЬ надо».

Конечно, сам нэп был злорадной выдумкой, провокацией Ленина. (Прямо писал: «Величайшая ошибка думать, что нэп положил конец террору. Мы к нему ещё вернёмся».) При всех качаниях и ренегатстве у Ленина была центральная идея всеобщего хаоса и разрушения (699). Если он и останавливался, то лишь для того, чтобы половчей что-то разбить, сломать. В конце концов сломать и разрушить самого себя, свою печень себе выгрызть.

615

← Предыдущее, следующее →

615. Примечание к № 540

Но внутренне постоянно ощущение пустоты, измены, релятивности мира (к цитате)

Благодаря релятивности восприятия мне уютно и легко в фантасмагорическом гуле начала века. Убийство Меньшикова — мог ли думать об этом Чехов? Ленин в январе 17 года и в апреле — какой скачок! А для меня это естественно, понятно. Фантастика реальности совпадает с фантастичностью моей личности и при наложении превращается в обыденность, в лёгкий и понятный быт. Я субкультуру 20–30-х могу реконструировать заранее, почти без фактов и данных. Я её ЧУВСТВУЮ. А вот реальность сегодняшнюю не могу понять. Я не вижу здесь фантастики и агрессивно навязываю её миру, пичкаю его фантастикой. Я не могу жить в бытовом мире. Тогда становится фантастичным моё собственное существование, а это, мягко говоря, неудобно, неприятно. В жизни я ничего так не боялся, как фантастики своего личного существования, личного опыта соприкосновения с фантастикой (620). Всегда это были какие-то ужасы, вроде смерти отца.

616

← Предыдущее, следующее →

616. Примечание к № 588
сама эта книга — мечта (к цитате)

Сон, утопия. В одном исследовании по истории утопий говорится, что:

«Цивилизация вряд ли способна будет выжить в течение продолжительного времени без утопических фантазий, как и отдельный человек не может существовать без сновидений».

«Бесконечный тупик» вовсе не бесполезен. Для меня. Но не думаю, что его следует читать другим. Это дополнение моей жизни, придающее ей устойчивость. Само по себе ложное. Но это «ложное» — единственное, что есть у меня, кроме самого меня. Следовательно — единственное, что я могу продать. Больше у меня просто ничего нет. Но «публикация» книги, её «обнародование» очень обидно. Даже в абстрактно-этическом, правовом смысле — нехорошо. «Продавец снов». Но всё равно продам (гибну). И очень дёшево. Последнее, что ещё внутренне благородно, для меня самого не опошлено.

617

← Предыдущее, следующее →

617. Примечание к № 552

Гумберт … сам чем-то напоминает дьявола (даже внешне) (к цитате)

Для набоковских героев, причастных нечистой силе, характерна специфическая семитская внешность: смуглая волосатая кожа, яркие вывороченные губы и т. д. Соответственно сюжет «Лолиты» вращается вокруг темы расового преступления. Ср. сцену первой близости Гумберта и Лолиты в гостинице: хозяин отеля отказывался принять «подозрительного брюнета», но:

«Какие бы сомнения ни мучили подлеца, они рассеялись от вида моей арийской розы».

Однако в результате, пожалуй, «арийская роза» совращает простодушного семита. Купринская тема продолжена «талантливым пустозвоном» вполне классически.

618

← Предыдущее, следующее →

618. Примечание к № 583

план Соловьёва был бы достаточно интересен, достаточно грандиозен, достаточно злораден, если бы… (к цитате)

Если бы не существовала уже в русской культуре великая легенда Достоевского. Я наизусть помню и часто повторяю про себя:

«О, пройдут ещё века бесчинства свободного ума, их науки и антропофагии, потому что, начав возводить свою Вавилонскую башню без нас, они кончат антропофагией. Но тогда-то и приползёт к нам зверь, и будет лизать ноги наши, и обрызжет их кровавыми слезами из глаз своих. И мы сядем на зверя и воздвигнем чашу, и на ней будет написано: „Тайна!“ … Свобода, свободный ум и наука заведут их в такие дебри и поставят пред такими чудами и неразрешимыми тайнами, что одни из них, непокорные и свирепые, истребят себя самих, другие, непокорные, но малосильные, истребят друг друга, а третьи, оставшиеся, слабосильные и несчастные, приползут к ногам нашим и возопиют к нам: „Да, вы были правы, вы одни владели тайной его, и мы возвращаемся к вам, спасите нас от себя самих“. Получая от нас хлебы, конечно, они ясно будут видеть, что мы их же хлебы, их же руками добытые, берём у них, чтобы им же раздать, безо всякого чуда, увидят, что не обратили мы камней в хлебы, но воистину более, чем самому хлебу, рады они будут тому, что получают его из рук наших! Ибо слишком будут помнить, что прежде, без нас, самые хлебы, добытые ими, обращались в руках их лишь в камни, а когда они воротились к нам, то самые камни обратились в руках их в хлебы … мы дадим им тихое, смиренное счастье, счастье слабосильных существ, какими они и созданы… Они станут робки и станут смотреть на нас и прижиматься к нам в страхе, как птенцы к наседке. Они будут дивиться и ужасаться на нас и гордиться тем, что мы так могучи и так умны… Они будут расслабленно трепетать гнева нашего, умы их оробеют, глаза их станут слезоточивы, как у детей и женщин, но столь же легко будут переходить они по нашему мановению к веселью и к смеху, светлой радости и счастливой детской песен-

ке. Да, мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим им жизнь как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками. О, мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас, как дети, за то, что мы им позволим грешить… нас они будут обожать, как благодетелей, понёсших на себе их грехи пред Богом. И не будет у них никаких от нас тайн … И все будут счастливы, все миллионы существ, кроме сотни тысяч управляющих ими. Ибо лишь мы, мы, хранящие тайну, только мы будем несчастны. Будет тысячи миллионов счастливых младенцев и сто тысяч страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла. Тихо умрут они, тихо угаснут … и за гробом обрящут лишь смерть».

Теократия Соловьёва по сравнению с этим детский лепет. По глубине воплощения русской идеи — почти ноль.

619

← Предыдущее, следующее →

619. Примечание к с. 64 «Бесконечного тупика»
Набоков страшно давит на читателя. (к цитате)

«Дар» — это, пожалуй, самое близкое мне литературное произведение. Но катарсиса нет. Набоков аккуратно ставит мне мат. У героя «Дара» есть детство, свобода самовыражения и любовь — с помощью этих трёх сил он гармонизует своё бытие. У меня ничего этого нет и быть не может. Мат. Собирай шахматы. «Кто на новенького?»

У Розанова детства тоже не было. А свобода творчества была лишена смысла при его способе интеллектуального существования. У него была лишь третья сила — любовь. С её помощью он и решил задачу оправдания своего бытия. Но, в принципе, Розанов мог оправдаться и творчеством, своей свободой невыражения. Его книги и дали мне эту вторую силу, оправдали меня. Мне уже всё равно. Читатель не нужен. Его и не может быть.

Вообще книги Набокова так устроены, что говорят «нет». Они облагораживают мышление, как и книги Розанова. Но собеседник Владимира Владимировича всё время проигрывает, а собеседник Василия Васильевича — выигрывает. Их миры так устроены, скручены. Всё возвращается в исходную точку. Но читатель Набокова опустошается, а читатель Розанова обогащается.

Набоков прямо писал, что хочет объяснить читателя, загнать его в тупик-ловушку упреждающего определения, то есть ведёт с ним русскую игру в объяснение-господство:

«Соревнование в шахматных задачах происходит не между белыми и чёрными, а между составителем и воображаемым разгадчиком (подобно тому, как в произведениях писательского искусства настоящая борьба ведётся не между героями романа, а между романистом и читателем), а потому значительная часть ценности задачи зависит от числа и качества „иллюзорных решений“ — всяких обманчиво-сильных первых ходов, ложных следов и других подвохов, хитро и любовно приготовленных автором, чтобы поддельной нитью лже-Ариадны опутать вошедшего в лабиринт».

Конечно, по быстроте спохватывания Набоков не превзойдён.

У меня лично гораздо медленнее, и я часто не успеваю за ним. Так, одно время я всё вынашивал мысль обратить идею символизации реальности на самого автора. Как правило, этот приём сразу раскалывал идеологический мир вдребезги. Но что отлично проходило с Соловьёвым, Бердяевым или Шестовым, совсем не прошло с Набоковым. Так получилось, что его первую вещь я прочёл одной из последних, и каково было моё удивление, когда я узнал, что «Машенька» и начинается с тотального спохватывания. Герой застревает в лифте с дураком-попутчиком, и тот начинает в темноте по-русски зудеть:

«А не думаете ли вы, Лев Глебович, что есть нечто символическое в нашей встрече? … Кстати сказать, — какой тут пол тонкий! А под ним — чёрный колодец».

Потом кто-то наверху нажал кнопку и лифт поднялся наверх. Но наверху никого не было. Дурак продолжал:

«Чудеса, поднялись, а никого и нет. Тоже, знаете, — символ».

Ополоумевший от бубнения в лифте «Лев Глебович» рявкнул:

«В чем же, собственно говоря, символ?»

А собеседник ему завёл про трагедию русской эмиграции и т. д. Но в результате повествования эта нелепая сцена раскрылась совсем иначе, злорадно.

Набоков, конечно, чисто русский писатель уже по самой манере мышления. Для западного человека эти завитушки и заскоки нашего сознания несущественны, незаметны, вторичны.

У Достоевского спохватывание помедленней. И в этом его обаяние — в некоторой тягучести. Набоков умнее читателя, он опережает вашу точку зрения задолго до её отчётливой формулировки. У Достоевского спохватывание идёт параллельно с читательским. Отсюда, конечно, большая напряжённость произведений Достоевского. Набоков пишет, зная конец, как Бог, а Достоевский как будто творит, сам не зная окончательного результата, то есть является орудием фатума. Поэтому его читатель становится соучастником.

620

← Предыдущее, следующее →

620. Примечание к № 615

В жизни я ничего так не боялся, как … личного опыта соприкосновения с фантастикой. (к цитате)

Глаз отца был натренирован на всё необычное. Зоркий, он всегда находил разные эксцентричные вещи. Однажды нашёл протез руки и подбросил его к ограде моего детского сада. Точнее, воткнул в снег. Ребятишки столпились у ограды, смотрели сквозь решётку. Я перелез через ограду, хотел достать руку, посмотреть, что это такое. Но только сделал 2–3 шага, и мне так страшно стало. Я обратно укрылся за оградой. А там так уютно, безопасно. Отец по дороге домой вечером умело направлял интерес, рассказывал о руке, но объяснял её материалистически. «Вот есть дяденьки, у них рука, скажем, на фронте оторвалась, и им делают искусственные. А это кто-нибудь потерял и найдёт». Рука снилась (645). И наяву, в садике, она стала осуществляться мифологически, обрастать. Она живая, но замороженная. Или там под снегом туловище. Или она шевелится, и даже видели, как рука показывала фигу. Потом рука куда-то пропала.

621

← Предыдущее, следующее →

621. Примечание к № 579
Русские же не выработали понятия труда (к цитате)

Достоевский был потрясён работой немецкой служанки:

«Ложится спать эта девушка в половине двенадцатого ночи, а наутро хозяйка будит её колокольчиком ровно в 5 часов … она служит за самую скромную плату, немыслимую у нас в Петербурге, и, сверх того, с неё требуется, чтоб одета она была чисто. Заметьте, что в ней нет ничего приниженного, забитого: она весела, смела, здорова, имеет чрезвычайно весёлый вид, при ненарушимом спокойствии. Нет, у нас так не работают; у нас ни одна служанка не пойдёт на такую каторгу, даже за какую угодно плату, да сверх того, не сделает так, а сто раз забудет, прольёт, не принесёт, разобьёт, ошибётся, рассердится, „нагрубит“, а тут в целый месяц ни на что ровно нельзя было пожаловаться».

Ещё более Фёдор Михайлович был поражён работой мелких почтовых чиновников, один из которых его просто убил. Достоевский очень ждал заказное письмо, нервничал, и служащий на почте запомнил часто приходящего посетителя. Когда же письмо пришло, он узнал адрес Достоевского и лично принёс конверт. И это при очень большой загруженности работой. Достоевский и здесь сравнил немецкий труд с русским:

«Всякий знает, что такое чиновник русский, из тех особенно, которые имеют ежедневно дело с публикою: это нечто сердитое и раздражённое, и если не высказывается иной раз раздражение видимо, то затаённое, угадываемое по физиономии. Это нечто высокомерное и гордое, как Юпитер. Особенно это наблюдается в самой мелкой букашке, вот из тех, которые сидят и дают публике справки, принимают от вас деньги и выдают билеты и проч. Посмотрите на него, вот он занят делом, „при деле“: публика толпится, составился хвост, каждый жаждет получить свою справку, ответ, квитанцию, взять билет. И вот он на вас не обращает никакого внимания. Вы добились наконец вашей очереди, вы стоите, вы говорите — он вас не слушает, он не глядит на вас, он обернул голову и разговаривает с сзади сидящим чинов-

ником, он взял бумагу и с чем-то справляется, хотя вы совершенно готовы подозревать, что он это только так и что вовсе не надо ему справляться. Вы, однако, готовы ждать и — вот он встаёт и уходит. И вдруг бьют часы и присутствие закрывается — убирайся, публика! Сравнительно с немецким, у нас чиновник несравненно меньше часов сидит во дню за делом. Грубость, невнимательность, пренебрежение, ВРАЖДЕБНОСТЬ к публике, потому только, что она публика, и главное — мелочное юпитерство. Ему непременно нужно выказать вам, что вы от него зависите. „Вот, дескать, я какой, ничего-то вы мне здесь за балюстрадой не сделаете, а я с вами могу все, что хочу, а рассердитесь — сторожа позову, и вас выведут“. Ему нужно кому-то отомстить за какую-то обиду, отомстить вам за своё ничтожество».

Сопоставляя это высказывание Достоевского с современной русской действительностью, нельзя не признать — 1:1. Суть уловил. (Единственное изменение сейчас, и в худшую сторону, — огромную часть мелкого чиновничества в СССР составляют женщины. То есть описанное Достоевским издевательство возведено в квадрат. Чехов писал: «Назначьте женщин судьями и присяжными, и оправдательных приговоров не будет вовсе».)

Почему же так получается, что, как писал Фёдор Михайлович, немец на работе «из мелкой букашки обращается в человека», а русский — из человека в букашку? — Русские из-за отсутствия секулярной культуры принимают свою работу слишком всерьёз и, следовательно, не придают ей значения. На Западе работают чиновникОМ, а у нас работает чиновНИК. Для европейца работа мелким служащим есть послушание, форма, для русского итог, суть. А что это за суть: «чиновник XIV класса»? Это крах, банкротство, глумление. Отличаясь природным трудолюбием, способностью хотя и неровно, но крайне интенсивно трудиться, проявляя при этом нечеловеческую энергию и самопожертвование, русский человек органически не способен выполнять мелкую, второстепенную работу (643). Отличный солдат, крестьянин, ремесленник, русский нелеп и злобен в качестве рабочего, служащего, санитара, официанта и т. д (667). Эти профессии кажутся ему несерьёзными, ненастоящими и издевательскими, ущемляют его честолюбие. А русские самые честолюбивые люди в мире.

Высшая форма русского труда — труд религиозный, монашеский. Это единственный вид «второстепенного», но вполне сообразного труда, именно труда-послушания. Если бы смена на Путиловском заводе начиналась с пения псалмов, мы бы Америку обогнали. «Не дорог урок, дорого послушание». Тебе ста-

рец сказал: «Сажай рассаду корешком вверх». А ты посади, смири гордыню. Историки недоумевают. Русский рабочий в начале века зарабатывал примерно столько же, сколько и западноевропейский (например: донецкий шахтёр в 1904 г. в день 3,6 франка, бельгийский — 3,9). Откуда же беспорядки, злоба? Ведь не в одной же провокации всё дело. Да русские на заводах могли бы вообще бесплатно работать, если бы индустриализацию проводили люди, знающие Россию. Как пошли бы на конвейер с иконами да хоругвями, с песнями… И ничего странного, в Японии, по другим причинам, в ином качестве, но сходно поступили… Да и в России, только уже вывернутой, советской, как опошление…

622

← Предыдущее, следующее →

622. Примечание к № 607
Шути, услуживай, «будь полезен» (к цитате)

По-русски лесть — месть.

— Ну поговори со мной, поговори.

— Что вы, Иван Иванович, вы хороший, замечательный человек. Вас весь коллектив…

— Ты понимаешь, что у меня жизнь пропала?

— Выпейте водички. Сейчас из приёмной диванчик принесём вам в кабинетик, приляжете, отдохнёте. Форточку вот, о-па.

— Мне направление в онкологический институт дали.

— Ну что ж, «большому кораблю большое плавание». Туда очередь наверно, со всего Союза люди едут, а вам без очереди, как уважаемому человеку. А там уход, питание. А оборудование какое, импортное. Мы без вас скучать будем, всем коллективом апельсины, а потом на кл…, то есть я хотел сказать, что вы нашему отделу жизнь дали, а теперь вам коллектив сторицей — печенье, соки. Ночами дежурить будем.

— Слушай, ты хоть плюнь на меня, ударь, что ты, не человек, что ли.

— Иван Иванович! Фу-ты ну-ты… Пуговка у пиджака отлетела, разрешите, я её вам подниму (636).

623

← Предыдущее, следующее →

623. Примечание к № 599
Власть слова над человеком безгранична. (к цитате)

«В начале было слово». А что будет в конце? Тоже ведь слово.

624

← Предыдущее, следующее →

624. Примечание к № 609

В «Идиоте» Мышкин постоянно слышит за спиной русский шёпот: «идиот», «идиот», «идиот». (к цитате)

Против Мышкина пишется ужасно несправедливая статья, и он с нею ожесточённо борется (751), так как чувствует, что фельетонный герой более реален, чем он сам. Несомненно, это чувство самого Достоевского, так как в фельетоне угадывается отблеск реальной полемики с Щедриным. Щедрин написал на Достоевского удивительно тупую эпиграмму «Самонадеянный Федя», а Фёдор Михайлович, слегка переиначив, переадресовал её авторство оппоненту Мышкина. Характерно, что фельетон зачитывается князю вслух, в глаза. Потом его автор, Ипполит, так же зачитывает в лицо своё посмертное (!) письмо. Это уже предел «олитературивания». Человек не выговаривается перед смертью, а выписывается и вычитывается.

Тема зачитывания в лицо, определения в лицо — во всех произведениях Достоевского (а начало положил Гоголь). Но максимум — в «Идиоте». Во многом оттого образ Мышкина — лучшее, что создал Достоевский. Раскольников, братья Карамазовы, Ставрогин сложны, но понятны. В Идиоте же есть какая-то вечная тайна. Желание не понять его, а быть понятым им.

625

← Предыдущее, следующее →

625. Примечание к № 593

Ах, милый Розанов, что ты наделал! Ты ушёл в тот мир, а я остался в этом. (к цитате)

Я ро-за-ни-а-нец. Но что это такое? Что такое «соловьёвец» — понятно. Это человек, продолжающий традицию философии Соловьёва. Но личность Соловьёва и его книги — это вещи совсем разные. Можно продолжить книги, но личность? жизнь? Книги Розанова и сам Розанов — это одно и то же. Он во-плотился. И кто же тогда я? Розанов?

Если моя жизнь очень сложно связана с жизнью моего отца, так что порознь ни его жизнь, ни моя не будет вполне понятна, то и Розанов так вплёлся в моё бытие (661), что без этого вплетения оно распадётся на отдельные полубессмысленные факты. С другой стороны, и Розанов без Одинокова — это уже ненастоящий Розанов, не вполне настоящий (708). По крайней мере для меня. С метемпсихозом для меня многое не выяснено. Жизнь — смерть, бытие — небытие — это всё переплетается, ветвится. В каком смысле умер Розанов? Есть ли его смерть небытие? До рождения — небытие, но небытие после смерти — это уже другое небытие, чем до рождения. Но разных «небытий» не бывает. Всё это тривиальная философская истина. Но когда она начинает переживаться в вашем индивидуальном существовании, то она перестаёт быть тривиальной. ВАША зубная боль не тривиальна.

Какие могут быть «традиции» у крайнего субъективизма? Только традиция метемпсихоза (895).

626

← Предыдущее, следующее →

626. Примечание к № 597

1967–1977 — это отказ от еврейской фронды при разрастании процесса демократизации вширь (к цитате)

Сейчас уже можно что-то противопоставить еврейской элите. Евреи по-прежнему и в интеллектуальном, и в духовном отношении превосходят русских, но уже не настолько, чтобы был невозможен сам диалог.

В сфере идей физическая сила, грубая ругань значат очень мало. Необходим духовный разгром. Сколько ни называй Шестова евреем и, следовательно, человеком, чуждым русской культуре, от этого ничего не изменится. А вот написать книгу, где доказывается, что Лев Исаакович взял определённую русскую тему, а именно тему интеллектуальной альтернативности, релятивности, и стал её очень монотонно варьировать, так что в результате получился «апофеоз», то есть нечто очень серьёзное, солидно основательное и фундаментальное — «апофеоз беспочвенности», и доказать, что это противоречие выявляет совершенно нерусский характер его философии и что при этом он все же близок русской мысли, так как тема-то русская, мелодия-то (не аранжировка) русская, — вот если так повернуть, то Шестов будет осмыслен русским логосом и из врага превратится в мальчика на побегушках. Конечно, в 60-е о таком и речи быть не могло. На посмевшего только бы навели «духовное ружьё», ещё и не прицелившись как следует, и тот бы испарился. А сейчас борьба всё же возможна. Конечно, с общим преимуществом еврейского логоса, но возможна. И, в конечном счёте, небезуспешна.

Всё же задача сложнейшая. Даже русская эмиграция оказалась не в силах её решить. Она оставила интересный материал, наметила новые подходы, но проиграла и погибла. Высшая причина её уничтожения — поражение духовное. Евреи доказали: она жить не должна (763). Действительно, доказали. Ну и что же оставалось? Мне вот ещё в школе почти доказали, что я не должен жить. Это как колдун. Поднимает руку — умри! — и человек умирает. Тут же, на месте. Или через день, два, три. Через месяц, год. Но умирает. И вовсе не потому, что он тёмный ди-

карь. А у него отнят смысл жизни, слово, энергия. Внешне по-другому, но в сущности так же гибнут просвещённейшие и цивилизованнейшие люди. И не только люди, но и страны, народы. Ведь России в начале века сказали — умри (853).

Но у русского ума, вообще слабого, есть всё же некоторые особенности. И этих «особенностей» хватит по крайней мере на то, чтобы господствовать (духовно, что неизмеримо сложнее) в своей же стране.

627

← Предыдущее, следующее →

627. Примечание к № 604

«на обряды церковные вы смотрите снисходительно, к обедне и ко всенощной не ходите» (А. Чехов) (к цитате)

Соловьёв писал Величко в 1895 году:

«Я прожил у Вас несколько недель Великого поста, и мы с Вами правил поста не соблюдали и в церковь не ходили, и ничего в этом дурного не было, так как всё это не для нас писано, и всякий это понимает» (637).

Однако Владимир Сергеевич считал, что имеет право писать для других о том, что не писано для него. В его высказываниях на религиозные темы более всего отталкивает явно неискреннее и утрированное употребление православной лексики и фразеологии. Например:

«В последнем пастырском воззвании Св. Синода оплакивается пагубное нравственное состояние России и подробно перечисляются все грехи и беззакония, которым мы подпали: безверие, нерадение, своекорыстие, необузданное вольномыслие, гордость, любостяжание, жажда удовольствий, невоздержание и зависть. Упрёки справедливые, и никто не в праве отклонить их от себя. Но поистине прискорбное недоумение вызывается тем, что Св. Синод, оплакивая бедственное положение России и пространно говоря по этому поводу о нравственных болезнях, присущих всему естеству человеческому со времени грехопадения, ни единым словом не касается того особенного великого недуга, который удручает ныне Русский народ в его целости и составляет истинную причину тягостного его положения. Странно и прискорбно также умолчание не только по важности дела, но и потому, что этот великий народный недуг ближе всего касается иерархии Русской церкви, находится в области её прямого ведения и от неё прежде всего может и должен ожидать своего уврачевания».

Тут всё фальшиво. И логическая последовательность аргументации «под проповедь», и деланое «недоумение» и «негодование», и лексика. Для священника — это естественная нормальная речь. Он так всегда говорит, пишет, мыслит. В устах же человека светского, выросшего в светской семье, не прошедшего

семинарию и духовную академию, подобные «речения» по крайней мере неуместны.

Однако хуже всего то, что Соловьёв имитирует не только строй речи, но душевный настрой служителя церкви. Наставляет:

«Есть пост умственный: не ищи знаний для знаний, без пользы для ближнего и для дела Божия. Не ищи новизны и оригинальности в мыслях».

Мало того, что это говорит «ложный поп», не имеющий права на моральную проповедь, обращённую к верующим, это говорит ФИЛОСОФ. И там же:

«Молитва, милостыня и пост суть три основные действия личной религиозной жизни — три основы личной религии. Кто не молится Богу, не помогает людям и не исправляет своей природы воздержанием, тот чужд всякой религии, хотя бы думал, говорил и писал о религиозных предметах всю свою жизнь».

Молитвы Соловьёв сочинял сам, посты не соблюдал, милостыня же его носила анекдотический характер и напоминала скорее всего забавы подгулявшего купчика, который в пьяном кураже разбрасывает по ресторанной зале пригоршни кредиток. Собственно религиозность Соловьёва, его узкое, бытовое отношение к религии лучше всего передано в письме к матери от 7 мая 1888 года:

«Христос воскресе! Милая Мама! Пишу Вам из Баден-Бадена, где встречал Пасху. Представьте себе, я не только был в русской церкви, но даже первый раз в жизни выслушал вполне всю пасхальную службу: полунощницу, заутреню, обедню и потом вечерню. Разговлялся у принцев Баденских (Мария Максимилиановна и муж её), был обильнейший ужин, но я ел только пасху и салат и пил шампанское».

Вообще, повторю ещё раз, страшная ДЕЛАННОСТЬ религиозных работ Соловьёва. Евгений Трубецкой, чувствуя все-таки некую неорганичность религиозности Соловьёва, объяснял это тем, что:

«Границы мистического и рационального, естественного постоянно нарушаются у Соловьёва В ОБЕ СТОРОНЫ: поэтому у него, с одной стороны, все рациональное насквозь проникнуто мистическим, а с другой стороны, мистическое становится чересчур естественным и понятным, слишком легко и поспешно укладывается в категории нашего рассудка».

«У него на каждом шагу встречаются религиозные утвержде-

ния, не оправданные и даже не проверенные каким-либо исследованием, а поэтому убедительные только для того, кто ЗАРАНЕЕ убеждён в истинности положительного христианского вероучения. Этот невольный и бессознательный догматизм в высшей степени характерен для мыслителя, утратившего грань между знанием и откровением: для него одно незаметно переходит в другое».

Я бы добавил: утратившего грань и между знанием и игрой. Это глубочайшая мысль Розанова, что Соловьёв стучал христианскими святыми, как костяшками по шахматной доске своей литературы. Он всё это воспринимал всерьёз и одновременно не всерьёз. И оппонентов даже подозревал в несерьёзности (условия игры соблюдаются, но нельзя же их воспринимать СЕРЬЁЗНО). Когда умер Гиляров-Платонов, Соловьёв сказал:

«Он оставался единственным из наших писателей, который мог бы при случае — если не с силой, то с некоторым подобием силы — выступить против меня по церковному вопросу. Сам по себе он был человек ни во что не верующий».

То есть было в России 1887 года всего два более-менее крупных специалиста «по церковному вопросу». Один из них, Соловьёв — «модернист», «реформатор». Гиляров — «ортодокс», «охранитель». И вот оказывается, что «ортодокс»-то «Ваньку ломал». Оказывается-то, что в России вообще церковь-то ряженая, потешная. Удивительная мысль.

628

← Предыдущее, следующее →

628. Примечание к № 571

И муравейник преисполнен удивительной логики, а что же говорить о человеческом обществе? (к цитате)

В истории всё очень целесообразно, если наделять верховную власть верховным разумом. Тогда, даже если брать самое примитивное общество — тиранию, всё разумно (Аристотель о методе тиранического управления). Низшие слои населения работают, средние выполняют функцию надсмотрщиков, интеллигенция разрабатывает существующему строю идеологическую интерпретацию. А наверху чёрная мысль всем правит. Но личность тирана иррациональна, безумна (о чём говорил учитель Аристотеля — Платон). Следовательно, интеллектуальный центр этого мира находится в среде внешне покорных, слабых и сирых интеллигентов. Примитивные исполнители оказываются логосом. Но они действительно слабы и т. д. Сетка из этих объяснений, из разных типов объяснений функционирования общества очень сложная и запутанная. Можно лишь нащупать ритм. Причинно-следственный ритм.

История как наука занимается собиранием фактов. Они, их понимание, связывается в историке, но для окружающих всегда воспринимается как нечто достаточно внешнее и произвольное, ибо связующая их личность выносится за рамки исследования. Это не ошибка, а иначе и нельзя.

Философия истории исходит из личности историка, то есть воспринимает кривизну восприятия как нечто естественно данное, неустранимое. Начинает скользить на изгибах этой кривизны как на американских горках. Это не отрицает исторического исследования. И не дополняет. Просто это совершенно разные системы отсчёта. Так же как материализм всегда будет профессиональным заболеванием физиолога, а идеализм — психолога. Физиолог мучительно всматривается в мозг мозгом: снимает с себя черепную коробку и обращает глазные яблоки на стебельках зрительных нервов на собственный мозг. Психолог втягивает глаза внутрь и растворяет их в мантии мозга, как улитка свои рожки. Душа его вдумывается в себя и пытается найти границу материальности, почувствовать её.

Интересно, что первый способ подвержен критике, проверке. Второй — субъективная тайна личности. Конечно, элементарная критика и здесь возможна, поскольку чистой субъективности не бывает — всегда есть обломки физиологии (и наоборот). Но это элементарная критика. Иными словами, можно обвинить меня, что я искажаю факты или выдумываю их, вру. Но это было бы с моей стороны уж слишком примитивно и неискренно. И отпадает по чисто эстетическим соображениям. А какая-либо критика моего мифологического восприятия невозможна. Тут не истина и ложь, а здоровье и болезнь, гнилость. Ритм и его отсутствие: замкнутая на себя бесконечность и конечный разрыв в пустоту: возможность нанизывать любые факты на древо мифа и ветвить его в бесконечность или невозможность мифа, его «находуразрушаемость», отторжение фактов и огрубление мира, хаос.

629

← Предыдущее, следующее →

629. Примечание к № 612

Где хоть один русский разведчик XIX — начала XX вв.? … Нет и ни одного соответствующего литературного персонажа. (к цитате)

Впрочем, один, кажется, есть. Штабс-капитан Рыбников у Куприна. Благородный разведчик. Японский. А вокруг него рассыпаются густопсовой сволочью русские ничтожества: проститутки, гнусные хари русских офицеров и сыщиков.

Почему японцы так не любят русских, презирают их (факт общеизвестный)? Да что же ещё мог думать самурай, у себя в русском отделе читая папку с делом Куприна? Щурил глаза брезгливо: я видел много народов никудышных, но такого… это какой-то народ-ничтожество, у которого ни чести ни совести.

Впрочем, в «штабс-капитане Рыбникове» есть и отечественная альтернатива заморскому рыцарю: бла-ародный, психологически утончённый образ знатока человеческих душ — русского писателя: всепонимающего и всепрощающего аналитика… помогающего японцу. В самом деле, как ещё может поступить русский интеллигент? Обнаружил вражеского шпиона, нет, точнее иностранного разведчика, посланного страной, с которой Россия, или, точнее, царское правительство, ведёт войну. Что же, доносить охранке? Шпионам царским?.. И всё-таки, конечно, писатель в рассказе слабоват. Явно проигрывает (вполне по авторскому замыслу) японцу. Ещё бы! Японец пакостит сознательно и по-крупному, а писатель лишь походя вредит, да и так, по мелочёвке. «Недонесение». А почему «не»? Надо отчётливей. Помочь взрывчатку донести и т. д. Хотя Куприн-то и так много сделал.

Ведь если учесть русскую (в данном случае даже русско-татарскую) психологию, то «штабс-капитан» является характерной заглушкой (то есть самодоносом). Это в очень очищенном и облагороженном виде показаны реальные взаимоотношения Куприна с японской разведкой.

Набоков писал о Чернышевском:

«В „Прологе“ (и отчасти в „Что делать?“) нас умиляет попыт-

ка автора реабилитировать жену. Любовников нет, есть только благоговейные поклонники; нет и той дешёвой игривости, которая заставляла „мущинок“ (как она, увы, выражалась) принимать её за женщину ещё более доступную, чем была она в действительности, а есть только жизнерадостность остроумной красавицы. Легкомыслие превращено в свободомыслие…»

И т. д. Так что штабс-капитан Куприн тут понятен. Рассказ этот — своеобразный итог его «литературной деятельности».

И ведь Куприн небогатый (всё пропивал и на девочек, а в эмиграции — почти нищ). То есть не то что продавался евреям и японцам, вообще кому угодно, а продавался за грош ломаный. И держали сих «писателей» на короткой сворке. По русскому же способу купцов: «Ешь-пей сколько душе угодно, а денег не дам — обманешь». Реклама еврейской печати лепила из куприных рок-звёзд, торговала их открытками, создавала бешеный ажиотаж фанатизированных подростков и истеричек: «Ку-прин! Ку-прин! Ку-прин! Горь-кий! Горь-кий! А-а!!! А-а-а!!! Ку-прин! Ку-ку-прин!!!» Футбола ещё не было. Но ведь в общем-то бедные. Горький впрямую политикой занимался (финансировал съезды РСДРП и т. д.), и ему ещё подбрасывали. А так, в общем, мало, мало получали. За такие-то дела. Тут просто склонность к такого рода вещам.

И самурай думал: «Что ж ты, негодяй, Родиной, да ещё за пятак, торгуешь!» (727)

Розанов в 1912 году писал:

«Прочёл в „Русских ведомостях“ просто захлёбывающуюся от радости статью по поводу натолкнувшейся на камни возле Гельсингфорса миноноски… Да что там миноноски: разве не ликовало всё общество и печать, когда нас били при Цусиме, Шахэ, Мукдене?»

И далее Розанов говорит о словах японского посла, который в 1909 году выражал в частной беседе удивление по поводу прохладного тона в русской прессе. Знакомый Розанова, передавая эти слова, прибавил:

«ПОНИМАЕТЕ? Радикалы говорили об Японии хорошо, когда Япония, нуждающаяся в них (т.е. в разодрании ЕДИНСТВА ДУХА в воюющей с нею стране), платила им деньги».

И Розанов добавляет:

«В словах посла японского был тон хозяина этого дела. Да, русская печать и общество, не стой у них поперёк горла „правительство“, разорвали бы на клоки Россию и раздали бы эти клоки соседям даже и не за деньги, а просто за „рюмочку“ похвалы».

Для простого, упорного ума японца русские — просто народ без чести. А честь, долг, клятва, зарок — это для японца всё — стержень жизни.

Для русского стержень жизни — это, может, просто желание быть хорошим, желание нравиться. Качество само по себе не такое уж и плохое. Понятие чести тоже можно довести до абсурда, например, до жестокости и садизма. Хотя в чести есть предохранитель — это понятие меры. А какая мера может быть в желании нравиться?

Это даже трогательно: продать родину за «рюмочку». «Ну, молодец, хороший парень». «Молодца, Максимка». Просто во избежание более чем нежелательных последствий рюмочку должно было ставить само государство, «свои».

Розанов писал:

«Бедные писатели. Я боюсь, правительство когда-нибудь догадается вместо „всех свобод“ поставить густые ряды столов с беломорскою сёмгою. „Большинство голосов“ придёт, придёт „равное, тайное, всеобщее голосование“. Откушают. Поблагодарят. И я не знаю, удобно ли будет после „благодарности“ требовать чего-нибудь».

Правительство и догадалось. К сожалению, слишком поздно. И, к сожалению, не то.

630

← Предыдущее, следующее →

630. Примечание к с. 64 «Бесконечного тупика»

С радостью я нашёл в «Других берегах» несколько грубых логических ошибок (к цитате)

Например, Набоков в своих воспоминаниях, как и в «Даре», резко порицает антисемитизм и изображает людей, склонных к той или иной форме юдофобии, дураками и подлыми негодяями. Однако это не мешает ему буквально издеваться над немцами. В «Даре» он с чисто ФИЗИОЛОГИЧЕСКИМ отвращением пишет о них как о «жалкой, вымирающей нации», которую «с ясным бешенством» ненавидит:

«За фольмильх и экстраштарк, — подразумевающие законное существование разбавленного и поддельного; за полишинелевый строй движений, — угрозу пальцем детям — не как у нас стойком стоящее напоминание о небесном Суде, а символ колеблющийся палки, — палец, а не перст; за любовь к частоколу, ряду, заурядности; за культ конторы; за то, что если прислушаться, что у него говорится внутри (или к любому разговору на улице), неизбежно услышишь цифры, деньги; за дубовый юмор и пипифаксовый смех; за толщину задов у обоего пола, — даже если в остальной своей части субъект и не толст; за отсутствие брезгливости; за видимость чистоты — блеск кастрюльных днищ на кухне и варварскую грязь ванных комнат; за склонность к мелким гадостям, за аккуратность в гадостях, за мерзкий предмет, аккуратно нацепленный на решётку сквера; за чужую живую кошку, насквозь проткнутую в отместку соседу проволокой, к тому же ловко закрученной с конца; за жестокость во всём, самодовольную, как-же-иначную; за неожиданную восторженную услужливость, с которой человек пять прохожих помогают тебе подобрать оброненные гроши…»

Попробовал бы кто-нибудь сказать Набокову что-либо подобное о милых евреях. Прожёг бы сквозь пенсне: «Мы вам покажем, как издеваться над русской интеллигенцией». В Кембридже сокурсником Набокова был русский эмигрант, который якобы советовал ему,

«Дабы восполнить непонятные пробелы в образовании, почи-

тать „Протоколы сионских мудрецов“ да какую-то вторую книгу, попавшуюся в жизни, кажется порнографическую».

Студентика Владимир Владимирович вывел потом в «Даре» в образе гнусного кретина Щёголева, «принадлежащего к тем бравурным российским пошлякам, которые при случае смакуют слово „жид“, как толстую винную ягоду».

При этом Набокову не пришло в голову, что сам он при случае не прочь был посмаковать слово «немец», как терпкий лавандовый леденец. Из его высказываний об этой нации можно составить отличнейшие «Протоколы немецких мудрецов». А ведь Набоков пишет в «Других берегах»:

«За 15 лет жизни в Германии я не познакомился близко ни с одним немцем, не прочёл ни одной немецкой газеты или книги, и никогда не чувствовал ни малейшего неудобства от незнания немецкого языка».

Слабовато, Владимир Владимирович! С вашей иронией, с вашим чувством комического! Более того. Издеваясь над левой английской интеллигенцией, которая обливалась слезами над потёртой фотографией Ленина, Набоков заметил, что правые охотно поддерживали его, НО…

«Но делали это из таких грубо реакционных соображений, и орудовали такими простыми черносотенными понятиями, что мне было только неловко от их презренной поддержки. Я кстати горжусь, что уже тогда, в моей туманной, но независимой юности, разглядел признаки того, что с такой страшной очевидностью выяснилось ныне (т.е. в 50-е годы. — О.)*, когда постепенно образовался некий семейный круг, связывающий представителей всех наций: жовиальных строителей империи на своих просеках среди джунглей; немецких мистиков и палачей; матёрых погромщиков из славян; жилистого американца-линчера; и, на продолжении того же семейного круга, тех одинаковых, мордастых, довольно бледных и пухлых автоматов с широкими квадратными плечами, которых советская власть производит ныне в таком изобилии после тридцати с лишним лет искусственного подбора»*

.

Комизм ситуации заключается в том, что Набоков в пылу отрицания жидо-масонской мифологии попадает в тенета совершенно идентичного мифа, с той только разницей, что место злодеев-сионистов у него заняли злодеи-антисемиты.

При несомненном уме, несомненной наблюдательности и несомненной иронии, Набоков был крайне упрям. Качество, разоблачающее в нем нефилософа. Философ никогда не бывает упря-

мым. Философ ОПЫТЕН. Так же, как врач-хирург знает человеческое тело, философ знает человеческую мысль. Но писатель должен быть очень упрямым. Главное — чистота переживаний, чистота мысли. А какая же сила при рефлексии? При ощущении постоянной ошибочности своего мышления?

Внутренний мир Набокова развивался совершенно естественно и почти независимо от какой-либо реальности. С этой точки зрения легко объяснимы катастрофические ошибки Набокова в «Даре». Например, дав при помощи ряда слайдов символическую структуру развития русской литературы, он счёл необходимым упомянуть о «Буренине, травившем беднягу Надсона» и т. п. Ему и в голову не пришло, что сама по себе тема Надсон-Буренин настолько опошлена, настолько залапана и заляпана, что любое упоминание о ней (да ещё в контексте общего уровня «Дара») просто неприлично. Писать о Надсоне это всё равно что сказать: «О, Россия, страна икон, балалаек и самоваров!» Оно, конечно, всё это действительно характерные чёрточки, сильные. Но уже давно надоевшие и уже поэтому превратившиеся в свою противоположность, в нечто пошлое и поверхностное. Упоминание Надсона просто неприлично. Это дурной тон. А Набоков, я подчёркиваю, НАБОКОВ, этого не понимал. Из этого следует очень интересный вывод: Набоков был довольно плохо знаком с культурой России конца XIX — начала XX веков. В России он ловил бабочек, а потом сведения о современной ему русской цивилизации черпал в основном из бесед с Владиславом Фелициановичем Ходасевичем. И в философии, и в литературе в сущности лишь «нахватанность», отсутствие действительно глубоких знаний, преемственности… Но какая открытость, какая способность к бесконечной трансформируемости той или иной темы! Его творчество, «Собрание сочинений В.В. Набокова», это шатёр Василия Блаженного, каждая луковка которого закручена в свою сторону, каждая башенка которого стоит как-то особливо и сияет по-своему, своим светом, но в целом — какая лёгкость, какая свобода, широта и гармония. А ведь Набоков был почти так же чужд русской культуре, как и современный комсомолец. И какое тем не менее интуитивное проникновение в суть событий. Одна чернышевская IV глава «Дара» чего стоит!

631

← Предыдущее, следующее →

631. Примечание к № 575

Как тут потом маятник качнулся! (к цитате)

Русские: ах, да они тут СГОВОРИЛИСЬ. И это крушение самой идеи нравственности в политике привело на русской почве к наиболее разрушительным последствиям (809). Россия — литературная, бумажная страна. Литературные герои там оживают и начинают жить самостоятельной жизнью. Приём русской критики: Онегин, Печорин, Чацкий (812), Беликов — живые люди, ПРИНЦИПИАЛЬНО не отличающиеся от реальных людей, от героев газетных очерков и фельетонов. И такая интуитивная идея — «сговорились» — была понята очень интенсивно, мощно, и это понимание ожило, надело ленинский пиджачок и кепку и стало орать общим местом поверхностного морализирования и глубинного издевательства.

У Лескова в «Запечатленном ангеле» есть удивительно трогательное место, раскрывающее характерную черту русской психологии. Раскольник купил из-под полы икону «древлего письма», а к нему подошёл мужичок:

«— Ты гляди, человече, этой иконе не поклоняйся.

Я говорю:

— Почему?

А он отвечает:

— Потому что она адописная, — да с этим колупнул ногтём, а с уголка слой письма так и отскочил, и под ним на грунту чёртик с хвостом нарисован! Он в другом месте сковырнул письмо, а там под низом опять чёртик.

— Господи! — заплакал я, — да что же это такое?

— А то, — говорит, — что ты не ему, а мне закажи.

И увидал я тут ясно, что они одна шайка … и, покинув им икону, ушёл от них с полными слёз глазами…»

Икону гвоздиком расковыряли — «адописная». И всё. Если это, если так, то дальше идти некуда. Или сесть на землю и заплакать или взять кистень и на большую дорогу. «Ах, вы так? Ну так погодите. Устроим вам такое, на таком уровне, такого размаха, что и не снилось». И устроили.

Ленин сказал в конце 1918 года:

«Раньше западные народы рассматривали нас и всё наше революционное движение как курьёз. Они говорили: пускай себе побалуется народ, а мы посмотрим, что из всего этого выйдет… Чудной русский народ!.. И вот этот „чудной русский народ“ показал всему миру, что значит его „баловство“».

632

← Предыдущее, следующее →

632. Примечание к № 589
«Понял, щенок» (к цитате)

Парадокс в том, что на этом принципе и основана система образования в развитых европейских государствах. Главная задача высших элитарных учебных заведений — это социализация молодёжи, и прежде всего той её части, которая политически активна, то есть задействована в системе власти. Именно из неё формируется потом управленческий аппарат. Наряду с передачей информации и приёмов её обработки, не менее важно создание определённого психологического типа — человека властного и сильного, но одновременно умеющего управлять своими чувствами, умеющего в известный момент пойти на компромисс, уступить, даже унизиться, умеющего всё запоминать, ничего не упускать из виду и в то же время умеющего не мстить, прощать. Обладающего способностью подчинять и подчиняться, и в то же время являющегося личностью, причём личностью довольно развитой.

Цели создания такого человека подчинена строгая система теневого воспитания. Молодого человека унижают или чрезвычайно возносят, играют на его сентиментальных чувствах и специально пробуждают низменные инстинкты. Одним словом, «проявляют», «ретушируют» и «фиксируют». В этом подлинная суть многочисленных студенческих союзов, клубов и обществ с их уходящими в Средневековье традициями и обрядами.

В России система образования была механически перенесена с Запада, но без некоего специального учебного курса, ведущегося по ненаписанным учебникам. (А пожалуй, и по написанным, но не для всех.) В результате университет превратился в опасную игрушку. Достаточно было написать дешифровку программы, чтобы получить ключ власти над людьми. С другой стороны, ключ к архетипу «студента» остался в Европе, а тут умному государству и карты в руки.

Отсюда проблема русского масонства. Какова степень его вины и в чём эта вина? В чрезмерном развитии или, наоборот, в грубой слабости, нескладности? Либо русской интеллигенцией управляли вредительски, либо слишком грубо, хаотично,

то есть слишком мало приводных ремней и рычагов, слишком их схема элементарна. Тогда сила русских масонов зиждилась лишь на слабости конкурентов, и как только столкнулись они наконец не с чьей-то неумелой игрой, а со стихийной разрушительной силой, то вдруг их оказалось так мало, так жалко они жались на гнилой щепке посреди разбушевавшегося океана…

В любом случае тут проявилась социальная неталантливость русского народа. Отечественное масонство не понимало своей реальной, повседневной задачи в системе государственных отношений, а среди столь плохо окормляемой массы не выдвинулся лидер, который смог бы поставить реальную цель устранения масонства путём создания иной и вполне жизнеспособной системы селекции и подавления индивидуума (в коей и заключается подлинный смысл школы и университета). Масонство не могли ни развить, ни устранить. Как гнилая колода, лежало оно на пути национальной эволюции.

633

← Предыдущее, следующее →

633. Примечание к № 304
«Я ни разу ещё не печатался у них» (А. Чехов) (к цитате)

Ничего, напечатался. «От простого к сложному». Если в конце 80-х Чехов открещивался от либералов обеими руками, то уже в начале 90-х, следуя логике предательства, Антон Павлович заявляет Суворину:

«Вчера я обедал у Лаврова. Увы, когда-то и я писал ему ругательные письма, а теперь я ренегат! У Лаврова приятно бывает обедать. Чисто московская помесь культурности с патриархальностью — сборная селянка, так сказать. Выпили по пять рюмок водки, и Гольцев предложил тост за единение художественной литературы и университетской науки… О Вас и Вашем письме ни слова (634). Выпили мадеры, белого, красного, игристого, коньяку и ликёру, и Лавров предложил тост за своего дорогого, хорошего друга А. П. Чехова и облобызался со мной. Курили толстые сигары…»

Тут специально расписывается материальная сторона отношений, чтобы адресат понял, что дело не в деньгах. Ирония-с, одним словом. Мизиновой Чехов пишет уже попроще:

«Был в Москве, обедал с русско-мысленцами, целовался с ними, взял у них 600 р., пил шампанское и коньяк и был провожаем на вокзал».

Полный успех! В 1898 г. Чехов поучает Суворина:

«Что бы ни говорили о Гольцеве, это человек очень порядочный, притом убеждённый и умный».

Самому Гольцеву в 1900, пересахаривая из идиотизма:

«Я люблю тебя и почитаю, как редко кого. В последние 10 лет ты был для меня одним из самых близких людей…»

Чехов в начале переписки с Сувориным по делу Дрейфуса (которая привела к фактическому разрыву их отношений) писал:

«Золя (возглавивший печатную кампанию в защиту Дрейфуса. — О.) *благородная душа, и я (принадлежащий к синдикату и получивший уже от евреев 100 фр.) в восторге от его порыва».*

Зачем же так. За дурачков считаете. Не 100 франков, а 600 рубликов царскими. Это за один раз. А так — все 6000 наберётся. А винцо, а «уважение»? И потом зачем же утрировать: «получил от евреев». Евреи-то о такую мразь и рук пачкать не будут. Свои же и заплатят тебе. Да и не заплатят — при чём здесь это? — а вот позвонят уважаемые люди, попросят. Как не услужить после брудершафтов-то и провожаний вокзальных. Всё мягче, ласковей. Тут и слова неправильные: «мразь», «руки пачкать». Зачем. Тут иного уровня человек. Писатель. Драматург. «Что там у него, какие „трудности“? Пьеса провалилась? Ну-у, не беда. Мы текст читали, вещь интересная. Озаботиться надо постановкой приличествующей». И в этом же году у «Чайки» бешеный успех. Критик Мунштейн, ругавший пьесу почём зря, пустил уже иной стишок:

Тут нет неискреннего звука,
Потуг фальшивого ума,
Сценичной лжи…
Тут жизнь сама…
Правдивый, тонкий взгляд усвоив
На сущность жизни, Чехов дал
Живых людей, а не героев,
Которым нужен пьедестал.

Интересно, что за два года до этого сокрушительная критика всё же была вполне конкретна в основе, хотя и выродилась в конце концов в открытую травлю. А вот хвалить «Чайку» начали абстрактно, было совсем непонятно «за что». Успех был дутый. Вообще, русскому обществу, только и говорившему о литературе, на самом деле собственно литература была до лампочки. Пещерному уровню тогдашней режиссуры «Чайка» была тоже явно не по зубам, так что пьеса публикой и не могла быть понята. Станиславский посадил за кулисы десять евреев, которые лаяли собаками, квакали лягушками, стрекотали сверчками, пели мужиками и кричали экзотическими, загадочными птицами. Чехов в отчаянии заметил:

«В следующей пьесе сделаю ремарку: действие происходит в стране, где нет ни комаров, ни сверчков, ни других насекомых, мешающих людям разговаривать».

Антон Павлович обижался напрасно. На самом деле люди делали всё, что можно. Смысл пьесы им был совершенно недоступен, но они честно отрабатывали заказ, всеми силами стараясь оживить действие и сделать его понятным для уже совсем тёмной российской публики. Происходившее тогда вокруг «Чайки»

как две капли напоминает чудеса изобретательности при постановке в советское время безнадёжно бездарных пьес с ударным сюжетом. Как, например, Щукин играл Ленина. Суть состояла в том, что он, стремясь оживить невыносимо пресный текст, превращал образ вождя в карикатуру, делал его гротескным. А здесь была страшная грань, переступив которую Щукин превращался во врага народа. Это была смертельная игра на понижение, как известно, и сведшая этого артиста в могилу. Но это в сторону.

Тут не 100 франков. Нет, тут цена посерьёзней.

634

← Предыдущее, следующее →

634. Примечание к № 633

«Вчера я обедал у Лаврова … о Вас и Вашем письме ни слова». (А. Чехов) (к цитате)

Без пояснения обстановки не ясна змеиная вязь чеховских намёков. Дело в том, что в это время газета Суворина подверглась хорошо организованной травле. Одними из её инспираторов были как раз Гольцев и Лавров. А в центре «критики» оказался сын Суворина — Алексей. После особенно оскорбительной выходки Алексей поехал к Лаврову и Гольцеву объясняться. Он с ними беседовал более трёх часов, требуя печатного извинения за явную клевету. Наконец Лавров заорал: «Я застрелю Вас, как поросёнка». Алексей ответил: «Стреляйте! Неужели вы думаете, что в деле чести я отступлю перед револьвером?» После этого Лавров получил пощёчину. После пощёчины Лавров и Гольцев сообразили, что они находятся не на масонской пирушке и дело может кончиться серьёзно, моментально смягчились и предложили свои извинения.

Чехов отправил письмо Суворину прекрасно зная о конфликте, но ещё до развязки. После же пощёчины Суворина-сына Чехов писал сестре:

«Алексей Алексеевич Суворин дал пощёчину Лаврову. И приезжал за этим. Значит с Сувориным у меня всё уже кончено, хотя он и пишет мне хныкающие письма. Сукин сын, который бранится ежедневно и знаменит этим, ударил человека за то, что его побранили. Хороша справедливость! Гадко…»

Но с Сувориным (старшим) рвать было ещё рано.

635

← Предыдущее, следующее →

635. Примечание к № 566
Чопорная аморальность. (к цитате)

Розанов:

«Страшное одиночество за всю жизнь. С детства. Одинокие души суть затаённые души. А затаённость: — от порочности».

Пожалуй, из меня бы вырос большой негодяй. Но я вырос в негодной стране, где моей негодности не дали развернуться. А так «ваняятебедобрахочу» пошло бы в рост. В обычных условиях в школе я был бы отличником, классной звездой. Лидерство + внутренняя чуждость и одиночество — что бы вышло? Да уже и намётки были… В конце подросткового возраста, попадая во внешкольный коллектив (пионерлагерь, больница), я быстро захватывал власть. В больнице, 14-летний… В палате лежал номенклатурный мальчик. Его мать пришла навещать и спросила: «Ну, кто тут у вас король?» Он молча показал на меня. Я: «Ну что вы, у нас конституционная монархия» Родительница вытаращила глаза. Помню, одного из ребят я заставлял залезать на тумбочку и читать стихотворения на немецком языке. У него был учебник, и я задал: «к вечеру выучишь». А потом: «просим-просим». Он прочёл, а я заставил всех хлопать. От моей «конституции» на стены лезли.

636

← Предыдущее, следующее →

636. Примечание к № 622

Пуговка у пиджака отлетела, разрешите, я её вам подниму. (к цитате)

Озлобленный параноик Иван Громов из «Палаты № 6» был удивительно обходительный человек:

«Вежливый, услужливый и необыкновенно деликатный в обращении со всеми… Когда кто-нибудь роняет пуговку или ложку, он быстро вскакивает с постели и поднимает».

Чехов эту черту слишком хорошо подметил. И к тому же, ещё штришок, совершенно неосознанно.

637

← Предыдущее, следующее →

637. Примечание к № 627

«мы с Вами правил поста не соблюдали и в церковь не ходили и ничего в этом дурного не было, так как всё это не для нас писано, и всякий это понимает». (Вл. Соловьёв) (к цитате)

А дальше своё письмо Соловьёв заканчивает издевательским нравоучением:

«Но когда Вы торжественно себя заявите РЕВНИТЕЛЕМ господствующей церкви, то уже нельзя будет сказать, что её правила и уставы не для Вас писаны, и тогда одно из двух: или Вам придётся радикально изменить свою жизнь (не относительно только поста и хождения в церковь, но и в других, более существенных отношениях), или Вы очутитесь в таком фальшивом положении, какого я не только своему другу, но и врагу не пожелал бы».

638

← Предыдущее, следующее →

638. Примечание к № 589
Русский «мыслитель» прежде всего нагл. (к цитате)

Вслушайтесь в речь Толстого, решившего на вершине писательской славы изрекать «умные мысли»:

«Я весь расслабленный, ни на что не годный паразит (679). И я, та вошь, пожирающая лист дерева, хочу помогать росту и здоровью этого дерева и хочу лечить его».

Знающий русского человека хотя бы чуточку, легко представит себе, КАК это русский человек может говорить. Сразу вся картина встанет перед глазами: гостиная, удобный диван, хозяин, полулёжа развалившийся на нём после сытного обеда. И обязательно спичкой в зубах ковыряет.

639

← Предыдущее, следующее →

639. Примечание к № 575
а русские свиньи свою родину прохрюкали (к цитате)

Кто только из русских не хихикал над Гегелем: «Он прусское полицейское государство считает воплощением мирового разума». «И-и-хи-хи». Но Гегель говорил вот что (из речи при открытии чтений в Берлине 22.10.1818 г.):

«Всемирный дух, столь занятый действительностью и отвлекаемый внешними событиями, не мог обратиться внутрь, к самому себе и наслаждаться собой на своей подлинно родной почве. Но теперь, когда поставлена преграда этому потоку действительности и когда немецкий народ спас свою национальность, основу всякой живой жизни, наступила пора, когда наряду с областью действительного мира может самостоятельно расцвести в государстве также и свободное царство мысли… В особенности то государство, которое приняло меня теперь, обязано своему духовному перевесу тем, что оно приобрело вес в области действительности и политики и поставило себя в отношении могущества и независимости наравне с такими государствами, которые превосходили его по своим внешним средствам … здесь получила своё более высокое начало та великая борьба, которую народ в единении со своим государством вёл за независимость, за уничтожение чужой бездушной тирании и за духовную свободу. Эта борьба была делом нравственной мощи духа… Философия нашла себе убежище в Германии и живёт только в ней. Нам вверено сохранение этого священного светоча, и мы должны оберегать его, питать его и заботиться о том, чтобы не угасло и не погибло самое высокое, чем может обладать человек, — самосознание своей сущности».

И т. д.

Величия, пафоса Германского государства и гегелевской философии русские свиньи и не поняли. А ведь все просто, какой же тупицей надо быть, чтобы не понять. «Господь Бог дал Англии море, России — территорию, а Германии — небо (648), чистое небо». И вот надо сражаться, спасать родину. Как, чем? Умом, небом. Развить военную науку, тактику и стратегию, вос-

питать умных и сильных защитников родины. Французы смеялись: «Галлы рождены для побед, а немцы для философии и кислой капусты». Да, немцы занимались философией. И французы получили в 1871 году в лоб. В лоб, в лоб. Блицкриг, никто даже опомниться не успел. Поражение было мгновенное, сокрушительное. И ещё после австро-прусской войны была сказана сакраментальная фраза: «Битву при Садовой выиграл прусский учитель». А прусского учителя подготовил прусский философ. Он же, философ, подготовил кадры офицеров и кадры для секретных отделов германского Генштаба.

Конечно, на всём этом лежит оттенок шизофрении. Мне страшно стало, когда я прочёл документы о подрывной работе Германии в странах Антанты летом 1918 г. Точно, ясно, а в конечном счёте бред жутчайший (649), полная метафизическая оторванность от реальности. В этой абсолютизации духа, неба и таится трещина просчёта. Всё у немцев в конце концов рушится. Из-за излишней разумности, излишней умозрительности. Но, надо же отдать должное, какая величественная, какая грандиозная программа! И тут русские дурачки, на каком уровне они поняли: «Гегель продался и из-за денежек воспевал Пруссию». Это настолько дико, настолько глупо, что даже обидно за немцев, чего они мудрили с нами до 17-го года. Могли сделать гораздо раньше и лучше. Просто переоценили врага. Как и в 1941. Им бы сразу идти на Москву. Да они бы могли во многих местах просто эшелоны солдат по нашим железным дорогам гнать в тыл и всё. Ни фронта, ни армии, ни начальства. Сам Сталин в шоке, ото всех прячется. Десант на Москву, десант на Ленинград и капут. Нет, нужно было аккуратно, фронтом: «ди эрсте колонне маршиерт, ди цвайте колонне…» Одна дивизия вырвалась вперёд, нет, ей надо стоять, пока фланги подтянутся. Говорят, «Барбаросса» был авантюристичным планом. В том-то и дело, что нет (673). Никаких авантюр, всё взвешенно, продуманно. Слишком продуманно.

← Предыдущее, следующее →

640. Примечание к № 600
Вообще, Ленин — персонаж из «Бесов». (к цитате)

Кульминационная сцена исторического прозрения Достоевского это, конечно, начало III части «Бесов» — сцена бала. Бал по сути является знаменитой русской двойной провокацией, то есть возникает из ничего, из нагло ухмыляющейся чеширским котом пустоты. Бал возникает из «обстановки», как сгущение определённого сорта переходной атмосферы, атмосферы всеобщего сволочизма:

«Во всякое переходное время подымается … сволочь, которая есть в каждом обществе, и уже не только безо всякой цели, но даже не имея и признака мысли, а лишь выражая собою изо всех сил беспокойство и нетерпение. Между тем эта сволочь, сама не зная того, почти всегда подпадает под команду той малой кучки „передовых“, которые действуют с определённой целью, и та направляет весь этот сор куда ей угодно… В чём состояло наше смутное время и от чего к чему был у нас переход — я не знаю, да и никто, я думаю, не знает — разве вот некоторые посторонние гости (интересный оборот! — О.). *А между тем дряннейшие людишки получили вдруг перевес, стали громко критиковать всё священное, тогда как прежде и рта не смели раскрыть, а первейшие люди, до сих пор так благополучно державшие верх, стали вдруг их слушать, а сами молчать; а иные так позорнейшим образом подхихикивать. Какие-то Лямшины, Телятниковы, помещики Тентетниковы, доморощенные сопляки Радищевы, скорбно, но надменно улыбающиеся жидишки, хохотуны заезжие путешественники, поэты с направлением из столицы, поэты взамен направления и таланта в поддёвках и смазных сапогах, майоры и полковники, смеющиеся над бессмысленностию своего звания и за лишний рубль готовые тотчас же снять свою шпагу и улизнуть в писаря на железную дорогу; генералы, перебежавшие в адвокаты; развитые посредники, развивающиеся купчики, бесчисленные семинаристы, женщины, изображающие собою женский вопрос, — всё это вдруг у нас взяло полный верх».*

К балу «город» (то есть Россия) готовился основательно:

«Многие из среднего класса, как оказалось потом, заложили к этому дню всё, даже семейное бельё, даже простыни и чуть ли не тюфяки нашим жидам, которых, как нарочно, вот уже два года ужасно много укрепилось в нашем городе и наезжает чем дальше, тем больше».

Несмотря на подготовку, всё со стороны официальной власти было организовано из рук вон плохо:

«Началось с непомерной давки у входа. Как это случилось, что всё оплошало с самого первого шагу, начиная с полиции?»

После пародийной микроходынки Достоевский выводит на сцену Кармазинова, злую карикатуру на Тургенева, а в его лице и на всю русскую литературу. И начал Достоевский со смачного плевка ей в рожу, показав истинную роль литературы в обществе:

«Вообще я сделал замечание, что будь разгений, но в публичном лёгком литературном чтении нельзя занимать собою публику более двадцати минут безнаказанно».

Кармазинов-Тургенев пришёл на бал читать перед русским народом своё завещание, своё последнее прости («Мерси»). Достоевский юродствует:

«Но вот господин Кармазинов, жеманясь и тонируя, объявляет, что он „сначала ни за что не соглашался читать“ (очень надо было объявлять!). „Есть, дескать, такие строки, которые до того выпеваются из сердца, что и сказать нельзя, так что этакую святыню никак нельзя нести в публику“ (ну так зачем же понёс?)».

«Мерси» Кармазинова построено Достоевским как издевательство над самой манерой русского мышления, квалифицируемой им как бессмысленная и пошлая болтовня (что совершенно справедливо). Критика тут выходит далеко за рамки личности Тургенева. Достоевский подметил основные недостатки отечественного логоса (657).

Прежде всего, его рассыпанную бессмысленность:

«Тема… Но кто её мог разобрать, эту тему? Это был какой-то отчёт о каких-то впечатлениях, о каких-то воспоминаниях. Но чего? Но об чём?»

Во-вторых, поверхностно-капризный субъективизм:

«Правда, много говорилось о любви, о любви гения к какой-то особе, но, признаюсь, это вышло несколько неловко. К небольшой толстенькой фигурке гениального писателя как-то не шло бы рассказывать, на мой взгляд, о своём первом поцелуе».

В-третьих, столь же поверхностно-капризное образование, «энциклопедизм»:

«И, что опять-таки обидно, эти поцелуи происходили как-то не так, как у всего человечества. Тут непременно кругом растёт дрок (непременно дрок или какая-нибудь такая трава, о которой надобно справляться в ботанике)… Какая-то русалка запищала в кустах. Глюк заиграл в тростнике на скрипке. Пиеса, которую он играл, названа en toutes lettres, но никому не известна, так что об ней надо справляться в музыкальном словаре».

В-четвёртых, собственно страсть к писательству, к описанию:

«При этом на небе непременно какой-то фиолетовый оттенок, которого, конечно, никто никогда не примечал из смертных, то есть и все видели, но не умели приметить, а «вот, дескать, я поглядел и описываю вам, дуракам, как самую обыкновенную вещь».

В-пятых, издевательская лёгкость каких угодно ассоциаций, приводящая к крайнему произволу мыслительной деятельности:

«Меж тем заклубился туман, так заклубился, так заклубился, что более похож был на миллион подушек, чем на туман. И вдруг всё исчезает, и великий гений переправляется зимой в оттепель через Волгу. Две с половиною страницы переправы, но всё-таки попадает в прорубь. Гений тонет, — вы думаете, утонул? И не думал; это всё для того, что когда он уже совсем утопал и захлёбывался, то пред ним мелькнула льдинка, крошечная льдинка с горошинку, но чистая и прозрачная, «как замороженная слеза», и в этой льдинке отразилась Германия, или, лучше сказать, небо Германии, и радужною игрой своею отражение напомнило ему ту самую слезу, которая, «помнишь, скатилась из глаз твоих, когда мы сидели под изумрудным деревом, и ты воскликнула радостно: „Нет преступления!“ „Да, сказал я сквозь слезы, но коли так, то ведь нет и праведников“. Мы зарыдали и расстались навеки». — Она куда-то на берег моря, он в какие-то пещеры; и вот он спускается, спускается, три года спускается в Москве под Сухаревою башней, и вдруг в самых недрах земли, в пещере находит лампадку, а пред лампадкой схимника. Схимник молится. Гений приникает к крошечному решётчатому оконцу и вдруг слышит вздох. Вы думаете, это схимник вздохнул? Очень ему надо вашего схимника! Нет-с, просто-запросто этот вздох «напомнил ему её первый вздох, тридцать семь лет назад, когда, «помнишь в Германии, мы сидели под агатовым деревом, и ты сказала мне: „К чему любить? Смотри, кругом растёт вохра, и я люблю, но перестанет расти вохра, и я разлюблю“. Тут опять заклубился ту-

ман, явился Гофман, просвистала из Шопена русалка, и вдруг из тумана, в лавровом венке, над кровлями Рима появился Анк Марций».

И наконец Достоевский подводит итог всей этой отечественной «полифонии». И итог этот, по-моему, стоит любому русскому мыслителю выучить наизусть:

«И наконец, что за позорная страсть у наших великих умов к каламбурам в высшем смысле! Великий европейский философ, великий учёный, изобретатель, труженик, мученик — все эти труждающиеся и обременённые для нашего русского великого гения решительно вроде поваров у него на кухне. Он барин, а они являются к нему с колпаками в руках и ждут приказаний. Правда, он надменно усмехается и над Россией, и ничего нет приятнее ему, как объявить банкротство России во всех отношениях пред великими умами Европы, но что касается его самого, — нет-с, он уже над этими великими умами Европы возвысился; все они лишь материал для его каламбуров. Он берёт чужую идею, приплетает к ней её антитез, и каламбур готов. Есть преступление, нет преступления; правды нет, праведников нет; атеизм, дарвинизм, московские колокола… (676) Но, увы, он уже не верит в московские колокола; Рим, лавры… но он даже не верит в лавры… Тут казённый припадок байроновской тоски, гримаса из Гейне, что-нибудь из Печорина, — и пошла, и пошла, засвистала машина… „А впрочем, похвалите, похвалите, я ведь это ужасно люблю…“» (692)

Это полнейшее банкротство русской мысли. В минуту величайшей опасности, нависшей над родиной, что делает Кармазинов, то есть представитель русской национальной элиты? Выходит на эстраду со своим ничтожным художеством. А власть бездействует, а в городе готовят диверсию, а в зале сидят обманутые обыватели и науськанные подонки. Всё гибнет, рушится. И вот «великий ум», совесть нации, начинает заниматься болтовнёй. Он даже не видит, что происходит. Хуже, не хочет видеть и сам исподтишка общается с главарями смуты. (Так показано в романе, так было и в жизни Тургенева, да и большинства других русских писателей.) Безумная страна. И безумна с двух концов. Кто формально правит балом, кто управляет городом, страной? Губернатор фон Лембке — Романов-Дармштадт-Готторптский и его жена (ещё удивительнейшее, неправдоподобнейшее пророчество: взаимоотношения правящей четы как две капли похожи на семейную историю Николая II и Александры Фёдоровны). Власть оторвалась от России, не понимает её. Лембке

пытается загасить пожар и сходит с ума. И одно из проявлений этого безумства — опора на Кармазиновых. Не использование их, а опора. История Николая II и царицы, преклонявшихся перед Толстым, который был таким же «кармазиновым». И при этом творчество Толстого в глазах современников обладало исключительным общественным и культурным значением. Получалось, что центр, стержень жизни нации и пуст, слаб, вихляет.

После освистанного Кармазинова на сцену Государственного бала выходит Верховенский-отец. Верховенский, по сравнению с Кармазиновым, бездарен. И так же, как Кармазинов, он оторван от корней, так что закономерно, что его сын превращается в злого гения России. Но всё же у Верховенского осталась наивная дворянская честь. Это, так сказать, «хороший интеллигент». Сути событий он не понимает, и, в отличие от Кармазинова, и не может понять. Перед собой он видит лишь «сволочь», интеллигентов, и не в состоянии увидеть закулисные силы. И вот при предательстве элиты на его слабые плечи падает непосильная задача спасения России. Он хочет побороть зло и бросается в спор с интеллигенцией — то есть с молотком, которым гвоздила его и всю Россию чья-то невидимая рука. Блатарям с кастетами и финками в карманах, пропойцам он пытается что-то по-донкихотовски объяснить, доказать:

«Господа! Ещё сегодня утром лежала предо мною одна из недавно разбросанных здесь беззаконных бумажек, и я в сотый раз задавал себе вопрос: „В чём её тайна?“ … Господа, я разрешил всю тайну. Вся тайна их эффекта — в их глупости! … Да, господа, будь это глупость умышленная, подделанная из расчёта, — о, это было бы даже гениально! Но надо отдать им полную справедливость: они ничего не подделали. Это самая обнажённая, самая простодушная, самая коротенькая глупость. Это глупость в её самой чистейшей сущности (695), нечто вроде химического элемента. Будь это хоть каплю умнее высказано, и всяк увидал бы тотчас всю нищету этой коротенькой глупости. Но теперь все останавливаются в недоумении: никто не верит, чтоб это было так первоначально глупо. „Не может быть, чтоб тут ничего больше не было“, — говорит себе всякий и ищет секрета, видит тайну, хочет прочесть между строчками, — эффект достигнут!»

Верховенский верно характеризует суть дикой, самой себе не верящей русской риторики. Но и только. Он бессилен сложить рассыпающуюся реальность в единое целое, не видит противника (701). Его со смехом и свистом прогоняют, а автор повествования говорит ему после произошедшего:

«Степан Трофимович, уверяю вас, что дело серьёзнее, чем вы думаете. Вы думаете, что вы там кого-нибудь раздробили? Никого вы не раздробили, а сами разбились, как пустая склянка».

После Верховенского на сцену выходит эпизодический персонаж без имени. Ни до, ни после он в повествовании больше не упоминается:

«Это был тоже какой-то вроде профессора (я и теперь не знаю в точности, кто он такой), удалившийся добровольно из какого-то заведения после какой-то студенческой истории и заехавший зачем-то в наш город всего только несколько дней назад … он был … всего только на одном вечере до чтения, весь этот вечер промолчал, двусмысленно улыбался шуткам и тону компании … и на всех произвёл впечатление неприятное надменным и в то же время до пугливости обидчивым своим видом».

«Я и теперь не знаю в точности, кто он такой». Зато мы знаем. В точности. Вот он ходит за сценой и про себя репетирует предстоящую роль:

«Ростом он был мал, лет сорока на вид, лысый и плешивый, с седоватою бородкой, одет прилично. Но всего интереснее было, что он с каждым поворотом подымал вверх свой правый кулак, мотал им в воздухе над головою и вдруг опускал его вниз, как будто разбивая в прах какого-то сопротивника. Этот фокус проделывал он поминутно. Мне стало жутко».

А вот и само выступление:

«— Господа! — закричал изо всей силы маньяк, стоя у самого края эстрады и почти таким же визгливо-женственным голосом, как и Кармазинов … — Двадцать лет назад, накануне войны с пол-Европой, Россия стояла идеалом в глазах всех статских и тайных советников. Литература служила в цензуре; в университетах преподавалась шагистика; войско обратилось в балет, а народ платил подати и молчал под кнутом крепостного права. Патриотизм обратился в дранье взяток с живого и с мёртвого. Не бравшие взяток считались бунтовщиками, ибо нарушали гармонию. Берёзовые рощи истреблялись на помощь порядку. Европа трепетала… Но никогда Россия, во всю бестолковую тысячу лет своей жизни, не доходила до такого позора…

Он поднял кулак, восторженно и грозно махая им над головой, и вдруг яростно опустил его вниз, как бы разбивая в прах противника. Неистовый вопль раздался со всех сторон, грянул оглушительный аплодисман…

Маньяк продолжал в восторге…

— Моря и океаны водки испиваются на помощь бюджету,

а в Новгороде, напротив древней и бесполезной Софии, — торжественно воздвигнут бронзовый колоссальный шар на память тысячелетию уже минувшего беспорядка и бестолковщины… А между тем никогда Россия, даже в самые карикатурные эпохи своей бестолковщины, не доходила…

Последних слов даже нельзя было и расслышать за рёвом толпы. Видно было, как он опять поднял руку и победоносно ещё раз опустил её. Восторг перешёл все пределы: вопили, хлопали в ладоши, даже иные из дам кричали: „Довольно! Лучше ничего не скажете!“ Были как пьяные. Оратор обводил всех глазами и как бы таял в собственном торжестве».

Маньяка хотели убрать, но тот вырывался, продолжал орать. За кулисами началась свалка. Приличная публика начала потихоньку срывать банты и «делать ноги». Запахло жареным. Учредительный Бал объявили распущенным. Караул устал и пошёл отдыхать в кроватях профессоров экономики. Однако бал по инерции продолжался и вступил в свою главную, интеллигентски-порнографическую фазу. Началась «пантомима русской литературы». А маньяк-незнакомец исчез.

«Бесы» — это модель русской истории. Модель очень точная. «Бал» лишь один из её узлов. Есть и другие, не менее жуткие в своём пророчестве. Да и сама издевательская аура «Бесов», пожалуй, пророчество наиболее удивительное. Провидение. Не может быть такой мистики. Не Нострадамус же XIX века это, в конце концов. Совпадение — невероятно. Научное предвидение — смехотворно. Это уровень Милюкова (и куда он его завёл). Остаётся одно — мозг Достоевского это микрокосм мозга России, русской идеи. Достоевский фантазировал, творил образами, Россия — реальностью. Писатель до деталей воспроизвёл русскую мрачную фантазию, и сам явился её деталью. Им мыслила Россия (734). И вот сам Достоевский — это не что иное, как заглушка русской истории.

641

← Предыдущее, следующее →

641. Примечание к № 543

Мне кажется, Соловьёв выполнил тяжкий долг. И дал возможность Розанову осуществиться. (к цитате)

Почему Розанов — основатель русской философии (а это так!)? Да потому, что из него основателя невозможно сделать. Только захочет русский сделать из него объект религиозного поклонения — и сразу, моментально получит линейкой по рукам. И пребольно.

В результате философия так и не вырождается в догматизм, в объект слепой веры, то есть, в русских условиях, в АНТИХРИСТИАНСТВО. Ведь конечно же постулат об Интуиции Соловьёва есть вербальное выражение определённого религиозного переживания. Акта веры, направленной на самое себя. Православный, русский православный опыт логически невыразим. Попытка Соловьёва выразить его привела лишь к выражению самого себя, словесной части своего «я». Это «я» послужило для других ложной символизацией их собственного внутреннего (дословесного) опыта. Вместо русской христианской философии получилась русская соловьёвская философия. Христос был заменён Соловьёвым, причём даже Соловьёвым редуцированным. Христианская ФИЛОСОФИЯ и не могла не обернуться на русской почве философией Антихриста.

Наоборот, глубокое антихристианство Розанова было лишь логическим катарсисом его дологической основы, глубоко православной. Он дал форму очищающей мысли. Форму покаяния. Собственно говоря, он наглую русскую мысль и не пустил в христианство, не удостоил христианства. Но и не игнорировал, дал ей распуститься паутиной религиозных фантазий. Честно. Вместо Христа он поставил Розанова. Но Розанова как Розанова, а не как Христа. «Гуляй, душенька». Душенька гуляла, писала книги. Целомудренно нехристианские. Свой наиболее христианский сборник Розанов назвал «Около церковных стен». Даже не «рядом», а «около». Правда, в «Стенах» есть раздел «Внутри ограды церковной». Но и это не внутри церкви.

Соловьёв поставил на место талантливой русской веры посредственную русскую мысль. Эта немецкая идея очень понрави-

лась. Ведь ученикам было легче. Они уже меняли одну веру на другую. Веру в Христа на веру в Соловьёва. И, конечно, в русское слово Соловьёв истекал легко и удобно. О Христе как же сказать? Можно спеть. А говорить начнёшь — голос сорвётся, станешь запинаться, защиплет в глазах. Рукой махнёшь и отойдёшь в сторону.

Розанов лишил русскую мысль веры. Вера чистая получилась, незамутнённая. Он разорвал мысль и веру. Мысль, оборванная, распустилась нежной паутинкой в пространстве и ласково оплела веру, защитила её мягким уютным шелковистым коконом. Получилось иное, высшее соединение. По крайней мере возможность, предвосхищение такого соединения.

Как же паутинки продолжить? Тут сотни переплетающихся нитей. Можно только повторить этот путь и сплести новый кокон из новых, своих мыслей, с другим узором, другой степенью переплетённости.

642

← Предыдущее, следующее →

642. Примечание к с. 65 «Бесконечного тупика»
(Розанов) не боялся быть смешным ужом (к цитате)

Однажды смотрел с отцом сеанс мультфильмов в кинотеатре. И там показывали «Песню о Соколе». Сокол (гибридизированный в мультфильме с буревестником) — горбоносое семитское насекомое, долго и неопрятно умиравшее. Никакой жалости. Нарисованность цветными мелками — такое впечатление, что кто-то с другой стороны оконного стекла бессмысленно водит меловой тряпкой. Занудство. Зато Уж — домашне червячный, лобастый, с русской черепаховой челюстью варежкой — страшно обаятелен. Его юродливая увёртливость, национальные смешочки (хе-хе, переходящее в московское хы-хы) делают его необыкновенно живым и симпатичным. Карикатура оборачивается. Буревестнику дали в ухо, он корячится, а Уж подползает: «А ты, эта, ну, эта… хы-хы… прыгни, вниз-то. Оно, может, и вынесет на авось». Насекомое прыг-прыг и шмякнулось в пропасть. А Уж подпёр сократовскую голову рукой-хвостом и вздохнул: «Эх, дурачок-дурачок, куда лез — все там будем». Отец потом смеялся и всё говорил мне: «А Уж-то умный».

Я теперь всё не могу отделаться от ощущения, что Уж был задуман, если и не Горьким, то авторами мультфильма, как карикатура на Розанова. Там есть многозначительные выходы.

643

← Предыдущее, следующее →

643. Примечание к № 621

русский человек органически не способен выполнять мелкую, второстепенную работу (к цитате)

Вообще при истерическом, импульсивном характере русского труда, мы навряд ли догоним западные страны по уровню жизни. Несмотря на колоссальные льготы в виде территории, уникальных природных ресурсов и т. д., даже при гениальной экономической политике навряд ли уровень жизни в России будет составлять более ¾ от среднезападного. Никогда не превзойдём мы Запад и по уровню научных исследований. И здесь русских ожидает максимум твёрдая «четвёрка». Однако в области литературы и искусства Россия может стать великой державой. А что касается областей культурной жизни, наиболее связанных с имитацией, издевательством, комедиантством и вообще развлечением, то тут наша страна весь мир задавит, только волю дайте. Отечественный театр и кинематограф превратят театр и кинематограф западный в смешной аппендикс. Русский человек плохо умеет развлекаться, но гениально умеет развлекать. Провоцировать.

А теперь учтите, что эру техники и науки постепенно сменяет эра развлечения, эпоха всемирного спектакля. Тут и не надо никакой атомной войны. Весь мир у ног будет.

644

← Предыдущее, следующее →

644. Примечание к с. 66 «Бесконечного тупика»

«Со всех сторон генералы, и где военный попросит одного поклона, литературный генерал заставит „век кланяться“». (В. Розанов) (к цитате)

Писатель Опискин «ломает» своего благодетеля:

«— Я требую, чтоб вы теперь, сейчас же, сказали мне „ваше превосходительство“ … Нет, не „здравствуйте, ваше превосходительство“, это уже обидный тон; это похоже на шутку, на фарс. Я не позволю с собой таких шуток. Опомнитесь, немедленно опомнитесь, полковник! перемените ваш тон! … Вы затрудняетесь, что прибавить к слову „ваше превосходительство“ — это понятно… Это даже извинительно, особенно если человек НЕ СОЧИНИТЕЛЬ, если выразиться поучтивее. Ну, я вам помогу, если вы не сочинитель. Говорите за мной: „ваше превосходительство!..“

— Ну, „ваше превосходительство“.

— Нет, не: „НУ, ваше превосходительство“, а просто: „ваше превосходительство“! Я вам говорю, полковник, перемените ваш тон! Надеюсь также, что вы не оскорбитесь, если я предложу вам слегка поклониться и вместе с тем склонить вперёд корпус. С генералом говорят, склоняя вперёд корпус, выражая таким образом почтительность и готовность, так сказать, лететь по его поручениям. Я сам бывал в генеральских обществах и всё это знаю… Ну-с: „ваше превосходительство“.

— Ваше превосходительство…

— Как я несказанно обрадован, что имею, наконец, случай просить у вас извинения в том, что с первого раза не узнал души вашего превосходительства. Смею уверить, что впредь не пощажу слабых сил моих на пользу общую…»

И после урока послушания «ложный поп» доворачивает:

«— Ну, не чувствуете ли вы теперь, — проговорил истязатель, — что у вас вдруг стало легче на сердце, как будто в душу к вам слетел какой-то ангел?.. Чувствуете ли вы присутствие этого ангела? отвечайте мне!

— Да, Фома, действительно как-то легче сделалось, — отвечал

дядя.

— Как будто сердце ваше после того, как вы победили себя, так сказать, окунулось в каком-то елее? … Вот что значит, полковник, исполненный долг! Побеждайте же себя. Вы самолюбивы, необъятно самолюбивы!

— Самолюбив, Фома, вижу, — со вздохом отвечал дядя.

— Вы эгоист и даже мрачный эгоист…

— Эгоист-то я эгоист, правда, Фома, и это вижу; с тех пор, как тебя узнал, так и это узнал.

— Я вам говорю теперь, как отец, как нежная мать…»

И т. д. и т. п. Экая силища писатель русский (762)! Гришка Распутин по сравнению с ним жалкий слюнтяй, импотент.

645

← Предыдущее, следующее →

645. Примечание к № 620
Рука снилась. (к цитате)

Я читал допоздна, отец принёс интересную книгу (что-то вроде «Бурсы» Помяловского, но другое). И как-то у меня от чтения мысли смешались. Я стелю постель, а книгу из руки не выпускаю. Отец говорит: «Ты чего книгу-то держишь, чудак. Положи, неудобно ведь». А я, сам не знаю почему, отвечаю: «А вдруг я руку сломаю и придётся одной рукой застилать. Вот я и тренируюсь». На следующий день в школе я сломал руку. Точнее, мне её сломали. Ситуация была довольно сложная. Меня наметили для улучшения графика успеваемости выгнать в ПТУ, но без моего формального согласия сделать этого не могли. И тогда стали создавать вокруг строптивого школьника «определённое общественное мнение»… На которое мне уже тогда было плевать. Тогда подговорили комсомольского активиста меня специально доводить. А чудак перестарался и сломал мне руку (674). Он, конечно, толкнул меня особым образом (самбист), но я в 9 случаях из 10 мог упасть вполне безопасно. Это было у школы, и там из снега торчали прутья кустарника. Чтобы глаза защитить, я руку выставил. Отец же сразу решил, что меня уже предупреждали, приговорили и я загодя с книжкой «готовился». Ну и тут пошло, пошло «обрастать». Отец своим поведением нелепым только ставил себя и меня в смешное положение, потому что на самом-то деле всё было на полутонах, намёках. Да и вообще доказывать что-либо было совершенно бесполезно, да и зачем? Я уже был захвачен неосознанной идеей собственной исключительности и всех ласково-благородно презирал. Презирал настолько, что сразу решил для себя, что всё это так, случайность, и потом даже подружился со своим палачом (хотя это можно было назвать «дружбой» лишь в сравнении с моими отношениями с другими одноклассниками). Отец же всё хотел «качать права», ну и всё огрублял и делал из мухи слона. Тут много разных переплетений, и не идут они прямо к делу. А важно одно — это была уже явно фантастика, ОЧЕНЬ сильно деформировавшая мой искусственный «материализм».

Вообще, эпизод этот хотя бы относительно удовлетворительно

дешифровался лишь 10 лет спустя, когда я прочёл автобиографию Юнга. В детстве его толкнул одноклассник и 12-летний Карл стукнулся головой о торчавшую на улице чугунную тумбу, да так сильно, что получил сотрясение мозга. Это происшествие вызвало у Юнга невротическое расстройство, прошедшее лишь после элементарной психоаналитической интроспекции. Юнг писал:

«Постепенно воспоминание, как всё это началось, вернулось ко мне, и я ясно увидел, что сам был причиной всей некрасивой ситуации. Поэтому я никогда всерьёз не злился на школьника, толкнувшего меня. Я знал, что он был предназначен сделать это, и весь эпизод был моим коварным замыслом».

При чтении Юнга я заметил две особенности. Во-первых, сначала многое в его опыте казалось надуманным и слишком интеллектуализированным, слишком сложно серьёзным. Но позднее возникало ощущение, что произошедшее с Юнгом и никогда не происходившее со мной тем не менее со мной произошло. А во-вторых, многое абсурдное и нелепое в юнговской биографии сначала вызывало скептическое отстранение, но потом я с недоумением убеждался, что моя собственная жизнь буквально кишит совершенно идентичными событиями. Например, тяга Юнга к строительству крепостей, вылепливанию глиняных фигурок. Всё это в слегка модифицированном виде было и у меня. Более того, в значительной степени и сформировало мою жизнь. То, что мне казалось (вдалбливалось) основным — учёба, школа, — оказалось 1% моей жизни. А теневая жизнь — какая-нибудь лепка из пластилина — оказалась жизненным центром, той пуповиной, которой я был связан с подлинной реальностью. Это открыло возможность совсем иных типов понимания своей жизни. Я увидел совсем иной ритм своей жизни, лишь маскируемый микроскопическим дрожанием сиюминутного уровня (691).

646

← Предыдущее, следующее →

646. Примечание к № 543

В Соловьёве нашли отечественный материал для толкования. (к цитате)

Как если бы в Германии сидел умный немец и думал: «Вот русские. Они растут, читают. Какая бы у них философия могла появиться?» И на 50 страницах прикинул. И получился бы краткий конспект сочинений Соловьёва.

В сущности, так и произошло. Русские не европейцы, но чрезвычайно близки Европе. Эта близость выражается и в способности посмотреть на себя европейскими глазами. А следовательно, вести себя как европейцы и, самое главное, так, как ожидают европейцы, как мечтают европейцы о русских. То есть русские умеют быть хорошими. Соловьёв — это хороший русский. Но поскольку русские и не европейцы, то для русских Соловьёв — это посредственный европеец-русофил, спотыкающийся на каждом шагу, на каждом шагу выдающий свою нерусскость. В конечном счёте — европейскую второсортность.

Но раз Соловьёв упорно считается на Западе «хорошим русским», то действительно хорошие русские это могут использовать для действительно своих целей.

647

← Предыдущее, следующее →

647. Примечание к № 600

«У-у! эманципатор! эманципатор!» (Ф. Достоевский) (к цитате)

В статьях Достоевского, особенно периода «Времени» и «Эпохи», что-то въедливо-глумливое, лезущее внутрь, не признающее никаких приличий и идущее до конца, до самых интимных и личных вопросов. Достоевский, гримасничая, переходит на личности, причём если его недоразвитые оппоненты отвечают ему просто грубыми ругательствами, то Фёдор Михайлович лезет змеёй, с шипящей логикой и гадючьими вольтфасами.

Вот начало его ответа на контрфельетон Салтыкова-Щедрина:

«Впился-таки! Не выдержал самого первого натиска! Я и предполагал, что вопьётся… О молодое перо! Какой визг из-за того, что вам отдавило ножку… Как коснулось до вас самих, так и наполнили тотчас же вселенную своими воплями… Вот потому-то сейчас и видно, что ещё молодой талант, да ещё без всякой дрессировки. А ещё обижается за слово «молодой»! Вы рассердились на статью во «Времени». Вы проговорились и упоминаете о ней в вашей статье «Тревоги «Времени». А не надо бы было упоминать, не надо бы было проговариваться… Тут именно надобен вид, что и видом не видал враждебной статьи и слыхом не слыхал о ней. А кто спросит: «Читали, как вас отделали?» — «Э, вздор! что читать! есть мне время читать такие статьи! Кстати, мой мальчик, ведь „у испанского посланника вчера был, кажется, раут?“ Ну и замять разговор испанскими-то делами».

И дальше, дальше доводит:

«Важности, солидности, великосветской небрежности было бы больше. А то: „Ой, больно!“ Сейчас надо и показать, что больно. И вышел водевиль „Отдавленная ножка…“ Ну что ж, что больно? До свадьбы заживёт».

Ну, вроде бы хватит. Куда там, это только начало. «Учёба» только начинается:

«В ваших же интересах говорю: добру учу; о неопытность! Вы вообще ужасно спешите. Молодая прыть, нам ужасно хочется оправдаться, поскорей, как можно поскорей уверить публику,

„что это не я; что это всё от злобы, а я самый блестящий талант“ … Я искренне любовался, глядя на вас, — любовался этой прытью, этим молодым прискоком и вывертом, этими, так сказать, первыми, радостными взвизгами молодого литературного дарования. Я люблю эти первые взвизги, молодой человек! (Кстати, Достоевскому 41 год, Щедрину 37 лет. — О.) *Вы показались мне в некотором смысле гусаром в русской литературе, молодым, краснощёким корнетом отечественной словесности… Итак, успокойтесь. Вы промахнулись, вы не сумели скрыть, что вам отдавили ножку. Но кураж! Понравитесь после. Какой солдат не надеется быть фельдмаршалом! Но, однако ж (я все-таки не могу забыть этого!), к чему, к чему доходить до такого бешенства, до такого нервного сотрясения, до такой пены у рта! До гофманских-то капель для чего доходить? Вы же ругаетесь, как какой-нибудь сотрудник „Головешки“* (сатирический леворадикальный журнал „Искра“. — О.)*, а хуже уж ничего про литературного человека нельзя придумать … Ведь вся статья ваша — только „головешкина“ отрыжка и ничего больше».*

Вот и до «отрыжки» дошли. Но это все так… грунтовка. Картина впереди:

«Вижу, вижу вас теперь, как наяву, о молодое, но необстрелянное дарование, — вижу вас именно в тот самый момент, когда вам принесли февральскую книгу „Времени“ и сказали вам, что в ней есть статья против вас, под названием „Молодое перо“. Вы саркастически улыбнулись и свысока развернули книгу. Всё это представляется мне в воображении как по писаному. Если у вас были в это время гости, или вы были в гостях, вы, прочтя статью, постарались, разумеется, скрепить себя; но нервная дрожь, некоторое подёргивание губ, краска, пятнами выступившая на вашем лице, — всё это ясно свидетельствовало о бесконечной злобе, клокотавшей в жаждущем похвал сердце вашем. Вы даже попробовали улыбнуться и выговорить: „совсем не остро…“ Но как-то не вышло, так-то уж очень жалко выговорилось. По крайней мере, гости сконфузились и старались на вас не взглядывать, старались заговорить о чём-нибудь другом. И вы все это тут же заметили… Но зато, помните ли, помните ли ту грустную минуту, когда вы пришли домой и, наконец, оставшись один, дали волю всему, что сдерживали в груди вашей? Помните ли, как вы разломали стул, разбили вдребезги чайную чашку, стоявшую на вашем столе, и, в ярости колотя что есть силы обоими кулаками в стену, вы клялись с пеной у рта написать (ответную) статью…»

И далее, далее, далее, ещё на 10 страницах. Мало-помалу щипки и подножки переходят в форменный допрос. Фёдор Михайлович постепенно превращается в Порфирия Петровича (765):

«Ну-с, а ведь я вас теперь поймаю. Знаете, что я хочу? Я хочу вас изобличить. Я хочу выставить всему свету: кто вы и какой вы именно деятель в отечественной словесности … Вся-то штука в том, что вы думали, я вас не изобличу».

Достоевскому дали свободу выговориться. И он, паясничая, договорился до гениальности.

Через 10 лет Достоевский по спирали возвращается к старой теме — в соответствии с усложнением своей внутренней жизни. Теперь уже возникает глумление второго порядка и поток разрушительной энергии обращается внутрь.

В «Дневнике писателя» за 1873 год Достоевский помещает фельетон «Полписьма „одного лица“». К этому «полписьму» прилагается якобы примечание редактора, где говорится, в частности, следующее:

«Ни одно из упрекаемых им изданий не возвышалось до такого цинизма в ругательствах. И главное, сам-то он их ругает единственно за цинизм и за дурной тон их полемики».

А вот и само «полписьмо» («пол» — потому что «первую половину редактор был вынужден отрезать ножницами из-за абсолютной неприличности»):

«Я давно уже стал замечать, что в русской литературе слово „свинья“ постоянно имеет некоторый особенный и даже как бы мистический смысл … Читающий литератор, даже в уединении и про себя, встретившись с словом сим, немедленно вздрагивает и тотчас же начинает задумываться: „Не я ли это? Не про меня ли написано?“»

И далее подобный литератор бросается писать фельетон-опровержение. Но, замечает «одно лицо»:

«Какая детская неумелость в тебе? Обругав соперника, ты заключаешь … словами: „Вижу вас, господин NN, как вы, прочитав эти строки, бегаете вне себя по комнате, рвёте ваши волосы, кричите на вбежавшую в испуге жену свою, гоните прочь детей и, скрежеща зубами, колотите в стену кулаком от бессильного бешенства…“»

Знакомый оборот, не правда ли? И «одно лицо» продолжает:

«Друг мой, простодушный, но исступлённый страдалец своего фиктивного, напускного в пользу антрепренёра бешенства, о друг

мой, фельетонист! Скажи: прочитав в твоём фельетоне подобные строки будто бы о твоём сопернике, неужели я не догадаюсь, что это ты, ты сам, а не соперник твой, бегаешь по своей комнате, рвёшь свои волосы, бьёшь вбежавшего в испуге лакея… с визгом и скрежетом кидаешься… на стену и отбиваешь в кровь кулаки свои. Ибо кто поверит, что можно послать такие строки сопернику, не отбив в кровь своих собственных кулаков предварительно? Таким образом, сам выдаёшь себя».

Следователь превращается в жертву. Из Порфирия Петровича в Родиона Романовича.

И какая сложная схема оправдания. В первом случае Достоевский обвиняет Щедрина. Во втором Достоевский обвиняет «одно лицо», «одно лицо» — «фельетониста», а фельетонист — NN. Причём каждая ступень обвинения оборачиваема и дискредитирует не только самое себя, но и ступень предыдущую. Это уже глумление четвёртого порядка, да ещё замкнутое, кольцеобразное, то есть возведённое в энную степень.

Но сама манера глумления совершенно идентична. И через 10 лет Достоевский не может остановиться и договаривается до полного неприличия:

«Представлю тебе, — пишет далее „одно лицо“, — аллегорию. Ты вдруг публикуешь в афишке, что на будущей неделе … в театре … или в особо устроенном для того помещении будешь показывать себя нагишом и даже в совершенной подробности. Верю, что найдутся любители; такие зрелища особенно привлекают современное общество. Верю, что съедутся и даже во множестве, но для того ли, чтобы уважать тебя? А если так, то в чем же твоё торжество? Теперь рассуди, если можешь: не то ли самое изображают твои фельетоны? Не выходишь ли каждую неделю, в такой-то именно день, нагишом и со всеми подробностями перед публикой?»

Аргументация такой, прямо-таки ленинской, силы явно вырывается из-под контроля «одного лица» и обдаёт грязью самого Достоевского.

Тут тема ненависти к печатному слову и к печатному делу, к своей газетной, бумажной судьбе и проклятым гонорарам, тогда как он пророк, Иисус Христос. Тут «шутовство с сюрпризом». Не просто ленинская ненависть к языку и месть языка (уж Достоевский-то, казалось бы, словом должен был владеть вполне), а и ленинская же ненависть к самому себе, к своей проклЯтой и прОклятой жизни. Если и не в мире вообще, то в миру.

648

← Предыдущее, следующее →

648. Примечание к № 639

«Господь Бог дал … России — территорию, а Германии — небо» (Г. Гейне) (к цитате)

Отсюда метафизическое обоснование завоевания России.

Вообще суть ненависти немцев к русским: некто положил всю жизнь, чтобы собрать своим детям 50-тысячный капитал. Высокая, действительно высокая цель. И тут сосед, красторожий пропойца, которому невесть откуда свалилось миллионное наследство. И он его так, «для куражу», с пьяных глаз сжёг в печи.

Ясно, что не было бы этих проклятых русских, и немцы дошли бы до Тихого океана, и Китай даже, может быть, был бы немецким. Нашёлся бы Унгерн фон Штернберг для такого случая. И Индия индоевропейская была бы немецким протекторатом. Германия стала бы властелином мира. Как и положено по разуму. История разумна и властвовать над миром должен самый высоколобый народ. И вот русские, эти ничтожества, всё испортили. И родину свою разрушили. «Ни себе, ни людям».

Немцам и невдомёк, что не вышло бы у них ничего с Россией. Чтобы такой громадной территорией управлять, нужны фасады, обманки, потёмкинские деревни. Гигантское пространство уже не линейно. Оно кривое, как вблизи колоссальной массы звезды. И там прямые дороги самые кривые, а кратчайшее расстояние между двумя точками — окружность. Такой мнимый народ, как русские, только и мог создать сверхимперию.

(Кстати, потёмкинских деревень не было. Это потёмкинские деревни русского языка.)

649

← Предыдущее, следующее →

649. Примечание к № 639

документы о подрывной работе Германии в странах Антанты летом 1918 г. Точно, ясно, а в конечном счёте бред жутчайший (к цитате)

«Предложение заведующего отделом при штабе начальника Генштаба германской армии полковника Гефтена о германском политическом наступлении» 3.06.1918 г. (выдержки):

«Не подлежит никакому сомнению, что наши противники в течение последних недель жили в постоянном страхе перед германским политическим наступлением, ибо они сознавали слабость своего внутреннего фронта, как это ясно видно из слов английского министра Геддеса: „Нашу страну можно победить только психологической катастрофой“. Эта психологическая катастрофа может наступить только при одном условии, если сильная партия сторонников мира в Англии открыто выступит за окончание войны, в то время как правительство ВОПРЕКИ настроению народа хочет заставить продолжить войну… В этом уязвимость именно английского внутреннего фронта. Знанием этого следует воспользоваться. Мы должны, наконец, применить, не считаясь совершенно ни с чем, все средства власти, которыми мы располагаем в борьбе с нашими врагами.

Такое политическое наступление, так же как и военные операции, требует подготовки с далёким предвидением и продуманной во всех деталях, и тщательного проведения… Для этого предлагается следующий план.

I. Подготовка открытых выступлений неофициальных инстанций.

С наступлением передышки в операциях нужно провести в Германии ряд открытых выступлений, которые произведут в Англии, Франции, Италии и Америке впечатление, что в Германии действует сильная группа, добивающаяся мира на основе всеобщего соглашения. Её программа должна была бы включить общие цели человечества… Очень важен выбор нужных лиц. Они не должны быть пацифистами чистейшей воды, а должны быть людьми абсолютной национальной надёжности. Их искренность

должна быть настолько безупречной, чтобы даже поджигатели войны из вражеских стран не посмели усомниться в них. У нас имеется ряд таких лиц, которые пользуются за границей такой репутацией и доверием. Таких людей следует выбрать из числа немецких князей, высшей аристократии, бывших государственных деятелей и дипломатов, парламентариев от всех национальных партий, лиц, занимающих ведущие посты в торговых, финансовых и промышленных кругах, а также из числа интеллигенции высшей школы. Официальным органам следовало бы дать всем этим представителям единые директивы для их выступлений. Каждому в зависимости от его индивидуальности и рода занятий следовало бы указать определённую цель наступления на вражеском внутреннем фронте. Враг должен был бы всегда видеть одни и те же основные идеи во всех выступлениях, хотя ни в одном выступлении не должна теряться и индивидуальность отдельной личности. Ни в коем случае не должно сложиться впечатления об официально организованной акции. Конечно, вражеские государства должны почувствовать единую волю, но они должны думать, что собралась решительная группа независимых людей, чтобы оказать нажим на правительство; они не должны догадываться о сути дела… Все выступления должны быть в наступательном духе и обращены против воинствующих правительств Антанты: нужно заклеймить позором их аморальные военные цели, их лживость в отношении своих народов, их легкомысленную недооценку врага и высокомерные насмешки над ним».

Психологически очень важный момент. Какая обречённая злоба! Война уже проиграна, но немец, составляя в своём воображении умозрительную конструкцию, упрекает врагов в легкомыслии и высокомерии. Конечно, по сравнению с метафизическими прожектами германского Генштаба, реальные военные действия Англии или Франции выглядят действительно легкомысленно. Но они реальны. И подрывные действия западной части Антанты в странах Тройственного союза тоже реальны. Это в России, в стране крайне ирреальной, идеологические фантазии немецких старших офицеров осуществились. Но Европа оказалась немцам слишком тверда, слишком не по зубам. Злобной воли, злобного ума немцев тут не хватило. И вот, под конец, бессильная злоба, детская обида: как же так, это НЕСПРАВЕДЛИВО. Ведь мы — самые умные, самые коварные. Но победила англо-американская корректность. Воля немцев и погубила. Ум, но ум слишком направленный, слишком волящий. Хотящий чего-то слишком всего.

«III. Руководство выступлениями.

Организованные на основе вышеуказанных директив выступления, при составлении которых, как уже было упомянуто, следовало бы дать свободу отдельным лицам в индивидуальном подборе материалов, которые, однако, до их опубликования должны быть переданы официальным органам на проверку, нужно равномерно распределить в течение всей передышки в операциях и связать их до некоторой степени друг с другом. Они должны быть осуществлены в виде речей, интервью, газетных статей, листовок и т. д. Умелое официальное руководство должно позаботиться о том, чтобы они нашли, во-первых, самое широкое распространение за границей, во-вторых, не вызвали каких-либо кривотолков в нашей стране, и прежде всего не могли быть истолкованы как ОФИЦИАЛЬНАЯ рекогносцировка мира. Для этого необходима специальная умелая обработка больших ведущих газет всех направлений. Известные достойные доверия журналисты должны быть посвящены в то, что речь идёт ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО О ПОДДЕРЖКЕ ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ, а именно о попытке мобилизовать партии сторонников мира Антанты в целях осложнения войны для врага. Само собой разумеется, за прессой должно сохраниться право в зависимости от т.з. её партии занять свою позицию в этом вопросе. При всех обстоятельствах необходимо воспрепятствовать тому, чтобы была выдана, хотя бы даже намёками, тайна об участии официальных органов в политической операции. Вражеские страны, напротив, нужно любым способом вводить в заблуждение, как будто бы немецкие выступления представляют собой прелюдию к германскому предложению о мире, — это ни в коей мере не исключает того, чтобы в своей стране путём умелого воздействия прессы воспрепятствовать тому, чтобы складывалось такое впечатление».

Стоит ли говорить, что подобное пожелание могло остаться только на бумаге. Совершенно невозможно посвятить в суть операции достаточно широкий круг людей и одновременно сохранить полную секретность. Немецкий кунштюк с пацифизмом мог пройти только с недалёкой Россией, страной-глухарём, страной-посмешищем. Англия могла так шутить с индийской, а Франция с алжирской интеллигенцией. Конечно, что касается академической философии, то Германия была метафизической метрополией по отношению к остальным странам Запада. Пожалуй, Германия была метрополией и в области физики. Но политика — это протофизика. А здесь были звери покрупней и постарше молодой II империи.

«IV. Предполагаемый эффект.

Несомненно, сначала в странах Антанты возникло бы чувство

общего облегчения и освобождения: „Слава Богу, устояли перед лицом огромной опасности германского наступления!“ Исходя из этого чувства, поджигатели войны немедленно предпримут со своей стороны крупную акцию за продолжение войны. Торжествуя, они будут пропагандировать безрезультатность германских военных операций и предсказывать предстоящий крах Германии… (В то же время группы сторонников мира) теперь, когда, по их мнению, непосредственная военная опасность устранена, наученные опытом отклонения повторных предложений Германии и Австрии о мире, предъявят громкое требование, чтобы ещё раз не упустить такую благоприятную возможность… Это непреодолимое противоречие приведёт к сильнейшей борьбе у наших врагов… Огромное беспокойство охватило бы рабочих военной промышленности. Патриотическая сдержанность ввиду не существующей более непосредственной опасности отступила бы на задний план. Правительство было бы вынуждено пойти на самые суровые меры подавления в крупных промышленных центрах, пацифистское движение которых сегодня открыто признаётся. Следовало бы ожидать забастовок, даже эксцессов революционного характера. В этом водовороте всех внутриполитических страстей у наших противников, в этой борьбе всех против всех на родине, вдруг совершенно неожиданно, как взрыв бомбы, наносится новый крупный военный удар. Действие этого удара станет в этом случае решающим. Должна наступить психологическая катастрофа, которой боялся министр Геддес. На поджигателей войны обрушилась бы вся ненависть обманутого и разочарованного народа… Не исключено, что движение началось бы в Англии, так как там сегодня уже имеется национальная, открыто организованная партия сторонников мира. Но как только рухнет внутренний фронт в Англии, мы могли бы ожидать морального краха во Франции и в Италии…»

(Цит. по сборнику документов «Советско-германские отношения» (675) 1 т. 1917–1918 гг., док. № 225.)

Всё рассчитано верно. Но рассчитано верно лишь при условии абсолютного, отцовского воления. Другие воления исключены. Это не имперская, а националистическая точка зрения. Имперское мышление предполагает использование других воль для своих целей, предполагает нахождение полезной равнодействующей, предполагает компромисс. Националистическое мышление не оставляет права на активное существование за другими нациями. Националист не может допустить, что, например, врагам-англичанам тоже пришло в голову инспирировать пацифистское движение. Причём в более совершенной, более «авто-

номной» форме…

650

← Предыдущее, следующее →

650. Примечание к с. 67 «Бесконечного тупика»

«у Некрасова есть страниц десять стихов до того народных, как это не удавалось ни одному из наших поэтов» (В. Розанов) (к цитате)

Некрасов — это единственный русский поэт с юродством (901). Гоголь в стихах. Ритмизированное издевательство:

Прикрыв одеждой шкурочку
Для смеха и красы,
С мартышками мазурочку
Выплясывают псы.
И сам в минуту пьяную,
По страсти иль нужде,
Шарманщик с обезьяною
Танцуют па-де-де.
Всё скачет, всё волнуется,
Как будто маскарад.
А русский люд любуется:
«Как немцы-то хитрят!»
Да, сильны их познания,
Их ловкость мудрена…
Действительно, Германия —
Учёная страна!

651

← Предыдущее, следующее →

651. Примечание к № 494
Ему зачёт сдать надо. (к цитате)

Как подумаешь, а ведь Ленин был отличником, окончил гимназию с золотой медалью (а брат Александр — с серебряной). Герман Лопатин, бунтарь, террорист, — золотая медаль. Желябов — цареубийца — тоже. То есть это лучшие из лучших. И не то чтобы способнейшие ученики (эти-то медалей не получают), а прежде всего ПРИЛЕЖНЕЙШИЕ, ПОСЛУШНЕЙШИЕ. Карьеристы.

«Студенческое движение». Не студенческое движение, а движение студентами. «Начальство приказало». Вот Желябова спросить, кто ему «домашнее задание» дал.

Прокурор на процессе первомартовцев декламировал:

«Из кровавого тумана, застилающего печальную святыню Екатерининского канала, выступают перед нами мрачные облики цареубийц…»

В этом месте Желябов, скрестив руки, разразился сатанинским смехом: «Ха-а, ха-а, ха-а». Зал замер (656). Судьи оцепенели. Прокурор взвизгнул:

«Когда люди плачут — Желябовы смеются».

Вместо суда получился фарс. А мог бы получиться и суд, могли бы посмотреть на Желябова, распластать на предметном стёклышке. В чём суть этого человека, его интересность? Желябов был, если использовать современную терминологию, плейбоем. Всю свою карьеру он построил на женщинах, начиная от Ани Розенштерн, с которой он рука об руку вошёл в революционную среду, и кончая использованной им психопаткой Перовской. Бессвязные бормотания альфонса от революции не нужно было и слушать (вышибала в весёлом доме за поллитра ещё интересней расскажет), а вот расспросить про женщин по-серьёзному, в подвальчике. Фактики чтобы. Пообещать луковицу с цепкой, колёса. Всплыли бы интереснейшие подробности. Розенштерн какая ведь интересная женщина! (663)По первому мужу Макаревич, проживала в Париже под именем Кулишовой, была там связана с деятельностью Интернационала. Потом выслана в Швей-

царию, где стала женой итальянского анархиста Андрея Коста. Затем развелась и с ним и, поселившись в Милане, вышла замуж за лидера итальянских социалистов Турати… То есть это авантюристка международного масштаба. Кто же был хозяином куртизанки Розенштерн? Потянуть дальше за ниточку. А вот и другая еврейка, уже не «Розен…», а «Рубин…», сестра знаменитых музыкантов Рубинштейнов — Софья Григорьевна. Именно у неё в Одессе укрывался одно время Желябов. Рубинштейн же входила в кружок великой княгини Елены Павловны. Тоже интересная ниточка.

Тут нет ничего сенсационного, сногсшибательного. В истории таких желябовых тысячи были, есть и будут. Это определённый, весьма часто встречающийся тип политического преступника. Вот уже в наше время один из желябовых — Карлос Рамирос. Венесуэльский миллионер, франкмасон и член ЦК местной компартии назвал своих трёх сыновей соответственно «Ильич», «Владимир» и «Ленин». Карлос Рамирос (Ильич) учился в институте им. Патриса Лумумбы, впоследствии же стал крупнейшим террористом, кидался гранатами в Париже и убил уругвайского и югославского послов. Он же организовал нападение японской «Красной армии» на французское посольство в Нидерландах и похищение министров ОПЕК. «Ильич» для своей деятельности образовал многослойное подполье из женщин всех возрастов и национальностей, с которыми находился в «известных отношениях».

Русские, гениальные ученики, в конце концов расплатились с Западом за Желябова той же монетой. (Но как грубо, на голом инстинкте обернулось.)

Тогда же, в XIX веке у русских детская растерянность перед желябовыми, их неприятие и непонимание. Последнее даже хуже. Самой психологии совсем не понимали, устройства — «как это сделано». Какой же Желябов «анархист»? Может ли вообще исполнитель быть анархистом? Своевольный исполнитель чужой воли — абсурд! Это исполнитель либо вполне сознательный, «волевой», либо невольный. Последнее тоже вполне заурядно, типично и повсеместно. В конце XIX века в России была переведена с французского доктором Иорданским и издана в типографии Казанского университета брошюра некоего Льежуа, где в частности сообщалось:

«На каждую сотню мужчин или женщин, взятых наугад, встречается около четырёх человек, способных при известных обстоятельствах впадать в глубокий сомнамбулизм. Для этого иногда бывает достаточно четверти минуты. Таким образом, из-

вестную личность можно усыпить мимоходом, можно сделать ей преступное внушение и наконец разбудить, так что никто этого не заподозрит».

Тут умному человеку и карты в руки. ЦК эсеровской партии разработало план покушения на Победоносцева. Убийство должен был совершить психически неуравновешенный субъект, некто Григорьев. Однако Григорьев в самом конце сорвался, не смог бросить бомбу. Покушение должно было произойти на похоронах убитого министра Сипягина, но Григорьев заметил в траурной процессии своего руководителя Гершуни, одетого с иголочки, в цилиндре и лайковых перчатках. Внушением этого было не предусмотрено, и программа дала сбой.

История умного Гершуни и наивного Григорьева вполне типовая, повторяющаяся на протяжении всей человеческой истории что называется «в деталях». Вот уже в наше время в роли Гершуни выступил доктор Губер. Врач психоневрологического отделения клиники Гейдельбергского университета, он в 1970 г. создал из 28 пациентов «Коллектив социалистических больных». Программа «излечения» по системе Губера состояла из двух разделов:

1. Диалектика, сексуальное образование, религия.
2. Дзюдо, карате, фотография, взрывы.

«Коллектив социалистических больных» в 1975 году захватил посольство ФРГ в Стокгольме, убил военного и экономического атташе, а затем поджёг здание. Во время акции почти все «социалистические больные» погибли.

Из дурачков же вербуются и «теоретики» (672), «мыслители», зиц-председатели от философии, которым создаётся соответствующая реклама, имидж. В России к их числу принадлежали, например, Глеб Успенский и Михайловский. У Успенского (проведшего последние десять лет в психбольнице) ещё были какие-то проблески таланта (687), Михайловский же был человеком совсем тёмным, однако вместе с Писаревым (находившимся значительную часть своей жизни в психиатрической лечебнице) и Ткачёвым (окончившим жизнь там же) считался чуть ли не «мозгом России». Успенский и Михайловский были пациентами психиатра и гипнотизёра Бориса Наумовича Синани, крупнейшего эсера и, по совместительству, члена масонской ложи. Богом обиженные «кумиры российской интеллигенции» вместе с очередной дозой лекарств и наркотиков получали от своего гуру подробнейший инструктаж по поводу тех или иных общественных событий.

Если опять провести параллель с современностью, то к числу

современных михайловских принадлежат, например, философы так называемой «франкфуртской школы»: Адорно, Хоркхаймер и др. Все они, конечно, восторгаются деятельностью «Коллектива социалистических больных» и тому подобных организаций.

России вовсе не нужно было в XIX веке рвать с социализмом. Ей нужно было порвать социалистов (завесу) и расправиться с теми, кто стоял за их спиной. Социализма же как такового нет. Это провокация.

652

← Предыдущее, следующее →

652. Примечание к № 471

«вместо варварской „расклейки“, портящей газету, мы прибиваем её деревянными гвоздями» (В. Ленин) (к цитате)

Это говорилось в эпоху всеобщего разора и разграбления, когда одним мановением руки топился флот, другим — взрывался Петроград.

Ленин писал:

«Сидеть в Питере, голодать, торчать около пустых фабрик, забавляться нелепой мечтой восстановить питерскую промышленность или отстоять Питер, это — глупо и преступно. Это — гибель всей нашей революции. Питерские рабочие должны порвать с этой глупостью, прогнать в шею дураков, защищающих её, и десятками тысяч двинуться на Урал, на Волгу, на Юг, где много хлеба, где можно прокормить себя и семьи…»

Слушай племя, пойдём на юг, там рыба и птица, там большая еда, там будет хорошо.

Горький вспоминал о жизни в Петрограде после убийства Моисея Соломоновича Урицкого:

«Один матрос, расстреливая каких-то, быть может, ни в чём не повинных людей, командовал: „По негодяям — пальба взводом“. После этого он сошёл с ума».

(Далее Горький развивал тему «солдаты устали, солдаты месяцами не видели кроватей» и назвал этого матроса «несчастным».)

И вот в это время протест против «варварской расклейки». Характерно исключительное уважение к газете, свойственное профессиональному журналисту. Уже на вершине власти Ленин с наслаждением по нескольку раз читал очередной выпуск кремлёвской стенгазеты. Даже полупарализованный любил рассматривать вырезанные из газет карикатуры. Кстати, Бухарин отличался тем, что хорошо рисовал карикатуры и шаржи и делал это часто во время заседаний. (Мануильский же славился тем, что мастерски передразнивал всех членов ЦК.) В сущности, к власти в России пришли журналисты, «литераторы» (678). И тут возникла определённая газетная поэтика: манера шуток, вообще

взаимоотношений, совершенно немыслимая и неправдоподобная ни с точки зрения дореволюционной, ни с точки зрения сталинской и послесталинской России. Сама лексика крайне своеобразная, заштампованная, пустая, носящая бессмысленно пародийную окраску. Ибо не просто журналисты (журналисты пришли к власти уже в феврале, а в определённой степени и гораздо раньше), а журналисты плохие, «нехорошие». В журналистской деятельности большевиков бросается в глаза огромное количество примитивных оценок при полном отсутствии каких-либо фактов, какого-либо содержания. А ведь суть деятельности журналиста как раз заключается в передаче некоторых фактов и лишь отчасти в их акцентировке и элементарном анализе-полуфабрикате. Здесь же произошло создание чисто формализованной журналистики, то есть некоей замкнутой и совершенно бессмысленной, бессодержательной лексики. Некоей философской журналистики. Это, подчёркиваю, особая, особеннейшая языковая среда, отделённая от «дореволюционного языка» несколькими слоями сужающихся матрёшечных мифов. Миф Иванова-Разумника отделял от России, но и ниже, внутри него, ещё несколько ступеней-матрёшек. Ленин — это сверхискусственное образование, так сказать, максимально культурный, максимально созданный человек. Чтобы создать такого человека, нужно было создать вокруг ауру, среду. И главным инструментом создания этой среды являлась литература. Собственно говоря, журналист — это и есть максимально литературный тип людей («литераторы»). Кто-то зачем-то платит деньги и нас для чего-то (для чего — не наше дело) печатает. Это такое чисто физиологическое существование в литературе, делающее немыслимым какое-либо её осмысление, выныривание из неё. Это приводит к своеобразной филологической (и философской) интоксикации, к определённым образом деформированной лексике, обросшей раковыми наростами синонимов и повторов и совершенно не приспособленной к естественной передаче мысли, чувства, впечатления. Восприятие искажено и всегда осуществляется как исходно кривая стилизация. Ярчайшим примером этой лексической деформированности крайне узкой и своеобычной кремлёвской среды 1918–193… гг. является, в частности, следующее место из ленинских «Философских тетрадей»:

«Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение…

Философский идеализм есть ТОЛЬКО чепуха с точки зрения ма-

териализма грубого, простого, метафизического. Наоборот, с точки зрения ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО материализма философский идеализм есть ОДНОСТОРОННЕЕ, преувеличенное, юбершвендлихес (Дицген) развитие (раздувание, распухание) одной из чёрточек, сторон, граней познания в абсолют, ОТОРВАННЫЙ от материи, от природы, обожествлённый…

Прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, субъективизм и субъективная слепота вуаля гносеологические корни идеализма. А у поповщины (= философского идеализма), конечно, есть ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ корни, она не беспочвенна, она есть ПУСТОЦВЕТ, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного, человеческого познания».

Чёрно-белое мышление, гниющее в бесчисленных и бессмысленных повторах:

«Чёрное (чёрное, чёрное, чёрное) черно, черно, черно, черно. Белое бело, как бело белое, белое.

Чёрное есть ТОЛЬКО чёрное с точки зрения белого чёрного, чёрного, чёрного. Наоборот, с точки зрения белого белого чёрное есть ЧЁРНОЕ, чёрное, шварц (Бланк) беление (беление, беление) одного из оттенков, оттенков, оттенков белого в чёрное, ЧЕРНЕЮЩЕЕ от белого, от белого, очернённое…

Чёрность и чёрность, чёрность и чёрность, чёрность и чёрная чёрность (685) вуаля гносеологические корни черноты. А у чёрного (= чёрному), конечно, есть ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ корни, она не черна, она есть ЧЕРНОТА, бесспорно, но чернота, растущая на белом белой, белой, белой, белой, белой, белой, белой белизны».

Мышление черно-белое, но диалектическое, то есть динамическое. Чёрно-белые лопасти крутятся и получается филологический вечный двигатель. А ну-ка сунь руку — оторвёт.

653

← Предыдущее, следующее →

653. Примечание к № 471
В торфе привлекала наглядность (к цитате)

Несомненно, болотные фантазии Ленина имеют и символическое значение. Болото — это максимальное падение материи, первородная грязь, из которой произошло всё сущее. Характерно, что Платон, человек, впервые рационально зафиксировавший иррациональное стремление к смерти, считал, что построение небесного идеального государства должно привести к максимальной деградации на земле. Атлантида гибнет, и на её месте образуется илистое мелководье, непроходимое для судов и вызывающее ужас у мореплавателей. Осуществление утопии является, таким образом, с одной стороны, завершением очередного цикла и возвращением на круги своя, а с другой — разрывом времени и выпадением в иной, надвременной мир вечных идей. Можно логически продолжить рассуждения Платона, и тогда окажется, что следующий временной цикл будет уже совершаться целенаправленно, «идейно». Вечная идея государства (то есть фактически Бог-Логос) будет сознательно руководить процессом исторического развития. Это будет означать разрыв бессмысленного временного круга и в конце концов радостное слияние преображённой материи с одухотворённым космосом. Элементарной моделью этого слияния и являлось идеальное государство, воссозданное индивидуальной волей философа из погрязшего в грязи пороков мира. Согласно платоновскому мифу, государственное устройство начинается с высшего типа — монархии — и потом начинает деградировать, сначала в тимократию, потом в олигархию и, наконец, в наиболее сложный и вместе с тем порочный тип — демократию. Именно из этого типа путём жесточайших репрессий образуется идеальное государство, которое по необъяснимым причинам затем гибнет и растворяется в Океане. Идеальное государство есть и конец и начало мира. Символом такого крайнего положения и является болото. Болото, с одной стороны, максимальная степень материального запустения, а с другой — максимально наглядный и удобный материал для утопии, для идеализации, улучшения, мелиорации. Именно на торфоразработках возникла идея

строительства каналов, и со временем (параллельно с темой лагерей) дренажные канавы разрослись в циклопические «волгобалты». Идея болота непосредственным образом связана с идеей мирового пожара. Торф горит, это горючая земля. И я могу даже точно установить, когда торфоразработки запали в голову Ленина (654). Это произошло в 1917 году, во время возвращения в Петроград из Разлива. Тогда Ленин с Зиновьевым попали в лесной пожар, вызванный самовозгоранием торфа. Идея земли, горящей под ногами («предателя, мнили, во мне вы нашли»), являлась символическим выражением идеи мирового революционного пожара. Эти-то ассоциации и вызвали письмо Зиновьеву о торфоразработках. Тут же и идея получения спирта — огненной воды — из торфа. Вообще на болото проецировался образ «старого мира», погрязшего в грехе и обречённого на уничтожение (болота ведь осушаются). В высказываниях Ленина постоянно присутствует тема луж, грязи (659), вони, экскрементов, гноящихся ран и струпьев, тухлых яиц, да уже и буквально болота и болотных огоньков.

Вообще обращённость к теме гнилой, покинутой материи крайне характерна для постхристианского утопизма. (Платон от неё свободен, и даже продукт разрушения Атлантиды — это нейтральный и вполне абстрактный ил, а не какая-нибудь вонючая навозная жижа.) Об этом писал и Энгельс, и Пьер Леру (впервые введший в обиход само слово «социализм»), и Кампанелла. Обращение к подобной теме является определённым СИМПТОМОМ. Если вы заметили, что человек стал про это говорить, то всё, за логической нитью повествования можно уже не следить — перед вами больной человек. Обращение к грязи и экскрементам — это часть теневого коррелята программы святости, света, содержащейся в психической структуре каждого человека, но актуализирующейся в полной мере лишь у ничтожного меньшинства людей. Это какие-то архетипические комплексы дня и ночи. Христианство необычайно усилило и очистило эти постоянные изгибы человеческого «я». Связь тут очень сложная: религиозные воззрения являются одновременно и причиной и следствием. Чёрное мессианство, с точки зрения узко медицинской, типичное психическое заболевание, но причины его лежат не только в физиологической и психической, но и в духовной области. Образно говоря, изменения в нервной ткани могут вызвать больную мысль. Но и порочные цепочки мыслей способны разрушительно воздействовать на свой материальный субстрат. Возникает своеобразное короткое замыкание. Но и в этом случае влияние идёт с двух концов. Впрыскивание некоторой

суммы предложений вызывает стойкую фиксацию и окаменение ряда мозговых образов. Эти образы воздействуют на материальные образования и — начинается каменная болезнь сатанизма. По цепям нейронов оцепенение передаётся все дальше и дальше. Происходит вторичное воздействие на содержание мышления. Мышление ещё понижает свою температуру, и нейроны вянут от изморози. Потом новая волна раскачки. И так всё глубже и глубже. В конце концов наступает разрушение личности. Неясно, что здесь является первопричиной. Дело в двойной предрасположенности слова и тела.

Можно выделить следующие признаки предрасположенности к подобного рода заболеванию:

1. Наличие своеобразной структуры языка, провоцирующей создание всякого рода бессмысленных словосочетаний и являющейся следствием очень слабой связи слова как с реальной действительностью, так и с внутренной жизнью индивида.

2. Некоторые особенности мышления: повторяемость и зацикленность, возникающие от потенциально высокого уровня мыслительных способностей и слабой заинтересованности в их использовании.

3. Накал порождающего поля: высокий уровень религиозности.

4. Особенности психики: склонность к мечтаниям и одновременно гипертрофированный реализм, заворожённость реальностью. (Ближайшие следствия этого: подозрительность, скрытность, переходящая в коварство, склонность к двойному обману, который приводит к раздвоению и разрушению личности.)

5. Незрелость, а может быть, и органический дефект общества — отсутствие адаптации к сатанизму: неспособность распознавать охваченных этой болезнью людей и если и не лечить, то хотя бы изолировать от незаражённых. Признак этой черты национальной культуры — отсутствие демонологии и общее снисходительно-пренебрежительное отношение к идее потустороннего зла, что, в лучшем случае, приводит к ложному, поверхностному снятию проблематики путём дурашливой иронии.

Все психические заболевания, с точки зрения социальной опасности, можно разделить на два типа: на вырождение и на перерождение. В первом случае происходит выпадение из духовного мира, во втором — одержимый остаётся внутри проблемы добра и зла. Первый тип больных легко изымается из общества (по сути, больные делают это сами), второй тип — не то что изъять, но часто и обнаружить необычайно трудно. На Западе в течение тысячелетия разрабатывался механизм се-

лекции второй категории сумасшедших. И механизм этот чрезвычайно продуман, разработан. В конце концов возникла известная психологическая ориентированность, среда, прозрачная для выявления сатанизма. Конечно, если бы не чудо инквизиции, Европа погибла бы, подобно Риму (660) (и наоборот, одна из причин гибели Римской империи — отсутствие психологического сыска). Вот хрестоматийный пример строгой западноевропейской оформленности идеи Зла. В начале XVII века венгерская графиня Елизавета Батори приказывала своим слугам выкрадывать для неё маленьких девочек. Девочек она убивала, а из их крови делала себе ванны, которые, по её мнению, придавали коже необыкновенную прелесть и способствовали общему омоложению. Таким образом было зарезано более 80 детей. Следствие поймало убийц с поличным. Сама Батори отравилась (или была отравлена) в тюрьме, а её пособники были сожжены живьём. Простое, ясное, хрестоматийное дело!

У русских же совершенно отсутствовал инструментарий борьбы и инструментарий самого ПРОЯВЛЕНИЯ сатанизма. Бред Ленина не вошёл в знакомое русло. К каким жутким последствиям это привело!

Западная, проявленная, форма зла органична и гораздо менее жива, так как, во-первых, легко распознаётся, а во-вторых, сам человек, одержимый дьяволом, вполне понимает себя, что порождает неустойчивость его личности, хрупкость. Он не выносит тяжкого, нечеловеческого груза негативной свободы.

Иными словами, в России не была разработана форма духовного преступления (хотя гений Достоевского предпринял мучительную попытку её создания). Совершивший «материальное преступление» знал, что он преступник. Но совершивший преступление «идеологическое» жил криво, так как на него также распространялись элементарные этические законы, но ОТЧЕГО была эта кривость, он не чувствовал и, следовательно, НЕ МОГ РАСКАЯТЬСЯ.

Интересно, что все русские попытки создания демонологии были моментально и благодарно восприняты Западом. «Доктор Фаустус» Томаса Манна — это радостное усвоение роскошной, пышной и широкой западной демонологией нового, экзотического типа сатанизма. Встреча черта с Адрианом Леверкюном есть вариант соответствующей главы из «Братьев Карамазовых». Интересно, что русский опыт Манн воспринял с учётом истории XX века и чёрт является к Леверкюну в кепке и потёртом пиджачке, работая «под пролетария». И все это так органично вливается в богатейшее и роскошнейшее германское Средневековье

с его суккубами и инкубами. Наконец Леверкюн находит у себя в постели примитивную и понятную русалку. Он (как и его прототип Ницше) честно сходит с ума по заботливо подставленной лестнице тысячелетней демонологии. Лучший исход! А Ленин искал лестницу и не находил. Мысль раскалялась, и сам он рос, освещённый красным инфернальным пламенем.

Отличие Ленина от всех предыдущих больных — в его осуществлённости. У прочих в конечном счёте бессилие, погружение в собственные фантазии и оцепенение, смерть. Томмазо Кампанелла — его одиночное заключение. Это как наиболее грубый пример. А наиболее тонкий — Ницше, его трагическое одиночество. Ленин же осуществился. И это не вульгарная осуществлённость Марата или Робеспьера. Тут неизмеримо глубже и «удачнее». В Ленине холод сатанинского окаменения души вызвал красное раскаление плоти (698). Ледяной пламень.

Сталин понятен (715): полутиран-полупадишах (здесь сказалось европейско-азиатское происхождение грузина) — неинтересная личность. Он пришёл на готовое, когда его уже ждали. Ленина тоже ждали, но пришёл он вовсе не на готовенькое. В нём русской истории «повезло», и без него, конечно, ничего бы не было, кончилось бы кризисом, но не крахом. Нужен был такой катализатор, биоключ, который отворил бы ворота в ад сатанизма. А ад бушевал, кипел столетиями. Но на поверхности, на корке всё было хорошо. Даже лучше, чем обычно — земля у вулкана удивительно плодородная, тёплая, ласковая. И никаких искусственных скважин, клапанов, отводящих давление, никаких «костров инквизиций». И вот появился буравчик, который эту цельную сплошную кору просверлил. Кора мозга соприкоснулась с его содержимым, и произошёл аннигиляционный взрыв. Этого 1000 лет не было. Как же нужно было изогнуться лентой Мёбиуса, каким в высшей степени странным и необыкновенным человеком нужно было быть, чтобы прийтись в аккурат в углубление, ждущее катализатора молекулярного замка, и вызвать цепную реакцию вырождения. И сколько нужно было потратить сил, энергии, сколько неудачных проб и опытов нужно было сделать, чтобы создать такого вот человека. Это же огромная, циклопическая работа, тут все силы нации были на это брошены. Выращивали сотни тысяч уродов, в секретных подземных фабриках уходили в бесконечность ряды причудливо изогнутых китайских ваз, в каждой из которых выкармливали определённый сорт личинок будущего. И сколько пошло в отвал — тысячи имён. А какая нужна была беззаботность, если только два-три гения додумались приложить ухо к тучному,

плодороднейшему чернозёму и услыхать подземный гул будущего архилагеря, готового в любую секунду вырваться на поверхность и погрузить всех и вся в архейский мрак ада. И даже в начале XX века, когда «ума большого не надобно было», когда почва уже тряслась так, что падали с ног, все отделывались стилизацией. Мережковский, ясно же, не верил своим пророчествам. И когда летел потом в бездну, ещё думал: «Господи, неужели я оказался прав».

Ленин — фигура мифологическая. В нём вся мифология нашего времени воплотилась с угловатой наглостью классического конструктивизма. Кто бы мог предположить, что из Володеньки Ульянова, Мурки Ульянова, кудрявого отличника и любимчика директора, сделают мумию и захоронят оную в пирамидальной гробнице на Красной площади? А как же «реализм», как же «правдивость русской литературы»?! А вот ТАК получилось. А литература наша именно из-за своей «реалистичности» оказалась муторным бредом… Непрошибаемая мифологичность русской литературы в её донельзя утрированном антимифологизме. «Ничего нет, а есть то, что есть». Чернышевский был потрясён «мудростью» Фейербаха: «Человек есть то, что ест». Но афоризм этот принадлежит Парацельсу и первоначально означал совсем иное, ибо под едой подразумевалась пища духовная, книги и мысли. А у нас книги и мысли хотели сделать максимально материальными, чтобы их можно было жрать, да так, чтобы за ушами трещало.

654

← Предыдущее, следующее →

654. Примечание к № 653

И я могу даже точно установить, когда торфоразработки запали в голову Ленина. (к цитате)

Впрочем, вот диалог между Войницким и Астровым в «Дяде Ване»:

«Войницкий (смеясь) (в ответ на экологические прожекты Астрова. — О.)*: Браво, браво!.. Все это мило, но не убедительно, так что позволь мне, мой друг, продолжать топить печи дровами и строить сараи из дерева.*

Астров: Ты можешь топить печи торфом, а сараи строить из камня. Ну, я допускаю, руби леса из нужды, но зачем истреблять их? … у ленивого человека не хватает смысла нагнуться и поднять с земли топливо».

655

← Предыдущее, следующее →

655. Примечание к № 471

Ленин вентилировал и вопрос уже непосредственно о постройке вечного двигателя. (к цитате)

Судьба Ленина поразительно соответствует юношескому бреду Чернышевского. Кажется, будто из его ожившего сна Ленин получился. 20-летний Николай Гаврилович писал в дневнике:

«Мысли: машина; переворот… через несколько лет я журналист и предводитель или одно из главных лиц крайней левой стороны, нечто вроде Луи Блана… надежды вообще: уничтожение пролетариатства и вообще всякой материальной нужды — все будут жить, во всяком случае, как теперь живут люди, получающие в год 15–20 тысяч рублей дохода, и это будет осуществлено через мои машины (машины „для произведения вечного движения“. — О.)».

656

← Предыдущее, следующее →

656. Примечание к № 651

Желябов, скрестив руки, разразился сатанинским смехом … Зал замер (к цитате)

А кто сидел в зале? (662) Прежде всего высший свет: министры, принцы крови, придворные дамы в изысканных туалетах. Билеты на подобные представления продавались загодя, по астрономическим ценам. Судебное заседание превращалось в спектакль, и в спектакль нехороший, где зрительный зал становился частью сцены, где разворачивалось даже не столько страшное, сколько совершенно абсурдное действие. Говоря современным языком, «хэппенинг» (мне больше нравится русский эквивалент: «происшествие», «случай», «история») — запрограммированная в основных чертах бесфабульная импровизация, носящая театрализованный характер и вовлекающая в своё действо окружающих зрителей. В основе хэппенинга лежат ситуации, копирующие повседневный быт или, наоборот, ситуации, ничего общего с реальностью не имеющие. В результате реальность превращается в фантастику, а фантастика переживается как реальность.

Классическим хэппенингом является оправдание Веры Засулич. Убийца-террористка, по приказу своего руководства тяжело ранившая крупнейшего государственного чиновника (Трепов, кстати, был побочным сыном одного из Романовых, и все это знали), оправдана судом присяжных, не нашедших в её действиях состава преступления. Невиновна! «За чем-то таким» и шли на процесс. Публика «ждала». И когда был произнесён оправдательный приговор, в зале началось невообразимое. Овации, крики «браво!», многие из публики (в том числе и дамы в длинных платьях) полезли через перила на скамью подсудимых, жали руки Засулич и адвокату, стали их носить на руках.

Или вот что сообщает Лесков по поводу процесса над нечаевцами:

«1). Флоринский получил приглашение быть народным учителем сразу в пять школ.

2). Орлов на поезде в Петергоф и в самом Петергофе удостоился восторженных оваций.

3). Для Дементьевой идёт подписка на приданое».

А как встречали в России поезда с пленными турками во время последней русско-турецкой войны? На перронах стояли дамы, кидали букеты с цветами, угощали шоколадными конфетами. Турецкий офицер харкнул одной из дам в морду, но пленных всё равно угощали и поздравляли. (Достоевский по этому поводу негодовал, а Толстой потирал руки: «Так и надо, так и надо. Мы добрые».)

В значительной степени это инспирация, вредительство. Но не только. Точнее, вредительство глобальное, так что никто уж конкретно и не виноват. Сама судебная реформа была вредительством, провокацией. Ну куда русским суд присяжных? Это же народ с художеством. Достаточно 1/10, 1/100, 1/1000 театра, и русский начнёт зарываться, его уже не остановишь, он заиграется до чёртиков. Суд вообще основан на мере, суд присяжных — на мере игры, мере юмора, мере такта. В Англии это идеальная форма общественной жизни. Собственно говоря, и парламент — это гигантский суд присяжных. В России же судебная реформа явилась чем-то вроде взрыва водородной бомбы. Надо всей Россией взорвали огромную водородную бомбу. Это было похлеще даже пресловутого «освобождения крестьян», когда государство освободилось от крестьянства, бросило его на произвол судьбы. Но это ещё можно было выправить (если бы 1861 год был началом, а не итогом крестьянской реформы). Но на суде русские стали говорить, стали играть и в конце концов договорились и доигрались до Страшного суда.

Как это Достоевский чувствовал! Конец его последнего романа — это суд присяжных заседателей, где ложь грызёт тыквенные семечки и харкает шелухой на весь мир (666). Это глумление, издевательство над истиной, над реальностью. Это абсурд. Это хэппенинг.

657

← Предыдущее, следующее →

657. Примечание к № 640

Достоевский подметил основные недостатки отечественного логоса. (к цитате)

Русское мышление слабое, но самокритичное. Оно по своей сути преступно, и из-за смутного ощущения этой преступности, нехорошести русский постоянно оглядывается, ищет ошибку (улику). Найдёт, исправит, спрячет оборванную бахрому со старушечьей кровью за обои — и снова оглядывается. Здание растёт, но всё время что-то отваливается, что-то надо заглушать, спасать. В конце концов карточный домик рушится, но есть прекрасные мгновения полной иллюзии ажурной устойчивости. Что и привлекает к русской мысли, делает её непередаваемо оригинальной. Не совсем европейской и всё же высокой.

Достоевский начал свою публицистику с оговорки. Вот начало его первой статьи — объявления об издании в 1845 году «комического альманаха» «Зубоскал»:

«Прежде всего, просим вас, господа благовоспитанные читатели нашего объявления, не возмущаться и не восставать против такого странного, даже затейливого, даже, быть может, неловко-затейливого названия предлагаемого вам альманаха… „Зубоскал“!.. Мы и без того уверены, что многие, даже и очень многие, отвергнут наш альманах единственно ради названия, ради заглавия; посмеются над этим заглавием, даже немного посердятся на него, даже обидятся, назовут „Зубоскал“ анахронизмом, мифом, пуфом и, наконец, признают его чистою невозможностью».

И т. д. Спираль оправдания всё раскручивается и раскручивается, ни на минуту не прерываясь. И вот уже в последних предсмертных набросках к «Дневнику писателя» Достоевский пишет:

«Инквизитор и глава о детях. Ввиду этих глав вы бы (Кавелин) могли отнестись ко мне хотя и научно, но не столь высокомерно по части философии, хотя философия и не моя специальность. И в Европе такой силы атеистических ВЫРАЖЕНИЙ нет и НЕ БЫЛО. Стало быть, не как мальчик же я верую во Христа и его исповедую, а через большое ГОРНИЛО СОМНЕНИЙ моя ОСАННА прошла, как говорит у меня же, в том же романе, чёрт.

Вот, может быть, вы не читали „Карамазовых“, — это дело другое, и тогда прошу извинения».

Достоевский всю жизнь оправдывался. Накал оправдания повышался от «Зубоскала» до Христа, но схема абсолютно идентична.

И эта страшная приговорная проговорка: как говорит мой чёрт, не как мальчик же я верую во Христа. Уж конечно, не нужно подниматься до немыслимых высот оправдания, когда всё «преступление» состоит в краже бабушкиного варенья. Коррелятом гениального оправдания является гениальное преступление. Преступление даже не совершённое, но имеющее быть. То есть в себе выношенное, но гениально не совершённое (731).

658

← Предыдущее, следующее →

658. Примечание к № 506

Солженицын — счастливчик русской литературы, баловень судьбы. (к цитате)

Ну, ещё о Солженицыне. Ему всё удалось. Даже вечный двигатель и тот у Солженицына удался. «Шарага», которая спасла его от смерти, занималась какими-то неосуществимыми проектами — «аппаратом для товарища Сталина». Это был, видимо, единственный в истории случай создания Института Вечного Двигателя — некоего магического сообщества, целью которого было создание фантомов (665). И фантомов очень жизнеспособных, совершенных — речь шла о жизни и смерти. И люди там подобрались, конечно, талантливейшие. Сама обстановка «шарашки» была гениальна. Именно там Солженицын сформировался (не в школе же сталинской). Игра, цена которой — жизнь. И игра не на понижение, как в случае с лысенками, а на повышение.

659

← Предыдущее, следующее →

659. Примечание к № 653
В высказываниях Ленина постоянно присутствует тема … грязи (к цитате)

На этом фоне поразительно мало светового коррелята — образа солнца, света, счастья. Выражения «светлое будущее», «солнце свободы» у Ленина крайне редки. Лишь в последние годы появился образ «мирового пожара», но как тёмного, багрового пламени, «горящего болота» (старого мира).

Следовательно, в данном случае перед нами не только захваченность мифологическими образами света и тьмы, но и явное замыкание на тьме, причём тьме активной, кипящей, вздымающейся тёмным, грязным пламенем. Ленин постоянно жил в аду. К нему вполне подходят слова Гёте, сказанные о Мефистофеле: «Ты сплетенье пламени и грязи».

660

← Предыдущее, следующее →

660. Примечание к № 653

если бы не чудо инквизиции, Европа погибла бы подобно Риму (к цитате)

Русские просто не осознали САМОЙ ПРОБЛЕМЫ инквизиции и иезуитства.

В чём бессилие церкви? Полнейший атеист говорит: «Верую в Господа нашего Иисуса Христа». Принимает крещение, ходит в церковь, а в душе смеётся. Принимает сан священника, а то становится монахом, иерархом церкви, наконец, патриархом. А в Бога не верит. У него другие цели. И хорошо, если стремление к власти или нажива. А если он, например, не просто атеист, а фанатик атеизма — антитеист? Где критерий для «просвечивания», выявления таких людей? Тут великая проблема, которую наши религиозные и политические деятели даже не осознали. А было над чем задуматься. Вот в 1779 году создана специальная масонская семинария для подготовки агентурной сети внутри высшего православного духовенства. В начале XIX века масоны фактически установили контроль над русской церковью, так что масоном был даже митрополит петербургский и новгородский Михаил (Десницкий). Это не говоря уже о тёмной фигуре обер-прокурора Александра Голицына.

А иезуиты плохие. Иезуиты иезуиты. Но проблема-то есть. В общем: как связать мир и церковь. Кто должен быть посредником и в какой форме это посредничество осуществлять. Атеист может всегда сказать: «Бог есть». Бога нет, и отвечать за враньё не перед кем (668). Но верующий не может сказать, что Бога нет. Для него Бог есть. Из этого трагического противоречия и родился институт иезуитства — агентура церкви во внецерковном и собственно антицерковном мире.

Тут и сила христианства. «А, в Бога не верите? Ладно. Вот дверца, идите — раз, и открылась. Да. Берите свечу и вниз по ступенькам». Всё ниже и ниже по спирали. И вот мы в подземелье. Где-то далеко-далеко наверху глухой удар — опустилась гранитная глыба, закрывшая выход. Тускло горят вдоль стен красные факелы. Небольшая жаровня. Столик. А на столике щипчики-ножнички, иголочки-крючочки — разная многозначи-

тельная металлическая сложность. И вот говорят: «А вы отсюда уже не выйдете. Это всё. На этом — на этих сырых стенах, на этом душно-жарком красноватом сумраке, на звенящей в ушах тишине, разрываемой собственным криком, — на этом ваше существование кончится. Но кончится, заметьте, не сразу, а будет распадаться и размазываться в пространстве вслед за постепенным разъёмом на составные части вашего, г. материалист, тела. А наверху жизнь. Там метро, там мороженое, там информационная программа „Время“. А здесь времени нет. Оно исчезло, как только опустилась гранитная глыба. А вы думали, с вами спорить будут, дискутировать? Да? Нет, мы проще решим, без ненужного бисера. — Все можно прокрутить назад. Вы только скажите: „Бог есть“. И всё — вы на свободе». И, конечно, атеист с радостью повторит спасительный пароль. Связываться с дураками ещё, с фанатиками. Что он, сумасшедший?

А верующий в существование Бога (так же твёрдо, как атеист в его отсутствие) не так просто ответит в этом же каземате на диаметрально противоположенное предложение. Я думаю, лишь 1 из 10 легко согласится на такое. 8 согласятся с той или иной долей нравственных мучений, часто очень глубоких, «на всю жизнь». А последний, десятый — примет муки. А из десяти принявших муки один стерпит всё и умрёт за правду.

В открытой борьбе атеизм просуществовал бы несколько месяцев, ну, от силы — лет. Религия же — тысячелетия. Но в борьбе скрытой, закулисной, все преимущества на стороне атеизма. Атеизма и иудаизма — этой религии атеизма, религии предательства.

661

← Предыдущее, следующее →

661. Примечание к № 625
Розанов так вплёлся в моё бытие (к цитате)

Что стал для меня абсолютно живым, не менее реальным, чем, например, отец.

Василий Васильевич писал о своём рано умершем друге:

«Сказать, что Шперка ТЕПЕРЬ СОВСЕМ НЕТ НА СВЕТЕ — невозможно. Там, может быть, в платоновском смысле „бессмертие души“ и ошибочно, но для моих друзей оно ни в коем случае не ошибочно. И не то, чтобы „душа Шперка — бессмертна“: а его бородёнка рыжая не могла умереть».

И там же:

«Я хочу „на тот свет“ прийти с носовым платком. Ни чуточки меньше».

Мечта Розанова сбылась. Он пришёл в мой мир именно «с носовым платком», «с рыжей бородёнкой». Он воплотился в своих книгах настолько полно, что мне нет даже нужды смотреть на его фотографии. Я знаю «вообще», что он рыжий и с бородёнкой, и эту бородёнку вижу. А больше не надо. Больше и невозможно, это предел воплощения, максимум.

662

← Предыдущее, следующее →

662. Примечание к № 656
А кто сидел в зале? (к цитате)

Несколько другой угол зрения: на процессе Гершуни присутствовал великий князь Андрей Владимирович. Верный масонской дисциплине, он ходатайствовал (и небезуспешно) о сохранении преступнику жизни. Каждый раз, когда великий князь входил в зал заседаний, все, не исключая и суда, вставали и продолжали стоять, пока он не усаживался на своё место.

Кстати, зал театральный, как и зал судебный, был заполнен тоже отнюдь не курсистками. Станиславский вспоминает, как встречали даже не премьеру, а генеральную репетицию горьковской пьесы:

«На генеральную репетицию „Мещан“ съехался весь „правительствующий“ Петербург, начиная с великих князей и министров, — всевозможные чины, весь цензурный комитет, представители полицейской власти и другие начальствующие лица с жёнами и семьями».

663

← Предыдущее, следующее →

663. Примечание к № 651

Розенштерн какая ведь интересная женщина! (к цитате)

Розенштерн в тогдашней европейской прессе называли не иначе, как «гордостью русского народа» и «славянской мадонной» (697)(!).

Надо сказать, что сталинские проработки «троцкистско-бухаринских людоедов» или «вейсманистов-морганистов» — детская забава по сравнению с кампанией дискредитации русского государства в европейской прессе прошлого века. От тогдашней «дезы» даже не поймёшь, то ли смеяться, то ли плакать. «И смех, и грех!» Следует издать томик «Западноевропейская печать о России XIX — начала XX вв.» Даже три томика — тема богатейшая! Первый том — собственно публицистика, второй — антирусская карикатура, третий — художественная литература. В последнем случае русский читатель будет удивлённо таращить глаза на совершенно неизвестные произведения как будто известных авторов. Так Жюль Верн окажется автором «Драмы в Лифляндии» и «Михаила Строгова», где показаны фигуры несгибаемых революционеров «Владимира Янова» и «Василия Фёдорова». Конан Дойль предстанет автором романа «Торговый дом Герлдстон», с благородным «нигилистом из Одессы», и рассказа из шерлок-холмсовской серии «Пенсне в золотой оправе», со столь же благородными революционерами Анной и Алексеем и нехорошим предателем Сергеем. Русский читатель будет хохотать, читая роман Альфонса Доде «Тартарен в Альпах», где вполне серьёзно изображается доблестный нигилист «Манилов». А тонкий и умный Оскар Уайльд выступит в роли безнадёжного кретина, автора графоманского романа о Засулич «Вера, или нигилисты».

Да чего там том — библиотеку, библиотеку надо издать: «Иностранцы о русских и России». И в школах изучать. По-моему, трудно найти более поучительную и «нравоучительную» литературу.

664

← Предыдущее, следующее →

664. Примечание к № 590
Таких господ… выводят. (к цитате)

Моё негодование смешно. Потешное негодование прозелита. Что такое Россия Соловьёва с её тысячами и тысячами церквей, с огромным сословием священников? Фигура священника была так же обычна, как сейчас фигура слесаря. Соловьёв выбросил иконы — подумаешь, их в стране были десятки миллионов. Фамильярно говорил о церковной жизни, шутил. Да как не шутить по поводу повседневного, частного быта. Набоков заметил, что «здоровое кощунство» Чернышевского в церкви (заигрывал с невестой) вовсе не было признаком его атеизма, как это стали подавать в советское время, а скорее напоминало аристократическую вольность. Для Чернышевского, выросшего в церкви, церковь была просто домом, как и для сына короля корона — игрушка. Соловьёв не церемонился с религией, потому что это было его. Его, а не моё. Чернышевский в эпоху самого своего разатеизма был просто ФИЗИЧЕСКИ неизмеримо ближе к церкви, чем я сейчас.

«Вывел» я тут только себя. Но читатель, я думаю, давно уже догадался, что в этой книге я говорю только о себе.

665

← Предыдущее, следующее →

665. Примечание к № 658

случай создания Института Вечного Двигателя — некоего магического сообщества, целью которого было создание фантомов (к цитате)

Собственно, была создана мечта русской литературы — литературный институт.

666

← Предыдущее, следующее →

666. Примечание к № 656

Конец его последнего романа — это суд присяжных заседателей, где ложь грызёт тыквенные семечки и харкает шелухой на весь мир. (к цитате)

Характерно, что Достоевский в конце своего творчества додумался до злокачественного допроса, допроса невинного человека, причём допроса СО ШМОНОМ (Дмитрия раздевают догола люди, которым он только что исповедывался, из своего XIX века ещё многого не видя), и допроса НОЧНОГО, и, наконец, допроса, закончившегося подписыванием в полубессознательном состоянии протокола-приговора.

667

← Предыдущее, следующее →

667. Примечание к № 621

Отличный солдат, крестьянин, ремесленник, русский нелеп и злобен в качестве рабочего, служащего, санитара, официанта и т. д. (к цитате)

Следовательно, русский — плохой интеллигент. В социальном плане интеллигент есть лицо «свободной профессии». А свободные профессии, пожалуй за исключением архетипической профессии актёра (и то частичным), суть нечто второстепенное, вспомогательное. (Не рассматриваю здесь случай перехода профессии в судьбу на вершине мастерства — удел исключительных одиночек: писателей, художников и поэтов). Речь идёт о массе. А тут, как писал в «Вехах» Изгоев:

«Средний массовый интеллигент в России большей частью не любит своего дела и не знает его. Он — плохой учитель, плохой инженер, плохой журналист, непрактичный техник и проч. и проч. Его профессия представляет для него нечто случайное, побочное, не заслуживающее уважения. Если он увлечётся своей профессией, всецело отдастся ей — его ждут самые жестокие сарказмы со стороны товарищей, как настоящих революционеров, так и фразёрствующих бездельников».

Более того. Интеллигенты, сознавая свою второсортность, подсознательно завидовали людям, имеющим, по их мнению, серьёзную профессию. От крестьянина до царя. Многие сословия, и прежде всего сословия военных и священников, стараниями интеллигенции были в конце концов серьёзнейшим образом дискредитированы. В отличие от трактирщиков или проституток, интеллигенция была социально активна и поэтому не только «вела беспорядочный образ жизни», но и отравляла жизнь другим. Неслучайно в тех же «Вехах» Гершензон заметил:

«Изменение политического строя, помимо своих прямых результатов, должно было ещё задним числом оправдать прошлое интеллигенции».

Действительно, существование этого никчёмного сословия оправдано было в степени очень незначительной. По крайней мере, если вести речь не о том, что могло быть, а о том, что бы-

ло.

← Предыдущее, следующее →

668. Примечание к № 660
Бога нет, и отвечать за враньё не перед кем. (к цитате)

Из официального жития Ленина постоянно выпадает один персонаж — мать Крупской. Мать Крупской была третьим членом семьи. Втроём жили они в Шушенском, втроём жили и за границей. Тёща постоянно мешала, считала брак дочери неудачным. Выходили за перспективного деятеля оппозиции (вроде Струве, за которого вышла замуж гимназическая подруга Надежды Константиновны), а оказалось на поверку — неудачник и скандалист. В семье постоянно были ссоры между Лениным и тёщей. К тому же старуха верила в Бога.

Перед самой революцией мать Крупской умерла. Отпевать и хоронить по православному обряду было муторно и дорого. И её сожгли. (Кремация была официально запрещена православной церковью и в России совершенно не практиковалась, считалась дикостью.) Крупская в воспоминаниях, вместо того чтобы промолчать (не хватило ума даже на это), позорно оправдывается, разрабатывая тему «она сама хотела»:

«Мы так и сделали, как она хотела, сожгли её в бернском крематории. Сидели с Владимиром Ильичом на кладбище, часа через два принёс нам сторож жестяную кружку с тёплым ещё пеплом и указал, где зарыть пепел в землю».

И всё. «Ленин сжёг тёщу». Была привычка: руки в карманы и насвистывать шипящим шепотком сквозь прижатый к нёбу язык. Нулин.

Крупская уже в последние годы своей жизни однажды сказала:

«Ленин был добрый человек, говорят иные. Но слово „добрый“, взятое из старого лексикона добродетелей, мало подходит к Ильичу, оно как-то недостаточно и неточно».

669

← Предыдущее, следующее →

669. Примечание к № 88
«Одиноков — 0». (к цитате)

Люблю я Брокгауз читать. Всегда что-нибудь интересненькое найдёшь. Была даже мысль: написать книгу и так и назвать — «Брокгауз». Выписать оттуда разные места интересные и впечатления о них. Если бы я был свободен, то, конечно бы, написал «Брокгауз». Ещё была мысль написать «Метро» — описание своего пути по нескольким станциям, переходам, эскалаторам — очень точное, до мельчайших подробностей: какого-нибудь надтреснутого плафона или погнутой вентиляционной решётки. Хорошо бы даже с фотографиями. И опять же во что это всё в мозгу складывается. То же — сны. Но со снами страшно. Хотя, если бы я был СВОБОДЕН, то что же, ничего бы страшного не было, конечно. Я бы писал, а вечером читал вслух у камина жене и детям.

Как это хорошо: быть интимно, лично нужным, а социально совсем не нужным. Никто не идёт мимо и не говорит, что вот «Одиноков плохо лежит»:

— Ты зачем лежишь? А ну-ка, зубы то у тебя — так — крепкие. Иди ими орехи коли. А мы есть будем. И смеяться.

Ещё мечта: написать о своём детстве через книги. Какие я в детстве книги и журналы читал (670) и просто разглядывал, когда читать не умел. Всё вспомнить, найти, что можно, в библиотеках, и через это всё выстроится.

Это всё мечта, мечта.

В Брокгаузе статья «Нолинск». Город сей на месте села Ноли основан в 1764 г. А в 1780 его сделали уездным центром. Какая прелесть: «Нолинск». А кто там живёт? «Нолевцы»? «нолинчане»? Или уж совсем прямо, если по селу название? И губерния хорошая — вятская (вякающая). А герб какой у Нолинска!

«В голубомъ поле летящий лебедь, которыя птицы, не останавливаясь въ окрестностяхъ сего города, мимо пролетаютъ».

Не останавливаясь! Ат-тлична!!!

Город молодой, преданий и легенд никаких, достопримечательностей вокруг тоже нет. И вот увидели — в небе лебеди ле-

тят. И много. Или местные рассказали. Но зачем это безнадёжное спохватывание, подчёркивание что именно «не останавливаясь в окрестностяхъ». Нолинск.

А городишка этот вошёл в анналы отечественной истории. Местная чрезвычайка осенью 1918 г. опубликовала в центральном органе ВЧК статью «Почему вы миндальничаете», от которой центровые, столичные душегубы сели на пол. После этой статьи журнал чекистов закрыли за зверство. Постановление ЦК РКП(б) от 25.10.1918 г.:

«В № 3 „Вестника чрезвычайных комиссий“ была напечатана статья за подписью Нолинского исполкома и партийного комитета, восхваляющая пытки, при этом редакция в примечании не указала на своё отрицательное отношение к статье нолинцев (а, вот как их — „нолинцы“. — О.). *Решено осудить нолинцев за их статью и редакцию за её напечатание. „Вестник ЧК“ должен прекратить своё существование».*

— Слушайте, вы, это… отпустите меня. Я же не нужен в народном хозяйстве. Ну, ладно, покуражились и хватит. Отца отравили, меня чуть не зарезали, руку вот сломали и чуть не оттяпали. В школе сказали «способности удовлетворительные», то есть в графе «есть ли умственная отсталость» милостиво поставили прочерк. Спасибо. Превратили в психопата. Работать определили ничтожеством. Кажется, хватит. Довольно. Отвели душу и хватит. Молодцы. Теперь отпустите. Я вот тут бочком, бочком в щёлочку пролезу. Незаметненько-с. Хи-хи. И больше обо мне, клянусь, не узнаете. Я, как мышка, тихо-тихо. Вот тут.

— Не-е-ет. Не проскочишь. Дурачком прикидываешься? Не выйдет… Как стоишь!!! Руки по швам!!! Я давно-о тебя слушаю, понять хочу, какой ты есть. Что ж ты, гад, паясничаешь? Это кто это отца твоего отравил? Никто его не травил, а наоборот лечили и лечили бесплатно.

— Что же не вылечили-то?

— Сделали всё, что могли. Рак болезнь тяжёлая. У вас есть сведения, что лечили неправильно, есть замечания по ходу лечения? Нет? Так чего же вы тогда хотите? Потом, извините, но ваш родитель был человек совершеннолетний и сам несёт ответственность за свои поступки. Нечего было злоупотреблять спиртными напитками. И к нему чутко относились. Вот на работе в день 50-летия грамоту дали. И в годовщину разгрома немецко-фашистских захватчиков тоже грамоту. Потом что это вы там про «зарезали», про «руку»? Демагогией мы вам заниматься не позволим.

— Да это я разволновался. У меня, видите ли, жизнь…

— «Пропала», да? Слышали, слышали и это. Мечтаете «у камина сидеть». А вы в своей жизни хоть одну печку сложили? Месили глину, таскали кирпичи? «В этой жизни помереть не трудно, сделать жизнь значительно трудней». Что же вы обижаетесь, что вас «определили работать ничтожеством»? Во-первых, у нас любой труд почётен, а во-вторых…

— Ой, отпустите меня, а, отпустите. Какое вам дело, я умру и всё. Не всё ли равно, где я умру?

— А во-вторых, пожалуйста: «твори, выдумывай, пробуй». «Сто путей, сто дорог». Хочешь «не ничтожеством» — так покажи себя в деле, докажи, на что ты способен… Да ни на что ты не способен. Можешь только исподтишка издеваться над людьми. Ещё такие вот обижаются, понимаешь, «не любят их». А за что тебя любить-то? Хлюпик.

— Ну и отпустите.

— Отпусти-ить? Отец у тебя, говоришь? говоришь, «ничтожество»? — так знай: это всё только начало ещё, тебе ещё жить и жить. Это всё пока, как это там… прелюдия. Вообще «лучшая часть твоей жизни».

670

← Предыдущее, следующее →

670. Примечание к № 669

Ещё мечта: написать о своём детстве через книги. Какие я в детстве книги и журналы читал (к цитате)

Миф должен быть прост, обычен. Глубочайшая ошибка считать миф чем-то экстраординарным, резко выделенным. Нет, миф — фон. Наоборот, гибель мифа начинается с ощущения неестественности происходящего. Познать миф, овладеть им — увидеть необычное в обычном, даже максимально необычное, метафизическое, в максимально обычном, максимально обыденном, максимально физическом.

Даниил Андреев в «Розе мира» писал о мудгабрах, шрастрах, сакуалах, сиайрах, каррохах, раруггах, чрольнах и тому подобных «чудестах». Андрееву казалось, что это и есть мистическое и мифологическое постижение мира. Удивительная наивность! Создать миф невозможно. Можно лишь выскользнуть из него. И то лишь отчасти, и лишь из некоторых его измерений, и лишь как случайность, изгиб судьбы. И догадывание о мифе есть не причина выхода из него — следствие. Вдруг в обыденном, зауряднейшем, видишь фантастику.

Мне, маленькому школьнику, давали по 20 к. на завтрак. А я однажды купил на эти деньги номер «Техники — молодёжи». Сам. И это была первая моя осмысленная покупка. И потом до конца школы я этими журналами, их покупкой и чтением, ЖИЛ. Почему, зачем. Вот миф. Само время отсчитывалось номерами журналов. Упорядочивалось их аккуратным складыванием в стопки. Разрывалось — их катастрофической нехваткой (все комплекты разрозненные). Для меня это Троя, золото Рейна. Такой мизер, мусор, но ведь и я не планета, не народ и не титан — маленький двоечник. И в сравнительном масштабе — тоже миф. Часть мифа, его конкретная плоскость. Вот так, покупал журналы и это было фантастичнее каррохов и раруггов.

Вообще миф жив. И умирает. Рассказ, даже про раруггов, мёртв. И никогда не оживёт. Он может жить сам по себе, вне воли автора, как миф, конкретное осуществление мифа. Но совершенно вне воли автора. Даже чем больше усиливается автор его оживить, тем более он мертвеет.

671

← Предыдущее, следующее →

671. Примечание к № 426
к 2024 году останутся… И они миф создадут (к цитате)

Необходим масонский коррелят к советскому антихристианству. То есть «хорошее масонство». Тогда это будет естественное общество. Тайное, эзотерическое учение, использующее социализм как оболочку.

На чём же держится сейчас социалистическая религия? (682) На 10 тысячах фанатиков. Остальное — масса. И на этих 10 тысячах «праведников» всё держится. «Прагматик», «карьерист» в духовном смысле всегда фигура второстепенная, неинтересная. Важна, таким образом, дополнительная эволюция идеологии, а не её деградация. (Хотя, с точки зрения практической, видно второе и главное — второе. Но в данном случае интересен миф и далёкое будущее.)

Указание на будущее — в незаконченности советской идеологии. Мумификация Ленина. Зачем? Биокосмическую подоплёку и ту забыли. А должна быть дополняющая дешифровка (700). Вообще дешифровка всей символики и истории. Округлить, довершить миф Ленина (706). Избавление и создание — одно и то же. Окончательное избавление — окончательное создание — окончательная власть над созданным.

Реально всё равно компромисс. Но важна идея. Власть над идеей, возможная для человека, — разумное сосуществование с ней. Собственно, цивилизация — это форма существования в идеологическом мире, в мире идей. Например, существование с идеей смерти.

672

← Предыдущее, следующее →

672. Примечание к № 651
Из дурачков же вербуются и «теоретики» (к цитате)

Чехов назвал Михайловского «ненастоящим философом и настоящим социолого-наркотистом». Фигура Михайловского по своему безобразию уже близка к Ильичу (681).

Бунин записал в дневник чью-то реплику о красноармейце:

«Его самогоном надуют, дадут папирос, — он отца родного угробит».

Вот и Михайловский, за «марафетик». А как же? Ну, представьте себе: человек влюбился в люстру. Такой экзотический вид фетишизма может встретиться, ну, два, ну, пять раз на миллион. А тут вдруг эпидемия «люстризма». Значит, направляют, «сводят». Ведь идеология народничества — это «люстризм». А за «самогон и папиросы» можно. Трудно, но можно.

Иначе и объяснить нельзя.

673

← Предыдущее, следующее →

673. Примечание к № 639

Говорят, «Барбаросса» был авантюристичным планом. В том-то и дело, что нет. (к цитате)

Гейден писал в 1932 году:

«У Гитлера нет твёрдой воли… Люди инстинкта — обычно холодные и сдержанные люди, ибо инстинкт говорит неслышным голосом. Гитлер же, напротив, при малейшем поводе теряет самообладание и орёт… Хуже всего то, что Гитлер, по-видимому, искренне верит в свой пророческий дар — в этом сказывается вся наивность человека, в глубине души — неполитика, считающего удачные политические пророчества не игрой в лото, а результатом политической дальновидности… Есть старый каламбур: кто желает делать политические предсказания, тот должен тщательно взвесить все наличные обстоятельства, сделать вывод по всем правилам строгой логики, а после этого принять за истину прямо противоположное. Из этих трёх предпосылок Гитлер выполняет только вторую. Для первой у него не хватает терпения, для третьей — мудрости».

Пожалуй, так. Три европейских народа, постоянно терпящих поражения в своих политических расчётах: у немцев хромает 1 и 3 пункт, у евреев — 2 и 3, а у русских — 1 и 2.

674

← Предыдущее, следующее →

674. Примечание к № 645
чудак перестарался и сломал мне руку (к цитате)

В результате я остался в 9-ом классе. Свидетельство о восьмилетнем образовании всё же мне оформили соответствующее:

СВИДЕТЕЛЬСТВО О ВОСЬМИЛЕТНЕМ ОБРАЗОВАНИИ
Настоящее свидетельство выдано Одинокову в том, что он окончил восемь классов и обнаружил при удовлетв. поведении следующие знания:
по русскому языку: 3 (удовлетв.)
по русской литературе: 3 (удовлетв.)
по алгебре: 3 (удовлетв.)
по геометрии: 3 (удовлетв.)
по истории: 3 (удовлетв.)
по географии: 3 (удовлетв.)
по физике: 3 (удовлетв.)
по химии: 3 (удовлетв.)
по биологии: 3 (удовлетв.)
по иностр. языку (немецкий): 3 (удовлетв.)
по черчению: 3 (удовлетв.)
по пению: зачёт
по рисованию: 3 (удовлетв.)
по физической культуре: —
по трудовому обучению: 3 (удовлетв.)
Директор школы В. Розанова (693)

Педагогический коллектив воспринимал моё появление в 9 классе как досадную накладку и продолжал травить уже просто так, бесцельно. По инерции. Вяло, но постоянно. Учительница русского языка и литературы сказала:

— Ну, вот Одиноков, я не понимаю, что за человек. Вчера на педсовете сказали — у всех ребят в классе есть какой-нибудь талант: один рисует, второй музыкой увлекается, третий по математике, четвёртый интересуется техникой. А этот: ни Богу свечка, ни чёрту кочерга.

А класс хором:

— Почему, Одиноков стреляет хорошо.

Неделю назад водили на стрельбище и я отличился.

Видел я плохо. Мишень в 100 метрах расплывалась серым пятнышком. Из винтовки я никогда раньше не стрелял. Но ведь 10 лет охоты в пластилиновых джунглях что-нибудь значат. Я все пули послал в яблочко, но потом мне часто снился неприятный сон (все сны, связанные со школой, неприятны): школа становилась пластилиновой, жутко переплеталась с игровым столом. Игра становилась слишком серьёзной и не приносила облегчения, я превращался в пластилинового муравья.

675

← Предыдущее, следующее →

675. Примечание к № 649

Цит. по сборнику документов «Советско-германские отношения» (к цитате)

В сборнике опубликован целый ряд достаточно интересных материалов из архивов ГДР. Например, документ № 149: запись совещания кайзера Вильгельма II с представителями имперского правительства и Верховного главнокомандующего в Гамбурге 13.02.1918 г. Вильгельм, обсуждая вопрос о переговорах с Троцким, в конце совещания заметил:

«Русский народ выдан на месть евреям, которые связаны со всеми евреями мира. Т. е. масоны».

Реплика Вильгельма II, конечно, свидетельствует о полном непонимании событий, происходящих в России. Германский император был неизмеримо хуже информирован о революции, чем простой питерский рабочий или тамбовский крестьянин.

Вообще умиляет формулировка: «Имярек не понял революцию». Как правило, она применяется к реабилитированным или полуреабилитированным деятелям культуры. «Бунин не понял революции». Крестьяне и рабочие «поняли», а писатели, художники и учёные «не поняли». Ума не хватило.

И самое интересное, что и сейчас на Западе не понимают, что русские, по крайней мере, уже лет 20 как ПОНЯЛИ. Поэтому в пропаганде, направленной на Россию, в способах контакта с русским миром — целая цепь всё более грубых ошибок. В общем, ситуация уже испорчена почти непоправимо. Европейцы совершенно не видят бездны ненависти, отделяющей русских от них. Именно в России вызревает самая страшная угроза современному миропорядку (688). Не военная и не политическая — духовная.

676

← Предыдущее, следующее →

676. Примечание к № 640

«атеизм, дарвинизм, московские колокола» (Ф. Достоевский) (к цитате)

Ленин говорил:

«В некоторых местах скоро колокола будут добровольно перелиты на медную проволоку для электростанции. Кроме того, сейчас их в России так много, что они едва ли служат своему прямому назначению для религиозных людей, потому что надобность в этом миновала (в этой же речи на X конференции РКП(б) Ленин говорил, что вместо икон крестьянам нужно продавать помаду. — О.)».

Как тут не вспомнить «Село Степанчиково» Достоевского. Бедный полковник говорит об Опискине:

«Кажется, о производительных силах каких-то пишет, — сам говорил. Это, верно, что-нибудь из политики. Да, грянет и его имя!»

И «грянуло»:

«Мало-помалу Фома стал вмешиваться в управление имением и давать мудрые советы (686). Эти мудрые советы были ужасны. Крестьяне скоро поняли, в чём дело и кто настоящий господин, и сильно почёсывали затылки (694)… Фома ещё прежде объявил, что любит поговорить с умным русским мужичком. И вот раз он зашёл на гумно; поговорив с мужичками о хозяйстве, хотя сам не умел отличить овса от пшеницы, сладко потолковав о священных обязанностях крестьянина к господину, коснувшись слегка электричества и разделения труда, в чём, разумеется, не понимал ни строчки, растолковав своим слушателям, каким образом земля ходит около солнца, и, наконец, совершенно умилившись душой от собственного красноречия, он заговорил о министрах».

Писано это в 1857 году. И гораздо позднее, через многие десятилетия, заметили, что Фома Опискин — это карикатура на Гоголя (его манера поведения и мысли из «Выбранных мест»).

677

← Предыдущее, следующее →

677. Примечание к с. 69 «Бесконечного тупика»
«прилагательное „славный“ сливается с именем племени — „славяне“» (В. Розанов) (к цитате)

Мне кажется, что «славяне» произошли от «слова» (689) (ср. «словаки», «словенцы»). Славяне — те, кто обладает словом. Соответственно, окружающие их племена — «немцы», немые. Других примеров в истории, кажется, нет. Эллинское «варвары» совсем другое. Не немые, а «бурчащие», «тараторящие». И сами эллины, народ столь любящий поговорить, всё же не отважилась назвать себя «логосами».

678

← Предыдущее, следующее →

678. Примечание к № 652

к власти в России пришли журналисты, «литераторы» (к цитате)

Указывая в начале НЭПа на необходимость изменения самой психологии высшего партруководства, Ленин писал:

«Основной принцип „производственного воспитания“, воспитания НАС САМИХ, старых нелегальщиков и профессиональных журналистов, состоит в том, чтобы мы сами брались и других учили браться за внимательнейшее и подробнейшее изучение нашего собственного опыта…»

Стоит ли говорить, что «изучение собственного опыта» вещь для журналиста логически противоречивая, заранее обречённая на провал.

Розанов поражался пошлости похорон Толстого:

«Поразительно, что к гробу Толстого сбежались все Добчинские со всей России … О Толстом никто не помнил: каждый сюда бежал, чтобы вскочить на кафедру и, что-то проболтав, — всё равно, что, — ткнуть перстом в грудь и сказать: вот я, Добчинский, живу; современник вам и Толстому».

И далее:

«Добчинского, если бы он жил в более „граждански развитую эпоху“, — и представить нельзя иначе, как журналистом, или, ещё правильнее — стоящим во главе „литературно-политического“ журнала; а НОЗДРЁВ писал бы у него передовицы… Это — в тихое время; в бурное — Добчинский бегал бы с прокламациями, а Ноздрёв был бы „за Родичева“. И кто знает, вдвоём не совершили ли бы они переворота? „Не боги горшки обжигают“».

И какая же политическая программа может быть у «литераторов»?

*«Сатана соблазнил Папу ВЛАСТЬЮ; а литературу он же соблазнил славою… Но уже Герострат указал самый верный путь к „сохранению имени в потомстве“… И литература, которая только и живёт тревогою о „сохранении имени в потомстве“ (Добчинский) — естественно уже к нашим дням, т. е. „пока ещё

цветочки“, — пронизалась вся Геростратами.

Ни для кого так не легко сжечь Рим, как для Добчинского. Катилина задумается. Манилов — пожалеет; Собакевич — не поворотится; но Добчинский поспешит со всех ног: „Боже! да ведь Рим только и ждал МЕНЯ, а я именно и родился, чтобы сжечь Рим: смотри публика, и запоминай МОЁ ИМЯ“.

Сущность литературы… самая её душа… „душенька“».

«Литератор» — рассказчик. Ну, а что рассказывать, что самое интересное? — Разные «жуткие истории». Это в корне, в основе. Почему детектив столь презренный жанр литературы? Да потому, что это её голая физиология, её животный костяк. Детектив — обезьяна литературы. Придавая столь исключительное значение литературе, нация свою историю неизбежно сводит к детективу. Теперь, в конце концов, русский может сидеть на любой вечеринке с блаженной самодовольной улыбкой. Что ему все эти иностранные рассказчики. Вот сейчас он заговорит о русской истории XX века, и слушатели будут рыдать. Слезы ужаса перед глубиной человеческого падения и слёзы восторга перед высотами человеческого благородства и стойкости брызнут у них из глаз. И будут они просить ещё, ещё. И рассказчик, плавая в бланманже всеобщего благоговейного интереса, будет говорить снова и снова, лишь изредка прерываясь, чтобы подковырнуть вилкой кусок балыка или «откурировать» запотевший графинчик.

И ведь прав. Выбежать вперёд, завизжав, вцепиться ему в глотку — 60 миллионов «для сюжета» умучили — глупо, пошло. Никто не виноват. Все и никто. «Так растём». Кто-то посадил, полил из лейки, и такой мир вырос. Переделать его нельзя. КОМУ переделать МИР. Я сам в нём живу. Это ФАТУМ.

679

← Предыдущее, следующее →

679. Примечание к № 638

«Я весь расслабленный, ни на что не годный паразит». (Л. Толстой) (к цитате)

Но, конечно, апофеозом смирения «расслабленного паразита» было издевательское письмо Александру III, в котором Толстой советовал сыну простить и отпустить на все четыре стороны убийц его отца, так как они убили из благих побуждений, чтобы жизнь была зажиточной.

Письмо начиналось так:

«Я, ничтожный, не призванный и слабый, плохой человек, пишу русскому императору и советую ему, что ему делать в самых сложных, трудных обстоятельствах, которые когда-либо бывали».

680

← Предыдущее, следующее →

680. Примечание к № 579

Как же русскому осмыслить «постельный опыт»? Вульгарной и бессмысленной стилизацией. (к цитате)

Стилизация переполняет письма Чехова к жене:

«Милюся моя; бабуся милая; философка, умственная женщина; Оля моя хорошая, крокодил души моей; дуся моя (это типовое прозвище. — О.)*; ангел мой, жидовочка; актриска; милая моя собака; милая пьяница; эксплуататорша души моей; мамуся моя дивная; Книпшиц милая; бедная моя девчуша; лютераночка; собака Олька; милый мой пёсик; дюсик мой; целую тебя 1013212 раз; моя немчуша; милая Книппуша; „дуська“; пупсик милый; балбесик; карапузик мой; Книпперуша; замухрышка; крокодильчик мой; попугайчик, Олюха; забулдыга; мейн лиебер хунд; Зюзик; зузуля; жена-цаца; дуся моя насекомая; жулик мой милый; моя палочка; окунь мой; каракуля моя; делаю сальто мортале на твоей кровати, становлюсь вверх ногами и, подхватив тебя, переворачиваюсь несколько раз и, подбросив тебя до потолка, подхватываю и целую; целую тебя, подбрасываю вверх, потом ловлю и, перевернув в воздухе неприлично, обнимаю, подбрасываю; мордуся моя милая; светик мой, мордочка; переворачиваю, поднимаю вверх за ногу, потом за плечи, обнимаю тысячу раз; дворняжка; пёсик лютый; кринолинчик мой милый; замухрыша; цапля; пузик, Фомка; целую и треплю мою собаку, дёргаю за хвостик, за уши; ну, бабуля моя, обнимаю тебя и, обнявши, начинаю прыгать по комнате, потом целую в шейку, в спинку и щёлкаю по носу, дусик мой; таракаша (683); немочка моя Книппа, целую мою птицу, дёргаю за носик, за лапки; милая моя лошадка; лошадиная моя собачка; целую тебя, лошадка, хлопаю, трогаю за нос; цуцык; необычайная жена моя, хорошенькая, гладенькая лошадка; целую тебя, обнимаю, хлопаю по спинке и делаю всё то, что законному мужу дозволяется делать; целую таракашку, будь весёленькой; закручиваю тебе хвостик, лошадка, индюшечка; козявка; немецкая лошадка, начальница; дудочка; собачка моя заморская, удивительная, кашалотик мой милый; лягушечка моя; комарик, собачик; коноплянoчка; зяблик».*

Все это как две капли воды напоминает Ивана Петровича Туркина из чеховского «Ионыча», который:

«Всё время говорил на своём необыкновенном языке, выработанном долгими упражнениями в остроумии (726) и, очевидно, давно уже вошедшем у него в привычку: большинский, недурственно, покорчило вас благодарю…»

Бедная немка нарвалась на русского гения, то есть на большого русского, русского в его развитии… И стала постепенно догадываться, что что-то «не то». Чехов отвечал ей:

«Ты пишешь: „ведь у тебя любящее, нежное сердце, зачем ты делаешь его чёрствым?“ А когда я делал его чёрствым? В чём, собственно, я выказал эту свою чёрствость? Мое сердце всегда тебя любило и было нежно к тебе, и никогда я от тебя этого не скрывал, никогда, никогда, и ты обвиняешь меня в чёрствости просто так, здорово живёшь. По письму твоему судя в общем, ты хочешь и ждёшь какого-то объяснения, какого-то длинного разговора — с серьёзными лицами, с серьёзными последствиями; а я не знаю, что сказать тебе, кроме одного, что я уже говорил тебе 10000 раз и буду говорить, вероятно, ещё долго, т. е. что я тебя люблю — и больше ничего…»

681

← Предыдущее, следующее →

681. Примечание к № 672

Фигура Михайловского по своему безобразию уже близка к Ильичу. (к цитате)

Вот статья ученика Михайловского, подчёркнуто копирующая фразеологию Учителя и поэтому удивительно характерная. Это, так сказать, «идеальный Михайловский»:

«(Чехов создал в „Трёх сестрах“) грандиозную по размерам, но скудную по содержанию эпопею животнорастений».

И далее:

«Само собой понятно, что вам нечего обращаться с моральной проповедью идейной деятельности к колониям этих полипов в целом. Вам приходится намечать в этой среде лишь тех ещё не приспособившихся особей, которые, подобно трём сёстрам … хоть до некоторой степени, но страдают неудовлетворённостью … тянутся хотя бы сидя на коралловой ножке…»

Люди — полипы. Это даже не насекомые. И из этих полипов «приходится намечать особей». Чувствуете, какой гуманизм духовитый. Чехов пророчески сказал обо всех этих «гуманистах»:

«Погодите… Под флагом науки, искусства и угнетаемого свободомыслия у нас на Руси будут царить такие жабы и крокодилы, каких не знавала даже Испания во времена инквизиции. Вот Вы увидите! Узкость, большие претензии, чрезмерное самолюбие и полное отсутствие литературной и общественной совести сделают своё дело».

682

← Предыдущее, следующее →

682. Примечание к № 671

На чём же держится сейчас социалистическая религия? (к цитате)

В ней больше всего поражает не то, что её сторонники религиозны совершенно бессознательно, то есть очень древне религиозны, язычески религиозны. Нет, не этот атавизм, замаскированный новой фразеологией, наиболее удивителен. Удивительно то, что противники этой религии, во-первых, обвиняют социализм в том, что он религия, и, во-вторых, не могут отнестись к социализму как действительно к религии. В частности, совершенно не понимается, что к 1953–56 гг. коммунизм прошёл активный, героический этап, столь характерный для всех религиозных систем (эпоха Магомета в мусульманстве, Израильского царства в иудаизме, мученичества в христианстве). Активная сила коммунизма исчерпана, но это никак не банкротство. Наоборот, дальнейшее развитие социализма/коммунизма будет осуществляться столетиями. Впереди эпоха постепенного развития потенциала неоязычества. И на то, что впереди ещё социализму жить и жить, указывает то, что официальная каноническая история социализма разработала эпоху «бури и натиска» лишь на 1/1000. Впереди ещё сотни биографий, фактов, совершенно особые ответвления и ереси. То есть громадный потенциал развития, интерпретации. Развития и интерпретации в рамках социализма, в рамках мифа.

683

← Предыдущее, следующее →

683. Примечание к № 680
«дуся моя насекомая … таракаша» (А. Чехов) (к цитате)

Постельная эстетика XIX века — собачий вальс. Кроватные манипуляции, проделываемые под эту музыку. В XX веке эротичная бытовая музыка — джаз, рок, диско — выражение крайне низкой, но все же биологической (животной) жизни. А в XIX веке — «толкастика». Механическая полька-бабочка. Спаривание насекомых. Чехов говорил об «известных отношениях»: «тараканить». «Сладострастное насекомое» — устойчивое словосочетание второй половины прошлого века. Но разве НАСЕКОМОЕ сладострастно? Это механизм — бесстрастный, тупой, научный.

А жуткое нижнее белье XIX века, эти подштанники до колен…

Другая сторона — торжественная пошлость канкана, этого секс-марша. Многие «революционные» песни написаны в той же манере. «Варшавянка» — это революционный канкан. «Бодро и смело».

Уже элементарных познаний в современной психологии достаточно, чтобы понять, что всё это и должно было кончиться мировыми войнами.

684

← Предыдущее, следующее →

684. Примечание к № 579

«Я думала, что Ленин только серьёзные книжки читает». (Н. Крупская) (к цитате)

Одна из товарок Крупской вспоминала:

«Слушать её всегда было наслаждением. О чём бы она ни говорила, всегда говорила не книжными, а своими словами. Мне запомнились в её устах выражения: „силешки“, „дитюша“, „пролетарий достоподлинный“. Часто подтрунивала над собою: „Вид у меня селёдочный“, „Я тогда была непишучая“».

685

← Предыдущее, следующее →

685. Примечание к № 652

Чёрность и чёрность, чёрность и чёрность, чёрность и чёрная чёрность (к цитате)

Ленин писал:

«Нас упрекают за то, что мы „вдалбливаем“ упорно одни и те же лозунги. Мы считаем этот упрёк за комплимент… Мы должны миллионы и миллиарды раз повторять…»

686

← Предыдущее, следующее →

686. Примечание к № 676

«Мало-помалу Фома стал вмешиваться в управление имением и давать мудрые советы». (Ф. Достоевский) (к цитате)

П. Мальков, первый комендант Кремля, вспоминал:

«Как-то во время ночной прогулки Владимир Ильич заметил, что в некоторых квартирах поздно горит свет. Утром вызывает меня. — Возьмите бумагу, ночью проверьте и запишите, кто свет напрасно жжёт, напрасно, понимаете? Зря, без нужды. Электричество у них выключите, а список мне дадите, мы их взгреем, чтоб даром энергию не расходовали».

Это всё на ходу так, импровизация. Кинули окурок в подъезде, и вдруг откуда-то разъярённая харя:

— Ты что ж это, сволочь, делаешь. А ещё очки одел. «Учёный». Соображать надо. Пять миллиардов живёт, в газете писали. Если каждая тварь по окурку бросит, это пять миллиардов окурков. Ядерная зима начнётся, мать твою так-распротак!

Однажды шёл по дорожке в Горках, вдруг видит: кто-то дерево рубит. И тут сразу пинки, радостный визг (690). Старый большевик Мещеряков вспоминал:

«Из-за этого дерева он поднял целый скандал. Нашли виноватого (работника совхоза, которому было приказано выбраковывать больные деревья. — О.). *„А ты сам вырастил хоть одно такое дерево? … А сколько было труда положено на него, сколько оно росло? Посадите его под арест“. В конце концов удалось убедить Владимира Ильича, что он ошибается, что дерево было … сухое».*

В первом случае, в случае с почти бросовым ночью электричеством, убедить не удалось, и Бунин записал в дневнике:

«Вечером почти весь город в темноте: новое издевательство, новый декрет — не сметь зажигать электричества, хотя оно есть. А керосину, свечей не достанешь нигде, и вот только кое-где видны сквозь ставни убогие, сумрачные огоньки: коптят самодельные каганцы».

Ленинская «мудрость», миллионнократно повторенная в советских пенсионерах-доминошниках:

«Письмо в „Правду“. Иду я мимо детсада, а там мячик гадёныши щёлк-щёлк об стену. А им тряпки выдать и пускай мочу в уборных вытирают. А то серить это они мастера. Пусть к труду с детства приучаются. И нянечки высвободятся».

687

← Предыдущее, следующее →

687. Примечание к № 651

У Успенского … ещё были какие-то проблески таланта (к цитате)

В его очерках о крестьянской жизни попадаются удивительно точные штрихи. Хотя бы знаменитое обращение к «зажившемуся» старичку:

«Ну, старичок господний, силов у тебя нету, платить в казну тебе невмоготу; приходится тебе, старичку приятному, пожалуй что, и слезать с земли-то… Так-то… потому молодых ребят надыть на землю сажать, а тебе бы, старичку, тихим бы, например, манером, ежели говорить примерно, и помирать бы в самый раз… Так то».

Разве бы Михайловский, поперечноротый интеллигент, смог бы подметить такое? У него какая-то теория была, вроде «полового авторитета» из пьяного письма Чехова (Антон Павлович написал в молодости). Но Михайловский вполне серьёзно, годами её разрабатывал, и там у него какие-то «практические типы»: рыбы, летучие мыши — это «приспособившиеся» мещане, и «идеальные типы» — это поперечноротые. Они эволюционируют, и это интеллигенция. (Я не утрирую.) Потом что асцидии по типу развития в определённой степени выше человека, так как они гермафродитны, так же как мужик в определённой степени выше интеллигента. Если мужика и интеллигента высадить на необитаемый остров, то мужик окажется более приспособленным. (Опять же подчёркиваю, что в отличие от Салтыкова-Щедрина Михайловский писал всё это СЕРЬЁЗНО. И печатали. И расходилось сказочными тиражами.)

688

← Предыдущее, следующее →

688. Примечание к № 675

Именно в России вызревает самая страшная угроза современному миропорядку. (к цитате)

Необходимо окультурить ненависть. Придать ненависти относительно разумные и культурные формы. Лишить ненависть разрушительной динамики.

689

← Предыдущее, следующее →

689. Примечание к № 677
Мне кажется, что «славяне» произошли от «слова» (к цитате)

А «слово» от «лов», «улов», «ловкость», «ловец». «Ловушка».

690

← Предыдущее, следующее →

690. Примечание к № 686

И тут сразу пинки, радостный визг. (к цитате)

Из воспоминаний «Штрихи великого портрета» управляющего делами СТО В. Смольянинова:

«Председатель правления Гос. банка направился к двери, но был остановлен резким окриком Ильича:

— Вернитесь! Сядьте! Кто вы такой? Откуда у вас эта чванливость, эти повадки вельможи? Народ посадил вас в государственное кресло. Но он же, народ, может и дать вам пинка…» (696)

Розанов сказал, что Ленин неприятен, а еврей Нахамкис-Стеклов по сравнению с ним умён, серьёзен, красив.

Но ведь и Иуда был удивительно красив. «Красота спасёт мир». Почему булгаковский Воланд «хороший»? Да потому, что он Антихрист в царстве Антихриста. 13 апостол антихриста — Розанов. Русский Иуда, Антииуда. И чтобы стать антииудой, он должен был изменить мир, сделать его царством антихриста. Чтобы было что продавать, чтобы в самом предательстве найти нравственную опору. Не целуя убивать, а убивать целуя.

Розанов — это гениальный русский предатель (711). Неслыханный цинизм, перешедший в абсолютную светлую искренность. Розанов настолько лжив, что это превращается в высшую правду. То есть он настолько правдив, что даже лжив: не хочет «согласовывать» свои мнения, превращается в несогласуемое наречие. И при всём этом какая способность к трансформации. Он и в послереволюционное время стал выворачиваться на глазах багровеющим осьминогом. Василия Васильевича легко представить в эмиграции. Не могу его только представить замолчавшим. Чтобы он не вывернулся. Только если смерть. Даже к параличу его жилистый, упругий мозг начинал приспосабливаться. У него и тем никаких не было. Какие темы? Обыденные — болезнь жены, воспитание детей. Это общее у всех. А все якобы розановские темы — эротика, антисемитизм, — столь резко отличающие его от других русских философов, он просто подобрал, как раковину рак-отшельник (718). У него не было тем. И Розанов писал «на публику». А. Ф. Лосев сказал о Василии Василье-

виче:

«Розанов — человек, который всё понимает и ни во что не верит… Есть этот ощущаемый им факт на самом деле или нет — его это не интересует. Истинен этот факт или неистинен — его совершенно не интересует, а вот ощущение и вообще переживание этого факта его интересует … Он ведь кончил классическое отделение! Он специалист по древним языкам … но потом он всё это забросил… А когда, через много лет, его спросили: „Вы что же, забыли античность?“ Он говорит: „Не-е-ет! Почему-у-у-у? Античность меня интересует“. — „А чем же вас интересует античность?“ — „Она вся проникнута ароматом мужского семени!“ Вот тебе Розанов. Значит, сама по себе античность его не интересует, а чем она ПАХНЕТ, его интересует. Если она пахнет чем-нибудь таким необычным, он будет говорить: чем необычнее, тем лучше».

Важна не тема, важна чисто русская интерпретация-проворачивание, с языком от удовольствия (723). Это эстетизм. Соловьёв совсем не эстетичен. Стал в 90-х годах «защищать евреев». А это неинтересно. Неостроумно. Если бы он был юдофилом в эпоху вакханалии погромов, да не опереточных русских, а настоящих, серьёзных, немецких. Это было бы по крайней мере благородно. Или защитил их во время упивания властью и азиатской злобой мщения, как Розанов в 1918. Это было бы необычно, оригинально. А так… Прочёл по подсунутой бумажке: «Слава КПСС!»

691

← Предыдущее, следующее →

691. Примечание к № 645

Я увидел совсем иной ритм своей жизни, лишь маскируемый микроскопическим дрожанием сиюминутного уровня. (к цитате)

В 17 лет я встретил человека, который сыграл огромную роль в моей жизни. Это был знакомый отца, логик, окончивший аспирантуру МГУ. Он был такой добрый, спокойный, благородный. Высокий, в строгой тройке, он носил аккуратно подстриженную бородку и курил трубку. И он сказал, что я умён и вообще удивительный. Это была Санкция. В первый раз в жизни мне сказали такое, и кто сказал — человек, социальный и духовный статус которого был в моих глазах необычайно высок. В известном смысле это мой крёстный отец. Потом я его во многих отношениях довольно быстро обогнал. Карьера его не сложилась, и он уехал в провинцию, но иногда приезжал в Москву и мы встречались 1–2 раза в год. Это был единственный человек, который проник в моё внутреннее «я» в эпоху страшного переживания собственной обречённости, и, конечно, это не могло пройти ему даром. Мне было 22 года. Мы встретились в очередной раз. Помню, я всё говорил, что никто никому не нужен, что если он упадёт и разобьёт себе голову об асфальт, все будут проходить мимо и т. д. Он же всё спорил, успокаивал меня. Как-то беседа подошла к теме руки, и я ему рассказал эту историю. Но в чисто социальном плане. Как комсомольца этого, невинно пострадавшего от какого-то Одинокова, школа премировала туристической поездкой в ГДР и т. п. смехотворные вещи. Это была лёгкая, полушутливая часть беседы. А он и говорит: «Вот совпадение какое, я этим летом сломал себе руку и провалялся месяц в больнице». Нужно было уже прощаться, я ему пожал руку и улыбнулся: «Ну, смотрите, не сломайте ногу». Он тоже улыбнулся: «А ты язва». На следующий день этот обречённый пошёл на вечеринку, немного выпил (кстати, в беседе я вентилировал и вопрос о пьянстве) и поскользнулся на гололёде. И сломал ногу. Он перепугался, что его в нетрезвом виде ещё, чего доброго, заберут в вытрезвитель, а у него только мой телефон был. Он позвонил мне, подошла мать. Она его знала. Он ей стал объяснять, в чём дело, а она: «Нечего его (то есть меня) беспоко-

ить». И трубку положила. Мне же ничего не сказала. Он потом в больнице два месяца пролежал. А я и не знал. И после этого мы ещё встретились через год, он рассказал историю (но без матери, это я отдельно выяснил), но как-то меня бояться стал или просто подумал, что я знал обо всём и не навестил его. В общем, трещина какая-то возникла. К тому же я его совсем обогнал интеллектуально.

Меня не оставляет мысль — в какой степени я лично виноват в произошедшем? Кто я здесь — тоже жертва или…

Впоследствии моё мировосприятие сильно помягчело, стало глубже и тише, и такие «совпадения», происходящие ПОСТОЯННО, в основном переходят во всякого рода смешные вещи, разрешаются фарсом (к чему я и стремлюсь вполне сознательно). Но всегда это производит на меня более чем тягостное впечатление, и я стараюсь ни в коем случае не думать об этом. Возможно, просто моя рука попала в колесо языка. Накал же злобной проявленности со временем развеялся. Тогда я лишь соучастник, орудие.

692

← Предыдущее, следующее →

692. Примечание к № 640

«А впрочем, похвалите, похвалите, я ведь это ужасно люблю». (Ф. Достоевский) (к цитате)

Кюстин — болтун, дилетант — нагородил в своих записках о России кучу глупостей. Однако кое-что подметил удивительно верно, удивительно зорко и зло. Особенно русское чиновничество, русское отношение к природе и власти.

Но не это главнее. Главное, что подметил Кюстин, это особую ласковость и обаятельность русских. И это наиболее глубокая, умная и злая страница в его книге:

«Когда русские хотят быть любезными, они становятся обаятельными. И вы делаетесь жертвой их чар, вопреки своей воле, вопреки всем предубеждениям. Сначала вы не замечаете, как попадаете в их сети, а позже уже не можете и не хотите от них избавиться. Выразить словами, в чём именно заключается их обаяние, невозможно. Могу только сказать, что это таинственное „нечто“ является врождённым… Такая обаятельность одаряет русских могучей властью над сердцами людей. Пока вы находитесь в их обществе, вы порабощены всецело. И обаяние тем сильнее, что вы убеждены, будто вы для них — всё то, чем они являются для вас. Вы забываете о времени, о свете, о делах, об обязанностях, об удовольствиях. Ничто не существует, кроме настоящего мгновения, никого, кроме того лица, с кем вы в данную минуту разговариваете и кого вы всем сердцем любите. Желание нравиться, доведённое до таких пределов, неизменно одерживает победу. Но желание это совершенно естественно и отнюдь не может быть названо фальшью. Это природный талант, который инстинктивно стремится к проявлению. Чтобы продлить иллюзию, быть может, нужно сделать только одно — остаться, не уходить. Но, с отъездом, исчезает всё, кроме воспоминания, которое вы уносите с собою. Уезжайте, уезжайте скорее — это наилучший исход. Русские — первые актёры в мире. Их искусство тем выше, что они не нуждаются в сценических подмостках… Вас забывают, едва успев распрощаться».

Доведённое до пределов стремление нравиться приводит

к полному неумению не нравиться. Или нравиться, или никак не общаться. Но отношения между людьми и построены на этом «никак». Поэтому европейское «никак» добродушное, вежливое, русское — злое, сердито насупленное.

На конце оба типа русского общения сходятся (ибо и то и другое лишь модификации бессмысленного стремления к власти): обаятельный палач, красующийся своей профессиональной ловкостью перед жертвой и тут же заканчивающий диалог официальной развязкой.

Ошибка иностранца в том, что он принимает радушие за доброту, хотя само по себе русское радушие легко переходит в издевательство или — в другую сторону — в сглаз.

Ошибка русского в том, что он принимает доброту и сочувствие европейца за радушие и удивляется «почему так мало». Мало, зато искренне. Точнее, искренность европейца твёрже. У европейцев существует понятие «заботы» (особенно у немцев — «зорген»). Это очень глубокое и серьёзное слово. По-русски значение то же, но в 100 раз слабее, да и вообще есть оттенок пренебрежения: «вот не было заботы».

Отсутствие заботы — это не легкомыслие, не «ветренность». (Некоторые европейские народы гораздо легкомысленнее и ветреннее). Тут различие гораздо серьёзнее. Тут иное отношение к другому «я», другой личности. Более поверхностное, более жестокое.

693

← Предыдущее, следующее →

693. Примечание к № 674
Директор школы В. Розанова (к цитате)

Розанов писал в самом конце «Уединённого»:

«Отчего же я так задыхаюсь, когда говорят об „общественности“? А вот точно говорят о перелёте галок. „Полетели к северу“, „полетели к югу“. Или: „люди идут к целям“: но я знаю, что всякое „идут“ обусловлено ДОРОГОЙ, а не тем, КТО „идут“. И вот отчего так скучны эти галчата. И потом — я не выношу самого шума. А где галки — всегда крик».

694

← Предыдущее, следующее →

694. Примечание к № 676

«Крестьяне скоро поняли, в чём дело и кто настоящий господин, и сильно почёсывали затылки». (Ф. Достоевский) (к цитате)

Однажды в 1918 году Крупская поехала с Лениным на будущие Ленинские горы. По дороге встретили мужика. Разговорились. Перешли к теме Ленина. Крестьянин, по воспоминаниям Надежды Константиновны, и говорит:

«Что же, жить неплохо теперь… Ленин вот только мешает. Не пойму я этого Ленина. Бестолковый человек какой-то. Понадобилась его жене швейная машинка, так он распорядился везде по деревням швейные машинки отобрать. У моей племянницы вот тоже машинку отобрали. Весь Кремль теперь, говорят, швейными машинками завален» (736).

Бедняга не понимал, что полпотовцы экспроприировали машинки как «орудия производства». Мне кажется, что многие историки вслед за этим безымянным крестьянином допускают ту же ошибку, пытаясь найти РАЦИОНАЛЬНОЕ объяснение революционного мракобесия.

695

← Предыдущее, следующее →

695. Примечание к № 640

«Это глупость в её самой чистейшей сущности» (Ф. Достоевский) (к цитате)

Вот из воззвания «Молодой России»:

«О Романовых — с теми расчёт другой. Своей кровью они заплатят за бедствия народа, за долгий деспотизм, за непонимание потребностей. Как очистительная жертва сложит голову весь дом Романовых. Мы изучали историю Запада, и это изучение не прошло для нас даром: мы будем последовательней не только жалких революционеров 48-го года, но и великих террористов 92-го года; мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем было пролито якобинцами в 90-х годах».

Особенно прелестна фраза «мы изучали». В том-то и дело, что ничего они не изучали (720). (Зато их вот на Западе очень хорошо изучили.) Это просто фонтанирующее наобум русское злорадство.

Из той же нигилистической прокламации:

«Мы твёрдо убеждены, что революционная партия, которая станет во главе правительства, если только движение будет удачно, должна сохранить теперешнюю централизацию … чтобы при помощи неё ввести другие основания экономического и общественного быта в наивозможно скорейшем времени. Она должна захватить диктатуру в свои руки и не останавливаться ни перед чем. Выборы в национальное собрание должны проходить под влиянием правительства, которое тотчас же позаботится, чтобы в состав его не вошли сторонники современного порядка, если только они останутся живы».

Что ж, с идиотическим упорством стремились к Октябрю более полувека. Дебил хотел разбить молотком кинескоп, чтобы с дяденьками и тётеньками в телевизоре играться. Наказывали, били, прятали молоток, и всё же дурачок в конце концов улучил момент и ударил по экрану. «Добился» своего. Труп увезли в морг, и никто так и не узнал, что сосед по коммуналке, чопорный шизофреник, доведённый до белого каления тем, что обол-

тус постоянно «изучает» его в замочную скважину, в конце концов сказал:

— Вань, а знаешь, где молоток-то? В белом шкафчике на кухне.

— Спасибо, дядя.

— На здоровье.

696

← Предыдущее, следующее →

696. Примечание к № 690
«народ … может и дать вам пинка» (В. Ленин) (к цитате)

Как только Чехов стал сотрудничать с Сувориным, ему пришла в маленьком конвертике записочка — анонимное пасхальное поздравление, где выражалось следующее пожелание:

«Поболее добросовестности по отношению к страждущему человечеству и поменее угодливости к гробовщикам и гробокопателям».

Помни, о тебе «там» знают, тебя «там» помнят. Следят. Тысячи раз повторялась и превратилась в идиотскую идиому фраза из чеховского письма: «Я выдавливал из себя по капле раба». Но что она означает? Прежде всего следует сказать, что раба из себя выдавить невозможно. Если человек раб по рождению, личностное начало в нём никогда не разовьётся. Человек, осознавший себя рабом, не «уже не раб», а «даже не раб». Его нельзя даже использовать как рабочую силу, ибо он превращается во взбесившееся животное. Но это к слову.

Итак, Чехов был рабом? Странное словосочетание: Чехов и рабство. В чеховской мифологии этот парадокс разрешается следующим образом. «Рабство» — это религиозное воспитание Чехова, детство с поркой и целованием ручек. Это во-первых. А во-вторых, это свидетельство «скромности» гения. Чехов не раб, но он скромный, и он говорит, что он раб, хотя он не раб. Он строг к себе и себя, мягчайшего и добрейшего человека, считает рабом именно из-за своей мягкости и доброты. Как принцесса на горошине.

Однако приведём школьную фразу с мясом контекста:

«Кроме изобилия материала и таланта, нужно ещё кое-что, не менее важное. Нужна возмужалость — это раз; во-вторых, необходимо ЧУВСТВО ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ, а это чувство стало разгораться во мне только недавно. Раньше его у меня не было; его заменяли с успехом моё легкомыслие, небрежность и неуважение к делу. Что писатели-дворяне брали у природы даром, то разночинцы покупают ценою молодости. Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник,

гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченый (704), ходивший по урокам без калош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и Богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества (709), — напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течёт уже не рабская кровь, а настоящая, человеческая».

Написано это в 28 лет, на исходе молодости, как подведение некоего итога. Написано Суворину, «реакционеру». Каковы же временные рамки чеховского рабства? Сказано ясно: чувство личной свободы стало разгораться недавно. А что такое «недавно» для 28-летнего? Года 3–4 назад максимум. Сказано также: «молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, гимназист и студент». Студент. Студентом Чехов был до 24 лет. Сближение с Сувориным началось в 26. То есть Антон Павлович называет рабством эпоху либерального свистуна Антоши Чехонте. Вполне логично перешедшего от «целования поповских рук» к «поклонению чужим мыслям», то есть целованию рук либеральных. И дорожка Чехова была бы ясна, если бы не то качество, которое Чехов излишне сужает, называя в письме «лицемерием».

Существует легенда, согласно которой Чехову предсказывали смерть под забором. На самом деле это было не предсказание, а заботливое и своевременное предупреждение. Скабичевский, сам крупный деятель либеральной прессы, знающий в ней все ходы и выходы, писал в 1886 году:

«Кончается тем, что он (талант, эксплуатируемый издателями. — О.) *обращается в выжатый лимон, и, подобно лимону, ему приходится в полном забвении умирать где-нибудь под забором».*

Это сказано Скабичевским не о Чехове, а вообще. Конкретно о Чехове он писал дальше:

«Вот и г. Чехов, — как жалко, что при первом же своём появлении на литературном поприще он сразу записался в цех газетных клоунов. Надо, впрочем, отдать ему справедливость: в качестве клоуна он держит себя очень скромно и умно… Но это всё ещё более усугубляет то чувство глубокой жалости, которое внушает нам г. Чехов тем, что, увешавшись побрякушками шута, он тратит свой талант на пустяки и пишет первое, что придёт ему в голову».

Эта заметка произвела на Чехова огромное впечатление. Он её вырезал и хранил всю жизнь. Скабичевский попал в цель, так как ясно высказал то, что смутно чувствовал сам Чехов, начавший литературную карьеру с того, что стал вполне сознательно продаваться.

Чехов рано, лет в 14, понял «что к чему». Помогло и его низкое происхождение (то есть природная сметка, деловитость, трезвость, отсутствие прекраснодушия), и передовая атмосфера Таганрога, города греческой и еврейской мафии. Именно в Таганроге Чехов приобрёл своё «лицемерие» и свою способность «скромно и умно» выполнять функции клоуна. Чехов — это «испуганный русский» (717). Он, ещё сидя за партой таганрогской гимназии, понял: «не суйся», «не связывайся». Кто террорист Осинский, казнённый в 1879 году? Бывший таганрогский гимназист. Где арестован Боголюбов-Емельянов, мстя за которого, стреляла Засулич? В Таганроге, в 1876 г., где собрал вокруг себя революционно настроенных гимназистов. А вот народоволец Тан-Богораз — учился с Чеховым в гимназии. В 1879 г., когда Чехов приехал в родной город, там арестовали Леона Мирского, известного своим покушением на шефа жандармов. А вот народоволец и таганрогский врач П. М. Шедеви. Напомню, что Таганрог — это маленький город с населением в 40 тысяч человек. Всё на виду, все друг друга знают. Павловский, уроженец Таганрога, с 14 лет и до окончания гимназии жил в семье Чеховых. Потом поступил в Медицинскую академию, был арестован, проходил по процессу 193-х. Потом бежал в Париж, где написал статью о пребывании в Петропавловской крепости. Павловский был арестован за организацию в 1874 г. революционного кружка в Таганроге. Впоследствии Павловский был амнистирован и стал сотрудником «Нового времени».

Нетрудно заметить сходство между биографиями Чехова и Павловского. Но Чехов действовал «очень скромно и умно». Поступил на медицинский факультет Московского университета и стал сотрудничать в левой прессе, но в серьёзные дела не лез. Потом скачок вправо, но на основе личной дружбы с Сувориным и без штатного сотрудничества в «Новом времени».

Наконец, если Павловский был самым непосредственным образом связан с еврейской мафией (так как сам был евреем), то Чехов с еврейством поддерживал корректные отношения, никогда внутрь кагала не попадая. Хотя в молодости он даже стремился туда, стремился вполне сознательно, в душе великий народец проклиная (730), но одновременно собираясь жениться на Евдокии Исааковне Эфрос (кстати, единственная серьёзная

попытка молодого Чехова связать себя брачными узами). 25-летний Чехов писал приятелю:

«Моя ОНА — еврейка. Хватит мужества у богатой жидовочки принять православие с его последствиями — ладно, не хватит — и не нужно… И к тому же мы уже поссорились. Завтра помиримся, но через неделю опять поссоримся… С досады, что ей мешает религия, она ломает у меня на столе карандаши и фотографии — это характерно… Злючка страшная… Что я с ней разойдусь через 1–2 года после свадьбы, это несомненно…»

Вот другое письмо, написанное через полтора месяца;

«Пожаловался ей (Эфрос) на безденежье, а она рассказала, что её брат-жидок нарисовал трёхрублёвку так идеально, что иллюзия получилась полная: горничная подняла и положила в карман».

Брак с Эфрос, а в перспективе и издательство собственного журнальчика а-ля «Искра» было бы логическим завершением головокружительной карьеры Антоши Чехонте. Но как раз в это время Чехова заметил Суворин, потом Григорович. Продаться можно было гораздо дороже и приличнее. Чехов высчитал точно: в это же время тому же адресату:

«Что бы там ни говорили, а Суворин хороший, честный человек: он назначил мне по 12 коп. со строки».

Через несколько месяцев пишет:

«Была вчера Эфрос. Я озлил её, сказав, что еврейская молодёжь гроша не стоит; обиделась и ушла».

Теперь Чехову надо было решить важную психологическую задачу: поддерживать дружеские отношения с Суворином, но так, чтобы не скомпрометировать себя перед так называемым «общественным мнением» (то есть еврейско-масонской инфраструктурой). Задел для этого был, так как Чехов уже показал себя в деле. Отрабатывая кусок хлеба, он глумился над Леонтьевым (737) (статья в «Осколках» в 1883 году), все его ранние рассказы это примитивное зубоскальство над русскими образованными классами, русской философией, культурой, изображение славянофилов «охотнорядскими Шопенгауэрами» и т .д. Вот характерный образчик остроумия 22-летнего Чехова:

«В редакцию „Руси“: Мерси. Квас прелестен. Порекомендуем. Вы пишете, что квас без тараканов — иноземщина. Мы не согласны с вами. Процедить можно. Прикажите помыть жбаны: запах от них тлетворнее Запада!»

Или:

«Кречинский и Хлестаков выходят из „Нового времени“, чтобы издавать собственную газету „Благонамеренные козлы“».

У Антоши была крепкая репутация «своего». Он и с весёлыми девочками познакомит, и рецептик от триппера даст. С ним хорошо посидеть в ресторане, распить графинчик. Беден, но весел, услужлив, блюдёт честь российского интеллигента, знает массу анекдотов и сплетен. Душа общества, «анекдотист и канканёр». И братья у него, Колька да Сашка, «наши люди».

И вот вдруг Антоше от козла Григоровича приходит письмо в стиле «знаете ли вы, что вы поэт и поэт истинный».

Чехов отвечал:

«У меня в Москве сотни знакомых, между ними десятка два пишущих, и я не могу припомнить ни одного, который читал бы меня или видел во мне художника. В Москве есть так называемый „литературный кружок“: таланты и посредственности всяких возрастов и мастей собираются раз в неделю в кабинете ресторана и прогуливают здесь свои языки. Если пойти мне туда и прочесть хотя кусочек из Вашего письма, то мне засмеются в лицо. За пять лет моего шатания по газетам я успел проникнуться этим общим взглядом на свою литературную мелкость, скоро привык снисходительно смотреть на свои работы и — пошла писать!»

С «ребятами» надо было рвать. Но у нас ведь «вход рупь, выход два». И начиная с 1886 года Чехов постоянно боялся «народного пинка». Да и не то что в переносном, а и в буквальном смысле. «Ребята» мстить умели. Причём в данном случае им и не нужно было звонка сверху. Бесил успех, бесила вдруг выявившаяся непохожесть Чехова на них. Чеховеды до сих пор гадают о причинах поездки Чехова на Сахалин. Поездка получается, как ни крути, немотивированной, внезапной. Поехал «от скуки», развеяться, или собирать материал, бороться с царизмом, бежать от начинающейся болезни — любое определение мелко и ужасно искусственно, неправдоподобно. Впрочем, поездка эта действительно неправдоподобна, так как в ней поражает какая-то заданность. Чехов едет на Сахалин, а в письмах ноет на ужасную дорогу, на Сахалине тоже не видит ничего интересного, участвует в местной переписи как бы по обязанности, по инерции, и в конце концов очень медленно и нудно работает над книгой, получившейся в результате такой же нудной и неинтересной. При этом Чехов жалуется на обязательность этой работы… Да разгадка сахалинской поездки на ¾ ясна. Это реабилитация в глазах либерального общественного мнения,

рассчитанный шахматный ход, ловкая рокировка. В результате Чехова ещё терпели. Еле-еле — он балансировал на грани. Ребята между собой хохотали:

Большой талант у Чехова Антоши —
Он ловко подаёт Суворину галоши.

В печати же появлялись любопытные рисунки. Вот в журнале «Шут» за 1892 год карикатура «Наша пресса». На ней изображены Чехов и Суворин, названный «Героем „Нового времени“». Внизу подпись: «А. С. Суворин: „И какая же тоска! просто не знаешь, куда деться… Махнуть, разве, с Антошей к чувашам!..“»

Чехов, гений лицемерия, юлил, выправляя всё более ухудшающееся положение. Своё кредо, оправдательную легенду ренегатства, он изложил в письме к А. И. Плещееву в 1888 году:

«Я боюсь тех, кто между строк ищет тенденции и кто хочет видеть меня непременно либералом или консерватором. Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист (745). Я хотел бы быть свободным художником и — только, и жалею, что Бог не дал мне силы, чтобы быть им. Я ненавижу ложь и насилие во всех их видах, и мне одинаково противны как секретарь консистории, так и Нотович с Градовским (т. е. либералы. — О.). *Фарисейство, тупоумие и произвол царят не в одних только купеческих домах и кутузках; я вижу их в науке, в литературе, среди молодёжи… Потому я одинако не питаю особого пристрастия ни к жандармам, ни к мясникам, ни к учёным, ни к писателям, ни к молодёжи. Фирму и ярлык я считаю предрассудком. Моё святая святых — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чём бы последние две ни выражались…»*

Увы, во многом эти слова не плод многолетних раздумий, а поза. Поза красивая, интуитивно верно угаданная, но поза. Поза, за которой страх пинка.

И пинка Чехову влепили. Смачного, с хрустом, от которого он летел 15 метров. «Чайка» провалилась с треском, с позором небывалым.

Пресса тогда писала:

«Юбилейное бенефисное торжество было омрачено почти беспримерным, давно уже небывалым в летописях нашего образцового театра скандалом… такого головокружительного провала, такого ошеломляющего фиаско, вероятно, за всё время службы бедной бенефициантки не испытывала ни одна пьеса … после третьего действия шиканье стало общим, оглушительным, выражав-

шим единодушный приговор тысячи зрителей тем „новым формам“ и той новой бессмыслице, с которыми решился явиться на сцену „наш талантливый беллетрист“. Четвёртое действие шло ещё менее благополучно: кашель, хохот публики, и вдруг совершенно небывалое требование: „опустите занавес!“ … Шиканье по окончании пьесы сделалось опять общим: шикали на галерее, в партере и в ложах. Единодушие публика проявила удивительное, редкое, и, конечно, этому можно только порадоваться: шутить с публикой или поучать её нелепостями опасно».

На защиту Чехова встал один Суворин, в свою очередь тоже освистанный. «Полемика» пошла на уровне стишков:

Скажу я смело —
Пожалуй, соколом рядись,
Но Соколом лететь, ты, Чайка, не берись.
(Автор Иероним Добрый, он же С.Г. Фруг)

Удар был особенно силён, так как в пьесе образ Тригорина носил явно автобиографический характер.

Сразу всё понявший, увидевший своим хитрым татарским глазом, Чехов писал Суворину:

«17-го октября не имела успеха не пьеса, а моя личность. Меня ещё во время первого акта поразило одно обстоятельство, а именно: те, с кем я до 17-го октября дружески и приятельски откровенничал (немножко переигрывает. — О.)*, беспечно обедал, за кого ломал копья — все эти имели странное выражение, ужасно странное… Одним словом, произошло то, что дало повод Лейкину выразить в письме соболезнование, что у меня так мало друзей, а „Неделе“ вопрошать: „что сделал им Чехов“, а „Театралу“ поместить целую корреспонденцию о том, будто бы пишущая братия устроила мне в театре скандал. Я теперь покоен, настроение у меня обычное, но всё же я не могу забыть того, что было, как не мог бы забыть, если бы, например, меня ударили…»*

Чехов вздохнул, повертел в руках ладью-Суворина и пожертвовал за лучшую позицию (831). Иного выхода не было. После разрыва же «был хорошо устроен в зоне».

Но как всё это было сделано опять «очень скромно и умно», на полутонах. Даже не вполне осознанно. Тут сказался русский инстинкт предательства. Сухая логика интеллектуального предательства, столь свойственная Чехову. Гений. В этом гениальная особенность его жизни. Внешне пошлой и обычной, но по сути удивительно законченной, ритмичной и договорённой. Следовательно, изменнической.

697

← Предыдущее, следующее →

697. Примечание к № 663

Розенштерн в тогдашней европейской прессе называли не иначе, как … «славянской мадонной» (к цитате)

А вот ещё одна славянская мадонна (702). Ленин писал Арманд по поводу «паршивого, поганого националистического мещанина» Юркевича:

«Сей жулик будет гадить. Получил твой рассказ о реферате Степанюка и выступлении Юркевича: откровенно скажу, злился на тебя: ты не поняла, в чём суть у Юркевича. И я опять — каюсь — ругал тебя богородицей. Не сердись, пожалуйста, это я, любя, по дружбе, но не могу не злиться, когда вижу „нечто от богородицы“».

Это слово, как и слово «добрый» («добрый Мартов», «добрый Плеханов»), было для Ильича ругательством.

← Предыдущее, следующее →

698. Примечание к № 653

В Ленине холод сатанинского окаменения души вызвал красное раскаление плоти. (к цитате)

Во время II съезда Ленин заболел. В области груди и на спине выступили красные пятна, сопровождавшиеся жгучей нестерпимой болью. Началась лихорадка. Крупская и один медик из большевиков посмотрели по медицинскому справочнику. Согласно критическому реализму, у Ильича был типичный стригущий лишай. Пятна смазали йодом, что вызвало резкое обострение боли. Дорогой в Женеву Ленин метался в поезде, а по приезде две недели пролежал не вставая. Болезнь оказалась гораздо интересней. Это было редко встречающееся воспаление кончиков грудных и спинных нервов (707), известное под названием «священный огонь».

Интересно, как сам Ленин оценивал своё состояние. С одной стороны, он был совершенно не способен хотя бы поверхностно проанализировать поведение на съезде, поведение явно ненормальное и внёсшее с самого начала в русское социал-демократическое движение такой напор злобы, который не снился и эсеровским бомбометателям. Владимир Ильич писал, полемизируя с Мартовым:

«Ленин вёл себя, — употребляя его же выражение, — бешено. Верно. Он хлопал дверью. Правда. Он возмутил своим поведением оставшихся на собрании членов. Истина. — Но что же отсюда следует? Только то, что мои доводы по существу спорных вопросов были убедительны и подтверждались ходом съезда».

(Вообще прекрасный пример ленинской логики.) С другой стороны, — и в этом опять-таки весь Ленин — на уровне лишайника был сделан очень ясный и циничный вывод, имевший огромное значение для придания этому человеку дополнительной живости, дополнительной осуществлённости. В 1913 г. Владимир Ильич пишет Горькому:

«Известие о том, что Вас лечит НОВЫМ способом „большевик“, хотя и бывший, меня ей-ей обеспокоило. Упаси Боже от врачей-товарищей вообще, врачей-большевиков (721) в частности!

Право же, в 99 случаях из 100 врачи-товарищи „ослы“, как мне раз сказал один ХОРОШИЙ врач. Уверяю Вас, что лечиться (кроме мелочных случаев) надо ТОЛЬКО у первоклассных знаменитостей. Пробовать на себе изобретения большевика — это ужасно!!»

699

← Предыдущее, следующее →

699. Примечание к № 614

у Ленина была центральная идея всеобщего хаоса и разрушения (к цитате)

Даже уходя, напоследок Ленин хлопнул дверью. Его издевательское «завещание» окончательно всех обозлило и спровоцировало начало открытой грызни за власть. Сталин уже в 50-х, незадолго до смерти, говорил: «Вот Ленин написал завещание и всех нас тогда перессорил». Действительно, если разобрать последнее письмо Ленина пункт за пунктом, то это ведь хуже, чем оскорбление.

У NN трое наследников, трое детей. Он им оставляет «завещаньице»:

«Старший сын сильный, но груб. Его не слушайтесь. Средний умён, но постоянно под меня рыл, гад, что не случайно. Младший красив, но ведь не варит ничего, пробка. Надо взять ещё шесть первых попавшихся прохожих, с улицы, и оформить тоже моими прямыми и полноправными наследниками. Привет!»

И ведь не специально, а сидел в нём чёрт какой-то…

700

← Предыдущее, следующее →

700. Примечание к № 671
должна быть дополняющая дешифровка (к цитате)

Как известно, кульминационная сцена любой антиутопии — встреча простака-профана, наивно уверенного в понятной разумности окружающего мира, с «Великим инквизитором», который перед его смертью раскрывает ему подлинное чудовищное устройство общества. Но мы живём в чрезвычайно старой утопии. Утопия — это предсмертная ужасная вспышка, апокалипсис. Год, три, пять. От силы 10–15 лет. И за эти пятнадцать лет мир меняется, уходят целые поколения. Время останавливается и одновременно бежит с бешеной скоростью. Мы не 70, а 700 лет прожили. И многое утеряно. Для тех, кто в центре этого мира, — безвозвратно. Всё в прошлом, всё забыто. При оглядывании на 100 лет назад голова кружится от седой древности. Но истоки мира даже не в утопии Платона — ещё раньше, ещё дальше. Но вырвавшись из утопии, познав ход и смысл, человек получает власть к этому миру, власть скрытую и недоступную даже для его «вершителей». И итог — новая утопия, новый оборот спирали. Но оборот назад, не уничтожающий, а предсказывающий. То есть власть над причинно-следственной связью.

← Предыдущее, следующее →

701. Примечание к № 640

Верховенский (отец) верно характеризует суть дикой, самой себе не верящей русской риторики. Но и только. Он бессилен сложить рассыпающуюся реальность в единое целое, не видит противника. (к цитате)

Следует учесть, что Достоевский высмеивает вообще образ писателя, писательское бессилие в постижении реальности. Поэтому Верховенский-старший — это, прежде всего, сам Достоевский с его антинигилистическим пафосом. Для понимания этого достаточно привести следующее место из «Дневника писателя» за 1873 год («Бесы» написаны в 1872):

«(В начале 60-х) однажды утром я нашёл у дверей моей квартиры, на ручке замка, одну из самых замечательных прокламаций… она называлась „К молодому поколению“. Ничего нельзя было представить нелепее и глупее. Содержания возмутительного, в самой смешной форме, какую только их злодей мог бы им выдумать, чтобы их же зарезать… И вот мне, давно уже душой и сердцем не согласному ни с этими людьми, ни со смыслом их движения, — мне вдруг тогда стало досадно и почти как бы стыдно за их неумелость: „Зачем у них это так глупо и неумело выходит?“ … Тут подавлял один факт: уровень образования, развития и хоть какого-нибудь понимания действительности… Никогда до этого дня не предполагал я такого ничтожества!»

И Достоевский с прокламацией в руках бросился к Чернышевскому, то есть спасать Россию: вы, мол, того, шуруйте потише. Побежал к Чернышевскому, то есть к другому ПИСАТЕЛЮ.

702

← Предыдущее, следующее →

702. Примечание к № 697
А вот ещё одна славянская мадонна. (к цитате)

Впрочем, не так глупо. Психическое расстройство Успенского состояло в том, что в Глебе Ивановиче сидел Иваныч — дьявол, который Успенского мучил и доводил до мыслей о самоубийстве. Но были и светлые минуты, минуты радости и восторга. Это когда из Шлиссельбурга прилетала в больницу богородица — Вера Фигнер. Фигнер летала, летала вокруг Глеба Ивановича, и несчастный плакал от умиления, шептал восторженно: «Слышите, крылами бьёт-бьёт, слышите». Иногда же, в серые трезвые минуты, кричал на Синани, просил его отпустить, обвинял своего благодетеля в том, что он его поработил. Синани же клал тяжёлую руку на плечо, объяснял, что Иваныч — это император и он не только его, а всю Россию, весь мир изводит.

703

← Предыдущее, следующее →

703. Примечание к № 579
Щедрин дал лексику русской интеллигенции. (к цитате)

Один из очевидцев похорон Щедрина писал Чехову:

«Гроб несла молодёжь на руках от квартиры до кладбища, а колесница была завалена цветами и венками. Всех венков было 140, много серебряных … народ стоял не только вокруг могилы, на решётках памятников вокруг, но даже лепился по карнизам, нишам и окнам церкви, возле которой вырыта была могила, и ВИСЕЛ на деревьях… С самого утра и до конца похорон шёл дождь, так что вся эта толпа стояла под зонтиками … речи прерывались возгласами „браво“ и даже аплодисментами».

Позитивно толпились под дождём, уныло сидели на деревьях, обхватив стволы жалобными ручонками. А когда аплодировали, то с деревьев, наверно, сыпались, как груши перезрелые (см. «Ворона и сыр»). Вот какой материализм-то пошёл — под дождём на похоронах на деревья полезли. Хоронили же «мозг нации»: главного карикатуриссимуса России.

Но какая дьявольская усмешка истории — сейчас России нужно расти до Щедрина (сознательное искажение смысла его произведений, непонимание 75% намёков и т. д.). Это Гоголь с его «похоронами прокурора» наколдовал. Либерализм сейчас действительно либерализм. «Мечты сбываются». Как страшно: «исторический поворот Городничего». «Над кем смеётесь, над собой смеётесь». Раньше Городничий бросал эту реплику в зал, а теперь актёрам, повернувшись к залу спиной. Декорации повернулись на петлях реальности. Что же сказал Гоголь тогда? Вы смеётесь над собой, показывая «Ревизора». Надсмеялись, надругались над собой. Ведь с Гоголя начинается содержательная сторона русской литературы. В идеале-то всё должно было быть наоборот. Пушкин — содержание, сам тон, Гоголь — ФОРМА. А получилось, что Городничий-Гоголь читает письмо Хлестакова-Пушкина в зал. И вот зал стал пьесой, а сцена превратилась в символ ушедшего прошлого. И сидящие в зале гоголевские хари обращаются к смеющимся над ними символам прошлого: «Над кем смеётесь, над собой смеётесь».

704

← Предыдущее, следующее →

704. Примечание к № 696

«бывший лавочник … воспитанный на чинопочитании … благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченый» (А. Чехов) (к цитате)

Отец Чехова спас своего сына от прекраснодушия Достоевского, от каторги спас. При помощи кулачищ и розог он Антоше в доступной и наглядной форме объяснил устройство русского государства: есть «сильненькие»; ты никому не нужен; бьют — беги, дают — бери. Чехов обижался, а ему бы отца боготворить. История с «Безотцовщиной» показывает, что Чехов многонько набил бы себе в жизни синяков и шишек, если бы не отцовская «наука». А так, уже битый, он лишь утёрся.

Он, сопляк 18-летний, приехал с «пиесой» своей Москву покорять. Студентиком-второкурсником понёс на прочтение лично Ермоловой, поднёс текст с дарственной надписью.

Объективно «Безотцовщина» пьеса талантливая. Для 18-летнего юноши она, пожалуй, более чем талантлива. Интересно, что корни всех позднейших чеховских пьес (да и многих рассказов) в «Безотцовщине». Это некая «первичная интуиция», из которой Чехов и рос. Из этого, а вовсе не из эпохи Антоши Чехонте. Чехонте — это уже сознательный компромисс, сознательная продажа своего таланта. Чехов писал Григоровичу, что в этот период про себя таил свои темы, чего-то ждал. Этому терпению, дисциплине его отцовские кулаки научили. Ведь карьеру Чехов начал с краха. Ему пьесу в лицо швырнули. Зарвавшийся хам замахнулся в ней на великий еврейский народ, народ с великой и трагической историей, народ, самый никудышный представитель которого стоит триллиона чеховых. Увы, с таганрогской наивностью Чехов замахнулся на самое святое для русской интеллигенции, на её хозяев. Злополучная пьеса пестрит следующими «диалогами»:

«Венгерович второй: …У всех евреев физиономии не поэтические. Подшутила природа, не дала нам, евреям, поэтических физиономий! У нас судят обыкновенно по физиономии и на основании того, что мы имеем известные физиономии, отрицают в нас вся-

кое поэтическое чувство… Говорят, что у евреев нет поэтов.

Платонов:

— Кто говорит?

— Все говорят… А какая ведь это подлая клевета!

— Полно придираться! Кто это говорит?

— Все говорят, а между тем сколько у нас настоящих поэтов, не Пушкиных, не Лермонтовых, а настоящих! Ауэрбах, Гейне, Гёте…

— Гёте немец.

— Еврей!

— Немец.

— Еврей! Знаю, что говорю!

— И я знаю, что говорю, но пусть будет по-вашему! Полуучёного еврея трудно переспорить.

— Очень трудно… (Пауза.) Да хоть бы и не было поэтов! Велика важность! Есть поэты — хорошо, нет их — ещё лучше! Поэт, как человек чувства, в большинстве случаев дармоед, эгоист… Гёте, как поэт, дал ли хоть одному немецкому пролетарию кусок хлеба?»

Чувствуете, на что, подлец, руку поднял? Тут вам не только евреи, но и усиленно поливаемые из еврейской лейки «русские марксисты» (от которых Чехова тошнило всю жизнь). Так-то в пьесе есть блёстки таланта, можно бы мальчика по головке погладить, он потом на радостях землю рыть будет, глядишь, и получится что-нибудь. Но щенок стал зарываться. А осадить его, а дать ему пинка, а заставить его за корку хлеба слова под карикатурами выдумывать…

Чехов-то судил о еврействе по местным таганрогским «шмулям», коих и изобразил в лице венгеровичей, но за ними оказался зверь покрупней, еврейство столичное. Антон Павлович быстро смекнул что к чему. Писал приватно Суворину в 88-ом году:

«Ваша вставка о шмулях рискует быть ошикана: половина театра всегда у нас занята авраамами, исааками и саррами».

Суворин отнёсся к предупреждению Чехова пренебрежительно. Даже через 11 лет, в 1899 году, писал в дневнике:

«Я не сочувствую призывам консерватизма, направленным против инородцев. Никогда я против них ничего не писал и ни к одной народности не питал вражды. Да и зачем? Можно поддерживать русское чувство, относясь к инородцам сочувственно и мило».

Однако Алексей Сергеевич относился к инородцам недостаточно сочувственно и недостаточно мило. Запутавшись в тенетах буржуазного объективизма, он позволял себе дикие антисе-

митские выходки. Например, зачем-то стал обращать внимание читающей публики на этнический состав студентов Харьковского университета, возмущаясь, что при 0,5% евреев, живущих в Харьковской губернии, в местном университете евреи составляют 60% от общего числа учащихся. Суворин, как честный русский человек, должен был бы только радоваться этому факту. Ведь вполне естественно, что наиболее одарённый и талантливый народ наиболее полно представлен в рядах интеллектуальной элиты Российской империи.

Зарвавшегося хама надо было одёрнуть. Случай вскоре представился. В 1900 году Суворин поставил пьесу Я. Ефрона «Сыны Израиля» (или «Контрабандисты»). Постановка подобной пьесы в Москве была более чем оригинальна. Это всё равно как если бы в одном из крупнейших городов Сицилии поставили спектакль о нравах сицилийской мафии. Ещё до премьеры шла накачка общественного мнения. На премьере на сцену полетели бинокли, галоши, яблоки. При выходе из театра в толпе раздавались такие реплики:

«— А что ж, актёров били?
— Нет.
— Надо бы их бить».

На следующий день главный режиссёр пьесы А. П. Коломнин «скоропостижно скончался». Министр внутренних дел Сипягин недоумённо пожимал плечами по поводу произошедшего скандала: «Если мы „Ревизора“ ставили, то пусть евреи посмотрят „Контрабандистов“». Товарищ не понимал. В «Ревизоре» писалось о русских свиньях, а в «Контрабандистах» шло измывательство над благородным, благороднейшим, благороднейшейшим еврейским народом.

Сипягина «поправили» через полтора года. Из револьвера.

705

← Предыдущее, следующее →

705. Примечание к № 506

Многие обороты воспринимались на физиологическом уровне и просто стали частью моего языка (к цитате)

Как может воспринять современный человек Тургенева? Зачем он нужен в XX веке? И всё же есть. Я часто твержу про себя. Умирающий Базаров говорит своему отцу:

«Будь философом, стоиком, что ли! Ведь ты хвастался, что ты философ?

— Какой я философ! — завопил Василий Иванович, и слёзы так и закапали по его щекам».

Или монолог умирающего Базарова:

«Вы посмотрите, что за безобразное зрелище: червяк полураздавленный, а ещё топорщится. И ведь тоже думал: обломаю дел много, не умру, куда! задача есть, ведь я гигант! А теперь вся задача гиганта — как бы умереть прилично, хотя никому до этого дела нет… Я нужен России… Нет, видно, не нужен» *(712)*.

706

← Предыдущее, следующее →

706. Примечание к № 671
Округлить, довершить миф Ленина. (к цитате)

То, что Ленин — Антихрист, по-моему, ясно любому человеку с гуманитарным образованием. Важно иное. Осознание того, что этот миф жив и будет жить долго, если не вечно. По крайней мере, пока будет жив русский этнос. И следовательно, необходимо включиться в этот миф, стать его проводником, но и завершителем.

Толкование мифа есть осмысление мифа как мифа. Но миф, понятый как миф, перестаёт быть мифом. Толкование оказывается услышанным и понятым, когда миф устал. Миф о Ленине совсем молод. Понять его невозможно (808). Понять могут избранные. Это понимание лишь усилит их избранничество. Обречёт их на молчание и тайну. Можно сопротивляться и погибнуть. Но можно с этим жить и миф изменить. «До сих пор философы познавали мифы. Задача же состоит в том, чтобы их изменить».

707

← Предыдущее, следующее →

707. Примечание к № 698

Это было редко встречающееся воспаление кончиков грудных и спинных нервов (к цитате)

Видимо, симптом наследственного сифилиса, болезни, послужившей главной причиной смерти Ленина. (Сифилисом страдала бабка-калмычка со стороны отца.)

708

← Предыдущее, следующее →

708. Примечание к № 625

Розанов без Одинокова — это уже ненастоящий Розанов, не вполне настоящий (к цитате)

Если кого-нибудь поймать, привязать к стулу и день и ночь заунывно, нараспев читать «Бесконечный тупик» (прочесть весь), то после этого интеллектуальная невинность оперируемого будет непоправимо нарушена. «Опавшие листья» он уже нормально прочесть не сможет. С каждой страницы ему будет ухмыляться секретной масонской усмешкой Одиноков (764).

709

← Предыдущее, следующее →

709. Примечание к № 696

«лицемеривший и Богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества» (А. Чехов) (к цитате)

В чём же лицемерил Чехов? Хотелось бы поподробнее. А то ведь как-то абстрактно; да и биографы Чехова молчат. Это довольно странно, ведь переписка даёт иллюстративный материал богатейший. Хотя бы отношения Чехова со своим первым хозяином Н. А. Лейкиным.

В январе 1884 г. Антон Павлович пишет Лейкину:

«Для Вас, хозяина журнала, думавшего и передумавшего о журнале более, чем кто-либо из нас, наши советы сравнительно с Вашими думами и планами покажутся праздной болтовнёй…»

28.12.1885:

«Ну, добрейший и гостеприимнейший Николай Александрович, наконец-таки я сел за стол и пишу Вам».

4.01.1886 Чехов пишет брату Александру:

«На Лейкина не надейся. Он всячески подставляет мне ножку в „Петербургской газете“. Подставит и тебе».

В конце этого же месяца Лейкину:

«Вообще я непрактичен, доверчив и тряпка».

Меньше чем через неделю Александру снова о Лейкине:

«Хромому чёрту не верь. Если бес именуется в святом писании отцом лжи, то нашего редахтура можно наименовать по крайней мере дядей её».

Вот письмо Лейкину от 27.12.1887 года. Чехов идёт в гору семимильными шагами. Как литератор Чехов уже как минимум сравнялся с уровнем (социальным) Лейкина. Тот просит дать в его издание за повышенный гонорар «хоть что-нибудь». Чехов отвечает:

«Вы пишете, что для Вас всё равно, каков бы ни был (мой) рассказ, но я не разделяю этого взгляда: Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку. Что простится Вам и Пальмину, людям, сделавшим своё дело, а поэтому имеющим право иногда по-

небрежничать, то не простится начинающему писаке».

Конечно, подобные фразеологические обороты можно отнести на счёт простой вежливости. Но дело в том, что динамика вежливости у Чехова оставалась на редкость постоянной в течение всей жизни. Сначала подобострастное унижение, приличное, «в меру», даже простое и милое, но неискренное, с глубоко затаённой даже от самого себя ненавистью. Затем синхронно начинается дискредитация этого лица в письмах и разговорах с другими людьми. И наконец — корректный разрыв с поддерживанием сухих, издевательски вежливых отношений, непереносимых для русского человека. В случае с Лейкиным всё ещё было достаточно элементарно, по-юношески наивно, может быть даже оправданно, так как сам Лейкин оценивал своего молодого сотрудника невысоко и относился к нему с лёгкой симпатией, не больше. В случае с Григоровичем всё было гораздо хуже. В первых письмах Чехов называет Григоровича своим благодетелем и буквально падает ниц перед его авторитетом:

«Есть молодые писатели лучше и нужнее меня, например, Короленко … Я не хочу скромничать и уверять Вас, что все Вы трое были пристрастны, что я не стою премии и прочее, — это было бы старо и скучно; я хочу только сказать, что своим счастьем я обязан не себе. Благодарю тысячу раз и буду всю жизнь благодарить».

Это написано в сентябре 1888 года. А в январе 1889 Чехов сообщает Суворину:

«Я Григоровича очень люблю, но не верю тому, что он за меня боится. Сам он тенденциозный писатель и только прикидывается врагом тенденции. Мне кажется, что его одолевает постоянный страх потерять расположение людей, которых он любит, — отсюда и его виртуозная неискренность».

(На следующий день, кстати, Чехов пишет Суворину своё письмо о «выдавливании раба».)

Летом этого же года Чехов договаривается поехать к Григоровичу за границу, но старикан надоел ему хуже редьки, и Антон Павлович решил провести лето в другом месте. Причём он не счёл нужным поставить Григоровича в известность относительно перемены своих планов. Григорович в это время писал Суворину:

«Я в ужасном беспокойстве! Я со вчерашнего дня был в пять часов утра на Северном вокзале, в 7 ½, затем вечером в 5 часов 5 минут, ночевал Бог весть как, снова ждал в 5 утра и 7 1/ 2. Чехова нет как нет. Что делать? Ради Бога, будьте терпеливы, уго-

ворите Ан. Ивановну ещё подождать, иначе вся поездка Чехова пропала; меня эти два дня ожидания ни свет ни заря на сквозном ветру и холоду — совсем уходили. Подождите, умоляю Вас, ради Чехова ещё два дня… А то где теперь Чехову искать Вас, если Вы уедете!!!»

В этот же день Григорович пишет Суворину ещё одно письмо:

«Я в истинном горе. Сегодня в пятницу, несмотря на усталость и нервное возбуждение (Григоровичу 67 лет. — О.)*, я не утерпел и снова отправился в Вену на вечерний (последний) поезд Северной дороги; на нём Чехова опять нет! … Не случилось ли чего? … Вернувшись сегодня домой в 11 часов, я был в таком волнении, что насилу мог писать: руки дрожали как у 100-летнего старца; эти возбуждения мне крайне вредны, не успокоюсь я вполне до того времени, пока не узнаю что-либо положительное о судьбе Чехова».*

С Чеховым было всё нормально. Свой отказ от поездки он мотивировал в письме к Плещееву следующим образом:

«Я не расположен теперь к физическому труду, хочу отдыха, а ведь шатание по музеям и Эйфелевым башням, прыганье с поезда на поезд, ежедневные встречи с велеречивым Григоровичем, обеды впроголодь и погоня за сильными ощущениями — всё это тяжёлый физический труд».

Григорович, узнав наконец, что Чехов и не собирался приезжать, написал Суворину:

«Чехов поступил с нами всё-таки не по-европейски».

Конечно! Чехов поступил по-русски. Нет народа более неблагодарного, более мстительного и злобного по отношению ко всевозможным благодетелям. Чем больше благодеяний, тем больше ненависть русского к товарищу начальнику. Чем больше русский улыбается, униженно благодарит, тем больше он ненавидит этого человека, тем больше считает себя перед ним униженным. Постоянно пишут о странном сочетании покорности и крайнего анархизма русских. Ничего странного. Покорность основана на сглазе и юродстве, на ощупывании жертвы. Месть может и не состояться, но может состояться всегда, в любую минуту. Менее всего русским приятно чувствовать себя кому-либо обязанными. Хотя они всегда кому-то обязаны.

Полуфранцуз Григорович просто плохо понимал Чехова, не чувствовал своей вины перед ним. А ведь он его раздавил своей помощью. Через три месяца, осенью того же 1889 года, Чехов шипел в письме к Суворину:

«Ах, как рад этот Григорович! И как бы все они обрадовались, если бы я подсыпал Вам в чай мышьяку или оказался шпионом, служащим в III отделении».

Чехов — это кондовый русский, «от сохи». Он посмотрел на европейскую образованность, воспитанность и сказал: да, это вещь, надо этой наукой овладеть. И стал вполне европейцем, вежливым, учтивым, аккуратным. Но при этом слишком елейно вежливым и учтивым, с надрывом вежливым и учтивым, с выдёргиванием рук вежливым и учтивым. Поднимает упавшую трость, да так резко и подобострастно, что локтём спихивает ваш фамильный сервиз. Бросается собирать осколки, и опрокидывает стол. И всё это элегантно, вежливо, по-европейски. Никакой неуклюжести. Европейская воспитанность, но «с усердием», «с нажимом»… Так что кости хрустят.

Уже по стилистике чеховских писем вполне ясно. На каждом листе «скромность». По 3–4 предложения. Один раз можно, два, но не 500 же, не 1000. Да вот его отношения с литератором Сергеенко. О нём Чехов говорил:

«Про Сергеенку я не могу сказать ничего определённо дурного, знаю только, что он хохол нудный и неискренний».

Меньшикову в декабре 1898 года Чехов пишет:

«Сергеенко прислал мне две свои книги: о Толстом и повесть „Дэзи“ — необыкновенно умственное произведение; действуют в повести не люди, а всё какие-то сухие пряники. Сергеенко юморист, комик, но вообразил себя великим писателем, стал серьёзен и засох».

Самому же Сергеенко в это же время автор «Хамелеона» пишет следующее:

«Милый Пётр Алексеевич, едва я написал тебе, как пришло твоё письмо. Ты пишешь: „Вследствие каких-то причин наши личные отношения принимают иногда какой-то колючий и нехороший характер“. Говорю тебе искренно, прямо и от души — я не замечал ничего подобного. Отношусь я к тебе так же сердечно, так же по-дружески и по-товарищески, как относился всегда и, должно быть, буду относиться. В наших отношениях я не заметил ничего дурного; я ломаю голову, стараюсь припомнить что-нибудь и пока могу обвинить себя только в одном: в последние годы мы встречались только по вечерам, к вечеру же я всегда бываю болезненно утомлён и потому неразговорчив и не расположен ни к чему серьёзному — и, быть может, я казался тебе не таким, как нужно… Мне кажется, что виноваты не ты, не я, а твоя хохлацкая мнительность. Твои книжки всем нравятся, и я очень рад…»

Н-нда. Нет, всё понятно, но зачем же такое сладострастное «договаривание»? Зачем ранее Чехов сказал Сергеенко: «Я НИКОГДА не вру», — причём слово «никогда» подчеркнул (письмо от 7.03.93 г.)? Подчёркивать-то зачем? Зачем этот мармелад: «искренно, прямо и от души»?

Из письма Плещееву:

«Мне кажется, что меня можно скорее обвинить в обжорстве, в пьянстве, в легкомыслии, в холодности, в чём угодно, но только не в желании казаться или не казаться… Я никогда не прятался. Если я люблю Вас, или Суворина, или Михайловского, то этого я нигде не скрываю».

Это похоже на монолог Иудушки (единственно живого — из-за своей автобиографичности — персонажа Щедрина). И в этом же письме ниже:

«Правы Вы … что не может лгать человек, который только что плакал. Но правы только отчасти. Ложь — тот же алкоголизм. Лгуны лгут и умирая…»

Алкоголизм у русских болезнь национальная.

710

← Предыдущее, следующее →

710. Примечание к № 575

Прибавить 3% к жалованию. (к цитате)

И 4-й пункт, секретный, о котором знает только мозг нации, 7 русских мудрецов. Это итог интеллектуальной деятельности 100-миллионного народа. За раскрытие тайны смерть страшная. А содержание такое: вывезти из Парижа по Варшавско-Московской железной дороге вагон перчаток, рукавиц, балахонов, бутафорских шпаг и хлопушек.

711

← Предыдущее, следующее →

711. Примечание к № 690

Розанов — это гениальный русский предатель. (к цитате)

Николай Лосский в своей «Истории русской философии» писал о Розанове:

«После большевистской революции Розанов жил у отца Павла Флоренского в Сергиевом Посаде в монастыре св. Сергия. Он там написал „Апокалипсис нашего времени“, в котором выступил с хулой на христианство. Возмущённые этим, отец Павел, ректор Московской духовной академии Андреев и ещё одно лицо, фамилию которого я забыл, пришли к Розанову. Как мне рассказывал Андреев, они заявили Розанову, что если он будет продолжать выступать с нападками на христианство, то они больше не будут его друзьями. Розанов ответил им, сознавая, очевидно, в себе или около себя какую-то демоническую силу: „Не трогайте Розанова: для вас будет хуже“. И действительно, в следующем году всех их постигло серьёзное несчастье».

Там же Лосский счёл нужным поведать и о личных контактах с Василием Васильевичем:

«К сожалению, его личность во многих отношениях была патологической… Об этом я знаю кое-что лично… Стоило мне сказать „войдите“ в ответ на его стук в дверь, как он быстро входил в кабинет, подбегал к столу, на котором лежали раскрытые книги, и пытался подсмотреть, что именно я читаю. Быть может, он пытался настигнуть каждого внезапно таким образом, чтобы изучить действительные интересы людей».

И это всё, что Лосский понял в Розанове. А ведь через огромный прозрачный глаз Розанова на него смотрела Россия. Почти сущность её. Великая, нечеловеческая. И если бы он вдумался в Розанова, действительно всмотрелся в него, то уже тогда, в самом начале века, увидел бы себя — ненужного, глупого, с простоватым лицом русского попа, идущего по Парижу 50-х в старомодном пальто и нелепой шапочке «пирожком». Он бы смог почувствовать свою судьбу, судьбу своего поколения — страшную, бесполезную, кощунственную. «Интуитивизм» Лосского. Николай Онуфриевич думал «заниматься-заниматься», а ему-де будут

аплодировать, изучать.

А может, и к счастью. Он был, в отличие от Розанова, на миллион километров дальше от Центра. Просто обернулся вокруг него за свою 95-летнюю жизнь и так и умер в полном неведении. Так и не понял, что произошло.

712

← Предыдущее, следующее →

712. Примечание к № 705

«Я нужен России… Нет, видно, не нужен». (И. Тургенев) (к цитате)

Начинающий бредить Базаров продолжал:

«Да и кто нужен? Сапожник нужен, портной нужен, мясник… мясо продаёт… мясник… постойте, я путаюсь…»

713

← Предыдущее, следующее →

713. Примечание к с. 72 «Бесконечного тупика»

Русская душа … это антипод Германии, у которой в душе флейта и барабан, в разуме — божественная музыка (к цитате)

Существуют два типа жизненных центров. Возьмём биографии Горького и Чехова. У первого жизненный центр — это внешнее существование, у второго — внутреннее. Суть личности Горького раскрывается в анализе «жизнь — творчество». А у Чехова — «творчество — жизнь». Изучающий Горького по его произведениям многого не поймёт в этом человеке. Чехов ясен именно из книг (722). Цельный образ именно с этой стороны складывается.

← Предыдущее, следующее →

714. Примечание к с. 73 «Бесконечного тупика»

Фашизм — это национал-социализм, большевизм — интернационал-социализм. (к цитате)

Фашизм по своей структуре внутренне противоречив, неустойчив. Национальное есть нечто индивидуальное. Признание национальной абсолютности, даже в грубой форме, всё же утверждает если и не личностное, то хотя бы родовое начало. Конечно, это противоречит основным постулатам социализма, для которого различие между индивидами носит чисто функциональный характер. Рабочий — это рабочий, а крестьянин — это крестьянин. Рабочий, ставший крестьянином, становится крестьянином, а крестьянин, ставший рабочим, становится рабочим. Все муравьи абсолютно идентичны. Различие между ними устанавливается по особенностям контура движений: муравей, пасущий и доящий тлей, или муравей, перетаскивающий личинки. В статике, под микроскопом они абсолютно одинаковые. Национализм разделяет муравьёв по муравейникам и уже этим вносит непоправимые нарушения в материалистическую схему. Различие по месту обитания есть нечто иррациональное, не различимое никакими внешними наблюдениями.

Большевизм совершенно гармоничен и устойчив. Никаких национальных различий нет. Вообще никаких различий (внутренних) нет. Все люди одинаковы и, следовательно, бесценны. При национализме люди являются носителями определённых ценностей. Существует ценностная иерархия национальных идей. В христианстве же, как высшей форме религии, все люди бесценны, так как абсолютно различны. Сам факт сотворения Богом данного конкретного человека свидетельствует о его исключительности, неповторимости. Творение не может быть копированием. Социализм же, как одна из разновидностей рационализированного сатанизма, считает человека именно копией, подобием, но не образом. Ведь и сам сатана лишь подобие, а не образ: тень, пародия, карикатура.

Фашизм двусмыслен. Это сатанизм инструменталистский, это принятие правил игры с совершенно внеигровой конечной целью. Это мимикрия, обман для благой цели (725). Большевизм

искренний. И в этом его абсолютная лживость. Там просто Ложь стала Правдой, а Правда — Ложью. Наивность фашизма в том, что там истина в тактических целях маскирована под ложь. Нацисты всегда хвастались, что склонность к обману (военной хитрости) есть национальная черта немецкого народа. Но уже сам факт таких признаний, сам факт ощущения неправоты, обмана, свидетельствует и о признании правоты, истинности. Этот дуализм взрывает национал-социализм. Ни одно из фашистских государств не переживает своего основателя: Италия, Германия, Испания… Что же касается интернационал-социализма, то ни одно из обществ, построенных по его принципам, не разрушилось. На это не влияли ни численность населения, ни размеры, ни местные особенности. Похоже, что такие государства вообще бессмертны. Ибо в своём идеальном состоянии — мертвы.

715

← Предыдущее, следующее →

715. Примечание к № 653
Сталин понятен (к цитате)

В своей речи на траурном митинге кремлёвских курсантов в 1924 г. Иосиф Виссарионович рассказывал о том, как он первый раз увидел Ленина:

«Принято, что „великий человек“ обычно должен запаздывать на собрания, с тем чтобы члены собрания с замиранием сердца ждали его появления, причём перед появлением „великого человека“ члены собрания предупреждают: „тсс… тише… он идёт“. Эта обрядность казалась мне не лишней, ибо она импонирует, внушает уважение. Каково же было моё разочарование, когда я узнал, что Ленин явился на собрание раньше делегатов и, забившись где-то в углу, по-простецки ведёт беседу, самую обыкновенную беседу с самыми обыкновенными делегатами конференции. Не скрою, что это показалось мне тогда некоторым нарушением некоторых необходимых правил».

Сам Сталин всегда соблюдал «некоторые необходимые правила». А поскольку эти правила после революции действительно стали необходимыми, то приход к власти Сталина более чем закономерен.

716

← Предыдущее, следующее →

716. Примечание к с. 73 «Бесконечного тупика»

анализ русской словесной культуры XIX–XX вв.еков показывает, что Россия уже давно обречена (к цитате)

Я смотрю на фотографию Достоевского — лицо пророка, лоб мыслителя (769). И как при тогдашней тяге к вождизму ТАКОГО не поставить на Олимп? Так, чтобы и заикнуться никто не мог. Пускай даже и палку бы перегнули. С Достоевским это можно, это ничего. Это же ДОСТОЕВСКИЙ. Ну, объявили бы его «величайшим гением всех времён и всех народов». Издали бы книги миллиардными тиражами. Придумали частушки про дедушку Достоевского и распевали их в яслях хором… Нет, нашлись кандидатуры поинтересней: «энциклопедический ум Чернышевского», «гениальные прозрения Белинского» (780). А дальше уже маячила картавая бородёнка Самого Человечного Человека.

← Предыдущее, следующее →

717. Примечание к № 696
Чехов — это «испуганный русский». (к цитате)

Уже в месте и обстоятельствах рождения Чехова что-то искусственное, ненужное, нелепо-бессмысленное. Великоросс по происхождению, он родился в совершенно нерусском Таганроге, с нерусским населением, нерусской природой, нерусским климатом. Родители Чехова принадлежали к народной элите. Отец был купцом в первом поколении, человеком сильным и умным, глубоко религиозным (в роду Чеховых были и священники). Родственниками матери Чехова были знаменитые иконописцы из Палеха. Иконописью занимался и отец. Чехову бы и жить на родине, с трескучими морозами, снегом, резкой и отчётливо переменчивой погодой, — ведь к такому климату он был подготовлен столетиями, так был рассчитан. Но Чехов жил в греческо-еврейском Таганроге, пыльном и мутном. С душным лихорадочным летом и нездоровой влажной зимой. С детства что-то было не так, а что «не так», он и сам не знал. Концы и начала мира были потеряны. Характерный чеховский оборот (из письма к знакомой):

«Видите (я вас спрашиваю), всё отчего да отчего… Так и мне постоянно пишут: отчего? А Бог его знает, отчего».

Чехов даже чисто физиологически не принимал окружающего мира, был чужд ему. В конце концов он заболел воспалением брюшины, чем и испортил своё здоровье. Всю жизнь терпеть не мог южные, хохляцкие овощи, все эти помидоры и баклажаны, южную грязь, мух, местную мутную воду, от которой заболевал. Но и севера Чехов полюбить уже не мог, был чужд ему по детскому (главному) опыту. Парадокс — Чехов, пожалуй самый русский писатель, писатель не только без немецко-турецкой «экзотики», но и совершенно русский по своему происхождению (до сих пор единственный первоклассный русский писатель почти из крестьян), Чехов потерял родину, жил как-то вне её, ощущал не личной, а родовой памятью. Уже выморочность.

Всю жизнь также Чехов органически ненавидел греков, евреев

и украинцев (729), хотя был слишком хитёр и учён жизнью, чтобы заявлять об этом открыто или даже достаточно ясно формулировать для себя природную ксенофобию. Это был естественный бунт против издевательской избыточности инородческого элемента в чеховской жизни. Ведь и учиться Антоша пошёл сначала в греческую школу (новогреческий язык потом — в отличие от старшего брата — с отвращением забыл, но постоянно высмеивал греческий акцент).

Кроме физиологической и этнической несообразности, Чехов жил в несообразном культурно-религиозном мире. Это русский в великой русской Масонии, имеющей скоро быть Совдепией. Конечно, Чехов получил чисто религиозное воспитание, но потом, в гимназии — чисто атеистическое. Он пел в церковном хоре, и тут же, в гимназии все открыто смеялись над религией. Чехов попал не в своё время, не в свою эпоху. Сообразный Чехову мир погибал, уходил в прошлое. Чехов — это человек, над которым в детстве ещё надсмеялись и надругались, оплевали самое дорогое, проткнули сердце соломинкой и высосали, а потом выбросили на помойку — живи.

От православия у него осталась только масса иронических реплик на церковнославянском языке. Религию (веру) он воспринимал не иначе, как следствие темноты, «забитости», то есть путал культурный уровень своего отца (определившийся, кстати, не столько внутренними качествами, очень незаурядными, сколько средой) с уровнем православия. От великой 900-летней жизни осталась у Чехова любовь к колокольному звону, несвойственное интеллигенту-инородцу уважение к русскому духовенству, да смутная тоска по какой-то святой жизни. Однажды он написал Суворину:

«У меня болит голова. Если бы в монастырь принимали нерелигиозных людей и если бы можно было не молиться, то я пошёл бы в монахи. Надоело…»

Бунин вспоминал о более позднем периоде:

«Последнее время он часто мечтал вслух: „Стать бы бродячим странником, ходить по святым местам, поселиться в монастыре среди леса, у озера, сидеть летним вечером на лавочке возле монастырских ворот..“ Эти настроения отразились в заключительных страницах рассказа „Архиерей“».

«В „Архиерее“ он слил черты одного таврического архиерея со своими собственными, а для матери взял Евгению Яковлевну».

Сюжет рассказа прост. Архиерей умирает на руках у старушки-матери, бедной, неграмотной женщины, при жизни боявшей-

ся «высокопоставленного» сына и вдруг на смертном одре увидевшей в нём своего «Павлушу».

Чехов писал о своём герое:

«Отец его был дьякон, дед — священник, прадед — дьякон, и весь род его, быть может, со времён принятия на Руси христианства, принадлежал к духовенству, и любовь его к церковным службам, духовенству, к звону колоколов была у него врождённой, глубокой, неискоренимой; в церкви он, особенно когда сам участвовал в служении, чувствовал себя деятельным, бодрым, счастливым».

«Деятельность, бодрость и счастье» — чувства, Чехову совсем не свойственные. Осталась врождённая тоска по службе. Этот предсмертный рассказ удивителен. Его автор — человек безрелигиозный, смерть архиерея написана человеком неверующим, глубоко неверующим — не верящим в загробную жизнь, воздаяние и т. д. Но какое интуитивное, врождённое сочувствие этому уже невозможному для Чехова уютному и светло-осмысленному русскому миру:

«И почему-то слёзы потекли у него по лицу. На душе было покойно, всё было благополучно, но он неподвижно глядел на левый клирос, где читали, где в вечерней мгле уже нельзя было узнать ни одного человека, и — плакал. Слёзы заблестели у него на лице, на бороде. Вот вблизи ещё кто-то заплакал, потом дальше кто-то другой, потом ещё и ещё, и мало-помалу церковь наполнилась тихим плачем» (735).

Чехов испытывал непреодолимое влечение к кладбищам. Ходил, подолгу рассматривал могилы, памятники. Это оставленный русский, притворявшийся европейцем с пенсне. Чехова забыли. Он растерялся. Свою первую пьесу, написанную 17-летним юношей, он назвал «Безотцовщина». Безотцовщина уже в ДНК была заложена. Символ его жизни. Отец человек другого уровня, глуп, в жизни не помощник. Вокруг все чужие. Что ему делать, русскому мещанину? Куда пойти? История с врачом, просмотревшим у себя чахотку, очень подозрительна.

Писал в 27 лет Григоровичу:

«С одной стороны, физическая слабость, нервность, ранняя половая зрелость, страстная жажда жизни и правды, мечты о широкой, как степь, деятельности, беспокойный анализ, бедность знаний рядом с широким полётом мысли; с другой — необъятная равнина, суровый климат, серый, суровый народ со своей тяжёлой, холодной историей, татарщина, чиновничество, бедность, невежество, сырость столиц, славянская апатия и проч… Русская жизнь бьёт русского человека так, что мокрого места не остаёт-

ся, бьёт на манер тысячепудового камня. В Западной Европе люди погибают оттого, что жить тесно и душно, у нас же оттого, что жить просторно… Простора так много, что маленькому человечку нет сил ориентироваться… Вот что я думаю о русских самоубийцах…»

И фатальная, заранее обречённая борьба с демоном смерти. В 1894 году сказал Суворину:

«Как-то лет 10 назад я занимался спиритизмом и вызванный мною Тургенев ответил мне: „Жизнь твоя близится к закату“. И в самом деле, мне теперь так сильно хочется всякой всячины, как будто наступили заговены. Так бы, кажется, всё съел, и степь, и заграницу, и хороший роман… И какая-то сила, точно предчувствие, торопит, чтобы я спешил…»

Сам Суворин вспоминал потом о своём друге:

«Его мало интересовало искусство, статуи, картины, храмы, но тотчас по приезде в Рим ему захотелось за город, полежать на зелёной траве… Кладбища за границей его везде интересовали, — кладбища и цирк с его клоунами, в которых он видел настоящих комиков».

Чехов и был клоуном на кладбище. Как-то в ранней молодости, в начале успеха Антоша Чехонте познакомился с Лесковым, напился и возвращался с ним ночью от девочек. Лесков:

«— Знаешь, кто я такой?

— Знаю.

— Нет, не знаешь… Я мистик…

— И это знаю…

— Ты умрёшь раньше своего брата (Александра; так и вышло. — О.).

— Может быть.

— Помазаю тебя елеем, как Самуил помазал Давида… Пиши».

Чехов передал этот разговор в письме к брату и добавил:

«Этот человек похож на изящного француза и в то же время на попа-расстригу».

Ещё один неудавшийся архиерей, архиерей-клоун.

718

← Предыдущее, следующее →

718. Примечание к № 690

все якобы розановские темы … он просто подобрал, как раковину рак-отшельник (к цитате)

В том числе Розанов подобрал однажды еврейскую раковину. И устроился в ней очень удобно. Получился бессмысленно-гениальный сверхпаразитизм.

719

← Предыдущее, следующее →

719. Примечание к № 579
Щедрин превратил русский язык в мат. (к цитате)

Достоевский полушутливо писал, что мат — это целый язык, состоящий из двух-трёх слов и приспособленный для пьяной речи, когда, так сказать, человека наплыв чувств переполняет, а выразить обычным способом их трудно — язык заплетается. Величие мата в том, писал Достоевский, что:

«Можно выразить все мысли, ощущения и даже целые глубокие рассуждения одним лишь названием … существительного, до крайности к тому же немногосложного».

Не надо кричать: «проклятая Россия!»; «царь — негодяй!»; «тупой дикий народ!» По-русски всё можно сделать гораздо умнее и злей.

Поссорившийся с Щедриным Писарев сказал:

«Г-н Щедрин, сам того не замечая, в одной из глуповских сцен превосходно охарактеризовал типические особенности своего собственного юмора. Играют глуповцы в карты:

— Греческий человек Трефандос! (738) — восклицает он (пехотный командир), выходя с треф. Мы все хохочем, хотя Трефандос этот является на сцену аккуратно каждый раз, как мы садимся играть в карты, а это случается едва ли не всякий вечер.

— Фики! — продолжает командир, выходя с пиковой масти.

— Ой, да перестань же, пострел! — говорит генерал Голубчиков, покатываясь со смеху, — ведь этак и всю игру с тобой перепутаю.

Не кажется ли вам, любезный читатель, после всего, что вы прочитали выше, что г-н Щедрин говорит вам „трефандос“ и „фики“, а вы, подобно генералу Голубчикову, отмахиваетесь руками и, покатываясь со смеху, кричите бессильным голосом: „Ой, да перестань же, пострел! Всю игру перепутаю“ … Но неумолимый остряк не перестаёт, и вы, действительно, путаете игру, то есть сбиваетесь с толку и принимаете глуповского балагура за русского сатирика. Конечно, „тайные поросячьи амуры“, „новая затыкаемость старой непоглощаемости“ и особенно „сукин сын туз“ не чета „греческому человеку Трефандосу“. Остроты г-на

Щедрина смелее, неожиданнее и замысловатее шуток пехотного командира, но зато смеётся над остротами г-на Щедрина не один глуповский генерал Голубчиков, а вся наша читающая публика…»

В результате возникает спутанность, потеря нити иронии и ухмыляющееся на авось отношение вообще к миру. Это чувство круговой поруки обмана, кругового смеха на всякий случай. Щедринские штампы — это лишь метки болезни, накожные нарывы, вызванные общим воспалением организма. Всё начинает сочиться тайным, неприличным смыслом. Сама материя превращается в мат. «Молоток». А ну-ка бросим в щедринское пространство. — «Э-хе-хе, молоток» (825), — и подмигнуть. «Фартук». — «Ха-ха-ха, ну вы скажете». «Палка». — «И-хи-хи». И специальная, «понимающая» улыбка. Всё ложно. Подлинно лишь одно — затаённая, до краёв заполняющая, а потому и не выплёскиваемая наружу ненависть. Ненависть как спокойная полнота, как мудрость.

Без знания произведений Салтыкова-Щедрина будет ничего не понятно в филологических зарослях интеллигентских «трефандосов» и, главное, не будет понятно мироощущение двух-трёх поколений русских образованных классов. Особенно из разночинцев, ведь щедриномания — это, прежде всего, аберрация русской крестьянской недоверчивости к миру, крестьянского юмора и типа поведения в незнакомой, пугающей обстановке. Щедрин — это гений масонской пропаганды в России, вершина. Он выявил и зафиксировал природную предрасположенность русского языка к злобному отстранению. Разумеется, совершенно невольно, из природного эстетизма.

Достоевский писал о Михаиле Евграфовиче:

«У него игра, у него словечки, он вертляв, у него совершенно беспредметная и беспричинная злость, злость для злости — нечто вроде искусства для искусства. Злость, в которой он и сам ничего не понимает. А это-то всего драгоценнее… Стоит только направить эту злость, и он будет кусать всё, что ему ни укажут, потому что ему только бы кусать».

И ниже:

«В сущности, это был поклонник искусства для искусства, юмористики для юмористики. Был бы только „трефандос“, а к кому он относится — всё равно».

У Щедрина дурашливый, подзуживающий эстетизм. Карикатура для карикатуры. Нарисовал злой шарж, потом походил-походил вокруг и неожиданно пририсовал на щеку бородавку. Бородавку совсем немотивированную, нелепую, уничтожающую по-

следние остатки сходства с оригиналом. Но уж больно хороша — нельзя отказаться. И снова ходит-ходит и вдруг — р-раз — к бородавке волоски пририсовал. Вообще хорошо стало, заходил по кабинету, ручки потирая: «Ай да Щедрин!» Потом ночью проснулся, зажёг свечу и волоски в оранжевый цвет выкрасил. Счастливый, под утро заснул.

Его многотомные фельетоны дики — гниль языка. Это такой позитивный Маяковский. Если бы Михаилу Евграфовичу прочли бы про «горбуна и ананас», он бы понял «как». Но ему, в отличие от Маяковского, не показали, — время другое было… Всё же отдельные предложения, коротенькие сказочки — закруглены и так и просятся в следующую литературную эпоху. Или, по крайней мере, в эпоху предыдущую.

В сущности, лицеист и вице-губернатор Салтыков-Щедрин — это камер-юнкер 60–70-х. В своём Мраморном дворце великий князь Константин Николаевич (второй человек в государстве тогда), сидя на канапе, давясь от смеха, читал щедринские вещицы. Лично покровительство оказывал.

720

← Предыдущее, следующее →

720. Примечание к № 695

В том-то и дело, что ничего они не изучали. (к цитате)

Это ещё с тех героических лет масонская мифология начала раскручиваться: народовольцы — сверхлюди, «гении конспирации», летают, проходят сквозь стены. — Бездарные недотёпы, которых серьёзные люди замучивались прикрывать (739). Ну что это? — Вот знаменитый «Дворник» — Михайлов, начальник «контрразведки» «Народной воли». Как он засы́пался: пошёл в одну из главных фотографических мастерских Петербурга и заказал карточки только что повешенных народовольцев. Когда Михайлов зашёл в мастерскую во второй раз, ему там сказали, что карточки ещё не готовы, причём пока хозяин говорил, его жена, стоявшая рядом, провела рукой по шее, смотря Михайлову в глаза. Дурачок, придя на явку рассказал своим: «что бы это значило?» Решили, что предупреждают о засаде. На следующий день гениальный контрразведчик снова пошёл в мастерскую, на авось. Делать было нечего (до каких же пор прикрывать!) — взяли. Как только взяли, дурачок стал рваться, кричать: «Вы не понимаете, с кем вы разговариваете! я буду жаловаться! я отставной поручик (748) такой-то!» — «А где вы живете?» Михайлов назвал точный адрес конспиративной квартиры. Туда сразу же приехали, взяли палку с потайным кинжалом, кастет, пачки фотографий революционеров, кипы прокламаций, динамит… Детство это: «палка с кинжалом», фотографии. И зачем им эти фотографии нужны были? — Хотели сделать альбом «для истории»… Неуловимый, легендарный Дворник.

А вот другой горе-террорист — Герман Лопатин. При аресте у него обнаружили целый список конспиративных адресов. В энциклопедическом словаре Южакова сообщается:

«Лопатин был арестован в Петербурге 7 октября 1884 г. на Невском проспекте среди бела дня (т. е. зарвался. — О.). *При задержании у него нашли 11 листков тонкой бумаги с адресами и разными конспиративными записями, которые он в расчёте на свою силу и ловкость надеялся проглотить в критическую минуту».*

Это 11-то листков? А записными книжками закусить? «Свои» прикрывают в словаре:

«Он два раза вырывался из рук полицейских, но каждый раз оставался побеждённым. В третий раз уже в жандармском правлении он снова вырвался, вытащил и сунул их в рот („11 листков“); но его схватили за горло».

По его записям арестовали до 500 человек. «Гений конспирации».

Да что там, у Софьи Перовской, арестованной после убийства царя, нашли записную книжку с конспиративными адресами для связи с Нечаевым. Шла «на дело», а книжечку прихватила на всякий случай.

А эти майн-ридовские «побеги из-под стражи»? Вечно то пачку табака в глаза охранникам, то из окна уборной. Да просто подобрать штук десять описаний побегов, напечатать подряд, и «всё ясно».

Однако вернёмся к контрразведке. Известно, что в департаменте полиции у народовольцев был свой человек, некто Клеточников. Судьба Клеточникова в её официальном изложении просто анекдотична. Клеточников жил. Никто его не знал. Родных у него не было, друзей также не имелось. Скромный чиновник, ни с того ни с сего он поехал за границу. Потом тоже ни с того ни с сего поехал в Петербург и сразу вышел на Михайлова. Потом пошёл работать по его совету в охранное отделение и устроился в секретнейшую часть, и стал сообщать Михайлову все сведения о шпиках и т. д. Вопрос: кто такой Клеточников? Ответ: если судить по этим данным, то шпион высочайшей квалификации. Не знаю, английской разведки, немецкой, не знаю, Клеточников ли это вообще. Но это профессионал. Либо второй вариант: вся биография Клеточникова — липа.

Теперь можно перейти к проблеме «Исполнительного Комитета» народовольцев. Комитет сей изобрёл головорез Валериан Осинский. Осинский вообще-то был «в законе», и, в частности, через него проходили большие потоки денег, документов и оружия из Польши и Одессы, но у него же была репутация и отчаянного враля. В революционной среде он был не менее известен своей польской хвастливостью и склонностью к мистификациям. Именно Осинский впервые стал ставить на прокламации печать выдуманного им самим «Исполнительного комитета социально-революционной партии» со страшным револьвером, кинжалом и топором.

Сам «Исполнительный Комитет» образовался позднее и из других людей. Эти люди назвали себя «Исполнительным

Комитетом», но по сути дела никогда никакого комитета не составляли, действовали разрозненно, принимали решения в одиночку и, собственно говоря, мистифицировали своих подчинённых решениями мифического ИК. ИК был выдуман ещё до создания ИК. А потом ИК существовал как некий «собирательный образ», на сакральный авторитет которого ссылались отдельные главари. Интересно, что члены комитета, находящиеся внутри России, ссылались на решения «Заграницы». А «Заграница» ссылалась на русский комитет. Так кто же стоял выше? Кто всю работу координировал? Пустота. Всё якобы обрывается на этих подонках. На исполнителях, то есть распропагандированных недоумках или наёмниках.

В том-то и дело, что сами народовольцы, их мысли, чувства, поступки никакой ценности не представляют. Неинтересные пешки. Но какая бешеная, какая поистине «большевистская» реклама. «Титаны „Народной воли“». Тургенев, Некрасов, Толстой (восхищавшийся Осинским). Даже Достоевский косвенно попал. Хотя он-то чувствовал, что есть персоны и посильнее.

721

← Предыдущее, следующее →

721. Примечание к № 698
«Упаси Боже от … врачей-большевиков» (В. Ленин) (к цитате)

Богданов ещё до революции написал фантастический роман «Красная звезда» о жизни на Марсе. По поводу Марса Ленин писал сестре:

«(Астроном Ловелл) доказывает, что Марс обитаем, что каналы — чудо техники, что люди там должны быть в 2 2/3 раза больше здешних, притом с хоботами, и покрыты перьями или звериной шкурой, с четырьмя или ШЕСТЬЮ ногами. Н… да, Богданов нас поднадул, описавши марсианских красавиц НЕПОЛНО, должно быть по рецепту: „Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман“».

Сам Ленин всегда предпочитал «низкие истины» и одной половиной двоящегося сознания понимал, что каналы будут строить громадные спруты с перепачканными человеческой кровью хоботами. «На войне, как на войне».

722

← Предыдущее, следующее →

722. Примечание к № 713
Чехов ясен именно из книг. (к цитате)

Даже не вообще из книг, которые у него зарощены бурьяном заглушечного псевдоотстранённого мышления и на 90% посредственны и мелки, а из некоторых страниц этих книг, некоторых пьес и рассказов.

«Чехов-мыслитель» мелок и не существует. 28-летний, он писал в письме к Григоровичу:

«Политического, религиозного и философского мировоззрения у меня ещё нет; я меняю его ежемесячно, а потому придётся ограничиться (в романе, который собирается писать. — О.) *только описанием, как мои герои любят, женятся, родят, умирают и как говорят…»*

Собственно все «умные мысли» Чехова — это подобранные где-нибудь изречения (подобранные чаще всего из немецко-французской популярной литературы в пересказе Суворина), вложенные «на авось» в уста того или иного героя и тщательно потом заглушенные, демонстративно «неавторские». Однажды какой-то любитель подобрал характерные изречения из чеховских книг и хотел их издать отдельной брошюрой. Чехов был возмущён. Хотя в сущности с мыслями этими он был согласен. Но не уверен в их истинности.

Такая позиция Чехова совсем не является какой-то аномалией. Наоборот, это типично писательская позиция. Ибо кто такой писатель? Прежде всего читатель, дилетант. «Мудрость» его заимствована (откуда угодно, от Библии и Платона до доверчивого соседа), но заимствована, правда, всегда удачно и к месту.

«Красота спасёт мир» Достоевского, о которой столько написано, взята ведь у Шиллера. (Хотя антитеза «некрасивость убьёт» — развитие, кажется, самостоятельное.) Литература — это «философия для бедных», некая частность и популяризация. Философу литература не нужна (как философу). Но… В одном случае литература имеет громадное значение для философа и для философии. Свободная, ничем не ограниченная фантазия писателя даёт чистейший пример схемы мышления. Тут именно

«авось» литературы даёт ей особое преимущество. Философию «на авось» не построишь, она всегда приземлена, всегда выверена отвесом истинности. Говоря проще и грубее, философу нельзя врать, нельзя фантазировать. Литература же вся построена на этом. Это лгущая философия. И из-за этого не только она являет эталон СВОБОДНОГО мышления, свободного ото всего, даже от логики, но и является необходимой и неизбежной альтернативой философии, той «неправильностью», которая выверяет её правильность. Это легко понять из следующего примера: пародия на философское произведение является литературой, а не философией же. И в некотором смысле вся литература есть пародия на философию. Но, повторяю, из-за своей свободы она превращается в прекрасный материал для философских размышлений.

723

← Предыдущее, следующее →

723. Примечание к № 690

Важна не тема, важна чисто русская интерпретация-проворачивание, с языком от удовольствия. (к цитате)

Почему Розанов был столь увлечён темой секса (820) и много думал и писал о щекотливейших и скабрёзнейших аспектах полового вопроса? Что за интерес? Ведь он не был сексуально ненормален, как гомосексуалист Леонтьев. И не был декадентски «прогрессивен», как Мережковский, мирно делящий жену с другом дома. И не был даже холостяком, как Соловьёв. И дети у него были, в отличие от, например, Бердяева. Интимная жизнь и сексуальные интересы Розанова вполне заурядны. Что же его привлекало? Я думаю, именно потому, что в половом отношении он не был «озабочен», именно поэтому эта тема и показалась ему интересной. Из-за чисто интеллектуальной игривости, игривого стремления к покаянию и смерти. Он был русский, и ему было стыдно. И как раз стыд притягивал, возбуждал. Розанов в своих статьях на соответствующие темы оговаривается весьма красноречиво:

«Не без великого смущения мы написали здесь многие слова; но пусть читатель доверится, что автор знал весь риск этих слов, и значит были они неизбежны, когда, постановив их полными буквами и в надлежащем порядке, он и сам прошёл чрезвычайно близко к краю величайшего и гибельного осуждения, какому вообще может быть подвергнуто имя писателя. Всё рискованно здесь — в мысли, для имени пишущего; но нет ещё областей, которые содержали бы такие великие обещания…»

«Очищение невозможно было произвести одною только философией, по существу холодною и лишь пролетающей ОКОЛО темы (может быть — МИМО её): нужно было, т. е. была задача — снизойти и чуть-чуть уничижиться САМОМУ перед темой».

И унижение было отблагодарено:

«Вошёл в заколдованный лес, и пока С ЭТОЙ стороны к нему подходил — казалось жабы и ведьмы повисли на его суках: а как вошёл и ОТТУДА посмотрел — увидел реющих эльфов».

Собственно, вся «эротомания» Розанова — это петляющее путешествие по лесу сексуальности. Тогда это, ух, как страшно было. Страшно и интересно. Особенно в русской-то чаще. Обойти весь лес, всё посмотреть и не заблудиться, не пропасть. Задача. А сейчас, в жиденьком леске конца XX века, сплошь пробитом просеками психоанализа, Розанову бы и неинтересно было. Нашёл бы чего-нибудь полюбопытней.

724

← Предыдущее, следующее →

724. Примечание к № 581

«Г-н Горн только чуточку пооткровеннее и чуточку больше обнажился, но его отличие … ничуть не больше, чем отличие г. Струве от г. Набокова». (В. Ленин) (к цитате)

Здесь проведём на кривом кульмане ещё чёрточку. Розанов в «Опавших листьях» предлагал Мережковскому:

«Друг мой: обнимите и поцелуйте Владимира Набокова. Тошнит? (761) … Мы — святые. Они — ничто. Воры и святые, блудники и святые, мошенники и святые. Они „совершенно корректные люди“ и ничто. Струве спит только с женою, а я — со всеми (положим): и между тем он даже не муж жены своей, и не мужчина даже, а — транспарант… а я всё-таки муж, и „при всех“ — вернейший одной».

725

← Предыдущее, следующее →

725. Примечание к № 714

Фашизм … мимикрия, обман для благой цели. (к цитате)

Немецкий фашизм можно рассматривать как антимасонский бунт. И бунт этот доказал, что масонство далеко не простое разрушение. Масонство это, быть может, единственно возможный ПОРЯДОК в мире, как говорил ещё Достоевский (в «Легенде»).

726

← Предыдущее, следующее →

726. Примечание к № 680

(Туркин) «всё время говорил на своём необыкновенном языке, выработанном долгими упражнениями в остроумии» (А. Чехов) (к цитате)

Если для Щедрина нарочитость языка была всё же литературным приёмом, то для Чехова она стала в значительной мере формой стилизованного существования (как и для его Туркина). Невозможно представить, чтобы в реальности дворянин Салтыков говорил на фельетонном языке своих произведений. Речь Чехова вся построена на интеллигентских присказках и прибаутках (760).

Следующая ступень разложения языка — творчество Заболоцкого и Хармса. Для них филологическое юродство стало не просто плоским литературным приёмом, как у Щедрина, и даже не поведением, как у Чехова, а определённым взглядом на мир:

Иногда во тьме ночной
Приносят длинную гармошку (766)
Извлекают резкие продолжительные звуки
И на травке молодой
Скачут страшными прыжками,
Взявшись за руки, толпой.

Это уже порча вполне сознательная, но, в отличие от дореволюционной литературы, к тому же крайне продуктивная, т. к. совпадает с общей порчей мира.

Завершает этот процесс Андрей Платонов. В его произведениях происходит не просто разложение литературной формы и языка, но и распадение способа осмысления мира (767). Распад достигает своего логического предела. И, совпадая с максимальным распадом окружающего мира, становится максимально оправданным. Если Щедрин верх неестественности, то Платонов верх естественности, органичности. Он не менее органичен, чем классическая проза Чехова.

В «Котловане» девочка Настя говорит про медведя-пролетария:

«— Смотри, Чиклин, он весь седой!»

А Чиклин отвечает:

«— Жил с людьми — вот и поседел от горя».

Разве это не похоже на чеховских «Мужиков»:

«На печи сидела девочка лет восьми, белоголовая, немытая, равнодушная; она даже не взглянула на вошедших. Внизу тёрлась о рогач белая кошка.

— Кис, кис! — поманила её Саша. — Кис!

— Она у нас не слышит, — сказала девочка. — Оглохла.

— Отчего?

— Так. Побили».

Ритм идентичен, и я часто повторяю про себя и тот и другой отрывок. Что же касается содержания, то Платонов явно продолжает чеховскую традицию, чеховское отношение к «веикаму уускаму наооду» (в данном случае грассирование дворянское или местечковое на выбор, все равно). Чехов:

«На Воздвиженье, 14 сентября, был храмовой праздник… Как раз в это время на террасе сидел инженер с семьёй и пил чай…

(Пришёл из деревни крестьянин Лычков с палкой в руках) — Ваше высокоблагородие, барин… — начал Лычков и заплакал. — Явите божескую милость, вступитесь… Житья нет от сына… Разорил сын, дерётся… Ваше высокоблагородие…

Вошёл и Лычков-сын, без шапки, тоже с палкой; он остановился и вперил пьяный, бессмысленный взгляд на террасу.

— Не моё дело разбирать вас, — сказал инженер. — Ступай к земскому или к становому…

(Лычков-отец) поднял палку и ударил ею сына по голове; тот поднял свою палку и ударил старика прямо по лысине, так что палка даже подскочила. Лычков-отец даже не покачнулся и опять ударил сына, и опять по голове. И так стояли и всё стукали друг друга по головам, и это было похоже не на драку, а скорее на какую-то игру».

Это вполне платоновский сюжет. Легко представить себе соответствующую сцену в одной из его повестей. Только лексику деформировать и всё:

«1 мая был всемирный праздник международного трудящегося. Как раз в это время на террасе сидел инженер с семьёй и совершал процесс питания.

К нему пришёл из нашей советской деревни зажиточный крестьянин Лычков с орудием палкой в руках. — Гражданин работник умственного труда… — начал Лычков и заплакал. — Явите сочувствие к сочувствующему генеральной линии… Житья нет

от сына… Разорил сын, дерётся…

Вошёл и Лычков-сын, без шапки, тоже с орудием труда; он кончил факт движения и под углом классового чутья сделал взгляд на террасу.

— Генеральная линия партии взяла курс на мою смерть, — сказал инженер. — Ступайте к секретарю или к милиционеру…»

А следующий абзац можно вообще дословно переписывать.

Толстой был очень недоволен «Мужиками»:

«У Горького есть что-то своё, а у Чехова часто нет идеи, нет цельности, не знаешь, зачем писано. Рассказ „Мужики“ — это грех перед народом. Он не знает народа…»

«Если бы русские мужики были действительно таковы, то все мы давно перестали бы существовать».

И перестали. Показ Чеховым отрицательных сторон деревенской жизни, разрушающий миф русской литературы о добродетельных поселянах (779) (в полном единодушии создаваемый не выносившими друг друга Тургеневым, Достоевским и Толстым), был и началом разрушения самой русской литературы. Но у Чехова, а затем в ещё большей степени у Бунина, деформировалась литературная идеология. Сама лексика была ещё вполне классической. «Обэриуты» лексику разрушили, на них «хорошая литература» кончается. Но своей идеологии, своего мифа-мира они не создали, да и не могли создать. Платонов же — это реидеологизация литературы. Возвращение к её назидательности и дидактичности, но возвращение вторичное, опирающееся на разрушенный левый язык. Платонов кристаллизовался из леворадикального газетного месива. В этом смысле он ещё русский писатель. Корни его логоса доходят до 60-х годов XIX в. Это логическое завершение интеллигентского инфантильного языка, в конце концов сбывшегося и послужившего адекватным выражением апокалипсиса коллективизации. Наверно, правый язык и не годился для подобной задачи. Не могу себе представить Бунина, пишущего о деревне 30-х.

727

← Предыдущее, следующее →

727. Примечание к № 629

И самурай думал: «Что ж ты, негодяй, Родиной, да ещё за пятак, торгуешь!» (к цитате)

Как известно, в Японии эмигрантов-европейцев практически нет. Русских же в Японии вообще живёт раз-два и обчёлся. Но в их числе зато нашлось место старейшему русскому социал-демократу Александру Алексеевичу Ванновскому. Участник I съезда РСДРП от московской организации нашёл себе после 1917 г. приют не в Англии, Франции, Германии или Русском Китае — с большими русскими общинами, со сходными жизненными условиями, — а в Японии. В стране, где иностранцев не любят, где соотечественников практически нет. Без языка, без связи с социал-демократическими общинами Европы и Америки, сравнительно обеспеченными и с развитой системой взаимопомощи. И прожил там Ванновский, выехавший в 1919 г. из России «для лечения», не 10, и не 20, и не 30, а 50 лет. Что же привлекало его в Японии? Да ведь платило, наверно, старейшему социал-демократу за прошлые-то заслуги перед божественным микадо определённую пенсию определённое ведомство японское. Как-никак, кто был во время Русско-японской войны активнейшим деятелем московского вооружённого восстания и призывал к штурму Кремля? — Офицер царской армии Александр Алексеевич Ванновский. Кто был тогда инициатором и вожаком военного восстания в Киеве? — Он же, Ванновский. Кто написал пособие для русских социал-демократов «Тактика уличного боя»? — Опять Ванновский… Но платили немного. Ванновский в Японии жил бедно. Японцы таких людей не любят.

В 30-х годах к японцам в Маньчжурию бежал начальник НКВД Дальневосточного края Генрих Люшков, бывший зам. начальника секретно-политического отдела и один из следователей по делу Кирова. Сын Антонова-Овсеенко встретился в 1948 году в лагере с бывшим начальником штаба Квантунской армии (732), и он рассказал ему о дальнейшей судьбе Люшкова:

«У нас в Японии не верят предателям, их не любят. Если он предал свою родину, что помешает ему предать ещё раз — го-

сударство, которое его приютило? Люшков привёз с собой документы, которые лишь на первых порах представляли большую ценность. Через три месяца они стоили не больше бумаги… Прошло два года… Когда он в очередной раз пришёл ко мне, мы, как обычно, поговорили немного, я вручил ему пакет с жалованием и попрощался. Кабинет у меня большой, пока он дошёл до двери, я успел всадить ему пулю в затылок из своего кольта. „Уберите эту гадость“, — сказал я вошедшему адъютанту».

728

← Предыдущее, следующее →

728. Примечание к № 387

«мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» (Ф. Достоевский) (к цитате)

Но это точка зрения писателя. Превращение Христа — в персонаж. Евангелия — в сюжет. В повесть.

Розанов писал в «Апокалипсисе»:

«Да, Христос мог описывать „красоту полевых лилий“ … но Христос не посадил дерева … и вообще он … не травянист, не животен, в сущности — не бытие, а — почти призрак и тень, каким-то чудом пронёсшаяся по земле. Тенистость, тенность, пустынность Его, небытийственность — сущность Его. Как будто это — только Имя, „рассказ“».

И в результате — Апокалипсис, сущность Апокалипсиса, когда:

«Сами люди — точно с отощавшими отвислыми животами, и у которых можно ребра сосчитать, — обратились таинственным образом в „теней человека“, в „призраки человека“, до известной степени — в человека „лишь по имени“».

В персонажи «Архипелага». Вся Россия вылетела в книги (752).

729

← Предыдущее, следующее →

729. Примечание к № 717
Чехов органически ненавидел … украинцев (к цитате)

Об украинцах, чтобы не быть голословным. Вот такие примерно высказывания постоянно в его письмах:

«У этого человека, талантливого немножко и неглупого, есть в голове какой-то хохлацкий гвоздик, который мешает ему заниматься делом как следует и доводить дело до конца…»

Или:

«Хохлы упрямый народ: им кажется великолепным всё то, что они изрекают, и свои хохлацкие великие истины они ставят так высоко, что жертвуют им не только художественной правдой, но даже здравым смыслом».

Или:

«Сергеенко пишет трагедию из жизни Сократа. Эти упрямые мужики всегда хватаются за великое, потому что не умеют творить малого, и имеют необыкновенные грандиозные претензии, потому что вовсе не имеют литературного вкуса…»

В рассказе «Именины» Чехов под впечатлением от пребывания в усадьбе украинофилов Линтварёвых вывел тупого прогрессивного хохла. Плещеев Чехова одёрнул, посоветовал хохла из рассказа выкинуть, на что Антон Павлович принялся доказывать, что он имел в виду не Линтварёвых,

«а тех глубокомысленных идиотов, которые бранят Гоголя за то, что он писал не по-хохлацки, которые, будучи деревянными, бездарными и бледными бездельниками, ничего не имея ни в голове, ни в сердце, тем не менее стараются казаться выше среднего уровня и играть роль, для чего и нацепляют на свои лбы ярлыки… Нет, не вычеркну я украинофила».

Однако в последующих изданиях пришлось вычеркнуть.

730

← Предыдущее, следующее →

730. Примечание к № 696
в душе великий народец проклиная (к цитате)

Чехов был антисемитом. В самом элементарном, бытовом смысле этого слова. Через всю его переписку проходит тема пренебрежительного подшучивания или даже прямого высмеивания евреев. Как элемент быта, обычной бытовой лексики:

«Но никто так не шипит, как фармачевты, цестные еврейчики и прочая шволочь»

(по поводу антисуворинской кампании в 1887 г.).

«Думаю, что сыр-бор сильнее всего горит в толпе еврейчиков… Я читал прокламации: в них ничего нет возмутительного, но редактированы они скверно и тем особенно плохи, что в них чувствуется не студент, а жидки… Должно быть, не студенты сочиняли».

(О студенческих волнениях 1890 г.)

«Он писать не умеет и вообще бездарен, как все крещёные шмули».

«Не люблю, когда жидки треплют моё имя. Это портит нервы».

«На такой же точно жёлтой бумаге, как у Вас, пишет ко мне один очень надоедливый шмуль (753), и его письма я читаю не тотчас же по получении, а погодя денька три; и ваше письмо я отложил в сторону, подумав, что это от шмуля. Такова одна из причин, почему я так долго медлил с ответом…»

«Не печатай, пожалуйста, опровержений в газетах … опровергать газетчиков всё равно, что дёргать чёрта за хвост или стараться перекричать злую бабу. И шмули, особенно одесские, нарочно будут задирать тебя, чтобы ты только присылал им опровержения». (Брату в др. месте: «Одесская печать — это самая бестактная и самая некорректная печать в мире».)

«О Толстом пишут, как старухи о юродивом, всякий елейный вздор, напрасно он разговаривает с этими шмулями».

Из письма братьев Чеховых сестре, где Ал. Чехов ломается, прося рекомендацию в «Курьер» к Коновицерам:

«Я послал бы и сам, но они мине, как Седого (псевдоним Ал. Чехова. — О.)… *не жнають и могуть пожнакомить моево рукопись з/подстольного корзина (785). А ежели Вы пошлёте и шкажете, кто такова — Седой, тогда я въеду в „Курьер“ ни чирез кухню, а чирез параднава дверь, как будто из банкирского контора».*

«В Петербурге рецензиями занимаются одни только сытые евреи неврастеники, ни одного нет настоящего, чистого человека».

Шутил с Книппер по поводу присланных ею фотографий:

«Другая тоже удачна, но тут Вы немножко похожи на евреечку, очень музыкальную особу, которая ходит в консерваторию и в то же время изучает на всякий случай тайно зубоврачебное искусство и имеет жениха в Могилёве».

Чехов назвал своих такс Бром и Хина. Но, изощряясь в филологическом гурманстве, он приделал к именам и отчества. Полностью собачек звали так: Бром Исаевич и Хина Марковна. Или сокращённо: Исаич и Марковна. Чехов писал сестре из Парижа:

«Милая Маша, передай Хине Марковне, что я сегодня завтракал у Марка Матвеевича Антокольского» (834).

Одновременно Антон Павлович метал громы и молнии по поводу антисемитизма Суворина (который никогда себе подобных выходок не позволял). Великий писатель земли русской встал горой за униженных и оскорблённых детей еврейских миллионеров. Но стоило какому-то «шмуле» наступить Чехову на мозоль, и тут же показное теоретическое юдофильство сменилось вполне конкретной юдофобией:

«„Курьер“ недавно подложил мне большую свинью. Он напечатал письмо шарлатана Мишеля Делиня, подлое письмо, в котором Делин старается доказать, какой негодяй и мерзавец Суворин, и в доказательство приводит моё мнение. Это уже чёрт знает что, бестактность небывалая. Нужно знать Делина: что это за надутое ничтожество! это еврей Ашкинази, пишущий под псевдонимом Мишель Делин».

Это в частном письме, к сестре. «Для внутреннего пользования». Делин по-восточному «договорил». А договаривать Чехов не любил. На словах, «официально».

731

← Предыдущее, следующее →

731. Примечание к № 657

Преступление … в себе выношенное, но гениально не совершённое. (к цитате)

Розанов писал о Раскольникове:

«(Тотчас после преступления закона неприкосновенности человека) началось мистическое взаимодействие между убившим, убитою и всеми окружающими людьми… „Не старушонку я убил, себя я убил“, говорит он… Мистический узел его существа, который мы именуем условно „душою“, точно соединён неощутимою связью с мистическим узлом другого существа, внешнюю форму которого он разбил. Кажется, все отношения между убившим и убитою кончены, — между тем они продолжаются; кажется, все отношения между ним и окружающими людьми сохранены и лишь изменены несколько, — между тем они прерваны совершенно … только переступив личность человека, мы постигаем всё её значение: для нас открывается мистический и иррациональный смысл её, но уже поздно. Сделав ненужным подобный опыт, обнаружив со всей убедительностью в гениальном изображении состояние преступной совести, Достоевский оказал великую историческую услугу».

Почувствовать свою душу, то, что она живёт, можно лишь уничтожив душу другую, порвав невидимую и неощутимую нить, соединяющую мистически ваше «я» с «я» другим. Другое «я» только и материализуется окончательно для вас после его внешнего разрушения. Человек чувствует, что внутреннее убийство, то есть уничтожение — невозможно. Объём души не совпадает с видимыми границами «я», для которого «другие» лишь модификации собственного состояния. Человек может уничтожить являющееся другое «я», но не в состоянии отказаться от некоторого состояния себя, именуемого именем убитого.

Чтение Достоевского даёт относительно социальный и «нравственный» опыт убийства и тем самым заставляет почувствовать подлинный объём своего мира. Отсюда ощущение преступности чтения Достоевского. Чтение его романов — преступление. Чтение книг Розанова — тоже преступление. И Розанов и Достоев-

ский крайне субъективны (причём их субъективизм рассчитан именно на русское восприятие). Эта субъективность приводит к их внутреннему оживлению. А оживление, в свою очередь, вызывает ощущение убийства. Читатель чувствует себя убийцей Розанова и Достоевского. Образуется внутренняя, интимная связь с их мирами и, соответственно, отъединение от реально живущих людей.

То же произошло и с отцом. Отец умер, и я с ним связан, это умерла часть меня. А с окружающими связь разорвана. Громадная особенность в том, что отец жил. Действительно ЖИЛ. Это, может быть, единственно живой человек, которого я видел.

732

← Предыдущее, следующее →

732. Примечание к № 727

встретился в 1948 году в лагере с бывшим начальником штаба Квантунской армии (к цитате)

И японцы несчастные попали. Только роль их в русской истории не такая значительная, как у немцев, и гулажик им поменьше сделали. Но «основную мысль», я думаю, и японцы поняли.

733

← Предыдущее, следующее →

733. Примечание к № 529

Количественным символом банкротства Соловьёва, пустоты, является постоянная неоконченность его вещей. (к цитате)

Уже юношеская диссертация Соловьёва («Кризис западной философии») закончена лишь формально. 120-страничный труд завершается совершенно произвольным утверждением, якобы следующим «из самого хода изложения»:

«Итак, по устранении в „философии бессознательного“ тех очевидных нелепостей, которые вытекают из её относительной ограниченности и находятся в противоречии с основными принципами, мы получаем следующие общие результаты, которые вместе с тем суть и результаты всего западного философского развития, потому что, как мы видели, философия Гартмана есть законное и необходимое произведение этого развития … и тут оказывается, что эти последние необходимые результаты западного философского развития утверждают, в форме рационального познания, те самые истины, которые в форме веры и духовного созерцания утверждались великими теологическими учениями Востока».

О христианском Востоке до этого у Соловьёва не было сказано почти ничего. Речь шла о довольно подробном изложении западных философских систем и только. Всё это Гегель в квадрате, своеобразная мифология «устроения»:

— Я ничего, я прилежный, ортодоксальный… Это всё «объективный процесс развития мировой философии». А я в конце положу незаметно кирпичик, и не положу даже, а только кирпич Гартмана поправлю. С одной стороны, как бы скромно и нет меня даже, а с другой, хе-хе, на мне-то всё и кончается, всё по документам и закругляется на мне.

Страшная узость мысли при страшной широте претензий. Но какое-то подобие меры ещё соблюдено, ещё концы с концами вроде бы сходятся (744). «Роль выдержана».

Но уже в полемике с Лесевичем по поводу своей диссертации Соловьёв явно переигрывает. Ответ Лесевичу блестящ, но именно в нём, может, с особенной-то силой виден основной порок,

основная трещина. В рамках литературной задачи у Соловьёва всё хорошо, тут «ни убавить, ни прибавить». Но вот какая штука — сам стиль, его напряжённая изворотливость, находится в странном несоответствии с подчёркнуто формальным и отстранённым характером полемики. Текст разрывается изнутри, используется чисто инструментально, так что абстрактная форма не выдерживает несоответствия и начинает расползаться. Изложение начинает срываться с логической резьбы. В статье о Лесевиче это ещё тенденция, так как спасает узость и элементарность темы. Но вот в написанных далее «Философских началах цельного знания» дело уже плохо. Мысль философа, нервно-субъективная, не может пробиться сквозь объективный материал, начинает в нём исчезать, растворяться. Соловьёв не может обойтись без идиотских экскурсов, без пережёвывания давно известного. Перед нами уже типичный профессор (что для философа почти оскорбление). «От Греции до современности», «от Греции до современности» — и мысль на 70% этим засорена. Мысль уже не в силах пропитать собой весь материал, и информация начинает высыхать, трескаться на отдельные блоки. Хотя в своей работе Соловьёв называет эклектизм «бесплодной попыткой описать окружность без центра и радиуса», его философия вырождается уже из-за самой структуры русского языка именно в такой эклектизм, в попытку мыслить при помощи гнилой линейки и ржавого циркуля. В результате «Философские начала цельного знания» оканчиваются нулём, ничем. В бессмысленной попытке объективации субъективного Соловьёв соскальзывает в ничто. Его работа начинается с 40-страничного введения, потом идёт 20-страничное изложение всей мировой философии, потом, наконец, он приступает к изложению первой части своей «свободной теософии», а именно «органической логики». Мысль Соловьёва начинает истерически вихлять, пытаясь на отечественных розвальнях вписаться в головокружительно-спиралевидные повороты гегелевской диалектики. Философ, надо отдать ему должное, продержался ещё почти 100 страниц. И это будучи 24 лет отроду! Но всему есть предел. На 383 странице 1 тома собрания сочинений наступил крах. Соловьёв захотел рассмотреть «27 логических модусов». Всё перевернулось, рассыпалось. Первую триаду бедный молодой человек уложил в 6 страниц. Но тут оказалось необходимым сделать 4 примечания. Первое примечание — 1 страница, второе — 2 страницы, третье — 2 страницы, четвёртое — 3 страницы. Причём, уже чувствуя, куда его заводит, Соловьёв делает попытку отрезать бахрому вырастающих ответвлений и заявляет, что в четвёртом

примечании он «ограничится только несколькими указаниями», так как вернётся к этой теме позднее. Однако к четвёртому примечанию Соловьёву приходится делать ещё примечание-сноску. Далее, по инерции, он проскакивает вторую триаду и окончательно увязает в третьей. Всё.

Через разбитое окно этого окончания хорошо видно будущее *«ди руссише философи»*.

Однако саморазоблачение сопровождается старательным переигрыванием:

«Школьная же философия довольствуется одним семенем истины, засушив её отвлечёнными формулами».

«Вследствие отвлечённого характера школьной философии, обособлявшей логические понятия и утверждавшей их в такой исключительности, многие школьные философы не признавали и доселе не признают необходимую познавательность … о себе сущего, несмотря на простоту и ясность этой истины, а один из величайших между этими философами, Кант, с особенною резкостью настаивает на противоположенности о себе сущего, динг ан зихъ, и мира явлений…»

Оцените картину: создаётся искусственный русский язык, вульгарно имитирующий немецко-латинскую схему мышления, и на этой гнилой схеме доказывается школярство и схематизм Канта. Причём само понимание «школярства» Канта взято у его немецких критиков. Милая, до боли родная и понятная заглушечность. И какая роскошная — четверная, если не более.

В предисловии к следующей своей «фундаментальной» работе — знаменитой «Критике отвлечённых начал» — Соловьёв пишет:

«Весною 1879 г. появилось сочинение Гартмана „Феноменологи дэс зиттлихен бевусстзайне“, в котором главные этические моменты и их взаимоотношение определяются приблизительно так же, как и у меня. При различии наших основных воззрений и при невозможности взаимного влияния я с удовольствием вижу в таком совпадении некоторое подтверждение тому, что представленное мною развитие нравственного начала не есть личное диалектическое построение, а вытекает логически из сущности дела, независимо от той или другой точки зрения».

То есть то особое направление в германской философии, которое было направлено на максимальное высветление личностного начала, начала автора, но лишь для того, чтобы незамутнённой оказалась свободная логическая игра немецкого языка, ЕГО личность и субъективность, эта вот «объективность», идентич-

ная объективности вдохновенной лирики, через которую говорит сам язык, эта «объективность» воспринималась Соловьёвым в буквальном смысле, и он всерьёз считал, что, например, человек, пишущий на швабском ДИАЛЕКТЕ немецкого языка (795), лишь ступенька в создании грандиозного соловьёвства — такого же абстрактного и каменно-истинного. Даже в максимально абстрактной сфере наивный космополитизм Соловьёва сыграл с ним злую шутку (803). И русский язык ему этого небрежения не простил. С языком шутки плохи. Он мстит. Мстит страшно, беспощадно.

«Критика отвлечённых начал» уже начинается с оправдания. Начинается заранее, то есть отвлечённо. Критика отвлечённых начал начинается с максимально возможной степени отвлечения:

«Некоторые мысли изложены слишком кратко и недостаточно развиты, другие, напротив, предсказаны с излишнею обстоятельностью; есть намёки на ещё не сказанное и лишние повторения уже сказанного… По общему плану критика отвлечённых начал разделяется на три части … последняя, представляющая вопросы и затруднения особого рода, составит отдельное сочинение…»

…Конечно, так и не написанное. Критика отвлечённых начал кончилась уже абсолютным отвлечением: третьей частью, которой не было (824).

Крушение «Критики» в увеличенном виде повторилось в конце жизни Соловьёва. Е. Трубецкой пишет:

«Программа в расширенном виде повторяется и в последние годы жизни философа, причём отдельные части „Критики отвлечённых начал" в плане новой обработки превращаются в отдельные, хотя и связанные между собою по мысли труды. „Оправдание добра" соответствует этической части „Критики отвлечённых начал", начатая и недоконченная „Теоретическая философия" (популяризацией которой якобы являлись „Три разговора". — О.) — *теоретической части того же труда. Наконец, эстетика во второй раз как и в первый осталась только задуманной, но не выполненной».*

Возможно, если бы Соловьёв делал все это СОЗНАТЕЛЬНО, то его имя на Олимпе русской философии вообще блистало бы в гордом одиночестве. Ходил бы юноша под бронзовым монументом, ждал бы свою девушку и в это время думал:

— Да, Соловьёв. Вот, поставили теперь памятник. Жалеют. Сволочи, какого мыслителя задушили. И ведь осталось почти ничего. Письма, несколько статей. И грандиозные обломки 50-

тысячестраничной «Конкретной критики». Задушили. А он мог бы подняться. Вон одна нога как тумба афишная. Но родился в бездарной стране… Не дали…

И что самое интересное, от такой соловьёвской хитрости русская философия только бы выиграла.

734

← Предыдущее, следующее →

734. Примечание к № 640
Им мыслила Россия. (к цитате)

«Записки из подполья» — это рождение русского индивидуального сознания. Рождение монстра. С ужасом, визгливым криком. Пушкин и Гоголь это форма, это сознание, но не самосознание, не рефлексия. Их произведения — это инструмент для рефлексии. И Гоголь ближе. Пушкин — мироощущение (755), Гоголь — мировосприятие. Достоевский — миросозерцание (776). Соответственно: радостное слияние многого (мира) — злобная монотонность — мрачный распад.

Розанов хотел вернуться к Пушкину. То же — Набоков. Первый хотел вернуться через Достоевского, второй — через Гоголя. Путь порождения личности и порождения абстракции, мира.

735

← Предыдущее, следующее →

735. Примечание к № 717

«Вот вблизи ещё кто-то заплакал, потом дальше кто-то другой, потом ещё и ещё, и мало-помалу церковь наполнилась тихим плачем». (А. Чехов) (к цитате)

В России существовала культура плача. Читаешь художественные произведения, воспоминания, письма — и везде тема плача. Очень просто, обыденно: «Вчера провожали Иванова на вокзале и расплакались». И сколько оттенков: плакали от горя, от радости, от умиления, плакали при расставании и при встрече, плакали от сочувствия и сострадания, да и просто захмелев… Плачущая нация. На Западе ничего подобного. Там плачут лишь при каких-то чудовищных катастрофах, это реакция явно ненормальная, патологическая. Или же сентиментальная стилизация: одна слезинка по щеке под арфу или клавесин. А русские «в три ручья».

Вот где максимальный сдвиг национального типа поведения после революции. «Плачущего большевика не увидишь и в века». Тоже только одна скупая слеза на похоронах какого-нибудь уж совсем необыкновенного ленина.

Русские не плачут больше. Я ни разу не видел плачущих. Только отца. Значит, или комок в горле, или дома по углам сидят и хнычут (749).

Ненависть к плачу — это подростковый инфантилизм: «Эх вы, слабаки» и «А мне не холодно». Ну и, конечно, тема «надо дело делать», «сговорились». Но не только. В чисто историческом смысле тут и восточная, грузинско-еврейская ненависть к русскому типу поведения. «Настоящий джигит не плачет».

736

← Предыдущее, следующее →

736. Примечание к № 694

«Весь Кремль теперь, говорят, швейными машинками завален». (к цитате)

Революция была Апокалипсисом. Это так понятно. Надо тома и тома написать, чтобы хотя бы чуточку поставить это под сомнение. Всё ясно становится. События легко предсказываются, сами нанизываются одно на другое… А без этого всё на уровне «жене Ленина нужна машинка» получается.

Серафим Саровский в последний год своей жизни стал рыть канал вокруг Дивеевской обители. Копали и лютой зимой, рубя землю топором. И как только кончили копать, Серафим умер. Он предсказал:

«Когда век-то кончится, Антихрист придёт (742), то станет с храмов кресты снимать да монастыри разорять и все монастыри разорит. А к вашему-то подойдёт, а канавка-то и станет от земли до неба; ему и нельзя к вам взойти-то, нигде не допустит канавка — так прочь и уйдёт … К концу-то века будет у вас на диво собор. Подойдёт к нему Антихрист-то, а он весь на воздух и подымется. Достойные, которые взойдут в него, останутся в нём, а другие, хотя и взойдут, но будут падать на землю».

Сказано очень просто, ясно. Никакого хаоса, никакого сумбура.

737

← Предыдущее, следующее →

737. Примечание к № 696

Отрабатывая кусок хлеба, он глумился над Леонтьевым (к цитате)

Привожу полностью текст этой заметки, вполне характеризующей не только уровень миропонимания молодого Чехова, но и «ндравы» тогдашней читающей публики:

«Знающих людей в Москве очень мало; их можно по пальцам пересчитать, но зато философов, мыслителей и новаторов не оберёшься — чёртова пропасть… Их так много, и так быстро они плодятся, что не сочтёшь их никакими логарифмами, никакими статистиками. Бросишь камень — в философа попадёшь; срывается на Кузнецком вывеска — мыслителя убивает. Философия их чисто московская, топорная, топорна, мутна, как Москва-река, белокаменного пошиба и в общем яйца выеденного не стоит. Их не слушают, не читают и знать не хотят. Надоели, претенциозны и до безобразия скучны. Печать игнорирует их, но… увы! печать не всегда тактична. Один из наших доморощенных мыслителей, некий г. Леонтьев, сочинил сочинение „Новые христиане“. В этом глубокомысленном трактате он силится задать Л. Толстому и Достоевскому и, отвергая любовь, взывает к страху и палке как к истинно русским и христианским идеалам. Вы читаете и чувствуете, что эта топорная, нескладная галиматья написана человеком вдохновенным (москвичи вообще все вдохновенны), но жутким, необразованным (как и Чехов, Леонтьев окончил медицинский факультет Московского университета. — О.)*, грубым, глубоко прочувствовавшим палку… Что-то животное сквозит между строк в этой несчастной брошюрке. Редко кто читал, да и читать незачем этот продукт недомыслия. Напечатал г. Леонтьев, послал узаконенное число экземпляров и застыл. Он продаёт, и никто у него не покупает. Так бы и заглохла в достойном бесславии эта галиматья, засохла бы и исчезла, утопая в Лете, если бы не усердие… печати. Первый заговорил о ней В. Соловьёв в „Руси“. Эта популяризация тем более удивительна, что г. Леонтьев сильно нелюбим „Русью“. На философию г. В. Соловьёва двумя большими фельетонами откликнулся в „Новостях“*

г. Лесков… Нетактично, господа! Зачем давать жить тому, что, по вашему же мнению, мертворожденно? Теперь г. Леонтьев ломается: бурю поднял! Ах, господа, господа!»

На брошюре Леонтьева было написано: «В пользу слепых города Москвы».

В это же время Антон Павлович собирался удивить публику серьёзным философским трудом собственного изготовления. В письме к брату Александру он вкратце излагает свой замысел, по-моему, идеально отражающий интеллектуальный и духовный уровень российского интеллигента. Этот перл тоже стоит привести в подробностях. Чехов писал брату следующее:

«Теперь о деле. Не хочешь ли войти в компанию? Дело слишком солидное и прибыльное (не денежно, впрочем). Не хочешь ли науками позаниматься? Я разрабатываю теперь и в будущем разрабатывать буду один маленький вопрос: женский. Но, прежде всего, не смейся. Я ставлю его на естественную почву и сооружаю: „Историю полового авторитета“. При взгляде (я поясню) на естественную историю ты (как я заметил) заметишь КОЛЕБАНИЯ упомянутого авторитета. От клеточки до насекомых авторитет равен нолю или даже отрицательной величине: вспомни червей, среди которых попадаются самки, мышцею своею превосходящие самцов. Насекомые дают массу материала для разработки: они птицы и амфибии среди беспозвоночных (см. птицы ниже). У раков, пауков, слизняков — авторитет, за малыми колебаниями, равен нолю (759). У рыб тоже. Переходи теперь к НЕСУЩИМ ЯЙЦА и преимущественно высиживающим их. Здесь авторитет мужской = закон. Происхождение его: самка сидит 2 раза в год по месяцу — отсюда потеря мышечной силы и атрофия. Она сидит, самец дерётся — отсюда самец сильней. Не будь выживания — не было бы неравенства. У насекомых у летающих нет разницы, у ползающих есть. (Летающий не теряет мышечной силы, ползающий норовит во время беременности залезть в щёлочку и посидеть.) Кстати: пчёлы — авторитет отрицательный. Далее: ПРИРОДА, НЕ ТЕРПЯЩАЯ НЕРАВЕНСТВА (чувствуете, базис какой подводится? — О.) *и, как тебе известно, стремящаяся к совершенному организму, делая шаг вперёд (после птиц), создаёт млекопитающих, у которых авторитет слабее. У наиболее совершенного — у человека и у обезьяны ещё слабее: ты более похож на Анну Ивановну и конь на лошадь, чем самец кенгуру на самку. Понял? Отсюда явствует: сама природа не терпит неравенства. Она исправляет своё отступление от правила, сделанное по необходимости (для птиц), при удобном случае. Стремясь к совершенному организму, она не видит необходимости*

в неравенстве, в авторитете, и будет время, когда он будет равен нолю. Организм, который будет выше млекопитающих, не будет родить после 9-месячного ношения, дающего тоже свою атрофию; природа или уменьшит этот срок, или же создаст что-либо другое.

Первое положение, надеюсь, теперь тебе понятно. Второе положение: из всего явствует, что авторитет у хомо есть: мужчина выше.

3). Теперь уж моя специальность: извинение за пробел между историями естественной и Иловайского. Антропология и т. д. История мужчины и женщины. Женщина — везде пассивна. Она родит мясо для пушек. Нигде и никогда она не выше мужчины в смысле политики и социологии.

4). Знания. Бокль говорит, что она дедуктивнее и т. д. Но я не думаю. Она хороший врач, хороший юрист и т. д., но на поприще ТВОРЧЕСТВА она гусь. Совершенный организм — творит, а женщина ничего ещё не создала. Жорж Занд не есть ни Ньютон, ни Шекспир. Она не мыслитель.

5). Но из того, что она ещё дура, не следует, что она не будет умницей: природа стремится к равенству. Не следует мешать природе — это неразумно, ибо всё то глупо, что бессмысленно. Нужно помогать природе, как помогает природе человек, создавая головы Ньютонов, головы, приближающиеся к совершенному организму. Если понял меня, то: 1). Задача, как видишь, слишком солидная, не похожая на (нецензурное выражение) наших женских эмансипаторов-публицистов и измерителей черепов. 2). Решая её, мы обязательно решим, ибо путь верен в идее, а решив, устыдим кого следовает и сделаем хорошее дело. 3). Идея оригинальна. Я её не украл, а сам выдумал. 4). Я ей непременно займусь.

Подготовка и материалы для решения есть: дедукция более, чем индукция. К самой идее пришёл я дедуктивным путём, его держаться буду и при решении. Не отниму должного и у индукции. Создам лестницу и начну с нижней ступеньки, следовательно, я не отступлю от научного метода, буду и индуктивен…

Взявшись за зоологию, ты сейчас уже увидишь своё дело: колебания увидишь — пиши, что есть авторитет; где нет — пиши нет… Приёмы Дарвина. Мне ужасно нравятся эти приёмы! … Статистика преступлений. Проституция. Мысль Захер-Мазоха: среди крестьянства авторитет не так резко очевиден, как среди высшего и средних сословий. У крестьян: одинаковое развитие, одинаковый труд и т. д. Причина этого колебания: воспитание мешает природе. Воспитание. Отличная статья Спенсера … Не стесняйся малознанием: мелкие сведения найдём у добрых лю-

дей, а суть науки ты знаешь, метод научный ты уяснил себе, а больше ничего и не нужно».

Через месяц Чехов уточняет:

«Как-то на праздниках в хмельном виде я написал тебе проект о половом авторитете. Дело можно сделать, но сначала нужно брошюркой пустить».

Однако и брошюрка не вышла. А жаль. Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Чехов очень толково (и в отличие от Михайловского — кратко) выболтал суть интеллигентской мифологии (770). Дал максимально возможное словесное выражение этого параноидального бреда. По объёму тут весь Соловьёв, вся его «первичная интуиция», из которой выросла система сего сверхинтеллигента.

Кстати, Чехов совершенно правильно советовал Соловьёву не отвечать на статью Леонтьева. Суть 5-страничного ответа, крайне непродуманного и легкомысленного, вполне умещается в одном абзаце, а именно:

«Достоевскому приходилось говорить с людьми, не читавшими Библии и забывшими катехизис. Поэтому он, чтобы быть понятым, поневоле должен был употреблять такие выражения, как „всеобщая гармония“, когда хотел сказать о Церкви торжествующей или прославленной. И напрасно г. Леонтьев указывает на то, что торжество и прославление Церкви должно совершаться на том свете, а Достоевский верил во всеобщую гармонию здесь на земле. Ибо такой безусловной границы между „здесь“ и „там“ в Церкви не полагается».

По сути дела Соловьёв ничего не возразил Леонтьеву. Леонтьев кругом прав, но Достоевский стоял на его же позициях — это очень слабый аргумент и, в сущности, уход от спора, отмахивание от оппонента как от назойливой мухи. Соловьёв иначе и не мог поступить, так как Леонтьев не только разбивал толстовство и поверхностно-либеральную трактовку творчества Достоевского, но и в корне подрывал идею соловьёвской теократии. В любом полноценном государстве после подобного ответа-отмашки от репутации Соловьёва не осталось бы и камня на камне. Однако в либерально-белокаменной Соловьёв мог говорить всё что угодно. В радиусе тысячи вёрст суть полемики могли уловить 50–100 человек. Это УЛОВИТЬ.

Увы, мы судим о той эпохе по её лучшим представителям и горстку гениев и талантов легко экстраполируем вниз в геометрической прогрессии, выстраиваем своеобразную пирамиду. Но в России была странная иглообразная культура. Достоевско-

му-писателю соответствовал Достоевский-читатель. 1:1. Россия была страной писателей без читателей, точно так же, как сейчас Россия страна читателей без писателей. В 1861 году в России было всего 20 тыс. чел. с высшим образованием. А если учесть, что уровень образования по сравнению с передовыми странами был крайне низок, то эту цифру следует уменьшить вдвое… В том-то и состоял парадокс, что по количеству и качеству людей одарённых Россия являлась вполне европейским государством, а по количеству и качеству образованного слоя — азиатским или, по крайней мере, латиноамериканским. Современным русским это особенно трудно понять, ибо сейчас пропорция обратная: Россия похожа на пирамиду со срезанной верхушкой — огромное количество потребителей культуры при отсутствии людей с вполне оригинальным и творческим мышлением.

И то и другое состояние поддерживалось искусственно. В XIX веке Россия в культурном отношении пыжилась, становилась на цыпочки (794), в XX её причесали машинкой для стрижки газонов. В русском государстве всегда было нечто неестественное, специальное. Достоевский назвал Петербург умышленным городом. Но и раньше. Разве именование деревянной избяной Москвы («большой деревни») Третьим Римом не было тоже чем-то умышленным и специальным?

Разве (вернёмся) не умышленна и судьба Чехова?

← Предыдущее, следующее →

738. Примечание к № 719

«Греческий человек Трефандос!» (М. Салтыков-Щедрин) (к цитате)

Нетрудно заметить, что сцена заимствована Щедриным из «Мёртвых душ». Ср.:

«Выходя с фигуры, он ударял по столу крепко рукою, приговаривая, если была дама: „Пошла, старая попадья!“, если же король: „Пошёл, тамбовский мужик!“ А председатель приговаривал: „А я его по усам! А я её по усам!“ Иногда при ударе карт по столу вырывались выражения: „А! была не была, не с чего, так с бубен!“ Или же просто восклицания: „черви! червоточина! пикенция!“ или „пикендрас! пичурущух! пичура!“ и даже просто: „пичук!“ — названия, которыми перекрестили они масти в своём обществе».

Салтыков-Щедрин, так сказать, социализовал Гоголя, социально приложил, превратил в газетный штамп. Однако это не просто эпигонство, а и развитие некоторой тенденции, содержащейся в Гоголе и нашедшей отклик в несложной душе Щедрина. Конечно, было некое сродство душ. Просто Щедрин не был отягощён гениальностью…

739

← Предыдущее, следующее →

739. Примечание к № 720
серьёзные люди замучивались прикрывать (к цитате)

Александр Ульянов, сидя в Доме предварительного заключения, передавал матери, что «начальник и люди здесь все хорошие». Ещё бы! Прокурором по делу Саши был Н. А. Неклюдов, любимый ученик Ильи Николаевича Ульянова. Вообще биография Неклюдова характерна. В начале своей карьеры он за участие в студенческих беспорядках попал в Петропавловскую крепость. Кончил же карьеру, как и полагалось в двойном государстве, в должности директора департамента полиции. Спасти Сашу не удалось, но сделали всё что можно. Когда он на последнем свидании с матерью, уже после смертного приговора, сказал, что не будет подавать прошение о помиловании, присутствующий на встрече помощник Неклюдова от избытка чувств крикнул: «Прав он, прав!» Конечно, прав. Прошение ничего бы не изменило, настроение Александра III было хорошо известно, а из вторых первомартовцев надо было лепить «несгибаемую когорту». Сашу приватно и проинструктировали. А уж потом о Володе позаботились. Керенский-отец дал блестящую характеристику в университет. Потом помогли сдать экзамен экстерном. Экстерн возможен был лишь при благожелательнейшем настрое профессуры. Одной взяткой тут было не обойтись. Просили люди очень большие… И характерно, что устроили В. И. Ульянова по своей, по судейской части (758).

740

← Предыдущее, следующее →

740. Примечание к с. 74 «Бесконечного тупика»

Русский, захваченный какой-либо конкретной идеей, ушедший в конкретную идею, это страшный человек. (к цитате)

Розанов это в себе отлично чувствовал и почти сознательно отказался от пути русского монотонного монотеизма. Его ренегатство это, в известном смысле, просто самосохранение, отвязывание от разрушительных идей:

«Я мог бы наполнить багровыми клубами дыма мир… Но не хочу.

И сгорело бы всё… Но не хочу. Пусть моя могилка будет тихо и „в сторонке“».

Однажды Розанов высмеял Хомякова, заявив, что он подходит к философии Лютера:

«С какими-то вопросами киевского семинариста, с какой-то схоластической тетрадкой „вопросов“ и „ответов“, спрашивает его по „вопросам“ и, не слыша от него „ответов“, значащихся в киевской тетрадке, творит над ним суд до того неуклюжий и не в соответствии с событием и лицом, что читателя по коже дерёт».

Хомяков в славянофильском запале обернулся неожиданно для самого себя «русским с тетрадкой», дурачком из идейных. Но тетрадка, к счастью, была у него только по одному пункту. А есть русские, у которых на всё есть тетрадка, у которых весь мир в одну тетрадку записан. Ну, в три. И он, бедняга, начинает носиться с этими «философскими тетрадями». И тут уже всё, контакт с ним возможен только в форме допроса.

В статье «Памяти Хомякова» Розанов подметил, что проповедь добра сочеталась у самого Хомякова с довольно злобным отношением к чужим мнениям. Но Розанов на этой статье оборвал собственную ругань и потом пошёл наперекор. Он не стал «разрушать» Хомякова. Зачем?

Тогда же, в 90-е годы, Василий Васильевич с горечью заметил:

«Касательно католичества у нас, русских, можно сказать, существуют одни предрассудки и коротенькие смешки. Новая наша полемика против него есть только серьёзная форма развития

этих же смешков».

Но сам Розанов в полемике с Хомяковым просто прыснул в рукав, почувствовал смешную чёрточку и щипнул за неё. Пускай больно, с вывертом, но от этого не умирают. Хомяков же в полемике с западным христианством поставил себе эту полемику чуть ли не целью жизни и стал утюжить противника томами. Получилось слишком серьёзно и, по закону обратной перспективы, слишком неумно. Розанов, как и все русские, честно заходился, но у него хватало чутья не заходить слишком далеко. Он всегда потом возвращался. Бродил в разные стороны, рыскал, но никогда не заблуждался. Глохнул, слепнул, орал, в голове шумело, глаза наливались кровью, а потом вдруг посередине обрывал, бессильно, в изнеможении садился на землю. «А зачем?» — щёлкал в голове вопрос-выключатель. А с земли тянуло влагой, прохладой. Он грустно подпирал щеку рукой, задумывался, замолкал. И выскакивал из тумана линейного мышления. А его противники всегда проскакивали, просчитывались.

741

← Предыдущее, следующее →

741. Примечание к № 373

Как его смерть трансформировалась в эти строки?? Фантастика. (к цитате)

На уровне сознания адаптации к смерти отца быть не могло. С точки зрения разума, факт этот был совершенно однозначен, и уйти от него было некуда. Его можно было только постепенно забывать. Я уже был достаточно испорчен мышлением, чтобы понимать всю ошибочность попыток сублимации и т. п. Но параллельно с недоумённым молчанием происходила постоянная шлифовка идеи отцовской смерти на уровне снов. Сны всё более укутывали больную мысль, скрывали её ранящие углы. Сначала меня мучили кошмары: я видел оскаленное небритое лицо отца в окровавленных осколках разбитого зеркала, отец всё время оказывался страшно жив, и это его существование в снах находилось в ужасном противоречии с простым и уютным фактом смерти. Он всё приходил и приходил. Но потом всё получилось, и я вырвался из фрейдистского кошмара, соскочил с его в никуда идущего поезда. Получилось всё хорошо. Я ходил в своих снах с отцом по вечерней Москве, и он, трезвый и грустный, говорил со мной, и я рассказывал о своей уже незнакомой ему жизни. Тут была боль и счастье.

О чём эта книга? Об отце. Словами ничего нельзя сказать. Что мне сказать? Сама эта тема — «отец и сын» — банальнейшая, затёртая до дыр, мусоленая-перемусоленая. И все мои мысли и чувства совсем не интересны. Неинтересны самому МНЕ. Мне хочется думать о нём, но нельзя. С точки зрения фантазии («к отцу в палату пришёл священник, и он умер как христианин, причастившись»), это всё может быть эстетизировано и интересно, но, увы, неподлинно, увы, не для меня. Отца тут не будет. Он будет так же мёртв, как и в жизни моей мысли. И вот я пришёл к нему в снах. Этого нельзя передать, но есть ВЕРНОЕ ощущение освобождения. Точно его жизнь — это отдельные рассыпанные ноты, сливающиеся и наполняющиеся высшим смыслом через мою жизнь. Я смысл его бессмысленной жизни. И это есть элемент осмысления и моей собственной жизни. Я никому не нужен. Но моя ненужность (вот сейчас), опрокинутая назад,

наполняет бывшее ранее содержанием. Речь здесь идёт не о таком мышлении, а о таком интуитивном, «во сне», чувствовании. Внешне я бежал от отца (и до сих пор ни разу не был на его могиле), а внутренне всё время шёл к нему. Его смерть перестала определять моё «я», я стал свободен, и в этой свободе он жив. Я знаю родовым знанием, что в его большую голову приходили такие же странные мысли-сны. Отец был бабочкой, ерундой, мотыльком, мучительным поиском нужного слова. По-моему, я прав, иначе было бы СЛИШКОМ жестоко. Мой слабый разум видит, что что-то со мной все эти годы происходило и это каким-то непостижимым образом связано с отцом. Во мне есть мысль отца, идея отца, которая развивается, может быть, без моей воли и желания. Следовательно, он жив. Он мёртв в моей мысли. Мёртв и в моих чувствах. Но он жив во снах. И перестал сниться, когда ожил в мыслях и чувствах. Он мне всё снился, снился, и наконец наши встречи перестали быть мучительными. Но всё же существовала невидимая грань, черта. Он приходит всё реже, и грань эта год от года становится всё тоньше, всё незаметней. И когда повалит сквозь пустеющие глазницы снег предсмертных снов и вокруг снова засмеются над нами, а Одиноков вновь проплывёт перед моим потухающим взором, медленно качаясь на огромной ржавой вешалке — жалобный визг металлических петель и кирпичное солнце, безнадёжно погружающееся в горизонт, — тогда через истончающуюся дымку спасительной пространственной реальности (кишение взаимопереплетающихся казарменных объёмов, запах жареного лука, тусклые лампочки и матерная ругань), через дымку я шагну к отцу и ничто уже не будет разделять нас. Я обниму его, прижмусь к колючей щеке, и он ласково улыбнётся, тоже обнимет. А потом я скажу: «Никому мы, пап, не нужны. Мы же эти… ничтожества». И мы пойдём рука об руку по тихому, заснеженному переулку. Белое небо. Тихо, только снег скрипит под ногами. Отец тащит огромный чёрный чемодан, с которым меня отправляли в пионерский лагерь. На его фанерном боку аккуратная белая наклейка: «Одиноков». Чемодан мешает, и отец выпускает его из рук. Он беззвучно падает на снег, и оттуда вываливается моя одежда: футболки, рубашки, спортивный костюмчик. Однажды отец рассовал во все карманы и кармашки моей одежды леденцы. Так я бы их сразу съел, а тут надену новую рубашку, а там 3 леденца. Я думаю: вот, случайно попали. А потом через несколько дней лезу за резиновыми сапогами, а в каждом по 5 леденцов. И снова радость. А под конец лагерной смены уже думаю, что, может быть, где-то между одеждой тоже случайно затерялись.

И на дне шарю, нахожу конфеты ещё… А сейчас чемодан уже не нужен. Мы даже не оборачиваемся на него и идём… Вперёд, в белую мглу. Отец сжимает мне руку, и земля начинает уходить из-под ног. И мы молча падаем, падаем…

742

← Предыдущее, следующее →

742. Примечание к № 736

«Когда век-то кончится, Антихрист придёт» (Серафим Саровский) (к цитате)

Предчувствовали. Глубоко во сне, но видели. Леонтьев сказал однажды:

«Русское общество, и без того довольно эгалитарное по привычкам, помчится ещё быстрее всего другого по смертному пути всесмешения… и мы неожиданно из наших государственных недр сперва бессословных, а потом бесцерковных или уже слабо церковных, — родим антихриста».

По поводу этой странной фразы Бердяев в «Русской идее» заметил следующее:

«Леонтьев никогда не верил в русский народ и оригинальных результатов он ждал совсем не от русского народа, а от навязанных ему сверху византийских начал… Он делает страшное предсказание (о порождении антихриста). Ни к чему другому русский народ не способен».

Но позвольте. Разве рождение антихриста — это не «оригинальный результат»? (797) И разве нужно ещё что-то народу, который оказался СПОСОБЕН на ТАКОЕ? На подведение итога двухтысячелетней христианской цивилизации? Это же максимум творчества. Это ответ человека на вызов Бога. Рождение Христа есть вещь гораздо более частная. Активное начало там принадлежало исключительно божественной воле. В создании антихриста несомненно человеческое воление, несомненно участие человеческого сознания. И на подобный акт, несомненно, должны были уйти все силы нации, несомненно, на это были потрачены столетия.

Такой народ вправе гордиться собой, такой народ жил не зря, без такого народа в мировой истории будет ничего не понятно. И перед каждой мыслящей личностью такого народа теперь неизбежно стоит и будет стоять всегда дилемма глубочайшего метафизического уровня. Такой народ отныне обладает высочайшей ответственностью перед всем человечеством.

743

← Предыдущее, следующее →

743. Примечание к № 607

Месть тоже должна быть рассчитана вперёд на века. (к цитате)

Прощать — упрощать. Мстить — мешать, замешивать, вмешиваться (757). Прощение просто. Месть — сложна. Где месть истончается, мстить уже не хочется, нет интереса. Нити с миром рвутся, и человек улетает в ничто. «Где тонко, там и рвётся».

Философия основана на мести. Религия — на прощении. Эти две силы и борются в мире, на них мир основан. Повязал всё местью, оказался в центре мести, как червяк в коконе. Но простил и полетел бабочкой. Прости — прощай.

Но ведь и прощать нельзя, предварительно не задумав мщения. «Прощай врагам своим». Это возможно лишь после предварительной обиды, злобы. Враг должен быть понят, установлен. А когда врагов нет, тогда и непонятно, кому прощать и что прощать. Но уже «ограничивание» и понимание врага и есть прощение. «Понять значит простить».

Я тут совсем ничего не понимаю. И кажется, это нельзя понять. В какой мере можно говорить о вине не отдельного человека, а нации, то есть национальной идеи? И каким образом можно отомстить идее?

Русская месть — быстрая месть. А так думать, готовиться. Тут начинается рефлексия, спохватывания.

744

← Предыдущее, следующее →

744. Примечание к № 733

Но какое-то подобие меры ещё соблюдено, ещё концы с концами вроде бы сходятся. (О диссертации Соловьёва) (к цитате)

Возможно, в значительной мере это объясняется заимствованностью сюжета «Кризиса западной философии». Мочульский писал по этому поводу:

«Соловьёв целиком усваивает мировоззрение Киреевского. Его диссертация носит ученический характер… всё это уже было высказано Киреевским. Он же внушил Соловьёву план исследования… Заключительные слова его работы довольно точно повторяют выводы статьи И. Киреевского „О необходимости и возможности новых начал для философии“ (1856 г.). Лично Соловьёву принадлежит неудачная замена Шеллинга Гартманом: Киреевский видит завершение развития западной философии в положительной системе Шеллинга, Соловьёв ищет его в учении Гартмана; первый набросал краткую программу критики рационализма, второй с большим диалектическим блеском её выполнил. Своей работе он постарался придать более научный академический вид, подобающий магистерской диссертации: исключил все русские мессианские мотивы и западной мысли противопоставил не русское православие, а туманные „умозрения Востока“».

На самом деле Соловьёв целиком усваивает не мировоззрение Киреевского, а схему этого мировоззрения. Где у Киреевского абзац, у Соловьёва 20 страниц. Но это не развитие его взглядов, а разрушение, нарушение меры. Обаяние классического славянофильства именно и заключалось в некоторой недосказанности, дилетантизме, «мнении» талантливого самоучки. Соловьёв, развив «мнение», огрубил его и, повысив барьер ответственности, лишил творческой оригинальности. То, что у Киреевского было органичной фантазией, радостным включением в сонм европейских мыслителей за счёт позволительного для дилетанта туманного несогласия, превратилось у Соловьёва в провинциальное доктринёрство и узость. Возможно, такой путь был неизбежен и неизбежна была подобная форма развития славянофильства, но Соловьёв совершил дополнительную ошибку: все

его взгляды подавались не как развитие идей славянофилов, а как плод собственного умозрения; не как частность, а как универсум русской философской мысли.

Славянофильство — это нормальное, удивительно нормальное и очень многообещающее детство. Соловьёвство это явно ненормальная юность, истеричная и претенциозная.

745

← Предыдущее, следующее →

745. Примечание к № 696

«Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист», (А. Чехов) (к цитате)

Короче, я не я и лошадь не моя (828). Это элементарная, но для своего времени довольно необычная и удачно найденная Чеховым заглушка, оставлявшая ему в любом случае чёрный ход на случай идеологической облавы. Собственно, Чехов, как и вся тогдашняя русская культура (а может быть, как русская культура вообще), был прожжённо идеологичен, настолько идеологичен, что, как говорится, клейма негде ставить: в простоте слова не скажет, всё со специальной ужимкой. В каждом его рассказе скрыто нравоучение (840). Всегда можно ответить вполне пошло и однозначно «зачем это написано». Но при этом купец у него худой, а студент — толстенький. Для пещерного уровня русского читателя 80-х годов прошлого века этого «хватало». От «объективности» Чехова спирало дыхание, кружилась голова. А уж когда Антон Павлович делал ещё более хитрый ход и вкладывал свои мысли в уста Иванова, заставляя при этом Петрова зевать Иванову в лицо и повторять через фразу: старо, избито, это всем известно, — то такой приём повергал почтенную публику в ужас. Многие не выдерживали, сходили с ума. Михайловский плакал: зачем, зачем это написано? где идея… На самом деле Чехов никогда не мог вырваться из тенет идеологического, «специального» воззрения на мир. Просто он сознавал свою малообразованность и специально путал, запутывал концы. В результате его идеологичность чуть более тонка, и только. В этом смысле Чехов типичный литератор-интеллигент, протосоветский писатель, наподобие успенских-чернышевских и сергеенок-короленок. Но именно в этой примитивности Чехова таится и его очарование. Либеральный критик Овсянико-Куликовский указывал на «особую обнажённость» приёмов его творчества:

«Чехов не боится рисковать… Смелость в употреблении опасных художественных приёмов, давно уже скомпрометированных и опошленных, и вместе с тем необыкновенное умение их обезвре-

живать и пользоваться ими для достижения художественных целей — вот что ярко отличает манеру Чехова и заставляет нас удивляться оригинальности и силе его дарования».

Чехов идеологичен, его проза «умышленная», но это умысел, подхваченный на лету из чьего-то умного разговора, умысел «на авось». В результате творчество Чехова носит сумеречный, медитативный характер. Причём аромат чеховской прозы в крайней элементарности, простоте, безыскусности этой медитации.

746

← Предыдущее, следующее →

746. Примечание к № 607

А в критический момент проводок какой-нибудь в автомобиле подрезать. (к цитате)

Когда читаешь записки европейских путешественников о России, особенно о России XV–XVII веков, то поражаешься их тенденциозности. Видно, что все эти люди уже приехали в Россию предубеждёнными. Что и неудивительно — русские для них были даже не язычниками (как мусульмане), а ЕРЕТИКАМИ, СХИЗМАТИКАМИ, людьми, которых надо на кострах сжигать. И эти тенденциознейшие сведения о нашей стране (может быть, даже сознательно, ведь религиозная цензура в Европе не дремала), стали в известный момент восприниматься самими русскими как наиболее объективный источник сведений об их государстве. А русские всегда вызывали в Европе чувство ненависти и презрения, в лучшем случае — испуга. Я как-то прочёл подборку отзывов западной прессы на убийство великого князя Сергия. Вот что писали о России в начале XX века:

«Снова красная звезда тираноубийства мрачно засияла на тёмном русском небе. Сергий был унесён в один момент одной из тех фатальных бомб, которые русские конспираторы умеют так хорошо готовить и так хорошо бросать. Вы не можете безнаказанно доводить народ до бешенства или отрицать за ним элементарные права свободных граждан, не вызывая тем тираноубийства. Сергий был тиран в старом смысле этого слова, каких история и трагедии рисуют в самых мрачных красках. Великое изречение блаженного Августина правдиво и поднесь: — Когда справедливость отброшена в сторону, верховная власть является разбоем».

(«Дейли Телеграф»)

«Убийство Сергия не вызвало в мире ни удивления, ни ужаса. Его предвидели, ожидали, и когда оно исполнилось — произвело впечатление необходимости. Если б в России не было заговоров, надо было бы спросить себя: — каким образом отсутствует следствие, когда налицо причина? Русское самодержавие проповедует посредством законов незыблемость своих основ и получает

в ответ динамитные бомбы. Кто играет в истории такую кровавую роль, как Сергий, всегда должен быть готов к кровавому концу. Царизм не должен удивляться, что его катастрофы не вызывают ни в ком сочувствия».

(«Ди Цайт»)

«Невежественную, безоружную толпу, желавшую на коленях просить о своих нуждах, царь, уступая настойчивым советам своих родичей и приближённых, наградил свинцовым дождём. Этим поступком царь поставил себя вне законов. Он чудовище, подобное тем, которые давали ему советы. На царские пули народ отвечает динамитом…»

(«Женевская газета»)

Европа начала ХАМИТЬ. Она и всегда вела себя хамски по отношению к восточному соседу, но некая последняя грань приличия была нарушена где-то в начале XIX века. Русские войска разгромили Наполеона и спасли европейские народы от кровавого диктатора. Однако европейцы между собой договорились, что Наполеона победили они. Пруссия, наголову разбитая французами, обложенная контрибуцией и превращённая в вассальное государство, вынужденное поставлять в армию сюзерена свои войска, Пруссия заявила: мы, немцы, победили Наполеона, а русские «казаки» (т. е. для немецкого уха «казахи») во время кампании 1813–1814 гг. пили водку и хулиганили, мешая вести правильные военные действия и компрометируя немецких солдат перед местным населением. Александр I на Венском конгрессе выступил за идею вечного мира между европейскими народами, отказался от русской доли контрибуций со стороны побеждённой Франции. Тогда же Россия заявила о необходимости восстановления польского государства. Потом, при Николае I, русские войска спасли от распада Австрию, что для нашей политики было исключительно невыгодно, но зато отвечало идее «европейского порядка». Как же ответила Европа? «Россия — это азиатская деспотия, страна рабов и монголов, которая МЕШАЕТ европейскому прогрессу».

Но тогда, может быть, Россия должна была вести себя в Европе так, как того, видимо, ХОТЕЛОСЬ европейцам?

В 1867 г. поляк Березовский совершает покушение на Александра II во время его официального визита во Францию. Террориста, конечно, осуждают, но с максимальными льготами, а в неправительственной печати так и открыто восхищаются «тираноубийцей». Потом в Париже арестовывают цареубийцу Льва Гартмана. Сам Виктор Гюго с пеной у рта требует освободить мужественного борца за свободу. Президент Франции удовле-

творяет просьбу общественности. Хорошо. Отлично. Но ведь и глава французского государства приезжает в Россию. Почему бы его не «пощупать», раз он этого так хочет? Того же Клемансо, который лично распорядился амнистировать за давностью лет Березовского? Разумеется, убить не явно, через подставных лиц. И официально принести свои извинения и соболезнования. А в неофициальной прессе статейку:

«Убийство Клемансо не вызвало в мире ни удивления, ни ужаса. Его предвидели, ожидали и когда оно исполнилось — произвело впечатление необходимости».

Да даже не так сделать. Необходимо было создать такую идеологическую систему, чтобы сами французы себя же и убивали, а русских за это ещё бы и благодарили. Нужно было установить русский контроль над всеми разрушительными течениями в Европе. От какого-нибудь баскского и корсиканского сепаратизма до анархизма и коммунизма. Чуть кто-то на Западе потянулся к дубине, чтобы огреть ей своего ближнего, а русские уже тут как тут: пожалуйста, пистолеты, ружья, динамит, яды. Ешьте, милые европейцы, развивайтесь. Боритесь за свободу. А мы из России дикой посмотрим. Да мы и сами хотим, но ведь не доросли ещё до такого марксизма. Вы начните, а мы потом «тихими стопами, тихими стопами-с» за вами, вдогонку. А пока вот во Франции убивают Клемансо, а русские его убийцу в Санкт-Петербурге с воинскими почестями принимают (750).

Но реально-то в истории получалось наоборот. Когда во Франции умер террорист Гершуни, то его хоронила вся Франция. Россия же в ответ на это даже не пикнула. А у нас с Францией был тогда договор против Германии. Зависимость Франции от России была очень сильная.

В истории есть закон маятника. Если посмотреть с точки зрения этого закона на историю взаимоотношений между Европой и Россией после 1917 г., то много высветится совсем иначе, наполнится внутренним смыслом, внутренней НЕИЗБЕЖНОСТЬЮ.

747

← Предыдущее, следующее →

747. Примечание к № 373
Отец подарил мне трагедию. (к цитате)

Всё-таки есть у меня в жизни одно благородное событие — смерть отца. Оно тоже с трещиной, но всё же, в конце концов, кто камень бросит? Над всем остальным: моей любовью, моей «философией», вообще моей жизнью можно смеяться вполне серьёзно. А в случае с отцом что-то будет мешать.

Пожалуй, и в жизни отца это единственно высокое. Смерть — вершина его жизни. Он сам себя убил, освободил всех от себя. Он чувствовал, что должен уйти…

Впрочем, и тут мой проигрыш. Моя трагедия является трагедией лишь для меня, а ситуация дешифруется как попытка наивного сублимирования идеи отца.

748

← Предыдущее, следующее →

748. Примечание к № 720

«Вы не понимаете, с кем вы разговариваете! я буду жаловаться! я отставной поручик» (к цитате)

Такой же гонор захмелевшего Хлестакова у Желябова:

— Да вы знаете, что по первому зову среди боевых дружин для убийства царя вызвалось 47 добровольцев? Да вы отдаёте себе отчёт в том, что перед вами сидит лишь агент Исполнительного Комитета, да и то лишь III степени доверия?!

«Я не ворон. Ворон-то летает ещё».

749

← Предыдущее, следующее →

749. Примечание к № 735

или комок в горле, или дома по углам сидят и хнычут (к цитате)

Я плачу наедине. Последний детский плач — после мучительной перевязки в больнице. Но уже тогда не получилось. Я отвернулся к стене и попробовал захныкать, но это показалось столь нелепым и мелким по сравнению со взрослым звериным переживанием. Грусть, комок в горле, страх перед начинающейся взрослой жизнью потом постоянно, нудно, без какого-либо разрешения, прорыва. И на похоронах отца не плакал. Впервые я заплакал лишь через полгода, зимней ночью. От одиночества. Любимая фантазия того времени: я пишу письмо Ей, тут документ, а Она читает и или смеётся надо мной, или сердится. Или, злорадно придумывал я, ей всё равно, она возмущена, но (ещё поворот) — не совсем, а так. Ну, словно в метро её толкнули случайно. И она так же равнодушно отталкивает. А я плачу. И именно при Ней. Чувство порванного письма-документа и душевного порыва, порывания с этим миром, смерти. «Всё пропало». Безнадёжное освобождение.

Я думал подобным образом и плакал, плакал. Часто ночи напролёт. Слёзы оказали влияние огромное, очень помогли мне, сгладили мой внутренний мир, смягчили его, возвысили. Может быть, мир слёз и стал фантастическим миром любви. Я как бы любил, как бы приобрёл подругу жизни, которая согласилась со мной проходить вместе жизненную дорогу… Т. е. моя одинокая жизнь была восполнена слезами, и эмоциональная сфера, несмотря ни на что, осталась недеформированной.

Иногда, в светлые минуты, у меня странное чувство, что в юности я испытал настоящую любовь, и даже любовь счастливую.

750

← Предыдущее, следующее →

750. Примечание к № 746

во Франции убивают Клемансо, а русские его убийцу в Санкт-Петербурге с воинскими почестями принимают (к цитате)

Это, конечно, как аллегория. Зачем же так «в лоб», «по-большевистски»! Всё можно гораздо правдоподобнее оформить. Какой-нибудь Коля Красоткин из «Братьев Карамазовых» — подрос немного, а ума не прибавилось. Куда такого? В тюрьму посадить? Ну и будет фиксация, то есть «конец блестящего образования». Да и не по-хозяйски. «Надо бережно относиться к людям». Переубедить? Да когда таких не десятки, а целое поколение… Что делать? А не нужно суетиться. Купить ему поллитровку, сводить в трактир. Шире, шире забирать надо:

— Хороший ты человек, Ваня, нравишься ты мне… Ну, давай за встречу… эх-х, мил дружок, вижу, трудно тебе.

— Да мне-то что — народу, народу тяжело. Царизм душит, детей ест. Сырых. Без хлеба. (И заплакал.)

— Не грусти, не печалься… Давай ещё по рюмочке… Ты огурчиком, огурчиком заедай. Во-от. Ну, как ты там про царизм, это же очень интересно.

— Они искусственно народ в темноте держат. А надо прожектор, чтобы осветить всё, прожекторами путь указывать. Где копать, куда. Я этому жизнь посвящу. Я даже тут стихотворение…

— Ну-ну.

— Вот:

Я маленький Ванюша,
Я очень добрый весь.
Мне хоцца всему миру
Пользительность принесть.

— Здорово! Неужто сам сочинил?

— Сам.

— Да, давит, мнёт, душит царизм талантливую молодёжь… Кстати, до «царизма» тоже своим умом дошёл?

— Не, есть люди (756).

— Интересно, интересно. Кто же это? Очень хотелось бы поговорить.

— Вообще-то нельзя.

— Эй, человек, сочини-ка ещё графинчик.

— Но вам скажу, нельзя не сказать. Человек вы уж больно хороший, добрый. Есть три друга у меня: Мордка Вспышкин, Лешек Масонковский и Фриц Розенкройц. От них всё: и правда, и книжки. Это люди. Они мне жизнь дали.

— Они тебе, ду… Гм-гм. Да. Ну так что они говорят?

— Россия — она вредит всем, пакостит. Жандарм Европы. Без неё, знаете, как бы развитие пошло? Но она может и свет миру дать. Надо только её разделить.

— Как это?

— А так… Тут насчёт графинчика… О-па… Так вот. Надо, во-первых, Великую Польшу сделать.

— Это Масонковский тебя научил?

— А вы откуда знаете?

— Ну так, случайно. Наобум сказал.

— А-а. Но вы правильно, точно угадали. Великая Польша, и чтоб у неё и Литва, и Белоруссия, и Малороссия. И тогда будет интернационализм. Дружба народов. Но это не всё ещё. Надо Прибалтику Германии отдать. Она передовая, а у нас русопяты чухну и латышей живых в землю закапывают. Ну, потом черту оседлости отменить, принимать евреев в университеты вне очереди, потому что они пострадавшие. И вообще всем евреям пенсию выплачивать пожизненно, как жертвам русской дикости. Ну, единовременное пособие за погромы — раздать золотой запас. И тогда сразу счастье начнётся.

— Да-а… Хорошо. Только, Вань, не получится ничего.

— Как!!

— А так. Мы же отсталые. У нас дикость, невежество, крепостного права последствия. Помещики заставляли крепостных ванек раскалённые печки и ледяные топоры лизать, на конюшнях пороли, пока от спины до лавки напополам не перепарывали. Живьём детей на вертелах жарили и ели. И хуже. Где уж нам. Это вот ты один Ваня такой, а другие дикие, тёмные, они после университета продались, пошли работать.

— Не-ет, а народ, русский народ? Если только свистнуть. Как он натерпелся-то. Душа горит.

— Душа-то горит, но мы же с тобой учёные, материалисты. Ты закусывай, закусывай. А по науке, по фундаментальному учению Карла Маркса как выходит? Выходит, что революция должна победить в наиболее развитых странах. А какая же Россия развитая?

— Но что же делать? Так же жить нельзя!

— Нельзя, Ваня. И поэтому надо Западу помогать, чтобы там звезда счастья загорелась, а потом уже и наше захолустье просветила всем спектром своего излучения.

— Так задушат, задушат жандармы расейские.

— И-и, куда. У Европы теперь техника. Пушки скорострельные. А у нас одни бездарности, вон до Севастополя довели. Да и не по науке это.

— Но как же, как же помочь-то?

— А вот как! Есть люди.

— !!!

— А ты что думал, это случайно всё? Мы, может быть, тебя проверяли. Теперь слушай сюда. Надо германского императора того… сделать. Он, падла, немецких рабочих мучает. А Германия знаешь какая передовая? Там сразу революция начнётся. Только Вильгельм мешает. Так вот. Через четыре месяца будет у него совещание Генштаба. И всё это совещание во время речи императора поднять на воздух надо. Ты нам поможешь тринитротолуол доставить, ну и на месте по мелочи.

— Здорово!

— Но это не всё. Теперь насчёт Англии. Ведь Вспышкин из Лондона?

— Не-е, он в Париже жил. А из Лондона Масонковский.

— Ясно. Ты, Вань, слыхал об ирландцах? Нет? Так вот. Английские якобы демократы превратили цветущую Ирландию в картофельный ад (787), из которого бегут толпы обезумевших от голода крестьян и рабочих. Знаешь ли ты, Ваня, что в Ирландии в 1840 году жило более 8 миллионов человек, а сейчас осталось только 4 с половиной? Гибнет страна. Вымирает. И вот доблестные ирландские патриоты — фении — организовали вооружённый отпор английским людоедам. Надо помочь ирландским товарищам. Подбросить тринитротолуольчика. В Лондоне парламент на очередную сессию как раз собирается…

— Здорово!

— Англичане помогали русскому народу освобождать польских братьев от царских сатрапов, ну так и мы поможем английскому пролетариату (802) сковырнуть проклятую империю британскую и дать свободу ирландскому мужику, спасающемуся в африканских джунглях и австралийских пустынях от анархосиндикалистского «рая» английской плутократии.

— Эх, хорошо излагаете!

— Выпьем за это. За правду, Ваня… Но это не все ещё. Ведь Вспышкин из Парижа. Есть сведения, что женится барон Ротшильд-младший, наследник французской ветви банкирского до-

ма.

— Барон? Немец?

— Это, Ваня, не важно. Важно, что он эксплуататор. Ты вообще Манифест-то читал? Там же сказано, что нет наций, а есть классы.

— И вправду. Забываю всё.

— То-то. А ты не забывай, читай почаще. Эта книжечка стоит целых томов. Значит, будет свадьба, все эти Ротшильды соберутся в Париже. А это, Ваня, наиглавнейшие, наибогатейшие капиталисты. Тут мы гадам один конец и сделаем.

— Тринитротолуолом?

— Им, Ваня, им самым. А ещё лучше без лишнего шума ядика замедленного действия:

В стакан воды подлить… трёх капель будет,
Ни вкуса в них, ни цвета не заметно;
А человек без рези в животе,
Без тошноты, без боли умирает.

— А это не того получается… ядом-то… Не революционно.

— Сопляк ты. Пряник. Жизни не знаешь. Во Франции трёхлетние дети по 30 часов в сутки на металлургических заводах работают. О детях, о детишках, о слезиночке ребёнка ты подумал?! Их пепел стучится в сердце, взывает, так сказать, к отмщению. А ты, Ваня? Они-то нас не жалели! Э-эх!

— Давай, давай пузырёк! Эх, жизнь пропала, один конец сделаю!

— Не скучай, мил дружок, будет и на нашей улице праздник. Кровью, кровью своей за всё заплатят. Как грохнет в Берлине, как аукнется в Лондоне, как начнут из дворца-то парижского таскать и не перетаскивать, сразу свежий ветер над Европой повеет. Жизнь, жизнь-то какая начнётся. И на Марсе будут яблони цвести.

— А что, и там есть люди?

— Люди не люди, а есть. И мы, брат, наблюдаем.

— Здо-орово!

— Так-то, брат. Разве я жизнь твою не понимаю? Ты вот некрасивый какой, прыщавый, тебя девушки не любят. Это тебя царизм испортил. Мучил специально в гимназии и т. д. У тебя жизнь пропала.

— Да не в этом дело, я не о себе.

— Да я понимаю. Это я так. А после Берлина-то, да Лондона, да Парижа — ты первый парень. С тобой любая пойдёт. Или умрёшь, погибнешь за Правду. Похоронят как героя. В песнях

о тебе петь будут. Проплывают корабли: «Салют Ивану»; проходят пионеры: «Салют Ивану»; пролетают дирижабли — опять же салют, почёт, уважение. И жизнь-то, жизнь какая интересная. Это тебе не Скотопригоньевск — Европа, арена.

Вот так повернуть бы, побросать уголька в топочку, чтобы на верхних палубах на стены полезли. «Полундра! хватит!» — «Нет, зачем же: „Русские воевать ещё и не начинали“». И ещё лопату за лопатой, лопату за лопатой. Чтобы со стен на потолки прыгали, чтобы шары на лоб полезли. «Что ни делаем, всё мало». Чтобы последнему дураку стало ясно, что идеологическое сверхоружие — палка о двух концах. И уже трижды, пятижды подумали бы перед его новым применением. Газы во Второй мировой войне никто не применял на фронте. Знали: «себе дороже».

751

← Предыдущее, следующее →

751. Примечание к № 624

Против Мышкина пишется ужасно несправедливая статья, и он с нею ожесточённо борется (к цитате)

Эта тема получила своё развитие в «Даре», где Набоков после чернышевской главы помещает несколько выдуманных рецензий на книгу Чердынцева. Но полемики с ними, в отличие от романа Достоевского, нет, так как их саморазрушаемость кажется автору очевидной. Пьяная логика не нуждается в дополнительном толчке.

Остаётся третий этап: вообще построить некое произведение в виде огромного несправедливого обвинения, то есть написать его совершенно косвенно.

752

← Предыдущее, следующее →

752. Примечание к № 728
Вся Россия вылетела в книги. (к цитате)

Конец «Записок из подполья»:

«Мы все отвыкли от жизни, все хромаем, всякий более или менее. Даже до того отвыкли, что чувствуем подчас к настоящей „живой жизни“ какое-то омерзение, а потому и терпеть не можем, когда нам напоминают про неё. Ведь мы до того дошли, что настоящую „живую жизнь“ чуть не считаем за труд, почти что за службу, и все мы про себя согласны, что по книжке лучше. И чего копошимся мы иногда, чего блажим, чего просим? Сами не знаем, чего. Нам же будет хуже, если наши блажные просьбы исполнят. Ну, попробуйте, ну, дайте нам, например, побольше самостоятельности, развяжите любому из нас руки, расширьте круг деятельности, ослабьте опеку, и мы… да уверяю же вас: мы тотчас же попросимся опять обратно в опеку… Да взгляните пристальнее! Ведь мы даже не знаем, где и живое-то живёт теперь и что оно такое, как называется? Оставьте нас одних, без книжки, и мы тотчас запутаемся, потеряемся, — не будем знать, куда примкнуть, чего придержаться; что любить и что ненавидеть, что уважать и что презирать? Мы даже и человеками-то быть тяготимся, — человеками с настоящим, СОБСТВЕННЫМ телом и кровью; стыдимся этого, за позор считаем и норовим быть какими-то небывалыми общечеловеками. Мы мертворождённые, да и рождаемся-то давно уж не от живых отцов и это нам всё более и более нравится. Во вкус входим. Скоро выдумаем рождаться как-нибудь от идеи».

И последнее предложение:

«Но довольно; не хочу я больше писать „из Подполья“…»

Но Достоевский «писал из Подполья» ещё 17 лет. Собственно вся «русская литература» — записки из Подполья. Само Подполье, в которое Россия и провалилась (784).

753

← Предыдущее, следующее →

753. Примечание к № 730

«пишет ко мне один очень надоедливый шмуль» (А. Чехов) (к цитате)

Чехов имел в виду Д. И. Эфроса. Другим надоедливым шмулём был Н. Е. Эфрос (786). Антон Павлович писал М. С. Малкиелю:

«„Новости дня“, очевидно желая подшутить надо мной, напечатали заметку, а потом и небольшую статью о том, что я будто открываю на берегу Крыма санаторию или колонию для земских учителей, — и это было передано по телеграфу в провинциальные газеты, и теперь земские учителя присылают мне письма с выражением благодарности и с просьбой принять в санаторию. Вы знакомы с Н. Е. Эфросом. Пожалуйста, прошу Вас, повидайтесь с ним и передайте ему просьбу мою — не продолжать этой шутки. Он за что-то сердит на меня, каждый год непременно подносит мне что-нибудь. Скажите ему, что я был бы рад, если бы он откровенно объяснил, в чём дело…»

Злополучная заметка была составлена мастерски:

«Промелькнуло известие, что А. П. Чехов в новом именьице своём, на южном берегу Крыма, устраивает колонию для народных учителей Серпуховского уезда, то есть того уезда, где он прожил в усадьбе своей … несколько лет… Ещё 10 лет назад, впервые попав на южный берег, Антон Павлович выражал при мне мысль, что тот сделал бы истинно доброе дело, кто устроил бы здесь нечто вроде дешёвой гостиницы для интеллигентных тружеников».

Акценты очень чётко поставлены. У Чехова имение в Серпуховском уезде, а там мириады «интеллигентных тружеников». И тут Чехов ещё подкупает «именьице». Ясно, что его надо отдать «народным учителям». При этом ловко используется действительно высказанная в своё время (в молодости) мысль Чехова о том, что «хорошо было бы, если бы». В ранней переписке Чехов действительно говорил о чём-то подобном, но как юношеские фантазии, в стиле «если бы у меня был миллион». А друзья-товарищи возьми и запомни «на всякий случай». А случай

подошёл — раз, и заметочку. Чехов потом сказал об Эфросе:

«Что за грязное животное… У меня такое чувство, будто я растил маленькую дочь, а Эфрос взял и растлил её».

Что называется «допёк». Это один такой Эфрос. А их в России жило 7 миллионов. А ну-тка скажи что наперекор!

1901 год. Чехов пишет сестре:

«Пожалуйста, попроси убедительно Якова Фейгина, пусть не печатает про меня вздора, вроде прилагаемого при сём. Ведь такое отношение ко мне просто возмутительно».

В письмо Чехов вложил следующую вырезку:

«Симпатичное предложение: по словам „Курьера", проживающий в Ялте известный писатель Антон Павлович Чехов предложил учащимся в земских школах Серпуховского уезда, желающим ехать в Крым, стол и квартиру в своём имении».

Свои «воспоминания» о Чехове Горький начал так:

«Однажды он позвал меня к себе в деревню Кучук-Кой, где у него был маленький клочок земли и белый двухэтажный домик. Там, показывая мне своё „имение", он оживлённо заговорил:

— Если бы у меня было много денег, я устроил бы здесь санаторий для больных сельских учителей».

Чувствуете развитие темы? Толпа мордатых «интеллигентных тружеников», щёлкающих орехи под окнами спальни тяжелобольного писателя, показалась не совсем приглядной. Тогда учителей заменили на учеников. Но всё равно не хватало блеска. Последний штрих добавил Горький: БОЛЬНЫЕ учителя. Имение же превратилось в «имение» — «маленький клочок земли». Отсюда нужный вывод: хотел, но не мог, не хватало средств.

Ну, а если бы представилась такая возможность, сказали бы: «Одиноков, пишите о Чехове что хотите — мы напечатаем». Я бы шарахнулся. При сложившейся вокруг имени Чехова обстановке писать об этом человеке — это значит унижать собственное достоинство. Это неприлично. Всё, Чехов уже «сделан». О нём можно только в узком кругу, близким людям на ухо говорить. Вокруг Чехова сидит 200 эфросов в четвёртом поколении: «Мы Чехова в обиду не дадим и в беде не оставим» (806). Даже пушкинисты, ладно, там что-то человеческое иногда (иногда) прорывается, но Чехов… Это знамя. Спорить с этим — это всё равно что на вопрос алкаша «ты меня уважаешь?» написать трактат по этике. Ответить на подобный вопрос — это значит унизить себя. Более того, уже сам факт, что вы допустили кого-то задать

этот вопрос уже есть неуважение к себе. Уважающий себя — себя в такое положение не ставит, к таким «общественным местам» не приближается, обходит. Зачем биться головой об стену? В литературоведении? В философии, здесь, это всегда. Но заниматься «чеховедением»… Дрейфусоведением…

754

← Предыдущее, следующее →

754. Примечание к с. 74 «Бесконечного тупика»

«(Дейч и Малинка) вызвали Гориновича в Одессу и здесь около товарной железнодорожной станции оглушили его несколькими ударами и, сочтя его мёртвым, облили ему лицо серной кислотой…» (ст. «Дейч» в Энциклопедическом словаре Южакова) (к цитате)

Оглушили ЕГО и, сочтя ЕГО, облили ЕМУ. Великий русский язык! И это написано в начале XX века, после Пушкина, Гоголя, Тургенева, Чехова. И где — в энциклопедическом словаре!

Вообще очень интересен этот 22-томный словарик. Заглянешь в него раз-другой, и многое станет ясней в истории русской культуры. Вот статья «Исаев». Объем 88 строчек. Приведены воспоминания об Исаеве Веры Фигнер:

«Его громкий, хриплый, точно из пустой бочки, кашель надрывал душу, если приходилось быть рядом. Иногда же нас приводили в ту самую клетку, где перед тем был он. На снегу справа и слева виднелась алая кровь, только что им выброшенная». И т. д. и т. п.

Далее идёт статья «Исихасты». 12 строчек:

«Исихасты — последователи учения, возникшего в последние времена Византии и утверждавшего, что если верующие коленопреклонённо сосредоточат продолжительное время своё внимание на созерцании собственного пупка, то могут сподобиться увидеть предвечный божественный свет».

Следующая статья «Исключительные законы» (о борьбе царизма с революционерами) — 126 строк. Далее статья «Искра» (с. д.) — 116 строк, и т. д.

В третьем издании Большой советской энциклопедии статья «Исихазм» занимает всё же 57 строк. И тон её совсем иной:

«Исихазм — этико-аскетическое учение о пути человека к единению с Богом через „очищение сердца“ слезами и через сосредоточение сознания в себе самом; для этого была разработана система приёмов психофизического самоконтроля, имеющая некоторое внешнее сходство с методами йоги».

755

← Предыдущее, следующее →

755. Примечание к № 734
Пушкин — мироощущение (к цитате)

В этом смысле Пушкин первый русский философ. В потенции, в возможности. В мир Пушкина русскому легко не только вчувствоваться, но и всматриваться, вдумываться. Это был русский человек, СПОСОБНЫЙ к философскому умозрению.

Кстати, раздражает постоянное подчёркивание «африканского» происхождения Пушкина. Но женой Абрама Ганнибала была немка Христина фон Шеберх, так что в жилах Александра Сергеевича текло столько же западноевропейской крови, сколько и эфиопской.

Интересно произведение Пушкина «Моцарт и Сальери». На Сальери приходится 2/3 текста, и какого текста — глубокого, философичного. Сальери аналитик, он понимает людей. Моцарт гениален, но одновременно мелок. Это — интуиция, совершенно не рефлектирующая:

Ах, правда ли, Сальери,
Что Бомарше кого-то отравил?

Это прозрение, но так и не понятое, не поднятое. У Моцарта тоже есть некий взгляд на мир («нас мало избранных, счастливцев праздных»). Но это легковесно и совсем не трагично. Более того, слова эти, сказанные после выпитого бокала с ядом, звучат как издевательство над несчастным слепцом.

Сальери же начинает с трагедии мысли:

Все говорят: нет правды на земле.
Но правды нет — и выше. Для меня
Так это ясно, как простая гамма.

Сальери — мрачный логос. Моцарт — какой-то «гуляка праздный». Напишет «Реквием» Моцарт. Но понять, продумать его может лишь Сальери («Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь; я знаю, я»). Это ЕГО, Сальери, музыка, музыка инфернального хода мысли, логических ступеней латинского хора. Вот в чём злорадство, насмешка судьбы, того, кто «сам-третей сидит» между двумя друзьями.

По неслучайному стечению обстоятельств «Моцарт и Сальери» очень «пришёлся» современности. Существует масса постановок, экранизаций. Но Пушкина идеологически огрубляют. Переигрывают. Например, Моцарта ставят на котурны величия, совершенно ему не идущего. Ведь он даже напуган своим гением, боится своего создания. Сальери же превращается в какого-то советского плагиатора.

Другая грубая ошибка — западноевропейский антураж пьесы. Всё напирают на способность Пушкина к «перевоплощению». Но Пушкин «перевоплощениями» лишь подчёркивал свою русскость. Диалог Моцарта и Сальери — это не что иное, как очень косвенный и глумливо неосознаваемый допрос. Ситуация до боли национальная, так что не стоило бы особенно педалировать клавесины и нахлобучивать парики с косичками. Многие повороты пьесы напоминают «Преступление и наказание» или ту сцену в «Войне и мире», где Пьер Безухов, задумавший убить Наполеона, чуть ли не с топором под полой слушает пьяную болтовню французского офицерика.

Сам Пушкин — это ведь и есть «Моцарт и Сальери». И ум, и гениальное чувство. Сальери говорит:

Что пользы, если Моцарт будет жив
И новой высоты ещё достигнет?
Подымет ли он тем искусство? Нет;
Оно падёт опять, как он исчезнет:
Наследника нам не оставит он.
Что пользы в нём? Как некий херувим,
Он несколько занёс нам песен райских,
Чтоб, возмутив бескрылое желанье

В нас, чадах праха, после улететь!
Так улетай же! чем скорей, тем лучше.

Моцарт не поднимет искусства, культуры, скорее наоборот, деформирует, разрушит. Тут Пушкин-Сальери вынес смертный приговор Пушкину-Моцарту (800), в котором русская культура слишком уж поднялась, слишком уж ввинтилась в небо и забыла грешную землю.

756

← Предыдущее, следующее →

756. Примечание к № 750
Есть люди (к цитате)

Даже через 40 лет с дрожью в голосе Достоевский вспоминал, как его взяли в работу Некрасов и Григорович после робкого литературного дебюта (ещё приватного, в форме рукописной):

«Чувство было дорого, помню ясно: „У иного успех, ну хвалят, встречают, поздравляют, а ведь эти прибежали со слезами, в четыре часа, разбудить, потому что это выше сна… Ах хорошо!“»

И потом, после триумфа в гостях у Белинского, окрылённый 24-летний молодой человек остановился на улице и кружилась, кружилась голова:

«„И неужели вправду я так велик“, — стыдливо думал я про себя в каком-то робком восторге … „О, я буду достойным этих похвал, и какие люди, какие люди! Вот где люди! Я заслужу, постараюсь стать таким же прекрасным, как и они, пребуду „верен“! О, как я легкомыслен, и если бы Белинский только узнал, какие во мне есть дрянные, постыдные вещи! А все говорят: что эти литераторы горды, самолюбивы. Впрочем, этих людей только и есть в России, они одни, но у них одних истина, а истина, добро, правда всегда побеждают и торжествуют над пороком и злом, мы победим; о, к ним, с ними!“»

В сущности, Достоевский так до конца и не понял, что с ним сделали (и слава Богу). Как могло получиться, что ему инкриминировали на следствии чтение и распространение письма Белинского к Гоголю, если Достоевский был с этим письмом самым решительным образом не согласен и расходился с его автором по всем пунктам? Как могло получиться, что Достоевскому инкриминировали фурьеризм (796), если он фурьеристов считал в лучшем случае комическими чудаками? Вопросы далеко не праздные. По всей видимости, Достоевского специально «заложили», а всё дело петрашевцев фальсифицировали, чтобы хоть как-то симулировать антиреволюционную деятельность полиции, подлинная функция которой заключалась как раз в насаждении революционного движения под руководством масонской верхушки. Делом Петрашевского прикрывали более се-

рьёзную и важную сеть кружков и подпольных групп, а делом Достоевского прикрывали, в свою очередь, дело Петрашевского. Достоевского превратили в центральную фигуру петрашевцев. Его уже тогда громкое имя, а также личное благородство, не позволяющее оговаривать товарищей и слишком усиленно доказывать свою фактическую невиновность, сделали Достоевского отличным зиц-председателем. Вторым номером шёл психически ненормальный «панк» Петрашевский (кстати, прототип Петра Верховенского), а наиболее значительная фигура среди петрашевцев — Николай Спешнев, имеющий опыт революционной деятельности за границей, — оказался в итоге следствия на вторых ролях. Более того, его дело вообще «исчезло» из архива.

Повторяю, слава Богу, что Достоевский был слишком благороден и наивен и не вгляделся попристальнее в произошедшее с ним несчастье. (Хотя психологию белинских и петрашевских он всё же уяснил себе вполне (817).)

757

← Предыдущее, следующее →

757. Примечание к № 743
Мстить — мешать, замешивать, вмешиваться. (к цитате)

Ещё — вымещать. Акт мести — это вымещение своей сложной задуманности вовне и опустошённое упрощение внутреннего мира. А прощение — усложнение внутреннего мира. Простить — прежде всего понять. Понимание же всегда вмещение.

758

← Предыдущее, следующее →

758. Примечание к № 739

устроили В. И. Ульянова по своей, по судейской части (к цитате)

Как произошло нравственное перерождение Вышинского? Ведь начал он так хорошо — блестящая учёба на юрфаке Киевского университета, потом работа помощником присяжного поверенного в Москве. И вдруг игнорирование азов юриспруденции, кошмар процессов 36–38 годов. Как мог пойти на такое талантливый представитель дореволюционной юридической школы? Ну, а как Д. И. Курский, кончивший юридический факультет Московского университета и входивший в кружок столичной адвокатуры вместе с будущими кадетами, стал первым советским прокурором и в течение 10 лет занимал пост народного комиссара юстиции? Как член петербургского кружка адвокатов, Крестинский стал членом Политбюро ЦК РКП(б)? Неужто это всё аномалии, парадоксы? Или, может быть, «русский адвокат» — это нечто другое, чем нам сейчас представляется? (792) Может быть, это вовсе и не адвокат, а политический бандит? Может быть, традиция политического бандитизма и уголовной психологии идёт с самого зарождения русской адвокатуры? Как мог Е. И. Кедрин, адвокат Перовской, опуститься до того, чтобы предупредить народовольцев, оставшихся на свободе, об изъятой при аресте записной книжке с адресами? Где же его адвокатская этика?

На психологию кедриных проливает свет М. Л. Мандельштам, который в своих «Записках защитника» писал:

«Многие из нас смотрели на политических подсудимых не сверху вниз, а как на равных нам, а иногда морально стоящих и выше нас. Почти все мы в подсудимых видели своих товарищей, делающих с нами одно и то же дело, но только более решительных и самоотверженных. Многие из нас сами принадлежали к подпольным партиям, а иные и работали там с подсудимыми… Я знал один случай, когда защитники устроили обвиняемому побег из самого здания судебных установлений. В массовом процессе один из них незаметно для конвоя передал фрачную пару обвиняе-

мому, и тот, переодевшись за спиной своих товарищей, под видом защитника вышел из комнаты и благополучно скрылся».

Русское «правосудие». Уровень законности тут вполне сопоставим с московскими процессами. Кстати, уже и тогда добрые адвокаты были готовы в любой момент обернуться несгибаемыми прокурорами. Мандельштам вспоминает:

«Поведение на суде — не наука, это — искусство. Каждый раз от обвиняемого и его защитника, от их ловкости и такта зависит соблюдение весьма тонкой грани, отделяющей вполне допустимое и даже необходимое стремление революционера сохранить свою жизнь и свободу от стремления, ценой унижения своего и партийного достоинства купить благоволение суда».

Разъезжающие по всей стране «адвокаты» осуществляли строгий надзор за поведением подсудимых революционеров (832).

759

← Предыдущее, следующее →

759. Примечание к № 737

«У раков, пауков, слизняков — авторитет, за малыми колебаниями, равен нолю». (А. Чехов) (к цитате)

Первый вопрос у русского демократа: кто сильненький (772), у кого авторитет, кто уважаемый человек. Для аристократа, монархиста ещё не так, для того всё ясно: вот царь, а вот псарь. А в демократии — тайна. «Выборы» — а кто выборами управляет? кто бюллетени избирательные подтасовывает? кому в ножки кланяться? — ничего не ясно. Тут такая иерархия, которая монархистам и не снилась: иерархия тайная, со степенями посвящения, со стадом профанов и номенклатурой посвящённых, со строгой градацией информации, с тысячами секретных знаков и томами сакральных текстов. Русская монархия, по сравнению с русской демократией, есть институт демократичнейший. Она естественна, отвечает самому духу русского народа, а демократия — это нечто насильственное и для своего поддержания требующее гигантского аппарата. А к аппарату требуется пружина — мифология неестественного, напряжённо извращённого мира, мира пауков и слизняков.

Со времён Писарева по страницам русской демократической прессы заползали гусеницы, слизняки и червяки. Интеллигенты стали прохаживаться рука об руку с ЗАРОДЫШАМИ. Появилась ОТРЫЖКА. Возьмите любого русского интеллигента, почитайте его статьи. На третьей странице он начнёт про зародышей, а на пятой появится отрыжка.

Ещё Пётр I был покорён зародышами. Ему в Англии заспиртованных уродцев показали, он даже застонал: вот она, суть! Он за этим и ехал, хотел в глаза Западу сатанинскому посмотреть. Зародыша из банки вынул и заставил свою свиту сего европейца зело чудного целовать.

Ещё одна тема — отвратительных поцелуев. Скорее не иудиных, а гомосексуальных:

«Реакционные слизняки взасос целуют Плеханова за его либеральную отрыжку, послужившую зародышем обливания помоями авторитета ортодоксальных марксистов».

В 1920 году на собрании актива московской парторганизации Ленин привёл уставшей аудитории пример из области, как он любил говорить, юмористики-ерундистики:

«Из области юмористики приведу замечание Вандерлипа. Когда мы стали прощаться, он говорит: „Я должен буду в Америке сказать, что у мистера Ленина рогов нет“. Я не сразу понял, так как вообще по-английски понимаю плохо. „Что вы сказали? повторите“. Он — живой старичок, жестом показывает на виски и говорит: „рогов нет“».

А зачем рога? И без рогов всё ясно. От каждой брошюры рыжего мурина за версту серой несёт (782).

760

← Предыдущее, следующее →

760. Примечание к № 726

Речь Чехова вся построена на интеллигентских присказках и прибаутках. (к цитате)

Из-за своей природной «интеллигентности» Чехов подвергся беспримерному в истории русской литературы опошлению. Имя человека, всегда чуравшегося газетной жизни, постоянно «украшало» газетные передовицы. Помянуть Чехова считалось журналистским шиком. И упоминали, конечно, всегда неуместно. (Как может быть Чехов УМЕСТЕН в «Известиях»?) Даже просто немотивированно. С равным успехом могли бы украсить статью ссылкой на Пушкина или Леонардо да Винчи. Щедрин очень уместен. Некрасов тоже. Но Чехов? И тем не менее, в отличие от, скажем, Бунина или Лескова, — постоянные «примеры» и «аналогии». Например, в заметке ненормального Ленина, написанной в 1905 году:

«Товарищ Потресов очень похож на героиню чеховского рассказа „Душечка“. Душечка жила сначала с антрепренёром и говорила: мы с Ванечкой ставим серьёзные пьесы. Потом жила она с торговцем лесом и говорила: мы с Васечкой возмущены высоким тарифом на лес. Наконец, жила с ветеринаром и говорила: мы с Колечкой лечим лошадей. Так и тов. Потресов. „Мы с Лениным“ ругали Мартынова. „Мы с Мартыновым“ ругаем Ленина. Милая социал-демократическая душечка! В чьих-то объятиях очутишься ты завтра?»

761

← Предыдущее, следующее →

761. Примечание к № 724

«Друг мой: обнимите и поцелуйте Владимира Набокова. Тошнит?» (В. Розанов) (к цитате)

В клоунстве Розанова, конечно, есть сходство с Лениным. Единственный «несолидный» русский мыслитель, не считая Ленина, — Розанов. Может быть, это о нём писал Кьеркегор:

«За кулисами загорелось. Клоун выскочил предупредить публику. Вообразили, что он шутит, и давай аплодировать ему. Он повторяет — ещё более неистовый восторг… Сдаётся мне, что пробьёт час, и мир разрушится при общем восторге умников, воображающих, что это — буффонада».

762

← Предыдущее, следующее →

762. Примечание к № 644
Экая силища писатель русский! (к цитате)

Опискин витийствовал:

«— Где я? Кто кругом меня? Это буйволы и быки, устремившие на меня рога свои. Жизнь, что же ты такое? Живи, живи, будь обесчещен, опозорен, умалён, избит, и когда засыплют песком твою могилу, тогда только опомнятся люди, и бедные кости твои раздавят монументом!»

Скромный Фома орал:

«О, не ставьте мне монумента! Не ставьте мне его! Не надо мне монументов! В сердцах своих воздвигните мне монумент, а более ничего не надо, не надо, не надо!»

И всё-таки благодарные соотечественники не могли не озаботиться:

«Фома Фомич лежит теперь в могиле… над ним стоит драгоценный памятник из белого мрамора, весь испещрённый плачевными цитатами и хвалебными надписями… припоминают каждое его слово, что он ел, что любил. Вещи его сберегаются, как драгоценность».

763

← Предыдущее, следующее →

763. Примечание к № 626

Евреи доказали: она (русская эмиграция) жить не должна. (к цитате)

Причём часто это делалось через подставных лиц. Русского по головке погладь — он сам себе могилу выроет:

Бердяев писал о молодой эмиграции (РСХД):

«В сущности, я был непопулярен среди молодёжи движения, меня опасались… Со мной считались и церемонились, вследствие моей известности, особенно известности за границей, среди христиан Запада, поддержавших русское движение. Но меня воспринимали как человека другого мира, чуждой духовно-душевной структуры…

Меня часто удивляло, что моя мысль всё-таки имела довольно большой успех на Западе… Я был первый русский христианский философ, получивший большую известность на Западе, бОльшую, чем В. Соловьёв. Мои книги были переведены на много языков, и только мои книги были переведены. Их много читали и по ним начали судить о русском православии… Консервативные правые круги в эмиграции, заинтересованные в поддержании отношений с англиканами и американскими протестантами, не стремились рассеять недоразумение».

Т. е. Бердяев — это недоразумение русской философии. Человек, чуть ли не бойкотируемый русскими, почему-то оказывается репрезентативной фигурой и в таковом виде уже в 50–60-е годы импортируется в Россию, превращается в основоположника нашей философской мысли. Парадокс? Случайность? Конечно, нет. Стояла тень за рулеткой и останавливала вертушку на его цифрах. С какой целью? Да очень просто. Русская эмиграция мешала (773). Иванушки ничего не поняли и принялись «разоблачать» Европу. «Доказывать»:

— Ну, вот, вы же помните, я вам 200 рублей давал.

— ?

— Ну как же, два месяца назад, вы ещё говорили…

— Расписка есть?

— Нет, но…

— Вон!!!

Ну что это, стали всерьёз писать о том, что Ленин немецкий шпион и т. д. КОМУ это доказывалось? Германии? Но немцы строили свою игру на антибольшевистских лозунгах (Германия — форпост западной цивилизации, её демилитаризация — угроза Европе, провокация мировой революции). Одновременно немцы установили теснейшие политические и экономические связи с Советской Россией, причём в значительной степени благодаря тому, что большевиков удавалось шантажировать угрозой опубликования огромного количества компрометирующих документов. Более того, Веймарской республике досталась в наследство от кайзеровской Германии разветвлённейшая и многослойная шпионская сеть в России, многие элементы которой после 1917 года контролировали ключевые посты в государстве. В таких условиях Россию можно было легко сделать военным союзником, а в дальнейшем столь же легко уничтожить. Вопрос был во времени, необходимом для восстановления собственной экономики и освобождения от статуса полуколонии Антанты.

С другой стороны, Антанта была в ещё меньшей степени заинтересована в установлении «правды» уже потому, что тогда Октябрьский переворот юридически был бы делом рук германской агентуры и, следовательно, Гражданская война в России была бы частным случаем войны между странами Антанты и Четверного союза. В этой ситуации фактическое предательство белого движения Англией и Францией выглядело бы циничным нарушением договорных обязательств, а не вполне приемлемой дипломатической акцией.

Но это ещё пустяки. Русские эмигранты пошли дальше и стали ковырять тупой ржавой иголкой сложнейшую и роскошнейшую раковую опухоль европейского жидомасонства. И если в первом случае русских просто никто не слушал, то тут зарвавшимся плебеям сочли нужным заткнуть рот. (Правда, не вполне успешно. Русские сыграли роль в создании германского фашизма, но к концу 40-х партия была сделана.) Причём предпочитали делать это руками самих русских. Таких, как Бердяев, например. Он писал:

«Быть „левым“ в отношении к господствующему общественному мнению эмиграции есть элементарное приличие».

То есть два миллиона русских эмигрантов, переживающих страшную трагедию, потерявших родину, для Бердяева просто люди, потерявшие «элементарное приличие». Приличие, конечно, тут потерял кто-то другой.

Русские люди в эмиграции старались сохранить свою национальную сущность и в таких условиях, конечно, весьма болезненно относились к разного рода космополитическим идеям. Стремясь найти опору в жизни, сотни тысяч русских людей объединились вокруг церковных приходов, русские общины жили интенсивной религиозной жизнью. И вот в такой обстановке, уподобляясь персонажу известной русской сказки, Бердяев выступал против «душного православия» и «зоологического национализма». Но отплясывание трепака на похоронах, конечно, ставит Бердяева просто в рамки приличного общества (не говорю: за рамки русской философии — из них он вышел ещё раньше, полностью исписавшись к середине 20-х).

Разумеется, в своём хулиганстве Бердяев был не одинок. Там была целая группа провокаторов, разросшихся под чудовищной линзой еврейского пропагандистского аппарата до размеров необыкновенных и в конце концов забивших эмигрантскую мысль на корню. К числу таких дутых величин относится и другой любимец еврейства — Федотов. Во время первой русской революции у него на квартире делали обыск. Обыск делали очень тихо, боялись разбудить дедушку Георгия Петровича — полицмейстера. Его матери один из жандармов шёпотом коротко объяснил ситуацию: «С жидами связался». Этими двумя словами исчерпывается вся биография Федотова, неплохого литератора и заурядного медиевиста, раздутого евреями в титана русской философии.

По-моему, почти всё, что написано о творчестве Бердяева и Федотова, это оскорбление и для русской философии, и для этих во многом талантливых, но несправедливо незабытых людей.

764

← Предыдущее, следующее →

764. Примечание к № 708
ухмыляться секретной масонской усмешкой (к цитате)

Основу масонской пропаганды всегда составляли чужие мысли и произведения, которые добрые братья всячески пропагандировали, распространяли и цитировали и, таким образом, совершенно не обнаруживая себя, добивались успеха. Подготавливалась определённая почва для вербовки новых членов, легализации заглушечных лож и т. д.

765

← Предыдущее, следующее →

765. Примечание к № 647

Фёдор Михайлович постепенно превращается в Порфирия Петровича (к цитате)

Между прочим, Достоевский однажды действительно провёл форменное литературное расследование (775) и раскрыл литературное преступление, уличив некоего литератора и тут же подвергнув оного литературному наказанию (печатному разоблачению).

В 103-м номере «Русского мира» за 1873 г. появилась заметка, упрекающая Достоевского в незнании церковных обычаев. Заметка была подписана: свящ. П. Касторский. В «Дневнике писателя» скоро появился ответ. Первая его часть состояла в фактическом опровержении, причём опровержение сопровождалось язвительными замечаниями, вроде:

«А между тем вы просто-запросто подтасовали дело, и я преспокойно ловлю вас на плутне. Но вы немножко ошиблись, батюшка, и рассчитали без хозяина».

Или:

«Не знаете дела, батюшка, а ещё духовное лицо».

Или:

«Духовное лицо, а так раздражительны! Стыдно, г-н Касторский».

Но эта часть статьи Достоевского представляет собой лишь преамбулу, так сказать, выуживание у подследственного ценного фактического материала с параллельным внушением некой якобы надёжной и спасительной линии обороны: «Фактики-то, г-н Достоевский, может быть, и опровергли частично, мы и сами готовы это признать, но ведь увлеклись, стали глумиться над духовным лицом — материальчик-с на себя дали-с».

Но тут Фёдор Михайлович, усыпив бдительность противника, наносит удар с неожиданной стороны:

«А знаете, ведь вы вовсе не г-н Касторский, а уж тем более не священник Касторский, и всё это подделка и вздор. Вы РЯЖЕНЫЙ».

И дальше, довольный, уже эффект усиливает, доворачивает, куражась:

«И, знаете, что ещё? Ни единой-то самой маленькой минутки я не пробыл в обмане; тотчас же узнал ряженого и вменяю себе это в удовольствие, ибо вижу отсюда ваш длинный нос: вы вполне были уверены, что я шутовскую маску, вывесочной работы, приму за лицо настоящее. Знайте тоже, что я и отвечал вам немного уже слишком развязно единственно потому, что сейчас же узнал переряженного. Если бы вы были в самом деле священником, я, несмотря на все ваши грубости, которые в конце вашей статьи доходят до какого-то победоносно-семинарского ржанья, всё-таки ответил бы вам „с соблюдением“ — не из личного к вам уважения, а из уважения к вашему высокому сану, к высокой идее, которая в нём заключается…»

Патетикой-с, патетикой-с его. Ну, а закончить покамест тираду приговором:

«Но так как вы всего только ряженый, то и должны понести наказание. Наказание начну с того, что объясню нам подробно, почему вас узнал (между нами, я даже предугадал, кто именно под маской скрывается; но имя вслух не объявлю, а оставлю при себе до времени), и это вам, естественно, будет очень досадно…»

Намекнуть и на окончательное разоблачение. Но сразу главный козырь не выкладывать, а завалить ворохом косвенных улик, «доказать»:

«Во-первых, г-н ряженый, у вас пересолено. Знаете ли вы, что значит говорить эссенциями? Нет? Я вам сейчас объясню. Современный „писатель-художник“, дающий типы и отмежёвывающий себе какую-нибудь в литературе специальность (ну, выставлять купцов, мужиков и проч.), обыкновенно ходит всю жизнь с карандашом и с тетрадкой, подслушивает и записывает характерные словечки; кончает тем, что наберёт несколько сот нумеров характерных словечек. Начинает потом роман, и чуть заговорит у него купец или духовное лицо, он и начинает подбирать ему речь из тетрадки по записанному. Читатели хохочут и хвалят, и, уж кажется бы, верно: дословно с натуры записано, но оказывается, что хуже лжи, именно потому, что купец али солдат в романе говорят ЭССЕНЦИЯМИ… Драгоценное правило, что высказанное слово серебряное, а невысказанное — золотое, давно-давно уже не в привычках наших художников».

И далее Достоевский как дважды два доказывает, что заметка Касторского есть грубая имитация лексики священнослужителя. Слишком густо идут архаичные обороты, много нарочито мало-

грамотных выражений, для современного священника неправдоподобных, и т. д. Всё подробно объясняется. Тягуче, логично. Юридический ум. И в конце заключительный укус. Фёдор Михайлович «недоумевает», как это, ругая редактора «Дневника писателя», автор заметки в противоположность ему хвалит не себя, а г-на Лескова.

Замечу, что по сути в полемике прав всё-таки Лесков. Но это переодевание… И у Достоевского, и у Лескова. При чём здесь христианство? Это элита, захваченная порождением нового мира. Люди, научившиеся говорить, но ещё не умеющие говорить. Тут явно видна серьёзная ошибка слишком долго промолчавшей культуры — её ХИТРОУМИЕ. Избыточность. Достоевскому сказали: статью написал Лесков. Он нафантазировал «разоблачение» на 14-ти страницах. Почему в свою очередь и Лескову потребовалась злорадная мистификация? Сейчас, через 100 с лишним лет, видно — «хотелось». Хотелось безумного словоговорения революционной макулатуры, Государственной Думы, бесконечных судебных процессов. Хотелось, в конце концов, Крыленко и Вышинского. Побольше серьёзности. Больше, ещё больше. Чтобы от слова — жизнь и смерть зависела. Чтобы кончалось смертным приговором. А чем дальше, тем зависело меньше, и уже просто были подхвачены люди, всё общество словесным вихрем и низвергнуто в пропасть. И ведь не под реквием — петрушкиным фарсом всё кончилось. Дебильным апломбом последнего семинариста.

766

← Предыдущее, следующее →

766. Примечание к № 726

«Иногда во тьме ночной приносят длинную гармошку» (Н. Заболоцкий) (к цитате)

В гармошке самой по себе есть нечто идиотское. Идиотски «диалектическое». Гармошка большая и вдруг раз — и маленькая. «Энциклопедия философских наук». Книгу развернул — а тут целая вселенная. Гегелевские термины: «развёртка» и «свёртывание».

767

← Предыдущее, следующее →

767. Примечание к № 726

В его (А. Платонова) произведениях происходит не просто разложение литературной формы и языка, но и распадение способа осмысления мира. (к цитате)

Русской литературе был свойствен анимализм. Стремление взглянуть на мир, например, глазами крестьянина. Предполагалось, что это более «реально», более «подлинно», чем взгляд на мир образованного человека. «Реально», то есть материально, механистично. Но механицизм — это вид сюрреализма. Кубизм, абстракционизм. Платонов действительно взглянул на мир глазами крестьянина (а не наряженного крестьянином Тургенева или Толстого). Но это распад, чернила, проволочный станок. Нечто гораздо менее человеческое. А можно бусинкой беличьего глаза и фасетчатым глазом кузнечика посмотреть. Но ведь это ненависть к литературе, неуважение к слову. В самом «реализме» таится неуважение.

Провиденциально, что удача русского реализма совпала с демонтажем мира (777).

768

← Предыдущее, следующее →

768. Примечание к № 591

«Несомненно, что он себя считал и чувствовал выше всех окружающих людей, выше России и Церкви» (В. Розанов) (к цитате)

Или Розанов сказал о Соловьёве уже совсем прямо:

«Пошлое — побежавшее по улицам прозвище его „Антихристом“, „красивым брюнетом — Антихристом“, не так пошло… Мне брезжится, что тут есть настоящая НОУМЕНАЛЬНАЯ истина, настоящая отгадка дела: в Соловьёва попал (при рождении, в начатии) какой-то осколочек настоящего „противника Христа“, не „пострадавшего за человека“, не „пришедшего грешные спасти“, а вот готового всё человечество принести в жертву себе, всеми народами, всеми церквами „поиграть, как шашечками“ для великолепного фейерверка, в бенгальских огнях которого высветилось бы „одно МОЁ лицо“, единственно МОЁ и до скончания веков моё, моё».

Но не попал ли «осколочек Антихриста» в душу каждого русского? Не есть ли мечта и тайное желание его стать «Великим Магистром» и «поиграть в шашечки»? Ведь природа русского артистическая, Розанов об этом писал. И Розанов же писал о «нечеловеческой природе актёра»:

«Актёр — страшный человек, страшное существо. Актёра никто не знает, и он сам себя не знает … и почти хочется сказать: когда Бог сотворял человека, то ненавидящий и смеявшийся над Ним дьявол в одном месте „массы“, из которой Бог лепил Своё „подобие и образ“, ткнул пальцем, оставил дыру, не заполненную ничем. А Бог, не заметив, замешал и эту „дыру“ в состав человека, и вот из неё и от неё в человечестве и получились „актёры“, „пустые человеки“, которым нужно, до ада и нетерпения, в кого-нибудь „воплощаться“, „быть кем-то“, древним, новым, Иваном Ивановичем, Агамемноном, но ни в коем случае НЕ СОБОЙ, НЕ ПРЕЖНИМ, НЕ УРОЖДЁННЫМ… У НАСТОЯЩЕГО актёра искусство убило всё… И у других „талантов“ или „призваний“ искусство и наука отнимают многое, поглощают многое; но, в сущности, поглощают только досуг, ум, мысль. У актёра же, ужасно выговорить, — поглощено само ЛИЦО,

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ. У него искусством отнята душа, и вне искусства он… без души!»

Но есть шанс. Шанс Соловьёва, даже частично осуществлённый. Это «сыграть в шашечки» вполне сознательно. Сыграть актёра, сыграть самого себя. Обмануть судьбу невозможно. Знать судьбу нельзя. Но возможно её угадать. Отчасти догадываться о ней. Душа вечно и страшно летит по силовым линиям программ: животной, человеческой, половой, расовой, духовной. И их поля швыряют человека из одного жизненного канала в другой, по рукавам, ответвлениям и тупикам. Но сеть не так проста, и есть возможность догадки.

Розанов своей судьбой (духовной) дал модель «русской судьбы», почти со всеми её ответвлениями. Мысль его, громадная, ударилась о преграду реальности и просыпалась мириадой летящих мыслей, всё более и более дробящихся, превращающихся в реальность. Создав совершенную модель космоса, природы, человеческой истории и индивида, он её ещё и обернул мясом, изнанкой, реальностью. Дальше, «вширь» развивать его нельзя. Но можно, ещё можно вглубь, в «практику». Он не мог видимо чувствовать космичность мира, то есть его глубокую аналогичность, соразмерность. Не в том или ином сегменте реальности, а ВООБЩЕ. И поэтому сказал:

«Как ни поразительно, я около сорока лет прожил „случайно в каждый миг“, это была сорокалетняя цепь случайностей и непредвиденностей; я „случайно“ женился, „случайно“ влюблялся, „случайно“ попал в консервативное течение литературы, кто-то (Мережковские) — пришли и взяли меня в „Мир Искусства“ и в „Новый Путь“, где я участвовал для себя „случайно“ (т. е. в цепи фактов внутренней жизни „ещё вчера не предвидел“ и „накануне не искал“)».

Но это так являлось ему. И не могло являться иначе. Нам же, знающим его судьбу (по крайней мере, безусловно знающим по сравнению с его собственным вот-знанием в тот или иной момент), и прочитавшим его произведения, видно, что ничего случайного в его жизни нет. Да, он «случайно» написал в 90-х годах небольшую заметку «Что иногда значит „научно объяснить“ явление», где критиковал позитивистские воззрения на предсмертный опыт, опыт, для физиолога совершенно неуловимый, так как физиолог видит в утопленнике с залитой водой глоткой или в умирающем на койке, в холодном поту, лишь сломавшуюся машину. Но вот через четверть века Розанов умирает и надиктовывает дочери предсмертные листья:

«Для физиолога важно ощущение так называемого внутреннего мозгового удара тела. Вот оно: тело покрывается каким-то страшным выпотом, который нельзя иначе сравнить ни с чем, как с мёртвой водой».

Уходя, Розанов напоследок, «раз уж есть такая возможность», посмотрел на покидаемый им мир извне, с точки зрения умирающего. О которой он, в свою очередь, случайно написал живым. Но жизнь его выгибается железной однозначной дугой, так что-то, что было, то должно было быть, и всё, что должно было быть, то было. Розанов чувствовал, удивительно чувствовал сам рок, сам фатум. Его постоянное присутствие. Но частность, но конкретные приёмы — это не могло при общем масштабе задания не остаться за пределами интуиции.

Нет, не видение, видение невозможно. Но возможна более сложная, более совершенная слепота. В слепоте есть определённая система, определённые правила. Правила игры в «шашечки».

769

← Предыдущее, следующее →

769. Примечание к № 716

Я смотрю на фотографию Достоевского — лицо пророка, лоб мыслителя. (к цитате)

Поставить рядом Толстого. Да это карикатура на Достоевского. (Как нарочно, есть очень сходные портреты: одинаковая борода, причёска, ракурс.)

770

← Предыдущее, следующее →

770. Примечание к № 737

Чехов очень толково … выболтал суть интеллигентской мифологии. (к цитате)

И он же, один из немногих, сумел вырваться из душной интеллигентской среды и дать беспощадную критику её интеллектуального и морального убожества. Даже в махрово-интеллигентский период своей жизни Чехов с отвращением писал брату о кабацких нравах московского студенчества и московской «либеральной прессы»:

«Мы не можем не уважать даже малейшее „похоже на соль мира“. Мы, я, ты, Третьяковы, Мишка наш — выше тысячей, не ниже сотней … Что не мы, то против нас. А мы отрицаемся друг от друга! Дуемся, ноем, куксим, сплетничаем, плюём в морду! Скольких оплевали Третьяков и Ко! Пили с „Васей“ брудершафт, а остальное человечество записали в разряд ограниченных. Глуп я, сморкаться не умею, много не читал, но я молюсь вашему богу — этого достаточно, чтобы вы ценили меня на вес золота! Степанов дурак, но он университетский, в 1000 раз выше Семёна Гавриловича и Васи, а его заставляли стукаться виском о край рояля после канкана!»

Или:

«Газетчик значит, по меньшей мере, жулик, в чём ты и сам не раз убеждался. Я в ихней компании, работаю с ними, рукопожимаю и, говорят, издали стал походить на жулика. Скорблю и надеюсь, что рано или поздно изолирую себя а-ля ты. Ты не газетчик, а вот тот газетчик, кто, улыбаясь тебе в глаза, продаёт душу твою за 30 фальшивых сребреников и за то, что ты лучше и больше его, ищет тайно погубить тебя чужими руками, — вот это газетчик…»

Потом, уже в переписке с Сувориным, Чехов с ожесточением открещивался от своего недавнего прошлого, буквально издеваясь над русским студенчеством. Итог своему интеллигентскому состоянию Антон Павлович подвёл в рассказе «Огни», где рассуждения главного героя являются реминисценцией бесед Чехова со своим старшим другом (1888 г.):

«Когда я задремал, мне стало казаться, что шумит не море, а мои мысли, и что весь мир состоит из одного только меня. И, сосредоточив таким образом в себе самом весь мир, я … отдался ощущению, которое я так любил. Это — ощущение страшного одиночества, когда вам кажется, что во всей вселенной, тёмной и бесформенной, существуете только вы один. Ощущение гордое, демоническое, доступное только русским людям, у которых мысли и ощущения так же широки, безграничны и суровы, как их равнины, леса, снега. Если бы я был художником, то непременно изобразил бы выражение лица у русского человека, когда он сидит неподвижно и, подобрав под себя ноги, обняв голову руками, предаётся этому ощущению… А рядом с этим ощущением мысли о бесцельной жизни, о смерти, загробных потёмках … мысли не стоят гроша медного, но выражение лица, должно быть, прекрасно…

В моей голове кипела странная и, если хотите, смешная работа. Самые разнообразные мысли в беспорядке громоздились одна на другую, путались, мешали друг другу, а я, мыслитель, уставясь в землю лбом, ничего не понимал и никак не мог ориентироваться в этой куче нужных и ненужных мыслей. Оказалось, что я, мыслитель, не усвоил себе ещё даже техники мышления и что распоряжаться своей собственной головой я так же не умел, как починять часы. Первый раз в жизни я мыслил усердно и напряжённо, и это казалось мне такой диковиной, что я думал: „Я схожу с ума!“ Чей мозг работает не всегда, а только в тяжёлые минуты, тому часто приходит мысль о сумасшествии.

…Я прозрел и понял наконец, что я за птица… я понял, что у меня не было ни убеждений, ни определённого нравственного кодекса, ни сердца, ни рассудка; всё умственное и нравственное богатство моё состояло из специальных знаний, обрывков, ненужных воспоминаний, чужих мыслей — и только, а психические движения мои были несложны, просты и азбучны, как у якута… Если я не любил говорить ложь, не крал, не убивал и вообще не делал очевидно грубых ошибок, то это не в силу своих убеждений, — их у меня не было, — а просто только потому, что я по рукам и ногам был связан нянюшкиными сказками и прописной моралью, которые вошли мне в плоть и кровь и которые незаметно для меня руководили мною в жизни, хотя я и считал их нелепостью…

Я понял, что я не мыслитель, не философ, а просто виртуоз (т. е. стилист. — О.). *Бог дал мне здоровый, сильный русский мозг с задатками таланта. И вот представьте себе этот мозг на 26 году жизни, не дрессированный, совершенно свободный от постоя, не обременённый никакою кладью, а только слегка*

запылившийся кое-какими знаниями по инженерной (читай медицинской. — О.) *части; он молод и физиологически алчет работы, ищет её, и вдруг совершенно случайным путём западает в него извне красивая, сочная мысль о бесцельной жизни и загробных потёмках. Он жадно втягивает её в себя, даёт в её распоряжение весь свой простор и начинает играть с нею на всякие лады, как кошка с мышкой. У мозга ни эрудиции, ни системы, но это не беда. Он собственными, природными силами на манер самоучки справляется с широкой мыслью, и не проходит месяца, как уж обладатель мозга из одного картофеля готовит сотню вкусных блюд и мнит себя мыслителем…*

Эту виртуозность, игру в серьёзную мысль наше поколение внесло в науку, в литературу, в политику…»

Далее Чехов несомненно сравнивает уровень своего мышления с уровнем умудрённого жизненным опытом Суворина:

«Старики, во-первых, не виртуозы. Их пессимизм является к ним не извне, не случайно, а из глубины собственного мозга и уж после того, как они проштудируют всяких Гегелей и Кантов, настрадаются, наделают тьму ошибок, одним словом, когда пройдут всю лестницу от низу до верху. Их пессимизм имеет за собой и личный опыт, и прочное философское развитие. Во-вторых, у стариков-мыслителей пессимизм составляет не шалтай-болтай, как у нас с вами, а мировую боль, страдание; он у них имеет христианскую подкладку, потому что вытекает из любви к человеку и из мыслей о человеке и совсем лишён того эгоизма, какой замечается у виртуозов».

Фрагментарно именно эти взгляды и выражены в тогдашней переписке с Сувориным. Вот полушутливая фраза:

«Русский писатель живёт в водосточной трубе, ест мокриц, любит халд и прачек, не знает он ни истории, ни географии, ни естественных наук, ни религии родной страны, ни администрации, ни судопроизводства… одним словом, чёрта лысого не знает».

А вот 29-летний Чехов пишет совсем серьёзно:

«Мне страстно хочется спрятаться куда-нибудь лет на пять и занять себя кропотливым, серьёзным трудом. Мне надо учиться, учить всё с самого начала, ибо я, как литератор, круглый невежда».

Но это состояние духовного банкротства оказалось мучительным, и Чехов не пошёл дальше, не выдержал. Это тоже причина предательства Суворина. Суворин, как отец, ментор, сам того

не ведая, толкал Чехова вверх. Отношения с Сувориным начались для Антона Павловича с обычного лицемерия, но это был не Лейкин и даже не Григорович. Суворин оказал огромное воздействие на Чехова. В конце концов дружба с ним превратилась для прожигающего жизнь Чехова в немой укор. С либералами типа Гольцева было гораздо легче.

С другой стороны, в жизни Чехова произошёл мудрый отказ от разума. Ведь русское мышление как таковое и построено на «виртуозности», на гениальной стилизации, гениальной игре идей, кружащихся в нихиле. Огоньки сверкнули в чеховском мозгу и погасли. Сами «Огни» это стилизация, заглушечная русская игра, причём довольно элементарная: «вот как я думаю» — и тут в конце оправдательный поворот, сдвиг, отшатывание он своей же мысли. Мысль героя заканчивается фразой: «Ничего не разберёшь на этом свете!» Отказ. Чехов дальше бы и не смог. Это вершина развития его мышления, дальше пошёл регресс. Суворин, сам самоучка, не мог тут ему помочь. Он дал материал, пищу для размышлений, и только. Чехов писал Суворину:

«Конечно, я не Шопенгауэр и не Паскаль. Вы правы; но и Вы тоже, извините, не того…»

Чехов и Суворин были очень близки друг другу, так что помещённая ниже характеристика Суворина вполне приложима и к самому Чехову:

«Суворин представляет из себя воплощённую чуткость. Это большой человек. В искусстве он изображает из себя то же самое, что сеттер на охоте на бекасов, то есть работает чертовским чутьём и всегда горит страстью. Он плохой теоретик, наук не проходил, многого не знает, во всём он самоучка — отсюда его чисто собачья неиспорченность и цельность, отсюда и самостоятельность взгляда. Будучи беден теориями, он поневоле должен был развить в себе то, чем богато наделила его природа, поневоле он развил свой инстинкт до размеров большого ума».

Суворин динамичен, активен. Чехов, при общей схожести, слабее, пассивнее. Он принадлежал другой эпохе, менее целесообразной и более старой, в общем — выморочной. У Суворина процесс не зашёл так далеко, он потерял веру, но не совсем, не так, как Чехов, вообще ушедший из церкви. И приступы апатии у Суворина не носили столь интенсивной окраски. Чехов так и написал Суворину:

«Но мне не хватает страсти и, стало быть, таланта. Во мне огонь горит ровно и вяло, без вспышек и треска, оттого-то не случается, чтобы я за одну ночь написал бы сразу листа 3–

4 или, увлёкшись работою, помешал бы себе лечь в постель, когда хочется спать; не совершаю я потому ни выдающихся глупостей, ни заметных умностей».

771

← Предыдущее, следующее →

771. Примечание к № 572

Ну несколько бы замешкался со сбором и вывозом дневников, конспектов, множества книг с аппаратом пометок. (к цитате)

Как сказал один молчаливый народ, разговор только портит беседу. Насколько благороднее была бы II часть без этой III-ей. То есть чтобы III-я была в уме, только подразумевалась. Соответственно I часть. «Закруглённый мир» — без II-ой, тоже подразумеваемой, это уже почти величие. Ну, а вообще «Бесконечный тупик», ненаписанный или навечно погребённый в письменном столе, — это действительно нечто психологически сопоставимое со смертью отца.

Если уж зашла речь: я бы мог написать и IV часть. С соответствующим увеличением объёма. Да в значительной степени она уже написана. Так, конспекты, на которые я опирался, составят 1500 страниц. Дневники — около 500 (написанные конспективно, они легко разворачиваются в 10 раз). Всякого рода рукописи, не вошедшие в окончательный текст, — страниц 500. И главное, аппарат пометок и записей на полях сотен книг. Его полное воспроизведение и развёртка как раз и составит 30000 страниц. Набралось бы. Некоторые части, кстати, я вполне реально хочу отпочковать. Вот, например, думаю около 1/10 пометок из ПСС Ленина перепечатать под заголовком «1600 (условно) отрывков из произведений и писем Н. Ленина». Наверное, сделаю — такая механическая работа хорошо заслоняет от ощущения бессмысленности моей жизни.

Конечно, здесь, в «IV части», грань, за которой осуществление личности исчезает, заменяется другими текстами. Личностное начало становится слишком косвенным, так что объём переходит в безличную немоту. Но в принципе написать можно было бы. 70 «двадцатьдевятых томов». Плюс система примечаний.

Менее всего меня можно упрекнуть в легкомыслии. Моё мышление очень авторитарно, и я всегда ищу для любого своего мнения зацепку авторитета (791). К которому я равнодушен, но который я тем не менее всегда приберегаю «на чёрный день».

Кюстин писал, что жители Петербурга напоминают ему шахматные фигуры, «которые приводит в движение один лишь чело-

век, имея своим незримым противником всё человечество». В общем, это и смысл моего существования. Я спорю с некой абстракцией, причём спорю очень древними, архаичными методами. Возможно, «всё было бы хорошо», если бы я всерьёз в своей жизни прочёл только одну книгу. Я же Библию заменил библиотекой (783).

Трудолюбие, всё ломающее интеллектуальное упорство, бешеное, застилающее глаза кровавой пеленой честолюбие, серьёзное, пожалуй, излишне серьёзное отношение к миру — и всё зря. Всё — «никому не нужно». Кто-то дал мне дар сопоставления несопоставимого, дар насмешки над собой, дар совершать громоздкую мыслительную работу, постоянную и… бессмысленную. Бессмысленную, ибо я абсолютно бездарен в цели (801). Зачем, для чего — для меня это безобразное чавкание филологического болота. Я никогда не мог найти цель в жизни (940). Долго постановка цели казалась мне грубой, напоминала злобный огонёк в глазах шимпанзе, «увидевшего» сложно висящий апельсин — «цель поставлена». Но потом я понял, что что-то порвано сзади моих глаз, и они просто расслаблены, всё видят, но ничего не могут «увидеть». Чисто созерцательное отношение к миру. Но в этом и боль, при потенциальной способности понимания мира и при постоянном механическом перебирании его моим мозгом. У меня голова болит.

772

← Предыдущее, следующее →

772. Примечание к № 759

Первый вопрос у русского демократа: кто сильненький (к цитате)

Ещё бы, ведь он РУССКИЙ. Удивительно, как точно понимал Достоевский суть национальной психологии (781). Его высказывания о русском характере — я не устаю поражаться их глубине. Глубине естественной. У него ведь не было никакой определённой концепции, «теории». Просто он ВИДЕЛ:

«Вся Россия заражена в известном смысле страшною мнительностью, во всех сословиях и во всех занятиях и именно насчёт власти».

773

← Предыдущее, следующее →

773. Примечание к № 763
Русская эмиграция мешала. (к цитате)

Русские думали, их в Европе ждать будут, что для них там какое-нибудь пустое государство приготовили. И совершили три роковые ошибки:

1. Русская эмигрантская культура была вывернута наружу. Всё писалось открытым текстом. Не было секретов, не было тайны русской диаспоры (788). О евреях и масонах нужно было собирать материал, тайно обучать молодёжь реальной истории Европы в закрытых и нелегальных учебных заведениях и т. д.

2. Русская элита не была замкнута и не понимала, что живёт во враждебном окружении. Не было строго иерархической религиозной организации, системы внутрикагального сыска, обязательного налога на нужды эмиграции для всех членов диаспоры, не было сети осведомителей в структурах соответствующих государств и т. д.

3. Русская эмиграция не создала тайный военизированный орден, который повязал бы всю диаспору кровью и организовал убийство нескольких десятков политических и общественных деятелей России и западного мира.

Русские безобразно плохо знали историю своих врагов. Во всех трёх направлениях русские как-то хаотически шевелились, что-то самотёком сколачивали на скорую руку, а богатейший опыт еврейской диаспоры лежал нетронутым.

774

← Предыдущее, следующее →

774. Примечание к с. 76 «Бесконечного тупика»
Что делать? — Ничего не делать! (к цитате)

Достоевский писал:

«(В Печорине русский тип) дошёл до неутолимой, желчной злобы и до странной, в высшей степени оригинально русской противоположности двух разнородных элементов: эгоизма до самообожания и в то же время злобного самонеуважения. И всё та же жажда истины и деятельности, и всё то же вечно роковое „НЕЧЕГО ДЕЛАТЬ“! От злобы и как будто на смех Печорин бросается в дикую, странную деятельность, которая приводит его к глупой, смешной, ненужной смерти.

И всё ведь это действительная правда, повторялось ДЕЙСТВИТЕЛЬНО в нашей жизни».

775

← Предыдущее, следующее →

775. Примечание к № 765

Достоевский однажды действительно провёл форменное литературное расследование (к цитате)

Впрочем, что я. Зрелый Достоевский собственно и начался с профессионального следствия. Комиссия по расследованию дела петрашевцев лезла от него на стену. Генерал Ростовцев во время одного из допросов вдруг закричал: «Я не могу больше видеть Достоевского!» — потом выбежал в другую комнату, закрылся на ключ и хныкал: «Уберите Достоевского, я не выйду, пока вы его не уберёте».

Конечно, в отличие от Чернышевского, пребывание в Петропавловской крепости трудно отнести к звёздному часу Фёдора Михайловича, и всё-таки тоже был приспособлен, тоже плавал как рыба в воде. Ведь первый раз в жизни, а какая органичность, какая вёрткость и презрительная злость.

776

← Предыдущее, следующее →

776. Примечание к № 734

Гоголь — мировосприятие. Достоевский — миросозерцание. (к цитате)

Русское православие практически не имело собственной чертологии и, следовательно, было неполным (789), нежизнеспособным (точнее, неустойчивым, хрупким). И русская история со времени крещения Владимиром — это постоянные и долгое время безуспешные поиски чёрта, хоть какого-нибудь. Именно эта цивилизация, проколотая в чёрте, и должна была спродуцировать, породить ИЗ СЕБЯ персонификацию зла.

Киевские ведьмы — немного иностранные. Оттуда пришёл Гоголь. Он русское зло и начал создавать. Достоевский лишь его увидел. «Все мы вышли из „Шинели" Гоголя» (790). «Бесы» — это почти ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ книга, вообще все основные герои Достоевского легко проецируются на русскую историю (810). Но «реальностью» его был мир Гоголя. Не Достоевский создал мичмана Раскольникова и Верховского-Верховенского. Он лишь их выявил, вычленил. Придал им ПРОЗАИЗМ, а следовательно, правдоподобность. А за спиной его ухмылялся «похожий на крысу Гоголь в цветистом жилете». Шёл процесс придания «Вию» правдоподобия и бытовизма «Капитанской дочки», процесс создания вывороченного наизнанку пушкинского мира.

Набоков сказал о романах Достоевского: «Обратное превращение Бедлама в Вифлеем».

777

← Предыдущее, следующее →

777. Примечание к № 767

Провиденциально, что удача русского реализма совпала с демонтажем мира. (к цитате)

Во всём этом есть и позитивный момент. Раскрытие, ломание человеческого организма как ЦЕЛЬ — безумие, садизм. Но как средство, патологоанатомия, — кто же спорит — ценность её необыкновенна. Платонов действительно реалист, материалист (другое дело, что любая реальность сюрреальна), и он показал подоплёку. Как это В ЛОБ. Не извне, как Бабель, и не стиль, как Хармс, ибо у Хармса стиль, загораживание стилем от реальности, а действительно в лоб. Так называемая «правда». Вот отец, он лежит на грязном холодном столе с разрезанным животом — не есть ли это предел реальности? Вот разломать отца и посмотреть у него внутри, что под оболочкой — печень, лёгкие. В этом весь Платонов:

«На его дороге лежал опрокинутый человек. Он вспухал с такой быстротой, что было видно движение растущего тела, лицо же медленно темнело, как будто человек заваливался в тьму… Скоро человек возрос до того, что Дванов стал бояться: он мог лопнуть и брызнуть своею жидкостью жизни, и Дванов отступил от него; но человек начал спадать и светлеть — он, наверное, уже давно умер, в нём беспокоились лишь мёртвые вещества.

Один красноармеец сидел на корточках и глядел себе в пах, откуда тёмным давленым вином выходила кровь; красноармеец бледнел лицом, подсаживал себя рукою, чтобы встать, и замедляющимися словами просил кровь:

— Перестань, собака, ведь я же ослабну!

Но кровь густела до ощущения её вкуса, а затем пошла с чернотой и совсем прекратилась; красноармеец свалился навзничь и тихо сказал — с такой искренностью, когда не ждут ответа:

— Ох, и скучно мне — нету никого со мной!

Дванов близко подошёл к красноармейцу, и он сознательно попросил его:

— Закрой мне зрение! — и глядел, не моргая, засыхающими глазами, без всякой дрожи век.

— А что? — спросил Александр и забеспокоился от стыда.

— Режет… — объяснил красноармеец и сжал зубы, чтобы закрыть глаза. Но глаза не закрывались, а выгорали и выцветали, превращаясь в мутный минерал. В его умерших глазах явственно пошли отражения облачного неба — как будто природа возвратилась в человека после мешавшей ей встречной жизни и красноармеец, чтобы не мучиться, приспособился к ней смертью».

Для прозы Платонова характерна постоянная «минерализация» языка, его обездушивание и затем постепенное угасание. Иллюзия жизни достигается за счёт всё большего и большего ломания жизни. Люди и вещи мерцают — рушатся, разбиваются, раздавливаются; но из-за непрерывности этого процесса он воспринимается именно как процесс, движение, жизнь. Люди друг друга убивают, но при этом всё время разговаривают и смерть превращается в разделку осьминогов, постоянно регенерирующих всё новые и новые щупальца. Книги Платонова — это постоянно регенерирующий диалог. Люди погибают, а беседа продолжается:

«Они били войско кирпичами и разожгли на околице соломенные костры, из которых брали мелкий жар руками и бросали его в морды резвых кавалерийских лошадей…

— Ты чего огнём дерёшься? — спросил … подоспевший солдат на коне. — Я тебя сейчас убью!

— Убивай, — сказал Яков Титыч. — Телом вас не одолеешь, а железа у нас нету…

— Дай я разгонюсь, чтоб ты смерти не заметил.

— Разгоняйся. Уж сколько людей померло, а смерть никто не считает.

Солдат отдалился, взял разбег на коне и срубил стоячего Якова Титыча…

— Я ему говорил, что убью, и зарубил, — обратился к Сербинову кавалерист, вытирая саблю о шерсть коня. — Пускай лучше огнём не дерётся!

Кавалерист не спешил воевать, он искал глазами, кого бы ещё убить и кто был виноват. Сербинов поднял на него револьвер.

— Ты чего? — не поверил солдат. — Я ж тебя не трогаю!

Сербинов подумал, что солдат говорит верно, и спрятал револьвер. А кавалерист вывернул лошадь и бросил её на Сербинова. Симон упал от удара копытом в живот и почувствовал, как сердце отошло вдаль и оттуда стремилось снова пробиться в жизнь. Сербинов следил за сердцем и не особо желал ему успеха, ведь Софья Александровна останется жить, пусть она хранит в себе след его тела и продолжает существование. Солдат, нагнувшись,

без взмаха разрезал ему саблей живот, и оттуда ничего не вышло — ни крови, ни внутренностей.

— Сам лез стрелять, — сказал кавалерист. — Если б ты первый не спешил, то и сейчас остался бы.

Дванов бежал с двумя наганами…

— Ты куда? — остановил Дванова солдат, убивший Сербинова.

Дванов без ответа сшиб его с коня из обоих наганов…»

Вот чисто русское убийство. И это не Бабель, сидящий в кустах с блокнотом, и не Хармс, шутник и панк. Это изнутри. Да глубже ещё. Платонов до илистого дна донырнул:

«— Никиток, делай его насквозь! — приказал густой голос…

Дванов увидел вспышку напряжённого беззвучного огня и покатился с бровки оврага на дно, как будто сбитый ломом по ноге…

— Страхуй его, Никиток, от огня жизни! Одежда твоя…

Подошёл Никиток и попробовал Дванова за лоб: тёпел ли он ещё? Рука была большая и горячая. Дванову не хотелось, чтобы эта рука скоро оторвалась от него, и он положил на неё свою ласкающуюся ладонь. Но Дванов знал, что проверял Никиток, и помог ему:

— Бей в голову, Никита. Расклинивай череп скорей!..

— Ай ты цел? Я тебя не расклиню, а разошью: зачем тебе сразу помирать — ай ты не человек? — помучайся, полежи…

Подошли ноги лошади вождя. Густой голос резко осадил Никитка:

— Если ты, сволочь, будешь ещё издеваться над человеком, я тебя самого в могилу вошью. Сказано — кончай, одежда твоя…

— Как ваша фамилия? (сказал лежачий Дванов)

Вождь засмеялся: — А тебе сейчас не всё равно? Мрачинский!

Дванов забыл про смерть. Он читал „Приключения современного Агасфера“ Мрачинского. Не этот ли всадник сочинил ту книгу?

— Вы писатель! Я читал вашу книгу. Мне всё равно, только книга ваша мне нравилась…

— А сами-то вы сочувствуете идее книги? Вы помните её? — допытывался вождь. — Там есть человек, живущий один на самой черте горизонта.

— Нет, — заявил Дванов. — Идею там я забыл, но зато она выдумана интересно. Так бывает. Вы там глядели на человека как обезьяна на Робинзона: понимали всё наоборот, и вышло для чтения хорошо.

Вождь от внимательного удивления поднялся на седле.

— Это любопытно… Никиток, мы возьмём коммуниста до Лиманного хутора, там его получишь сполна.

— А одёжа? — огорчился Никита.

Помирился Дванов с Никитой на том, что согласился доживать голым. Вождь не возражал и ограничился указанием Никите:

— Смотри, не испорть мне его на ветру! Это большевистский интеллигент — редкий тип.

Отряд тронулся. Дванов схватился за стремя лошади Никиты и старался идти на одной левой ноге… Тянуло ночным ветром, голый Дванов усердно подскакивал на одной ноге, и это его грело.

Никита хозяйственно перебирал бельё Дванова на седле.

— Обмочился, дьявол! — сказал без злобы Никита. — Смотрю я на вас: прямо как дети малые! Ни одного у меня чистого не было: все моментально гадят, хоть в сортир их сначала посылай… Только один был хороший мужик, комиссар волостной: бей, говорит, огарок, прощайте, партия и дети. У того бельё осталось чистым. Специальный был мужик!

Дванов представил себе этого специального большевика и сказал Никите:

— Скоро и вас расстреливать будут — совсем с одеждой и бельём. Мы с покойников не одеваемся».

Пис-с-сатели…

778

← Предыдущее, следующее →

778. Примечание к № 600
речи Ленина — это нечто звериное (к цитате)

Строение ленинского мышления максимально выявилось при распаде личности. Стал виден каркас, «как это сделано». Лечивший Ленина В. Н. Розанов вспоминал:

«Иногда, совершенно неожиданно (у потерявшего речь Ильича), выскакивали слова „Ллойд Джордж“, „конференция“, „невозможность“ и некоторые другие. Этим своим обиходным словам он старался дать тот или другой смысл, помогая жестами, интонацией».

То есть Ленину, например, хотелось пить, а он показывал на горло и кричал «конференция». Потом ему подавали в «невозможности» воду и он пил «Ллойд Джорджа».

Излюбленный полемический приём Ленина: употребление вместо фамилий своих противников «эвфемизмов» типа «немецкий Плеханов» или «русский Каутский». Плеханов — русский Каутский, а Каутский — немецкий Плеханов. Германия — немецкая Россия. Россия — русская Германия. Луна — ночное солнце. Рука — верхняя нога. Сознание — мыслящая материя. Белое — это белое чёрное. Не пылят листы, не дрожит дорога, подожди и ты, отдохнёшь немного. Связь между вещами понятна, но сами вещи абстрактны и поэтому взаимозаменимы. Чтобы не путаться, необходим инвентарный список и правила сборки: что в каком порядке. Ленин совершенно не умел рисовать. Но если бы попробовал, то постоянно бы забывал разные мелкие детали: нос на лице, хвост у лисицы, ствол у дерева. Ведь такая мелочь, такая трудноапоминающаяся особенность. Полоски у зебр все разные и по ним они узнают друг друга. Но что это «незебре»? — монотонная полосатость. ЧТО цвет глаз или форма ушей нечеловеку? Страшная жажда жизни при неумении жить, при абсолютном непонимании жизни. Её осуществления, а не воления. Воление понятно, ибо везде одинаково. Но суть, но пейзаж…

779

← Предыдущее, следующее →

779. Примечание к № 726

Показ Чеховым отрицательных сторон деревенской жизни, разрушающий миф русской литературы о добродетельных поселянах (к цитате)

Из всех русских писателей только неверующий Чехов смог найти слова для веры русского народа. Как русские верят в Бога. Элементарно — как это происходит у «простого народа». И не умилённо, и не со злобой, а правду сказал. Видно, что правда. Из рассказа «Мужики»:

«Ольга говорила степенно, нараспев, и походка у неё была, как у богомолки, быстрая… Она каждый день читала Евангелие, читала вслух, по-дьячковски, и многого не понимала, но святые слова трогали её до слёз, и такие слова, как „аще“ и „дондеже“, она произносила со сладким замиранием сердца. Она верила в Бога, в Божью матерь, в угодников; верила, что нельзя обижать никого на свете — ни простых людей, ни немцев, ни цыган, ни евреев, и что горе даже тем, кто не жалеет животных; верила, что так написано в святых книгах, и потому, когда она произносила слова из писания, даже непонятные, то лицо у неё становилось жалостливым, умилённым и светлым».

«— Она у меня и читать может! — похвалилась Ольга, нежно глядя на свою дочь. — Почитай, детка! — сказала она, доставая из узла Евангелие. — Ты почитай, а православные послушают.

Евангелие было старое, тяжёлое, в кожаном переплёте, с захватанными краями, и от него запахло так, будто в избу вошли монахи. Саша подняла брови и начала громко, нараспев:

— «Отошедшим же им, се ангел Господень… во сне явися Иосифу, глаголя: „востав поими отроча и матерь его…“

— Отроча и матерь его, — повторила Ольга и вся раскраснелась от волнения.

— „И бежи во Египет… и буди тамо, дондеже реку ти…“

При слове „дондеже“ Ольга не удержалась и заплакала. На неё глядя, всхлипнула Марья, потом сестра Ивана Макарыча. Старик закашлялся и засуетился, чтобы дать внучке гостинца, но ничего не нашёл и только махнул рукой. И когда чтение кончилось, сосе-

ди разошлись по домам, растроганные и очень довольные Ольгой и Сашей».

«Старик не верил в Бога, потому что почти никогда не думал о нём; он признавал сверхъестественное, но думал, что это может касаться одних лишь баб, и когда говорили при нём о религии или чудесном и задавали ему какой-нибудь вопрос, то он говорил нехотя, почёсываясь:

— А кто ж его знает!

Бабка верила, но как-то тускло; всё перемешалось в её памяти, и едва она начинала думать о грехах, о смерти, о спасении души, как нужда и забота перехватывали её мысль, и она тотчас же забывала, о чём думала. Молитв она не помнила и обыкновенно по вечерам, когда спать, становилась перед образами и шептала:

— Казанской Божьей матери, Смоленской Божьей матери, Троеручицы Божьей матери…

Марья и Фёкла крестились, говели каждый год, но ничего не понимали. Детей не учили молиться, ничего не говорили им о Боге, не внушали никаких правил и только запрещали в пост есть скоромное. В прочих семьях было почти то же: мало кто верил, мало кто понимал. В то же время все любили священное писание, любили нежно, благоговейно, но не было книг, некому было читать и объяснять, и за то, что Ольга иногда читала Евангелие, её уважали и все говорили ей и Саше „вы“…

То, что происходило в деревне, казалось ей отвратительным и мучило её. На Илью пили, на Успенье пили, на Воздвиженье пили. На Покров в Жукове был приходский праздник, и мужики по этому случаю пили три дня; пропили 50 р. общественных денег и потом ещё со всех дворов собирали на водку. В первый день … зарезали барана и ели его утром, в обед и вечером, ели помногу, и потом ещё ночью дети вставали, чтобы поесть…

Впрочем, и в Жукове, этой Холуевке, происходило раз настоящее религиозное торжество. Это было в августе, когда по всему уезду, из деревни в деревню, носили Живоносную. В тот день, когда её ожидали в Жукове, было тихо и пасмурно. Девушки ещё с утра отправились навстречу иконе в своих ярких нарядных платьях и принесли её под вечер, с крестным ходом, с пением, и в это время за рекой трезвонили. Громадная толпа своих и чужих запрудила улицу; шум, пыль, давка… все протягивали руки к иконе, жадно глядели на неё и говорили, плача:

— Заступница, матушка! Заступница!

Все как будто вдруг поняли, что между землёй и небом не пусто, что не всё ещё захватили богатые и сильные, что есть ещё защита от обид, от рабской неволи, от тяжкой, невыносимой

нужды, от страшной водки.

— Заступница, матушка! — рыдала Марья. — Матушка!

Но отслужили молебен, унесли икону, и всё пошло по-старому, и опять послышались из трактира грубые, пьяные голоса».

«Смерти боялись только богатые мужики, которые чем больше богатели, тем меньше верили в Бога и в спасение души, и лишь из страха перед концом земным, на всякий случай, ставили свечи и служили молебны. Мужики же победнее не боялись смерти. Старику и бабке говорили прямо в глаза, что они зажились, что им умирать пора, и они ничего. Не стеснялись говорить в присутствии Николая Фёкле, что когда Николай умрёт, то её мужу, Денису, выйдет льгота — вернут со службы домой. А Марья не только не боялась смерти, но даже жалела, что она так долго не приходит, и бывала рада, когда у неё умирали дети.

Смерти не боялись, зато ко всем болезням относились с преувеличенным страхом…»

«Ольга вспоминала о том, как несли Николая и около каждой избы заказывали панихиду и как все плакали, сочувствуя её горю».

Вот и всё. Тут всё. Лучше не скажешь.

780

← Предыдущее, следующее →

780. Примечание к № 716

«энциклопедический ум Чернышевского», «гениальные прозрения Белинского» (к цитате)

Речь шла действительно о культе. В 1898 году отмечалось 50-летие со дня смерти Белинского. Казалось бы, дата второстепенная. Однако к знаменательному событию вышло 20 книг (!), посвящённых Белинскому. В этом году было 12 ИЗДАНИЙ его произведений и писем. В газетах и журналах опубликовали 491 статью о его жизни и творчестве. Прошла выставка, посвящённая памяти Белинского, а после выставки был издан соответствующий альбом со 114 снимками с разных портретов, гравюр, картин и рукописей. Современник Белинского и литературный критик, уж во всяком случае не меньшего калибра, Иван Васильевич Киреевский, о таком чествовании и подумать не мог. В великой Масонии это было ещё более невозможно, чем потом в великой Совдепии.

Наивно ошибается тот, кто считает предреволюционные годы расцветом культуры (829), серебряным веком. Те люди, которые сейчас выглядят столпами русской цивилизации, на самом деле образовывали узкий слой, весьма опосредованно связанный с основной массой читающей публики. В России не было «среднего читателя». Был узкий слой квалифицированных людей, потом широкий слой читателей революционных брошюр, порнографии и телефонных справочников, а ниже ворочалась полуграмотная рабоче-крестьянская масса, как бы самой судьбой предназначенная для примитивных идеологических манипуляций. В таких условиях книги Блока, Мережковского или Розанова получали популярность лишь постольку, поскольку содержали в себе элементы, понятные или полезные (т. е. сочтённые таковыми еврейским печатным синдикатом) второму слою. Например, настоящий успех к Розанову пришёл тогда, когда его «Уединённое» было осуждено за порнографию.

В «Вехах» было гордо заявлено, что подавляющее большинство русских философов придерживалось явно идеалистического направления и лишь несколько второстепенных имён, да и то часто с натяжкой, можно отнести к материалистам. Истина эта

затем на протяжении десятилетий с удовольствием повторялась эмигрантскими историками русской философии. Хотя можно было бы и задуматься: если выслали их за границу, если такой успех после Октября у Чернышевских и Писаревых, то ведь не на пустом же месте. Ведь так не бывает, чтобы в один день, по мановению волшебной палочки. Конечно, нужно быть западным человеком или уж совсем негодяем, чтобы утверждать, что Советская власть — это лишь модификация царизма. Переворот полнейший, абсолютнейший. Революция, ничего общего. Но, повторяю, ведь не на пустом месте же, не на пустом. Не было ли всё предопределено гораздо ранее в сфере наиболее динамичной, забегающей вперёд, в сфере духовной, сфере духовно-материальной, количественно духовной — просто в тиражах книг, в разделе книжного рынка. По-моему, только так и могло быть. Пусть и 5–6 имён, пусть это лишь какие-то сучки-задоринки на древе отечественной мысли, но ими-то всё и завалено, ими-то всё в количественном отношении и задавлено. А качество в культуре определяет лишь будущее, часто далёкое. Настоящее же, ближнее, определяет вал. 1898 год. Белинский — 491 статья, Киреевский — 3. Всё. Достаточно. Для ближайших 20 лет неважно, что три эти статьи написали, например, Розанов, Соловьёв и Толстой, а 90% статей о Белинском написаны провинциальными щелкопёрами; неважно, что 100% статей о Киреевском написаны искренне, а о Белинском 90% фальшиво или равнодушно.

781

← Предыдущее, следующее →

781. Примечание к № 772

Удивительно, как точно понимал Достоевский суть национальной психологии. (к цитате)

Из «Дневника писателя»:

«Незнакомый русский если начинает с вами разговор, то всегда чрезвычайно конфиденциально и дружественно, но вы с первой буквы видите глубокую недоверчивость и даже затаившееся мнительное раздражение, которое, чуть-чуть не так, и мигом выскочит из него или колкостью, или даже просто грубостью, несмотря на всё его „воспитание“, и, главное, ни с того ни с сего. Всякий как будто хочет отмстить кому-то за своё ничтожество, а между тем это может быть вовсе и не ничтожный человек, бывает так, что даже совсем напротив. Нет человека, готового повторять чаще русского: „какое мне дело, что про меня скажут“, или: „совсем я не забочусь об общем мнении“ — и нет человека, который бы более русского (опять-таки цивилизованного) более боялся, более трепетал общего мнения, того, что про него скажут или подумают. Это происходит именно от глубоко в нём затаившегося неуважения к себе: при необъятном, разумеется, самомнении и тщеславии. Эти две противоположности всегда сидят ПОЧТИ во всяком интеллигентном русском и для него же первого и невыносимы, так что всякий из них носит как бы „ад в душе“».

782

← Предыдущее, следующее →

782. Примечание к № 759

От каждой брошюры рыжего мурина за версту серой несёт. (к цитате)

Несомненно, в отношении к религии у Ленина было что-то ГЛУБОКО патологическое. Сама мысль о Боге вызывала у него приступ головокружения и тошноты. Религия в его мозгу прочно отождествлялась с трупами, ядами, экскрементами, червями и всякого рода половыми извращениями. В этом отношении типично известное письмо Горькому, где Ленин писал:

«Говорить о богоискательстве не для того, чтобы высказаться против ВСЯКИХ чертей и богов, против всякого идейного трупоположества (всякий боженька есть трупоположество — будь это самый чистенький, идеальный, не искомый, а построяемый боженька, всё равно), — а для предпочтения синего чёрта жёлтому, это во сто раз хуже, чем не говорить совсем … всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженьке, всякое кокетничание даже с боженькой есть невыразимейшая мерзость … самая опасная мерзость, самая гнусная „зараза“. Миллион грехов, пакостей, насилий и зараз ФИЗИЧЕСКИХ гораздо легче раскрывается толпой и потому гораздо менее опасны, чем ТОНКАЯ, духовная, приодетая в самые нарядные „идейные“ костюмы идея боженьки. Католический поп, растлевающий девушек (о котором я сейчас случайно читал в одной немецкой газете), — ГОРАЗДО МЕНЕЕ опасен … И Вы … смущаете … душу ядом, наиболее сладеньким и наиболее прикрытым леденцами и всякими раскрашенными бумажками… А богостроительство не есть ли ХУДШИЙ вид самооплевания?? Всякий человек, занимающийся строительством БОГА или даже только допускающий такое строительство, ОПЛЁВЫВАЕТ СЕБЯ худшим образом, занимаясь вместо „деяний“ КАК РАЗ самосозерцанием, самолюбованием, причём „созерцает“-то такой человек самые грязные, тупые, холопские черты или чёрточки своего „я“…»

Неудивительно, что, придя к власти, Ленин издал указ следующего содержания:

«Из числа книг, пускаемых в свободную продажу в Москве, изъ-

ять порнографию и книги духовного содержания, отдав их в Главбум на бумагу».

Ленин тогда не уточнил, какие книги считать «книгами духовного содержания». Но вообще, если исходить из его точки зрения, это все книги, где упоминается о Боге без соответствующей ругани. Писал же он на полях гегелевских книг:

«Материалист возвышает знание материи, природы, отсылая Бога и защищающую его философскую сволочь в помойную яму».

И более конкретно:

«Попался идеалист! Бога жалко!! Сволочь идеалистическая… Пошло-поповская идеалистическая болтовня о величии христианства (с цитатами из Евангелия!!). Мерзко, вонюче!»

Конечно, менее всего Ленин был философом. Но, несомненно, это был своеобразный религиозный тип (как об этом в своё время верно говорил Бердяев). И отсюда его неравнодушие к философским произведениям, даже к чрезвычайно интеллектуализированным и абстрактным. У Ленина было извращённо-религиозное восприятие философии, даже более того — извращённо-христианское. Позитивистский корректный спор между философами он воспринимал в такой системе символов;

«Философия естествоиспытателя Маха относится к естествознанию, как поцелуй христианина Иуды относился к Христу».

Или:

«Весело смотреть, как у этих высохших на мёртвой схоластике мумий — может быть, первый раз в жизни — загораются глаза и розовеют щеки от тех пощёчин, которых надавал им Эрнст Геккель. Жрецы чистой науки и самой отвлечённой, казалось бы, теории прямо стонут от бешенства, и во всём этом рёве философских зубров (идеалиста Паульсена, имманента Ремке, кантианца Адикеса и прочих, их же имена ты, господи, веси) явственно слышен основной мотив… Он — материалист, ату его, ату материалиста…»

Неслучайно из «идейного борца против труположества» сделали мумию (811). Наоборот, чрезвычайно закономерно.

783

← Предыдущее, следующее →

783. Примечание к № 771
Я … Библию заменил библиотекой. (к цитате)

И пытаюсь теперь из тысяч прочитанных книг сделать себе Книгу. Розанов сказал: «Ветхий Завет — нескончаемость. Евангелие — тупик».

«Бесконечный тупик». Смешно. Не получится. Жизнь пропала.

784

← Предыдущее, следующее →

784. Примечание к № 752

вся «русская литература» — записки из Подполья. Само Подполье, в которое Россия и провалилась (к цитате)

Но после провала мир обернулся, и Подполье превратилось в Небо, в чисто духовную Россию, в чисто идеальное «наследие», не имеющее своих вымерших или убитых носителей.

785

← Предыдущее, следующее →

785. Примечание к № 730

«могуть пожнакомить моево рукопись з/подстольного корзина» (Ал. Чехов) (к цитате)

В черновиках первых произведений Антона Павловича много южных полуеврейских оборотов, вроде: «давали вам своей молотилки», «дайте мне ножа!», «дайте мне пистолета!» Вообще Чехов из-за своего таганрогского прошлого на всю жизнь остался немножко неграмотным, немножко со сломанной, плывущей орфографией. В предисловии к академическому изданию писем Чехова помещено следующее примечание:

«Не сохраняются те особенности чеховского написания, которые представляют собой несущественные, мелкие черты его произношения и орфоэпических особенностей эпохи (прийдётся, приймите, лекарьский, возьня, нечайно, выграть) или вообще не отражают чего-либо специфического в этом произношении, являясь условностью письма, например: пожалуста (исключительно последовательное — с гимназических лет до конца жизни выдерживаемое написание), под устцы, извощик».

Издание академическое, сказано мягко: «орфоэпические особенности», «условность письма».

786

← Предыдущее, следующее →

786. Примечание к № 753
Другим надоедливым шмулём был Н. Е. Эфрос. (к цитате)

За две недели до Октябрьской революции Эфрос опубликовал рецензию на премьеру Художественного театра, поставившего «Село Степанчиково». По мысли Эфроса, Достоевский своим Фомой «напророчил Распутина». Подписана рецензия просто и элегантно: Князь Мышкин.

787

← Предыдущее, следующее →

787. Примечание к № 750

Английские якобы демократы превратили цветущую Ирландию в картофельный ад (к цитате)

Английские демократы высказали протест по поводу установления советской власти в Грузии. Немедленная реакция Ленина:

«Следует предпринять сейчас двоякие меры: 1). В прессе выступить с рядом статей за разнообразными подписями с высмеиванием взглядов так называемой европейской демократии на грузинский вопрос; 2). Поручить немедленно какому-нибудь ядовитому журналисту написать проект архивежливой ноты Чичерина в ответ английской Рабочей партии. В этой ноте самым настоятельным образом разъяснить, что предложение о выводе наших войск из Грузии и об устройстве там референдума было бы вполне разумно и могло бы быть признано исходящим от людей, не сошедших с ума, не подкупленных Антантой, если бы оно было распространено на все народности земного шара … мы предлагаем ей (партии) благосклонно рассмотреть: во-первых, о выводе английских войск из Ирландии и об устройстве там референдума, во-вторых, то же относительно Индии; в-третьих, то же относительно японских войск из Кореи; в четвертых, то же относительно всех стран, в которых находятся войска какого-либо из крупных империалистических государств… В общем и целом проект ноты должен быть архивежливым и чрезвычайно популярным (уровень понимания 10-летних детей) издевательством над идиотскими выходками английской рабочей партии».

Уинстон Черчилль, попыхивая сигарой, изрёк о судьбе восточного союзника в Первой мировой войне:

«Ни к одной из наций рок не был так беспощаден, как к России. Её корабль пошёл на дно, когда гавань была уже на виду».

Ударить бы русским по столу на 10–20 лет раньше. Да ударить умненько, не по-ленински, а Лениным. Николай Александрович сидел бы в креслице, высказывался о судьбе союзничка западного: «Ни к одной из наций рок не был так беспощаден, как к Англии. Её корабль пошёл на дно, когда гавань была уже на виду».

А я бы сейчас жил на сороковом этаже константинопольского небоскрёба и писал об ужасах Красной Британии… Впрочем, учитывая особенности русского характера, я бы скорее писал об ужасах «второго николаевского режима».

788

← Предыдущее, следующее →

788. Примечание к № 773
Не было секретов, не было тайны русской диаспоры. (к цитате)

Ещё хуже. Именно космополитическая, именно либеральная, именно западническая часть эмиграции была наиболее оформлена, наиболее организована. Наконец, наиболее таинственна и молчалива.

789

← Предыдущее, следующее →

789. Примечание к № 776

Русское православие практически не имело собственной чертологии и, следовательно, было неполным (к цитате)

Существуют две точки зрения на историю христианства в России. Согласно первой, христианство победило в России ещё в X веке, согласно второй — Россия и в XV веке всё ещё была полуязыческой. Я думаю, что вторая точка зрения вполне логично вытекает из первой. Христианство победило в России слишком рано и полно и вынуждено было создавать потом нехристианство (теневое язычество). Согласно первой версии, Россия, может быть, самая христианская (самая христианизированная) страна в мире. С этим можно спорить. Но то, что нехристианская часть культуры в России максимально христианская (т. е. антихристианская), — это, по-моему, очевидно.

790

← Предыдущее, следующее →

790. Примечание к № 776

«Все мы вышли из „Шинели“ Гоголя». (Ф. Достоевский) (к цитате)

Из письма молодого Достоевского брату:

«Деньги … мне нужны на шинель. Платья себе я уже не шью, занятый весь моей системою литературной эманципации, а оно, то есть платье, уже неприличное. Шинель же нужна. На неё употреблю с воротником 120, а на остальные хочу кое-как пробиться до напечатки».

Из книги в шинель, из «Шинели» в книги.

791

← Предыдущее, следующее →

791. Примечание к № 771

Моё мышление очень авторитарно, и я всегда ищу для любого своего мнения зацепку авторитета. (к цитате)

Флоренский в предисловии к своему главному труду писал:

«Я невольно вспоминаю, как постепенно менялся в моём сознании общий дух работы. Сперва было предположено не делать ни одной ссылки, а говорить только своими словами. Но скоро пришлось вступить в борьбу с самим собою и дать место коротеньким выдержкам. Далее, они стали расти, ширясь до целых отрывков. И, наконец, мне начало казаться, что необходимо отбросить всё СВОЁ и печатать одни только церковные творения».

«Русская история». Особенно если учесть, что одновременно отец Павел на страницах того же «Столпа» восклицает:

«Я ПОПРОБУЮ на свой страх, на авось выстроить что-нибудь, руководствуясь НЕ философским скепсисом, а своим ЧУВСТВОМ, и покуда погожу испепеливать его пирронической лавою. Про себя-то я имею тайную надежду — НАДЕЖДУ НА ЧУДО: авось поток лавы отступит перед моим ростком, и растение окажется купиною неопалимою».

Т. е. «Столп и утверждение истины» на авось. А Бог его знает, может быть, и получится. И тут же занудливые рыдания, уверения в своей скромности и смирности. Мы что, мы ничего, мы люди маленькие:

«Если тут, в работе моей, есть какие-нибудь „мои“ взгляды, то — лишь от недомыслия моего, незнания или непонимания».

Розанов писал:

«Осложнить вдохновение хитростью — вот Византия. Такова она от перепутанностей дворцовой жизни до канонов и заставок на рукописях».

Флоренский вдвойне византиец (804). Во-первых, потому что был русским, а во-вторых, потому что в его жилах текла армянская кровь, а Армения это осколок Византийской империи (даже ряд византийских императоров — армяне).

792

← Предыдущее, следующее →

792. Примечание к № 758

может быть, «русский адвокат» — это нечто другое, чем нам сейчас представляется (к цитате)

М.Л. Мандельштам пишет о периоде после 1905 года:

«Наступил момент, когда беспартийные организации, в том числе и кружок политических защитников, должны были уступить место более совершенным формам борьбы — партиям. Умер и наш кружок, а почти все мы разбрелись по партиям, начиная от правых кадетов и кончая большевиками».

То есть адвокатура явилась своеобразной «левой протопартией», созданной в 90-е годы XIX в. и «умершей» в начале XX. Во-первых, это невозможно как по социальным, так и по психологическим мотивам. Организация в 90-х годах должна была фактически действовать в условиях подполья, и, следовательно, дисциплина и иерархическая структура у неё была гораздо жёстче, чем у легально существующих организаций после 1905 года. Кроме того, именно в годы молодости происходит создание прочной, на всю жизнь, системы знакомств и связей. И так вот, как говорит Мандельштам, «разбрестись» лет в 30–35 невозможно. Можно стать членом другой группы, но первоначальные связи будут крепче новых.

Это во-первых. А во-вторых, адвокатская организация возникла, конечно, не в 90-х годах, а гораздо раньше, за поколение до начала политической деятельности Мандельштама и его друзей. Например, здесь можно вспомнить первого председателя Петербургского совета присяжных поверенных масона Д. В. Стасова (сына масона В. П. Стасова (архитектора), брата масона В. В. Стасова (критика) и масонки Н. В. Стасовой (организатора женского движения в России) и отца масонки Е. Д. Стасовой (большевички, члена ЦК и ЧК)). Д. В. Стасов в 1847 г. окончил училище Правоведения, а в 1858 г. организовал юридический кружок. Кружок этот впоследствии вырос в координационный центр, в подчинении у которого и находилось сословие адвокатов вплоть до 17-го года. Кстати, сам Стасов материально поддерживал Чернышевского, а в 1879 г. был даже подвергнут крат-

ковременной ссылке за слишком явную поддержку террористов.

Уже среди первого, «стасовского», поколения адвокатов огромное количество просто родственников-революционеров. Так, у еврея-миллионера Исаака Утина сын Николай был деятелем I Интернационала, а сын Евгений — адвокатом. Адвокатом был и брат члена Интернационала Н. И. Жуковского. Брат адвоката Г. В. Бардовского, польский революционер, — повешен. У адвоката В. О. Люстига брат — народоволец. И т. д. и т. п.

Биография В. И. Ульянова тут вполне типична (838).

793

← Предыдущее, следующее →

793. Примечание к с. 78 «Бесконечного тупика»

«А, вы гордецы … имеете какую-то свою душу … Коллектив … теперь берёт своё назад. Умрите». (В. Розанов) (к цитате)

В чём изюминка нашей эпохи? Вот 60–80-е годы XX века в России. За что это странное время будут изучать? А ведь будут, я уверен.

Казалось бы, о нашем мире всё написано, всё ясно. Ан нет. Кое-что не зацеплено. Писалось и пишется всё об экстравертированных ужасах. А есть ещё ужасы интровертированные, в реальности не видные. И это страшней, хуже.

Как раз 60–80-е это преимущественно эпоха интровертного инферно. Предыдущие поколения до него просто не дорастали, не доживали. Голод, войны, эпидемии — тут не до психологии. Личная жизнь, «я» человека не дорастали до нужного уровня, не окунали свой мозг в холодное верхнее злорадство. Это сейчас только разгорелось.

Вот система образования. В школе изучают высшую математику. Подростки, юноши. Это же очень тяжёлая нагрузка для мозга. Причём чем тоньше мозговая организация, тем хуже. Формирующейся личности в это время надо побыть наедине с собой, впервые поставить и осмыслить основные вопросы бытия. А тут математика с каменным топором. И разве может, например, половое созревание в таких условиях проходить нормально? Конечно, нет. Поэтому на Западе болезненно высокий уровень учебной нагрузки компенсируется допингом психотерапии. На всех учеников заведены соответствующие карты. И вот видят, 16-летний юноша постоянно грустен, перестаёт дружить с товарищами, дичится девушек, на уроках рассеян, раздражителен и т. д. То есть у него явно развивается невроз. Лёгкий. Психологический аппендицит. И его легко, походя вырезают. Два-три сеанса психоаналитической дешифровки — и всё. Человеку объясняют, что с ним происходит, и он сам справляется с возникшим психическим сбоем.

У нас же таких добивают ногами. «Что же, абстрагируешься от коллектива? Не участвуешь в мероприятиях? Бейте его, ребята!!!» Да наша школа, я думаю, каждый год сотни тысяч психи-

чески неполноценных людей в жизнь выпускает. Вышвыривает. Причём чем умнее, чем оригинальнее субъект, тем чаще ему просто НАВЯЗЫВАЮТ невроз.

А вся эта ставшая притчей во языцех система перевоспитания, то есть перековеркивания? Математикой занимаешься? — Негармонично! Пускай рисует. А этой, что, рисует? — В математику его. Или ещё лучше — пускай в мячик играет (799). Главное, чтоб гармонично. Чтобы человека можно было, как гармошку, растягивать и сокращать.

Но это по мелочи. Всё страшней гораздо.

Вот меня воспитали девственником. Я девственник и никогда ни с одной женщиной даже не разговаривал. Зачем? Зачем это сделали, для какой цели? Я понимаю, русская Россия, там такие люди пользовались уважением. Я бы мог стать монахом (822). Мне бы на улицах люди кланялись. Субъективно жертва «личной жизнью» компенсировалась бы чувством гармонии и ненарушимой естественности, чистотой молитвы, да и самим строем монастырской жизни, природой. Не скажу, чтобы моя жизнь была бы тогда счастливой, но она была бы естественной. Я бы жил в сообразной среде и пользовался бы пониманием и уважением окружающих меня людей.

А так кто я? — Ублюдок. Осмыслить моё поведение в рамках идеологии, которая меня же таким и создала, нельзя. То есть всё и было рассчитано на моё уничижение и уничтожение (830). Вот где сатанинский, античеловеческий характер нашего мира во всей своей полноте проявляется. Вот где наступает идеологическое осмысление сути произошедшего. Вот где устанавливается смысл социализма как религиозной системы. Какую Личность может вырастить этот мир? Личность масштаба Леонардо да Винчи, Гёте, но не христианскую, не классическую, а социалистическую. Гений социализма. Леонардо да Винчи социализма. Гёте социализма. То есть личность, в которой потенциал этого мира раскрывается.

Розанов вслед за Достоевским сказал, что такую личность социализм к 11–13 годам придушит. Так и было. Но социализм усложнялся, истончался. Ему уже и не нужно теперь физически резать. «Ты сам яму себе выроешь, сам себя в неё закопаешь». Вот такой мир создали.

Становится более понятным и колоссальное значение похорон в официальной государственной жизни. «Восшествие на престол» никак не отмечается, зато смерть главы государства является крупнейшим событием, а похороны его — крупнейшей государственной церемонией. Понятно и что единственное чисто

культовое сооружение — гробница со святыми мощами. Ясно и почему вообще центр столицы превращён в кладбище. Характерно, что и единственно сохранившийся христианский обряд — похороны.

По количеству самоубийств наша страна занимает 2–3 место в мире. Первое — Япония с её мстительно-напряжённой культурой. Но, конечно, наши данные фальсифицированы. Зная крайне негативное отношение властей к самоубийству, рассматриваемому как индивидуалистический бунт против государства, можно легко предположить, что при малейшей зацепке самоубийство квалифицируется как несчастный случай. Молодой человек без видимой причины бросился под поезд. Не обнаружено каких-либо писем, родственники отмалчиваются. Да ещё лёгкое опьянение. Пишем: несчастный случай. С другой стороны, и сами самоубийцы часто стараются оформить акт ухода из жизни максимально правдоподобно, чтобы не компрометировать родственников. Я думаю, что у нас больше самоубийств, чем во всех развитых странах мира, вместе взятых. Судьба личности в Советской России, судьба Есенина, Маяковского, Цветаевой достаточно ясна. Но это остатки былого мира. Советский же человек тогда не дорастал до своего самоубийства. Самоубийц убивали. А зачем?

В то же время даже кривое и ненормальное существование личностного начала, хотя бы некоторое время, вносит элемент динамизма в общество. И может быть, 90-е и более поздние годы будут характеризоваться постепенным «выправлением» нечеловеческой кривизны духовной сферы. И поэтому как раз 60–80-е — это вершина социализма, голый, чистый, духовный социализм. Лет через 200 демонологи будут плакать от зависти к нашим современникам. «Глазком, глазком одним посмотреть на этот кошмар».

794

← Предыдущее, следующее →

794. Примечание к № 737

В XIX веке Россия в культурном отношении пыжилась, становилась на цыпочки (к цитате)

Как это ни странно, но и западники, и славянофилы уловили лишь один аспект этой двусмысленной ситуации: «отрыв от народа» (805). Читая произведения людей того времени, не перестаёшь удивляться одной вещи, а именно непониманию элитарного характера самого мышления как такового. «Разрыв с народом». Как будто было когда-то в мировой истории общество без подобного разрыва! Не поняли, не прочувствовали, таким образом, самой трагедии разума, неизбежно и навсегда отрывающего его носителей от стихии бытовой жизни. И следовательно, Россия всегда страдала и от того, что высший класс был слишком СВЯЗАН с породившей его почвой, слишком смотрел на онучи, лапти, сельские посиделки, слишком упивался народным просторечьем и вообще народным бытом-бытием. И следовательно, слишком мало его ИЗУЧАЛ, мало ЗНАЛ (а не чувствовал), и мало таковым УПРАВЛЯЛ. Элита, не осознав своих прав, своего головокружительного преимущества перед народом, не осознала и своих обязанностей перед этим же народом, трагической ответственности капитана огромного корабля, плывущего по далеко не спокойному морю мировой истории. Недопонимание самой идеи элитарности при исключительно элитарном характере русской цивилизации привело Россию к неслыханному позору «отмены крепостного права», когда несчастную, ничего не подозревающую «публику» предоставили самой себе, грубо говоря, «умыли руки» и отдали родину на поток и разграбление.

795

← Предыдущее, следующее →

795. Примечание к № 733

человек, пишущий на швабском диалекте немецкого языка (к цитате)

Немецкий Гоголь. Как вот перевести Гоголя на иностранный язык? Как перевести его не просто русский, а русский с хохляцкой улыбкой, с особым хохляцким идиотизмом и семинарской чокнутостью (немножко)?

В «Иване Ивановиче и Иване Никифоровиче» Иван Иванович спрашивает нищенку:

«— Гм! что ж, тебе разве хочется хлеба?

— Как не хотеть! Голодна, как собака.

— Гм! Так тебе, может, и мяса хочется?

— Да всё, что милость ваша даст, всем буду довольна…

— Ну, ступай же с Богом. Чего ж ты стоишь? ведь я тебя не бью!»

Тут даже не филологическая малороссийская специфика, а нечто вообще неуловимое, еле-еле угадываемое. Великоросс так бы не написал. По-русски это бы вышло по форме добродушнее, а по сути злее. Тут тончайший малороссийский оттенок в общерусской теме юродства. Как это «перевести»? Куда это перевести? Всё испарится, исчезнет. И куда же полезли переводить со швабского на русский.

796

← Предыдущее, следующее →

796. Примечание к № 756

Как могло получиться, что Достоевскому инкриминировали фурьеризм (к цитате)

Конечно, Достоевский «залетел» неслучайно, но причины тут не столько политические, сколько психологические (821). Из переписки того периода вполне ясно, что катастрофа в том или ином виде была неизбежна. После огромного успеха «Бедных людей», давшего ему деньги, славу и доступ в самое высшее общество, Достоевский позорным образом зазнался и наделал кучу нелепостей. Ещё до связи с петрашевцами он исписался, гонялся за трёшками взаймы, в общем, потерял достоинство. Со всеми перессорился, ну, а потом связался с какой-то бандой, где его Спешнев закупил на корню за несколько бумажек. (Достоевский этого человека страшно боялся и однажды назвал своим Мефистофелем.)

Как и всякий русский, Фёдор Михайлович набивался на элементарное нравоучение. В конце 1845 года в прямо-таки хлестаковском письме к брату он пишет:

«Всюду почтение неимоверное, любопытство насчёт меня страшное. Я познакомился с бездной народу самого порядочного. Князь Одоевский просит меня осчастливить его своим посещением, а граф Соллогуб рвёт на себе волосы от отчаяния. Панаев объявил ему, что есть талант, который их всех в грязь втопчет. Соллогуб обегал всех и, зашедши к Краевскому, вдруг спросил его: „Кто этот Достоевский? Где мне ДОСТАТЬ ДОСТОЕВСКОГО?“ Краевский, который никому в ус не дует и режет всех напропалую, отвечает ему, что „Достоевский не захочет Вам сделать чести осчастливить Вас своим посещением“. Оно и действительно так: аристократишка теперь становится на ходули и думает, что уничтожит меня величием своей ласки».

Аристократишку Одоевского (который был старше его лет на 20) Достоевский тоже отшил. Но прошло время, пригодился и Одоевский. Из ссылки Фёдор Михайлович послал ему письмо с нижайшей просьбой исходатайствовать разрешение публикации своих произведений и ещё при этом в переписке с друзьями

высказывал опасения: не прогневались ли их сиятельство на столь дерзостное послание (826). И без юродства опасался, скромно и серьёзно. Вообще, наглый тон юношеских писем у него сразу после ареста как бритвой отрезало. Письма брату из крепости — это уже верх достоинства, мужества, христианского смирения. И далее, вплоть до смерти, о своей «славе», «гениальности», о пренебрежительном отношении к поклонникам ни строчки. Урок на всю жизнь.

797

← Предыдущее, следующее →

797. Примечание к № 742

Разве рождение антихриста — это не «оригинальный результат»? (к цитате)

Розанов в 1919 г. писал Голлербаху:

«Смотрите: Достоевский и карамазовщина, — К. Леонтьев с его эстетикой — какое все это уже антихристианство, какие опять Афины; знаете ли Вы и догадываетесь ли Вы, что именно в России суждено прийти Антихристу … Достоевский — это опять теизм (а христианство в данном контексте это для Розанова а-теизм, бесполая абстракция. — О.)*, К. Леонтьев — вновь порыв веры… И „Розанов“ естественно продолжает и заключает К. Леонтьева и Достоевского. Лишь то, что у них было глухо или намёками, у меня становится ясною, сознанною мыслью. Я говорю прямо то, о чём они не смели и догадываться. Говорю, потому что я все-таки более их мыслитель („О понимании“). Вот и всё. Но дело идёт* (и ШЛО у Достоевского и К. Леонтьева) *именно об антихристианстве, о победе самой СУТИ его* (христианства. — О.)*, этого ужасного авитализма».*

Нет, Розанов тут говорит ещё достаточно «косвенно». Антихристианство Достоевского и Леонтьева именно в их христианстве. Зачем писателю — христианство? Именно как писателю? Зачем ставить религиозные проблемы в центр своего творчества, своего мира? Это так же нелепо, как и монах, пишущий романы. И мысль Розанова антихристианская именно потому, что он не заметил, как любой русский не заметил чудовищности именного ряда: Сергий Радонежский, Серафим Саровский, Фёдор Достоевский, Константин Леонтьев. Не заметил, что Достоевский и Леонтьев сами по себе ничего в ХРИСТИАНСТВЕ изменить не могли, так же как это не могут сделать Шолохов или Фадеев.

Владимир Соловьёв писал в «Чтениях о богочеловечестве»:

«Восток не подпал … искушениям злого начала, — он сохранил истину Христову; но, храня её в ДУШЕ своих народов, Восточная Церковь не осуществила её во внешней действительности, не дала ей реального выражения, не создала ХРИСТИАНСКОЙ

КУЛЬТУРЫ, как Запад создал культуру антихристианскую».

Но как раз потому, что в России не создали «культуру антихристианскую», русские породили антихриста.

Русские породили антихриста, и теперь речь уже может вестись действительно о христианской культуре, но культуре «антиантихристианской» «Ленин — антихрист» — это пошлая, дешёвая политическая демагогия. Но лишь до тех пор, пока христианская церковь не приняла соответствующего канонического решения. Или нет, и это достаточно банально. Дальше всё: пока не создан соответствующий МИСТИЧЕСКИЙ КУЛЬТ, МИСТИЧЕСКАЯ СЕКТА. А она будет создана.

798

← Предыдущее, следующее →

798. Примечание к № 572

Сказали бы: «Можно уехать». Я бы прям так, в пиджачке (к цитате)

Это ведь наиболее благородный вид смерти. Я бы уехал и окончательно пропал, растворился. Никто бы обо мне не вспомнил, а «там» никто бы не узнал. Я бы жил незаметно-незаметно, и читал книги.

Я, может быть, и согласился жить в том, что называлось Россией, этому жизнь посвятить, но у меня ничего не получится. Я одинок и вообще смотрю вдаль, а «реальность» мне не интересна. И не нужна. Я не нужен «реальности», и она мне тоже. А в России сейчас можно жить только реально, физически. Это тоже путь, и даже высокий путь, но я не умею по нему идти.

Задача мудро отделённой России № 2, эмиграции, состоит, наоборот, в чисто идеальном, метафизическом развитии. Когда-нибудь в будущем эти два потока сольются и дело Петра начнётся снова, на новом этапе. И мягче, удачнее. Прорубят окно в Европу, а там есть тоже свои, русские.

Конечно, старая эмиграция погибла. Но сама её гибель вещь для будущих поколений поучительнейшая. Это постепенное угасание, сжимание круга, всё больший провинциализм и вырвавшаяся звезда Набокова, осветившая всё холодным, мертвенным блеском (не говорю об ином, тёплом свете, обращённом его гением в будущее). Россия не сразу погасла, она в 20–30-х постепенно угасала. И необычайно интересно проследить, как это всё происходило. Через разрушенное, агонизирующее сознание лучше и явственнее видна структура русской психики и русского логоса. Как русские устроены. Изучение истории эмиграции означало бы для меня параллельное погружение в Россию, встречу с Россией и, в конечном счёте, с самим собой. Это создало бы новые возможности для соотнесения своего сознания. Конечно, внешне, извне все эти занятия мои были бы метафизической утопией, но для меня, субъективно явились бы дополнительным импульсом, предсоньем перед окончательным растворением в безумных фантазиях. Здесь, внутри, я боюсь идти по этому пути, как в 17 лет испугался поэзии, живописи и музы-

ки, к которым был по природе склонен. Но я не видел в них опоры для жизни, чувствовал, что эго лишь усилит душевную ранимость и открытость. Вот и сейчас я всё ещё боюсь спать, упасть в сны. А там, вовне, это было бы так просто, так хорошо. Здесь же я не могу погибнуть и должен жить, чтобы избежать гибели насильственной — жестокой и мгновенной. Там же я расплылся бы на ходу засыпающей амёбой, но долг перед родиной (как я его понимаю) всё равно выполнил, так как вход в это состояние совершился бы через осмысление постепенного угасания русской мысли.

799

← Предыдущее, следующее →

799. Примечание к № 793
пускай в мячик играет (к цитате)

Отец умирает. А мне:
— Чего квёлый? «Эй, вратарь, готовься к бою».
И мячом в рожу, в рожу. В «Бесах»:

«Кириллов бросал о пол большой резиновый красный мяч; мяч отпрыгивал до потолка, падал опять».

Кириллов кончает жизнь самоубийством, а мяч попадает к Верховенскому:

«Знаете, подарите-ка мне ваш мяч, к чему вам теперь? Я тоже для гимнастики».

И мяч сорвался, осуществился. Бунин стонал в 19-ом году:

«На стенах воззвания: „Граждане! Все к спорту!“ Совершенно невероятно, а истинная правда. Почему к спорту? Откуда залетел в эти анафемские черепа ещё спорт?»

Как откуда? «Оттуда».
На заводе после работы меня заставляли бегать (ДОСААФ):
— Одевай тапочки и бегом. Стой. Зачем идёшь? Давай прыжками и быстро. Два притопа, три прихлопа, прыгай с финтом, как кролик, или ласточкой. А вот боком, караморой, по свисту. На четвереньки…
Это вам, батенька, не Оксфорд. Насильственное занятие физкультурой. Знаете, как здорово помогает? Какая сразу бодрость-свежесть?..
Измучить их надо.

800

← Предыдущее, следующее →

800. Примечание к № 755

Пушкин-Сальери вынес смертный приговор Пушкину-Моцарту (к цитате)

Сальери, убивая Моцарта, убивает себя.
Вот яд, последний дар моей Изоры.
Осьмнадцать лет ношу его с собою —
И часто жизнь казалась мне с тех пор
Несносной раной, и сидел я часто
С врагом беспечным за одной трапезой,
И никогда на шёпот искушенья
Не преклонился я, хоть я не трус,
Хотя обиду чувствую глубоко,
Хоть мало жизнь люблю. Всё медлил я.

Сальери постоянно испытывал искушение убить не только своего врага, но и самого себя. Для него это в сущности одно и то же:

Как жажда смерти (чьей? — О.) *мучила меня,*
Что умирать? Я мнил: быть может, жизнь
Мне принесёт незапные дары;
Быть может, посетит меня восторг
И творческая ночь и вдохновенье;
Быть может, новый Гайден сотворит
Великое — и наслажуся им…

Сальери хотел убить себя и другого, но медлил, не в силах отказаться от творческого дара своего «я» и «я» вообще. Опять нет различия. Моцарт просто иная часть его (точнее авторского) «я». Неслучайно Сальери проговаривается. Моцарт пьёт яд, а Сальери кричит:

«Постой, постой!.. ты выпил!.. без меня?»

Пушкин сам выбрал Чёрную речку. Это так ясно. В 1836 году у него могло состояться три дуэли, причём две из них вовсе не на почве ревности. Он искал смерти. Ему предсказали смерть от руки белокурого человека, и Пушкин искал его.

Дмитрий Мережковский (вслед за Розановым) сказал о Пуш-

кине:

«Недаром друзья называли его Искрою. Он ведь действительно … только блеснул и погас, как искра, как падучая звезда, как предзнаменование возможной, но даже им самим не осуществлённой, русской гармонии — русского „благообразия“».

Пушкин осуществил эту гармонию своей смертью. Именно из-за невероятной способности к гармонизации и соотнесению разлетающихся в бесконечность частей своего «я» Пушкин ясно сознавал мучительную противоречивость творчества, его моцартианско-сальеревскую расколотость. Судьба человека, столь ясно сознающего губительную силу фантазий, легкомысленно оживлённых художником, должна была быть очень трагичной. Собственно говоря, искра гармонии только и могла лишь мелькнуть в образе умирающего поэта, почти сознательно пошедшего на смерть и убившего себя тогда, зимой 1837 года. В этой смерти есть мудрое принятие неизбежного будущего и вместе с тем тоскливый ужас, обречённость. Эти два чувства взаимно дополняют друг друга, что вызывает ощущение некой искренней соразмерности. Пушкин предчувствовал низкий фарс и высокую трагедию будущей истории своей родины. Он, породивший вселенную русской культуры, взял на себя груз трагической ответственности за её будущее, за наше будущее.

Гоголь сказал, что Пушкин — это русский в его развитии через 200 лет (то есть к 2037 году). Что в устах самого Николая Васильевича было пустой риторической фигурой, нежинское пристрастие к которым он питал всю жизнь, обернулось пророчеством. По крайней мере, уже на ¾.

801

← Предыдущее, следующее →

801. Примечание к № 771
я абсолютно бездарен в цели (к цитате)

Обо мне можно сказать словами Достоевского:

«Расчёты этого человека всегда зарождались как бы по вдохновению и от излишнего жару усложнялись, разветвлялись и удалялись от первоначального пункта во все стороны, вот почему ему мало что и удавалось в его жизни».

Причём это разветвление и удаление происходит так быстро, так легко, что я и не успеваю вспыхнуть. Я спокоен, а мысли разлетаются легчайшей паутиной…

802

← Предыдущее, следующее →

802. Примечание к № 750

Англичане помогали русскому народу освобождать польских братьев от царских сатрапов, ну так и мы поможем английскому пролетариату (к цитате)

Идея, между прочим, носилась в воздухе. Достоевский писал:

«Вот что мне кажется: не сказалась ли в этом факте (то есть в примыкании к крайней левой, а в сущности к отрицателям Европы даже самых яростных наших западников), — не сказалась ли в этом протестующая русская душа, которой европейская культура была всегда, с самого Петра, ненавистна..?»

И далее:

«О, конечно, этот протест происходил почти всё время бессознательно, но дорого то, что чутьё русское не умирало: русская душа хоть и бессознательно, а протестовала именно во имя своего русизма, во имя своего русского и подавленного начала».

И тут бы чуть-чуть подправить (815). Если бы охранное отделение обладало 1/10 того полёта фантазии, который приписывали ему русские интеллигенты…

803

← Предыдущее, следующее →

803. Примечание к № 733
наивный космополитизм Соловьёва сыграл с ним злую шутку (к цитате)

И русский язык ему этого небрежения не простил.

Немецкий язык как математика — немножко самостоятелен. Латиноосновные языки в определённой степени тоже самостоятельны, но поменьше. Лишь природное сильное личностное начало в германской культуре немецкому немножко мешает развернуться. А русский язык нелеп без своих носителей. Немцы сказали: «Германия останется, если даже мы все погибнем». Германия, язык, немножко посуществует и после. Он лишь постепенно развеется. Розанов сказал, что в Германии книги хорошие, а люди плохие. В немецком языке есть время и есть «если бы». А в русском времена все перепутаны, а «бы» переворачиваемо (на что я раньше уже обращал внимание). По-русски «если бы я знал, но я не мог этого знать» и «если бы я знал, то сделал» звучит одинаково. Поэтому всё сбывается. Такой язык сам по себе плесневеет, запутывается и гибнет. Ему нужны люди. «Россия останется, если будет жить хоть один русский». Соловьёв хотел показать язык «как он есть». И русский язык ему показал язык.

По-русски гениев быть не может. Все русские гении конвенциональны. Их так считают. Вот почему Запад бьётся над самым великим русским гением — Пушкиным — и понять не может: что же здесь гениального? в чём? А Пушкин гений потому, что его считают гением. И он будет гением, пока живы русские люди. Очень субъективная, максимально живая культура. Ведь я знаю: «Пока остаётся Россия, все русские живы».

804

← Предыдущее, следующее →

804. Примечание к № 791
Флоренский вдвойне византиец. (к цитате)

Характерна его стилистическая беспомощность. Флоренскому не хватило русской крови на превращение «хитроумия» в «художество». Розанов сказал о нём:

«Вся натура его — ползучая. Он ползёт, как корни дерева в земле. Воздух — наиболее отдалённая от него стихия. Я думаю, он вовсе не мог бы побежать. Он запнётся и упадёт. Всё — к земле и в землю».

Действительно, как нелепы попытки «взлететь» в «Столпе».

Бердяев назвал это произведение «стилизованным православием». По сути, может быть, и верно, но с точки зрения формы никакой СТИЛИЗАЦИИ, вообще СТИЛЯ у Флоренского нет. Жалкие, бескрылые подпрыгивания:

«Но небо блекло и выцветало, как уста умирающей. Небо умирало и с ним умирала вся надежда на лучшее будущее. Меркли и выцветали, как ланиты умирающей, все благие порывы и ожидания. С края небосвода, едва-едва ветром доносилась тоскливая частушка:

Последний раз, последний час,
последнее свиданьицо.
Мы скоро не увидим вас,
и близко расставаньицо».

Это написано Флоренским без тени иронии. Как, впрочем, и такая фраза:

«Слёзы в дружбе — это то же, что вода при пожаре спиртового завода: больше льют воды — больше вздымается и пламя».

Логико-математические выкладки с привлечением теоремы Георга Кантора Флоренский перебивает восклицанием:

«Я остановлюсь на методе Г. Кантора, — того самого Кантора, о котором столько раз доводилось толковать нам с тобою (лирический „друг“. — О.) *на раздолье медленно волнующихся хлебов, около опушки берёзовой рощи и дома, пред пылающей пе-*

чью».

Добрый Ваньюшка! Помнишь ли ты, как мы пили водку из самовара и, играя на гуслях, читали вслух Э. Гуссерля!

Нет, до СТИЛИЗОВАННОГО православия тут ещё очень далеко (823).

805

← Предыдущее, следующее →

805. Примечание к № 794

и западники, и славянофилы уловили лишь один аспект этой двусмысленной ситуации: «отрыв от народа» (к цитате)

Западничество и славянофильство — это раскол архетипа народа. Непонимание его двойственности, бессмысленной многосмысленности, то есть того, что народ прорастает в своей элите, осуществляет в ней национальный архетип. Сам народ всегда безлик и аморфен. Это психический и духовный генофонд. Приплод, на-род. Отношение к народу как к носителю нравственных идеалов (славянофилы) или порицание его за отсутствие таковых (западники) нелепо. Это свидетельствует о неразвитости элиты и, следовательно, о непроявленности архетипа. Славянофилы упрекали себя в том, что они не народ, западники упрекали народ в том, что народ это не они. Беда же состояла в том, что и западники, и славянофилы всё ещё являлись народом, ибо не понимали, что понятие «народ» в их лексиконе является фикцией. И порицание народа и его восхваление так же нелепо, как порицание или восхваление урожая. Лишь в восприятии самого народа это вполне естественно. «Каравай, каравай, кого хочешь выбирай». Таким образом, спор между западниками и славянофилами перемещался на почву легендарную, почву мифа. И русский миф был в XIX веке расколот. Болен.

Славянофилы были слишком заинтеллектуализированы, им нужно было всех бить по головам, а они Гегелем занимались. Западники же обладали слишком архаичным мировосприятием, им явно не хватало интеллектуальной культуры для действительно радикального осмысления происходящего. Возникло противоестественное состояние спутанного сознания. В этих условиях единственно правильным решением было уничтожение западников и славянофилов и опора на традиционную государственную силу — высшее чиновничество и офицерский корпус, которые инстинктивно, уже по своему общественному положению и функциям являлись элитой. Николай I и шёл в этом направлении, одинаково порицая и Чаадаева и Аксакова. Но, к сожалению, недостаточно энергично. А ведь было бы достаточно выслать 1–2 тыс. человек.

То же Александр III. Царствование его считают «разгулом реакции», но вернее о нём сказал Леонтьев: «Только-то?»

806

← Предыдущее, следующее →

806. Примечание к № 753

«Мы Чехова в обиду не дадим и в беде не оставим». (к цитате)

Папа советского писателя Юрия Трифонова работал вампиром: председатель военной коллегии Верховного Суда СССР. В Трифонове миф Чехова достиг максимально утончённого выражения. Девиз его и таких, как он: «Ш-што??» Галстук, рубашка, очки. Томик Чехова на столе.

— У вас отец, у него руки…

— Ш-што??

— Чехов, он…

— Ш-што??

— Не вам говорить о Чехове. Вот вы, еврей, человек нерусской культуры… (814)

— Вон!!!

807

← Предыдущее, следующее →

807. Примечание к с. 79 «Бесконечного тупика»

(Розанов) не только понял, но и принял неизбежность социализма. (к цитате)

Конечно, например, Соловьёв тоже говорил об этом («Мы можем свободно говорить о правде социализма»). Но Соловьёв бросил походя, не продумав всего ужаса этой фразы. Да и сам социализм воспринимался им абстрактно и, скорее, в виде некоего частного и локального заблуждения, вроде «режима Николая I», а то и послабей. Леонтьев почувствовал масштаб угрозы, и угрозы неизбежной, но умер-то всё равно «задолго до». А Розанов уже В РАЗГАР: «да, принимаю».

И действительно, поражаешься. Как ни посмотришь, Россия была обречена. Ясно видно, что надо было сделать, «кого убить» (819); но тут же понимаешь, что невозможно найти этому внутреннего оправдания. Троцкий был активнейшим деятелем революции 1905 года. Но если бы его убили тогда? Как это из того времени? 1905 год стал бы нарицательным. «Чёрной памяти пятый год». Расстреляли головку эсеровской партии, казнён ряд виднейших социал-демократов. Отправлены в каторжные работы два десятка членов ЦК кадетской партии. Умные, благородные, несколько наивные западники.

И Россия потом, через 25—50—100 лет, всё равно бы повалилась и погибла из-за идеологического крена. Крена, обеспечивающего прямоту и верность политического курса, но слишком уж накренившего государственный корабль на правый борт.

Не было бы конца спора, не было бы величия. Очищение. Удивительна история России. Всё-таки есть какая-то мрачная гармония. Ведь что сейчас произошло? Как бы ни кричали, как бы ни кривлялись западники, как бы ни доказывали свою правоту, как бы даже ни открещивались и от западничества своего, — сзади НИХ уходят за горизонт бесконечные ряды могильных холмов. Сотни, тысячи, миллионы. Послушать, отведя глаза в сторону и машинально теребя край скатерти. Тяжело, неловко. Напряжённая тишина в комнате. А он — «западник», «либерал», «учёный» — ЧУВСТВУЕТ, что хуже и хуже становится, и говорит всё быстрее и быстрее. А все опускают головы. Вот кто-то вы-

шел, громко затворив дверь. Вдруг женщина молодая, пунцовая от возбуждения, встаёт: «Послушайте, вы, как вам не стыдно, подлец!» Глупо, по-женски, и споры так не решаются. Но спорить уже никто и не хочет. Всё безнадёжно. Всё уже ЯСНО.

Может быть, так же «ясно» было бы и со славянофилами, если бы они тогда круто повернули руль в свою сторону (хотя масштабы были бы в тысячу раз меньше). Но они ничего сделать не смогли. И в сфере идей победили. Победили вообще, победили навсегда (843).

808

← Предыдущее, следующее →

808. Примечание к № 706

Миф о Ленине совсем молод. Понять его невозможно. (к цитате)

На Красной площади лежит ключ к трети человечества. Несмотря на все внешние ссоры, миллиардный Китай, Индокитай, половина Африки, миллионы дураков на Ближнем Востоке и в Латинской Америке, и всё-таки, как ни крути, и Восточная Европа смотрят на Россию. Какая-то могущественная сила заставляет их биться в истерике и расстилаться перед русскими.

Вы можете смеяться в лицо немцам, англичанам, французам, и ничего они вам не сделают. Но скажите хоть слово против евреев, и до сего момента спокойный и доброжелательный европеец-интеллектуал превратится в разъярённого доминошника. Евреев не трогай, против милых евреев плохо не говори. То же в России. Русского интеллигента не трожь насчёт евреев. Хотя, казалось бы, за то, что сделали они для русских, те их должны душить голыми руками. Но нет. У них ключ мифа, Иерусалим (да и не только небесный сейчас). Но Москва-то тот же Иерусалим для, повторяю, 1/3 человечества. ЧТО Иерусалим китайцу? У китайца центр — Москва. Там ЛЕНИН. И как ЛЮБЯТ китайцы русских, с каким неподдельным восторгом они смотрят советские фильмы, ловят любую весточку с Севера. «Я русский бы выучил только за то…»

Русские гениально претворили и углом направили свет на Восток. Уже стали в положение евреев и их христианства. Всё повторилось. Жестче, грубее и страшней. Как же тут смеяться над Лениным, выбрасывать его из мавзолея? Не-ет, Ленин — это любовь, и я его люблю искренне, всей душой. Он ещё русским послужит ВЕКА.

Только громадное усилие догадаться о сверхключе, и всё — власть абсолютная. Шарик — наш, русский. Только усилие. Ну же, ведь догадывание, ощущение неощутимого — это же русская черта…

После 17-го русская эмиграция мгновенно расселилась по всему миру. Как будто русские только и ждали сигнала к началу великого исхода. И характерно, что одинаково мощные белые

колонии были основаны и во Франции, и в Китае. Теперь в Китае коммунизм. Осталась Франция. Но Франции следует найти антиключ, ключ вверх, в то, что выше. И русские смогут — единственные. Евреи в своей программе наивны — в этом необоримая сила. Но и слабость, ибо ключ евреев никому конкретно не принадлежит. Но он-то, ха-ха, ЕСТЬ (836). И всё. Конец. Стоит только крутануть его, добраться до него, лежащего где-то в яйце холодной иглой.

809

← Предыдущее, следующее →

809. Примечание к № 631

крушение самой идеи нравственности в политике привело на русской почве к наиболее разрушительным последствиям (к цитате)

Собственно, сама эта почва, русский бумажный идеализм в значительной степени спровоцировали такое крушение. Достоевский писал в «Дневнике»:

«Не знаю, согласитесь ли вы со мной, но когда наш русский идеалист, заведомый идеалист, знающий, что все его и считают лишь за идеалиста, так сказать, „патентованным“ проповедником „прекрасного и высокого“, вдруг по какому-нибудь случаю увидит необходимость подать или заявить своё мнение в каком-нибудь деле (но уже „настоящем“ деле, практическом, текущем, а не то что там в какой-нибудь поэзии, в деле уже важном и СЕРЬЁЗНОМ, так сказать, в гражданском почти деле), и заявить не как-нибудь, не мимоходом, а с тем, чтоб высказать решающее и судящее слово, и с тем, чтоб непременно иметь влияние, — то вдруг обращается весь, каким-то чудом, не только в завзятого реалиста и прозаика, но даже в циника. Мало того: цинизмом-то, прозой-то этой он, главное, и гордится. Подаёт мнение, и сам чуть не щелкает себе языком. Идеалы побоку, идеалы вздор, поэзия, стишки; наместо них одна „реальная правда“, но вместо реальной правды всегда пересолит до цинизма. В цинизме-то и ищет её, в цинизме-то и предполагает её. Чем грубее, чем суше, чем бессердечнее, тем, по-его, и реальнее. Отчего это так? А потому, что наш идеалист, в подобном случае, непременно устыдится своего идеализма. Устыдится и убоится, что ему скажут: „ну, вы идеалист, что вы в „делах“ понимаете; проповедуйте там у себя ПРЕКРАСНОЕ, а „дела“ решать предоставьте нам“».

И далее Достоевский приводит мнение одного русского «идеалиста», оправдывающего предательское поведение Австрии в Крымской войне тем, что ей это было «выгодно». По этому поводу Фёдор Михайлович восклицает:

«Ведь с этим признанием святости текущей выгоды, непосред-

ственного и торопливого барыша, с этим признанием справедливости плевка на честь и совесть, лишь бы сорвать шерсти клок, — ведь с этим можно очень далеко зайти».

И зашли. Ленин сказал:

«Мы будем карать СВЯТЕНЬКИХ, НО БЕЗРУКИХ болванов, ибо нам, РСФСР, нужна не святость, а УМЕНИЕ вести дело».

В конце своей политической карьеры Владимир Ильич подвёл своеобразный итог деятельности советской власти на международной арене:

«Я надеюсь, что всей нашей международной политикой в течение пяти лет мы вполне доказали, что к вопросам престижа мы относимся совершенно равнодушно… Я уверен, что ни в одной державе нет в народных массах такого равнодушия и даже такой готовности встретить вопрос престижа как престижа самой весёлой насмешкой. Мы думаем, что дипломатия современной эпохи всё быстрее идёт к тому, чтобы относиться к вопросам престижа именно подобным образом».

Ленинские письма наркому иностранных дел Чичерину служат наглядным подтверждением этой точки зрения:

«Осрамим и оплюём их „по-доброму“».

«Ноту по поводу отсрочки Генуэзской конференции без указания срока следует составить в самом наглом и издевательском тоне, так, чтобы в Генуе почувствовали пощёчину. Очевидно, что действительное впечатление можно произвести только сверхнаглостью».

Или из письма Молотову:

«Тут игра архисложная идёт. Подлость Америки, Гувера и Совета Лиги наций сугубая. Надо наказать Гувера, ПУБЛИЧНО дать ему ПОЩЁЧИНЫ, чтобы ВЕСЬ МИР видел, и Совету Лиги наций тоже».

Последняя фраза сказана по поводу бескорыстной помощи голодающим Поволжья. В голове Ленина не укладывалось: как это можно помогать умирающим людям «просто так»? Не-ет, «тут игра архисложная». И за помощь — пощёчины.

«Кто верит на слово, тот безнадёжный идиот, на которого машут рукой».

Ну и много ли выиграли? Тогда, в Поволжье… Но это было только начало «ленинской дипломатии». Потом прошли не годы — десятилетия. Может быть, потом «окупилось», может быть, тогда достигли головокружительных дипломатических успехов?

70 лет наглого издевательства над общепринятыми нормами международных отношений, подлой, низкой мелочности, выгадывания копейки на чужом горе, предательства, открытого и уверенного воровства «в глаза» и, наконец, пустопорожней, неправдоподобной до глумления демагогии. И эта колоссальная «дипломатическая активность» — к чему она привела? К скрытой, глубоко затаённой ненависти со стороны ВСЕХ союзников и к холодному, равнодушному презрению со стороны Запада. Который давно уже русских и за людей не считает. Получилось-то по «наивному» Достоевскому:

«Политика чести и бескорыстия есть не только высшая, но, может быть, и самая ВЫГОДНАЯ политика для великой нации, именно потому, что она великая. Политика текущей практичности и беспрерывного бросания себя туда, где повыгоднее, где понасущнее, изобличает мелочь, внутреннее бессилие государства, горькое положение. Дипломатический ум, ум практической и НАСУЩНОЙ выгоды всегда оказывался ниже правды и чести, а правда и честь кончали тем, что всегда торжествовали».

Ирония в том, что русские совершили исторический опыт отказа от правды и чести, вполне предвидя его конечный результат. И всё равно сделали так. Более того, именно исключительное уважение и поклонение правде и чести сыграло с русскими злую шутку. Это, может быть, суть трагедии по-русски. Предвидеть ошибки и всё же совершать их.

810

← Предыдущее, следующее →

810. Примечание к № 776

все основные герои Достоевского легко проецируются на русскую историю (к цитате)

«Идиот» был опубликован в 1868 году, а уже в 1875 террорист Мышкин пытается спасти из ссылки Чернышевского (818). Как и у князя, у реального Мышкина был удивительный почерк, благодаря которому он и сделал головокружительную карьеру (был представлен военному министру как отличный топограф и стенограф). Конечно, князь не Раскольников, но следует учесть, что в реальности Мышкина звали Ипполит, так что тут произошло обратное наложение. Если сплошь и рядом реальными прототипами того или иного литературного героя являются несколько лиц, то почему бы и нескольким персонажам не быть прототипами одного реального лица?

811

← Предыдущее, следующее →

811. Примечание к № 782

Неслучайно из «идейного борца против труположества» сделали мумию. (к цитате)

На XIII съезде Рязанов негодовал против «труположества». Прямо о мавзолее он сказать не мог и поэтому действовал косвенно: во-первых, распространив среди делегатов соответствующие письма Ленина к Горькому и, во-вторых, негодуя против перенесения праха Маркса в Москву. Невозможность этого проекта Рязанов мотивировал следующим образом:

«44 года лежит прах Маркса вместе с прахом его жены, его внука и старого друга… Никакой учёный не сможет отличить оставшиеся жалкие остатки черепных, берцовых костей Маркса и его жены, которые остались ещё в могиле».

Аргумент профессионала. Аргумент человека, всё это ВИДЯЩЕГО.

812

← Предыдущее, следующее →

812. Примечание к № 631
Чацкий (к цитате)

Псевдоним члена меньшевистского ЦК П. А. Бронштейна.

813

← Предыдущее, следующее →

813. Примечание к с. 80 «Бесконечного тупика»

«любите русского человека до социализма» (В. Розанов) (к цитате)

В завете Розанова двойной смысл. Любите русского до самого социализма, «вместе с ним», и любите его «до него», глубже него. Принимайте русского какой он есть, целиком, и одновременно принимайте-то сущность, игнорируя полубессмысленное пьяное бормотание лозунгов, красной плесенью осевших в извилинах мозговой оболочки. Кора головного мозга — это кора русского человека.

814

← Предыдущее, следующее →

814. Примечание к № 806

Не вам говорить о Чехове. Вот вы, еврей, человек нерусской культуры… (к цитате)

В 1897 г., но конечно для себя, в личном дневнике, Чехов писал:

«Такие писатели, как Н. С. Лесков … не могут иметь у нашей критики успеха, так как наши критики почти все — евреи, не знающие, чуждые русской коренной жизни, её духа, её форм, её юмора, совершенно непонятного для них, и видящие в русском человеке не больше не меньше, как скучного инородца».

815

← Предыдущее, следующее →

815. Примечание к № 802
И тут бы чуть-чуть подправить. (к цитате)

Сам Достоевский, увы, был на это совершенно неспособен. Ему не хватало ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО злорадства (827), и он тут же, повторяя идиотские сентенции славянофилов и предвосхищая уже менее невинные силлогизмы Соловьёва, завёл писательскую ахинею:

«Но, однако, в чём выгода России? Выгода России именно, коли надо, пойти даже и на явную невыгоду, на явную жертву, лишь бы не нарушать справедливости … Эта идея есть, между прочим, и всеединение славян (846), но всеединение это — не захват и не насилия, а ради всеслужения человечеству … назначение и роль эти не похожи на таковые же у других народов, ибо там каждая народная личность живёт единственно для себя и в себя, а мы начнём теперь, когда пришло время, именно с того, что станем всем слугами, для всеобщего примирения. И это вовсе не позорно, напротив, в этом величие наше, потому что всё это ведёт к окончательному единению человечества».

Некий профан узрел сквозь покров сокровенной тайны свет шестиконечной звезды. Весьма похвально. Незримо поприветствуем его, но не будем вводить в храм сей и сажать за братский стол наш, ибо узрел свет не по предначертанию Великого Архитектора, а самовольно. Он слышал, но не уразумел, произнёс, но не сказал. Полагаем также, хоть и есть в его словах свет истины, но не пристало даже и нам, российским братьям, указывать старшим на путь их. По ничтожеству и смиренному скудоумию нашему полагаем, что Франция и Англия должны возжечь семисвечник всечеловечества и принести себя в очистительную жертву вселенскому братству. А мы взойдём токмо по стопам доблестных братьев наших, ибо есть время для старшего и есть время для младшего…

Надеюсь, слишком ещё юные, но трудолюбивые и искренние русские братья изыщут в конце концов средства для достаточного и необидного отблагодарения Всемирного Братства за Великую Революцию, столь радостно принятую скромным и простым

народом нашим. Мы помним, кто есть кто, и отнюдь не в бесплодных спорах с нашими, пускай и гениальными писателями, но не посвящёнными в Тайны, проводить время будем. Готовьтесь к весёлому времени и обильной жатве. Будут на пире том течь вино и звучать заздравные речи.

816

← Предыдущее, следующее →

816. Примечание к с. 82 «Бесконечного тупика»

литература — один из самых лживых видов искусства (к цитате)

У Маркеса в одном из романов («Сто лет одиночества») промелькнула фраза:

«Литература — самая лучшая забава, придуманная, чтобы издеваться над людьми».

Что такое, кстати, «магический реализм» Маркеса? — Реализм, доведённый до конца, издевательское «повествование» барона Мюнхгаузена (особенно в его иммерманновском варианте), возведённое в куб ассоциативным мышлением XX века. Барон, сидя на ядре, заодно полистал Юнга.

Архетип писателя — деревенский враль. Профессиональный лгун, ложный философ. Философ, который лжёт. Причём лжёт вдохновенно. Это даже не софист с его отстранённой ложью, ложью, разъятой правдой, — нет, это лгун «от Бога».

817

← Предыдущее, следующее →

817. Примечание к № 756

психологию белинских и петрашевских он всё же уяснил себе вполне (к цитате)

Достоевский писал:

«Это мошенники очень хитрые и изучившие именно великодушную сторону души человеческой, всего чаще юной души, чтоб уметь играть на ней, как на музыкальном инструменте».

818

← Предыдущее, следующее →

818. Примечание к № 810

уже в 1875 террорист Мышкин пытается спасти из ссылки Чернышевского (к цитате)

В 1919 году молодая девушка, работница одного из советских учреждений в Царицыне, Валя Першикова, вырвала из брошюры портрет Ленина и пририсовала Ильичу рожки. О последствиях этого деяния каким-то чудом узнал Сам. Тут же из Кремля была отбита телеграмма:

«Царицын, Предгубчрезкома П. П. Мышкину. За изуродование портрета арестовывать нельзя. Освободите Валентину Першикову немедленно, а если она контрреволюционерка, то следите за ней».

На тексте сигнала же черканул: «Материал весь отдать фельетонистам». Добрый, умный, великодушный журналист.

819

← Предыдущее, следующее →

819. Примечание к № 807
Ясно видно, что надо было сделать, «кого убить» (к цитате)

И тогда видно было. Победоносцев опубликовал ряд характерных писем, полученных им во время народовольческого террора. Например:

«Царь убит среди бела дня, в своей столице, совершено самое гнусное, самое подлое, самое неслыханное злодеяние руками таких анафем, таких скверных дьяволов, что положительно не веришь тому, что почти видел и осязал; прошло с тех пор много дней, мы продолжаем ничего не делать, пьём, едим, спорим, ссоримся, миримся, всё как будто обстоит благополучно, и как будто ничего необыкновенного не произошло… Что сделано для успокоения общества? Ровно ничего… Знаете ли, что я Вам доложу: народ — Россия — за всё это спасибо не скажет, судьи чуть ли не три часа рассуждали в комнате, какое наказание назначить преступникам, будто менее повешения можно было что-нибудь сказать; да мы и этой казнью недовольны, измучить их следовало и, главное, допытаться, чтобы они сказали всё, что знают. По-нашему, все эти „балаганных дел мастера“ изменники: Кони, председатель, судивший Засулич, Александров, защищавший её, прокурор, столь осторожно обвинявший её, присяжные, оправдавшие её, Мровинский и все сопровождавшие его полицейские чины при осмотре сырной лавки на Садовой, сенатор Фуке и его товарищи, так утончённо и гостинно обращавшиеся с этими извергами, зверями бешеными, как юродивые или изменники, должны быть казнены, или сосланы на каторгу… Пора перестать робко открещиваться от этого зла, необходимо вступить с ним, сию же минуту, в жестокую, неумолимую, кровавою борьбу, не жалея на эту борьбу: ни денег, ни наград, ни казней, ни пыток, ни боярства своего, ни щепетильности, ни белых своих ручек, перещеголять в средствах борьбы с этим злом самих злодеев, помня, что Бог и совесть велят делать всё, что нужно для защиты: религии, царя, семьи его и семьи вообще, собственности, а значит, и родины, и что тот слуга, который бережёт не только свою жизнь, но и репутацию свою, когда спасение царя и народа требует при-

нести в жертву и то и другое — есть изменник и больше ничего… Социалисты не люди, они звери бешеные, следовательно, они вне закона … а поэтому они, попавшись, должны пропадать без вести: пилюли, ради которых человек умирает без страданий, в этих случаях вещь необходимая… Скажу ещё следующее: главные деятели Драгоманов, Лавров и им подобные злодеи, даже известные иноземные социалисты, должны погибнуть, это необходимо для спокойствия не только русского царя и русского народа, но необходимо для спокойствия всего мира, избиение же их в Цюрихе, Париже, Лондоне и других местах может быть очень легко произведено деньгами и помощью искусных людей, преданных делу. За деньги в Италии и в Лондоне зарежут одновременно много злодеев; убиение же нескольких таких злодеев распространит ужас и деморализацию в их лагере… В глазах же Европы и всего мира это дело должно быть делом частной секретной компании, состоящей из богатых людей, неизвестных правительству, им разыскиваемых, и готовому строго наказать за столь преступное деяние…»

Что можно сказать на это? Только руками развести: верно, правильно, согласен полностью. Разногласия сейчас могут быть только в смысле масштаба: забирать надо было ещё глубже, серьёзней. Но стоит начать приближаться к тому времени, и всё постепенно рушится, переворачивается с ног на голову. Миф кругл, и старт с Земли превращается в падение на Луну.

820

← Предыдущее, следующее →

820. Примечание к № 723
Почему Розанов был столь увлечён темой секса (к цитате)

Собственно то же самое, но под несколько иным углом. Ещё в 90-х годах в работе «Красота в природе и её смысл», написанной по поводу эстетических воззрений Соловьёва, Розанов дал блестящую и исчерпывающую характеристику гениальной личности. То есть — себя. От разлетающейся асимметрии лица гения до выморочности его рода, или совсем пресекающегося или выбивающегося в женскую и бесплодную линию. Гения — ненавидят современники, забывает следующее поколение и вспоминают лишь потомки, но уже не как личность, ибо человек мёртв, а как совокупность идей, давящих индивидуальность новой генерации, загоняющих невысокую поросль самостоятельной мысли в громадный ствол. Но несомненно, что, по крайней мере полуосознанно, Розанов во вдохновенных строках об обречённом одиночестве гения говорил о себе. «О понимании» мог писать только человек с настроем гения. Отказ от этого труда вовсе не следствие внешнего неуспеха (когда же МЫСЛИТЕЛЯ он останавливал?), а интуитивный ужас перед заурядной гениальной судьбой, перед одиноким младенческим плачем среди звёзд… И в этом аспекте обращение Розанова к эротике, и даже просто к тяжёлому животному сексу, все эти писания о физиологической эстетике гениталий, есть гениальный ход конём. То есть программа стать СВЕРХГЕНИЕМ. Изменить свой рок нельзя, но наверное можно дополнить, изогнуть. И тогда исключительные преимущества осуществлённой гениальности (трагическое величие) будут дополнены радостями простой земной жизни. Жёнушкой, детишками, солнышком. И действительно, удалось. В конце крах, смерть, которой всегда, с ранних лет захвачен лунный гений, но в известный момент Розанову удалось создать почти полную иллюзию счастливого обывательского быта. Но зато рок неумолим, и оттянутая тетива бьёт по рукам — в конце исчезло всё. Сама страна на глазах умирающего Розанова исчезла.

821

← Предыдущее, следующее →

821. Примечание к № 796

Конечно, Достоевский «залетел» неслучайно, но причины тут не столько политические, сколько психологические. (к цитате)

И мистические. Мережковский совершенно правильно говорил, что внутренней причиной фурьеризма Достоевского, как это ни парадоксально, послужила его религиозность. То есть «стремление пострадать», усугублённое вообще стремлением к крайностям.

Мережковский писал:

«Если кто-либо когда-нибудь был невинен в социализме, по крайней мере, в том социализме, за который преследовало тогдашнее русское правительство, — то это, конечно, Достоевский. Он сделался мучеником и едва не погиб за то, во что не только ни минуты не верил, но что ненавидел всеми силами души. Что же влекло его к этим людям? Не то же ль, что всю жизнь заставляло его искать самого трудного, бедственного, жестокого и страшного, как будто он чувствовал, что ему нужно „пострадать“, чтобы вырасти до полной меры сил своих? Или, он переходил за черту, играя опасностью среди политических заговорщиков, так же, как играл он ею всегда и везде, как впоследствии — в карточной игре, в сладострастии, в мистических ужасах?»

Да, но попал Достоевский на каторгу всё-таки не из-за «карточной игры», не из-за «сладострастия» и даже не из-за «мистических ужасов». Всё проще. Он подумал, где-то мысль мелькнула, а добрые люди, сама Россия подхватила и «оформила». Все свои крайности Достоевский совершал в фантазии, то есть не совершал. Но в политической сфере хватило и фантазии. Тут мистические причины, но не только в Достоевском, а и в макрокосмичной ему среде России. Не только «готовность пострадать», но и чьё-то радостное принятие этих страданий, их ожидание и предвкушение.

822

← Предыдущее, следующее →

822. Примечание к № 793
Я бы мог стать монахом. (к цитате)

Леонтьев писал:

«Социализм, то есть глубокий и насильственный экономический и бытовой переворот, теперь видно неотвратим, по крайней мере ДЛЯ НЕКОТОРОЙ ЧАСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. Но, не говоря уже о том, сколько страданий и обид его воцарение может причинить побеждённым, сами победители, как бы прочно и хорошо ни устроились, очень скоро поймут, что им далеко до благоденствия и покоя… (Возможно) законы и порядки их будут несравненно стеснительнее наших, строже, принудительнее, даже СТРАШНЕЕ. В последнем случае, жизнь этих НОВЫХ ЛЮДЕЙ должна быть гораздо тяжелее, болезненнее жизни хороших, добросовестных монахов (887) в строгих монастырях, например на Афоне. А эта жизнь, для знакомого с ней, очень тяжела (хотя имеет, разумеется и свои, совсем ОСОБЫЕ утешения). Постоянный тонкий страх, постоянное неумолимое давление совести, устава и воли начальствующих… Но у афонского киновиата есть одна твёрдая и ясная, утешительная мысль, есть спасительная нить, выводящая его из лабиринта ежеминутной тонкой борьбы: ЗАГРОБНОЕ БЛАЖЕНСТВО. Будет ли эта мысль утешительна для людей предполагаемых экономических общежитий. Этого мы не знаем».

Зато мы узнали. Мы, победители. (А ведь действительно победители. Тот, кто остался жить после «пира богов», — победитель.)

823

← Предыдущее, следующее →

823. Примечание к № 804

Нет, до стилизованного православия тут ещё очень далеко. (к цитате)

Собственно идея Флоренского отличная, только объём «Столпа» должен был быть не в 800, а в 80 страниц. Идеи в логике, потом их иллюстративная связь с религией. И тут, может быть, косвенный выход на православие, но именно КОСВЕННЫЙ. А так у него 500 страниц риторики и настриженных церковнославянских текстов прицеплено. Ну и, конечно, стилизация о «погоде» это вообще пародия. Ему в личностное вообще соваться не надо было.

Впрочем, следует сделать две поправки. Во-первых, эклектизм был характерен уже для славянофильства. Ср., например, лингвистические выкладки Хомякова. Флоренский им прямо подражает. Дело тут вообще в противоречии русского рассудка и стиля. И, во-вторых, Флоренский жил к тому же в стилистически нелепой эпохе. Начало века «стильно». Но модернизм, в отличие от Запада, был в России лишь гранью. «Стильность» подчёркивала отсутствие стиля. Частность можно было в 900-х годах сделать стильно. Целое — навряд ли. Розанова спас, как он сам говорил, «фетишизм мелочей», умение увидеть мировое в частном и дать отблеск мира через частное. Вот почему Розанов был великим стилистом.

824

← Предыдущее, следующее →

824. Примечание к № 733

Критика отвлечённых начал кончилась уже абсолютным отвлечением: третьей частью, которой не было. (к цитате)

Количественный символ «несбывания» философии Соловьёва легко перерастает в символ качественный, если рассматривать этого мыслителя в контексте его иудаизма. Пародийную аналогию соловьёвству можно найти в судьбе еврея Венгерова. Ещё в юности Венгеров задумал создать всеобъемлющий «Критико-биографический словарь русских писателей и учёных». По расчётам, издание должно было занимать томов 12. Однако издав к 50-ти годам 6 томов, охватывающих только первые две с половиной буквы, Семён Афанасьевич, чтобы поправить положение, стал выпускать «Источники словаря русских писателей». Вышло этих «Источников» 4 тома, от «А» до «Н». Видя, что и это издание непоправимо разрастается во времени и пространстве, Венгеров попытался издать ещё более краткий вариант словаря, а именно «Предварительный список русских писателей и учёных и первые о них справки». Венгеров издал два тома, от «А» до «Н». Перед смертью успел подготовить к изданию третий. Предпоследний.

Это очень характерная еврейская черта: собственная дематериализация, растворение себя в ничтожество по сравнению с материалом. Абсолютное восхищение сокровищами реальности и разевание хобота до разрыва в ничто. Захлёбывание сокровищами. То же расширение заворожило евреев в западноевропейской философии (при этом законченность арийской мысли осталась незамеченной). Заворожила возможность растворения грязи в абстрактном пространстве ценностей.

Греция — это благородство без совести, без раскаяния. Иудея — совесть без благородства. (Из этого синтеза возникло христианство. Нежный, благородный, но слабый запах розового масла был зафиксирован аммиаком совести.) Для еврея ценностные категории как таковые лишены смысла. Все ценности, их иерархия (иерархия блага) заменяются одной ценностью — ценностью ценности, то есть ценой. Евреизация мира есть его экономизация. Макс Вебер в своей «Протестантской этике» выявил

глубокую связь протестантизма и иудаизма. Отличие протестанта Гегеля от еврейской философии в его замкнутости, согласованной законченности.

Философия Нового времени это, как прочно и не раз сказано, «эпоха введений». Куда-то всё вводят, а куда — неясно. Потерпи, сейчас интересно будет. И тянется, тянется томами спинозистско-лейбницианско-гегелевская тягомотина. Это ничего, это песок и камни вместо нежных слов, зато в конце пустыни обетованная земля познания. Такой еврейский бутерброд — гигантский ломоть хлеба, а на конце нежно розовеющий на сером фоне крохотный пятачок колбаски. И ешь, ешь пресные сантиметры, чтобы добраться до источающей аромат приманки. Рот забивает мучнистой мацой, а в глазах кружится ностальгической утёсовской пластинкой приближающееся колёсико. Но пока добрался до конца, есть-то уже и не хочется. Пора помирать. А колбаску «в наследство». И снова всё повторяется… Вроде бы есть философия, а по-настоящему и нет её (858).

Отличие арийской философии от спинозизма, повторяю, в законченности этого процесса и, следовательно, в трагизме. Спиноза — юноша, оптимист. Самый «оптимистичный» из арийцев — Лейбниц — глубокий старик.

С другой стороны, тяга к введениям — это наследие западнохристианской доктрины. Наука — служанка философии, а философия — служанка теологии. Философия заменилась филотеизмом. Философия — вводная часть к теологии. Предисловие к религии, введение в религию. То есть, после кризиса религии, предисловие и введение в ничто.

Может быть, необходим переход от средневекового дуализма к дуализму «пост-нововековому». Солнце Средневековья — христианство, ночь — карнавал. А будет: солнце — античность; и ночь, в подсознании, — христианство. Христианство требует умолчания, как элевсинские мистерии. И это глубже, это более прочная религиозность, чем дневная, словесная.

825

← Предыдущее, следующее →

825. Примечание к **№ 719**
«Э-хе-хе, молоток» (к цитате)

Вересаев вспоминает о постановке «Доктора Штокмана» в 1901 году:

«Ничего, казалось бы, злободневного нельзя было найти в „Докторе Штокмане“. Однако то и дело в пьесе неожиданно выплывали словечки и положения, как будто прямо намекавшие на современность. И публика бешеными рукоплесканиями и смехом подчёркивала эти места. Спектакль превратился в сплошную демонстрацию».

Кончилось тем, что когда на сцене Штокман по ходу действия стал избивать зонтиком «издателя продажной газеты», зал взорвался аплодисментами и криками «Суворин! Суворин!» Суворин, сидевший тут же, ушёл из театра. Всё это напоминает поведение детей на детском утреннике. Дед Мороз спрашивает: «Дети, вы видели Волка; куда он понёс в мешке Снегурочку?» А дети хором: «Налево, налево».

Похоже, история русской культуры XIX века — это непрекращающееся, пудами, метание бисера перед свиньями. А надо было проще, наглее.

826

← Предыдущее, следующее →

826. Примечание к № 796

(Достоевский) в переписке с друзьями высказывал опасения: не прогневались ли их сиятельство на столь дерзостное послание. И без юродства опасался (к цитате)

Без юродства, а всё равно, наверно, выходило глумливо. Характерно, что однажды в письме к Майкову Достоевский волновался по поводу одного из своих адресатов:

«Боюсь ещё, чтоб он не принял мой усиленно-почтительный тон в письме за иронический… Писал от руки, набело, и потом уже, перечтя письмо, увидал, что, кажется, уж слишком почтительно».

827

← Предыдущее, следующее →

827. Примечание к № 815

(Достоевскому) не хватало интеллектуального злорадства (к цитате)

На незрелость русской мысли указывает незрелость русской мести. Что сам Достоевский и заметил:

«В наше время, столь неустойчивое, столь переходное … непременно должно было развестись чрезвычайное множество людей, так сказать, обойдённых, позабытых, оставленных без внимания и досадующих: „Зачем, дескать, везде ОНИ, а не я, зачем не обращают и на меня внимания“. В этом состоянии личного раздражения и неудовлетворённого, так сказать, идеала иной господин готов подчас взять спичку и идти зажигать, — до того это чувство мучительно, я это очень понимаю… Но зажигать спичкой уже крайность и, так сказать, удел натур могучих, байроновских. К счастью, есть выходы не столь ужасные для натур не столь могучих. Такой выход — просто напакостить, ну там наклеветать, налгать, насплетничать или анонимное ругательное письмо пустить … Это не испанское, так сказать, мщение, готовое принести для достижения цели своей даже великие жертвы и научившееся выдержке. Наш анонимный ругатель далеко ещё не тот таинственный незнакомец из драмы Лермонтова „Маскарад“ — колоссальное лицо, получившее от какого-то офицерика когда-то пощёчину и удалившееся в пустыню тридцать лет обдумывать своё мщение. Нет, действует пока всё ещё та же славянская природа наша, которой всего бы только поскорей выругаться, да тем и покончить (а чего доброго, так даже тут же и помириться), и согласитесь, что всё это в одном смысле отрадно, ибо и тут, стало быть, всё это, так сказать, юно, молодо, свежо, вроде как бы весна жизни, хотя, надо сознаться, препакостная».

Согласитесь также, что с точки зрения филологической всё это очень злорадно (зрело злорадно) написано. Может быть, русское мщение вообще литературное (847), и в этом направлении и будет развиваться дальше?

828

← Предыдущее, следующее →

828. Примечание к № 745
я не я и лошадь не моя (к цитате)

Чехов записал в записной книжке:

«Мой девиз: „Мне ничего не нужно“».

Серов сказал о Чехове:

«Он неуловим. В нём что-то необъяснимо нежное».

Красноречивое признание в устах художника. Бунин тоже отмечал:

«У Чехова каждый год менялось лицо».

Через несколько лет после смерти Чехова самые близкие люди не могли сказать о цвете его глаз. Многие фотографии Чехова заставляют смеяться — настолько они непохожи на привычный образ. Например, на одной из ранних фотографий Чехов похож на Нестора Махно.

Вообще, как я уже писал выше, чеховское пенсне, чеховская бородка, чеховская трость — но ведь это стандартные чёрточки конца XIX века. Что же тут чеховского? Чехов был просто «как все». Если это и чеховские черты, то как раз своей безликостью, абстрактностью. Чехов — это русский, потерявший своё лицо.

829

← Предыдущее, следующее →

829. Примечание к № 780

Наивно ошибается тот, кто считает предреволюционные годы расцветом культуры (к цитате)

Конечно, мы привыкли, что при словах «начало века» сразу пред мысленным взором всплывают стильные обложки «Весов» и «Аполлона». Но вот изданный «на ура» в 1904 году двухтомник Огарёва не хотите ли? В том же 1904 году ломают руки на страницах «Русских Ведомостей»:

«Ещё до сих пор находится под запретом роман „Что делать?“, ещё и теперь не могут быть изданы примечания к „Основам политической экономии“ Милля; ещё сейчас критические историко-литературные и другие признанные безвредными статьи Чернышевского продаются в собранном виде без имени автора… Мы и сейчас ничего не знаем о причинах, которые заставили 40 лет назад отнять у литературы и общества необыкновенно яркую умственную силу».

«Великая потеря». Но ничего, в марте следующего года издали «Что делать?» Однако разве можно судить по одному, пусть и гениальному, труду о личности такого масштаба? В июне приступили к изданию полного собрания сочинений в 10 томах. В «Мире божьем» крик:

«Наконец-то имя его станет во весь свой гигантский рост и перестанет быть известно преимущественно по роману „Что делать?“».

Были изданы полные собрания сочинений и Белинского, и Писарева (последнее 6-томное полное собрание сочинений вышло в 1909–1913 гг. пятым (!) изданием), и упорно считаемого за философа Добролюбова (4-томник в 1911 г.). Мало кто из серьёзных философов в России мог похвастаться таким вниманием. Полного собрания сочинений не было у Соловьёва, Чичерина, Юркевича, Чаадаева, Ивана Сергеевича Аксакова, Леонтьева (беру только уже умерших к началу века).

830

← Предыдущее, следующее →

830. Примечание к № 793

То есть всё и было рассчитано на моё уничижение и уничтожение. (к цитате)

Рассчитано, конечно, вне воли и желания какого-либо конкретного человека. Атеизм вызвал разрушение религиозного строя, высшей организации духовной жизни. Новый строй возник как расстройство, как хаотичное разрастание отдельных фрагментов разрушенного мировоззрения. Так аскетический идеал был воспринят официальной идеологией как идеал духовного обеднения, а в русской душе, веками настраиваемой на монастырь, примитивная пуританская демагогия нашла свой архетипический резонанс. Такая же обломочность, переплетённость проросших развалин характерна и для других аспектов наспех сколоченной советской религийки. Если мощные стволы великих религий вырастали естественно, создавались тысячелетиями и очень органично включались в душу человека, необычайно усиливали и облагораживали её природные свойства, то советская религия — это бутафорское дерево, собранное из засохших веточек спиленного христианства. Вместо ствола — нихиль, пустота. Разумеется, несуществующие корни сего «растения» лежат в христианстве, это продукт христианства. И вот отдельные ветви, выломанные из христианского религиозного древа, они не умерли ещё, а как-то полусонно, вяло живут, растут. И вопрос вопросов: примутся ли, пустят ли корни в конце концов или так новое русское сознание и погаснет в сумеречном сне? Речь идёт, таким образом, о религиозном возрождении. Для меня, как личности, этот путь невозможен. В конечном счёте я могу прийти в церковь, но куда же мне девать моё детство, лишённое светлых образов религиозного опыта, этой основы православия? Или кто мне вернёт мою юность с её сложной и запущенной душевной жизнью, но жизнью совершенно вне категории любви? Вообще, как мне вместить разросшееся мышление под церковный купол, если душа моя искажена (837), деформирована, просто во многом инфантильна, недоразвита?

831

← Предыдущее, следующее →

831. Примечание к № 696

Чехов вздохнул, повертел в руках ладью-Суворина и пожертвовал за лучшую позицию. (к цитате)

Это было Главным Предательством Чехова. Он предавал всю жизнь, но с Сувориным случай был особый. Это сложное, заглушечное предательство. Слишком многим был Чехов обязан этому человеку, ставшему ему в известный период почти отцом.

Чехов уже в 28 лет стал готовить предательство, интимно шептал на ушко своей будущей жертве:

«Вообще в денежных делах я до крайности мнителен и лжив против воли. Скажу нам откровенно и между нами: когда я начинал работать в „Новом времени“, то почувствовал себя в Калифорнии и дал себе слово писать возможно чаще… (Но постепенно) я стал бояться, чтобы наши отношения не были омрачены чьей-нибудь мыслью, что Вы нужны мне как издатель, а не как человек и проч. и проч. Всё это глупо, оскорбительно и доказывает только, что я придаю большое значение деньгам, но ничего я с собой не поделаю… Это не значит, что я отношусь к Вам душевнее и искреннее, чем другие; это значит, что я страшно испорчен тем, что родился, вырос, учился и начал писать в среде, в которой деньги играют безобразно большую роль. Простите за эту неприятную откровенность».

Дело здесь не собственно в деньгах, а в том, что Чехову Суворин оказывал одолжение. Суворин постоянно скашивал Чехову долги, делал дорогие подарки, оплачивал заграничные поездки. Суворин при этом стеснялся своего богатства, Чехов же делал вид, что ничего не замечает и часто якобы наивно косвенным образом просил денег у своего друга. Например, Суворин приглашает Чехова в Париж, а Чехов: «Я бы поехал, да денег нет». Значительная часть их переписки на таких намёках построена. Как издатель, Суворин не только на Чехове не наживался, а, пожалуй, тот влетал ему в копеечку. Это были странные, построенные на взаимных умолчаниях отношения, на самом деле деликатность и наивность которых постороннему наблюдателю совсем не понятна. Тут «третий лишний», и всякие разговоры, что

Суворин наживался на Чехове или Чехов превратил Суворина в дойную корову, лишены смысла. Чтобы почувствовать суть этих отношений, надо очень хорошо знать суть русского отношения к деньгам, надо знать, что Суворин, например, всю жизнь боялся своих денег, мучился, что он слишком много их тратит, а они «не им заработаны» и т. д. Тут много разных нюансов, европейцу совсем не понятных.

Не в том зло, что Чехов стеснялся получать деньги от Суворина, а тот стеснялся их давать. (Кстати, характерная сцена чеховских рассказов: врачу дают гонорар, а тот краснеет, дающий же ненатурально кашляет и т. д. В сущности, нелепость). Тут иное. Чем больше Чехов считал себя обязанным Суворину, тем больше он его ненавидел. Ненавидел совершенно неосознанно. А Суворин так же неосознанно чувствовал свою глубокую вину перед горячо любимым другом.

Вот реакция Чехова на совершенно безденежное одолжение, показывающая всю его болезненную щепетильность в таких вопросах:

«Выходит какая-то глупая игра в бирюльки: людям хочется сделать мне одолжение, и ждут они, чтоб я попросил, а мне хочется показать, что я ни в грош не ставлю свои пьесы, и я упрямо, как скотина, пишу в своих письмах только о погоде, не заикаясь о пьесе…»

Суворин был обречён.

832

← Предыдущее, следующее →

832. Примечание к № 758

Разъезжающие по всей стране «адвокаты» осуществляли строгий надзор за поведением подсудимых революционеров. (к цитате)

В России всё это приобрело громадные масштабы, но, конечно, сама технология применялась повсеместно. Применялась тогда, применяется и сейчас. Вот и на суде над «Красной армией» в ФРГ один из подсудимых заявил, что группа адвокатов была «главным ферментом» их организации. Адвокаты поддерживали «дух послушания руководству», а когда руководство было арестовано, они фактически заняли его место. После этого заявления три дисквалифицированных адвоката ушли в подполье.

833

← Предыдущее, следующее →

833. Примечание к с. 83 «Бесконечного тупика»
Как сказал Ницше, «Бог умер» (к цитате)

Ницше — предтеча германского фашизма. Розанов — русского, доброго, так и не состоявшегося. Разрушение немецкого логоса убило Бога. Русского — окончательно оживило. Ницше — немецкий Сократ, Розанов — русский (841).

834

← Предыдущее, следующее →

834. Примечание к № 730

«передай Хине Марковне, что я сегодня завтракал у Марка Матвеевича Антокольского» (А. Чехов) (к цитате)

В Париже Чехов у Марка Матвеевича Антокольского, а также у Леопольда Адольфовича Бернштама вентилировал вопрос о памятнике Петру I для Таганрога. Памятник сделали и направили из Европы в Таганрог оказией. Похлопотал Антон Павлович у Мерперта, служившего в торговом доме «Луи Дрейфус и К°», и статую, памятуя о хорошем поведении просителя, отправили на пароходе бесплатно. Благо в Таганроге — филиал этой фирмы, благодетельствующей Россию торговлей её хлебом. Доставили Петра I в полной сохранности и пьедестальчик ему сделали. Мастер Эдуардо из Одессы озаботился.

835

← Предыдущее, следующее →

835. Примечание к с. 85 «Бесконечного тупика»
Философия — это естественное искусство. (к цитате)

Что такое философия? Её можно определить как свободное и непредубеждённое мышление, направленное на рассмотрение вечных вопросов. Философское мышление свободно и непредубеждённо, так как совершенно не ясны его конечные результаты и отсутствуют какие-либо установки, искажающие естественный ход рассуждений. Далее, философия есть мышление, направленное на «рассмотрение», а не на «решение». Философия сама по себе ничего не решает и решить не может. Объект её настолько грандиозен, что познать его человек принципиально не в состоянии. Объектом философии являются проблемы принципиально неразрешимые. Именно поэтому ими занимается не наука, а философия (848). Эти проблемы носят название вечных вопросов: что есть истина и что есть ложь; что есть добро и что — зло; есть ли Бог; смертен ли человек, в чём смысл жизни; что есть бытие и др. Ответить на эти вопросы нельзя. Но о них можно и нужно думать. Процесс мышления о подобных фундаментальных проблемах возвеличивает человека, переводит его в иной, высший разрез бытия. Именно в этом и заключается подлинная цель философии. Она не даёт человеку знания, но поворачивает бытие иной, неожиданной для него стороной, заставляет глубже и оригинальнее почувствовать свою экзистенцию и взглянуть на своё сиюминутное существование немного со стороны. Философия «смазывает» мир, делает его странным и загадочным. Как сказано, «философия начинается с удивления».

Отсюда ясно, что форма той или иной философской системы, вызывающая некое эстетическое переживание, и является её подлинной сущностью. Что касается содержания философии, то его просто нет и быть не может. Предмет философии — «ничто». И Хайдеггер, построив свою систему на рассмотрении этой фундаментальной категории, лишь обнажил до предела нигилистическую суть «свободного мышления». Оно свободно от содержания. Следовательно, философия — это искусство, а не наука. В науке важен конкретный материал, продукт, результат;

в искусстве — интерпретация. Если один писатель в прекрасной литературной форме апологетизирует убийство, а другой в форме безобразной доказывает его отвратительность, то как-либо противопоставлять эти две концепции невозможно. Дело в том, что в последнем случае речь идёт о НЕпроизведении, и его просто нельзя сравнивать, вводить в рамки литературного анализа. Оно не хорошее и не плохое. Его просто нет. Привычка проецировать друг на друга два разноуровневые понятия: художественность и этичность, гуманность — нелепа. Эти понятия, конечно, соединимы, но несопоставимы. Сопоставить их можно только в рамках так называемого «реализма» как эстетической концепции, отрицающей эстетическую значимость художественного произведения. Из элементарного нигилизма материализма — как философского, так и эстетического — вытекает прямая связь с социальной и политической деструкцией, с одной стороны, и с научным знанием — с другой. В последнем случае материализм является идеальной наукой, наукой, сошедшей с ума и заболевшей манией величия. Материализм — это наука, где объект изучения — ничто и, следовательно, сама наука как субъект — всё. Мечта науки — стать материализмом. Она всё познаёт, познаёт, и вот когда всё познает, превратится в ничто, во всё. Идеальное (абсолютное) отражение как сама реальность. Но реальная (нормальная) наука бесконечна. В этом её принципиальное отличие от искусства и культуры. Вспыхнув однажды, она разгорается всё шире и шире, захватывает всё новые и новые области, но при этом не выгорает за недостатком материала, а, наоборот, подобно некоторым типам атомных реакторов, ПОРОЖДАЕТ новое топливо. Возникают науки второго порядка, потом третьего, четвёртого и так до бесконечности. Иное дело культура. Культура — конечна. Она рождается, развивается, а потом гибнет.

Этот аспект взаимоотношений между наукой и культурой со всей остротой выявился в проблеме соотнесения философии Платона и Аристотеля.

Аристотель — это ученик Платона, потративший всю жизнь на упорядочение и шлифовку философских взглядов своего учителя. Но не только. В одном отношении Аристотель действительно равен Платону и является при этом его своеобразным антиподом — я имею в виду саму манеру философствования. Мышление Платона образно, построено на ассоциациях и аналогиях, часто расслаивается на несколько потенциальных уровней восприятия («ироничность» и т. д.). Аристотель — подчёркнуто сух, корректен, одним словом, научен. И здесь именно Аристо-

тель является основоположником грандиозной философской программы — программы трансформации философии в науку, то есть, иными словами, программы преодоления конечного характера философской мысли и создания возможности для её бесконечного развития. Эта идея заранее была обречена на неудачу. Философия могла стать бессмертной, но лишь путём отказа от своей сущности и превращения в науку.

Аристотелизм развивался в несколько этапов. Пролог — формирование грекоязычной философии — был естественным и совершенно оригинальным. Всю досократическую мысль в этом отношении можно рассматривать как создание условий и самого инструментария для разработки девственного пласта философии.

Этого периода мы не наблюдаем во вторичных и третичных философских традициях. Его там заменило компиляторство. Не наблюдаем мы там и второго периода — творческого. Это период сократический, и его выразителем явился, в сущности, один человек — Платон. Платон создал мировую философию. Именно он впервые поставил в явной форме вечные вопросы и именно он создал диалектическую форму их рассмотрения. После него ничего принципиально нового просто не могло быть создано. Великий мыслитель один выработал пласт мировой философии. Конечно, не полностью, с огрехами. Но, по большому счёту, после Платона там было делать нечего. Это не означало, что на этом развитие философии закончилось. Наоборот, теперь-то она и появилась на свет. Но СОЗДАТЬ философию уже было нельзя. Такое бывает в истории один раз.

После этого настал третий этап развития — период эклектизма. Неприятное слово «эклектизм» звучит почти как ругательство, но на самом деле это высший тип философствования.

Оскар Уайльд сказал, что циник — это человек, знающий всему цену и не придающий ничему ценности. Что касается первой части афоризма, то она удивительно точно характеризует суть эклектического мировосприятия. Эклектик «знает всему цену», то есть ощущает себя сопричастным определённой системе ценностей. Это даёт ему возможность «оценивать» каждое новое культурное явление, соотносить его с неким абсолютом. Во время творческого периода это было бы невозможно, так как суть его и заключается в создании определённой системы отсчёта, «меры».

Здесь возникает проблема философского влияния, проблема взаимодействия различных философских культур. Философия, подобно науке, интернациональна и общезначима. Но одновре-

менно, и в этом её странная особенность, — национальна и единична. Вечные проблемы в силу своей абсолютности совершенно идентичны для любой нации. Идентичны и способы умозрения. Раз философия конечна, то, следовательно, они примерно одинаковы в любой культуре. В этом причина общезначимости философии. Идентичен и результат этого умозрения (точнее, безрезультатность). Но результат философствования единичен, субъективен. Философствование как переживание должен испытать данный конкретный человек. В этом высокая цель философии. Философия как переживание сугубо национальна. У неё нет универсального языка, нет безличной рационализированной формы, и в этом смысле она не автономна. Наука автономна, и Платон совершенно прав, фактически говоря о её отдельном существовании. Легко представить себе вслед за неопозитивистами науку как нечто отдельное от человека. Скажем, она может мыслиться как система книгохранилищ, или вообще хранилищ информации, и система машин, перерабатывающих эту информацию. Процесс этой переработки может вполне идти без участия человека и человечества. Он самодостаточен и замкнут на себя. Можно пойти ещё дальше и вообразить себе существование «Науки» в виде бестелесной субстанции, системы определённых силовых полей и т. д.

Объект науки конечен, и сама она ограничена, но бесконечна. Объект философии, напротив, бесконечен, и поэтому она конечна и ограничена. Она не может быть вне, а только внутри. Внутри объекта изучения и внутри субъекта, её носителя — человека. Мировой разум Аристотеля не случайно не философ, а логик, то есть учёный. Символом же философа является самый что ни на есть человек — Сократ.

Из-за всего этого диффузия философии (конкретно — философии Древней Греции) в другие языковые культуры одновременно и возможна, и невозможна. Она возможна, так как потребность в философствовании неистребима и общезначима; невозможна, так как философия не может быть без философов.

Образуется замкнутый круг. Упрощённо говоря, чтобы перевести (адекватно) Платона на русский язык, нужно, чтобы русский язык был языком философским, а чтобы он стал языком философским, нужно перевести Платона. Если же, по мановению волшебной палочки, Платон будет всё же переведён, то этим непоправимо разрушится естественное развитие отечественной философии. И наконец, если не переводить Платона принципиально, то отечественный мыслитель неизбежно попадёт в положение изобретателя велосипеда, а в результате этого русская фи-

лософия будет погублена на корню.

Конечно, реально процесс просачивания сложен и протекает одновременно по разным руслам. Поэтому в действительности в послеэллинских культурах второй, творческий период всё же наблюдается, хотя и в скомканном виде. Искажения нейтрализует тот факт, что прочие элементы культуры, будь то живопись, музыка или поэзия, чисто национальны и рождаются, живут и умирают вместе с нацией-носительницей.

Далее в процессе своего развития каждая культура доходит до своего высшего, философского фазиса. Начало этого периода связано с достижением достаточно высокого уровня филологической формализации и структурирования, что и обеспечивает контакт со сверхкультурой античной философии. После этого контакта, воспринимающегося субъективно как процесс философствования, то есть процесс СВОБОДНЫЙ, наступает период эклектизма, всеобщей девальвации ценностей. Так что здесь верна и вторая часть уайльдовского афоризма. При обесценивании бывших кумиров разрушаются сами основания данной культуры. Если в отношении других видов культуры процесс деструкции останавливается перед эпическими фигурами национального «золотого века», то в области философии он идёт дальше, до конца. Из-за своего космополитического характера философия пренебрегает национальным универсумом и доходит до истоков мировой мыслительной культуры — до античности, до Платона. Становится ясным, что вся последующая философия зачарованно вращалась вокруг платонизма.

Но это не значит, что Декарт или Гегель должны быть забыты. У послеантичной философии есть некоторое качественное отличие от философии древней. Можно сказать, что вся западная философия являлась грандиозным экспериментом по преодолению Платона. Преодолеть же его можно было одним способом — путём придания философии статуса науки, то есть путём превращения её в бесконечную и безличную мысль. При этом подразумевалось, что подобная цель будет достигнута отнюдь не за счёт абсолютного отказа от философской проблематики (последним довольствовался материализм), а за счёт соединения философской проблематики с научной методологией.

Эта идея как тенденция содержалась и в самом платонизме, что указывает лишний раз на его абсолютность и одновременно на имманентный характер сциентизма по отношению к философскому умозрению. Отсюда неудивительно, что впервые реализовать эту потенцию попытался ученик Платона — Аристотель.

Аристотель в традиции современной либеральной историографии рассматривается как антипод Платона. Эта полярность наиболее наглядно проявляется в социальной философии двух мыслителей. Платон по своим взглядам тоталитарист и утопист, Аристотель — представитель умеренного общества, стабильного и одновременно плюралистического. С этих позиций он, как известно, прямо критиковал платоновскую модель идеального государства.

Однако на самом деле при подобной точке зрения механически смещаются относительно друг друга совершенно разные пласты платонизма и аристотелизма.

Платон, будучи изощрённейшим нигилистом, никогда и не ставил перед собой задачи переустройства современного ему общества. Его идеальное государство есть лишь проекция на социальную плоскость собственных интеллигибельных устремлений. Соответственно и целью такого общества, если оно будет построено, явится не что иное, как уничтожение своих граждан. В этом разгадка того странного факта, что впервые план построения чисто материалистического общества выдвинул идеалист Платон. Ведь для Платона целью человеческой жизни является смерть. Смерть для него лишь видимая манифестация очень трогательного и возвышенного процесса — разделения духовной и материальной субстанции человека. Лучшие люди, по Платону, это философы. Философ всю свою жизнь посвящает, собственно говоря, одному — подготовке к будущей смерти-делению. Он всячески развивает своё духовное начало и расшатывает тем самым его связь с телом. Смерть для него — логическое завершение его жизни, окончательное освобождение от материальной темницы. Государство же, согласно Платону и вообще античному миропониманию, — аналог индивидуального организма-микрокосма. Отсюда ясно, что и целью совершенного государства, как и совершенного человека, должна являться смерть. Идеальная утопия — это государство-самоубийца. Таков внутренний, мистический смысл платоновской «политики».

Аристотель, критикуя «идеальное государство», имел в виду более конкретные и земные задачи и подошёл к его анализу слишком буквально. Но это не значит, что сам Аристотель был лишён утопических устремлений. Ученик Платона просто перевёл их в чисто идеальную плоскость. Если Платон строил государство философов, то Аристотель строил государство философии. Он подошёл к той же проблеме, но с другой стороны.

Осуществлённая утопия Платона — это общество биомеханиз-

мов, насекомых, живущих чисто физиологической жизнью. Утопия Аристотеля это общество, где все люди уже уничтожены, а существуют лишь веера силовых полей, занятых формальным манипулированием некой накопленной информацией — «мышлением о мышлении». Обе схемы блестяще дополняют друг друга. Разница лишь в том, что утопия Платона написана ярким, ироничным, человеческим языком. Ненужность литературы доказывается в «Государстве» в блестящей литературной форме. Язык Аристотеля редуцирован. Мышление монотонно, смех механичен, иллюстративен. Аристотель заявляет, что шутить даже необходимо, но лишь для разнообразия стиля: чтобы не утомлять читателя. Подход его к языку чисто утилитарный. Взаимоотношения между Платоном и Аристотелем напоминают отношения между импульсивным наивным отцом, очень страдающим от этого в жизни, и сыном, которого он воспитал в совершенно ином духе — чопорным, замкнутым и спокойным. Полярность, но интимно связанная логикой развития.

Платон многолик, политеистичен. Его химерическая утопия — это лишь обычная человеческая смерть, включённая как составной компонент в жизнь его произведений. Это «смерть Сократа», но существующая наряду с его длинной-длинной 70-летней жизнью, яркой, ироничной и благородной. Это смерть, втянутая улиточным рожком в жизнь, смерть, но в жизни, «записки с того света». Аристотель монотонен, это одновер, однодум. Его книги — это «письма на тот свет», в никуда. Это дыра, вырванная из сыра платоновских диалогов и раскормленная во вселенную.

Платон даже в своей ненависти человечен. И в его аде ещё жить и жить. Заботливо, с любовью он описывает систему спасающих население казней, доносов и исправительных колоний. Такое общественное устройство действительно привело бы к разделению духовного и материального начала. Только духовное начало направлялось бы не на небо, а на нары. Аристотель же и в своём гуманизме бесчеловечен. Его идеальный мир бесчеловечен. У Платона идеальное общество — это аппарат по очистке людей от телесной оболочки и запуску душ в небо, где они существуют вечно, вне времени и пространства, но как живые индивидуальности, то есть в конечном счёте всё равно люди. Аппарат Аристотеля — это идея создания единого Разума, то есть не то чтобы уничтожение людей, а превращение их во что-то ненужное, НЕОПРАВДАННОЕ в своём существовании. Если бы интеллектуальная программа Аристотеля осуществилась, то бытие людей лишилось бы своего внутреннего смысла. В этом причина социального активизма Платона и снис-

ходительной пассивности либерала Аристотеля: первый уничтожал жизнь, а второй — смысл жизни. Деятельность первого была на виду, второго — скрыта, незаметна и коварна.

836

← Предыдущее, следующее →

836. Примечание к № 808

Евреи в своей программе наивны — в этом необоримая сила. Но и слабость, ибо ключ евреев никому конкретно не принадлежит. Но он-то, ха-ха, есть. (к цитате)

К «еврейской проблеме» ещё никто как следует не подступался. Вот русские, впервые в мировой истории, «подступятся». И первый шаг, разрушительный шаг — не какие-то там погромы, не площадной антисемитизм, а совсем другое — стилизация еврейской истории и еврейской культуры. Евреями никто никогда не занимался. О евреях написано громадное количество книг, но все они написаны евреями же. Или врагами евреев, то есть тенденциозно, грубо и глупо. Несерьёзно. Но вот русские впервые в мировой истории КРАЙНЕ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНО займутся евреями. С восхищением напишут об их многострадальной истории, об их подвигах, их величии (924). Так же, как евреи до сих пор писали о других народах, чужих народах. И евреи искренне обрадуются таким помощникам, неожиданным и необыкновенным (ибо народ этот чрезвычайно наивен). И от этого уже всё «дело евреев» накренится в выгодную для русских (то есть чужого народа) сторону.

Стиль — начало смерти. У Розанова есть интереснейшая статья — «Левитан и Гершензон». О роли этих двух евреев в русской культуре Василий Васильевич отзывается очень хорошо:

«Оба, и Левитан, и Гершензон, умели схватить как-то самый воздух России, этот неяркий воздух, не солнечный, этот „обыкновенный ландшафт“ и „обыкновенную жизнь“ (у Гершензона), которые так присасываются к душе и помнятся гораздо дольше разных необыкновенностей и разных величавостей. Замечателен ум обоих: как Левитан нигде не берёт „особенно красивого русского пейзажа“ (а ведь такие есть), так точно Гершензон как-то обходит или касается лишь изредка „стремнин“ русской литературы, Пушкина, Гоголя, Лермонтова… Его любимое место — тени; тенистые аллеи русской литературы, именно — „Пропилеи“, что-то „предварительное“, вводящее в храм, а не самый храм. Мы чувствуем, что Левитан не мог бы написать: „Парк в Павловске“,

„Озеро с лебедями в Царском Селе“. Отчего бы? Ведь так красиво. И это — есть, это — в натуре. Нет, он непременно возьмёт бедное село, деревеньку; и лесок-то всегда не богатый, не очень видный. Так точно Гершензон не начнёт собирать переписку Гоголя, не возьмётся издавать „Письма Пушкина“. Отчего бы? — Оба поймали самую „психею“ русской сути, которая конечно заключается в „ровностях“, в „обыкновенностях“, а отнюдь не в горных кручах, не в вершинах. Но эти „обыкновенности“ уже собственной работой они как-то возвели в „перл создания“, и Россия залюбовалась. Залюбовалась и, конечно, вековечно останется им благодарна».

Но, — спрашивает Розанов, — почему пейзаж у Левитана всегда без человека? Ведь так просто:

«Вот „Весенняя проталинка“, ну — и завязло бы там колесо. Обыкновенное русское колесо обыкновенного русского мужика и в обыкновенной русской грязи. Почему нет? Самая обыкновенная русская история. „Прелестная проталинка“, — и ругательски ругается среди неё мужик, что „тут-то и утоп“. — „Ах … в три погибели её согни“».

Однако люди мешают. Мешают стилизации. «Без них удобнее, легче». Природа интересна, русские (как русские) — не интересны. Розанов не договаривает, но сейчас-то, после соответствующего опыта, — видно. То же Гершензон:

«„На крупном всё видно“, а, например, Натали Герцен, естественно, только прелестна и всегда прелестна. Поди-ка Пушкин: разберись во всей этой истории с Дантесом, с бароном Геккерном, с раздражённо-кровавыми письмами Пушкина… Грязь. — Грязь, мука и раздражение. „Кто прав?“ — „Как он дошёл до судьбы такой?“ Да если в этом „разбираться“, то выйдет „испачканный надписями забор“, а не „Пропилеи“ в афинском стиле».

И Розанов заключает:

«Отчего как-то и заключаешь, что Русь не „кровная“ им, не „больная сердцу“. Ибо „родное-то“ сердце всю утробушку раскопает, и всё „на свет Божий вытащит“, да и мало ещё — расплачется и даже в слезах самого историка или ландшафиста „кондрашка хватит“.

Это мастерская „стилизация“ русского ландшафта и то же истории русской литературы; и ещё глубже и основнее — стилизация в себе самом — русского человека, русского писателя, русского историка литературы, русского живописца. Мастерство сказалось в том, что всё точно и верно, но всё несколько мертво, не оживлено. Нет боли, крика, отчаяния и просветления; не по-

нятно, откуда вышли „русские святые“, потому что спрятан, а в сущности не разгадан и „русский грешник“».

И вот впервые в мировой истории евреи сами будут стилизованы. Уже этим первым ходом они будут поставлены в неимоверно затруднительное положение, выйти из которого ЛЕГАЛЬНО (а весь шарм ситуации именно в её легальности) будет необычайно трудно. Но ещё возможно. Но дело-то первым ходом не ограничится. Наоборот, только начнётся.

837

← Предыдущее, следующее →

837. Примечание к № 830
душа моя искажена (к цитате)

Розанов писал:

«Выньте, так сказать, ИЗ САМОГО СУЩЕСТВА мира молитву, — сделайте, чтобы язык мой, ум мой разучился словам её, самому делу её, существу её, чтобы я этого НЕ МОГ, люди этого НЕ МОГЛИ: и я с выпученными глазами и с ужасным воем выбежал бы из дому, и бежал, бежал, пока не упал. Без молитвы совершенно нельзя жить … Без молитвы — безумие и ужас».

Не хочу, не могу комментировать это (855)…

838

← Предыдущее, следующее →

838. Примечание к № 792
Биография В. И. Ульянова тут вполне типична. (к цитате)

Впервые Владимир Ильич узнал о марксизме из доклада сосланного в Симбирск и жившего затем в Казани присяжного поверенного М. Л. Мандельштама.

839

← Предыдущее, следующее →

839. Примечание к № 429
Но как же жить «Христом» в миру? (к цитате)

Самая откровенная книга в русской культуре — «Выбранные места из переписки с друзьями». С варварской непосредственностью здесь открываются русские мечты, русские душевные качества. Дальше уже стиль, культура. А тут, из-за того, что с точки зрения культурной это произведение Гоголя не выдерживает никакой критики, именно из-за этого получилось идеально.

Набоков писал о Гоголе:

«Он изобрёл поразительную систему покаяния для „грешников“, принуждая их рабски на себя трудиться: бегать по его делам, покупать и упаковывать нужные ему книги, переписывать критические статьи, торговаться с наборщиками и т. д. В награду он посылал книгу вроде „Подражания Христу“ с подробными инструкциями, как ей пользоваться… Откиньте все свои дела и займитесь моими — вот лейтмотив его писем, что было бы совершенно законно, если бы адресаты считали себя его учениками, твёрдо верующими, что тот, кто помогает Гоголю, помогает Богу».

Набоков иронизирует напрасно. Гоголь вёл себя очень продуманно, максимально продуманно. Он продумал до конца. И опять же, напрасно Набоков считает, что «люди, получавшие его письма, решали, что Гоголь либо сходит с ума, либо потешается над ними». Это — было. Но причина в спутанности ситуации гений-святой. Именно Гоголь (не Пушкин) первый в русской истории признанный гений. Как к нему относиться? И как он должен относиться к себе? К другим? И с той и с другой стороны путание гениальности и святости (навык общения со святыми (и святых) был к началу XIX в. богатейший). Перед Гоголем благоговели, ходили на цыпочках. Недоумение вызывало не то, что Гоголь призывал «откинуть свои дела и заняться делами Гоголя», а то, что дела эти состояли в покупке книг и переписке статей (а действительно, что ещё нужно писателю на вершине славы?). Соответственно и в «Переписке» Гоголю не простили тона из-за несоразмерности ЦЕЛИ. Если бы он призвал к спасению в катакомбах или через гекатомбы. Но Гоголь был

трезвейший русский человек, и вот этого фактического отказа от гениальности ему и не простили.

Но то, что он заставлял на себя работать друзей, это… трогательно. Вот. Это. Так и надо. А КАК ЖЕ ЕЩЁ? Очень национальная мысль. Гоголю, самому религиозному из русских писателей, не хватило тут самосознания (но это вина, а может быть, и заслуга эпохи). Программа создания вокруг себя церкви и возложения на себя роли Христа (торопливо навязываемой и исступлённо ожидаемой окружающими), конечно, должна развиваться с отстранённым сознанием неизбежности этого. Нелепости подобного процесса, но и его естественности, как нелепо и одновременно естественно первое проявление интереса к другому полу у подростка. Важно ощущать себя не Христом, а именно христосиком. Это ведь и есть единственно возможная форма существования в христианстве русского «я». (А вне христианства русское «я» перестаёт быть русским, а становясь нерусским, «я» исчезает, личность гаснет.)

Гоголь совершил гениальную попытку направить программу по другому руслу, исправить траекторию. Он хотел восстановить всё более утрачиваемую связь с миром и, пригасив огонь своей фантазии, попытался соединить церковную жизнь с жизнью мирской. Получилась катастрофа в первом и фарс во втором. Но угадано ведь верно. И сделано по-русски, в национальной форме. Неудача в том, что Гоголь попытался решить проблему русского самосознания, не обладая самосознанием, залетел на 50 лет вперёд. Ход мысли был верен, но он решал задачу, которая тогдашней культурой не была поставлена, не была осознана даже.

840

← Предыдущее, следующее →

840. Примечание к № 745

В каждом его рассказе скрыто нравоучение. (к цитате)

Бунин писал о Чехове:

«У него была педантичная любовь к порядку — наследственная, как настойчивость, такая же наследственная, как и наставительность».

Беликовская «наставительность» была для Чехова чрезвычайно характерна. Он постоянно кого-то учил, наставлял, читал нотации. Причём всегда на очень вульгарном уровне. Часто цитируется письмо Чехова к непутёвому брату Николаю. Письмо о «подлинной образованности и воспитанности». Но оно никогда не будет опубликовано полностью, потому что там масса нецензурных выражений. Чехов всегда испытывал свойственную учителям тягу к людям, находящимся на гораздо более низкой ступени развития. Хотя и всегда жаловался на их неразвитость. Но с ними было удобнее. Единственный человек выше его уровнем, с которым он сошёлся, — Суворин. Чехов жил суворинскими мыслями и никогда не мог Суворина переубедить, а Суворин Чехова — всегда (до охлаждения). Одна из причин разрыва как раз в попытке Чехова учить Суворина.

Суворин, а не Чехов является примером образцового «интеллигента из народа». В письмах Чехова после ссоры масса шпилек по адресу бывшего друга. В дневнике Суворина — ни одной негативной фразы о Чехове. Вообще в суворинском дневнике (интимном, совершенно не предназначавшемся для печати) много желчного почти о всех, включая царя. О Чехове — ничего. А ведь разрыв Суворин переживал очень тяжело. Плакал, впал в тяжёлую депрессию, так что его жена даже тайно просила Чехова не рвать со стариком окончательно. Но Алексею Сергеевичу даже не пришло в голову хоть чуточку обидеться. Во всех записях только спокойная любовь и глубокая благодарность судьбе за то, что озарила его старость дружбой с Чеховым.

841

← Предыдущее, следующее →

841. Примечание к № 833
Розанов — русский (Сократ) (к цитате)

А.Ф. Лосев дал следующую, как мне кажется, блестящую характеристику Сократа:

«В особенности не ухватишь этого человека в его постоянном иронизировании, в его лукавом подмигивании, когда речь идёт о великих проблемах жизни и духа. Нельзя же быть вечно добродушным. А Сократ был вечно добродушен и жизнерадостен. И не тем бесплодным стариковским добродушием он отличался, которое многие принимают за духовную высоту и внутреннее совершенство. Нет, он был как-то особенно ехидно добродушен, саркастически добродушен. Он мстил своим добродушием. Он что-то сокровенное и секретное знал о каждом человеке и знал особенно скверное в нём. Правда, он не пользовался этим, а, наоборот, покрывал это своим добродушием. Но это — тягостное добродушие. Иной предпочитает прямой выговор или даже оскорбление, чем (такое)… (Диалектика) была для него жизнью и Эросом. В ней было для него что-то половое, пьяное … он выработал в себе новую силу, эту софистическую, эротическую, приапическую мудрость, — и его улыбки приводили в бешенство, его с виду нечаянные аргументы раздражали и нервировали самых бойких и самых напористых. Такая ирония нестерпима. Чем можно осадить такого неуловимого, извилистого оборотня? Это ведь сатир, смешной и страшный синтез бога и козла. Его нельзя раскритиковать, его недостаточно покинуть, забыть или изолировать. Его невозможно переспорить или в чем-нибудь убедить. Такого язвительного, ничем не победимого, для большинства даже просто отвратительного старикашку можно было только убить. Его и убили … да подлинно ли это человек? Это какая-то сплошная комическая маска, это какая-то карикатура на человека и грека, это вырождение (857)… Да, в анархическую полосу античности, когда она нерешительно мялась на месте, покинув наивность патриархального трагического мироощущения, ещё не будучи в состоянии стать платонически-разумной, люди бывают страшные или смешные. Сократ же сразу был и страшен и смешон… Пла-

тон — это система, наука, что-то слишком огромное и серьёзное, чтобы исчерпать себя в декадентстве. Аристотель — это тоже апофеоз научной трезвости и глубокомыслия. Но Сократ — отсутствие всякой системы и науки. Он весь плавает, млеет, дурачится, сюсюкает, хихикает, залезает в глубину человеческих душ, чтобы потом незаметно выпрыгнуть, как рыба из открытого садка, у которой вы только и успели заметить мгновенно мелькнувший хвост. Сократ — тонкий, насмешливый, причудливый, свирепо-умный, прошедший всякие огни и воды декадент. Около него держи ухо востро. Трудно понять последние часы жизни Сократа… а когда начинаешь понимать, становится жутко. Что-то такое знал этот гениальный клоун, чего не знают люди… Да откуда эта лёгкость, чтобы не сказать легкомыслие, перед чашей с ядом? Сократу, который как раз и хвастался тем, что он знает только о своём незнании, Сократу — всё нипочём. Посмеивается себе, да и только. Это уже потом зарыдали около него даже самые серьёзные, а кто-то даже вышел, а он преспокойно и вполне деловито рассуждает, что вот когда окостенение дойдёт до сердца, то — конец. И больше ничего. Жуткий человек! Холод разума и декадентская возбуждённость ощущений сливалась в нём в одно великое, поражающее, захватывающее, даже величественное и трагическое, но и смешное, комическое, порхающее и софистическое».

Лосев как-то сказал, что мог бы при случае «навалять книжонку» (его выражение) о Розанове. Тема Розанова, конечно, привлекала его «по аналогии». Но уже судя по приведённому отрывку, навряд ли Лосев был способен понять Василия Васильевича. Уже в Сократе этот философ не заметил одной очень важной черты, а именно стремления к смерти. Ведь, конечно же, гибель Сократа — это изощрённое самоубийство. Неужели гениальный диалектик не смог в открытом судебном разбирательстве переспорить своих ничтожных противников? Он не захотел этого сделать, так как его подталкивал к могиле демон смерти. За гениальной клоунадой Сократа угадывается всё та же античная трагедия, но в немыслимо усложнённой и как бы распадающейся форме. И смерть Сократа — это соединение, гармонизация безнадёжно разрастающихся цепочек логических умозаключений.

Что касается Розанова, то не только его смерть, но и сама жизнь, само существование было удивительно гармонично и высоко, несмотря на то, что всё сказанное Лосевым о Сократе ещё в большей степени присуще Розанову. Спасительное отличие заключается в ЮРОДСТВЕ Розанова. Юродство — это открытая,

вполне выявленная ненависть к миру. Любое проявление реальности воспринимается при подобном душевном настрое как издевательство. Но зато сама ненависть оказывается отстранённой от лица, и более того, к самой ненависти человек относится с ненавистью. Юродство это вообще «ничего не надо». С миром вообще ничего общего иметь не хочется. Для Сократа мир дневной, солнечный. Платон и то просто путает день с ночью, но самого дневного мира не отрицает, лезет в милый бытовой мир своим широким холодным лбом — тараном нихиля.

Розанов — это Сократ в квадрате и одновременно Несократ, Антисократ. Да и сам русский язык — это, пожалуй, сверх-греческий — нежный, наивный, сам из себя творящий — и одновременно анти-греческий, весь укутанный панцирем бесчисленных иноязычных заимствований.

← Предыдущее, следующее →

842. Примечание к с. 85 «Бесконечного тупика»

русские начали с изучения отвратного Гегеля и прошли мимо того, что ждало их и звало: мимо античности, мимо Платона (к цитате)

В статье «Философские влияния в русском обществе», написанной в 1890 г., Розанов как раз обратил внимание на чрезмерное увлечение немецкой философией. Увлечение это привело к тому, что усвоение классического наследия развивалось как нечто подчинённое по отношению к изучению Гегеля. Разумеется, это не могло способствовать и адекватному прочтению самого Гегеля, поскольку вся западная философия лишь следствие философии античной.

Результаты такого анормального явления чрезвычайно плачевны. Ведь интенсивное изучение Аристотеля и Платона удивительно ОБЛАГОРОДИЛО бы отечественную мысль, что сделало бы невозможной последующую инъекцию вульгарного материализма и марксизма. Кроме того, оно бы придало русской мысли необходимую автономию. Контакт был бы не с ветвями, а со стволом западной цивилизации, и, следовательно, сама Россия стала бы пусть сначала и маленькой, но самостоятельной ветвью европейской культуры. Ошибка не только тяжёлая, но и непростительная, ибо КОРНИ русской духовной и интеллектуальной жизни были общими с Европой. И более того, через Византию Россия была в известном отношении к этим корням ближе (845). В России всегда было достаточное количество людей, хорошо знающих древнегреческий язык, целое сословие было чрезвычайно близко к платоновской мудрости, читало Платона и почитало. Изучая немецкую философию, сконцентрировавшись на немецкой философии, русское общество тем самым отшвырнуло от европейской образованности своё самое интеллектуально трудолюбивое и интеллектуально способное сословие — сословие священников. Вообще ведь детям священников (кончившим семинарию) закрыли путь в университет, оставив его для детей разбогатевших мужиков (купцов) и инородцев. Характерно, что даже введя классическое образование, учителей латыни и греческого предпочли пригласить из Австро-Венгрии,

а потомственно знающих эти языки чисто русских людей от гимназии отстранили.

Разумеется, есть нечто закономерное во всеобщем равнодушии к Платону в начале XIX века. Равнодушии не в смысле элементарного незнания (ибо читали и переводили), а в смысле неувлечённости, невосхищённости этим гениальнейшим мыслителем, гениальным ПИСАТЕЛЕМ, ХУДОЖНИКОМ. Весь Гегель не стоит «Федона». И что-то фатальное в нелюбви к античности в эпоху русского классицизма. Что же может быть КЛАССИЧНЕЕ «Федона»? И что-то фатальное в нелюбви к античности в эпоху русского романтизма. Что же может быть РОМАНТИЧНЕЕ «Федона»? И в эпоху реализма. Что может быть РЕАЛИСТИЧНЕЕ?

Произошла задержка в развитии русского сознания. Задержка, равная Октябрю… Да в известном смысле Октябрь и есть следствие этой задержки (874).

843

← Предыдущее, следующее →

843. Примечание к № 807
(Славянофилы) победили вообще, победили навсегда. (к цитате)

Однако удивительно. Ни одной СЛАВЯНОФИЛЬСКОЙ работы в современную нам эпоху. При обилии работ западнических. Даже люди, причисляющие себя к славянофилам, являются таковыми в весьма незначительной степени. В количественном отношении современные славянофилы должны были быть западниками XIX века, а современные западники — славянофилами XIX века, то есть кучкой гонимых чудаков-интеллектуалов.

Более того. Сейчас видно, что в классическом славянофильстве был силён западнический или по крайней мере нерусский элемент. Само слово «славянофильство», как давно подмечено, уже указывает на нерусскость идеологии. Славянин не может быть самофилом или самофобом.

Хотя, пожалуй, тут и разгадка. Именно это и есть особенность русской нации, которая себя осознаёт лишь в виде выхода за собственно национальные рамки и существования на уровне осмысленных идей в форме «филии» или «фобии». «Славянофильства» (в смысле русском) как мировоззрения и не может появиться. Оно возможно в виде мудрого молчания. И это молчание уже НАВСЕГДА. О чём говорить после того, что произошло с Россией в нашем веке? Говорить можно всё что угодно. Не в этом центр.

И знаете, России теперь будет страшно везти. Весь XIX век не везло, и чем дальше, тем больше. О XX лучше и не говорить. А теперь начнёт везти. И никто не догадается почему. Возник высочайший духовный центр, который будет всё спасать в нашей русской жизни, всё искуплять, устраивать. Кто-то будет молиться за Россию. Высокое молчание. Мудрое, сверхсознательное начало нации. Все же будут недоумевать: где же их ПРОГРАММА, где та «умная книжка», по которой живёт Россия?..

844

← Предыдущее, следующее →

844. Примечание к с. 87 «Бесконечного тупика»

В человеке всё должно быть прекрасно: и сапоги, и мысли. (к цитате)

Вспомним буквальное изречение чеховского героя:

«…в человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли… Часто я вижу прекрасное лицо и такую одежду, что кружится голова от восторга, но душа и мысли — Боже мой! В красивой оболочке прячется иногда душа такая чёрная, что не затрёшь её никакими белилами…»

Вспомним и фамилию этого героя: Хрущов, Михаил Львович (пьеса «Леший»).

Реальный персонаж, Никита Сергеевич, выразил эту же мысль гораздо короче, сказав в своей речи на XXII съезде: «Чёрного кобеля не отмоешь добела».

Что-то интуитивно злорадное в чеховских произведениях (849). «Три сестры» — это самая злорадная русская пьеса. Её постановка сейчас — это открытое издевательство. По сцене ходят какие-то прекраснодушные идиоты и мечтают работать на кирпичном заводе, предсказывают, что вот-вот начнётся зажиточная и счастливая жизнь. И тут выходит комический персонаж Ферапонт и говорит:

«Сейчас швейцар из казённой палаты сказывал… Будто, говорит, зимой в Петербурге мороз был в двести градусов… Две тысячи людей помёрзло будто. Народ, говорит, ужасался. Не то в Петербурге, не то в Москве — не упомню».

Это-то и сбылось. Умные рассуждения оказались расслабленным дегенеративным лепетом, а фарс — сбылся (850). Да ещё в каких масштабах.

И Чехов это чувствовал. Всё это прекраснодушие с гнилыми лёгкими писалось. Не знал, а чувствовал, и прорисовывал с нажимом, с расчётом, что, может быть, и проявится в вывернутом виде. Получался змеино двоящийся фарс.

Бунин писал:

«Трудно было иногда понять, серьёзно ли говорит он. И я порой

отказывался. Он сбрасывал пенсне, прикладывал руки к сердцу с едва уловимой улыбкой на бледных губах, раздельно повторял:

— Ну, убедительнейше вас прошу, господин маркиз Букишон! Если вам будет скучно со старым забытым писателем, посидите с Машей, с мамашей, которая влюблена в вас, с моей женой, венгеркой Книпшиц…»

845

← Предыдущее, следующее →

845. Примечание к № 842

корни русской духовной и интеллектуальной жизни были общими с Европой. И более того, через Византию Россия была в известном отношении к этим корням ближе (к цитате)

Латинская философская культура либо прямо заимствовала древнегреческие термины, с мясом вырвав их из контекста койне, либо сняла с этих терминов вульгарные кальки, порвав в свою очередь с контекстом уже латинского языка. В результате тончайшая вязь смысловых и фонетических ассоциаций была непоправимо разрушена. Исчез сам дух философии. Уже это заранее обесценивало труды римских философов. (Не говорю тут о том, что само мировосприятие римлян, грубых прагматиков и утилитаристов, было чуждо философии.)

Ещё в большей степени отмеченный недостаток свойствен философии Нового времени. Здесь философская терминология была заимствована вообще из третьих, а то и из четвёртых рук. (В России цепочка такая: древнегреческий — латынь — немецкий — русский.) Конечно, процесс заимствования в известном смысле ускорял развитие философской культуры, но одновременно он разрушал естественную эволюцию языка, заменял родную поэзию добротными подстрочниками.

Увы, вне рамок античной культуры нельзя вести речь о философии в собственном смысле этого слова. Вся «западноевропейская философия» ценна и интересна лишь в качестве некоторого приложения, некоторого толкования и комментариев к философии Древней Греции. И русские могли получить огонь греческой мысли не через четвёртые, а через вторые руки. Разница.

846

← Предыдущее, следующее →

846. Примечание к № 815

«Эта идея есть, между прочим, и всеединение славян» (Ф. Достоевский) (к цитате)

О Болгарии в «Дневнике писателя»:

«Мать-Россия новых родных деток нашла, и раздался её великий жалобный голос об них. И именно деток, и именно материнский великий плач, и опять-таки политическое великое указание в будущем…»

Вы, Фёдор Михайлович, изучили бы лучше историю болгарского еврейства.

847

← Предыдущее, следующее →

847. Примечание к № 827
Может быть, русское мщение вообще литературное (к цитате)

В «Дневнике писателя» у Достоевского есть главка «План обличительной повести из современной жизни». Герой «Плана» — некий молодой человек, только что поступивший на службу. Данные у героя средние:

«Фигуры нет, „остроумия нет“, связей никаких. Есть природный ум, который, впрочем, у всякого есть … (Но) наш герой свой ум принимает за гений».

Ну и естественно, по службе героя с таким умонастроением начинают обходить. Он по-поприщински влюбляется в директорскую дочку, но, опять же естественно, терпит фиаско. Тогда он жениху дочки пишет анонимное письмецо-съ, где невинную девушку подло компрометирует. Но и тут не выгорает. Однако это уже и не важно. Герой становится русским писателем:

«Его обуял своего рода мираж, как и Поприщина. С жаром бросается он в новую деятельность, в анонимные письма».

Теперь он уже пишет анонимки на своего начальника. Но ведь форма-то уж слишком искусственная. Мщение искусством навряд ли относится к искусству мщения. Возникает слишком много отступлений от первоначального примитивного плана, слишком много дополнительных и по сути ненужных, даже разоблачительных ходов:

«И поступки-то генерала, и жену-то его, и любовницу, и глупость всего их ведомства — всё, всё изобразил он в своих письмах. Мало-помалу он кидается даже в государственные соображения, он компонует письмо к министру, в котором предлагает изменить Россию, уже не церемонясь. „Нет, министр не может не поразиться, гений поразит его, и письмо дойдёт, пожалуй, до… До такого то есть лица, что… и тогда станут разыскивать автора, тут-то я разом и объявлюсь, так сказать, уже без застенчивости“. Одним словом, он упивается своими произведениями и поминутно воображает, как распечатываются его письма и что затем происходит на лицах тех лиц».

Ну, а русская мнительность, логически развиваясь, доходит до того, что про письма-то его уже все знают — вон шепчутся по углам, и сам директор подготавливает уже приказ об увольнении. И герой — «умнай», «хитрай» — чтобы упредить катастрофу, бросается в ноги ничего не подозревающему начальству…

«Конечно от болезни, конечно от мнительности, но ГЛАВНОЕ И ОТ ТОГО, что он, — и струсивший, и униженный, и себя во всём обвиняющий, — а всё же мечтал по-прежнему, как всеупоённый самомнением дурачок, что, может быть, его превосходительство, выслушав его, и всё же, так сказать, поражённый его гением, — раскроет обе руки свои… и заключит его в свои объятия: „Неужели, дескать, ты до того доведён был, несчастный, но даровитый молодой человек! О, это я, я во всём виноват, я просмотрел тебя! Беру всю вину на себя. О, Боже мой, вот до чего принуждена доходить наша талантливая молодёжь, из-за вины наших старых порядков и предрассудков! Но приди, приди на грудь мою, и — вместе со мною раздели пост мой и мы… и мы перевернём департамент!“»

И генерал пинает «неуловимого мстителя» сапогом в рожу.

848

← Предыдущее, следующее →

848. Примечание к № 835

Объектом философии являются проблемы принципиально неразрешимые. Именно поэтому ими занимается не наука, а философия. (к цитате)

Философ занимается рассмотрением вечных вопросов… Впрочем, это ещё надо посмотреть, кто кем занимается. Может быть, человек занимается философией, которая сама по себе не существует. А вот «вечные вопросы» существуют, и они разрешаются человеком. За счёт человека.

Если бесконечное есть объект исследования, вообще ОБЪЕКТ, то субъект — а он, конечно, конечный, конченный — неизбежно тоже превращается в ОБЪЕКТ. Часть может познать целое лишь в той степени, в какой она является его частью, или познать через свою динамическую бесконечность, данную в рефлексии-оживлении. Сам динамизм означает уже вовлечённость во время, в процесс. Связь становится взаимозависимой. Изучающий вечность изучается вечностью. Соприкасающийся с вечностью попадает в неё.

Человек, изучая нечто, включается в процесс ничтожества, чего-то конечного, унижающего его, превращающего в познавательную функцию. Это наука. Человек, изучая ничто (всё), становится чем-то. Это философия.

849

← Предыдущее, следующее →

849. Примечание к № 844

Что-то интуитивно злорадное в чеховских произведениях. (к цитате)

Вообще самое злорадное произведение в русской литературе — «Мастер и Маргарита». Одна смерть Берлиоза чего стоит! Или допрос Иешуа. Пилат говорит:

«Преступник называет меня „добрый человек“. Выведите его отсюда на минуту, объясните ему, как надо разговаривать со мной. Но не калечить».

«Объяснить, но не калечить». Тут вся эпоха России 20–30-х, особая русская злорадная ужимка в авторской фантазии, и — не буду тут объяснять, это и невозможно — тут русское отношение к Христу, русская любовь к этому образу. Совершенно особое отношение к личности Христа.

Булгаков, может быть, вершина русской литературы. На нём оборвалась литература внутри России. И на чём? На Главном Допросе: Пилат и Христос. Пилат Булгакова — это русский больной ум, разочарованный в мире и фатально связанный с темой Христа. Всё равно. Всегда.

850

← Предыдущее, следующее →

850. Примечание к № 844

Умные рассуждения оказались расслабленным дегенеративным лепетом, а фарс — сбылся. (к цитате)

Соловьёв в «Теоретической философии» следующим образом иллюстрировал «от противного» ход своей мысли:

«Но, следуя методическому сомнению, я должен ведь допустить нечто большее, — не только то, что я родился не в Москве и т. д., а ещё и то, что самой Москвы вовсе нет в действительности, что этот город со всеми улицами и церквями в ней, а равно и всё сословие священников и даже самый чин крещения — всё это существует только в моём сновидении, которое может сейчас же исчезнуть без следа: при такой мысли моё самосознание, конечно, должно сильно шататься, и необходимо является вопрос: да я-то сам — кто такой?»

А я кто? Где я? Как-то мне сон приснился, что мне снится сон, будто бы на Красной площади мавзолей стоит с мумией. Это показалось настолько ирреально…

851

← Предыдущее, следующее →

851. Примечание к с. 88 «Бесконечного тупика»

При благоприятных условиях распад культуры, повсеместный в современном мире, пошёл бы в России гораздо большими темпами и зашёл бы куда дальше. (к цитате)

Андрей Белый — это, за исключением Пушкина, пожалуй, единственный русский писатель, отозвавшийся на великую тему нашей истории — на романтику русской государственности. Его «Петербург» — произведение не только сатирическое, но и эпическое. И, может быть, главный его персонаж — это пушкинский Петербург, пушкинская Россия, «Русь уходящая».

Белый уже в самом начале романа, в прологе, звонко и радостно продемонстрировал тотальный идиотизм русской государственной мысли, под который, на котором и был построен Петербург и вся громадная монархия (и уже это обстоятельство привносит сюда ностальгическую и добродушно-всепрощающую нотку):

«Распространимся более о Петербурге: есть — Петербург, или Санкт-Петербург, или Питер (что — то же). На основании тех же суждений Невский Проспект есть петербургский Проспект.

Невский Проспект обладает разительным свойством: он состоит из пространства для циркуляции публики; нумерованные дома ограничивают его; нумерация идёт в порядке домов, — и поиски нужного дома весьма облегчаются. Невский Проспект, как и всякий проспект, есть публичный Проспект; то есть: проспект для циркуляции публики (не воздуха, например); образующие его боковые границы дома суть — гм… да… для публики. Невский Проспект по вечерам освещается электричеством. Днём же Невский Проспект не требует освещения.

Невский Проспект прямолинеен (говоря между нами), потому что он — европейский проспект; всякий же европейский проспект есть не просто проспект, а (как я уже сказал) проспект европейский, потому что… да…

Потому-то Невский Проспект — прямолинейный проспект».

И тому подобный чопорный бред. Если немец ходит лохматый

и небритый, с оторванными пуговицами и при этом беспричинно улыбается — ему надо обратиться к психиатру. Ну, а если русский вдруг ни с того ни с сего начинает ходить деревянным шагом, надевает наутюженные брюки и крахмальный воротничок, то тут держи ухо востро. Отечественный бред деятелен, созидателен. Поэтому и вообще деятельность по-русски носит элемент бредовости. Эта бредовость делает её проницаемой для «художества», и «поэзия» циркуляров переплетается с поэзией просто. Фигура Тютчева, поэта-философа и одновременно крупного чиновника, далеко не случайна. Более того, носителем эстетических идеалов в России являлось именно чиновничество (856). Русская профессура, например, была совершенно бездарна в художественном отношении («Русская мысль») и вполне удовлетворялась откровениями Писарева и Чернышевского. А Константин Петрович Победоносцев издал на свои средства том лучших стихов Пушкина и подарил экземпляр Александру III. В среде высшего русского чиновничества и самой царской семьи существовал настоящий культ Пушкина. Кстати, внук Николая I женился на внучке Пушкина, и таким образом роды Пушкиных и Романовых породнились.

Белый пронизал свой роман пушкинскими эпиграфами, темой «Медного всадника». Прототипом одного из главных персонажей, Аполлона Аполлоновича Аблеухова, является, как известно, Победоносцев. И, видимо, почти неосознанно автор, включая в контекст романа любовь Победоносцева к пушкинским стихам, вместо простого усиления ассоциации «Петербурга» с «Медным всадником», достигает крайне нехарактерного для русской литературы результата: внезапно открывается, что русская культура возникла не несмотря на русское государство и даже не благодаря ему, а просто культура и была этим государством, частью этого государства.

Аблеухов вспоминает погибшего друга-министра:

«Русь, Русь! Видел — тебя он, тебя! Это ты разревелась ветрами, буранами, снегом, дождём, гололедицей — разревелась ты миллионами живых заклинающих голосов! Сенатору в этот миг показалось, будто голос некий в пространствах его призывает с одинокого гробового бугра … образ ушедшего друга постоянно теперь сочетался в сознании со стихотворным отрывком:

И нет его — и Русь оставил он,
Взнесённу им…

… За приведённым стихотворным отрывком вставал стихотворный отрывок:

И мнится, очередь за мной…
Зовёт меня мой Дельвиг милый (870),
Товарищ юности живой,
Товарищ юности унылой,
Товарищ песен молодых,
Пиров и чистых помышлений, —
Туда, в толпу теней родных
Навек от нас ушедший гений».

И снова у Белого возвращение к этой теме через 200 страниц «Петербурга»:

«Да, да, да: они разорвали его на части: не его, Аполлона Аполлоновича, а другого, лучшего друга, только раз посланного судьбой; один миг Аполлон Аполлонович вспоминает те седые усы; зеленоватую глубину на него устремлённых глаз, когда они оба склонялись над географической картой империи, и пылала мечтами молодая такая их старость (это было ровно за день до того как) … Но ОНИ разорвали даже ЛУЧШЕГО ДРУГА, ПЕРВОГО МЕЖДУ ПЕРВЫМИ … Нет: брр-брр… Праздная мозговая игра. Лучше цитировать Пушкина:

Пора, мой друг, пора!.. Покоя сердце просит.
Бегут за днями дни. И каждый день уносит
Частицу бытия. А мы с тобой вдвоём
Располагаем жить. А там: глядь — и умрём…»

В конце романа Аблеухов (кстати, родившийся в 1837 г.) подаёт в отставку и снова вспоминает друга. И при этом возникает трагически щемящая нота ухода. Ухода целого мира императорской России в небытие. Мира Пушкина. «Петербург» — это последний крупный русский роман, написанный до революции. Аблеухов плачет, а в гаснущем его мозгу звучит:

На свете счастья нет, а есть покой и воля.
Давно желанная мечтается мне доля,
Давно, усталый раб замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

Но всё это сказано, а скорее, пропето, полубессознательно, случайно, за счёт вихляющей разболтанности авторского мышления. В центре повествования иные образы:

«Аполлон Аполлонович не волновался нисколько при созерцании совершенно зелёных своих и увеличенных до громадности ушей на кровавом фоне горящей России. Так был он недавно изображён на заглавном листе уличного юмористического журнальчика, одн-

ого из тех „жидовских“ журнальчиков, кровавые обложки которых на кишащих людом проспектах размножались в те дни с поразительной быстротой».

В целом образ Аблеухова явно пародиен, что явствует уже из его фамилии.

Белый — это тип пассивного русского гомосексуалиста. Вообще, русская культура «онанистична» (бредова) и «гомосексуальна» (внушаема). Русская душа мечтательна, отзывчива и женственна. Собственно говоря, почему «уши»? «Уши» Белому показали ребята:

— Ну-ка, иди сюда, дурачок, вон смотри, уши какие интересные. Ты их обыграй.

Хорошие ребята. Обогрели, водкой напоили, купили новые плисовые шаровары, косоворотку, фартук. «Обыграй уши!» Белый и обыграл. И Толстой тоже обыграл. Его Каренин тоже списан с обер-прокурора Победоносцева. И Лев Николаевич ничего кроме ушей не увидел:

«„Ах, Боже мой! отчего у него стали такие уши?“ — подумала она (873), глядя на его холодную и представительную фигуру и особенно на поразившие её теперь хрящи ушей, подпиравшие поля круглой шляпы».

И далее на глазах Каренина превращается в рупор для прямой речи Толстого:

«Она знала его привычку, сделавшуюся необходимостью, вечером читать. Она знала, что, несмотря на поглощавшие почти всё его время служебные обязанности, он считал своим долгом следить за всем замечательным, появлявшимся в умственной сфере. Она знала тоже, что действительно его интересовали книги политические, философские, богословские, что искусство было по его натуре совершенно чуждо ему, но что, несмотря на это, или лучше вследствие этого, Алексей Александрович не пропускал ничего из того, что делало шум в этой области, и считал своим долгом всё читать. Она знала, что в области политики, философии, богословия Алексей Александрович сомневался или отыскивал; но в вопросах искусства и поэзии, в особенности музыки, понимания которой он был совершенно лишён, у него были самые определённые и твёрдые мнения. Он любил говорить о Шекспире, Рафаэле, Бетховене, о значении новых школ поэзии и музыки, которые все были у него распределены с очень ясною последовательностью … „Всё-таки он хороший человек… — говорила себе Анна… — Но что это уши у него так странно выдаются!“»

Если Меньшиков вошёл в русскую литературу всё-таки весь

и даже с пальто-футляром, то у Победоносцева в литературе поместились одни уши. На этих зелёных ушах он летал нетопырем по страницам романов и повестей. Как писал Блок в «Возмездии»:

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простёр совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи,
А только — тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стеклянным взором колдуна;
Под умный говор сказки чудной
Уснуть красавице не трудно, —
И затуманилась она,
Заспав надежды, думы, страсти…
Но и под игом тёмных чар
Ланиты красил ей загар:
И у волшебника во власти
Она казалась полной сил,
Которые рукой железной
Зажаты в узел бесполезный…
Колдун одной рукой кадил,
И струйкой синей и кудрявой
Курился росный ладан… Но —
Он клал другой рукой костлявой
Живые души под сукно.

С каждой строчкой закручивается пружина закона железной русской оборачиваемости: совиные крыла, колдун, руки железно-костлявые… И вот щёлк — мгновенное распрямление и переворачивание реальности:

Весенним днём начала века обер-прокурора святейшего синода Константина Петровича Победоносцева повлекла по длинным и прямым петербургским проспектам неведомая сила. Изгибалась перспектива, странно вытягивалась вперёд сухопарая фигура. Свет меркл. В полубессознательном состоянии Победоносцев упал в море с купальных мостков возле Сестрорецка. Тяжёлое пальто потянуло ко дну. По счастливой случайности на совершенно пустынном берегу оказался прохожий, спасший тонувшего. Благородным спасителем оказался гипнотизёр Осип Фельдман.

Хорошие ребята!

852

← Предыдущее, следующее →

852. Примечание к с. 89 «Бесконечного тупика»

Жизнь отомстила Блоку. Он признал жизнь, и жизнь пришла к нему тяжёлой поступью командора. (к цитате)

В последний год жизни Блок несколько раз выступал в Москве и Петрограде с чтением своих стихов. Лишь однажды одной из поклонниц (Е. Павлович) удалось упросить его прочесть «Заклятие огнём и мраком». Но, как вспоминает Павлович:

«Строчка „Узнаю тебя, жизнь, принимаю“ прозвучала не радостно и открыто, а как-то горько и хрипло. Проходя мимо меня по эстраде, он мне сказал: „Это я прочёл только для вас“».

Умирая, Блок ругался по матери, разбил кочергой античный бюст. А когда умер и тело его положили в гроб — все ахнули. В гробу лежал двойник Самуила Мироновича Алянского (один из издателей Блока). Сходство было удивительнейшее…

Всё-таки в «Апокалипсисе» Розанов суть уловил:

«И вот ещё не износил революционер первых сапогов — как трупом валится в могилу. Не актёр ли? Не фанфарон ли?.. И где же наши молитвы? и где же наши кресты? „Ни один поп не отпел бы такого покойника“. Это колдун, оборотень, а не живой. В нём живой души нет и не было. О нигилистах панихиду не правят. Ограничиваются: „ну его к чёрту“… Россия похожа на ложного генерала, над котором какой-то ложный поп поёт панихиду. „На самом же деле это был беглый актёр из провинциального театра“».

«Балаганчик» это. Всю Россию превратили в балаганчик… А собственно говоря, почему? Ну, ходили они там друг к другу в гости, шутки, розыгрыши, пропивание гонораров. И вдруг на их узкие педерасьи плечи навалили имперскую пирамиду. «Вывози», «вперёд»… А что они могли сделать? Это были дети. Они игрались-игрались и заигрались (862). Доигрались. И себе жизнь перековеркали, и всё вокруг испоганили. А за ними нужно было следить, а их нужно было содержать. Им же к их же вреду дали державу в руки. (Кто дал и зачем тут тоньше всё и злонамеренней, но речь сейчас не об этом.) В кокоточью наманикюренную лапку — чугунный шар русской державы! А ведь всё

могло быть по-другому. Если бы их сделали содержанками, покупали им конфеты, помадки разные, духи. А они писали бы стихи, рисовали картины, сочиняли музыку. Получилось бы мило и благородно. Даже нравственно. Ну вот удивительно красивая и удивительно развратная женщина. Если она такая, то что же тут поделаешь? Каждому своё. Нужно и это. Но на СВОЁМ месте.

Понимали ли сами это? Чувствовали. В начале двадцатых по Петрограду ходили слухи о том, что детей будут отбирать у родителей для коммунистического воспитания. В семье Блока все этим возмущались. Однажды Блок слушал, слушал, а потом и брякнул: «А может быть, было бы лучше, если бы меня… вот так взяли в своё время…»

А их и взяли. Только не государство, не хороший господин из благородных, а преступники, сутенёры и воры. «Девочка попала в нехорошую компанию». Могла бы попасть и в «хорошую». Но не вышло.

И вот посмотрим с этой точки зрения на «уши Каренина». Если «Тихий Дон» называют советской «Войной и миром», то «Войну и мир» можно назвать масонским «Тихим Доном». Этот якобы исторический роман бьёт все рекорды по уровню грубейшей и вполне сознательной тенденциозности. Это всё же действительно крупное произведение, но не благодаря, а вопреки поставленной в его основание мировоззренческой концепции. Концепция тут швах, «немецкая диспозиция». Но сражение всё же выиграно. Пример русского сглаживания чудовищной первоначальной идеи. Пустим французов в Москву, а потом уже, оттуда вот, начнём воевать. Интересно, выправим или нет? Авось выправим. То же «Анна Каренина». Но «Воскресение» уже было испорчено непоправимо. Однако и тут можно было выправить. Просто толстовский гений был уже стар, стал уставать.

Иначе говоря, Толстому было всё равно, что писать, кому отдаваться. Точнее, он не мог не отдаваться, но хотел бы, конечно, отдаться поудобнее, поуютнее. Вот где скрытый смысл органической, не по заказу, женской злобы к Победоносцеву: почему ты меня не взял? А вот я пойду тогда назло в кабак. Русская государственная мысль прохлопала ушами нашу литературу. Она отнеслась к ней слишком серьёзно, слишком благоговейно (то есть не по-государственному, не по-хозяйски). А «цыплёнки тоже хочуть жить». И пошли на содержание к евреям, к масонам и иностранным разведкам. А вызвали бы их в известный момент в известное учреждение: так, мол, и так, Лев Николаевич, мы вам, русскому дворянину и офицеру, хотим доверить выпол-

нение важного и ответственного задания. Есть сведения, что английская разведка в подрывных целях поощряет повстанческое движение на Северном Кавказе. Необходимо дать соответствующее неофициальное разъяснение истинного положения дел. И вышел бы «Хаджи Мурат» без «позорных страниц» (по выражению Розанова) о Николае I.

Если бы за ними следили, чтобы не откусили градусник, не стянули на себя скатерть с самоваром. И это же крик отчаяния у Толстого, ключ ко всему его поведению (878). И не только его, а и всех талантливых русских, не знающих, куда этот талант несчастный сдать, чтобы получить взамен уютный домик с видом на церквушку и ма-аленьким садиком. А в саду чтобы лавочка была. И вот на ней сидеть с женой и смотреть на заходящее солнце. Розанов, величайший индивидуалист, смог это вырвать у жизни сам. Но это РОЗАНОВ.

Цветаева передаёт разговор с Белым в Берлине начала 20-х. Тот сказал ей:

«Самое главное — быть чьим, о, чьим бы то ни было! Мне совершенно всё равно — Вам тоже? — чей я, лишь бы тот знал, что я его, лишь бы меня не „забыл“, как я в кафе забываю трость…»

Их забыли. И в результате громадное историческое значение при полной неподготовленности к этому, полном отсутствии политического смысла и политического воспитания. И в результате — крах.

853

← Предыдущее, следующее →

853. Примечание к № 626
Ведь России в начале века сказали — умри. (к цитате)

Да ещё до этого сто лет говорили. Куда, дурак, в шапке пошёл? Какая у тебя шапка? Неправильная. «Мурмолка». А идёшь как? Чего переваливаешься? А это что у тебя? Рукавицы? Выбрось! Ребята, смотрите, у него лапти! Ух ти, господи! Вот мы как, в лаптях! Что, лапоточки-то крепкие? А ел что сегодня? Щи неправильные? Фуй! А блины? Жирные, скользкие, бр-р! И смешно: «русский ест блин» (дурак!).

За русским десять человек ходили и смеялись. Каждый шаг комментировался, передразнивался и высмеивался. Ну как же тут жить? Марсианин щупальцем указывает товарищу своему на сапиенса, смеётся: «Смотри, это „нос“ у него — ишь, чёрт, дышит им».

Вы возьмите юмористические журналы начала века. Ладно, что там в карикатурах осмеиваются сами сословия и профессии как таковые. Чиновник осмеивается за то, что чиновник, поп — за то, что поп, полицейский — за то, что полицейский. Это ещё ладно. Но в безобразные рваные мундиры с оторванными пуговицами и ржавыми «селёдками», заплатанные мешки-рясы и косорукие косоворотки одеты русские свиньи. Тут ненависть биологическая, животная. Везде варьируются пять-шесть русских типов с заботливо прорисованными скулами (868), щелеобразными глазками, аккуратно зауженными лбами и алкоголическими носами-картошками. Разве в английской, французской или немецкой карикатуре осмеивается собственный национальный тип? Так МОНОТОННО, так ПОСТОЯННО, как одна из основных, если не основная, тема? Ни тогда, ни сейчас.

Меня в детстве отдали тётке, которая меня не любила. Она и говорит:

— Спи на спине, а то искривление позвоночника будет. Вот свернёшься калачиком, а утром захочешь разогнуться и не сможешь. Так и будешь ходить горбатенький.

И я лежал часами, не мог уснуть. А в соседней комнате горел свет, тётка шила на машинке и через открытую дверь смотрела на меня: только попробуй свернись. А так хотелось! Я цепенел

под холодным одеялом, болела спина. Вот котёнка привязала бы к доске вдоль, чтобы он не сворачивался, дремля под батареей. Но кот стал бы орать. А русским доказали. Какой-то совершенно посторонний человек за червонец в «Здоровье» заметку написал, тётка прочла и стала меня «спасать».

В столетнем глумливом и со стороны русских совершенно бессмысленном вое сказались очень неприятные свойства нашего сознания. Во-первых, его вычурность, холодная неестественность, совершенно игнорирующая реальность, природное и естественное положение вещей (871) (что очень легко позволяет использовать русских: им только бросить два-три силлогизма, они отца родного зарубят). Во-вторых, способность русских к юродству, глумлению, травле. «Учёбе» других дубиной и дрекольем. Русский учитель — фигура страшная, фантасмагорическая. Это ещё хуже русского врача (так как русских врачей всё-таки мало и обращаются к ним в основном на склоне лет). Призыв Гиппократа «не навреди» для русского не существует. У него другой принцип: «помоги». При этом вопрос — а способен ли он оказать помощь? — даже не возникает. Мысль в голову ударила: этому вот руку отрезать — он режет. А потом забывает, зачем резал-то, и бросает в урну. Тут ещё и страсть к господству, объяснению. Разбору.

И всё-таки саму идею бросили не русские. У них и нет идей и быть не может. Это кто-то написал в «Здоровье», «помог».

854

← Предыдущее, следующее →

854. Примечание к с. 90 «Бесконечного тупика»

Набоков сказал: «Сумерки — какой это томный сиреневый звук». (к цитате)

Мне было 13 лет. Я лежал в больнице (860) и каждый день с неосознанным нетерпением ждал прихода раннего зимнего вечера. Садился на стол у окна — широкого, «дореволюционного», с тяжёлыми двойными рамами и большим подоконником. И смотрел, как городской пейзаж начинает сочиться сумерками. Что-то происходило с моими глазами — веки немножко опускались в полудрёме, и я растворялся в ласковом вечернем воздухе. Деревья в небольшом парке становились полупрозрачными, загорались золотые чешуйки реклам — бессмысленно и загадочно мигающих в окно, намекающих на иную, небольнично «европейскую» жизнь. Рядом с окном была дорога, и каждый день в сумерки по ней проходила вереница такси. И их уходящие в никуда, за угол, зелёные огоньки куда-то звали, звали. А по улице, всего в нескольких шагах шли люди. Они о чём-то говорили, смеялись. Может быть, впервые я увидел женщин, ощутил тоску по женщине здесь, у холодного зимнего окна. Частная, понятная тоска сливалась с тоской вообще. Эта тоска и одновременно органическая невозможность и нежелание что-либо изменить в этом быстро меняющемся плавном сумеречном мире остались на всю жизнь.

Женщины казались все какими-то необыкновенно красивыми, «европейскими» (864) в неверном свете люминесцентных ламп. А больничная палата была темна, только на потолке отражался свет фар от проезжающих машин. В этом вечернем свете было что-то неверное, эгоистическое, подчёркивающее мою одинокость, но одновременно и что-то порочно-загадочное, «иное».

Утро моего сознания началось с тоскливых сумерек (875). С тех пор я поднялся высоко. Мой ум поднялся высоко. Но странное дело, мне кажется, что существовал и осуществился я именно там, а не здесь, сейчас. ТОГДА я жил СВОЮ жизнь. Маленький Одиноков, сидящий у большого окна. Я смотрю на него с улицы: «Эх ты, дурачок мой». Он видит меня и молча отшатывается в темноту.

Увидел ли я тогда в сумерках тень вешалки, нависшую над всем моим будущим миром? Или, может быть, он увидел меня в будущем ещё более дальнем? — Не знаю. Мне не дано это увидеть сейчас, как не дано было тогда увидеть себя сегодняшнего. Пространственно-временной изгиб вынес меня будущего по другую сторону стекла. Я растянут во времени, но совсем не уничтожим в нём, и, пока жив, я могу изогнуть тоннель своей жизни дугой и посмотреть на другого себя из другого времени.

Сумерки, чувство сумерек — это предчувствие моей будущей жизни, а отшатывание — боязнь определённости, фатальности. Или неприятие будущей жизни, отказ считать её своей. Маленький Одиноков не хочет, чтобы я был таким, чтобы я получился таким. Но я таков, и ничего тут не поделаешь. ПРОПАЛА ЖИЗНЬ (883). Какую кошмарную, сумрачную жизнь я прожил. Зачем? За что? А зачем? Расширяющаяся пустота этих слов — прободение пространства. «Зачем». «А-а» — раскрывается чёрно-красное нёбо — «зачем» — щелкает в мозгу, когда в мгновение ока всё забывается и я просыпаюсь, упав с кровати на пол. Я хочу слезть с кровати, но у пола нет края, я ползаю по нему. Азачем, азачем, азачем. Пустите меня. Русский язык, миленький, отпусти меня.

855

← Предыдущее, следующее →

855. Примечание к № 837

Розанов писал: «…Без молитвы — безумие и ужас». Не хочу, не могу комментировать это… (к цитате)

Нет, всё-таки немного постараюсь. Розанов ещё писал и следующее:

«Мне и одному хорошо, и со всеми. Я и не одиночка, и не общественник. Но когда я один — я полный, а когда со всеми — не полный. Одному мне всё-таки лучше. Одному лучше — потому, что когда один — я с Богом. Я мог бы отказаться от даров, от литературы, от будущности своего я, от славы или известности — слишком мог бы; от счастья, от благополучия… не знаю. Но от Бога я никогда не мог бы отказаться. Бог есть самое „тёплое“ для меня. С Богом мне „всего теплее“. С Богом никогда не скучно и не холодно. В конце концов, Бог — моя жизнь. Мой Бог — особенный. Это только мой Бог; и ещё ничей. Если ещё „чей-нибудь“ — то этого я не знаю и не интересуюсь. „Мой Бог“ — бесконечная моя интимность, бесконечная моя индивидуальность… Так что Бог и моя интимность и бесконечность, в коей самый мир — часть».

Совершенно такое же чувство, умонастроение. Но в отличие от Розанова небольшая коррекция: «Бога нет». То есть как философ я, конечно, понимаю, что Бог есть (собственно, такое понимание — непременное условие для любого философствования). Но это вообще, «умозрительно». Именно ИНТИМНО Бога для меня не существует. При максимально интимном отношении к миру. То есть «бесконечная моя интимность, бесконечная моя индивидуальность» НЕ СУЩЕСТВУЕТ. Описать смысл этого, последствия этого для моей жизни невозможно. Возможно в виде грубой, неубедительной риторики. Вы видите кривляющегося от боли человека, но не видите, что пальцы его прищемило железной дверью. — Шут. Суть, сердце попало под дверь. Впрочем, уже риторика (891). Действительно, лучше умолчать…

856

← Предыдущее, следующее →

856. Примечание к № 851

носителем эстетических идеалов в России являлось именно чиновничество (к цитате)

Чиновники — «за бумагой человека не видят». Так это и есть писатели! Писатель — чиновник в его развитии (859), содержательный чиновник, бюрократ содержания. А читающая публика в России, костяк её? Да, конечно, чиновничество. Не крестьяне же, не купечество. Дворянство вольное по усадьбам — какие уж тут книги. Так, иногда разве. Не то настроение — чтение занятие городское. Военные — тоже не до этого. Студенты с их полуштофами, кастетами и брошюрами — куда им. Дай Бог учебник перед экзаменом пролистать. Вот и выходит, что костяк читающей публики — чиновничество. Привыкшее к бумагам, письменной речи, печатному слову. Гоголя читали Акакии Акакиевичи. О чём Достоевский и сказал. Его Макар Девушкин в «Бедных людях» читает «Шинель». И читает именно с чувством, что это про него написано. Тут вовсе не насильственный литературный приём, а, пожалуй, определённый символический образ русской читающей публики.

857

← Предыдущее, следующее →

857. Примечание к № 841

«Это какая-то сплошная комическая маска, это какая-то карикатура на человека и грека, это вырождение…» (А. Лосев о Сократе) (к цитате)

Сократ был отличным воином. А что такое война в античности, да ещё в маленькой, карманной Греции? Всё очень просто, кристально. В одной руке щит, в другой меч или копьё. А под щитом человек голенький. А сзади, за спиной родной город — небольшой, все друг друга знают. И рядом твои дети и твоя жена, родители смотрят, как ты за них сражаешься. И Сократ, «карикатура», стоял насмерть.

Лосев не философ, а историк философии, и не чувствует, что философия гораздо страшней и серьёзней. Это прежде всего определённый строй жизни. И Розанов тоже был гораздо серьёзней, гораздо сосредоточенней, чем это представлялось Лосеву (863). Он писал:

«Форма: а я — бесформен. Порядок и система: а я бессистемен и даже беспорядочен. Долг: а мне всякий долг казался в тайне души комичным, и со всяким „долгом“ мне в тайне души хотелось устроить „каверзу“, „водевиль“ (кроме трагического долга)».

У Розанова был ТРАГИЧЕСКИЙ ДОЛГ. Вообще философ без «трагического долга» невозможен.

Философы в чём-то очень близки военным людям. Не случайно Сократ — первый философ, символ философии — был хорошим солдатом. А Марк Аврелий, римский император, полководец? Единственный случай в мировой истории, чтобы глава государства был одновременно гениальной личностью. И характерно, что Аврелий был именно философом, а не писателем, художником, музыкантом. Характерно также, что философия никоим образом не мешала ему, скорее, наоборот. Это один из наиболее удачных правителей Римской империи. Конечно, не случайно, что и самый философичный народ Европы — немцы — одновременно являются и самым воинственным народом. Даже Ницше, несчастный затворник, участвовал во франко-прусской войне и с удовольствием сфотографировался в военной

форме с обнажённой саблей в руках. Другой вопрос, что он чуть не сошёл с ума от вида раненых, и вообще в реальной жизни не мог «властвовать» даже над котёнком. Я тему «Ницше и котёнок» только так могу себе представить: котёнок написает, а Ницше ему: «Ты это, гм-гм, того… батенька, не того… нехорошо, брат». Ницше написал: «Когда идёшь к женщине, не забудь взять с собой хлыст». Однажды на каком-то вечере к нему подошла женщина и попросила объяснить это выражение. Он страшно испугался, пролепетал, что это следует понимать «фигурально», и, красный, выбежал вон… Но это не важно. Важно, что он, как и любой военный, был помешан на теме власти и смерти. Это — в центре всего, стало профессией. Философы самые агрессивные, воинственные люди. В общении у них есть нечто глумливое, циничное. Как и у военных. Для тех все окружающие слабаки, «шпаки». А философ живёт в мире дураков. Но когда дело доходит до серьёзного — тут шутки в сторону.

И философ, и военный — это самые антисоциальные профессии (865): жги, грабь, убивай, издевайся, глумись. «Ломать не строить». Место военного в казарме, философа — на необитаемом острове, в тюрьме, в психиатрической больнице. Но без них тоже нельзя, всё рушится. Эти категории для ради важности держат и чтобы другие боялись. Но в уродливые, искажённые времена эти люди оказываются самыми прямыми, честными и «полезными».

858

← Предыдущее, следующее →

858. Примечание к № 824

Вроде бы есть философия, а по-настоящему и нет её. (к цитате)

Еврей не может быть философом. Еврей может быть историком философии, или науковедом, или софосом-мудрецом, но собственно философом — никогда. Евреи боятся философии. Почему? Потому что они боятся смерти.

Розанов писал:

«Смерть — так же метафизична, как зачатие. Это — другой полюс мира, чёрный, противолежащий белому полюсу — обрезанию. Евреи отвратительно хоронят своих мертвецов, бросая их в землю и с ужасом убегая; о смерти, как „таинстве“, — ничего в Библии; „смерть“ в Слове Божием — только наказание. Христианство „смерть“ преобразовало в гроб… Как „Гроб“ есть преобразование смерти „в поэзию“, так монастырь есть преобразование „гроба“ в целую цивилизацию — поэтически-грустную, меланхолически возвышенную. Смерть — секунда, удар; гроб — уже сутки и даже трое суток, наконец, сорокоуст молитв и „воспоминаний“; монастырь уже обнимает всю жизнь. Таким образом, „секунда ужаса“, метафизическая, какую не перенести человеку — как бы размазалась кисточкой на пространство годов, жизни».

Но вообще арийская культура и до христианства занималась «размазыванием смерти». Разве «Федон» не есть такое «размазывание» смерти Сократа? Розанов и писал далее, что любовь к смерти вызвала любовь к потустороннему, любовь к идеализму, миру «фантомов», теней. Конечно, христианство здесь лишь зафиксировало тенденцию гораздо более древнюю.

Мысль еврея скользит, ищет спасительной зацепки в трещинах расстрельной стены (861). Он распластывается, стелется по стене, целует её, вдыхает запах влажных багровых кирпичей. Ариец вместо стены видит окно. Куильти под дулом набоковского пистолета шметтерлинком ускользает от смерти, не может её осознать. Он слеп, не видит, не может увидеть смерть. Русский не может увидеть жизнь. У него самовар погас, а он говорит о гибели вселенной (Федька Каторжный в «Бесах»). Это тоже неспособность к философии. Полное отсутствие введений. Одна

суть. Всё превращается в философию, и, следовательно, всё рассыпается в ничто. Всё начинается у русских не с введения, а, хехе, с заключения.

859

← Предыдущее, следующее →

859. Примечание к № 856

Писатель — чиновник в его развитии (к цитате)

Кюстин писал:

«Когда я говорю русским, что их леса истребляются беспорядочно и что им грозит остаться без топлива, они смеются мне в лицо. Они высчитали сколько десятков и сотен тысяч лет потребуется для того, чтобы вырубить лес, покрывающий огромную часть страны, и вполне удовлетворены такими статистическими выкладками… Между тем уже заметно обмеление рек, причина коего лежит в хищнической рубке деревьев вдоль их течения и в бессистемном сплаве леса. Но русские довольствуются пухлыми папками с оптимистическими отчётами… Можно предвидеть, что настанет день, когда им придётся топить печи ворохами бумаги, накопленной в недрах канцелярий. Это богатство, слава Богу, растёт изо дня в день».

Русские переписали леса, а потом их исписали. Бумагу же списали на дрова. «Здравствуй, страна героев…»

860

← Предыдущее, следующее →

860. Примечание к № 854
Мне было 13 лет. Я лежал в больнице (к цитате)

Пребывание в больнице, первый раз в 13 лет, а второй в 14, явилось первым опытом одиночества — индивидуального, предоставленного себе существования. Это был нужный и важный опыт. Удивительное чувство — мне кажется, что моя жизнь кем-то необычайно хорошо продумана и предусмотрена. Всё в ней в конечном счёте получается соразмерно, ритмично (867) и как-то всегда «вовремя». Интересно, что мой отец родился в первый год двенадцатилетнего цикла — в год крысы. Мать родилась тоже в год крысы, но на 12 лет позже. А я родился ещё через 24 года, то есть снова в год крысы. Мне кажется, моя жизнь очень последовательна. В некоторых пунктах она ужасна, но чего в ней нет, так это хаоса. Она закруглена и повторяема.

В первый же день пребывания в больнице мне решили делать операцию. Меня вымыли, раздели, уложили на каталку и укрыли белой простынёю. А потом что-то не получалось у них там, и я минут 30 лежал в коридоре. Лежать было неудобно, жёстко и навзничь. Я честно смотрел вверх и думал: как странно, сейчас меня усыпят и я потеряю сознание, а может быть, умру. И больше ничего не будет. Это вот ВСЁ. Или всё будет хорошо, и пройдёт время, и я буду всё это вспоминать как нечто положительное, интересное. Ведь это, пожалуй, единственное необычное событие в моей жизни. И при этом спокойное отстранение, хотя била дрожь — чувство убийственной обыденности. Мимо шли санитары, смеялись. Мысли как-то рас-траивались. Потолок был высоко-высоко. Стены в зелёной краске, а потолок серый, и там горела тусклая, но аккуратная (в матовом колпаке) лампочка. Я лежал голый под саваном, было холодно, и думал. Сознание было очень ясное, и, пожалуй, в этот момент я начал выламываться из детства. Это один из первых проломов во взрослый мир. С тех пор у меня болезненное пристрастие к тусклым, «чёрным» лампочкам.

861

← Предыдущее, следующее →

861. Примечание к № 858

Мысль еврея скользит, ищет спасительной зацепки в трещинах расстрельной стены. (к цитате)

Еврейский аксиоматический ум не философичен. Он слишком привязан к закону, норме, обычаю. Но одновременно, из-за «внутридогменного» волюнтаризма возможна парафилософия. Даже неизбежна. Еврею необходимы основания. Но не поиск оснований, а привязка к основаниям. У-верение.

862

← Предыдущее, следующее →

862. Примечание к № 852
Они игрались-игрались и заигрались. (к цитате)

Серебряный век уже насквозь персонажен. Люди занимались проживанием своей жизни. Крайне важен был образ поэта или писателя. Поэтому пьяные скандалы или альковные трагедии всячески раздувались до размеров мировых катаклизмов. В широких масштабах технология имиджа была апробирована на истории с женитьбой Блока. Здесь уже видны все составные элементы: сметающий всё на своём пути девятый вал рекламы, использование кощунственно-пародийной фразеологии, подробное описывание до неузнаваемости стилизованных «чуйств» и, наконец, очень сухое и деловое включение в рекламную кампанию, то есть торговля своим чувством, проституция. При этом нравственная деградация была замедлена потерей реальности, ощущением себя персонажем. (Между собственно проституткой и актрисой, играющей проститутку на сцене, всё же существует некоторая разница.)

Характерен пышный расцвет театра и театрально-декоративного искусства в начале века. Балет, опера, драма, цирк, стилистика маскарада и массовой культуры — всё это свидетельствовало о заигрывании, погружении в театральное действо.

Именно в этот период впервые в русской истории (если не считать наивного начала XIX в.) получила широкое развитие масонская мифология. Привлекал театрально-декоративный характер масонства, эстетика тайных эмблем и капюшонов. Об этом неплохо сказано в «Самопознании» Бердяева:

«В этой атмосфере было много бессознательной лживости и самообмана, мало было любви к истине. Хотели быть обманутыми и соблазнёнными. Терпеть не могли критики. Все захотели быть приобщёнными к истинному розенкрейцерству… И молодые девушки влюблялись в тех молодых людей, которые давали понять о своей причастности к оккультным обществам, как в другие годы и в другой обстановке влюблялись в тех молодых людей, которые давали понять о своей причастности к центральному революционному комитету. Эротика всегда у нас окрашивалась

в идеалистический цвет. В 30-е годы она носила шеллингианский характер, в 60-е нигилистический, в 70-е народнический, в 90-е марксистский, в начале XX века она приобретала окраску „декадентскую“, в десятые годы XX в. она делалась антропософической и оккультистской. Это явление смешное, в нём обнаруживается недостаточная выраженность личности, но оно свидетельствует о русском идеализме».

Сей «идеализм» выражался в постоянной идеологической стилизации принципиально неиделогизируемых вещей. В результате идеальная жизнь общества очень грубо просачивалась в реальность. Идеи импортировались с Запада и становились модой. Став же модой, они незаметно переплетались с модной одеждой или мебелью. Томик Гегеля и портсигар становились явлениями одного порядка. При этом не только Гегель воспринимался на уровне портсигара, но и портсигар на уровне Гегеля. Чтение Гегеля самым прямым образом сказывалось на состоянии портсигароделательной промышленности, а курение сигар напрямую влияло на изучение Гегеля в университетах. Это можно назвать крайним идеализмом, крайним материализмом, крайним эклектизмом, крайним примитивизмом. По-моему, точного названия этому вообще найти нельзя. Я бы так сказал: это крайнее сбывание и крайняя стилизация.

Русская литературочка начала потихохоньку сбываться (866). Перед концом чрезвычайное значение приобрела тема смерти на сцене, тема красивой смерти, сладкой смерти, порочной смерти. Некрофилии. Театрализованная, карнавализованная декадентщина с её пляшущими скелетами и покойницами. Тема тлена, эстетики умирания, мёртвых красавиц и оживших мумий. Это осуществлённый онанизм, попытка вырваться в реальность. Это осуществление «программы» Гоголя — первого русского драматурга. Не случайно, что его стали более-менее адекватно понимать именно в эту эпоху.

Дело, конечно, не в импортированности нашей литературы. Это лишь частность. Суть в том, что русские религию заменили литературой. То есть неким мифом. Мифом принципиально антимифологическим: «натурализмом», «реализмом». Реальность стала Богом (884). Причём не собственно реальность, а то, что подразумевалось под реальностью. Это дико, но Гоголя (Гоголя!!!) считали РЕАЛИСТОМ. Он и был таковым, но с точки зрения максимальной степени материализации, реализаций элементарных и, следовательно, ещё поддающихся этому фантазий.

И всё сбылось. Мифы осуществляются (894). Конечно, тут и более высокая трагедия, трагедия слишком христианского об-

щества, монотонно христианского, и чисто, высоко христианского, с лишь рудиментарной бесовщиной. И бесовщину литература совершенно неожиданно для себя и создала, выполнила функции давно потерянного языческого коррелята. Поэтому и напряжённый интерес к литературе — тянуло на сладенькое, вкусненькое, запретненькое. Тёмненькое. «Бозецкое» — ну ладно. А черти-то как? Тоже ведь интересно.

И поправить ничего нельзя. Всё обречено, фатум. Чем глубже вдумываешься, тем отчётливее понимаешь, что это всё предопределено. И индивидуальная вина и является лишь индивидуальной виной, а ни в коем случае не виной метафизической. Ничего не зависело от злой воли или ошибки отдельной личности.

Ну кто же виноват в том, что сам характер русской литературы «не тот»? Может быть, по своей сути русская литература, дополняющая монастырскую Русь, должна была быть преимущественно «ветхозаветной», содержательной. А она по сути «новозаветна» (то есть не дополняющая, а вытесняющая): абстрактно асексуальная и морализаторская. Не даёт мясца душе, не удовлетворяет и одновременно истерически взвинчивает душу (заслоняя при этом церковь). Онанисты. Целомудрие дополнила не нормальная половая жизнь, а онанизм. Уже сам по себе выбор литературы как духовной скрепы общества странен, онанистичен. Да и характер выбранной литературы, в свою очередь, тоже.

863

← Предыдущее, следующее →

863. Примечание к № 857

Розанов … был гораздо серьёзней, гораздо сосредоточенней, чем это представлялось Лосеву (к цитате)

Ту же ошибку совершил Бердяев. Отнюдь не философ, а лишь философствующий публицист, он совсем не понимал Розанова:

«Напрасно Розанов взывает к серьёзности против игры и забавы. Сам он лишён серьёзного нравственного характера, и всё, что он пишет о серьёзности официальной власти, остаётся для него безответственной игрой и забавой литературы».

Но Розанов умер через три года. Умер строго и мужественно. Он лежал в холодной комнате, слабый, полупарализованный старик, укутанный шалями и шубами, с надетым на голову смешным и жалким розовым капором (не было шапки). Флоренский хотел его исповедовать, а Розанов сказал:

«— Нет… Где же вам меня исповедовать… Вы подойдёте ко мне со снисхождением и с „психологией“, как к „Розанову“… а этого нельзя. Приведите ко мне простого батюшку, приведите „попика“ самого серенького, даже самого плохенького, который и не слыхал о Розанове, а будет исповедовать ГРЕШНОГО РАБА БОЖИЯ ВАСИЛИЯ. Так лучше».

И потом, уже коченея, прочёл Символ веры. Прочёл до конца и умер.

Дай Бог каждому такой смерти. Умирать в полном сознании такому огромному «я» и так просто, спокойно. Чисто.

Бердяев писал всё в той же статье:

«Нет ни единого звука, который свидетельствовал бы, что Розанов принял Христа и в Нём стал искать спасение… Православие так же нужно для русского стиля, как самовар и блины».

Вообще Бердяев писал, что русские интеллигенты-атеисты ближе к христианству, чем Розанов, что… Да что говорить… Бердяев считал, что вплоть до «Опавших листьев» Розанов даже «не удосуживался подумать о смерти».

Розанов же в 13 лет думал о смерти так, как Бердяев никогда в жизни.

← Предыдущее, следующее →

864. Примечание к № 854

Женщины казались все какими-то необыкновенно красивыми, «европейскими» (к цитате)

Именно потому, что русские живут на границе с Азией, они её и ненавидят. Ошибка славянофилов в их восточничестве, выродившемся в 20-е годы в анекдотическое «евразийство». А русские именно за счёт своей «татарщины» очень ценят европейский, светлый, свободный от азиатского уродства и бесформенности тип. Как Хомяков восхищался Англией. И как Бунин писал об антисоциальности всего русско-азиатского. «Чудь», «меря». Для Запада это экзотика, а русский эту экзотику ежедневно на своей шкуре чувствует; Азия своей узкоглазой рожей лезет к нему в комнату из коммунального коридора. Русские всегда испытывали ненависть к азиатам. «Незваный гость хуже татарина». И до татар спасительная ненависть к «идолищам поганым», к кипчакам, половцам, хазарам. Чурки, чучмеки, чукчи…

И с такой вот точки зрения у самих русских во внешнем облике чего-то не хватает. «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича». И непонятно, чего именно. Только когда русский выезжает в Европу, он видит «чего». Русский тип, но доведённый до конца, — вот европеец. Отточенная громада германского черепа, французское изящество, английское благородство. Конечно, в этом нет чего-то милого, заспанного, азиатинки начинает не хватать. Но если побыть в Европе немного, то потом эти лица, отдельные типы, выхваченные в толпе, будут дома как прекрасная сказка восприниматься.

Это не значит, что в Европе нет некрасивых людей или их некрасивость менее резко выражена. Например, у скандинавов есть некий определённо неандертальский тип. Но несколько вариаций, «сюжетов», переплетение которых и составляет внешний облик нации, здесь завершены. То есть тот же неандертальский тип, если выстроить линию просветления, окончится каким-то божественным ликом. В русских эти линии не прослеживаются до конца. На дегенеративном конце они утопают в монголоидности, а высшего окончания просто нет — оно обрывается на предпоследней ступени. Есть, конечно, отдельные русские

лица, удивительные по красоте и воспринимаемые именно как русские лица, так что нет ощущения их инородности. (Например, я именно так воспринимаю лицо своего дяди Георгия.) Но всё же они не образуют некоего высшего ТИПА. И то, что им называют, это тип скандинава, немца, даже грека, но не русского. У русских нет своего лица (872).

Любопытно отношение европейцев к нашей внешности. Всегда ощущение русской второсортности, «немножко испорченности» и (в лучшем случае) «кто бы мог подумать». Увы, даже в столь элементарном смысле любовь русских к Европе будет всегда однонаправленной и, следовательно, двусмысленной — смесь понятной европейцам зависти с совершенно непонятной светлой грустью и самопожертвованием («эх вы, жизни не знаете, а Азия вот она — смахнёт всю красоту с планеты и из ваших таких удобно-глубоких черепов кумыс пить будет»).

865

← Предыдущее, следующее →

865. Примечание к № 857

И философ и военный — это самые антисоциальные профессии (к цитате)

Вершины античная философия достигла в учениях Платона и Аристотеля. Но это ведь в хронологическом отношении почти самое начало. Чем же занималась античная мысль на протяжении ещё восьми веков? Конечно, мельница логоса крутилась не вхолостую: решалась задача огромной важности — задача соотнесения опыта чистого мышления (зловещего и человеконенавистнического) с опытом повседневной обыденной жизни. Весь стоицизм был на этом построен: как жить философу в миру? Ведь в платоновских Афинах произошло событие далеко не безобидное (885). Там была рождена философия. Философия и философы — новая, неслыханная порода земных существ. На арену истории вышел профессиональный мыслитель. А кто такой профессиональный мыслитель? Человек, который на порядок умнее окружающих, человек, который самим своим бытием ежеминутно, ежесекундно унижает. Вот, предположим, поэт. «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон», это простой смертный. Тоже писатель, художник, учёный, артист (артист, эта карикатура на философа, правда, не совсем). А философ всегда философ. Поскольку он человек, он не может быть вот сейчас философом, а через минуту нефилософом. И как он общается с людьми, человек, потративший годы на овладение интеллектуальным карате? Чуть кто заикнётся, варежку откроет, и философу уже вся мысль ясна, он знает её окончание и её туманное для самого говорящего начало. Общаться в результате не с кем. (Разве что с другим философом.) Общаться, пожалуй, и можно. По типу: «Вот мне скучно… Плеснул в ладоши… Выскочил рассудок-холоп. — Потешь меня, раб верный. Взял он собеседника за белы руки, вывел во двор, да и поиграл, как с мышью кошка». Конечно, с другой стороны всякий философ понимает всю ограниченность доставшегося ему человеческого разума. Но смирением тут и не пахнет, так как всякий же философ отлично видит, что окружающие границ разума совершенно не осознают. Философ живёт не только в стране дураков,

но и в стране слепых, несчастных безумцев, даже не догадывающихся о своём уродстве. И вот человеческая мысль несколько столетий вырабатывала механизм адаптации к реальному миру. Как БЫТЬ философом. Прикоснуться к обжигающему логосу и не сгореть, не покончить с собой, и одновременно не обжечь других, не поджечь мир. Вырабатывалась соответствующая культура одиночества и культура смирения, покаяния (892). Последнее стало прерогативой христианства, удивительная особенность которого заключается в том, что подвижник, святой не возносится над людьми, а скорее наоборот, спускается к ним. Священнику человек интересен. Философу интересен он сам. Религиозная мысль чрезвычайно облагородила философию. Паскаль ничего нового не сказал по сравнению с античными мыслителями. Даже хуже — считал себя учеником Монтеня, а Монтень был всего лишь прилежным читателем древних. Но зато монах Паскаль благороднее и человечнее Платона. (Но как ужасна его личная жизнь, вериги, сумасшествие.)

866

← Предыдущее, следующее →

866. Примечание к № 862

Русская литературочка начала потихохоньку сбываться. (к цитате)

Из переписки Достоевского:

«Вчера, когда я спал, приходил (человек) от Вольфа с требованием 25 экземпляров „Бесов“ и оставил бумажку, то есть требование… Значит бесочки-то опять пошли и ведь без малейшей (рекламы)…»

Хе-хе…

867

← Предыдущее, следующее →

867. Примечание к № 860

Всё (в моей жизни) получается соразмерно, ритмично (к цитате)

В детстве я сильно тосковал по старому дому — казалось, всё плохо стало именно потому, что уехал оттуда. Тоска эта — чистый звук флейты. Он становился всё громче, всё тоскливее. А в 13 лет меня положили в больницу — операция пустяковая, аппендицит, но сделали её бесплатно и у меня началось осложнение. Рана нагноилась, стала сочиться кровью. Случилось это в воскресенье, и в больнице врачей не было, только медсестры. И они стали мне там что-то в животе без наркоза резать. Одна резала, а другая полотенцем мне рот затыкала, чтобы я не кричал. От страха и боли я орал пронзительно громко, по-звериному. В больнице была какая-то реконструкция, и в отделении, в котором я лежал, поместили дефективных детей. Среди них был один идиот, постоянно воющий. Меня после привезли на каталке, а в палате ребята говорят: «Одиноков, ты не слышал, тут идиот этот за стеной так ревел».

Это уже труба органная подключилась. Потом сломанная рука — уже не просто физическая боль, а подлость — ещё труба. Вешалка — ещё. Болезнь и смерть отца — ещё. Издевательский аттестат, любовь, а точнее, её отсутствие, работа на заводе — и так пошло, пошло по регистрам. А потом ещё несколько труб включилось, и мелодия стала уходить в бесконечность. Казалось бы, всё уже, хватит, а тут новый, ещё более резкий тон, поворот, коленце. В результате я получился очень ритмичным человеком, моя жизнь сложно ритмически организована. Конечно, каждый конкретный тон немного плывёт, немного смещён. Но в целом это нечто очень серьёзное. Что извне не видно, так как воспринимаются из мира лишь отдельные ситуации, а во мне, в моей личности только всё перекрещивается в единую мелодию и очень глубоко и сильно организует моё «я». Так по пустякам, по пустякам набирается, хе-хе, трагедия.

868

← Предыдущее, следующее →

868. Примечание к № 853

Везде варьируются пять-шесть русских типов с заботливо прорисованными скулами (к цитате)

Леонтьев писал:

«Живописцы наши выбирают всегда что-нибудь пьяное, больное, дурнолицое, бедное и грубое из нашей русской жизни. Русский художник боится изображать красивого священника, почтенного монаха (хотя они есть, и художник даже ВИДЕЛ их); нет! ему как-то легче, когда он изберёт пьяного попа, грубого монаха-изувера. Мальчики и девочки должны быть все курносые, гадкие, золотушные; баба — забитая; чиновник — стрекулист; генерал — болван и т. п. Это значит РУССКИЙ ТИП».

«Это тот комизм, который любят дети: привязать или приколоть бумажку на спину кому-нибудь и радоваться».

Константин Николаевич на один пункт не обратил внимания. В галерее социальных уродов вы не найдёте художников. Автопортреты — монументальны. Изображения художников — хочется перед ними снять шапку и поклониться. Умнаи! Ай, умнаи рускаи!

869

← Предыдущее, следующее →

869. Примечание к № 132
«Пошутил, значит. Ну-ну…» (к цитате)

Куда ж ты полез, следователь? На гения допросов? Думаешь — всласть покуражусь, поиздеваюсь над ним: «Ты тут пишешь про допросы, ну и получишь их, зайчишка во хмелю». Но, попавший в замкнутый мир, кто ты? — лакей, ничтожный лакей мой. Буду тобой шнурки завязывать. Я погиб. Я и писал так. Ильича не простят, Ильич милый выручит.

Всегда испытывал ненависть к самоубийству. Отец напряжённо думал об этом, когда узнал о своей обречённости. Но сам не мог и не хотел. И перед смертью молил не самому чтобы, а чужими руками.

Сократ перед смертью говорит:

«Пожалуй, совсем не бессмысленно, чтобы человек не лишал себя жизни, пока Бог каким-нибудь образом его к этому не принудит, вроде как, например, сегодня — меня».

Конечно, жизнь сама убьёт. Надо только немного поправить, немножко помочь. Сократ — первый режиссёр своей судьбы. Подчинивший судьбу своей воле, замкнувший мир в микрокосм.

Даже если грубая провокация не удастся, всё равно с последней точкой «Тупика» жизнь моя замкнётся и погаснет. Я превращусь в персонаж — нечто неотъемлемое от определённого сюжета. Жизнь превратится в сюжет, всё ничтожно сбудется.

Осознав свою ничтожность, я мечтал о несчастной любви. Мне хотелось встретить её, я успокаивал себя тем, что у каждого человека должна быть любовь, пускай несчастная и несбывшаяся. Точнее, несчастная, но сбывшаяся. На тысячи ладов я представлял себе сначала холодный гнев и презрение, а потом ещё более обидное равнодушное участие, холодную и брезгливую жалость. Но всё равно это — рука, насмешливо комкающая моё письмо-признание, — даже это было так хорошо, светло. Всё получалось, жизнь получала осмысленность. Возникало светлое, необидное прошлое, несчастная, но достойная «личная жизнь».

Но я совершил наивную русскую ошибку, «ошибку Леонтьева». Недооценил злорадства судьбы. Не было ничего. Евгений Лео-

нов собрался выступать в роли Ромео, уже предвидел свист и хохот, будущую «неудачу своей личности», тем большую, чем искреннее и проникновеннее будет произносить он вечный монолог из чужого амплуа. Но получилось ещё хуже, ещё злораднее. Его так и не вызвали на сцену; он сидел в полутёмной гримёрной и рыдал. Краска щипала глаза, текла по лицу; было душно и глупо.

Набоков вспоминал, что он в 17 лет ещё никого не любил, но уже спокойно знал о будущей, ждущей его светлой любви. Хотя, заметил Набоков, было всё же тоскливо.

В 17? Разве это «ожидание»? А вот в 18? И всё тянется, тянется. Пустое, тусклое одиночество. А тут 19 лет. Потом 20, 21, 22. Почти каждый день кончается одинокими слезами. И праздники — Новый год, день рождения — уткнувшись в подушку. А тут 23, 24, 25, 26, 27. Молодость проходит, уже прошла. И наконец всё сбывается, но в виде дешёвого «Тупика», когда сокровенная тайна личности, её трагедия выбалтывается первому встречному-поперечному читателю просто так. То, что мечталось как выговаривание перед сочувствующим и жалеющим человеком, внешне чужим, но внутренне, в моем мире, абсолютно близким и родным, превращается в лучшем случае в «рассказ об Одинокове», бормочущийся в скучном сумраке пригородного полустанка случайному знакомому.

Всё сбылось. Всё, по крайней мере достаточно значительная часть, сказана. Теперь делиться не только не с кем, но и нечем. Персона обернулась персонажем. Книга эта — злорадство, тупик, петля на моей шее, итог моей несостоявшейся жизни.

А ведь могла же она состояться. Гоголь писал, что сбоку Павел Иванович Чичиков был похож на Наполеона. Вот и жизнь моя в одном из миллионов возможных ракурсов, хотя бы в одном единственном, могла бы стать Трагедией.

870

← Предыдущее, следующее →

870. Примечание к № 851
«Зовёт меня мой Дельвиг милый» (А. Пушкин) (к цитате)

Это принятие смерти. И, чего там, масонства (876).

Товарищ, верь: взойдёт она,
Звезда пленительного счастья.

Верь, товарищ, взойдёт. Нам обещано. Как же тут сбросить Пушкина с корабля современности (880), если сам корабль этот — веточка пушкинского мира? «Пушкин наше всё». ВСЁ.

871

← Предыдущее, следующее →

871. Примечание к № 853

вычурность, холодная неестественность, совершенно игнорирующая реальность, природное и естественное положение вещей (к цитате)

Ужас в том, что в России Запад стал Востоком. Закат — восходом. Ночь, то есть тайное, скрытое, порочное, — днём, чем-то официально узаконенным, легальным. Нормой.

Возьмите западный фильм ужасов — наглую и элементарную эманацию западной демонологии — и вы увидите, что, как правило, действие там происходит на металлургических заводах, в шахтах, подвалах, на стройках. То два супермена дерутся на мечах где-то в подземном гараже, круша вокруг машины и стены. То медленно опускают в доменную печь негодяя, и он корчится, обдаваемый адским пламенем. Или обнажённая женщина бежит по пустому шипящему и ухающему цеху, а за ней — поросший чешуёй монстр с отвратительными крючьями. Действительно, может ли быть более сообразный фон для порносадистского действа, чем античеловеческие пейзажи литейных корпусов и циклопических карьеров? Но в СССР на фоне тех же декораций развёртывается действие чопорных официальных агиток или сентиментальнейших утренников. Перепачканные мазутом мужики и бабы рассуждают о прелестях досрочного перевыполнения плана или о радостях семейной жизни, детской и невинной. Во-первых, само смещение неправдоподобно, анормально, а во-вторых, и тема насилия-то, конечно, никуда не исчезает. Советское кино — это фильм ужасов без ужаса, фильм садомазохистский, но абсолютно бесполый, без секса. Конечно, именно такие фильмы и способны в максимальной степени подавлять психику. Ведь это десятилетиями, день за днём. Шипящие и дымящие трубы, рёв печей, скрежет моторов. Десятилетиями под официальное бормотание показывают ржавые от крови бинты, скальпель, пинцет, удалённый аппендикс, и снова бинты, марлю, скальпель. И под разговор:

— А Иванов выполнил квартальный план?

— На 182%.

— Молодец какой. Ну ничего, я с Петровым договорился

на 198% выполнить.

И тут песня: «всё выше, и выше, и выше». И снова показывают красные пятна, бинт, марлю, пинцет, мраморный стол, и муха по нему ползёт. И всё это настолько НЕИНТЕРЕСНО, что хочется плакать. Заставьте насильно посмотреть порнографический фильм. Это травма. А заставьте посмотреть порнографический фильм без порнографии. Вот 2 часа будут показывать разбросанные лифчики и трусы и говорить, что Ленин умеет летать. И заставляют 200 миллионов человек, заставляют десятилетия. Вот она, гуманная каша, всходит-то как, лезет из горшка волшебного на всю планету.

Возьмите советскую книгу, осуждающую насилие, и вы увидите, что её писал садист, садист скрытый, подавленный, но «случись чего», не оплошает (да и не плошали). Прочтите советскую статью против гомосексуализма, и вы увидите, что её писал даже не педераст, а гермафродит. Однажды я прочёл в газете статью, где радостно сообщалось, что 19-летнему гадёнышу дали 2 года каторги за то, что он смотрел и распространял видеофильмы, «пропагандирующие насилие».

872

← Предыдущее, следующее →

872. Примечание к № 864
У русских нет своего лица. (к цитате)

Розанов сказал:

«У нас нет совсем МЕЧТЫ СВОЕЙ РОДИНЫ.

И на голом месте выросла космополитическая мечтательность.

У греков есть она. Была у римлян. У евреев есть.

У француза — „прекрасная Франция“, у англичан — „старая Англия“. У немцев — „наш старый Фриц“.

Только у прошедшего русскую гимназию и университет — „проклятая Россия“».

У России нет персонификации, нет образа. Франция — «Марианна». Россия? Разве что «Россия-матушка». Но образа матушки нет. Какая она? Брови, глаза, улыбка? Как одета? Ничего нет. При этом словосочетании просто перед глазами предстаёт гигантская плавная равнина. Или смутный образ старой матери. То есть что-то и есть, но так неотчётливо, смутно. «Проклятая Россия». Но что ненавидеть конкретно, если образ расплывчат, нерезок? — Всё! Проклятая Россия — это проклятый мир. Отсюда злобность «космополитических мечтаний».

873

← Предыдущее, следующее →

873. Примечание к № 851
«„Ах, Боже мой! отчего у него стали такие уши?“ — подумала она» (Л. Толстой) (к цитате)

Победоносцев был человеком чрезвычайно умным и ещё 115 лет назад предупреждал:

«Замечательно, что нет ни одного учения, в котором не обнаруживалась бы потребность религиозного обряда. Потребность религиозного чувства так сильна в человечестве, что и люди, отрицающие религию, рано или поздно склоняются к той или другой, хотя бы смутной и неопределённой, форме религиозного культа, так что в самом отрицании у них бессознательно проявляется стремление к чему-то положительному: нередко случается, что люди, стремясь к очищению отвергнутого верования и обряда, впадают в иное, сочинённое ими верование — сложнее прежнего покинутого, и принимают обряд грубее прежнего, осуждённого ими за грубость. Так совершается течение в неисходном кругу: из христианства вырождается новейшее язычество, с тем чтобы снова прийти со временем к той же точке, из которой вышло. Люди, отвергнувшие Бога и христианство в конце прошлого столетия, сочинили же себе богиню разума. Нет сомнения, что и атеисты нашего времени, если дождутся когда-нибудь до торжества коммуны и до совершенной отмены христианского богослужения, создадут себе какой-нибудь языческий культ, воздвигнут себе или своему идеалу какую-нибудь статую и станут чествовать её, а других принуждать к тому же».

Странно, что при таком умонастроении он не мог ответить на вопрос тульского мыслителя. Толстой спросил:

— Господин Победоносцев, почему у вас такие большие уши?

И как тут было не ответить из Петербурга:

— А это чтобы вас лучше слышать, Лев Николаевич.

Но Победоносцев не догадался. А жаль.

874

← Предыдущее, следующее →

874. Примечание к № 842

Да в известном смысле Октябрь и есть следствие этой задержки. (к цитате)

Октябрь и литература. Вот Дилемма. Компенсацией за задержку интеллектуального роста в XIX в. послужил рост душевный. Отказавшись от чистого мышления, русское «я» осуществилось во сне и фантазиях, в форме великого мифа русской литературы. В развитии литературы (литературы такого рода) сказалась, в конечном счёте, религиозная одарённость русского народа. Но и его умственная слабость. Неизбежность? — Да… Почти. Почти, ибо в русской истории случайность играет огромную роль. Если бы Лобачевский стал русским Гауссом. Если бы Сперанскому удалось открыть русским попам, этим прирождённым учёным, путь в университет. Если бы на престоле оказался император-философ, как Фридрих II, или императрица, как Екатерина II, но в XIX веке. Есть десятки «бы». А вся Россия стоит на «бы». Так что могло бы. Почему я так уверен? Да потому, что в результате, к концу XX века, к этому и пришли. Возьмите самый серьёзный, самый позитивный русский журнал середины прошлого века, и вы увидите, какая это всё «литература», «рассказы», «повести» и «романы». И возьмите самый литературный журнал последнего времени. И вы увидите, что литературы там нет. Статьи по экономике и внешней торговле вперемешку с романами, но романами, которые в сущности те же статьи, те же монографии. И написанные профессиональными экономистами, статистиками, мелиораторами. А в XIX веке статьи по экономике писали писатели.

От литературы остался лишь стиль, способ, воспоминание. Я говорю не о хорошей и плохой литературе, с этим «все ясно», а о литературе вообще. Литература как миф, как способ осмысления мира и способ овладения миром истлела, исчезает. Последние её остатки исчезают на глазах. Без воли конкретных людей, само собой, как геологический процесс. Ещё лет 25–50 литература продержится на ностальгии, по инерции. И всё — провал лет на 100 (886), на четыре поколения. И это при бурном развитии других областей духовной жизни.

875

← Предыдущее, следующее →

875. Примечание к № 854
Утро моего сознания началось с тоскливых сумерек. (к цитате)

Розанов считал, что всякое резко-индивидуальное творчество в какой-то степени одухотворяется однополой любовью (Платон, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Шекспир). Гении всегда отклоняются от нормы и, наперекор законам природы и общества, утверждают своё «я» и свою аномалию. Уклоняющиеся от нормы вожди человечества, считал философ, — это «люди лунного света». Их противоположность — люди солнечного света, нормальные люди, живущие в браке и индивидуально слабо обозначенные, безличные.

Я — сумеречный (948). Моя сексуальная жизнь анормальна, и в то же время назвать её аномальной нельзя (что называть, если её как таковой нет?). Моё личностное начало гипертрофированно, и в то же время я чувствую, что в общем-то я именно как я и не существую. Уровень моего самосознания удивительно низок, и в общем я человек необразованный.

Я чувствую свою странность. И странность не собственно во мне самом, а в своём отстранении. Я обыденный и в то же время осознаю эту обыденность и, что хуже, странность этой обыденности. Жизнь двоится.

876

← Предыдущее, следующее →

876. Примечание к № 870

Это принятие смерти. И, чего там, масонства. (к цитате)

Из сборника «Масонство в его прошлом и настоящем», 1 том которого вышел в 1914 году:

«(Розенкрейцерство) впервые давало русскому обществу известное миросозерцание… Это была первая ФИЛОСОФСКАЯ СИСТЕМА в России … розенкрейцерство, несмотря на свои дикие крайности и смешные стороны, воспитывало, дисциплинировало русские умы, давало им впервые серьёзную умственную пищу, приучало, — правда, с помощью мистической теософии и масонской натурфилософии, — к постоянной, напряжённой и новой для них работе отвлечённой мысли. Кто видел перед собой многочисленные переводы мистических книг, сделанных русскими масонами, тот знает, как много розенкрейцерская наука внесла в работу русской мысли неведомых ей до тех пор отвлечённых понятий, для которых русский язык не имел даже соответствующих слов и выражений. Следовательно, эта сторона розенкрейцерства, — не только, конечно, переводы, но главным образом самостоятельные попытки масонского творчества и особенно РЕЧИ в собраниях братьев, несомненно внесла свою долю и в дело обогащения русского литературного языка: кто знает, сколько приобрёл здесь в этом отношении будущий создатель этого языка — Карамзин, воспитанник Дружеского Учёного Общества, друг масона и переводчика Петрова и, наконец, сам масон, принадлежавший к московскому кружку? Бюст Шварца (одного из основателей русского масонства. — О.)*, стоявший в комнате молодых друзей, Карамзина и Петрова, и покрытый траурным флёром, является прекрасным напоминанием этой связи между розенкрейцерством и судьбами русской общественной мысли и литературы».*

Конечно, роль масонства в истории русской культуры огромна (881). Огромна даже по сравнению с европейскими государствами. Если в X веке совершенно исключительное влияние оказало на русскую культуру христианство, то в XVIII веке столь же подавляющее и абсолютное воздействие Россия получила со стороны масонства. Человек, плохо знающий русско- и немецкоя-

зычную масонскую литературу, издававшуюся в XVIII — начале XIX вв. в России, не может квалифицированно судить об истории русской литературы и философии (896). Уже исключительное значение Гегеля в 40-х годах покажется ему чем-то искусственным и необъяснимым. А ведь ничего необъяснимого нет, так как Якоб Бёме и Мейстер Экхарт (да ещё с иллюминатскими комментариями) были основой библиотек отцов и дедов русских гегельянцев.

Отрицать масонство, просто ВЫЧЁРКИВАТЬ его из русской культуры так же нелепо, как отрицать и вычёркивать из русской культуры христианство. Нелепо, но, конечно, возможно. В XX веке переписали же русскую историю, тщательно вымарывая из неё все упоминания о христианской религии и христианской церкви. Получилось очень коротко и глупо. Но и, например, история России XIX века с выдранными масонскими страницами тоже ведь превратится в «краткий курс». В одной только истории русской мысли придётся выдирать почти всех подряд. От Карамзина до Бахтина. И неужели все они или дурачки, или негодяи? Неужели глупцы и шарлатаны? И Флоренский? И Зелинский? Ну, хорошо. А кто не масон? Чьё творчество ВПОЛНЕ свободно от масонского влияния? Вопрос так же нелеп, как и вопрос о русских писателях и философах, совершенно свободных от влияния христианства. Кто — Белинский, Добролюбов и Чернышевский? Дети и внуки СВЯЩЕННИКОВ?

877

← Предыдущее, следующее →

877. Примечание к с. 90 «Бесконечного тупика»
Как я попал в эту страну? Зачем? Для чего? (к цитате)

Разве можно найти некоторое равновесие в моей жизни? Я родился в центре Москвы, а вырос на окраине, чуть ли не в рабочем посёлке. Брак родителей был мезальянсом (879). Моя биография даже по анкетным данным представляется чистейшей воды вымыслом — «этого не может быть». Да это частности — ДУХОВНАЯ АТМОСФЕРА в стране искажена до абсурда. Наконец, что такое моя жизнь? — Это нудное — годами — сидение в четырёх стенах, даже не сидение, а лежание Обломовым на диване, и чтение сотен и тысяч книг. День за днём, день за днём. От Платона до Лебедева-Кумача. Почему я читаю, для чего — я совсем не знаю. За окном солнце, люди, жизнь, но я как забился в 12-летнем возрасте в угол, так и сижу там. Лежу. Нелепость. Совершенно нелепое, абсурдное существование. И «Бесконечный тупик» — это не что иное, как попытка сопоставления всех углов моего «я», попытка осмысления этого моего неправильного существования. По иронии судьбы лежащее на диване ленивое ничтожество обладает холодным и беспощадным умом, и ум этот, обиженный столь недостойной и разоблачительной эманацией, пытается придать идиотскому хэппенингу своего земного существования некий смысл, тоже весьма холодный и жестокий. И всё-таки я — поскольку я не только и не столько разум — думаю, что в моём существовании никакого смысла нет. Жизнь вообще бессмысленна, ибо является чем-то индивидуальным и, следовательно, конечным. Но по этим причинам она обладает неким локальным и житейским смыслом, смыслом с маленькой буквы. Так вот: я лишён обладания даже этим небольшим человеческим смыслом. Подует ветер смерти, и всё, развеюсь, будто и не жил.

Я понимаю, что своей «жизнью» я попал в нелепую и до смешного обидную историю. Как будто шёл в буфет и вдруг нечаянно вышел на сцену и под общий хохот заметался в свете прожекторов.

Чтобы создать личность, необходима порода, воспитание, сложная и продуманная цивилизация, стройная система образо-

вания и, главное, необходима естественная драма жизни, и прежде всего вечная её основа — любовь. У меня же, в моём случае, ничего нет. То ли живу я, то ли мне это кажется. — Непонятно. «Гармонично развитая личность» — тавтология. Личность — это и есть гармония. Но я же личность. Это же явно. Разве неличность может заниматься рефлексией? А ведь № 877 — это рефлексия ведь, рефлексия. (Может ли быть более явный признак рефлексии, чем вопрос о наличии или отсутствии рефлексии?) И тогда выходит, что я гармоничен, что жизнь моя целесообразна? Что проникнуть в мир я мог после случившегося, только прочитав шкафы «литературы»?

Но тот же беспощадный и холодный разум шепчет мне, что тут уклон жизни, злорадное закругление. Чтобы придать смысл произошедшему, мне надо стать клоуном. Это и будет реальный опыт жизни, логически вытекающий из моего до сих пор благородно абстрактного существования.

Как бы мне хотелось вывернуть с хрустом пальцы листающему эти страницы (893), показать, кто я такой на самом деле, чтобы он униженно хныкал на коленях и просил пощады: «Одиноков, миленький, отпусти меня». Но «явиться» ему я только и могу в шутовском колпаке «Бесконечного тупика». Я понял, что жизнь уходит, а так хочется пожить. «А жить-то хочется». И вот, пожалуйста, я поплыл на санках. Отец был более человечен по сравнению со мной. Он не боялся жить. Катался на водяных санколыжах и пел. Мне это показалось нелепым. Но он жил, жил. Я же, предвидя, что меня ожидает, решил благородно не жить. Но лучше жить неблагородно, чем благородно не жить. Розанов сказал: «Я ещё не такой подлец, чтобы говорить о морали. Человек живёт один раз».

Всё-таки бы хотелось гаду-читателю пальцы переломать.

878

← Предыдущее, следующее →

878. Примечание к № 852

это же крик отчаяния у Толстого, ключ ко всему его поведению (к цитате)

Поскольку он был писателем, то был и человеком очень трусливым. Его смелость — это смелость распоясавшегося труса. Во всех его произведениях присутствует тема трусости на войне. Тургенев с раздражением заметил по поводу «Войны и мира»:

«Как это всё мелко и хитро, и неужели не надоели Толстому эти вечные рассуждения о том: „Трус, мол, ли я или нет?“»

Трусость Толстого компенсировалась ещё большим самолюбием. Когда он служил на Кавказе, то страстно мечтал получить крестик за храбрость.

Если бы Льва Николаевича вызвал Александр III и наорал на него, это было бы наиболее гуманным, справедливым и благородным решением всего этого «толстовского вопроса». Толстой был по своему воспитанию монархистом, обычным офицером русской армии. И почти всё царствование Александра II и всё царствование Николая II это, в сущности, надругательство над его личностью. Когда был сдан Порт-Артур, Толстой был взбешён и стал стучать кулаком по столу: взорвать надо было к чёртовой матери, взорвать — в моё время так не поступали. Ошарашенный гость-толстовец пробовал осторожно возражать: «Но при этом был бы уничтожен оставшийся гарнизон!» — Что?! Да вы понимаете, что такое военный долг?! Присяга?!!

Толстой сам не знал, чего он хотел. Он хотел гармонии выигранной севастопольской кампании, гармонии царствования Николая I. И вот не нашлось критика, философа, который смог бы его «наставить на путь истинный». Но это же и невозможно — не та иерархия авторитетов. — А вот приблизить бы ко двору и наорать, да так, чтобы радостные мурашки по коже забегали:

— Так-то ты служишь Государю своему, так-то блюдёшь род свой и звание русского дворянина?! Молча-ать… Стыдно, Толстой… На колени!..

И упал бы с радостными слезами на глазах, «понял». Его узкому, прямолинейному уму младшего офицера всё стало бы вдруг

ясно. «Что я в самом деле зарвался-то не по чину. Не моего ума это дело».

Т.А. Кузминская вспоминала, как в 1862 году Толстой ходил смотреть на манёвры и потом увлечённо рассказывал об увиденном:

«Манёвры перенесли меня в эпоху моей военной жизни на Кавказе. Как значительно всё это казалось тогда. Но и теперь, должен сознаться, когда народ закричал „ура“, военный оркестр заиграл марш, и государь, красиво сидя на лошади, объезжал полки, я почувствовал прилив чего-то торжественного. У меня защекотало в носу, в горле стояли слёзы. Общий подъём духа сообщился и мне».

И этого офицерика превратили в Бога. А он плакал:

— Чёгт, где господин полковник; дайте же пгиказ, мой эскадгон отгезан!

Одиночество. Одиночество и непонимание. «Позорная страница» в «Хаджи Мурате» — это месть за слабость. «Я-то думал, вы сила, вы стержень России, а вы…»

В Крыму ехал верхом по тропинке мимо имения Романовых. И вдруг наткнулся на трёх великих князей, которые спешились и о чём-то оживлённо беседовали. При этом одна из лошадей стояла поперёк тропинки и загораживала путь. Романовы Толстого не заметили или сделали вид, что не заметили, а лошадь пропустила лошадь Толстого. Толстой отъехал немного и проговорил: «Узнали дураки. Даже лошадь поняла, что надо уступить дорогу Толстому». Представьте эту самодовольную улыбку или, наоборот, перекошенную злобой физиономию: «Тьфу, что же „прижукнулись“ — начальство называется!»

«Прапор», типичнейший «прапор». Человек, весь пропитавшийся военной жизнью, которая ему нравилась, в которой он чувствовал себя уютно, вполне своим. И вот Устав гарнизонной и караульной службы кончился. Как жить? Что делать? Толстой был неумным человеком в обыденной сфере (882) (за исключением юридически-хозяйственной жизни — здесь, в спекуляциях и перепродажах, в области режима и документов, всё было отлично). В семейном, нерегламентированном быте свобода приводила его к одним неприятностям. Его 19-летняя жена была гораздо умнее. Софья Андреевна вспоминала:

«В лето 1864 г. Лев Николаевич увлекался пчёлами, и, пригласив раз с собой на пчельник, он велел запрячь телегу… Я была беременна Таней уже 5 месяцев, но меня не нежили и не берегли, напротив, я должна была ко всему привыкать и приспосабливаться

к деревенской жизни, а городскую, свою, изнеженную — забывать. Ехать надо было через брод; спустившись по очень крутому берегу в речку Воронку, Лев Николаевич как-то неловко дёрнул вожжу, лошадь круто свернула, и меня опрокинуло из покосившейся на бок телеги прямо в воду. Лошадь дёрнула, чтобы выехать на другой берег, кринолин мой завернулся в колесо, и телега поволокла меня по воде».

В то же лето Толстой стал катать жену на тройке, лошади понесли и она упала «со всего размаха на свой беременный уже семи месяцев живот».

Софья Андреевна продолжает:

«Не баловали меня в Ясной ничем. Купалась я просто в речке, даже шалаша для раздевания не было, и было жутко и стыдно… маленькому Серёже муж купил деревенской холстины и велел сшить русские рубашки с косым воротом. Тогда я из своих тонких, голландских рубашек сшила ему рубашечки и поддевала (тайком!) под грубые, холщовые. Игрушек тоже покупать не позволялось, я из тряпок шила сама кукол, из картона делала лошадей, собак, домики и проч.»

Дети жили грязно, из-за отсутствия правильного ухода и воспитания часто болели, отставали в развитии. Их спасло только то, что в конце концов Толстого удалось убедить взять в дом гувернантку-англичанку, которая научила детей мыть руки, правильно вести себя за столом и т. д.

А если бы Лев Николаевич с самого начала своей семейной жизни был под каблучком, всё было бы хорошо. Царь и жена обрывали бы его прапорщицкие фантазии. И он сам подспудно хотел этого, напрашивался на это. А царь перед ним преклонялся, а жена его боготворила и беспрекословно слушалась. И он повис в вакууме. Достоевский жаловался на студентов: «они пришли руководить меня». А Толстого никто не руководил, и это уже его, Толстого, трагедия.

Жена (или уже дочь — не помню) купалась, а хулиганы у неё одежду украли. Толстой выбежал и палкой их по головам, по головам. Вот если бы великие князья его так. Плёточкой, плёточкой. В три руки. Толстого никогда в жизни не били, не высыпали пепельницу на голову, не сажали в тюрьму, не допрашивали. А ведь он на это всю жизнь набивался.

Когда открылась Государственная Дума, Лев Николаевич изрёк:

«Чтобы решить что-либо важное, всякий должен обдумать у себя в кабинете, а на народе ничего путного не выйдет».

Трагедия Толстого в том, что его ни разу в жизни не вызывали в кабинет. Хотя бы в кабинет секретаря обкома.

Георгий Флоровский писал:

«У Толстого был темперамент проповедника морали, но его взгляд на мораль был странно ограничен. Высшая моральная категория для него была — закон. Он постоянно призывает людей делать не то, что добро, но то, что по закону, или предписанию. Только исполнение закона даёт удовлетворение. Только его исполнение нужно и радостно. Бог для Толстого не был Отцом Небесным, но Хозяином, у которого нужно было работать. Любопытно, что даже в молодости Толстой был склонен к мелочному распределению своей жизни и поведения, хотя и не имел в этом большого успеха. Он хотел жить согласно расписанию, отмечая свой успех или неудачу день за днём. Эту привычку он сохранил до самых своих последних дней. Моральное поведение могло быть, по его мнению, сведено к расписанию, простой и разумной схеме».

Толстой — это чиновник, морализатор. Организатор. Вот бы кого в упряжку русского государства запрячь! И просмотрели, просмотрели. Позорно просмотрели, глупо просмотрели. Розанов писал, что просмотрели организационный талант Чернышевского. Но этот талант не развернулся же. Это лишь предположение, хотя, наверно, и правильное. А в Толстом упустили явно гениального помощника, громадную опору для русской государственности.

Толстой, когда вышел февральский номер «Русского вестника» с «Войной и миром», поутру, ещё не вставая, посылал брата за газетой, где должны были быть первые отзывы:

«Ты ведь хочешь быть генералом от инфантерии? Да? А я хочу быть генералом от литературы! Беги скорее и принеси газету!»

И вот стал генералом. Он как хотел: «слуга царю, отец солдатам». А царя-то в литературе русской и не было. Ему нужно было в секретариат Союза писателей, первым секретарём, да ещё + членом ЦК и т. д. А в литературе Устава гарнизонной и караульной службы не было (ещё). Ну и нашлись люди, взяли Толстого в работу. Но это было не то совсем. Он работал, работал честно, по расписанию (гениальная работоспособность русского чиновничества). Однако оказался без Хозяина. И превратился в Хрущёва русской философии.

879

← Предыдущее, следующее →

879. Примечание к № 877
Брак родителей был мезальянсом. (к цитате)

В период своего жениховства отец отпустил бородку и усы, по улице ходил в кепке. Мать, ещё не зная его, несколько раз на улице замечала — навстречу ей шёл идеализированный, открыточный Ленин. Отец тоже обратил внимание на молодую, заглядывающуюся на него девушку и однажды пригласил её в кино. Так начался я.

880

← Предыдущее, следующее →

880. Примечание к № 870
Как же тут сбросить Пушкина с корабля современности (к цитате)

Пушкин начал писать «Евгения Онегина» в огромной тетради с массивным книжным переплётом. Такие тетради предназначались для делопроизводства кишинёвской масонской ложи «Овидий», членом которой был Александр Сергеевич. Но ложу по сложным заглушечным соображениям распустили, и её тетради достались Пушкину. Там и написано его рукой: «Мой дядя самых честных правил».

881

← Предыдущее, следующее →

881. Примечание к № 876
роль масонства в истории русской культуры огромна (к цитате)

Приведу всего лишь один пример. Иван Киреевский — основоположник славянофильства. Кто его учителя? — Родственник со стороны матери масон Жуковский; отчим масон Елагин (переводчик Шеллинга, пробудивший у молодого пасынка интерес к этому мыслителю) и профессор Московского университета масон-шеллингианец Павлов. Сам Киреевский с самых юных лет — член масонской ложи. Причём характерно, что влияние масонства не внешнее, а прежде всего внутреннее, духовное.

Задать вопрос: каковы причины увлечения Шеллингом в России с начала XIX века до начала века XX? Можно приводить и приводятся десятки аргументов. Но главный-то один: Шеллинг — масон. Спросите, почему в России пользовался таким уважением, например, Иоанн Златоуст? Ответ, ГЛАВНЫЙ, прост: Златоуст христианин, причём восточный.

Очень правильно русскую религиозную философию называют именно «религиозной», а не конкретно христианской или, тем более, православной. Прежде всего она масоно-христианская. Христианская, но на масонской подкладке. Флоровский, верно указывающий на в значительной степени неправославный характер русской религиозной философии, всё же не додумал до конца. Если она не православная, то это тоже определённая ТРАДИЦИЯ, определённая КУЛЬТУРА. Он таким образом просто неправильно посмотрел. Увидел неправильность как раз в сильных сторонах. Та же ошибка, что и в материалистическом взгляде на русскую философию. Конечно, если рассматривать развитие русской философии в русле материализма (и шире — позитивизма), то какая убогая, провинциальная картина! В свою очередь, если посмотреть, как это сделал Флоровский, на развитие русской мысли с точки ортодоксального христианства, то, конечно, всё будет гораздо красочнее, ярче, но на всём будет какой-то порок, что-то у всех будет не получаться. Как будто какой-то рок глупости преследует русских мыслителей. Но существует закон Оккама. Не следует ли изменить точку отсчёта, и тогда надобность в многочисленных коррекциях и таблицах

эпициклов отпадёт сама собой?

882

← Предыдущее, следующее →

882. Примечание к № 878
Толстой был неумным человеком в обыденной сфере (к цитате)

Мережковский с непревзойдённым блеском разоблачил утончённейшее сибаритство Толстого, лишь вначале и для неопытного глаза выглядящего этаким аскетом. На самом деле вегетарианство великого писателя было вкусной и здоровой диетой, стоившей гораздо дороже обычной пищи; его одежда, внешне простая и непритязательная, была идеально продумана для условий сельской жизни и шилась по «индивидуальному заказу»; рабочий кабинет, якобы скромный, оказывался на поверку невиданной роскошью, мечтой любого человека, занимающегося интеллектуальным трудом; одиночество и затворничество Толстого оборачивалось счастливой жизнью патриарха огромного клана любящих и боготворящих его людей и т. д. и т. д.

Но Мережковский, кажется мне, не прав, приписывая все эти заслуги житейской сметке и расчётливости Толстого. Как раз никакой сметки у него не было, и сам он не смог бы ни пищи себе приготовить, ни одежды сшить или подобрать, ни создать условий для работы, ни воспитать детей. У Толстого был талант профессионального аппаратчика, человека, умеющего подбирать кадры. Плюс второй брежневский талант — спокойная уверенность, пассивность, способность в известный момент не соваться куда не надо и идти на неофициальный, никак не обговорённый ленивый компромисс. Позволял работать на себя, но смотрел на это сквозь пальцы. Собственно, Мережковский к этому и подошёл, но остановился и не сделал соответствующего вывода.

Мережковский в своей знаменитой книге Достоевского огрубил, не по зубам он ему оказался. Зато Толстой — это его добыча. Как будто Льва Николаевича кто-то специально берёг для Мережковского. И злорадство тут вот в чём: у Дмитрия Сергеевича толстовский подход к Толстому. Подход Мережковского злой. Что-то болезненное и юродское в этом ощупывании одежды и сапогов (а Толстой жив, ему ещё 10 лет жить). А Мережковский его ощупывает, сопит. Розанов о Толстом писал хуже, вообще смеялся в лицо, но в сущности получилось добрее. Почему? — Это были мнения, взгляды. Ироничностью своей уже подчёрк-

нуто «мненные», мнимые (субъективизм). Мережковский всё это прочёл, переписал, а потом аранжировал, развил и получился «Толстой и Достоевский». И тут уже текст сплошной, тотальный, определяющий. И как тут ни крути, как ни оговаривайся (а Мережковский сделал всё возможное для нейтрализации), получается гадко. Гадко, ибо порочен сам замысел: дать Толстого всего, целиком, без просвета. Сплошняком: вот Толстой Лев Николаевич. Получилось удивительно правдоподобно и, по великому закону оборачиваемости, плохо, нехорошо. «Меня, Иван, высший суд судить будет».

Именно бесполая «справедливость» — это мяч в рожу. Мережковский не понимал, что он хоронит своей книгой Толстого. И он прямо проговорился о его смерти, сказав, в сущности, так: «Ну-ну, посмотрим, как ты будешь дальше». Мережковский смерил Толстого, то есть ударил челом его же добром.

Софья Андреевна вспоминала:

«Лев Николаевич никогда не брал на руки Серёжу. Он радовался, что у него сын, любил его по-своему, но относился к нему с каким-то робким недоумением. Подойдёт, посмотрит, покличет его и только.

— Фунт, — вдруг назовёт он сына, глядя на его продолговатый череп. Или скажет — Сергулевич, — почмокает губами и уйдёт».

Мережковский вышел к Толстому: «Борода, Левинсон», — почмокал губами и ушёл. Идиотское отсутствие диалогизма. Вот он в кроватке, а слово найдено.

Я открыл ещё один частный закон русской жизни: на идиота всегда найдётся сверхидиот. Родник отечественного идиотизма неисчерпаем.

883

← Предыдущее, следующее →

883. Примечание к № 854
Пропала жизнь. (к цитате)

«Пропала жизнь». Не как истерический вопль или объявление о пропаже, а как бесполая, равнодушная деталь мира. Обычный городской ландшафт. «Слава КПСС» на фасаде соседнего здания. Быт. Глаз привычно скользит, не замечает. Никаких трагедий.

884

← Предыдущее, следующее →

884. Примечание к № 862
Реальность стала Богом. (к цитате)

А Бог — реальностью. В виде писателя. Но писатель не абсолютен, это ещё и человек. Требовалось создание абсолютного писателя, что было принципиально несоразмерно с его человеческой природой. Интересно, что с точки зрения противоположной, сгущённая в литературных произведениях реальность порождала писателей. То есть литература творила человека. С этой точки зрения оказалось возможным создание абсолютного неписателя, то есть создание абсолютно нетворческой личности — уже не собственно человека, а персонажа. С точки зрения христианской мифологии — антихриста. Таковой и был создан. Для литературы как побочный продукт, а для христианства как итог подобной литературной цивилизации. Для христианства побочным результатом создания антихриста явилось создание удивительной литературы.

885

← Предыдущее, следующее →

885. Примечание к № 865
в платоновских Афинах произошло событие далеко не безобидное (к цитате)

Да вообще возникновение философии просто-напросто противоестественно. Что побудило людей к столь бесполезному, бесплодному и разрушительному занятию? Какая причина? — Половое извращение. Древнегреческое общество — общество гомосексуальное, гомосексуальное глубоко, убеждённо. Достаточно почитать сочинения Аристофана. Их писал убеждённый педераст, причём педераст, живущий в сообразном педерастическом мире. Педерастом был Сократ, педерастом же — Платон. Собирающаяся вокруг учёных мужей греческая молодёжь образовывала философские союзы, носящие гомосексуальный характер. В этом и кроется причина зарождения философии. Юноша, в отличие от девушки, обладает умом, что создаёт возможность интеллектуального ухаживания. Ведь что может быть привлекательней и заманчивей для мужчины, чем красивая беседа на возвышенные темы? У самого заурядного, никудышного мужчины загораются глаза, стоит заговорить с ним о вечных вопросах. И Сократ, столь поглощённый Эросом, но, увы, некрасивый, бросил все силы на создание здания разума; и в результате — какой успех! — в него влюбился красавец Алкивиад. Именно эрос совершил переворот. Иначе совершенно непонятно, почему лопнула скорлупа наивного бытового сознания.

Но рождённый огонь Логоса был настолько ярок, настолько ослепителен, что не только какой-то там грязный гомосексуализм (а всё-таки даже для греков он являлся чем-то порочным), но и вообще весь мир, сама жизнь показалась грязной и тёмной пещерой. Сократ отказался от любви Алкивиада, а потом выпил цикуту. Афродита Вульгарная превратилась в Афродиту Уранию. Любовь к женщине, низшему существу, — в любовь к существу совершенному — мужчине. Любовь плотская — в любовь идеальную, платоническую, в мужскую интеллектуальную дружбу — в братство философов. Потом — в любовь к любви-идее и к миру идей, отождествляемому Платоном с царством Аида, бога мёртвых и бога потустороннего мира.

После этого огонь философии передавался людям как нечто данное, очищенное от первоначальной грязи. После асексуализации произошла даже гетеросексуализация философии. Став социальным явлением, она зеркальным блеском попадает в мир женщин. Женщина не может понять величия философа, но она может увидеть, что в мужском интеллектуальном мире её избранник почему-то пользуется глубоким уважением. И этого оказывается достаточно. Философия стала явлением гораздо более нормальным, более адаптированным к реальной жизни. Ведь эта адаптация длится 2,5 тысячелетия. И всё же не следует забывать о довольно скабрёзной истории зарождения самосознания.

886

← Предыдущее, следующее →

886. Примечание к № 874

Ещё лет 25–50 литература продержится на ностальгии, по инерции. И всё — провал лет на 100 (к цитате)

А дальше? Дальше вообще «вот-сейчас литература» станет абсолютно тем же, что и литература в других странах, тем же, чем были и в России другие виды искусства — живопись, музыка, театр. Но «классическая русская литература» XIX–XX веков будет осмыслена как РЕЛИГИЯ (900). И, возможно, религия живая. Хотя бы как секта.

887

← Предыдущее, следующее →

887. Примечание к № 822

«жизнь этих новых людей должна быть гораздо тяжелее, болезненнее жизни хороших, добросовестных монахов» (К. Леонтьев) (к цитате)

Однажды отец с кем-то говорил в комнате, а я — маленький — тут же «мешался». Стал открывать ящики стола и нашёл комсомольский значок. Отец увидел, взял его у меня и стал в руках вертеть. А потом говорит товарищу:

— Это мне друг подарил, Валька Котов. Он умер от рака, ему ещё 30-ти не было. Я пришёл с ребятами с работы к нему в больницу, а он лежит и плачет: «Ребята, за что меня-то, я ж не пил никогда, не курил; и с девушкой даже не целовался ещё». Все испугались и ушли, а я остался успокаивать. Говорю: «Ну, ты же секретарь комсомольской организации, вспомни о молодогвардейцах, Корчагине». И ему лучше стало — он так слушал. С ним же никто не говорил по сути, только улыбались. Я к нему потом ещё приходил. И он мне, чудак, мальчишка, вот свой значок комсомольский подарил. Одного я в жизни святого такого видел.

Значок потом куда-то затерялся, но я его хорошо помню. Он был необычного, тёмно-тёмно-вишнёвого цвета, на фоне которого золотился профиль Ленина. Я его потом очень боялся.

888

← Предыдущее, следующее →

888. Примечание к с. 90 «Бесконечного тупика»

Мне ничего не хочется, и я отчётливо сознаю, что никому не нужен. (к цитате)

Я долго думал: в чём странность Чаадаева? Впечатление от его работ странное. Чувствуется, что где-то здесь сумасшедшинка, а в чём конкретно — не поймёшь. И лишь позднее, «задним умом» я, кажется, догадался. Чаадаев что писал? Русские — ненужная нация. Лишённая каких-либо оригинальных черт. Вообще «прореха на человечестве». Но ведь это единственный случай в мировой истории, чтобы нация стала самоосознавать себя таким вот образом. Некоторая цивилизация вдруг заявляет, что она не нужна. В мире, где какая-нибудь Сербия или Турция пищит и хорохорится, старается оттолкнуть локтём соседа… Да уже за одну эту мысль чаадаевскую Россию нужно поместить в оранжерею и по утрам беличьей кисточкой смахивать пылинки с каждой колючки сего кактуса. Вот почему Чаадаев не только западник, но и славянофил. По оригинальности самой идеи (904). Чаадаев велик не как мыслитель (слаб, адиалогичен), а как стихийное явление природы русской.

889

← Предыдущее, следующее →

889. Примечание к № 600

Ленин человек без биографии. (к цитате)

Есть у Даниила Хармса рассказик, очень хорошо попадающий в перекрестье ленинской рыжеволосой плешивости и пресловутых «Философских тетрадей»:

«Голубая тетрадь № 10

Был один рыжий человек, у которого не было глаз и ушей. У него не было и волос, так что рыжим его назвали условно. Говорить он не мог, так как у него не было рта. Носа тоже у него не было. У него не было даже рук и ног. И живота у него не было, и спины у него не было, и хребта у него не было, и никаких внутренностей у него не было. Ничего у него не было! Так что не понятно, о ком идёт речь. Уж лучше мы о нём не будем больше говорить».

890

← Предыдущее, следующее →

890. Примечание к с. 92 «Бесконечного тупика»

Я немею, говоря о себе, и говорю только о себе, говоря о другом. (к цитате)

Язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли. А мысли даны человеку, чтобы скрывать свои чувства. От кого? От самого себя. А что такое он сам? Язык, истекающий в мысли, и мысли, изливающиеся в чувства.

891

← Предыдущее, следующее →

891. Примечание к № 855
Впрочем, уже риторика. (к цитате)

Мне хотелось сказать что-то удивительно интересное, важное. И я чувствовал где-то там, в глубине, что это возможно, что я смог бы. Но когда я начал говорить, то ничего не получилось. Всё стало переходить на меня, навиваться на меня. Я распускал по ветру паутинки своих мыслей, а они не хотели улетать от меня, и всё прилипали ко мне, и я совсем в них запутался, в самом себе запутался. Я очутился в глухом и жёстком коконе, коконе своего одиночества. Символ всей моей жизни. Я ничего не могу сказать. Розанов вот сказал:

«В жизни чем больше я приближался к людям — становился всё более неудобнее им, жизнь их становилась от моего приближения неудобнее. И от меня очень многие и притом чрезмерно страдали: без всякой моей воли…»

Я навил на себя паутину розановщины. «Дошутился». Всё изогнулось ко мне. Я — Бог. На свободе я хотел уйти от свободы. И вот как всё запуталось. Я смеюсь и плачу. Но что делать. Я не ограничивал себя, не притворялся. И вот что получилось. Чистая форма национального мышления. Я договорил. Рукописи не горят — какой ужас! Прости, Розанов. Прощай. Я неправильно понял последние слова отца. Он, конечно, сказал не «прости», а «прощай». Ледяной сквозняк вытягивал его лёгкое тело из комнаты, и он слабо, как во сне, цеплялся за ножки кровати, стула, косяк двери. И тут я. Он падая, улетая, ухватился за меня. Хотел в ужасе обнять, заплакать. Прощай, Розанов. Какое-то чувство апатии, опустошения. Крах. Пропала жизнь.

— Ты, Моцарт, Бог, и сам того не знаешь.

— Но божество моё проголодалось.

Ведь ничего этого не нужно. Зачем? Я не понимаю. Я вдруг понял, что я русский. Зачем? Не надо. Верните. Я не хочу, это несправедливо. Мне всегда мечталось, что моя душа, мой гений похож на красивую нежную девушку. А оказалось…

Русь птица-тройка. Куда же ты летишь. И обвинитель по делу Дмитрия Карамазова добавил:

«Но, на мой грешный взгляд, гениальный художник закончил так или в припадке младенчески невинного прекрасномыслия, или просто боясь тогдашней цензуры. Ибо, если в его тройку впрячь только его же героев, Собакевичей, Ноздрёвых и Чичиковых, то кого бы ни посадить ямщиком, ни до чего путного на таких конях не доедешь!»

То есть что это? — Тройка чертей. Блок сказал: над всеми нами нависла гигантская тень гоголевской тройки.

892

← Предыдущее, следующее →

892. Примечание к № 865

Вырабатывалась соответствующая культура одиночества и культура смирения, покаяния. (к цитате)

Бердяев сказал, что немцы раскаяние заменили пессимизмом. Но более продуктивно обернуть эту мысль на себя: русские заменили пессимизм раскаянием, покаянием. Пессимизм — форма существования «я» в мире, раскаяние — момент выхода за пределы обыденной, безличной жизни. Покаяние — нечто кратковременное, экстатическое. Пессимизм — постоянное, обычное. Тон. Несомненно, покаяние выше, зато пессимизм дольше. Покаяние предсмертно, пессимизм — жизнь, даже предизнь (юность). Русское одиночество тоскливо, немецкое — трагично. У русских была культура уединения, но не было культуры одиночества. К одиночеству, к «смерти Бога» они оказались не готовы.

Чрезвычайно характерно. До сих пор ни одного русского писателя или философа пессимиста. Всё кончается «хорошо»: «взошло солнце и затетенькала какая-то птичка».

893

← Предыдущее, следующее →

893. Примечание к № 877

Как бы мне хотелось вывернуть с хрустом пальцы листающему эти страницы (к цитате)

Отец оставил мне хорошие связи и плохую наследственность. Оформив же наследственность при помощи связей, можно было избежать армии, этой «сверхшколы».

Как я хотел вывернуть наманикюренные пальцы медсестры, чтобы поднесённые в её ладошке таблетки взлетели разноцветным фонтанчиком конфетти и покатились по больничному линолеуму. И чтобы крошить, крошить их каблуками (тоже мечта — какие каблуки? — тапочки, шлёпанцы). Она была неприлично красивая, накрашенная, от неё пахло духами. И презрительно улыбалась в снопе света, падающего через раскрытую дверь в тёмную палату. Страх, холодный пот. Присела на мою койку, а я, дрожа под одеялом, забился в угол.

Когда меня положили на экспертизу в психиатрическую больницу, а это было вечером, свет в палатах был потушен, я, растерянный, близорукий, в темноте не мог постелить постель, не видел. И лёг поверх одеяла, в брюках. Это была вторая ошибка. Первая — ещё в приёмном отделении я сказал, что не хочу надевать больничный халат. Это было квалифицировано как «неправильное поведение», и после двух недель обследования меня стали лечить. Я ходил по коридору и слышал за спиной голос уборщиц:

— Вот этот молодой человек совсем тяжёлый… Вот он пошёл.

— Где?

— Вот.

Врач, как только я «поступил», спросила: «А как вы понимаете пословицу „кашу маслом не испортишь“?» Это называлось «проверка уровня интеллектуального развития».

Есть то, что давали в больничной столовой, было невозможно, и я спасался кусками сахара, да иногда с отвращением съедал несколько ложек полугнилого салата или пахнувшей тиной каши. В первый день за завтраком медсестра-старуха спросила:

— А чего же масло в кашку не кладёте?

— Да оно же жёлтое.

— У нас всё хорошее, специально проверенное. А кушать не будете, ручки завернём за спиночку стульчика и ложечкой, ложечкой в рот.

Вовсе не было злобы. Это про пальцы сейчас реминисценции, тогда только сцена мелькнула однажды на секунду и скорее умозрительно. А был страх и тягучая заторможенность, внешнее спокойствие, замирание, и удивительно тонкое, отчётливое восприятие всего происходящего. Я, постоянно молчащий, какой-то стёртый, весь ушёл в слух, обоняние, зрение. Белая краска: простыни, халаты врачей, сахар, рамы окон, потолки, тумбочки. Пахло подгнивающими яблоками и табачным дымом. За окнами жёлтая осень, солнце. Доносились деформированные обрывки фраз от расположенной рядом диспетчерской товарной станции. Мать меня забыла.

Я всё это воспринимал трагически и всерьёз. Мечтал поступить в университет, а очутился то ли сумасшедшим, то ли жуликом. Всё-таки достаточно банальная история для нашей действительности для меня, внутренне, воспринималась совсем иначе. Там моя личность окончательно сформировалась. Отношение к миру. Это было мистическое переживание (898), очень тонкое и точное. Жизнь довернула, мазнула кистью последний раз по оконченной картине — живи.

894

← Предыдущее, следующее →

894. Примечание к № 862
И всё сбылось. Мифы осуществляются. (к цитате)

Пушкин и Гоголь, Достоевский и Толстой, Соловьёв и Федотов — ласковые вы мои, миленькие, — вы-то и создали этот мир: тёмный, издевательский, душный и безнадёжный. Вы всё Бога искали. Так вот: вы, вы-то, миленькие, голубчики, были одержимы неудержимым, страшным сатанизмом, вы-то и придумали всё. Вы «понимали о себе». Понимали слишком «много» при таком чудовищном замахе на гениальность.

«Нет, батюшка Родион Романыч, тут не Миколка! Тут дело фантастическое, мрачное… Как кто убил?.. да ВЫ убили, Родион Романыч! Вы и убили-с…»

А то как же так получается? Вот Бунин писал:

«Нападите врасплох на любой старый дом, где десятки лет жила многочисленная семья, перебейте или возьмите в полон хозяев, домоправителей, слуг, захватите семейные архивы, начните их разбор и вообще розыски о жизни этой семьи, этого дома, — сколько откроется тёмного, греховного, неправедного… Так врасплох, совершенно врасплох был захвачен и российский старый дом. И что же открылось? Истинно диву надо даваться, какие пустяки открылись! А ведь захватили этот дом как раз при том строе, из которого сделали истинно мировой жупел. Что открыли? Изумительно: ровно ничего!»

Действительно, «ничего». Россия с самого Александра Благословенного это, с точки зрения государственной, очень мягкая, гуманная и просвещённая страна, настолько мягкая, гуманная и просвещённая, что при тогдашнем уровне образования и культуры народа дальше и некуда. И вот там сидели по углам какие-то гении и писали книжки. И вдруг, ни с того ни с сего, 66 миллионов людей «в корзину для бумаг». Это что же вы там написали такое??

895

← Предыдущее, следующее →

895. Примечание к № 625

Какие могут быть «традиции» у крайнего субъективизма? Только традиция метемпсихоза. (к цитате)

Розанов писал о своём творчестве:

«Тут, в конце концов, та тайна (граничащая с безумием), что я сам с собою говорю: настолько постоянно и внимательно и СТРАСТНО, что вообще кроме этого ничего не слышу».

И там же:

«Больше этого вообще не может никто, если не появится ТАКОЙ ЖЕ. Но я думаю, не появится, потому что люди вообще индивидуальны (единичны в лице и „почерках“)».

Разве традиция метемпсихоза это настоящая традиция, за которую можно спрятаться (я что, я ничего, моё дело маленькое; есть традиция, и мы никому не позволим…)? А тут что? Вот появится какой-нибудь Одноглазов (897) и скажет:

— Ну да, это всё правильно про Розанова. Но только одна маленькая поправочка, штришок-с. Розанов — это не ты, а я.

И всё. Знание — сила. Любовь — слабость, беззащитность. Постыдное бессилие ревности.

Я написал гениальную книгу. Но с одним «но». Нужно априорное интуитивное принятие этого. Если сразу поверить, то мысль читающего полетит. Если нет, если читатель меня не любит — я графоман. Очень честная книга. Я откровенен. Ломка в том, что сам текст совершенно «беспол». Всё зависит от интуитивного решения, от акта веры. И оба решения одинаково правильны. Мощный усилитель. Огромная аэродинамическая труба. Вы зашептали о любви, и весь мир осветился возвышенной прекрасной музыкой. Вы ухмыльнулись, и весь мир захохотал, смёл смехом посмевшего… И в том и в другом случае определение летит по тоннелю, ни разу не задевая за стенки. Всё быстрей и быстрей. На каждой странице написано: Одиноков — u, или Одиноков — 0. Всё громче и громче…

А для меня эта книга ласковая. Слова мягко гаснут, исчезают.

896

← Предыдущее, следующее →

896. Примечание к № 876

Человек, плохо знающий русско- и немецкоязычную масонскую литературу, издававшуюся в XVIII — начале XIX вв. в России, не может квалифицированно судить об истории русской литературы и философии. (к цитате)

Русский текст производящейся в седьмой степени розенкрейцерства «герметической операции в тайне творения»:

*«В сосуде смешивается майская роса, собранная в полнолуние, две части мужской и три части женской крови от чистых и целомудренных людей. Сосуд этот ставится в умеренное тепло, отчего внизу отложится красная земля, верхняя же часть — Менструум — отделяется в чистую склянку и время от времени подливается в сосуд, куда ещё прибавляется „один гран тинктуры из анимального царства“. Через некоторое время в колбе будет слышен топот и свист, и вы увидите в ней два живых существа — „мущинку и женщинку“, — совершенно прекрасных, если кровь была взята от людей целомудренных, и полузвериных в противном случае: они будут двигаться, ходить, а посередине вырастет прекрасное дерево с разными плодами. Путём определённых манипуляций можно поддерживать их жизнь в течение года, причём от них можно узнать всё, что угодно, „ибо они будут тебя бояться и почитать“. Но потом „человечки“ начнут вкушать от плодов среднего дерева — появится пар и огонь, а гомункулусы будут извиваться, ползать, стараться спрятаться, „так что жалко на них смотреть“. Затем в сосуде произойдёт „смешение и тревога“ — человечки умирают, разверзнется земля, целый месяц сверху будет низвергаться огонь, а потом всё утишится, стопится и сольётся. Содержимое банки разделится далее на 4 части: верхняя сияет блестящими красками, под нею образуется кристалловидная часть, ниже кроваво-красная, а совсем внизу непрестанно курящийся чёрный дым. В верхней части предстанет „небесный Иерусалим со всеми жителями“, во второй — „*стклянный *мир“, в третьей „красное великое* стклянное *море“. Наконец, нижняя часть — это „мрачное обиталище всех диаволов и адочестивых“. Если эту нижнюю часть положить в реторту и подо-*

греть, то наверх изойдёт „огнегорящий сублимат“, легко сжигающий всякую вещь; при других манипуляциях всё здесь свернётся в клуб, и родится ужасный червь, который через 4 дня исчезнет».

Изучая историю русской литературы и философии всегда следует помнить о «мущинках и женщинках». В очень значительной степени речь идёт о филологической и теоретической алхимии.

«Можно вскоре ожидать наступления разумного и умеренного общественного устройства на земле… Счастливое общественное устройство, подсказанное гениями, заставит технику и науку идти вперёд с необозримой быстротою … человек сделается истинным хозяином земли. Он будет … широко эксплуатировать океаны… Сначала исчезнут вредные животные и растения, потом избавятся и от домашних животных. В конце концов, кроме низших существ, растений и человека, ничего на земле не останется… Многочисленное население земли будет усиленно размножаться, но право производить детей будут иметь только лучшие особи… Так пройдут тысячи лет, и вы тогда население не узнаете. Оно будет настолько же выше теперешнего человека, насколько последний выше какой-нибудь мартышки. Исчезнут из характера низшие животные инстинкты. Даже исчезнут унижающие нас половые акты и заменятся искусственным оплодотворением. Женщины будут родить, но без страданий, как родят низшие животные. Произведённые ими зародыши будут продолжать развитие в особой обстановке, заменяющей утробу матери… Окружат солнце искусственными жилищами, заимствуя материал от астероидов, планет и их спутников. Это даст возможность существовать населению в 2 миллиарда раз более многочисленному, чем население земли. Отчасти она будет отдавать небесным колониям свой избыток людей, отчасти переселённые кадры сами будут размножаться. Это размножение будет страшно быстро, так как огромная часть яичек (яйцеклеток) и сперматозоидов пойдёт в дело… Получатся очень разнообразные породы совершенных… Впрочем, будет господствовать наиболее совершенный тип организма, живущего в эфире и питающегося непосредственно солнечной энергией (как растения)… Земля оказывается исходным пунктом расселения совершенных в Млечном пути. Где на планетах встретят пустыню или недоразвившийся уродливый мир, там безболезненно ликвидируют его, заменив своим миром… Во вселенной господствовал, господствует и будет господствовать разум и высшие общественные организации … Поэтому мучительная жизнь земли редкость, что она получилась самозарождением, а не заселением. В космосе господствует заселение, как процесс более выгодный. Ведь человек разводит морковь и яб-

локи от готовых организмов… Но в космосе самозарождение допускается, хотя и чрезвычайно редко, в силу необходимости, обновления или пополнения совершенных. Кое-где они вырождаются и ликвидируются ввиду встречающегося местами регресса… Роль земли и подобных немногих планет хотя и страдальческая, но почётная. Земному усовершенствованному потоку жизни предназначено пополнять убыль регрессирующих пород космоса. На долю земного населения выпал тяжкий жребий, высокий подвиг. Немногие планеты его получают. Едва ли одна на биллион. Иначе быть не может. В противном случае это противоречило бы разуму совершенных, то есть высшему эгоизму. Не могут же они работать во вред самим себе… Жизнь в более высоких организмах подобна сну, а жизнь в высших животных, хотя и ужасна (с т. з. человека), но субъективно несознательна. Корова, овца, лошадь или обезьяна не чувствуют её унижения, как не чувствует сейчас и человек унижения своей жизни. Но высшие существа смотрят на человека с сожалением, как мы на собак или крыс… Корова, если бы она имела более разума, также пожелала бы остаться коровой, овца не захотела бы расстаться с овечьей жизнью. Также и волк, и тигр, и таракан, и клоп, и глиста. Ограниченность человека заставляет и его впадать в те же гнусные желания. Да и много ли найдётся людей, которым бы стоило дорожить прошедшим!.. Но и самые высочайшие люди, раз они знают, что их ожидает ещё более высочайшее, должны с радостью примириться с гибелью прошлого».

Да, Константин Эдуардович. «Глыба». Весь свой архив Циолковский завещал Сталину. Сталин сказал: «Говорят, Циолковский чудак. Нам, товарищи, такие чудаки нужны». Конечно, собственно взгляды Циолковского канонизировать было невозможно, поэтому официально его оформили как великого изобретателя и учёного, открывшего ракеты, что ли, или там дирижабли. Точно до сих пор никто не знает.

Циолковский действительно не был «чудаком». Почему? Это обычный русский мыслитель. Его «монизм»-мамонизм берёт начало в учении Фёдорова и в общем мало от него отличается. А на Фёдорова молились Достоевский, Соловьёв и Толстой. Столь разные люди, и каждый потом, при более близком знакомстве, в Фёдорове по-своему разочаровался. Что и неудивительно: Фёдоров — тупой фанатик и злой русский христосик — личность безобразнейшая. Но неудивительно и то, что до сих пор о Фёдорове из русских философов никто плохо не отзывался. То есть взгляды критиковали, но всегда оговаривались, что бессребреник, альтруист и вегетарианец. (А по сравнению

с этим альтруистом Ильич добрейший и деликатнейший человек.) И первый порыв у Достоевского, Соловьёва и Толстого какой? Искреннее восхищение, любовь. То есть сердце, сердечко-то русское откликнулось, затрепетало. Трупы шприцами колоть, физиологический раствор закачивать литрами. А потом трупы точком, точком. И задёргаются, и пойдут. «Будут хорошо устроены в зоне». Ну как тут не зашвырнуть Евангелие в пыльный угол? Как не откликнуться, как не настрочить ночью письмо, быстро, на одном дыхании, готовом, впрочем, прерваться еле сдерживаемыми рыданиями. А Константин Эдуардович? Или не родной это человек? Разве не хотел он изобрести вечный двигатель? Разве не предложил он скромно использовать в качестве детали такового земной шар, к коему стоит только подвести шестерёнки и рычаги, и вот он, перпетуум мобиле? Или не хотел он выращивать «мущинок» и «женщинок» в ретортах? Или не печатал он им же самим выдуманные послания от многочисленных поклонников, где оные называли его «циклопическим умом» и «величайшим гением» и утверждали, что «его печатные труды бесповоротно сменили все книги так называемого священного писания»? Так у кого же поднимется рука назвать калужского мечтателя зарвавшимся параноиком? Ведь первый признак психического заболевания — это «неправильное поведение». А разве поведение Циолковского неправильно (908)? Наоборот, оно слишком правильно, слишком обычно и разве что из-за этого «слишком» выламывается за пределы обыденности. Нормальный русский ЗНАЕТ, что его через 10000 лет оживят и спокойно пишет романы или служит в министерстве. Зачем же об этом орать на каждом перекрёстке? Это провинция-с, патриархальные нравы-с.

Нет, Циолковский совсем не глуп. Как не глуп и Фёдоров, и Чернышевский. Как не глупы и два поколения русской аристократии, выращивавших гомункулусов и изобретавших вечный двигатель. Как не глуп, а наоборот, гениален был Пётр Великий, который дело цивилизации в России начал с покупки заспиртованных зародышей и действующей модели вечного двигателя. Ведь «вечный двигатель» — это идея кражи у Бога перводвижения, а создание «гомункулуса» — кража сотворения. Сам человек слаб и жалок, но в Европе есть некоторые организации. Откуда же такое пространственное хитро- и остроумие? Откуда западные заводные машинки и кукольно-аккуратные города? Ну конечно, хе-хе, трудолюбие, прилежание. Не маленькие, понимаем, КУДА вступаем. Знаем, что говорить надо. Но всё же «держись черни, а знай штуку». Так что и подмигнуть иногда.

А про «гуманизм» и «науку» это мы вам расскажем, тоже не лыком шиты. Главное прикидываться дурачками и болтать про просвещение, а негласно скупать серьёзную литературу. Каббала, Гермес Трисмегист, Парацельс, Калиостро.

897

← Предыдущее, следующее →

897. Примечание к № 895
Вот появится какой-нибудь Одноглазов (к цитате)

Или уж скорее какой-нибудь Циклопер. Я мучаюсь, не сплю ночей, переживаю. Для меня судьба Розанова вопрос жизни. И вот там где-то сидит НАСТОЯЩИЙ и швыряет мне мою рукопись в лицо:

— Что вы уже за ерунду написали? Нам-таки нужно серьёзное изучение творчества русских философов.

Моё место занято. Я Голядкин. И Голядкин занят. Даже Голядкина крали. Голядкин — это Осип Эмильевич Мандельштам. Надежда Яковлевна написала:

«Мандельштам в „Египетской марке“ ясно сказал, что наш единственный предок — Голядкин. Этот предок был мне гораздо более понятен, чем дед и его рижский брат, а тем более, чем курляндский часовщик и киевский врач».

Где я? Люди, где вы? Леонид Андреев писал ещё за полтора месяца до Октября:

«Мне страшно. Как слепой, мечусь я в темноте и ищу Россию. Где моя Россия? Мне страшно: Я не могу жить без России. Отдайте мне Россию! Я на коленях молю вас, укравших Россию: отдайте мне мою Россию, верните, верните».

Поздно спохватились, милейший. Но тут зацепка-с. Циклопер открывает эту книгу и карандашиком начинает на полях отмечать: чирк-чирк. А тут № 897. И он его читает. «Вы и убили, Родион Романыч». Сломается тут карандашик-то. Разорвётся хобот русским нагло ухмыляющимся ничем. А хобот это, между прочим, самое нежное место. Страшное слово «ничего» для русского имеет ласковый, бытовой оттенок. «Как дела?» — «Ничего». Даже просторечно: «ничаво».

Только не сломается карандашик, не остановится.

898

← Предыдущее, следующее →

898. Примечание к № 893
Это было мистическое переживание (к цитате)

Психиатрическая больница — последнее звено в цепи внешних событий (920), где я являлся лишь объектом, и в то же время первая вполне сознательная акция, первое самостоятельное, не только совершившееся, но и совершённое событие в моей жизни.

← Предыдущее, следующее →

899. Примечание к с. 92 «Бесконечного тупика»

Цитаты просвечивают, и сквозь их хитиновый панцирь виден внутренний мир. (к цитате)

Осип Мандельштам писал в своей статье, посвящённой Данте:

«Цитата не есть выписка, цитата есть цикада. Неумолкаемость ей свойственна. Вцепившись в воздух, она его не отпускает. Эрудиция далеко не тождественна упоминательной клавиатуре, которая и составляет главную сущность образования».

И ещё:

«Образованность — школа быстрейших ассоциаций: ты схватываешь на лету, ты чувствителен к намёкам».

Это верно, тонко. Мандельштам вообще высший еврейский тип. А ассоциативная речь косая его удивительна почти по-розановски. И как ему сам Розанов нравился, как он тонко и точно понимал музыку розановской речи!

«Филология — это семья, потому что всякая семья держится на интонации и на цитате, на кавычках (905). Самое лениво сказанное слово в семье имеет свой оттенок. И бесконечная, своеобразная, чисто филологическая словесная нюансировка составляет фон семейной жизни. Вот почему тяготение Розанова к домашности, столь мощно определившее весь уклад его литературной деятельности, я вывожу из филологической природы его души, которая в неутомимом искании орешка щёлкала и лущила свои слова и словечки, оставляя нам только шелуху. Немудрено, что Розанов оказался ненужным и бесплодным писателем».

Но как раз быт-то Розанова для Мандельштама чужой. И за домашним уютом ужасы. Чужие ужасы, чужие скелеты в шкафах. А он этого не знал и не хотел знать (психология гостя). Еврейский инстинкт ему подсказывал — туда не надо.

Когда перед русскими ругаешь русских, они с пол-оборота заводятся (906). Я: «Вот славяне в X веке стариков убивали». Прямо взвивались:

— В X?! А в XIX не угодно? На саночки, значит, стариков полоумных сажали, укутывали и в овраг — глухой, гигантский, по-

дальше от деревни. «С Богом». Или ещё проще: подводили к краю и обухом кувылк батю. Да… Это здесь сейчас представляется: ах, лес, ах, воздух. А как зима, мороз и надо по дрова идти. А вокруг волки: толстые, наглые, с пружинистым шагом, стальным окрасом. А что такое «волк»? Это тот же крокодил, только покороче, с шерстью и бегать умеет со скоростью автомобиля. И ещё умный и с художеством — сыт, а всё равно загрызёт: артист и «силушка в жилушках играет». Что твои джунгли! В джунглях ещё жить и жить. Там тепло, а тут разденься при 40 градусах и через 10 минут каюк. Так-то вот в России.

А о людоедах это уже главная тема. Как русские сойдутся, да начнут «разоблачать», обязательно в эту тему упрутся:

— Резал, в котле варил, ел да похваливал: «Человечинка, она сла-аденькая». А сам улыбается, один зуб кривой из бороды торчит. «Мы добрые». Душегуб. Вот они какие — русские.

— Да это что, вот я случай знаю…

— Это что, а вот там-то…

И так всё радостно, захлёбываясь.

Я с евреями эту тему неоднократно начинал. Но никогда не поддерживали. Или отмалчивались, или (чаще) бросались «защищать». Только правительство всегда ругали — «городовые». А так:

— Русский народ хороший, у него песни и пляски. И он многострадальный.

— Да вы не поняли, я же не про то.

— Нет, не надо.

И совершенно не улавливали юмора. Иногда, чувствовалось, даже думали, что я подначиваю. Тут, конечно, вековой инстинкт жизни «в гостях». Хозяева ссорятся, а ты не лезь — всегда виноват будешь.

Но эта воспитанность, доброжелательность, она холодна, и чувствуется, что наплевать им на всё. Чисто инстинктивно наплевать, так как евреи на уровне сознания часто действительно озабочены «судьбами русского народа» и т. д. Им так кажется. Но всегда (прав Достоевский) совершенно незаметно для себя проговариваются. Вот Мандельштам, тонкий стилист, высказался однажды о русских лавочниках:

«Разгорячённые, лукавые, но в подвижной и страстной выразительности всегда человеческие лица грузинских, армянских и тюркских купцов — но никогда я не видел ничего похожего на ничтожество и однообразие сухаревских торгашей. Это какая-то помесь хорька и человека, подлинно „убогая славянщина“. Словно эти хитрые глазки, эти маленькие уши, эти волчьи лбы,

этот кустарный румянец на щеку выдавались им всем поровну в свёртках обёрточной бумаги».

Но «лавочники» — это ведь народ в квадрате (907), пойти на Сухаревку, и вот он — народ, и ехать никуда не надо. Здесь всё, все типы. И вот целый народ так, оптом… Тут с Мандельштамом сыграл злую шутку другой инстинкт — инстинкт предпринимателя, конкурента. Народ — это там, в деревне, а здесь не народ, а тупые лабазники. «Торгаши». Тоже как бы власть уже. А власть плохая. Пастухи плохие, скот хороший (чужой). Но тут и другое. Просто Мандельштам услышал подобный разговор и решил, что так можно. Это стилизованная цитата из русского разговора.

Мораль. Цитата удивительно сокращает изложение, упрощает его и одновременно облагораживает, даже защищает (ссылкой на авторитет). Цитаты срезают углы повествования, помогают несколько отстраниться от своей мысли и т. д. Но. В конечном счёте все цитаты должны быть заменяемы собственными мыслями и чувствами. Цитата должна быть проверена на прочность возможностью её исключения. Самостоятельного значения она иметь не может и не должна. Иначе всё взорвётся, вырвется из рук. Цикада превратится в цикуту.

Цитата лишь истечение в реальность внутреннего внесловестного опыта. Цитата осуществляется в реальности легче, удобнее и проще. «Туда умного не надо». Чего ломаться, пошлю цитату. Цитата никогда не должна быть в центре. Цитата должна быть на побегушках. Поставлю цикаду, пускай верещит заглушкой, а в это время…

В евреях наиболее открыт национальный фатум. Язык тот же и не заслоняет суть. Сейчас московский еврей говорит по-русски совсем без акцента. И жесты, мимика — ещё русского научит. И при этом пугающая непохожесть. Хотя образованнее русских и мысль сразу схватывают, следят. А вот что за мыслью, что замыслено, совсем не видят. Или видят, но очень топорно, грубо. Один всё ходил, головой качал: «Одиноков иезуит; я вот только сейчас иезуитов понял, какие они». Какой же я иезуит? Я хохотал. Добродушный, добрый человек. И я очень понимаю Розанова, со слезами на глазах (от смеха) доказывавшего то же самое. Конечно, есть юродство, есть. Но это совсем не издевательство и не дьявольская хитрость. Это своеобразная манера общения, смею вас уверить, максимально доброжелательная и вообще даже ласковая, женская. Так же, как все эти бесконечные русские людоедские разговоры. Евреи под словом-то и не видят ничего, живут в слове. А слово у русских лишь верхушка айсберга,

не более. В этом и семейный, домашний характер розановской и вообще русской речи. В семье слово физиологично и иероглифично. Отца парализованного я очень хорошо понимал. Даже, может быть, лучше, чем здорового. Его родное мычание угадывалось и даже предвосхищалось. Может быть, это был период наибольшей близости к отцу. Другие же, даже родственники, его не понимали, и приходилось расшифровывать. Как раньше я ненавидел пьяное лепетание отца и его трезвое похмельное зудение:

— Уроки, учи уроки!

— Да я выучил.

— А ты ещё выучи, соседние параграфы. Я тебе добра хочу. Пошёл бы в школу-то.

— Да сегодня воскресенье.

— А ты всё равно сходи. Ведь двоечник, слабачок. Должен дневать и ночевать там.

А из больницы выписали меня на две недели дома отдохнуть, пока рука срастается, он пошёл к главврачу: «примите его снова, у вас режим». Когда же отца выписали из его больницы, он дома чуть не заплакал. Я ему:

— Что, пап, хорошо в больнице?

— Ой, сынок, плохо. Я домой как в рай приехал, воздухом-то подышать. Как родился заново.

И отец уже легче стал. Перестал пить, и в нём трезвость помягчела. А когда его уже парализованного привезли — он трезвый говорил как пьяный. И не было ни пьяного безмыслия, ни озлобленных нотаций. Опять, как ни крути, нравоучительная месть судьбы.

900

← Предыдущее, следующее →

900. Примечание к № 886

«классическая русская литература» XIX–XX вв.еков будет осмыслена как религия (к цитате)

Как может человек, находящийся внутри мифа, ощущать этого мифа конечность, смертность? Смерть. Только как регресс, упадок. Иначе он и не может себе ПРЕДСТАВИТЬ мир без его мифа. «Пан умер». Что это? Регресс. О природе другого бога, другого мифа античность не могла и помыслить. ПЛАТОН не мог. С точки зрения литературного мифа просто неинтерес к литературе есть признак деградации, упадка. О Бородине-химике знают, о Бородине-композиторе «что-то слышали». Только так. Но речь идёт совсем не о технократическом невежестве. То, что произойдёт, можно проиллюстрировать примером совсем другим. Если сейчас спросить о Сухово-Кобылине, то образованный русский скажет, что это автор известной трилогии, назовёт Кречинского и т. д. И лишь один из тысячи этих ОБРАЗОВАННЫХ людей добавит, что Сухово-Кобылин последние 20 лет своей жизни писал огромный труд по философии, сгоревший в усадьбе 82-летнего писателя и потом им отрывочно восстанавливаемый по памяти. Если же о Сухово-Кобылине спросить русского 2088 года, то он долго стал бы рассказывать о его «Учении Всемира», о теллурической, солярной и сидеральной стадии развития человечества, о трубчатом теле солярного человека, парящего в пространстве и уничтожающего неполноценных особей для создания великого семиконечного Экстрема — Лучезарной Личности. А потом, в конце беседы будущий русский добавит: «Интересно, что Сухово-Кобылин написал в своё время ряд пьес на „обличительные темы“». Пьес он этих не читал, конкретного содержания их не знает, так как неспециалист, но слыхал что-то о недавно вышедшей монографии молодого представителя нижегородской школы теопсихоанализа, где творчество Кобылина-драматурга интерпретируется как своеобразный косвенный элемент его религиозно-философской системы.

901

← Предыдущее, следующее →

901. Примечание к № 650

Некрасов — это единственный русский поэт с юродством. (к цитате)

Ну вот, написал 1000 страниц.

Огни зажигались вечерние,
Выл ветер и дождик мочил,
Когда из Полтавской губернии
Я в город столичный входил.
В руках была палка предлинная,
Котомка пустая на ней,
На плечах шубёнка овчинная,
В кармане 15 грошей.
Ни денег, ни званья, ни племени,
Мал ростом и с виду смешон,
Да сорок лет минуло времени, —
В кармане моём миллион.

Тысяча страничек, копеечка к копеечке. Можно и закругляться (944).

902

← Предыдущее, следующее →

902. Примечание к с. 93 «Бесконечного тупика»

Юнг настолько ушёл в слово, что он и своё бессознательное сделал фактом словесного мира … в результате получается страшная деформация личности (к цитате)

Набоков терпеть не мог Фрейда, этого, по его словам, «венского шарлатана», который «вместе со своими попутчиками трясётся в третьем классе науки через тоталитарное государство полового мифа».

Если Фрейд, по Набокову, III класс, то Юнг, наверно, II. Юнговская критика фрейдизма достаточно глубока. Это учение трактовалось швейцарским мыслителем как секуляризованный иудаизм. Иегова заменился сексуальностью. «Изменилось только имя, и с ним конечно точка зрения, что потерянного Бога следует искать внизу, а не вверху». Юнг писал:

«Где бы только в человеческой личности или в произведении искусства не появлялась выраженная духовность (в интеллектуальном, а не сверхъестественном смысле), Фрейд относился к ней с подозрительностью и намекал, что это подавленная сексуальность… Он был захвачен своей сексуальной теорией в необыкновенной степени. Когда мы говорили о ней, его тон становился настойчивым, почти обеспокоенным, и все признаки его обычно скептической и критической манеры исчезали. Странное, глубоко взволнованное выражение лица было для меня загадкой… Фрейд сказал мне: „Мой дорогой Юнг, обещайте никогда не отказываться от сексуальной теории. Из всего это самое важное. Видите ли, мы должны сделать из неё догму, неприступный бастион“. Он сказал мне это с большим подъёмом, в тоне отца, говорящего: „И обещай мне одну вещь, мой дорогой сын, что ты будешь ходить в церковь каждое воскресенье!“»

При этом сам Юнг не в меньшей степени был склонен к безвольному подчинению демонам иррационализма (910). Конфликт с Фрейдом он пытался преодолеть путём взаимной психотерапии. Они много спали, а просыпаясь, рассказывали друг другу сны и потом их дешифровывали. Юнгу казалось, что его сновидения глубже фрейдовских и более адекватно символизи-

руют возникшую ситуацию. Он не понимал, что не бессознательное внедряется в его сознание, а его хитрое сознание программирует сны в угодном ему направлении (911). Подлинное же его «я» остаётся для него загадкой (не говоря уже о «сверх-я»).

Ошибка Юнга в отсутствии чувства юмора, иронии, по крайней мере, уровня юмора и иронии, соответствующего его интеллекту. А ведь он сам писал, что никто не может безнаказанно встречаться с собственным бессознательным:

«Творческая личность имеет мало власти над своей собственной жизнью. Она несвободна. Она пленница, влекомая своим демоном».

«Архетипы говорят на насыщенным риторикой языке, даже, можно сказать, на напыщенным языке … ни один мужчина не может беседовать с анимусом в течение пяти минут, чтобы не стать жертвой своей собственной анимы. Тот же, кто имеет достаточное чувство юмора, чтобы объективно слышать последующий диалог, будет поражён огромным количеством общих мест, злоупотреблением трюизмами, клише из газет и романов, дешёвыми банальностями каждого описания, пересыпаемого вульгарной бранью, и уморазрушительным отсутствием логики. Это диалог, который независимо от участников повторяется миллионы и миллионы раз на всех языках мира и всегда остаётся по сути одним и тем же».

Психоанализ — это не что иное, как катастрофическое смещение пластов человеческой психики (913), опрокидывание структурированного логоса в пещеру коллективного бессознательного, населённую безликими и аморфными существами не существами, механизмами не механизмами, а какими-то шевелящимися глыбами архетипов. И чем дальше, чем глубже внутрь, тем свободнее и «покинутее» становится разум, и тем «насекомее» и физиологичнее уплотняется окружающий его мир. Индивидуальное сознание, попадая в башенные часы евклидового мира, мечется между шестерёнок и пружин смертельно испуганной крысой. Задача — попасть в ритм, в схему (архетип) качания всего механизма. Спасение здесь в увёртливой филологии, в двойных провокациях языка, порождающих бесконечные параллельно-зеркальные тоннели иронии, по которым можно относительно безнаказанно выбраться на поверхность.

Текст Юнга честен, недеформирован. Отсюда деформация его логоса, честно полезшего под чугунные молоты архетипов. Юнг филологически прям. Ему по-русски не нравился Гегель, и он по-немецки откровенно признавался в этом:

«Из философов XIX века у Гегеля меня отталкивал его язык, такой же претенциозный, как и вымученный. Я не чувствовал к нему никакого доверия. Он мне казался человеком, который был посажен в темницу своих собственных слов (918) и с важным видом жестикулировал в своей тюрьме».

Однако Юнг не понимал, что это в той или иной степени удел любого мыслителя. О своём случае он заявил следующее:

«С самого начала я рассматривал добровольное общение с бессознательным как научный эксперимент, который я сам проводил и в результате которого я был заинтересован».

«Научный эксперимент». Не-ет, милейший, так не будет. С Бессознательным, с Бесо-знательным так просто не разделаешься. Это ещё неизвестно, кто на ком экспериментировать начнёт. И сквозь страницы прорастёт кровавый мох.

Юнг описывал следующий случай из своей практики. Однажды он проводил тренировочный сеанс психоанализа на молодом коллеге-стажёре и вдруг понял при разборе очередного кошмарного сна:

«…что его нормальность имела компенсаторную природу. Я узнал это как раз вовремя, потому что скрытый психоз должен был вот-вот прорваться в сознание и стать реальностью. Это нужно было предотвратить. Наконец, с помощью одного из других его сновидений, я смог найти приемлемый предлог для того, чтобы закончить тренировочный анализ. Мы оба были рады закончить его. Я не проинформировал его о моем диагнозе, но он, вероятно, почувствовал приближение панического страха, потому что он видел во сне, как его преследует опасный маньяк. Сразу же после этого он вернулся домой. Он больше никогда не будоражил своё подсознание. Его подчёркнутая нормальность отражала индивидуальность, которая бы не развилась, но, напротив, была бы просто разрушена встречей с подсознанием. Такие скрытые психозы самое неприятное для психотерапевтов, потому что их часто очень трудно распознать».

На мой же взгляд, такие психозы должны были быть неприятны для Юнга, так как просто-напросто делали его орудием злого рока, провокатором разрушительных потенций человеческой психики. Странно, или точнее очень характерно, что Юнг этого не понял (хотя чувствовал, не мог не чувствовать).

Неприязнь Набокова к фрейдизму объясняется не неприятием его конкретного содержания. Оно-то, если проанализировать набоковские произведения, было ему достаточно близко и интересно. Его оттолкнул густой налёт идиотизма, столь характер-

ный для психоанализа любого направления, возникающий из-за филологической несообразности между текстом и описываемым материалом. Талмудическая терминология и напыщенный, а в худшем случае адаптивно-игривый тон — всё это превращает фрейдистов в людей, как раз вполне описываемых этим грубым и анти-ироничным языком.

В начале 50-х годов ряд западных психоаналитиков (Д. Горер, Маргарет Мид, Эриксон и др.) разработали так называемую «теорию спеленания», согласно которой русский национальный характер в значительной степени обусловливается обычаем пеленать детей вплоть до 9-месячного возраста. Для этой концепции спеленание есть «символическое выражение исторической перестройки, произошедшей при переходе от свободной колонизации к жизни в условиях закрепощения». Опыт свивания младенца являлся «насильственной прелюдией к дальнейшему жизненному опыту», помогавшей подневольным крестьянам сохранить в качестве компенсации свою нетронутую душевность. Долгие периоды полной пассивности и бурная эмоциональная разрядка в момент распеленания отразились на общем ритме русской жизни и предопределили следующие типичные русские черты:

1. Склонность к насилию.
2. Устраивание заговоров.
3. Стремление к частым исповедям.
4. Страх перед врагами, которые не имеют даже чёткого определения.
5. Анархизм.
6. Неприемлемость компромисса.
7. Поиск вечной правды.
8. Чувство вины.

С таким же успехом все эти черты, действительно подмеченные верно, можно вывести, скажем, из квашеной капусты. Ведь, как и спеленание, капуста является национальной особенностью русского образа жизни. Вспомним поговорку: «Тебя в капусте нашли». Таким образом, в русском фольклоре первичной пелёнкой служит капустный лист. Именно в капусту пеленают тельце русского младенца.

Капуста, являясь глубочайшим архетипическим образом («сто одёжек и все без застёжек» — символ амбивалентности русского характера), глубоко вплетается в отечественную историю. Неудивительно, что тема капусты проходит красной нитью через историю отечественной словесности. Так ещё на заре XIX века в ростопчинских афишках находим классические строки:

«Французы от капусты раздуются, от каши перелопаются, от щей задохнутся, они все карлики и их троих одна баба вилами закинет».

Собственно говоря, в этом отрывке речь идёт о нигилистическом характере русского сознания, пустота которого и символизируется капустой. Свойство блюд из капусты, и особенно капусты квашеной, — пучение кишечника желудочными газами, как бы распирание материи пустотой. Внутреннее физиологическое ощущение русского человека после приёма капусты не является дискомфортом, так как совпадает с психологическим чувством внутренней «пустынности». Для европейцев же подобный опыт смертелен. Они не выдерживают контакта с мировым ничто. Конкретно это находит своё выражение в неприемлемости для них блюд отечественной кухни, от которых они «раздуваются», «лопаются», «задыхаются» и становятся практически невесомыми, теряют связь с почвой («их троих одна баба вилами закинет»).

Любопытно, что и на конечном этапе развития русской культуры тема «раздувания» и «лопания» находилась в центре внимания писателей. Так Аполлон Аполлонович Аблеухов страдал от скопления газов, распирающих желудок, с которым боролся, принимая абсорбирующие угольные лепёшки.

С разбухшим желудком у Белого ассоциируется мировой ноль (922), таящийся в конечной единичке человеческого тела:

«Непрезентабельное КОЕ-ЧТО внутри себя громадное прияло НИЧТО; и громада НИЧТО разбухает в презентабельном виде из вековечных времён».

Сына Аблеухова в детстве мучил этот кошмар расширяющегося «я»:

«В детстве Коленька бредил; по ночам иногда перед ним начинал попрыгивать эластичный комочек, не то — из резины, не то — из материи очень странных миров; эластичный комочек, касаясь пола, вызывал на полу тихий ласковый звук: пепп-пеппеп; и опять: пепп-пеппеп. Вдруг комочек, разбухая до ужаса, принимал всю видимость шаровидного толстяка-господина; господин же толстяк, став томительным шаром, — всё ширился, ширился, ширился и грозил окончательно повалиться, чтобы лопнуть.

И пока надувался он, становясь томительным шаром, чтобы лопнуть, он подпрыгивал, багровел, подлетал, на полу вызывая тихий, ласковый звук:

— „Пепп…“

— „Пеппович…“

— „Пепп…“

И он разрывался на части.

А Николенька весь в бреду, принимался выкрикивать праздные ерундовские вещи и всё о том, об одном: что и он скругляется, что и он — круглый ноль; всё в нём нолилось — ноллилось — нолял…

(Гувернантка Каролина Карловна говорила:)

— „Успокойся, малинка Колинка: это рост…“ Не глядела, а — карлилась; и не рост — расширение: ширился, пучился, лопался:

— Пепп Пеппович Пепп».

Саму смерть Андрей Белый описывает в капустной символике, изображая её как «прысканье газов сквозь отверстия всех кожных пор», так что «самое ощущение тела становится НОЛЬ ощущением»:

«Представьте себе, — пишет Белый, — что полетите вы в завоздушную атмосферу головою вниз, а спиной — поступательно; и вы будете спутник земли, от земли отлетать в мировые безмерности, одолевая многотысячные пространства — мгновенно, и этими пространствами становясь. И ещё представим себе, что каждый пункт тела испытывает сумасшедшее стремление распространиться без меры, распространиться до ужаса (например, занять в поперечнике место, равное сатурновой орбите); и ещё представим себе, что мы ощущаем сознательно не один только пункт, а все пункты тела, что все они поразбухли, — разрежены, раскалены — и проходят стадии распирания тел: от твёрдого до газообразного состояния, что планеты и солнца циркулируют совершенно свободно в промежутках телесных молекул; и ещё представим себе, что центростремительное ощущение и вовсе утрачено нами; и в стремлении распространиться без меры телесно мы разорвались на части; и что целостно только наше сознание: сознание о разорванных ощущениях. Что бы мы ощутили? Ощутили бы мы, что летящие и горящие наши разъятые органы, будучи более не связаны целостно, отделены друг от друга миллиардами вёрст; но вяжет сознание наше то кричащее безобразие — в одновременной бесцельности; и пока в разряжённом до пустоты позвоночнике слышим мы кипение сатурновых масс, в мозг въедаются яростно звёзды созвездий; в центре ж кипящего сердца слышим мы бестолковые, больные толчки, — такого огромного сердца, что солнечные потоки огня, разлетаясь от солнца, не достигли бы поверхности сердца, если б сдвинулось солнце в этот огненный, бестолково-бьющийся центр. Если бы мы телесно себе могли представить всё это, перед нами бы встала картина первых стадий жизни души, с себя сбросившей тело:

ощущения были бы тем сильнее, чем насильственней перед нами распался бы наш телесный состав…»

Вообще в нормальных условиях при помощи перистальтики желудочно-кишечного тракта происходит направленное испускание скопившихся газов. Сублимируя этот процесс до духовного уровня, можно сказать, что материальная плотность бытия выдавливает из себя ничто, направляя его разрушительную энергию в безопасном направлении. Нигилизм русского духа, сжатый железной целеустремлённостью тоталитарного государства, привёл не к растворению в бесконечном космосе, а к выталкиванию туда конечного тела космонавта. Провиденциально, что именно русские первыми вышли в космос. Это хоть в какой-то мере безопасное истечение разрушительных анархических устремлений.

Чувствуя в себе как бы природную склонность к реактивной форме движения (то есть движения из себя, с опорой не на внешний мир, а на внутренний), русские всегда налегали на соответствующие пищевые продукты. Не только на капусту, но и на квас, репу, ржаной хлеб и т. д. Особняком тут стоит горох, как и капуста, занимающий специфическое место в народной мифологии. Я имею в виду царя Гороха и его сакрального коррелята шута горохового (смеховой двойник). Но всё же именно квашеная капуста является центральным архепродуктом. Если горох сам по себе вполне нейтрален, то кислая капуста, особенно перепрелая, уже до своего употребления обладает специфическим запахом, совершенно непереносимым для иностранца, но притягательным для соотечественника. Капустный дух — это русский дух. Тема капусты, обращённость к ней, есть конкретное выражение общего капустного духа. Вся русская литература, весь её «реализм» произошёл от капусты, провонял капустой. Русского человека влечёт смрад. Ему это «интересно». У русских литераторов замечается немотивированная тяга к описанию экскрементов, прыщей, вони. Такой писатель как Чехов просто поглощён темой вони, гнилой материи. От страниц его рассказов буквально несёт. Это у него устойчивый приём, как чёртик из коробочки выскакивающий посреди совершенно ласкового, пейзажного текста и непоправимо нарушающий стилистику.

Сюда же примыкает и Набоков (впрочем, делавший это более сознательно и осторожно). Я не говорю о Гоголе и Достоевском. У них это часто вполне оправданно, но ведь в контексте всей литературной традиции тоже шибает в нос, кажется перебором, «больным зубом Вронского», столь возмущавшим своей нелепостью Леонтьева (Вронский в «Анне Карениной» едет в конце

на войну с турками, и у него почему-то болит зуб, хотя никакого ситуационного или символического смысла в этом факте нет).

Всё это является следствием того, что русская литература развивалась вовсе не в русле «критического реализма», а в русле «реалистического критицизма». Русская литература — это фантазия, но фантазия с максимальной степенью правдоподобия, фантазия, замаскированная до неправдоподобия.

Что такое «Шинель»? Можно ли найти в истории МИРОВОГО искусства более абстрактное и метафизическое произведение? Ведь здесь смысл уплотнён до предложения, до слова, до междометия, до многоточия, до запятой, до разбивки на абзацы. Величайшие метафизики мира далеко не всегда поднимались до таких высот концентрации мысли (934). Собственно, Акакий Акакиевич — это вечная идея человека, или какой-то каббалистический знак, или, на худой конец, строчка формулы-теоремы с каким-то сногсшибательным смыслом, вроде теоремы Гёделя. И вот Гоголь пишет:

«И всегда что-нибудь да прилипало к его вицмундиру: или сенца кусочек, или какая-нибудь ниточка; к тому же он имел особенное искусство, ходя по улице, поспевать под окно именно в то самое время, когда из него выбрасывали всякую дрянь, и оттого вечно уносил на своей шляпе арбузные и дынные корки и тому подобный вздор».

В филологический нихиль, смерчем проносящийся по страницам повести, Гоголь швыряет клочки сена, нитки и арбузные корки, чтобы по их кружению указать нам на всамделишность и действительную порождённость своего мира.

В работе М. Горлина «Гоголь и Гофман», изданной в 1933 г. сказано, что у Гоголя против субъективно-фантастического — в мечте — избавления от кошмарного мира (что было столь свойственно Гофману), восставала не только его религиозность, но и «прирождённое русское чувство реальности» — «органическое тяготение русского духа к объективности, к осуществлению божественного начала в повседневной жизни, невозможность отрешиться от бытия и искать избавления в воображаемом мире».

Собственно говоря, тяга к грубой материи объясняется лёгкостью её филологического порождения, на которую наши писатели и «купились». Скажите: «Роза благоухала», — это сотрясение воздуха. Скажите: «Воняло тухлыми яйцами», — это чувствуешь почти физически. Как и вообще неприятные запахи более резки и сильны. Бердяев писал, что любит не только дух, но и духи. В духи для закрепления и усиления запаха добавляют всякого

рода дурнопахнущие вещества. Русские для фиксации духа добавили отбросы и ошмётки материального мира. И почему-то назвали это «реализмом». Хотя на самом деле это даже не нереализм, а антиреализм. Сведение реального мира к огрызкам сломанных вещей, к осколкам водочной бутылки, заключающим будто бы в себе прелесть лунного вечера.

Лунный вечер «вообще» непонятен, ибо как же его породить? Для этого нужно быть Богом. А вот бутылку, да ещё разбитую, породить очень легко. При этом упор делается именно на ПОРОЖДЕНИИ, а не на стекляшках самих по себе. Это не гофмановский уровень приближения к реальности, когда писатель просто отказывается вообще от какого-либо материального порождения и целиком растворяется в субъективизме; нет, это настырное и юродское цепляние за реальность, за реальный мир, попытка имитации акта творения. Это не западный романтизм, и не претендующий на социальную значимость. Но это тем более и не западный натурализм, вообще отметающий проблему творения и занимающийся фактографией, «отражением». Это цепляние за мир этот при склонности к миру иному. Как русская церковь стелется по земле, так и русский писатель стелется по материи. Ощущение полёта здесь сочетается с ощущением его безнадёжности, фатальной гибели. Гоголь породил мир. Но сомневался ли он хоть минуту в его низменной гибельности и обречённости на геенну огненную? Судьба II части «Мёртвых душ» даёт ответ однозначный.

Тут чувство подлинности материи и отвращение к этой подлинности. Если человек в одежде сидит за столом в гостях, русский глаз видит его голым, козлоподобным. И это-то и кажется ему реальностью, хотя на самом деле как раз нагота здесь, в данных условиях, ирреальна, неестественна. Но русскому кажется, что сидеть нагишом где-нибудь в автобусе более естественно и более РЕАЛЬНО. Эта сюрреалистическая картина кажется ему самым что ни на есть голым реализмом. Таким же реализмом кажется ему чиновник-взяточник, военный-трус, учёный-дурак, жена-проститутка, священник-атеист и т. д. Это всё «разоблачения». «Вот оно как!» «Теперь мы уже знаем!» Вот в результате такого «срывания всех и всяческих масок» получается «критический реализм». Здесь презрение к плоти доходит до подчинения ей.

Чехов писал в «Сахалине»:

«Скажу несколько слов об отхожем месте. Как известно, это удобство у громадного большинства русских людей находится в полном презрении. В деревнях отхожих мест совсем нет. В мо-

настырях, на ярмарках, в постоялых дворах и на всякого рода промыслах, где ещё не установлен санитарный надзор, они отвратительны в высшей степени. Презрение к отхожему месту русский человек приносит с собой в Сибирь…»

Это же презрение и породило интерес Чехова к такого рода вещам, так что Антон Павлович подписывал письма к жене: «Твой сверхчеловек, часто бегающий в сверхватерклозет» (937).

Подчинение материи завораживает русского, превращает его в кролика, цепенеющего перед удавом. Русские — это глубоко мирные, добродушные, смирные и смиренные люди. Из-за своей исключительной гордыни.

Гегель остроумно заметил в «Феноменологии духа», что даже животные не признают примата материи над духом и выражают свою мудрость тем, что:

«…не останавливаются перед чувственными вещами, якобы безусловно сущими или реальными, но, отчаявшись в этой реальности и с полной уверенностью в их ничтожестве, прямо бросаются на них и пожирают».

Русские же боятся материи, ненавидят её и сами пожираются ею. Себе же в пищу они отваживаются выбрать нечто смрадное, полуразложившееся, потерявшее естественный вкус и запах, нечто слишком материальное, чтобы быть материей. Это пародия на материю. Они согласны только на божественную амброзию и вынуждены поэтому пить сивуху и ходить по колено в квашеной капусте. Вот почему это глубоко мирный, по-кроличьи травоядный народ, у которого более половины дней в году пожирание самих животных, этой самой материальной материи, даже запрещается по религиозным канонам.

Русские перепутали правдоподобие с правдой, реальностью. Что правдоподобно, то в русской мифологии реально. А неправдоподобная реальность — нереальна. То есть такое общество, столь категорично отрицающее фантастику, живёт вообще в мире фантастики, само является фантастикой, «выдумкой».

903

← Предыдущее, следующее →

903. Примечание к с. 93 «Бесконечного тупика»

Математику я никогда не любил. Кант угнетает русского человека своей математической однозначностью. (к цитате)

Учительница по математике всегда говорила: «Одиноков — дурачок». Слово «дурачок» она как-то мелодично растягивала, и получалось саркастично и безнадёжно. «Ду-ра-чок». Однажды, в классе 9-ом, я сидел на уроке, подперев щёку левой рукой, а правой рисуя на промокашке какую-то чепуху: пальму, солнышко, просто завитушки разные. Она подошла, посмотрела на рисунки, потом взяла и показала классу: «Вот, ребята, посмотрите, чем Одиноков на уроке занимается». (И всегда я чем-то «занимался». И всегда меня от этого надо было спасать.) Класс лояльно хохотнул. Потом меня ударили промокашкой по щеке. Я даже не почувствовал (промокашкой-то!). Не почувствовал и внутренне, и до сих пор именно этот эпизод не считаю обидным. Наоборот, он очень легко укладывается в общую схему математики.

Какие-то дураки навязывают мне правила, заставляют играть в шахматы. А я в них совсем играть не умею. И мне ставят мат. При моем самолюбии это единственно возможное для меня унижение — интеллектуальное. Я не умею играть в шахматы. Но я могу «обыграть» шахматы, тему шахмат. Мне интересно думать о шахматах. Жуткая несправедливость математики в том, что там нет своеволия. Воля загнана в каналы правил. И эти правила мною правят. А я дурачок.

904

← Предыдущее, следующее →

904. Примечание к № 888

Чаадаев не только западник, но и славянофил. По оригинальности самой идеи (к цитате)

Более того, Чаадаев был более славянофилом, чем сами славянофилы. Его мысль была более русская по форме, по силе и по гибкости.

Известно, что Николай I наорал на Чаадаева после его знаменитого «Философического письма». Но ошибка Николая, и ошибка тяжёлая, ошибка непростительная, заключается не в этом, а в том, что он не принял искренних извинений Чаадаева и не помог ему в его дальнейшей философской деятельности. После высочайшего окрика Чаадаев моментально перестроился и стал говорить об особой исключительной миссии России, о её культурной самобытности и уникальности. И эти мысли Чаадаева отнюдь не были вымученным компромиссом с совестью, бездарным следствием бездарного испуга. Нет, мысли Чаадаева были ТАК ЖЕ НАПРЯЖЕНЫ, ТАК ЖЕ ИНТЕРЕСНЫ, ТАК ЖЕ ОРИГИНАЛЬНЫ. Тема его ЗРЕЛЫЙ РУССКИЙ УМ не интересовала. Интересовала форма, интерпретация. Тему о бездарности России он взял из-за её своеобычности, оригинальности. Но ему дали другую тему, МЕНЕЕ оригинальную, но он и её сумел ТАК подать, ТАК выправить… Каким же нужно быть политическим недоумком, чтобы не принять нового Чаадаева с распростёртыми объятиями. Если бы ему дали тогда журнал, дали кафедру… да что там, если бы только благосклонно кивнули из Зимнего. И пропали бесценные мысли, забыли так и не запомнив. Мысли, к уровню которых во многом русские подходят только сейчас. И если бы ТОГДА опубликовали и распространили, ну хотя бы это:

«По отношению к мировой цивилизации мы находимся в совершенно особом положении, ещё не оценённом. Не имея никакой связи с происходящим в Европе, мы, следовательно, более бескорыстны, более сдержанны, более безличны, более беспристрастны по всем предметам спора, нежели европейские люди. Мы являемся в некотором роде законными судьями по всем высшим мировым

вопросам. Я убеждён, что нам предназначено разрешить самые великие проблемы мысли и общества, ибо мы свободны от пагубного давления предрассудков и авторитетов, очаровавших умы в Европе. И целиком в нашей власти оставаться настолько независимыми, насколько необходимо, настолько справедливыми, насколько возможно. Они это сделать уже не в силах. Там на них давит огромный груз воспоминаний, привычек, рутины…»

«Мы стоим, по отношению к Европе, на исторической точке зрения, или, если угодно, мы — публика, а там актёры (936), нам и принадлежит право судить пьесу…»

905

← Предыдущее, следующее →

905. Примечание к № 899

«Филология — это семья, потому что всякая семья держится на интонации и на цитате, на кавычках». (О. Мандельштам) (к цитате)

Отец, уже парализованный, рвал одной рукой дневники, письма, складывал в картонную коробку. И её потом выбросили. Я сказал: «Может быть оставить, зачем». А он: «Не нужно, макулатура».

Чувство, внезапно появившееся у меня сейчас, в конце этой книги, — чувство уюта. «Бесконечный тупик» — микрокосмический Одиноков. И пусть дневники развеются по ветру, пусть всё порвут и выбросят, уничтожат. Меня же очень легко вычеркнуть — просто сжечь всё. Это до этой книги так было. А теперь нет, теперь рукопись останется, будет существовать, медленно размножаясь, и я сам стану разлетаться по Москве, по её улицам и переулкам. Как же меня уничтожить? Это очень трудно теперь. Нет чувства беззащитности. Новое, до сих пор незнакомое чувство. Я бессмертен, а моя жизнь на конце иглы. И вот этих игл становится всё больше и больше. Чтобы я погиб, их надо переломать все. Но если этих игл хвойный лес? Если они развеяны московским ветром и за ними не угнаться?

Эта книга как бы семья: жена, дети. И они меня любят и хранят «архив». Как будто бы я женился, как будто какой-то другой человек присутствует со мной, как будто бы я не один, а какая-то приятная подруга жизни согласилась со мной проходить вместе жизненную дорогу…

906

← Предыдущее, следующее →

906. Примечание к № 899

Когда перед русскими ругаешь русских, они с пол-оборота заводятся. (к цитате)

Интересно когда русских и евреев ругают другие народы. Русский с полуслова соглашается с любой критикой в свой адрес. Вздрагивает: «Точно, а я и не знал». Но одновременно возникает чувство неприязни, холодности к сказавшему такое. Розанов однажды с удивлением заметил, что почти всё время ругает русских, но отчего-то не любит, когда это делают другие.

Еврей наоборот. В критику он совсем не верит, но человека этого уважает.

И в похвале снова полярные чувства. Русский сразу проникается симпатией, но думает про себя: «Эх ты, жизни не знаешь!» А еврей верит: «Да, мы великие», — но к собеседнику относится пренебрежительно.

Два народа, в известный момент помешавшиеся на идее власти. Русские от избытка власти, евреи от недостатка, бессилия.

907

← Предыдущее, следующее →

907. Примечание к № 899
«лавочники» — это ведь народ в квадрате (к цитате)

Чувство от купеческого быта, этих «разросшихся» мужиков. Мужицкая одежда, но из лучшего сукна, яркая и со всеми веточками. Русские обычаи, но не в деревенской ограниченности и, в общем, бедности, недоразвитии, — а густые, «совсем». Русская кухня. Русский тип поведения. И, при всей тяжёлости этого быта, главное-то чувство какое? — умиление. И тут не сентиментальная ностальгия. А видишь себя, но максимально материально осуществлённого. Вот он, Одиноков, семипудовый, в кафтане, с бородой лопатой сидит и канарейку слушает. И плачет, подлец. Я сам смотрел бы на него, как он на канарейку. И плакал — «спасибо, что ты есть». И язык купцов — это русский в своём развитии. Я бы так говорил, без философии, на одном быте — так же.

Как же можно мужика любить, а элиту мужицкую, мечту его, его максимальное развитие — ненавидеть? Ведь мечта мужика — выбиться в купцы.

В деле Островского евреи очень ловко использовали дворянский сословный гонор. Вообще Островский писал о купечестве вполне добродушно, но, конечно, свысока. Это-то и использовали. Характерно первоначальное восприятие его пьес, о чём писал К. Леонтьев:

«До статьи Добролюбова нам всем, любившим тогда ещё пьесы Островского, и в голову не приходило, что автор ОБЛИЧАЕТ всё грубое и жёсткое в быту старого купечества. Мы, любуясь в театре этими комедиями и читая их, воображали, напротив, что г. Островский изображает с любовью РУССКУЮ ПОЭЗИЮ КУПЕЧЕСКОГО БЫТА…»

С Островским, конечно, сыграла злую шутку и русская мягкость, стремление к уклончивости и «хитроумию». «И нашим и вашим», столь свойственное для писателя. Леонтьев точно подметил:

«Г. Островский, точно так же, как и г. Тургенев, — писатель хитрый. Они оба хитры в том, что играли много в двойную игру;

здесь ПОЭЗИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, а тут ПРИДИРКА ПРОГРЕССИВНОЙ ТЕНДЕНЦИИ; какая-нибудь задняя дверь, чтобы выскочить, если нужно, из этой поэзии и оправдаться перед веком, гонителем всякой поэзии, И БАРСКОЙ И МУЖИЦКОЙ одинаково… В „Грозе“, восхищавшей и картинным БЫТОМ, и романтическим чувством даже молодых девушек, НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ является честный механик, более других ПО-НЕМЕЦКИ одетый, который обличает (НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ) весь этот картинный быт».

Но «на всякий случай» это уже нюанс. Главное текстик получен, ну, а в театрах наши люди тенденцию проведут.

908

← Предыдущее, следующее →

908. Примечание к № 896

первый признак психического заболевания — это «неправильное поведение». А разве поведение Циолковского неправильно? (к цитате)

Ошибка Бехтерева. Его вызвали лечить Сталина. Он, выходя от пациента, бросил: «Типичная паранойя». Бехтерев после этого был мгновенно отравлен, а Сталин с таким диагнозом жил ещё 25 лет, и жил хорошо.

Ошибка маститого психиатра в том, что суть, например, мании величия не в её сути, а в формальной, ситуационной неуместности. Сталин вёл себя как человек, которому стоит щёлкнуть пальцами, чтобы лечащему врачу отрубили голову. Бехтереву это показалось неадекватным поведением. Конечно, для инженера это болезнь. Но для тирана — быт, норма.

Отсюда и неверность квалификации гениальности как болезни. Просто человек поставлен в ненормальную ситуацию. Его окружают слепцы, он живёт в мире абсурда.

Наконец, само существование личности в обществе, где личностное начало неразвито или отсутствует совсем, принимает крайне причудливые формы.

909

← Предыдущее, следующее →

909. Примечание к с. 93 «Бесконечного тупика»

Листы книги должны быть подозрительно полупрозрачными и в некоторых местах совпадать при наложении. (к цитате)

На похоронах Салтыкова-Щедрина взрослые дяденьки полезли на деревья в поисках опьяняющего развлечения. Я пятилетним мальчиком лёг на ветку растущего во дворе дерева и заснул, опьянённый детством. Умер. Как ни напрягай зрение, дешифровать это наложение нельзя. Но и пройти мимо него тоже нельзя. У меня в мозгу эти номера накладываются. Вот-вот пойму и умру во второй раз.

910

← Предыдущее, следующее →

910. Примечание к № 902

сам Юнг не в меньшей степени был склонен к безвольному подчинению демонам иррационализма (к цитате)

Продумать Юнга — это значит понять историю XX века. Чтение Юнга вещь продуктивная, но коварная. Он слишком много говорит о себе. На него надо взглянуть более отстранённо, сухо, через факты его биографии, через «фамилии и адреса». И вот там много адресов и фамилий, слишком много. И если такой ум бродит в тумане мистицизма, причём махрового, то что же остаётся простым смертным? Если исследователь чертологии так СВЯЗАЛСЯ С ЧЕРТОВЩИНОЙ, то что такое человеческий разум? Фрейд — да, фанатик, с его тайным «Комитетом семи золотых колец». Но Юнг? Юнг — это Фрейд, знающий, что он Фрейд, и всё же остающийся Фрейдом, свихнувшимся сексуальным чиновником.

Читая книги Юнга, постепенно начинаешь осознавать, что мир продолжает жить в эпохе Средневековья (914), что люди надели пиджаки и джинсы, но ведьмы продолжают справлять шабаши, а инквизиторы — жечь костры. При знакомстве же с судьбой Карла Юнга понимаешь, что вообще никакого Средневековья и не было, что Средние века это обычное состояние человечества, пожалуй, даже по сравнению с предыдущими и последующими эпохами более рациональное и спокойное (927). Возникает ощущение, что рационализм — это вообще неумная сказка, серьёзно верить в которую взрослый человек может только в состоянии опьянения или психического распада. Неслучайно же жизнь крайних рационалистов, как правило, темна и запутанна (930) (Конт, Бертран Рассел).

911

← Предыдущее, следующее →

911. Примечание к № 902

(Юнг) не понимал, что … его хитрое сознание программирует сны в угодном ему направлении (к цитате)

Юнг смутно чувствовал, что тут что-то не то, и однажды признался по конкретному поводу:

«Сон имел именно такую форму, какая мне была нужна, и это произошло оттого, что я приучил себя к тому, чтобы всегда одновременно жить на двух уровнях. Одном — сознательном, на котором я мог оказаться безуспешно пытающимся что-то понять, и на другом — бессознательном, на котором что-то хотело выразить себя и не могло сделать это в лучшей форме, чем в форме сновидения».

912

← Предыдущее, следующее →

912. Примечание к № 224
Ницше сказал, что каждая книга это … катастрофа (к цитате)

Катастрофа «Бесконечного тупика». Одиноков превращается в бесцельную стилизацию (915), идиотски обыгрывающую собственную гениальность. А Соловьёв, Чернышевский, Ленин, Набоков, Чехов и др. оборачиваются лишь двойниками моего «я». Вещи оживают, превращаются в персонажи, персонажи оборачиваются людьми, люди же оказываются на поверку лишь автономными элементами моего «я» (917). «Бесконечный тупик» превращается в тысячестраничную схему, лишённую конкретного содержания. Не так ли?

913

← Предыдущее, следующее →

913. Примечание к № 902

Психоанализ — это не что иное, как катастрофическое смещение пластов человеческой психики (к цитате)

Меня всегда поражала удивительная узость, однонаправленность психоанализа. Он претендует на какие-то глобальные, чуть ли не «метафилософские» обобщения и одновременно является заурядной клинической практикой. Даже у величайшего из психоаналитиков — у Юнга — это сакраментальное противоречие. Почему же такая заклиненность на психоПАТОЛОГИИ? — т. е. на частности? Как начало — вполне понятно. Но ведь и развитие шло, прежде всего, как спасение, терапия.

А если вдуматься: в чём элементарная сущность психотерапии, делающая её неевклидовой наукой, «психотерапией элементарных частиц»? — В том, что психоаналитик лечит СЛОВОМ. То есть берётся человек, страдающий психическим расстройством, и настраивается при помощи некой суммы предложений. И тут же сразу, на поверхности, возникает другая, более общая проблема, которую психоаналитики, может быть просто из-за своего профессионализма, «гешефтмахерства» (сеансы психоанализа, в отличие от философских бесед, далеко не бесплатны), не заметили: а что если взять здорового, совершенно нормального человека — можно ли его свести с ума при помощи одних слов? «Взять в работу» и свести?

Меня очень этот вопрос заинтересовал. И я стал всех сводить. Но никто не сводился. То есть сначала всё шло очень хорошо, но потом застопоривалось. Я начинал про антропософию, масонский заговор, и люди очень быстро убеждались, что сидит в центре земли на телефоне идолище поганое и миром правит. А Библию русские придумали (евреи её украли). И Христос русский. Евреи из него кровь шприцами, шприцами (и за руки щипать).

Смотрю — плачут. Ага, думаю, вот вам и вялотекущая шизофрения. Через неделю прихожу в гости — настроение подавленное, конечно, но ничего, «роют окопы, запасают зерно».

Кажется, доверчивость и спасает. Какая-то наивная женская отдача себя. И всё сглаживается, гармонизуется. Вот где разгад-

ка жизнестойкости столь парадоксальной гибридизированной западно-восточной цивилизации. Очень здоровая, цельная нация. Её ничем не проймёшь.

А вот немца, я думаю, легко сломать. Он сразу бросится спорить, доказывать. Тут ему и крышка (если, конечно, на любителя попадёт). Вот бы Юнга обломать! Я даже прикинул как. Подкатиться к нему надо архисерьёзно (завоевать авторитет, стать «интересным»):

— Так и так-де, Карл Густавович, есть к вам вопросик, помогите разобраться. Я вот думаю всё, где предел дозволенного вторжения в человеческую психику? Не является ли зачастую психоанализ провоцированием психических расстройств? Как же тогда с врачебной этикой, со знаменитым «не навреди»?

И материальчик, материальчик, заранее собранный. И тут он бы клюнул. Я заметил, что эта проблема его мучала и, что особенно важно, не вполне осознанно. Тут можно было бы и насчёт денег довернуть: гонорары с сумасшедших, несчастных людей, причём не просто пациентов, а друзей — ведь психоаналитик, в отличие от врача и человека любой другой специальности, имеет дело не с клиентом, а с личностью: лоб в лоб, глаза в глаза. И между ними устанавливаются человеческие личностные контакты: привязанность, симпатия, доверие. И тут деньги. И хорошие деньги. Но тут надо очень осторожно, так как с европейцами такие вещи не проходят. Это уже для русских условий. Но при благоприятной ситуации и с заглушками довернуть можно. Тем более, что это может быть осмыслено как составная часть определённой роли, которая будет являться второй фазой «русского психоанализа». Надо будет предстать человеком, нуждающимся в психотерапевтической помощи. То есть проблема этической ответственности врача, её заострение должно дешифроваться Юнгом как признак психической деформации (жажда разоблачительства как компенсаторная функция и т. д.). И тут уже Карла Густавовича начать ломать по-чёрному. В процессе контакта со сконструированным больным (действительно больным, так как психическая болезнь — это лишь болезненное разрастание того или иного нормального психического состояния, болезнь следует нарастить на имеющуюся основу), и вот в процессе этого контакта психоаналитик должен почувствовать, что над ним глумятся. Но именно почувствовать, а не осознать — иначе крючок будет сорван. Никаких реальных фактов, а лишь неуловимая вязь намёков, некий запашок глумливого тлена, в который отказываешься верить. Ведь иначе получается совсем иной, грандиозный, немыслимый масштаб, а человек склонен

верить в маленькое. Он видит крохотную головку плезиозавра и не догадывается, что под водой скрывается многотонная туша. И тут должно быть злорадное равновесие. То страх, то успокоенность («не будет же он»). Нужно манить кажущейся лёгкостью дешифровки ситуации. Вот-вот всё станет на свои места, все станет окончательно ясным. А не станет.

Теперь, когда противник перед вами в своей нежной открытости абсолютного неведения, надо фомочкой действовать, топориком. Скажем, Юнг верил в парапсихологию и т. д. Это дело сложное, запутанное, а нам важен сейчас хвостик. «Не будет же он» надо использовать. Юнг детски пугался разных неведомых стуков и скрипов, взрывающихся ножей и трескающихся шкафов. Ну и подсунуть ему хлопушечку. Умненько. Потом ещё: Юнг в одном отношении страшно слаб, наивен. Он не знает, что такое русское следствие, дознание. А пробраться в кабинетик к нему ночью в клинике, да и прочесть свою историю болезни. Ведь конечно всё чуть ли не на столе лежит, или в ящике незакрытом — «не будет же он». А когда шифрограмма в руках, умному человеку ничего и не надо больше. А если ещё в дневничке-паучке психоаналитические заметки субъективного плана… На кого ж ты полез, дурашка (916). Тебе бы имени моего ужаснуться. Подсунуть ему парочку снов, злорадно объясняющих его же жизненную ситуацию (923). И чтобы луковично доходило, постепенно…

Юнг интересен. Это сложная, европейская игрушка: электрическая железная дорога или компьютерные «звёздные войны». Такие вещи и ломать интересно.

914

← Предыдущее, следующее →

914. Примечание к № 910
мир продолжает жить в эпохе Средневековья (к цитате)

Леонтьев сетовал на всеобщую «приватность», цивильность Европы второй половины XIX века. И из этого делал далеко идущие выводы. Но Европы он совсем не знал. Знал «из газет», а не по секретным отчётам Интеллидженс сервис (например). Да в XIX веке такое пышное средневековье, такой «праздник мира и труда», что эпоха Александра Македонского или крестовых походов (по ним скучал Константин Николаевич) — это верх рационализма.

915

← Предыдущее, следующее →

915. Примечание к № 912
Одиноков превращается в бесцельную стилизацию (к цитате)

Стилизация. Положим, у вас дома ёж живёт. Сказать не «ёж», а «ёжик» — уже тёплое, интимное чувство. И смешно. Уже некая кокетливая улыбка появляется. Сорокалетняя дама, говорящая, что у неё живёт ёжик, мгновенно входит в роль шаловливого ребёнка. Назвать ёжика Ермолаем:

— Ермолай по ночам пыхтел, шуршал газетами, натасканными им со всего дома себе под диван. Потом, посапывая мокрым носиком и постукивая коготками о паркет, топотал на кухню, долго лакал молоко из блюдца, удовлетворённо пыхтя и причмокивая.

Постепенно ёж превращается в зверюшку из мультфильма, с причёской, как у Збигнева Бжезинского. Сидит за столом и пьёт чай вприкуску из самовара. Всё исчезает в стилизации. Ёжик-то пластилиновый!

Но я помню, у домика отца в пионерском лагере жил ёж. Я воспринимал его очень серьёзно. Опасливо гладил по колючкам, вытаращив глаза, смотрел, как отец его специально пнул и ёж сначала побежал, а потом свернулся в колючий шар. Отец сам был для меня похож на ёжика: во-первых, небритый, а во-вторых — причёска. Я трогал папину щёку, жёсткие волосы, уголком растущие на лбу. Всё было вполне серьёзно. К отцу я относился, как к отцу. Но стоило мне прикоснуться к живущей в памяти реальности, как она свернулась колючим шаром и превратилась в жеманную стилизацию. Никакого проникновения внутрь, в тот мир, — может быть, единственно подлинный мир — не получилось. Я могу написать: «правое полушарие отцовского мозга, ошарашенно шарившее в предсмертной пустоте». Но ЧТО это было для отца ТОГДА…

Конечно, Набоков прав:

«Часто повторяемые поэтами жалобы на то, что, ах, слов нет, слова бледный тлен, слова никак не могут выразить наших каких-то там чувств (и тут же кстати разъезжается шестистопным хореем) … столь же бессмысленны, как степенное

убеждение старейшего в горной деревушке жителя, что вон на ту гору никогда никто не взбирался и не взберётся; в одно прекрасное, холодное утро появляется длинный, лёгкий англичанин — и жизнерадостно вскарабкивается на вершину».

Действительно, при удивительном истончении ажурной решётки стиля она перестаёт замечаться и притворение переходит вроде бы в претворение. Но, во-первых, что делать не писателям, а простым смертным, и, во-вторых, при столь исключительных стилистических усилиях пробиться сквозь сито стиля платой за явление внутреннего опыта другим служит исчерпание его для себя. Происходит отчуждение. Тот же Набоков сказал:

«Внешние впечатления не создают хороших писателей; хорошие писатели сами выдумывают их в молодости, а потом используют так, будто они и в самом деле существовали».

Выдумка может быть гениальной и может почти полностью заменить реальный опыт. Но при этом смутное и нежное ощущение действительно произошедшего заменяется терпкой темперой, яркой и прочной, но неизменной и пахнущей химией.

Возможна ли целостность «я»? И зачем? Может быть, это лишь признак стремления к смерти?

Контакт в юности с детством — чисто физический. А потом возникает контакт с юностью и её физическим восприятием детства, может быть, и не актуализированным. После юности детство умирает, и человек, вспоминая его, проникает в чужой, хотя и не чуждый, а, наоборот, ласковый мир. Обращение к детству помимо юности, вне юности, есть ошибка, свидетельствующая об инфантилизме данной личности. Ведь всё равно контакта нет. Есть пластилиновый ёжик, Ермолай или металлист. Задачу ежа можно решать соответственно в русофильском или молодёжно-панковском стиле.

Не есть ли сама тяга к писательству — признак незрелости русского общества, его вечной детскости, неспособности контакта с собственным прошлым? Ключ к прошлому был не у историков — у писателей. После Карамзина писатели стали давать материал историкам, тогда как нормально было бы обратное.

916

← Предыдущее, следующее →

916. Примечание к № 913
На кого ж ты полез, дурашка. (к цитате)

Конечно, это примитивная проекция образа отца на Юнга. Я хочу избавиться от образа отца, убить его (921). И — не следует забывать об индексе умственного развития европейца — Юнг с первого взгляда на мою монголообразную физиономию все понял бы.

И стол он всегда на ключ запирал, а ключик — вот он — раз в кармашек. Европа! Учиться, учиться и учиться. В конце концов в 17-ом откуда и куда Ленина направили? — из Швейцарии в Россию же, а вовсе не наоборот. О «наоборот» русские недотёпы и подумать тогда не могли.

917

← Предыдущее, следующее →

917. Примечание к № 912

Соловьёв, Чернышевский, Ленин, Набоков, Чехов и др. оборачиваются лишь двойниками моего «я» (к цитате)

«Обознатушки-перепрятушки». Я говорю только о себе. Даже в отце — я сам. О мире сужу по «я» философов и писателей; об их «я» — по тем людям, которых знал (а знал-то я реально, пожалуй, только одного отца); о них, в свою очередь, по своей биографии; и наконец о себе как о «я», которое и является миром, — по книгам, написанным этими же самыми философами и писателями. Это бесконечный тупик.

Ничего я не знаю и ничего мне не нужно. Зачем жить, для чего? Переход в сон, мистику и в плотный быт как счастливую иллюзию реальности. Это и есть трагическое счастье: сон во сне и явь в яви. Я создан совсем для иной, обычной жизни. Внешне совсем обычной, а внутренне абсолютно фантастической, высшей. Настолько высшей и светлой, что сон станет бытием, а бытие — сном. И внешне это будет совсем не заметно, совсем не страшно. Хотя для окружающих меня уже совсем скучно.

918

← Предыдущее, следующее →

918. Примечание к № 902

«(Гегель) мне казался человеком, который был посажен в темницу своих собственных слов» (К. Юнг) (к цитате)

Соблазнительно в последнем слове «л» заменить на «н».

919

← Предыдущее, следующее →

919. Примечание к № 17

«Радищев и Новиков хотя говорили „правду“, но — ненужную» (В. Розанов) (к цитате)

Ненужность и даже вредность «Бесконечного тупика». Через 25 лет всё изменится само собой, без «гениев», без «Одиноковых». Миф Ленина широк, и второе: зачем раздражать писателей? Писательский период кончится сам собой. То есть я обречён на непризнание и непонимание. На изведение.

Теперь внутренняя ошибка. «Живи незаметно» — заповедь философа. Я её нарушил, «дал на себя информацию».

Конечно, другого выхода нет. Я «прозябаю», гибну. А так есть шанс поправиться и затеряться вторично, уже удачно. Идеальный вариант: заметили чудака, помогли. Потом поговорили, поговорили и постепенно забыли. Тут главное вовремя замолчать, «слиться с местностью». А потом тихо, спокойно жить-умирать. Желательно в каком-нибудь серьёзном государстве…

Только уж слишком сложная операция, слишком много ответвлений, соблазнов увлечься в сторону, запутаться в частностях. И давать, давать на себя материал, превращаться в «писателя», торговать своим неузнаваемо искажённым словом и чувством за стеклянные бусы.

Нет, не здесь ошибка. Этой-то ошибки я не совершу. Это элементарно. Ошибка в другом. Я знаю, что не выйдет. Тупик. ЗНАЮ.

Всё-таки я прожил не так уж и мало. И никому я не был интересен. Именно я, весь (926). Мне котёнок нравится весь, с хвостиком и мягким животиком, с его глазками и ушками. Как котёнок, ребёнок я никому не был интересен. Конечно, есть мать, правда довольно злая, ворчливая, но мать. Был отец, пьяный и озлобленный, но отец. Но их любовь — любовь по должности, не по выбору. Меня никто не выбрал (928). Я всё говорю, что причина во мне, что я сам виноват. Да. Но не на 100% же — на 50%. Где же другая половина, «счастливый случай»? Никто, ни одна не подумала: «мне вот этого»; «а пожалуй, Одинокова я возьму»; ни одна не уронила в метро платок передо мной. А женскими глазами на меня смотрела Россия. И решила: не на-

до. И детей от такого не надо. Нет, не только я виноват в своём одиночестве. Я миру этому не нужен. И он меня отторгает, уничтожает постепенно. Я слишком ничтожен, а мир слишком огромен — все происходит размыто, медленно. Косвенно. Но уничтожает. Так зачем же бросать в воздух серебристую монету — чёт-нечет, — если знаешь, что в воздухе твой талант подхватит чья-то рука и только поросший рыжим волосом кулак мелькнёт перед носом. «Не зарывай талант в землю». Но и не швыряй куда попало.

920

← Предыдущее, следующее →

920. Примечание к № 898

Психиатрическая больница — последнее звено в цепи внешних событий (к цитате)

Случилось самое нелепое. Я превратился в романтического героя, в обычного, заурядного гения. Моя биография архаична, да и просто является штампом (932): «гениальный одиночка, изгой, стоящий в костюме арлекина посреди зачумлённого города и хохочущий смехом сатанинским». Но каково мне, когда эта пошлятина (а для русского сознания это всегда будет пошлятиной) вдруг оказалась моей судьбой. Если так всё по нелепым книгам и вышло.

Пошлость ненастояща, но всегда искренна. Двойной, «ироничной» пошлости быть не может. И я в своей пошлости вполне искренен. Куда уж искренней — элементарная биография. Фактография. Следовательно, я ненастоящий, в моей жизни есть органический порок, дефект… Какая-то исключительная глупость таится во всём, что происходит со мной. Какую-то в своей жизни я роковую ошибку допустил, что самое обидное — уму моему недоступную, непонятную. Хотя ошибка-то грубая, лежит на поверхности. Чувствую, где-то тут, рядом.

Может быть, и ошибка-то как раз вот в этом ощущении ошибочности своей жизни.

921

← Предыдущее, следующее →

921. Примечание к № 916
Я хочу избавиться от образа отца, убить его. (к цитате)

Убить отца значит самому стать отцом. Победа над идеей отца означает овладение ей. Поэтому идея разрушения Европы, чей суровый отеческий голос всегда мучил русских, вполне естественно входит в общую русскую идею. Этим объясняется сбой в пророчествах Леонтьева и Достоевского. Они отказывались понять, что следует сознательно уничтожать Европу. И цеплялись в ужасе, боясь домыслить, за поверхностное, розовое псевдохристианство (и Леонтьев, хотя и упрекал в этом же Достоевского). И Победоносцев, чья приземлённость была чужда эсхатологической природе христианства. В нём не было розовой водички, но ужаса христианства тоже не было.

922

← Предыдущее, следующее →

922. Примечание к № 902

С разбухшим желудком у Белого ассоциируется мировой ноль (к цитате)

Космос Белого не создан до конца, не замкнут и расширяется в ноль. Распускается в ничто. Нет каркаса материальных нитей — Белый не творец, он не мог осуществить свою программу, да и сама программа его проскакивает в бесконечность. Он испортил себя философией, самый «философский» русский писатель (говорил: «я отравлен Кантом»). Нарушение меры по сравнению с Розановым и Набоковым, и в результате несчастная пародийная личность и судьба.

923

← Предыдущее, следующее →

923. Примечание к № 913

Подсунуть ему парочку снов, злорадно объясняющих его же жизненную ситуацию. (к цитате)

Несомненно, Набоков подарил Гумберту свою мечту, когда писал о его взаимоотношениях с психоаналитиками:

«Окончательным выздоровлением я обязан открытию, сделанному мной во время лечения в очень дорогой санатории. Я открыл неисчерпаемый источник здоровой потехи в том, чтобы разыгрывать психиатров, хитро поддакивая им, никогда не давая им заметить, что знаешь все их профессиональные штуки, придумывая им в угоду вещие сны в чистоклассическом стиле (которые заставляли их самих, вымогателей снов, видеть сны и по ночам просыпаться с криком), дразня их подложными воспоминаниями о будто бы подсмотренных „исконных сценах“ родительского сожительства и не позволяя им даже отдалённо догадываться о действительной беде их пациента. Подкупивши сестру, я получил доступ к архивам лечебницы и там нашёл, не без смеха, фишки, обзывающие меня „потенциальным гомосексуалистом“ и „абсолютным импотентом“. Эта забава мне так нравилась, и действие её на меня было столь благотворным, что я остался лишний месяц после выздоровления (причём чудно спал и ел с аппетитом школьницы). А после этого я ещё прикинул недельку единственно ради того, чтобы иметь удовольствие потягаться с могучим новым профессором из „перемещённых лиц“».

924

← Предыдущее, следующее →

924. Примечание к № 836

русские впервые в мировой истории крайне доброжелательно займутся евреями. С восхищением напишут об их многострадальной истории, об их подвигах, их величии (к цитате)

Вот и всё. Вот схема русской мысли. Ну и ясно, как это в XIX веке получилось. Несчастная русская мысль обернулась бабочкой вокруг свечи, за помин её же души предварительно поставленной. Огромная страна, исключительные душевные качества. Но слабая женская бабочка-мысль, порхающая, стремящаяся всех обмануть, всех обхитрить и обречённо кружащаяся в магическом круге предательства. Революцию сделали те, кто её ненавидел. Русский делает то, что ненавидит. Вообще, чтобы что-нибудь СДЕЛАТЬ, ему надо ненавидеть.

← Предыдущее, следующее →

925. Примечание к с. 94 «Бесконечного тупика»

Хайдеггер многозначен, и за это ему прощается его пространственная сложность. (к цитате)

Суть книги не в создании ещё одной модификации русского мифа. Нет, самый последний, самый глубокий слой — это тотальный нигилизм. Вся эта книга есть проговаривание, осуществление русской души. И точно так же, как внутри души пустота, пустота, вплетённая в душу и крепче всякого цемента соединяющая все её разрозненные части; точно так же внутренней основой и подлинной подоплёкой книги является пустота. Хайдеггер говорил, что строит свою философию на ничто. Нет, товарищ дорогой, это не нигилизм. Шестов назвал «Критику чистого разума» «Апологией чистого разума». Точно так же нигилизм Хайдеггера можно было бы назвать конструктивизмом. Это построенный, выстроенный, стройный нигилизм. «Приличный» нигилизм. Но нигилизм аморфен, безнадёжен. Нигилизм — это «протеизм». Отдельные взгляды никак не выстраиваются, а взаимоисключают друг друга, аннигилируют. Мысль начинает вихлять, оказывается, что не только ничего нет, но и всё есть, и одно из этих «есть» есть то, что ничего нет. Мышление становится тотальным и, следовательно, бессмысленным, неподвижным.

Хайдеггер исследует язык, но не разрушает его. Лишь иногда во время своей филологической акупунктуры он достаёт глубоко воткнутой иголкой один из индоевропейских корней, и тогда на мгновение болевой шок срывает пелену с глаз. Хайдеггер пытает язык, загоняет его в железный лабиринт анализа. Конечно, он постепенно «дозревал», но в мыслях так и не достиг разлетающейся лёгкости. Не легкомыслия, а легкодумия. В нём осталась неистребимая немецкая тяжеловесность. Следовательно — необречённость.

926

← Предыдущее, следующее →

926. Примечание к № 919
никому я не был интересен. Именно я, весь (к цитате)

О. Мандельштам вспоминал о посещении редакции одного из журналов каким-то начинающим литератором:

«Входит милый юноша, хорошо одетый, неестественно громкий смех, светские движения, светское обращение совсем не к месту. Надышавшись табачного дыму, уже собираясь уходить, он словно что-то вспоминает и с непринуждённостью обращается к бородатому, одурманенному идеологией и честностью редактору: — А скажите, вам не подошли бы французские переводы стихов Языкова? — Глаза у всех раскрылись — было похоже на бред … Когда ему пролепетали вежливое — не нужно, он ушёл весёлый и ничуть не смущённый. Дикий образ этого юноши мне запомнился надолго. Это был какой-то рекорд ненужности. Всё было ненужно: и Языков ему, и он журналу, и французские переводы Языкова России».

927

← Предыдущее, следующее →

927. Примечание к № 910

средние века это обычное состояние человечества, пожалуй, даже по сравнению с предыдущими и последующими эпохами более рациональное и спокойное (к цитате)

Шпенглер писал о Средневековье:

«Бесчисленные тысячи ведьм были убеждены, что действительно являются таковыми. Они сами доносили на себя, молили об отпущении грехов, из чистейшего правдолюбия рассказывали на исповеди о своих ночных полётах и договорах с дьяволом. Инквизиторы в слезах, из сострадания к падшим назначали пытку, чтобы спасти их души. Вот готический миф, из которого вышли крестовые походы, соборы, одухотворённейшая живопись и мистика».

Ну и что? Современники Шпенглера были убеждены, что «бесчисленные тысячи ведьм» являлись наиболее образованной и культурной частью населения: заплетали венки, играли на арфах, смотрели в телескопы. А инквизиторы, зная их правоту и собственную дикость, в слезах от своего ничтожества подло жгли на кострах учёных, поэтесс, композиторов. Вот масонский миф, из которого вышли фашизм и коммунизм, мировые войны, мучение и мученичество XX века.

928

← Предыдущее, следующее →

928. Примечание к № 919
Меня никто не выбрал. (к цитате)

Положим, я некрасив, положим — необаятелен. Пускай даже болен. Но не до такой же степени, чёрт возьми, чтобы меня вообще не замечать! Ведь вообще я очень заметен. Я странный. У меня даже в школе, кроме основного прозвища, в старших классах было ещё одно: «Странный человек».

Чехов сказал:

«Если хочешь, чтобы тебя любили, будь оригинален; я знаю человека, который ходил в валенках зиму и лето, и в него влюблялись».

Я же не то что в валенках, а зимой и летом в шубе ходил. И никто даже не обернулся. То есть не нужен явно. Даже демонстративно. «Из принципа».

Чудак надел шубу и ходит на пикнике по лужайке, улыбается: сейчас заметят, засмеются, пригласят. А все ходят мимо, играют в жмурки и прятки, едят шашлыки, поют, пьют, щипаются, ловят бабочек. Ходил-ходил 4 часа — никто не замечает. Плюнул, шубу бросил со всего маха в траву и пошёл на станцию. Кто-то, Брюллов кажется, когда уезжал из России, бросил на границе шубу, чтобы и духа русского не осталось. ТАК вот! Ладно в Европе, но здесь свои не видят. Ну и пошли к чёрту! (933)

929

← Предыдущее, следующее →

929. Примечание к с. 96 «Бесконечного тупика»
Я даже не ерунда с художеством, а ерунда в художестве. (к цитате)

«Человек я или тварь дрожащая?» — вопрошал Раскольников. Но есть у него более интересная фраза, чем постоянно цитируемая «тварь»:

«Эх, эстетическая я вошь, и больше ничего».

930

← Предыдущее, следующее →

930. Примечание к № 910

Не случайно же жизнь крайних рационалистов, как правило, темна и запутанна. (к цитате)

Почему рационализм кончается бредом? — Из-за связного и длинного текста.

Человек сыт и не думает о еде. Ему не хочется, даже «вызывает отвращение». Но через 4 часа мысли уже тянет, а через 24 он ни о чём другом и думать не может. Через 48 часов человек заболевает едой, бредит ей. То же секс, общение с людьми, одиночество, свобода. И вот бедный разум. Первое предложение — рационально. Следующее уже менее. Третье — это как в физике «проблема трёх тел» — создаёт логически неразрешимую, миллионнократную вязь ассоциаций. А рационалист всё пишет, связывая: страницу за страницей, страницу за страницей. И на 50 странице у него прыгают симпатичные пушистые чертенята, а на сотой рассыпан целый мешок кормовой соли для осла-психиатра.

Как раз наиболее рациональный текст должен быть иррационален, прерывен. Человек, думая о чём-то одном, начинает задумываться (заговариваться). И не думая о чём-то, этим «чем-то» влечётся всё сильнее и сильнее, прямо пропорционально длительности умолчания.

931

← Предыдущее, следующее →

931. Примечание к с. 97 «Бесконечного тупика»
Я осуждён на еврейство. (к цитате)

Кем?

Князь Владимир, решив отказаться от язычества, встретился с христианами, мусульманами и иудеями. Согласно преданию, Владимир сказал тогда евреям:

«Как же вы других учите, когда сами отвержены Богом и рассеяны? Если бы Бог любил вас, то вы не были бы разбросаны по чужим землям. Разве вы и нам думаете такое же зло причинить?»

После принятия христианства Феодосий Печерский по ночам тайно ходил к киевским евреям, чтобы спорить с ними о Христе. Он укорял их, называл беззаконниками и отступниками и нарочно раздражал, ибо хотел, чтобы они его убили «за исповедание Христа» и таким образом сделали мучеником.

932

← Предыдущее, следующее →

932. Примечание к № 920

Моя биография архаична, да и просто является штампом. (к цитате)

Что наиболее фальшиво в этой книге? Как раз описание моей реальной жизни. Удивительно — никакого вымысла и это пережито мною, а кажется (и, по-моему, справедливо) ложью, выдумкой графомана. Поставил бы на место Одинокова выдуманного «лирического героя» и сразу же с отвращением вычеркнул 90% сюжетных линий как нечто, находящееся вообще за пределами эстетики.

Моя борьба против литературы в самой литературной стране мира, в самом литературном обществе, смехотворна. Сам язык, сама литература и наказывает, превращает мою жизнь в графоманию, в чисто графоманский сюжет.

933

← Предыдущее, следующее →

933. Примечание к № 928
здесь свои не видят. Ну и пошли к чёрту (к цитате)

От русских, пожалуй, и можно уйти. Особенно если сам русский. Но от России, если ты русский, — никогда. Ничего не изменится. Но хоть не будет так мучительно и можно будет мечтать, что дело во внешней разорванности, то есть что удивительная нелюбовь ко мне есть лишь следствие внешнее.

934

← Предыдущее, следующее →

934. Примечание к № 902

Что такое «Шинель»?.. Величайшие метафизики мира далеко не всегда поднимались до таких высот концентрации мысли. (к цитате)

«Шинель» идеальна, закончена. Здесь максимально возможный коэффициент филологической плотности. Каждое предложение — ниточка ДНК, готовая мгновенно обрасти ящерицей, оленем или невиданным морским чудищем. Это максимальная близость к творению Божию. Но секрет этой близости в том, что человек Гоголь взялся за СВОЁ дело, за творение дыры, максимально примитивной и бездарной. Сотворил бы он образ Героя, Творца, и получилось бы надуманно, вымученно (как и получилось даже с Чичиковым-человеком II части «Мёртвых душ»). Человека может создать Бог, человек же может сотворить ничто. Но сам акт творения будет максимально соответствовать акту божественному. Чем ничтожнее содержание объекта творения, тем грандиознее будет его форма. Вот в чём секрет совершенства (совершённости) гоголевской прозы. Уничтожив содержание, Гоголь-Гегель поднялся в акте творения до Бога. Платой за это явилась отрицательность, а не положительность качества, то есть зло.

935

← Предыдущее, следующее →

935. Примечание к с. 97 «Бесконечного тупика»
Как сказал М. Бахтин… (к цитате)

Бахтин сказал также, что для Достоевского:

«…правда о человеке в чужих устах, не обращённая к нему диалогически, то есть ЗАОЧНАЯ правда, становится унижающей и умертвляющей его ЛОЖЬЮ, если касается его „святая святых“, то есть „человека в человеке“».

Но интересно, что сама по себе мысль Бахтина чисто монологична. Включённости себя в текст нет. Что-то нерусское в Бахтине. Он извне Достоевского изучает. Между ними нет диалога. Точка зрения автора онтологизирована и не включена в контекст изучаемого мира. Это дискредитирует бахтинскую мысль, так как всё равно, сопоставляясь с изучаемым колоссом, она неизбежно замирает и опошляется, оборачивается одним из тех взглядов, которые Достоевский расшибал дубиной доводок не глядя.

Бахтин отрывает лапку пинцетом под микроскопом. Что, мол, брат Достоевский, больно тебе? Как-то ты теперь без ноги ковылять будешь? Это бездушное разъятие холодно. Ведь Достоевский о русской душе писал, следовательно, и о душе Бахтина. Бахтин анализировал психологию героя записок из подполья и психологию самого Достоевского, но герой записок это русский человек и, следовательно, сам Бахтин. А Бахтина-то в этом анализе Достоевского и нет. Пустота — и читать не надо. Чушь это. Это всё филология, «предисловие». Порочен сам метод «философского литературоведения». Можно читать, а можно и нет. А без Достоевского Бахтина читать нельзя.

Вообще не тот уровень анализа получается. На самом же деле ещё неясно, кто на кого смотрит сквозь микроскоп (938). Ну-ка, а если Бахтина на предметное стёклышко?..

Обидно, что так близко подойдя к сути русского мышления, он этой сутью оказался незатронут, оказался этой сути внутренне чужд. Бахтин сказал: «Достоевский мыслил не мыслями, а точками зрения, сознаниями, голосами». Бахтин мыслил мыслями. И мыслил очень монотонно, очень монологично. Что

не ошибка, а, повторяю, обидно. В этом есть что-то идиотское, похожее на «Скверный анекдот» Достоевского, где сошедший с ума поручик выговаривал только одно слово: «похвально». Ему начальник: «Ма-алчать! Вста-ать!!!» А тот благодушно развалился перед ним и повторяет: «Похвально, похвально». — «В каземате сгною!!!» — «Похвально». Плюнул, хлопнул дверью камеры, а изнутри спокойно: «Похвально». (Это я уже развиваю.)

936

← Предыдущее, следующее →

936. Примечание к № 904

«Мы стоим, по отношению к Европе, на исторической точке зрения, или, если угодно, мы — публика, а там актёры» (П. Чаадаев) (к цитате)

Да, Европа для русских театр. И, пожалуй, Россия театр для европейцев. Европа — реальность, Россия — отражение этой реальности. «Роман». «Романная империя». Отражение Европы, сюжет Европы. Возьмите любое европейское событие, и вы тут же найдёте его российский аналог. В 10, в 100, в 1000 раз более грубый (как это и должно быть при ОТРАЖЕНИИ, всегда неполном, всегда более тусклом). Если вдуматься, какую исключительную роль играла аналогия, например, в русской революции, то просто волосы встают дыбом. Реальная Россия начала XX века осмысляла себя как аналогию Франции конца XVIII века, с её комиссарами, коммунами, конституантами, террором, с её Маратом, Робеспьером и Наполеоном. Таким образом, прошлое Европы превращалось в СЦЕНАРИЙ, а настоящее Европы оборачивалось будущим России, то есть просто переставало существовать как данность.

Возможно, выход в осознании этого. Россия должна стать театром сознательно. И поставить для Европы ряд пьес. Возможно, тогда Россия станет чем-то большим.

937

← Предыдущее, следующее →

937. Примечание к № 902

«Твой сверхчеловек, часто бегающий в сверхватерклозет». (А. Чехов) (к цитате)

В «Даре» Чердынцев идёт по ночному Берлину:

«Вот, наконец, сквер … высокая кирпичная кирка и ещё совсем прозрачный тополь, похожий на нервную систему великана, и тут же общественная уборная, похожая на пряничный домик Бабы-Яги».

938

← Предыдущее, следующее →

938. Примечание к № 935
ещё не ясно, кто на кого смотрит сквозь микроскоп (к цитате)

Из стихотворения Даниила Хармса:

Мы глядели друг за другом
В нехороший микроскоп.
Что там было, мы не скажем —
Мы теперь без языка.

← Предыдущее, следующее →

939. Примечание к с. 97 «Бесконечного тупика»

Мандельштам допустил грубейшую ошибку, придав русскому слову номиналистическое значение. (к цитате)

Бердяев говорил в статье «Слова и реальность в общественной жизни», написанной после Февраля:

«Несвобода питает пустую фразеологию „левую“ в пустую фразеологию „правую“. Реальности, стоящие за словами, не могут быть выявлены. Совершенная свобода слова есть единственная реальная борьба с злоупотреблением словами, с вырождением слов. Только в свободе правда слов победит ложь слов, реализм победит номинализм. Свобода слов ведёт к естественному подбору слов, к выживанию слов жизненных и подлинных… Власть слов была властью внешнего. А мы должны обратиться к внутреннему. Вся жизнь должна начать определяться изнутри, а не извне, из глубины воли, а не из поверхности среды».

Следует заметить, что Бердяев и Мандельштам вкладывали в понятия «реализм» и «номинализм» разный смысл. Мандельштам, говоря о номинализме русского языка, имел в виду его рассыпанность, анархизм, существование каждого слова как замкнутого микрокосма, монады. Слова для Мандельштама имели «вещный» характер. Их нельзя свести к абстрактным категориям. Бердяев же, говоря о номинализме (и соответственно реализме) языка, вёл речь о мнимости, фиктивности слов и, соответственно, о их реальности, связи с действительностью. Ошибка Мандельштама в недооценке «живости» русского языка, способности его к сцеплению слов в различные иерархические структуры, весьма слабо связанные с миром вещей. Бердяев же не понимал, что русское слово САМО ПО СЕБЕ несвободно. Русское слово несёт в себе яд несвободы. И свобода слова означала свободу артикуляции и демагогии, в результате чего и произошло договаривание до максимально ирреального мира. Самостоятельность слова (номинализм) и самостоятельность сцепления слов, вызывающая создание идеального мира (реализм), приводят к свободе фантазий и к их бездушному отрыву от реальности. Номинализм же как фиктивность слова и реализм как его существен-

ность и способность к влиянию на мир реальный приводят к ложной сбываемости.

940

← Предыдущее, следующее →

940. Примечание к № 771
Я никогда не мог найти цель в жизни. (к цитате)

В моей жизни нет цели — следовательно, она легко наполняется смыслом (942). А наиболее элементарный смысл того или иного явления — пародия. Но я пародия мыслящая. Собственно в этом и заключается некая иллюзия, суррогат цели — постоянный поиск удивительной, счастливой реальности, искажением которой является моя жизнь. Расшифрованная пародия, пародия, осмысляющая себя как пародию, исчезает. Но облегчения нет. Момент осмысления совпадает с зарождением очередной догадки. Не есть ли тут более глубокий, более коварный смысл? Цепь пародий уходит в бесконечность, становится всё сложнее и грандиознее. Она доходит до Абсолюта, то есть до пародии на бесконечное. Но чем сложнее, чем грандиознее, тем внутренний смысл моего собственного существования становится проще и смехотворнее.

Лишь одно утешение. Не случайно в центре Розанов, хотя Розанов-то не открывает и не замыкает цепь. Он где-то посередине, где-то между низменной и вечной сущностью (будь то дьявольской или божественной). Но путь лежит именно к нему, ибо только в соотнесении с его «я» моя жизнь отчасти подлинна, отчасти серьёзна. Этот человек слишком хорошо чувствовал собственную неподлинность, собственную несерьёзность. Вообще неподлинность и несерьёзность русского человека. И человека вообще. И при этом удивительная жалость к себе и к людям. Навряд ли он бы только посмеялся над своей карикатурой.

Но и разочарование тут, может быть, наиболее глубокое. Менее всего мне хотелось бы высмеивать своим существованием В. В. Розанова. Но я есть… Или нет меня?..

941

← Предыдущее, следующее →

941. Примечание к с. 99 «Бесконечного тупика»
(Русская культура) будет погибать и возрождаться вновь, как феникс (к цитате)

Бунин писал в «Окаянных днях»:

«Ключевский отмечает чрезвычайную „повторяемость“ русской истории. К великому несчастью, на эту „повторяемость“ никто и ухом не вёл».

Действительно, всё повторилось. Повторилось смутное время. Повторилось крепостное право. Но ведь повторяется всё. Повторится и Пётр I, и русская литература, и Петербург, и христианство.

942

← Предыдущее, следующее →

942. Примечание к № 940

В моей жизни нет цели — следовательно, она легко наполняется смыслом. (к цитате)

Я люблю жизнь и боюсь судьбы. Но под какой-то метроном моя жизнь втискивается в сюжет. А что такое «сюжет»? — Стилизованная судьба. Я хочу овладеть судьбой, но овладеваю лишь сюжетом. И кем становлюсь? — Увы, всё тем же писателем.

943

← Предыдущее, следующее →

943. Примечание к с. 100 «Бесконечного тупика»

Изложение подошло к концу. Что мне сказать напоследок? (к цитате)

I

СО СТУПЕНЬКИ НА СТУПЕНЬКУ

(Статья эта появилась в одной из центральных советских газет.)

Жил-был маленький мальчик. Родился он в простой советской семье. Советская власть дала ему всё: обильную пищу, хорошую и дешёвую одежду, добротную и прочную обувь. Ему было разрешено ходить в детский сад, потом — получать образование в нашей советской школе. И не где-нибудь, а в столице нашей Родины городе-герое Москве. Даже воздух, которым он дышал, был заботливо пропущен сквозь государственные очистные сооружения и обеспечивал нормальное и бесперебойное функционирование его организма. Весёлая, зажиточная жизнь была обеспечена «Одинокову» (именно так любил себя потом называть этот человек).

Казалось бы, в таких условиях жить и жить. Но нет, хотелось большего. Шли годы, а с ними росли и потребности. Герой (а точнее, антигерой) нашего очерка стал жить с ощущением, что ему чего-то недодали, что ему кто-то чего-то «должен». Способности же, в отличие от все возрастающих потребностей, были средние. В школе учиться было трудновато. Нужно было работать и работать — усердно, кропотливо. Но усидчивости-то у «Одинокова» и не было. Была лень. С возрастом лень росла. С ленью росло и чувство неблагодарности. Мечталось о чем-то особенном, «этаком», о чём-нибудь, знаете ли, «заграничном». Так в душе этого человека, болезненно самолюбивого, эгоистичного и злобного, народилась та трещина, которая год от года всё расширялась и расширялась и наконец привела к столкновению с Законом.

За лёгкую и «красивую» жизнь; за горы дармового виски, «потребляемого» во второсортных кабаках под шизоидные синкопы рок-н-ролла; за вожделенные штаны с броской «фирмой»

на заднице; одним словом, за одну понюшку заокеанского табака «Одиноков» продал всё, что у него было за душой: смешал с грязью собственных родителей, вдосталь накуражился над своим народом, и наконец, глумливо замахнулся на самое святое, что есть у советского человека, — на личность великого вождя пролетариата Владимира Ильича Ленина. Этот неслыханный цинизм, эта духовная смердяковщина не может не вызвать ничего, кроме брезгливой жалости и отвращения.

Да, «Одиноков» не взрывал шахты и заводы, не отравлял колодцы, не забивал гвозди в подшипники, не подпиливал линии электропередачи. Прошли те времена! Ныне классовый враг не осмеливается на крупные диверсии, а занимается мелким пакостничеством, духовным разложением и растлением неокрепших душ. По этому пути пошёл и «Одиноков», анонимно состряпав свою антисоветскую книжонку. Озлобленный неудачник, «Одиноков» принадлежит к тем «тихим» хулиганам, которые переворачивают урны и корёжат качели на детских площадках, но делают это тихо и аккуратно, в укромном уголке, когда их никто не видит. «Одиноков» принадлежит к тем расчётливым негодяям, которые бьют лампочки в подъездах, но не куражатся при этом, не лезут в драку с дружинниками, а трусливо убегают в ближайшую подворотню при первом милицейском свистке. «Одиноков» принадлежит к тем «художникам», которые мажут калом стены в общественных уборных, а потом спокойно умывают руки и говорят в глаза: «не я». «Одиноков» укрылся под псевдонимом, у него не хватило силы и мужества даже на то, чтобы открыто сказать:

— Да, я негодяй, вот мой адрес и телефон, вот фамилии и домашние адреса моих «друзей».

До каких же глубин доходит человеческая трусость и подлость! Страшно, страшно за этого человека!

Страшно! Чувство мерзости и моральной нечистоплотности возникает у нас, авторов этой статьи, когда мы сталкиваемся по необходимости с двурушничеством, двоемыслием, двоедушием, тихой сапой лезущим через щели личного быта и приводящим в конце концов к духовному банкротству. Повторяем, страшно! Но вместе с тем и отрадно! Если это вот ничтожество является всем, что могут противопоставить сейчас нам идеологические противники, значит, негусто у них, значит, готовы они, как утопающий, ухватиться за любую соломинку, за любую дрянь, вымываемую очистительным потоком перестройки и обновления из авгиевых конюшен тысячелетнего заскорузлого мещанства.

Подонок «Одиноков» сам отлично понимает собственное ничтожество. В бессильной ярости крыловской моськи, у которой от собственного злобного визга ум за разум заходит, «Одиноков» проговаривается: «Я никому не нужен», — заявляет он, выбалтывая свой секрет Полишинеля. Конечно, кому он нужен? Даже иностранные разведчики, которым приказано его «использовать», его же и презирают. Какие же ещё чувства может вызывать предатель Родины?

В попытке придать себе хоть какой-то вес «Одиноков» цепляется за «труды» бойкого нововременского щелкопёра В. В. Розанина, на хамски-блудливых статейках которого он пытается вырастить собственного производства развесистую клюкву злопыхательских измышлений, с которой, по его замыслу, голоса сионистских радиоотравителей будут собирать дурно пахнущую антисоветскую клубничку.

Свой опус «Одиноков» вычурно-претенциозно окрестил «Бесконечным тупиком». На это мы скажем: как верёвочке ни виться, а концу быть. Таких «одиноковых», попрятавшихся по индивидуальным щелям своих тупиков, ждёт закономерная и единственная расплата. Советуем человеку, укрывшемуся под псевдонимом, задуматься над своей дальнейшей судьбой: выйти из бесконечного тупика подлости и предательства и прийти с повинной.

Труден, долог путь духовного очищения, путь возвращения к людям, к обществу, путь превращения из «Одинокова» в «Коллективова». Падать, прыгать со ступеньки на ступеньку пингпонговым мячиком легко и весело. А вот подниматься, проходить через очистительное горнило собственного раскаяния — ох как трудно! Но это единственно возможный путь возвращения в солнечный и радостный человеческий мир Правды, Добра и Справедливости из мрачной пещеры ущемлённого самолюбия и эгоизма. Нам, коммунистам, по своей природе свойствен оптимизм, и мы верим, что в конечном счёте даже у такого человека, как «Одиноков», есть возможность морального перерождения. Мы верим, что, отбыв после покаяния срок заключения, он ещё сможет стать полезным членом общества.

О.Т. Расщепенко
Ф.И. Скалов
И.Ц. Кобыш-Лосото

II

ПИСЬМО ИЗ НЬЮ-ЙОРКА

Не так давно в Париже стал издаваться литературный журнал «Пушкинское ухо». Главная цель «Уха» — по крупицам собрать,

бережно сохранить и донести до потомков бесценные сокровища третьей волны русской эмиграции. В дело идёт всё: романы и повести; рассказы и анекдоты; поэмы, венки сонетов, стихотворения и эпиграммы; наконец, послания, личные письма и отдельные записочки, начертанные дрожащей рукой на ребристом и сучковатом столе какой-нибудь ностальгической пивнушки. Эпистолярное наследие помещается в «Ухе» под рубрикой «Письма русского путешественника». Именно здесь и было напечатано нижеследующее письмо Майкла Жидомирски, сына крупнейшего советского философа, а ныне американского художника-оформителя.

Привет, Додик! Сорри, что долго не писал. От шкуры своей я соскочил, и живу теперь в Нью-Йорке. С нашими вижусь редко, только с Ромкой Шмульзоном и Эдиком. Впрочем, Эдика я тоже послал на хуй. Неделю назад ввалился ко мне и стал омуживать по-чёрному насчёт курнуть. Омудил до того, что мы отправились в паб по соседству, где я кое-кого знаю. Официант, мой приятель, подсуетился и отвёз нас в самый центр чёрного района. Мы мотор на всякий случай глушить не стали, и тут из кустов посыпались дилеры. Ты им в окно башли, они тебе туда же траву. На пять баксов пакетик на пять или чуть больше косяков. Качество не очень плохое, лучше, чем в Централ Парк. Собственно они никогда не фуфлят, просто в Централ они сворачивают такие тонкие джойнтс, что там больше бумаги, чем травы, а тут выдают саму траву, сворачивай, мол, сам. Эдик от такого сервиса просто ошизел и зажал 20 баксов. Дело, естественно, не в башлях, так как 20 баксов не деньги. Но сука стал выябываться и вести себя дико нагло, в общем, откровенная наябаловка, тем более, что он взял траву вперёд. В общем, до того он меня разозлил, что я ему врезал между глаз и вышвырнул из машины. А тут смотрю, этот педераст из кармана браунинг тащит. Официант хотел его задним ходом придавить к стене, да я не дал, всё равно стрелять ему было слабо.

Энивэй, это всё чепуха, пишу тебе об этом так, для понта. Старик, недавно я прочёл крутую книгу некоего Одинокова. Получил кайф. Он там пишет, что жиды пили детскую кровь пивными кружками и т. д. И притом, с одной стороны, работает под дурачка, а с другой — засерает мозги, как говорил Владимир Соловьёв, «филомудией». Прочти, старик, это посильнее «Балашихинского комсомольца». Дизастер, одним словом. Книга называется «Бесконечный тупик». Сам он из Москвы и, судя по всему, малый не дурак, как говорится, «и вашим и нашим». Держу пари, что огрёб под это дело кучу баксов. Хотя, конечно, я бы

настучал этому чуваку по роже, чтобы не нёс всякую хуйню за Россию. А впрочем, жму руку за такое ништяковое пиздобольство. Он там говорит, что миром будут править мировые мафии, американская и русская. Усёк? Теперь слушай сюда. Старик, давай орден масонский организуем. А потом скажем: ну, вот вам мировое правительство. Возьмём по «нобелю». А? Дело хорошее. Ты подумай. Я тут уже и приглашение в ложу набросал. Вот текст с оставленными местами для фамилий:

Добрый землянин … !!! Сим извещаем тебя, что отныне ты являешься членом доблестного 1 регистра дистрикта «Солнечная система». На верховном собрании дистрикта тебе присвоен … разряд … ступени.

Добрый землянин! Сердечно поздравляем тебя и твоих близких с большим и важным событием. Сегодня знаменная дата в твоей жизни. С этого момента тебе даются большие права, однодневно на тебя нагружаются священные и почестные обязуновсти члена великой Невидимой Империи. Это великанская честь. И её надо оправдать всей своей жизнью, учёбой, творением, честным трудом, добрым и принципиальным отношением к сапиенсам. Пусть тебя не пугают трудненности, помни: значительное легко не даётся.

Будь настоящим гражданином невидимой Отчизны, убеждённым и стоятельным бойцом за великие идеалы.

Уверены, что ты будешь честно служить Невидимым Братьям, беспрекословно выполнять Кодекс, приказы больших и уважаемых людей; будешь честным, храбрым, дисциплинарным и бдительным членом ложи.

Добрый … ! Будешь хорошо повести себя, у тебя будет всё: вкусная еда, деньги, девочки, верные товаровищи. Пойдёшь против — свернём, однако, шею как домашнему животному.

С братским приветом!

По-моему, ничего получилось. Пошлём Каддафи, японскому императору, Ельцину. У меня уже список человек на 60. С ребятами обторчимся!

Гуд бай, Додя!

III

БЕЗ ЗАГЛУШЕК

Письмо, опубликованное в западногерманском журнале «У веча» и скромно подписанное: «Из России»

Император Николай II, свято и мужественно делавший возложенное на Него судьбой дело — дело благоустроения и возвышения громадной Монархии, возбудивший восторг истинных

патриотов и удивление просвещённых людей целого мира, — встретил и злых недоброжелателей. С безумием и яростью преследовавшие свои, никому не понятные, цели организаторы-разрушители, воспользовавшись грустным и трудным положением государства, 8 марта 1917 года арестовали Государя Императора, составлявшего гордость и славу России. Этот бессмысленный и противоестественный акт поверг в недоумение многочисленное царство, совершенно спокойное и Царю преданное. Сейчас же по всей России стали предприниматься многоразличные меры, направленные против каких-то неведомых врагов, вот уже несколько десятилетий стремящихся спутать для никому тогда не понятных целей сташестидесятимиллионное население, тесно связанное любовью и исконной преданностью Царю.

Однако, к великой печали русских людей, события зашли слишком далеко. В ночь с 16 на 17 июля 1918 года в Екатеринбурге Государь, за которого многочисленное население готово было положить жизнь, скончался мученическою смертью от злодейской руки неких «большевиков» — марионеток немецкого еврейства, уже успевших запятнать себя целым рядом страшных преступлений.

Но напрасно кучка выживших из ума параноиков, выросших в затхлой атмосфере черты оседлости и совершенно чуждых исконным началам коренного населения, мнила себя стоящей во главе гигантского государства, не ими созданного и не ими благоустроенного. Ни бесшабашным хулиганством, ни наглым и циничным поношением всего русского им не удалось добиться идейного господства над великим народом. Сейчас всё больше русских людей начинает просыпаться от идейного морока немецкого иудея с маркой фамилией и обращает свой взор к чистому образу русской монархии. И здесь, внутри России, и в зарубежном изгнании раздаётся всё больше голосов в защиту поруганной династии, выходит все больше исследований, где смывается святой водой правды грязь лжи и клевет со светлой иконы российской государственности. Трудно описать волнение, когда находишь отклик своим мыслям на страницах этих книг.

Вот и недавно прочёл я одну из таких книг (лучшую) — книгу Одинокова. Читал и плакал. Истосковалось сердце истинно русского человека по голосу правды! Читал и плакал, плакал и читал: вот оно! вот ведь как надо! Говаривал покойный Антон Павлович Чехов:

«Раньше человек, хороший, с правилами, любивший, чтобы его уважали, уходил в генералы, в попы, а теперь он идёт в писатели,

профессора...»

И, добавим, в революционеры. В известный момент ушли лучшие русские люди в революцию, ушли в пьянство, ушли в нигилизм. Осиротелая русская государственная мысль искала достойный себя мозг. Но тщетно. Были в среде истинно русской люди кристальной честности, благородства, доброты. Но не было человека, который смог бы дать приемлемую, выражаясь словами Одинокова, «метамифологическую интерпретацию» русской культуры в духе исконных начал национальной жизни. И вот свершилось! Такая интерпретация есть!

Как же так получилось, что как умный русский человек, так сразу космополит и социалист (в своих корнях). В Соловьёве, Шестове, Бердяеве искал я воплощение нашей идеи. И всё получал оплеухи, строки их произведений встречали меня бесстыдным хохотом. Я хотел поучиться уму-разуму у умных людей, «излюбленных людей» моей нации, а меня там высмеивали. А я русский человек и хочу — нет, требую, — чтобы со мной на русском языке говорили русские люди, и о моих, русских проблемах. Но до Одинокова не встречал я таких людей. У всех оговорки, у всех «еврейские псалмы вместо морошки». Даже Розанов (любимый), казалось, тоже с оговорками. Приходилось, читая, некоторые страницы зачёркивать, пропускать испуганно. Теперь, после «Бесконечного тупика», его можно читать смело, целиком.

Одиноков ВЫСТРОИЛ нашу историю, дал ей каркас, спихнул в пропасть, казалось, вечный и окончательный фундамент гнилого русского либерализма. Он не то что поправил спектр русской интеллектуальной жизни, выправил его вправо, а вообще подошёл к нему с другой стороны, так что самые правые русские оказались у него самыми левыми, а бывшие левые вообще обломились в никуда, исчезли. Если в начале XX века кадетов называли профессорской партией, то отныне партией профессоров становится Союз Русского Народа.

Сам Одиноков не говорит об этом прямо. И понятно почему. Достаточно указать на то, что автор «Бесконечного тупика» москвич. Увы, нам хорошо знакома этнографическая атмосфера, в которой приходится жить Одинокову. Столица русского государства превратилась в северную Одессу. Понятна тоска и озлобленность автора, возникающая от непонимания. Понятна и его мимикрия. Здесь он, конечно, ошибся. Есть ещё в России истинно русские люди. Не надо обрывать мысль на полуслове. Мы поймём и примем всё. «Без заглушек».

Сборники, значит, издавали в помощь голодающему еврей-

ству? Все на помощь бедным еврейским детям!

Декабрьское вооружённое восстание в Москве 905-го года началось в гимназии Фидлера. Фидлер превратил здание гимназии в притон погромщиков и убийц, до зубов вооружённых винтовками, пулемётами, гранатами и бомбами. Подонки Дункель, Пржиходский, доктор Котик и прочая мразь спровоцировала вооружённые столкновения с войсками, причём не выпускала русскую молодёжь из стен гимназии, подло прикрываясь ей от выстрелов и делая фактическим соучастником своего неслыханного преступления. После разгрома шайки сам Фидлер бежал, причём попутно сумел через подставных лиц продать своё недвижимое имущество. Процесс же по делу арестованных членов шайки окрестили «процессом детей» и добились полного оправдания убийц.

В Поволжье погибли миллионы. Разве в этом дело! Надо помогать ДЕТЯМ Поволжья: Исидору Яковлевичу, Афанасию Яковлевичу, Кириллу Яковлевичу и Олегу Яковлевичу — двоюродным братьям Александра Яковлевича Альхена, да и ему самому вместе с Пашей Эмильевичем — двоюродным племянником жены.

«Остап Бендер увидел пятерых граждан, которые прямо руками выкапывали из бочки кислую капусту и обжирались ею. Ели они в молчании. Один только Паша Эмильевич по-гурмански крутил головой и снимал с усов капустные водоросли».

Розанов писал: «им мало денег, они пришли по душу русскую». И вот уже Осип Эмильевич пишет свою «Четвёртую прозу», где исповедуется русскому народу, как его, Осипа Эмильевича, все обижают. А вот и Надежда Яковлевна, совесть русского народа.

Плечистые, с отожранными лоснящимися ряшками, с хитрыми глазками, родственники и друзья Апфельбаумов, Бронштейнов, Розенфельдов, Ягод и прочих директоров приютов. Дети Поволжья! Дети Поволжья! Все на помощь голодающим детям Поволжья! Что там у вас? «Церковные ценности»? — Давайте ценности! Зарплата? — Давайте зарплату! Может быть, что из вещей лишнее?! — Давай и одежду! Всё давай! Верёвочка осталась? — Давай и верёвочку, и верёвочка пригодится, а то, сука, после допроса удавишься. А мы вам гуманизм. Одеяло, а на одеяле «ноги» вышьем. «По одёжке протягивай ножки».

И вот сейчас мировое еврейство встрепенулось. Зазвенели подземные телефоны. Жидомасонская погань приготовилась «изучать» «феномен русского национализма». Наладили лупы и микроскопы, выписали цитаты, нарисовали диаграммы и таблицы. Евреи думают, что с ними будут разговаривать, что они

будут «интересны». А время пришло вам УМИРАТЬ.

Мы не собираемся воевать против народов Европы, хотя на англичанах, французах и особенно немцах вина лежит тяжёлая, почти неискупимая. Однако русский народ великодушен. Но с вами, господа жиды, разговор будет особый. Своей кровью заплатите вы за все наши страдания, за десятки миллионов невинных жертв. Не бороться вы должны против советского правительства, а всеми силами поддерживать его, ибо оно ещё только в состоянии как-то отсрочить близящийся час народной расправы. Наша месть будет ужасна! Мы так ударим кулаком по земному шару, что содрогнётся весь мир! Термоядерным ластиком мы сотрём знаки сатанинской каббалистики, опутавшей кровавой цепью политического террора и шантажа весь свет. Плачьте заранее. От карающей длани Союза Русского Народа вам не скрыться в противоатомных бункерах, не отсидеться на далёких тихоокеанских островах. Если вы и будете «отсиживаться», то на островах совсем другого «архипелага», столь заботливо измысленного вами для нашего народа. «Поднявший меч от меча и погибнет».

Слушайте, вы, красносотенная сволочь! Ну куда вы полезли? Союз Русского Народа сметёт вас с планеты. Придёт время, и вы будете вышвырнуты из своих кремлёвских и капитолийских канцелярий в отхожую яму небытия, а ваши имена будут навсегда стёрты со скрижалей мировой цивилизации. Придёт время, и на страшном месте убиения великого Государя и Его Августейшей Семьи воздвигнется храм, и такие же храмы и многоразличные памятники в память Царя-Мученика построятся даже в самых отдалённых уголках Солнечной системы, и Русский народ будет всегда осенять себя крестным знамением, вспоминая Имя незабвенного Монарха.

IV

ЛАКЕЙСКИЙ БАЛ

Статья принадлежит перу видного эмигрантского историка и культуролога и опубликована в религиозно-философском журнале ВКЛМНХД N10977.

Сократ*: Сила почвы высасывает влагу мысли. Не то ли случается с капустой?*

Стрепсиад*: Что ты?! Мышление капусты тянет влагу из почвы!*

Аристофан. «Облака»

Существуют темы, требующие от исследователя особо бережн-

ого, особо деликатного отношения. Именно к таким темам относится история русской философии. Развитие самобытной русской мысли было насильственно прервано, и следствием этого явился разрыв культурной традиции, как бы стягивание философии на себя, превращение её в относительно статичный и замкнутый мир, находящийся в состоянии внутреннего равновесия и не терпящий бесцеремонного вмешательства извне, из других эпох и временных пластов. Соловьёв, Бердяев, Шестов, Розанов, Франк, Сергей Булгаков — каждая из фамилий является отдельной гранью удивительного, прекрасного и законченного феномена — русской философии.

И вот сейчас, в наше время, находится человек, ставящий своей целью не просто изучение и систематизацию наследия золотого века нашей философии и даже не применение его идей к анализу современного мира, а живое и непосредственное включение в интеллектуальный универсум России начала века. Этот человек хочет включиться в силовое поле полемики между Флоренским и Бердяевым, Розановым и Соловьёвым, Шестовым и Ильиным. Что ж, подобное желание можно только удивлённо приветствовать! Но к чему это приводит на практике? Позволю себе привести несколько реплик из книги этого человека (Одиноков, «Бесконечный тупик»): «истероидный психопат в костюме Тартарена из Тараскона» (это о Владимире Сергеевиче Соловьёве); «дебил», «агент ЧК» (о Николае Александровиче Бердяеве); «Хрущёв русской философии» (о Льве Николаевиче Толстом); «злой христосик», «безобразнейшая личность» (о Николае Фёдоровиче Фёдорове); «посредственный медиевист, связавшийся с жидами» (о Георгии Петровиче Федотове).

Примеры можно продолжить. При этом он назойливо привязывает к оплёвываемым мыслителям самого себя: Соловьёв и Одиноков, Бердяев и Одиноков, Флоренский, Шестов, Розанов и т. д. и Одиноков. Везде рядом с до неузнаваемости окарикатуренными портретами наших философов оказывается самодовольно улыбающаяся физиономия их автора. «Мы пахали».

Впрочем, для одного мыслителя — Розанова — Одиноков делает исключение и превращает его в «Пушкина русской философии». Но секрет такого снисхождения прост. Оказывается, сам Одиноков — это двойник Розанова, или, точнее, Розанов имеет честь походить на Одинокова. Но Одиноков не довольствуется и этим и просто, со свойственной великим мира сего непосредственностью заявляет: «Я — гений». Да было это, г-н Одиноков, было! «Хам, наготу отца своего открывающий».

О знаменитом «Самопознании» — книге, которая по стати-

стике является одной из наиболее читаемых в современном мире — Одиноков заявляет, что с равным успехом её можно было бы назвать «Короли и капуста», ибо там так же нет самопознания, как нет королей и капусты в известном романе О. Генри. Зато, добавим, в книге Одинокова есть и то и другое. Сам он — король, а окружающие — так, «капуста», кочаны которой можно пинать из стороны в сторону, а при случае и сесть на какой-нибудь приглянувшийся вологодский кочанчик и полетать на нём, как барон Мюнхгаузен на ядре. Всё это, если использовать слова самого автора, капустный уровень, уровень квашеной капусты.

Читая «Бесконечный тупик», хочется крикнуть его автору: «Послушайте, что вы делаете? остановитесь! ведь это же саморазоблачение!» Ведь просто, по-человечески, Одинокова нельзя назвать заурядным графоманом. Чувствуется, что он знаком с трудами многих русских философов не понаслышке, читал первоисточники, конспектировал. Одним словом, тема наработана. И возможно, если бы Одиноков отнёсся к теме своей работы более ответственно, если бы он поставил перед собой на первый взгляд, пускай, локальную задачу, но подошёл к ней серьёзно, без развязного субъективизма, то кто знает, может быть, автору и удалось бы выйти на действительно интересный уровень. «Мой бокал мал, но я пью из своего бокала». Одиноков же поднял пудовый «громокипящий кубок» нашей великой культуры и, опьянев от первого же глотка, опрокинул его себе на голову и так и сел на пол. Из-под колпака чаши слышались отдельные нечленораздельные реплики, хохот, плач… «Тяжела ты, шапка Мономаха».

На этом нашу статью можно было бы и закончить, но есть тут ещё один момент, на котором нельзя не остановиться, — уже не смешной, а гнусный. Я имею в виду антисемитизм г-на Одинокова. Существуют слова, от частого и часто лицемерного употребления стёршиеся, превратившиеся в штампы. И всё же я не могу найти в своём лексиконе другого слова, более ясно и адекватно выражающего суть Одинокова. Одиноков — это МРАКОБЕС. Мракобес искренний, вдохновенный. Безнадёжный. Наивно (наивно ли?) восприняв миф КГБ о масонах, Одиноков нашёл в нём духовную санкцию на проявление своей глубокой ненависти по отношению ко всему миру. Причём ненависть эта вылилась у него в наиболее грубой, подлой и низкой форме — форме ненависти к другим народам и нациям, и прежде всего, конечно, к наиболее «удобной» для этого многострадальной еврейской нации. (Я не буду останавливаться на причинах этой

злобы, это задача скорее психопатолога.)

Здесь, кстати, понятнее «родство» Одинокова с Розановым. К сожалению, у этого мыслителя встречаются антисемитские высказывания, но, конечно, не они составляют суть его философии. Это скорее досадные оговорки, следствие сварливого характера. Но что позволено Юпитеру, то не позволено быку. Одиноков не обладает достоинствами Розанова, но сочетает в себе его недостатки. В этом смысле он, пожалуй, похож на Розанова… так же как любой глухой похож на Бетховена.

Нет нужды конкретно останавливаться на антисемитских «разоблачениях» Одинокова. Они стары как мир. Замечу только, что автор, видимо, перепутал «гостию» с «гостем» и заявил, что «евреи додумались до кровавой плесени на трупах». До плесени на трупах тут додумался сам Одиноков, так как речь шла о развитии вида красных бактерий в ТЕСТЕ для ГОСТИЙ, то есть облаток для причастия в католической церкви. Согласно тёмной средневековой легенде, евреи похищали гостии из церкви и кололи их иглами. Из отверстий лилась будто бы кровь Спасителя, а на христиан насылалась порча. Новейшие исследования привели к предположению, что возможным поводом к этому нелепому обвинению послужил феномен покраснения теста при попадании в него некоторых микроорганизмов.

Впрочем, довольно. На всё это достаточно указать пальцем и пройти мимо. В 20-е годы Михаила Булгакова спросили, почему он не участвует в оживлённых литературных дискуссиях, развернувшихся тогда вокруг наследия русских классиков. Булгаков ответил, что возникшая ситуация напоминает ему лакейский бал, когда хозяева ушли, а лакеи нацепили на себя господское платье, надели перчатки и цилиндры и начали друг перед другом ломаться. «Простите, но на такие балы я не ходок», — сказал Булгаков.

Что ж, мне остаётся только присоединиться к мнению нашего великого писателя.

В конце статьи подпись:

профессор Иерусалимского университета
Мордехай Гершов Каценелленбоген.

V

ПРЕДИСЛОВИЕ К «БЕСКОНЕЧНОМУ ТУПИКУ» ОДИНОКОВА

Любимой книгой моего детства были «Сказки» Андерсена. А любимой сказкой Андерсена — «Русалочка». Русалочке, чтобы видеть своего принца, пришлось потерять голос. Ведьма отрезала ей язык и дала взамен прекрасные ножки. Каждый шаг причи-

нял русалочке страшную боль. Чтобы быть человеком, надо молчать, а каждый шаг по земле — шаг по острым стальным иглам. Одиноков как раз такая русалочка. Или водяной, Протей, как сказал о Розанове современный исследователь его творчества Георг Штаммлер.

Одиноков, вслед за Протеем-Розановым, постоянно ускользает от окончательного ответа, выскальзывает из наших рук, оставляя в зажатом кулаке читателя окончание-хвост, мгновенно загорающееся пламенем или рассыпающееся в песок. Поэтому очень наивен будет читатель, относящийся к этому произведению буквалистски. Такому человеку лучше и не открывать «Бесконечного тупика». Одиноков постоянно издевается над подобного рода читателем. Вот он, например, назвал свою книгу «III частью» и «Примечаниями», хотя, конечно, ни I, ни II части просто нет в природе. Точнее, они воспроизводятся параллельно основному тексту. «I–II» часть получится, если прочесть сплошным текстом выделенные подзаголовки примечаний. Символ (и секрет) «пустого мышления» именно в этом и заключается. Если сначала прочесть текст заголовков, а потом текст примечаний, то «I–II часть» будет полубессознательной и магической. Здесь будет какой-то смысл, но именно «какой-то», почти неуловимый. После же «примечаний» текст будет совершенно понимаем и из магического станет символическим. Содержание опять уйдёт, испарится. Осуществится призыв автора «не думать».

Также очень наивно будет проецировать образ «Одинокова — лирического героя» на подлинного автора романа. Конечно, все обстоятельства жизни Одинокова вымышлены от начала до конца. В сущности, мы ничего не можем сказать о настоящем авторе «Бесконечного тупика». Он полностью растворён в тексте. Одиноков много говорит о себе, но на самом деле об Одинокове нам ничего не ясно. Неясен даже его возраст. Может быть, ему 30 лет, а может, 60. Да что возраст! Я не могу сказать уверенно даже о поле автора. Вполне возможно, что это женщина. И вообще, может быть, книга написана двумя, тремя или целым коллективом авторов. Может быть, фамилия автора даже не Одинокова, а Одиноковы, или даже Одиноково, откуда взлетают серебристые птицы разлетающихся мыслей. Неопределённость личности автора хорошо иллюстрируется насильственно привнесённой в текст темой одиноковской «гениальности». Действительно невозможно сказать, гениален этот роман, талантлив или бездарен (с точки зрения эстетической). Он вне критериев, вне стиля. Это действительно совершенно разрушенный текст.

Разумеется, нельзя принимать всерьёз и историческо-философские изыскания Одинокова. Все его рассуждения о «русской национальной идее» или «новом мифе о Чехове» являются пародиями, ироническими стилизациями или провокациями-анакризами, но ни в коем случае не моноидеологическими конструкциями. Неслучайно сам Одиноков несколько раз говорит о том, что из произведений русских писателей нельзя черпать фактические сведения. И поскольку «Бесконечный тупик» это роман, то и никакой ИНФОРМАЦИИ там нет. Например, рассуждения Одинокова о масонах как две капли воды похожи на специально перевёрнутые объяснения планировки и расцветки комнат слепому герою набоковской «Камеры-обскуры». В качестве символической фигуры русского масона он изображает П. Н. Милюкова, «приват-доцента Московского университета с набухшим от крови шнурком пенсне». Однако хорошо известно, что в первом составе Временного правительства масонами были 10 министров, а немасоном только один — министр иностранных дел Павел Николаевич Милюков. Милюков никогда не принадлежал к сообществу франкмасонов, этой таинственной организации, участие которой в русской революции объясняется, впрочем, вполне прозаическими причинами.

Такой же «перевёрнутый» характер имеет и одиноковский «антисемитизм». Уже эпизод с «вешалкой» достаточно двусмыслен, так как на самом деле является реминисценцией хорошо известного стихотворения Осипа Мандельштама:

Жил Александр Герцевич,
Еврейский музыкант.
Он Шуберта наверчивал,
Как чистый бриллиант.
…
Нам с музыкой-голубою
Не страшно умереть,
А там — вороньей шубою
На вешалке висеть.

Всё, Александр Сердцевич,
Заверчено давно…
Брось, Александр Скерцевич,
Чего там, всё равно…

Одиноков борется не с евреями, к которым он совершенно равнодушен, а с собственной униженностью и с некоторыми частями своего «я», которые кажутся ему абстрактно-рассудочными, скептическими и лишёнными творческого начала. Если ав-

тор заявляет, что «мне никто не интересен, кроме меня как русского», то к этому можно добавить, что точно так же он интересен себе «как еврей». «Русскость» и «еврейство» — это просто символические обозначения творческого и регрессивно-схоластического начала одиноковского ума. Отношение к реальной дилемме русского и еврейского сознания они имеют весьма косвенное. Возможно, биологически Одиноков и русский (хотя я совершенно бы не удивилась, если бы он оказался евреем, немцем, поляком или, как он говорит, марсианином). Но в духовном смысле Одиноков совершенно безнационален, поэтому «национальное» для него просто лишено смысла. Если некоторые характеристики элементарных частиц, непередаваемые в терминах макромира, называют «очарованностью» и «странностью», то Одиноков некоторые недоступные ему на уровне сознания части своего внутреннего мира назвал «русскостью» и «еврейством».

Более того. Все высказывания Одинокова о русских и евреях есть утончённая форма издевательства над национализмом, ибо построены в виде абсолютной оборачиваемости. Например, говоря о различии между еврейским и «арийским» подходом к понятию ценности, он заявляет:

«Золото обладает ценой, и поэтому это золото, и золото это золото, и поэтому оно ценно. На таком уровне, на уровне мистики денег отличия в сущности нет, его невозможно понять, но в более сложных областях человеческого духа эти два отношения к ценностям начинают катастрофически расходиться и на вершине становятся антиподами».

Вершина здесь — это, видимо, отношение к Богу. Еврейская точка зрения: Бог совершенен, и поэтому я испытываю к Нему совершенное чувство, совершенную любовь. «Арийская» точка зрения: я испытываю к Богу совершенную любовь, и поэтому Бог совершенен. Как я ни ломала голову, так и не смогла понять: в чём же здесь разница? По-моему, её здесь так же нет, как и в случае с золотом. И лишь потом я догадалась, что Одиноков тут шутит. Такой же шуткой о «курице и яйце» является, например, и утверждение о «стилизованном релятивизме» Льва Шестова. Ведь с таким же успехом можно сказать, что еврейская релятивность, выразившаяся в философии Шестова, опошлена русскими (то есть самим Одиноковым).

К какому же жанру относится «Бесконечный тупик», произведение столь двусмысленное и противоречивое? Используя термин литературоведения Бахтина, можно сказать, что перед нами типичная «меннипеева сатира». Согласно концепции Бахтина,

первоначальная элементарная выделенность литературных жанров (эпос, лирика, трагедия, комедия и т. д.) в процессе развития сплетается в единую ковровую ткань синтетического «карнавального жанра», характерного для наиболее зрелых культур (например, для культуры эллинизма).

Карнавальная литература носит название менниповой сатиры (сатуры) по имени философа-киника III в. до н. эры Мениппа из Гадары. Впоследствии традиции Мениппа развивали Лукиан, Варрон, Сенека, Петроний. Мениппеи характерны для поздне-средневековой культуры (например, во Франции XVI века), для творчества Достоевского («Дневник писателя»). Этот же жанр развивает в своём творчестве и Одиноков. В «Бесконечном тупике» легко прослеживаются основные признаки мениппеи. Ниже я даю признаки мениппеи по Бахтину и иллюстрирую их конкретными примерами из книги Одинокова.

1. «Мениппея полностью освобождается от мемуарно-исторических ограничений, она свободна от предания и не скована никакими требованиями внешнего жизненного правдоподобия. Мениппея характеризуется ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ СВОБОДОЙ СЮЖЕТНОГО И ФИЛОСОФСКОГО ВЫМЫСЛА. Этому нисколько не мешает то, что ведущими героями мениппеи являются исторические и легендарные фигуры…»

Героями «Бесконечного тупика» являются крупнейшие русские писатели и философы: Соловьёв, Розанов, Бердяев, Толстой, Чехов и др. Отнесение книги Одинокова к жанру менниповой сатиры позволяет понять стилистическую обусловленность превращения этих людей в гротескные маски, имеющие ровно столько сходства с реальностью, сколько необходимо для успешной смеховой идентификации. Одиноков здесь очень точно следует канонам жанра.

2. «В мениппее самая смелая и необузданная фантастика и авантюра внутренне мотивируются, оправдываются, освящаются здесь чисто идейно-философской целью — создавать ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ для провоцирования и испытания философской идеи — слова, ПРАВДЫ, воплощённой в образе мудреца, искателя этой правды … фантастика служит здесь не для положительного ВОПЛОЩЕНИЯ правды, а для её искания, провоцирования и, главное, для её ИСПЫТАНИЯ».

Образом мудреца, «Мениппа» в нашем случае является лирический герой Розанов-Одиноков, находящийся в постоянном и крайне напряжённом контакте с жуткими масками «масонов» и «немецких шпионов». Этот бредовый миф провоцирует читате-

ля на отказ от устоявшихся стереотипов мышления, путает его и дезориентирует. И в конце концов поверх стёртой программы Одиноков нашёптывает неуловимый контур собственного религиозно-мистического мироощущения. При этом «одиноковщина» не декларируется, а находится в постоянном процессе динамического опровержения.

3. «Очень важной особенностью меннипеи является органическое сочетание в ней свободной фантастики, символики и — иногда — мистико-религиозного элемента с крайним и грубым (с нашей точки зрения) ТРУЩОБНЫМ НАТУРАЛИЗМОМ».

Идеальным примером подобного сочетания является «капустная теория» Одинокова, где в хамски-глумливой форме автор высказывает свои сокровеннейшие мысли, служащие костяком его философско-религиозной системы.

4. «Смелость вымысла и фантастики сочетается в меннипее с исключительным философским универсализмом и предельной миросозерцательностью. Меннипея — это жанр „последних вопросов“. В ней испытываются последние философские позиции. Меннипея стремится давать как бы последние, решающие слова и поступки человека, в каждом из которых — весь человек и вся его жизнь в целом».

Всё в книге Одинокова подлежит философскому перетолкованию и «выстраиванию». Характерным примером «последнего слова и поступка» является «вешалка» — смешной бытовой эпизод, который переосмысляется с позиций метафизических и религиозных и превращается в некую жизненную точку, фокус всей предыдущей и последующей жизни лирического героя.

5. «В связи с философским универсализмом меннипеи в ней появляется трёхпланное построение: действие и диалогические синкризы переносятся с Земли на Олимп и в преисподнюю».

«Олимп», то есть божественный план человеческого бытия, постоянно присутствует в «Бесконечном тупике». Это аура молчания и умолчания. Создаётся молчаливая светлая тень вокруг почти каждого эпизода повествования. Одиноков постоянно подчёркивает присутствие невыразимого прекрасного — объективно существующего, но ему недоступного.

О «преисподней» же говорится в «Тупике» очень много и, что называется, запросто. Собственно, книга Одинокова это опыт православной демонологии. Дьявольщиной настолько пронизываемы мысли автора, что и сам он иногда кажется нечуждым демонической природе (кстати, одно из славянских названий нечистой силы — «Единоок»). Это такой несчастненький чёртик

или, может быть, как говорил Ремизов, «кикимора». А может быть, русалка. Русая русская русалочка, ласково хихикающая и завлекающая невинного читателя в холодный омут собственной сексуальной патологии. И отец у Одинокова тоже чёртик, пьяненький чёртик, меланхолически уплетающий уху из гнилых окурков. И живёт Одиноков в подводном царстве Ресефесеерии, где туда и сюда проплывают разные генсеки, райсобесы, комсомолы и сексоты.

6. «В меннипее появляется особый тип ЭКСПЕРИМЕНТИРУЮЩЕЙ ФАНТАСТИКИ, совершенно чуждый античному эпосу и трагедии: наблюдение с какой-нибудь необычной точки зрения, например с высоты, при которой резко изменяются масштабы наблюдаемых явлений жизни (например Свифт)».

Во-первых, автор «Бесконечного тупика» уже сам по себе живёт в фантастическом обществе, в обществе, страдающем социалофренией, так что ему и не нужно выдумывать страну лилипутов, лапутян или гуингменов. Он сам живёт в стране ГУЛАГменов.

Во-вторых, может быть в силу природной «выдуманности кем-то», Одиноков, в свою очередь, сознательно экспериментирует по ходу повествования, сначала насильственно погружая себя в тупики произвольно навязанных «директив», а потом виртуозно выкарабкиваясь из них, используя малейшие шероховатости и трещинки фактуры родного языка. Похоже, что эта игра доставляет ему неизъяснимое удовольствие.

7. «Меннипее свойственно морально-психологическое экспериментирование: изображение необычных, ненормальных морально-психических состояний человека — безумий всякого рода („маниакальная тематика“), раздвоения личности, необузданной мечтательности, необычных снов, страстей, граничащих с безумием, самоубийств и т. п.»

Все эти признаки наличествуют в рассматриваемом произведении. К «маниакальной тематике» относится масонская и еврейская фобия Одинокова, принимающая форму хрестоматийной паранойи. В то же время Одиноков сознаёт патологический характер своего антисемитизма. Так что тут налицо и «раздвоение личности». Этому раздвоению свойственна крайняя динамичность и агрессивность. Раздвоение переходит в растроение-расстройство и расчетверение-рассыпание. Одиноков оборачивается Многооковым. Свойственна автору и «необузданная мечтательность», и «необычные сны», и «безумные страсти».

И наконец, может быть, центральной темой является тема самоубийства. Вся эта книга в условиях современной России есть форма изощрённого самоубийства.

8. «Для меннипеи очень характерны сцены скандалов, эксцентрического поведения, неуместных речей и выступлений, то есть всяческие нарушения общепринятого и обычного хода событий, установленных норм поведения и этикета, в том числе и речевого … Для меннипеи характерно „неуместное слово“ — неуместное или по своей циничной откровенности, или по профанирующему разоблачению священного…»

Собственно, весь текст «Бесконечного тупика» неуместен, о чём сам Одиноков неоднократно и говорит.

9. «Меннипея наполнена резкими контрастами и оксюморонными сочетаниями: добродетельная гетера, истинная свобода мудреца и его рабское положение и т. д. Меннипея любит играть резкими переходами и сменами … неожиданными сближениями далёкого и разрозненного…»

В этот пункт хорошо вписывается образ «философа-лжеца», олицетворением которого, по Одинокову, являются практически все русские мыслители.

10. «Меннипея часто включает в себя элементы СОЦИАЛЬНОЙ УТОПИИ, которые вводятся в форме сновидений или путешествий в неведомые страны; иногда меннипея прямо перерастает в утопический роман».

Именно к последнему типу меннипей относится «Бесконечный тупик». Мышление Одинокова явно утопично. Автор продолжает классическую славянофильскую утопию о Москве — третьем Риме, увязывая её с современной действительностью. С одной стороны, он расширяет масштаб утопии до галактических размеров. С другой стороны, учитывая национальный крах русской культуры и расселение её носителей по всему миру, Одиноков пытается направить утопию по новому, субгосударственному руслу. Третий Рим превращается в Москву-невидимку, в невидимый град Китеж, строящийся, увы, всё теми же вольными каменщиками, но не в фартуках строителей храма Соломона, а в косоворотках и рукавицах отечественного производства. Так жидомасонская мифология превращается в мифологию русо-масонскую. Как и положено, мания преследования с железной последовательностью дополняется манией величия. Конечно, авторский образ Одинокова здесь резко пародиен.

11. «Для меннипеи характерно широкое использование вставных

жанров: новелл, писем, ораторских речей … и др., характерно смешение прозаической и стихотворной речи. Вставные жанры даются на разных дистанциях от последней авторской позиции, то есть с разной степенью пародийности и объективности. Стихотворные партии почти всегда даются с какой-то степенью пародийности … Наличие вставных жанров усиливает многостильность и многотонность меннипеи; здесь складывается новое отношение к слову как материалу литературы… Наряду с изображающим словом появляется ИЗОБРАЖЁННОЕ слово; в некоторых жанрах ведущую роль играют двухголосые слова».

Вся книга Одинокова и образована вставкой друг в друга нескольких вставных жанров, предварительно размочаленных и сплетённых затем в пёстрый ковёр. Так, биографические воспоминания лирического героя образуют ленту, периодически то вплетающуюся, то выплетающуюся из общего хода повествования.

Своеобразной особенностью лоскутного характера меннипеи является, как сказал Бахтин, «пародийно переосмысленные цитаты». Цитат у Одинокова огромное количество. Одна из тем «Тупика» — это постоянное, используя выражение автора, «обыгрывание» различных цитат, взятых из совершенно разных источников и превращающихся при насильственном соединении в ходячие двусмысленности.

12. «Наконец, последняя особенность меннипеи — её злободневная публицистичность. Это своего рода „журналистский“ жанр древности, остро откликающийся на идеологическую злобу дня. Так, например, сатиры Лукиана в своей совокупности — это целая энциклопедия его современности: они полны открытой и скрытой полемики с различными философскими, религиозными, идеологическими, научными школами, направлениями и течениями современности, полны образов современных или недавно умерших деятелей, „властителей дум“ во всех сферах общественной и идеологической жизни … полны аллюзий на большие и маленькие события эпохи, нащупывают новые тенденции в развитии бытовой жизни, показывают нарождающиеся социальные типы … и т. п. Это своего рода „Дневник писателя“, стремящийся разгадать и оценить общий дух и тенденцию становящейся современности…»

С этой точки зрения «Бесконечный тупик» является крепчайшим раствором всех идеологических течений современной московской жизни. Все разговоры, суды и пересуды спрессованы Одиноковым в один тысячестраничный том. В подобной «энцик-

лопедичности» особая ценность этого удивительного произведения для читателя-эмигранта. «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!»

Квалификация «Бесконечного тупика» как меннипеи позволяет глубже понять внутренний смысл произведения. Сам Бахтин считал создание жанра «менниповой сатиры» проявлением «разрушения эпической и трагической целостности человека и его судьбы». В жизни эпохи, породившей меннипею, происходило «обесценивание всех внешних положений человека… превращение их в РОЛИ, разыгрываемые на подмостках мирового театра по воле слепой судьбы».

Суть осознающей это положение «менниповой сатиры» — «открытие ВНУТРЕННЕГО ЧЕЛОВЕКА — „себя самого“, доступного не пассивному самонаблюдению, а только активному ДИАЛОГИЧЕСКОМУ ПОДХОДУ К СЕБЕ САМОМУ, разрушающего наивную целостность представлений о себе, лежавшую в основе лирического, эпического и трагического образа человека. Диалогический подход к себе самому разбивает внешние оболочки образа себя самого, существующие для других людей, определяющие внешнюю оценку человека (в глазах других) и замутняющие чистоту самосознания».

Сновидения, мечты, безумие и скандалы меннипеи разрушают целостность человека и его судьбы, «в нём раскрываются возможности иного человека и иной жизни, он утрачивает свою завершённость и однозначность, он перестаёт совпадать с самим собой».

Но немыслимая усложнённость внутренней жизни, освобождающая от однозначной зависимости от реальности, выбрасывает человека в пустыню внутреннего одиночества, в пустыню насквозь продуваемую всеми ветрами эпохи. Что такое родина Одинокова? Как писал Чацкин,

Союз-Орда и Золотая Зона,
Архипелаг в Эгейском море ига.

Может ли одинокая русалочка выдержать самум сумасшедшего ума, сметающий в небытие целые народы? Отсюда чувство грусти и угасания. Русалочка Одинокова скрывается в тихом омуте сумеречного одиночества. И этим колеблющимся сумеречным светом освещены лучшие страницы романа. А вокруг ухрястливо и муравьино идёт знойная жизнь подводной пустыни:

Как из крови построить пирамиду?
— Кормить клопов постельных в ячеистых
И многовёрстных стойлах человечьих,

В казармах душных, безоконных, безнадёжных.
И гребешками ласково сбирать
Малину красную в гигантские лукошки,
Давить под прессом в тёмные брикеты,
Сушить в печах сырые кровяные кирпичи
И отвозить на стройки малолеток.

Ах, бедная Одинокова, куда ты попала! Все слова сказаны, все роли сыграны, и сатанинский спектакль продолжается «просто так», по инерции. Россия выговорилась. «Русский язык, миленький, отпусти меня», — плачет русалочка. Куда же он её может отпустить? — В свободу небытия.

«Над морем поднялось солнце. Лучи его любовно согревали мертвенно-холодную морскую пену, и русалочка не чувствовала, что умирает…

— Куда я иду? — спросила она, поднимаясь в воздух; и голос её прозвучал так дивно и одухотворённо, что земная музыка не смогла бы передать этих звуков.

— К дочерям воздуха! — ответили ей воздушные создания. — У русалки нет бессмертной души, и обрести её она может только если её полюбит человек. Её вечное существование зависит от чужой воли. У дочерей воздуха тоже нет бессмертной души, но они сами могут заслужить её себе добрыми делами. Мы прилетаем в жаркие страны, где люди гибнут от знойного, зачумлённого воздуха, и навеваем прохладу. Мы распространяем в воздухе благоухание цветов и приносим людям отраду и исцеление. Триста лет мы посильно делаем добро, а потом получаем в награду бессмертную душу и вкушаем вечное блаженство, доступное человеку. Ты, бедная русалочка, всем сердцем стремилась к тому же, ты любила и страдала, — поднимись же вместе с нами в заоблачный мир. Теперь ты сама можешь заслужить бессмертную душу добрыми делами и обретёшь её через триста лет!

И русалочка протянула свои прозрачные руки к солнцу, и впервые на глазах её показались слёзы…»

Прощай, бедная русалочка!
Дора Иллюминатор

VI

БЕСКОНЕЧНАЯ ПРЕДУМЫШЛЕННОСТЬ
опубликовано в нью-йоркском философском журнале «Нус»

Недавно на русскоязычном книжном рынке появилось весьма своеобразное произведение. Я имею в виду книгу Одинокова «Бесконечный тупик». Несомненно, Одиноков обладает талан-

том критического мышления. Но, к сожалению, его часто действительно интересные высказывания о творчестве Набокова или Розанова постоянно перебиваются аляповатыми субъективно-романтическими репликами. Они не только нарушают смысловое единство произведения, но и, увы, просто дискредитируют Одинокова, принижают общее впечатление от прочитанного. Автор, видимо, сам чувствует это и пытается компенсировать дефект за счёт вторичной интеллектуализации, так что разрывы текста искусственно трансформируются из естественных огрехов в надуманные символы.

Мышление Одинокова очень жёсткое, коварное. И сам этот человек, каким он предстаёт на страницах «Тупика», — весь холодный, выделанный, как бы вылитый из стали. Он хочет казаться иногда разболтанным, слабым, даже сумасшедшим, но на самом деле сумасшествие его предумышленное и вымышленное. Одиноков взял учебник по психопатологии и стал аккуратно, по-научному кривляться, сходить с ума. Если Шестов сказал, что Достоевский и Ницше «типичные обратные симулянты», то автор «Бесконечного тупика» симулянт самый что ни на есть прямой. На самом деле это рационалист до мозга костей. Всё у него продумано, всё высчитано и вымерено на весах прямо-таки нечеловеческой логики. Неслучайно он пишет, что даже собственные сны подвергал разъедающему анализу.

За внешне разнородной и иррациональной формой «Бесконечного тупика» скрывается конкретное осуществление центральной со времён Соловьёва задачи — задачи создания философии всеединства и синтеза отвлечённых начал. Центральную задачу Одиноков зашифровал «текстом». Но «текста» на самом деле нет, а есть таящийся под ним рациональный металлический каркас.

В каждом сумасшествии есть своя логика. Логика же человека, симулирующего сумасшествие, просто железная. Пусть нас не вводит в заблуждение якобы иррациональная форма изложения и маскировка под некое художественное произведение. «Бесконечный тупик» — это прежде всего философская работа. И работа очень продуманная. Я бы даже сказал максимально продуманная. «Купиться» на её раскрашенную оболочку — это значит ничего не понять в системе Одинокова. Давайте же её сорвём и попытаемся реконструировать внутренний замысел одиноковщины.

Одиноков считает, что опыт русской «религиозной философии» в целом следует признать неудачным. Либо это «вокруг и около религиозные» мыслители, часто достаточно интересные,

либо это в той или иной степени эклектики (в худшем смысле этого слова). Наиболее яркий пример второй категории — Флоренский. Его «Столп и утверждение истины» является работой, пожалуй, наиболее близкой к собственно православию. Даже ближе, чем труды Булгакова (тоже священника). Булгаков всё же или философствовал (и тогда его относило вплоть до карикатурной бердяевщины), или богословствовал (тогда всё получалось, может быть, и правильно, но не философски, антифилософски). А Флоренскому удалось философствовать внутри православия. Но эта «внутренность» весьма мало актуализировалась в «Столпе» и, видимо, так и осталась субъективной тайной философа. Продуктивной частью 800-страничной книги Флоренского является примерно 1/10 часть, посвящённая символической интерпретации проблем иррациональной логики. Задачей мыслителя должна была стать иллюстративная связь этой сердцевины книги с религией и потом косвенный, нежный выход на православие. Но Флоренский этого сделать не смог. Причина неудачи — в субъективности содержания и «объективности» формы, в неспособности к субъективной, неотстранённой форме. В конечном счёте это следствие общего характера православия, несклонного к философскому выражению.

Одиноков снимает это противоречие, выводя собственно религиозную проблематику за пределы философского умозрения. Однако он не впадает при этом в уже совсем бесплодный русский сциентизм, так как объявляет вышвырнутое за шиворот православие чем-то настолько высоким, светлым и чистым, о чём и говорить-то грех. Это-де внутренний, таинственный опыт, дар Бога, около которого надо кормиться, окармливаться и благоговейно молчать. Или петь, плакать, но не говорить. Это ловкий и сильный ход.

Одинокову необходима моральная санкция для своих построений. Необходима уже потому, что официальной философской мысли в стране сейчас нет, а философия всё-таки не терпит неофициальности, дилетантизма. Нужна, грубо говоря, «справка». Её автор находит у несчастного и простодушного Розанова. Конечно, трудно подыскать более удобную кандидатуру для легализации своих идей. Пошарив в розановском коробе, всегда можно вытянуть что-нибудь подходящее. И тут мы видим тоже дьявольски продуманную комбинацию.

У Розанова, видимо неожиданно для себя (хотя вряд ли возможно со стороны этого человека что-либо случайное и неожиданное), он натолкнулся и на удивительный приём интимничания, придания веса своим рассуждениям за счёт их выпуклого

субъективизма. Подлинность переживания тут компенсирует недостаток аргументации. Это как в стихах, где ритм и рифма служат опорой для в прозе убогого содержания (попробуйте изложить в прозе самую гениальную эпиграмму — получится глупо и плоско).

Из переосмысления этого приёма родилась его блестящая интерпретация — то, что Одиноков называет «двойной заглушкой» или «интеллектуальной девальвацией». Сам Василий Васильевич этим никогда не занимался. (Утверждение со стороны Одинокова обратного это, конечно, пример липовой справки, которую он сам себе выписал, подделав почерк Розанова.) Ренегатство Розанова действительно было ренегатством, перебеганием из одного лагеря в другой «из-за денег» и, шире, из-за соответствующей общественно-политической конъюнктуры. Если сделать развёртку во времени, то никаких столкновений лбами мнений Розанова не будет, как не будет столкновения утверждений Достоевского в 840-х и 870-х годах. «Заглушка» — это ловкий софистический приём, вышибающий, по замыслу Одинокова, почву из-под ног оппонентов. Одиноков занимается философским браконьерством. Его «заглушки» это динамит, которым он глушит всех окружающих. Вокруг «Бесконечного тупика» образуется мёртвая зона, где покачивается кверху брюхом мёртвая рыба передёрнутых и передразненных аргументов.

Однако это лишь внешний слой системы Одинокова. На самом деле его мышление гораздо сложнее.

Вслед за Флоренским автор книги считает, что мир как таковой релятивен и антиномичен. Одинаково существуют взаимоисключающие аксиомы, A и Â. A если существуют и A, и Â, то, следовательно, существует A и Â. Но равно имеет право на существование и A или Â. Существует (A и Â) и (A или Â). Может существовать и более сложная антиномия: ((A и Â) и (A или Â)) и ((A и Â) или (A или Â)). И так до бесконечности.

Собственно, об этом и говорил Флоренский, понимая ощущение ничтожности мира как смирение перед его релятивностью (и следовательно, мненностью-мнимостью своего знания о нём), а ощущение величия мира понимая как интуитивное и благодарное принятие «догмата», то есть символического, а следовательно, ЦЕЛЬНОГО (совершенного) выражения абсолютности и сотворённости этой относительности. В своём главном труде Флоренский писал:

«ИСТИНА есть такое суждение, которое содержит в себе и предел всех отменений его, или, иначе, ИСТИНА ЕСТЬ СУЖДЕНИЕ САМОПРОТИВОРЕЧИВОЕ. Безусловность истины с формальной

стороны в том и выражается, что она ЗАРАНЕЕ подразумевает и принимает своё отрицание и отвечает на сомнение в своей истинности ПРИЯТИЕМ в себя этого сомнения, и даже — в его пределе. Истина потому и есть истина, что не боится никаких оспариваний; а не боится их потому, что сама говорит против себя более, чем может сказать какое угодно отрицание; но это само-отрицание своё истина сочетает с утверждением. Для рассудка ИСТИНА ЕСТЬ ПРОТИВОРЕЧИЕ, и это противоречие делается явным, лишь только истина получает словесную формулировку. Каждое из противоречащих предложений содержится в суждении истины, и потому наличность каждого из них доказуема с одинаковою степенью убедительности, — с необходимостью. Тезис и антитезис ВМЕСТЕ образуют выражение истины. Другими словами, истина есть АНТИНОМИЯ, и не может не быть таковою. Впрочем, она и не должна быть иною, ибо загодя можно утверждать, что познание истины требует духовной жизни и, следовательно, есть подвиг. А подвиг рассудка есть вера, т. е. само-отрешение. Акт само-отрешения рассудка и есть высказывание антиномии».

Для Флоренского, человека глубоко верующего, рассыпанность его мышления не является чем-то мучительным, ибо предстаёт прежде всего формой смирения и покаяния перед Абсолютом. Абсолют обладает недостижимой для конечного существа цельностью и в иррациональном акте любви всё равно наделяет человека этой цельностью, пускай и недоступной его конечному сознанию.

Но Одиноков атеист. Он вполне сознаёт релятивность мира, но не видит его единства, объединения. Даже хуже. На уровне интеллекта он вполне сознаёт существование Верховного объединяющего начала, но на уровне душевного порыва этого начала для Одинокова нет. Бог — есть, связи с Богом (религии) — нет. Следовательно, в центр разлетающейся вселенной Одиноков неизбежно ставит своё «я». А его «я» погрязает в дурной бесконечности самооправдания, так как, естественно, не в силах служить ОНТОЛОГИЧЕСКИМ основанием мирового единения.

Предусматриваемость окружающих мнений, агрессивная включённость их в собственные построения это и есть синтез отвлечённых начал, но не статический, а динамический. Одиноковщина является бесконечным метамифологическим полем, при малейшем возмущении порождающим материю той или иной идеальной конструкции. По своей задуманности оно бесконечно, так как самозамкнуто. И это моё утверждение включается в метамиф Одинокова. Брошенное в контекст его мышления,

оно осядет там в форме констатации филологического шарлатанства, вслед за Гегелем покрывающего насильственными логическими построениями естественную фантазию магических образов (национальная идея, мировой дух и т. д.). Это придаёт произведению Одинокова странную и невыразимую двусмысленность, которую сам он мучительно сознаёт и пытается весьма неточно квалифицировать как «глумление». Чтобы почувствовать, что это такое, представьте на минуту, что эта статья написана не мною, а самим Одиноковым, и помещена в текст его произведения. Реально ни к чему не придерёшься, но за её гладкими страницами будет бушевать океан злорадства. Ошибочной будет не моя аргументация, и даже не мой замысел. А само моё существование окажется ошибкой, фикцией. Шуткой.

Платой за абсолютный объём одиноковщины является абсолютная пустота содержания. Синтез отвлечённых начал, столь желанный для Соловьёва, возможен лишь в бессловесной глубине. Это синтез не в слове, а через слово, в преодолении слова. Верить и любить нельзя. Можно уйти.

Одиноков говорит о максимальной пустоте своего мира в максимально яркой, нарядной, карнавальной форме. На страницах его книги дерутся ломами и дарят игрушки, умирают от рака и едят капусту, плещут в лицо серной кислотой и целуют руки. Визжа, кувыркаясь в воздухе, вышагивая на ходулях и проскакивая галопом на четвереньках, несётся в карнавальном вихре целый легион философских, литературных и исторических персонажей. Для оппонентов Одиноков накачал огромное силовое поле, магическим кругом защищающее все порождения его фантазии, но внутри бесконечной круглой ограды, чувствуя полную безнаказанность, он с «купецким размахом» «отводит душу». Великий Одинокий океан порождает для испытуемого читателя целую вереницу фантомов, которые, вереща, кривляясь и высовывая языки, загоняют его в бесконечный тупик последнего молчания.

Если использовать терминологию современного литературоведения, то «Бесконечный тупик» является «метапародией», то есть принципиально полифоническим произведением, где какой-либо окончательный выбор той или иной точки зрения предвосхищён и заранее спародирован в этом же тексте (включая и сам пародийный подход как таковой, который тоже является объектом пародирования «второго порядка»).

Однако метапародия является лишь ЛИТЕРАТУРНОЙ ТЕНЬЮ философской концепции автора. Собственно литература и лите-

ратурное воплощение его не интересуют. Некая литературная форма «Бесконечного тупика» (кстати, неизбежная в России) есть лишь побочный результат интеллектуального существования Одинокова. Такой же побочный, как правильный геометрический орнамент, в силу бездушного эстетизма вычерченный природой на чешуе зверя. С равным успехом Одиноков мог бы оформить какую-нибудь космогоническую гипотезу в виде расчётной книжки за газ и электричество.

Но в свою очередь (и это главное) и собственно философствование является для автора таким же побочным продуктом, тенью его совершенно замкнутого и ирреального существования. Интуитивное постижение мира, его субъективности, тварности и конечности, достигнув некоего предела, приводит к полному равнодушию и принципиальному нежеланию зачем-то (зачем?) раскрывать этот опыт. Всё же попытка этого, и попытка исключительно серьёзная, вызвана совершенно низменными (для автора оскорбительными) причинами. С большим трудом Одинокову ещё удаётся быть философом, но опускаясь ещё ниже, в «литературу» (которую он вообще ненавидит), он обнаруживает свой подлинный, в сущности антиписательский дар. Дар говорить ни о чём. И чем конкретнее, наконец, грубее говорит Одиноков, тем менее он говорит о чем-то реальном.

Если выстроить цепочку порождаемости (то есть цепочку персонажей), то она замыкается самим Одиноковым, который по полноте и охвату выражения является Богом. Одиноков превращается даже не в Единого Макса Штирнера, а в Единое Плотина. Это последний ход дьявольской композиции. Это какой-то неслыханный, фантасмагорический рационализм. Когда я читал «Бесконечный тупик», то чувствовал, что мне в мозг вворачивают ржавый шуруп. Сзади нависла надо мною холодная, страшная фигура Одинокова, с нечеловеческим упорством вворачивающего шуруп отвёрткой злобной, бредовой воли. Отвёртка скользила по склизкой от крови шляпке, срывалась и сдирала лоскутами кожу с моего черепа, но вновь и вновь, оборот за оборотом, страница за страницей ввинчивался в череп стальной спиралью бред одинокого сознания. Одиноковское «я» ржавым остриём засело в самый центр мозга, так глубоко, что даже на губах появился кровавый привкус ржавчины. С ужасом я выронил эту книгу и повалился на пол, схватившись за ржавое жало. Но слишком поздно, с последней строчки я понял весь замысел. Как летучая мышь, вампир Одиноков облизал мне череп холодным наркотическим языком. Какая ужасная, какая страшная книга! Какая шахматная злорадная предумышленность с издева-

тельским компотом из сухофруктов в конце!

Семён Шапкин

VII

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ВОСТОЧНО-ХРИСТИАНСКОГО СОЗНАНИЯ

Глава из книги Дитриха фон Халькофски «К проблеме диффузии Запада и Востока», вышедшей в ФРГ на немецком языке

Весьма интересной для психоисторического анализа является и книга современного русского интеллектуала Одинокова «Бесконечный тупик». Биографию Одинокова, безусловно истинную, и её ложную, но характерную интерпретацию следует рассмотреть в контексте русской истории. Именно тогда раскроется её внутренний смысл и, соответственно, станут более понятными некоторые устремления современного русского общества.

В биографии Одинокова легко выделить три основных этапа:

1. Нарастание отчуждённости по отношению к отцу и его смерть-убийство.

2. Кризис идентичности: уход от людей, замкнутость и молчание (так называемый «психический мораторий»).

3. Обретение новой идентичности и приход к людям в качестве учителя, автора гениальных книг и пророка, наделённого даром харизмы.

В результате сформировалась определённая личность, обладающая рядом специфических черт. Из этих черт наибольший интерес для нашего исследования представляют следующие три:

1. Склонность к образованию сверхценных идей. Внешне Одиноков иногда может казаться человеком, способным к диалогу, поддающимся внушению и даже циничным. Но на самом деле это маньяк, абсолютно замкнутый для посторонней мысли.

2. Потенциал агрессивной энергии. Большей частью эта энергия направляется на собственное «я», что порождает устойчивую депрессию. Депрессия приводит к периодическим духовным кризисам. Каждое сомнение превращается у подобного человека в вопрос жизни и смерти. Его лозунг: «Всё или ничего». Неудачи при таких жизненных ориентирах переживаются крайне болезненно и квалифицируются как окончательное подтверждение собственной ничтожности. Наоборот, любая удача агрессивно используется и порождает всё большие и большие претензии. В неудаче такие люди становятся очень злобными и агрессивными, в удаче — такими же агрессивными, но с оттенком бесшабашной и самоуверенной наглости. Однако другой стороной этой черты личности является мечтательность, впечатлитель-

ность, оторванность от реального мира и, что особенно важно, способность накапливать свои мечтания и впечатления годами, пока они в конце концов не прорываются с фатальной и всеразрушающей силой.

3. Магический дар воздействия на окружающих. Одиноков несомненно является даже в чисто биологическом отношении выдающимся индивидуумом. Одиноков — тугой узел различных психических потенций. Уже их простая активация способна глубоко воздействовать на других людей. Кроме того, он склонен к активизации резкой, непредсказуемой, что необычайно усиливает эффект. Этот человек обладает даром кардинальным образом изменять мнение окружающих о себе, что создаёт вокруг него ореол загадочности и динамической вовлечённости в чужую волю. Тут же стоит заметить, что Одиноков просто талантливый и настойчивый пропагандист, способный к постоянному и часто внешне незаметному вдалбливанию в головы собеседников и читателей определённого круга идей. Делает он это с большой изобретательностью, используя весь инструментарий идеологической ломки: от иронических шуток до едких сарказмов; от интимного шёпота до истерического визга; от сухой логики до параноидального бреда; и, наконец, от тонкого кружева намёков, адресованных интеллектуалу-гуманитарию, до примитивных агиток, рассчитанных на самый нетребовательный вкус.

Вообще говоря, у типа людей, к которому относится Одиноков, подобный набор качеств долгое время находится в латентном состоянии и распускается махровым цветом лишь при особом сочетании как внешних, так и внутренних условий. При неудачном исходе кризиса идентичности большинство описанных выше черт редуцируется, так и не успев вполне зафиксироваться и проявиться. Происходит своеобразное самозамыкание, разряжающее и разрушающее аккумулятор психической энергии. В результате личность с подобным набором качеств в конце концов трансформируется в так называемого «чудака», то есть патологически замкнутого («нелепого») психопата. Характерными особенностями этого типа психопатов являются отгороженность от реального мира, необщительность, склонность к одиночеству и мечтательности, резонёрство и отвлечённость мышления. Люди подобного сорта плохо разбираются в реальной обстановке. Их действия часто бывают неожиданны и непонятны для окружающих. Эмоционально они большей частью холодны, сосредоточены на эгоистических переживаниях. Несчастия окружающих их трогают мало. Часто они бывают упрямы, прямолинейны, обидчивы, самолюбивы. Характерной чертой замкнутых пси-

хопатов являются различного рода странности, приводящие к растрачиванию сил на непродуктивные и экстравагантные занятия: коллекционерство (как правило, очень экзотического сорта), составление различного рода картотек, таблиц и графиков, большей частью бессмысленных и нелепых (например, вычерчивание генеалогического древа давно умерших царствующих особ). Встречается и писание всякого рода странных, вычурных по форме и фантастических по содержанию произведений, основная тема которых — описание собственных страданий.

Как правило, психопаты подобного рода тихо и безобидно доживают свой век где-нибудь на отшибе. Это своеобразные пустоцветы, лишние люди даже в смысле биологическом, так как они неспособны к эмоциональному воздействию на окружающих и уже поэтому не могут иметь ни полноценной семьи, ни потомства.

Но в случае успешного преодоления кризиса идентичности именно эти люди как бы самой судьбой предназначены играть ведущую роль в истории своей нации.

Расы или нации, подобно индивидам, обладают собственными архетипическими особенностями (о чём писал, в частности, К. Юнг). Соответственно каждой нации свойственно порождать время от времени наиболее сильные национальные типы, которые являются наиболее утончёнными носителями национальной идеи. Подобные личности склонны к спонтанному порождению национальных мифов, то есть такого сплетения фактов и вымысла, которое для их национального социума звучит как «Истина». Подобные мифы, резонируя с подсознательными устремлениями толпы, способны объективироваться, то есть попросту «сбываться». При этом объективирующая личность превращается в символический образ, выражающий реализацию-разрешение неосознанных страхов и конфликтов. В результате контакта с массами такая личность наделяется чертами так называемого харизматического лидера.

Сверхзадача автора «Бесконечного тупика» это создание внутреннего комфорта, гармонии. Одиноков живёт в мире разорванной истории, в мире оплёванных и сгнивших сказок. Мифологическая структура современной России разбита почти до основания. Как адаптировать опыт гибели 60 миллионов соотечественников, как осмыслить себя звеном в протянувшейся через тысячелетие цепи фактов, событий, людей? Прямой контакт разрушителен, он приводит не к гармонии, а к деформации личности. Но не менее пагубна и потеря исторической памяти. Вся книга Одинокова это прежде всего истерическая попытка созда-

ния уютного мира, такого «изгибания реальности», которое консолидирует и внутренне оправдывает его бытие. Проблема стоит так: необходимо найти ЕСТЕСТВЕННУЮ точку зрения на реальный мир. Если мир перевёрнут, то, очевидно, надо встать на голову. Какова же новая сказка Одинокова, в которой приятно и ненапряжённо жить?

Во-первых, в одиноковском мире никакой катастрофы 1917 года не было, а следовательно, нет и ностальгии по дореволюционному прошлому. Наоборот, в хаосе последнего 70-летия видится смысл логического продолжения русской истории, расплаты.

Невинный звон колоколов,
Хрустальное окно в Европу —
И винный хруст пустых голов,
Под сапогом окончивших свободу.

(Примечание: цитата из поэмы современного русского поэта Хаима Чацкина «Ракету мне, ракету».)

Нет у Одинокова и зависти по отношению к Западу. Он тоже воспринимается в перевёрнутом сознании автора адом, миром лжи и подлости. Но ложь и подлость он отводит миру идеалов, западному небу. Материальное же существование для него вполне идеально, вполне благостно и счастливо. Реальность вообще и не способна на большее и лучшее существование. Суть в том, что и западная реальность, и советская реальность есть две формы осуществления одной и той же идеи. Поэтому трагедия Одинокова есть трагедия одинокого: трагедия одинокого сознания, обладающего даром отделяться от сознания коллективного (то есть, иными словами, от своего бессознательного) и подниматься даром в надзвёздный мир платонизма. Трагедия Одинокова локализована им, после переворачивания внешнего мира, в личной плоскости. Но и своё личное бытие, одинокое и безрадостное, Одиноков так же переворачивает. Создавая миф уже своей собственной истории, он помещает в его центр внешне пародийное, но внутренне трагичное грехопадение, произошедшее в 10-летнем возрасте и квалифицируемое им как потеря дара любви.

Итак, с идеальным внешним миром автор разделывается, изменяя его. Внешний мир не индивидуален и не может сопротивляться. Но чтобы найти внутреннее оправдание метаморфозе, Одиноков должен изменить самого себя. А это сделать уже неимоверно сложнее, так как внутренний мир индивидуален и способен к напряжённой и ядоносной самообороне.

Одиноков с ужасом понимает, что является носителем страшного разрушительного потенциала, целого сонма демонов, не находящих себе приемлемого выхода в реальность и окончательно звереющих от этого, превращающихся в легион бесов. Эта трагедия характерна для русского, то есть типично восточнохристианского сознания. Если в западнохристианском мире даже в эпоху вакханалии рационализма существовал мощный выход архетипических устремлений (например, феномен европейского романтизма в начале XIX века), то русский архетип был задавлен беспросветным иноязычным логосом. В результате Россия XIX века породила взбесившееся поколение, целое ПОКОЛЕНИЕ психически ущербных людей. Проблема национальной санации, как и предсказывал Достоевский, была решена путём физического уничтожения неполноценного поколения. Но это помогло лишь частично. Механизм перемалывания целых генераций остановлен, а проблема исхода русского архетипа остаётся совершенно нерешённой. Сущность книги Одинокова это мучительный эксперимент, поставленный на себе, — эксперимент контакта с собственным архетипом. Цель его — создание новой, восточнохристианской личности, а следовательно, восточнохристианской цивилизации. По своему масштабу это личность, равная Мартину Лютеру, Наполеону или Адольфу Гитлеру. От успеха замысла Одинокова зависят судьбы мировой культуры.

Вообще, как писал Юнг, «каждый архетип содержит в себе высшее и низшее, добро и зло и способен приводить к прямо противоположным результатам».

После того, как архетип активирован, характер воздействия зависит от способности поставить его под контроль сознания. В случае с нацизмом опыт был неудачен, так как нацисты сначала вызвали демонов разрушения, апеллируя к древнегерманским архетипическим образам, а потом сами оказались их слепым орудием. Наполеон, в отличие от Гитлера, не только встретился с собственными архетипическими силами бессознательного, но и овладел ими, запряг в колесницу своей судьбы. Это привело к сублимации иррациональной стихии французской революции. Но всё же то, что для себя Наполеон решил внутренне, то для окружающих он решил внешне. Приручив демонов своего «я», он уничтожил демонов революции, усеяв костями деятелей 1789–1794 гг. пол-Европы.

Наконец, третьей и наиболее значительной фигурой борьбы с бессознательным является Мартин Лютер. Воспитываясь в очень тяжёлых психологических условиях (прежде всего

по вине своего отца) и став в молодости жертвой жесточайшего кризиса идентичности, Лютер, благодаря большим интеллектуальным и волевым способностям, поднял решение собственной трагедии до уровня создания новой универсальной символизации архетипических образов веры, совести и власти. Этим он создал возможность для перестройки сознания всего европейского человечества. (См. об этом соответствующее исследование Эриксона.)

Секрет успеха Лютера заключался в следующих факторах:

Во-первых, Лютер, в отличие от Наполеона, решал вопросы, неразрешимые для него на личном уровне, переводя их в более широкий, вначале теоретический, а затем и практический план. Чтобы вылечить себя, он должен был спасти общество.

И во-вторых, Лютер, в отличие от Гитлера, стремился к разрешению своих конфликтов через расширение внутренней свободы. Этим он и заложил основы психологической интроспекции нового времени.

Эти же черты Лютера свойственны и Одинокову. Во-первых, он считает себя «выразителем национальной идеи» и, следовательно, не мыслит решения собственных проблем вне или за счёт национального универсума. А во-вторых, сталкиваясь с собственным бессознательным, он ищет выход не в активации разрушительных потенций, а в усложнении собственной внутренней жизни, в создании канала бесконечной интроспекции, отводящего разрушительные устремления в бездонное русло.

Как и Лютер, он опирается на культурную традицию своего общества. Но если Лютер был прежде всего теологом, то Одиноков философ. Это естественно, так как православная теология всегда имела вспомогательное или даже рудиментарное значение. Взваливать на её слабые плечи груз архетипической проблематики невозможно. Зато философия из-за магического характера русской лексической культуры очень удобна для программы Одинокова. В своём исследовании он показывает, что русская литература никогда не была литературой в собственном смысле этого слова и скорее выполняла задачи, свойственные теологии и религии. Создать русскую философию можно только путём окончательной магизации литературы, а вовсе не философизации религии. Поэтому-то наиболее значительными русскими философами являются писатель Достоевский и писатель же Розанов. Одиноков одновременно и развенчивает русскую литературу, поскольку она является литературой, и увенчивает её, поскольку она является магическим центром культуры, точкой соприкосновения с национальными архетипами.

Для Одинокова характерно ощущение открытости, бесконечности, выхода, порога. Это символические образы чувства смены схемы бытия. Одиноковщина является синтезом всех мифологем, как внутри страны, так и эмигрантских, как черносотенных, так и большевистских, как либеральных, так и тоталитарных. Все они интерпретируются как конкретные формы прорыва в реальность архетипического опыта. Сама же одиноковщина это абсолютный, тотальный и бесповоротный прорыв. Одиноков освобождается от деструкции путём конструктивной интроспекции, порождающей новую идеологию и превращающей её создателя в героя-спасителя по отношению к алчущим учителя современникам.

Однако у Одинокова есть и кардинальное отличие от лютеровской схемы. Созданная им идеология принципиально антиидеологична. А поэтому способна инъецироваться не только в архаическое общество советской псевдохристианской ереси, но и в деидеологизированное западное общество. Одиноков не только провозглашает новый тип отношений внутри своей нации, но и закладывает основания новой мировой реальности, которая со временем несомненно приобретёт характер междупланетного катаклизма, по уровню и масштабу близкого к массовому милленаристскому движению средних веков.

***

Увы! Россия — бумажная страна. Что написано — то есть, а чего не написано — того нет. Суть русской истории — переделывание реальности. Меньшиков, Чехов, Беликов, Попрыгунья и Дымов. Переделано, и так и есть. Ибо, вдумайтесь: ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ЯВЛЯЕТСЯ ЦЕНТРОМ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ. Беликов-Меньшиков более реален, чем реальный М. О. Меньшиков. Последний вообще забыт, «сошёл на нет». А Беликов живёт, его каждый школьник знает. «Это вы про каких Туркиных? Это про тех, что дочка играет на фортепьянах?»

Тут и моя локальная трагедия. Сам я человек, живое существо, но оцениваться и существовать в бесконечно родном мире моей родины могу лишь как литературный персонаж (945). Моё определение, фиксация в литературном мире будет зависеть от идеального замысла русской истории. Ну, а о замысле этом можно догадаться. Так пропишут, так вставят, что уж лучше никак.

Набоков с горечью писал 20 лет назад в послесловии к русскому изданию «Лолиты»:

«Как читатель, я умею размножаться бесконечно и легко могу

набить огромный отзывчивый зал своими двойниками, представителями, статистами и теми наёмными господами, которые ни секунды не колеблясь, выходят на сцену из разных рядов, как только волшебник предлагает публике убедиться в отсутствии обмана. Но что мне сказать насчёт других, нормальных читателей? В моём магическом кристалле играют радуги, косо отражаются мои очки, намечается миниатюрная иллюминация … а совсем в глубине — начало смутного движения, признаки энтузиазма, приближающиеся фигуры молодых людей, размахивающих руками… Но это просто меня просят посторониться — сейчас будут снимать приезд какого-то президента в Москву».

И это ещё не вся ирония. Это только начало. Я же не Набоков лолитовского периода. И не Набоков эпохи «Дара». И не Набоков эпохи Годунова-Чердынцева. Я вообще не Набоков. Я Одиноков. Одиноков — 0. Набоков пародировал то, что было (полемика в эмиграции), я — то, чего нет. И не будет. Набоков в «Даре» описывал сибирскую жизнь Чернышевского:

«Ссыльным он зимними вечерами читал. Как-то раз заметили, что хотя он спокойно и плавно читает запутанную повесть, со многими „научными“ отступлениями, смотрит-то он в пустую тетрадь. Символ ужасный!»

Символ ужасный! (946)

И мало того. Мало того, что я ноль. Этот ноль ещё пустят в дело, положат где-нибудь резиновой прокладочкой, приладят в механизм. И ноль в хозяйстве пригодится, и ноль в дело пойдёт. В Нолинск на фабрику валенок (там есть, я по БСЭ смотрел).

Вот теперь уже на эту тему всё. ТАК живи!

944

← Предыдущее, следующее →

944. Примечание к № 901

Тысяча страничек, копеечка к копеечке. Можно и закругляться. (к цитате)

Стравинский вспоминал об истории создания своего «Петрушки» (сочинённого в 1911 г.):

«Мне захотелось развлечься сочинением оркестровой вещи, где рояль играл бы преобладающую роль… Когда я сочинял эту музыку, перед глазами у меня был образ игрушечного плясуна, внезапно сорвавшегося с цепи, который своими каскадами дьявольских арпеджио выводит из терпения оркестр, в свою очередь отвечающий ему угрожающими фанфарами. Завязывается схватка, которая в конце концов завершается протяжной жалобой изнемогающего от усталости плясуна».

По поводу этой фразы эмигрантский критик Борис Филиппов заметил в одной из своих статей:

«Характерно, что Стравинский замыслил свою партитуру, как ПОБЕДУ оркестра, как целого, как СТИХИИ, как ИСТОРИИ, над одиноко ИЗНЕМОГАЮЩЕЙ ЛИЧНОСТЬЮ, притом — РЯЖЕНОЙ, БАЛАГАННОЙ: Петрушкой-роялем … И всё-таки — бедный Пьеро-Петрушка! Хотя — социально там, исторически, — ты истекаешь всего-навсего „клюквенным соком“, но ведь по-плотски, телесно — ты истекаешь своей кровью-рудой… Ты, русский многострадальный ИНТЕЛЛИГЕНТ, ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК русской классической литературы, лишний и в наши машинные времена. Ибо „Медный Всадник“ обернулся машинно-коллективистическим пеклом, обездуховленным и обездушенным … Пьеро-Петрушка — всегда битый, всегда страдающий, всегда вместе с тем топорщащийся ИНТЕЛЛИГЕНТ…»

(Из статьи, написанной в 1968 г. и посвящённой ахматовской «Поэме без героя».)

945

← Предыдущее, следующее →

945. Примечание к № 943

Сам я человек, живое существо, но оцениваться и существовать в бесконечно родном мире моей родины могу лишь как литературный персонаж. (к цитате)

Мать на кухне:

— Наш-то совсем плох. Врачи говорят, этой весной умрёт.

И ти-ихо так. А сама плачет. Это поздним вечером на кухне. А за стеной в темноте отец лежит. И вдруг он громко:

— Нее, не нао, не нао! Я жиой, жио-о-ой! Я сы-ышу!

946

← Предыдущее, следующее →

946. Примечание к № 943
Символ ужасный! (к цитате)

В чём же кардинальное отличие от Розанова? Его бурная жизнь, в десятках тысяч разговоров, диалогов, споров с огромным количеством людей (и каких людей!), нашла своё выражение в сотнях статей. Статьи — в десятках сборников. А сборники вылились в «Опавшие листья» (все темы, даже обороты рассыпаны по отдельным статьям, а до этого — в разговорах).

«Бесконечный тупик» построен изнутри. Никаких разговоров я не вёл, статей не писал… Всё из пустоты. Может быть, даже не из пустоты в чём-то, а из пустоты вообще. Потому что есть ли она, сама среда, страна, в которой жил Розанов? Нет. Пустота. Иллюзия. Я веду какую-то вялую, апатичную жизнь с пустыми людьми, с пустыми разговорами. Но даже это чахлое подобие действительности я выдумываю, то есть существую в нём вполне сознательно. В корабле моей жизни страшные пробоины, и, кажется, скоро уже он пойдёт на дно. Разве что в этом будет некоторая аналогия с Розановым. Хотя и тут навряд ли. Розанову было что терять — дом, семью, детей, Россию. Мне же — нечего. Розанов содержателен, полон. Я — пуст. «Полифония» Розанова от избытка. Моя — от пустоты, от глубочайшего ощущения, что это ведь НИКОМУ НЕ НУЖНО.

Я начал писать эту книгу в тайной надежде, что в конце концов пелена одиночества будет разорвана и пустой мир, всё усложняясь и переплетаясь, постепенно обернётся реальностью. Но по мере воплощения замысла я увидел, что первоначальная задача бредова. Каков итог? Все силы ушли впустую. Депрессия, горечь.

Могу утешать себя лишь одним: ни один человек не предпринимал столь огромных усилий, в общем заранее зная об их бесплодности.

Что же двигало мной? — Склад души.

947

← Предыдущее, следующее →

947. Примечание к с. 101 «Бесконечного тупика»

Именно коэффициент кривизны моего мышления даст туманное и неустойчивое, но истинное переживание (к цитате)

Кьеркегор писал:

«Заблудившийся путник имеет по крайней мере надежду как-нибудь выбраться: местность перед ним меняется, и каждое новое изменение порождает новую надежду. Но человек, заблудившийся в самом себе, скоро замечает, что попал в какой-то круговорот, из которого нет выхода; мысли и чувства в нём мешаются и он в отчаянии перестаёт, наконец, сам понимать себя. Однако и это всё — ничто в сравнении с положением … хитреца, потерявшего в конце концов нить и запутавшегося в своём собственном лабиринте. Совесть его пробуждается, и он тщетно призывает на помощь своё остроумие. Как поднятый лис, мечется он в своей норе, ища один из бесчисленных выходов, оставленных на всякий случай; вот ему мерещится издалека луч дневного света, он кидается туда, и что же? — Это лишь новый вход! — Вместо того, чтобы выбраться, он таким образом постоянно возвращается в себя самого».

Для Кьеркегора подобное состояние было мучительно. «Бесконечный тупик» есть попытка вполне прослеженного, «рационализированного» иррационализма. Выхода, пожалуй, и нет, но всё же нора обжита и в общем ясна. Сама схема бесконечна, но принцип схемы вполне конечен и понятен.

Возьмём четыре мысли, четыре «примечания»: А, Б, В, Г. Возможно их спонтанное интенсивное мышление, мышление строго последовательное во времени, но кажущееся совершенно алогичным. Я еду в метро, тупо смотрю в чёрное стекло и думаю. Одна мысль сменяет другую. Простого логического следования нет, но если доследить, то окажется, что мысли, А и Б суть следствия мысли В, а мысль Г берёт начало в общем с мыслью В метатексте. Конечно, «Бесконечный тупик» стилизован и адаптирован, «показан», но реальное мышление так и идёт, на этом принципе и построено. Дан каркас мышления. Но дано и содержание моего конкретного мышления, его основные темы. Как сопоста-

вить посещение картинной галереи с оставшимся осадком от вчерашнего скандала и с мыслями о предстоящим завтра визите к зубному врачу? Проблема кажется нелепой. Но из такого иррационального сплетения и состоит нормальное человеческое мышление. И связь эта вовсе не абсурдна. Человек вообще не может мыслить абсурдно. Всё внутренне связано. В каждом человеке есть бесконечный тупик, единый лабиринт его «я».

Как пишутся философские трактаты и книги вообще? Человек выделяет одну из ветвей своего «я» и выращивает её, подрубая боковые отростки. Но меня всегда занимал вопрос: о чём думал Кант, создавая «Критику чистого разума»? И не связаны ли эти мысли (мысли о взаимоотношениях с издателем, о хорошей погоде, о профессуре, о смерти) с самой книгой? А ведь как-то связаны, и связаны очень существенно. Всё в мире связано. Но, конечно, столь мощную и толстую ветвь нельзя впрямую сопоставлять с другими ветвями. Ряд более тонких ветвей — можно. «Бесконечный тупик» — подобие меры, чуть-чуть — и текст окончательно распадётся: связь между мельницей, бутылочным стеклом и далёкой музыкой окажется слишком неуловимой. Из-за большого количества предметов, из-за их самостоятельной серьёзности, значимости. А так всё же ясно… Что ясно? — Всё. Все факты в этом мире. Это ясный мир, прояснённый. Он донельзя упрощён, примитивизирован, но все же есть намёк на реальность. Он ещё достаточно сложен, чтобы быть реальностью. И основным признаком этой сложности является то, что по «Бесконечному тупику» вполне просматривается дефектность моего бытия, его ошибочность. «У Иванова „комплекс“». Но это очень низкий уровень. При развитии личности образуется целый комплекс комплексов, целая сеть взаимоисключающих или усиливающих друг друга ошибок и неправильностей. Личность, подлинная личность только и может существовать за счёт этих комплексов. Быть личностью очень больно. Особенно в нашем мире. Особенно если природой-то предназначен к совсем другому. Разве я, такой, какой я есть, мог бы получиться «естественным путём»? — Нет, только в результате ошибки. И «Бесконечный тупик» — сложный узор ошибок. Все темы ошибочны. Но истинно основное — подлинность. Убрать ошибки — исчезнет подлинность, образуется одна огромная ошибка. Даже костоправы психоанализа заметили, что освобождение от комплекса зачастую приводит к обеднению личности. А что же говорить о десятках ошибок, в авоське которых я и подвешен в этом мире? Вообще ошибка это самое человеческое, что есть в человеке. Природа не ошибается, и Бог не ошибается. А человек ошибается. Он сво-

боден. Свобода творчества для человека есть прежде всего право на ошибку. Природа — необходимость, Бог — Свобода. Человек — осуществление свободы в мире.

948

← Предыдущее, следующее →

948. Примечание к № 875
Я — сумеречный. (к цитате)

Бердяев назвал сумерки самым нетворческим временем суток. В «Самопознании» он писал:

«Я вообще плохо выносил сумерки. Сумерки — переходное состояние между светом и тьмой, когда источник дневного света уже померк, но не наступило ещё того иного света, который есть в ночи, искусственного человеческого света, охраняющего человека от искусственной тьмы или света звёздного. Именно сумерки обостряют тоску по вечности, по вечному свету. И в сумерках большого города наиболее обнаруживается зло человеческой жизни».

«Человек, одержимый злой страстью, в сущности, одержим силой чуждой ему, но глубоко вошедшей в него и ставшей как бы его природой. Зло есть самоотчуждённость человека… В сумерки меня охватывает тоска чуждости. Но если в час сумерек я привык делать что-нибудь определённое, ритмизировать свою жизнь, то тоска чуждости ослабевает… Думая о своём отношении к жизни, я прихожу к заключению, что я всегда боялся жизни… я боялся отдаться потоку жизни. И это потому, что видел конфликт между потоком жизни и моим творчеством. Поток жизни иногда уносил, но потом побеждала творческая мысль. Я никогда не обладал искусством жить, моя жизнь не была художественным произведением».

Совершенно иное чувство. В детстве мне объяснили, что такое водопад. Отчётливо помню ощущение тягучего уютного ужаса: спящий, под поверхностью воды, я плыву по огромной, медленной реке и знаю, что где-то там, далеко-далеко впереди, ревёт неслышный сейчас водопад. Река чуть прохладная, прозрачная, и сквозь воду, лёжа на спине, я вижу звёзды. Тихо-тихо. Нет ощущения происходящей со мной несправедливости. Зло родное, и нет сил ему сопротивляться. Это будет злом. И благодарное зло не оставит, спокойно донесёт до рокового обрыва. Моя жизнь — жизнь нехорошая, но я её не боюсь. Пожалуй, в некотором смысле, я даже овладел ей. Слился с её жестокой сутью,

проявил «поток жизни» своей «творческой мыслью». На свою жизнь я согласен. Со смыслом её согласен. Правда, я спорю в частностях — действие должно быть более проявлено и более явным должен быть контрапункт злорадных совпадений. Но в целом суть моего воления совпадает с общим направлением, так что в мелочах фатум может пойти на уступки.

949

← Предыдущее

949. Примечание к с. 101 «Бесконечного тупика»

«Бог меня спросит: — Что же ты сделал? — Ничего». (В. Розанов) (к цитате)

«Ничего». Сама эта книга — сон, ничто. Она брошена в небытие и растворится там тысячестраничным морозным туманом. Это и есть обретение ритма, трагизма, того «художества», которое придаёт «ерунде» возможность существования. Как раз ничего ДЕЛАТЬ не надо. Если что-нибудь сделано, это уже оборачивается фарсом. В реальности тоска и боль превратятся в ничто.

Что было поистине трагично в смерти отца? Вот что его увезли умирать, а я прислонился лбом к холодному стеклу окна, противоположного выходящему на его последнюю улицу, и стоял и ни о чём не думал. Думал, «о чём же думать?» О чем же тут думать? И зачем? Зачем думать, жить? Не как осмысленное стремление к самоубийству, а как обессмысливание каких-либо смыслов, бессмысленный ужас и недоумение перед каким-нибудь смыслом. И вот это ощущение бьющего через лоб ледяного холода и есть ТО. А остальное — лохмато-серые тряпочные эманации в какую-то там «реальность».

Вот и книга эта… В чем её удача? — В неудаче. В ненужности. В такой ненужности, что даже сама констатация этой ненужности уже не нужна, уже воспринимается как ненужная заглушка, «оговорка». И вся книга — тысячестраничная оговорка. Какая-то бесконечно длинная оговорка — «бесконечный тупик».

Вот я и выговорился. Всё. Ветви сломаны — остался голый столб моего одиночества, столп молчания. Я распустил улетевшие ветви-мысли, чтобы остаться наедине с собой, бросить дурацкий чемодан в снег. Мышление мне всегда казалось какой-то преградой, завесой. Я существую и мыслю. Мысли движутся, растут. Одни ветви тянутся вверх, другие отмирают, тяжело рушатся вниз. Всё это постоянно, бесшумно. В сущности, процесс мышления поражает своей бесчеловечностью. И ничего нового, всё это будет продолжаться и продолжаться в дурной бесконечности, пока я не умру. Для чего я жил, зачем мыслил? Абсурд. Бездумный, продолжающейся постоянно. И главное, я чувствую, и всегда чувствовал, удивительную ложь происходящего. Ложн-

ость и ограниченность. Экзистенциальное отвращение к своему материальному и психическому существованию — да. Но и само мышление есть форма существования, и тоже тошнота, тоже ненужность. Зачем? Всё погибнет. И всё ложь. И эта мысль ложь, гниль, дешёвая стилизация. Эта ветвь рушится, так и не успев распуститься, но и это отмирание тоже бессмысленно. Это бессмысленное хаотичное движение ветвей лишь в одном смысле серьёзно, в одном смысле трагично: оно подчинено ритму разрушения. Ведь «не сразу». Видимо, не сразу. Постепенно всё будет угасать, цепенеть, и наконец последняя искра пробежит по умирающему рассудку. А извне?.. Кто-то сидит в пустом кинотеатре и смотрит беспорядочное нагромождение кадров. Вот отец, вот школа, вот книги и унижение. Зачем? Плёнка обрывается, но ещё некоторое время экран мерцает, а потом гаснет. Недоумение. Скука. Смерть… Но всё же. Всё же предпринята безумная попытка сопротивления. И вдруг она удастся, и произойдёт чудо, и реальность изогнётся фантастически причудливым образом, и я, ласково окутанный родным пространством, буду перенесён в иной, подлинный мир. Вызовет ли этот сгусток энергии, воли, желания, мысли цепную реакцию, или он повиснет в пустоте, провиснет в пространстве бессильно обломанными ветвями, и звёзды рассмеются надо мной холодным русалочьим смехом?.. Попаду ли я в фантастическое пространство, а в общем-то, с другой-то стороны, единственно подлинное и естественное? Или же я фатально обречён на существование в сером и унылом «реальном мире»? Ответ на этот вопрос неизбежен, ибо само отсутствие ответа есть ответ самый красноречивый, самый абсолютный и самый безнадёжный.

17.03.1985–16.09.1988

Прошло девять лет…

Моя книга оказалась никому не нужна. С тех пор, как я поставил точку, прошло девять лет. Пустых, никчёмных, наполненных нелепой беготнёй за куском «хлеба». Постепенно, с каждым годом, я из «автора ненапечатанной книги» превращался в «автора ОДНОЙ ненапечатанной книги», из «молодого человека» — в «пожилого неудачника», из «неизвестного литератора» — в «объясняющую себя сволочь».

И тем не менее я счастлив. Моя книга издана, и я держу её в руках. Произошло то, о чём я тогда, девять лет назад, не смел по-настоящему и мечтать.

Жизнь безнадёжно испорчена. И всё же мне кажется, что ответ, который получил я: «Пошёл вон, ничтожество!» — не есть ответ на «Бесконечный тупик». Это всего лишь ответ на мою жизнь, но не на мои чувства и мои мысли. Они, вне зависимости от последующего индивидуального существования, останутся, и однажды кто-нибудь прочтёт эти строки, задумается над моими мыслями, проникнется моей иронией, простит мне мои заблуждения. Юноша, который мог бы быть моим другом, на всю жизнь запомнит две-три фразы из этой книги; девушка, которая могла бы быть моей любимой, заплачет над моей несчастной судьбой. Ну и что, если всё случится в неопределённом будущем? — Важно, что этого-то я уже никогда не узнаю, и, следовательно, окончательное разочарование невозможно.

И поэтому всё очень хорошо…

Всё-таки мне удалось поставить точку над «i», хотя этой европейской буквы давно уже нет в русском алфавите.

…и еще 23 года

Отец сидел на лавочке в парке и удивленно смотрел на постепенно загорающуюся подсветку домов. Был тихий и сухой ноябрьский вечер. Отец был одет в тонкий плащ, на голове был берет. Но ему не было холодно.

Я сел рядом. Отец посмотрел на одутловатого пожилого человека, потом посмотрел снова. Наши глаза встретились:

— Здравствуй, пап!

— Димка?!

— Да.

— Слушай, ты такой старый, тебе сколько лет?

— 60.

Отец удивленно захлопал глазами. — Ничего не понимаю. А мне сколько?

— Физически 35. Но ты наверно должен помнить почти всё, до конца.

— Конец не помню. Помню 31 августа 1976, я в Коломенское за водой пошел и там что-то… упал что ли. А до этого у меня… Димочка, миленький, у меня же рак нашли, операция, а дальше не помню…

— Потом ты умер. 31 был инсульт от сильнодействующих лекарств, зимой инфаркт, а весной 1977 ты умер. Я тебя старше на 8 лет. Сейчас конец 2019 года.

Отец обхватил голову руками. Я кашлянул.

— Знаешь, ты думал, что я тебя ненавижу, но самые счастливые дни в мой жизни это когда ты со мной несколько раз говорил на кухне после операции. Я не смог тебе ничего сказать потом, не смог пойти в больницу попрощаться… Пап, я тебя люблю, я тебя люблю больше всего на свете. Я так жалею, что ты уничтожил все свои дневники, письма и стихи. У меня есть несколько обрывков написанных твоей рукой, а еще есть старая магнитофонная запись, где мы с тобой разговариваем. Она наверно давно размагнитилась, но какая-то доля процента есть, что голос сохранился. Я её слушал 30 лет назад один раз. А теперь боюсь — боюсь потерять надежду услышать тебя снова. Я думаю о тебе каждый день.

— Ты так одинок?

— Сейчас нет. У меня есть жена Наташа она очень хорошая, вы бы обязательно подружились. Правда, женился поздно.

— А дети.

Я улыбнулся: У тебя трое внуков: Жора, Гена и Денис.

— Иди ты! Димка, молодец! Трое сыновей! А кто ты, кем стал?

— Я писатель. Один из лучших в России.

— Фантастика. Знаешь, я в детстве до школы в тебя верил, ты особенный был. Но в школе… думал, характера тебе не хватит… как мне.

— Хватило.

— А о чем книги?

— Главная — философский роман. Об истории, о литературе и о нас с тобой. Называется «Бесконечный тупик».

— «Бесконечный тупик» — красиво! Ты молодец. И дети… молодец.

— Эту книгу я посвятил тебе, папа.

— Да? — Отец взял меня за руку.

— Да.

— И ты думаешь обо мне?

— Каждый день. Это не метафора.

— Твоя жизнь удалась, рад. И я значит… не зря.

— Не зря. Только знаешь, за 30 лет о моей книге не написали ни одной толковой статьи, и за книгу мне не заплатили ни копейки.

— Ты так серьезно написал? О коммунистах?

— Да не в этом дело, политики особой нет. Просто зависть человеческая. Сволочи.

— Зависть…

— Я рано писателем стал. Думал, много книг напишу, и вот на первой споткнулся. Окончил её в 1988, а деньги на издание собирал девять лет. Лучшие годы жизни. Потом переиздал еще через десять лет. Думал что-то сдвинется, хоть в зрелом возрасте стану «настоящим писателем». К 50-ти годам. Не получилось.

— Знаешь, я тоже ведь хотел поэтом стать, драматургом. Не вышло. Не переживай. Главное книга есть, издана. Это главное. А там у нее своя судьба будет. Книга же хорошая — он вопросительно посмотрел на меня.

— Да, можешь быть уверен. Мне люди письма благодарности писали. Много людей. Никто их не заставлял. И деньги на издание свои давали.

— Все. Не думай. Ты молодец. А знаешь, мы однажды с тобой на этой лавочке сидели. Тебе было лет пять. Перед новым годом. А потом стали кататься по льду Патриаршего пруда, и вдруг нам включили свет

— И музыку. Чайковского.

— Да, ты помнишь.

— Мелодию помню и что Чайковский, а что играли, не знаю.

— Это был «Щелкунчик». Помнишь, я набор елочных игрушек тогда купил с персонажами. Эта часть называется «Апофеоз».

Приложения

Закруглённый мир

Эта небольшая статья была написана мной 15 лет назад для подпольного философского кружка, основанного в университете Дмитрием Барамом. Кружок вскоре распался. Отчасти из-за слабого состава (единственным человеком, действительно имеющим отношение к философии, там был Игорь Маханьков, последний секретарь Лосева), отчасти из-за очень плохой обстановки в стране («андроповщина» и затем «черненковщина»). Доклад о Розанове я так и не прочёл, в перестроечные годы искажённый кусок «Закруглённого мира» был опубликован в журнале «Социум», а полностью он публикуется только сейчас. «Закруглённый мир» был первым моим произведением, «пошедшим по рукам». Из этого зерна возникла «Основная часть» «Бесконечного тупика», а затем и сам «Бесконечный тупик» («Примечания»). Чем «Закруглённый мир» и интересен. Для меня, а может быть, и для вас…

65 лет назад, 5 февраля 1919 года в Сергиевом Посаде скончался русский философ Василий Васильевич Розанов. С тех пор ни одно его произведение не публиковалось в советской России, а сам он был предан не анафеме даже, а полному и, казалось, окончательному забвению. И лишь в последние годы в советской печати появился ряд работ, дающих хотя бы краткие и отрывочные сведения о жизни и творчестве этого философа, философа, имя которого по праву занимает одно из первых мест в мартирологе деятелей «Серебряного века» русской культуры.

Мережковский, Бердяев, Франк, Булгаков, Флоренский, Шестов — в этом ряду стоит и фамилия Розанова. Все эти люди принадлежали к специфическому явлению нашей культуры, которое носит название русской религиозной философии и берет своё начало в творчестве Владимира Соловьёва.

В то же время и личность Розанова и его творчество настолько оригинальны, что он явно не вписывается в общую канву русской религиозно-философской мысли.

Начнём с того, что, во-первых, Розанов был гораздо старше своих коллег. Если он родился в 1856 году, то Шестов и Мережковский — в 1866, Булгаков — в 1871, Бердяев — в 1874, Франк — в 1876, а Флоренский — в 1882. То есть в среднем между ними был промежуток в 15 лет. Поэтому можно сказать, что Розанов принадлежал вообще к другому поколению русской интеллигенции. Вместе с самим Соловьёвым (который был стар-

ше его на три года) он являлся одним из старейших представителей русской религиозной философии.

Во-вторых, большинство современных Розанову мыслителей имело возможность продолжать своё творчество в эмиграции. Это, с одной стороны, позволяло им осмыслить и переработать пласт философских произведений, написанных в России (и, следовательно, выйти на качественно более высокий уровень миропонимания, а с другой — позволило популяризировать и распространять свои мысли перед западной аудиторией. Розанов, как мы знаем, этой возможности был лишён. В результате лишь в 50–60-е годы западные исследователи русской философии стали обращать внимание на розановское наследие (Хотя следует оговориться, что в среде русской эмиграции Розанова не то чтобы зачитывали до дыр, но и не забывали. Так в 1929 году в Париже вышла брошюра Курдюмова «О Розанове», а в 1939 году в Берлине была опубликована небольшая работа Спасовского «В.В. Розанов в последние годы своей жизни»).

В-третьих, Розанов отличался от подавляющего большинства русских философов по своему происхождению. Если отцом Соловьёва был официальный историограф Российской империи, а отцом Мережковского — видный чиновник дворцового ведомства, если Бердяев принадлежал к знатной дворянской фамилии, а Шестов был сыном еврейского фабриканта, то Розанов родился в семье бедного провинциального мещанина.

Сам он так отзывался о своём происхождении:

«Удивительно противна мне моя фамилия. Всегда с таким чужим чувством подписываю „В. Розанов“ под статьями. Хоть бы „Руднев“, „Бугаев“, что-нибудь. Или обыкновенное русское „Иванов“. Иду раз по улице. Поднял голову и прочитал: „Немецкая булочная Розанова“. Ну, так и есть: все булочники „Розановы“, и следовательно, все Розановы — булочники. Что таким дуракам (с такой глупой фамилией) и делать».

Конечно, это ирония. Однако, не только. Далее Розанов продолжает:

«Такая неестественно отвратительная фамилия дана мне в дополнение к мизерабельному виду. Сколько я гимназистом простаивал (когда ученики разойдутся из гимназии) перед большим зеркалом в коридоре — и „сколько тайных слез украдкой пролил“… в душе я думал: — Нет, это кончено. Женщина меня никогда не полюбит, никакая. Что же остаётся? Уходить в себя, жить с собою, для себя (не эгоистически, а духовно), для будущего. Конечно, побочным образом и как „пустяки“, внешняя непр-

ивлекательность была причиной самоуглубления».

В детстве и молодости для Розанова его происхождение, как и его внешность, служило источником нравственных страданий. И лишь в зрелом возрасте он мог со спокойной уверенностью писать:

«На кой черт мне „интересная физиономия“ или ещё „новое платье“, когда я сам (в себе, в комке) бесконечно интересен, а по душе — бесконечно стар, опытен, точно мне тысяча лет, и вместе юн, как совершенный ребёнок».

Итак, вроде бы всё прошло, и на этой стороне розановской биографии можно было бы и не останавливаться; тем более, что родовитым коллегам Розанова не было ровно никакого дела до его происхождения. Правда, «деятели демократического лагеря» любили величать Розанова как минимум «канцелярской крысой», а то и простым русским «хамом». Но на это он спокойно отвечал:

«Со времени „Уединённого“ окончательно утвердилась мысль, что я — Передонов, или Смердяков. Мерси».

Ведь на что на что, а на тогдашнее «общественное мнение» ему было глубоко наплевать:

«Как мне нравится Победоносцев, который на слова: „Это вызовет дурные толки в обществе“, остановился и — не плюнул, а как-то выпустил слюну на пол, растёр и, ничего не сказав, пошёл дальше».

И все же я считаю, что о низком происхождении Розанова не следует забывать. Не следует уже потому, что он, органически войдя в состав русской духовной и интеллектуальной элиты, в то же время субъективно ощущал себя человеком, неизмеримо более близким к народной толще России, знающим что-то такое, чего окружающим его высоколобым интеллектуалам никогда не понять. Речь здесь идёт не о вывернутом наизнанку снобизме, а о том, что Розанов, «сделав себя» исключительно благодаря собственному уму, и ничего кроме ума не имевший — ни знатного происхождения, ни богатства, ни связей, — всегда вольно или невольно относился к своим коллегам с позиции «хитрого мужичка», немного придурковатого, но досконально знающего всю подноготную окружающих его людей. Розанов писал:

«Трёх людей я встретил умнее, или вернее, даровитее, оригинальнее, самобытнее себя: Шперка, Рцы и Флоренского. Первый умер мальчиком (26 лет), ни в чем не выразившись; второй был „Тентетников“, просто гревший на солнце брюшко… Прочие

из знаменитых людей, каких я встречал: Рачинский, Страхов, Толстой, Победоносцев, Соловьёв, Мережковский, — не были сильнее меня … ещё сильнее себя я чувствовал Константина Леонтьева (переписка с ним). Но над всеми перечисленными я имел преимущества хитрости (русское „себе на уме“) и, может быть, от этого не погиб (литературно), как эти несчастные („неудачники“). С детства, с моего испуганного и замученного детства я взял привычку молчать (и вечно думать). Всё молчу… и всё слушаю… и всё думаю… И дураков, и речи этих умниц… И всё бывало во мне зреет, медленно и тихо… Я никуда не торопился, „полежать бы“… И от этой неторопливости, в то время как у них всё „порвалось“ или „не дозрело“, у меня и не порвалось и, я думаю, дозрело».

Действительно, с чего Розанов начал свою творческую биографию? С издания в 1886 году, то есть уже в возрасте 30 лет, серьёзной профессиональной работы «О понимании», свидетельствующей о глубоком овладении автором немецкой классической философией. Какое разительное отличие от дебюта Булгакова, Бердяева, Франка и подавляющего большинства других русских философов! Ведь все они в молодости чуть ли не поголовно принадлежали к числу «легальных марксистов», и таким образом, их философские взгляды целиком умещались в рамки «ярмарочного писка грошовой истины» и международного трясения зоциаль-демократическими пелёнками. Ужасно, но Бердяева в своё время выгнали из Киевского университета за социалистическую пропаганду. Бердяев член киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» — какое пошлое начало для такого крупного и оригинального мыслителя! Булгаков, автор «Света невечернего», был, к стыду своему, и автором «О рынках при капиталистическом производстве», а Шестов, едкий критик и изощрённый диалектик, защитил в молодости диссертацию «о положении русского рабочего класса».

Создаётся впечатление, что русская интеллигенция испытывала в то время какое-то болезненное влечение к марксистской идеологии. Одной из причин этого являлся в общем-то низкий уровень философской культуры в тогдашней России. Достаточно сказать, что первый философский журнал («Вера и разум») был основан у нас лишь в 1884 году, то есть более чем столетнего существования русской журналистики. В таких условиях на читающую публику большое впечатление производили в частности научно-популярные статьи Плеханова. Сам Плеханов был слабо знаком с трудами европейских философов, но любил употреблять выражения типа: «ещё Аристотель говорил,

что…» или «всем известно знаменитое высказывание Канта…»; или «как писал старик Гегель…» и т. д. Такое панибратское отношение к корифеям мировой философии совершенно деморализовало литературных противников Плеханова, но одновременно — и в этом неоспоримая заслуга русского марксизма — пробуждало интерес к изучению философии. Началось повальное увлечение философской литературой. От Плеханова, бывшего примитивным компилятором энгельсовской «системы», перешли к изучению работ самого Энгельса. При этом выяснилось, что «система» Энгельса есть не что иное, как очень грубая и поверхностная интерпретация гегелевской философии. Поэтому от «энгельсированного» гегельянства, «поставившего Гегеля с ног на голову», перешли к изучению собственно гегелевского наследия. При этом его система стала неизбежно осмысляться как всего лишь часть немецкой классической философии. Тогда от Гегеля перешли к Фихте и Шеллингу, затем к Канту. Возникло русское неокантианство. Оно не дало России первоклассных философов, но его культурное значение было огромно. Оно создало научные кадры и среду для возникновения (и существования) самобытных русских мыслителей.

(Следует оговориться, что приведённая здесь схема во многом условна. В частности, следует учитывать творчество классического славянофильства, но оно не оказало — увы — прямого воздействия на читающую публику. Философская аудитория появилась в России лишь в конце XIX века. И удалось её создать именно пропагандистам марксизма. Кроме того, конечно, трудно расчленить реальный процесс формирования отечественной философии на ряд строго определённых этапов. На самом деле, всё это было более слито, происходило одновременно на разных уровнях. Но в общем и целом картина была примерно такая.)

Однако причина популярности марксизма в конце прошлого века не исчерпывается его маскировкой под философию. Всё-таки нельзя объяснить все эти «мировоззренческие катаклизмы» русской интеллигенции лишь естественной эволюцией русских философских воззрений. Есть в этом и нечто болезненное, выявляющее какой-то органический порок тогдашней культуры. Все эти скачки от поверхностной и плоской критики социальной несправедливости к глубочайшему и изощрённейшему умозрению свидетельствовали о каком-то культурном распаде, о потере цельности и органичности миропонимания. Россия находилась на переломе и этот перелом искалечил и разбил на трудно соединимые звенья творчество русских философов. Где, например, духовное или, на худой конец, даже стилистическое

единство ранних и поздних работ Бердяева? Ясно же, что статьи о Михайловском и «Самопознание» писали разные люди. Что общего между ссыльным студентом-социалистом и одним из основоположников современного экзистенциализма? У них нет даже общей страны, общей среды, связывающей их хотя бы формально. «Распалась связь времён». Я уже не говорю о Булгакове, сменившем сюртук профессора политэкономии на рясу священника. Воистину, творческая эволюция русских философов преисполнена неожиданностями. Хотя во всех этих головокружительных скачках присутствует своя логика, но это логика превращения гусеницы в бабочку, логика, раскалывающая личность и свидетельствующая о какой-то мучительной и в то же время наивной работе мысли. Зачем эти публичные раскаяния, это ломание табуреток и биение себя в грудь? Вспомним слова Розанова: «Я взял привычку молчать (и вечно думать)». Вот этого молчания, этой «неторопливости» и не было у других философов. А у Розанова было. И оттого «в то время, как у них всё порвалось или недозрело», у него и «не порвалось» и «дозрело».

В самом деле. Розанов, пожалуй, единственный русский мыслитель, который никогда не менял своих взглядов. И в этом четвёртое отличие Розанова. Конечно, в молодости он испытал период нигилизма и атеизма, зачитывался Боклем и Спенсером и т. д. (Говорю «конечно», так как в сущности материализм неизбежен для любого начинающего мыслителя.) Но он молчал. Весь процесс нравственной перестройки произошёл у него внутри и не является этапом творческой биографии. Все его творчество вполне цельно и гармонично, и он со спокойной душой подписался под любым своим высказыванием.

Это может показаться парадоксальным, так как сплошь и рядом Розанов по одному и тому же поводу высказывал диаметрально противоположные суждения. По словам Бердяева для Розанова характерно «рабье и бабье мление перед сиюминутной действительностью»:

«(Розанов) не мог противостоять потоку националистической реакции 80-х годов, не мог противостоять потоку декадентства в начале XX века, не мог противостоять революционному потоку 1905 года, а потом новому реакционному потоку, напору антисемитизма в эпоху Бейлиса, наконец, не может … противостоять подъёму героического патриотизма и опасности шовинизма».

(«О „вечно бабьем“ в русской душе», «Биржевые ведомости», 1915 г., 14–15 января.)

На первый взгляд упрёк Бердяева не лишён оснований. Действительно, Розанов всегда шёл в фарватере общественных ин-

тересов. Его творчество отличалось необычайной «злободневностью». Будучи активнейшим и плодовитейшим публицистом (полное издание его статей займёт десятки томов) и одним из ведущих сотрудников знаменитого «Нового времени», Розанов всегда находился в гуще событий, крайне чутко откликаясь на малейшие изменения общественного настроения. Причём, эти отклики могли идти на совершенно разных уровнях. Розанов одной рукой мог писать газетные фельетоны, а другой — философские эссе. Причём, факт удивительный, между тем и другим не было чёткой грани. Часто фельетон завершался философским обобщением, а философская лирика прерывалась почти нецензурной руганью. Более того, Розанов мог одновременно оценивать событие с противоположных точек зрения и рассылать свои статьи в издания совершенно разных направлений: от махрово-черносотенных до махрово-красных и от научно-популярных до эстетски-декадентских. Он был всеяден. Но при такой пестроте, внешнем разнообразии и противоречивости, переходящей иногда в прямое «ренегатство», Розанов всегда оставался самим собой; и какое бы его произведение мы не раскрыли, всегда почувствуем, что автором его является именно Розанов.

Перед самой смертью Розанов в письме к Эриху Голлербаху особо подчеркнул, что его творчество «разрозненное, но внутренне стройное и цельное». В «Уединённом» же Розанов писал:

«Меня даже глупый человек может „водить за нос“, и я буду знать, что он глупый, и что даже ведёт меня ко вреду, наконец, „к вечной гибели“: и всё-таки буду за ним идти… Иное дело — мечта: тут я не подвигался даже на скрупул ни под каким воздействием и никогда; в том числе даже и в детстве. В этом смысле я был совершенно „не воспитывающийся“ человек, совершенно не поддающийся „культурному воздействию“… На виду я — всесклоняемый. В себе (субъект) — абсолютно несклоняем: „не согласуем“. Какое-то „наречие“».

Вот этой «абсолютной несклоняемости», этой «внутренней стройности и цельности» Бердяев видимо не смог тогда понять. Не смог понять или хотя бы почувствовать Розанова — «ужасного неряху» и «шалопая», но бывшего, как мы уже знаем, «себе на уме».

«Сочетание хитрости с дикостью (наивностью) — моё удивительное свойство. И с неумелостью в подробностях, в ближайшем — сочетание дальновидности, расчёта и опытности в отдалённом, „в конце“».

Так писал о себе Розанов в «Опавших листьях», произведении,

состоящем из нескольких сотен «листьев», в беспорядке насыпанных в короб. Но всё-таки, в конечном счёте, «в конце», «в отдалённом» все эти листья сливаются в нашем мозгу в ослепительную точку абсолютной истины, прожигающей перегородку между читателем и писателем. А после этого, после того как розановский мир становится нашим миром, и уже не ясно, где кончаются его мысли и где начинаются наши, после этого совершенно отпадает потребность в какой-либо системе, то есть откуда-то извне навязанной схеме. Ведь систематизация нужна для понимания других, а не себя самого. Розанов же становится частью нашего «я». В русской культуре, возможно, лишь ещё один человек — Пушкин — обладал этой удивительной способностью органичного проникновения в мир чужого «я».

Пятой принципиальной особенностью Розанова является его глубокая «реакционность». Если большинство русских философов стояло на прямо социалистических или в лучшем случае элементарно либеральных позициях, то Розанов был искренним и последовательным монархистом. В этом отношении он не только стоял особняком к русскому образованному слою, но и подвергался систематическому гонению и травле, вплоть до исключения из числа членов Религиозно-философского общества.

Это произошло в 1914 году, причём на его место был избран третьестепенный компилятор Г.О. Грузенберг. Исключение тогда мотивировалось как протест против «контрреволюционных» и антисемитских статей Розанова («Не нужно давать амнистии» в «Богословском вестнике», «Андрюша Ющинский» и «Наша кошерная печать» в «Земщине» и др.) Сам факт исключения из Религиозно-философского общества его старейшего члена, причём исключения по мотивам, не имеющим ничего общего ни с религией, ни с философией, был встречен в интеллигентских кругах вполне положительно.

В это время Розанов находился почти в полной изоляции. Его произведения быстро раскупались, он был известен всей России, но у него не было учеников и единомышленников. В сущности, Розанов был духовно одинок и чужд тогдашней России. И лишь в «глубокой эмиграции», в 30–40-е годы естественное развитие свободной русской мысли привело к признанию исторической правоты Розанова. Что получилось само собой, «объективно», несмотря на неоднократные и непрекращающиеся попытки «вычеркнуть» Розанова, «исключить» (как историки русской философии такие попытки предпринимали Зеньковский и (особенно) Лосский).

В связи с этим можно сказать, что развитие философии в России шло вне Розанова, было мало связано с его творчеством. Косвенно он оказывал очень большое влияние, но оставался при этом как бы иностранным, нерусским писателем. Или точнее, если посмотреть с точки зрения исторической перспективы, русская философия не была собственно русской, и лишь постепенно, через мучительное самоосознание, через многолетние поиски выхода из тупиков, она приобретала национальную сущность. Это и обусловило возникшую сейчас возможность интеграции Розанова в общее русло русской культуры. Отечественная философия развивалась не из Розанова, и не параллельно Розанову, а по направлению к нему.

Таким образом, Розанов, несмотря на то, что был старше других философов, резко обогнал их в своём духовном развитии. Причину этого следует искать не в интеллектуальном превосходстве Розанова, а в его гениальном чутье, в музыкальности его души. Он говорил о том, что «живёт в непрерывной поэзии», что «каждый день замечает в жизни что-нибудь поэтическое». Чуткость Розанова, его удивительная отзывчивость позволяли ему быть предсказателем, провидцем.

Но в этом было и бессилие Розанова. Он видел ту страшную дыру, в которую проваливалась его Россия, и он мог и умел кричать об этом. Умел он и убеждать. Но он не мог доказывать. А ведь его оппонентам были нужны не предсказания и прорицания, а «научные прогнозы». Розанов писал в октябре 1914 года:

«Дана нам красота невиданная
И богатство неслыханное.
Это — Россия.
Но глупые дети всё растратили.
Это — русские».

Почему же растратили? Где? Когда? Дайте цифры, выкладки. Известный леволиберальный публицист Иванов-Разумник тогда писал:

«Как бы то ни было, но несомненно одно: русская интеллигенция может с верой смотреть на своё будущее, черпая силы и уверенность в своём славном прошлом … её прошлое — изумительно, её будущее — невообразимо».

Прошло энное количество лет и Разумник захлёбывался кровью в чекистском подвале (ему выбили на допросе все зубы). Больше произведений Разумника в России никогда не печатали. Оказалось, что «не это нужно нашему народу, потому что это нашему народу не нужно».

«И оказались правы одни славянофилы.
Один Катков.
Один Константин Леонтьев».

(Из письма Розанова к Голлербаху 26 августа 1918 года.)

И один Розанов. А поскольку Катков, например, был журналистом, а Леонтьев культурологом, да и жили они в другую эпоху, то Розанов вообще один, один единственный русский философ, который был абсолютно прав (по крайней мере, на том уровне, где ещё возможна абсолютная правота). И поскольку он шёл дальше простых предсказаний и намечал пути выхода из кризиса, причём выхода не в сиюминутно-утилитарном, а в высшем, духовном плане, то Розанова можно назвать не только гениальным поэтом, но и гениальным политиком, гениальным идеологом, гениальным Учителем.

И в этом, думается мне, шестое принципиальное отличие Розанова от прочих русских философов. Среди них были гениальные мыслители, но не было Политиков и Идеологов. Разве можно сравнить философию Булгакова с его жалкой политической деятельностью в качестве члена Государственной Думы? Бердяев был витией, пророком, но лишь в философских и литературных спорах. Пускай его философия прекрасна. Но жить «по Бердяеву» смешно. Чтение его работ возвышает, облагораживает человека, но в них нельзя черпать силы для создания жёсткой иерархической структуры своего «я» (а только это может дать основу для противостояния нашему иерархически структурированному обществу).

Мережковский в своей политической деятельности был много умнее и хитрее. Но он смешно запутался в собственных подлостях, в своём пресловутом масонстве, и его в известный момент просто смахнули с доски в ящик стола. Он мнил себя крупной фигурой, а оказался боковой пешкой. Розанов писал:

«Мережковский, никогда тебе не обнять свиного рыла революции».

Это ещё одно маленькое пророчество Розанова.

С другой стороны, русским политическим лидерам никак не удавалось осмыслить ситуацию на философском уровне или дать приемлемую идеологическую интерпретацию той или иной философской системы. Кадеты и эсеры много работали над этим, но у них ничего не вышло. В эмиграции они, прежде всего, сами отказались от собственных построений. С наибольшей выпуклостью этот процесс виден в биографии Струве, начавшего с составления первой программы РСДРП, перешедшего на либе-

ральные, потом на умеренно-националистические позиции и закончившего жизнь правоверным монархистом. В сущности, это страшная, но для русского интеллигента типичная судьба: так наплевать на свою жизнь. На каждом конкретном повороте биография Струве вполне осмысленна и понятна. Это господство рационального и конструктивного анализа. Но в целом она описывает какую-то чудовищную, инфернальную кривую.

У Струве не было чутья, он спорил не с людьми, а с жизнью, с природой. Этого делать не рекомендуется. Ведь природа, как сказал Шестов:

«...доказывает совершенно без помощи логики и морали... она куда догадливей и, главное, могущественней метафизиков. Логику и мораль она предоставила Гегелю и Спинозе, а себе в руки взяла дубину».

Правоту Розанова доказала дубина русского Апокалипсиса. И тут спорить нечего и не о чем. Как легкомыслен Бердяев во время своей полемики с Розановым накануне революции! И каким скучным и дешёвым выглядит наивное глубокомыслие «Вех» по сравнению с газетными фельетонами Розанова!

Но дело в том, что розановская философия опрокидывается не только в прошлое, но и в будущее. Не все предсказания Розанова ещё сбылись. Он ещё не выработан до конца, не понят. Родник розановской мысли не высох. Он жив. Вот Мережковский, например, совершенно мёртв. Он кончился. Когда же читаешь Розанова, то нет ощущения его смерти. Он очень современен и актуален. Его мысли прямо приложимы к действительности. Может быть, это самый современный русский философ. И он остался в России. Его закопали в нашу советскую Россию и он умер советским философом.

Розанова очень легко опровергать. Пожалуй, ни один философ не даёт такой обильной пищи для поверхностной критики. В чем его только не обвиняли: в антисемитизме, в порнографии, в «издевательстве над русской интеллигенцией», в «двурушничестве», в «литературном хулиганстве». И нельзя сказать, что эти обвинения были беспочвенными. Наоборот, все они, как правило, подкреплялись соответствующими цитатами из розановских произведений, и в этом отношении были абсолютно верны.

Но, странная вещь, оценки Розанова, будучи абсолютно верными по отношению к его творчеству, в то же время находятся в разительном противоречии друг с другом. Это настораживает.

В самом деле, можно, например, легко доказать, что Розанов полнейший атеист. Вот он с наслаждением объясняет «почему его жена не любит попов»:

«Когда сходят с извозчика, то всегда, отвернув на сторону рясу, вынимают свой кошель и рассчитываются. И это „отвернувшись в сторону“, как будто кто у них старается отнять деньги, — отвратительно. И всегда даёт извозчику вместо „5 копеек“ этот… с особенным орлом и старый „екатерининский“ пятак, который потом не берут у извозчика больше, чем на три копейки».

Злоба и ненависть. Более того, Розанов открыто заявляет:

«Церковь сказала „нет“.
Я ей показал кукиш с маслом.
Вот и вся моя литература».

Казалось бы все ясно и «комментарии излишни». Однако в том же «Втором коробе» (а две предыдущие цитаты взяты именно оттуда) мы читаем:

«Церковь научила всех людей молиться. Какое же другое к ней отношение может быть у человека, как целовать руку. Хорошо у православных, что целуют руку у попов… если было бы даже основание осуждать духовенство — осуждать его не следует. Мы гибнем сами, осуждая духовенство».

Итак, можно вполне доказать, что Розанов был человеком глубоко верующим.

Этот парадокс показывает, что Розанова легко опровергать, но трудно или даже невозможно опровергнуть. На первый взгляд, здесь логично обвинение в двурушничестве, однако не будем спешить с выводами.

Часто Розанова упрекают в грубости и примитивности его высказываний. Разумеется, это тоже верно. Так, например, он пишет:

«Да жидов оттого и колотят, что они — бабы: как русские мужики своих баб. Жиды — не они, а оне. Лапсердаки их суть бабьи капоты: а на такого кулак сам лезет. Сказано — „будешь биен“, „язвлен будешь“. Тут — не экономика, а мистика; и жиды почти притворяются, что сердятся на это».

Конечно, любому непредубеждённому читателю ясно, что перед нами циничная и примитивная апология погромов, подходящая скорее для «толстомордых лабазников» и не лезущая ни в какие ворота даже с точки зрения членов «Союза Михаила Архангела». Однако давайте отнесёмся к этому высказыванию Розанова «с предубеждением».

Известно, что Розанов был хорошо знаком с философией иудаизма, написал даже предисловие к русскому переводу «Песни песней», где очень интересно исследовал некоторые особенно-

сти еврейской культуры. Зачем же ему понадобилось говорить о еврейском вопросе на уровне «Бей жидов, спасай Россию!»? Из-за слепой ненависти?

Но Розанов писал и следующее:

«Тогда как мы „и не восточный, и не западный народ“, а просто ерунда, — ерунда с художеством, — евреи являются на самом деле не только первенствующим народом Азии, давшим уже не — „кое-что“, а весь свет Азии, весь смысл её, но они гигантскими усилиями, неутомимой деятельностью, становятся мало-помалу и первым народом Европы».

(«Апокалипсис нашего времени»)

Видимо, отношение Розанова к евреям было достаточно сложным и вовсе не помещалось в рамки примитивного антисемитизма. Но тогда Розанова можно обвинить не в примитивности как таковой, а в примитивничаньи, в примитивизме. Он сознательно огрубляет свою мысль, пытается выразить её в грубой и элементарной форме. Для чего?

Розанов парадоксален. Ещё Голлербах писал об «антиномичности» розановского мышления. Он мыслит парадоксами. Например, Василий Васильевич пишет: «Коперник — дурак». Это опровержение некоей абсолютной истины. Читатель возмущён, но в то же время и заинтригован. По крайней мере, цель Розанова достигнута, так как в читателе уже нет равнодушия, в нём что-то сместилось, возникло некое напряжение.

Далее Розанов поясняет свою мысль:

«Заботится ли солнце о земле? Ни из чего не видно: оно её „притягивает прямо пропорционально массе и обратно пропорционально квадратам расстояний“. Таким образом, первый ответ о солнце и о земле Коперника был глуп. Просто — глуп. Он „сосчитал“. Но „счёт“ в применении к нравственному явлению я нахожу просто глупым».

Здесь Розанов говорит о трагедии крушения средневекового мировоззрения. Ведь в Средневековье мироздание воспринималось как гармоничный и одухотворённый космос, связанный с человеком, с его душой, теснейшими и неразрывными узами (отсюда и астрология). И вот успехи механики разрушили, разбили этот прекрасный и естественный мир. В этом отношении деятельность Коперника или Галилея носила явно деструктивный и в определённой степени антигуманный характер: человек оказывался никому не нужной песчинкой в бездушном механизме природы. Далее Розанов писал:

«С этого глупого ответа Коперника на нравственный вопрос

о планете и солнце началась пошлость планет и опустошение небес».

Таким образом, наука вполне естественно приводила к атеизму. Однако спираль розановских рассуждений раскручивается ещё дальше:

«…что Коперник на вопрос о солнце и земле, начал говорить, что они действуют „по кубам расстояний“, — то это совершенно христианский ответ. Это именно „обстоятельства образа действия“. А „для чего они действуют“ — это и неведомо, и неинтересно. Таинственным образом христианство начало обходиться „пустяками“. На вопрос о земле и луне оно ответило „кубами расстояний“, а на вопрос о гусенице, куколке и мотыльке оно ответило ещё хуже: что так „бывает“. „Наука христианская“ стала сводиться к чепухе, к позитивному и бессмыслице. „Видел, слышал, но не понимаю“».

Сама европейская наука, по Розанову, есть закономерное порождение христианской религии. Христианство, как и наука, оторвано от жизни, это «духовное скопчество» и в этом ядовитое семя западного нигилизма. Христос отказался от царствия земного. Из этого «нет» Христа и вырос нигилизм: «ничего не надо». Параллельно у Розанова апология ветхозаветной морали как гармоничной и естественной человеку.

Даётся противопоставление Ветхого и Нового завета:

«Загадочно, что в Евангелии ни разу не названо ни одного запаха, ничего — пахучего, ароматного; как бы подчёркнуто расхождение с цветком Библии — „Песнь песней“».

И т. д. Розановская мысль раскручивается всё дальше и дальше, приобретая поистине глобальные масштабы. А всё начиналось, как помнится, с довольно пошлой и примитивной фразы, с «анекдотца».

Что касается реплики о «жидах», то здесь спираль розановской диалектики дана в компактном и свёрнутом виде. Примитивная форма изложения есть не только элементарная стилизация, но и сознательная пародия — язык, высунутый в сторону «патриархов русского либерализма». Ведь Розанов же этот, как его… «мр-ракобес». А поскольку он мракобес, постольку и мысли у него должны быть соответствующие. Причём весь комизм заключается в том, что в грубейшей, в гротескной форме Розанов высказывает очень тонкую мысль, выявляющую, быть может, суть еврейской истории и еврейского национального характера.

Евреи, в сущности, очень смешной народ. Их бытие — пародийно, жизнь их — непрекращающийся фарс. И тем не менее…

«Еврей, утешься: давно прошли легионы Рима; от Рима, „того самого“, осталось ещё меньше, нежели осталось от Иерусалима; он ещё гораздо глубже погребён. А вы всё ещё спрашиваете у ленивого хохла: „А всё-таки, почём же пшено?“»

(«Апокалипсис нашего времени»)

И возникает вопрос: что же за сила таится в этом маленьком народишке, который на полторы тысячи лет пережил своих поработителей? Розанов отвечает на это так: суть в женственной природе еврея. Он отдал себя Богу, «вверился» Ему, и получил необходимую опору в жизни. Отсюда, из этой же «женственности» и упивание собственными страданиями, придающее жизни еврейского народа необходимое трагическое величие, высший смысл. И поэтому «жиды почти притворяются, что сердятся на погромы». Бен-Гурион как-то сказал, что неплохо было бы некоторым молодым сионистам:

«Замаскироваться под неевреев и преследовать евреев грубыми методами антисемитизма под такими лозунгами, как „грязные евреи!“, „евреи, убирайтесь в Палестину!“ и т. д.»

Это, по его мысли, способствовало бы консолидации еврейской нации.

Необходимо отметить, что парадоксальность Розанова, как правило, скрыта, сглажена. Он не вопит и не визжит о противоречивости жизни, а просто показывает, выявляет её. (Хотя первое впечатление от розановских произведений как раз обратное.)

Розанова называют «русским Ницше». Но он, к счастью, лишён одного из основных недостатков этого философа — у него совершенно отсутствует какая-либо аффектация и риторика. Розанов органичен, естественен, тонок. Парадоксальность его афоризмов прикрывается или пародийной стилизацией, или юмором, или нарочитой наивностью, а чаще всего антиномичностью, то есть сшибанием лбами двух диаметрально противоположных высказываний. Повторяю, он очень тонок. Не случайно каждый новый афоризм «Уединённого» и «Опавших листьев» печатался на отдельной странице и крупным шрифтом. Это подчёркивало поэтичность его прозы, подталкивало к медленному и вдумчивому чтению. Собственно говоря, все его «листья» суть иероглифы. Их нужно воспринимать не только на слух, но и зрительно. В них нужно всматриваться, отгадывать.

Вот один из таких иероглифов:

«Родила червяшка червяшку.
Червяшка поползала.

Потом умерла…
Вот наша жизнь».

Здесь каждое слово весомо, значимо. «Червяшка». Не библейский «червь» Державина и не серый будничный «червяк», а червяшка, червяшечка родненькая. Жалкая и в то же время такая родная, добрая. И она ещё «родила». Опять роднОе, рОдное слово. Тёплое и человечное, человеческое. Потом червяшка «поползала». Жизнь человека — это наивное и милое, бытовое «ползание», и ползание именно бесцельное. Ведь червяшка не ползла (куда-то), а просто ползала мало, она только немножечко «поползала». И тут холодная глыба: «Потом умерла». Не сдохла, а умерла. Это не факт, а трагедия. И ведь так хорошо все было: жила-была червяшка, и не просто жила, а она другую червяшку родила — тут жизнь, жизнеутверждение. И вдруг, сразу, — «умерла». И наконец, безнадёжное обобщение: «Вот наша жизнь». Но в то же время оно и не безнадёжно. Розановская «червяшка» — живая. Она глупая, смешная (червяшка-дурашка), и жизнь её смешная бессмыслица, но она все равно «ползает», всё равно «рожает». Розанов писал: «Человек достоин только жалости». Да. Но достоин. У него есть своё достоинство. Он достоин жалости и сострадания, достоин любви.

В этом афоризме квинтэссенция розановской философии. Но глубочайший смысл выражен при помощи всего десяти слов. Конечно, когда их читаешь, в сознании не возникает весь смысловой ряд, но какие-то ассоциации очень тонко настраивают человеческую душу, затрагивают её интимные струны. И уже не ясно, что такое иероглифы Розанова: поэтичная проза или прозаическая поэзия. А может быть какой-то особый, новый вид литературы?

Понимали ли современники Розанова? Или они были так глухи, что музыка розановской прозы была для них совершенно чужда? Мне кажется, что даже «деятели демократического лагеря» Розанова как раз понимали, но понимали (и принимали) сердцем, а не испорченным и вывихнутым западничеством рассудком. Отсюда постоянная двусмысленность критики в его адрес. Так, левый публицист А. Ожигов (Н.П. Ашешов) писал по поводу «Опавших листьев»:

«Точно в припадке бешенства В.В. Розанов обливает помоями всех деятелей нашего недавнего бурного прошлого… В сущности, пол — вот и вся религия и вся философия г. Розанова».

Однако далее Ожигов с горечью замечает, что этот «политический двурушник, торговавший и красным и чёрным товаром»,

до сих пор «постоянно получает амнистию за свой талант».

Через два года вышла вторая часть «Листьев». Тот же Ожигов снова выливает на Розанова ушат грязи, но одновременно как-то жмётся, неуверенно лепечет, что «всё у Розанова хамелеонски меняет свой лик», и наконец неожиданно для самого себя заявляет, что у Розанова «ум — громадный, свой, собственный».

Другой критик, Вячеслав Полонский, тогда же назвал автора «Листьев» пошляком, но пошляком великим, «ибо его ни из русской истории, ни из русской литературы не вычеркнешь».

Такая же двойственная оценка наблюдается даже у Луначарского. В 1911 году он писал в газете «Киевская мысль»:

«Розанов подкапывает устои христианской морали уже не для того, чтобы дать место новому героизму, а для большего простора свинушнику с его „розовом бессмертии в чадородии“ и приправленным грязцой, сладким, липким, сальным „бытом“. И надо иметь огромный талант, чтобы эту работу бунта чрева производить, скрываясь от не потерявшей стыда публики за узорной метафизикой, а от держиморды и „старцев“ — двусмысленной и нагло подобострастной гримасой. Да, Розанов очень талантлив, но все же от книг его веет дерзкими умствованиями выпившего семинариста…»

(и т. д., в том же духе)

В 1926 году Луначарский заявил, что Розанов «подлый, но большой ум».

Мы видим, что грубая ругань в адрес Розанова внезапно пресекается различными «но». Но ругани с «но» не бывает. Когда ругаются, то тут уж не до «диалектики». Следовательно, в данном случае ругань не совсем искренна. И видимо, это происходит потому, что смутно оппоненты Розанова из левого лагеря сознают, что ничего кроме ругани они Розанову противопоставить не могут. Не укладывается Розанов в детскую кроватку мировосприятия «русского интеллигента» («наши-ваши»). А принять его они не в состоянии. Отсюда и досадные «запинки».

Серьёзные мыслители не принимали его по той же причине, но у них двойственность по отношению к Розанову редко высказывалась так прямо и так неумно. В этом случае все было завуалировано, сглажено рассудочной диалектикой. Но суть была та же. Мережковский как-то сказал, что он, читая «Уединённое» и «Опавшие листья», зачаровывается обаянием стиля Розанова, и только при последующем анализе начинает спорить и ненавидеть.

Никто, никто не мог не ненавидеть Розанова (разве что Флоренский, да перед смертью Голлербах). Так всё было криво,

уродливо. Кто-то мягкой невидимой рукой вывернул русским мозги на 180 градусов. Голове было неудобно, тяжело, что-то тянулось, болело, перед глазами плыли круги, и чудился где-то далеко заманчивый огонёк свободы.

В 1917 году Россия встала на голову, а мировосприятие русской интеллигенции (соответственно) — на ноги. В 1921 году в Петрограде был открыт кружок имени В.В. Розанова. Однако, конечно «не это было нужно нашему народу…»

Иногда меня гложет странная мысль: не мог же Розанов один среди всех русских философов быть нормальным человеком. Не логичнее ли предположить, что Розанов как раз и был ненормальным, но ненормальность окружающей жизни наложилась на его болезнь и, вывернув его уже вывернутые мозги, сделала его совершенно здоровым.

Розанов — блестящий стилист. Но можно ли его назвать философом? Ответ на этот вопрос не так уж прост. При самом поверхностном знакомстве с творчеством Розанова, он предстаёт перед читателем в качестве публициста и идеолога. Однако скользить по поверхности Розанова это хуже, чем не понимать его. В этом случае вы прямо попадаете на крючок розановской иронии. Розанов хитренький. Он ловит русского простачка-дурачка, воспитанного на социал-демократических и либеральных агитках. Да, мракобес и циник. Но приглядишься, и лужицы его афоризмов превращаются в бездонные омуты. Оказывается, что кроме Розанова-журналиста есть и другой Розанов — Розанов-поэт. И глубокая и проникновенная лиричность — это второй слой его произведений. Однако не последний.

Выше я уже говорил, что Розанова очень легко упрекать в противоречивости, эклектизме и неряшливости мышления. С точки зрения журналиста эта характеристика его творчества совершенно верна. Но уже с точки зрения поэта она совершенно ложна. Если фельетонист действительно обязан оценивать какое-либо событие с одной и той же позиции (в этом и состоит смысл его деятельности), то поэта просто смешно обвинять в полифоничности его творчества. Розанов писал о Пушкине:

«Монотонность совершенно исключена из его гения; и, может быть, ему чужд теизм. Он — всебожник, то есть идеал его дрожал на каждом листочке Божьего творения; в каждом лице человеческом, поискав, он мог, или, по крайней мере готов был его найти. Вся его жизнь и была таким собиранием этих идеалов — прогулкою в Саду Божием, где он указывал человечеству: „А вот ещё что можно любить!“… „или — вот это!“… „но оглянитесь, разве то — хуже“?!»

Конечно, не случайно Розанову была близка эта черта пушкинского таланта. Она удивительно совпадала с характером творчества самого Розанова. И поэтому-то нелепо обвинять Розанова в «ренегатстве». Никакого ренегатства не было и быть не могло:

«„Подделывался“
Но ни к кому не подделывался.
„Льстил“
Но никому не льстил.
„Писал против своего убеждения“
Никогда».

— Вот что он ответил на многочисленные обвинения в свой адрес. И потом добавил:

«Правда, я писал однодневное „чёрные“ статьи с эс-эрными. И в обеих был убеждён. Разве нет 1/100 истины в черносотенстве? и 1/100 истины в революции?»

Конечно, что для поэта истина газетных фельетонов.

«Поклонитесь все Розанову за то, что он, так сказать, „расквасив яйца“ разных курочек, — гусиное, утиное, воробьиное — кадетское, черносотенное, революционное, — выпустил их „на одну сковородку“, чтобы нельзя было больше разобрать „правого“ и „левого“, „чёрного“ и „белого“ — на том фоне, который по существу своему ложен и противен… И сделал это с восклицанием: — Со мною Бог. Никому бы это не удалось. Или удалось бы притворно и неудачно. „Удача“ моя заключается в том, что я в самом деле не умею здесь различать „чёрного“ и „белого“, но не по глупости или наивности, а что там „где ангелы реют“ — в самом деле, не видно, „что Гималаи, что Уральский хребет“, где „Каспийское“ и „Чёрное море“. Даль! Бесконечная даль. Я же и сказал, что „весь ушёл в мечту“. Пусть эта мечта, то есть призрак, „нет“. Мне всё равно. Я — вижу партии и не вижу их. Знаю, что — и ложны они и что истинны».

Мне кажется, что многие свои статьи Розанов писал с ощущением гроссмейстера, с раздражением следящего за игрой двух дилетантов. Время от времени неумелые ходы ему так надоедали, что он не выдерживал и ходил сам. То за чёрных, то за красных. Может быть, поэтому он и не лгал. Ишь, чего захотели, чтобы сам (!) Розанов для вас ещё и выкаблучивался, передёргивал факты, обманывал, лебезил перед вами. Слишком много чести!

«Если… я в большинстве (даже всегда, мне кажется) писал искренне, то это не по любви к правде, которой у меня не только

не было, но „и представить себе не мог“, — а по небрежности. Небрежность — мой отрицательный пафос. Солгать — для чего надо ещё „выдумывать“ и „сводить концы с концами“, „строить“ — труднее, чем „сказать то, что есть“. И я просто клал на бумагу, что есть: что и образует всю мою правдивость. Она натуральная, но она не нравственная. „Так расту“: „и если вам не нравится, то и не смотрите“. Поэтому мне часто же казалось (и может быть так и есть), что я самый правдивый и искренний писатель…»

Конечно, так и есть. Розанов совершенно правдив, и противоречивость его газетных статей — это и есть лучшее доказательство его искренности. Ему было просто не интересно подводить свои взгляды под общий знаменатель.

Николай Бердяев сказал, что Розанов один из величайших русских писателей, но «испорченный газетами». Насколько верно это определение? Интересно, а почему Розанов писал фельетоны? Из-за денег? Не только. Для читающей публики? Маловероятно:

«Ах, добрый читатель, я уже давно пишу „без читателя“, — просто потому что нравится».

(«Уединённое»)

Значит, ему в определённой степени нравилось писать и газетные статьи. Да и статьи ли это? В общем, да. Но в них есть не только Розанов-публицист, но и Розанов- поэт. Первый — на виду, второй — скрыт. Но он есть. С другой стороны, лучшие работы Розанова: «Уединённое», «Опавшие листья» — проникнуты глубоким лиризмом, но есть в них много и «газетного».

Эта раздвоенность порождает у многих и двойственное отношение к Розанову. Если упрёки во внешней противоречивости стиля и отдельных суждений легко снимаются просто при более глубоком знакомстве с его творчеством, то ощущение внутренней противоречивости его мировоззрения (разноуровневость) при этом лишь усиливается. Многие серьёзные философы и исследователи творчества Розанова считали, что Розанов скорее поэт, а не философ, а в тех местах, где он не поэт, он идеолог, и это вообще наименее ценная часть его творчества. Как раз такой точки зрения видимо и придерживался Бердяев. Однако Розанов как раз философ, и причём философ, творчество которого, в отличие от творчества того же Бердяева, было «внутренне стройным и цельным». Поэтому наивно полагать, что существуют два легко отделимых друг от друга Розанова. Розанов един. И глотать его нужно целиком. Он писал:

«Моя душа сплетена из грязи, низости и грусти… Это — золотые рыбки, „играющие на солнце“, но помещённые в аквариуме, наполненном навозной жижицей. И не задыхаются. Даже „тем паче“… Не правдоподобно. И, однако, так».

И только попробуйте подойти к Розанову с прощающей улыбкой: «Рыбок выловим и вымоем, а жижу выплеснем». Тут не будем даже говорить, что разделение на «жижу» и «рыбок» у каждого своё — не в этом дело, а в том, что золотые рыбки розановских мыслей очень странные существа. В чистой воде они погибают, а на сковородке формальной логики — испаряются. Попробуйте очистить Розанова от ругательств, от нелепостей, от ошибок, от скабрезностей, глупостей и анекдотов, и Розанов испарится, исчезнет. Ведь это человек, который свой быт сделал философией, а философию — бытом. «Не правдоподобно. И, однако, так».

Мандельштам как-то сказал, что «у Розанова анархическое отношение ко всему решительно, но не к языку». Меня очень удивляет эта фраза. Как это относясь анархически ко всему решительно, он не пренебрегал каким-то языком, «стилем». Вернее будет сказать, что даже к языку Розанов не относился анархически. Розанов был прежде всего мыслителем, мыслителем «с замечательно стройным и цельным творчеством». И вот с этого, с высшего, философского уровня розановских произведений видно, что никаких противоречий у Розанова нет. Наоборот, это удивительно стройная философская система, легко организующая и структурирующая его творчество.

С этой точки зрения его произведения можно разделить на три группы:

1). Публицистические работы. Это преимущественно газетные статьи, часть которых объединена в сборники (например, «Семейный вопрос в России» — это сборник статей о реформе законодательства о разводах; «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови» — сборник статей о деле Бейлиса; «Война 1914 года и русское возрождение» — сборник статей о первой мировой войне и т. д.)

2). Работы, посвящённые серьёзной разработке какого-либо одного мировоззренческого вопроса («Тёмный лик», «Люди лунного света», «Около церковных стен», «Легенда о Великом инквизиторе» и т. д.) Большинство этих работ тоже является сборниками статей, ранее помещённых в философских и литературных журналах.

3). Работы, образующие ядро розановской философии. В сущности, это одна большая книга, состоящая примерно из 1000

«листьев». Каждый лист имеет свой размер: от афоризма до небольшой статьи. Прямой связи между листьями нет; в первых книгах нет даже точной хронологической последовательности. Книги эти: «Уединённое», «Опавшие листья» и «Опавшие листья. Короб второй». (Кроме того, множество поздних листьев не опубликовано.) Сюда же примыкает «Апокалипсис нашего времени», но он стоит по отношению к трилогии несколько особняком (бОльшая связь отдельных частей, качественно иная эпоха и т. д.)

В целом «листья» легко разбиваются на несколько основных тем: религия, бытовые зарисовки, история и политика, литература, биография Розанова и его высказывания о своём творчестве, эротика, национализм и еврейский вопрос. Однако практически ни один лист не замыкается на какой-либо одной теме. Все они связаны общими ассоциациями.

Поясню это на примере. Вот один из листьев Розанова:

«В террор можно и влюбиться и возненавидеть до глубины души, — и притом с оттенком „на неделе семь пятниц“, без всякой неискренности. Есть вещи, в себе диалектические, высвечивающие (сами) и одним светом и другим, кажущиеся с одной стороны — так, а с другой — иначе. Мы, люди, страшно несчастны в своих суждениях перед этими диалектическими вещами, ибо страшно бессильны. „Бог взял концы вещей и связал в узел, — неразвязываемый“. Распутать невозможно, а разрубить — всё умрёт. И приходится говорить — „синее, белое, красное“. Ибо всё — есть. Никто не осудит „письма Морозова из Шлиссельбурга“ (в „Вестнике Европы“), но его „Гроза в буре“ нелепа и претенциозна. Хороша Геся Гельфман — но кровавая Фрумкина мне органически противна, как и тыкающий себя от злости вилкой Бердягин. Всё это — чахоточные, с чахоткой в нервах. Ипполиты (из „Идиота“ Достоевского). Нет гармонии души, нет величия. Нет „благообразия“, скажу термином старца из „Подростка“, нет „наряда“ (одежды праздничной), скажу словами С.М. Соловьёва, историка».

Основная мысль прослеживается довольно ясно. Здесь речь идёт о так называемой «революционной романтике». Розанов показывает, что никакой романтики-то и нет. Есть злоба, есть «нервишки», истерика. А следовательно, у людей, «делающих революцию», нет каких-либо твёрдых убеждений, твёрдой жизненной позиции. Нет опоры в жизни — того, что придавало бы спокойную уверенность в своей правоте. Вместо этого истерические взвизги. Для кого? Прежде всего — для себя, для собственного взвинчивания. Это — попытка обрести какую-то самоуверенность, ощущение обоснованности и закономерности своих пре-

тензий.

Таким образом, это «историко-политический» листок. Однако не только. Речь тут идёт о литературе, и о религии. А самое главное, Розанов здесь даёт характеристику и обоснование своего стиля и метода философствования.

Для Розанова характерен философский импрессионизм. Мир слишком сложен, чтобы его было возможно уложить в какую-либо готовую схему. Человек для этого слишком бессилен. И вот, чтобы не разрушить целостность мира, не дать ему умереть, распасться на ряд сегментов, Розанов разбивает на сегменты саму систему. И через это уничтожение системы, через свой импрессионизм, ему удаётся всё-таки создать целостное и гармоничное мировоззрение. А следовательно, и новую систему.

Как филолог об этом хорошо сказал Виктор Шкловский:

«(„Уединённое“) было героической попыткой уйти из литературы, „сказаться без слов, без формы“, — и книга вышла прекрасной, потому что создала новую литературу, новую форму».

Сам процитированный «лист» служит хорошей иллюстрацией розановского метода. Сначала Василий Васильевич заявляет, что к террору можно относиться по-разному: можно им восторгаться, можно и ненавидеть. Далее идёт характерный для Розанова скачок: от кибальчичей и фрумкиных он переходит к проблеме человеческого мировосприятия. Далее его мысль снова обращается к российским буреглашатаям. Блеснув на солнце чешуёй, золотая рыбка розановской мысли снова погружается в навоз газетного фельетона. Но ненадолго. Иллюстрировав конкретными примерами своё отношение к «основному вопросу философии», Розанов внезапно делает фундаментальное обобщение о чертах психологии отечественного нигилизма. Из философского афоризма, Геси Мироновны Гельфман и какого-то «Бердягина с вилкой» мы пришли к Достоевскому, к уровню Достоевского. Уже само по себе это парадоксально. И читатель уже не замечает тут явного логического противоречия. Ведь сначала Розанов говорит, что восхищение и ненависть по отношению к террору одинаково оправданы и равно имеют право на существование. Но последняя фраза кричит об обратном. Восхищаться некем и нечем. Везде одни зияющие высоты озлобленной психопатии. Получается, что Розанов доказывает плюрализм своей философии и одновременно убеждает нас в обратном. В чём же тут дело? Да очень просто. Картина импрессиониста состоит из определённого количества чётко различимых мазков, но это вовсе не значит, что она распадается на отдельные световые пятна. Наоборот, эта манера письма придаёт композиции картины осо-

бую целостность: тонкую, живую, светящуюся изнутри. Так Розанов высказал массу суждений о Боге — от грубо атеистических до глубоко религиозных. Но стоит задать себе простой вопрос: «Верил ли он в Бога?» И сразу станет ясно, что да, верил, и верил искренне, всем сердцем. Внезапно все религиозные листья смешиваются в мозгу в одну картину, удивительно прозрачную и тёплую. И она живая, тут совершенно нет ощущения «нарисованности». Нет здесь и надрыва, противоречий. Всё стройно и ясно. И вся розановская трилогия удивительно стройная и ясная книга.

Более того, вообще все произведения Розанова образуют единую философскую систему. Так же как листья трилогии сливаются в книгу, точно так же все другие работы Розанова образуют «розановский мир», по своей сути стройный и упорядоченный. Если трилогия является сердцевиной его философии, третьим уровнем, то второй уровень — это ветви, развивающие отдельные стороны его системы, а публицистические работы — это отдельные веточки и листья, сами по себе друг с другом не связанные, но в розановском мире вполне понятные и закономерные (первый уровень).

Существует «французский» и «английский» тип парков. Первый — это господство рассудочной геометрии. Такой парк красив с птичьего полёта; гулять же вдоль колючей проволоки живой изгороди и вышек кипарисов довольно противно. Английский парк похож на естественный ландшафт: там груда камней, здесь ручей, лужайка, холмы. Но всё это расставила чья-то невидимая и умная рука. Это тоже система, но умная, скрытая, не давящая и насилующая человека, а созвучная и гармоничная ему, крайне тонко и нежно организующая человеческую душу, подчинающая её своей музыке… И такова система Розанова.

Розанова обвиняли в «литературном хулиганстве» и в «неуважении к читателю». Но, пожалуй, это наиболее демократичный и деликатный русский писатель. Он совершенно «не давит» на читателя. И его «расхлябанность» — это и есть проявление глубочайшего уважения к людям.

Гегель сказал, что он пишет так, чтобы его идеи были понятны любой посредственности. Но это стремление к объяснению на пальцах привело его к философскому графоманству. Гегелевскую «Энциклопедию философских наук» просто не интересно читать. Розанов же всегда интересен. И причина этого в том, что он всегда писал прежде всего для себя, а не для других, то есть и к другим относился так же, как к самому себе. Чтобы понять Гегеля, нужно понять его систему, чтобы понять Розанова, нуж-

но понять себя. Но понять себя, познать себя, невозможно. И, в конечном счёте, Розанов, как сказал бы Евгений Замятин, «иксов». Это большой «икс» русской философии.

Эта загадочность Розанова сближает его с Шестовым, человеком тоже «иксовым». Но если Розанов это «+х», то Шестов «-х». Тайна Шестова мрачная. Тайна Розанова таинственная и сладкая. Шестов умён. Когда читаешь его, то упиваешься игрой ума. Но постоянно возникает некое напряжение. Кажется, что скоро начнётся гроза: нависают тучи, затихает ветер, в воздухе начинается какое-то странное свечение. Но дождя всё нет. В сущности, Шестов, как и все евреи, бесплоден. Чтение поднимает вашу мысль на высочайший интеллектуальный уровень. Но и только. Он разрушает, но ничего не даёт взамен. Сначала это, правда, потрясает, но постепенно приедается и начинает раздражать. Шестов проникает в душу, но он холоден. В сущности, это гениальный литературный критик, виртуоз экзегетики. Ему нужен «текст» и все его работы это есть талмудическое толкование какого-нибудь произведения. Шестову нужна плотная среда, иначе нигилизм начинает распирать его изнутри.

Совершенно другое впечатление оставляет Розанов. Его хорошо думать, продумывать. Томик Розанова может лежать на столе. Можно каждый день на выбор читать два-три места и думать, думать. Часто он пишет о страшных и безысходных вещах, но в целом все у него уравновешено. Это тёплый грибной дождик. Бредёшь под ним по тропинкам, листья шуршат под ногами, и мысли растут в голове, как грибы. Чтение Розанова — это творческий акт. Он оплодотворяет. Недаром он сказал:

«Дураки, мои книги замешены не на воде, не на крови даже, а на семени человеческом».

Выше я цитировал отрывок из статьи Розанова о Пушкине. Вот ещё место оттуда же:

«Если что не идёт к Пушкину, то это стих Лермонтова о себе:

Я знал одной лишь думы власть
Одну, но пламенную страсть…

Напротив, Пушкина можно определить лишь отрицательно, то есть отвечая „нет!“, „нет!“ и „нет!“ — на попытку указать в нем одну господствующую думу, или постоянно одно и то же, нерассеиваемое настроение… Однако не только поверхностно, но и плоско было бы думать о нём, что он страдал и, так сказать, тонул в какой-то любвеобильности, в вечном пылании положительными чувствами. Эта бенедиктовщина души также

была совершенно исключена из его настроения. Нет, — он был серьёзен, был вдумчив; ходя по Саду Божию, — он не издал ни одного „аха“, но как бы вторично, в уме и поэтическом даре, он насаждал его, повторяя дело рук Божиих… Но уже выходили не вещи, а идеи о вещах, — не цветок, но песня о цветке, однако покрывающая глубиною и красотою всю полноту его сложного строения. Так получился „Пушкин“, эти „семь томов“ обильно комментируемых созданий, где мы находим своеобразный и замкнутый, совершенно закруглённый „мир“, как космос, как „украшенное творение Божие“. Можно Пушкиным питаться и можно им одним пропитаться всю жизнь. Попробуйте жить Гоголем, попробуйте жить Лермонтовым: вы будете задушены их (сердечным и умственным) монотеизмом… Через немного времени вы почувствуете ужасную удушаемость себя, как в комнате с закрытыми окнами и насыщенной ароматом сильно пахучих цветов, и броситесь к двери с криком: „простора! воздуха!..“ У Пушкина — все двери открыты, да и нет дверей, потому что нет стен, нет самой комнаты: это в точности сад, где вы не устаёте… Пушкин был — всемирное внимание, всемирная вдумчивость».

Подставьте сюда вместо «Пушкин» — «Розанов», и вы получите суть «розановщины». Мир Розанова «замкнут», то есть совершенно самодостаточен. Он «закруглён», то есть у него нет ощутимой границы. Поэтому он бесконечен. Бесконечен и вечен. Розанов жив. Это неверно, что «он умер 5 февраля 1919 года в Сергиевом Посаде». Розанов не мог умереть, я знаю. Розанов будет жить, пока будет жива Россия. А Россия не погибла.

Розанов сказал:

«Когда народ оканчивает своё существование — формальная сторона всех им создаваемых вещей приближается к своему завершению».

«Совершенные формы есть преимущества падающих эпох».

Но можно ли философию Розанова считать законченной формой? Что же это за законченная форма, когда «нет стен», «нет самой комнаты»? Разве Розанов это конец? Его философия бесконечна и, следовательно, принципиально «незавершаема».

В своём последнем письме, написанном за три месяца до смерти, он говорил, что ужасный конец, который переживает его родина, есть вместе с тем предвестие новой, неведомой жизни. Может быть, ощущение этой своей «незаконченности» и есть причина того странного света, который чудился Розанову в будущем России, будущем несомненно, страшном и тёмном…

29.10.1983–26.08.1984

(вторая редакция: 28.01–31.01.1988)

Бесконечный тупик (основной текст)

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «КОНТИНЕНТ»

Печатаемая здесь часть «Бесконечного тупика» не входит в основной текст моего произведения. Думаю, что эту часть вообще не следовало бы публиковать. «Галковскоман» увидит здесь «творческую лабораторию мастера», нормальный читатель — ненужное дублирование основного текста, перегруженность цитатами, искусственную композицию, в данном случае не вполне оправданную и вызванную, с одной стороны, обстоятельствами места и времени написания (цитируемые источники были тогда малодоступны), а с другой стороны — моим психологическим состоянием «непризнанности». В последнем и заключена самая главная ошибка — неправильный тон. Тон этой части — тон 50-летнего профессора, вещающего с кафедры. Но мне было не 50, а 24. Я был не профессором университета, а молодым неудачником, который, чтобы не попасть в армию, симулировал психическое заболевание, а чтобы его не выгнали с вечернего отделения университета за тунеядство — подделывал справки о работе грузчиком на заводе музыкальных инструментов. Вообще, само по себе положение 24-летнего профессора смешно, ведь после «престарелого тенора», «молодой философ» — самый смешной тип самца.

В заключение хочу отметить, что это моя последняя публикация в российской периодике. «Чтоб ты сдох» — это общая тональность 9/10 критических оценок моего творчества. В силу ряда причин в настоящее время я не могу выполнить настоятельную просьбу советских литераторов. Максимум, что я могу для них сделать — это навсегда отказаться от публикаций в местной прессе. Поскольку советские и постсоветские издательства объявили мне бойкот, свои произведения я буду публиковать методом самиздата. Читатели, которым интересно моё творчество, могут писать по адресу…

Д. Галковский

9 сентября 1994 г.

Настоящий текст содержит отсылки к соответствующим «примечаниям» гипертекста, но в самом гипертексте нет обратных отсылок к «Основной части».

«Основная часть» писалась гораздо раньше и является моно-

текстом, ориентированным на простое чтение. Таким образом, поставленные здесь ссылки имеют скорее литературоведческое значение и «нормальному читателю» ими лучше не пользоваться.

Пишущий о Розанове постоянно находится перед соблазном двух крайностей: крайности «отстранения» и крайности «растворения» (1).

В первом случае, в случае рационального анализа, возникает своеобразное «мимоговорение». Сегменты розановского мира произвольно выдираются и служат удобным материалом для «конструктивного исследования». При этом первоначальная тема, например, «Розанов и атеизм», мало-помалу трансформируется в тему «Атеизм Розанова» или, соответственно, «Религиозность Розанова». Крайний субъективизм нашего мыслителя становится некой самостоятельной сущностью, а следовательно — фикцией. Споря не с Розановым, а с мнением Розанова по тому или иному поводу, автор постоянно промахивается. То, что ему кажется сутью розановской философии, оказывается лишь её смутной проекцией на экран «объективного мира», проекцией, правда, легко поддающейся схематическому разложению, но, увы, имеющей весьма отдалённое отношение к истине. «Честный» исследователь Розанова рабски следует за сиюминутной данностью, не понимая внутренней подоплёки его творчества. Это непонимание приводит к ощущению кажущейся спонтанности и абсолютной непредсказуемости розановского мышления. Кажется, что Розанов специально «доводит» своих читателей. Тогда его оппоненты либо опускают руки, либо безнадёжно соскальзывают в унылую ругань. Всякий знакомый с критическими статьями о Розанове легко найдёт тому соответствующие примеры.

Вторая крайность — это полное и безоговорочное принятие мира Розанова. При этом теряется какая-либо точка отсчёта, и автор включается в восхитительную словесную игру. Однако в результате вместо критического анализа перед нами оказывается ослабленный вариант того же Розанова. Кроме того, здесь нарушается чистота индивидуального восприятия текста, возникает ощущение своеобразной ревности.

Тончайшая паутинка философской системы «Опавших листьев» требует очень бережного и деликатного отношения. «Отстранение» приводит к тому, что её просто не замечают и, давно уже порвав, все ворочаются носорожьей тушей: «Где же тут Розанов, где тут философия? Система? Ничего нет. А значит, и не было!» Во втором случае, случае «растворения», конеч-

но же, критик запутывается в паутине розановской иронии. Паутинка дрожит, расплывается перед глазами, и ничего не слышно кроме заунывного мушиного жужжания. И опять вроде бы нет никакого Розанова. Есть писатель, фантазёр, выдумщик, но никак не мыслитель…

А ведь до сего дня это, может быть, вообще единственный чисто русский философ, заложивший фундамент национального мышления и создавший благодаря этому прекрасную возможность для ещё одной трансформации русского сознания.

Конечно, это звучит очень сильно, и как всякое сильное суждение требует сильного доказательства. Но как доказать это? Уже тот факт, что подобное суждение выглядит парадоксальным, доказывает, что явных и бесспорных доказательств этому быть не может. Не может быть этих доказательств и потому, что произведения Розанова — неподходящий материал для такого рода авантюр. Доказательство — это постройка, а постройка — это все то же неуклюжее «отстранение».

И все же можно попробовать… не доказать, нет, а *нащупать* неуловимую сущность розановщины, бесплотную структуру её паутинок-мыслей.

Мандельштам писал в статье «О природе слова»:

«Мне кажется, Розанов всю жизнь шарил в мягкой пустоте, стараясь нащупать, где же стены русской культуры (2)… он не мог жить без стен, без Акрополя. Всё кругом подаётся, всё рыхло, мягко и податливо. Но мы хотим жить исторически, в нас заложена неодолимая потребность найти твёрдый орешек Кремля, Акрополя, всё равно как бы ни называлось это ядро, государством или обществом. Жажда орешка и какой бы то ни было символизирующей этот орешек стены определяет всю судьбу Розанова и окончательно снимает с него обвинение в беспринципности и анархичности».

В Мандельштаме есть что-то мучительно неуловимое. Его неожиданные слова столь же неожиданно складываются в нечто с нетерпением давно ожидаемое. Образ мыслителя, шарившего в мягкой пустоте в поисках твёрдой основы, — это более чем символ, это суть Розанова и даже шире — символ необходимого отношения к самому Розанову. Нам необходимо где-то в неуловимой и незримой глубине нащупать внутренний смысл философии этого человека и через это — внутренний смысл нашего существования.

Сделать это неимоверно трудно, и утешать в начале этого пути может лишь одно: у каждой нации есть свой Акрополь. Следовательно, должен он быть и у русских.

***

Русский язык. В какой степени русский язык может быть материалом для построения философской системы? Ответ прост: «В никакой». Это принципиально «нефилософский» язык. Русский язык *мним*. Он постоянно раздваивается, «двусмыслится», неуловимо перетекает из одной формы в другую, мнится. Слово «мнится», мерцающее своей субъективностью и бесплотной неистинностью, есть самое русское слово. Мнимость как сомнительное мнение есть символ смутной призмы русской культуры и постоянной русской смуты. Сама манера письменной фиксации русской речи весьма сомнительна. Для русского человека характерно пристрастие к запятым. Ему очень важно как-то структурировать свою речь, разбить её на ряд соподчинённых элементов. Но одновременно он органически неспособен на короткие фразы. Предложения всё тянутся и тянутся, нанизываясь придаточными, причастными и деепричастными оборотами, вводными словами, словосочетаниями и предложениями. Как бы в ужасе перед этим разрастающимся потоком слов русский сыплет пригоршнями знаки препинания, но это, в свою очередь, лишь запутывает обрывки мыслей в безобразный лохматый узел.

Если взять не фиксацию речи, а фиксацию мышления как такового, то тут картина ещё хуже. Отсутствие стандартного ударения и стандартной интонации, бесконечные перескакивания членов предложения с места на место и масса различных окончаний, судорожно пытающихся связать рассыпающийся текст в единое целое — всё это делает наш язык тёмным, аморфным и парадоксальным. Русская речь похожа на мёд в сотах. Она сладко тягуча и одновременно пронизана пресными восковыми перегородками.

Бердяев как-то в сердцах сказал:

«Моё мышление интуитивное и афористическое. В нём нет дискурсивного развития мысли. Я ничего не могу толком развить и доказать».

Заметьте, это сказано не походя, а на склоне лет, в итоговом произведении (в «Самопознании»), то есть, конечно, не из кокетства. Но как же может *философ* так вот признаться в том, что он, в сущности, просто некомпетентен, так как не то что мысль какую-то развить, а два предложения вместе связать не может? И это сказал *Бердяев*, человек, который считается одним из умнейших людей России. О какой же «русской философии» может идти речь после этого?

И тем не менее ни одна другая нация мира (за исключением,

может быть, немецкой) не питала такого колоссального интереса к философии. Ещё на заре золотого века русской культуры тянулись и тянулись люди к западному рацио, к Логосу.

Одним из первых русских, начавших серьёзно изучать философию, был Николай Владимирович Станкевич. Вот выдержки из писем, служащие своеобразными вехами его «хождения по мукам»:

09.1834. «Я понял целое её строение (речь идёт о „Системе трансцедентального идеализма“ Шеллинга), тем более, что оно было мне наперёд довольно известно; но плохо понимаю цемент*, которым связаны различные части этого здания и теперь разбираю его понемногу».*

10.1834. (Станкевич читает Шеллинга ещё раз). «Теперь я гораздо более понимаю Шеллинга, нежели в первый раз, хотя и потею иногда».

11.1834. «Шеллинга кончил и отложил надолго, очень надолго».

03.1835. «С Клюшниковым мы читаем один раз в неделю Шеллинга… Надобно ещё изучить получше Шеллинга».

11.1835. «Не знаю, достанет ли у меня терпения и сил, а я займусь ею (философией). Скучны формы, в которых она заключена, но мы потерпим за будущее поколение (!) и может быть, с Божьей помощью, облегчим труд его».

11.1835. «Теперь мы с Клюшниковым принялись за Канта, мы с ним читали Шеллинга, и если не поняли вполне (с третьего раза!) хода его диалектики, то постигнули основные идеи».

12.1835. «…нет человека, который бы мог объяснить мне тёмное в Канте».

Что поражает в этом стремлении к западной философии? Не столько безуспешность, сколько противоестественность. С одной стороны, человек вроде бы всеми фибрами души стремится философскому знанию. С другой — само чтение философских трудов вызывает у него приступ тошноты.

Наверное, где-то в подсознании у русского есть варварское стремление к западной научности, рациональности. Причём, сама рациональность воспринимается им как нечто крайне иррациональное, умонеохватное, дающее тайное знание. В среде раскольников было поверие: кто прочтёт всю Библию и поймёт её до конца, тот сойдёт с ума. Станкевич как раз с таким чувством и читал Шеллинга, Канта и Гегеля. Об иррациональности русского рационализма хорошо сказал Лев Шестов, заметивший в «Апофеозе беспочвенности»:

«Даже эпоха шестидесятых годов, с её „трезвостью“, была

в сущности самой пьяной эпохой. У нас читали Дарвина и лягушек резали те люди, которые ждали Мессии, второго пришествия».

Высечено: «Мысль изречённая есть ложь». Как частный вариант этой истины можно сказать, что мысль, изречённая по-русски, иррациональна (4). Даже сама по себе рациональная мысль в устах русского приобретает иррациональную окраску. А это, из-за несоответствия формы и содержания, приводит к худшему виду иррационализма, к иррационализму вульгарному, плоскому, или, короче говоря, просто к глупости.

Но именно из-за принципиальной иррациональности нашей языковой культуры сциентизм и пустил такие глубокие корни на русской почве. Обращение к западной схеме мышления — это результат смутного осознания ирреальности нашего словесного мира, его вторичности. Русский позитивизм — это вульгарная попытка окончательной «филологизации» национальной сущности, уничтожения её тайны за счёт словесного выражения.

Поэт назвал Германию вечным укором России. Мраморные глыбы Гегеля и Канта — это вечный укор русским мыслителям. Не верьте русскому, который признается вам в своей любви к серым и черным томам «Философского Наследия». На самом деле он их или вообще не читал, или читал со скрежетом зубовным. Русские по своей природе слабые мыслители, так как уже сам наш язык — язык глубоко «недоказательный». Слова путаются, мысли ветвятся и растекаются по древу. Хочется говорить кратко и ясно, «по-немецки». Но в результате получается одна «афористичность». Хочется «вырубать монументы», но перед скульптором не гранит и не мрамор, и даже не известняк, а дикий мёд, в котором беззвучно тонет резец. Мёд этот можно крошить сотами «афоризмов». И только.

Зеньковский писал в «Истории русской философии»:

«В литературной манере Бердяева есть некоторые трудности, — часто читателю трудно уловить, отчего данная фраза следует за предыдущей: порой кажется, что отдельные фразы можно было бы легко передвигать с места на место — настолько неясной остаётся связь из рядом стоящих фраз. Но в чём Бердяев становится блестящим — это в чеканке отдельных формул, в своеобразных бон мо, которые запоминаются навсегда».

С этим утверждением трудно не согласиться. Но с кого начал Бердяев изучать философию? С Паскаля? Ницше? Кьеркегора? Нет, всё с тех же неизбежных для русского Канта и Гегеля. *Прочувствовал* он их? Конечно, нет. Бердяев всегда хвастался, что

он пришёл в марксизм уже будучи основательно подготовленным в немецкой классической философии. Но уже сам факт перехода от Канта к Энгельсу показывает, что никакого Канта Николай Александрович всерьёз не читал.

В «Самопознании» он пишет:

«…я читал „Критику чистого разума“ Канта и „Философию духа“ Гегеля, когда мне было 14 лет… С чтением Гегеля связано смешное воспоминание. Я ухаживал в это время за одной моей кузиной. У неё была маленькая книжка в синем бархатном переплёте, куда ей записывали стихи. Я записал ей цитаты из „Философии духа“ Гегеля. Это значит, что мальчиком я был настоящий монстр».

По-моему же это значит, что Бердяев был самым что ни на есть обычным русским мальчиком, читающим кверху ногами Гегеля перед знакомой барышней. Это всё понятно, старо…

И всё-таки Бердяев был талантливый философ. Не гениальный, но талантливый. Его беда в том, что он постоянно пытался из отдельных афоризмов устроить себе «всамделишный» философский текст:

«Большим недостатком моим … было то, что, будучи писателем афористическим по своему складу, я не выдерживал последовательно этого стиля и смешивал со стилем не афористическим»

(«Самопознание»)

Остаётся добавить, что это не только большой недостаток Бердяева, но и большой недостаток всей русской философии.

«„Приглашение на казнь“ — это самый *русский* роман Владимира Набокова. Здесь сама лексика, сама фактура языка кристально русская, даже нарочито русская. Округлые фразы мучителей Цинцинната пестрят русскими завитушками: „сударь мой“, „милостивый государь“, „батенька“, „голубчик“ и т. д. А вокруг хоровод русских масок: „Марфинька“, „Родион“, Родриг Иванович». Мир «Приглашения», мир призрачного, кривого и чёрного будущего вдруг оказывается до боли родным, узнаваемым, плотным. Странно, что наиболее абстрактное и интеллектуализированное произведение Набокова оборачивается такой сусальной и сдобной родимостью. В сугубо зримых и конкретных «Камере-обскуре» и «Лолите» нет русскости (это русское, но без русскости). Здесь же Набоков пронзительно национален.

Двусмысленность «Приглашения на казнь», его обманчивая мнимость, марево, — это именно мнимость и марево самой русской лексики, русской души и русского мира. Конечно, набоковская фантасмагория есть отражение фантасмагории сталинизма.

Но отражение не буквальное, а при помощи сложной системы зеркал, собирающих мельтешение отдельных «событий» в узорчатый мираж набоковской прозы. Язык персонажей «Приглашения» — это язык, где смещены сами понятия добра и зла (5). Они не искажены, не скрыты и завуалированы более поздними пластами, а именно смещены как фундаментальные категории духовного мира. Коммунизм — это и есть такое смещение, сдвиг элементарных понятий. Вся русская история с 1917 по 1937 год есть развёртывание и реализация этого смещения. Общество, отказавшись от понятия добра как такового, вынесло себе тем самым смертный приговор. Но внешне, в словесной форме это все ещё выглядело легковесно, умозрительно. Однако, оказалось, что язык — это и есть основа мира. Его искажение породило уродливые мысли, а уродливые мысли — кровавые поступки. Набоков показал нам не поступки-события, и даже не больную мысль, а суть — мёртвый язык. Язык, вырезающий ножницами лжи картонную реальность.

«Пятаков писал: „Не хватает слов, чтобы полностью выразить своё негодование и омерзение. Это люди, потерявшие последние черты человеческого облика. Их надо уничтожать, уничтожать как падаль, заражающую чистый, бодрый воздух Советской страны, падаль опасную, могущую причинить смерть нашим вождям и уже причинившую смерть одному из самых лучших людей нашей страны — такому чудесному товарищу и руководителю как Сергей Миронович Киров“. Навзрыд плачет Пятаков над трупом убитого им Кирова. Рыдает… „Многие из нас, и я в том числе, своим ротозейством, благодушием, невнимательным отношением к окружающим, сами того не замечая, облегчали этим бандитам делать своё чёрное дело“. Удивительный трюк! Бдительности мало было у Пятакова! (Движение в зале.) Вот в чем, оказывается, виноват Пятаков… Пятаков писал: „Хорошо, что органы НКВД разоблачили эту банду“. Правда, хорошо (6). Спасибо органам НКВД, что они наконец *разоблачили эту банду! „Хорошо, что её можно уничтожить“. Правда, подсудимый Пятаков, хорошо, что можно, не только можно, а нужно уничтожить».*

(Из обвинительной речи Вышинского на процессе «Антисоветского троцкистского центра»)

Ни один другой язык мира не смог бы дойти до такого уровня самораспада. Другие языки могли бы изменить своё содержание, но не свою сущность. В них бы не произошло такого скольжения, такого «дрейфа понятий» как в русском языке XX века. В фашистской Германии слово гуманизм было дискредитировано и вычеркнуто из лексикона, у нас же оно год от года упоми-

налось всё чаще и чаще, приобретая при этом все более зловещий оттенок и превратившись наконец в «гуманизм Сталинской Конституции». Как это по-русски! Гуманизм в виде раздачи печатных пряников на чуть присыпанных могилах. Смех, шутки, истерические здравицы, клоуны на ходулях… и красные пятна, проступающие сквозь песок.

Набоковская антиутопия — это мир, утопающий в русском благодушии. Цинцинната убивают не из злобы, а из-за доброты, гуманизма. О нём заботятся, развлекают его перед казнью, обижаются, что он «плохо реагирует» на своих мучителей и даже не хочет дружить со своим палачом. Зачем же, нешто мы нехристи какие?! Всё должно быть хорошо, гуманно. Как сказал подсудимый Радек,

«…советское правосудие не есть мясорубка… Если здесь ставился вопрос, мучили ли нас во время следствия, то я должен сказать, что не меня мучили, а я мучил следователей, заставляя их делать ненужную работу».

(Процесс троцкистского центра)

«Да-с, — продолжал надзиратель, потряхивая ключами, — вы должны быть покладистее, сударик. А то всё гордость, гнев, глум. Я им вечор слив этих, значит, нёс — так что же вы думаете? — не изволили кушать, погнушались. Да-с… Очинна жалко стало мне их, — вхожу — гляжу, — на столе-стуле стоят, к решётке рученьки- ноженьки тянут, ровно мартышка кволая. А небо-то синехонько, касаточки летают, опять же облачка, — благодать, радость! Сымаю их это, как дите малое, со стола-то, — а сам реву — вот истинное слово — реву… Очинна, значит, меня эта жалость разобрала».

«Советское правосудие не есть мясорубка». И изгибается и извивается гнусный русский язык. Нации с таким языком нужно было молчать.

И она молчала 700 лет. 700 лет в России пели, плакали и молились, но не говорили. И вдруг прорвало…

Руси это явно было не нужно. Не случайно же забыли, потеряли, «скача славию по мыслену древу», «Слово о полку Игореве». «Не интересно». Русская допетровская культура явно бессловна, нема. Насильственное введение Петром I письменной речи одновременно послужило и началом деструкции языка. Набоков писал, что «от толчка, данного Добролюбовым, литература покатилась по наклонной плоскости с тем неизбежным окончанием, когда, докатившись до нуля, она берётся в кавычки: студент привёз „литературу“».

На самом деле добролюбовщина — это лишь частное и локальное проявление более широкого процесса. Вместо «Добролюбов» следует поставить «Пётр I».

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово — это Бог.

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мёртвые слова

И всё же есть нечто важнее и сильнее языка. Заговорившаяся изолгавшаяся Россия исчезла, истлела. Вроде бы всё погибло. Но нет! Сейчас в России молчат. Молчание — это жизнь. Если есть молчание, значит кто-то молчит, значит есть, кому молчать, есть, о чём молчать. Слова девальвировались и уже давно ничего не значат. Это даже не мёртвый язык, отравляющий всё вокруг трупным ядом, а язык ушедший, выветрившийся, пустой, не язык, а артикуляция, словоговорение. Так кончилась петровская Русь, Русь словесная, литературная. «Молчание — золото».

***

«Молчание — золото» — самая литературная пословица. Из этой пословицы возникла русская литература. Люди, так ценящие молчание, должны были *слышать слово*. Набоков писал, что ни один другой народ мира не был так в известный момент захвачен словом, особенно печатным, письменным, как русские. «Что написано пером, то не вырубишь топором». Розанов сказал, что в Англии хороши чемоданы, а у нас пословицы. Из Руси молчаливой возникла великая русская литература (7). Писаревы же и Чернышевские — из пьяной болтовни. В простой, ситцевой Руси громко говорили только юродивые, наёмные горлодёры и пьяницы. Эти болтуны и создали литературную среду, литературную массу.

«Русь молчалива и застенчива, и говорить почти не умеет: на этом просторе и разгулялся русский болтун».

(«Опавшие листья»)

Историк, исходящий из анализа русской литературной среды, никогда не поймёт феномена Достоевского (8). Совершенно непонятно, как в этой варварской атмосфере могли появиться «Братья Карамазовы» или «Преступление и наказание». Этого

просто не могло быть, как не могло быть в Болгарии, Румынии, или славянской Австро-Венгрии. «Та же Европа, но второй свежести». Ясно, что Достоевский был сформирован не окружающей средой, а рос изнутри, из себя, а следовательно, из глубинных, despite дословесных корней русской цивилизации. Русь словесная сказалась в Достоевском вовсе не за счёт своей блестящей самодостаточности. Таковой не было. Был варварский и гениальный язык, язык «в себе», язык «через сто лет», и на этом языке тогда было сказано нечто несообразно великое, невозможно великое. Значит, истоки Достоевского следует искать не в петровских циркулярах и рескриптах, и даже не в речениях Аввакума, а неизмеримо глубже.

Русь поющая, Русь украшенная (иконопись, храмы), Русь молящаяся, Русь молчаливая — вот из чего вышел Достоевский. Вот что создало возможность для прорыва русской литературы.

Но верно и другое. Русь поющая тоже неистинная, тоже непонятная в контексте анализа собственно этого уровня. Русская иконопись и русское песнопение также не могли появиться, как не могли появиться иконопись и песнопение болгарские, сербские, новогреческие. Это невозможно. Этого не может быть. Но в России это было. Значит, есть более глубокий, более сильный уровень русского духа. А именно, — это «пустота» русской души.

Русский человек несчастен, он изначально обладает самому ему неясным и непонятным опытом духовного томления, тоски, ужаса и замирания перед бессмысленной реальностью. И эта изначальная талантливость русского духа и нашла своё воплощение в русской культуре, культуре собственно не русской, но просветлённой русским духом. Сама по себе русская душа молчалива, бессловесна и бесформенна. Это абсолютная пустота. Молчание, зияние. И *сама по себе* Россия бесплодна. «Не надо мира сего». Но эта же пустота порождает страшную восприимчивость и способность к удивительному и неправдоподобному просветлению воспринимаемого материала. Мрачная византийская культура нашла своё просветление в русской церковной музыке, в Покрове на Нерли и в иконах Рублёва.

Просветлённость означала и неизбежность кризиса, так как самостоятельно отказаться от некой заданной и уже законченной формы русский дух никогда не мог. Кризис допетровской Руси привёл к смене ориентации. Русские усвоили западную культуру, но усвоили в меру своего разумения. Наивно полагать, что при Петре произошёл контакт с европейской культурой. На самом деле произошёл контакт с русским пониманием

Европы: Россия прорубила окно не в Европу, а в ту часть своего мира, которая физически соприкасалась с Европой. Это должно было привести к катастрофе, так как Европа Петра I так же походила не Европу, как Россия башкира походила на подлинную Русь, Русь за монастырской оградой. И вот эта башкирская Европа, Европа глупейшего вольтерьянства и бесплоднейшего сциентизма была принята и немыслимо просветлена. Просветлена в Пушкине, Гоголе, Достоевском. Но уже сам процесс просветления таил в себе новый кризис, а именно кризис социалистический. Русь поющую и Русь говорящую сменила третья Русь — Русь орущая (25). Пустота русского духа оказалась удобной почвой для осуществления социалистической идеи.

Розанов писал:

«Египтяне учили, что есть „цикл времён“, круговорот приблизительно в 15000 лет — цикл Феникса, по окончании которого мир сгорает, весь и без остатка, а затем возрождается вновь. За 15 тысяч лет идеи, какого бы совершенства бы они не были, изнашиваются без остатка. Мир должен слинять. Всё старое — прочь! Все попытки удержать старое — только задерживают „пожар Феникса“. Мне думается, мы в таком фазисе. Уже не за один век — поразительно как безуспешны все „возрождающие попытки“, как и все и всяческие „консервативные направления“. Одно верно, одно могуче идёт вперёд: какой-то всемирный грохот разрушения, отрицания… Действительно, человек линяет, абсолютно линяет. Но из под облезающих с него красок, спадающих перьев показывается не ожидаемый троглодит, дикарь, но — первый Адам, опять без греха, с ангельским лицом.

— Мы добры.

— Мы любим друг друга.

— Да, в мире есть какая-то тайна, но мы её не знаем.

— Нам нужно изготовить к полудню обед, и вот мы собираем дрова.

И только. Нет больше ничего. Сгорели в пожаре Феникса отечество, религия, быт, социальные связи, сословия, философия, поэзия. Человек наг опять. Но чего мы не можем оспорить, что бессильны оспорить все стороны, это — что он добр, благ, прекрасен. Будем же смотреть на него не вовсе без надежды, по крайней мере — без вражды — и будем надеяться, что когда всемирный пожар кончится и старый Феникс окончательно догорит — из пепла его вылетит новый Феникс».

(1901)

Россия стала первой страной мира, соскользнувшей в огонь социализма. Социализм — это идея конца мира, идея окончания

идей, их уничтожения. Забвения. Демокрит сказал: «Ничего не существует, кроме атомов и пустого пространства; всё прочее есть мнение». «Мнение», то есть мираж, мнимость, фата-моргана. Таким образом, материализм — это философская система, которая отрицает философию как таковую. «Никакой философии нет, а есть пустота и атомы». В этом притягательная двойственность материализма. С одной стороны он неизбежен для любого начинающего мыслителя, так как является наиболее элементарной и понятной формой философии; с другой, материализм — саморазрушающаяся система: либо философии нет и тогда нет внутреннего оправдания для материализма, либо материализм есть и тогда неверно, что существует только пустота и атомы. Эта саморазрушаемость гнездится в социализме, то есть в социальном материализме. Социалистический переворот есть, прежде всего, уничтожение духовных сил общества, гибель идей (вместе с людьми, их носителями). Но одновременно это означает и гибель социализма, поскольку он является социальной идеей. Социализм пожирает социалистов. Что же остаётся в результате? Материализм учит, что должны остаться бессмысленные муравьи-атомы, живущие не иллюзорной (духовной и душевной), а настоящей, материальной (физиологической) жизнью. Но когда такое общество было построено, то оказалось, что люди, позабыв сами основания этого мира, остаются все же людьми, а не превращаются в насекомых. И следовательно, снова появляется культура, появляется духовная жизнь. Русские доказали, что человек всегда остаётся человеком. Или он остаётся человеком, или, в конце концов, погибает. «Сгорели в пожаре Феникса отечество, религия, быт, социальные связи, сословия, философия, поэзия». А русские остались. Они живут, они любят друг друга, они мучаются *человеческими проблемами*: «Да, в мире есть какая-то тайна, но мы её не знаем.»; «нам нужно изготовить к полудню обед, и вот мы собираем дрова».

Если первая русская идея, идея христианства, была принята легко и свободно, так как отвечала самой сущности русской души, если вторая идея была принята с мучительными сомнениями, но и не без внутреннего согласия, то третья идея, идея социализма, была принята «от противного», как антитезис и аннигилирующий синтез «Руси молчаливой» и «Руси говорящей». И идея эта была настолько тяжела и темна, что казалось, Россия погибла. Но русские выжили. И уже одно то, что они выжили, свидетельствует о немыслимом просветлении социализма. Может быть, ни один народ мира не вынес бы такого страшного и всепоглощающего пожара. Русские вынесли. Более того, они

остались русскими, они сохранили Росси. «Будем же смотреть на него не вовсе без надежды, по крайней мере — без вражды».

Почему социализм так органично вплёлся в нить русской истории? Мне кажется, социализм одной своей стороной очень близок русскому человеку. Он близок ему своей иллюзорностью, убийственной мнимостью, своим стремлением к мировому забвению. Забвение — это основная черта русских, так как вытекает из их внутренней «пустоты». Это то, что они забывают, — для них неистинно, внешне. Россия постоянно линяет, меняется. Конфликта между отцами и детьми нет, так как поколения не встречаются, они живут в разных измерениях. Нельзя сказать, что сейчас распалась связь времён, русские времена никогда и не были связаны. И именно из-за такой «рассыпанности» Россия монолитна. В России никогда ничего не происходит, потому что не успевает развиться, забывается, сметается и как-то само собой пропадает. И именно когда связь между отдельными событиями все-таки появляется, все рушится. Розанов писал, что русская история в некоторых частях испорчена, — и именно в тех, где она суетилась. Но где она «лежала» — всегда выходило хорошо и успешно («Идея мессианства», «Новое время», 13.07.1916). Ничего не надо.

«Много есть прекрасного в России. 17-е октября, конституция… Но лучше всего в чистый понедельник забирать соленья у Зайцева (угол Садовой и Невского). Рыжики, грузди, какие-то вроде яблочков, брусника — разложена в тарелках (для пробы). И испанские громадные луковицы. И образцы капусты. И нити белых грибов на косяке двери. И над дверью большой образ Спаса, с горящею лампадой. Полное православие».

(«Опавшие листья»)

Розанов говорил, что общество в России бессодержательно, а каждый русский в отдельности — содержателен. Поэтому, думается мне, когда у русских начинается история, реформы, революции, короче «прогресс», то «бессодержательная», то есть внешняя, наносная культура наваливается всей глыбой на русскую индивидуальность и давит её под собой, а когда «событий нет» русской душеньке хорошо и не надо ничего. «Ничего не надо» — это внутренний пафос русской цивилизации, её тоска, томление — как о счастье несбыточном.

Сила русского забвения так велика, что мы забыли и само забвение, забыли социализм, который, всеми брошенный, как-то тихо и незаметно кончается. Это типично русский конец идеи. Монголо-татарское иго тоже просто забыли. Россия стала жить своей внутренней жизнью и забыла про своих несчастных пора-

ботителей. В России все делается тихо (71). И кончается все тихо, «стоянием на Угре», а вовсе не «Куликовской битвой».

От «забвения» и свинство русских. Русские не помнят зла, но не помнят и добра. По этому поводу Розанов однажды грустно заметил:

«И денег суёшь, и просишь, и все-таки русская свинья сделает тебе свинство».

Это внешняя сторона забывчивости. Внутренняя сторона — способность к воспоминанию. Вот отрывок из статьи Розанова о Пушкине:

«…Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты.
И я забыл *твой голос нежный*
Твои небесные черты.

И всё так же забывал Пушкин, и на этом забывании основывалась его сила; то есть, сила к новому и столь же правдивому восхищению перед совершенно противоположным! Дар вечно нового в поэзии, необозримое в поэзии многобожие, *многообожение как последствие свободы ума от заповеди монотеистической и немного монотонной, по крайней мере, в поэзии монотонной: „Аз есмь Бог твой… и не будут тебе* инии *бози…“ Ведь* забывать *— это и для каждого из нас есть условие вновь* узнавать*: и мы даже не научились бы ничему, если бы в секунду научения каким-то волшебством не забывали совершенно всего, кроме этого единичного, что в данную секунду познаем…»*

Говоря о Пушкине, Розанов сказал о России. Нам дана сила забвения, но дана и сила памяти, точнее, воспоминания, воспоминания, как озарения, вспышки. Русские вспомнили «Слово о полку Игореве», вспомнили Русь церковную и, может быть, вспомнят даже Василия Розанова… А социализм «пройдёт». «Социализм пройдёт, как дисгармония. Всякая дисгармония пройдёт. А социализм — буря, дождь, ветер…

Взойдёт солнышко и осушит все. И будут говорить, как о высохшей росе:

„Неужели он (социализм) был*?“ „И барабанил в окна град: братство, равенство, свобода?“*

— О, да! И ещё скольких этот гад побил!

— Удивительно. Странное явление. Не верится. Где бы об истории его прочитать?»

(«Опавшие листья»)

***

Внутренний опыт русского сознания аналогичен внешнему опыту экзистенциальной философии. Западное мышление «охватило» чисто русское состояние «пустоты» и… испугалось. Русские же с этим тысячу лет жили. Такая нация, нация с социалистической (нигилистской) пустыней в душе, обречена была на смерть. Но русские живут.

Глубоко логично, что Россия была *пра*родиной экзистенциализма. Но так же глубоко логично, что Россия никогда не была его *родиной*. Экзистенциальная философия зародилась где-то на стыке русского и еврейского мышления. Экзистенциалистом был полуфранцуз Бердяев. Махровым экзистенциалистом был еврей Шестов (даже до революции живший большей частью в Швейцарии). Но назвать экзистенциалистом самого русского философа — Розанова — как-то рука не поднимается. Хотя, казалось бы, есть сходство и в тематике, и в литературной форме мышления.

Экзистенциализм — это неприязнь и отстранение от мира реальности (90). Мира без Бога, мира, погрязшего в ничтожности, мерцающего болотными огоньками социальных утопий. Отсюда сартровская «тошнота» или, по-русски, «мордоворот». «Глаза бы мои не глядели», — вот пафос экзистенциализма. Розанов же до чавкания любил материю. Он мысли сравнивал с капустой: «В мыслях — ошибки. И отлично. Капустка всё-таки растёт «с ошибками и без ошибок». Вообще Василий Васильевич где-то сказал, что свечка ему милее Бога. Бог — это где-то там, вообще, а свечечка вот она, зажёг её и она ожила. Это «видно», в это можно верить (92). После 17-го, когда начался голод, он мечтал о творожке, сметанке. Но больше всего ему хотелось молока и чтобы самому его высасывать из коровьего вымени своим выпученным красногубым ртом. (По-моему, только Розанову могла прийти в голову такая мысль.)

Характерно, что Розанов часто смотрел на Восток, но удивительным образом находил там диаметрально противоположное экзистенциальным мыслителям. Последние искали там архаичный нигилизм. Розанов же — архаичный быт-бытие. Хайдеггер и Сартр прямо-таки упиваются буддизмом, Розанов же его ненавидел («Будда мне удивительно противен»).

Экзистенциализм по своей сути труслив. Это видно уже по его заклиненности на проблеме «выбора», «героического поступка» и т. д. Русская культура гораздо сильнее (физически, биологически) культуры западной. Возможно, это просто результат тысячелетней адаптации к экзистенциальному опыту. Розанов был очень сильным человеком. Как-то, став «фертом», он сказал

с хитрой улыбочкой:

«Когда меня похоронят, непременно в земле скомкаю саван и колено выставлю вперёд. Скажут: — „Иди на страшный суд“. Я скажу: — „Не пойду“. — „Страшно?“ — „Ничего не страшно, а просто не хочу идти. Я хочу курить. Дайте адского уголька зажечь папироску“».

Это, конечно, не просто ёрничанье. И даже не смех сквозь слезы. Это, скорее, монолог персонажа Достоевского. Розанов вообще был с «достоевщинкой». Для него характерно соединение дьявольского ума с ангельской наивностью. Он очень ироничен и одновременно страшно искренен.

Розанов — это Акакий Акакиевич Башмачкин, шьющий себе шинель-мечту. Он писал, что литература, журналистика, это для него домашний халат. Но одновременно с литературой-халатом у него была литература-мечта, литература-шинель. Точно также как для бедного Акакия Акакиевича шинель превращалась во Вселенную с пуговицами галактик и Млечным путём кошачьего воротника, точно также для Розанова его внутренний мир, его боль и слезы превращались в статьи и книги, выплёвываемые «свинцовым языком Гутенберга».

У Репина есть картина «Арест пропагандиста», сама по себе слабая, а в контексте последующего развития русской и советской живописи просто пародийная. И там есть фрагмент удивительно пошлый и одновременно неожиданно «прозрачный» (то есть, через его символизацию можно почувствовать внутреннюю пошлость той эпохи и пошлость самого Репина). Я имею в виду фигуру молодого чиновника, склонившегося над изъятыми прокламациями. И не то чтобы согнувшегося, а как-то подобострастно и деликатно вывернутого и опирающегося двумя вертикально поставленными пальцами о спинку стула. Глядя на эти пальцы, видишь, что арест «пропагандиста», привёзшего «литературу», это «звёздный час» чиновника (и, добавим, художника). Видно, что человек этим живёт, сладострастно упивается. Розанов шил свою шинель именно «с двумя пальцами», «со смаком»… Но, придя домой с очередной примерки, устало садился на потёртый диван и плакал, плакал, как ребёнок. И со стёршегося как пятак лица Акакия Акакиевича смотрели бездонной грустью глаза Сократа.

Шестов писал:

«Как тяжело читать рассказы Платона о предсмертных беседах Сократа! Его дни, часы уже сочтены, а он говорит, говорит, говорит… По крайней мере, в последние минуты жизни можно

не лицемерить, не учить, а помолчать: приготовиться к страшному, а может быть, и к великому событию. Паскаль, как передаёт его сестра, тоже много говорил перед смертью, а Мюссе плакал, как ребёнок. Может быть, Сократ и Паскаль оттого так много говорили, что боялись разрыдаться?»

Розанов — это философ, нашедший в себе силы жить, и жить полнокровной жизнью, зная, что жизни нет. И ничего нет. Для Розанова предсмертный опыт был постоянной, сиюминутной данностью. И он никогда не загораживался от этого опыта словесной ширмой. Но при этом все же никогда не был нигилистом. Ничего нет? Ну и что? Надо жить, надо «собирать дрова, чтобы приготовить обед». Это сила русской души.

«Будда, чтобы избежать „смерти“ … изобрёл „не жил“, „не живите“ (заповедь), „ничего нет“ (нирвана). Он победил смерть… да! Но какой ценой? Погасив жизнь… Будда возвращает мир к „до сотворения мира“, и „нирвана“ его, в сущности, совпадает с тем „хаосом“, где „не было ничего видно“ — но откуда всё *возникло. Это* всё *„до сотворения* всего*“, именуемое „буддизмом“ — очень глубокомысленно, очень головоломно: но не возмещает ни одной прелестной улыбки, с которою поутру девушка выходит в сад и, нарвав свежих роз, возвращается в свою комнату и, поставив их в стакан с водою, на них любуется. Правда, розы увянут, и стакан разобьётся, и девушка умрёт; но отчего же однако, я буду сосредоточиваться мыслию „через 30 лет“, и — тоже „утром“, и — тоже „час“, когда девушка будет умирать, а стакан будет разбиваться, чем вот на этом* теперь *стакане, и розах, и девушке».*

(«Литературные изгнанники»)

Философ — это астролог. Часто звезды смеются над ним. Иногда смех этот «как звон серебряных бубенцов» (Экзюпери), чаще же смех злобен, циничен. Он принижает человека, оплетает его мозг сухой паутиной бреда. От этого смеха не скроешься, не убежишь. Ведь над головой философа всегда звезды, даже днём. Дневные звезды можно увидеть только из глубокого колодца — из колодца своего одиночества. Философы, как правило, одинокие и несчастные люди. И даже, более того, они люди плохие: сухие, эгоистичные и безжалостные (141). Их безжалостность — в постоянном стремлении к «уморасширению», к сближению с другими людьми путём перевода в реальность внутреннего философского опыта. Мечта философа — показать звезды другим. И для этого они спихивают окружающих в колодец своего «я». Этим любил заниматься Шестов. Розанов этого никогда

не делал, хотя его колодец был гораздо глубже и страшнее. А может, просто его колодец был бездонным как вечность, и падающие туда люди никогда не ударялись о твёрдое и плоское дно окончательных ответов. Отсюда, видимо, и странное чувство невесомости, лёгкости у смотрящих на розановское небо.

О своём товарище по гимназии Розанов сказал однажды: «Лицо грубое, злое, а душа нежная, как у девушки». Мне кажется, это символ розановщины. Ум — её лицо, душа — внутренний опыт. Ум сам по себе жёсткий, грубый, даже коварный. И когда Розанов действовал умом, все получалось хорошо. А когда раскрывал душу, то её хрупкость и нежность приводила к одним неприятностям. Розанов мудр, как улитка (символ мудрости на Востоке). Но улитка эта все время хотела ползать без раковины-ума. Так легче.

Ум для Розанова всегда начало вторичное, подчинённое. «Что мысли. Мысли бывают разные». Интуитивно Василий Васильевич очень хорошо понимал всю невозможность русского интеллектуализма. «Мыслю — следовательно, существую», — сказал Декарт. Русский мог бы сказать: «Мыслю — следовательно, *не* существую» (142). Мышление как форма существования русскому духу не свойственна. Любая попытка построения рационалистического и конструктивного мировоззрения неизбежно приводит русского человека к разрыву со своим внутренним опытом и, следовательно, обрекает на распад личности и потерю национальной сущности. В то же время высокий уровень внутренней духовной жизни требовал какого-то выхода в реальность. И в том числе выхода в форме интеллектуальной. Сам по себе разум был нужен русской культуре, но разум, играющий не конструктивную, а инструментальную роль:

«Ум, положим, — мещанишко, а без „третьего элемента“ всё-таки не проживёшь… Самое презрение к уму (мистики), то есть к мещанину, имеет что-то на самом конце своём — *мещанское. „Я такой барин“ или „пророк“, что „не подаю руки этой чуйке“… Настоящее* господство над умом *должно быть совершенно глубоким, совершенно в себе запрятанным; это должно быть субъективной тайной».*

(«Опавшие листья»)

И Розанов прекрасно владел умом, то есть господствовал над ним и использовал его. Но при этом никогда не поглощался без остатка, не бывал втянут в разъедающую русскую душу игру философскими понятиями.

«Конечно, я ценил ум (без него скучно); но ни на какую степень

его не любовался. *С умом интересно; это само собой. Но почему-то не привлекает и не восхищает».*

(Там же)

Это, конечно, не германский дух, любующийся и упивающийся *умом.*

Такое инструменталистское отношение к рацио позволяло Розанову быть философом и одновременно оставаться в рамках русской культуры. Центральное зияние розановского мира находило своё выражение в сочных и ярких, максимально материальных, «библейских» мыслях. Страшный потусторонний нигилизм его души («в душе у меня всегда стоял монастырь») оборачивался в реальности апофеозом бытия, почвы. Причём, это не приводило к распаду личности, так как всегда было скреплено каркасом интеллекта. В сложной диалектике философии Розанова есть железная логика, то есть, это именно *диалектика,* а не саморазрушающийся эклектизм. Большинство других русских философов, начиная с Владимира Соловьёва, такой цельностью не обладали. Поскольку они были русскими, они не были философами, а поскольку они были философами, они не были русскими. Это приводило к деструкции их личности и творчества. Это явление хорошо выявил Розанов, сказав о Соловьёве:

«Загадочна и глубока *его тоска: то,* о чём он молчал. *А слова,* написанное — *всё самая обыкновенная журналистика».*

Иными словами, Соловьёв загубил философией несомненный талант своей души и тем самым разрушил свою личность. Его философия порвала связь с душой и стала существовать самостоятельно. И чем более она «существовала», тем менее существовал сам Соловьёв (156). Печальная судьба!

Впрочем, к одному отечественному философу — Шестову — эта мысль совершенно неприложима. Шестов был так же целен, как и Розанов. Но внутренняя структура его философии совершенно противоположна. Если Розанов — это Новый Завет, философически трансформируемый в завет Ветхий, то Шестов — это ветхозаветное бытие в центре, манифестирующее в виде пустых новозаветных форм. По форме Шестов христианский философ, по сути — иудаист. Это «Розанов наоборот». Внутренний мир Льва Шестова — это плотный осязаемый еврейский быт, но быт, «эманирующий» в реальность в виде талмудической экзегетики. Ещё полнее, но уже в гротескной форме, этот процесс виден в феноменологии Эдмунда Гуссерля, врага и друга Шестова. Все различие между Шестовым и Гуссерлем в тональности их философии — русской и немецкой. Гуссерль существовал в филосо-

фии, а Шестов осуществлялся через неё. В этом отношении он был русским философом. Но «сущность» этого осуществления не была русской. Шестов не обладал внутренним опытом нигилизма, а лишь выражал его. То есть был экзистенциальным философом. Такими же экзистенциальными философами были Бердяев, Мережковский, Вяч. Иванов. Вообще экзистенциальность была разлита в русском декадансе. Но русские декаденты испугались, не заглянув в себя, а выглянув в мир. Возможно, их нигилизм был даже глубже западного, но на фоне уже самой по себе декадентской русской души (то есть их же души) он выглядел надуманным, пустым, фальшивым. Русскому экзистенциализму не хватало искренности, западный же экзистенциализм был вполне искренен. Вот почему так ценна философия Шестова. Она русскоязычная, но не русская, и поэтому искренняя. Внешний нигилизм Шестова не обесцвечивается внутренним нигилизмом русской души. Её у Шестова не было.

Розанов и Шестов гармоничны. Но гармония Шестова — европейская, Розанова же — русская. И для того и для другого характерна афористическая манера письма. Но афористичность Шестова — внешняя. В сущности, это страшный однодум и монотеист. Всю жизнь он писал одну книгу и разрабатывал одну мысль. Как сказано у Зеньковского:

«…после торжественных „похорон“ рационализма в одной книге, он снова возвращается в следующей книге к критике рационализма, как бы ожившего за это время. Но всё это объясняется тем, что разрушив в себе *один „слой“ рационалистических положений, Шестов натыкается в себе же на новый, более глубокий слой того же рационализма. Тема исследований углубляется и становится от этого значительнее и труднее. Творчество Шестова все время связано поэтому с внутренней жизнью его самого, касается заветных и дорогих ему тем…»*

Европейский мир Шестова по своей сути был рационалистичен, и он всю жизнь тщился трансформировать его в иррациональные формы. Блестящим орудием для этого был русский язык, язык, как мы знаем, глубоко иррационализирующий мышление. В *процессе* подобной трансформации Шестов был русским, и процесс этот не разрушал, а консолидировал его личность, так как осуществлялся в удивительно своеобразной филологической среде.

Оканчиваю оборванную фразу Зеньковского:

«…отсюда его близость к упражнениям экзистенциалистов с их непобедимым субъективизмом. Сам же Шестов никогда

не грешит субъективизмом — и сходство его с экзистенциалистами чисто внешнее».

Зеньковский здесь *интуитивно* говорит о перемещённости мирочувствования Шестова в despite словесный мир и, соответственно, об объективизации его философского мышления.В этом смысле он, конечно, отличается от экзистенциалистов. Но это отличие в данном случае формально, так как Шестов — чисто западный философ по схеме своего мышления. Афористичность изложения у него, как и у Паскаля или Ницше, есть полифоничность формы мышления при монофоничности его содержания. Не то у Розанова. Розанов полифоничен не только по форме, но и *по содержанию*. И это у него поистине неслыханный и невиданный способ философствования. Условно его можно назвать «философской девальвацией».

Впервые «девальвация», то есть русская схема мышления, была продемонстрирована Достоевским. С точки зрения филолога об этом хорошо сказал Михаил Бахтин. Он писал:

«„Человек из подполья“ не только растворяет в себе все возможные твёрдые черты своего облика, делая их предметом рефлексии, но у него уже и нет этих черт, нет твёрдых определений (165), о нём нечего сказать, он фигурирует не как человек жизни, а как субъект сознания и мечты. И для автора он является не носителем качеств и свойств, которые были бы нейтральны в его самосознании и могли бы завершить его; нет, видение автора направлено именно на его самосознание и на безысходную незавершённость, дурную бесконечность этого самосознания… О герое „Записок из подполья“ нам буквально нечего сказать, чего он не знал бы сам: его типичность для своего времени и для своего социального круга, трезвое психологическое или даже психопатологическое определение его внутреннего облика, характерологическая категория его сознания, его комизм и его трагизм, все возможные моральные определения его личности и т. п. — всё это он по замыслу Достоевского, отлично знает сам и мучительно рассасывает все эти определения изнутри. Точка зрения извне как бы заранее обессилена и лишена завершающего слова… Герой из подполья прислушивается к каждому чужому слову о себе, смотрится как бы во все зеркала чужих сознаний, знает все возможные преломления… все определения, как пристрастные, так и объективные, находятся у него в руках и не завершают его именно потому, что он сам сознает их; он может выйти за их пределы и сделать их неадекватными. Он знает, что последнее слово за ним».

(«Проблемы поэтики Достоевского»)

Известно, что Розанов буквально вырос из Достоевского (166). Он настолько увлёкся его творчеством и его личностью, что в 1880 году (то есть ещё при жизни Фёдора Михайловича) 24-летним молодым человеком женился на стареющей Аполлинарии Сусловой (что, конечно, было более, чем экстравагантно). Но более важно то, что литературную известность Розанову принесла работа «Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского», написанная в 1891 году. В этой работе Василий Васильевич открыл подлинного Достоевского, не «певца униженных и оскорблённых» и «второго после Тургенева великого романиста», а гениального философа, пророка и учителя. Может быть, он был первым человеком в России, до конца понявшим автора «Записок из подполья». Розанов понял Достоевского, так как понял, что перед ним не столько писатель, сколько философ. Достоевский — это философ, родившийся в стране, где ещё не было отечественной философии, но была отечественная словесность, литература. И Достоевский выразил свою философию в виде романов. В этом его трагедия, но в этом и его счастье. Счастье, так как в этом уникальном случае не произошло разрыва между внутренним духовным миром и словесной формой его выражения. Достоевский был свободен, и его философский талант развернулся на обширном лоне русской словесности. В Достоевском сказался, выразился русский тип мышления: судорожный, прерывистый, и одновременно тягучий, с бесконечными оговорками, спохватываниями.

Розанов весь пропитался, как губка, «достоевщиной». И не только её содержанием, но и её формой, схемой. Впоследствии, вплоть до «Уединённого», он совершенно не понимал, что с ним происходит, откуда такие скачки, лишённые всякой логики, откуда постоянное «ренегатство», ускользание от «окончательных определений». И лишь в поздних работах Розанов хотя и не понял, но интуитивно почувствовал, что в нем вне его воли и желания разворачивается какая-то программа, и что все его шатания и трансформации есть осуществление какого-то замысла. Это был замысел русской истории. Достоевский и Розанов — это, пожалуй, единственные свободные русские мыслители. И именно за счёт этой свободы их мышление было строго детерминировано национальной идеей. В них сказалась Русь. В Соловьёве и Бердяеве сказались они сами, то есть никому уже не нужные и не интересные журналисты.

Розанов сам говорил: «Во мне что-то есть от Акакия Акакиевича». Розанов — это Акакий Акакиевич, который прекрасно знает, что он Акакий Акакиевич, и более того, доказывает это нам, пр-

ичём в форме гораздо более интересной и оригинальной, чем наше собственное (окружающих) понимание этого образа. И тем самым разрушает его. Подлинное же его «я» остаётся для нас загадкой. Мы хотим понять Розанова, но попадаем в замкнутое искривлённое пространство его иронии и выскальзываем из него на другой уровень своего собственного сознания. А Розанов превращается для нас в «зияние», «чёрную дыру».

Но это не страшно, так как «розановское подполье» конструктивно. Оно истекает в быт тёплым и круглым миром. А когда его, этот мир пытаются разрушить с точки зрения Шопенгауэра, экзистенциализма и т. д., то Розанов спокойно говорит: «Я знаю» — и показывает, что действительно «ничего нет»: ни любви, ни дружбы, ни истины, вообще ничего. Полная пустыня, нигилизм. Он говорит, говорит, говорит… Но чем больше он говорит, чем чётче и яснее перед нами проступают весь ужас и боль мира, тем сильнее мы ощущаем альтернативность этой философии, возможность иных точек зрения. Мировоззренческий нигилизм превращается в тонкий сверхплотный луч — убийственный, но уже самим своим существованием предусматривающий возможность иных лучей, иных точек зрения. Внутренне понимаешь, что да: всё суета сует. И я «суета». Но жизнь «суеты» в «суете» уже не есть «суета». Это не суета, а жизнь. И поэтому не надо суетиться. Пускай я пустота, и меня нет. Но вокруг жизнь. И внешне, с точки зрения суеты, я живой, я человек. Чего же тут страшного? Я вижу звезды и знаю, что нет их, что «нарисованы». Но всё-таки нарисованы, всё-таки кто-то их нарисовал. И значит, они есть, звезды-то. Это совсем не страшно.

И снова постепенно мелодия розановской речи доводится до абсурда и превращается в идиотизм «музыкальной шкатулки». И снова, и снова, и снова все кружится в дурной бесконечности «Записок из подполья». Но карусель розановских шатаний имеет два выхода: выход в быт (вовне) и выход в тайну (внутрь). Там, на выходах, все прутья связаны в пучок. В быту и в сердцевине, «мечте», Розанов «несклоняем», однозначен. В первом случае однозначная ясность, во втором — единая тайна, загадка. Поэтому Розанов внутренне глубоко един (181). В нем слиты материя и душа, быт и мечта, связанные накрепко множеством жгутов мыслей, то есть «философией».

***

Внутренний пафос Розанова — в постоянных поисках правды как сиюминутного переживания, как мимолётного взгляда. Роза-

нову удалось сохранить чисто детскую непосредственность, и все его статьи и книги — это именно «впечатления», ценные своей яркостью и непосредственностью, а не истинностью или ложностью. Их истинность есть истинность переживания и поэтому только и объективная истинность. Розанов как-то постоянно промахивается, перегибает палку, но сами эти промахи удивительно точны (188), правдивы и искренни. Вплоть до своей трилогии (и после) он все время «перебарщивал». Все его произведения суть какое-то укрупнённое, почти физиологическое переживание определённого «события» с той или другой точки зрения. Именно «точки». До боли, до рези в глазах, узкой, но яркой и красивой.

В трилогии Розанов окончательно распался и одновременно окончательно слился. В мир его произведений, конечно, следует входить через ствол трилогии и лишь потом плутать по закоулкам отдельных статей. Видимо, в этом одна из причин долгого непонимания со стороны современников. В сущности, «Уединённое» всегда было в душе Розанова, но окружающим до поры до времени являлись только внешние разрозненные отростки системы. И так, «по газетам», конечно, было неимоверно трудно нащупать внутреннее единство розановщины и увидеть, как отдельные точки зрения превращаются в звёздное небо, в «глаза Божии». Между звёздами статей и книг было чёрное зияние времени и пространства. В трилогии же эти глаза-звёздочки слились в единое соцветие, в солнце, или в огромный фасетчатый глаз стрекозы, лениво, задним умом смотрящий в уходящую реальность. Именно тут Розанов нашёл внутреннюю гармонию, ту бесформенную форму, к которой он стремился всю жизнь.

Аполлон Григорьев сказал: «Пушкин это наше всё». Если Пушкин это русское все, то Розанов — нервная система этого мира. Его бесконечно ветвящаяся, лениво растекающаяся по древу мысль оплела густейшей сетью универсум России. Где-то на краю, в мельчайших веточках-капиллярах происходит загадочное перетекание Розанова в материю культуры. И нет уголка, куда бы ни проникла его мысль. Но при всем этом вчувствовании в культуру он не растворяется в ней, а остаётся неким, хотя и тёплым, но внешне чужеродным началом. С точки зрения самой словесной культуры видна только материя Розанова: розовые ниточки нервов. Изнутри же Розанова хорошо не видится, а утробно чувствуется русская жизнь. Россию чувствуешь, как своё тело (201).

Розанов говорил, что можно быть поистине образованным человеком и не учась в гимназии, но прочитав и *продумав* всего

Толстого и всего Достоевского. В наших условиях это, возможно, и единственный путь к подлинному образованию и воспитанию. А сам Розанов — лучший объект для подобного штудирования. Ведь «продумать» Розанова — это значит вжиться в Россию, приобрести утерянную сейчас сущность и восстановить связь времён (внутреннюю, то есть, связь между частями своего ещё не понятого «я»).

Розанов раздроблен, расщеплен на ветви. Но это расщепление помогает ему обнять рассыпавшийся пушкинский мир, найти гармонию своего бытия в этом мире. Мережковский сказал, что Пушкин был «прекрасной гармонией» или, может быть, лишь «прекрасной возможностью» этой гармонии, мелькнувшей на мгновение в его личности. Мне думается, что Пушкин и не мог не быть «возможностью». Своим существованием он придал возможность русскому словесному миру. До этого сказаться России было невозможно. И поэтому сам себя Пушкин не понимал и не мог понять. Гигантский мир — для себя он был точкой. Никаких рефлексий, раскола, частичности, а спокойное разворачивание этой точки во вселенную. Розанов же — это почувствовавший себя Пушкин (208), это мыслящая (чувствующая себя через нервы мыслей) вселенная русской литературы.

Творческая эволюция Розанова — факт уникальный для русского философа, — была очень проста и естественна. Это равномерно поднимающаяся прямая линия. Никаких провалов, никаких скачков: спокойное и уверенное повышение уровня. Постепенный (именно постепенный) отказ от потешного русского доказательства — «ди эрсте колонне марширт, ди цвайте колонне марширт» (Толстой-то смеялся на самом деле не над немцами, а над собой, над нашим пониманием немецкого духа и над нашим вульгарным подражанием этому духу), — и постепенный переход к глубокому и свободному русскому мышлению, мышлению-игре и мышлению-жизни. Розанов начал, так сказать, со старческого бубнения и присюсюкивания, с обстоятельного, хотя и не лишённого элементарного интереса, «размазывания манной каши по чистой скатерти». Но постепенно голос его мужал, но голос его молодел и креп, приобретал певучесть и интонационное разнообразие. Умер Розанов совсем юным, почти младенцем. И устами младенца- Розанова была сказана русская истина, истина по-русски.

«Ах, не холодеет, не холодеет ещё мир. Это только кажется. Горячность — сущность его, любовь есть сущность его. И смуглый цвет. И пышущие щеки. И перси мира. И тайны лона его. И маленький Розанов, где-то закутавшийся в этих персях. И веч-

но сосущий из них молоко. И люблю я этот сок мира, смуглый и благовонный, с чуть-чуть волосами вокруг. И держат мои ладони упругие груди, и далёким знанием знает Головизна мира обо мне и бережёт меня. И даёт мне молоко и в нём мудрость и огонь».

(Последние строчки «Опавших листьев»)

Можно ли считать Розанова центральной фигурой русской философии? Конечно можно. Пути для осуществления подобной интерпретации видны невооружённым глазом, лежат на поверхности. Если в нашей философии создан и эксплуатируется «миф Соловьёва», то точно также можно создать и «миф Розанова», даже в хронологическом отношении это не вызовет больших трудностей. По крайней мере, трудностей будет не больше, чем при выведении всей русской философии из философии автора «оправдания добра». Но, конечно, моей целью не является подобного рода мифотворчество. Да и сам Василий Васильевич с саркастической усмешечкой говорил о благословенной России 2212 года, где «какой-нибудь профессор Преображенский» в Самаркандской Духовной Академии напишет «О некоторых мыслях Розанова касательно Ветхого завета».

Не в том дело, был или не был Розанов отцом-основателем русской философии. Просто он единственный *русский* философ, давший русской мысли форму и определённое направление (по крайней мере, возможность для этого). Розанов создал *почву* для отечественной философии. Даже не шахту, а сам уголь.

Задача будущих исследователей состоит в «розанизации» русской философии, то есть в сохранении всего самобытного и оригинального в творчестве Мережковского, Булгакова, Флоренского, и скептическом «опускании» их русско-германских кунштюков («об этом знают, но не говорят»). А дальше туманно брезжит идея постепенной интеллектуализации розановской философии. Например, за счёт связи с Хайдеггером, особенно поздним. Мне кажется, это единственно плодотворный путь «втягивания» молчаливого русского сознания в мир европейского мышления. Важно только не строить иллюзий относительно творческого характера этого процесса. Разумеется, это неизбежная, но печальная и, может быть, ненужная деструкция. Розанов может лишь смягчить, умаслить эту трансформацию.

Вход в европейское мышление через Розанова наиболее органичен и безболезнен. Органичен и безболезнен, так как его книги создали прямой русский быт. Они кривы в самом основании, и их «системы» есть судорожная попытка поправить положение, найти безнадёжно утерянную естественность. В этом контексте

становится понятной постоянно неудачная «ирония» Соловьёва: его дурашливые стихи и длинный извивающийся язычок чертёнка посреди выспренних метафизических умозрений. Все это от смутного сознания неестественности, кривости самих исходных постулатов мышления.

Розанов же создал крепкий русский философский «быт», «обычай». Не было бы Розанова, и русская душа не сказалась бы так обнажённо и сочно: не в искусстве, заранее опосредованном и неясном, не в литературе, тоже откровенной лишь боком, а так в лоб, «матом». Молчаливая и целомудренная русская культура промычала себя через густо-бытийственное содержание и пустые формы «Опавших листьев».

Думать «по-русски» очень больно. Каждая мысль — это раскалённая игла в мозг. И чудо Розанова в том, что по-розановски думать совсем не больно, а, наоборот, очень приятно и уютно. Чтение его произведений смягчает и облагораживает мышление (216). Я ни разу не видел умного и неорганичного неприятия его философии. Постоянно визг, хамство, и при этом умоÂразрушающее отсутствие логики:

«Господин Розанов, отбросив всякий стыд перед читателями, которых он, должно быть, считает сущими невеждами, клеветнически оболгал Хомякова, приписав ему мысли, каких у него никогда не было, и для борьбы с Хомяковым обворовал Хомякова, то есть мыслями Хомякова мечтал его прикончить. Он говорит, что в проповеди любви у Хомякова мало любви и это любовь только у него, г. Розанова, и что только он, г. Розанов, сверх-блудник и сверх-босяк, весь татуированный хитрыми узорами растлеваемого им богословия, любить умеет… Про какую любовь говорит г. Розанов, можно видеть по его совершенно непристойной статье об еврейской микве и об индивидуальной философии всякого, даже совершенно негодного фаллоса».

(цитата из статьи Н. Соколова, приведённая самим Розановым во втором томе «Около церковных стен»)

Казалось бы, критиковать Розанова очень легко. Розанов смеётся и плачет, но не размышляет (его выражение). И тут умному критику и карты в руки. Розанова надо «громить» сухо, корректно, «по-европейски». И чем более вызывающи и иррациональны его статьи и книги, тем суше и рациональнее должен быть их анализ. Но я никогда не встречал такой критики. Видимо, неприятие Розанова окончательно дисгармонизирует и обессмысливает русскую душу. Сопротивляющийся *естественности* розановского мышления, окончательно глохнет и слепнет. И наоборот, человек, принимающий Розанова, пропитывается розовым

маслом розановщины, обретает душевную гармонию, волю, полет. Как-то Розанов заметил:

«Отчего мои идеи произвели на Михайловского впечатление смешного*, и он сказал „это как у Кифы Мокиевича“, а на Мережковского — впечатление* трагического?.. *Мережковский (явно) понял* сильным и честным *умом то, что Михайловский не понял и по бессилию и по недобросовестности ума… Мережковский схватил душой — не сердцем и не умом, а* всей *душой — мою мысль, уроднил её себе… И это есть в полном значении „открытие“* его*, новое для него, вполне и безусловно* самостоятельное его открытие *(почему Михайловский не открыл?). Я дал компас и, положим, сказал, что „на западе есть страны“. А он открыл Америку».*

Неприятие Розанова — это именно отказ от Америки, от мышления как такового, то есть, в конечном счёте, отказ от себя. И наоборот, принятие его — это принятие себя, своего существования в словесном мире. Розанов сказал, что «Мережковский всегда строит из чужого материала, но с чувством родного для себя». Мережковский строил из Розанова, но одновременно и из родного, своего, так как Розанов это и есть то общее родное, что есть в мышлении любого русского человека. Мережковский понял это и стал Мережковским, Михайловский этого не понял и остался Михайловским.

Розанов был «наивен». Ему всегда хотелось взглянуть снова, иначе. Обойти с разных сторон, посмотреть и так и эдак. Он очень недоверчиво относился к плоским декларациям и испытывал удовольствие, заглянув за театральную фанеру. Но это было не злорадство, а скорее театральный интерес: «Как устроено?», «Как работает?»

Розанов сломал много игрушек. Это был совсем несклоняемый человек именно за счёт постоянных уклонов. Как же перед ним фокусы показывать, если он всё ходит и ходит вокруг манипулятора? Розанов заглянул за край русского словесного мира. В филологическом смысле это нашло выражение в странной дефектности его письменной речи, в философском — в преодолении Руси говорящей, то есть интеллигентской. Поэтому, «Вехи» оказали гигантское влияние, а Розанов — никакого. Он выпал из этого мира, а авторы «Вех» творили внутри его. Пусть плохое и аляповатое, но это было движение, внутреннее развитие, трансформация. Закрытый мир русского мифологического пространства рос из себя. Как позитивизм, отрицая философию, должен был *сам* дойти до своего распада, до позитивного анархизма Пауля Фейерабенда, точно также мифология русской ин-

теллигенции должна была *само*распасться. Поэтому, никакой «школы Розанова», скажем, в начале века, и быть не могло. Для этого всё должно было сначала умереть, истлеть: и актёры, и серые непрошибаемые декорации. Мир «слинял». А что осталось? Остались идеи. Нежные и неслышные сквозь скрежет истории идеи.

Не то что «говорить о», но и просто цитировать Розанова сложно. Тут нужен такт величайший. Нужна система противовесов; закопчённые стекла иронии, ослабляющие филологическую яркость его прозы; незаметные подземные подходы к предстоящей цитате и плавное отстранение от неё в конце.

«Молния сверкнула в ночи: доска — осветилась*, собака* — вздрогнула*, человек* задумался».

Молнии розановских афоризмов ослепительны. Поэтому их очень трудно цитировать. Точнее, очень легко, но опасно. Они высвечивают и засвечивают авторский текст. Есть ряд авторов, которые были раздавлены Розановым, темой Розанова. (Явно из их числа и современный писатель Венедикт Ерофеев).

В «Вехах» один из авторов — Изгоев — привёл обширную, в полторы страницы цитату из статьи Розанова десятилетней давности. (Замечу в скобках: Василий Васильевич писал очень кратко, но цитаты из его произведений обычно очень длинны. Все завораживаются, гипнотизируются ходом его мысли и не могут вовремя оборвать нить, очнуться…) И эти «полторы страницы» были, как сказал бы Набоков, «голосом скрипки вдруг заглушившим болтовню патриархального кретина». Розанов писал (привожу изгоевскую цитату с сокращением:

«Никто не замечает, что все наши так называемые „радикальные“ журналы ничего, в сущности, радикального в себе не заключают… По колориту, по точкам зрения на предметы, приёмам нападения и защиты, это просто „журналы для юношества“, „юношеские сборники“, в своём роде „детские сады“, но только в печатной форме и для возраста более зрелого… Это не журналы для купечества, чиновничества, помещиков — нашего читающего люда, — всем этим людям взрослых интересов, обязанностей, забот не для чего раскрывать этих журналов… Не только здесь есть своя детская история, то есть с детских точек зрения объясняемая, детская критика, совершенно отгоняющая мысль об эстетике — продукте исключительно зрелых умов, но есть целый обширный эпос, романы и повести исключительно из юношеской жизни, и где все взрослые окрашены так дурно, как дети представляют себе „чужих злых людей“ и как в былую пору каза-

ки рисовали себе турок. На этой почве развилась почти целая маленькая культура со своими праведниками и грешниками, мучениками и „ренегатами“, с ей исключительно принадлежащей песней, суждением и даже с начатками почти всех наук. Сюда, то есть к начаткам вот этих наук, а отчасти и вытекающей из них практики, принадлежит и „своя политика“».

Что здесь интересно? Во-первых, вся тусклая и годами вынашиваемая мысль Изгоева мгновенно девальвируется. Оказывается, что автор ломится в открытую дверь, что всё это уже было давно сказано и сказано лучше, сочней, оригинальней. Но не это главное. Мысль Розанова ударяет бумерангом по Изгоеву как личности и, шире, по всем авторам «Вех». Ибо что же такое их статьи, как не типичные образчики философской и политической «детской литературы»? Вся веховская идеология это есть не что иное, как игра во взрослых (231), необходимая для приобретения реноме внутри детской революционной среды. Сам Изгоев, неосторожно схватившись за Розанова, как бы ударил весь сборник под дых. Веховская корзина унеслась под облака на воздушном шаре неудачной и опасной цитаты. И сейчас русский читатель ничего не видит, кроме далёкого розового шара и маленьких смешных человечков, попискивающих внутри игрушечной корзинки.

Цинциннат Ц. из набоковского «Приглашения на казнь» работал в умирающем будущем в мастерской игрушек. А игрушки, которые он там делал, были вот какие:

«…и маленький волосатый Пушкин в бекеше, и похожий на крысу Гоголь в цветастом жилете, и старичок Толстой толстоносенький, в зипуне, и множество других; например: застёгнутый на все пуговки Добролюбов в очках без стёкол».

Мир России XIX–XX веков отчётливо расслаивается на два уровня: уровень подлинной культуры, уровень Пушкина, на произведениях которого воспитывались три поколения Романовых, и, с другой стороны, уровень Белинского, Писарева, Чернышевского, Добролюбова, на котором воспитывались три поколения так называемой «русской интеллигенции».

Первый из этой плеяды — Белинский — похлопал своей узкой чахоточной ладошкой по томику «Евгения Онегина»: «Энциклопедия русской жизни». «Поэма — энциклопедия», — с этой глупости № 1, чудовищной и немыслимой для всякого, мало-мальски разбирающегося в поэзии, началась история русской критической мысли — история детской, кукольной России. Россия Белинского — это не Россия поэтическая и литературная, а Россия

рефлектирующая, самопознающая. Белинский — это личинка новой, рациональной России, предвестник ожидаемого, но внутренне чуждого будущего.

Внутренняя чуждость рационального мышления русскому сознанию сказалась в отсутствии гениального преломления усвояемой идеи. Если русская литература началась с Пушкина, то русская критика началась с Белинского. История русской мысли, русской философии — это все равно, что развитие русской литературы без Пушкина и вне Пушкина. Это как бы, если в начале русской литературы стоял не Пушкин, а *дурак* Белинский. Тогда вся литература XIX века была бы кукольной.

Страшный инфантилизм кукольной России наиболее ярко проявился в личности Бердяева. В Бердяеве есть много французской крови и, может быть, поэтому он, при всей своей индивидуальности, типичен. Это типичный, «типовой» русский философ, точно так же как Франция — типичная европейская страна, страна, где все исторические процессы, происходят с классической простотой и законченностью. В Бердяеве наиболее выпукло видны основные тенденции русской души, втиснутой в чужеродные ей формы рационального мышления. И то, что у других русских философов было тенденцией, у Бердяева стало сущностью. В этом смысле он действительно характерный представитель русской философии (но не русской культуры вообще, как ошибочно полагают на Западе). Бердяев писал в «Самопознании»:

«Герои великих литературных произведений казались мне более реальными, чем окружающие люди. В детстве у меня была кукла, изображавшая офицера. Я наделил эту куклу качествами, которые мне нравились. Это мифотворческий процесс. (?!) Я очень рано в детстве читал „Войну и мир“, и незаметно кукла, которая называлась Андрей, перешла в князя Андрея Болконского» (238).

Бердяев всю жизнь играл в куклы. В «похожего на крысу» Гоголя, в «маленького волосатого Пушкина» (которого он долго «не понимал»), в «толстоносенького Толстого» и в «очкастого Добролюбова». Это ясно до головной боли, стоит только представить себе парад кукол на его книжной полке: Платон, Кант, Шопенгауэр, Достоевский, Белинский, Чернышевский, Карл Маркс. Какой же взрослый человек, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, поставит в один ряд толстоносенького Толстого и очкастого Добролюбова. Только ребёнок может это сделать. Ребёнок, для которого это не живые люди, а тряпичные куклы.

Бердяев вышел из «Вех», а не из Достоевского и Толстого, хотя он и утверждает обратное (239). Он писал, что «любит не только

дух, но и духи». Любил также и душистые сигары. Иногда, развалясь в кресле, он небрежно стряхивал их пепел на головы ничего не подозревающих английских или французских читателей:

«Московский период был самым плохим периодом в русской истории, лучше был киевский период и период татарского ига».

Или:

«Советская конституция 1936 года создала самое лучшее в мире законодательство о собственности. Личная собственность признаётся, но в форме, не допускающей эксплуатации».

(«Русская идея»)

Русская философия развивалась из Белинского, Писарева, Чернышевского. Из русского полупьяного лепетания. Конечно, Бердяев перерос этот уровень, но чувство внутреннего родства осталось. Отсюда и фантасмагорическое «но»:

«„Что делать?“ Чернышевского художественно — бездарное произведение и в основании у него лежит очень жалкая и беспомощная философия. Но социально и этически я совершенно согласен с Чернышевским (247) и очень почитаю его».

(Цитата взята из «Самопознания». Далее идут очень интимные всхлипывания по поводу Ольги Сократовны. Напомню, что это все писалось через 10 лет после «Дара».)

Чернышевские и Писаревы выросли в «Вехи» (248). «Вехи» тоже выросли. Бердяев, будучи одной из семи вешек, разросся в настоящий баобаб. Но получилось чужое. Мне, по крайней мере, это чужое. Они, эти люди, неизмеримо ближе к России 20–30-х, чем я. Для Бердяева Маркс интересен и актуален. А я его не знаю и знать не хочу. Он мне неинтересен. Марксизм — это *некрасивый миф*. Мало того, что он глупый, он некрасивый, неэстетичный. Это как бы сказка о сестрице Алёнушке и братце Иванушке, где Иванушку унесли гуси-лебеди, а Алёнушка сказала: «Так тебе дурачок и надо». Вот и вся сказка. Очень короткая, глупая и злая (251).

Бердяев, будучи специалистом по некрасивой сказке марксизма, не любил Пушкина. Все они не любили пушкинской России. В этом сказалась их враждебность русской национальной культуре.

Розанов писал в «Опавших листьях»:

«„И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вечною сиять“.

Кто-то, где-то услышав, заплакал.

Писарев поднялся:

— Не по-ни-ма-ю.

Неописуемый восторг разлился по обществу. Профессора, курсистки, — все

завизжали, захлопали, загоготали:

— Глу-по».

***

Вся история русской культуры эпохи Александра II — это визг, гогот и глумление над Пушкиным. Но Розанов не был бы Розановым, если бы не взглянул на кукольную Россию с другой стороны:

«Несомненно, однако, что западники лучше славянофилов шьют сапоги. *Токарничают. Плотничают. „Сапогов“ же никаким Пушкиным нельзя опровергнуть. Сапоги носил сам Александр Сергеевич и притом любил хорошие. Западник их и сошьёт ему. И возьмёт,* за небольшой и честный процент*, имение в залог, и вызволит „из нужды“ сего „гуляку праздного“, любящего и картишки и всё. Как* дух *— западничество ничто. Оно не имеет содержания. Но нельзя забывать практики, практического ведения дел, всего этого „жидовства“ и „американизма“…»*

Речь здесь идёт не только о «практике», но и вообще о рационализме, то есть и о рациональном мышлении. Это видно из другого «листа», уже частично цитированного мной ранее:

«Ум, положим, — мещанишко, а без „третьего элемента“ всё-таки не проживёшь. Надо ходить в чищеных сапогах; надо, чтобы кто-то сшил платье… Пусть Спенсер чванится перед Паскалем. Паскаль должен даже время от времени назвать Спенсера „вашим превосходительством“, — и вообще не подать никакого вида о настоящей мере *Спенсера».*

Кукольная, мещанская Россия была неизбежна. Это было некрасивое и неуютное, но неизбежное будущее. Не могло же в XX веке существовать общество, целиком состоящее из художников, писателей, артистов и прочих «симпатичных шалопаев». (Розанов писал: «Симпатичный шалопай — да это почти господствующий тип у русских».) Пускай Бердяев растёт, развивается. Возникнет новая русская культура. Культура посредственная, но необходимая. Русь трудовая, Русь думающая и работающая. И пускай на ней не будет «позолоты времён», пускай не будет золотого века и века серебряного, пускай не будет русского православия, а будет медная «штунда».

«Штунда — это мечта, „переработавшись в немца“, стать, если не „святою“ — таковая мечта потеряна — то, по крайней мере — хорошо выметенной Русью, без вшей, без обмана и без матерщины на улице… С „метлой“ и „без икон“ Русь — это и есть штунда… Штунда — это всё, что делал Пётр Великий, к чему он усиливался, что он работал, и что ему виделось во сне; штунда — это все „Вехи“. Если бы Пётр Великий знал тогда, что она есть*, или* возможна*, знал её* образ *и* имя*, он воскликнул бы: „Вот! вот! Это!! Я — только* не умел назвать*!* Это делайте и так верьте, это самое*!!*“»

(С сокр. из «Опавших листьев»)

Но русской штунды, «рационального православия» не получилось и получиться не могло. Это было ясно уже по биографии Белинского (266), этого вечно пьяного ничтожества, который, черпая сведения о мировой философии из застольных бесед с «ребятами», вышел однажды «облегчиться» на улицу и стал орать на Гегеля. Хуже: вся последующая история русской мысли есть всяческое обсасывание и сублимация мировоззрения этого «калаголика». Посмотрел Белинский на проходившую мимо молочницу, через 30 лет труд — «Взгляд Белинского на женский вопрос в России». Посмотрел в другую сторону — на околоточного надзирателя — вот и подпольная брошюрка. Зашёл в лавку — гигантская монография «Белинский и развитие отечественной промышленности». И так было до тех пор, пока, как сказал Розанов, не началась «очищающая еврейская работа над русской литературой». Когда пришли Флексер-Волынский, Гершензон, Абрамович. Когда пришел Айхенвальд, «который — хоть и тяжело в этом сознаться *русскому* — написал всё-таки прекрасные „Силуэты русской литературы“ и положил „прямо в лоск“, — благодаря изяществу стиля — „первого мерзавца русской критики“» — Белинского). *(Из письма Розанова от 26.10.18.)*

И точно так же пришёл еврей в торговлю, в промышленность, пришёл в политику, в науку. Медленно, тяжело, накренилась Россия и рухнула. Не получилось «жидовства» и «американизма»… И русские так и ходят не в сапогах, а в дырявых валенках.

***

В истории любого народа есть времена роковые и провиденциальные. Зачастую они выглядят, в общем, локально, невнушительно, но по своей внутренней структуре как бы намечают, предсказывают развитие данного мира на десятилетия, а то и на столетия вперёд.

В русской истории одним из таких наиболее плотных времен-

ных отрезков является 1825 год. Несомненно, это некое закругление русской истории. С одной стороны — конец длительного периода дворцовых смут, с другой — начало трагического раскола русского общества.

Само по себе «декабрьское восстание» смешно. Да, трагедия, но трагедия неудавшаяся, то есть, фарс. Но постепенно этот фарс приобрёл колоссальные размеры и превратился со временем в настоящую трагедию. 150-метровая «девушка с веслом» — это уже не смешно, а страшно. Русская история после 1825 года — это разбухание и наливание кровью декабрьского водевиля.

Комизм восстания в его нелепости. Люди годами готовились, создавали инфраструктуру, распределяя роли в будущем правительстве. И вдруг, при фантастически удачном стечении обстоятельств, — позорный провал. Всё было приготовлено. Яблоко не только сорвали, но очистили от кожуры и даже разрезали на аккуратные дольки. И вдруг: один думал «то», а оказалось; другой же думал наоборот, третий просто испугался, а четвёртый вообще «шёл в комнату, попал в другую». Кучка кретинов, собравшаяся управлять огромным государством, не смогла совершить даже первого и наиболее элементарного акта, причём акта, по своему характеру наиболее близкого и знакомого военным.

Розанов об этом сказал коротко, зло и верно:

«Александр Македонский с 30-тысячным войском решил покорить Монархии Персов. Это что нам, русским: Пестель и Волконский решили с двумя тысячами гвардейцев покорить Россию… И пишут, пишут историю этой буффонады. И мемуары, и всякие павлиньи перья. И Некрасов с „русскими женщинами“».

От восстания декабристов легко провести логическую прямую к отречению Николая II, которое, как известно, началось с того, что прибывший к царю Гучков страшно испугался и пролепетал требование об отречении, тупо уставившись в пустой угол. Уже из этой «мизансцены» будущее России просматривалось как сквозь ноябрьский сад.

Но наиболее важна здесь не русская недотыкомка как таковая, а ужасная *неправда*, начавшаяся с декабря 1825 года и приобретшая потом поистине вселенские масштабы (281). Я читал документы, материалы следствия по делу декабристов, мемуары. И всё ждал: ну хоть кто-нибудь *скажет*. Ведь это так просто: молоденькие офицеры. И уж как им хочется денег, женщин, а главное — *власти*. Это же так просто, естественно; и повторяется на протяжении тысячелетий. Военные после блестящих походов

по Европе — как кони норовистые, застоявшиеся в стойле. И воспитаны к тому же на монархических и военно-кастовых традициях, на наполеоновской эпопее. Неужели же «никому не хотелось»? Ну понятно: демагогия, политика… Но так, чтобы для себя, может быть, в интимных записях каких-то? — Ничего подобного!

Набоков, гениально реконструировавший в «Даре» мир русского интеллигента (284), ядовито заметил, что в сибирских письмах Чернышевского постоянно присутствует высокая и не совсем верная нота: «Денег, денег не присылайте!»

Вся история нашего революционного движения — это именно «денег не присылайте!» «Мы ничего, мы скромные, добрые. Нам самим лично ничего не надо. Это мы из чисто альтруистических целей, для общества стараемся. Для вас, гады». Последнее слово, как почти неизбежный срыв, у всех). Пестель заявил на допросе, что после победы политической и социальной революции в России он намеревался «удалиться в Киево-Печерскую лавру и сделаться схимником». Конечно, это не просто демагогия! Это вопиющее игнорирование даже самомалейших попыток интроспекции. Очень органичное мировосприятие — политики, не хотящие власти! Так чего же, господа хорошие, *лезете* сюда?! Это не слепота даже, а «так устроены». Нет глаз. Более того, с глазами-то вся конструкция и разваливается. Тут важно именно не смотреть на себя, не понимать, что в известный момент с тобой произошла страшная и постыдная метаморфоза.

«Грегор Замза проснулся и внезапно почувствовал, что превратился в отвратительное насекомое». Пестель — это как раз насекомое. Но если кафкианский герой понимал своё положение и, обвыкнув со временем, даже полюбил лазать по стенам и потолку, оставляя за собой липкие, слизистые следы, то Пестель, даже когда его хитиновый панцирь хрустнул под сапогом николаевской России, так и не понял, какой фантастической гадиной он был.

Вот любопытный документ из его наследия: «Краткое умозрительное обозрение (!) Государственного правления». Одним из пунктов программы переустройства будущей России является «переименование майоров во второстепенные подполковники, подполковников — в первостепенные подполковники, генерал-майоров — во второстепенные воеводы, а генерал-лейтенантов — в первостепенные воеводы».

А власть не нужна, чины не нужны, вообще ничего не нужно, ведь как мы помним, истинной целью Пестеля являлся монастырь.

Однако размах был гораздо шире. Одним из пунктов внешнеполитического отдела «Русской правды» являлось ни много ни мало, как «содействие евреям к учреждению особенного, отдельного государства в какой-либо части Малой Азии». Это «содействие» мыслилось Пестелем в виде помощи эмиграции двухмиллионного русского еврейства и прямой военной поддержки, то есть войны с Турцией. В пятом томе «Всеобщей истории еврейского народа», написанной русским сионистом С.М. Дубновым, сказано, что непосредственные контакты с еврейством осуществлялись, в частности, через декабриста Григория Абрамовича Переца, крещёного сына петербургского миллионера. Тот же Григорий выдвинул и идею создания независимого еврейского государства в Крыму.

Но, разумеется, автор «Русской правды» и будущий схимник был не только напрямую связан с петербургскими евреями, а и принимал живейшее участие в деятельности масонских лож (декабризм — это и есть локальное ответвление масонского движения), контактировал с польским подпольем, был своим человеком в греческой мафии, чьи головорезы наводнили юг России, и т. д.

А вот биография другого русского с нерусской фамилией — Ивана Васильевича Шервуда (отец — обрусевший англичанин). Шервуд случайно узнал о готовящемся восстании и предупредил Государя. Хотя его сообщение запоздало, он был награждён Николаем I и к его имени было по высочайшему повелению, прибавлено слово «Верный». Как пишет один современник: «Шервуда в обществе, даже петербургском, не называли иначе, как Шервуд-Скверный, …товарищи по военной службе чуждались его и прозвали собачьим именем Фиделька». Фиделька-Верный! Ату его! Ату!

Может быть, причина неприязни — во всегда жалкой роли доносчика? Но всеми обожаемый Пестель во время следствия стучал со страшной силой, оговаривая в том числе и ни в чем неповинных людей. Его стукотню даже не успевали записывать — ломались перья, так что по степени трусости и подлости он дал своим соратникам-авантюристам, тоже не отличавшимся стойкостью, 10 очков вперёд. Может быть, дело в масонской мафии, которая всеми силами выгораживала опальных повстанцев и топила честных офицеров и чиновников? Тот же Шервуд был постепенно оттёрт от царя и умер почти в нищете, а приговорённый к смерти Трубецкой «хранил гордое терпенье» в своём сибирском особняке с «вышколенными лакеями, французскими гувернёрами и роскошным выездом».

Но и это, по-моему, не причина, а следствие. А причина в страшной, тотальной и беспросветной *лжи*. И декабризм был только началом, ещё где-то наивным и девственно-невинным. Были там все-таки и остатки устаревшей дворянской чести и родственные симпатии, прорывающиеся через кору демагогии. По крайней мере, дальше было гораздо хуже:

«Пришёл вонючий „разночинец“. Пришёл со своею ненавистью, пришёл со своею завистью, пришёл со своею грязью. И грязь, и зависть, и ненависть имели, однако свою силу, и это окружило его ореолом „мрачного демона отрицания“, но под демоном скрывался просто лакей. Он был не чёрен, а грязен. И разрушил дворянскую культуру от Державина до Пушкина. Культуру и литературу».

(«Опавшие листья»)

Отличие Пестеля от Чернышевского в том, что он всё же был скорее чёрен, чем грязен. Пестель — чёрный человек. Чернышевский — грязная кукла, паяц. Пресловутая «правдивость» русской интеллигенции — это страшная, грубая ложь (326), не ложь-следствие, а ложь ограниченная, изначальная и, следовательно, совершенно непрошибаемая.

Вчитайтесь в кристально честного и простого Аристотеля:

«… в большей части случаев те, кто принял к себе чужие национальности при основании государства или позднее, испытывали внутренние распри… Государственный строй изменяется и без распрей, вследствие происков… Так вследствие беззаботности, когда позволяют занимать высшие должности людям, враждебно относящимся к существующему государственному строю… Производятся же государственные перевороту путём либо насилия, либо обмана. Иногда, обманув народ, производят перевороты с его согласия… Демагоги, желая подольститься к народу, начинают притеснять знатных и тем самым побуждают их восстать, либо требуя раздела их имущества, либо отдавая доходы их на государственные повинности; то они наводят на богатых изветы, чтобы получить возможность конфисковать их имущество… Начинают распри и производят государственные перевороты те, кого не допускают к государственным должностям…»

Я выписал, почти не выбирая, взяв первое попавшееся. Какая античная простота и искренность! И какое откровение для русского уха! «По-русски» это звучит некрасиво, «неприлично». «Об этом не говорят». В России всё *тихо*. Русская социология — это нечто вроде викторианского пособия «О счастливом браке», то есть книга, где о браке есть *всё*, за исключением одного малозначительного аспекта, который и составляет подлинную

подоплёку брачных отношений. «Это стыдно, это неприлично». Но что делать, социология — это и есть нечто вроде «философской физиологии». Негрубой и нециничной социологии и быть не может уже по самой специфике предмета. Как же можно, например, говорить о политэкономической мифологии, если не принять заранее самоочевидный постулат: рабочий — это, как правило, свинья, а работодатель — порядочный человек. Это же просто, естественно и вытекает из самой сути сведения социальных отношений к отношениям экономическим. Как пишет Аристотель:

«Люди, имеющие больший имущественный достаток, чаще всего бывают и более образованными и более благородного происхождения».

Это *так* ясно, что общество, отрицающее в своей массе такую самоочевидную истину, просто больно.

Само по себе происхождение политэкономического мифа и его аберрация достаточно ясны. Ницше писал:

«Аристократическое уравнение ценностей (хороший = знатный = прекрасный = счастливый = любимый Богом) евреи сумели с ужасающей последовательностью вывернуть наизнанку и держались за это зубами бездонной ненависти (ненависти бессилия) (376). Именно „только несчастные — хорошие; бедные, бессильные, низкие — очень хорошие; только страждущие, терпящие лишения, больные, уродливые — благочестивы, блаженны, только для них блаженство. Зато вы, вы, знатные и могущественные, вы на вечные времена злые, жестокие, похотливые, ненасытные, безбожные, и вы навеки будете несчастными, проклятыми и отверженными“».

(«Генеалогия морали»)

Замутив с самого начала ложью родник античного мышления, русские как бы сказали: «Хотим быть евреями. Хотим убить царя и продать Россию». Ницше задел евреев одним боком, но ударил в центр христианства (378). Христианство в чистом виде — это и есть стремление к небытию, к боли и смерти. Христос стоял перед дилеммой: или жить в этом мире и бороться со злом, но потерять святость, или умереть на кресте и святость сохранить, дав тем самым миру идею святости. Идея святой Руси — это идея смерти и сохранения святости. Принятие античного логоса Аристотеля — это отказ от святости, но сохранение русского мира. С другого бока к этому же подошёл Розанов в «Апокалипсисе нашего времени». Это сложнейшая тема, требующая отдельного рассмотрения. Сейчас же важно отметить, что русское

христианство, не уравновешенное секулярным сознанием (вся Россия стала секулярной и западнической, но лишь количественно; никакой качественно близкой христианству секулярной культуры создано не было), породило революционный нигилизм. Розанов сказал, что «идеи сильнее царств». Поэтому он предвидел или, по крайней мере, чувствовал, развёртку в реальность мифологии русской интеллигенции, с одной стороны, и мифологии русского еврейства — с другой. Несчастные, бесчестные, низкие, больные и уродливые верили в то, что они хорошие, благочестивые и блаженные, и они стали хорошими, благочестивыми и блаженными. А знатные, могущественные и т. д. верили в собственную ничтожность и стали ничтожными Каждому — своё!

Отец Бердяева — кавалергард, представитель знаменитого дворянского рода, мать, урождённая княжна Кудашева — дочь французской графини Шуазель. Родственниками Бердяевых были графы Браницкие, являвшиеся одновременно и родственниками царской семьи. Тёткой Николая Александровича была светлейшая княгиня Ольга Валериановна Лопухина-Демидова, дружившая с императрицей Марией Фёдоровной и ненавидевшая монархистов из «Союза русского народа» за их «плебейский характер». Сам же Бердяев писал в своих воспоминаниях:

«Я рано почувствовал разрыв с дворянским обществом, из которого вышел; мне всё в нем было не мило и слишком многое возмущало. Когда я поступил в университет, это у меня доходило до того, что я более всего любил общество евреев, так как имел, по крайней мере, гарантию, что они не дворяне и не родственники… Я до такой степени терроризировал мою мать тем, что она никогда не употребляла слова жид, что она даже не решалась говорить еврей и говорила „эзраелит“».

Прошли годы, десятилетия. Бердяев умер в изгнании. Развеялось по миру и исчезло в лагерях русское дворянство. Бывшие обитатели местечкового захолустья стали великим народом России — самым образованным, самым культурным, самым влиятельным. Русские же оскотинились, превратились в свиней. Русская интеллигенция получила долгожданное моральное право на априорное отрицание и власти и самого русского государства. Она получила себе такое правительство и такой народ, которые в прошлом веке породила её злобная фантазия.

Чехов писал в письме к Суворину:

«Из книг, которые я прочёл и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, вар-

варски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч вёрст, заражали сифилисом, размножали преступников…»

Как Чехов мог написать такую нелепость? «Видно из книг», — а почему не из действительности? «Сгноили в тюрьмах миллионы», — откуда такие бредовые цифры? И что значит «миллионы *людей*»? Что, просто хватали и швыряли в кутузки совершенно невинных граждан? «Сгноили зря», — это вообще двусмысленное выражение: что же, если «не зря», то значит *можно*? И что, так уж специально вот сифилисом заражали? Где? Когда?

А хотелось Чехову, чтобы все было именно так. И вот он тогда — скромный, добрый, прогрессивный — грохнул бы томом «Сахалина» по столу, да так, чтоб весь земной шар содрогнулся. Это уже вам не А.П. Чехов, сочинитель, а пророк, «совесть нации». Конечно, мечта, фантазии. И, добавим, мечта мелкая, меленькая, одним словом, «журналистская», «писательская». («Миру провалиться, а мне об этом написать».) Но *мечта.* А Розанов писал:

«Жизнь — раба мечты. В истории истинно реальны только мечты (396). Они живучи. Их ни кислотой, ни огнём не возьмёшь. Они распространяются, плодятся, „овладевают воздухом“, вползают из головы в голову. Перед этим цепким существованием как рассыпчаты каменные стены, железные башни, хорошее вооружение. Против мечты нет ни щита, ни копья. А факты — в вечном полинянии».

Стилистическая фигура из чеховского письма — «мы сгноили в тюрьмах миллионы людей» — приобрела в контексте последующей истории России кровавый оттенок, оттенок буквальности. Да, вы сгноили миллионы…

«Революция — символ разбитых надежд». Почему же, всё сбылось, всё получилось. Именно *этого* и хотели. Утопии сбываются. Как сказал Бердяев, самое страшное в том, что утопии сбываются.

Ложь декабризма росла как на дрожжах (399). Чем больше говорили русские, чем больше получали свободы для словоговорения, тем больше и наглее они лгали. Идея «народного благоденствия» приобретала всё более абстрактный и высокопарный оттенок… по мере того, как страсти становились все грубее, реальнее и злобнее. До геркулесовых столпов это дошло в большевизме: абстрактные, наукообразные формы, купание в параграфах, циркулярах и протоколах, и звериное упорство в глазах: «Миру провалиться, а мне чаю пить! (400)» Какое разительное отличие от фашизма, по-немецки романтичного и *откровенного*!

***

Мышление русского похоже на заевшую пластинку (402). Если дать ему выговориться, то вы с удивлением увидите, что через определённый промежуток времени он начнёт повторяться. Его мысль описывает круг и вновь и вновь возвращается в исходную точку.

С французской ясностью этот процесс представлен в работах Бердяева. Бердяев всегда говорил, что пишет быстро, хорошо и сразу набело, никогда не перечитывая написанного. Странная глухота этого человека дала нам практически чистый слепок русского устного мышления.

Конечно, диаметр логического круга сильно колеблется, так как зависит от уровня развития говорящего. Пластинка может начать повторяться через три дня, а может и через пять минут. В последнем случае её диаметр равен поросячьему пятачку, да и содержание мало отличается от хрюканья и визга. Но как бы то ни было, важно одно: мышление русского замкнуто и отстранено от его подлинной сущности. Если западный человек живёт в мышлении, то русский — осуществляет себя через мышление. Отсюда интересная закономерность: чем абстрактнее и туманнее русская речь, тем конкретнее и яснее цель, которую пытаются достигнуть с её помощью.

Нельзя сказать, что русские не понимают дефектности своего вербального бытия. По крайней мере, они её чувствуют и даже как-то пытаются скорректировать. Страшным усилием воли русский всё приподнимает, приподнимает логическую линию повествования и в результате (иногда) игла логоса не возвращается в исходную точку, а проходит на волосок над ней. Тогда русская рожица топорщится в довольной улыбке: «Диалектика». Вот где истоки отечественного гегельянства, которое, таким образом, является скорее уж антигегельянством.

Гегель интересен в философии, в самом процессе мышления, и неинтересен в жизни (филистер). Русский философ всегда интересен как личность, его же мышление пусто и плоско в отрыве от внутренней подоплёки. Розанов сказал, что в Соловьёве интересен чёртик, который сидел у него на плече, когда тот плыл на пароходе по Балтийскому морю, философия же его так (403) …

У Гегеля никаких чёртиков, я думаю, не было. Он их и в глаза не видел. Но когда читаешь его «Науку логики», то чувствуешь запах серы. Гегель иррационален в рационализме. Русский иррационализм глубже, он *под* рационализмом. Под русским рационализмом, поверхностным и плоским. Говоря иначе, гегелев-

ский рационализм объёмен и объем его есть иррациональная экзистенция. Его тайна — словесна и выразима. Это инфернальное противоречие. Русская православная тайна — невыразима, и эта невыразимость уютна, сладка. Божественна. Вот почему все-таки русское мышление *уютнее*. Оно, конечно, ограниченно. Это маленькая улитка, переползающая лезвие бритвы — грань, отделяющую бытие от небытия. (Улитки действительно обладают этой странной особенностью — переползают через вертикально поставленную бритву как ни в чем не бывало.)

Розанов любил сравнивать людей с червяками. И сам он был розовым червячком, вылезшим погреться на солнышко. Но червячок этот был с художеством, с «завитушкой». Червяк «с завитушкой» — это и есть улитка. Улитка умна, и спираль её раковины — символ мудрости. Розанов часто прятался в раковину своего мозга, своего ума. Но спираль — это не только символ ума, но и символ иронии. Недостаток Гегеля в том, что он не почувствовал страшного комизма спиралевидного хода мысли. А прихотливая спираль явно иронична. Ирония уклончива, но целесообразна, не ходит прямо, но достигает цели кратчайшим путём. Улитка розановского мозга была закручена спиралью иронии. Русская мысль иронична (остранённа и отстранена). Русская философия в стволе соловьёвства — совершенно, прямо-таки по-немецки, неиронична. Возможно, русские, как всегда, переборщили и отнеслись к философии слишком серьёзно, по-варварски серьёзно.

***

Философствование начинается со смеха Демокрита: ничего нет, а есть пустота и атомы. Это очень оптимистическая философия. Подозрительно оптимистическая. Пессимист — это хорошо информированный оптимист. Поэтому Демокрит выколол себе глаза. Сенека пишет:

«Каждый раз, как Гераклит выходил из дому и видел вокруг себя такое множество дурно живущих и дурно умирающих людей, он плакал, жалел всех… Демокрит же, как говорят, напротив, без смеха никогда не появлялся на людях…»

У Демокрита не было глаз. Они ему не были нужны: существуют атомы и пустоты. Атомы — невидимые частицы, тем более невидима пустота. В этой пустоте и звучал смех Демокрита.

Гераклит же — это конец философского познания. Гераклит мог бы сказать: «Ничего не существует кроме мнений и пустого пространства; всё прочее есть атомы». Мир состоит из бесплот-

ной и мнимой материи и плотных осязаемых идей-мнений. Эти идеи движутся в пустоте, то есть хаотически перемещаются относительно друг друга, иногда сталкиваются. Вот и всё. При этом вселенная Демокрита сморщивается до мельчайшего, микроскопического *мнения*. Так кончается философия. Философия кончается поэтическим плачем Гераклита: «Всё течёт, всё изменяется». Это тоже отрицание философии. Но не юношески беззаботной, не материалистическое, не априорное, а апостериорное.

Но этот печальный опыт даёт людям зрение. Трагедия русского сознания в его рассыпанности. Русский изначально имеет внутреннее зрение, но не понимает этого. Соловьёв внешне, на людях, смеялся (его полемика с декадентами и т. д.), а внутренне, наедине с собой, плакал. И сам не понимал, что с ним происходит. Этот человек испортил своё идеальное зрение немецкими очками. А Розанов сказал:

«Пусть всё кипит в противоречиях. Безумно люблю кипение. Куда же тут Гегель со своим „синтезом“. Привёл в Берлинскую полицию. Розанов говорит ему: Не-хо-чу *(409). Я, в сущности, вечно в мечте. Я прожил потому такую дикую жизнь, что мне, в сущности, „всё равно как жить“. Мне бы „свернуться калачиком, притвориться спящим и помечтать“. И вот тут развёртывается мой „Нос“. Царства, история, тоска, величие, о, много величия: как я любил с гимназичества звёзды. Я уходил в звёзды. Странствовал между звёздами. Часто я не верил, что есть Земля. О людях — „совершенно невероятно“ (что есть, живут). Памятник Розанову не надо ставить. Но надо поставить памятник „Носу“ Розанова. Человек беспределен. Самая суть его — беспредельность, и выражением этого служит метафизика. „Все ясно“. Тогда он скажет: „Ну, так я хочу неясного“. Напротив, всё темно. Тогда он орёт: „Я жажду света“. У человека есть жажда „другого“. Бессознательно. И из неё родилась метафизика. Да. Вот стихи ещё. Они тоже метафизичны. Стихи и дар сложить их — оттуда же, откуда метафизика. Человек говорит. Казалось бы довольно. „Сказал всё, что нужно“. Вдруг он запел. Это метафизика, метафизичность».*

(С сокр. из «Мимолетного»)

Розанов сказал, что стиль — это то, куда Бог поцеловал вещи. Стиль — это чутьё, а чутьё — это, прежде всего, ирония: подразумевание света в темноте и тьмы при свете. Достоевский в высшей степени обладал этим даром. Соловьёв — тоже. Но он хотел существовать в рацио, в плоском рациональном мире России, и потерял иронию (глубину), потерял чутье, потерял стиль. Поэтому в монологах Порфирия Петровича больше философии (ро-

зановской «метафизики»), чем в 8-ми томах «Сочинений Вл. Соловьёва». Соловьёв бормотал на русско-немецком воляпюке какие-то туманные пророчества с сионистским переливом, а Достоевский в «Преступлении и наказании» сказал крепко, ясно, ядрЁно, как осиновый кол вбил:

«Читали, читали вашу статеечку, г-н Раскольников. „Человек я или тварь дрожащая?“ Как же-с, дело молодое. Только зачем же так сразу, кхе-кхе, с топором-то-с? Вот вы черту переступить решили, нуте-с, а положим, я агент Немецкого Генерального Штаба. Я сказал так, для „антиресу“, кхе-кхе, фантазия-с, одним словом. Что делать, буффон, буффон-с. Но вот, положим, *пришел к вам человек-с… „оттуда“. И тут надо бумажки, документики кое-какие… достать-с. А? А мы вам* капитал-с *для помощи „страждущему человечеству“. И доставим, голубчик, в лучшем виде… В пломбированном вагоне-с».*

Вот вам конец декабризма, конец его столетней истории.

Русская история в своих корнях бессловесна. Быть историком России может только человек с феноменальным чутьём, смотрящий внутрь слов. В то, не что сказано, а *как* сказано. Содержание для русского не важно. Важна манера, тембр голоса, интонация, жесты, оговорки, запинки. Тогда чувствуешь человека. Сенатская площадь сама по себе заурядна. Тональность её трагична. Настолько трагична, что, осознав это, можно только, как сказал бы Розанов, «или дать кому-нибудь в физиономию или разрыдаться»

***

Набоков, хулиганя в «Других берегах», писал перед началом очередного изгиба повествования:

«Я собираюсь продемонстрировать очень трудный номер, своего рода двойное сальто-мортале с так называемым „вализским“ перебором (меня поймут старые акробаты), и посему прошу совершенной тишины и внимания»

Набоков, пожалуй, как никто из русских писателей чувствовал инструментальный характер русского языка. Он это чувствовал так глубоко и остро, что даже к английскому относился чисто «технологически». Возможно, это и поразило его англоязычных читателей. А, с другой стороны, может быть именно идеальное владение чужим языком и помогло ему понять инструментальный характер русского слова и русского мышления.

Мне кажется, только три человека в достаточно полной степени воспроизвели, так сказать, «исихастский» характер нашей

словесной культуры. Это Достоевский, Розанов и Набоков. (И, конечно, Пушкин, но в неявной форме, как тенденцию. Ведь всё его творчество — это «тенденция», «возможность», «хромосома» современной культуры).

Достоевский, будучи философом, воспользовался единственно возможной для русского мышления формой выражения — литературной. Это привело его к интуитивному воспроизведению подсознательного иррационального опыта, того, что называют «русской душой», «широтой русской души». «Широта» души в данном случае синоним душевного равнодушия к идеям, к миру идей. Как писал Бахтин (впрочем, он здесь не оригинален):

«„Идей в себе“, в платоновском смысле или „идеального бытия“ в смысле феноменологов Достоевский не знает, не созерцает, не изображает. Для Достоевского не существует идей, мыслей, положений, которые были бы ничьими — были бы „в себе“».

(«Проблемы поэтики Достоевского»)

«Мир идей» для Достоевского — это лишь просвечивание в словесное бытие внутренней сущности человека. Поэтому его роман — это вовсе не «идеологический роман», не «роман идей», а роман антропологический, где личность рассматривается через смутную, но единственно возможную для писателя призму — призму словесного мира. Личность не живёт в этом мире, а осуществляется через него и тем самым обнажается, становится относительно понятной, понимаемой. Идеи в романах Достоевского постоянно трансформируются, но эта трансформация иллюзорна. Идеи неподвижны и статичны. В мире идей нет времени (Платон). Но сама личность крайне динамична и её переход от одной идеи другой, внешне спонтанный, но внутренне, подсознательно обусловленный, не только возможен, но и закономерен. Эту закономерность и исследует Достоевский. Вот почему сами идеи ему не интересны — они для него иллюзия, мираж. «Что мысли. Мысли бывают разные».

Ещё дальше пошёл в своём творчестве Розанов. Розанов — это «Сверхдостоевский» (452), Достоевский, доведённый до абсурда, до *nec plus ultra*. Недаром, его называли «ожившим персонажем романов Достоевского» (460). Люди, которые его так называли, сами не понимали глубочайшего смысла своих слов. Мир Розанова — это именно мир не Достоевского, а романов Достоевского, не дерева-души, а листьев-идей, ссыпанных в короба книг. Розанов-то как раз и жил в платоновском мире, только в мире идей, в мире метафизики. И его русская душа сказалась в том, что он туда, в идеальный мир, душу и не взял. Розанов никогда не говорит о душе, о внутреннем мире. Не говорит, но плачет,

смеётся, поёт. В результате, идеи, холодные идеи, полностью отделяются от сущности человека. Но одновременно и растворяются в ней. Идей много, слишком много, чтоб они были «идеями». И чем больше крошится платоновский мир под пером Розанова, тем монолитнее становится субъект автора, тем интимнее, ближе он читателю. Все ближе, ближе и ближе, так что в конце концов лопается словесная перегородка и субъект и объект сливаются в одно целое. Розанов ввинчивается в наш мозг. Если через словесный мир «Преступления и наказания» и «Братьев Карамазовых» проступают смутные, мятущиеся души русских людей, то через «Уединённое» и «Опавшие листья» проступает душа автора (и одновременно, наша читательская душа). У Достоевского внутренний смысл происходящего расходится по поверхности романа кругами логического повествования. У Розанова русская карусель «мнений» служит выражению тоскливой, монастырской сути нашего внутреннего опыта.

И наконец, «третий член гегелевской триады» — Набоков. Набоков очень не любил Достоевского. Его «тошнило» от «душераздирающих исповедей и бесконечных разговоров» последнего. Владимир Владимирович писал:

«Нерусские читатели не понимают двух вещей. Во-первых, не все русские любят Достоевского так, как американцы, и, во-вторых, большинство тех, кто любит, ценит его как мистика, а не как художника. Что касается его чувствительных убийц и проституток с золотым сердцем, то они невыносимы, во всяком случае, для меня».

Такое отношение к Достоевскому для Набокова глубоко закономерно. Ведь если автор «Преступления и наказания» философ *через* литературу, то Набоков философ в литературе.

Любопытна технология творчества Набокова. Он писал, как и положено любому мало-мальски уважающему себя русскому мыслителю, афоризмами. Афоризмы, отдельные предложения или фразы он записывал на отдельных карточках. И потом из нескольких сот таких карточек монтировал текст романа или повести. Причём монтаж получался идеально гладким, что называется, «в ёлку». Конечно, такому человеку не могло не претить даже само изложение Достоевского, неряшливое и сумбурное. Достоевский брал не столько трансформационной способностью своего лексического аппарата, сколько удивительной силой и чистотой переживаний. Его опыт был настолько ярок и крупен, что и не нуждался в слишком совершенной передаточной аппаратуре. Он просвечивал и сквозь действительно весьма грубую ткань его прозы. Розанов вообще уничтожил словесное

бытие, разрушил перегородку между читателем и писателем, Набоков же, наоборот, довёл её до сложного, но прозрачного совершенства.

У Розанова и Набокова есть много общего. Известно, что Набоков был довольно крупным энтомологом и всю жизнь собирал коллекции бабочек. Розанов же собрал уникальную коллекцию монет. Мне очень интересен как сам факт стремления к систематизации и собирательству, так и ненужность, неприложимость этого факта собственно к творчеству этих двух так внешне не похожих друг на друга людей. Отводя душу тихими ночами, рассматривая свои коллекции, они постыдно, но безопасно утоляли русскую тягу к магии вульгарного сциентизма. Да, Набоков ещё решал и составлял шахматные задачи, а Розанов писал газетные передовицы. Недостаток Достоевского, может быть, и заключается в том, что он ничего «не собирал» и ни во что «не играл», и, следовательно, был вынужден это делать на страницах своих романов.

Неподготовленный читатель может обмануться виртуозностью набоковской прозы и всерьёз принять автора «Приглашения на казнь» и «Лолиты» за «всамделишного» писателя. Это, конечно, наивное заблуждение. Платон писал рассказы, взаимопереплетающиеся мифы которых создали ему славу великого философа. В сущности, Набоков всю жизнь писал один роман и его творчество в целом есть развёртка одной единственной программы. Его произведения следует читать в хронологической последовательности. В этом смысле это самый философичный русский писатель… после нелюбимого Набоковым Достоевского (472).

В «Даре» пошляк Щёголев рассказывает Годунову-Чердынцеву о своей страсти к подростку-падчерице и под конец многозначительно намекает: «Чувствуете трагедию Достоевского?» Вот и внутренние истоки написанной через 20 лет «Лолиты», уж казалось бы, самой нерусской и самой неметафизической вещи Набокова. И таких связок у него сотни. И часто связок именно с Достоевским. Так Магда из «Камеры-обскуры» — это антипод «золотым проституткам» Достоевского (И, добавим, Толстого, Бунина, Куприна и вообще всех русских писателей. Ведь это сквозная тема «правдивой» русской литературы: если проститутка, то обязательно добрая, гуманная, целомудренная, полезшая на диван от невыносимо тяжёлой жизни и из-за несогласия с монархической формой правления. Ещё одно русское «*Денег, денег не присылайте!*»)

Розанова и Набокова объединяет стремление уловить мимо-

летное, проблема времени вообще. Их коллекционерство — это и есть частное рационалистическое ответвление этого могучего и всепоглощающего стремления. Набоков начинает свои мемуары с определения человеческой жизни как «щели слабого света между двумя идеально черными вечностями». И горестно заключает:

«Столько раз я чуть не вывихивал разума, стараясь высмотреть малейший луч личного среди безличной тьмы по оба предела жизни!»

Розанов же писал в «Уединённом»:

«Томительно, но не грубо свистит вентилятор в коридорчике: я заплакал (почти): „да вот чтобы слушать его — я хочу ещё жить, а главное, друг *должен жить". Потом мысль: „Неужели он* (друг) *на том свете не услышит вентилятора": и жажда бессмертия так схватила меня за волосы, что я чуть не присел на пол».*

Конечно, сказано по-разному. У Набокова ироничная и гладкая «закруглённая» речь, у Розанова какой-то сумбурный и нелепый, но «схвативший за волосы» афоризм. Но тема одна. И душа одна. Всё творчество Набокова, как и Розанова, есть разворачивание единого «зияния», несмотря на внешнюю калейдоскопичность. Отдельные мысли Розанова сливаются в нашем сознании, цельная проза Набокова очень правильно и по-русски распадается в сознании читателя на отдельные мнения, и, главное, и в том и в другом случае затрагивается русская душа, прорывается кора слов.

Я похож на Розанова, и он мне близок (473). Но что общего между мной и Набоковым? Казалось бы, ничего. Если взять наиболее содержательный отрезок его жизни — русский, то сравнение прямо комично. Мне и представить немыслимо его мир (485) — мир высшей петербургской аристократии с английскими гувернантками, английскими детскими книжками, английскими молитвенниками и даже мылом тоже из «английского магазина».

Между нами пропасть не только социальная, но и политическая. Он любил отца, одного из основателей кадетской партии:

«В 1922 г. в берлинском лекционном зале мой отец заслонил Милюкова от пули двух тёмных негодяев и, пока боковым ударом сбивал с ног одного из них, был другим смертельно ранен выстрелом в спину…»

А для меня как раз убитый и есть «тёмная личность». Иуда.

И чисто физиологическая сторона жизни Набокова мне тоже

чужда. То, что у меня естественно, у него аномально (цветовое восприятие звука, галлюцинации, бессонница), а там, где он нормален до пошлости, у меня некоторые «странности» (490). Но, прочтя «Другие берега», я почувствовал где-то внутри, у сердца, близость.

«И всё я стою на коленях — классическая поза детства! — на полу, на постели, над игрушкой, ни над чем. Как-то раз, во время заграничной поездки, посреди отвлечённой ночи, именно так я стоял на подушке у окна спального отделения: это было, должно быть, в 1903 г., между прежним Парижем и прежней Ривьерой, в давно не существующем тяжелозвонном поезде… С неизъяснимым замиранием я смотрел сквозь стекло на горсть далёких алмазных огней, которые переливались в чёрной мгле отдалённых холмов, а затем как бы соскальзывали в бархатный карман… Загадочно-болезненное блаженство не изошло за полвека, если и ныне возвращаюсь к этим первичным чувствам. Они принадлежат гармонии моего совершеннейшего, счастливейшего детства… в смысле этого раннего собирания мира русские дети моего поколения и круга одарены были восприимчивостью поистине гениальной, точно судьба в предвидении катастрофы, которой предстояло убрать сразу и навсегда прелестную декорацию, честно пыталась возместить будущую потерю, наделяя их души и тем, что по годам им ещё не причиталось. Когда же все запасы и заготовки были сделаны, гениальность исчезла, как бывает он с вундеркиндами…»

Набоков не понимает, что гениальное детство — это не привилегия русских детей «определённого времени и круга», а вообще свойство русской души. Гениальные дети — это и есть лучшее название для русских. Гениальные дети и тупые, злые, оглушающе бездарные взрослые.

Русский талантлив, поскольку сохраняет связь со своим детством, со своим бессознательным и бессловесным «я», в немом восторге, «на коленях» смотрящим на мир сквозь стекло ночного вагона. Об этом же чувстве говорит и Розанов, человек другого поколения и круга, но человек, как и Набоков, русский:

«Темы? — да они всем видны, и по существу, черт ли в темах. „Темы бывают всякие“, — скажу я и на этот раз цинично. (Никто из моих критиков) не угадал моего интимного. Это — боль: какая-то беспредельная, беспричинная, и почти непрерывная. Мне кажется, это самое поразительное, по крайней мере — необъяснимое. Мне кажется, с болью я родился: первый её приступ я помню задолго до гимназии, лет 7–8: я лежал за спинами семинаристов,

которые, сидя на кровати и ещё на чём-то, пели свои „семинарские песни“… едва звуки коснулись уха, как весь организм мой, весь состав жил как-то сжался во мне: и, затаив звуки, в подушку и куда-то, я вылил буквально потоки слез: мне сделалось до того тоскливо, до того „всё скучно“, дом наш, поющие, мамаша… Это были мистические слезы — *иначе не умею выразить… Это примыкает к* боли. *Боль моя всегда относится к чему-то* далёкому; *точнее: что я одинок, и оттого что не со мной какая-то* даль, *и что эта даль как-то* болит, — *или я болю, что она только* даль *(502)… Тут есть „порыв“, „невозможность“ и что я* сам *и* все *„не то, не то…“»*

Набоков, говоря о «гениальном детстве», в сущности забыл добавить: «гениальная *тоска* русского детства». Внутренний трагизм и нигилизм жизни был у него выведен во вне, в хрустальные ностальгические сны. Внутреннюю трагедию своей личности он стал постепенно воспринимать внешне, как следствие потери отца и отечества, а чувство заброшенности в мир и в мире трансформировал в заброшенность в захолустье берлинской эмиграции. Поэтому он и локализовал опыт внутренней тоски и томления лишь на своём поколении и в своём круге. Но это не так. Детство Набокова ничем не отличается от провинциального детства Розанова или современного «пионерского» детства (511). Я не знаю, как ещё сказать об этом, но мне это *так* ясно, *так* понятно…

В «Других берегах» есть удивительный эпизод. Набоков вспоминает годы, проведённые в Кембридже, где он кроме всего прочего играл голкипером в университетской команде. И часто во время матча, когда игра перемещалась к воротам противника, Набоков прислонялся к штанге ворот

«…и думал о себе, как об экзотическом существе, переодетом английским футболистом и сочиняющим стихи на никому неизвестном наречии, о заморской стране».

Эта фантастическая картина: русский поэт и прозаик, «переодетый английским футболистом», расслаивается на два символа: символ несоответствия внешнего и внутреннего в русском характере и символ абсолютной неизменности внутреннего мира. Поэтому этот кембриджский студент 20-х годов мне до странности близок. Ведь я тоже чувствую себя в кого-то переодетым и играющим в другой стране в какую-то дурацкую и нелепую игру. И всё равно я закрываю глаза и вижу свою безнадёжно потерянную Россию. Набоков так и остался Володей Набоковым, «русским мальчиком». Его фантасмагорическая судьба

ни капельки его не затронула. А если затронула бы, навалилась всей массой переживаний, то не было бы Набокова, как русского не было бы. Он скорлупой творчества защитил своё гениальное русское детство. И этой своей замкнутостью он мне ближе Розанова. Но Розанов милей.

В 13 главе воспоминаний Владимир Владимирович пишет о своей встрече с Буниным. Бунин, как известно, притворялся французом, а Набоков — англичанином. Поэтому разговора не получилось.

«Помнится, он пригласил меня в какой-то ресторан — вероятно дорогой и хороший — ресторан для задушевной беседы. К сожалению, я не терплю ресторанов, водочки, закусочек, музычки — и задушевных бесед. Бунин был озадачен моим равнодушием к рябчику и раздражён отказом распахнуть душу». И т. д.

Но в повествовании Набокова как всегда всё клонится набок, всё уклончиво. И под конец он, сжимая холодными руками читательский череп, выдавливает ностальгические слезы:

«В дальнейшем мы встречались на людях довольно часто, и почему-то завёлся между нами какой-то удручающе-шутливый тон — в общем до искусства мы с ним никогда не договорились, а теперь поздно, и герой выходит в очередной сад, и полыхают зарницы, а потом он едет на станцию, и звезды грозно и дивно горят на гробовом бархате, и чем-то горьковатым пахнет с полей, и в бесконечно отзывчивом отдалении нашей молодости отпевают ночь петухи…»

И медленно оборачивается в нашем восприятии смысл набоковского воспоминания. Холодное упивание эстетическим совершенством своей речи оборачивается все тем же предсмертным словоговорением Сократа. Сократ говорил, говорил, говорил… Реплика Бунина («„Вы умрёте в страшных мучениях и совершенном одиночестве“, — сказал он мне, когда мы направились к вешалкам») теряет свой первоначально кафешантанный смысл и оборачивается, нет, не пророчеством, а в свою очередь, ключом к шифру последней фразы. И становится ясным, что холодный джентльмен Набоков после злополучного вечера всю ночь не мог заснуть — от тоски, одиночества и непонимания, оттого, что «и *сам* и *все* «не то, не то…» И книги его — окна к людям — внезапно превращаются в узорчатые ставни.

Вот почему мне милее Розанов, а не Набоков. Розанов — это человек, которому можно довериться, можно раскрыться перед ним. Перед Набоковым я бы никогда не раскрылся, хотя он удивительно «понимаем» для меня.

Набоков писал:

Зоил (пройдоха величавый,
корыстью занятый одной)
и литератор площадной
(тревожный арендатор славы)
меня боятся потому,
что зол я, холоден и весел,
что не служу я никому,
что жизнь и честь свою я взвесил
на пушкинских весах, и честь
осмеливаюсь предпочесть.

***

Набоков хорошо понимал свою близость Пушкину. Даже формально между ними много сходства. Один родился в 1799 году, другой в 1899; предком Набокова был Данзас; Пушкина называли «русским Байроном», Набоков же перевёл «Евгения Онегина» на английский язык и т. д. Но, конечно, дело не во внешних аналогиях. Суть сходства (и, соответственно, различия) глубже.

Часто приходится сталкиваться со следующей точкой зрения: февраль есть насильственный разрыв русской культурной традиции и то, что мы наблюдаем в эмиграции 20-х годов — это лишь слабые отзвуки так и не состоявшегося ренессанса. Может быть, это верно относительно некоторых ещё не выработанных культурных слоёв, но что касается стержня современной русской цивилизации — литературы, то, навряд ли, там возникло бы что-либо новое. Наоборот, февральский катаклизм подействовал на дряхлеющую русскую культуру как наркотик, придал ей на какое-то время дополнительный импульс. Ведь недаром начало века в России назвали «серебряным веком». Увы, «серебряным». И Набоков — это классическое завершение «Серебряного века» и одновременно начало перехода в век «бронзовый» (так и не состоявшийся).

В набоковских произведениях достигнута какая-то вечная и окончательная гармония. Дальше идти некуда — это конец. И завершение русской литературы и разрыв с ней. Неправдоподобно совершенная форма сочетается у него с несвойственным русским описательством, холодной гармонией и красотой античных скульптур. Это возвращение к Пушкину, но это не юность, а старость, увядание. Пушкин считал, что он нужен России, что слух о нем «пройдёт по всей Руси великой». Набоков же начал с деланной иронии «Дара»: «я буду таким писате-

лем, какого ещё не было, и Россия будет прямо изнывать обо мне, — когда слишком поздно спохватится…», а кончил безнадёжным обобщением, тем, что он совсем не нужен «чопорной своей отчизне», и что «вот уже скоро полвека чернеет слепое пятно на востоке моего сознания» и вообще «пулемётным 17-м годом, видимо, кончилась навсегда Россия, как в своё время кончились Афины и Рим». С этим, в сущности, и сошёл в могилу.

Я думаю, «если бы всё было хорошо», то все было бы так же. Набоков был русский, а относился к литературе и писал как европеец, то есть с полным сознанием искусственности и социальной малозначимости своего творчества. В конечном счёте «набоковщина» привела бы русскую литературу к более совершенному, но и более ограниченному миропониманию, к окончательному распадению культуры на формотворчество и ремесленничество и, как следствие, лишение внутренней динамики, омертвению путём комментаторства и филологизации.

Набоков очень нигилистично относится к русским классикам, но при этом был не «революционером», а «реакционером». Он сбросил Достоевского с корабля современности, но сбросил, преодолел его путём «погружения» в мир Пушкина (ведь Достоевский и был гигантским осколком пушкинской вселенной). Но приход к Пушкину, святому для Набокова, был неизбежно вторичен. В сущности, Набоков пришёл не к Пушкину, а к произведениям Пушкина, к их, а не его, Пушкина, тону. Сам Пушкин никогда не был «зол, холоден и весел». Он только хотел быть таким, и даже не столько быть, сколько *казаться*. Суть Пушкина в горячей открытости, в увлечении всем. Набоков взял холодную пушкинскую форму и потерял сущность. Розанов взял именно сущность, разрушив словесные перегородки. Набоков холоден, Розанов горяч.

«Ах, не холодеет, не холодеет ещё мир. Это только кажется. Горячность — сущность его, любовь есть сущность его…»

В первом произведении Набокова — «Машенька» — есть эпизод, который для меня является ироническим символом набоковщины:

«„Я твоя, — сказала она. — Делай со мной, что хочешь…“ Он застыл, потом неловко усмехнулся.

— Мне всё кажется, что кто-то идёт, — сказал он и поднялся.

Машенька вздохнула, оправила смутно белевшее платье, встала тоже.

И потом, когда они шли к воротам по пятнистой от луны до-

рожке, Машенька подобрала с травы бледно-розового светляка. Она держала его на ладони, наклонив голову, и вдруг рассмеялась, сказала с чуть деревенской ужимочкой: „В обчем — холодный червячок“».

***

В Набокове русская культура остыла, окаменела. И сам он в этом ни капельки не виноват. Это выражение неизбежного и закономерного процесса, в Розанове он, может быть, начал выражаться вновь, по-другому, в иной ипостаси. Но со своей же русской, пушкинской душой-сутью. Розанов просто начал с другого конца.

Набоков довёл искусство изложения до таких высот совершенства, что окончательно порвалась ниточка связи с бедным и наивным русским читателем, читателем, для которого, как мы знаем, «что написано пером, то не вырубишь топором», и который читает книги совсем не так, как на Западе. Пафос Набокова — принципиальный отказ от ремесленничества, от писания для читателя.

И в этом он схож с Розановым. Но Розанов, отказавшись от ремесленничества, просто уничтожил литературу как таковую. Никакая литература не нужна. Гутенберг, изобретя печатный станок, уничтожил письменную речь, превратив её в товар, в чтиво, создав пустую толпу «читателей». Розанов не раз и не два восклицал: «Книга, которую давали читать — развратница»; «Книга должна стоить очень дорого»; «Идеальный вид книги — рукопись». То есть книга — это как письмо — только для родных, для друзей. Отсюда вытекает одинаковое с Набоковым отношение к слову. Слово — инструмент. Для Набокова — инструмент для создания красоты, мира бумажных бабочек, для Розанова слово — инструмент для постижения внутренней красоты молчания. Чем громче орёшь, тем глубже тишина. В первом случае — полная искусственность, во втором — полная безыскусственность, интимность. Набоков — писатель для писательства, Розанов — писатель для себя. Набоков замкнут, вас для него не существует, Розанов же открыт, он это вы (555). Вот почему мне Розанов милее, чем Набоков.

Когда я впервые познакомился с книгами Розанова, то с ужасом увидел, или, точнее, почувствовал чисто интуитивно, по незначительным чёрточкам свою даже физиологическую похожесть на автора. Конечно, розановская карусель любого задевает, и каждый в тысячеликом его юродствовании найдёт и свой лик или личину. Но я почувствовал не это сходство, а сходство

с самой сутью его мира. При неизмеримо более высоком *уровне,* это все же мой тип *мышления.* Это не заслуга и не недостаток, а просто «так получилось». И раз это получилось, то поэтому, я думаю, Розанов мне понятнее, чем другим. Или, если говорить более осторожно, другие философы мне менее понятны, чем Розанов.

Я никогда не встречал достаточно органичного восприятия его философии. Уже Мережковский, старейший представитель новой, «серебряной» России, воскликнул с недоумением:

«Какая в самом деле противоположность этих двух лиц, Вл. Соловьёва — с его иконописным лицом Иоанна Предтечи, и Розанова — с обыкновенным лицом „рыжеватого господина в очках", мелкого контрольного чиновника или провинциального гимназического учителя из поповичей. Но, по мере того, как вглядываешься в это лицо, открывается удивительная смесь бесстрашной и почти бесстыдной, цинической пытливости, как бы бездонного углубления тысячелетней мудрости — с детским простодушием и невинной хитростью — смесь Акакия Акакиевича с Великим Инквизитором».

Так писал Д.С. Мережковский. А вот как пишет один из представителей ушедшей России, Ю.П. Иваск:

«…в Розанове было что-то от змеи подколодной *и что-то от* птицы певчей. *Он не только мечтал о полете, как горьковский уж (рождённый ползать). Он существо и ползающее и парящее. Ползучий Розанов: это маленький человек, человечек, мелкий чиновник, которого природа и вдобавок ещё русско-бытовая судьба-злодейка согнула, раздавила, загнала в глухое подполье затаённых эмоций, обиды, зависти, злости, мести. Чтобы как-то заявить о своём существовании, этот человечек, выползая из своего тёмного закутка, извивался, шутовствовал, бесстыдничал, юродствовал и незаметно жалил, разлагал. Но рождённые ползать иногда летают… Назло таинственной и бессмысленной фортуне, ползучий Розанов не только хотел летать, но и летал… Иногда удавалось ему забывать обо всех обидах, и он вырывался на свободу, на простор, и взлетал высоко, в* поднебесье…»

Оставим здесь политические ужимки глупых русских кукол и умных кукловодов. И Мережковский, и Иваск говорили о чиновничьем и ползучем Розанове не только из-за политических и религиозных антипатий. Смутно и наивно они чувствовали странную, напряжённую алогичность и неуловимость розановской мысли. Они чувствовали силу этого человека, делающую его много, на две головы, выше их, но никак не могли нащупать,

в чем тут дело. И изобрели (и не они одни) легенду о «двух Розановых». Но Розанов един. Его сила именно в единстве. Проводя параллель с Набоковым, я и пытался нащупать внутреннее единство розановщины, силу и монолитность глубокой русской души. Оказалось, что эти столь внешне непохожие люди обладают сходным внутренним опытом.

Набоков — это тотальная идеализация формы (литературной) Достоевского, Розанов — такая же тотальная идеализация его содержания (философского). Но и в том, и в другом случае основой является индивидуальный внутренний опыт, интимно совпадающий с аналогичным опытом самого Фёдора Михайловича.

***

В мыслях Розанов часто ошибался. В схеме мышления — никогда. В том, *как* сказано, он идеален. Это идеальное русское мышление. Схема развития набоковской мысли тоже типично русская. Здесь нет никакого насилия. Полная органичность. Может быть, потому (или потому что) Набоков терпеть не мог Германии и немцев. В «Даре» он сознательно говорит о кругообразности своего мышления. Годунов-Чердынцев, автобиографический персонаж, пишет книгу о Чернышевском:

«В виде кольца, замыкающегося апокрифическим сонетом так, чтобы получилась не столько форма книги, которая своей конечностью противна кругообразной природе всего сущего, сколько одна фраза, следующая по ободу, то есть бесконечная…»

Более того, всё своё творчество и даже саму жизнь Набоков мыслил в виде гегелевской спирали:

«Спираль — одухотворение круга. В ней, разомкнувшись и высвободившись из плоскости, круг перестаёт быть порочным. Пришло мне это в голову в гимназические годы, и тогда же я придумал, что бывшая столь популярной в России гегелевская триада выражает, в сущности, всего лишь природную спиральность вещей в отношении ко времени. Цветная спираль в стеклянном шарике — вот модель моей жизни».

(«Другие берега»)

Неожиданно для самого себя писатель сказал здесь не только о внешнем аллегорическом, но и о внутреннем символическом единстве своего мира. У Набокова, идеально владевшего английским, было чрезвычайно развито чувство языка. И он не стал философом при своей тяге к интеллектуальному артистизму, так как почувствовал всю невозможность русскоязычной философии. Внутренний пафос Набокова — свобода. В послесловии

к русскому переводу «Лолиты» он пишет о:

«Разнице в историческом плане между зелёным русским литературным языком и зрелым, как лопающаяся по швам смоква, языком английским: между гениальным, но ещё недостаточно образованным, а иногда довольно безвкусным юношей, и маститым гением, соединяющим в себе запасы пёстрого знания с полной свободой духа. Свобода духа! Всё дыхание человечества в этом сочетании слов».

Ради этой свободы духа Набоков задушил в себе «достоевщину», хитрое и коварное, но чистое и наивное русское мышление (594). Он не хотел и не мог *мыслить* на русском языке, языке, не приспособленном для передачи *мысли* и в этом отношении грубым, материалистичным и вообще безнадёжным. Ведь не в том дело, что в русском языке нет философского категориального аппарата, а в том, что его и не может быть. Не в том дело, что сейчас вместо категорий мы имеем лишь насильственно привитые латинские и немецкие кальки, только разрушающие национальную филологическую структуру. Не в этом дело, а в том, что наш язык слишком зыбкий. Понятия в нем легко трансформируются. Поэтому либо в русском языке будут термины, но как устойчиво чужеродное начало, вроде «дуршлага», «кашне» или «ягдташа», либо они разомкнут и расплывутся в отечественном киселе, превратятся в «пальтецо» и «кофеёк».

Набоков писал:

«Телодвижения, ужимки, ландшафты, томление деревьев, запахи, дожди, тающие и переливающиеся оттенки природы, всё нежно-человеческое (как ни странно!), а также всё мужицкое, грубое, сочно-похабное, выходит по-русски не хуже, если не лучше, чем по-английски; но столь свойственные английскому тонкие недоговорённости, поэзия мысли, мгновенная перекличка между отвлечённейшими понятиями… — становится по-русски топорным, многословным и часто отвратительным в смысле стиля и ритма»

Поверим Набокову, ведь может быть, это единственный писатель, создавший одинаково гениальные произведения на двух совершенно разных языках. Кому, как не ему, чувствовать всю схожесть и все различия русского и английского языковых миров.

Но отказ от мышления по-русски подарил Набокову *свободу*. И в полете фантазии, в мышлении иррациональном он воспроизвёл структуру духовного мира русского человека и тем самым поднялся до высот философских обобщений. Логический обод

«Дара» — это туго скрученная в пружину спираль свободного и естественного филологического творчества.

И всё же Набоков покинул бедное русское мышление. За что? Ведь так хочется подумать, помыслить. Хоть немножко. Но набоковщина грубо отнимает у нас саму возможность этого. Набоков очень не любил критические разборы своих книг. И действительно, когда читаешь критику, посвящённую анализу его творчества, то это, как правило, просто «хрип патриархальных кретинов». Иначе и быть не может, так как его оппоненты уже в силу характера своей деятельности, вынуждены пробавляться русским рациональным мышлением. В результате получается, что контакт с Набоковым вообще невозможен. (Наверное, в сходном положении находятся музыкальные критики.) Просто не о чем говорить. Прочёл, молча поклонился и «отваливай в сторону». А иначе это просто саморазоблачением будет. Поэтому Набоков страшно давит на читателя (619). С радостью я нашёл в «Других берегах» несколько грубых логических ошибок (630). Стоило ему одной ногой, даже мизинцем одной ноги, встать на твёрдую почву рацио, как обаяние стало быстро испаряться. Набоков это чувствовал и допускал подобные просчёты крайне редко.

Розанов же добрый. Он не боится быть смешным ужом (642) и ползать по болотным кочкам отечественного мышления. Розанов «снисходит», опускается. И за эту «низменность» низкий поклон ему. Вот почему (заканчиваю очередной оборот пластинки) Набоков мне ближе, а Розанов милее.

***

Розанов — друг и товарищ. Учитель. Кажется, это единственный русский философ с опытом педагога, с опытом непосредственного и незамутнённого страстями общения с людьми. Я не знаю другого русского мыслителя, который не то чтобы смог, но хотя бы всерьёз попытался помочь людям жить: не вообще, не «народу» и не «личности», а именно людям, простым людям, живущим простой обыденной жизнью. Рождающимся, рожающим и умирающим.

Были в России демагогические брошюры, были справочники и энциклопедии, были «романы» и «поэмы», а живого простого человеческого слова не было (редчайшее исключение — несколько старцев). Тогда не было. А сейчас даже уже и не просишь, не ждёшь, не надеешься. А кто поможет? Ведь у нас нет даже родителей, все сплошь «интеллигенция в первом поколении». Впрочем, у русских никогда не было родителей, никогда не было полноценной семейной традиции. Русский быт — всег-

да неустроен. И сколько житейских смешных неприятностей складывается постепенно в человеческое одиночество, в тоску, в бессонные ночи, злобу. И никому не помочь, никому не утешить. Розанов вот утешает. Как я жалею, что его книги не попались мне в юности. Как я тогда нуждался в помощи, в совете, в отеческом наставлении. Отчасти мне помог Достоевский. Ведь как тенденция розановские «советы» содержатся в его романах и «Дневнике писателя». Но лишь как тенденция. Это дело тонкое, деликатное. Тут нужно высшее чутье, розановское.

Ответить на вопрос «как жить?» нельзя. Ни у кого бы это не получилось. Одни бы ушли от ответа в уклончивую ироничность, другие бы занялись навязыванием собственных проблем, собственного внутреннего опыта, часто глубокого и интересного, но чужого. Розанов сумел избежать этих крайностей. Удивительно! Нелепо и смешно жить «по Толстому», жить «по Достоевскому», жить «по Мережковскому», жить «по Набокову». «По Розанову» жить можно!

«Что делать?» — Наивный и глупый вопрос! Но если стоит человек на перепутье в душевном недоумении, если «некуда пойти»? Кто же посоветует ему? И что посоветует? Уже задавая этот вопрос, человек раскрывается перед другим в своей ранимости душевной, в своём смятении, оглушённости. Ведь «что делать?» — это не только смешной вопрос. Это вечный вопрос. От него не уйти, не спрятаться. Так все же, «что делать?» Розанов отвечает на этот вопрос фразой, которой суждено стать крылатой:

«„Что делать?“ — спросил нетерпеливый петербургский юноша.

— Как что делать: если это лето *— чистить ягоды и варить варенье; если* зима *— пить с этим вареньем чай».*

Это сказано «так», простодушно, без задней мысли. Но ответы Розанова с двойным философским дном.

Конечно, здесь он прежде всего издевается на Чернышевским и К.

«„Что делать?“ — спросили у нетерпеливого петербургского юноши.

— Как что делать: если это лето — чистить ягоды и варить варенье; если зима — подавать мне с этим вареньем чай».

И вот молодому претенденту на престол, а то и выше, амикшонски советуют благодетельствовать не человечество, и даже не какой-нибудь русский народ, вообще тёмный и нестриженный, а самого себя. Это, конечно, мастерская пощёчина. По аналогии хочу привести ещё одну реплику Розанова:

«Да, я тоже думаю, что русский прогресс, рождённый выгнанным со службы полицейским и ещё клубным шулером, далеко пойдёт:

Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте. Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ.

Вообще у русского народа от многочисленных „спасибо“ шея ломится. Со всех сторон генералы, и где военный попросит одного поклона, литературный генерал заставил „век кланяться“ (644). Щедрину и Некрасову кланяются уже 50 лет».

Эх, милый Василий Васильевич, не 50 и даже не 100. Совсем уже свернули шею от поклонов и беспомощно завалилась русская головушка на левый бок. И выпрямить её может только одно — правда. Как я смеялся, когда узнал биографию Некрасова: вот «печальник земли Русской» женится в преклонном возрасте на тщательно выбранной 19-летней проститутке, взятой из публичного дома; вот посвящает ей свои стихи о декабристах; а вот «прогрессивный критик» Антонович при посредстве морского бинокля рассматривает из-за кустов окна некрасовского дома, и потом в пьяном виде таскается по знакомым и рассказывает пикантные подробности диванного рандеву Николая Алексеевича с Зиночкой. И т. д., и т. п. И вот этот… *мусор* мнил себя совестью России, указывал *поколениям* «что делать»! Да тут не отдельные фактики важны, а общий тон; «нравы». Вот что самое-то страшное. Розанов сказал: «Кабак». Конечно, всё это «Русь кабацкая».

Но вернёмся к розановскому ответу (и совету). Трактовка его с чисто правых позиций все-таки однобока. Ведь «нетерпеливый петербургский юноша» обаятелен в своей непосредственности. Юность всегда наивна, ей всегда свойственно увлекаться. Афоризм Розанова ироничен, даже саркастичен, но всё же остаётся намёком, двусмысленностью. Можно сказать и иначе. Например, так:

«Полные „бессмертного смысла“ строки „сейте разумное, доброе, вечное…“ подняли крылья тысячам народных учителей».

(Из статьи в «Новом пути» за 1903 год)

И ещё:

«Стихи, как „Дом не тележка у дядюшки Якова“ народнее, чем всё, что написал Толстой. И вообще, у Некрасова есть страниц десять стихов до того народных*, как это не удавалось ни одному из наших поэтов (650) и прозаиков».*

(«Уединённое»)

Это характерный приём розановской «доводиловки». Если учесть «философский пуантилизм» нашего мыслителя, то фраза о ягодах приобретает несколько иной оттенок. Более глубокий. «Что делать?» Да что хочешь, то и делай. Всё это никому не нужное «собирание ягод». Хотите, можете собирать грибы, удить рыбу, писать книги. Вопрос «что делать?» бессмыслен, потому что можно делать всё. И, следовательно, ничего.

«Мысль, что человек в самом деле делает историю, — вот самая яркая нелепость: он в ней живёт, блуждает без всякого ведения — для чего, к чему».

(Из сборника «Когда начальство ушло». Фраза о «ягодах» взята оттуда же)

Таково примерно первое ощущение от «совета» Розанова (именно ощущение). Ощущение лёгкости и свободы от нудных и набивших оскомину «инструкций»: как собирать ягоды, как построить фабрику варенья. Но человеку не нужно социал-демократического варенья. Не этого он хочет, вопрошая в пустыне. Розанов писал в сборнике «Война 1914 г. и русское возрождение»:

«…литература все „забавлялась“ читателем и обмазывала его вареньем, как куклу. А ему не варенья нужно, а царства, истории, страдальчества и величия».

Выходит, что сам вопрос раздваивается на два уровня: бытовой и идеальный, трансцендентный. Это и создаёт невозможность однозначного рационального ответа. Но Розанов и сам неоднозначен, так что ответ все-таки дан.

Саркастическая напряжённость фразы: метафизический вопрос и обывательский ответ — выявляет парадоксальность проблемы, девальвирует её непосредственное решение. Этот уровень и есть собственно философский. Философия не решает вопросы, и даже не ставит их, а мыслит о вопросах, о вечных неразрешимых вопросах. В результате этого мышления человеческое сознание поднимается на более высокую ступень мировосприятия. В этом подлинный смысл философии.

В собственно философии Розанов многозначен, всезначен. Его русская интерпретация философских проблем заключается в их пуантилистической девальвации. С одной стороны, это приводит всё же к созданию своеобразной узорчатой картины мира, а с другой — делает эту картину живой, меняющейся и, так сказать, «необязательной», альтернативной. Чувствуется, что за ней что-то есть, что-то скрывается. И за ироничным ответом на вопрос петербургского юноши, ответом действительно *интуи-*

тивным, простодушным, скрывается сложный смысл. Не отвечая на этот вопрос на почве собственно философской, он отвечает на него с позиций быта, своего бытийственного существования в мире, и с позиций нигилистического опыта своей души. И здесь он един и вполне однозначен.

С внерациональной позиции ответ прост: «Ничего не делать!». Русские самый бездеятельный народ. Чем умнее европеец, тем он активнее, деятельнее. У русских «делание» — синоним глупости. Идеал русского — чисто созерцательное отношение к миру. Достоевский писал в черновиках «Бесов»:

«Нечаев глуп… глупый-то и сделает. Умные только скитаются, а чтобы быть деятелем, надо непременно хоть с одной какой-нибудь стороны быть дураком».

Это очень русская мысль. Русское сознание — это трансформация наоборот Ленинградской симфонии Шостаковича: мелодия души, истекающая в реальность сатанинским ритмом. Как получилось, что русские, такой добрый, тихий и милый народ, постоянно толпятся и собираются вокруг каких-то страшных, умонеохватных идей. Народ пустынников и военных, святых и чиновников. Русские лучшие в мире военные и чиновники. Почему?

Розанов писал о немцах:

«Наверху, в одинокой башне астролога и алхимика, копался Фауст, а внизу двигались чудовищные образы Брунегильды и Фредегонды и всей кровавой и жестокой истории Нибелунгов… Чета ли это нашим благодушным Илье Муромцу, Святогору-Богатырю, Микуле Селяниновичу, Владимиру Красному-Солнышку. Совсем другие сюжеты и напевы…»

«Вся русская история есть тихая, безбурная; всё русское состояние — мирное, безбурное. Русские люди — тихие. В хороших случаях и благоприятной обстановке они неодолимо вырастают в ласковых, приветливых, добрых людей. „Русские люди — славные“. Кстати, прилагательное „славный“ сливается с именем племени — „славяне“ (677)».

Русские славные и тихие, по своей основе, по бессловесной физиологии, это самый добрый, милый, «славный», чисто христианский народ. Отсюда и лёгкость крещения Руси. Христианство не встретило сопротивления именно на уровне физиологии. Русские совсем не кровожадны и не злы уже из-за своей пассивности, ведь жестокость, злоба активны, деятельны. Это не «придите володеть нами», а «приду володеть вами».

Говоря о германских зверствах Первой мировой войны, Роза-

нов тончайше уловил главное: если брать поведение человека в озверевшей толпе, там, где сорвана с человека вся сдерживающая скорлупа культуры, то немец *беззаветен,* он летит в своём зверстве и кровожадности до конца.

*«Ни в ком, ни в едином не пробежал тот безотчётный, суеверный, невольный испуг, который также быстр и приходит вдруг, как и животная ярость, и тогда, вмешиваясь в пути её, — ломает её. „*Хочется *убить, да* испугался*“… „Вырвал у матери ребёнка, хотел бросить под ноги толпе на растерзание, — да вдруг* почувствовал ужас*“… „Поднял кулак над старухой-женщиной; да* что-то остановило*“… Вот этих невольных движений, слепых, но уже не разрушительных… не было».*

У русских же иначе. Русский звереет, выламываясь из массы, а немец — растворяясь в ней.

«При всех бывающих ужасах и мраке народной жизни, у нас лютость *души является всегда как* личное исключение*, обыкновенно — патологическое, на которое толпа и улица кричит и топает ногами. Никогда* толпа *не наслаждается тем, как бьёт* один. *Толпа всегда делается озлобленною на бьющего. Этому, вероятно, всякий видел примеры. В общем, в массе (об этом и идёт дело) русская душа — сердобольная. Это никто не станет отрицать. Душа народная — грубая, тёмная, суеверная, но* сердобольная. *И ещё другой признак:* испуганно вспоминает Бога…

(Во „Власти тьмы“ Толстого) сам грешник, убийца собственного ребёнка говорит: „Ох, скучно *мне! Гасите свет, убирайте водку“ (со стола). Вот этого страха и тоски ни разу не выкрикнулось у немцев».*

(Замечу в скобках, что в статьях Розанова о Германии удивительные пророчества и предсказания. В них необычайно точно почувствован *дух* надвигающегося «Третьего рейха». Собственно, когда, в начале века, это было скорее тенденцией, но Розанов эту тенденцию уловил своим феноменальным чутьём, «носом»:

«„Век крови и железа“, о котором высказался Бисмарк с трибуны парламента… казалось, протягивал над Европой какой-то раскалённый чугунный свод, под которым отныне будут жариться народы, будут корчиться народы, будут высовывать жаждущие языки и на них не упадёт никакая капля росы. Ужасно, — и вместе точно, математично. „Сила создаёт право“ — тоже формула Бисмарка, услужливо и удивлённо подхваченная теоретиками государствоведения. „Ужасно, но зато научно“, — и людям оставалось жариться по-научному».

Розанов был не силен в социологии и сказал то, что ему «пр-

иснилось»: «Немцы будут по графикам в печах целые народы».

Вернёмся к оборванной мысли. Далее Розанов говорит о религии немцев и русских:

«Лютер, Цвингли, Кальвин — если говорить жёстко, — все были в сущности резонёры*, „рассуждали о богословских предметах", теоретики, мыслители, писатели, говоруны… И именно они „внушают веру", внушают как „правило поведения", которое в экстатический момент, как в июле-августе (1914 г.) у германцев „на ум не пришло", „забылось", „выскочило из головы".*

— Мы, лютеряне, имеем правильную церковь.

— Мы, русские, имеем святую церковь.

Совсем разница! Совсем другое дело! Совсем иная нежность души. Совсем иной полет души! Наше отношение к Небу и Богу совсем другое: испуганное, томящееся, умилённое, восторженное, „обнимающее ноги Спасителя нашего"».

***

Русская религия — вера, немецкая — знание. Русские живут у Бога (если произнести вслух, получится грустный каламбур), немцы живут около Бога, думают о Боге. Для немца христианство — основа культуры, для русского христианство докультурно, и часто культура начинается там, где кончается христианство. Русский народ по *культуре* неизмеримо ниже немцев и европейцев вообще. По культуре русские звери, свиньи. И русская *культура* (в узком смысле этого слова), может быть, гораздо менее христианская, чем культура западная.

Розанов писал о немцах:

«Грубая нация: немцы всегда были грубы. Только тонкою кожицею, только поверхностным слоем лежала в их поэзии и философии культура, — плод индивидуальных немецких воспарений к небу».

Это, конечно, русский взгляд: культура, как кожа, оболочка. С точки же зрения европейца это и есть суть человека, и, конечно, в Германии была не «кожица», а мощнейший культурный пласт, такой толстый и плодородный, что русским-то и мечтать нечего о чем-либо подобном. Вся послепетровская Русь питалась немецкими идеями. И прекрасно делала. Но ошибка заключалась в том, что русские волей или неволей хотели переделать самою физиологию своей нации.

Розанов ошибочно ругал немцев за то, что они заменили понятие культуры понятием образования и трудолюбия. Он не понимал, что вне рацио в Германии возможен только фашизм. Или

протестантская кирха, или «Нибелунги». Немцам нужно было окончательно отказаться от дословесного опыта. Розанов шипел:

«По форме *— барин, лейтенант, питомец берлинского университета, — в душе хулиган. Я видел этих ужасных берлинских студентов, в компании пришедших в Тиргартен… Огромного роста, упитанные, без единой мысли в лице и, очевидно, без всякой тоски в душе, — без тоски, тревоги, сомнения, — они были ужасны, эти прусские студенты!! Господи, — из сотен наших не встретишь ни одного* такого*!… Очевидно — пути развития разные, культура разная! Наша культура — скромная…»*

Розанов как-то не понимал, что если «тоска» не появляется на лице у немца, то это не потому, что другая (ущербная) культура, а потому, что другая физиология. Другое не мировоззрение, а мироощущение. И если «окультурить» немца ещё больше, то за счёт логоса, за счёт романтичности немецкой *мысли*, появится и тоска, и Бог, и сострадательность. Не душевная, но духовная.

У русских же совсем не так. Хамство по-русски не от недостатка души, а от недостатка культуры, образования. Путь самопознания по-русски — это сохранение связи со своей несчастной и тоскливой душой. Самопознание по-немецки — это разрыв с физиологическим уровнем, уход в метафизику, науку, искусство (мастерство). Вообще это западный и восточный путь к Богу — через слово и через молчание. «Поговорим о Боге» и «помолчим о Боге».

Я и сказал, что русская душа — «Ленинградская симфония наоборот». Это антипод Германии, у которой в душе флейта и барабан, в разуме — божественная музыка (713). Моцарт, Бетховен, Бах — какая упорядоченная, какая разумная и светлая музыка. Русская музыка более душевная, более напевная и рассыпанная.

«Западники» как-то не заметили, что их преклонение перед западной культурой есть, в сущности, преклонение перед «флейтой» и «барабаном», что русская душа не может приобщиться к культуре западным путём, путём отказа от внутреннего опыта и погрязания в липком русском словесном мире.

«Все эти господа из „Русского Богатства“, все эти наши „экономические материалисты“ и приверженцы „классовой борьбы“ готовят России духовную участь Германии и призывают в корне вещей и русских „не стесняться“ и проявлять „зверства“… Сейчас это — во имя „Интернационала“ и „рабочего класса“, но когда конкретные нужды переменятся, то — послушанию вообще „пар-

тийного завода“, „демократического завода“ и, наконец, „казённого завода“…»

(здесь и выше — цитаты из «Войны 1914 года и русского возрождения»)

Отсюда становится понятным коренное отличие между немецким фашизмом и русским большевизмом. Фашизм — это национал-социализм, большевизм — интернационал-социализм (714). Фашистская идеология очень органичная и вытекает из самой сути немецкого народа. Если анализировать германскую историю с точки зрения нравственной и религиозной, то её исследователю не составит большого труда провести чёткую линию от Зигфрида к Мюнцеру и от Мюнцера к Гитлеру. Анализ же германской истории с точки зрения развития культуры наоборот, ничего не даст. В этом случае фашизм будет восприниматься как необъяснимое, дьявольское наваждение. Гёте, Шиллер, Кант и вдруг фашизм — нелепо! Даже Ницше связан с нацизмом весьма опосредованно, и то только потому, что на страницы его книг иногда прорывался архаичный (и для немецкого интеллектуала глубоко атавистичный) дословесный опыт.

У русских всё наоборот. Из Руси церковной ну никак нельзя вывести Русь советскую. Зато анализ русской словесной культуры XIX–XX веков (а раньше её как таковой и не было) показывает, что Россия была уже давно обречена (716). 95% нашей научной и публицистической литературы явно социалистично. Нацизм и германская культура несовместимы, социализм и русская культура — почти синонимы. Нацизм по своей сути доиден и лишь эманирует в германский словесный мир, большевизм — это именно вербальная идея, идея, привнесённая извне, а не выросшая изнутри — интернациональная идея.

Вообще, русский, *захваченный* какой-либо *конкретной* идеей, ушедший в конкретную идею, это страшный человек (740). Игла логоса уколола его в сердце и, носясь по миру с этой холодной иглой в груди, он способен на всё. Бойтесь этого человека. Личность, сущностью которой стало русское слово, русская кривая мысль — мрачна, ужасна. Русский «деятель», то есть человек, захваченный метафизической идеей и стремящийся к претворению её в жизнь, это человек узкий, ограниченный и *злой*. (Увы, я это слишком хорошо знаю, так как сам русский).

Ещё Белинский отличался своей злобой. «А-а, с-сука, мысль по верёвочке водить, мать твою так-распротак». И пошло-поехало! Как говорил Рязанов-Гольдендах на XIII съезде ВКП(б):

«Маркс и Энгельс, как они ни писали резко, являются чистыми институточками по сравнению с Герценом, Белинским и Огарё-

вым. Такого обилия матриархальных выражений, какое имеется в переписке Белинского, вы не найдёте в сочинениях более культурных людей…»

Другие «западники» тоже отличались большим накалом «здоровой классовой злобы». Некрасов пишет одному из сотрудников своего журнала:

«…у вас добродушно всё выходит. А вы, батенька, злобы, злобы побольше… Теперь время такое. Злобы побольше…»

И вот уже сотрудники Энциклопедического словаря под редакцией Южакова пишут, захлёбываясь от восторга, о своих однопартийцах:

«(Дейч и Малинка) вызвали Гориновича в Одессу и здесь около товарной железнодорожной станции оглушили его несколькими ударами и, сочтя его мёртвым, облили ему лицо серной кислотой (754), чтобы затруднить выяснение личности полицией… Горинович оказался жив и дал обширные показания… (Из статьи о Льве Григорьевиче Дейче.)

Так же, в статье о Дегаеве:

«Дегаев пригласил к себе Судейкина, явившегося в сопровождении своего родственника Судовского, чиновника охранного отделения. В то время как гости Дегаева раздевались, последний, согласно условию, произвёл в Судейкина выстрел, но затем, испугавшись, опрометью бросился вон, забыв притворить за собой дверь. Объятые ужасом гости бросились во внутренние комнаты, где их встретили с ломами в руках скрывавшиеся заговорщики. Спасаясь от опасности, Судейкин пытался спрятаться в отхожем месте, но настигший его Стародворский здесь и добил его. В то же время Конашевич несколькими ударами лома свалил Судовского…»

(И т. д. Весь 21 и 22 том посвящены живописанию подвигов пламенных революционеров.)

И, наконец, дикий визг, начатый Белинским, достиг предела и вообще перешёл в ультразвук:

«Эти белогвардейские пигмеи, силу которых можно было бы приравнять всего лишь силе ничтожной козявки, видимо, считали себя — для потехи — хозяевами страны и воображали, что они в самом деле могут раздавать и продавать на сторону Украину, Белоруссию, Приморье. Эти белогвардейские козявки забыли, что хозяином Советской страны является Советский народ, а господа рыковы, бухарины, зиновьевы, каменевы являются всего лишь — временно состоящими на службе у государства, которое в любую

минуту может выкинуть их из своих канцелярий, как ненужный хлам. Эти ничтожные лакеи фашистов забыли, что стоит Советскому народу шевельнуть пальцами, чтобы от них не осталось и следа. Советский суд приговорил бухаринско-троцкистских извергов к расстрелу. НКВД привёл приговор в исполнение. Советский народ одобрил разгром бухаринско-троцкистской банды и перешёл к очередным делам. Очередные же дела состояли в том, чтобы подготовится к выборам в Верховный Совет СССР и провести их организованно».

(«История ВКП(б). Краткий курс»)

«Межпланетная революция», «церковная реформация», «индустриализация»… Уж лучше бы русские собирали ягоды. Право, было бы *лучше*. И, кажется, русские это поняли. После 1956 года, когда миллионы были отпущены из лагерей, никто из этих людей не бросился мстить, никто не оказался захвачен чёткой, конкретной идеей. Мне думается, здесь, в этой мудрой незлобивости и «бездеятельности» народа, залог духовного исцеления. Это не трусость и не оглушённость. А просто — мстить «антиресу не было». Говоря об издевательстве над русским гражданами в Берлине, Розанов заметил, что русские никогда не стали бы делать чего-либо подобного уже потому, что:

«„Просто“ не хочется. Могучее „не хочется“, неодолимое „не хочется“ таскать чужую, иностранную, лично им ничего не сделавшую женщину — за седые волосы. Скажем грубым мужицким языком: „антиреса нет“ (то есть нет позыва, сладости, удовольствия так бить постороннего человека)».

С тех пор русский народ так был захвачен словом, так скручен рациональной идеей, совершенно извне принесённой, что не просто невинных-то, а и виновных бить не хочет и не может (а возможность была, в известный момент ещё и подзуживали). Народ не простил, а просто «забыл». «Не знаю и знать не хочу». Шарахнулся, как от чертей болотных. Люди замолчали. И молчанием вырвались из сетей социальной штунды.

«Что делать?» — Ничего не делать (774). Никаких «Идей» не надо. Господи, как прав был Розанов, когда сказал, что единственно истинный путь в России — это путь религиозный! Нужно не «делать», а «верить». На вопрос «Что делать?», в смысле «Во что верить?», по-русски ответить нельзя. Русская вера бессловесна и не задаёт вопросов. Поэтому вопрос этот груб и глуп для русского уха. Неприличен.

Иваск, рассекая Розанова «по второму разу», писал, что:

«Философ, миротворец — это малый Розанов*, а художник-ли-*

рик — это большой *и даже* великий Розанов… *Розанов* — большой*, настоящий Розанов, не публицист-философ, а поэт и художник-мыслитель, целомудренно отказывается отвечать на* последние вопросы».

(А как философ, по мысли Иваска, значит, не отказывается.)

На самом деле ответы и умолчания Розанова вполне взаимообусловлены и понятны, так что никаких «двух Розановых» нет. Отказываясь отвечать на вопрос «Что делать?» в метафизическом смысле, он отвечает на него в смысле бытовом, житейском, но именно потому, что на высшем уровне ответ на этот вопрос невозможен и *опасен*. Розанов понимал, что на «Что делать?» нет ответа. И зная это, он давал его. Потому что знал о мире ином, любил и мир этот.

«„Что делать?“ — спросил нетерпеливый петербургский юноша. — Как что делать: если это лето — чистить ягоды и варить варенье. *Это же так интересно!* Если зима — пить с этим вареньем чай. *Это же так вкусно!!*»

«Всё-таки бытовая Русь мне более всего дорога, мила, интимно близка и сочувственна. Все бы любились. Все бы женились. Все бы растили деточек. Немного бы их учили, не утомляя, и потом тоже женили. „Внуки должны быть готовы, когда родители ещё цветут“ — мой канон. Только смерть страшна».

(Лист из «Второго короба», идущий непосредственно за листом о поклонах Щедрину и Некрасову)

(У Набокова есть сходный поворот. Он в «Даре» вскользь замечает случайность неслучайной судьбы Чернышевского, которому на роду было написано стать простым-хлебосольным русским батюшкой. И вот — «пропала жизнь».)

Быт — это русское счастье, единственно возможное счастье по-русски.

Розанов писал:

«Русские в странном обольщении утверждали, что они „и восточный и западный народ“ …тогда как мы „и не восточный и не западный народ“, а просто ерунда — ерунда с художеством…»

Наверное, так и есть. Запад и Восток перехлестнулись в России и нейтрализовались. Получилась странная молчаливая цивилизация. Её символ — ироничная и подслеповатая луковица. Луковица округла, органична, но одновременно и остра, устремлена ввысь. Она замкнута и одновременно открыта, перетекая на острие в голубое пространство. Русскому глазу мил этот изгиб. Для европейца же, я думаю, русские церкви смешны. Ря-

дом с Парфеноном и Кёльнским собором это всё какие-то пеньки с опятами. Наши церкви как бы растут из земли, стелятся по земле. В них земля перетекает в пространство: внизу, у основания, нет чёткой границы с почвой — здание оседает и постепенно исчезает в земной поверхности; наверху же, в луковицах, небо круглится и искривляется — пространство уплотняется, сияет вокруг церкви.

И ещё русские церкви эротичны. Не знаю, заметил ли кто-нибудь, но верхняя, устремлённая в небо часть церкви весьма двусмысленна, по крайней мере, более двусмысленна, чем египетские обелиски. Этот приземлённый (но ни в коем случае не низменный) характер русской церкви оборачивается возвышением земли, библейского начала — начала быта. Самый крепкий быт в России — у священников. Священник всегда воспринимался в народе как олицетворение чадородия, основательности и вообще элитарности, отборности в плане чисто бытовом. И таким образом бытовая семейная жизнь в народном сознании становилась жизнью идеальной, почти святой. И, увы, недостижимой.

***

Мне кажется, что своим советом «варить варенье и пить с ним чай» Розанов чрезвычайно актуален сейчас (впрочем, он всегда актуален). В интеллигентской суматохе и бестолковщине никто не заметил, что последние 20 лет были самыми спокойными и счастливыми во всей русской истории XX века. В сущности, за эти 20 лет *ничего не произошло*. То есть люди жили 20 лет без кровопролитных войн и революций, без массового и бессмысленного в своей разрушительности террора, без идеологических катастроф московских процессов и съездов Хрущёва. За эти 20 лет выросло поколение, нет, два поколения психически и физически нормальных людей, которым и жить в России XXI века. Это ведь и есть выпадение из той цепи страданий и ужасов, в которой, казалось, уже безнадёжно запуталась наша родина.

20 лет, 20 лет русские люди жили без программы, без идей, — безыдейно, разболтанно и спокойно. 20 лет «собирали ягоды». Если мы ещё 20 лет прособираем ягоды, то вообще «всё это» погаснет, развеется, как дым. Ведь «это» не может существовать без искусственных инъекций человеческой мысли, мечты, крови. Розанов писал, что революция — это сила, но ни в коем случае не идея, не мечта. «Мечтатель отходит от революции в сторону».

«И вот, может, лишь оттого, что в ней — ничего для мечты, она не удаётся. „Битой посуды будет много“; „но нового здания не выстроится“. Ибо строит тот один, кто способен к изнуряю-

щей мечте; строил Микель-Анджело, Леонардо да-Винчи: но революция всем им „покажет прозаический кукиш“ и задушит ещё в младенчестве, лет 11–13, когда у них вдруг окажется „своё на душе“. — „А, вы — гордецы: не хотите с нами смешиваться, делиться, откровенничать… *Имеете какую-то* свою душу, *не общую душу… Коллектив, давший жизнь родителям вашим и вам, — ибо без коллектива они и вы подохли бы с голоду — теперь берет своё назад. Умрите“ (793). И „новое здание“ с чертами ослиного в себе, повалится в третьем-четвёртом поколении».*

(«Уединённое»)

В этом спасительная конечность социализма. Социализм мил и дорог русскому человеку, так как кроме того, что он является конкретной идеей, логосом, он является и бесконечной пустотой, отрицанием идеи как таковой, пожирателем идей, духовности, культуры. Социализм — это огонь, сжигающий гнилое русское слово. Когда материал кончится (а он уже кончился), социализм погаснет «повалится в третьем-четвёртом поколении».

В начале 80-х годов один из западных учёных-кибернетиков изобрёл так называемую «вирусную программу ЭВМ». Эта программа представляет собой очень ограниченное число команд, суть которых сводится к повторному самопрограммированию ЭВМ этими же командами. В результате блок информации переполняется и, более того, начинает разрушаться, так как логический вирус устроен таким образом, что предусматривает уничтожение непаразитной информации. Заражённая таким вирусом электронная система быстро погибает. Мне кажется, эту разрушительную программу можно было бы назвать не «вирусной», а «социалистической». Социалистический новояз — это и есть вирусный язык. Язык смертельный для Запада, но не способный поразить дословесный центр восточнохристианского сознания. Более того, *социалистическая программа, вызывая тотальное* «депрограммирование» русского человека, помогает ему выскальзывать из официального словесного мира. Россия сейчас самая несоциалистическая страна, настолько несоциалистическая, насколько это вообще возможно. Это уже не оригинальный парадокс, а всем набившая оскомину аксиома.

«Человек наг опять. Но чего мы не можем оспорить, что бессильны оспорить все стороны, это — что он добр, благ, прекрасен. Будем же смотреть на него не вовсе без надежды, по крайней мере — без вражды…»

***

Задолго до революции Розанов понимал и неизбежность социализма (807) и его преходящесть. Но он пошёл дальше простого понимания этого факта. Он не только понял, но и *принял* неизбежность социализма. И этот заключительный аккорд в его бесконечных метаморфозах потрясает больше всего:

«До какого предела мы должны любить Россию…? до истязания, *до истязания самой* души своей. *Мы должны любить всё до „наоборот нашему мнению“, „убеждению“, голове. Сердце, сердце, вот оно, любовь к родине* чревна *…любите русского человека „до социализма“ (813)… И вот, несите „знамя свободы“, эту омерзительную красную тряпку, как любил же Гоголь Русь с её „ведьмами“, с „повытчик кувшинное рыло“, неужели он, хохол, и следовательно, чуть-чуть инородец, чуть-чуть иностранец, как и Гильфердинг, и Даль, Востоков — имеют право больше любить Россию, чем великоросс. Целую жизнь я отрицал тебя в каком-то ужасе, но ты предстал мне теперь в* своей полной истине. *Щедрин, — беру тебя и благословляю. Проклятая Россия, благословенная Россия. Но благословенна именно на конце. Конец, конец, именно —* конец. *Что делать: гнило, гнило, гнило… Ах, так вот где суть… Когда зерно сгнило,* уже *сгнило, тогда на этом ужасающем „уже“, горестном „уже“, что оплакано и представляет один* ужас небытия и пустоты,

полного нихиля —

становится безматериальная молитва… (Ранее: „После Гоголя и Щедрина — Розанов с его молитвою*“)*

Ведь в молитве нет никакой материи.
Никакого нет строения.
Построения.
Нет даже черты, точки…
Именно нихиль
Тайна — нихиль
Нихиль — *в его тайне.*
Чудовищной, неисповедимой
Рыло. Дьявол.
Гоголь. Леший.
Щедрин. Ведьма.
Тьма истории.
Всему конец.
Безмолвие. Вздох.
Молитва. Рост».
«Из отрицания — Аврора, Аврора
с золотыми перстами…

Боже, Боже… Какие тайны. Какая Судьба.
Какое утешение.
А я-то скорблю, как в могиле. *А эта могила*
есть моё Воскресение*!»*

Этими словами кончается последнее письмо Розанова к Эриху Голлербаху. Через три месяца Василия Васильевича не стало. Сгорела Россия Щедрина. Неузнаваемо изменился в нашем восприятии Гоголь. Розанов с его молитвою остался… «Что делать?» Подите-ка спросите у Щедрина. — Смешно, глупо. «Что делать?» — Спросите у Гоголя. Страшно спрашивать, больно. Розанов отвечает просто, интимно. Это наш язык, наш мир, наша форма. Это хитрый бессмертный русский, заговоривший на идише советского марксизма. Точнее, замолчавший на нем. Молчать можно на любом языке. Вот где закруглённая бесконечность России. Русский язык, окончательно выгорев через социализм, снова вернул русское сознание к внутреннему нихилю, к молитве, к молчанию. Произошла страшная девальвация рационального мышления. У современных русских *совершенно иное отношение к слову*. И поэтому интуитивно, не зная как, какими словами назвать, новое поколение русских вняло страстной мольбе Розанова, его «Совету юношеству», помещённому им в самом конце последнего произведения — «Апокалипсис нашего времени»:

«Помни: Небо как и земля. И открытое Небу — открывается „в шёпотах" и земле. В шёпотах, сновидениях и предчувствиях. Поэтому никогда, никогда, никогда не лги. Не будь хулиганом, миленький. И вот этот совет *мой тебе — есть первый социологический совет, какой ты читаешь в книжках. Первый совет „о социальной связности". Тебе раньше все предлагали на разбой и плутовство. „Обмани кормильца", „возненавидь кормильца". И советовали тебе плуты и дураки: которые отлично „устраивались около общества", то есть тоже* около кормильца своего *(читателя). А тебе, несчастному читателю, глупому российскому читателю, — подсовывали нож. И ты — нищал, они — богатели. (Плутяга Некрасов и его знаменитая „Песня Ерёмушки"). Ни от кого нищеты духовной и карманно-русского юношества не пошло столько, как от Некрасова. Это диссоциальные писатели, антисоциальные. „Всё — себе, читателю — ничего". Но ты — читатель, будь крепок духом. Стой на своих ногах, а не*

Что ему книжка последняя скажет
То на душе его сверху и ляжет. (Некрасов)

И помни: жизнь есть дом. *А дом должен быть тёпел, надёжен*

и кругл. Работай над „круглым домом“ и Бог тебя не оставит на небесах. Он не забудет птички, которая вьёт гнездо».

Жизнь есть дом, жизнь есть быт. Быт должен быть тёпел, добр. Русский быт XIX века (и особенно быт интеллигентский) был холоден, злобен, крив. Пьян. Искали Правды в «брошюрах», хуже того, в «русских брошюрах». Но правда, а тем более русская правда, открывается не в брошюрах, а в шёпотах, сновидениях, предчувствиях. В молитве. Русские больше не верят брошюрам. И предпочитают жить дословесным и внешним «собиранием ягод», досоциалистическим, докультурным. («Любите русского человека *до* социализма»). Русский язык лжив и люди «обессовестили» его. О главном они никогда не говорят. И в *главном*, в совести, не лгут.

В последнем письме к Голлербаху Розанов с изумлением писал о том, что начальные буквы первых пяти слов Библии должны, по еврейской легенде, составлять слово «Правда»:

«Вот как, батюшка, начинают ноуменальные народы с ноуменальным в истории призванием… Да, это уж не Чичиковы и (несчастная) раса Чичиковых».

Бесконечная и беспредельная русская допетровская культура нашла своё выражение в узких и ограниченных мнениях, взглядах. И эти ограниченные взгляды априори ощущались как неправда, как нечто искусственное, наносное. Может быть, именно поэтому центром новой русской культуры стало искусство, то есть нечто лживое, уклончивое. И даже не искусство вообще, а именно литература, один из самых лживых видов искусства (816). (Пожалуй, самый лживый после театра).

Собственно, последний призыв Розанова — это призыв к *честной* жизни. Откровенной, прямой, естественной бытовой жизни. Тогда это было мечтой, так как честно жить общество с художественной литературой в центре не может. В центре может быть религия — Средние Века, философия — Древняя Греция, право — Рим, наука — современное западное общество, но не литература и искусство. Искусство искусственно. Религия, философия, юриспруденция, наука — естественны. Основные категории искусства — это не «истина-ложь» и не «добро-зло», а «красота-безобразное».

Макс Вебер с ужасом писал о рассыпанности современного западного сознания:

«…священное может не быть прекрасным, более того — оно священно именно потому *и* постольку, поскольку *не прекрасно… Мы знаем также, что прекрасное может не быть добрым и даже*

что оно прекрасно именно потому, что не добро, это нам известно со времени Ницше, а ещё раньше вы найдёте это в „Цветах зла“ (Бодлера) …И уже ходячей мудростью является то, что истинное может не быть прекрасным и что нечто истинно лишь постольку, поскольку оно не прекрасно, не священно и не добро».

(«Наука как призвание и профессия», 1918)

Как сказал Ницше, «Бог умер» (833), и человек оказался во власти античных демонов: Добра, Красоты, Истины. При этом он находился в положении Париса, отдавшего яблоко одной богине, но одновременно не отдавшего его двум другим и, следовательно, навлёкшего на себя гнев, сатанинскую злобу, ненависть. Как безумный мечется современный человек между демонами *свободный* в своём выборе, но несвободный от свободы выбора как таковой.

Когда христианское сознание рухнуло и распалось единое божество Красоты, Правды, Добра, то русские отдали яблоко Красоте, самой красивой, но и самой слабой и лживой богине. Истоки этого выбора глубоки. Всё-таки русский Христос был Красотой-Добром-Правдой, западный же Истиной-Добром-Красотой. Красиво — значит правильно и правильно — значит красиво. Разница!

Россия рухнула от «художества». Это было красивое общество, но нежизнеспособное. В «Апокалипсисе» Розанова есть главка «Как падала и упала Россия»:

«Нобель — угрюмый, тяжёлый швед, и который выговаривает в течение 3 часов не более 3 слов… скупал и скупил в России все нефтеносные земли… Русские всё зевали. Русские всё клевали. Были у них Станиславский и Владимир Немирович-Данченко. И проснулись они. И основали Художественный театр. Да такой, что когда приехали на гастроли в Берлин, — то засыпали его венками. В фойе я видел эти венки. Нет счёта. Вся красота. И записали о Художественном театре. Писали столько, что в редкой газете не было. И такая, где „не было“ — она считалась уже невежественною. О Нобеле никто не писал».

Писали о комедиантах, о «ерунде с художеством». Началась война, кинулись к ерунде — «Помоги!», «спаси!» — ерунда струсила и убежала. «Артисты». Ещё удивительно, как такое общество не завалилось кверху лапками в 1825, в 1881, в 1905. Да России страшно *везло*.

***

Русский меньшевик Гиммер-Суханов в своих записках о рус-

ской революции писал, что вся Россия и весь ход истории говорили в апреле 1917 про Фому, а Ленин прямо из окна вагона, походившего к перрону Финляндского вокзала, крикнул про Ерёму. На самом деле (и история это доказала), именно Ленин и сказал про Фому, а Россия орала про Ерёму. Ленин это и есть конкретное воплощение смутной русской мечты о трезвой, рациональной и основательной жизни: русской штунды «без икон и с метлой». С культурным европейским бассейном вместо грязных юродивых, толпящихся под золочёными куполами. 17-й год — это приход к власти «умных русских», «русских философов». С тех пор по количеству профессиональных философов наша страна прочно занимает первое место в мире. Это расцвет. Конечно, ничего не получилось. Вместо Правды получилась «Правда». Но тяга и беззастенчивая спекуляция именно на рацио весьма характерна. И более того, провиденциальна. Русь постоянно изменяется, трансформируется. И мне кажется, именно философия может стать духовным стержнем будущей России.

***

Наиболее эстетическим обществом была Древняя Греция. И именно в Греции зародилась и расцвела философия. Философия — это перекрещивание Красоты и Истины. Буквально философия — это любовь к мудрости, любовь к гармонии, к гармоничной и мудрой, красивой жизни. Философия, в античном понимании — это прежде всего искусство жить. Если для актёра инструментом и материалом искусства являются его эмоции и тело, то для философа — душа, дух, сама его личность как таковая. Здесь субъект и объект совпадают полностью, поэтому это высшее из искусств, искусство для искусства, искусство в себе и для себя, то есть одновременно и выпадение из искусства. Философия — это естественное искусство (835). Жизнь Сократа или Диогена — это жизнь, ставшая ролью, растворением в образе, празднично трансформированной реальности.

Западное сознание потеряло это изначальное понимание философского опыта, замутнило его религией и наукой. В результате возникли теология и сциентизм. Розанов отрицал европейскую культуру, так как там конкретная Правда стала мало-помалу замещаться абстрактной и безликой истиной. В результате западная цивилизация ослабла, одряхлела, стала таить в себе мучительную трещину, кризис. Истоки этого кризиса в утере красоты как критерия человеческого бытия. В этом аспекте интересна мысль Мартина Хайдеггера, который считал латынь уродливым, некрасивым и принципиально нефилософским языком,

а всю западную философию нового времени — ущербной и ограниченной уже из-за её латиноязычной основы.

Хайдеггер — это понятный немец. «Говорящий немец». С одной стороны, он всё же представитель немецкой классической философии. Но с другой — тем не менее близок и понятен. Не случайно считают, что он хорошо переводится только на один язык — на русский. Так и должно быть. Он говорил, что его работы принципиально непереводимы. Ну, раз «непереводимы», значит на русский перевести можно. Мне очень понравилась мысль Хайдеггера о «ненужности» европейской рациональной философии. Это как раз то, что нужно. Для русского сознания она не нужна вообще. Это для него даже не история. Странно, но и закономерно — русские начали с изучения отвратного Гегеля и прошли мимо того, что ждало их и звало: мимо античности, мимо Платона (842).

Русское сознание может все-таки выйти на Канта и Гегеля. Но сверху вниз, через Хайдеггера. Хайдеггер же, особенно поздний, понимаем через своё чисто русское отношение к слову. Кстати, он всегда испытывал симпатию к русской культуре, хотя связан был с ней скорее опосредованно, через Рильке и др. Россию начала века он знал плохо. И уж Розанова, конечно, не читал. А зря. В их творчестве есть *удивительные* совпадения. Это понятно, если учесть, что Хайдеггер был учеником Гуссерля и сделал нигилистическую форму произведений своего учителя нигилистической сердцевиной своей философской системы. Хотя Хайдеггер, конечно, более естественен, в нём нет трагического надлома, трагического несоответствия, свойственного русской мысли.

Лучшие представители русской культуры пришли к философской правде через литературу. Достоевский, Толстой даже в «Смерти Ивана Ильича» (столь любимой Хайдеггером). Здесь понятнее и философское значение Набокова. Он, собственно, «освободил место», ушёл окончательно в литературу и тем самым лишил её статуса стержня культуры.

Многое в кривой истории русской общественной мысли станет на свои места, если её интерпретировать не в системе красота-безобразное (эстетство русской интеллектуальной элиты) и не как добро-зло (либеральный и демократический позитивизм интеллигенции), а с точки зрения неслыханной и невиданной для русского человека, с точки зрения истины-лжи. Стоит подойти с этой позиции к творчеству Некрасова и Чехова, Достоевского и Пушкина, вообще всех русских писателей, «властителей дум» и подойти к ним со стороны именно не творчества,

а их взглядов, специфики мировоззрения… О, тогда многое, очень многое встанет на свои места. И если ещё связать это с историей собственно русской философии и официальной государственной мысли, то тогда-то и появится то, чего в России никогда не было — историческая память. Не легенды, не мифы, а факты, фактики, «хроника фактов». История фактов. Необходимо заглянуть за эстетические декорации. Необходима Правда. И всё будет выглядеть иначе, как бы осветится, высветится изнутри. Вот, Чехов. Что он писал в своих письмах?

«60-е годы — это святое время, и позволять глупым сусликам узурпировать его, значит, опошлять его».

«Это претенциозный подход против материалистического направления. Подобных подходов я, простите, не понимаю… Воспретить человеку материалистическое направление равносильно запрещению искать истину. Вне материи нет ни опыта, ни знаний, значит, нет и истины… Что же касается разврата, то за утончённых развратников, блудников и пьяниц слывут не… Менделеевы, а… аббаты и особы, посещающие посольские церкви».

«Я с детства уверовал в прогресс… расчётливость и справедливость говорят мне, что в электричестве и паре любви больше, чем в целомудрии и воздержании от мяса».

Короче: В человеке всё должно быть прекрасно: и сапоги и мысли (844). И этот человек написал «Степь», «Скучную историю», «Чайку». Внезапно становится ясным, что все его произведения порождены не социальной действительностью России, а внутренней трагедией личности. Произведения Чехова так же похожи на реальность, как «Поднятая целина» Шолохова на быт русской деревни начала 30-х. Трагедия Чехова — это трагедия русской души, утерявшей христианство.

Когда кто-нибудь для меня понимаем, мне кажется, что я написал про это стихи, но где-то внутри, неясно, во сне. А в сознании вертятся отдельные отрывки: «серая шёлковая пошлость Чехова» или «пошлый шёлк серого Чехова». Чехов проецировал в реальность свой нигилистический опыт. Нигилизм и ужас «Скучной истории» — это сухая тоска позитивизма, в которую истекла чеховская душа. Чехов всю жизнь искал монастыря во вне, искал тайны, без которой ему было так тоскливо, так «скушно» («Чёрный монах»). Но тайна была внутри, внутри его. А он поехал от себя на Сахалин. А Сахалин был ближе гораздо. Тот же, «реальный» Сахалин это так… глупость.

Как всё упорядочивается, вытягивается и светлеет, стоит только посмотреть на реальность через волшебную призму Логоса.

Но и как по-чеховски «скушен» этот путь для русского сознания.

Идея социализма, «антиидея» может смениться другой бесконечной, и следовательно понятной, близкой и сладкой русскому сознанию, идеей — идеей идей. Чистым и свободным мышлением. Возможно, это и есть будущее России, контуры которого я пытаюсь рассмотреть сквозь текст своего эссе.

Розанов начал своё творчество с классической работы «О понимании», но внезапно оборвал, не пошёл по этому пути, так как почувствовал распад личности:

«До встречи с домом „бабушки“ (откуда взял вторую жену) я вообще не видел в жизни гармонии, благообразия, доброты. Мир для меня был не Космос (по-гречески красота), а Безобразие, и, в отчаянные минуты, просто Дыра. Мне совершенно было непонятно, зачем все живут, и зачем я живу, что такое и зачем вообще жизнь? — такая проклятая, тупая и совершенно никому не нужная. Думать, думать и думать (философствовать, „О понимании“) — *этого всегда хотелось, это „летело“: но что творится, в области действия или вообще „жизни“ — хаос, мучение и проклятие.*

И вдруг я встретил этот домик в четыре окошечка, подле Введения (церковь, Елец), где всё было благородно. *В первый раз в жизни я увидал* благородных людей *и* благородную жизнь»…

«„Как могут быть синтетические суждения априори“: с вопроса этого началась философия Канта. Моя же новая „философия“ жизни началась не с вопроса, а скорее, со зрения и удивления: как может быть жизнь благородна и в зависимости от одного этого — *счастлива; как люди могут во всём нуждаться, „в судаке к обеду“, „в дровах к 1-му числу“; и жить благородно и счастливо…» И т. д.*

***

Розановщина — искусство жить по-русски. Стержень русского быта, стержень новой культуры. Если Пушкин придал возможность русской литературы, то Розанов придал возможность Русской философии. Все другие русские философы или застряли на философии «понимания» или вообще ушли за пределы философского мышления (как Булгаков). А Розанов смог соединить русский логос и русскую жизнь…

Нас ждёт эпоха сумерек, эпоха толкования и переживания, но не творчества и жизни как таковой. Это неизбежное, но смазанное политической историей, закругление русской литературы и русской культуры вообще. Я думаю, что при благоприятных

условиях распад культуры, повсеместный в современном мире, пошёл бы в России гораздо большими темпами и зашёл бы куда дальше (851). Это видно по началу века. Если взять только поэзию, то сразу в памяти всплывают Блок, Белый, Мережковский, Гиппиус, Брюсов, Ахматова, Пастернак, Гумилёв, Цветаева, Бальмонт, Кузмин, Есенин, Маяковский и т. д. Список можно легко продолжить. Получается слишком много гениев. Если многие из этого списка были впоследствии канонизированы, то лишь потому, что процесс девальвации был искусственно прерван. При нормальных условиях где-то в 30–40-х годах наступил бы естественный и неизбежный «кризис перепроизводства» и поэзия окончательно распалась бы на поэзию для поэтов (тир. 100–150 экз.) и поэзию для народа — реклама, комиксы и агитки (тир. 1000000–1500000 экз.). Вся эта мелочь раскрошилась бы в песок перед Александрийским столпом пушкинской поэзии. Ведь даже такой крупный поэт, как Блок — это, в сущности, такая ерунда, если рассматривать его как центральную фигуру русской цивилизации.

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

Разве так «принимают жизнь?» Бегал по полям, как козочка и стучал в щит-сковородку. Это не «принятие жизни», а просто «телячий восторг». Тут нет самого осознания проблемы принятия или непринятия жизни. «Принятие жизни» — это молчание, безнадёжное смирение, ощущение сопричастности с тайной мира. Жизнь отомстила Блоку (852). Он признал жизнь и жизнь пришла к нему тяжёлой поступью командора. Блок испугался и умер.

Блок поэт. Но его постоянно рассматривают как человека не только Красивого, но и Доброго, и даже Правдивого. И при этом не заметили и упорно не замечают, что на самом деле-то его оценивают в других измерениях только с точки зрения красоты. А каковы факты? Писал патриотические стихи о России, а началась война, достал через петербургское еврейство справку и устроился «тружеником тыла». Впоследствии же дезертировал и оттуда, приветствовал победу Германии и пошёл в чиновники от литературы. Потом, как я уже говорил, испугался и умер.

Розанов сказал в конце 1917: «Мы умираем как фанфароны, как актёры». По-моему, это эпиграф к послереволюционным статьям Блока. Вот из «Интеллигенции и революции»:

«Жить стоит только так, чтобы предъявлять миру безмерные требования к жизни: все или ничего; ждать нежданного; верить не в „то, чего нет на свете“, а в то, что должно быть на свете; пусть сейчас этого нет и долго не будет. Но жизнь отдаст *нам это, ибо она —* прекрасна*»*.

И далее хрестоматийное:

«Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию!»

Розанов:

«Замечательно, что мы уходим в землю упоённые… Уж если мы чем упились восторженно, то это — революцией. „Полное исполнение желаний“. Нет, в самом деле: чем мы не сыты. „Уж сам жаждущий когда утолился, и голодный — насытился, то это в революцию“. И вот ещё не износил революционер первых сапог — как трупом валится в могилу. Не актёр ли? Не фанфарон ли?»

***

Я живу в эпоху сумерек. В конце прошлого века очень боялись этого слова. Казалось, что это что-то страшное, багрово-красное, как бы преддверие ада: сумерки сознания, сумеречное сознание. Но «сумерки» — это совсем не страшное, а красивое слово. Набоков сказал:

«Сумерки — это такой томный сиреневый звук» (854).

Я стою на зимней московской улице. Короткий день только что кончился. Немного болит голова у глаз от бессонной ночи. На душе беспечно легко и спокойно. Мимо идут люди. Они куда-то спешат, о чем-то разговаривают. Шумят автомобили. Как я попал в эту страну? Зачем? Для чего? (877) — Не знаю. Мне ничего не хочется и я отчётливо сознаю, что я никому не нужен (888). Настолько не нужен, что моя ненужность становится философской категорией. Я — это какая-то абсолютная, прямотаки космогоническая ненужность.

«Скучно жить на этом свете, господа!» — сказал Гоголь. Помоему, жить на этом свете интересно. Но грустно. Кажется, что и *я сам* и *все* «не то, не то…» Всё нелепо, неправильно, неловко… Почему мне интимно близок Розанов? Он писал, что последняя собака, раздавленная трамваем, вызывает больше движения души, чем вся «философия» Вл. Соловьёва. Соловьёв чужой.

«Тут именно сословная страшная разница; другой мир, „другая

кожа“, „другая шкура“. Но нельзя ничего понять, если припишешь зависти (было бы слишком просто): тут именно непонимание *в смысле невозможности усвоения. „Весь мир другой —* его*, и* мой*“. С Рцы (дворяне) мы понимали же друг друга с 1/2 слова, с намёка; но он был беден, как и я, „не нужен в мире“, как и я (себя чувствовал). Вот эта „ненужность“, „отшвырнутость“ от мира ужасно соединяет, и „страшно всё сразу становится понятно“: и люди не на словах становятся братья».*

Всё кружится, расплывается перед глазами, мнится. «Матушка, спаси своего бедного сына! Урони слезинку на его больную головушку!» Как же можно быть нужным и ожидаемым, мысля по-русски, став русским философом. Розанов говорил: «Всё-таки я умру в полном душевном недоумении». Это не Соловьёв с его библейской бородой — «Гений». «Русский мыслитель». Но как же мыслить по-русски, когда ничего нет, всё расползается по швам и мысль кружится и кружится в дурной бесконечности, когда ничего не получается, не выходит, не сцепляется, когда крошатся шестерёночные зубья терминов и всё рассыпается, улетает и падает в бесконечную пустоту, когда загораются насмешливые звезды и человек, раздавленный собственным интеллектуальным и духовным ничтожеством, рыдает, а звёзды смеются, смеются… От этого смеха не скроешься, не убежишь.

Лишь страшным усилием воли я не теряю нить повествования. За счёт воли и отстранения, предварительной разрушенности текста.

Я мыслю цитатами. Это страшно. Но ещё страшнее, что эти цитаты не имеют самостоятельного содержания. Я говорю только о себе. Не о России, не о Розанове, а только о себе. Я трансформирую в реальность свой внутренний опыт при помощи косвенных цитат. Каждая цитата — зеркальце, отбрасывающее на меня солнечный зайчик. В результате сквозь словесный туман проступают смутные контуры моего сознания. Прямо не сказано ничего. И разверзается молчание. Я всё говорю, говорю, говорю… А молчание всё густеет, становится чёрным и бездонным. Временной клей, в котором я вязну, постепенно растворяется, превращается в вакуум. Стрелка часов останавливается, и я падаю в пустоту, бесконечную, бесформенную, равнодушную. И в этой пустоте движутся атомы цитат.

Набоков писал в «Даре» об одном наполовину сошедшем с ума персонаже:

«…загородка, отделявшая комнатную температуру рассудка от безбрежно безобразного, студёного, призрачного мира… вдруг рассыпалась, и восстановить её было невозможно, так что при-

ходилось пробоину как-нибудь занавешивать, да стараться на шевелившиеся складки не смотреть. Отныне его жизнь пропускала неземное...»

Уютный мирок моей статьи прочно ограничен словами только с трёх сторон. Четвертая стена живая, колеблющаяся и невидимая для окружающих. Через неё просвечивает свет небытия. И чтобы не смотреть туда, я и мыслю цитатами. Причём вся трагедия заключается в том, что иначе и нельзя мыслить в моем положении. Розанов писал в «Апокалипсисе»:

«С лязгом, скрипом и визгом опускается над Российской Историей железная занавесь.

— Представление окончилось.

Публика встала.

— Пора одевать шубы и возвращаться домой.

Оглянулись.

Но ни шуб, ни домов не оказалось».

Я остался по другую сторону занавеса. Здесь не только «шуб нет», но нет и людей. Вообще ничего нет. Я не забываю, потому что мне нечего забывать. Моя мысль — это мучительное вспоминание, припоминание. Я пытаюсь реконструировать своё несуществующее прошлое. Я ловлю его смутную тень на страницах книг Розанова, Набокова, Достоевского, Пушкина. Конечно, это закат культуры. Сумерки. Какое красивое сиреневое слово. Слово-тень.

Странно: я немею, говоря о себе, и говорю только о себе, говоря о другом (890).

Моё «двойное сальто-мортале» заключается в том, что эта статья есть не только размышление о русском типе культуры, но и наглядный пример этого типа. Я имитирую характерные особенности «инструменталистского» мышления. Для этой цели Розанов необыкновенно удобен. Он говорил всё, и цитаты из его произведений легко превращаются в магические иероглифы, позволяющие отстраниться от лобового изложения и в то же время дать схему русской мысли именно в лоб.

Я — это не я, а Розанов, и даже не собственно Розанов, а около Розанова, около мыслей Розанова о... Одновременно Розанов — это я. Моя тайна аналогична тайне Розанова. Я восстанавливаю ход его мысли, даю сгусток, тон его мышления. Цитаты просвечивают, и сквозь их хитиновый панцирь виден внутренний мир (899), чего в обычных условиях не бывает.

***

Мне очень интересен Юнг. Его произведения действуют на меня как наркотик. Конечно, он ущербен, как только может быть ущербен швейцарский немец. Но именно через трещину этой ущербности просвечивает бессознательное, тайна. У нормального человека бессознательное скрыто таким толстым слоем вторичных ассоциаций словесного мира, что сам вопрос о конкретном влиянии бессознательного на сознание лишён смысла. Психоанализ — это нечто вроде выведения процесса мышления из процесса пищеварения. Связь-то между желудком и мозгом есть, но она настолько опосредована, что на самом деле её нет. Да. Но Юнг настолько ушёл в слово, что он и своё бессознательное сделал фактом словесного мира (902). Он не то чтобы ущербен, а, скажем, так, перенасыщен культурой. У него в непосредственный процесс мышления втянут даже спинной мозг. В результате получается страшная деформация личности. Но изгиб этой деформации повторяет изгиб тайны.

Так и через моё бедное и вторичное мышление просвечивает подлинный Розанов. А если посмотреть через другой миф, то моё я становится ощутимым благодаря мышлению о Розанове, так сказать, «инструментальному инструментализму». Мысль, слова уходят, и обнажается дно.

Образно говоря, структура статьи похожа на голландский сыр, нарезанный тонкими ломтиками. Каждый слой-ломтик содержит несколько ключевых фраз-символов. Через дыры их символизации, то есть сознания, дешифровки, можно перескочить или вывалиться на другой уровень, другой ломтик. Дешифровка часто сознательно облегчается путём вопросов, то есть двойных дыр…

***

Математику я никогда не любил. Кант угнетает русского человека своей математической однозначностью (903). Его философия сложна для понимания, но удивительно однозначна. Мысль же должна быть ясна, но двусмысленна. Листы книги должны быть подозрительно полупрозрачными и в некоторых местах совпадать при наложении (909). Текст становится мифологичным, когда существует возможность такого наложения или, уточним, ряд произвольно выбираемых возможностей, ряд интерпретаций. Это хорошо понимал Владимир Набоков. В «Других берегах» он вспоминает, как в день назначения на пост Верховного Главнокомандующего Дальневосточной армией генерал Куропаткин показал ему, маленькому Володе, фокус со спичками. А потом, через 15 лет, при бегстве из Петрогра-

да Набоков-отец натолкнулся на «седобородого мужика в овчинном тулупе», который попросил огонька. Но у Набокова не оказалось спичек. В старике же он узнал Куропаткина. Владимир Владимирович писал по этому поводу:

«Что любопытно тут для меня, это логическое развитие темы спичек… Обнаружить и проследить на протяжении своей жизни развитие таких тематических узоров и есть, думается мне, главная задача мемуариста».

И ещё, там же:

«Признаться, я не верю в мимолётность времени — лёгкого, плавного, персидского времени! Этот волшебный ковёр я научился так складывать, чтобы один узор приходился на другой».

Время романов Набокова сложно, нелинейно, пространство их — ровное, гладкое. У Канта наоборот. Он однозначен. Хайдеггер многозначен и за это ему прощается его пространственная сложность (925), невыносимая для целомудренного русского сознания…

***

Внимательный читатель легко заметит, что термины этой статьи нечёткие, спутанные. Сознание и бессознательное, культура и цивилизация, душа и дух, форма и содержание — все эти понятия слабо согласованы друг с другом и в каждом конкретном случае употребляются, ориентируясь на определённый контекст. В ряде случаев этой путаницы можно было бы легко избежать, но все дело в том, что смысл текста парадоксальным образом независим от терминологического упорядочения. В языке, в котором, не моргнув глазом и не изменив интонации, можно сказать (беру простейший пример): «я ем яблоко», «я яблоко ем», «ем я яблоко», «ем яблоко я», «яблоко я ем» и «яблоко ем я», — в таком языке если и говорится конкретно «я ем яблоко», то при этом всё же туманно и неосознанно подразумевается целый ряд модификаций, типа: «я, едящий яблоко» или «мной поедаемое яблоко», а также «поедаемость мной яблока» и т. д. Поэтому понятия «яблоко» «есть» и «я» настолько туманны, абстрактны и вообще мнимы, что говорить всерьёз об их *дефиниции* можно только в плане юмористическом. Музыка русской речи совсем не в этом. Не в ритме, а в мелодии.

Для немецкого мышления правильно найденный ритм — это всё. Все слова должны быть количественно согласованны и скрупулёзно взаимосвязаны, должны щелкать и зацеплять друг за друга философскими зубьями. Для нас же важен ритм мысли,

а ритм слова почти незаметен, может быть и достижим отчасти, но удивительно незаметен.

В немецком ритм фонетический и логический, в русском — антиномический, ритм смен мелодий. В немецком смена ритмов образует определённую мелодию.

Какие термины у Достоевского? Розанова? Что-то у Розанова есть. Полутермины какие-то, пятна. Они есть, но не точки, а пятна, «облачка». (В тексте статьи мельчайшая единица — кубики цитат. Это некоторый компромисс между гранью и безграничностью).

***

Сухие листья цитат позволяют мне не думать, отстраниться от процесса мышления. Ведь я русский. Когда просыпается моё мышление, душа засыпает. А так, относясь чисто инструменталистски к языку, мысля не словами, а фразами-слайдами, я живу, не теряю глубины и объёмности повествования. Отсюда и плавность, неразрывность изложения. Можно было бы пойти по пути Розанова и просто мыслить свободными афоризмами, но говорить рассыпающимися словами о рассыпанном царстве розановской прозы, бессмысленно. И таким образом тема Розанова консолидирует моё такое же безнадёжно русское мышление. Мир уже предварительно искрошен в осколки и их можно разглядывать медленно, спокойно, не торопясь. Смотреть, как уходящее солнце тысячекратно отражается в разноцветных стекляшках, а синее небо постепенно густеет, становится чёрным, и звезды грозно и дивно горят на гробовом бархате, и чем-то горьковатым пахнет с полей, и в бесконечно отзывчивом отдалении моей несуществующей юности отпевают ночь петухи…

Розанов русский, вот почему внутри его мыслить не трудно.

***

Я постараюсь дать своеобразный ключ к шифрограмме этого текста. Предположим, взята следующая цитата из Розанова:

«Почти не встречается еврея, который не обладал бы каким-нибудь талантом: но не ищите среди них гения. Ведь Спиноза, которым они все хвалятся, был подражателем Декарта. А гений не подражаем и не подражает… Евреи и сильны своим Богом и обессилены им. Все они точно шатаются: велик Бог, но свой, *даже пророк, даже Моисей, не являет той громады личного и свободного „я“, какая присуща иногда бывает нееврею. Около Канта, Декарта и Лейбница все евреи-мыслители — какие-то „часовщи-*

ки-починщики“. Около сверкания Шекспира что такое евреи-писатели, от Гейне до Айзмана? В самой свободе их никогда не появится великолепия Бакунина. „Ширь“ и „удаль“ и — еврей: несовместимы».

И т. д.

Через несколько лет в «Египетской марке» у Осипа Мандельштама проскочила следующая фраза:

«Сначала Парнок забежал к часовщику. Тот сидел горбатым Спинозой и глядел в своё иудейское стёклышко на пружинных козявок».

Шарм возникшей аналогии очевиден. Часовщик Мандельштам скрыто цитирует фразу о часовщике Мандельштаме. Цитаты накладываются друг на друга и, включаясь собственно в текст статьи, образуют новый, магический смысл. И суть этого смысла — обвинение в адрес самого автора, то есть меня. Ибо что же такое все мои мысли, как не топтание около Розанова, около Набокова и даже Бердяева? Размышляя подобным образом, читатель может натолкнуться на фразу о том, что русская интеллигенция XIX века в сущности страшно хотела стать в положение евреев, а поскольку «мечты сбываются», то я и оказался в положении еврея, изгоя, лишённого родины, всеми гонимого и презираемого и цепляющегося за интеллектуальное ремесленничество, чтобы сохранить остатки внутренней духовной жизни. Я бесплоден. Я талантливое ничтожество, даже не ерунда с художеством, а ерунда в художестве (929). И даже хуже. У меня нет родины, нет твёрдой опоры в жизни, нет Кремля, Акрополя. Евреи ещё до воссоздания своей родины могли мечтать об Израиле, а тут Родина-Уродина, Израиль, которому не нужен иудаизм, да и сами евреи не нужны, не нужны как евреи. Как русский я не нужен. Вообще, я и сказал, что мы живём в эпоху сумерек, в эпоху конца творческого периода. Поэтому я осуждён на еврейство (931).

И так далее. Это лишь один виток чёрной критики. Пластинку можно было бы крутить дальше. Но при её раскручивании происходит разрушение вообще каких-либо точек зрения на мою личность. Как сказал М. Бахтин (935):

«О герое „Записок из подполья“ нам буквально нечего сказать, чего он не знал бы уже сам: его типичность для своего времени и для своего социального круга, трезвое психологическое и даже психопатологическое определение его внутреннего облика, характерологическая категория его сознания, его комизм и его трагизм, все возможные моральные определения его личности и т. п.,

всё это он, по замыслу Достоевского (кстати, не „по замыслу“, а просто по характеру мышления самого автора), отлично знает сам и упорно и мучительно рассасывает все эти определения изнутри…»

Мандельштам писал в статье «О природе слова»:

«Мне кажется, Розанов всю жизнь шарил в мягкой пустоте, стараясь нащупать, где же стены русской культуры… он не мог жить без стен, без Акрополя. Всё кругом поддаётся, все рыхло, мягко и податливо. Но мы хотим жить исторически, в нас заложена неодолимая потребность найти твёрдый орешек Кремля, Акрополя…»

Там же Мандельштам говорил, что русский язык — язык особый, эллинистический:

«В силу целого ряда исторических условий, живые силы эллинской культуры, уступив Запад латинским влияниям и ненадолго загащиваясь в бездетной Византии, устремились в лоно русской речи, сообщив ей самоуверенную тайну эллинистического мировоззрения, тайну свободного воплощения, и поэтому русский язык стал именно звучащей и говорящей плотью… *Жизнь языка в русской исторической действительности перевешивает все другие факты полнотою явления, полнотой бытия, представляющего только недостижимый предел для всех прочих явлений русской жизни».*

Мандельштам был русскоязычным поэтом, но не был русским человеком. И отсюда допустил грубейшую ошибку (939), придав русскому слову номиналистическое значение. Мандельштам писал:

«Онемение двух, трёх поколений могло бы привести Россию к исторической смерти. Отлучение от языка равносильно для нас отлучению от истории. Поэтому совершенно верно, что русская история идёт по краешку, по бережку, над обрывом, и готова каждую минуту сорваться в нигилизм, то есть в отлучение от слова».

Мандельштам не понимает подозрительности своей прозаической речи. С одной стороны, русские-де живут словом, с другой — эта жизнь почему-то может прекратиться на «два-три поколения». Мандельштам очень чуток, но слеп, он идёт по краешку, по бережку, употребляет правильные слова, но эти слова складываются у него в неправильные предложения. Осип Эмильевич пишет далее:

«Из современных русских писателей живее всех эту опасность

почувствовал Розанов и вся его жизнь прошла в борьбе за сохранение связи со словом...»

Это-то верно, но *зачем же* Розанову надо было цепляться за слово, если русские жили в словесном мире? Розанов боролся за сохранение связи со словом, так как чувствовал всю *парадоксальную бесплотность* и *ирреальность*, а вовсе не номинализм (ощущение реальности слова как такового) русского языка.

Розанов писал:

«Что же я скажу (на том свете) Богу о том, что Он послал меня увидеть?

Скажу ли, что мир, Им сотворённый, прекрасен?

Нет.

Что же я скажу?

Бог увидит, что я плачу и молчу, что лицо моё иногда улыбается. Но Он ничего не услышит от меня».

Христос не Иегова, и русский Христос — не Христос немецкий. Русские никогда *не разговаривают* с Богом. О самом — *не говорят*.

Мандельштам писал:

«У нас нет Акрополя. Наша культура до сих пор блуждает и не находит своих стен. Зато каждое слово словаря Даля есть орешек маленького Кремля, крылатая крепость номинализма, оснащённая эллинским духом на неутомимую борьбу с бесформенной стихией, небытием, отовсюду угрожающим нашей истории».

Мандельштам честно жил в нашем словесном мире и сетовал на его рыхлость и податливость, на отсутствие в нем «талмудической ограды». При этом он не подозревал (и не мог подозревать) о другом, внесловесном бытии русских. Так что этот человек прав, когда говорит: «У нас нет Акрополя». У вас, то есть у русскоязычного еврейства, действительно Акрополя нет.

У *нас* есть Акрополь. Наш Акрополь — это бесформенная стихия, небытие нашей души. Наша культура вечно блуждает и будет блуждать, так как не находит и не найдёт своих границ, своих стен. В этом бессмертие России. Бессмертие Израиля в вечной форме. Бессмертие России в вечной бесформенности, в вечной открытости. Россия — это великая мнимость мировой истории. Внешне — спонтанные скачки, внутренне — единая основа. Разные формы для одного содержания. Лёгкость трансформации и в конечном счёте — неистинность, так как русские глубже не в слове, а в молчании. Для них характерно созерцательное отношение к миру. И именно из-за созерцательности — деятельность, так как равнодушие и отстранение от этого мира приво-

дит к его овнешнению: мир — материал, бесформенный и безликий. Таким же материалом является и язык. Поэтому, русский язык не номиналистичен, а реалистичен. Он обладает самостоятельным существованием. Но это не самостоятельность духа, а самостоятельность неодухотворенной формы. В этом смысле Мандельштам прав: «Каждое слово Даля есть орешек Акрополя».

Русская история бесцельна — это тупик. Русская история бесцельна — это бесконечность. Всякая культура конечна. Но русская будет существовать, как и еврейская — всегда. Она будет погибать и возрождаться вновь как феникс (941). Из этого бесконечного тупика не уйти и индивидуальному сознанию:

«Национальность для каждой нации есть рок её, судьба её*: может быть, даже и чёрная. Судьба в* её силе. *„От* Судьбы *не уйдёшь“: и из „оков народа“ тоже не уйдёшь».*

(«Опавшие листья»)

У Мандельштама был другой рок, и он Розанова совершенно не понял. Подошёл очень близко, очень, но не понял, не почувствовал. Розанов действительно «шарил в мягкой пустоте, стараясь нащупать, где же стены русской культуры». И он эти стены нашёл. Точнее, *не* нашёл. Оказалось, что у русской культуры никаких стен нет.

Сила Розанова в разрушении стен, в разрушении убеждений (это русских-то «убеждений»). Розанов гусеницей прогрызает словесную перегородку между читателем и писателем, между вашей мыслью и вашей душой.

«Что, однако, для себя *я хотел бы во влиянии?* Психологичности. *Вот этой ввинченности мысли в душу человеческую, — и рассыпчатости, разрыхленности их собственной души (то есть у читателя). На „образ мыслей“ я нисколько не хотел бы влиять; „на убеждения“, — даже „и не подумаю“. Тут моё глубокое „всё равно“. Я сам убеждения менял, как перчатки, и гораздо больше интересовался калошами (крепки ли), чем убеждениями (своими и чужими)».*

(«Опавшие листья»)

Там же:

«Будет ли хорошо, если я получу влияние? Думаю — да … *„Моё влияние“ было бы в расширении души человеческой, в том, что „дышит* всем*“ душа, что она „вбирает* в себя всё*“. Что душа была бы нежнее, чтобы у неё было большое ухо, большие ноздри. Я хочу, чтобы люди „все цветы нюхали“… И больше, в сущности, ничего не хочу:*

И царства все сокрушатся,
И всем мирам она грозит

(о смерти). Если так, *то что остаётся человеку, что остаётся бедному человеку, как не нюхать цветы в поле. Понюхал. Умер. И — могила».*

***

Изложение подошло к концу (943). Что мне сказать напоследок? «Бесконечный тупик» есть прямая линия моей мысли, проведённая около предполагаемого, но невидимого зияния пространства — около розановской России. Если интуитивно линия проведена достаточно близко от угольно чёрного центра, то независимо от моей воли прямая искривится, прогнётся и медленно упадёт в исходную точку. Моё относительно сухое и отстранённое изложение окажется в сущности иррациональным и алогичным. Именно коэффициент кривизны моего мышления даст туманное и неустойчивое, но истинное переживание (947) неведомого зияния. Если же провести несколько таких прямых, то в результате будут очерчены контуры нашего словесного мира.

Закруглённость, эллипс моих рассуждений никуда не ведёт, но движение по эллипсу бесконечно и, согласно законам небесной механики, предполагает наличие некоей центральной тайны — Истины. Саму же истину понять нельзя. Истина открывается мёртвым (Платон). Однажды попавшие туда, в чёрную дыру истины небытия, обратно не возвращаются. Не возвращаются, но явно куда-то попадают, во что-то падают. Во что? Ответить на этот вопрос нельзя. Вокруг него можно только обернуться и, кажется, жизнь человека и есть такое все более и более сужающееся вращение вокруг пленительно притягивающей нас тайны…

Из «Опавших листьев»:

«Я пролетал около тем, но не летел на темы.
Самый полет — вот моя жизнь. Темы — „как во сне“.
Одна, другая… много… и всё забыл. Забуду к могиле.
На том свете будут без тем.
Бог меня спросит:
— Что же ты сделал?
— Ничего» (949).

22.09.1984–16.04.1985

Тематические указатели

Имена и фамилии

А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Щ Э Ю Я

А

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Щ

Э

Ю

Я

Литературные произведения, периодика и справочные издания

Даты

Одиноков, я

Указатель примечаний

1 столбец — номер примечания

2 столбец — номер комментируемого примечания или страницы «основного текста» (в последнем случае перед цифрой стоит обозначение «с.»)

3 столбец — номера всех последующих комментариев к данному примечанию (жирным шрифтом выделены номера примечаний, которые имеют в свою очередь соответствующие комментарии).

Благодаря настоящему указателю можно легко прослеживать ветвящиеся ассоциации «Бесконечного тупика».

Например, найдя в указателе примечание № 10 (1 столбец) мы видим, что оно является комментарием к примечанию № 7 (2 столбец), а примечание № 12 (3 столбец) является, в свою очередь, примечанием к примечанию № 10. причём жирный шрифт указывает на то, что к № 12 тоже есть примечания (соответственно №№ 23 и 46).

23 — 12 — **51**, 59, **61**
24 — 7 — **28**
25 — c. 13
26 — 9 — **108**, 122, 133
27 — 8
28 — 24 — 33, **35**, 45
29 — 8 — **34**, 53, **58**, **62**, **64**, **68**, **74**, **81**
30 — 9 — **36**
31 — 9
32 — 8 — 39, **42**
33 — 28
34 — 29 — 38
35 — 28 — **40**
36 — 30 — **52**
37 — 8 — 54, 56, 57
38 — 34
39 — 32
40 — 35 — 50, 55, **72**
41 — 8 — 49
42 — 32 — **67**, 106, 107
43 — 8
44 — 8 — 47, 48
45 — 28
46 — 12 — **77**, 79, **224**, 234
47 — 44
48 — 44
49 — 41
50 — 40
51 — 23 — **63**
52 — 36 — **60**, **66**, **95**, **103**, 121
53 — 29
54 — 37
55 — 40
56 — 37
57 — 37
58 — 29 — **111**
59 — 23
60 — 52 — 82, **86**, 98
61 — 23 — 65
62 — 29 — 69, **73**
63 — 51 — **78**, **135**, 143
64 — 29 — 139, 140, **144**
65 — 61

109 — 78
110 — 96
111 — 58 — 112, 114
112 — 111
113 — 94 — **115**, **117**
114 — 111
115 — 113 — 128
116 — 86 — **130**, 194
117 — 113 — 124
118 — 101
119 — 78 — 126, **127**, **174**, 184
120 — 96
121 — 52
122 — 26
123 — 96 — 159, 161
124 — 117
125 — 72
126 — 119
127 — 119 — **137**
128 — 115
129 — 96 — 136, **146**
130 — 116 — 138
131 — 74
132 — 72 — 869
133 — 26
134 — 72 — **160**, 167
135 — 63 — 148, 151, **240**, 241
136 — 129
137 — 127 — **176**, **185**
138 — 130
139 — 64
140 — 64
141 — c. 20 — 145
142 — c. 20 — **150**
143 — 63
144 — 64 — **149**
145 — 141
146 — 129 — 157
147 — 103 — **190**
148 — 135
149 — 144 — 153
150 — 142 — **154**
151 — 135

152 — 104 — **164**, 170, 180, **192**, 195, **215**, **228**
153 — 149
154 — 150 — **162**, **168**
155 — 103
156 — c. 22 — 158
157 — 146
158 — 156
159 — 123
160 — 134 — **187**
161 — 123
162 — 154 — **163**
163 — 162 — **173**
164 — 152 — 172, **191**
165 — c. 24 — 171, 198
166 — c. 24
167 — 134
168 — 154 — **169**
169 — 168 — **175**
170 — 152
171 — 165
172 — 164
173 — 163 — 218
174 — 119 — **177**, 186
175 — 169 — **183**
176 — 137 — **182**, **349**
177 — 174 — **178**, 179
178 — 177 — **203**, 206
179 — 177
180 — 152
181 — c. 26
182 — 176 — **202**, 204
183 — 175 — **214**
184 — 119
185 — 137 — **189**
186 — 174
187 — 160 — 199
188 — c. 27
189 — 185 — **212**
190 — 147 — **423**
191 — 164 — **193**
192 — 152 — **207**, **210**
193 — 191 — 196, 197
194 — 116

238 — c. 35 — **244**, **259**
239 — c. 35 — 243, **254**
240 — 135 — 242, 255, **261**
241 — 135
242 — 240
243 — 239
244 — 238 — 246
245 — 225
246 — 244
247 — c. 35
248 — c. 36 — 252, 260
249 — 232 — 257, **283**, **287**, 292, 297
250 — 212
251 — c. 36 — **253**
252 — 248
253 — 251 — **267**, **273**, **277**, 289
254 — 239 — **258**, **265**
255 — 240
256 — 237
257 — 249
258 — 254 — **263**, 307
259 — 238 — **375**
260 — 248
261 — 240 — **264**
262 — 77 — 275, **276**
263 — 258 — 270
264 — 261 — **271**
265 — 254 — **274**, **280**
266 — c. 38 — 268
267 — 253 — 269
268 — 266
269 — 267
270 — 263
271 — 264 — 272
272 — 271
273 — 253 — **282**, 293, **295**
274 — 265 — 279
275 — 262
276 — 262 — 278
277 — 253 — 285
278 — 276
279 — 274
280 — 265 — 301, 302, 306, 311, 313

281 — c. 39 — **299**, **304**, 305, **314**
282 — 273 — **286**, 303, **321**, 325, **536**
283 — 249 — 288
284 — c. 40 — 308
285 — 277
286 — 282 — **296**
287 — 249 — **291**
288 — 283
289 — 253
290 — 205 — **467**
291 — 287 — 298, 312
292 — 249
293 — 273
294 — 208
295 — 273 — 309, **318**, 324, **332**
296 — 286 — 315
297 — 249
298 — 291
299 — 281 — 300, **310**, **380**, **382**, **383**, **384**, 395, 398
300 — 299
301 — 280
302 — 280
303 — 282
304 — 281 — **633**
305 — 281
306 — 280
307 — 258
308 — 284
309 — 295
310 — 299 — **317**, 320, **331**, **335**, **339**, 344, **355**
311 — 280
312 — 291
313 — 280
314 — 281 — 316, **319**
315 — 296
316 — 314
317 — 310 — 322, **334**, 350, **353**
318 — 295 — 327, 342, **363**
319 — 314 — **323**, **330**
320 — 310
321 — 282 — **328**
322 — 317
323 — 319 — 329

410 — 373 — 419, **422**, **465**
411 — 347 — 416, **429**, **506**
412 — 402 — **420**
413 — 399 — **421**, 440
414 — 392
415 — 355
416 — 411
417 — 402
418 — 373
419 — 410
420 — 412 — **437**, **442**
421 — 413 — **438**
422 — 410 — 500, **507**
423 — 190 — 433, **444**
424 — 345 — 445
425 — 403 — 531
426 — 376 — **671**
427 — 402
428 — 406
429 — 411 — 839
430 — 373
431 — 384
432 — 402 — **434**, 446
433 — 423
434 — 432 — 439, 447, 468, **474**
435 — 406
436 — 402 — 441, 450, 458
437 — 420 — 443, 448
438 — 421 — 466
439 — 434
440 — 413
441 — 436
442 — 420 — **462**, 464, 484
443 — 437
444 — 423 — 449, 461
445 — 424
446 — 432
447 — 434
448 — 437
449 — 444
450 — 436
451 — 402 — **459**, 463
452 — c. 51

453 — 403
454 — 403
455 — 403
456 — 400
457 — 393
458 — 436
459 — 451 — 483
460 — c. 51
461 — 444
462 — 442 — **471**, **478**
463 — 451
464 — 442
465 — 410 — 532, 546
466 — 438
467 — 290 — 528
468 — 434
469 — 403 — **480**
470 — 403 — **476**, **591**
471 — 462 — **477**, **652**, **653**, 655
472 — c. 53 — **479**, 523, 553, **581**, 587
473 — c. 54
474 — 434 — 486, **494**
475 — 399
476 — 470 — **492**, **509**, 519, **529**
477 — 471 — 482, 491, **513**
478 — 462 — 498, 503, **512**, 525
479 — 472 — **489**
480 — 469 — **537**
481 — 403
482 — 477
483 — 459
484 — 442
485 — c. 54 — **493**
486 — 474
487 — 403 — 499, 515, 533, **538**
488 — 402 — 516, **534**, **544**, **545**
489 — 479 — 495
490 — c. 54
491 — 477
492 — 476 — 508, 518, **543**
493 — 485 — **505**
494 — 474 — 501, **514**, 522, 530, **651**
495 — 489

496 — 108
497 — 108
498 — 478
499 — 487
500 — 422
501 — 494
502 — c. 56 — **510**, **540**
503 — 478
504 — 390
505 — 493 — 521
506 — 411 — **658**, **705**
507 — 422 — **572**
508 — 492
509 — 476 — 527, **547**, 574
510 — 502 — **526**
511 — c. 56
512 — 478 — 524
513 — 477 — 520
514 — 494 — 535, 541
515 — 487
516 — 488
517 — 409 — 608
518 — 492
519 — 476
520 — 513
521 — 505
522 — 494
523 — 472
524 — 512
525 — 478
526 — 510 — **539**, 560, **561**, **573**
527 — 509
528 — 467
529 — 476 — **592**, **593**, **733**
530 — 494
531 — 425
532 — 465
533 — 487
534 — 488 — **542**, **552**, **556**
535 — 514
536 — 282 — 549, 550
537 — 480 — **563**
538 — 487 — **564**, **583**, **599**

539 — 526 — 548
540 — 502 — **566**, **615**
541 — 514
542 — 534 — **565**
543 — 492 — **554**, 558, 641, 646
544 — 488 — **557**
545 — 488 — 551, **589**
546 — 465
547 — 509 — **562**, 568, 585, 603
548 — 539
549 — 536
550 — 536
551 — 545
552 — 534 — 617
553 — 472
554 — 543 — 567
555 — c. 61 — **588**
556 — 534 — 559
557 — 544 — **579**, 582, **600**
558 — 543
559 — 556
560 — 526
561 — 526 — 586
562 — 547 — 570, 580
563 — 537 — 602
564 — 538 — **571**, 584, **590**
565 — 542 — 569
566 — 540 — 576, 635
567 — 554
568 — 547
569 — 565
570 — 562
571 — 564 — **575**, **605**, 610, 628
572 — 507 — 578, 606, **771**, 798
573 — 526 — 577, 596
574 — 509
575 — 571 — **607**, **612**, **631**, **639**, 710
576 — 566
577 — 573
578 — 572
579 — 557 — **614**, **621**, **680**, 684, 703, **719**
580 — 562
581 — 472 — **724**

582 — 557
583 — 538 — 618
584 — 564
585 — 547
586 — 561
587 — 472
588 — 555 — 616
589 — 545 — 632, **638**
590 — 564 — 595, **604**, 664
591 — 470 — 768
592 — 529 — 598
593 — 529 — **597**, **625**
594 — c. 63
595 — 590
596 — 573
597 — 593 — **626**
598 — 592
599 — 538 — 613, 623
600 — 557 — **640**, **647**, 778, 889
601 — 225
602 — 563
603 — 547
604 — 590 — **627**
605 — 571 — **609**
606 — 572
607 — 575 — 611, **622**, **743**, **746**
608 — 517
609 — 605 — **624**
610 — 571
611 — 607
612 — 575 — **629**
613 — 599
614 — 579 — 699
615 — 540 — **620**
616 — 588
617 — 552
618 — 583
619 — c. 64
620 — 615 — **645**
621 — 579 — 643, 667
622 — 607 — 636
623 — 599
624 — 609 — 751

625 — 593 — 661, **708**, **895**
626 — 597 — **763**, **853**
627 — 604 — 637
628 — 571
629 — 612 — **727**
630 — c. 64
631 — 575 — 809, 812
632 — 589
633 — 304 — 634
634 — 633
635 — 566
636 — 622
637 — 627
638 — 589 — 679
639 — 575 — 648, **649**, 673
640 — 600 — **657**, **676**, 692, **695**, 701, **734**
641 — 543
642 — c. 65
643 — 621
644 — c. 66 — 762
645 — 620 — **674**, 691
646 — 543
647 — 600 — **765**
648 — 639
649 — 639 — **675**
650 — c. 67 — **901**
651 — 494 — **656**, **663**, **672**, 687
652 — 471 — 678, 685
653 — 471 — 654, 659, **660**, **698**, 715
654 — 653
655 — 471
656 — 651 — 662, 666
657 — 640 — 731
658 — 506 — 665
659 — 653
660 — 653 — 668
661 — 625
662 — 656
663 — 651 — **697**
664 — 590
665 — 658
666 — 656
667 — 621

668 — 660
669 — 88 — 670
670 — 669
671 — 426 — 682, 700, **706**
672 — 651 — 681
673 — 639
674 — 645 — 693
675 — 649 — 688
676 — 640 — **686**, **694**
677 — c. 69 — 689
678 — 652
679 — 638
680 — 579 — 683, **726**
681 — 672
682 — 671
683 — 680
684 — 579
685 — 652
686 — 676 — **690**
687 — 651
688 — 675
689 — 677
690 — 686 — **696**, 711, 718, **723**
691 — 645
692 — 640
693 — 674
694 — 676 — **736**
695 — 640 — **720**
696 — 690 — 704, 709, **717**, **730**, **737**, **745**, 831
697 — 663 — 702
698 — 653 — 707, 721
699 — 614
700 — 671
701 — 640
702 — 697
703 — 579
704 — 696
705 — 506 — 712
706 — 671 — **808**
707 — 698
708 — 625 — 764
709 — 696
710 — 575

754 — c. 74
755 — 734 — 800
756 — 750 — **796**, 817
757 — 743
758 — 739 — **792**, 832
759 — 737 — **772**, **782**
760 — 726
761 — 724
762 — 644
763 — 626 — **773**
764 — 708
765 — 647 — 775
766 — 726
767 — 726 — 777
768 — 591
769 — 716
770 — 737
771 — 572 — 783, **791**, 801, **940**
772 — 759 — 781
773 — 763 — 788
774 — c. 76
775 — 765
776 — 734 — 789, 790, **810**
777 — 767
778 — 600
779 — 726
780 — 716 — 829
781 — 772
782 — 759 — 811
783 — 771
784 — 752
785 — 730
786 — 753
787 — 750
788 — 773
789 — 776
790 — 776
791 — 771 — **804**
792 — 758 — 838
793 — c. 78 — 799, **822**, **830**
794 — 737 — 805
795 — 733
796 — 756 — 821, 826

797 — 742
798 — 572
799 — 793
800 — 755
801 — 771
802 — 750 — **815**
803 — 733
804 — 791 — 823
805 — 794
806 — 753 — 814
807 — c. 79 — 819, 843
808 — 706 — **836**
809 — 631
810 — 776 — 818
811 — 782
812 — 631
813 — c. 80
814 — 806
815 — 802 — **827**, 846
816 — c. 82
817 — 756
818 — 810
819 — 807
820 — 723
821 — 796
822 — 793 — 887
823 — 804
824 — 733 — **858**
825 — 719
826 — 796
827 — 815 — 847
828 — 745
829 — 780
830 — 793 — **837**
831 — 696
832 — 758
833 — c. 83 — **841**
834 — 730
835 — c. 85 — 848
836 — 808 — 924
837 — 830 — **855**
838 — 792
839 — 429

840 — 745
841 — 833 — **857**
842 — c. 85 — 845, **874**
843 — 807
844 — c. 87 — 849, 850
845 — 842
846 — 815
847 — 827
848 — 835
849 — 844
850 — 844
851 — c. 88 — **856**, **870**, 873
852 — c. 89 — **862**, **878**
853 — 626 — 868, 871
854 — c. 90 — **860**, **864**, **875**, 883
855 — 837 — 891
856 — 851 — 859
857 — 841 — 863, **865**
858 — 824 — 861
859 — 856
860 — 854 — 867
861 — 858
862 — 852 — 866, 884, 894
863 — 857
864 — 854 — 872
865 — 857 — 885, 892
866 — 862
867 — 860
868 — 853
869 — 132
870 — 851 — **876**, 880
871 — 853
872 — 864
873 — 851
874 — 842 — **886**
875 — 854 — 948
876 — 870 — 881, **896**
877 — c. 90 — 879, **893**
878 — 852 — 882
879 — 877
880 — 870
881 — 876
882 — 878

883 — 854
884 — 862
885 — 865
886 — 874 — 900
887 — 822
888 — c. 90 — **904**
889 — 600
890 — c. 92
891 — 855
892 — 865
893 — 877 — **898**
894 — 862
895 — 625 — 897
896 — 876 — 908
897 — 895
898 — 893 — **920**
899 — c. 92 — 905, 906, 907
900 — 886
901 — 650 — 944
902 — c. 93 — **910**, 911, **913**, 918, 922, 934, 937
903 — c. 93
904 — 888 — 936
905 — 899
906 — 899
907 — 899
908 — 896
909 — c. 93
910 — 902 — 914, 927, 930
911 — 902
912 — 224 — 915, 917
913 — 902 — **916**, 923
914 — 910
915 — 912
916 — 913 — 921
917 — 912
918 — 902
919 — 17 — 926, **928**
920 — 898 — 932
921 — 916
922 — 902
923 — 913
924 — 836
925 — c. 94

926 — 919
927 — 910
928 — 919 — 933
929 — c. 96
930 — 910
931 — c. 97
932 — 920
933 — 928
934 — 902
935 — c. 97 — 938
936 — 904
937 — 902
938 — 935
939 — c. 97
940 — 771 — 942
941 — c. 99
942 — 940
943 — c. 100 — 945, 946
944 — 901
945 — 943
946 — 943
947 — c. 101
948 — 875
949 — c. 101

Схема